Полное Собраніе сочиненій

И. С. Тургенева

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in book pocket

OLNDE-SIBRANIE

PARTIAL TITLE

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

LUX
LIBERTAS

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3420
.A 1
1898
t.4-5

Hidden Curriculum

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
~~SEP 3 0 1979~~	AUG 30 '79		
FEB 3 1980 W	SEP 6 '79		

Form No. 513

POLNOE SOBRANIE
PG3420
.A1
1898
f.4-5

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. С. ТУРГЕНЕВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

Типографія **А. Ф. Маркса**, Ср. Подьяч., № 1.

НОВЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

(НАПИСАНО ВЪ 1876 ГОДУ.)

Часть первая.

„Поднимать слѣдуетъ новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ“.

Изъ записокъ *хозяина-агронома*.

I.

Весною 1868 года, часу въ первомъ дня, въ Петербургѣ, взбирался по черной лѣстницѣ пятиэтажнаго дома въ Офицерской улицѣ человѣкъ лѣтъ двадцати-семи, небрежно и бѣдно одѣтый. Тяжело шлёпая стоптанными калошами, медленно покачивая грузное, неуклюжее тѣло, человѣкъ этотъ достигнулъ наконецъ самаго верха лѣстницы, остановился передъ оборванной полураскрытой дверью — и, не позвонивъ въ колокольчикъ, а только шумно вздохнувъ, ввалился въ небольшую темную переднюю.

— Неждановъ дома? — крикнулъ онъ густымъ и громкимъ голосомъ.

— Его нѣтъ—я здѣсь, войдите,—раздался въ сосѣдней комнатѣ другой, тоже довольно грубоватый женскій голосъ.

— Машурина?—переспросилъ новоприбывшій.

— Она самая и есть.—А вы—Остродумовъ?

— Именъ Остродумовъ,—отвѣчалъ тотъ, и старательно снявъ сперва калоши, а потомъ повѣсивъ на гвоздь

ветхую шинелишку, вошелъ въ комнату, откуда раздался женскій голосъ.

Низкая, неопрятная, со стѣнами выкрашенными мутно-зеленой краской, комната эта едва освѣщалась двумя запыленными окошками. Только и было въ ней мебели, что желѣзная кроватка въ углу, да столъ по серединѣ, да нѣсколько стульевъ, да этажерка, заваленная книгами. — Возлѣ стола сидѣла женщина лѣтъ тридцати, простоволосая, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, и курила папироску. Увидѣвъ вошедшаго Остродумова, она молча подала ему свою широкую красную руку. Тотъ такъ же молча пожалъ ее—и, опустившись на стулъ, досталъ изъ бокового кармана полусломанную сигару. Машурина дала ему огня—онъ закурилъ, и оба, не говоря ни слова и даже не мѣняясь взглядами, принялись пускать струйки синеватаго дыма въ тусклый воздухъ комнаты, уже безъ того достаточно пропитанный имъ.

Въ обоихъ курильщикахъ было нѣчто общее, хотя чертами лица они не походили другъ на друга. Въ этихъ неряшливыхъ фигурахъ съ крупными губами, зубами, носами (Остродумовъ къ тому же еще былъ рябъ), сказывалось что-то честное, и стойкое, и трудолюбивое.

— Видѣли вы Нежданова?—спросилъ наконецъ Остродумовъ.

— Видѣла; онъ сейчасъ придетъ. Книги въ библіотеку понесъ.

Остродумовъ сплюнулъ въ сторону.

— Что это онъ все бѣгать сталъ? Никакъ его не поймаешь.

Машурина достала другую папироску.

— Скучаетъ,—промолвила она, тщательно ее разжигая.

— Скучаетъ!—повторилъ съ укоризной Остродумовъ.— Вотъ баловство! Подумаешь, занятій у насъ съ нимъ нѣту. Тутъ, дай Богъ всѣ дѣла обломать какъ слѣдуетъ — а онъ скучаетъ!

— Письмо изъ Москвы пришло?—спросила Машурина погодя немного.

— Пришло... третьяго дня.

— Вы читали?

Остродумовъ только головой качнулъ.

— Ну... и что же?

— Что̀?—скоро ѣхать надо будетъ.

Машурина вынула папироску изо рта.—Это отчего же? Тамъ, слышно, идетъ все хорошо.

— Идетъ, своимъ порядкомъ. Только человѣкъ одинъ подвернулся ненадежный. Такъ вотъ... смѣстить его надо; а не то и вовсе устранить. Да и другія есть дѣла.—Васъ тоже зовутъ.

— Въ письмѣ?

— Да; въ письмѣ.

Машурина встряхнула своими тяжелыми волосами. Небрежно скрученные сзади въ небольшую косу, они спереди падали ей на лобъ и на брови.

— Ну, что-жъ!—промолвила она:—коли выдетъ распоряженіе—разсуждать тутъ нечего!

— Извѣстно, нечего. Только безъ денегъ никакъ нельзя; а гдѣ ихъ взять, самыя эти деньги?

Машурина задумалась.

— Неждановъ долженъ достать, — проговорила она вполголоса, словно про себя.

— Я за этимъ самымъ и пришелъ,—замѣтилъ Остродумовъ.

— Письмо съ вами?—спросила вдругъ Машурина.

— Со мной. Хотите прочесть?

— Дайте... или нѣтъ, не нужно. Вмѣстѣ прочтемъ... послѣ.

— Вѣрно говорю, — пробурчалъ Остродумовъ: — не сомнѣвайтесь.

— Да я и не сомнѣваюсь.

И оба затихли опять, и только струйки дыма попрежнему бѣжали изъ ихъ безмолвныхъ устъ и поднимались, слабо змѣясь, надъ ихъ волосистыми головами.

Въ передней раздался стукъ калошъ.

— Вотъ онъ!—шепнула Машурина.

Дверь слегка пріотворилась, и въ отверстіе просунулась голова—но только не голова Нежданова.

То была круглая головка съ черными, жесткими волосами, съ широкимъ, морщинистымъ лбомъ, съ карими,

очень живыми глазками подъ густыми бровями, съ утинымъ, кверху вздернутымъ носомъ и маленькимъ, розовымъ, забавно-сложеннымъ ртомъ. Головка эта осмотрѣлась, закивала, засмѣялась—причемъ выказала множество крошечныхъ бѣлыхъ зубковъ—и вошла въ комнату вмѣстѣ со своимъ тщедушнымъ туловищемъ, короткими ручками и немного кривыми, немного хромыми ножками. И Машурина и Остродумовъ, какъ только увидали эту головку, оба выразили на лицахъ своихъ нѣчто въ родѣ снисходительнаго презрѣнія, точно каждый изъ нихъ внутренно произнесъ: „А! *этотъ!*"—и не проронили ни единаго слова, даже не пошевельнулись. Впрочемъ, оказанный ему пріемъ не только не смутилъ новопоявившагося гостя, но, кажется, доставилъ ему нѣкоторое удовлетвореніе.

— Что сіе означаетъ?—произнесъ онъ пискливымъ голоскомъ.—Дуэтъ? Отчего же не тріо? И гдѣ же главный теноръ?

— Вы это о Неждановѣ любопытствуете, г-нъ Паклинъ?—проговорилъ съ серьезнымъ видомъ Остродумовъ.

— Точно такъ, г-нъ Остродумовъ: о немъ.

— Онъ вѣроятно скоро прибудетъ, г-нъ Паклинъ.

— Это очень пріятно слышать, г-нъ Остродумовъ.

Хроменькій человѣкъ обратился къ Машуриной. Она сидѣла, насупившись—и продолжала, не спѣша, попыхивать изъ папироски.

— Какъ вы поживаете, любезнѣйшая.. любезнѣйшая... Вѣдь вотъ, какъ это досадно! Всегда я забываю, какъ васъ по имени и по отчеству!

Машурина пожала плечами.

— И совсѣмъ это не нужно знать! Вамъ моя фамилія извѣстна. Чего же больше! — И что за вопросъ: какъ вы поживаете?—Развѣ вы не видите, что я живу?

— Совершенно, совершенно справедливо!—воскликнулъ Паклинъ, раздувая ноздри и подергивая бровями: — не были бы вы живы — вашъ покорный слуга не имѣлъ бы удовольствія васъ здѣсь видѣть и бесѣдовать съ вами!— Припишите мой вопросъ застарѣло-дурной привычкѣ. Вотъ и насчетъ имени и отчества... Знаете: какъ-то не-

ловко говорить прямо: Машурина!—Мнѣ, правда, извѣстно, что вы и подъ письмами вашими иначе не подписываетесь, какъ: Бонапартъ! — тó бишь: Машурина! — Но все-таки, въ разговорѣ...

— Да кто васъ проситъ со мной разговаривать?

Паклинъ засмѣялся нервически, какъ бы захлебываясь.

— Ну, полноте, милая, голубушка, дайте вашу руку, не сердитесь, вѣдь я знаю: вы предобрая — и я тоже добрый... Ну?..

Паклинъ протянулъ руку... Машурина посмотрѣла на него мрачно—однако подала ему свою.

— Если вамъ непремѣнно нужно знать мое имя,—промолвила она все съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ—извольте: меня зовутъ Ѳеклой.

— А меня—Пименомъ,—прибавилъ басомъ Остродумовъ

— Ахъ! это очень... очень поучительно! Но въ такомъ случаѣ скажите мнѣ, о, Ѳекла! и вы, о, Пименъ! скажите мнѣ, отчего вы оба такъ недружелюбно, такъ постоянно-недружелюбно относитесь ко мнѣ, между тѣмъ какъ я...

— Машурина находитъ, — перебилъ Остродумовъ: — и не она одна это находитъ — что, такъ какъ вы на всѣ предметы смотрите съ ихъ смѣшной стороны, то и положиться на васъ нельзя.

Паклинъ круто повернулся на каблукахъ.

— Вотъ она, вотъ постоянная ошибка людей, которые обо мнѣ судятъ, почтеннѣйшій Пименъ! Во-первыхъ: я не всегда смѣюсь; а во-вторыхъ—это ничему не мѣшаетъ и положиться на меня можно, что и доказывается лестнымъ довѣріемъ, которымъ я не разъ пользовался въ вашихъ же рядахъ! Я честный человѣкъ, почтеннѣйшій Пименъ!

Остродумовъ промычалъ что-то сквозь зубы, а Паклинъ покачалъ головою и повторилъ, уже безъ всякой улыбки:

— Нѣтъ! я не всегда смѣюсь! Я вовсе не веселый человѣкъ! Вы посмотрите-ка на меня!

Остродумовъ посмотрѣлъ на него.—Дѣйствительно, когда Паклинъ не смѣялся, когда онъ молчалъ, лицо его принимало выраженіе почти унылое, почти запуганное: оно становилось забавнымъ и даже злымъ, какъ только онъ

раскрывалъ ротъ. Остродумовъ однако ничего не сказалъ.

Паклинъ снова обратился къ Машуриной.

— Ну, а ученіе какъ подвигается? Дѣлаете вы успѣхи въ вашемъ истинно-человѣколюбивомъ искусствѣ? Чай, штука трудная — помогать неопытному гражданину при его первомъ вступленіи на свѣтъ Божій?

— Ничего, труда нѣтъ, коли онъ не много больше васъ ростомъ,—отвѣтила Машурина, только-что сдавшая экзаменъ на повивальную бабушку,—и самодовольно ухмыльнулась. Года полтора тому назадъ, она, бросивъ свою родную, дворянскую, небогатую семью въ южной Россіи, прибыла въ Петербургъ съ шестью цѣлковыми въ карманѣ; поступила въ родовспомогательное заведеніе и безустаннымъ трудомъ добилась желаннаго аттестата. Она была дѣвица... и очень цѣломудренная дѣвица. Дѣло не удивительное! скажетъ иной скептикъ, вспомнивъ то, что было сказано объ ея наружности. Дѣло удивительное и рѣдкое! позволимъ себѣ сказать мы.

Услышавъ ея отповѣдь, Паклинъ снова разсмѣялся.

— Вы молодецъ, моя милая!—воскликнулъ онъ.—Славно меня отбрили! По-дѣлòмъ мнѣ! Зачѣмъ я такимъ карликомъ остался! Однако, гдѣ же это пропадаетъ нашъ хозяинъ?

Паклинъ не безъ умысла перемѣнилъ предметъ разговора. Онъ никакъ не могъ помириться съ крохотнымъ своимъ ростомъ, со всей своей невзрачной фигуркой. Это было ему тѣмъ чувствительнѣе, что онъ страстно любилъ женщинъ. Чего бы онъ не далъ, чтобъ нравиться имъ! Сознаніе своей мизерной наружности гораздо больнѣе грызло его, чѣмъ его низменное происхожденіе, чѣмъ незавидное положеніе его въ обществѣ. Отецъ Паклина былъ простой мѣщанинъ, дослужившійся всякими неправдами до чина титулярнаго совѣтника, ходòкъ по тяжебнымъ дѣламъ, аферистъ. Онъ управлялъ имѣніями, домами, и зашибъ-таки копейку; но сильно пилъ подъ конецъ жизни и ничего не оставилъ послѣ своей смерти. Молодой Паклинъ (звали его: Сила... Сила Самсонычъ,—чтò онъ также считалъ насмѣшкой надъ собою)—воспитывался въ коммерческомъ училищѣ, гдѣ отлично выучился нѣмецкому языку.

Послѣ различныхъ, довольно тяжелыхъ передрягъ, онъ попалъ, наконецъ, въ частную контору на 1,500 р. с. годового содержанія. Этими деньгами онъ кормилъ себя, больную тетку, да горбатую сестру. Во время нашего разсказа ему только-что пошелъ 28-й годъ. Паклинъ знался со множествомъ студентовъ, молодыхъ людей, которымъ онъ нравился своей цинической бойкостью, веселой желчью самоувѣренной рѣчи, односторонней, но несомнѣнной начитанностью, безъ педантизма. Лишь изрѣдка ему доставалось отъ нихъ. Разъ онъ какъ-то опоздалъ на политическую сходку... Войдя, онъ тотчасъ началъ торопливо извиняться...—„Трусоватъ былъ Паклинъ бѣдный"—запѣлъ кто-то въ углу—и всѣ расхохотались. Паклинъ наконецъ засмѣялся самъ, хоть и скребло у него на сердцѣ. „Правду сказалъ, мошенникъ!" — подумалъ онъ про себя. Съ Неждановымъ онъ познакомился въ греческой кухмистерской, куда ходилъ обѣдать, и гдѣ выражалъ подчасъ весьма свободныя и рѣзкія мнѣнія. Онъ увѣрялъ, что главной причиной его демократическаго настроенія была скверная греческая кухня, которая раздражала его печень.

— Да... именно... гдѣ пропадаетъ нашъ хозяинъ? — повторилъ Паклинъ.—Я замѣчаю: онъ съ нѣкоторыхъ поръ словно не въ духѣ. Ужъ не влюбленъ ли онъ, Боже сохрани?

Машурина нахмурилась.

— Онъ пошелъ въ библіотеку за книгами,—а влюбляться ему некогда и не въ кого.

„А въ васъ?" чуть-было не сорвалось съ губъ у Паклина.

— Я потому желаю его видѣть,—промолвилъ онъ громко: — что мнѣ нужно переговорить съ нимъ по одному важному дѣлу.

— По какому это дѣлу?—вмѣшался Остродумовъ.—По нашему?

— А можетъ быть и по вашему... т.-е., по нашему, общему.

Остродумовъ хмыкнулъ. Въ душѣ онъ усомнился, но тутъ же подумалъ: „А чортъ его знаетъ! Вишь онъ какой пролазъ!"

— Да вотъ онъ идетъ наконецъ,—проговорила вдругъ Машурина — и въ ея маленькихъ, некрасивыхъ глазахъ,

устремленныхъ на дверь передней, промелькнуло что-то теплое и нѣжное, какое-то свѣтлое, глубокое, внутреннее пятнышко.

Дверь отворилась, и на этотъ разъ, съ картузомъ на головѣ, со связкой книгъ подъ мышкой, вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-трехъ, самъ Нежданов.

II.

При видѣ гостей, находившихся въ его комнатѣ, онъ остановился на порогѣ двери, обвелъ ихъ всѣхъ глазами, сбросилъ картузъ, уронилъ книги прямо на полъ—и молча, добравшись до кровати, прикорнулъ на ея краѣ. Его красивое бѣлое лицо, казавшееся еще бѣлѣе отъ темнокраснаго цвѣта волнистыхъ рыжихъ волосъ, выражало неудовольствіе и досаду.

Машурина слегка отвернулась и закусила губу; Остродумовъ проворчалъ:

— Наконецъ-то!

Паклинъ первый приблизился къ Нежданову.

— Что съ тобой, Алексѣй Дмитріевичъ, россійскій Гамлетъ? Огорчилъ кто тебя? Или такъ—безъ причины—взгрустнулось?

— Перестань пожалуйста, россійскій Мефистофель,—отвѣчалъ раздраженно Нежданов. — Мнѣ не до того, чтобы препираться съ тобою плоскими остротами.

Паклинъ засмѣялся.

— Ты неточно выражаешься: коли о̀стро, такъ не плоско, коли плоско, такъ не о́стро.

— Ну, хорошо, хорошо... Ты, извѣстно, умница.

— А ты въ нервозномъ состояньи,—произнесъ съ разстановкою Паклинъ.—Али въ самомъ дѣлѣ что случилось?

— Ничего не случилось особеннаго; — а случилось то, что нельзя носа на улицу высунуть, въ этомъ гадкомъ городѣ, въ Петербургѣ, чтобъ не наткнуться на какую-нибудь пошлость, глупость, на безобразную несправедливость, на чепуху! Жить здѣсь больше невозможно.

— То-то ты въ газетахъ публиковалъ, что ищешь кондиціи и согласенъ на отъѣздъ,—проворчалъ опять Остродумовъ.

— И конечно; съ величайшимъ удовольствіемъ уѣду отсюда! Лишь бы нашелся дуракъ—мѣсто предложилъ!

— Сперва надо *здѣсь* свою обязанность исполнить,— значительно проговорила Машурина, не переставая глядѣть въ сторону.

— То-есть?—спросилъ Неждановъ, круто обернувшись къ ней. Машурина стиснула губы.

— Вамъ Остродумовъ скажетъ.

Неждановъ обернулся къ Остродумову. Но тотъ только крякнулъ и откашлялся:—„погоди-молъ".

— Нѣтъ, не шутя, въ самомъ дѣлѣ,—вмѣшался Паклинъ:—ты узналъ что-нибудь, непріятность какую!

Неждановъ подскочилъ на постели, словно его что̀ подбросило.

— Какая тебѣ еще непріятность нужна?—закричалъ онъ внезапно зазвенѣвшимъ голосомъ.—Полъ-Россіи съ голода помираетъ. „Московскія Вѣдомости" торжествуютъ, классицизмъ хотятъ ввести, студенческія кассы запрещаются, вездѣ шпіонство, притѣсненія, доносы, ложь и фальшь—шагу намъ ступить некуда... а ему все мало, онъ ждетъ еще новой непріятности, онъ думаетъ, что я шучу... Басанова арестовали,—прибавилъ онъ, нѣсколько понизивъ тонъ:—мнѣ въ библіотекѣ сказывали.

Остродумовъ и Машурина оба разомъ приподняли головы.

— Любезный другъ, Алексѣй Дмитріевичъ,—началъ Паклинъ:—ты взволнованъ—дѣло понятное... Да развѣ ты забылъ, въ какое время и въ какой странѣ мы живемъ?— Вѣдь у насъ утопающій самъ долженъ сочинить ту соломинку, за которую ему приходится ухватиться!—Гдѣ ужъ тутъ миндальничать?! Надо, братъ, чорту въ глаза умѣть смотрѣть, а не раздражаться по-ребячьи...

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста!—перебилъ тоскливо Неждановъ, и даже сморщился, словно отъ боли.—Ты, извѣстное дѣло, энергическій мужчина,—ты ничего и никого не боишься...

— Я-то никого не боюсь?!—началъ-было Паклинъ...

— Кто только могъ выдать Басанова?—продолжалъ Неждановъ:—не понимаю!

— А извѣстное дѣло — пріятель. — Они на это молодцы,—пріятели-то. Съ ними держи ухо востро! Былъ у меня, напримѣръ, пріятель—и, казалось, хорошій человѣкъ: такъ обо мнѣ заботился, о моей репутаціи! Бывало, смотришь: идетъ ко мнѣ...—„Представьте“, кричитъ: „какую объ васъ глупую клевету распустили: увѣряютъ, что вы вашего родного дядюшку отравили, что васъ ввели въ одинъ домъ, а вы сейчасъ къ хозяйкѣ сѣли спиной— и такъ весь вечеръ и просидѣли! И ужъ плакала она, плакала отъ обиды.—Вѣдь этакая чепуха! этакая нелѣпица! Какіе дураки могутъ этому повѣрить!“—И что же? Годъ спустя, разссорился я съ этимъ самымъ пріятелемъ... И пишетъ онъ мнѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ: „Вы, который уморили своего дядю!—Вы, который не устыдились оскорбить почтенную даму, сѣвши къ ней спиной!..“ и т. д., и т. д.—Вотъ каковы пріятели!

Остродумовъ переглянулся съ Машуриной.

— Алексѣй Дмитріевичъ!—брякнулъ онъ своимъ тяжелымъ басомъ,—онъ явно желалъ прекратить возникавшее безполезное словоизверженіе:—отъ Василія Николаевича письмо изъ Москвы пришло.

Неждановъ слегка дрогнулъ и потупился.

— Что̀ онъ пишетъ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Да вотъ... намъ вотъ съ ней... — Остродумовъ указалъ бровями на Машурину:—ѣхать надо.

— Какъ? и ее зовутъ?

— Зовутъ и ее.

— Зачѣмъ же дѣло стало!

— Да извѣстно зачѣмъ... за деньгами.

Неждановъ поднялся съ кровати и подошелъ къ окну.

— Много нужно?

— Пятьдесятъ рублей... Меньше нельзя.

Неждановъ помолчалъ.

— У меня теперь ихъ нѣтъ, — прошепталъ онъ наконецъ, постукивая пальцами по стеклу: — но... я могу достать. Я достану. Письмо у тебя?

— Письмо-то? Оно... то-есть... конечно...

— Да что вы все отъ меня хоронитесь?—воскликнулъ

Паклинъ. — Неужто я не заслужилъ вашего довѣрія? — Если бы я даже не вполнѣ сочувствовалъ... тому, что вы предпринимаете,—неужто же вы полагаете, что я въ состояніи измѣнить или разболтать?

— Безъ умысла... пожалуй!—пробасилъ Остродумовъ.

— Ни съ умысломъ, ни безъ умысла!—Вотъ, г-жа Машурина глядитъ на меня и улыбается... а я скажу...

— Я нисколько не улыбаюсь,—окрысилась Машурина.

— А я скажу, — продолжалъ Паклинъ: — что у васъ, господа, чутья нѣтъ; что вы не умѣете различить, кто ваши настоящіе друзья! Человѣкъ смѣется, вы и думаете: онъ несерьёзный...

— А то небось нѣтъ?—вторично окрысилась Машурина.

— Вы, вотъ, напримѣръ,—подхватилъ съ новой силой Паклинъ, на этотъ разъ даже не возражая Машуриной:— вы нуждаетесь въ деньгахъ... а у Нежданова ихъ теперь нѣтъ... Такъ я могу дать.

Неждановъ быстро отвернулся отъ окна.

— Нѣтъ... нѣтъ... это къ чему же? Я достану... Я возьму часть пенсіи впередъ... Помнится, *они* остались мнѣ должны. А вотъ что, Остродумовъ: покажи-ка письмо.

Остродумовъ остался сперва нѣкоторое время неподвижнымъ; потомъ осмотрѣлся кругомъ; потомъ всталъ, нагнулся всѣмъ тѣломъ, и, засучивъ панталоны, вытащилъ изъ-за голенища сапога тщательно сложенный клочокъ синей бумаги; вытащивъ этотъ клочокъ, неизвѣстно зачѣмъ подулъ на него и подалъ Нежданову.

Тотъ взялъ бумажку, развернулъ ее, прочелъ внимательно и передалъ Машуриной... Та сперва встала со стула, потомъ тоже прочла и возвратила бумажку Нежданову, хотя Паклинъ протягивалъ за нею руку. Неждановъ пожалъ плечомъ и передалъ таинственное письмо Паклину. Паклинъ въ свою очередь пробѣжалъ глазами бумажку и, многозначительно сжавъ губы, торжественно и тихо положилъ ее на столъ. Тогда Остродумовъ взялъ ее, зажегъ большую спичку, распространившую сильный запахъ сѣры, и сперва высоко поднявъ бумажку надъ головою, какъ бы показывая ее всѣмъ присутствующимъ,

сжегъ ее до тла на спичкѣ, не щадя своихъ пальцевъ, и бросилъ пепелъ въ печку. Никто не произнесъ слова, никто даже не пошевелился въ теченіе этой операціи. Глаза у всѣхъ были опущены. Остродумовъ имѣлъ видъ сосредоточенный и дѣльный, лицо Нежданова казалось злымъ, въ Паклинѣ проявилось напряженіе; Машурина— священнодѣйствовала.

Такъ прошло минуты двѣ... Потомъ всѣмъ стало немного неловко. Паклинъ первый почувствовалъ необходимость нарушить безмолвіе.

— Такъ что̀ же? — началъ онъ. — Принимается моя жертва на алтарь отечества или нѣтъ? Позволяется мнѣ поднести, если не всѣ пятьдесятъ, то хоть двадцать пять или тридцать рублей на общее дѣло?

Неждановъ вдругъ вспыхнулъ весь. Казалось, въ немъ накипѣла досада... Торжественное сжиганіе письма ея не уменьшило,—она ждала только предлога, чтобы вырваться наружу.

— Я уже сказалъ тебѣ, что это не нужно, не нужно... не нужно! Я этого не допущу и не приму. Я достану деньги, я сейчасъ же ихъ достану. Я не нуждаюсь ни въ чьей помощи!

— Ну, братъ,—промолвилъ Паклинъ:—я вижу: ты хоть и революціонеръ, а не демократъ!

— Скажи прямо, что я аристократъ!

— Да ты и точно аристократъ... до нѣкоторой степени.

Неждановъ принужденно засмѣялся.

— То-есть, ты хочешь намекнуть на то, что я незаконный сынъ. Напрасно трудишься, любезный... Я и безъ тебя этого не забываю.

Паклинъ всплеснулъ руками.

— Алёша, помилуй, что съ тобою! Какъ можно такъ понимать мои слова! Я не узнаю тебя сегодня. — Неждановъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе головой и плечами.— Арестъ Басанова тебя разстроилъ, но вѣдь онъ самъ такъ неосторожно велъ себя...

— Онъ не скрывалъ своихъ убѣжденій,—сумрачно вмѣшалась Машурина:—не намъ его осуждать!

— Да; только ему слѣдовало бы тоже подумать о другихъ, которыхъ онъ теперь скомпрометировать можетъ.

— Почему вы такъ о немъ полагаете?.. — загудѣлъ въ свою очередь Остродумовъ:—Басановъ человѣкъ съ характеромъ твердымъ; онъ никого не выдастъ. А что до осторожности... знаете что̀? Не всякому дано быть осторожнымъ, г-нъ Паклинъ!

Паклинъ обидѣлся и хотѣлъ-было возразить, но Неждановъ остановилъ его.

— Господа! — воскликнулъ онъ: — сдѣлайте одолженіе, бросимте на время политику!

Наступило молчаніе.

— Я сегодня встрѣтилъ Скоропихина,—заговорилъ наконецъ Паклинъ:—нашего всеро́ссійскаго критика и эстетика, и энтузіаста. Что за несносное созданіе! Вѣчно закипаетъ и шипитъ, ни дать ни взять бутылка дрянныхъ кислыхъ щей... Половой на бѣгу заткнулъ ее пальцемъ вмѣсто пробки, въ горлышкѣ застрялъ пухлый изюмъ— она все брызжетъ и свиститъ—а какъ вылетитъ изъ нея вся пѣна—на днѣ остается всего нѣсколько капель прескверной жидкости, которая не только не утоляетъ ничьей жажды, но причиняетъ одну лишь рѣзь... Превредный для молодыхъ людей индивидуй!

Сравненіе, употребленное Паклинымъ, хотя вѣрное и мѣткое, не вызвало улыбки ни на чьемъ лицѣ. Одинъ Остродумовъ замѣтилъ, что о молодыхъ людяхъ, которые способны интересоваться эстетикой, жалѣть нечего, даже если Скоропихинъ и собьетъ ихъ съ толку.

— Но помилуйте, постойте, — воскликнулъ съ жаромъ Паклинъ; онъ тѣмъ болѣе горячился, чѣмъ менѣе встрѣчалъ себѣ сочувствія:—тутъ вопросъ, положимъ, не политическій, но все-таки важный. Послушать Скоропихина, всякое старое художественное произведеніе ужъ по тому самому не годится никуда, что оно старо... Да въ такомъ случаѣ, художество, искусство вообще—не что иное какъ мода — и говорить серьезно о немъ не сто̀итъ! Если въ немъ нѣтъ ничего незыблемаго, вѣчнаго — такъ чортъ съ нимъ! Въ наукѣ, въ математикѣ, напримѣръ: не считаете

же вы Эйлера, Лапласа, Гаусса за отжившихъ пошляковъ? Вы готовы признать ихъ авторитетъ, а Рафаэль или Моцартъ — дураки? И ваша гордость возмущается противъ ихъ авторитета? Законы искусства труднѣе уловить, чѣмъ законы науки... согласенъ; но они существуютъ — и кто ихъ не видитъ, тотъ слѣпецъ; добровольный или недобровольный—все равно!

Паклинъ умолкъ... и никто ничего не промолвилъ, точно всѣ въ ротъ воды набрали—точно всѣмъ было немножко совѣстно за него. Одинъ Остродумовъ проворчалъ:

— И все-таки я тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ сбиваетъ Скоропихинъ,—нисколько не жалѣю.

„А ну васъ съ Богомъ!“ подумалъ Паклинъ. „Уйду!“

Онъ пришелъ-было къ Нежданову съ тѣмъ, чтобы сообщить ему свои соображенія насчетъ доставки „Полярной Звѣзды“ изъ-за границы („Колоколъ“ уже не существовалъ) — но разговоръ принялъ такой оборотъ, что лучше было и не поднимать этого вопроса. Паклинъ уже взялся за шапку, какъ вдругъ, безъ всякаго предварительнаго шума и стука, въ передней раздался удивительно пріятный, мужественный и сочный баритонъ, отъ самаго звука котораго вѣяло чѣмъ-то необыкновенно-благороднымъ, благовоспитаннымъ и даже благоуханнымъ.

— Господинъ Неждановъ дома?

Всѣ переглянулись въ изумленіи.

— Дома господинъ Неждановъ?—повторилъ баритонъ.

— Дома,—отвѣчалъ наконецъ Неждановъ.

Дверь отворилась скромно и плавно, и медленно снимая вылощенную шляпу съ благообразной, коротко остриженной головы, въ комнату вошелъ мужчина лѣтъ подъ-сорокъ, высокаго росту, стройный и величавый. Одѣтый въ прекраснѣйшее драповое пальто съ превосходнѣйшимъ бобровымъ воротникомъ, хотя апрѣль мѣсяцъ уже близился къ концу — онъ поразилъ всѣхъ, Нежданова, Паклина, даже Машурину... даже Остродумова! — изящной самоувѣренностью осанки и ласковымъ спокойствіемъ привѣта. Всѣ невольно поднялись при его появленіи.

III.

Изящный мужчина подошелъ къ Нежданову и, благосклонно осклабясь, проговорилъ: „Я уже имѣлъ удовольствіе встрѣтиться и даже бесѣдовать съ вами, г-нъ Неждановъ, третьяго дня, если изволите припомнить—въ театрѣ. (Посѣтитель остановился, какъ бы выжидая; Неждановъ слегка кивнулъ головою и покраснѣлъ.) — Да!.. а сегодня я явился къ вамъ вслѣдствіе объявленія, помѣщеннаго вами въ газетахъ. Я бы желалъ переговорить съ вами, если только не стѣсню гг. присутствующихъ... (Посѣтитель поклонился Машуриной и повелъ рукой, облеченной въ сѣроватую шведскую перчатку, въ направленіи Паклина и Остродумова)—и не помѣшаю имъ...“

— Нѣтъ... отчего же... — отвѣчалъ не безъ нѣкотораго труда Неждановъ.—Эти господа позволятъ... Не угодно ли вамъ присѣсть?

Посѣтитель пріятно перегнулъ станъ, и, любезно взявшись за спинку стула, приблизилъ его къ себѣ, но не сѣлъ—такъ какъ всѣ въ комнатѣ стояли,—а только повелъ кругомъ своими свѣтлыми, хотя и полузакрытыми глазами.

— Прощайте, Алексѣй Дмитричъ,—проговорила вдругъ Машурина:—я зайду послѣ.

— И я,—прибавилъ Остродумовъ.—Я тоже... послѣ.

Минуя посѣтителя, и какъ бы въ пику ему, Машурина взяла руку Нежданова, сильно тряхнула ее и пошла вонъ, никому не поклонившись. Остродумовъ отправился вслѣдъ за нею, безъ нужды стуча сапогами и даже фыркнувъ раза два: „вотъ-молъ тебѣ, бобровый воротникъ!“ Посѣтитель проводилъ ихъ обоихъ учтивымъ, слегка любопытнымъ взоромъ. Онъ устремилъ его потомъ на Паклина, какъ бы ожидая, что и тотъ послѣдуетъ примѣру двухъ удалившихся гостей; но Паклинъ, на лицѣ котораго, съ самаго появленія незнакомца, засвѣтилась особенная сдержанная улыбка, отошелъ въ сторону и пріютился въ уголку. Тогда посѣтитель опустился на стулъ. Неждановъ сѣлъ тоже.

— Моя фамилія — Сипягинъ, можетъ-быть, слыхали,— съ горделивой скромностью началъ посѣтитель.

Но прежде слѣдуетъ разсказать, какимъ образомъ Нежданов встрѣтился съ нимъ въ театрѣ.

По случаю пріѣзда Садовскаго изъ Москвы, давали пьесу Островскаго: „Не въ свои сани не садись". Роль Русакова была, какъ извѣстно, одной изъ любимыхъ ролей знаменитаго актера. Передъ обѣдомъ Нежданов зашелъ въ кассу, гдѣ засталъ довольно много народу. Онъ собирался взять билетъ въ партеръ; — но въ ту минуту какъ онъ подходилъ къ отверстію кассы, стоявшій за нимъ офицеръ закричалъ кассиру, протягивая черезъ голову Нежданова три рублевыхъ ассигнаціи: „Имъ (т.-е. Нежданову) вѣроятно придется получать сдачу — а мнѣ не надо;—такъ вы дайте мнѣ, пожалуйста, поскорѣй билетъ въ первомъ ряду... мнѣ къ спѣху!" — „Извините, г-нъ офицеръ,—промолвилъ рѣзкимъ голосомъ Нежданов:—я самъ желаю взять билетъ въ первомъ ряду",—и тутъ же бросилъ въ окошко три рубля — весь свой наличный капиталъ. Кассиръ выдалъ ему билетъ — и вечеромъ Нежданов очутился въ аристократическомъ отдѣленіи Александринскаго театра.

Онъ былъ плохо одѣтъ, безъ перчатокъ, въ нечищенныхъ сапогахъ — чувствовалъ себя смущеннымъ и досадовалъ на себя за самое это чувство. Возлѣ него, съ правой стороны, сидѣлъ усѣянный звѣздами генералъ; — съ лѣвой—тотъ самый изящный мужчина, тайный совѣтникъ Сипягинъ, появленіе котораго, два дня спустя, такъ взволновало Машурину и Остродумова. Генералъ изрѣдка взглядывалъ на Нежданова, какъ на нѣчто неприличное, неожиданное и даже оскорбительное; Сипягинъ, напротивъ, бросалъ на него хотя косвенные, но не враждебные взоры.—Всѣ лица, окружавшія Нежданова, казались, во-первыхъ, болѣе особами, нежели лицами; во-вторыхъ, они всѣ очень хорошо знали другъ друга и мѣнялись короткими разговорами, словами или даже простыми восклицаніями и привѣтами — иные опять-таки черезъ голову Нежданова; а онъ сидѣлъ неподвижно и неловко въ своемъ широкомъ, покойномъ креслѣ—точно парія какой. Горько и стыдно, и скверно было у него на душѣ; мало насла-

ждался онъ комедіей Островскаго и игрою Садовскаго. И вдругъ—о, чудо!—во время одного антракта, сосѣдъ его съ лѣвой стороны—не звѣздоносный генералъ, а другой, безъ всякаго знака отличія на груди,—заговорилъ съ нимъ учтиво и мягко, съ какой-то заискивавшей снисходительностью. Онъ заговорилъ о піесѣ Островскаго, желая узнать отъ Нежданова, какъ отъ „одного изъ представителей молодого поколѣнія",—какое было его мнѣніе о ней? Изумленный, чуть не испуганный, Неждановъ отвѣчалъ сперва отрывисто и односложно... даже сердце у него застучало; но потомъ ему стало досадно на себя: съ чего это онъ волнуется? Не такой же ли онъ человѣкъ, какъ всѣ? И онъ пустился излагать свое мнѣніе, не стѣсняясь, безъ утайки, подъ-конецъ даже такъ громко и съ такимъ увлеченіемъ, что явно обезпокоивалъ сосѣда-звѣздоносца. Неждановъ былъ горячимъ поклонникомъ Островскаго; — но при всемъ уваженіи къ таланту, выказанному авторомъ въ комедіи: „Не въ свои сани не садись", не могъ одобрить въ ней явное желаніе унизить цивилизацію въ карикатурномъ лицѣ Вихорева. — Учтивый сосѣдъ слушалъ его съ большимъ вниманіемъ, съ участіемъ—и въ слѣдующій антрактъ заговорилъ съ нимъ опять, но уже не о комедіи Островскаго, а вообще о разныхъ житейскихъ, научныхъ и даже политическихъ предметахъ. Онъ, очевидно, интересовался своимъ молодымъ и краснорѣчивымъ собесѣдникомъ. Неждановъ, попрежнему, не только не стѣснялся, но даже нѣсколько наддавалъ, какъ говорится, пару. „Коли, молъ, любопытствуешь,—такъ нà же вотъ!" Въ сосѣдѣ-генералѣ онъ возбуждалъ уже не простое безпокойство, а негодованіе и подозрительность. По окончаніи піесы, Синягинъ весьма благосклонно распростился съ Неждановымъ — но не пожелалъ узнать его фамилію и самъ не назвалъ себя. Дожидаясь кареты на лѣстницѣ, онъ столкнулся съ хорошимъ своимъ пріятелемъ, флигель-адъютантомъ княземъ Г. — Я смотрѣлъ на тебя изъ ложи, — сказалъ ему князь, посмѣиваясь сквозь раздушенные усы: — знаешь ли ты, съ кѣмъ ты это бесѣдовалъ? — Нѣтъ, не знаю; а ты? — Не глупый, небось, ма-

лый, а? — Очень неглупый: кто онъ такой? — Тутъ князь наклонился ему на ухо и шепнулъ по-французски: — Мой братъ. Да; онъ мой братъ. Побочный сынъ моего отца... зовутъ его Неждановымъ. Я тебѣ когда-нибудь разскажу... Отецъ никакъ этого не ожидалъ, оттого онъ и Неждановымъ его прозвалъ. Однако устроилъ его судьбу... il lui a fait un sort... Мы выдаемъ ему пенсію. Малый съ головой... получилъ, опять-таки по милости отца, хорошее воспитаніе. Только совсѣмъ съ толку сбился, республиканецъ какой-то... Мы его не принимаемъ... Il est impossible! Однако прощай; мою карету кричатъ. — Князь удалился, а на слѣдующій день Сипягинъ прочелъ въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ объявленіе, помѣщенное Неждановымъ—и поѣхалъ къ нему...

— Моя фамилія—Сипягинъ,—говорилъ онъ Нежданову, сидя передъ нимъ на соломенномъ стулѣ и озирая его своимъ внушительнымъ взглядомъ:—я узналъ изъ газетъ, что вы желаете ѣхать на кондицію, и я пришелъ къ вамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ. Я женатъ; у меня одинъ сынъ—девяти лѣтъ; мальчикъ, скажу прямо, очень даровитый. Бо̀льшую часть лѣта и осени мы проводимъ въ деревнѣ, въ С....ой губерніи, въ пяти верстахъ отъ губернскаго города. Такъ вотъ: не угодно ли вамъ будетъ ѣхать туда съ нами на время вакаціи, учить моего сына россійскому языку и исторіи — тѣмъ предметамъ, о которыхъ вы упоминаете въ вашемъ объявленіи? Смѣю думать, что вы останетесь довольны мною, моимъ семействомъ и самымъ мѣстоположеніемъ усадьбы. Прекрасный садъ, рѣка, воздухъ хорошій, помѣстительный домъ... Согласны вы? Въ такомъ случаѣ остается только узнать ваши условія, хотя я не полагаю,—прибавилъ Сипягинъ съ легкой ужимкой:—чтобы на этотъ счетъ могли возникнуть у насъ съ вами какія-либо затрудненія.

Во все время, пока Сипягинъ говорилъ, Неждановъ неотступно глядѣлъ на него, на его небольшую, нѣсколько назадъ закинутую головку, на его узкій и низкій, но умный лобъ, тонкій римскій носъ, пріятные глаза, правильныя губы, съ которыхъ такъ и лилась умильная рѣчь, на

его длинные, на англійскій манеръ висячіе бакены—глядѣлъ и недоумѣвалъ. — „Что это такое? думалъ онъ. Зачѣмъ этотъ человѣкъ словно заискиваетъ во мнѣ? Этотъ аристократъ — и я?! — Какъ мы сошлись? И что̀ его привело ко мнѣ?“

Онъ до того погрузился въ свои думы, что не разинулъ рта даже тогда, когда Сипягинъ, окончивъ свою рѣчь, умолкъ, ожидая отвѣта. Сипягинъ скользнулъ взглядомъ въ уголъ, гдѣ, пожирая его глазами не хуже Нежданова, пріютился Паклинъ.—Ужъ не присутствіе ли этого третьяго лица мѣшало Нежданову высказаться?—Сипягинъ возвелъ брови горѣ, какъ бы подчиняясь странности той обстановки, въ которую попалъ, по собственной, впрочемъ, волѣ,—и, вслѣдъ за бровями возвысивъ голосъ, повторилъ свой вопросъ.

Неждановъ встрепенулся.

— Конечно,—заговорилъ онъ нѣсколько уторопленнымъ образомъ: — я... согласенъ... съ охотой... хотя я долженъ признаться... что не могу не чувствовать нѣкотораго удивленія... такъ какъ у меня нѣтъ никакой рекомендаціи... да и самыя мнѣнія, которыя я высказалъ третьяго дня въ театрѣ, должны были скорѣй отклонить васъ...

— Въ этомъ вы совершенно ошибаетесь, любезный Алексѣй... Алексѣй Дмитричъ! такъ, кажется? — промолвилъ, осклабясь, Сипягинъ. — Я, смѣю сказать, извѣстенъ какъ человѣкъ убѣжденій либеральныхъ, прогрессивныхъ; и напротивъ, ваши мнѣнія, за устраненіемъ всего того, что̀ въ нихъ свойственно молодости, склонной—не взыщите!—къ нѣкоторому преувеличенію—эти ваши мнѣнія нисколько не противорѣчатъ моимъ—и даже нравятся мнѣ своимъ юношескимъ жаромъ!

Сипягинъ говорилъ безъ малѣйшей запинки: какъ медъ по маслу катилась его круглая, плавная рѣчь.

— Жена моя раздѣляетъ мой образъ мыслей,—продолжалъ онъ:—ея воззрѣнія, быть-можетъ, даже ближе подходятъ къ вашимъ, чѣмъ къ моимъ; понятное дѣло: она моложе! — Когда, на другой день послѣ нашего свиданія, я прочелъ въ газетахъ ваше имя, которое вы, замѣчу

кстати, противъ общаго обыкновенія опубликовали вмѣстѣ съ вашимъ адресомъ (а узналъ я ваше имя уже въ театрѣ), то... это... этотъ фактъ меня поразилъ. Я увидалъ въ немъ—въ этомъ сопоставленіи—нѣкій... извините суевѣрность выраженія... нѣкій, такъ сказать, перстъ рока!—Вы упомянули о рекомендаціи; но мнѣ никакой рекомендаціи не нужно.—Ваша наружность, ваша личность возбуждаютъ мою симпатію. Сего мнѣ довольно. Я привыкъ вѣрить своему глазу. Итакъ—я могу надѣяться? Вы согласны?

— Согласенъ... конечно...—отвѣчалъ Неждановъ:—и постараюсь оправдать ваше довѣріе.—Только объ одномъ позвольте мнѣ теперь же васъ предувѣдомить: быть учителемъ вашего сына я готовъ, но не гувернеромъ. Я на это неспособенъ—да и не хочу закабалиться, не хочу лишиться моей свободы.

Сипягинъ легонько повелъ по воздуху рукою, какъ бы отгоняя муху.

— Будьте спокойны, мой любезнѣйшій... Вы не изъ той муки, изъ которой пекутся гувернеры;—да мнѣ гувернера и не нужно. Я ищу учителя—и нашелъ его. Ну, а какъ же условія? Денежныя условія? презрѣнный металлъ.

Неждановъ затруднялся, что сказать...

— Послушайте, — промолвилъ Сипягинъ, нагнувшись впередъ всѣмъ корпусомъ и ласково тронувъ концами пальцевъ колѣно Нежданова:—между порядочными людьми подобные вопросы разрѣшаются двумя словами. Предлагаю вамъ сто рублей въ мѣсяцъ; путевыя издержки туда и назадъ, конечно, на мой счетъ.—Вы согласны?

Неждановъ опять покраснѣлъ.

— Это гораздо больше, чѣмъ я намѣренъ былъ запросить... потому что... я...

— Прекрасно, прекрасно... — перебилъ Сипягинъ. — Я смотрю на это дѣло, какъ на рѣшенное... а на васъ — какъ на домочадца.—Онъ приподнялся со стула и вдругъ весь повеселѣлъ и распустился, словно подарокъ получилъ. Во всѣхъ его движеніяхъ проявилась нѣкоторая пріятная фамильярность и даже шутливость.—Мы уѣзжаемъ

на-дняхъ,—заговорилъ онъ развязнымъ тономъ:—я люблю встрѣчать весну въ деревнѣ, хотя я, по роду своихъ занятій, прозаическій человѣкъ и прикованъ къ городу... А потому позвольте считать первый вашъ мѣсяцъ, начиная съ нынѣшняго же дня. Жена моя съ сыномъ теперь уже въ Москвѣ. Она отправилась впередъ. Мы ихъ найдемъ въ деревнѣ... на лонѣ природы. Мы съ вами поѣдемъ вмѣстѣ... холостяками... Хе, хе! — Сипягинъ кокетливо и коротко посмѣялся въ носъ.—А теперь...

Онъ досталъ изъ кармана пальто серебряный съ черныю портфельчикъ и вынулъ оттуда карточку.

— Вотъ мой здѣшній адресъ.—Зайдите — хоть завтра. Такъ... часовъ въ двѣнадцать. Мы еще потолкуемъ. Я разовью вамъ кое-какія свои мысли насчетъ воспитанія... Ну—и день отъѣзда мы рѣшимъ. — Сипягинъ взялъ руку Нежданова. — И знаете что? — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ и искоса поставивъ голову: — если вы нуждаетесь въ задаткѣ... Пожалуйста, не церемоньтесь! хоть мѣсяцъ впередъ.

Неждановъ просто не зналъ, что̀ отвѣчать—и съ тѣмъ же недоумѣньемъ глядѣлъ на это свѣтлое, привѣтное—и въ то же время столь чуждое лицо, которое такъ близко на него надвинулось и такъ снисходительно улыбалось ему.

— Не нуждаетесь?—а? шепнулъ Сипягинъ.

— Я, если позволите, вамъ это завтра скажу, — произнесъ наконецъ Неждановъ.

— Отлично! Итакъ—до свиданья! До завтра!—Сипягинъ выпустилъ руку Нежданова — и хотѣлъ-было удалиться...

— Позвольте васъ спросить, — промолвилъ вдругъ Неждановъ:—вы вотъ сейчасъ сказали мнѣ, что уже въ театрѣ узнали, какъ меня зовутъ?—Отъ кого вы это узнали?

— Отъ кого? — Да отъ одного вашего хорошаго знакомаго—и, кажется, родственника, князя... князя Г.

— Флигель-адъютанта?

— Да; отъ него.

Неждановъ покраснѣлъ—сильнѣе прежняго—и раскрылъ ротъ... но ничего не сказалъ. Сипягинъ снова пожалъ ему руку—только молча на этотъ разъ—и, поклонившись сперва

ему, а потомъ Паклину, надѣлъ шляпу передъ самой дверью, и вышелъ вонъ, унося на лицѣ своемъ самодовольную улыбку; въ ней выражалось сознаніе глубокаго впечатлѣнія, которое не могъ не произвести его визитъ.

IV.

Не успѣлъ Сипягинъ перешагнуть порогъ двери, какъ Паклинъ соскочилъ со стула и, бросившись къ Нежданову, принялся его поздравлять.

— Вотъ какого ты осетра залучилъ! — твердилъ онъ, хихикая и топоча ногами.—Вѣдь это, ты знаешь ли, кто? Извѣстный Сипягинъ, камергеръ, въ нѣкоторомъ родѣ, общественный столбъ, будущій министръ!

— Мнѣ онъ совершенно неизвѣстенъ,—угрюмо промолвилъ Неждановъ.

Паклинъ отчаянно взмахнулъ руками.

— Въ томъ-то и наша бѣда, Алексѣй Дмитричъ, что мы никого не знаемъ! Хотимъ дѣйствовать, хотимъ цѣлый міръ кверху дномъ перевернуть, а живемъ въ сторонѣ отъ самаго этого міра, водимся только съ двумя-тремя пріятелями, толчемся на мѣстѣ въ узенькомъ кружкѣ...

— Извини, перебилъ Неждановъ: это — неправда. Мы только съ врагами нашими знаться не хотимъ, а съ людьми нашего пòшиба, съ народомъ, мы вступаемъ въ постоянныя сношенія.

— Стой, стой, стой, стой! — въ свою очередь перебилъ Паклинъ.—Во-первыхъ, что касается враговъ, то позволь тебѣ припомнить стихъ Гёте:

Wer den Dichter will versteh'n
Muss im Dichter's Lande geh'n...

—а я говорю:

Wer die *Feinde* will versteh'n
Muss im *Feindes* Lande geh'n...

Чуждаться враговъ своихъ, не знать ихъ обычая и быта нелѣпо!—Не...лѣ...по!.. Да! да! Коли я хочу подстрѣлить волка въ лѣсу—я долженъ знать всѣ его лазы... Во-вторыхъ, ты вотъ сейчасъ сказалъ: сближаться съ народомъ... Душа моя!—Въ 1862 году, поляки уходили „до лясу“—

въ лѣсъ;—и мы уходимъ теперь въ тотъ же лѣсъ, сирѣчь въ народъ, который для насъ глухъ и тёменъ не хуже любого лѣса!

— Такъ что жъ, по-твоему, дѣлать?

— Индійцы бросаются подъ колесницу Джаггернаута,— продолжалъ Паклинъ мрачно: — она ихъ давитъ, и они умираютъ—въ блаженствѣ.—У насъ есть тоже свой Джаггернаутъ... Давить-то онъ насъ давитъ, но блаженства не доставляетъ.

— Такъ что жъ, по-твоему, дѣлать? — повторилъ чуть не съ крикомъ Неждановъ.—Повѣсти съ „направленіемъ" писать, что ли?

Паклинъ разставилъ руки и наклонилъ головку къ лѣвому плечу.

— Повѣсти — во всякомъ случаѣ — писать ты бы могъ, такъ какъ въ тебѣ есть литературная жилка... Ну, не сердись, не буду! Я знаю, ты не любишь, чтобы на это намекали; но я съ тобою согласенъ: сочинять такія штучки съ „начинкой", да еще съ новомодными оборотами:— „Ахъ! я васъ люблю! *подскочила* она..." „Мнѣ все равно! *почесался* онъ"—дѣло куда не веселое!—Оттого-то я повторяю: сближайтесь со всѣми сословіями, начиная съ высшаго! Не все же полагаться на однихъ Остродумовыхъ! Честные они, хорошіе люди—зато глупы! глупы!! Ты посмотри на нашего пріятеля. Самыя подошвы его сапоговъ—и тѣ не такія, какія бываютъ у умныхъ людей! Вѣдь отчего онъ сейчасъ ушелъ отсюда?—Онъ не хотѣлъ остаться въ одной комнатѣ, дышать однимъ воздухомъ съ аристократомъ!

— Прошу тебя не отзываться такъ объ Остродумовѣ при мнѣ, — съ запальчивостью подхватилъ Неждановъ.— Сапоги онъ носитъ толстые, потому что они дешевле.

— Я не въ томъ смыслѣ,—началъ-было Паклинъ...

— Если онъ не хочетъ остаться въ одной комнатѣ съ аристократомъ, — продолжалъ, возвысивъ тонъ, Неждановъ:—то я его хвалю за это;—а главное: онъ собой пожертвовать сумѣетъ — и, если нужно, на смерть пойдетъ, чего мы съ тобой никогда не сдѣлаемъ!

Паклинъ скорчилъ жалкую рожицу и указалъ на хроменькія, тоненькія свои ножки:

— Гдѣ же мнѣ сражаться, другъ мой, Алексѣй Дмитричъ! — Помилуй! Но въ сторону все это... Повторяю: я душевно радъ твоему сближенію съ г-мъ Синягинымъ—и даже предвижу большую пользу отъ этого сближенія—для нашего дѣла. Ты попадешь въ высшій кругъ! Увидишь этихъ львицъ, этихъ женщинъ съ бархатнымъ тѣломъ на стальныхъ пружинахъ, какъ сказано въ „Письмахъ объ Испаніи"; изучай ихъ, братъ, изучай! Если бъ ты былъ эпикурейцемъ, я бы даже боялся за тебя... право!—Но вѣдь ты не съ этой цѣлью ѣдешь на кондицію?

— Я ѣду на кондицію,—подхватилъ Неждановъ:—чтобы зубовъ не положить на полку... „И чтобъ отъ васъ всѣхъ на время удалиться", прибавилъ онъ про себя.

— Ну, конечно! конечно! — Потому я и говорю тебѣ: изучай! Какой, однако, запахъ за собою этотъ баринъ оставилъ!—Паклинъ потянулъ воздухъ носомъ.—Вотъ оно, настоящее-то „амбрэ", о которомъ мечтала городничиха въ „Ревизорѣ"!

— Онъ обо мнѣ князя Г. разспрашивалъ,—глухо заговорилъ Неждановъ, снова уткнувшись въ окно:—ему, должно-быть, теперь вся моя исторія извѣстна.

— Не должно-быть, а — навѣрное! — Что жъ такое?— Пари держу, что ему именно отъ этого и пришла въ голову мысль взять тебя въ учители. Что̀ тамъ ни толкуй, а вѣдь ты самъ аристократъ — по крови. Ну, и значитъ: свой человѣкъ! Однако, я у тебя засидѣлся; мнѣ пора въ мою контору къ эксплуататорамъ! До свиданія, братъ!

Паклинъ подошелъ-было къ двери, но остановился и вернулся.

— Послушай, Алёша, — сказалъ онъ вкрадчивымъ тономъ: — ты мнѣ вотъ сейчасъ отказалъ — у тебя теперь деньги будутъ, я знаю, но все-таки позволь мнѣ пожертвовать хотя малость на общее дѣло!—Ничѣмъ другимъ не могу, такъ хоть карманомъ! Смотри: я кладу на столъ десятирублевую бумажку! Принимается?

Неждановъ ничего не отвѣчалъ и не шевельнулся.

— Молчаніе—знакъ согласія! Спасибо!—весело воскликнулъ Паклинъ и исчезъ.

Неждановъ остался одинъ... Онъ продолжалъ глядѣть черезъ стекло окна на сумрачный узкій дворъ, куда не западали лучи даже лѣтняго солнца—и сумрачно было и его лицо.

Неждановъ родился, какъ мы уже знаемъ, отъ князя Г., богача, генералъ-адъютанта, и отъ гувернантки его дочерей, хорошенькой институтки, умершей въ самый день родовъ. Первоначальное воспитаніе Неждановъ получилъ въ пансіонѣ одного швейцарца, дѣльнаго и строгаго педагога,—а потомъ поступилъ въ университетъ. Самъ онъ желалъ сдѣлаться юристомъ; но генералъ, отецъ его, ненавидѣвшій нигилистовъ, пустилъ его по „эстетикѣ", какъ съ горькой усмѣшкой выражался Неждановъ, т.-е. по историко-филологическому факультету. Отецъ Нежданова видѣлся съ нимъ всего три-четыре раза въ годъ, но интересовался его судьбою — и, умирая, завѣщалъ ему — „въ память Настеньки" (его матери)—капиталъ въ 6.000 р. с., проценты съ котораго, подъ именемъ „пенсіи", выдавались ему его братьями, князьями Г. Паклинъ не даромъ обзывалъ его аристократомъ; все въ немъ изобличало породу: маленькія уши, руки, ноги, нѣсколько мелкія, но тонкія черты лица, нѣжная кожа, пушистые волосы, самый голосъ, слегка картавый, но пріятный. Онъ былъ ужасно нервенъ, ужасно самолюбивъ, впечатлителенъ, и даже капризенъ: фальшивое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ съ самаго дѣтства, развило въ немъ обидчивость и раздражительность; но прирожденное великодушіе не давало ему сдѣлаться подозрительнымъ и недовѣрчивымъ. Тѣмъ же самымъ фальшивымъ положеніемъ Нежданова объяснялись и противорѣчія, которыя сталкивались въ его существѣ. Опрятный до щепетильности, брезгливый до гадливости, онъ силился быть циничнымъ и грубымъ на словахъ; идеалистъ по натурѣ, страстный и цѣломудренный, смѣлый и робкій въ одно и то же время, онъ, какъ позорнаго порока, стыдился и этой робости своей, и своего цѣломудрія, и считалъ долгомъ смѣяться надъ идеа-

лами. Сердце онъ имѣлъ нѣжное и чуждался людей; легко озлоблялся — и никогда не помнилъ зла. Онъ негодовалъ на своего отца за то, что тотъ пустилъ его „по эстетикѣ“; онъ явно, на виду у всѣхъ, занимался одними политическими и соціальными вопросами, исповѣдывалъ самыя крайнія мнѣнія—(въ немъ они не были фразой!)—и втайнѣ наслаждался художествомъ, поэзіей, красотой во всѣхъ ея проявленіяхъ... даже самъ писалъ стихи. Онъ тщательно пряталъ тетрадку, въ которую онъ заносилъ ихъ — и изъ петербургскихъ друзей только Паклинъ, и то по свойственному ему чутью, подозрѣвалъ ея существованіе. Ничто такъ не обижало, не оскорбляло Нежданова, какъ малѣйшій намекъ на его стихотворство, на эту его, какъ онъ полагалъ, непростительную слабость. По милости воспитателя швейцарца, онъ зналъ довольно много фактовъ и не боялся труда; онъ даже охотно работалъ—нѣсколько, правда, лихорадочно и непослѣдовательно. Товарищи его любили... ихъ привлекала его внутренняя правдивость и доброта и чистота; но не подъ счастливою звѣздою родился Неждановъ; не легко ему жилось.—Онъ самъ глубоко это чувствовалъ — и сознавалъ себя одинокимъ, несмотря на привязанность друзей.

Онъ продолжалъ стоять передъ окномъ — и думалъ, грустно и тяжко думалъ о предстоявшей ему поѣздкѣ, объ этомъ новомъ, неожиданномъ поворотѣ его судьбы... Онъ не жалѣлъ о Петербургѣ; онъ не оставлялъ въ немъ ничего особенно ему дорогого; притомъ же онъ зналъ, что вернется къ осени. А все-таки раздумье его брало онъ ощущалъ невольную унылость.

„Какой я учитель!“ приходило ему въ голову:—„какой педагогъ?!“ — Онъ готовъ былъ упрекнуть себя въ томъ, что принялъ обязанность преподавателя. А между тѣмъ— подобный упрекъ былъ бы несправедливъ. Неждановъ обладалъ достаточными свѣдѣніями — и, несмотря на его неровный нравъ, дѣти шли къ нему безъ принужденья— и онъ самъ легко привязывался къ нимъ. Грусть, овладѣвшая Неждановымъ, была то чувство, присущее всякой перемѣнѣ мѣстопребыванія, чувство, которое испытываютъ

всѣ меланхолики, всѣ задумчивые люди; людямъ характера бойкаго, сангвиническаго, оно незнакомо: они скорѣй готовы радоваться, когда нарушается повседневный ходъ жизни, когда мѣняется ея обычная обстановка. Неждановъ до того углубился въ свои думы, что понемногу, почти безсознательно, началъ ихъ передавать словами; бродившія въ немъ ощущенія уже складывались въ мѣрныя созвучія...

— Фу, ты, чортъ! — воскликнулъ онъ громко: — я, кажется, собираюсь стихи сочинять! — Онъ встрепенулся, отошелъ отъ окна; увидавъ лежащую на столѣ десятирублевую бумажку Паклина, сунулъ ее въ карманъ и принялся расхаживать по комнатѣ.

— Надо будетъ взять задатокъ,—размышлялъ онъ самъ съ собою:—благо этотъ баринъ предлагаетъ.—Сто рублей... да у братьевъ—у ихъ сіятельствъ—сто рублей... Пятьдесятъ на долги, пятьдесятъ или семьдесятъ на дорогу... а остальныя Остродумову. Да вотъ, что̀ Паклинъ далъ—тоже ему... Да еще съ Меркулова надо будетъ что-нибудь получить...

Пока онъ велъ въ головѣ эти расчеты—прежнія созвучія опять зашевелились въ немъ. Онъ остановился, задумался... и, устремивъ глаза въ сторону, замеръ на мѣстѣ... Потомъ руки его, какъ бы ощупью, отыскали и открыли ящикъ стола, достали изъ самой его глубины исписанную тетрадку...

Онъ опустился за стулъ, все не мѣняя направленія взгляда, взялъ перо и, мурлыча себѣ подъ носъ, изрѣдка взмахивая волосами, перечеркивая, марая, принялся выводить строку за строкою...

Дверь въ переднюю отворилась наполовину—и показалась голова Машуриной. Неждановъ не замѣтилъ ея и продолжалъ свою работу. Машурина долго, пристально посмотрѣла на него—и, направо и налѣво покачавъ головою, подалась назадъ... Но Неждановъ вдругъ выпрямился, оглянулся и, промолвивъ съ досадой:

— А! Вы!—швырнулъ тетрадку въ ящикъ стола.

Тогда Машурина твердой поступью вошла въ комнату.

— Остродумовъ прислалъ меня къ вамъ,—проговорила она съ разстановкой:—за тѣмъ, чтобы узнать, когда можно будетъ получить деньги. — Если вы сегодня достанете, такъ мы сегодня же вечеромъ уѣдемъ.

— Сегодня нельзя,—возразилъ Неждановъ и нахмурилъ брови:—приходите завтра.

— Въ которомъ часу?

— Въ два часа.

— Хорошо.

Машурина помолчала немного и вдругъ протянула руку Нежданову...

— Я, кажется, вамъ помѣшала; извините меня. Да притомъ... я вотъ уѣзжаю. Кто знаетъ, увидимся ли мы? Я хотѣла проститься съ вами.

Неждановъ пожалъ ея красные, холодные пальцы.

— Вы видѣли у меня этого господина?—началъ онъ.— Мы съ нимъ условились. Я ѣду къ нему на кондицію. Его имѣніе въ С....ой губерніи, возлѣ самаго С*.

По лицу Машуриной мелькнула радостная улыбка.

— Возлѣ С*! Такъ мы, можетъ-быть, еще увидимся. Можетъ-быть, насъ туда пошлютъ.—Машурина вздохнула.— Ахъ, Алексѣй Дмитричъ...

— Что̀?—спросилъ Неждановъ.

Машурина приняла сосредоточенный видъ.

— Ничего.—Прощайте! Ничего.

Она еще разъ стиснула Нежданову руку и удалилась.

„А во всемъ Петербургѣ никто ко мнѣ такъ не привязанъ, какъ эта... чудачка!“ подумалось Нежданову. „Но нужно-жъ ей было мнѣ помѣшать... Впрочемъ, все къ лучшему!“

Утромъ слѣдующаго дня Неждановъ отправился на городскую квартиру Синягина, и тамъ въ великолѣпномъ кабинетѣ, наполненномъ мебелью строгаго стиля, вполнѣ сообразной съ достоинствомъ либеральнаго государственнаго мужа и джентльмена, сидя передъ громаднымъ бюро, на которомъ въ стройномъ порядкѣ лежали никому и ни на что̀ не нужныя бумаги, рядомъ съ исполинскими ножами изъ слоновой кости, никогда ничего не разрѣзывав-

шими—онъ, въ теченіе цѣлаго часа, выслушивалъ свободомыслящаго хозяина, обдавался елеемъ его мудрыхъ, благосклонныхъ, снисходительныхъ рѣчей, получилъ, наконецъ, сто рублей задатка, а десять дней спустя, тотъ же Неждановъ, полулежа на бархатномъ диванѣ въ особомъ отдѣленіи первокласснаго вагона, о̀-бокъ съ тѣмъ же мудрымъ, либеральнымъ государственнымъ мужемъ и джентльменомъ, мчался въ Москву по тряскимъ рельсамъ Николаевской дороги.

V.

Въ гостиной большого каменнаго дома съ колоннами и греческимъ фронтономъ, построеннаго въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, извѣстнымъ агрономомъ и „дантистомъ“ — отцомъ Сипягина, жена его, Валентина Михайловна, очень красивая дама, ждала съ часу на часъ прибытія мужа, возвѣщеннаго телеграммой. — Убранство гостиной носило отпечатокъ новѣйшаго, деликатнаго вкуса: все въ ней было мило и привѣтно, все, отъ пріятной пестроты кретонныхъ обоевъ и драпри до разнообразныхъ очертаній фарфоровыхъ, бронзовыхъ, хрустальныхъ бездѣлушекъ, разсыпанныхъ по этажеркамъ и столамъ, все мягко и стройно выдавалось—и сливалось—въ веселыхъ лучахъ майскаго дня, свободно струившихся сквозь высокія, настежь раскрытыя окна. Воздухъ гостиной, напоенный запахомъ ландышей (большіе букеты этихъ чудесныхъ весеннихъ цвѣтовъ бѣлѣли тамъ и сямъ)—по временамъ едва колыхался, возмущенный приливомъ легкаго вѣтра, тихо кружившаго надъ пышно-раскинутымъ садомъ.

Прелестная картина! И сама хозяйка дома, Валентина Михайловна Сипягина, довершала эту картину, придавала ей смыслъ и жизнь. Это была высокаго росту женщина, лѣтъ тридцати, съ темно-русыми волосами, смуглымъ, но свѣжимъ, одноцвѣтнымъ лицомъ, напоминавшимъ обликъ Сикстинской Мадонны, съ удивительными, глубокими, бархатными глазами. — Ея губы были немножко широки и блѣдны, плечи немного высоки, руки немного велики...

Но за всѣмъ тѣмъ, всякій, кто бы увидалъ, какъ она свободно и граціозно двигалась по гостиной, то наклоняя къ цвѣтамъ свой тонкій, едва перетянутый станъ и съ улыбкой нюхая ихъ, то переставляя какую-нибудь китайскую вазочку, то быстро поправляя передъ зеркаломъ свои лоснистые волосы и чуть-чуть прищуривая свои дивные глаза,—всякій, говоримъ мы, навѣрное воскликнулъ бы, про себя или даже громко, что онъ не встрѣчалъ болѣе плѣнительнаго созданія!

Хорошенькій, кудрявый мальчикъ лѣтъ девяти, въ шотландскомъ костюмѣ, съ голыми ножками, сильно напомаженный и завитой, вбѣжалъ стремительно въ гостиную и внезапно остановился при видѣ Валентины Михайловны.

— Что тебѣ, Коля?—спросила она.—Голосъ у ней былъ такой же мягкій и бархатный, какъ и глаза.

— Вотъ что, мама,—началъ съ замѣшательствомъ мальчикъ:—меня тетушка прислала сюда... велѣла принести ландышей... для ея комнаты... у нея нѣту...

Валентина Михайловна взяла своего сынишку за подбородокъ и приподняла его напомаженную головку.

— Скажи тетушкѣ, чтобы она послала за ландышами къ садовнику;—а эти ландыши—мои... Я не хочу, чтобы ихъ трогали. Скажи ей, что я не люблю, чтобы нарушались мои порядки. Сумѣешь ли ты повторить мои слова?

— Сумѣю...—прошепталъ мальчикъ.

— Ну-ка—скажи.

— Я скажу... я скажу... что ты не хочешь.

Валентина Михайловна засмѣялась. — И смѣхъ у нея былъ мягкій.

— Я вижу, тебѣ еще нельзя давать никакихъ порученій. Ну, все равно, скажи, что вздумается.

Мальчикъ быстро поцѣловалъ руку матери, всю украшенную кольцами, и стремглавъ бросился вонъ.

Валентина Михайловна проводила его глазами, вздохнула, подошла къ золоченой проволочной клѣткѣ, по стѣнкамъ которой, осторожно цѣпляясь клювомъ и лапками, пробирался зеленый попугайчикъ, подразнила его концомъ пальца; потомъ опустилась на низкій диванчикъ и, взявши

съ круглаго рѣзного столика послѣдній № „Revue des Deux Mondes“,—принялась его перелистывать.

Почтительный кашель заставилъ ее оглянуться. На порогѣ двери стоялъ благообразный слуга въ ливрейномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

— Чего тебѣ,—Агаѳонъ?—спросила Валентина Михайловна все тѣмъ же мягкимъ голосомъ.

— Семенъ Петровичъ Калломѣйцевъ пріѣхали-съ. Прикажете принять?

— Проси; разумѣется, проси.—Да вели сказать Маріаннѣ Викентьевнѣ, чтобы она пожаловала въ гостиную.

Валентина Михайловна бросила на столикъ № „Revue des Deux Mondes“—и, прислонившись къ спинкѣ дивана, подняла глаза кверху и задумалась,—что̀ очень къ ней шло.

Уже по тому, какъ Семенъ Петровичъ Калломѣйцевъ, молодой мужчина лѣтъ 32-хъ, вошелъ въ комнату—развязно, небрежно и томно; — какъ онъ вдругъ пріятно просвѣтлѣлъ, какъ поклонился немного въ бокъ—и какъ эластически выпрямился потомъ; какъ заговорилъ не то въ носъ, не то слащаво; — какъ почтительно взялъ, какъ внушительно поцѣловалъ руку Валентины Михайловны—уже по всему этому можно было догадаться, что новоприбывшій гость не былъ житель провинціи, не деревенскій, случайный, хоть и богатый сосѣдъ, а настоящій петербургскій „гранжанръ“ высшаго полета. — Къ тому же и одѣтъ онъ былъ на самый лучшій англійскій манеръ: цвѣтной кончикъ бѣлаго батистоваго платка торчалъ маленькимъ треугольникомъ изъ плоскаго бокового кармана пёстренькой жакетки; на довольно широкой черной ленточкѣ болталась одноглазая лорнетка; блѣдно-матовый тонъ шведскихъ перчатокъ соотвѣтствовалъ блѣдно-сѣрому колеру клѣтчатыхъ панталонъ. Остриженъ былъ г-нъ Калломѣйцевъ коротко, выбритъ гладко; лицо его, нѣсколько женоподобное, съ небольшими, близко другъ къ другу поставленными глазками, съ тонкимъ вогнутымъ носомъ, съ пухлыми красными губками, выражало пріятную вольность высокообразованнаго дворянина. Оно дышало привѣтомъ... и весьма легко становилось злымъ, даже грубымъ; стоило

кому-нибудь, чѣмъ-нибудь задѣть Семена Петровича, задѣть его консерваторскіе, патріотическіе и религіозные принципы, — о! тогда онъ дѣлался безжалостнымъ! Все его изящество испарялось мгновенно; — нѣжные глазки зажигались недобрымъ огонькомъ;—красивый ротикъ выпускалъ некрасивыя слова—и взывалъ—съ пискомъ взывалъ къ начальству!

Фамилія Семена Петровича происходила отъ простыхъ огородниковъ. Прадѣдъ его назывался, по мѣсту происхожденія: Коломенцовъ... Но уже дѣдъ его переименовалъ себя въ Коломейцева; отецъ писалъ: Калломейцевъ, наконецъ Семенъ Петровичъ поставилъ букву *ѣ* на мѣсто *е*—и, не шутя, считалъ себя чистокровнымъ аристократомъ; даже намекалъ на то, что ихъ фамилія происходитъ собственно отъ бароновъ фонъ-Галленмейеръ, изъ коихъ одинъ былъ австрійскимъ фельдмаршаломъ въ Тридцатилѣтнюю войну. Семенъ Петровичъ служилъ въ министерствѣ двора, имѣлъ званіе камеръ-юнкера; патріотизмъ помѣшалъ ему пойти по дипломатической части, куда, казалось, все его призывало: и воспитаніе, и привычка къ свѣту, и успѣхи у женщинъ, и самая наружность... mais quitter la Russie? — jamais! — У Калломѣйцева было хорошее состояніе, были связи; онъ слылъ за человѣка надежнаго и преданнаго—„un peu trop... féodal dans ses opinions“, какъ выражался о немъ извѣстный князь Б., одно изъ свѣтилъ петербургскаго чиновничьяго міра. Въ С....ую губернію Калломѣйцевъ пріѣхалъ на двухмѣсячный отпускъ, чтобы хозяйствомъ позаняться, то-есть „кого пугнуть, кого поприжать“.—Вѣдь безъ этого невозможно!

— Я полагалъ, что найду уже здѣсь Бориса Андреича,—началъ онъ, любезно покачиваясь съ ноги на ногу— и внезапно глядя въ бокъ, въ подражаніе одному очень важному лицу.

Валентина Михайловна слегка прищурилась.

— А то бы вы не пріѣхали?

Калломѣйцевъ даже назадъ запрокинулся, до того вопросъ г-жи Сипягиной показался ему несправедливымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ!

— Валентина Михайловна! — воскликнулъ онъ:—помилуйте, возможно ли предполагать...

— Ну, хорошо, хорошо, садитесь; Борисъ Андреичъ сейчасъ здѣсь будетъ. Я за нимъ послала коляску на станцію. Подождите немного... Вы увидите его. Который теперь часъ?

— Половина третьяго,—промолвилъ Калломѣйцевъ, вынувъ изъ кармана жилета большіе золотые часы, украшенные эмалью. Онъ показалъ ихъ Сипягиной.— Вы видѣли мои часы? Мнѣ ихъ подарилъ Михаилъ, знаете... сербскій князь... Обреновичъ. Вотъ его шифръ, — посмотрите. Мы съ нимъ большіе пріятели. Вмѣстѣ охотились. Прекрасный малый! И рука желѣзная, какъ слѣдуетъ правителю. О, онъ шутить не любитъ! Нѣ-хѣ-хѣтъ!

Калломѣйцевъ опустился на кресло, скрестилъ ноги и началъ медленно стаскивать свою лѣвую перчатку.

— Вотъ намъ бы здѣсь, въ нашей губерніи, такого Михаила.

— А что? Вы развѣ чѣмъ недовольны?

Калломѣйцевъ наморщилъ носъ.

— Да все это земство! Это земство! Къ чему оно? Только ослабляетъ администрацію и возбуждаетъ... лишнія мысли... (Калломѣйцевъ поболталъ въ воздухѣ обнаженной лѣвой рукой, освобожденной отъ давленія перчатки)... и несбыточныя надежды (Калломѣйцевъ подулъ себѣ на руку). Я говорилъ объ этомъ въ Петербургѣ... mais, bah! Вѣтеръ не туда тянетъ. Даже супругъ вашъ... представьте! Впрочемъ, онъ извѣстный либералъ!

Сипягина выпрямилась на диванчикѣ.

— Какъ? И вы, мсьё Калломѣйцевъ, вы дѣлаете оппозицію правительству?

— Я? Оппозицію? Никогда! Ни за что! Mais j'ai mon franc parler. Я иногда критикую, но покоряюсь всегда!

— А я такъ напротивъ: не критикую, и не покоряюсь.

— Ah! mais c'est un mot! Я, если позволите, сообщу ваше замѣчаніе моему другу — Ladislas, vous savez, онъ собирается написать романъ изъ большого свѣта, и уже прочелъ мнѣ нѣсколько главъ. Это будетъ прелесть! Nous aurons enfin le grand monde russe peint par lui-même.

— Гдѣ это появится?

— Конечно, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Это наша „Revue des Deux Mondes“. Я вотъ вижу, вы ее читаете.

— Да; но, знаете ли, она очень скучна становится.

— Можетъ-быть... можетъ-быть... И „Русскій Вѣстникъ“, пожалуй, тоже съ нѣкоторыхъ поръ—говоря современнымъ языкомъ,—крошечку подгулялъ.

Калломѣйцевъ засмѣялся во весь ротъ; ему показалось, что это очень забавно сказать: „подгулялъ“ да еще „крошечку“.—Mais c'est un journal, qui se respecte,— продолжалъ онъ.—А это главное. Я, доложу вамъ, я... русской литературой интересуюсь мало; въ ней теперь все какіе-то разночинцы фигурируютъ. Дошли, наконецъ, до того, что героиня романа — кухарка, простая кухарка, parole d'honneur! Но романъ Ладисласа я прочту непремѣнно. Il y aura le petit mot pour rire... и направленіе! направленіе. Нигилисты будутъ посрамлены—въ этомъ мнѣ порукой образъ мыслей Ладисласа,—qui est très correct.

— Но не его прошедшее,—замѣтила Сипягина.

— Ah! jetons un voile sur les erreurs de sa jeunesse!— воскликнулъ Калломѣйцевъ и стащилъ правую перчатку.

Г-жа Сипягина опять слегка прищурилась. Она немного кокетничала своими удивительными глазами.

— Семенъ Петровичъ, — промолвила она: — позвольте васъ спросить, зачѣмъ вы это, говоря по-русски, употребляете такъ много французскихъ словъ? Мнѣ кажется, что... извините меня... это устарѣлая манера.

— Зачѣмъ? зачѣмъ? Не всѣ же такъ отлично владѣютъ роднымъ нарѣчіемъ, какъ, напримѣръ, вы. Что касается до меня, то я признаю языкъ россійскій, языкъ указовъ и постановленій правительственныхъ; я дорожу его чистотою! Передъ Карамзинымъ я склоняюсь!.. Но русскій, такъ сказать, ежедневный языкъ... развѣ онъ существуетъ? Ну, напримѣръ, какъ бы вы перевели мое восклицаніе— de tout à l'heure: „C'est un mot!“—Это—слово!?. Помилуйте!

— Я бы сказала: это—удачное слово.

Калломѣйцевъ засмѣялся.

— „Удачное слово“! Валентина Михайловна! Да развѣ

вы не чувствуете, что тутъ... семинаріей сейчасъ запахло... Всякая соль исчезла...

— Ну, вы меня не переубѣдите. — Да что же это Маріанна!? Она позвонила въ колокольчикъ; вошелъ казачокъ.

— Я велѣла попросить Маріанну Викентьевну сойти въ гостиную. Развѣ ей не доложили?

Казачокъ не успѣлъ отвѣтить, какъ за его спиной, на порогѣ двери, появилась молодая дѣвушка, въ широкой темной блузѣ, остриженная въ кружокъ, Маріанна Викентьевна Синецкая, племянница Сипягина по матери.

VI.

— Извините меня, Валентина Михайловна, — сказала она, приблизившись къ Сипягиной:—я была занята и замѣшкалась.

Потомъ она поклонилась Калломѣйцеву, и отойдя немного въ сторону, сѣла на маленькое патэ, въ сосѣдствѣ попугайчика, который, какъ только увидѣлъ ее, захлопалъ крыльями и потянулся къ ней.

— Зачѣмъ же это ты такъ далеко сѣла, Маріанна, — замѣтила Сипягина, проводивъ ее глазами до самаго патэ. — Тебѣ хочется быть поближе къ твоему маленькому другу? Представьте, Семенъ Петровичъ,—обратилась она къ Калломѣйцеву: — попугайчикъ этотъ просто влюбленъ въ нашу Маріанну...

— Это меня не удивляетъ!

— А меня терпѣть не можетъ.

— Вотъ это удивительно! Вы его, должно-быть, дразните.

— Никогда; напротивъ. Я его сахаромъ кормлю. Только онъ изъ рукъ моихъ ничего не беретъ. Нѣтъ... это симпатія... и антипатія...

Маріанна исподлобья глянула на Сипягину... и Сипягина глянула на нее.

Эти двѣ женщины не любили другъ друга

Въ сравненіи съ теткой, Маріанна могла казаться почти „дурнушкой“. Лицо она имѣла круглое, носъ большой, орлиный,—сѣрые, тоже большіе и очень свѣтлые глаза,— тонкія брови, тонкія губы. Она стригла свои русые и гу-

стые волосы и смотрѣла букой. Но отъ всего ея существа вѣяло чѣмъ-то сильнымъ и смѣлымъ, чѣмъ-то стремительнымъ и страстнымъ. Ноги и руки у ней были крошечныя; ея крѣпко и гибко сложенное маленькое тѣло напоминало флорентійскія статуэтки XVI вѣка; двигалась она стройно и легко.

Положеніе Синецкой въ домѣ Сипягиныхъ было довольно тяжелое. Ея отецъ, очень умный и бойкій человѣкъ полу-польскаго происхожденія, дослужился генеральскаго чина, но сорвался вдругъ, уличенный въ громадной казенной кражѣ; его судили... осудили, лишили чиновъ, дворянства, сослали въ Сибирь. Потомъ простили... вернули; но онъ не успѣлъ выкарабкаться вновь и умеръ въ крайней бѣдности. Его жена, родная сестра Сипягина, мать Маріанны (кромѣ ея у нея не было дѣтей) — не перенесла удара, разгромившаго все ея благосостояніе, и умерла вскорѣ послѣ мужа. Дядя Сипягинъ пріютилъ Маріанну у себя въ домѣ. — Но жить въ зависимости было ей тошно; она рвалась на волю всѣми силами неподатливой души — и между ея теткою и ею кипѣла постоянная, хотя скрытая борьба. Сипягина считала ее нигилисткой и безбожницей; съ своей стороны, Маріанна ненавидѣла въ Сипягиной свою невольную притѣснительницу. Дяди она чуждалась, какъ и всѣхъ другихъ людей. — Она именно чуждалась ихъ, а не боялась; нравъ у нея былъ не робкій.

— Антипатія, — повторилъ Калломѣйцевъ: — да, это странная вещь. Всѣмъ, напримѣръ, извѣстно, что я глубоко-религіозный человѣкъ, православный въ полномъ смыслѣ слова; а поповскую косичку, пучокъ — видѣть не могу равнодушно: такъ и закипаетъ во мнѣ что-то, такъ и закипаетъ.

Калломѣйцевъ при этомъ даже представилъ, поднявши раза два сжатую руку, какъ у него въ груди закипаетъ.

— Васъ вообще волосы безпокоятъ, Семенъ Петровичъ,—замѣтила Маріанна: —я увѣрена, что вы тоже не можете видѣть равнодушно, если у кого они острижены, какъ у меня.

Сипягина медленно приподняла брови и преклонила голову, какъ бы удивляясь той развязности, съ которой нынѣшнія молодыя дѣвушки вступаютъ въ разговоръ, — а Калломѣйцевъ снисходительно осклабился.

— Конечно,—промолвилъ онъ:—я не могу не сожалѣть о тѣхъ прекрасныхъ кудряхъ, подобныхъ вашимъ, Маріанна Викентьевна, которыя падаютъ подъ безжалостнымъ лезвіемъ ножницъ; но антипатіи во мнѣ нѣтъ; и во всякомъ случаѣ... вашъ примѣръ могъ бы меня... меня... конвертировать!

Калломѣйцевъ не нашелъ русскаго слова,—а по-французски не хотѣлъ говорить, послѣ замѣчанія хозяйки.

— Слава Богу, Маріанна у меня еще очковъ не носитъ,— вмѣшалась Сипягина:—и съ воротничками, и съ рукавчиками пока еще не разсталась:—за то естественными науками, къ искреннему моему сожалѣнію, занимается; и женскимъ вопросомъ интересуется тоже... Не правда ли, Маріанна?

Все это было сказано съ цѣлію смутить Маріанну; но она не смутилась.

— Да, тетушка,—отвѣчала она:—я читаю все, что объ этомъ написано; я стараюсь понять, въ чемъ состоитъ этотъ вопросъ.

— Что значитъ молодость! — обратилась Сипягина къ Калломѣйцеву: — вотъ мы съ вами уже этимъ не занимаемся—а?

Калломѣйцевъ сочувственно улыбнулся: надо-жъ было поддержать веселую шутку любезной дамы.

— Маріанна Викентьевна,—началъ онъ:—исполнена еще тѣмъ идеализмомъ... тѣмъ романтизмомъ юности... который... со временемъ...

— Впрочемъ, я клевещу на себя,—перебила его Сипягина:—вопросы эти меня интересуютъ тоже. Я вѣдь не совсѣмъ еще состарѣлась.

— И я всѣмъ этимъ интересуюсь,—поспѣшно воскликнулъ Калломѣйцевъ;—только я запретилъ бы объ этомъ говорить!

— Запретили бы объ этомъ говорить? — переспросила Маріанна.

— Да!—Я бы сказалъ публикѣ: интересоваться не мѣ-

шаю... но говорить... тсссъ!—Онъ поднесъ палецъ къ губамъ. — Во всякомъ случаѣ, *печатно* говорить — запретилъ бы!—безусловно!

Сипягина засмѣялась.

— Что-жъ? По-вашему, не комиссію ли назначить при министерствѣ для разрѣшенія этого вопроса?

— А хоть бы и комиссію. Вы думаете, мы бы разрѣшили этотъ вопросъ хуже, чѣмъ всѣ эти голодные щелкопёры, которые дальше своего носа ничего не видятъ и воображаютъ, что они... первые геніи?—Мы бы назначили Бориса Андреевича предсѣдателемъ.

Сипягина еще пуще засмѣялась.

— Смотрите, берегитесь; Борисъ Андреичъ иногда такимъ бываетъ якобинцемъ...

— Жакò, жакò, жакò,—затрещалъ попугай.

Валентина Михайловна махнула на него платкомъ.

— Не мѣшай умнымъ людямъ разговаривать!.. Маріанна, уйми его.

Маріанна обернулась къ клѣткѣ и принялась чесать ногтемъ попугайчика по шеѣ, которую тотъ ей тотчасъ подставилъ.

— Да, — продолжала Сипягина: — Борисъ Андреичъ иногда меня самоё удивляетъ. Въ немъ есть жилка... жилка... трибуна.

— C'est parce qu'il est orateur! — сгоряча подхватилъ по-французски Калломѣйцевъ. — Вашъ мужъ обладаетъ даромъ слова, какъ никто, ну, и блестѣть привыкъ... ses propres paroles le grisent... а къ тому же и желаніе популярности... Впрочемъ, онъ теперь нѣсколько разсерженъ, не правда ли? Il boude? Eh?

Сипягина повела глазами на Маріанну.

— Я ничего не замѣтила,—промолвила она послѣ небольшого молчанія.

— Да,—продолжалъ задумчивымъ тономъ Калломѣйцевъ:—его немножко обошли на Святой.

Сипягина опять указала ему глазами на Маріанну.

Калломѣйцевъ улыбнулся и прищурился: — „я, молъ, понялъ“.

— Маріанна Викентьевна! — воскликнулъ онъ вдругъ, безъ нужды громко: — вы въ нынѣшнемъ году опять намѣрены давать уроки въ школѣ?

Маріанна отвернулась отъ клѣтки.

— И *это* васъ интересуетъ, Семенъ Петровичъ?

— Конечно; очень даже интересуетъ.

— Вы бы *этого* не запретили?

— Нигилистамъ запретилъ бы даже думать о школахъ; а подъ руководствомъ духовенства—и съ надзоромъ за духовенствомъ—самъ бы заводилъ!

— Вотъ какъ! А я не знаю, что буду дѣлать въ нынѣшнемъ году. Въ прошломъ все такъ дурно шло.—Да и какая школа лѣтомъ!

Когда Маріанна говорила, она постепенно краснѣла, какъ будто ея рѣчь ей стоила усилія, какъ будто она заставляла себя ее продолжать. Много еще въ ней было самолюбія.

— Ты не довольно подготовлена?—спросила Сипягина съ ироническимъ трепетаніемъ въ голосѣ.

— Можетъ-быть.

— Какъ! — снова воскликнулъ Калломѣйцевъ. — Что я слышу!! О, боги! Для того, чтобы учить крестьянскихъ дѣвочекъ азбукѣ—нужна подготовка?

Но въ эту минуту въ гостиную съ крикомъ: „Мама, мама! папа ѣдетъ!“ — вбѣжалъ Коля, а вслѣдъ за нимъ, переваливаясь на толстыхъ ножкахъ, появилась сѣдовласая дама въ чепцѣ и желтой шали — и тоже объявила, что Боринька сейчасъ будетъ!

Эта дама была тётка Сипягина, Анна Захаровна по имени.—Всѣ находившіяся въ гостиной лица повскакали съ своихъ мѣстъ и устремились въ переднюю, а оттуда спустились по лѣстницѣ на главное крыльцо. Длинная аллея стриженыхъ ёлокъ вела отъ большой дороги прямо къ этому крыльцу: по ней уже скакала коляска, запряженная четверней.—Валентина Михайловна, стоявшая впереди всѣхъ, замахала платкомъ, Коля запищалъ пронзительно; кучеръ лихо осадилъ разгоряченныхъ лошадей, лакей слетѣлъ кубаремъ съ козелъ, да чуть не вырвалъ

дверецъ коляски вмѣстѣ съ петлями и замкомъ—и вотъ, съ снисходительной улыбкой на устахъ, въ глазахъ, на всемъ лицѣ, однимъ ловкимъ движеніемъ плечъ сбросивъ съ себя шинель, Борисъ Андреевичъ спустился на землю. Валентина Михайловна красиво и быстро вскинула ему обѣ руки вокругъ шеи—и трижды съ нимъ поцѣловалась. Коля топалъ ногами и дергалъ отца сзади за полы сюртука... но тотъ сперва облобызался съ Анной Захаровной, предварительно снявъ съ головы пренеудобный и безобразный шотландскій дорожный картузъ, потомъ поздоровался съ Маріанной и Калломѣйцевымъ, которые тоже вышли на крыльцо—(Калломѣйцеву онъ далъ сильный англійскій shakehands, „въ раскачку"—словно въ колоколъ позвонилъ)—и только тогда обратился къ сыну; взялъ его подъ мышки, поднялъ и приблизилъ къ своему лицу.

Пока все это происходило, изъ коляски тихонько, словно виноватый, вылѣзъ Неждановъ и остановился близъ передняго колеса, не снимая шапки и посматривая исподлобья... Валентина Михайловна, обнимаясь съ мужемъ, зорко глянула черезъ его плечо на эту новую фигуру;—Сипягинъ предупредилъ ее, что привезетъ съ собою учителя.

Все общество, продолжая мѣняться привѣтами и рукопожатіями съ прибывшимъ хозяиномъ, двинулось вверхъ по лѣстницѣ, уставленной съ обѣихъ сторонъ главными слугами и служанками. — Къ ручкѣ они не подходили—эта „азіятщина" была давно отмѣнена—и только кланялись почтительно; а Сипягинъ отвѣчалъ ихъ поклонамъ—больше бровями и носомъ, чѣмъ головою.

Неждановъ тоже поплелся вверхъ по широкимъ ступенямъ. Какъ только онъ вошелъ въ переднюю, Сипягинъ, который уже искалъ его глазами, представилъ его женѣ, Аннѣ Захаровнѣ, Маріаннѣ; а Колѣ сказалъ: „Это твой учитель, прошу его слушаться! Подай ему руку!"—Коля робко протянулъ руку Нежданову, потомъ уставился на него; но, видно, не найдя въ немъ ничего особеннаго или пріятнаго, снова ухватился за своего „папу".—Неждановъ чувствовалъ себя неловко, такъ же, какъ тогда въ театрѣ. На немъ было старое, довольно невзрачное пальто; до-

рожная пыль насѣла ему на все лицо и на руки. — Валентина Михайловна сказала ему что-то любезное; но онъ хорошенько не разслышалъ ея словъ и не отвѣчалъ, а только замѣтилъ, что она особенно свѣтло и ласково взирала на своего мужа и жалась къ нему. — Въ Колѣ ему не понравился его завитой, напомаженный хохолъ; при видѣ Калломѣйцева онъ подумалъ: „экая облизанная мордочка!"—а на другія лица онъ вовсе не обратилъ вниманія. Сипягинъ раза два съ достоинствомъ повертѣлъ головою, какъ бы осматривая свои пенаты, при чемъ удивительно отчеканивались его длинныя висячія бакенбарды и нѣсколько крутой, маленькій затылокъ. — Потомъ онъ сильнымъ, вкуснымъ, отъ дороги нисколько не охрипшимъ голосомъ крикнулъ одному изъ лакеевъ: „Иванъ! проводи г-на учителя въ зеленую комнату; да чемоданъ ихъ туда снеси"—и объявилъ Нежданову, что онъ можетъ теперь отдохнуть и разобраться и почиститься—а обѣдъ у нихъ въ домѣ подаютъ ровно въ пять часовъ. Неждановъ поклонился и отправился вслѣдъ за Иваномъ въ „зеленую" комнату, находившуюся во второмъ этажѣ.

Все общество перешло въ гостиную. Тамъ еще разъ повторились привѣтствія;—полуслѣпая старушка-няня явилась съ поклономъ. — Этой, изъ уваженія къ ея лѣтамъ Сипягинъ далъ поцѣловать свою руку, и, извинившись передъ Калломѣйцевымъ, удалился въ спальню, сопровождаемый своей супругой.

VII.

Обширная и опрятная комната, въ которую слуга ввелъ Нежданова, выходила окнами въ садъ. Они были раскрыты, и легкій вѣтеръ слабо надувалъ бѣлыя шторы: онѣ округлялись какъ паруса, приподнимались и падали снова. По потолку тихо скользили золотистые отблески; во всей комнатѣ стоялъ весенній, свѣжій, немного сырой запахъ.—Неждановъ началъ съ того, что услалъ слугу, выложилъ вещи изъ чемодана, умылся и переодѣлся. Путешествіе его уморило; двухдневное постоянное присутствіе человѣка незнакомаго, — съ которымъ онъ говорилъ

много, разнообразно—и безплодно, раздражило его нервы: что-то горькое, не то скука, не то злость, тайно забралось въ самую глубь его существа; онъ негодовалъ на свое малодушіе—а сердце все ныло!

Онъ подошелъ къ окну—и сталъ глядѣть на садъ. То былъ прадѣдовскій черноземный садъ, какого не увидишь по-сю сторону Москвы. — Расположенный по длинному скату пологаго холма, онъ состоялъ изъ четырехъ ясно обозначенныхъ отдѣленій. Передъ домомъ, шаговъ на двѣсти, разстилался цвѣтникъ, съ песчаными прямыми дорожками, группами акацій и сиреней и круглыми „клумбами"; налѣво, минуя конный дворъ, до самаго гумна тянулся фруктовый садъ, густо насаженный яблонями, грушами, сливами, смородиной и малиной; прямо напротивъ дома возвышались большимъ сплошнымъ четырехугольникомъ липовыя скрещенныя аллеи. Направо видъ преграждался дорогой, заслоненной двойнымъ рядомъ серебристыхъ тополей; изъ-за купы плакучихъ березъ виднѣлась крутая крыша оранжереи. Весь садъ нѣжно зеленѣлъ первой красою весенняго расцвѣтанія; не было еще слышно лѣтняго, сильнаго гудѣнья насѣкомыхъ; молодые листья лепетали — да зяблики кое-гдѣ пѣли, да двѣ горлинки ворковали все на одномъ и томъ же деревѣ, да куковала одна кукушка, перемѣщаясь всякій разъ, — да издалека, изъ-за мельничнаго пруда, приносился дружный гамъ грачиный, подобный скрипу множества телѣжныхъ колесъ. И надо всей этой молодою, уединенной, тихой жизнью, округляя свои груди, какъ большія, лѣнивыя птицы, тихо плыли свѣтлыя облака. — Неждановъ глядѣлъ, слушалъ, втягивалъ воздухъ сквозь раскрытыя, похолодѣвшія губы...

И ему словно легче становилось; тишина находила и на него.

А между тѣмъ внизу, въ спальнѣ, рѣчь шла тоже о немъ. Синягинъ разсказывалъ женѣ, какъ онъ съ нимъ познакомился, и что̀ ему сказалъ князь Г., и какіе разговоры они вели во время путешествія.

— Умная голова!—повторилъ онъ:—и съ свѣдѣніями; правда, онъ красный, да вѣдь у меня, ты знаешь, это ни-

чего не значитъ; по крайней мѣрѣ у этихъ людей есть амбиція. Да и Коля слишкомъ молодъ; никакихъ глупостей онъ отъ него не перейметъ.

Валентина Михайловна слушала своего мужа съ ласковой и въ то же время насмѣшливой улыбкой, точно онъ каялся ей въ немного странной, но забавной выходкѣ; ей даже какъ будто пріятно было, что ея „seigneur et maître“, такой солидный человѣкъ и важный чиновникъ, все еще въ состояніи вдругъ взять да выкинуть шалость, не хуже двадцатилѣтняго. Стоя передъ зеркаломъ въ бѣлой какъ снѣгъ рубашкѣ, въ голубыхъ шелковыхъ помочахъ, Сипягинъ принялся причесывать свою голову на англійскій фасонъ, въ двѣ щетки;—а Валентина Михайловна, взобравшись съ ботинками на турецкую низкую кушетку, начала сообщать ему разныя свѣдѣнія о хозяйствѣ, о бумажной фабрикѣ, которая—увы!—не шла такъ хорошо, какъ бы слѣдовало, о поварѣ, котораго надо будетъ перемѣнить, о церкви, съ которой свалилась штукатурка, о Маріаннѣ, о Калломѣйцевѣ...

Между обоими супругами существовало нелицемѣрное довѣріе и согласіе; они дѣйствительно жили въ „любви и совѣтѣ“, какъ говаривалось въ старину; и когда Сипягинъ, окончивъ свой туалетъ, рыцарски попросилъ у Валентины Михайловны „ручку“, когда она подала ему обѣ, и съ нѣжной гордостью глядѣла, какъ онъ поперемѣнно цѣловалъ ихъ,—то чувство, которое выразилось на лицахъ у обоихъ, было чувство хорошее и правдивое, хотя у ней оно свѣтилось въ очахъ, достойныхъ Рафаэля, а у него въ простыхъ генеральскихъ „глядѣлкахъ“.

Ровно въ пять часовъ Неждановъ сошелъ внизъ къ обѣду, возвѣщенному даже не звукомъ колокола, а протяжнымъ завываньемъ китайскаго „гонга“. Все общество уже собралось въ столовой. Сипягинъ снова его привѣтствовалъ съ высоты своего галстука, и указалъ ему мѣсто за столомъ между Анной Захаровной и Колей. Анна Захаровна была перезрѣлая дѣва, сестра покойнаго старика Сипягина; отъ нея попахивало камфарой, какъ отъ залежалаго платья, и видъ она имѣла безпокойный и унылый. Она исполня-

ла въ домѣ роль Колинаго дядьки или гувернёра; ея сморщенное лицо выказало неудовольствіе, когда Нежданова посадили между ею и ея питомцемъ. Коля сбоку поглядывалъ на своего новаго сосѣда; умный мальчикъ скоро догадался, что учителю неловко, что онъ конфузился: онъ же не поднималъ глазъ и почти ничего не ѣлъ. Колѣ это понравилось: онъ до тѣхъ поръ боялся, какъ бы учитель не оказался строгимъ и сердитымъ. Валентина Михайловна тоже поглядывала на Нежданова.

„Онъ смотритъ студентомъ,—думалось ей:—и въ свѣтѣ онъ не живалъ, но лицо у него интересное, и оригинальный цвѣтъ волосъ, какъ у того апостола, котораго старые итальянскіе мастера всегда писали рыжимъ,—и руки чистыя“. Впрочемъ, всѣ за столомъ поглядывали на Нежданова, и какъ бы щадили его, оставляя его въ покоѣ, на первыхъ порахъ; онъ это чувствовалъ, и былъ этимъ доволенъ, и въ то же время почему-то злился. Разговоръ за столомъ вели Калломѣйцевъ и Сипягинъ. Рѣчь шла о земствѣ, о губернаторѣ, о дорожной повинности, о выкупныхъ сдѣлкахъ, объ общихъ петербургскихъ и московскихъ знакомыхъ, о только-что входившемъ въ силу лицеѣ г-на Каткова, о трудности достать рабочихъ, о штрафахъ и потравахъ, а также о Бисмаркѣ, о войнѣ 66-го года и о Наполеонѣ III, котораго Калломѣйцевъ величалъ молодцомъ. Юный камеръ-юнкеръ высказывалъ мнѣнія весьма ретроградныя: онъ договорился наконецъ до того, что привелъ,—правда, въ видѣ шутки,—тостъ одного знакомаго ему барина, за нѣкоторымъ имениннымъ банкетомъ: „Пью за единственные принципы, которые признаю“,—воскликнулъ этотъ разгоряченный помѣщикъ:—„за кнутъ и за Рёдереръ!“

Валентина Михайловна наморщила брови и замѣтила, что эта цитата—de très mauvais gout.—Сипягинъ выражалъ, напротивъ, мнѣнія весьма либеральныя; вѣжливо и нѣсколько небрежно опровергалъ Калломѣйцева; даже подтрунивалъ надъ нимъ.

— Ваши страхи насчетъ эмансипаціи, любезный Семенъ Петровичъ, — сказалъ онъ ему, между прочимъ:—

напоминаютъ мнѣ записку, которую нашъ почтеннѣйшій и добрѣйшій Алексѣй Иванычъ Тверитиновъ подалъ въ 1860 году, и которую онъ всюду читалъ по петербургскимъ салонамъ. Особенно хороша была тамъ одна фраза о томъ, какъ нашъ освобожденный мужикъ непремѣнно пойдетъ, съ факеломъ въ рукѣ, по лицу всего отечества. Надо было видѣть, какъ нашъ милый Алексѣй Ивановичъ, надувая щёчки и таращa глазёнки, произносилъ своимъ младенческимъ ротикомъ: „ффакелъ! ффакелъ! пойдетъ съ ффакеломъ!“ Ну, вотъ совершилась эмансипація... Гдѣ же мужикъ съ факеломъ?

— Тверитиновъ, — возразилъ сумрачнымъ тономъ Калломѣйцевъ: — ошибся только въ томъ, что не мужики пойдутъ съ факелами, а другіе.

При этихъ словахъ Неждановъ, который до того мгновенія почти не замѣчалъ Маріанны—она сидѣла отъ него наискось — вдругъ переглянулся съ нею, и тотчасъ почувствовалъ, что они оба, эта угрюмая дѣвушка и онъ,— однихъ убѣжденій и одного пошиба. Она не произвела никакого впечатлѣнія на него, когда Сипягинъ представилъ его ей; почему же онъ теперь переглянулся именно съ нею? Онъ тутъ же поставилъ себѣ вопросъ: не стыдно ли, не позорно ли сидѣть и слушать подобныя мнѣнія, и не протестовать, и давать своимъ молчаніемъ поводъ думать, что самъ ихъ раздѣляешь? Неждановъ вторично глянулъ на Маріанну, и ему показалось, что онъ въ ея глазахъ прочелъ отвѣтъ на свой вопросъ: „погоди-молъ; теперь еще не время... не стòитъ... послѣ; всегда успѣешь...“

Ему пріятно было думать, что она его понимаетъ. Онъ опять прислушался къ разговору... Валентина Михайловна смѣнила своего мужа, и высказывалась еще свободнѣе, еще радикальнѣе, нежели онъ. Она не постигала „рѣшительно не пос...ти...га...ла“, какъ человѣкъ образованный и молодой можетъ придерживаться такой застарѣлой рутины!

— Впрочемъ,—прибавила она:—я увѣрена, что вы это говорите только такъ, для краснаго словца! Что же касается до васъ, Алексѣй Дмитричъ, — обратилась она съ

любезной улыбкой къ Нежданову (онъ внутренно изумился тому, что его имя и отчество были ей извѣстны):—я знаю, вы не раздѣляете опасеній Семена Петровича: мнѣ Борисъ передалъ ваши бесѣды съ нимъ во время дороги.

Неждановъ покраснѣлъ, склонился надъ тарелкой и пробормоталъ что-то невнятное: оно не то̀, чтобы оробѣлъ, а не привыкъ онъ перекидываться рѣчами съ такими блестящими особами. Сипягина продолжала улыбаться ему; мужъ покровительственно поддакивалъ ей... Зато Калломѣйцевъ воткнулъ, не спѣша, свое круглое стеклышко между бровью и носомъ и уставился на студентика, который осмѣливается не раздѣлять его „опасеній".—Ну,— *этимъ* смутить Нежданова было трудно; напротивъ: онъ тотчасъ выпрямился и уставился въ свою очередь на великосвѣтскаго чиновника: — и такъ же внезапно, какъ почувствовалъ въ Маріаннѣ товарища, онъ въ Калломѣйцевѣ почувствовалъ врага! И Калломѣйцевъ это почувствовалъ; выронилъ стеклышко, отвернулся и попытался усмѣхнуться... но ничего не вышло; одна Анна Захаровна, тайно благоговѣвшая передъ нимъ, мысленно стала на его сторону, и еще болѣе вознегодовала на непрошеннаго сосѣда, отдѣлившаго ее отъ Коли.

Вскорѣ затѣмъ обѣдъ кончился. Общество перешло на террасу пить кофе; Сипягинъ и Калломѣйцевъ закурили сигары. Сипягинъ предложилъ-было одну настоящую регалію Нежданову, но тотъ отказался.

— Ахъ, да!—воскликнулъ Сипягинъ: — я и забылъ: вы курите только свои папиросы!

— Странный вкусъ, — замѣтилъ сквозь зубы Калломѣйцевъ.

Неждановъ чуть не вспылилъ. — „Разницу между регаліей и папиросой я очень хорошо знаю, но я одолжаться не хочу",—чуть не сорвалось у него съ языка... Однако онъ удержался; но тутъ же занесъ эту вторую дерзость своему врагу въ „дебетъ".

— Маріанна! — вдругъ громкимъ голосомъ промолвила Сипягина: — ты не церемонься передъ новымъ лицомъ... кури съ Богомъ свою нахитоску. Тѣмъ болѣе, — приба-

вила она, обращаясь къ Нежданову: — что, я слышала, въ вашемъ обществѣ всѣ барышни курятъ?

— Точно такъ-съ,—отвѣчалъ сухо Неждановъ. То было первое слово, сказанное имъ Сипягиной.

— А я вотъ не курю,—продолжала она, ласково прищуривъ свои бархатные глаза.—Отстала отъ вѣка.

Маріанна медлительно и обстоятельно, словно на зло тёткѣ, достала пахитоску, коробочку со спичками, и начала курить. Неждановъ тоже закурилъ папиросу, позаимствовавъ огня у Маріанны.

Вечеръ стоялъ чудесный. Коля съ Анной Захаровной отправились въ садъ; остальное общество оставалось еще около часа на террасѣ, наслаждаясь воздухомъ. Бесѣда шла довольно оживленная... Калломѣйцевъ нападалъ на литературу; Сипягинъ и тутъ явился либераломъ, отстаивалъ ея независимость, доказывалъ ея пользу, упомянулъ даже о Шатобріанѣ и о томъ, что императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго! Неждановъ не вмѣшивался въ это словопреніе; Сипягина посматривала на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто, съ одной стороны, она одобряла его скромную воздержность, а съ другой—немного удивлялась ей.

Къ чаю всѣ перешли въ гостиную.

— У насъ, Алексѣй Дмитричъ, — сказалъ Сипягинъ Нежданову:—такая скверная привычка: по вечерамъ мы играемъ въ карты, да еще въ запрещенную игру—въ стуколку... представьте! — Я васъ не приглашаю... но, впрочемъ, Маріанна будетъ такъ добра, сыграетъ намъ что-нибудь на фортепіано. Вы вѣдь, надѣюсь, любите, музыку—а? И, не дожидаясь отвѣта, Сипягинъ взялъ въ руку колоду картъ. Маріанна сѣла за фортепіано и сыграла, ни хорошо, ни худо, нѣсколько „пѣсенъ безъ словъ“ Мендельсона.—Charmant! Charmant! quel touché!—закричалъ издали, словно ошпаренный, Калломѣйцевъ; но восклицаніе это было имъ пущено болѣе изъ вѣжливости; да и Неждановъ, несмотря на надежду, выраженную Сипягинымъ, никакого пристрастія къ музыкѣ не имѣлъ.

Между тѣмъ Сипягинъ съ женой, Калломѣйцевъ, Анна

Захаровна усѣлись за карты... Коля пришелъ проститься и, получивъ благословеніе отъ родителей да большой стаканъ молока вмѣсто чаю, отправился спать; отецъ крикнулъ ему вслѣдъ, что завтра же онъ начнетъ свои уроки съ Алексѣемъ Дмитричемъ. Немного спустя, увидавъ, что Неждановъ торчитъ безъ дѣла посреди комнаты и напряженно переворачиваетъ листы фотографическаго альбома, Синягинъ сказалъ ему, чтобъ онъ не стѣснялся и шелъ бы къ себѣ отдохнуть, такъ какъ онъ вѣроятно усталъ послѣ дороги; что у нихъ въ домѣ главный девизъ: свобода.

Неждановъ воспользовался даннымъ позволеніемъ и, раскланявшись со всѣми, пошелъ вонъ: въ дверяхъ онъ столкнулся съ Маріанной и, снова заглянувъ ей въ глаза, снова убѣдился, что будетъ съ ней какъ товарищъ, хотя она не только не улыбнулась ему, но даже нахмурила брови.

Онъ нашелъ комнату свою всю наполненною душистой свѣжестью: окна оставались открытыми цѣлый день. Въ саду, прямо противъ его окна, коротко и звучно щелкалъ соловей; ночное небо тускло и тепло краснѣло надъ округленными верхушками липъ: то готовилась выплыть луна. Неждановъ зажегъ свѣчку; ночныя сѣрыя бабочки такъ и посыпались изъ темнаго сада и пошли на огонь, кружась и толкаясь, а вѣтеръ ихъ отдувалъ, и колебалъ сине-желтое пламя свѣчи.

„Странное дѣло!“ думалъ Неждановъ, уже лежа въ постели... „Хозяева — люди, кажется, хорошіе, либеральные, даже гуманные... а томно что-то на душѣ. Камергеръ... камеръ-юнкеръ... Ну, утро вечера мудренѣе... Сентиментальничать нечего“.

Но въ это мгновенье въ саду сторожъ настойчиво и громко застучалъ въ доску—и раздался протяжный крикъ: „Слуша...а...ай!“

— Примѣча...а...й!—отозвался другой заунывный голосъ.

— Фу ты, Боже мой!—точно въ крѣпости!

VIII.

Неждановъ проснулся рано и, не дожидаясь появленія слуги, одѣлся и сошелъ въ садъ. Очень онъ былъ великъ

и красивъ, этотъ садъ, и содержался въ отличномъ порядкѣ: нанятые работники скребли лопатами дорожки; въ яркой зелени кустовъ мелькали красные платки на головахъ крестьянскихъ дѣвушекъ, вооруженныхъ граблями. Неждановъ добрался до пруда: утренній туманъ съ него слетѣлъ — но онъ еще дымился мѣстами, въ тѣнистыхъ излучинахъ береговъ. Невысокое солнце било розовымъ свѣтомъ по шелковистому свинцу его широкой глади. Человѣкъ пять плотниковъ возилось около плота: тутъ же колыхалась, слабо переваливаясь съ-боку-на-бокъ и пуская отъ себя легкую рябь по водѣ, новая, раскрашенная лодка. Людскіе голоса звучали рѣдко и сдержанно: ото всего вѣяло утромъ, тишиной и спорностью утренней работы, вѣяло порядкомъ и правильностью установленной жизни. И вотъ, на поворотѣ аллеи, Нежданову предстало само олицетвореніе порядка и правильности— предсталъ Сипягинъ.

На немъ былъ сюртукъ гороховаго цвѣта, въ родѣ шлафрока, и пестрый картузъ; онъ опирался на англійскую бамбуковую трость, и только-что выбритое лицо его дышало довольствомъ; онъ шелъ осматривать свое хозяйство. Сипягинъ привѣтливо поздоровался съ Нежданoвымъ.

— Ага!—воскликнулъ онъ:—я вижу, вы изъ молодыхъ, да ранній! (Онъ, вѣроятно, хотѣлъ этой не совсѣмъ умѣстной поговоркой выразить свое одобреніе Нежданову за то, что тотъ такъ же, какъ и онъ самъ, недолго оставался въ постели.) — Мы въ восемь часовъ пьемъ общій чай въ столовой, а въ двѣнадцать завтракаемъ; въ десять часовъ вы дадите Колѣ вашъ первый урокъ въ русскомъ языкѣ, а въ два—въ исторіи. Завтра, 9-го мая, онъ именинникъ, и уроковъ не будетъ; но сегодня прошу начать!

Неждановъ наклонилъ голову, а Сипягинъ простился съ нимъ на французскій манеръ, нѣсколько разъ сряду быстро поднеся руку къ собственнымъ губамъ и носу— и пошелъ далѣе, бойко размахивая тростью и посвистывая—вовсе не какъ важный чиновникъ или сановникъ— а какъ добрый русскій country gentleman.

До 8-ми часовъ Неждановъ оставался въ саду, насла-

ждаясь тѣнью старыхъ деревьевъ, свѣжестью воздуха, пѣньемъ птицъ; завыванія гонга призвали его въ домъ— и онъ нашелъ все общество въ столовой. Валентина Михайловна очень ласково обошлась съ нимъ; въ утреннемъ туалетѣ она показалась ему совершенной красавицей. Лицо Маріанны выражало обычную сосредоточенность и суровость. Ровно въ десять часовъ произошелъ первый урокъ въ присутствіи Валентины Михайловны: она сперва освѣдомилась у Нежданова, не будетъ ли она мѣшать? и все время очень скромно держала себя. Коля оказался мальчикомъ понятливымъ; послѣ неизбѣжныхъ первыхъ колебаній и неловкостей, урокъ сошелъ благополучно. Валентина Михайловна осталась, повидимому, весьма довольна Неждановымъ, и нѣсколько разъ привѣтливо заговаривала съ нимъ.—Онъ упирался... но не слишкомъ. Валентина Михайловна присутствовала также на второмъ урокѣ—изъ русской исторіи. Она съ улыбкой объявила, что по этому предмету нуждается въ наставникѣ не хуже самого Коли—и такъ же чинно и тихо держала себя, какъ въ теченіе перваго урока. Отъ 2-хъ до 5-ти Неждановъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, писалъ письма въ Петербургъ— и чувствовалъ себя... такъ себѣ: скуки не было, не было и тоски; натянутые нервы понемножку смягчались. Они напряглись снова во время обѣда, хотя Калломѣйцевъ отсутствовалъ и ласковая предупредительность хозяйки не измѣнялась; но самая эта предупредительность нѣсколько сердила Нежданова. — Къ тому же, его сосѣдка, старая дѣвица Анна Захаровна, явно враждовала и дулась, а Маріанна продолжала серьезничать, и самый Коля уже слишкомъ безцеремонно толкалъ его ногами. Сипягинъ также казался не въ духѣ. Онъ былъ очень недоволенъ управляющимъ своей писчебумажной фабрики, нѣмцемъ, котораго нанялъ за большія деньги. Сипягинъ принялся бранить всѣхъ вообще нѣмцевъ, при чемъ объявилъ, что онъ до нѣкоторой степени славянофилъ, хоть и не фанатикъ, и упомянулъ объ одномъ молодомъ русскомъ, нѣкоемъ Соломинѣ, который, по слухамъ, на отличную ногу поставилъ фабрику сосѣда-купца; очень ему хотѣлось по-

знакомиться съ этимъ Соломинымъ. Къ вечеру пріѣхалъ Калломѣйцевъ, имѣніе котораго находилось всего въ десяти верстахъ отъ „Аржаного“; такъ называлась деревня Синягина. Пріѣхалъ также мировой посредникъ, помѣщикъ изъ числа тѣхъ, которыхъ столь мѣтко охарактеризовалъ Лермонтовъ двумя извѣстными стихами:

Весь спрятанъ въ галстукъ, фракъ до пятъ...
Усы, дискантъ—и мутный взглядъ.

Пріѣхалъ другой сосѣдъ съ унылымъ, беззубымъ лицомъ, но чрезвычайно чисто одѣтый; пріѣхалъ уѣздный докторъ, весьма плохой врачъ, любившій щеголять учеными терминами: онъ увѣрялъ, напримѣръ, что предпочитаетъ Кукольника Пушкину, потому что въ Кукольникѣ много „протоплазмы“. Сѣли играть въ стуколку. Неждановъ удалился къ себѣ въ комнату—и за полночь читалъ и писалъ.

На слѣдующій день, 9-го мая, были Колины именины. Цѣлымъ домомъ, въ трехъ открытыхъ коляскахъ, съ лакеями на запяткахъ, отправились „господа“ къ обѣднѣ, а до нея и четверти версты не было. Все произошло очень парадно и пышно. Синягинъ возложилъ на себя ленту; Валентина Михайловна одѣлась въ прелестное парижское платье блѣдно-сиреневаго цвѣта—и въ церкви, во время обѣдни, молилась по крошечной книжечкѣ, переплетенной въ малиновый бархатъ; книжечка эта смущала иныхъ стариковъ; одинъ изъ нихъ не воздержался и спросилъ у своего сосѣда: „Что̀ это она, прости Господи, колдуетъ, что ли?“—Благовоніе цвѣтовъ, наполнявшихъ церковь, сливалось съ сильнымъ запахомъ новыхъ насѣренныхъ армяковъ, дегтярныхъ сапоговъ и котовъ — и надъ тѣми и другими испареніями удушливо-пріятно царилъ ладанъ. Дьячки и понамари на клиросахъ пѣли удивительно-старательно. Съ помощью присоединившихся къ нимъ фабричныхъ, они покусились даже на концертъ! Была минута, когда всѣмъ присутствовавшимъ стало нѣсколько... жутко. Теноровый голосъ (онъ принадлежалъ фабричному Климу, человѣку въ злѣйшей чахоткѣ) выводилъ одинъ, безъ всякой поддержки, хроматическіе, минорные и бемольные тоны;—они были ужасны, эти тоны!— но оборвись они—

и весь концертъ немедленно бы провалился... Однако, дѣло... ничего... обошлось. Отецъ Кипріанъ, священникъ самой почтенной наружности, съ набедренникомъ и камилавкой, произнесъ проповѣдь весьма поучительную, по тетрадкѣ; къ сожалѣнію, старательный батюшка счелъ за нужное привести имена какихъ-то премудрёныхъ ассирійскихъ царей, чѣмъ весьма себя затруднилъ въ произношеніи— и хотя выказалъ нѣкоторую ученость, однако вспотѣлъ же сильно! Нежданов, давно не бывавшій въ церкви, забился въ уголокъ между бабами: онѣ только изрѣдка косились на него, истово крестясь, низко кланяясь и степенно утирая носы своихъ малютокъ; зато крестьянскія дѣвочки въ новыхъ армячонкахъ, съ подпизями на лбахъ, и мальчики въ подпоясанныхъ рубашонкахъ, съ расшитыми оплечьями и красными ластовицами, внимательно оглядывали новаго богомольца, повернувшись прямо къ нему лицомъ... И Нежданов смотрѣлъ на нихъ и думалъ— разныя думы.

Послѣ обѣдни, длившейся весьма долго,—молебенъ Николаю Чудотворцу, какъ извѣстно, едва ли не самый продолжительный изъ всѣхъ молебновъ православной церкви,— все духовенство, по приглашенію Сипягина, двинулось къ господскому дому и, совершивъ еще нѣсколько приличныхъ случаю обрядовъ, окропивъ даже комнаты святой водой,—получило обильный завтракъ, въ теченіе котораго велись обычные, благонадежные, но нѣсколько утомительные разговоры. И хозяинъ, и хозяйка—хотя въ этотъ часъ дня никогда не завтракали—однако тутъ и прикусили, и пригубили. Сипягинъ даже разсказалъ анекдотъ, вполнѣ пристойный, но смѣхотворный, — что̀, при его красной лентѣ и сановитости, произвело впечатлѣніе, можно сказать, отрадное,—а въ отцѣ Кипріанѣ возбудило чувство и благодарности, и удивленія. Въ „отместку", а также для того, чтобъ показать, что и онъ при случаѣ можетъ сообщить нѣчто любознательное, — отецъ Кипріанъ разсказалъ о своемъ разговорѣ съ „архіереемъ", когда тотъ, объѣзжая епархію, вызвалъ всѣхъ священниковъ уѣзда къ себѣ въ городъ, въ монастырь.—Онъ у насъ строгій,

престрогій,—увѣрялъ отецъ Кипріанъ: — сперва разспроситъ о приходѣ, о порядкахъ, а потомъ экзаменъ дѣлаетъ... Обратился онъ тоже ко мнѣ.—Твой какой храмовой праздникъ?—Спаса Преображенія, говорю.—А тропарь на этотъ день знаешь?—Еще бы не знать!—Пой!—Ну, я сейчасъ: „Преобразился еси на горѣ, Христе Боже нашъ...“—Стой! Что̀ есть преображеніе и ка̀къ надо его понимать?—Одно слово, говорю: хотѣлъ Христосъ ученикамъ славу Свою показать!—Хорошо, говоритъ; вотъ тебѣ отъ меня образокъ на память.—Я ему въ ноги.—Благодарю, молъ, владыко!.. Такъ я отъ него не тощъ вышелъ.

— Я имѣю честь лично знать преосвященнаго, — съ важностью замѣтилъ Синягинъ. — Достойнѣйшій пастырь!

— Достойнѣйшій, — подтвердилъ и отецъ Кипріанъ.— Благочиннымъ напрасно только слишкомъ довѣряется...

Валентина Михайловна упомянула о крестьянской школѣ и указала при этомъ на Маріанну, какъ на будущую учительницу; дьяконъ—(ему былъ порученъ надзоръ надъ школой)—человѣкъ атлетическаго сложенія и съ длинной волнистой косою, смутно напоминавшей расчесанный хвостъ орловскаго рысака, хотѣлъ-было выразить свое одобреніе; но, не сообразивъ силы своей гортани, такъ густо крякнулъ, что и самъ оробѣлъ, и другихъ испугалъ. — Послѣ этого духовенство скоро удалилось.

Коля, въ своей новой курточкѣ съ золотыми пуговками, былъ героемъ дня: ему дѣлали подарки, его поздравляли, цѣловали ему руки и съ передняго крыльца, и съ задняго: фабричные, дворовые, старухи и дѣвки; мужики—тѣ больше по старой крѣпостной памяти, гудѣли передъ домомъ вокругъ столовъ, уставленныхъ пирогами и штофами съ водкой.—Коля и стыдился, и радовался, и гордился, и робѣлъ, и ластился къ родителямъ, и выбѣгалъ изъ комнаты; а за обѣдомъ Синягинъ велѣлъ подать шампанскаго,—и прежде чѣмъ выпить за здоровье сына, произнесъ спичъ. Онъ говорилъ о томъ, что значитъ: „служить землѣ“,—и по какой дорогѣ онъ желалъ бы, чтобы пошелъ его Николай!.. (онъ именно такъ его назвалъ)— и чего въ правѣ ожидать отъ него: во-первыхъ — семья.

во-вторыхъ, сословіе, общество; въ-третьихъ, народъ—да, милостивые государи, народъ,—и въ-четвертыхъ—правительство! Постепенно возвышаясь, Сипягинъ достигъ, наконецъ, истиннаго краснорѣчія, причемъ, на подобіе Роберта Пиля, закладывалъ руку за фалду фрака; пришелъ въ умиленіе отъ словъ „наука“ и кончилъ свой спичъ латинскимъ восклицаніемъ: Laboremus! которое тутъ же перевелъ на русскій языкъ. Коля съ бокаломъ въ рукѣ отправился вдоль стола благодарить отца и цѣловаться со всѣми.

Нежданову опять пришлось помѣняться взглядами съ Маріанной... Оба они, вѣроятно, ощущали одно и то же... Но другъ съ другомъ они не говорили.

Впрочемъ, Нежданову все, что онъ видѣлъ, казалось болѣе смѣшнымъ и даже занимательнымъ, нежели досаднымъ или противнымъ, а любезная хозяйка, Валентина Михайловна, являлась ему умной женщиной, которая знаетъ, что разыгрываетъ роль, и въ то же время тайно радуется, что есть другое лицо, тоже умное и догадливое, которое ее постигаетъ... Неждановъ, вѣроятно, самъ не подозрѣвалъ, до какой степени его самолюбіе было польщено ея обхожденіемъ съ нимъ.

На слѣдующій день уроки возобновились, и жизнь побѣжала обычной колеей.

Недѣля прошла незамѣтно... О томъ, что испыталъ, что̀ передумалъ Неждановъ, лучше всего можетъ дать понятіе отрывокъ изъ его письма къ нѣкоему Силину, бывшему его товарищу по гимназіи и лучшему его другу. Силинъ этотъ жилъ не въ Петербургѣ, а въ отдаленномъ губернскомъ городѣ, у зажиточнаго родственника, отъ котораго зависѣлъ вполнѣ. Положеніе его опредѣлилось такъ, что ему нечего было и думать когда-нибудь вырваться оттуда; человѣкъ онъ былъ немощный, робкій и недальній, но замѣчательно чистой души. Политикой онъ не занимался, почитывалъ кое-какія книжки, игралъ отъ скуки на флейтѣ и боялся барышень. Силинъ страстно любилъ Нежданова — сердце у него было вообще привязчивое. Ни передъ кѣмъ Неждановъ такъ беззавѣтно не

высказывался, какъ передъ Владиміромъ Силинымъ; когда онъ писалъ къ нему, ему всегда казалось, что онъ бесѣдуетъ съ существомъ близкимъ и знакомымъ, — но жильцомъ другого міра, или съ собственной совѣстью. Неждановъ не могъ даже представить себѣ, какъ бы онъ снова зажилъ съ Силинымъ, по-товарищески, въ одномъ городѣ... Онъ, вѣроятно, тотчасъ охладѣлъ бы къ нему: очень мало было у нихъ общаго; но писалъ онъ къ нему охотно и много—и вполнѣ откровенно. Съ другими онъ — на бумагѣ, по крайней мѣрѣ,—все какъ будто фальшилъ или рисовался; съ Силинымъ—никогда! Плохо владѣя перомъ, Силинъ отвѣчалъ мало, короткими, неловкими фразами; но Неждановъ и не нуждался въ пространныхъ отвѣтахъ: онъ зналъ и безъ того, что другъ его поглощаетъ каждое его слово, какъ дорожная пыль брызги дождя, хранитъ его тайны, какъ святыню — и, затерянный въ глухомъ и безвыходномъ уединеніи, только и живетъ, что его жизнью. Никому въ свѣтѣ Неждановъ не говорилъ о своихъ сношеніяхъ съ нимъ и дорожилъ ими чрезвычайно.

„Ну, дружище,—чистый Владиміръ!“—такъ писалъ онъ ему: онъ всегда называлъ его чистымъ, и не даромъ!— „поздравь меня: попалъ я на подножный кормъ и могу теперь отдохнуть и собраться съ силами. Я живу на кондиціи у богатаго сановника Сипягина, учу его сынишку, ѣмъ чудесно (я въ жизни такъ не ѣдалъ!), сплю крѣпко, гуляю всласть по прекраснымъ окрестностямъ—а главное: вышелъ на время изъ-подъ опеки петербургскихъ друзей; и хоть сначала скука грызла лихо, но теперь какъ будто легче стало. Въ скорости придется надѣть извѣстную тебѣ лямку, т. е. полѣзть въ кузовъ, такъ какъ я назвался груздемъ (меня собственно затѣмъ и отпустили сюда); но, пока, я могу жить драгоцѣнной животной жизнью, расти въ брюхо—и, пожалуй, стихи сочинять, коли присничитъ охота. Такъ-называемыя наблюденія отлагаются до другого времени: имѣніе мнѣ кажется благоустроеннымъ, вотъ только развѣ фабрика подгуляла; отдѣленные по выкупу мужики—какіе-то недоступные; нанятые дворовые—ужъ очень всѣ пристойныя физіономіи. Но мы это разберемъ

впослѣдствіи. Хозяева—учтивые, либеральные; баринъ все снисходитъ, все снисходитъ—а то вдругъ возьметъ и воспаритъ: преобразованный мужчина! Барыня—писанная красавица и очень, должно-быть, себѣ на умѣ: такъ и караулитъ тебя,—а ужъ какъ мягка!—Совсѣмъ безкостная! Я ея побаиваюсь; ты вѣдь знаешь, какой я дамскій кавалеръ!—Сосѣди есть—скверные; старуха одна меня притѣсняетъ... Но больше всѣхъ меня занимаетъ одна дѣвушка, родственница ли, компаньонка ли,—Господь ее знаетъ!—съ которой я почти двухъ словъ не сказалъ, но въ которой я чувствую своего поля ягоду...“

Тутъ слѣдовало описаніе наружности Маріанны—всей ея повадки; а потомъ онъ продолжалъ:

„Что она несчастна, горда, самолюбива, скрытна, а главное, несчастна,—это для меня не подлежитъ сомнѣнію. Почему она несчастна,—этого я до сихъ поръ еще не знаю. Что она натура честная,—это мнѣ ясно; добра ли она,—это еще вопросъ. Да и существуютъ ли вполнѣ добрыя женщины—если онѣ не глупы? И нужно ли это? Впрочемъ, я женщинъ вообще мало знаю. Хозяйка ее не любитъ... И она ей платитъ тѣмъ же... Но кто изъ нихъ правъ,—неизвѣстно. Я полагаю, что скорѣй хозяйка не права... такъ какъ ужъ очень она вѣжлива съ нею; а у *той* даже брови нервически подергиваются, когда она говоритъ съ своей патроншей. Да; очень она нервическое существо; это тоже по моей части. И *вывихнута* она такъ же, какъ я,—хотя вѣроятно не однимъ и тѣмъ же манеромъ.

„Когда все это немножко распутается,—напишу тебѣ...

„Она со мной почти никогда не бесѣдуетъ, какъ я уже сказалъ тебѣ; но въ немногихъ ея словахъ, ко мнѣ обращенныхъ—(всегда внезапно и неожиданно)—звучитъ какая-то жесткая откровенность... Мнѣ это пріятно.

„Кстати, что̀, родственникъ твой все еще держитъ тебя на сухояденіи—и не собирается умирать?

„Читалъ ли ты въ „Вѣстникѣ Европы“ статью о послѣднихъ самозванцахъ въ Оренбургской губерніи? Въ 34-мъ году это происходило, братъ! Журналъ я этотъ не люблю,

и авторъ—консерваторъ; но вещь интересная, и можетъ навести на мысли...“

IX.

Май уже перевалился за вторую половину; стояли первые жаркіе лѣтніе дни. — Окончивъ урокъ исторіи, Нежданов отправился въ садъ, а изъ сада перешелъ въ березовую рощу, которая примыкала къ нему съ одной стороны.—Часть этой рощи свели купцы лѣтъ пятнадцать тому назадъ; по всѣмъ вырубленнымъ мѣстамъ засѣлъ сплошной березнякъ. Нѣжно-матовыми серебряными столбиками, съ сѣроватыми поперечными кольцами, стояли частые стволы деревьевъ; мелкіе листья ярко и дружно зеленѣли, словно кто ихъ вымылъ и лакъ на нихъ навелъ; весенняя травка пробивалась острыми язычками сквозь ровный слой прошлогодней темнопалевой листвы. Всю рощу прорѣзали узкія дорожки; желтоносые черные дрозды съ внезапнымъ крикомъ, словно испуганные, перелетывали черезъ эти дорожки, низко, надъ самой землей,—и бросались въ чащу, сломя голову. Погулявши съ полчаса, Нежданов присѣлъ, наконецъ, на срубленный пень, окруженный сѣрыми, старыми щепками: онѣ лежали кучкой такъ, какъ упали, отбитыя когда-то топоромъ. Много разъ ихъ покрывалъ зимній снѣгъ—и сходилъ съ нихъ весною,—и никто ихъ не трогалъ. Нежданов сидѣлъ спиною къ сплошной стѣнѣ молодыхъ березъ, въ густой, но короткой тѣни; онъ не думалъ ни о чемъ, онъ отдавался весь тому особенному весеннему ощущенію, къ которому — и въ молодомъ, и въ старомъ сердцѣ — всегда примѣшивается грусть... взволнованная грусть ожиданія—въ молодомъ, неподвижная грусть сожалѣнія—въ старомъ...

Нежданову вдругъ послышался шумъ приближавшихся шаговъ.

То шелъ не одинъ человѣкъ—и не мужикъ въ лаптяхъ или тяжелыхъ сапогахъ—и не босоногая баба. Казалось, двое шли не спѣша, мѣрно... Женское платье прошуршало слегка...

Вдругъ раздался глухой голосъ, голосъ мужчины:

— И такъ, это ваше послѣднее слово? Никогда?

— Никогда!—повторилъ другой, женскій голосъ, показавшійся Нежданову знакомымъ,—и мгновеніе спустя, изъ-за угла дорожки, огибавшей въ этомъ мѣстѣ молодой березнякъ,—выступила Маріанна въ сопровожденіи человѣка смуглаго, черноглазаго, котораго Неждановъ до того мгновенія не видалъ.

Оба остановились, какъ вкопанные, при видѣ Нежданова; — а онъ до того удивился, что даже не поднялся съ пня, на которомъ сидѣлъ... Маріанна покраснѣла до корней волосъ, но тотчасъ же презрительно усмѣхнулась... Къ кому относилась эта усмѣшка — къ ней самой за то, что она покраснѣла—или къ Нежданову?.. А спутникъ ея нахмурилъ свои густыя брови — и сверкнулъ желтоватыми бѣлками безпокойныхъ глазъ. Потомъ онъ переглянулся съ Маріанной — и оба, повернувшись спиною къ Нежданову, пошли прочь, молча, не прибавляя шагу, между тѣмъ какъ онъ провожалъ ихъ изумленнымъ взоромъ.

Полчаса спустя, онъ вернулся домой, въ свою комнату,— и когда, призванный завываньями гонга, вошелъ въ гостиную, онъ увидалъ въ ней того самаго черномазаго незнакомца, который наткнулся на него въ рощѣ. Сипягинъ подвелъ къ нему Нежданова и представилъ его, какъ своего beau-frère'a, брата Валентины Михайловны — Сергѣя Михайловича Маркелова.

— Прошу васъ, господа, любить другъ друга и жаловать!—воскликнулъ Сипягинъ съ столь свойственной ему величественно-привѣтной и въ то же время разсѣянной улыбкой.

Маркеловъ отвѣсилъ безмолвный поклонъ; Неждановъ отвѣчалъ таковымъ же... а Сипягинъ, слегка закидывая назадъ свою небольшую головку и подергивая плечами, отошелъ въ сторону.—„Я, молъ, васъ свелъ, а будете ли вы точно любить и жаловать другъ друга—это для меня довольно индифферентно!“

Тогда Валентина Михайловна приблизилась къ непо-

движно-стоявшей четѣ, снова представила ихъ другъ другу— и съ особенной, ласковой свѣтлостью взгляда, которая, словно по командѣ, приливала къ ея чудеснымъ глазамъ, заговорила съ братомъ.

— Что̀ это, cher Serge, ты насъ совсѣмъ забываешь! даже на именины Коли не пріѣхалъ. Или занятій у тебя такъ много накопилось?—Онъ со своими крестьянами какіе-то новые порядки заводитъ,—обратилась она къ Нежданову:—преоригинальные: имъ три четверти всего—а себѣ одну четверть; и то онъ еще находитъ, что много ему достается.

— Сестра любитъ шутить,—обратился въ свою очередь Маркеловъ къ Нежданову:—но я готовъ съ ней согласиться, что *одному* человѣку взять четверть того, что̀ принадлежитъ цѣлой *сотнѣ*,—дѣйствительно много.

— А вы, Алексѣй Дмитріевичъ, замѣтили, что я люблю шутить?—спросила Синягина все съ тою же ласковой мягкостью и взора, и голоса.

Неждановъ не нашелся, что̀ отвѣтить;—а тутъ доложили о пріѣздѣ Калломѣйцева. Хозяйка пошла къ нему навстрѣчу,—и нѣсколько минутъ спустя, дворецкій появился и пѣвучимъ голосомъ провозгласилъ, что—кушанье готово.

За обѣдомъ Неждановъ невольно все посматривалъ на Маріанну и на Маркелова.—Они сидѣли рядомъ, оба съ опущенными глазами, со стиснутыми губами, сумрачнымъ и строгимъ, почти озлобленнымъ выраженіемъ лица. Неждановъ особенно дивился тому, какимъ образомъ могъ Маркеловъ быть братомъ Синягиной? Такъ мало сходства замѣчалось между ними.—Одно развѣ: у обоихъ кожа была смуглая; но у Валентины Михайловны матовый цвѣтъ лица, рукъ и плечъ составлялъ одну изъ ея прелестей... у ея брата онъ переходилъ въ ту черноту, которую вѣжливые люди величаютъ бронзой, но которая русскому глазу напоминаетъ—голенище. Волосы Маркеловъ имѣлъ курчавые, носъ нѣсколько крючковатый, губы крупныя, впалыя щеки, втянутый животъ и жилистыя руки. Весь онъ былъ жилистый, сухой,—и говорилъ мѣд-

нымъ, рѣзкимъ, отрывистымъ голосомъ. Сонный взглядъ—угрюмый видъ,—какъ есть желчевикъ! Онъ ѣлъ мало, больше каталъ шарики изъ хлѣба—и лишь изрѣдка вскидывалъ глазами на Калломѣйцева, который только-что вернулся изъ города, гдѣ видѣлъ губернатора—по не совсѣмъ пріятному для него, Калломѣйцева, дѣлу, о которомъ онъ впрочемъ тщательно умалчивалъ,—и заливался соловьемъ.

Сипягинъ, попрежнему, осаживалъ его, когда онъ черезчуръ заносился, но много смѣялся его анекдотамъ и бон-мо̀, хотя и находилъ — „qu'il est un affreux réactionnaire". Калломѣйцевъ увѣрялъ между прочимъ, что пришелъ въ совершенный восторгъ отъ названія, которое мужики — oui, oui! les simples mougiks! — даютъ адвокатамъ. „Брехунцы! брехунцы!" — повторялъ онъ съ восхищеніемъ: — ce peuple russe est délicieux! — Потомъ онъ разсказалъ, какъ, посѣтивъ однажды народную школу, онъ поставилъ ученикамъ вопросъ: Что̀ есть строфокамилъ?—И такъ какъ никто не умѣлъ отвѣтить, ни даже самъ учитель,—то онъ, Калломѣйцевъ, поставилъ другой вопросъ: Что̀ есть пиѳикъ? — причемъ привелъ стихъ Хемницера: „И пиѳикъ слабоумъ, списатель звѣрскихъ лицъ!"—И на это ему никто не отвѣтилъ.—Вотъ вамъ и народныя школы!

— Но позвольте,—замѣтила Валентина Михайловна:—я сама не знаю, что это за звѣри такіе?

— Сударыня!—воскликнулъ Калломѣйцевъ:—вамъ этого и не нужно знать!

— А для чего же это народу нужно?

— А для того, что ему лучше знать пиѳика или строфокамила,—чѣмъ какого-нибудь Прудона—или даже Адама Смита!

Но тутъ Сипягинъ снова осадилъ Калломѣйцева, объявивъ, что Адамъ Смитъ—одно изъ свѣтилъ человѣческой мысли, и что было бы полезно всасывать его принципы... (онъ налилъ себѣ рюмку шато д'икему...) вмѣстѣ съ молокомъ... (онъ провелъ у себя подъ носомъ и понюхалъ вино...) матери!—Онъ проглотилъ рюмку, Калломѣйцевъ тоже выпилъ и похвалилъ вино.

Маркеловъ не обращалъ особеннаго вниманія на разглагольствованія петербургскаго камеръ-юнкера, но раза два вопросительно посмотрѣлъ на Нежданова и, подбросивъ хлѣбный шарикъ, чуть было не попалъ имъ прямо въ носъ краснорѣчивому гостю...

Сипягинъ оставлялъ своего зятя въ покоѣ; Валентина Михайловна также не заговаривала съ нимъ;—видно было, что они оба, и мужъ и жена, привыкли считать Маркелова за чудака, котораго лучше не задирать.

Послѣ обѣда Маркеловъ отправился въ бильярдную курить трубку,—а Неждановъ пошелъ въ свою комнату.— Въ коридорѣ онъ наткнулся на Маріанну. Онъ хотѣлъ-было пройти мимо... она остановила его рѣзкимъ движеніемъ руки.

— Г-нъ Неждановъ,—заговорила она не совсѣмъ твердымъ голосомъ: — мнѣ, по настоящему, должно быть все равно, что̀ вы обо мнѣ ни думаете; но я все-таки полагаю... я полагаю... (она не находила слова...) Я полагаю умѣстнымъ сказать вамъ, что когда вы встрѣтили сегодня въ рощѣ меня съ г-мъ Маркеловымъ... Скажите, вы, вѣроятно, подумали: отчего это они оба смутились и зачѣмъ это они пришли сюда,—словно на свиданіе?

— Мнѣ дѣйствительно показалось немного страннымъ... началъ-было Неждановъ.

— Г-нъ Маркеловъ,— подхватила Маріанна:— сдѣлалъ мнѣ предложеніе; — и я ему отказала. Вотъ все, что̀ я имѣла сказать вамъ; засимъ — прощайте. И думайте обо мнѣ, что̀ хотите.

Она быстро отвернулась и пошла скорыми шагами по коридору.

Неждановъ вернулся къ себѣ въ комнату и, присѣвъ передъ окномъ, задумался.—Что̀ за странная дѣвушка — и къ чему эта дикая выходка, эта непрошенная откровенность? Что̀ это такое — желаніе пооригинальничать — или просто фразерство—или гордость? Вѣрнѣе всего, что гордость. Ей не въ терпежъ малѣйшее подозрѣніе... Она не выноситъ мысли, что другой ложно судитъ о ней. — Странная дѣвушка!

Такъ размышлялъ Неждановъ; а внизу на террасѣ шелъ разговоръ о немъ; и онъ очень хорошо все слышалъ.

— Чустъ мой носъ, — увѣрялъ Калломѣйцевъ: — чуетъ, что это— красный. Я, еще въ бытность мою чиновникомъ по особымъ порученіямъ у московскаго генералъ-губернатора — avec Ladislas—навострился на этихъ господъ—на красныхъ, да вотъ еще на раскольниковъ. Чутьемъ, бывало, беру, верхнимъ.—Тутъ Калломѣйцевъ „кстати" разсказалъ, какъ онъ однажды, въ окрестностяхъ Москвы, поймалъ *за каблукъ* старика-раскольника, на котораго нагрянулъ съ полиціей и который едва-было не выскочилъ изъ окна избы... „И такъ до той минуты смирно сидѣлъ на лавкѣ, бездѣльникъ!"

Калломѣйцевъ забылъ прибавить, что этотъ самый старикъ, посаженный въ тюрьму, отказался отъ всякой пищи—и уморилъ себя голодомъ.

— А вашъ новый учитель, — продолжалъ ретивый камеръ-юнкеръ: — красный, непремѣнно! Обратили ли вы вниманіе на то, что онъ никогда первый не кланяется?

— Да зачѣмъ же онъ станетъ первый кланяться?—замѣтила Сипягина:—мнѣ это, напротивъ, въ немъ нравится.

— Я гость въ домѣ, гдѣ онъ служитъ, — воскликнулъ Калломѣйцевъ:—да, да служитъ, за деньги, comme un salarié... Стало-быть, я ему старшой.—И онъ *долженъ* мнѣ кланяться первый.

— Вы очень взыскательны, мой любезнѣйшій, — вмѣшался Сипягинъ, съ удареніемъ на *ый*:—все это пахнетъ, извините, чѣмъ-то весьма отсталымъ. Я купилъ его услуги, его работу, но онъ остался человѣкомъ свободнымъ.

— Узды онъ не чувствуетъ, — продолжалъ Калломѣйцевъ:—узды: le frein! Всѣ эти красные — таковы. Говорю вамъ: у меня на нихъ носъ чудный! — Вотъ развѣ Ladislas со мной—въ этомъ отношеніи—потягаться можетъ.— Попадись онъ мнѣ, этотъ учитель, въ руки, — я бы его подтянулъ! Я бы его вотъ какъ подтянулъ! Онъ бы у меня запѣлъ другимъ голосомъ; —и какъ бы шапку ломать передо мной сталъ... прелесть!

— Дрянь, хвастунишка!—чуть-было не закричалъ свер-

ху Неждановъ... Но въ это мгновеніе дверь его комнаты растворилась—и въ нее, къ немалому изумленію Нежданова,—вошелъ Маркеловъ.

X.

Неждановъ приподнялся съ своего мѣста ему навстрѣчу, а Маркеловъ прямо подошелъ къ нему и, безъ поклона и безъ улыбки, спросилъ его: точно ли онъ Алексѣй Дмитріевъ Неждановъ, студентъ С.-Петербургскаго университета?

— Да... точно,—отвѣчалъ Неждановъ.

Маркеловъ досталъ изъ бокового кармана распечатанное письмо.— Въ такомъ случаѣ—прочтите это. Отъ Василія Николаевича, — прибавилъ онъ, значительно понизивъ голосъ.

Неждановъ развернулъ и прочелъ письмо. Это было нѣчто въ родѣ полу-офиціальнаго циркуляра, въ которомъ податель, Сергѣй Маркеловъ, рекомендовался, какъ одинъ изъ „нашихъ", вполнѣ заслуживавшихъ довѣрія; далѣе слѣдовало наставленіе о безотлагательной необходимости взаимнодѣйствія, о распространеніи извѣстныхъ правилъ. Циркуляръ былъ между прочимъ адресованъ и Нежданову, тоже какъ вѣрному человѣку.

Неждановъ протянулъ руку Маркелову, попросилъ его сѣсть и самъ опустился на стулъ. Маркеловъ началъ съ того, что, ни слова не говоря, закурилъ папиросу. Неждановъ послѣдовалъ его примѣру.

— Вы съ здѣшними крестьянами уже успѣли сблизиться?—спросилъ, наконецъ, Маркеловъ.

— Нѣтъ; пока еще не успѣлъ.

— Да вы давно ли сюда прибыли?

— Скоро двѣ недѣли будетъ.

— Занятій много?

— Не слишкомъ.

Маркеловъ угрюмо кашлянулъ.

— Гмъ! Народъ здѣсь довольно пустой, — продолжалъ онъ: —темный народъ. Поучать надо. Бѣдность большая, а растолковать некому, отчего эта самая бѣдность происходитъ.

— Бывшіе мужики вашего зятя, сколько можно судить, не бѣдствуютъ,—замѣтилъ Неждановъ.

— Зять мой—хитрецъ; глаза отводить—мастеръ. Крестьяне здѣшніе—точно, ничего; но у него есть фабрика. Вотъ гдѣ нужно стараніе приложить. Тутъ только копни: что̀ въ муравьиной кучкѣ, сейчасъ заворошатся.—Книжки у васъ съ собою есть?

— Есть... да не много.

— Я вамъ доставлю. Какъ же это вы такъ?

Неждановъ ничего не отвѣчалъ. — Маркеловъ тоже умолкъ и только дымъ пускалъ ноздрями.

— Какой, однако, мерзавецъ этотъ Калломѣйцевъ,—промолвилъ онъ вдругъ.—Я за обѣдомъ думалъ: встать, подойти къ этому барину—и расшибить въ прахъ всю его нахальную физіономію, чтобы другимъ повадно не было. Да нѣтъ! Теперь есть дѣла поважнѣе, чѣмъ бить камеръ-юнкеровъ. — Теперь не время сердиться на дураковъ за то̀, что они говорятъ глупыя слова; теперь время мѣшать имъ глупыя дѣла дѣлать.

Неждановъ качнулъ головой утвердительно, — а Маркеловъ опять принялся за папироску.

— Тутъ, между всей этой дворовой челядью, есть одинъ малый дѣльный—началъ онъ снова:—не слуга вашъ Иванъ... это — рыба какая-то, а другой... ему имя Кириллъ, онъ при буфетѣ. (Кириллъ этотъ былъ извѣстенъ, какъ горькій пьяница.) — Вы обратите на него вниманіе. Забубенная голова... да вѣдь намъ деликатничать не приходится. А что̀ объ моей сестрѣ скажете? — прибавилъ онъ, внезапно поднявъ голову и уставивъ свои желтые глаза на Нежданова.—Эта еще похитрѣе будетъ, чѣмъ мой зятёкъ. Какъ вы объ ней полагаете?

— Я полагаю, что она очень пріятная и любезная дама... И къ тому же она очень красива.

— Гмъ! Какъ это вы, господа, въ Петербургѣ тонко выражаетесь... Удивляюсь! — Ну... а насчетъ... — началъ-было онъ, но вдругъ насупился, потемнѣлъ въ лицѣ и не докончилъ начатой фразы. — Намъ, я вижу, надо съ вами хорошенько потолковать,—заговорилъ онъ опять.—

Здѣсь невозможно. Чортъ ихъ знаетъ! Подъ дверьми, пожалуй, подслушиваютъ. Знаете ли, что̀ я вамъ предлагаю? Сегодня суббота; завтра вы, чай, моему племяннику уроковъ не даете?.. Не правда ли?

— У меня завтра съ нимъ репетиція въ три часа.

— Репетиція! Точно въ театрѣ. Это, должно-быть, моя сестрица такія слова выдумываетъ. Ну, все равно. Хотите? Поѣдемте сейчасъ ко мнѣ. Моя деревня отсюда въ десяти верстахъ. Лошади у меня хорошія: сомчатъ духомъ—вы у меня переночуете, проведете утро,—а завтра къ тремъ часамъ я васъ обратно доставлю. Согласны?

— Извольте,—промолвилъ Неждановъ.. Съ самаго прихода Маркелова онъ находился въ возбужденномъ и стѣсненномъ состояніи. — Внезапное сближеніе съ нимъ его смущало; и въ то же время его влекло къ нему. — Онъ чувствовалъ, онъ понималъ, что передъ нимъ существо, вѣроятно тупое, но несомнѣнно честное—и сильное.—Къ тому же эта крѣпкая встрѣча въ рощѣ, это неожиданное объясненіе Маріанны...

— Ну, и прекрасно! — воскликнулъ Маркеловъ. — Вы, пока, приготовьтесь; а я пойду, велю заложить тарантасъ. Вѣдь вамъ, я надѣюсь, нечего спрашиваться у здѣшнихъ хозяевъ?

— Я ихъ предувѣдомлю. Безъ этого, я полагаю, мнѣ отлучиться нельзя.

— Я имъ скажу, — подхватилъ Маркеловъ. — Вы не безпокойтесь.—Они теперь дуются въ карты—и не замѣтятъ вашего отсутствія. Мой зять все въ государственные люди мѣтитъ, а только за нимъ и есть, что въ карты отлично играетъ. Ну, и то сказать: черезъ этотъ фортель многіе выходятъ!.. Такъ будьте готовы. Я сейчасъ распоряжусь.

Маркеловъ удалился; а часъ спустя, Неждановъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ на большой кожаной подушкѣ, въ широкомъ, развалистомъ, очень старомъ и очень покойномъ тарантасѣ; призёмистый кучерокъ на облучкѣ непрестанно свисталъ какимъ-то удивительно-пріятнымъ, птичьимъ свистомъ; тройка пѣгихъ лошадокъ съ заплетенными черными гривами и хвостами быстро неслась по ровной до-

рогѣ; и уже застланные первою ночною тѣнью (въ минуту отъѣзда пробило десять часовъ) плавно проносились — иные взадъ, другіе впередъ, смотря по отдаленію—отдѣльныя деревья, кусты, поля, луга и овраги.

Небольшая деревенька Маркелова (въ ней было всего двѣсти десятинъ и приносила она около 700 р. дохода— звали ее Борзёнково) находилась въ трехъ верстахъ отъ губернскаго города, отъ котораго имѣніе Сипягина отстояло въ семи верстахъ. Чтобы попасть въ Борзёнково, надо было проѣхать черезъ городъ. — Не успѣли новые знакомцы обмѣняться и полусотней словъ,—какъ уже замелькали передъ ними дрянные подгородные мѣщанскіе домишки съ продавленными тесовыми крышами, съ тусклыми пятнами свѣта въ перекривленныхъ окошкахъ, а тамъ загремѣли подъ колесами камни губернской мостовой, тарантасъ запрыгалъ, заметался изъ стороны въ сторону... и, подпрыгивая при каждомъ толчкѣ, поплыли мимо глупые каменные двухъэтажные купеческіе дома, съ фронтонами, церкви съ колоннами, трактирныя заведенія... Дѣло было подъ воскресенье; на улицахъ уже не было прохожихъ, но въ кабакахъ еще толпился народъ. Хриплые голоса вырывались оттуда, пьяныя пѣсни, гнусливые звуки гармоникъ; изъ внезапно раскрытыхъ дверей било грязнымъ тепломъ, ѣдкимъ запахомъ спирта, краснымъ отблескомъ ночниковъ. Почти передъ каждымъ кабакомъ стояли крестьянскія телѣжёнки, запряженныя мохнатыми, пузатыми клячами; покорно понуривъ кудластыя головы, онѣ, казалось, спали; растерзанный, распоясанный мужикъ въ пухлой зимней шапкѣ, свѣсившейся мѣшкомъ на затылокъ, выходилъ изъ кабака—и, прислонившись грудью къ оглоблямъ, пребывалъ недвижимъ, что-то слабо ощупывая и разводя и шаря руками; или худощавый фабричный въ картузѣ набекрень, съ выпущенной китайчатой рубахой и босой — сапоги-то остались въ заведеніи — дѣлалъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ, останавливался, чесалъ спину—и, внезапно ахнувъ, возвращался вспять...

— Одолѣваетъ вино русскаго человѣка!—сумрачно замѣтилъ Маркеловъ.

— Съ горя, батюшка Сергѣй Михайловичъ! — промолвилъ, не оборачиваясь, кучеръ, который передъ каждымъ кабакомъ переставалъ свистать и словно въ себя углублялся.

— Пошелъ! пошелъ! — отвѣтилъ Маркеловъ, съ сердцемъ потрясая воротникомъ шинели. Тарантасъ перебрался черезъ обширную базарную площадь, всю провонявшую капустой и рогожей, миновалъ губернаторскій домъ съ пестрыми будками у воротъ, частный домъ съ башней, бульваръ съ только что посаженными и уже умиравшими деревцами, гостиный дворъ, наполненный собачьимъ лаемъ и лязгомъ цѣпей и, понемногу выбравшись за заставу, обогнавъ длинный, длинный обозъ, выступившій въ путь по холодку, снова очутился въ вольномъ загородномъ воздухѣ, на большой, вербами обсаженной дорогѣ — и снова покатилъ шибче и ровнѣй.

Маркеловъ — надо же сказать о немъ нѣсколько словъ — былъ шестью годами старше своей сестры, Сипягиной. Воспитывался онъ въ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ офицеромъ; но уже въ чинѣ поручика онъ подалъ въ отставку, по непріятности съ командиромъ — нѣмцемъ. Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ нѣмцевъ, особенно русскихъ нѣмцевъ. Отставка разссорила его съ отцомъ, съ которымъ онъ такъ и не видѣлся до самой его смерти; а унаслѣдовавъ отъ него деревеньку, поселился въ ней. Въ Петербургѣ онъ часто сходился съ разными умными, передовыми людьми, передъ которыми благоговѣлъ; они окончательно опредѣлили его образъ мыслей. Читалъ Маркеловъ немного — и больше все книги, идущія къ дѣлу: — Герцена въ особенности. Онъ сохранилъ военную выправку, жилъ спартанцемъ и монахомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ страстно влюбился въ одну дѣвушку; но та измѣнила ему самымъ безцеремоннымъ манеромъ и вышла за адъютанта — тоже изъ нѣмцевъ. Маркеловъ возненавидѣлъ также и адъютантовъ. Онъ пробовалъ писать спеціальныя статьи о недостаткахъ нашей артиллеріи, но у него не было никакого таланта изложенія: — ни одной статьи онъ не могъ даже довести до конца — и все таки

продолжалъ исписывать большіе листы сѣрой бумаги своимъ крупнымъ, неуклюжимъ, истинно-дѣтскимъ почеркомъ. Маркеловъ былъ человѣкъ упрямый, неустрашимый до отчаянности, не умѣвшій ни прощать, ни забывать, постоянно оскорбляемый за себя, за всѣхъ угнетенныхъ — и на все готовый. Его ограниченный умъ билъ въ одну и ту же точку: чего онъ не понималъ, то для него не существовало; но презиралъ онъ и ненавидѣлъ фальшь и ложь. Съ людьми высшаго полета, „съ реаками", какъ онъ выражался, онъ былъ крутъ и даже грубъ; съ народомъ—простъ; съ мужикомъ обходителенъ, какъ съ своимъ братомъ. Хозяинъ онъ былъ посредственный; у него въ головѣ вертѣлись разные соціалистическіе планы, которые онъ такъ же не могъ осуществить, какъ не умѣлъ закончить начатыхъ статей о недостаткахъ артиллеріи. Ему вообще не везло—никогда и ни въ чемъ: въ корпусѣ онъ носилъ названіе „неудачника". Человѣкъ искренній, прямой, натура страстная и несчастная, онъ могъ, въ данномъ случаѣ, оказаться безжалостнымъ, кровожаднымъ, заслужить названіе изверга—и могъ также пожертвовать собою, безъ колебанія и безъ возврата.

Тарантасъ, на третьей верстѣ отъ города, внезапно въѣхалъ въ мягкій мракъ осиновой рощи, съ шорохомъ и трепетаніемъ незримыхъ листьевъ, съ свѣжей горечью лѣсного запаха, съ неясными просвѣтами вверху, съ перепутанными тѣнями внизу. Луна уже встала на небосклонѣ, красная и широкая, какъ мѣдный щитъ. Вынырнувъ изъ-подъ деревьевъ, тарантасъ очутился передъ небольшой помѣщичьей усадьбой. Три освѣщенныхъ окна яркими четырехугольниками выступали на переднемъ фасѣ низенькаго дома, заслонившаго собою дискъ луны: настежь раскрытыя ворота, казалось, не запирались никогда. На дворѣ, въ полумракѣ, виднѣлась высокая кибитка, съ привязанными сзади къ балчуку двумя бѣлыми ямскими лошадьми; два щенка, тоже бѣлыхъ, выскочили откуда-то и залились пронзительнымъ, но не злобнымъ лаемъ. Въ домѣ зашевелились люди—тарантасъ подкатилъ къ крыльцу — и съ трудомъ вылѣзая и отыскивая ногою желѣзную под-

ножку, придѣланную, какъ водится, доморощеннымъ кузнецомъ на самомъ неудобномъ мѣстѣ,—Маркеловъ сказалъ Нежданову:

— Вотъ, мы и дома — и вы найдете здѣсь гостей, которыхъ знаете хорошо, но никакъ не ожидаете встрѣтить.—Пожалуйте!

XI.

Этими гостями оказались наши старинные знакомые, Остродумовъ и Машурина. Оба сидѣли въ небольшой, крайне-плохо убранной гостиной Маркеловскаго дома—и при свѣтѣ керосиновой лампы пили пиво и курили табакъ. Они не удивились прибытію Нежданова; они знали, что Маркеловъ намѣревался привезти его съ собою; но Нежданов очень удивился имъ. Когда онъ вошелъ, Остродумовъ промолвилъ: „здравствуй, братъ!"—и только; Машурина сперва побагровѣла вся, потомъ протянула руку. Маркеловъ объяснилъ Нежданову, что Остродумовъ и Машурина присланы по „общему дѣлу", которое теперь скоро должно осуществиться; что они съ недѣлю тому назадъ выѣхали изъ Петербурга; что Остродумовъ остается въ С—й губерніи для пропаганды, — а Машурина ѣдетъ въ К. для свиданія съ однимъ человѣкомъ.

Маркеловъ внезапно раздражился, хотя никто ему не противорѣчилъ;—сверкая глазами, кусая усы, онъ началъ говорить взволнованнымъ, глухимъ, но отчетливымъ голосомъ о совершаемыхъ безобразіяхъ, о необходимости безотлагательнаго дѣйствія, о томъ, что въ сущности все готово и мѣшкать могутъ одни трусы; что нѣкоторая насильственность необходима, какъ ударъ ланцета по нарыву, какъ бы зрѣлъ этотъ нарывъ ни былъ! Онъ нѣсколько разъ повторилъ это сравненіе съ ланцетомъ: оно ему, очевидно, нравилось, онъ его не придумалъ, а вычиталъ гдѣ-то.—Казалось, что, потерявъ всякую надежду на взаимность со стороны Маріанны, онъ уже ничего не жалѣлъ, а только думалъ о томъ, какъ бы приняться поскорѣй „за дѣло". Онъ говорилъ, точно топоромъ рубилъ, безо всякой хитрости, рѣзко, просто и злобно; слова одно-

образно и вѣско выскакивали одно за другимъ изъ поблѣднѣвшихъ его губъ, напоминая отрывистый лай строгой и старой дворовой собаки. Онъ говорилъ о томъ, что хорошо знаетъ окрестныхъ мужиковъ, фабричныхъ—и что есть между ними дѣльные люди, — какъ напр. голоплёцкій Еремѣй—которые сію минуту пойдутъ на что̀ угодно. Этотъ голоплёцкій Еремѣй, Еремѣй изъ деревни Голоплёкъ, безпрестанно приходилъ ему на языкъ. Черезъ каждыя десять словъ онъ ударялъ правой рукою—не ладонью, а ребромъ руки — по столу; а лѣвой тыкалъ въ воздухъ, отдѣливъ указательный палецъ.—Эти волосатыя, сухія руки, этотъ палецъ, этотъ гудѣвшій голосъ, эти пылавшіе глаза производили впечатлѣніе сильное. Въ теченіе дороги Маркеловъ съ Неждановымъ говорилъ мало; въ немъ желчь накоплялась... но тутъ его прорвало.—Машурина и Остродумовъ одобряли его улыбкой, взоромъ, иногда короткимъ восклицаніемъ; а съ Неждановымъ произошло нѣчто странное. Сперва онъ пытался возражать; упомянулъ о вредѣ поспѣшности, преждевременныхъ, необдуманныхъ поступковъ; главное—онъ дивился тому, что какъ это ужъ такъ все рѣшено—и сомнѣній нѣтъ — и не́ для чего ни справляться съ обстоятельствами, ни даже стараться узнать, чего собственно хочетъ народъ?.. Но потомъ всѣ нервы его натянулись какъ струны—затрепетали—и онъ съ какимъ-то отчаяніемъ, чуть не со слезами ярости на глазахъ, съ прорывавшимся крикомъ въ голосѣ, принялся говорить въ томъ же духѣ, какъ и Маркеловъ, пошелъ даже дальше, чѣмъ тотъ.—Что̀ побудило его къ этому—сказать трудно: раскаяніе ли въ томъ, что онъ какъ будто ослабѣлъ въ послѣднее время, досада ли на себя и на другихъ, потребность ли заглушить какой-то внутренній червь, желаніе ли, наконецъ, показать себя передъ новоприбывшими эмиссарами...—или слова Маркелова точно подѣйствовали на него, зажгли въ немъ кровь? До самой зари продолжалась бесѣда; Остродумовъ и Машурина не вставали съ своихъ стульевъ, а Маркеловъ и Нежданов не садились. Маркеловъ стоялъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, ни дать, ни взять часовой; а Неждановъ все расхаживалъ

по комнатѣ — неровными шагами, то медленно, то торопливо. Говорили о предстоящихъ мѣрахъ и средствахъ, о роли, которую каждый долженъ былъ взять на себя, разбирали и связывали въ пачки разныя книжонки и отдѣльные листы; упомянули о купцѣ изъ раскольниковъ, нѣкоемъ Голушкинѣ, весьма надежномъ, хотя и необразованномъ человѣкѣ, о молодомъ пропагандистѣ Кисляковѣ, который очень-молъ знающъ, но уже черезчуръ юрокъ и слишкомъ высокаго мнѣнія о собственныхъ талантахъ, произнесли также имя Соломина...

— Это тотъ, что̀ бумагопрядильной фабрикой завѣдываетъ? спросилъ Неждановъ, вспомнивъ сказанное о немъ за столомъ у Сипягиныхъ.

— Онъ самый и есть,—промолвилъ Маркеловъ: — надо вамъ съ нимъ познакомиться; мы его еще не раскусили, но дѣльный, дѣльный человѣкъ.

Еремѣй изъ Голоплёкъ опять явился на сцену. Къ нему присоединился сипягинскій Кирило—и еще какой-то Менделѣй, по прозвищу Дутикъ; только на этого Дутика положиться было трудно: въ трезвомъ видѣ храбръ, а въ пьяномъ трусливъ; и почти всегда пьянъ бываетъ.

— Ну, а собственно изъ вашихъ людей,—спросилъ Неждановъ Маркелова:—есть на кого положиться?

Маркеловъ отвѣчалъ, что есть; однако ни одного изъ нихъ не назвалъ по имени—и пустился толковать о городскихъ мѣщанахъ и семинаристахъ, которые были, впрочемъ, болѣе полезны тѣмъ, что очень крѣпки тѣлесной силой — и ужъ какъ примутся дѣйствовать кулаками, — такъ ужъ ну! — Неждановъ полюбопытствовалъ насчетъ дворянъ. Маркеловъ отвѣчалъ ему, что есть человѣкъ пять-шесть изъ молодыхъ—одинъ изъ нихъ даже нѣмецъ— и самый радикальный; только извѣстное дѣло: на нѣмца разсчитывать нечего... какъ разъ надуетъ или продастъ!— Да вотъ, надо подождать, какія свѣдѣнія доставитъ Кисляковъ. — Неждановъ полюбопытствовалъ также насчетъ военныхъ. Тутъ Маркеловъ запнулся, подергалъ свои длинныя бакенбарды и объявилъ, наконецъ, что ничего—пока— рѣшительнаго нѣтъ... вотъ развѣ что̀ Кисляковъ откроетъ.

— Да кто такой этотъ Кисляковъ?—нетерпѣливо воскликнулъ Неждановъ.

Маркеловъ значительно усмѣхнулся и сказалъ, что это человѣкъ... такой человѣкъ...

— Я его, впрочемъ, знаю мало, — прибавилъ онъ: — всего два раза съ нимъ видѣлся; но какія письма этотъ человѣкъ пишетъ, какія письма!! Я вамъ покажу... Вы удивитесь! просто—огонь! И какая дѣятельность! Разъ пять или шесть всю Россію вдоль и поперекъ проскакалъ... и съ каждой станціи письмо въ десять—двѣнадцать страницъ!!

Неждановъ вопросительно посмотрѣлъ на Остродумова; но тотъ сидѣлъ какъ истуканъ и даже бровью не шевельнулъ; а Машурина сложила губы въ горькую усмѣшку— и тоже—хоть бы чукнула! Неждановъ вздумалъ-было поразспросить Маркелова насчетъ его преобразованій въ соціальномъ духѣ,—по хозяйству... но тутъ Остродумовъ вмѣшался.

— Къ чему объ этомъ толковать теперь, — замѣтилъ онъ:—все равно—надо будетъ все потомъ передѣлать.

Разговоръ возвратился опять на политическую почву. Тайный внутренній червь продолжалъ точить и грызть Нежданова; но чѣмъ эта грызь была сильнѣй, тѣмъ громче и безповоротнѣе говорилъ онъ.—Онъ выпилъ всего одинъ стаканъ пива; но ему отъ времени до времени казалось, что онъ совсѣмъ опьянѣлъ — и голова его кружилась, и сердце стучало съ болѣзненной потяготой. Когда же, наконецъ, въ четвертомъ часу ночи, пренія прекратились, и собесѣдники, минуя спавшаго въ передней казачка, разбрелись по своимъ угламъ, Неждановъ, прежде чѣмъ легъ въ постель, долго стоялъ неподвижно, вперивъ глаза передъ собою въ полъ. Ему чудился постоянный, горестный, душу щемившій звукъ во всемъ, что произносилъ Маркеловъ: самолюбіе этого человѣка не могло не быть оскорбленнымъ, онъ *долженъ* былъ страдать, его надежды на личное счастіе рушились,—и, однако, какъ онъ себя забывалъ, какъ отдавался тому, что признавалъ за истину! Ограниченный субъектъ, думалось Нежданову... Но не

во сто ли разъ лучше быть такимъ ограниченнымъ субъектомъ, чѣмъ такимъ... такимъ, какимъ я, напримѣръ, чувствую себя?!

Но тутъ онъ возмутился противъ собственнаго уничиженія.

„Почему же такъ? Развѣ я тоже не сумѣю собой пожертвовать? Погодите, господа... И ты, Паклинъ, убѣдишься со временемъ, что я, хоть и эстетикъ, хоть и пишу стихи...“

Онъ сердито вскинулъ волосы рукою, скрипнулъ зубами и, торопливо сдернувъ съ себя одежду, бросился въ холодную и сырую постель.

— Спокойной ночи! — раздался за дверью голосъ Машуриной:—я ваша сосѣдка.

— Прощайте,—отвѣчалъ Неждановъ, и тутъ же вспомнилъ, что она въ теченіе вечера не спускала съ него глазъ.

— Чего ей нужно?—шепнулъ онъ про себя—и стыдно ему стало. „Ахъ, хоть бы поскорѣе заснуть!“

Но съ нервами сладить трудно... и солнце стояло уже довольно высоко на небѣ, когда онъ, наконецъ, заснулъ тяжелымъ и безотраднымъ сномъ.

На другое утро онъ всталъ поздно, съ головною болью. Онъ одѣлся, подошелъ къ окну мезонина, въ которомъ находилась его комната—и увидалъ, что у Маркелова собственно и усадьбы не было никакой: флигелекъ его стоялъ на юру, недалеко отъ рощи. Амбарчикъ, конюшня, погребокъ, избушка съ полуобвалившейся соломенной крышей—съ одной стороны; съ другой — крохотный прудъ, огородецъ, коноплянникъ и другая избушка съ такою же крышей; вдали рига, молотильный сарайчикъ и пустое гумно—вотъ и вся „благодать“, представлявшаяся взорамъ. Все казалось бѣднымъ, утлымъ—и не то, чтобы заброшеннымъ или одичалымъ—а такъ-таки никогда не расцвѣтшимъ, какъ плохо принявшееся деревцо. Неждановъ сошелъ внизъ. Машурина сидѣла въ столовой за самоваромъ,—и, повидимому, его дожидалась. Онъ узналъ отъ нея, что Остродумовъ уѣхалъ по дѣлу—и раньше двухъ недѣль не вернется; а хозяинъ пошелъ возиться съ батраками. Такъ какъ май уже близился къ концу, и спѣшныхъ

работъ никакихъ не было,—то Маркеловъ вздумалъ собственными средствами свести небольшую березовую рощу—и отправился туда съ утра.

Неждановъ чувствовалъ странную усталость на душѣ. Наканунѣ такъ много было говорено о невозможности долѣе медлить, о томъ, что оставалось только „приступить". Но какъ приступить, къ чему—да еще безотлагательно?—У Машуриной нечего было спрашивать: она не вѣдала колебаній; она не сомнѣвалась въ томъ, что̀ ей нужно было дѣлать, а именно: ѣхать въ К. Дальше она не заглядывала. Неждановъ не зналъ, что̀ сказать ей—и, напившись чаю, надѣлъ шапку и пошелъ по направленію березовой рощи. На дорогѣ ему попались мужики, ѣхавшіе съ навозницы, бывшіе крестьяне Маркелова. Онъ заговорилъ съ ними... толку большого онъ отъ нихъ не добился. Они тоже казались усталыми — но физической, обыкновенной усталостью, нисколько не похожею на то чувство, которое испытывалъ онъ. — Прежній ихъ помѣщикъ, по ихъ словамъ, былъ баринъ простой, только чудаковатый; они пророчили ему разореніе — потому: порядковъ не знаетъ и все на свой салтыкъ норовитъ, не такъ, какъ отцы. И мудренъ тоже бываетъ—не поймешь его, хоть ты что!—а добрѐ добръ!—Неждановъ отправился дальше и наткнулся на самого Маркелова.

Онъ шелъ, окруженный цѣлой толпою работниковъ; издали можно было видѣть, какъ онъ имъ что-то пояснялъ, толковалъ—а потомъ махнулъ рукой... значитъ: бросилъ! Рядомъ съ нимъ выступалъ его приказчикъ, малый молодой и подслѣповатый, безъ всякой представительности въ осанкѣ. Приказчикъ этотъ безпрестанно повторялъ: „Это какъ будетъ вамъ угодно-съ"—къ великой досадѣ его начальника, который ожидалъ отъ него больше самостоятельности. Неждановъ подошелъ къ Маркелову—и увидалъ на лицѣ его выраженіе такой же душевной усталости, какую ощущалъ онъ самъ. — Они поздоровались; Маркеловъ тотчасъ заговорилъ—правда, вкратцѣ—о вчерашнихъ „вопросахъ", о близости переворота; но выраженіе усталости не покидало его лица. Онъ былъ весь

въ пыли, въ поту; древесныя стружки, зеленыя нити моху прицѣпились къ его платью, голосъ его охрипъ... Окружавшіе его люди помалчивали: они не то трусили, не то посмѣивались... Неждановъ глядѣлъ на Маркелова — и слова Остродумова снова зазвучали въ его головѣ: „Къ чему это? Все равно — надо будетъ потомъ все передѣлать!“ Одинъ провинившійся работникъ началъ упрашивать Маркелова, чтобы тотъ снялъ съ него штрафъ... Маркеловъ сначала разсердился—и закричалъ неистово— а потомъ простилъ... „Все равно, надо будетъ потомъ все передѣлать...“ Неждановъ попросилъ у него лошадей и экипажа, чтобы вернуться домой; Маркеловъ словно удивился его желанію, однако отвѣчалъ, что все тотчасъ будетъ готово.

Онъ вернулся домой вмѣстѣ съ Неждановымъ... Онъ на ходу шатался отъ изнеможенія.

— Что съ вами?—спросилъ Неждановъ.

— Измучился!! — свирѣпо проговорилъ Маркеловъ. — Какъ ты съ этими людьми ни толкуй, сообразить они ничего не могутъ—и приказаній не исполняютъ... Даже по-русски не понимаютъ. — Слово: „участокъ“ имъ хорошо извѣстно... а „участіе“... Что такое участіе? Не понимаютъ! А вѣдь тоже русское слово, чортъ возьми. — Воображаютъ, что я хочу имъ участокъ дать! (Маркеловъ вздумалъ разъяснить крестьянамъ принципъ ассоціаціи и ввести ее у себя — а они упирались. — Одинъ изъ нихъ даже сказалъ по этому поводу: „Была яма глубока... а теперь и дна не видать...“, а всѣ прочіе крестьяне испустили глубокій, дружный вздохъ, что́ совсѣмъ уничтожило Маркелова.)

Вошедши въ домъ, онъ отпустилъ свою свиту—и сталъ распоряжаться насчетъ экипажа и лошадей — и насчетъ завтрака.—Прислуга его состояла изъ казачка, кухарки, кучера и какого-то очень древняго старика съ заросшими ушами, въ длиннополомъ мухояровомъ кафтанѣ, бывшаго камердинера его дѣда. — Этотъ старикъ постоянно съ глубокой унылостью глядѣлъ на своего барина—а впрочемъ ничего не дѣлалъ—и врядъ ли былъ въ состояніи

сдѣлать что-нибудь; но присутствовалъ неотлучно, прикорнувъ на рундучкѣ.

Позавтракавши яйцами въ-крутую, кильками и окрошкой (горчицу подалъ казачокъ въ старой помадной банкѣ, уксусъ въ одеколонной склянкѣ) — Неждановъ сѣлъ въ тотъ же самый тарантасъ, въ которомъ пріѣхалъ наканунѣ: но вмѣсто трехъ лошадей ему заложили только двухъ: третью заковали—и она охромѣла. Въ теченіе завтрака Маркеловъ говорилъ мало, ничего не ѣлъ и дышалъ усиленно... Произнесъ два-три горькихъ слова о своемъ хозяйствѣ—и опять махнулъ рукой... „Все равно, надо будетъ потомъ все передѣлать". Машурина попросила Нежданова довезти ее до города: ей понадобилось съѣздить туда для нѣкоторыхъ покупокъ; — „а вернуться изъ города я могу пѣшкомъ — а не то къ обратному мужичку на телѣгу подсяду".—Провожая ихъ обоихъ до крыльца, Маркеловъ упомянулъ о томъ, что въ скорости опять пришлетъ за Неждановымъ—и тогда... тогда—(онъ встрепенулся и опять пріободрился)—надо будетъ окончательно условиться; что Соломинъ тоже тогда пріѣдетъ; что онъ, Маркеловъ, ждетъ только извѣстія отъ Василія Николаевича—и тогда останется одно: немедленно „приступить"—такъ какъ народъ (тотъ самый народъ, который не понимаетъ слова: „участіе") дольше ждать не согласенъ!

— А что же, вы хотѣли показать мнѣ письма этого... какъ бишь его?—Кислякова?—спросилъ Неждановъ.

— Послѣ... послѣ, — поспѣшно проговорилъ Маркеловъ.—Тогда ужъ все—разомъ.

Тарантасъ тронулся.

— Будьте готовы!—раздался въ послѣдній разъ голосъ Маркелова. Онъ стоялъ на крыльцѣ,—а рядомъ съ нимъ, съ тою же неизмѣнной унылостью во взглядѣ, вытянувъ сгорбленный станъ, заложивъ обѣ руки за спину, распространяя запахъ ржаного хлѣба и мухояра—и ничего не слыша,—стоялъ „изъ слугъ слуга", дряхлый дѣдовскій камердинеръ.

До самаго города Машурина молчала, только покуривала папиросу. Приближаясь къ заставѣ, она вдругъ громко вздохнула.

— Жаль мнѣ Сергѣя Михайловича,—промолвила она— и лицо ея омрачилось.

— Захлопотался онъ совсѣмъ,—замѣтилъ Неждановъ:— мнѣ кажется, хозяйство его идетъ плохо.

— Мнѣ не оттого его жаль.

— Отчего же?

— Несчастный онъ человѣкъ, неудачливый!.. Ужъ на что лучше его... анъ нѣтъ! Не годится!

Неждановъ посмотрѣлъ на свою спутницу.

— Да вамъ развѣ что-нибудь извѣстно?

— Ничего мнѣ не извѣстно... а всякій чувствуетъ по себѣ. Прощайте, Алексѣй Дмитричъ.

Машурина вылѣзла изъ тарантаса—а часъ спустя, Неждановъ уже въѣзжалъ на дворъ Сипягинскаго дома.—Не очень хорошо онъ себя чувствовалъ... Ночь онъ провелъ безъ сна... и потомъ всѣ эти словопренія... эти толки...

Красивое лицо выглянуло изъ окна и дружелюбно ему улыбнулось... Это Сипягина привѣтствовала его возвращеніе.

„Какіе у ней глаза!“ подумалось ему.

XII.

Къ обѣду наѣхало много народу,—а послѣ обѣда, Неждановъ, воспользовавшись общей суетой, ускользнулъ къ себѣ въ комнату. Ему хотѣлось остаться наединѣ съ самимъ собою, хотя бы для того только, чтобы привести въ порядокъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ его поѣздки.— За столомъ Валентина Михайловна нѣсколько разъ внимательно посмотрѣла на него—но, повидимому, не имѣла возможности заговорить съ нимъ; а Маріанна, послѣ той неожиданной выходки, столь его удивившей, какъ будто совѣстилась и избѣгала его.—Неждановъ взялъ-было перо въ руки; ему захотѣлось побесѣдовать на бумагѣ съ своимъ другомъ Силинымъ;—но онъ не нашелъ, что̀ сказать даже другу; или, быть-можетъ, такъ много противоположныхъ мыслей и ощущеній столпилось у него въ головѣ, что онъ не попытался ихъ распутать — и отложилъ все до другого дня.—Въ числѣ обѣдавшихъ былъ также г. Кал-

ломѣйцевъ; никогда онъ не выказывалъ болѣе высокомѣрія и джентльменской презрительности; но его развязныя рѣчи нисколько не дѣйствовали на Нежданова: онъ не замѣчалъ ихъ. Его окружало какое-то облако; полутусклой завѣсой стояло оно между нимъ и остальнымъ міромъ—и, странное дѣло!—сквозь эту завѣсу виднѣлись ему только три лица—и всѣ три женскихъ—и всѣ три упорно устремляли на него свои глаза. Это были: Сипягина, Машурина и Маріанна. Что это значило? И почему именно эти три лица? Что̀ между ними общаго? И что̀ хотятъ они отъ него?

Онъ легъ спать рано — но заснуть не могъ. Его посѣтили—не то что печальныя,—а темныя мысли... мысли о неизбѣжномъ концѣ, о смерти.—Онѣ были ему знакомы. Долго онъ переворачивалъ ихъ и такъ, и сякъ, то содрогаясь передъ вѣроятностью ничтожества, то привѣтствуя ее, почти радуясь ей.—Онъ почувствовалъ наконецъ особенное, ему знакомое волненіе... Онъ всталъ, сѣлъ за письменный столъ и, немного подумавъ, почти безъ поправки, вписалъ слѣдующее стихотвореніе въ свою завѣтную тетрадку:

Милый другъ, когда я буду
Умирать—вотъ мой приказъ:
Всѣхъ моихъ писаній груду
Истреби ты въ тотъ же часъ!
Окружи меня цвѣтами,
Солнце въ комнату впусти—
За закрытыми дверями
Музыкантовъ помѣсти.
Запрети имъ плачъ печальный!
Пусть, какъ будто въ часъ пировъ,
Рѣзко взвизгнетъ вальсъ нахальный
Подъ ударами смычковъ!
Слухомъ гаснущимъ внимая
Замираніямъ струны,
Самъ замру я, засыпая...
И предсмертной тишины
Не смутивъ напраснымъ стономъ,
Перейду я въ міръ иной,
Убаюканъ легкимъ звономъ
Легкой радости земной!

Когда онъ писалъ слово: „другъ“—онъ думалъ о томъ же Силинѣ. Онъ продекламировалъ вполголоса свое стихотвореніе—и самъ удивился тому, что̀ у него вышло изъ-подъ пера. Этотъ скептицизмъ, это равнодушіе, это легкомысленное безвѣріе — какъ согласовалось все это съ его принципами? съ тѣмъ, что онъ говорилъ у Маркелова?— Онъ бросилъ тетрадку въ ящикъ стола — и вернулся къ своей постели. — Но заснулъ онъ передъ самымъ утромъ, когда уже первые жаворонки зазвенѣли въ побѣлѣвшемъ небѣ.

На другой день—онъ только-что кончилъ урокъ и сидѣлъ въ бильярдной — Сипягина вошла, оглянулась, и съ улыбкой подойдя къ нему, позвала его къ себѣ въ кабинетъ. — На ней было легкое, барежевое платье, очень простенькое и очень миленькое: обшитые рюшемъ рукава доходили только до локтей, широкая лента охватывала ея станъ, волосы падали густыми космами на шею. Все въ ней дышало привѣтомъ и лаской, бережной, ободряющей лаской—все: и укрощенный блескъ полузакрытыхъ глазъ, и мягкая лѣность голоса, движеній, самой походки. Сипягина привела Нежданова въ свой кабинетъ, уютный, пріятный, весь пропитанный запахомъ цвѣтовъ и духовъ, чистой свѣжестью женскихъ одеждъ, постояннаго женскаго пребыванія; посадила его на кресло, сѣла сама возлѣ него и начала его разспрашивать объ его поѣздкѣ, о житьѣ-бытьѣ Маркелова — и такъ осторожно, коротко, хорошо! Она выказала искреннее участіе къ судьбѣ брата, о которомъ до тѣхъ поръ—при Неждановѣ—не упоминала ни разу; изъ иныхъ ея словъ можно было понять, что отъ ея вниманія не ускользнуло чувство, внушенное ему Маріанной; она слегка погрустила... о томъ ли, что со стороны Маріанны не проявилось взаимности,—о томъ ли, что выборъ брата палъ на дѣвушку, въ сущности ему чуждую—это осталось неразъясненнымъ. Но главное: она явно старалась приручить Нежданова, возбудить въ немъ довѣріе къ ней, заставить его перестать дичиться.—Валентина Михайловна даже немножко попеняла на него за то, что онъ имѣетъ о ней ложное понятіе.

Неждановъ слушалъ ее, глядѣлъ ей на руки, на плечи, изрѣдка бросалъ взоръ на ея розовыя губы, на чуть-чуть колебавшіяся пряди волосъ.—Сперва онъ отвѣчалъ очень кратко; онъ ощущалъ нѣкоторое стѣсненіе въ горлѣ и въ груди... но мало-по-малу ощущеніе это смѣнилось другимъ, все еще неспокойнымъ, но не лишеннымъ нѣкоторой сладости; онъ никакъ не ожидалъ, что такая важная и красивая барыня, такая аристократка, въ состояніи заинтересоваться имъ, простымъ студентомъ; а она не только имъ интересовалась — она какъ будто немножко кокетничала съ нимъ. Неждановъ спрашивалъ себя, для чего она это все дѣлаетъ? — и не находилъ отвѣта; да, правду сказать, онъ и не нуждался въ немъ. Г-жа Синягина заговорила о Колѣ; она даже начала увѣрять Нежданова, что собственно для того только и пожелала съ нимъ сблизиться, чтобы серьёзно побесѣдовать о своемъ сынѣ — вообще, чтобы узнать его мысли насчетъ воспитанія русскихъ дѣтей. Нѣсколько странною могла показаться внезапность, съ которою возникло въ ней это желаніе. Но дѣло было вовсе не въ томъ, что именно говорила Валентина Михайловна, а въ томъ, что на нее набѣжало нѣчто въ родѣ чувственной струи, явилась потребность покорить, нагнуть къ ногамъ своимъ эту непокорную голову...

Но здѣсь приходится вернуться нѣсколько назадъ.

Валентина Михайловна была дочь очень ограниченнаго и не бойкаго генерала съ одной звѣздой и пряжкой за пятидесятилѣтнюю службу, — и очень пронырливой и хитрой малоросски, одаренной, какъ многія ея соотечественницы, крайне простодушной и даже глуповатой наружностью, изъ которой она умѣла извлечь всю возможную пользу. Родители Валентины Михайловны были люди небогатые; однако, она попала въ Смольный монастырь, гдѣ хотя и считалась республиканкой, но была на виду и на хорошемъ счету, потому что прилежно училась и примѣрно вела себя. По выходѣ изъ Смольнаго, она поселилась вмѣстѣ съ матерью (братъ уѣхалъ въ деревню, отецъ, генералъ со звѣздою и пряжкою, уже умеръ)—

въ опрятной, но очень холодной квартирѣ: когда въ этой квартирѣ говорили, можно было видѣть паръ, выходившій изъ устъ; Валентина Михайловна смѣялась и увѣряла, что это—„какъ въ церкви“. Она храбро переносила всѣ неудобства бѣднаго, стѣсненнаго житья:—у ней былъ удивительно ровный нравъ. Съ помощью матери ей удалось поддержать и пріобрѣсти знакомства и связи: о ней говорили всѣ, даже въ высшихъ сферахъ, какъ о дѣвушкѣ очень милой, очень образованной—и очень приличной. У Валентины Михайловны было нѣсколько жениховъ; изъ всѣхъ изъ нихъ она выбрала Сипягина — и влюбила его въ себя очень просто, быстро и ловко... Впрочемъ, онъ и самъ скоро понялъ, что ему лучше жены не найти. Она была умна, не зла... скорѣй добра, въ сущности холодна и равнодушна... и не допускала мысли, чтобы кто-нибудь могъ остаться равнодушнымъ къ ней. Валентина Михайловна была проникнута той особенной граціей, которая свойственна „милымъ“ эгоисткамъ;—въ этой граціи нѣтъ ни поэзіи, ни истинной чувствительности, но есть мягкость, есть симпатія, есть даже нѣжность. Только перечить этимъ прелестнымъ эгоистамъ не слѣдуетъ: онѣ властолюбивы — и не выносятъ чужой самостоятельности. Женщины, подобныя Сипягиной, возбуждаютъ и волнуютъ людей неопытныхъ и страстныхъ; сами онѣ любятъ правильность и тишину жизни. Добродѣтель имъ легко дается — онѣ невозмутимы; но постоянное желаніе повелѣвать, привлекать и нравиться придаетъ имъ подвижность и блескъ: воля у нихъ крѣпкая — и самое ихъ обаяніе частью зависитъ отъ этой крѣпкой воли. Трудно устоять человѣку, когда по такому ясному, нетронутому существу забѣгаютъ огоньки какъ бы невольной, тайной нѣги; онъ такъ и ждетъ, что вотъ-вотъ наступитъ часъ— и ледъ растаетъ; но свѣтлый ледъ только играетъ лучами—и не растаять, и не помутиться ему никогда!

Кокетничать немногаго стоило Сипягиной: она очень хорошо знала, что опасности для нея нѣтъ и не можетъ быть. А между тѣмъ — заставить чужіе глаза то померкнуть, то заблистать, чужія щеки разгорѣться желаніемъ

и страхомъ, чужой голосъ задрожать и оборваться, смутить чужую душу — о, какъ это было сладко *ея* душѣ! Какъ весело было вспоминать поздно вечеромъ, ложась въ свое чистое ложе на безмятежный сонъ,—вспоминать всѣ эти взволнованныя слова, и взгляды, и вздохи. Съ какой довольной улыбкой уходила она тогда вся въ себя, въ сознательное ощущеніе своей неприступности, своей недосягаемости—и снисходительно отдавалась законнымъ ласкамъ благовоспитаннаго супруга! Это было такъ пріятно, что она даже умилялась подчасъ и готова была сдѣлать доброе дѣло, помочь ближнему... Она однажды основала маленькую богадѣльню послѣ того, какъ одинъ до безумія въ нее влюбленный секретарь посольства попытался зарѣзаться! Она искренно молилась за него, хотя религіозное чувство съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ ней было слабо.

Итакъ, она бесѣдовала съ Неждановымъ и всячески старалась покорить его себѣ „подъ нòзи". Она допускала его до себя, она какъ бы раскрывалась передъ нимъ, и съ милымъ любопытствомъ, съ полу-материнской нѣжностью смотрѣла, какъ этотъ очень недурной и интересный и суровый радикалъ тихонько и неловко шелъ ей навстрѣчу. День, часъ, минуту спустя все это исчезнетъ безъ слѣда—но, пока, ей весело, ей немножко смѣшно, немножко жутко—и немножко даже грустно. Позабывъ его происхожденіе, и зная, какъ подобное вниманіе цѣнится одинокими, отчужденными людьми, Валентина Михайловна начала-было разспрашивать Нежданова объ его молодости, объ его семьѣ... Но мгновенно догадавшись по его смущеннымъ и рѣзкимъ отзывамъ, что попала впросакъ, Валентина Михайловна постаралась загладить свою ошибку и распустилась еще немножко больше передъ нимъ... Такъ въ томный жаръ лѣтняго полудня расцвѣтшая роза распускаетъ свои душистые лепестки, которые вскорѣ снова сожметъ и свернетъ крѣпительная прохлада ночи.

Вполнѣ загладить свою ошибку ей однако не удалось.—Затронутый за больное мѣсто, Нежданов уже не могъ довѣриться попрежнему. То горькое, что̀ онъ всегда носилъ, всегда ощущалъ на днѣ души,—шевельнулось опять;

проснулись демократическія подозрѣнія и укоризны.—„Не для этого я пріѣхалъ сюда“,—подумалось ему; вспомнились ему насмѣшливыя наставленія Паклина... и онъ воспользовался первой минутой молчанія, всталъ, поклонился короткимъ поклономъ — и вышелъ „очень глупо“, какъ онъ невольно шепнулъ самому себѣ.

Его смущеніе не ускользнуло отъ Валентины Михайловны... но, судя по улыбочкѣ, съ которой она проводила его взоромъ,—она растолковала это смущеніе выгоднымъ для себя образомъ.

Въ бильярдной Нежданову попалась Маріанна. Она стояла спиной къ окну, недалеко отъ двери кабинета, тѣсно скрестивъ руки. Лицо ея находилось въ почти черной тѣни;—но такъ вопросительно, такъ настойчиво глядѣли на Нежданова ея смѣлые глаза, такое презрѣніе, такую обидную жалость выражали ея сжатыя губы, что онъ остановился въ недоумѣніи...

— Вы хотите мнѣ что-то сказать?—невольно проговорилъ онъ.

Маріанна не тотчасъ отвѣтила.

— Нѣтъ... или да; хочу. Только не теперь.

— Когда же?

— А вотъ погодите. Можетъ-быть — завтра, можетъ-быть — никогда. Я вѣдь очень мало знаю — кто вы собственно такой?

— Однако,—началъ Неждановъ:—мнѣ иногда казалось... что между нами...

— А вы меня совсѣмъ не знаете, — перебила Маріанна.—Да вотъ, погодите. Завтра, можетъ-быть. Теперь мнѣ надо идти къ моей... госпожѣ. До завтра!

Неждановъ ступилъ раза два—но вдругъ вернулся.

— Ахъ, да! Маріанна Викентьевна... я все хотѣлъ васъ спросить: не позволите ли вы мнѣ пойти съ вами въ школу,—посмотрѣть, какъ вы тамъ занимаетесь—пока ее не закрыли.

— Извольте... Только я не о школѣ хотѣла съ вами говорить.

— А о чемъ же?

— До завтра,—повторила Маріанна.

Но она не дождалась завтрашняго дня — и разговоръ между ею и Неждановымъ произошелъ въ тотъ же вечеръ — въ одной изъ липовыхъ аллей, начинавшихся недалеко отъ террасы.

XIII.

Она сама первая приблизилась къ нему.

— Г-нъ Нежданов, — начала она торопливымъ голосомъ: — вы, кажется, совершенно очарованы Валентиной Михайловной?

Она повернулась, не дождавшись отвѣта, и пошла вдоль аллеи; и онъ пошелъ съ ней рядомъ.

— Почему вы это думаете?—спросилъ онъ, погодя немного.

— А развѣ нѣтъ? Въ такомъ случаѣ она дурно распорядилась сегодня. Воображаю, какъ она хлопотала, какъ разставляла свои маленькія сѣти!

Нежданов ни слова не промолвилъ и только сбоку посмотрѣлъ на свою странную собесѣдницу.

— Послушайте,—продолжала она:—я не стану притворяться: я не люблю Валентины Михайловны — и вы это очень хорошо знаете. Я могу вамъ показаться несправедливой... но вы сперва подумайте...

Голосъ пересѣкся у Маріанны. Она краснѣла, она волновалась... Волненіе у ней всегда принимало такой видъ, какъ-будто она злится.

— Вы, вѣроятно, спрашиваете себя, — начала она снова:—зачѣмъ эта барышня мнѣ все это разсказываетъ? Вы, должно-быть, то же самое подумали, когда я вамъ сообщила извѣстіе... насчетъ г-на Маркелова.

Она вдругъ нагнулась, сорвала небольшой грибокъ, переломила его пополамъ и отбросила въ сторону.

— Вы ошибаетесь, Маріанна Викентьевна,—промолвилъ Нежданов:—я, напротивъ, подумалъ, что я внушаю вамъ довѣріе—и эта мысль мнѣ была очень пріятна.

Нежданов сказалъ неполную правду: эта мысль только теперь пришла ему въ голову.

Маріанна мгновенно глянула на него. До тѣхъ поръ она все отворачивалась.

— Вы не то̀, чтобы внушали мнѣ довѣріе,—проговорила она, какъ бы размышляя: — вы вѣдь мнѣ совсѣмъ чужой. Но ваше положеніе—и мое — очень схожи. Мы оба одинаково несчастливы; вотъ что̀ насъ связываетъ.

— Вы несчастливы?—спросилъ Неждановъ.

— А вы—нѣтъ?—отвѣчала Маріанна.

Онъ ничего не сказалъ.

— Вамъ извѣстна моя исторія?—заговорила она съ живостью:—исторія моего отца? его ссылка?—нѣтъ? Ну, такъ знайте же, что онъ былъ взятъ подъ-судъ, найденъ виноватымъ, лишенъ чиновъ... и всего — и сосланъ въ Сибирь. Потомъ онъ умеръ... мать моя тоже умерла. Дядя мой, г-нъ Сипягинъ, братъ моей матери, призрѣлъ меня— я у него на хлѣбахъ—онъ мой благодѣтель, и Валентина Михайловна моя благодѣтельница—а я имъ плачу черной неблагодарностью,—потому что у меня, должно-быть, сердце черствое—и чужой хлѣбъ горекъ—и я не умѣю переносить снисходительныхъ оскорбленій — и покровительства не терплю... и не умѣю скрывать—и когда меня безпрестанно колютъ булавками—я только оттого не кричу, что я очень горда.

Произнося эти отрывочныя рѣчи, Маріанна шла все быстрѣй и быстрѣй.

Она вдругъ остановилась.

— Знаете ли, что моя тетка, чтобы только сбыть меня съ рукъ, прочитъ меня... за этого гадкаго Калломѣйцева?—Вѣдь ей извѣстны мои убѣжденья — вѣдь я въ глазахъ ея нигилистка—а онъ! Я, конечно, ему не нравлюсь, я вѣдь не красива — но продать меня можно. Вѣдь это тоже благодѣяніе.

— Зачѣмъ же вы...—началъ-было Неждановъ — и запнулся.

Маріанна мгновенно глянула на него.

— Зачѣмъ я не приняла предложеніе г-на Маркелова— хотите вы сказать? Не такъ ли? Да; но что же дѣлать? Онъ хорошій человѣкъ. Но я не виновата: я не люблю его.

Маріанна снова пошла впередъ, какъ бы желая избавить своего собесѣдника отъ обязанности чѣмъ-нибудь отозваться на это нежданное признаніе.

Они оба достигли конца аллеи. Маріанна проворно свернула на узкую дорожку, проложенную сквозь сплошной ельникъ — и пошла по ней.—Неждановъ отправился за Маріанной. Онъ ощущалъ двойное недоумѣніе: чудно̀ ему казалось, какимъ образомъ эта дикая дѣвушка вдругъ такъ откровенничаетъ съ нимъ — и еще больше дивился онъ тому, что откровенность эта нисколько его не поражаетъ, что онъ находитъ ее естественной.

Маріанна вдругъ обернулась—и стала посреди дорожки, такъ что ея лицо пришлось на разстояніи аршина отъ лица Нежданова, и глаза ея вонзились прямо въ его глаза.

— Алексѣй Дмитричъ,—заговорила она: — не думайте, что моя тетка зла... Нѣтъ! она вся—ложь, она комедіантка, она позёрка — она хочетъ, чтобы всѣ ее обожали—какъ красавицу—и благоговѣли передъ нею, какъ передъ святою! Она придумаетъ задушевное слово, скажетъ его одному — а потомъ повторяетъ это же слово другому и третьему—и все съ такимъ видомъ, какъ-будто она сейчасъ это слово придумала — и тутъ же кстати играетъ своими чудесными глазами! Она самоё себя очень хорошо знаетъ—она знаетъ, что похожа на Мадонну, и никого не любитъ! Притворяется, что все возится съ Колей — а только всего и дѣлаетъ, что говоритъ о немъ съ умными людьми. Сама она никому зла не желаетъ... Она вся — благоволеніе! Но пускай вамъ въ ея присутствіи всѣ кости въ тѣлѣ переломаютъ... ей ничего! Она пальцемъ не пошевельнетъ, чтобы васъ избавить;—а если ей это нужно или выгодно... тогда... о, тогда!

Маріанна умолкла. Желчь душила ее, она рѣшилась дать ей волю, она не могла удержаться—но рѣчь ея невольно обрывалась. Маріанна принадлежала къ особенному разряду несчастныхъ существъ (въ Россіи они стали попадаться довольно часто)... Справедливость удовлетворяетъ, но не радуетъ ихъ—а несправедливость, на которую они страшно чутки, возмущаетъ ихъ до дна души.—

Пока она говорила, Неждановъ глядѣлъ на нее внимательно; ея покраснѣвшее лицо, съ слегка разбросанными короткими волосами, съ трепетнымъ подергиваньемъ тонкихъ губъ, показалось ему и угрожающимъ, и значительнымъ, — и красивымъ. Солнечный свѣтъ, перехваченный частой сѣткой вѣтвей, лежалъ у ней на лбу золотымъ косымъ пятномъ—и этотъ огненный языкъ шелъ къ возбужденному выраженію всего ея лица, къ широко раскрытымъ, недвижнымъ и блестящимъ глазамъ, къ горячему звуку ея голоса.

— Скажите,—спросилъ ее, наконецъ, Неждановъ:—отчего вы меня назвали несчастливымъ? Развѣ вамъ извѣстно мое прошедшее?

Маріанна кивнула головою.

— Да.

— То-есть... какъ же такъ извѣстно? Вамъ кто-нибудь говорилъ обо мнѣ?

— Мнѣ извѣстно... ваше происхожденіе.

— Вамъ извѣстно... Кто же вамъ сказалъ?

— Да все та же — та же Валентина Михайловна, которою вы такъ очарованы. Она не преминула замѣтить при мнѣ — по обыкновенію вскользь, но внятно — не съ сожалѣніемъ, а какъ либералка, которая выше всякихъ предразсудковъ—что вотъ-молъ какая существуетъ случайность въ жизни нашего новаго учителя! Не удивляйтесь, пожалуйста: Валентина Михайловна точно также вскользь и съ сожалѣніемъ, чуть не всякому посѣтителю сообщаетъ, что вотъ-молъ въ жизни моей племянницы какая существуетъ... случайность: ея отца за взятки сослали въ Сибирь! Какою аристократкой она себя ни воображай—она просто сплетница и позёрка —эта ваша Рафаэлевская Мадонна!

— Позвольте,—замѣтилъ Неждановъ:—почему же она „моя“?

Маріанна отвернулась и пошла опять по дорожкѣ.

— У васъ съ ней былъ такой большой разговоръ,— произнесла она глухо.

— Я почти ни одного слова не вымолвилъ,—отвѣтилъ Неждановъ:—она одна все время говорила.

Маріанна шла впередъ молча. Но вотъ дорожка повернула въ сторону,—ельникъ словно разступился, и открылась впереди небольшая поляна съ дуплистой плакучей березой посрединѣ и круглой скамьей, охватывавшей стволъ стараго дерева. Маріанна сѣла на эту скамью; Нежданов ъ помѣстился рядомъ. Надъ головами обоихъ тихонько покачивались длинные пучки висячихъ вѣтокъ, покрытыхъ мелкими зелеными листочками. Кругомъ въ жидкой травѣ бѣлѣли ландыши—и отъ всей поляны поднимался свѣжій запахъ молодой травы, пріятно облегчавшій грудь, все еще стѣсненную смолистыми испареніями елей.

— Вы хотите пойти со мной посмотрѣть здѣшнюю школу,—начала Маріанна:—что-жъ? пойдемте.—Только... я не знаю. Удовольствія вамъ будетъ мало. Вы слышали: нашъ главный учитель—діаконъ. Онъ человѣкъ добрый,—но вы не можете себѣ представить, о чемъ онъ бесѣдуетъ съ учениками! Межъ ними есть мальчикъ... его зовутъ Гарасей—онъ сирота, десяти лѣтъ,—и, представьте! онъ учится лучше всѣхъ!

Перемѣнивъ внезапно предметъ разговора, Маріанна сама какъ будто измѣнилась: она поблѣднѣла, утихла—и лицо ея выразило смущеніе, словно ей совѣстно стало всего, что̀ она наговорила. Ей, видимо, хотѣлось навести Нежданова на какой-нибудь „вопросъ“—школьный, крестьянскій—лишь бы только не продолжать въ прежнемъ тонѣ. Но ему въ эту минуту было не до „вопросовъ“.

— Маріанна Викентьевна,—началъ онъ:—скажу вамъ откровенно: я никакъ не ожидалъ всего того... что̀ теперь произошло между нами.—(При словѣ: „произошло“ она слегка насторожилась.) Мнѣ кажется, мы вдругъ—очень... очень сблизились. Да оно такъ и слѣдовало. Мы давно подходимъ другъ къ другу; только голосу не подавали.—А потому я буду съ вами говорить безъ утайки.—Вамъ тяжело и тошно въ здѣшнемъ домѣ; но дядя вашъ—онъ хотя ограниченный, однако, насколько я могу судить, гуманный человѣкъ? развѣ онъ не понимаетъ вашего положенія, не становится на вашу сторону?

— Мой дядя? Во-первыхъ—онъ вовсе не человѣкъ: онъ чиновникъ—сенаторъ, или министръ... я ужъ не знаю. А во-вторыхъ... я не хочу напрасно жаловаться и клеветать: мнѣ вовсе не тошно и не тяжело здѣсь, то-есть, меня здѣсь не притѣсняютъ; маленькія шпильки моей тетки въ сущности для меня ничто... Я совершенно свободна.

Неждановъ съ изумленіемъ глянулъ на Маріанну.

— Въ такомъ случаѣ... все, что̀ вы мнѣ сейчасъ говорили...

— Вы вольны смѣяться надо мною,—подхватила она:— но если я несчастна—то не своимъ несчастьемъ.—Мнѣ кажется иногда, что я страдаю за всѣхъ притѣсненныхъ, бѣдныхъ, жалкихъ на Руси... нѣтъ, не страдаю—а негодую за нихъ, возмущаюсь... что я за нихъ готова... голову сложить. Я несчастна тѣмъ, что я барышня, приживалка, что я ничего, ничего не могу и не умѣю! Когда мой отецъ былъ въ Сибири, а я съ матушкой оставалась въ Москвѣ—ахъ, какъ я рвалась къ нему!—и не то, чтобы я очень его любила или уважала — но мнѣ такъ хотѣлось извѣдать самой, посмотрѣть собственными глазами, какъ живутъ ссыльные... загнанные... И ка̀къ мнѣ было досадно на себя и на всѣхъ этихъ спокойныхъ, зажиточныхъ, сытыхъ!.. А потомъ, когда онъ вернулся, надломанный, разбитый—и началъ унижаться, хлопотать и заискивать... ахъ... какъ это было тяжело! Какъ хорошо онъ сдѣлалъ, что умеръ... и матушка тоже! Но вотъ, я осталась въ живыхъ... Къ чему? Чтобы чувствовать, что у меня дурной нравъ, что я неблагодарна, что со мной ладу нѣтъ—и что я ничего, ничего—не могу ни для чего, ни для кого!

Маріанна отклонилась въ сторону—рука ея скользнула на скамью. Нежданову стало очень жаль ея; онъ прикоснулся къ этой повисшей рукѣ... но Маріанна тотчасъ ее отдернула, не потому, чтобы движеніе Нежданова показалось ей неумѣстнымъ—а чтобы онъ—сохрани Богъ—не подумалъ, что она напрашивается на участіе.

Сквозь вѣтки ельника мелькнуло вдали женское платье.

Маріанна выпрямилась. — Посмотрите, ваша Мадонна выслала свою шпіонку. Эта горничная должна наблюдать

мною—и доносить своей барынѣ, гдѣ я бываю и съ кѣмъ!—Тетка вѣроятно сообразила, что я съ вами,—и находитъ, что это неприлично—особенно, послѣ сентиментальной сцены, которую она передъ вами разыграла. Да и въ самомъ дѣлѣ—пора вернуться. Пойдемте.

Маріанна встала; Нежданов тоже поднялся со своего мѣста. Она глянула на него черезъ плечо и вдругъ по ея лицу мелькнуло выраженіе почти дѣтское, миловидное, немного смущенное.

— Вы вѣдь не сердитесь на меня? Вы не думаете, что я тоже порисовалась передъ вами?—Нѣтъ, вы этого не думаете, — продолжала она, прежде чѣмъ Нежданов ей что-нибудь отвѣтилъ. — Вы вѣдь такой же, какъ я—несчастный—и нравъ у васъ тоже... дурной, какъ у меня.— А завтра мы пойдемъ вмѣстѣ въ школу, потому что мы вѣдь теперь хорошіе пріятели.

Когда Маріанна и Нежданов приблизились къ дому, Валентина Михайловна посмотрѣла на нихъ въ лорнетку съ высоты балкона—и съ своей обычной, кроткой улыбкой тихонько покачала головою; а возвращаясь, черезъ раскрытую стеклянную дверь, въ гостиную, въ которой Сипягинъ уже сидѣлъ за преферансомъ съ завернувшимъ на чаекъ беззубымъ сосѣдомъ, промолвила громко и протяжно, отставляя слогъ отъ слога:

— Какъ сыро на воздухѣ! Это нездорово!

Маріанна переглянулась съ Неждановымъ; а Сипягинъ, который только-что обремизилъ своего партнера, бросилъ на жену истинно-министерскій взоръ вбокъ и вверхъ черезъ щеку—и потомъ перевелъ тотъ же сонливо-холодный, но проницательный взоръ на входившую изъ темнаго сада молодую чету.

XIV.

Минуло еще двѣ недѣли.—Все шло своимъ порядкомъ. Сипягинъ распредѣлялъ ежедневныя занятія — если не какъ министръ, то уже навѣрное, какъ директоръ департамента—и держался попрежнему—высоко, гуманно и нѣсколько брезгливо; Коля бралъ уроки, Анна Захаровна

терзалась постоянной, угнетенной злобой, гости наѣзжали, разговаривали, сражались въ карты — и, повидимому, не скучали; Валентина Михайловна продолжала заигрывать съ Неждановымъ — хотя къ ея любезности стало примѣшиваться нѣчто въ родѣ добродушной ироніи. Съ Маріанной Неждановъ окончательно сблизился—и, къ удивленію своему, нашелъ, что у ней характеръ довольно ровный и что съ ней можно говорить обо всемъ, не натыкаясь на слишкомъ рѣзкія противорѣчія.—Вмѣстѣ съ нею онъ раза два посѣтилъ школу—но съ перваго же посѣщенія убѣдился, что ему тутъ дѣлать нечего. Отецъ діаконъ завладѣлъ ею вдоль-и-поперекъ, съ разрѣшенія Синягина и по его волѣ. Отецъ діаконъ училъ грамотѣ недурно, хотя по старинному способу — но на экзаменахъ предлагалъ вопросы—довольно несообразные: напримѣръ, онъ спросилъ однажды Гарасю: „какъ-молъ онъ объясняетъ выраженіе: „темна вода во облацѣхъ?“—на что̀ Гарася долженъ былъ, по указанію самого отца діакона, отвѣтствовать: „сіе есть необъяснимо“. Впрочемъ, школа скоро и такъ закрылась—по случаю лѣтняго времени—до осени.—Памятуя наставленіе Паклина и другихъ, Неждановъ старался также сближаться съ крестьянами; но въ скорости замѣтилъ, что онъ просто изучаетъ ихъ, насколько хватало наблюдательности — а вовсе не пропагандируетъ! Онъ почти всю свою жизнь провелъ въ городѣ — и между нимъ и деревенскимъ людомъ существовалъ оврагъ или ровъ, черезъ который онъ никакъ не могъ перескочить. Нежданову пришлось обмѣняться нѣсколькими словами съ пьяницей Кирилой и даже съ Менделѣемъ Дутикомъ — но, странное дѣло!—онъ словно робѣлъ передъ ними—и кромѣ очень общей и очень короткой ругани, онъ отъ нихъ ничего не услышалъ. Другой мужикъ — звали его Ѳитюевымъ — просто втупикъ его поставилъ. Лицо у этого мужика было необычайно энергическое, чуть не разбойничье... „Ну, этотъ—навѣрное, надежный!“—думалось Нежданову... И что же? Ѳитюевъ оказался бобылемъ; у него міръ отобралъ землю, потому что онъ — человѣкъ здоровый и даже сильный—*не могъ* работать.—„Не могу!“—

всхлипывалъ Ѳитюевъ самъ, съ глубокимъ, внутреннимъ стономъ — и протяжно вздыхалъ: — „не могу работать! убейте меня! — А то я на себя руки наложу!“ — И кончалъ тѣмъ, что просилъ милостыньки—грошика на хлѣбушко... А лицо—какъ у Ринальдо Ринальдини!—Фабричный народъ — такъ тотъ совсѣмъ не дался Нежданову; всѣ эти ребята были либо ужасно-бойкіе, либо ужасно-мрачные... и у Нежданова съ ними тоже не вышло ничего. Онъ по этому поводу написалъ другу своему, Силину, большое письмо, въ которомъ горько жаловался на свою неумѣлость и приписывалъ ее своему скверному воспитанію и пакостной эстетической натурѣ! Онъ вдругъ вообразилъ, что его призваніе — въ дѣлѣ пропаганды — дѣйствовать не живымъ, устнымъ словомъ, — а письменнымъ; но задуманныя имъ брошюры не клеились. Все, что̀ онъ пытался выводить на бумагѣ, производило на него самого впечатлѣніе чего-то фальшиваго, натянутаго, невѣрнаго въ тонѣ, въ языкѣ, — и онъ раза два — о, ужасъ!—невольно сворачивалъ на стихи или на скептическія, личныя изліянія. Онъ даже рѣшился (важный признакъ довѣрія и сближенія!)—говорить объ этой своей неудачѣ съ Маріанной... и, опять-таки къ удивленію своему, — нашелъ въ ней сочувствіе — разумѣется, не къ своей беллетристикѣ — а къ той нравственной болѣзни, которой онъ страдалъ и которая не была ей чужда. Маріанна не хуже его возставала на эстетику; — а собственно потому и не полюбила Маркелова и не пошла за него, что въ немъ не существовало и слѣда той самой эстетики! — Маріанна, конечно, въ этомъ даже себѣ самой не смѣла сознаться; но вѣдь только то и сильно въ насъ, что̀ остается для насъ самихъ полуподозрѣнной тайной.

Такъ шли дни—туго, неровно—но не скучно.

Нѣчто странное происходило съ Неждановымъ. Онъ былъ недоволенъ собою, своей дѣятельностью — то-есть, своимъ бездѣйствіемъ; рѣчи его почти постоянно отзывались желчью и ѣдкостью самобичеванія; а на душѣ у него, гдѣ-то тамъ, очень далеко внутри — было не дурно; онъ

испытывалъ даже нѣкоторое успокоеніе. Было ли то слѣдствіемъ деревенскаго затишья, воздуха, лѣта, вкусной пищи, удобнаго житья, — происходило ли оно отъ того, что ему въ первый разъ отроду случилось извѣдать сладость соприкосновенія съ женскою душою? — сказать трудно; но ему въ сущности было даже легко, хотя онъ и жаловался—искренно жаловался—другу своему, Силину.

Впрочемъ, это настроеніе Нежданова было внезапно и насильственно прервано—въ одинъ день.

Утромъ того дня онъ получилъ записку отъ Василія Николаевича, въ которой предписывалось ему вмѣстѣ съ Маркеловымъ — въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкцій — немедленно познакомиться и сговориться съ уже́ поименованнымъ Соломинымъ и нѣкоторымъ купцомъ Голушкинымъ, старообрядцемъ, проживавшимъ въ С*. Записка эта перетревожила Нежданова: упрекъ его бездѣйствію послышался ему въ ней. Горечь, которая все это время кипѣла у него на однихъ словахъ, теперь снова поднялась со дна его души.

Къ обѣду пріѣхалъ Калломѣйцевъ, разстроенный и раздраженный.—Представьте,—закричалъ онъ почти слезливымъ голосомъ: — какой ужасъ я сейчасъ вычиталъ въ газетѣ: — моего друга, моего милаго Михаила, сербскаго князя, какіе-то злодѣи убили въ Бѣлградѣ!—До чего наконецъ дойдутъ эти якобинцы и революціонеры, если имъ не положатъ твердый предѣлъ! — Сипягинъ „позволилъ себѣ замѣтить“, что это гнусное убійство, вѣроятно, совершено не якобинцами — „коихъ въ Сербіи не предполагается“—а людьми партіи Карагеоргіевичей, врагами Обреновичей... Но Калломѣйцевъ ничего слышать не хотѣлъ и тѣмъ же слезливымъ голосомъ началъ снова разсказывать, какъ покойный князь его любилъ, и какое ему подарилъ ружье!.. Понемногу расходившись и придя въ азартъ, Калломѣйцевъ отъ заграничныхъ якобинцевъ обратился къ доморощеннымъ нигилистамъ и соціалистамъ— и разразился наконецъ цѣлой филиппикой. Обхвативъ, по-модному, большой бѣлый хлѣбъ обѣими руками и переламывая его пополамъ надъ тарелкой супа, какъ это

дѣлаютъ завзятые парижане въ „Café-Riche“ — онъ изъявлялъ желаніе раздробить, превратить въ прахъ всѣхъ тѣхъ, которые сопротивляются — чему бы и кому бы то ни было!!. Онъ именно такъ выразился.—„Пора! пора!“— твердилъ онъ, занося себѣ ложку въ ротъ;—„пора! пора!“— повторялъ онъ, подставляя рюмку слугѣ, разливавшему хересъ. Съ благоговѣньемъ упомянулъ онъ о великихъ московскихъ публицистахъ—и Ladislas, notre bon et cher Ladislas, не сходилъ у него съ языка.—И при этомъ онъ то-и-дѣло устремлялъ взоръ на Нежданова, словно тыкалъ его имъ. — „Вотъ, молъ, тебѣ! Получай загвоздку! это я на твой счетъ! А вотъ еще!“—Тотъ не вытерпѣлъ наконецъ — и началъ возражать — немного, правда, трепетнымъ (конечно, не отъ робости) и хриповатымъ голосомъ; началъ защищать надежды, принципы, идеалы молодежи. Калломѣйцевъ немедленно запищалъ—негодованіе въ немъ всегда выражалось фальцетомъ — и сталъ грубить. Синягинъ величественно принялъ сторону Нежданова; Валентина Михайловна тоже соглашалась съ мужемъ; Анна Захаровна старалась отвлечь вниманіе Коли — и бросала, куда ни попало, яростные взгляды изъ-подъ нависшаго чепца; Маріанна не шевелилась, словно окаменѣла.

Но вдругъ, услышавъ въ двадцатый разъ произнесенное имя Ladislas'a, — Неждановъ вспыхнулъ весь и, ударивъ ладонью по столу, воскликнулъ:

— Вотъ нашли авторитетъ!—Какъ-будто мы не знаемъ, что̀ такое этотъ Ladislas? Онъ — прирожденный клевретъ и больше ничего!

— А... а... а... во... вотъ какъ... вотъ ку... куда!—простоналъ Калломѣйцевъ, заикаясь отъ бѣшенства... — Вы вотъ какъ позволяете себѣ отзываться о человѣкѣ, котораго уважаютъ такія особы, какъ графъ Блазенкрамфъ и князь Коврижкинъ!

Неждановъ пожалъ плечами. — Хороша рекомендація: князь Коврижкинъ, этотъ лакей-энтузіастъ...

— Ladislas — мой другъ,—закричалъ Калломѣйцевъ:— онъ мой товарищъ—и я...

— Тѣмъ хуже для васъ,—перебилъ Неждановъ:—значитъ, вы раздѣляете его образъ мыслей, и мои слова относятся такъ же къ вамъ.

Калломѣйцевъ помертвѣлъ отъ злости. — Ка... какъ? Что? Какъ вы смѣете? На... надобно васъ... сейчасъ...

— Что̀ вамъ угодно сдѣлать со мною *сейчасъ?* — вторично, съ иронической вѣжливостью, перебилъ Неждановъ.

Богъ вѣдаетъ, чѣмъ бы разрѣшилась эта схватка между двумя врагами, если бы Сипягинъ не прекратилъ ея въ самомъ началѣ. Возвысивъ голосъ и принявъ осанку, въ которой неизвѣстно что̀ преобладало: важность ли государственнаго человѣка, или же достоинство хозяина дома— онъ съ спокойной твердостью объявилъ, что не желаетъ слышать болѣе у себя за столомъ подобныя неумѣренныя выраженія; что онъ давно поставилъ себѣ правиломъ (онъ поправился: священнымъ правиломъ) уважать всякаго рода убѣжденія, но только съ тѣмъ — (тутъ онъ поднялъ указательный палецъ, украшенный гербовымъ кольцомъ), чтобы они удерживались въ извѣстныхъ границахъ благопристойности и благоприличія; что если онъ, съ одной стороны, не можетъ не осудить въ г. Нежданов̀ѣ нѣкоторую воздержанность языка, извиняемую, впрочемъ, молодостью его лѣтъ, то, съ другой стороны, не можетъ также одобрить въ г-нѣ Калломѣйцевѣ ожесточеніе его нападокъ на людей противнаго лагеря — ожесточеніе, объясняемое, впрочемъ, его рвеніемъ къ общему благу.

— Подъ коимъ кровомъ, — такъ кончилъ онъ: — подъ кровомъ Сипягиныхъ нѣтъ ни якобинцевъ, ни клевретовъ, а есть только добросовѣстные люди, которые, однажды понявъ другъ друга, непремѣнно кончатъ тѣмъ, что подадутъ другъ другу руки!

Неждановъ и Калломѣйцевъ умолкли оба—однако руки другъ другу не подали; видно, часъ взаимнаго пониманія не наступилъ для нихъ. Напротивъ: они никогда еще не чувствовали такой сильной взаимной ненависти. Обѣдъ кончился въ непріятномъ и неловкомъ молчаніи; Сипягинъ попытался разсказать какой-то дипломатическій анекдотъ — но такъ и бросилъ его на полъ-пути. Маріанна

упорно глядѣла на свою тарелку. Ей не хотѣлось выказать сочувствія, возбужденнаго въ ней рѣчами Нежданова, не изъ трусости — о, нѣтъ! но надо было прежде всего не выдать себя Сипягиной. Она чувствовала на себѣ ея проницательный, пристальный взоръ. И дѣйствительно, Сипягина не спускала съ нея глазъ—съ нея и съ Нежданова. Его неожиданная вспышка сперва поразила умную барыню; а потомъ ее какъ-будто что̀ озарило — да такъ, что она невольно шепнула:—А!.. Она вдругъ догадалась, что Неждановъ отвернулся отъ нея, тотъ самый Неждановъ, который еще недавно шелъ къ ней въ руки.—Тутъ что̀-то произошло... Ужъ не Маріанна ли? Да, навѣрное Маріанна... Онъ ей нравится... да и онъ...

„Надо принять мѣры“, такъ заключила она свои разсужденія, а между тѣмъ Калломѣйцевъ — задыхался отъ негодованія. Даже играя въ преферансъ, часа два спустя, онъ произносилъ слова: пасъ! или: покупаю! съ наболѣвшимъ сердцемъ—и въ голосѣ его слышалось глухое тремоло обиды, хотя онъ и показывалъ видъ, что „презираетъ!“ — Одинъ Сипягинъ былъ собственно даже очень доволенъ всей этой сценой. Ему пришлось выказать силу своего краснорѣчія, усмирить начинавшуюся бурю... Онъ зналъ латинскій языкъ, и Виргиліевское: Quos ego! (я васъ!) не было ему чуждымъ. Сознательно онъ не сравнивалъ себя съ Нептуномъ; но какъ-то сочувственно вспомнилъ о немъ.

XV.

Какъ только оказалось возможнымъ, Неждановъ отправился къ себѣ въ комнату и заперся.—Ему не хотѣлось ни съ кѣмъ видѣться—ни съ кѣмъ, кромѣ Маріанны. Ея комната находилась на самомъ концѣ длиннаго коридора, пересѣкавшаго весь верхній этажъ. Неждановъ только разъ—и то на нѣсколько минутъ—заходилъ туда; но ему казалось, что она не разсердится, если онъ къ ней постучится, что она даже желаетъ переговорить съ нимъ. Было уже довольно поздно, часовъ около десяти; хозяева, послѣ сцены за обѣдомъ, не считали нужнымъ его трево-

жить и продолжали играть въ карты съ Калломѣйцевымъ. Валентина Михайловна раза два навѣдалась о Маріаннѣ, такъ какъ она тоже исчезла скоро послѣ стола.—Гдѣ же Маріанна Викентьевна?—спросила она сперва по-русски, потомъ по-французски, не обращаясь ни къ кому въ особенности, а болѣе къ стѣнамъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ очень удивленные люди; впрочемъ, она вскорѣ сама занялась игрой.

Неждановъ прошелся нѣсколько разъ по своей комнатѣ, потомъ отправился по коридору до Маріанниной двери—и тихонько постучался. Отвѣта не было. Онъ постучался еще разъ—попопытался отворить дверь... Она оказалась запертою. Но не успѣлъ онъ вернуться къ себѣ, сѣсть на стулъ, какъ его собственная дверь слабо скрипнула и послышался голосъ Маріанны:

— Алексѣй Дмитричъ, это *вы* приходили ко мнѣ?

Онъ тотчасъ вскочилъ и бросился въ коридоръ; Маріанна стояла передъ дверью, со свѣчой въ рукѣ, блѣдная и неподвижная.

— Да... я...—шепнулъ онъ.

— Пойдемте,—отвѣчала она и пошла по коридору; но, не дойдя до конца, остановилась и толкнула рукою низкую дверь. Неждановъ увидалъ небольшую, почти пустую комнату. — Войдемте лучше сюда, Алексѣй Дмитричъ, здѣсь намъ никто не помѣшаетъ. — Неждановъ повиновался. Маріанна поставила свѣчку на подоконникъ и обернулась къ Нежданову.

— Я понимаю, почему вамъ именно меня хотѣлось видѣть,— начала она: — вамъ очень тяжело жить въ этомъ домѣ—и мнѣ тоже.

— Да; я хотѣлъ васъ видѣть, Маріанна Викентьевна,—отвѣчалъ Неждановъ:—но мнѣ не тяжело здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ я сблизился съ вами.

Маріанна улыбнулась задумчиво.

— Спасибо, Алексѣй Дмитричъ—но скажите, неужели вы намѣрены остаться здѣсь послѣ всѣхъ этихъ безобразій?

— Я думаю, меня здѣсь не оставятъ—мнѣ откажутъ!—отвѣчалъ Неждановъ.

— А сами вы не откажетесь?

— Самъ... Нѣтъ.

— Почему?

— Вы хотите знать правду? Потому что *вы* здѣсь.

Маріанна наклонила голову и отошла немного въ глубь комнаты.

— И къ тому же,—продолжалъ Неждановъ:—*я обязанъ* остаться здѣсь. Вы ничего не знаете—но я хочу, я чувствую, что долженъ вамъ все сказать. — Онъ подступилъ къ Маріаннѣ и схватилъ ее за руку.—Она ея не приняла—и только посмотрѣла ему въ лицо. — Послушайте! — воскликнулъ онъ съ внезапнымъ, сильнымъ порывомъ. — Послушайте меня!—И тотчасъ же, не садясь ни на одно изъ двухъ-трехъ стульевъ, находившихся въ комнатѣ, продолжая стоять передъ Маріанной и держать ея руку, Неждановъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ, съ неожиданнымъ для него самого краснорѣчіемъ, сообщилъ Маріаннѣ свои планы, намѣренія, причину, заставившую его принять предложеніе Сипягина — всѣ свои связи, знакомства, свое прошедшее, все, что̀ онъ скрывалъ, что̀ никому не высказывалъ! Онъ упомянулъ о полученныхъ письмахъ, о Васильѣ Николаевичѣ, обо всемъ—даже о Силинѣ!—Онъ говорилъ торопливо, безъ запинки, безъ малѣйшаго колебанья — словно онъ упрекалъ себя въ томъ, что до сихъ поръ не посвятилъ Маріанны во всѣ свои тайны—словно извинялся передъ нею. — Она его слушала внимательно, жадно; на первыхъ порахъ она изумилась... Но это чувство тотчасъ исчезло. Благодарность, гордость, преданность, рѣшимость—вотъ чѣмъ переполнялась ея душа. Ея лицо, ея глаза засіяли; она положила другую свою руку на руку Нежданова — ея губы раскрылись восторженно... Она вдругъ страшно похорошѣла!

Онъ остановился наконецъ — глянулъ на нее, и какъ будто впервые увидалъ *это* лицо, которое въ то же время такъ было и дорого ему, и такъ знакомо.

Онъ вздохнулъ сильно, глубоко...

— Ахъ, какъ я хорошо сдѣлалъ, что вамъ все сказалъ!— едва могли шепнуть его губы.

— Да, хорошо... хорошо! — повторила она тоже шопотомъ. Она невольно подражала ему — да и голосъ ея угасъ.—И значитъ, вы знаете,—продолжала она:—что я въ вашемъ распоряженіи, что я хочу быть тоже полезной вашему дѣлу, что я готова сдѣлать все, что будетъ нужно, пойти куда прикажутъ, что я всегда, всею душою, желала того же, что̀ и вы...

Она тоже умолкла. Еще одно слово—и у ней брызнули бы слезы умиленія. Все ея крѣпкое существо стало внезапно мягко какъ воскъ. Жажда дѣятельности, жертвы, жертвы немедленной—вотъ чѣмъ она томилась.

Чьи-то шаги послышались за дверью—осторожные, быстрые, легкіе шаги.

Маріанна вдругъ выпрямилась, освободила свои руки—и вся тотчасъ перемѣнилась и повеселѣла. Что-то презрительное, что-то удалое мелькнуло по ея лицу.

— Я знаю, кто насъ подслушиваетъ въ эту минуту,— проговорила она такъ громко, что въ коридорѣ явственнымъ отзвучіемъ раздавалось каждое ея слово:—г-жа Сипягина подслушиваетъ насъ... но мнѣ это совершенно все равно.

Шорохъ шаговъ прекратился.

— Такъ какъ же?—обратилась Маріанна къ Нежданову:—что же мнѣ дѣлать? какъ помочь вамъ? Говорите... говорите скорѣй! Что дѣлать?

— Что?—промолвилъ Неждановъ.—Я еще не знаю... Я получилъ отъ Маркелова записку...

— Когда? Когда?

— Сегодня вечеромъ. Надо мнѣ ѣхать завтра съ нимъ къ Соломину на заводъ.

— Да... да... Вотъ еще славный человѣкъ—Маркеловъ. Вотъ настоящій другъ!

— Такой же, какъ я?

Маріанна глянула прямо въ лицо Нежданову.

— Нѣтъ—не такой же.

— Какъ?..

Она вдругъ отвернулась.

— Ахъ! да развѣ вы не знаете, чѣмъ вы для меня стали, и что я чувствую въ эту минуту...

Сердце Нежданова сильно забилось, и взоръ опустился невольно. Эта дѣвушка, которая полюбила его—его, бездомнаго горемыку,—которая ему довѣряется, которая готова идти за нимъ, вмѣстѣ съ нимъ, къ одной и той же цѣли — эта чудесная дѣвушка — Маріанна—въ это мгновенье стала для Нежданова воплощеніемъ всего хорошаго, правдиваго на землѣ — воплощеніемъ неиспытанной имъ семейной, сестриной, женской любви, — воплощеніемъ родины, счастья, борьбы, свободы!

Онъ поднялъ голову — и увидалъ ея глаза, снова на него обращенные...

О, какъ проникалъ ихъ свѣтлый, славный взглядъ въ самую глубь его души!

— Итакъ, — началъ онъ невѣрнымъ голосомъ:—я ѣду завтра... И когда я вернусь оттуда, я скажу... вамъ... (ему вдругъ стало неловко говорить Маріаннѣ: вы) — скажу вамъ, что узнаю, что будетъ рѣшено. Отнынѣ все, что̀ я буду дѣлать, все, что̀ я буду думать — все, все сперва узнаешь... ты.

— О, мой другъ!—воскликнула Маріанна—и опять схватила его руку.—Я то же самое обѣщаю тебѣ!

Это „тебѣ“ вышло у ней такъ легко и просто, какъ будто иначе и нельзя было — какъ будто это было товарищеское: „ты“.

— А письмо можно видѣть?

— Вотъ оно, вотъ.

Маріанна пробѣжала письмо и чуть не съ благоговѣніемъ подняла на него взоръ.

— На тебя возлагаютъ такія важныя порученія?

Онъ улыбнулся ей въ отвѣтъ и спряталъ письмо въ карманъ.

— Странно,—промолвилъ онъ: — вѣдь мы объяснились другъ другу въ любви — мы любимъ другъ друга — а ни слова объ этомъ между нами не было.

— Къ чему? — шепнула Маріанна и вдругъ бросилась къ нему на шею, притиснула свою голову къ его плечу... Но они даже не поцѣловались—это было бы по̀шло и почему-то жутко—такъ, по крайней мѣрѣ, чувствовали они

оба — и тотчасъ же разошлись, крѣпко-крѣпко стиснувъ другъ другу руку.

Маріанна вернулась за свѣчой, которую оставила на подоконникѣ пустой комнаты — и только тутъ нашло на нее нѣчто въ родѣ недоумѣнія. Она погасила ее и, въ глубокой темнотѣ, быстро скользнувъ по коридору, вернулась въ свою комнату—раздѣлась, и легла въ той же для нея почему-то отрадной темнотѣ.

XVI.

На другое утро, когда Неждановъ проснулся, онъ не только не почувствовалъ никакого смущенія при воспоминаніи о томъ, что̀ произошло наканунѣ,—но, напротивъ, онъ исполнился какой-то хорошей и трезвой радостью, точно онъ совершилъ дѣло, которое, по-настоящему, давно слѣдовало совершить. Отпросившись на два дня у Сипягина, который согласился на его отлучку немедленно, но строго,—Неждановъ уѣхалъ къ Маркелову. Передъ отъѣздомъ онъ успѣлъ свидѣться съ Маріанной. — Она тоже нисколько не стыдилась и не смущалась, глядѣла спокойно и рѣшительно, и спокойно говорила ему: *ты*. Волновалась она только о томъ, что̀ онъ узнаетъ у Маркелова, и просила сообщить ей все.

— Это само собою разумѣется, — отвѣчалъ Неждановъ.

„И въ самомъ дѣлѣ,—думалось ему:—чего намъ тревожиться? Въ нашемъ сближеніи личное чувство играло роль... второстепенную — а соединились мы безвозвратно. Во имя дѣла? Да, во имя дѣла!“

Такъ думалось Нежданову, — и онъ самъ не подозрѣвалъ, сколько было правды—и неправды—въ его думахъ.

Онъ засталъ Маркелова въ томъ же усталомъ и суровомъ настроеніи духа. Пообѣдавши кое-какъ и кое-чѣмъ, они отправились въ извѣстномъ уже намъ тарантасѣ — (вторую пристяжную, очень молодую и не бывавшую еще въ упряжкѣ лошадь, взяли на-прокатъ у мужика—Маркеловская еще хромала) — на большую бумаго-прядильную фабрику купца Фалѣева, гдѣ жилъ Соломинъ. Любопытство Нежданова было возбуждено: ему очень хотѣлось по-

ближе познакомиться съ человѣкомъ, о которомъ въ послѣднее время онъ слышалъ такъ много. Соломинъ былъ предупрежденъ; какъ только оба путешественника остановились у воротъ фабрики и назвались—ихъ немедленно провели въ невзрачный флигелекъ, занимаемый „механикомъ-управляющимъ". Самъ онъ находился въ главномъ фабричномъ корпусѣ; пока одинъ изъ рабочихъ бѣгалъ за нимъ, Неждановъ и Маркеловъ успѣли подойти къ окну и осмотрѣться. Фабрика, очевидно, была въ полномъ расцвѣтаніи и завалена работой; отовсюду несся бойкій гамъ и гулъ непрестанной дѣятельности: машины пыхтѣли и стучали, скрипѣли станки, колеса жужжали, хлюпали ремни, катились и исчезали тачки, бочки, нагруженныя телѣжки; раздавались повелительные крики, звонки, свистки; торопливо пробѣгали мастеровые въ подпоясанныхъ рубахахъ, съ волосами прихваченными ремешкомъ, рабочія дѣвки въ ситцахъ; двигались запряженныя лошади... Людская тысячеголовая сила гудѣла вокругъ, натянутая, какъ струна. Все шло правильно, разумно, полнымъ махомъ; но не только щегольства или аккуратности, даже опрятности не было замѣтно нигдѣ и ни въ чемъ; напротивъ—всюду поражала небрежность, грязь, копоть; тамъ стекло въ окнѣ разбито, тамъ облупилась штукатурка, доски вывалились, зѣваетъ настежь растворенная дверь; большая лужа, черная, съ радужнымъ отливомъ гнили, стоитъ посреди главнаго двора; дальше торчатъ груды разбросанныхъ кирпичей; валяются остатки рогожъ, цыновокъ, ящиковъ, обрывки веревокъ; шершавыя собаки ходятъ съ подтянутыми животами и даже не лаютъ; въ уголку, подъ заборомъ, сидитъ мальчикъ лѣтъ четырехъ, съ огромнымъ животомъ и взъерошенной головой, весь выпачканный въ сажѣ,—сидитъ и безнадежно плачетъ, словно оставленный цѣлымъ міромъ; рядомъ съ нимъ, замаранная той же сажей, свинья окруженная пестрыми поросятами, пожираетъ капустныя кочерыжки; дырявое бѣлье болтается на протянутой веревкѣ—а какой смрадъ, какая духота всюду!—Русская фабрика—какъ есть; не нѣмецкая и не французская мануфактура.

Нежданов глянулъ на Маркелова.

— Мнѣ столько натолковали объ отмѣнныхъ способностяхъ Соломина,—началъ онъ:—что, признаюсь, меня весь этотъ безпорядокъ удивляетъ; я этого не ожидалъ.

— Безпорядка тутъ нѣтъ, — отвѣчалъ угрюмо Маркеловъ: — а неряшливость русская. Все-таки — милліонное дѣло! А ему приспособляться приходится; и къ старымъ обычаямъ, — и къ дѣламъ, — и къ самому хозяину. Вы имѣете ли понятіе о Фалѣевѣ?

— Никакого.

— Первый по Москвѣ алтынникъ. Буржуй—одно слово!

Въ эту минуту Соломинъ вошелъ въ комнату. Нежданову пришлось разочароваться въ немъ, такъ же какъ и въ фабрикѣ. На первый взглядъ Соломинъ производилъ впечатлѣніе чухонца, или скорѣе шведа. Онъ былъ высокаго роста, бѣлобрысъ, сухопаръ, плечистъ; лицо имѣлъ длинное, желтое, носъ короткій и широкій, глаза очень небольшіе, зеленоватые, взглядъ спокойный, губы крупныя и выдвинутыя впередъ; зубы бѣлые, тоже крупные, и раздвоенный подбородокъ, чуть-чуть обросшій пухомъ. Одѣтъ онъ былъ ремесленникомъ, кочегаромъ: на туловищѣ старый пиджакъ съ отвислыми карманами, на головѣ клеенчатый помятый картузъ, на шеѣ шерстяной шарфъ, на ногахъ дегтярные сапоги. Его сопровождалъ человѣкъ лѣтъ сорока, въ простой чуйкѣ, съ чрезвычайно-подвижнымъ, цыганскимъ лицомъ и черными какъ смоль, пронзительными глазами, которыми онъ, какъ только вошелъ, такъ разомъ и окинулъ Нежданова... Маркелова онъ уже зналъ. Звали его Павломъ: онъ слылъ фактотумомъ Соломина.

Соломинъ подошелъ, не спѣша, къ обоимъ посѣтителямъ, даванулъ, молча, руку каждаго изъ нихъ своей мозолистой, костлявой рукой, вынулъ изъ стола запечатанный пакетъ и передалъ его, тоже молча, Павлу, который тотчасъ и вышелъ вонъ изъ комнаты. Потомъ онъ потянулся, крякнулъ; сбросивъ картузъ съ затылка долой однимъ взмахомъ руки, — присѣлъ на деревянный крашеный стульчикъ, — и, указавъ Маркелову и Нежданову на такой же диванъ, промолвилъ:—Прошу!

Маркеловъ сперва познакомилъ Соломина съ Неждановымъ; тотъ ему снова даванулъ руку.—Потомъ Маркеловъ началъ говорить о „дѣлѣ“, упомянулъ о письмѣ Василія Николаевича. Нежданов подалъ это письмо Соломину. Пока онъ читалъ, внимательно и не торопясь, переводя глаза со строки на строку, — Нежданов глядѣлъ на него. Соломинъ сидѣлъ близъ окна; уже низкое солнце ярко освѣщало его загорѣлое, слегка вспотѣвшее лицо, его бѣлокурые, запыленные волосы, зажигая въ нихъ множество золотистыхъ точекъ. Его ноздри подрыгивали и раздувались во время чтенія, и губы шевелились, какъ бы произнося каждое слово; онъ держалъ письмо крѣпко и высоко обѣими руками. Все это, Богъ вѣдаетъ почему, нравилось Нежданову. Соломинъ возвратилъ письмо Нежданову, улыбнулся ему, и опять принялся слушать Маркелова. Тотъ говорилъ, говорилъ — и умолкъ наконецъ.

— Знаете ли что, — началъ Соломинъ, и голосъ его, немного сиплый, но молодой и сильный, тоже понравился Нежданову:—у меня здѣсь несовсѣмъ удобно; поѣдемте-ка къ вамъ—до васъ всего семь верстъ. Вѣдь вы въ тарантасѣ пріѣхали?

— Да.

— Ну... мѣсто мнѣ будетъ. Черезъ часъ у меня работы кончаются, и я свободенъ. Мы и потолкуемъ. Вы тоже свободны?—обратился онъ къ Нежданову.

— До послѣ-завтра.

— И прекрасно. Мы вотъ заночуемъ у нихъ.—Можно будетъ, Сергѣй Михайлычъ?

— Что за вопросъ! Конечно, можно.

— Ну—я сейчасъ. Дайте только пообчиститься немного.

— А какъ у васъ по фабрикѣ?—значительно спросилъ Маркеловъ.

Соломинъ глянулъ въ сторону.

— Мы потолкуемъ,—промолвилъ онъ вторично.—Погодите-ка... Я сейчасъ... Я кое-что забылъ...

Онъ вышелъ. Если бы не хорошее впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на Нежданова — тотъ бы, пожалуй,

подумалъ, и даже, быть-можетъ, спросилъ бы у Маркелова: „Ужъ не отлыниваетъ ли онъ?“ Но ему ничего подобнаго въ голову не пришло.

Часъ спустя, въ то время, когда изъ всѣхъ этажей громаднаго зданія по всѣмъ лѣстницамъ спускалась и во всѣ двери выливалась шумная фабричная толпа,—тарантасъ, въ которомъ сидѣли Маркеловъ, Неждановъ и Соломинъ, выѣзжалъ изъ воротъ на дорогу.

— Василій Ѳедотычъ, дѣйствовать? — закричалъ Соломину напослѣдяхъ Павелъ, проводившій его до воротъ.

— Попридержи... — отвѣчалъ Соломинъ. — Это насчетъ одной ночной операціи,—пояснилъ онъ своимъ товарищамъ.

Пріѣхали они въ Борзёнково; поужинали—больше приличія ради,—а тамъ запылали сигары и начались разговоры, тѣ ночные, неутомимые русскіе разговоры, которые въ такихъ размѣрахъ и въ такомъ видѣ едва ли свойственны другому какому народу. Впрочемъ, и тутъ Соломинъ не оправдалъ ожиданій Нежданова. Онъ говорилъ замѣчательно мало... такъ мало, что почти, можно сказать, постоянно молчалъ; но слушалъ пристально, и если произносилъ какое-либо сужденіе или замѣчаніе, то оно было и дѣльно, и вѣско, и очень коротко. Оказалось, что Соломинъ не вѣрилъ въ близость революціи въ Россіи; но, не желая навязывать свое мнѣніе другимъ, не мѣшалъ имъ попытаться, и посматривалъ на нихъ—не издали, а сбоку. Онъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ — и до нѣкоторой степени сочувствовалъ имъ — ибо былъ самъ изъ народа; но онъ понималъ невольное отсутствіе этого самаго народа, безъ котораго „ничего ты не подѣлаешь“, и котораго долго готовить надо—да и не такъ и не тому, какъ *тѣ*. Вотъ онъ и держался въ сторонѣ, не какъ хитрецъ и виляка, а какъ малый со смысломъ, который не хочетъ даромъ губить ни себя, ни другихъ.—А послушать... отчего не послушать—и даже поучиться, если такъ придется. Соломинъ былъ единственный сынъ дьячка; у него было пять сестеръ — всѣ замужемъ за попами и дьяконами; но онъ, съ согласія отца, степеннаго и трезваго человѣка, бросилъ семина-

рію, сталъ заниматься математикой и особенно пристрастился къ механикѣ; попалъ на заводъ къ англичанину, который полюбилъ его какъ сына — и далъ ему средства съѣздить въ Манчестеръ, гдѣ онъ пробылъ два года и выучился англійскому языку. На фабрику московскаго купца онъ попалъ недавно, и хотя съ подчиненныхъ взыскивалъ — потому что въ Англіи на эти порядки насмотрѣлся, — но пользовался ихъ расположеніемъ: свой, дескать, человѣкъ! Отецъ былъ имъ очень доволенъ, называлъ его „обстоятельнымъ“ и только жалѣлъ о томъ, что сынъ жениться не желаетъ.

Въ теченіе ночного разговора у Маркелова, Соломинъ, какъ мы уже сказали, почти все молчалъ; но когда Маркеловъ принялся толковать о надеждахъ, возлагаемыхъ имъ на фабричныхъ, Соломинъ, по своему обыкновенію, лаконически замѣтилъ, что у насъ на Руси фабричные не то, что за границей—самый тихòня народъ.

— А мужики?—спросилъ Маркеловъ.

— Мужики? Кулаковъ межъ ними ужъ теперь завелось довольно, и съ каждымъ годомъ больше будетъ—а кулаки только свою выгоду знаютъ; остальные—овцы, темнота.

— Такъ гдѣ же искать?

Соломинъ улыбнулся.

— Ищите и обрящете.

Онъ почти постоянно улыбался — и улыбка его была тоже какая-то безхитростная—но не безотчетная, какъ и весь онъ. — Съ Неждановымъ онъ обходился особеннымъ образомъ: молодой студентъ возбуждалъ въ немъ участіе, почти нѣжность.

Въ теченіе того же ночного разговора, Нежданов вдругъ разгорячился и пришелъ въ азартъ; Соломинъ тихонько всталъ и, перейдя своей развалистой походкой черезъ всю комнату, заперъ открывшееся за головой Нежданова окошко...

— Какъ бы вы не простудились,—добродушно промолвилъ онъ въ отвѣтъ на изумленный взглядъ оратора.

Нежданов сталъ разспрашивать его о томъ, какія соціальныя идеи онъ пытается провести во ввѣренной ему

фабрикѣ, и намѣренъ ли онъ устроить дѣло такъ, чтобы работники участвовали въ барышѣ?

— Душа моя!—отвѣчалъ Соломинъ:—мы школу завели и больницу маленькую—да и то патронъ упирался какъ медвѣдь!

Разъ только Соломинъ разсердился не на шутку и такъ ударилъ своимъ могучимъ кулакомъ по столу, что все на немъ подпрыгнуло, не исключая пудовой гирьки, пріютившейся возлѣ чернильницы. Ему разсказали о какой-то несправедливости на судѣ, о притѣсненіи рабочей артели...

Когда же Неждановъ и Маркеловъ принимались говорить, какъ „приступить", какъ привести планъ въ дѣйствіе, Соломинъ продолжалъ слушать съ любопытствомъ, даже съ уваженіемъ — но самъ уже не произносилъ ни слова. До четырехъ часовъ длилась эта ихъ бесѣда. — И о чемъ, о чемъ они не перетолковали! Маркеловъ, между прочимъ, таинственно намекнулъ на неутомимаго путешественника Кислякова, на его письма, которыя становятся все интереснѣе, да интереснѣе; онъ обѣщалъ показать Нежданову нѣкоторыя изъ нихъ и даже дать ему на-домъ, такъ какъ они очень пространны и писаны не совсѣмъ разборчивымъ почеркомъ; да и сверхъ того въ нихъ много учености и даже стихи попадаются—но не какіе-нибудь легкомысленные, а съ соціалистическимъ направленіемъ!—Отъ Кислякова Маркеловъ перешелъ къ солдатамъ, къ адъютантамъ, къ нѣмцамъ — договорился наконецъ до артиллерійскихъ статей; Неждановъ упомянулъ объ антагонизмѣ Гейне и Бёрне, о Прудонѣ, о реализмѣ въ искусствѣ; а Соломинъ слушалъ, слушалъ, вникалъ, покуривалъ—и не переставая улыбаться, не сказавъ ни одного остроумнаго слова, казалось, лучше всѣхъ понималъ, въ чемъ состояла собственно вся суть.

Пробило четыре часа... Неждановъ и Маркеловъ едва держались на ногахъ отъ усталости, а Соломинъ хоть бы въ одномъ глазѣ!—Пріятели разошлись; но прежде было сообща положено: на слѣдующій день отправиться въ городъ къ старовѣру купцу Голушкину, для пропаганды; самъ Голушкинъ былъ очень ретивъ—да и обѣщалъ про-

зелитовъ! Соломинъ высказалъ-было сомнѣніе: стòитъ ли посѣщать Голушкина? Однако, потомъ согласился, что стòитъ.

XVII.

Гости Маркелова еще спали, когда къ нему явился посланецъ съ письмомъ отъ его сестры, г-жи Сипягиной.— Въ этомъ письмѣ Валентина Михайловна говорила ему о какихъ-то хозяйственныхъ пустячкахъ, просила его прислать ей взятую имъ книгу — да кстати въ постъ-скриптумѣ сообщала ему „забавную“ новость: его бывшая пассія, Маріанна, влюбилась въ учителя Нежданова, а учитель въ нее; и это она, Валентина Михайловна, не сплетни передаетъ, а видѣла все собственными глазами и слышала собственными ушами. Лицо Маркелова стало темнѣе ночи... но онъ ни слова не промолвилъ;—велѣлъ отдать посланцу книгу — и, увидѣвши сошедшаго сверху Нежданова, обычнымъ образомъ съ нимъ поздоровался— даже передалъ ему обѣщанную пачку Кисляковскихъ посланій; — но не остался съ нимъ, а ушелъ „по хозяйству“.—Неждановъ вернулся къ себѣ въ комнату и пробѣжалъ отданныя ему письма: молодой пропагандистъ въ нихъ толковалъ постоянно о себѣ, о своей судорожной дѣятельности; по его словамъ, онъ въ послѣдній мѣсяцъ обскакалъ одиннадцать уѣздовъ, былъ въ девяти городахъ, двадцати-девяти селахъ, пятидесяти-трехъ деревняхъ, одномъ хуторѣ и восьми заводахъ; шестнадцать ночей провелъ въ сѣнныхъ сараяхъ, одну въ конюшнѣ, одну даже въ коровьемъ хлѣвѣ (тутъ онъ замѣтилъ въ скобкахъ съ *нотабене*, что блоха его не беретъ); лазилъ по землянкамъ, по казармамъ рабочихъ, вездѣ поучалъ, наставлялъ, книжки раздавалъ и на-лету собиралъ свѣдѣнія; иныя записывалъ на мѣстѣ, другія заносилъ себѣ въ память, по новѣйшимъ пріемамъ мнемоники; написалъ четырнадцать большихъ писемъ, двадцать-восемь малыхъ и восемнадцать записокъ (изъ коихъ четыре карандашомъ, одну кровью, одну сажей, разведенной на водѣ); и все это онъ успѣвалъ сдѣлать, потому что научился систематически

распредѣлять время, принимая въ руководство Квинтина Джонсона, Сверлицкаго, Карреліуса и другихъ публицистовъ и статистиковъ.—Потомъ онъ говорилъ опять-таки о себѣ, о своей звѣздѣ, о томъ, какъ и въ чемъ именно онъ дополнилъ теорію страстей Фуріэ; увѣрялъ, что онъ первый отыскалъ, наконецъ, „почву", что онъ „не пройдетъ надъ міромъ безо всякаго слѣда" — что онъ самъ удивляется тому, какъ это онъ, двадцати-двухъ-лѣтній юноша, уже рѣшилъ всѣ вопросы жизни и науки—и что онъ перевернетъ Россію, даже „встряхнетъ" ее!—Dixi!!—приписывалъ онъ въ строку.—Это слово: Dixi—попадалось часто у Кислякова и всегда съ двумя восклицательными знаками. Въ одномъ изъ писемъ находилось и соціалистическое стихотвореніе, обращенное къ одной дѣвушкѣ и начинавшееся словами:

Люби не меня—но идею!

Неждановъ внутренно подивился не столько самохвальству г-на Кислякова—сколько честному добродушію Маркелова... но тутъ же подумалъ: „По-боку эстетику! и г-нъ Кисляковъ можетъ быть полезенъ". — Къ чаю всѣ три пріятеля сошлись въ столовой; но вчерашнее словопреніе между ними не возобновилось.—Никому изъ нихъ не хотѣлось говорить — но одинъ Соломинъ молчалъ спокойно; и Неждановъ, и Маркеловъ казались внутренно взволнованными.

Послѣ чаю они отправились въ городъ; старый слуга Маркелова, сидя на рундучкѣ, сопровождалъ своего бывшаго барина обычнымъ унылымъ взоромъ.

Купецъ Голушкинъ, съ которымъ предстояло познакомиться Нежданову, былъ сынъ разбогатѣвшаго торговца москательнымъ товаромъ—изъ старовѣровъ-ѳедосѣевцевъ. Самъ онъ не увеличилъ отцовскаго состоянія, ибо былъ, какъ говорится, жуиръ, эпикуреецъ на русскій ладъ — и никакой въ торговыхъ дѣлахъ сообразительности не имѣлъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, довольно тучный и некрасивый, рябой, съ небольшими свиными глазками; говорилъ онъ очень поспѣшно и какъ бы путаясь въ словахъ, размахивалъ руками, ногами сѣменилъ, похохаты-

валъ... вообще производилъ впечатлѣніе парня дурковатаго, избалованнаго и крайне самолюбиваго. Самъ онъ почиталъ себя человѣкомъ образованнымъ, потому что одѣвался по-нѣмецки и жилъ хотя грязненько, да открыто, знался съ людьми богатыми—и въ театръ ѣздилъ, и протежировалъ каскадныхъ актрисъ, съ которыми изъяснялся на какомъ-то необычайномъ, якобы французскомъ языкѣ. Жажда популярности была его главною страстью: греми, молъ, Голушкинъ, по всему свѣту!—То̀ Суворовъ или Потемкинъ—а то̀ Капитонъ Голушкинъ!—Эта же самая страсть, побѣдившая въ немъ прирожденную скупость, бросила его, какъ онъ не безъ самодовольства выражался—въ оппозицію (прежде онъ говорилъ просто: „въ позицію“—но потомъ его научили)—свела его съ нигилистами: онъ высказывалъ самыя крайнія мнѣнія, трунилъ надъ собственнымъ старовѣрствомъ, ѣлъ въ постъ скоромное, игралъ въ карты—а шампанское пилъ какъ воду. И все сходило ему съ рукъ:—потому, говорилъ онъ—у меня всякое, гдѣ слѣдуетъ, начальство закуплено, всякая прорѣха зашита, всѣ рты заткнуты, всѣ уши завѣшены.—Онъ былъ вдовъ, бездѣтенъ; сыновья его сестры съ подобострастнымъ трепетомъ вились около него... но онъ обзывалъ ихъ непросвѣщенными олухами, варварами, и едва пускалъ ихъ къ себѣ на глаза.—Жилъ онъ въ большомъ, каменномъ, довольно неряшливо содержанномъ домѣ; въ иныхъ комнатахъ мебель была заграничная—а въ иныхъ ничего не было, кромѣ крашеныхъ стульевъ да клеенчатаго дивана. Картины висѣли вездѣ—и вездѣ прескверныя: рыжіе ландшафты, лиловые морскіе виды—„Поцѣлуй“ Моллера, толстыя голыя женщины съ красными колѣнками или локтями. Хоть у Голушкина и не было семьи—но много разной челяди и приживальщиковъ ютилось подъ его кровлей: не изъ щедрости принималъ онъ ихъ, а опять-таки изъ популярничанья—да чтобъ было надъ кѣмъ командовать и ломаться. „Мои кліенты“, говорилъ онъ, когда желалъ пыль пустить въ глаза; книгъ онъ не читалъ, а ученыя выраженія запоминалъ отлично.

Молодые люди застали Голушкина въ его кабинетѣ.

Облеченный въ долгополое пальто, съ сигарой во рту, онъ притворялся, что читаетъ газету. При видѣ ихъ онъ тотчасъ вскочилъ, заметался, покраснѣлъ, закричалъ, чтобы скорѣй подавали закуску, что-то спросилъ, чему-то засмѣялся — и все это разомъ. Маркелова и Соломина онъ зналъ; Неждановъ былъ для него новое лицо. Услышавъ, что онъ студентъ, Голушкинъ опять засмѣялся, пожалъ ему вторично руку и промолвилъ:

— Славно! Славно! нашего полку прибыло... Ученіе свѣтъ, а неученіе тьма—я самъ на мѣдные гроши ученъ, но понимаю, потому достигъ!

Нежданову показалось, что г-нъ Голушкинъ робѣетъ и конфузится... да оно дѣйствительно и было такъ.—„Смотри, братъ Капитонъ! не ударь лицомъ въ грязь!"—было его первой мыслью при видѣ каждаго новаго лица. Онъ, однако, скоро оправился, и тѣмъ же торопливо-шепелявымъ, спутаннымъ языкомъ началъ говорить о Василіѣ Николаевичѣ, объ его характерѣ, о необходимости про... па...ганды—(онъ это слово хорошо зналъ, но выговаривалъ медленно); о томъ, что у него, Голушкина, открылся новый молодецъ, пренадежный; что, кажется, время теперь уже близко, назрѣло для... для ланцета (при этомъ онъ глянулъ на Маркелова, который, однако, даже бровью не повелъ); — потомъ, обратясь къ Нежданову, онъ принялся расписывать самого себя, не хуже чѣмъ самъ великій корреспондентъ, Кисляковъ. Что онъ, молъ, изъ самодуровъ вышелъ давно, что онъ хорошо знаетъ права пролетаріевъ (и это слово онъ помнилъ твердо), что хотя онъ собственно торговлю бросилъ и занимается банковыми операціями—для наращенія капитала—но это только для того, чтобы капиталъ сей въ данную минуту могъ послужить—въ пользу... въ пользу общему движенію, въ пользу, такъ сказать,—народу; а что онъ, Голушкинъ, въ сущности презираетъ капиталъ! Тутъ вошелъ человѣкъ съ закуской, и Голушкинъ значительно крякнулъ и попросилъ, не угодно ли пройтись по рюмочкѣ?—и самъ первый „хлопнулъ" внушительную чарочку перцовки.

Гости принялись за закуску. — Голушкинъ запихивалъ

себѣ въ ротъ громадные куски паюсной икры и пилъ исправно, приговаривая: — Пожалуйте, господа, пожалуйте, хорошій макончикъ! Снова обратившись къ Нежданову, онъ спросилъ его, откуда онъ прибылъ, надолго ли, и гдѣ обрѣтается; а узнавъ, что онъ живетъ у Сипягина, воскликнулъ:

— Знаю я этого барина! Пустой! — И тутъ же началъ бранить всѣхъ землевладѣльцевъ С....ой губерніи, за то, что въ нихъ не только нѣтъ ничего гражданственнаго, но даже собственныхъ интересовъ они не чувствуютъ... Только—чудное дѣло! — самъ бранится, а глаза бѣгаютъ, и видно въ нихъ безпокойство.—Неждановъ не могъ себѣ хорошенько отдать отчета, что̀ это за человѣкъ—и зачѣмъ онъ имъ нуженъ? Соломинъ, по обыкновенію, помалчивалъ; а Маркеловъ принялъ такой сумрачный видъ, что Неждановъ спросилъ его, наконецъ: что̀ съ нимъ? — На что̀ Маркеловъ отвѣчалъ, что съ нимъ — ничего; но такимъ тономъ, какимъ обыкновенно отвѣчаютъ люди, когда хотятъ дать понять, что есть, молъ, что-то, — да не про тебя. — Голушкинъ опять принялся сперва бранить кого-то, а потомъ хвалить молодежь: какіе, дескать, теперь умницы пошли! У-умницы! У! — Соломинъ перебилъ его вопросомъ: кто̀, молъ, тотъ молодецъ надежный, о которомъ онъ говорилъ,—и гдѣ онъ его отыскалъ? Голушкинъ расхохотался, повторилъ раза два: а вотъ, увидите, увидите, — и началъ разспрашивать его объ его фабрикѣ, и объ ея „плутѣ“ владѣльцѣ, на что̀ Соломинъ отвѣчалъ весьма односложно. Тогда Голушкинъ налилъ всѣмъ шампанскаго—и, наклонясь къ уху Нежданова, шепнулъ:—За республику! и выпилъ бокалъ залпомъ. Неждановъ пригубилъ. Соломинъ замѣтилъ, что онъ вина утромъ не пьетъ; Маркеловъ злобно и рѣшительно выпилъ свой бокалъ до дна. Казалось, нетерпѣнье грызло его: вонъ, молъ, мы все прохлаждаемся—а къ настоящему разговору не приступаемъ... Онъ ударилъ по столу, сурово промолвилъ: — Господа! и собрался-было говорить...

Но въ это мгновенье вошелъ въ комнату прилизанный человѣкъ съ кувшиннымъ рыльцемъ и чахоточный на видъ,

въ купеческомъ нанковомъ кафтанчикѣ, обѣ руки на отлётъ. Поклонившись всей компаніи, человѣкъ доложилъ что-то вполголоса Голушкину.

— Сейчасъ, сейчасъ, — отвѣчалъ тотъ торопливо. — Господа,— прибавилъ онъ: — я долженъ спросить извиненія... Мнѣ Вася вотъ, мой приказчикъ, одну таку „вещію“ сказалъ (Голушкинъ выразился такъ нарочно, шутки ради), что мнѣ безпремѣнно предстоитъ на время отлучиться; но надѣюсь, господа, что вы согласитесь у меня сегодня откушать — въ три часа; и гораздо тогда намъ будетъ свободнѣе.

Ни Соломинъ, ни Неждановъ не знали, что̀ отвѣтить; но Маркеловъ тотчасъ промолвилъ, съ той же суровостью на лицѣ и въ голосѣ:

— Конечно, будемъ; а то—что̀ же это за комедія.

— Благодаримъ покорно,—подхватилъ Голушкинъ — и, нагнувшись къ Маркелову, присовокупилъ: — „Тыщу“ рублевъ во всякомъ случаѣ на дѣло жертвую... въ этомъ не сомнѣвайся!

И при этомъ онъ раза три двинулъ правой рукой съ отопыренными мизинцемъ и большимъ пальцемъ: „вѣрно, значитъ!“

Онъ проводилъ гостей до двери — и, стоя на порогѣ, крикнулъ:

— Буду ждать въ три часа.

— Жди!—отвѣчалъ одинъ Маркеловъ.

— Господа! — промолвилъ Соломинъ, какъ только всѣ трое очутились на улицѣ.—Я возьму извозчика—и поѣду на фабрику. Что̀ мы будемъ дѣлать до обѣда?—Бить баклуши? Да и купецъ нашъ... мнѣ кажется—отъ него, какъ отъ козла,—ни шерсти, ни молока.

— Ну, шерсть-то будетъ, — замѣтилъ угрюмо Маркеловъ.—Онъ вотъ деньги обѣщаетъ. Или вы имъ брезгаете? Намъ во всё входить нельзя. — Мы — не разборчивыя невѣсты.

— Стану я брезгать!—спокойно проговорилъ Соломинъ. Я только себя спрашиваю, какую пользу мое присутствіе можетъ принести. А впрочемъ,— прибавилъ онъ, глянувъ

на Нежданова и улыбнувшись: — извольте; останусь. На людяхъ и смерть красна.

Маркеловъ поднялъ голову.

— Пойдемъ, пока, въ городской садъ;—погода хорошая. На людей посмотримъ.

— Пойдемъ.

Они пошли—Маркеловъ и Соломинъ впереди, Неждановъ за ними.

XVIII.

Странное было состояніе его души. Въ послѣдніе два дня сколько новыхъ ощущеній, новыхъ лицъ... Онъ въ первый разъ въ жизни сошелся съ дѣвушкой, которую — по всей вѣроятности—полюбилъ; онъ присутствовалъ при начинаніяхъ дѣла, которому—по всей вѣроятности—посвятилъ всѣ свои силы... И что же?—радовался онъ?—Нѣтъ.— Колебался онъ? трусилъ? смущался? — О, конечно, нѣтъ. Такъ чувствовалъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, то напряженіе всего существа, то стремленіе впередъ, въ первые ряды бойцовъ, которое вызывается близостью борьбы?—Тоже нѣтъ. Да вѣритъ ли онъ, наконецъ, въ это дѣло? Вѣритъ ли онъ въ свою любовь? — О, эстетикъ проклятый! Скептикъ! беззвучно шептали его губы.—Отчего эта усталость, это нежеланіе даже говорить, какъ только онъ не кричитъ и не бѣснуется? — Какой внутренній голосъ желаетъ онъ заглушить въ себѣ этимъ крикомъ? Но Маріанна, этотъ славный, вѣрный товарищъ, эта чистая, страстная душа, эта чудесная дѣвушка, развѣ она его не любитъ? Не великое развѣ это счастье, что онъ встрѣтился съ нею, что онъ заслужилъ ея дружбу, ея любовь? И эти два существа, которыя теперь идутъ передъ нимъ, этотъ Маркеловъ, этотъ Соломинъ, котораго онъ знаетъ еще мало, но къ которому чувствуетъ такое влеченіе — развѣ они не отличные образчики русской сути, русской жизни—и знакомство, близость съ ними не есть ли также счастье? — Такъ отчего же это неопредѣленное, смутное, ноющее чувство? Къ чему, зачѣмъ эта грусть?—Коли ты рефлектёръ и меланхоликъ,— снова шептали его губы —

какой же ты къ чорту революціонеръ? Ты пиши стишки, да кисни, да возись съ собственными мыслишками и ощущеньицами—да копайся въ разныхъ психологическихъ соображеньицахъ и тонкостяхъ — а, главное, не принимай твоихъ болѣзненныхъ, нервическихъ раздраженій и капризовъ за мужественное негодованіе, за честную злобу убѣжденнаго человѣка! — О, Гамлетъ, Гамлетъ, датскій принцъ, какъ выйти изъ твоей тѣни? Какъ перестать подражать тебѣ во всемъ, даже въ позорномъ наслажденіи самобичеванія?

— Алексисъ! Другъ! россійскій Гамлетъ! — раздался вдругъ, какъ бы въ отзвучіе всѣмъ этимъ размышленіямъ, знакомый, пискливый голосъ.—Тебя ли я вижу?!

Неждановъ поднялъ глаза—и съ изумленіемъ увидѣлъ передъ собою Паклина! — Паклина въ образѣ пастушка, облеченнаго въ лѣтнюю одежду бланжеваго цвѣту, безъ галстука на шеѣ, въ большой соломенной шляпѣ, обвязанной голубой лентой и надвинутой на самый затылокъ— и въ лаковыхъ башмачкахъ!

Онъ тотчасъ подковылялъ къ Нежданову и ухватился за его руки.

— Во-первыхъ,—началъ онъ:—хотя мы въ публичномъ саду, надо, по старинному обычаю, обняться... и поцѣловаться... Разъ, два, три!—Во-вторыхъ, ты знай, что если бы я тебя не встрѣтилъ сегодня, ты бы навѣрное завтра улицезрѣлъ меня,—ибо мнѣ извѣстно твое мѣстопребываніе, и я даже нарочно прибылъ въ сей городъ... какимъ маперомъ—объ этомъ послѣ; въ-третьихъ, познакомь меня съ твоими товарищами. Скажи мнѣ вкратцѣ, кто они, а имъ—кто я, и будемъ наслаждаться жизнью!

Неждановъ исполнилъ желаніе своего друга, назвалъ его, Маркелова, Соломина—и сказалъ о каждомъ изъ нихъ кто онъ такой, гдѣ живетъ, что̀ дѣлаетъ и т. п.

— Прекрасно! воскликнулъ Паклинъ: — а теперь позвольте мнѣ отвести васъ всѣхъ вдаль отъ толпы, которой, впрочемъ, нѣтъ,—на уединенную скамейку, сидя на которой я, въ часы мечтаній, наслаждаюсь природой. — Удивительный тамъ видъ: губернаторскій домъ, двѣ по-

лосатыхъ будки, три жандарма и ни одной собаки! — Не удивляйтесь, однако, слишкомъ моимъ рѣчамъ, которыми я столь тщетно стараюсь разсмѣшить васъ! — Я, по мнѣнію моихъ друзей, представляю русское остроуміе... оттого-то, вѣроятно, я и хромаю.

Паклинъ повелъ пріятелей къ „уединенной скамейкѣ", и усадилъ ихъ на ней, предварительно согнавъ съ нея двухъ салопницъ. Молодые люди „обмѣнялись мыслями"... занятіе бо̀льшей частью довольно скучное — особенно, на первыхъ порахъ—и необыкновенно безплодное.

— Стой! — воскликнулъ вдругъ Паклинъ, обернувшись къ Нежданову:—надо тебѣ объяснить, почему я здѣсь. Ты знаешь, я свою сестру каждое лѣто увожу куда-нибудь; когда я узналъ, что ты отправляешься въ сосѣдство здѣшняго города, — я и вспомнилъ, что въ самомъ этомъ городѣ живутъ два удивительнѣйшихъ субъекта: мужъ и жена, которые намъ доводятся съ-родни... по матери. Мой отецъ былъ мѣщанинъ — (Неждановъ это зналъ, но Паклинъ сказалъ это—для *тѣхъ двухъ*)—а она дворянка. И давнымъ-давно они насъ къ себѣ зазываютъ! — Стой! думаю я... Это мнѣ на руку. Люди они добрѣйшіе, сестрѣ у нихъ будетъ—лафа; чего же больше? Вотъ, мы и прикатили. И ужъ точно! Такъ намъ здѣсь хорошо... сказать нельзя! — Но что̀ за субъекты! Что за субъекты! — Вамъ непремѣнно надо съ ними познакомиться! Что вы здѣсь дѣлаете? Гдѣ вы обѣдаете? И зачѣмъ вы собственно сюда пріѣхали?

— Мы обѣдаемъ сегодня у одного Голушкина... Здѣсь есть такой купецъ,—отвѣчалъ Неждановъ.

— Въ которомъ часу?

— Въ три часа.

— И вы видитесь съ нимъ насчетъ... насчетъ... — Паклинъ обвелъ взоромъ Соломина, который улыбался, и Маркелова, который все темнѣлъ да темнѣлъ...

— Да ты имъ, Алеша, скажи... сдѣлай какой-нибудь фармазонскій знакъ, право... скажи, что со мной вѣдь чиниться нечего... Вѣдь я вашъ... вашего общества...

— Голушкинъ тоже нашъ,—замѣтилъ Неждановъ.

— Ну, вотъ и чудесно!—До трехъ часовъ еще времени много.—Послушайтесь меня—пойдемте къ моимъ родственникамъ!

— Да ты съ ума сошелъ! Какъ же можно такъ...

— Объ этомъ ты не безпокойся! ужъ это я на себя беру.—Представь: оазисъ!—Ни политика, ни литература, ни что̀ современное туда и не заглядываетъ.—Домикъ какой-то пузатенькій, какихъ теперь и не видать нигдѣ; запахъ въ немъ—антикъ; люди—антикъ; воздухъ—антикъ... за что̀ ни возьмись—антикъ, Екатерина Вторая, пудра, фижмы, XVIII-й вѣкъ?—Хозяева... представь: мужъ и жена, оба старенькіе-престаренькіе, однолѣтки—и безъ морщинъ; кругленькіе, пухленькіе, опрятненькіе, настоящіе попугайчики-периклитки; а добры до глупости, до святости, безконечно! Мнѣ скажутъ: „безконечная“ доброта часто бываетъ сопряжена съ отсутствіемъ нравственнаго чувства... Но я въ эти тонкости не вхожу и знаю только, что мои старички—добрячки! И дѣтей никогда не имѣли. Блаженные! Ихъ такъ въ городѣ блаженными и зовутъ. Одѣты оба одинаково, въ какіе-то полосатые капоты—и матерія такая добротная: такой тоже теперь нигдѣ не сыщешь.—Похожи другъ на друга ужасно—только вотъ что у одной на головѣ чепецъ, а у другого колпакъ—и съ такими же рюшами какъ на чепцѣ, только безъ банта. Не будь этого банта—такъ и не узнаешь: кто—кто̀; къ тому жъ и мужъ-то безбородый. И зовутъ ихъ: одного—Ѳомушка, а другую—Ѳимушка.—Я тебѣ говорю—деньги слѣдовало бы платить, чтобъ только посмотрѣть на нихъ. Любятъ другъ друга до невозможности: а посѣтитъ ихъ кто—милости просимъ!—И такіе податливые: сейчасъ всѣ свои штучки покажутъ. Только одно: курить у нихъ нельзя: не то̀, чтобы они были раскольники—но ужъ очень имъ табакъ мерзитъ... Да вѣдь въ ихъ времена кто же и курилъ?—За то и канареекъ они не держатъ—потому что птица эта тоже мало была тогда распространена... И это великое счастіе—согласитесь!—Ну, что жъ? идете вы?

— Я, право же, не знаю,—началъ Неждановъ.

— Стой: я еще не все сообщилъ.—Голоса у нихъ оди-

наковые: закрой глаза, такъ и не знаешь, кто говоритъ. Только у Ѳомушки рѣчь какъ будто почувствительнѣй.— Вотъ вы, господа, собираетесь теперь на великое дѣло,— быть-можетъ, на страшную борьбу... Что̀ бы вамъ прежде чѣмъ броситься въ эти бурныя волны—окунуться...

— Въ стоячую воду?—перебилъ Маркеловъ.

— А хоть бы и такъ?—Стоячая она, точно; только не гнилая.—Такіе есть степные прудки; они хоть и не проточные, а никогда не зацвѣтаютъ, потому что на днѣ у нихъ есть ключи.—И у моихъ старичковъ есть ключи— тамъ, на днѣ сердца, чистые-пречистые.—Ужъ одно то: хотите вы узнать, какъ жили сто, полтораста лѣтъ тому назадъ?—такъ спѣшите; идите за мною. А то придетъ вдругъ день и часъ—одинъ и тотъ же часъ непремѣнно для обоихъ—и свалятся мои периклитки со своихъ жердочекъ—и всякій антикъ тотчасъ съ ними прекратится— и пузатенькій домъ пропадетъ—и вырастетъ на его мѣстѣ то, что̀, по словамъ моей бабушки, всегда вырастаетъ на мѣстѣ, гдѣ была „человѣчина“—а именно: крапива, репейникъ, осотъ, полынь и конскій щавель; самой улицы не будетъ—и придутъ люди, и ничего уже больше такого не найдутъ во вѣки вѣковъ!...

— А что̀?—воскликнулъ Неждановъ:—и впрямь пойти!

— Я съ великимъ даже удовольствіемъ готовъ,—промолвилъ Соломинъ:—не по моей это части—а все-таки любопытно:—и коли г. Паклинъ точно можетъ поручиться, что мы своимъ приходомъ никого не обезпокоимъ, то... почему же...

— Да ужъ не сомнѣвайтесь!—воскликнулъ въ свою очередь Паклинъ:—восторгъ произведете—и больше ничего. Какія тутъ церемоніи! Говорятъ вамъ: они—блаженные, мы ихъ пѣть заставимъ.—А вы, г. Маркеловъ, согласны?

Маркеловъ сердито повелъ плечами.

— Не оставаться же мнѣ тутъ одному!—Извольте вести.—Молодые люди поднялись со скамейки.

— Какой это у тебя баринъ грозный,—шепнулъ Паклинъ Нежданову, указывая на Маркелова:—ни дать ни взять Іоаннъ Предтеча, наѣвшійся акридъ... однѣхъ акридъ,

безъ меда!—А тотъ,—прибавилъ онъ, кивнувъ головой на Соломина:—чудесный! Какъ это онъ славно улыбается!—Я замѣтилъ, такъ улыбаются только такіе люди, которые выше другихъ—а сами этого не знаютъ.

— Развѣ бываютъ такіе люди? — спросилъ Неждановъ.

— Рѣдко; но бываютъ,—отвѣчалъ Паклинъ.

XIX.

Ѳомушка и Ѳимушка,— Ѳома Лаврентьевичъ и Евѳимія Павловна Субочевы — принадлежали оба къ одному и тому же коренному русскому дворянскому роду — и считались чуть ли не самыми старинными обитателями города С*.—Они вступили въ бракъ очень рано—и очень давно тому назадъ поселились въ дѣдовскомъ деревянномъ домѣ на краю города—никогда оттуда не выѣзжали—и ни въ чемъ никогда не измѣнили ни своего образа жизни, ни своихъ привычекъ. Время, казалось, остановилось для нихъ; никакое „новшество“ не проникало за границу ихъ „оазиса“. Состояніе у нихъ было небольшое; но мужички ихъ попрежнему привозили имъ по нѣскольку разъ въ годъ домашнюю живность и провизію; староста въ указанный срокъ являлся съ оброчными деньгами и парой рябчиковъ, будто бы застрѣленныхъ въ господскихъ лѣсныхъ, въ дѣйствительности давно исчезнувшихъ, дачахъ; его поили чаемъ на порогѣ гостиной, дарили ему баранью шапку, пару зеленыхъ замшевыхъ рукавицъ—и отпускали съ Богомъ. — Дворовые люди попрежнему наполняли Субочевскій домъ. Старый слуга Калліопычъ, облеченный въ камзолъ изъ необычайно-толстаго сукна съ стоячимъ воротникомъ и маленькими стальными пуговицами, попрежнему докладывалъ нараспѣвъ, что „кушанье на столѣ“, и засыпалъ, стоя за кресломъ барыни. Буфетъ былъ у него на рукахъ; — онъ завѣдывалъ „разной бакаліей, кардамонами и лимонами“, — а на вопросъ: не слыхалъ ли онъ, что для всѣхъ крѣпостныхъ вышла воля, — всякій разъ отвѣчалъ, что мало ли кто какія мелетъ враки; это, молъ, у турковъ бываетъ воля, а его, слава Богу, она миновала. Дѣвка Пуфка, изъ карлицъ, держалась для

развлеченія, а старая няня Васильевна во время обѣда входила съ большимъ темнымъ платкомъ на головѣ—и разсказывала шамкавшимъ голосомъ про всякія новости:—про Наполеона, двѣнадцатый годъ, про антихриста и бѣлыхъ араповъ; — а не то, подперши рукою подбородокъ, словно горюя, сообщала, какой она видѣла сонъ и что̀ онъ означалъ,—и что̀ у ней на картахъ вышло. Самый домъ Субочевыхъ отличался ото всѣхъ другихъ домовъ въ городѣ: онъ былъ весь построенъ изъ дуба, и окна имѣлъ въ видѣ равносторонних четырехугольниковъ; двойныя рамы никогда не вынимались! И были въ немъ всевозможныя сѣнцы и го́ренки, и свѣтлицы и хоро̀минки, и рундучки съ перильцами, и голубцы на точёныхъ столбикахъ, и всякіе задніе переходцы и камо̀рки. Спереди находился палисадникъ, а сзади—садъ; а въ саду—что̀ клѣтушекъ, пу̀некъ, амбарчиковъ, погребковъ, ледничковъ...—какъ есть гнѣздо! И не то̀, чтобы во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ сохранилось много добра—иныя уже и завалились;—да заведено все это изстари—ну, и держалось. Лошадей у Субочевыхъ было только двѣ, древнія, сѣдлистыя, косматыя; по одной отъ старости даже бѣлыя пятна выступили; звали ее Недвигой. Закладывались онѣ—много-много разъ въ мѣсяцъ—въ необычайный, всему городу извѣстный экипажъ, представлявшій подобіе земного глобуса съ вырѣзанной спереди четвертою частью и обитый снутри заграничной желтой матеріей, сплошь усѣянной крупными пупырушками въ видѣ бородавокъ. Послѣдній аршинъ этой матеріи былъ вытканъ въ Утрехтѣ или Ліонѣ еще во времена императрицы Елизаветы! И кучеръ у Субочевыхъ былъ чрезвычайно древній, пропитанный запахомъ во̀рвани и дегтя, старикъ; борода начиналась у него близъ самыхъ глазъ, а брови падали маленькимъ каскадомъ на бороду. Онъ до того былъ медлителенъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ, что употреблялъ цѣлыхъ пять минутъ на понюшку табаку, двѣ минуты на то, чтобы заткнуть кнутъ за поясъ, и два часа слишкомъ на то, чтобы заложить одну Недвигу. А звали его Перфишкой. Если Субочевымъ случалось выѣхать и эки-

пажу приходилось хоть чуточку подниматься въ гору— то они непремѣнно пугались (спускаясь съ горы, они, впрочемъ, тоже пугались)—цѣплялись за каретные ремни и твердили оба вслухъ: „Конямъ—конямъ... сила Самуила:—а мы, а мы, легче пуха, легче духа!!..“ Субочевыхъ всѣ въ городѣ С* считали за чудаковъ, чуть не за сумасшедшихъ:—да они и сами сознавали, что не подходятъ къ настоящимъ порядкамъ... но не больно объ этомъ печалились: въ какомъ быту родились они, выросли и сочетались бракомъ — въ томъ и остались. Одна только особенность того быта къ нимъ не пристала: отроду они никогда никого не наказали, не взыскали ни съ кого. Коли слуга у нихъ оказывался отъявленнымъ пьяницей или воромъ—они сперва долго терпѣли и переносили—вотъ какъ переносятъ дурную погоду; а наконецъ старались отдѣлаться отъ него, спустить его другимъ господамъ: пускай же, дескать, и тѣ помаются маленько! Только эта бѣда случалась съ ними рѣдко,—до того рѣдко, что становилась въ ихъ жизни эпохой—и они говаривали, напримѣръ: „Этому очень давно; это приключилось тогда, когда у насъ проживалъ Алдошка озорникъ“, или „когда у насъ украли мѣховую дѣдушкину шапку съ лисьимъ хвостомъ...“ У Субочевыхъ еще водились такія шапки. — Другая, впрочемъ, отличительная черта стариннаго быта въ нихъ также не замѣчалась: ни Ѳимушка, ни Ѳомушка не были слишкомъ религіозными людьми. Ѳомушка такъ даже придерживался Вольтеріанскихъ правилъ; а Ѳимушка смертельно боялась духовныхъ лицъ; у нихъ, по ея примѣтамъ, глазъ былъ дурной. „Попъ у меня посидитъ, — говаривала она: — глядь! анъ сливки-то и скислись“. — Въ церковь они выѣзжали рѣдко — и постились по-католически, т.-е. употребляли яйца, масло и молоко. Въ городѣ это знали—и, конечно, это не поправляло ихъ репутаціи. Но доброта ихъ все побѣждала; и надъ чудаками Субочевыми хоть и смѣялись, хоть и считали ихъ юродивыми и блаженными— а все-таки, въ сущности, уважали ихъ.

Да; ихъ уважали... но ѣздить къ нимъ никто не ѣздилъ.

Впрочемъ, они объ этомъ также не тужили. Вмѣстѣ они никогда не скучали, а потому не разлучались никогда, и никакого другого общества не желали. Ни Ѳомушка, ни Ѳимушка ни разу не болѣли; а если съ однимъ изъ нихъ и приключалась какая легкая немощь—то они *оба* пили настой липоваго цвѣту, натирались теплымъ масломъ по поясницѣ—или капали горячимъ саломъ на подошвы—и въ скорости все проходило.—День они проводили всегда одинаково. Вставали поздно, кушали утромъ шоколадъ изъ крошечныхъ чашекъ въ видѣ ступокъ; „чай — увѣряли они—ужъ послѣ насъ въ моду-то вошелъ“;—садились другъ передъ другомъ—и либо бесѣдовали (и всегда находили о чемъ!)—либо читали изъ „*Пріятнаго препровожденія времени*“, „*Зеркала Свѣта*“, или „*Аонидъ*“; либо просматривали старенькій альбомъ, переплетенный въ красный сафьянъ съ золотою каёмкой, принадлежавшій нѣкогда, какъ гласила надпись, одной M-me Barbe de Kabyline.—Какъ и когда попалъ этотъ альбомъ къ нимъ въ руки — они сами не знали. Въ немъ находилось нѣсколько французскихъ и много русскихъ стихотвореній и прозаическихъ статей, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго „краткаго“ размышленія о „Цецеронѣ“:

„Въ каковомъ расположеніи Цецеронъ вступилъ въ чинъ квестора, объявляетъ онъ слѣдующее. Засвидѣтельствовавши богами чистосердіе своихъ чувственностей во всѣхъ чинахъ, коими дотолѣ почтенъ былъ, мнилъ себя обязанна самыми священными узами къ достойному оныхъ исполненію и въ семъ намѣреніи не попускался онъ, Цецеронъ, не токмо въ сладости законопреступныя,—но и убѣгалъ отъ таковыхъ увеселеній, кои кажутся быть всеконечно необходимы“.—Внизу стояло: „Записано въ Сибири, въ гладѣ и хладѣ“.—Хорошо было также стихотвореніе, озаглавленное: „Тирсисъ“, гдѣ встрѣчались такія строфы:

Покой вселенной управляетъ,
Роса съ пріятностью блеститъ.
Природу нѣжитъ, прохлаждаетъ,
Ей нову жизнь собой даритъ!

Одинъ Тирсисъ съ душой унылой

Страдаетъ, мучится, груститъ...
Когда съ нимъ нѣтъ Анеты милой—
Его ничто не веселитъ!

—и экспромптъ проѣзжаго капитана въ 1790 году, „Маія въ шестый день“:

Никогда я не забуду!
Тебя, любезное село!
И вѣчно помнить буду!
Пріятно время такъ текло!
Которое имѣлъ я честь!

У владѣлицы твоей!
Пять лучшихъ въ жизни дней!
Въ почтеннѣйшемъ кругу провесть!
Среди множества дамъ и дѣвицъ,
И прочихъ *ак*тересныхъ лицъ!

На послѣдней страницѣ альбома стояло — вмѣсто стиховъ — рецепты отъ желудка, спазмовъ — и увы! — даже отъ глистовъ. Субочевы обѣдали ровно въ двѣнадцать часовъ, и ѣли все старинныя кушанья: сырники, пигусы, солянки, разсольники, саламаты, кокурки, кисели, взвары, верченую курятину съ шафраномъ, оладьи съ мёдомъ; послѣ обѣда отдыхали—часикъ, не больше,—просыпались, опять садились другъ передъ другомъ и пили брусничную водицу, а иногда и шипучку, прозванную „сорокоумомъ“, которая, однако, почти всякій разъ вылетала вся вонъ изъ бутылки и причиняла много смѣху господамъ,—а Калліопычу много досады: надо было подтирать „всюду“— и онъ долго ворчалъ на ключницу и на повара, которые будто бы выдумали этотъ напитокъ... „И какое въ немъ удовольствіе? Только *небель* портитъ!“ — Потомъ супруги Субочевы опять что-нибудь читали или пересмѣивались съ карлицей Пуфкой, или пѣли вдвоемъ старинные романсы (голоса у нихъ были совершенно одинакіе, высокіе, слабые, нѣсколько дрожащіе и хриплые — особенно послѣ сна,—но не лишенные пріятности—или, наконецъ, играли въ карты, но въ тоже все старинныя игры: въ кребсъ, въ ламушъ или даже въ бостонъ сампрандеръ! Потомъ появлялся самоваръ; по вечерамъ они пили чай... *Эту* уступку духу времени они сдѣлали; однако всякій

разъ находили, что это баловство — и что народъ отъ „оной китайской травки“ становится нарочито слабѣе.— Вообще же они удерживались отъ порицаній новаго времени и отъ восхваленій стараго: иначе они отроду не живали, но что другіе люди могли жить другимъ манеромъ—и даже лучше—это они допускали; лишь бы ихъ не заставляли мѣняться!—Часамъ къ восьми Калліопычъ подавалъ ужинъ съ неизбѣжной окрошкой, а въ девять часовъ полосатые высокіе пуховики уже принимали въ свои рыхлыя объятія утучненныя тѣла Ѳомушки и Ѳимушки, и безмятежный сонъ не медлилъ спуститься на ихъ вѣжды.—И все утихало въ старенькомъ домѣ: лампадка теплилась, пахло выхухолью, мелиссой, сверчокъ трюкалъ—и спала добрая, смѣшная, невинная чета.

Вотъ къ этимъ-то юродивымъ или, какъ онъ выражался, периклиткамъ, пріютившимъ его сестру, — и привелъ Паклинъ своихъ знакомыхъ.

Сестра его была дѣвушка умная и недурная лицомъ— глаза у ней были удивительные; но несчастный ея горбъ сокрушалъ ее, отнималъ всякую самонадѣянность и веселость, сдѣлалъ ее недовѣрчивой, и чуть не злою. И имя ей попалось премудреное: Снандулія! — Паклинъ хотѣлъ было перекрестить ее въ Софію; но она упорно держалась своего страннаго имени, говоря, что горбатой такъ и слѣдуетъ называться Снандуліей. Она была хорошая музыкантша и порядочно играла на фортепіано—„по милости моихъ длинныхъ пальцевъ“,—замѣчала она, не безъ горечи: „у горбатыхъ они всегда такіе бываютъ“.

Гости застали Ѳомушку и Ѳимушку въ самую ту минуту, когда они просыпались отъ послѣ-обѣденнаго сна и пили водицу.

— Вступаемъ въ XVIII-й вѣкъ! — воскликнулъ Паклинъ, какъ только перешагнулъ порогъ Субочевскаго дома.

И дѣйствительно: XVIII-й вѣкъ встрѣтилъ гостей уже въ передней, въ видѣ низенькихъ, синенькихъ ширмочекъ, оклеенныхъ вырѣзанными черными силуэтками напудренныхъ дамъ и кавалеровъ. Съ легкой руки Лафатера силуэтки были въ большой модѣ въ Россіи въ 80-хъ годахъ

прошлаго столѣтія. Внезапное появленіе такого большого числа посѣтителей—цѣлыхъ четыре!—произвело волненіе въ рѣдко-посѣщаемомъ домѣ. Послышался топотъ обутыхъ и босыхъ ногъ, нѣсколько женскихъ лицъ мгновенно высунулось и исчезло—кого-то гдѣ-то приперли, кто-то охнулъ, кто-то фыркнулъ, кто-то судорожно прошепталъ:—Ну васъ!

Наконецъ появился Калліопычъ въ своемъ шершавомъ камзолѣ — и, растворивъ дверь въ „зало", громогласно воскликнулъ:

— Государь, эта будетъ Сила Самсонычъ съ другими господами!

Хозяева гораздо меньше перетревожились, чѣмъ ихъ прислуга. Вторженіе четырехъ взрослыхъ мужчинъ въ ихъ, довольно впрочемъ просторную, гостиную—нѣсколько, правда, изумило ихъ; — но Паклинъ немедленно ихъ успокоилъ, представивъ имъ поочередно, съ разными прибауточками — Нежданова, Соломина и Маркелова — какъ людей смирныхъ и не „коронныхъ".

Ѳомушка и Ѳимушка особенно не жаловали коронныхъ, т.-е. чиновныхъ людей.

Появившаяся на призывъ брата, Снандулія гораздо больше волновалась и чинилась, чѣмъ старички Субочевы. Они попросили—оба вмѣстѣ—и въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ гостей сѣсть и пожелали узнать, чѣмъ ихъ потчивать: чаемъ, шоколадомъ или шипучей водицей съ вареньемъ? Когда же узнали, что гостямъ ничего не требуется, такъ какъ они незадолго передъ тѣмъ завтракали у купца Голушкина и скоро будутъ тамъ обѣдать—то перестали угощать ихъ—и, сложивъ одинаковымъ образомъ ручки на брюшкѣ, приступили къ бесѣдѣ.

Сперва она шла немного вяло—но скоро оживилась.—Паклинъ чрезвычайно разсмѣшилъ старичковъ извѣстнымъ Гоголевскимъ анекдотомъ о городничемъ, проникнувшемъ въ набитую биткомъ церковь—и о пирогѣ, который оказался тѣмъ же городничимъ; хохотали они до слезъ. Смѣялись они тоже одинаковымъ образомъ: очень визгливо, кончая кашлемъ и краснотой да испариной по

всему лицу. Паклинъ вообще замѣтилъ, что на людей въ родѣ Субочевыхъ цитаты изъ Гоголя дѣйствуютъ весьма сильно и какъ-то порывисто; но такъ какъ ему не столько хотѣлось ихъ потѣшать самихъ, сколько показать ихъ своимъ знакомымъ, то онъ перемѣнилъ батареи и повелъ дѣло такъ, что старички вскорѣ совсѣмъ раскуражились. Ѳомушка досталъ и показалъ гостямъ свою любимую деревянную рѣзную табакерку, на которой когда-то можно было счесть тридцать-шесть человѣческихъ фигуръ въ разныхъ положеніяхъ: всѣ онѣ давно стёрлись—но Ѳомушка ихъ видѣлъ, видѣлъ до сихъ поръ, и перечесть ихъ могъ, и указывалъ на нихъ.—„Смотрите—говорилъ онъ—вонъ одинъ изъ окошка глядитъ — смотрите: онъ голову высунулъ...“ А то мѣсто, на которое указывалъ его пухленькій палецъ съ приподнятымъ ноготкомъ — такъ же было гладко, какъ и вся остальная крыша табакерки. Потомъ онъ обратилъ вниманіе посѣтителей на висѣвшую надъ его головой картину, писанную масляными красками: она изображала охотника въ профиль, скачущаго во весь духъ на буланой лошади—тоже въ профиль—по снѣжной равнинѣ. На охотникѣ была высокая бѣлая баранья шапка съ голубымъ языкомъ, черкеска изъ верблюжьей шерсти съ бархатной оторочкой, перетянутая кованымъ золоченымъ поясомъ; расшитая шелкомъ рукавица была заткнута за тотъ поясъ; кинжалъ въ серебряной оправѣ съ чернью висѣлъ на немъ. Въ одной рукѣ охотникъ, на видъ очень моложавый и полный, держалъ огромный рогъ, украшенный красными кистями—а въ другой—поводья и нагайку; всѣ четыре ноги у лошади висѣли на воздухѣ;—и на каждой изъ нихъ живописецъ тщательно изобразилъ подкову, обозначивъ даже гвозди. „И замѣтьте“, промолвилъ Ѳомушка, указывая тѣмъ же пухленькимъ пальцемъ на четыре полукруглыхъ пятна, выведенныхъ на бѣломъ фонѣ позади лошадиныхъ ногъ—„слѣды на снѣгу—и тѣ представилъ!“—Почему этихъ слѣдовъ было всего четыре—а дальше позади не было видно ни одного—объ этомъ Ѳомушка умалчивалъ.

— А вѣдь это — я! — прибавилъ онъ, погодя немного, съ стыдливой улыбкой.

— Какъ? — воскликнулъ Неждановъ. — Вы были охотникомъ?

— Былъ... да недолго. Разъ, на всемъ скаку, черезъ голову лошади покатился, да курпей себѣ зашибъ. Ну, Ѳимушка испугалась... ну,—и запретила мнѣ. Я съ тѣхъ поръ и бросилъ.

— Что̀ вы зашибли?—спросилъ Неждановъ.

— Курпей,—повторилъ Ѳомушка, понизивъ голосъ.

Гости молча переглянулись. Никто не зналъ, что̀ такое курпей,—то-есть Маркеловъ зналъ, что курпеемъ зовется мохнатая кисть на казачьей или черкесской шапкѣ; да не могъ же *это* зашибить себѣ Ѳомушка! А спросить его, что̀ именно онъ понималъ подъ словомъ курпей — никто такъ и не рѣшился.

— Ну, ужъ коли ты такъ расхвастался, — заговорила вдругъ Ѳимушка:—такъ похвастаюсь и я.

Изъ крохотнаго „бонёрдюжура",—такъ называлось старинное бюро на маленькихъ кривыхъ ножкахъ съ подъёмной круглой крышей, которая входила въ спинку бюро,—она достала миніатюрную акварель въ бронзовой овальной рамкѣ, представлявшую совершенно голенькаго, четырехлѣтняго младенца съ колчаномъ за плечами и голубой ленточкой черезъ грудку, пробующаго концомъ пальчика остріе стрѣлы. Младенецъ былъ очень курчавъ, немного косъ и улыбался. Ѳимушка показала акварель гостямъ.

— Это̀ была—я...—промолвила она.

— Вы.

— Да, я. Въ юности. Къ моему батюшкѣ покойному ходилъ живописецъ-французъ, отличный живописецъ!—Такъ вотъ, онъ меня написалъ ко дню батюшкиныхъ именинъ. И какой хорошій былъ французъ! Онъ и послѣ къ намъ ѣзжалъ.—Войдетъ, бывало—шаркнетъ ножкой, потомъ дрыгнетъ ею, дрыгнетъ, и ручку тебѣ поцѣлуетъ, а уходя—свои собственные пальчики поцѣлуетъ,—ей-ей!—И направо-то онъ поклонится—и налѣво, и назадъ—и впередъ! Очень хорошій былъ французъ.

Гости похвалили его работу; Паклинъ даже нашелъ, что есть еще какое-то сходство.

А тутъ Ѳомушка началъ говорить о теперешнихъ французахъ и выразилъ мнѣніе, что они, должно-быть, всѣ презлые стали!—Почему же это такъ, Ѳома Лаврентьевичъ?—Да помилуйте!.. Какія у нихъ пошли имена!—Напримѣръ?—Да вотъ, напримѣръ: Ножанъ-Центъ-Лорранъ!—прямо разбойникъ!—Ѳомушка кстати полюбопытствовалъ: кто, молъ, теперь въ Парижѣ царствуетъ?—Ему сказали: что Наполеонъ.—Это его, кажется, и удивило—и опечалило.—Какъ же такъ?.. Старика такого...—началъ-было онъ и умолкъ, оглянувшись съ смущеніемъ. Ѳомушка плохо зналъ по-французски, и Вольтера читалъ въ переводѣ (подъ его изголовьемъ, въ завѣтномъ ящикѣ, сохранялся рукописный Кандидъ)—но у него иногда вырывались выраженія въ родѣ: „это, батюшка, фоссъ-паркэ!“—(въ смыслѣ: „это подозрительно“, „невѣрно“)—надъ которыми много смѣялись, пока одинъ ученый французъ не объяснилъ, что это есть старое парламентское выраженіе, употреблявшееся въ его родинѣ до 1789 года.

Такъ какъ рѣчь зашла о Франціи да о французахъ, то и Ѳимушка рѣшилась спросить о нѣкоторой вещи, которая у ней осталась на душѣ.—Сперва она подумала обратиться къ Маркелову, но ужъ очень онъ смотрѣлъ сердито; Соломина бы она спросила... только нѣтъ!—подумала она,—этотъ простой; должно быть, по-французски не разумѣетъ. Вотъ она и обратилась къ Нежданову.

— Что̀, батюшка, я отъ васъ узнать желаю,—начала она:—извините вы меня! Да вотъ, мой родственничекъ, Сила Самсонычъ, знать, трунитъ надо мной старухой, надъ моимъ невѣдѣньемъ бабьимъ.

— А что̀?

— А вотъ что̀. Если кто на французскомъ діалектѣ хочетъ вопросъ такой поставить: „Что̀, молъ, это такое?“—долженъ онъ сказать: „Кесе-кесе-кесе-ля?“

— Точно такъ.

— А можетъ онъ тоже сказать такъ: кесе-кесе-ля?

— Можетъ.

— И просто: кесе-ля?

— И такъ можетъ.

— И все это—едино будетъ?

— Да.

Ѳимушка задумалась и руками развела.

— Ну, Силушка,—промолвила она, наконецъ:—виновата я, а ты правъ. Только ужъ французы!.. Бѣдовые!

Паклинъ началъ просить старичковъ спѣть какой-нибудь романсикъ... Они оба посмѣялись и удивились, какая это ему пришла мысль; однако, скоро согласились, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Спандулія сѣла за клавесинъ и аккомпанировала имъ—она ужъ знаетъ что̀. Въ одномъ углу гостиной оказалось крошечное фортепіано, котораго никто изъ гостей сначала не замѣтилъ. Спандулія сѣла за этотъ „клавесинъ", взяла нѣсколько аккордовъ... Такихъ беззубенькихъ, кисленькихъ, дряхленькихъ, дрябленькихъ звуковъ Неждановъ не слыхивалъ отроду; но старички немедленно запѣли:

„На толь, чтобы печали—

началъ Ѳомушка—

„Въ любви намъ находить,
„Намъ боги сердце дали
„Способное любить?

„Одно лишь чувство страсти—

отвѣчала Ѳимушка—

„Безъ бѣдъ, безъ злой напасти
„На свѣтѣ есть ли гдѣ?"

„Нигдѣ, нигдѣ, нигдѣ!"—

подхватилъ Ѳомушка;—

„Нигдѣ, нигдѣ, нигдѣ!"—

повторила Ѳимушка;—

„Съ нимъ горести жестоки
„Вездѣ, вездѣ, вездѣ!"—

пропѣли они вдвоемъ;—

„Вездѣ, вездѣ, вездѣ!"—

протянулъ одинъ Ѳомушка.

— Браво! закричалъ Паклинъ:—это—первый куплетъ; а второй?

— Изволь, — отвѣчалъ Ѳомушка: — только, Спандулія Самсоновна, что̀ же трель? Послѣ моего стишка нужна трель.

— Извольте,—отвѣчала Спандулія:—будетъ вамъ трель.

Ѳомушка опять началъ:

„Любилъ ли кто въ вселенной
„И мукъ не испыталъ?
„Какой, какой влюбленный
„Не плакалъ, не вздыхалъ?“

А тутъ Ѳимушка:

„Такъ сердце странно въ горѣ,
„Какъ лодка гибнетъ въ морѣ...
„На что-жъ оно дано?“

„На зло, на зло, на зло!“ — воскликнулъ Ѳомушка — и подождалъ, чтобы дать время Снандуліи пустить трель.

Снандулія пустила ее.

„На зло, на зло, на зло!“—повторила Ѳимушка.

А тамъ оба вмѣстѣ:

„Возьмите, боги, сердце,
„Назадъ, назадъ, назадъ!
„Назадъ, назадъ, назадъ!“

И все опять заключилось трелью.

— Браво! браво!—закричали всѣ, за исключеніемъ Маркелова, и даже въ ладоши забили.

„А что̀, — подумалъ Неждановъ, какъ только рукоплесканья унялись: — чувствуютъ ли они, что разыгрываютъ роль... какъ бы шутовъ?—Быть-можетъ, нѣтъ:—а быть-можетъ, и чувствуютъ да думаютъ: „что за бѣда? вѣдь зла мы никому не дѣлаемъ. Даже потѣшаемъ другихъ!“ И какъ поразмыслишь хорошенько—правы они, сто разъ правы!“

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, онъ началъ вдругъ говорить имъ любезности, въ отвѣтъ на которыя они только слегка присѣдали, не покидая своихъ креселъ... Но въ это мгновеніе, изъ сосѣдней комнаты, вѣроятно спальней или дѣвичьей, гдѣ уже давно слышался шопотъ и шелестъ, внезапно появилась карлица Пуфка, въ сопровожденіи нянюшки Васильевны.—Пуфка принялась пищать и кривляться—а нянюшка то уговаривала ее, то пуще дразнила.

Маркеловъ, который уже давно подавалъ знаки нетерпѣнія — (Соломинъ—тотъ только улыбался шире обыкновеннаго)—Маркеловъ вдругъ обратился къ Ѳомушкѣ:

— А я отъ васъ не ожидалъ, — началъ онъ съ своей рѣзкой манерой: — что вы, съ вашимъ просвѣщеннымъ умомъ,—вѣдь вы, я слышалъ, поклонникъ Вольтера?—можете забавляться тѣмъ, что̀ должно составлять предметъ жалости—а именно:—увѣчьемъ... Тутъ онъ вспомнилъ сестру Паклина и прикусилъ языкъ;—а Ѳомушка покраснѣлъ: „Да... да вѣдь не я... она сама...“ Зато Пуфка такъ и накинулась на Маркелова.

— И съ чего ты это выдумалъ,—затрещала она своимъ картавымъ голосомъ: — нашихъ господъ обижать? Меня убогую призрѣли, приняли, кормятъ, по̀ятъ — такъ тебѣ завидно! Знать, у тебя на чужой хлѣбъ глазъ коробитъ?— И откуда взялся, черномазый, паскудный, пудный, усы какъ у таракана... Тутъ Пуфка показала своими толстыми, короткими пальцами, какіе у него усы. — Васильевна засмѣялась во весь свой беззубый ротъ — и въ сосѣдней комнатѣ послышался отголосокъ.

— Я, конечно, вамъ не судья, — обратился Маркеловъ къ Ѳомушкѣ: — убогихъ да увѣчныхъ призрѣвать—дѣло хорошее. Но позвольте вамъ замѣтить: жить въ довольствѣ, какъ сыръ въ маслѣ кататься—да не заѣдать чужого вѣка, да палецъ о палецъ не ударить для блага ближняго... это еще не значитъ быть добрымъ; я, по крайней мѣрѣ, такой добротѣ, правду говоря, никакой цѣны не придаю!

Тутъ Пуфка завизжала оглушительно; она ничего не поняла изъ всего, что̀ сказалъ Маркеловъ; но „черномазый“ бранился... какъ онъ смѣлъ! — Васильевна тоже что-то забормотала—а Ѳомушка сложилъ ручки передъ грудью—и повернувшись лицомъ къ своей женѣ — „Ѳимушка, голубушка,—сказалъ онъ, чуть не всхлипывая:— слышишь, что̀ господинъ гость говоритъ? Мы съ тобой грѣшники, злодѣи, фарисеи... какъ сыръ въ маслѣ катаемся, ой! ой! ой!.. На улицу насъ съ тобою надо, изъ дому вонъ—да по метлѣ въ руки дать, чтобы мы жизнь свою заработывали—о, хо-хо!“ Услышавъ такія печальныя слова, Пуфка завизжала пуще прежняго, Ѳимушка съежила глаза, перекосила губы—и уже воздуху въ грудь набрала, чтобы хорошенько пріударить—заголосить...

Богъ знаетъ, чѣмъ бы это все кончилось, если бъ Паклинъ не вмѣшался.

— Что это! помилуйте,—началъ онъ, махая руками и громко смѣясь:—какъ не стыдно?—Господинъ Маркеловъ пошутить хотѣлъ:—но такъ какъ видъ у него очень серьезный—оно и вышло немного строго... а вы и повѣрили!—Полноте!—Евѳимія Павловна, милочка, мы вотъ сейчасъ уйти должны—такъ знаете что? на прощанье—погадайте-ка намъ всѣмъ... вы на это мастерица. — Сестра! достань карты!

Ѳимушка глянула на своего мужа; а ужъ тотъ сидѣлъ совсѣмъ успокоенный;—и она успокоилась.

— Карты, карты...—заговорила она:—да разучилась я, отецъ; забыла—давно въ руки ихъ не брала...

А сама уже принимала изъ рукъ Снандуліи колоду какихъ-то древнихъ, необыкновенныхъ ломберныхъ картъ.

— Кому погадать-то?

— Да всѣмъ,—подхватилъ Паклинъ—а самъ подумалъ:—„Ну, что-жъ это за подвижная старушка! куда хочешь поверни... Просто прелесть!“—Всѣмъ, бабушка, всѣмъ,—прибавилъ онъ громко.—Скажите намъ нашу судьбу, характеръ нашъ, будущее... все скажите!

Ѳимушка стала-было раскладывать карты — да вдругъ бросила всю колоду.

— И не нужно мнѣ гадать!—воскликнула она:—я и такъ характеръ каждаго изъ васъ знаю.—А каковъ у кого характеръ, такова и судьба.—Вотъ этотъ—(она указала на Соломина) — прохладный человѣкъ, постоянный; — вотъ этотъ—(она погрозилась Маркелову)—горячій, погубительный человѣкъ... (Пуфка высунула ему языкъ);—тебѣ (она глянула на Паклина)—и говорить нечего: самъ себя ты знаешь: вертопрахъ! А этотъ...

Она указала на Нежданова—и запнулась.

— Что-жъ?—промолвилъ онъ:—говорите, сдѣлайте одолженіе: какой я человѣкъ!

— Какой ты человѣкъ...—протянула Ѳимушка:—жалкій ты—вотъ что!

Неждановъ встрепенулся.

— Жалкій! Почему такъ?

— А такъ! Жалокъ ты мнѣ—вотъ что!

— Да почему?

— А потому! Глазъ у меня такой. — Ты думаешь, я дура? Анъ я похитрѣй тебя—даромъ что ты рыжій.—Жалокъ ты мнѣ... вотъ тебѣ и сказъ!

Всѣ помолчали... переглянулись—и опять помолчали.

— Ну, прощайте, други, — брякнулъ Паклинъ. — Засидѣлись мы у васъ—и вамъ, чай, надоѣли.—Этимъ господамъ пора идти... да и я отправлюсь.—Прощайте, спасибо на ласкѣ.

— Прощайте, прощайте, заходите, не брезгуйте,—заговорили въ одинъ голосъ Ѳомушка и Ѳимушка... А Ѳомушка, какъ затянетъ вдругъ:

— Многая, многая, многая лѣта, многая...

— Многая, многая,—совершенно неожиданно забасилъ Калліопычъ, отворяя дверь молодымъ людямъ...

И всѣ четверо вдругъ очутились на улицѣ, передъ пузатенькимъ домомъ; — а за окнами раздавался пискливый голосъ Пуфки.

— Дураки...—кричала она:—дураки!..

Паклинъ громко засмѣялся; но никто не отвѣчалъ ему. Маркеловъ даже оглядѣлъ поочередно всѣхъ, какъ бы ожидая, что услышитъ слово негодованія...

Одинъ Соломинъ улыбался по обыкновенію.

XX.

— Ну, что-жъ!—началъ, первый, Паклинъ.—Были въ XVIII-мъ вѣкѣ—валяй теперь прямой въ XX-й!—Голушкинъ такой передовой человѣкъ, что его въ XIX-мъ считать неприлично.

— Да онъ развѣ тебѣ извѣстенъ?—спросилъ Неждановъ.

— Слухомъ земля полнится;—а сказалъ я: валяй! потому что намѣренъ отправиться вмѣстѣ съ вами.

— Какъ же такъ? Вѣдь ты съ нимъ незнакомъ?

— Вона! А съ моими периклитками вы развѣ были знакомы?

— Да ты насъ представилъ!

— А ты меня представь!—Тайнъ у васъ отъ меня быть не можетъ—и Голушкинъ человѣкъ широкій.—Онъ, посмотри, еще обрадуется новому лицу. Да и у насъ, здѣсь въ С*... просто!

— Да, — проворчалъ Маркеловъ: — люди у васъ здѣсь безцеремонные.

Паклинъ покачалъ головою.

— Это вы, можетъ-быть, на мой счетъ... Что дѣлать! Я этотъ упрекъ заслужилъ.—Но знаете ли что̀, новый мой знакомецъ, отложите-ка на время мрачныя мысли, которыя внушаетъ вамъ вашъ желчный темпераментъ! — А главное...

— Господинъ мой новый знакомецъ,—перебилъ его съ запальчивостью Маркеловъ:—скажу вамъ въ свою очередь... въ видѣ предостереженія: я никогда ни малѣйшаго расположенія къ шуткамъ не имѣлъ—а особливо сегодня!— И почему вамъ извѣстенъ мой темперамéнтъ! (онъ ударилъ на послѣдній слогъ). — Кажется, мы не такъ давно—въ первый разъ увидали другъ друга.

— Ну, постойте, постойте, не сердитесь—и не божитесь—я и такъ вамъ вѣрю, — промолвилъ Паклинъ—и, обратившись къ Соломину:—О, вы,—воскликнулъ онъ:— вы, котораго сама прозорливая Ѳимушка назвала прохладнымъ человѣкомъ—и въ которомъ точно есть нѣчто успокоительное—скажите, имѣлъ ли я въ мысляхъ сдѣлать кому-нибудь непріятность—или пошутить некстати? — Я только напросился идти съ вами къ Голушкину—а впрочемъ—я существо безобидное. — Я не виноватъ, что у г. Маркелова желтый цвѣтъ лица.

Соломинъ повелъ сперва однимъ плечомъ—потомъ другимъ;—у него была такая повадка, когда онъ не тотчасъ рѣшался отвѣчать.

— Безъ сомнѣнія, — проволвилъ онъ наконецъ: — вы, г-нъ Паклинъ, обиды никому причинить не можете—и не желаете; и къ г-ну Голушкину почему же вамъ не пойти? Мы, я полагаю, тамъ съ такимъ же удовольствіемъ проведемъ время, какъ и у вашихъ родственниковъ;—да и съ такой же пользой.

Паклинъ погрозилъ ему пальцемъ.

— О! да и вы, я вижу, злой! — Однакоже, вѣдь вы тоже пойдете къ Голушкину?

— Конечно, пойду. Сегодняшній день у меня и безъ того пропалъ.

— Ну, такъ—„en avant, marchons!"—къ XX-му вѣку! къ XX-му вѣку!—Неждановъ, передовой человѣкъ, веди!

— Хорошо; ступай; да не повторяй своихъ остротъ. Какъ бы кто не подумалъ, что онѣ у тебя на исходѣ.

— На вашего брата еще за глаза хватитъ, — весело возразилъ Паклинъ—и пустился впередъ, какъ онъ говорилъ, не въ припрыжку, а „въ прихромку".

— Презанятный господинъ! — замѣтилъ, идя за нимъ подъ-руку съ Неждановымъ, Соломинъ: — коли насъ, сохрани Богъ, сошлютъ всѣхъ въ Сибирь, будетъ кому развлекать насъ!

Маркеловъ шелъ, молча, позади всѣхъ.

А между тѣмъ въ домѣ купца Голушкина были приняты всѣ мѣры, чтобы задать обѣдъ съ „форсомъ"—или съ „шикомъ". Сварена была уха, прежирная — и прескверная; заготовлены были разные „патишо и фрыкасеи" — (Голушкинъ, какъ человѣкъ стоящій на высотѣ европейскаго образованія, хотя и старовѣръ, придерживался французской кухни, и повара взялъ изъ клуба, откуда его выгнали за нечистоплотность), — а главное: было припасено и заморожено нѣсколько бутылокъ шампанскаго.

Хозяинъ встрѣтилъ нашихъ молодыхъ людей съ свойственными ему неуклюжими ужимками, уторопленнымъ видомъ да похохатываніемъ. — Очень обрадовался Паклину, какъ тотъ и предсказывалъ; спросилъ про него: вѣдь нашъ?—и не дожидаясь отвѣта, воскликнулъ:—Ну, конечно! еще бы! Потомъ разсказалъ, что онъ сейчасъ былъ у этого „чудака" губернатора, который все пристаетъ къ нему изъ-за какихъ-то—чортъ его знаетъ!—благотворительныхъ заведеній... И рѣшительно нельзя было понять, чѣмъ онъ, Голушкинъ, больше доволенъ: тѣмъ ли, что его принимаютъ у губернатора — или же тѣмъ, что ему удалось ругнуть его въ присутствіи молодыхъ пере-

довыхъ людей? Потомъ онъ познакомилъ ихъ съ обѣщаннымъ прозелитомъ. И кто же оказался этимъ прозелитомъ? Тотъ самый прилизанный, чахоточный человѣкъ, съ кувшиннымъ рыльцемъ, который поутру вошелъ съ докладомъ, и котораго Голушкинъ звалъ Васей — его приказчикъ.—Не краснорѣчивъ, увѣрялъ Голушкинъ, указывая на него всей пятернею—но нашему дѣлу всей душой преданъ.—А Вася только кланялся, да краснѣлъ, да моргалъ, да скалилъ зубы съ такимъ видомъ, что опять-таки нельзя было понять—что̀ онъ такое: пошлый ли дурачокъ—или напротивъ—всесовершеннѣйшій выжига и плутъ?

— Ну, однако, за столъ, господа, за столъ,—залотошилъ Голушкинъ.—Сѣли за столъ, закусивъ сперва вплотную. Тотчасъ послѣ ухи, Голушкинъ велѣлъ подать шампанское. Мерзлыми кусками льдистаго сала вываливалось оно изъ горлышка бутылки въ подставленные бокалы. „За наше... наше предпріятіе!“ воскликнулъ Голушкинъ, мигая при этомъ глазомъ и указывая головою на слугу, какъ бы давая знать, что въ присутствіи чужого надо быть осторожнымъ? Прозелитъ Вася продолжалъ молчать—и хотя сидѣлъ на кра̀юшкѣ стула и вообще держался съ подобострастіемъ, уже вовсе несвойственнымъ тѣмъ убѣжденіямъ, которымъ онъ, по словамъ его хозяина, былъ преданъ всею душою—но хлопалъ вино отчаянно... Зато другіе всѣ говорили; то-есть, собственно, говорилъ хозяинъ—да Паклинъ; Паклинъ особенно. Неждановъ внутренно досадовалъ; Маркеловъ злился и негодовалъ—иначе, но такъ же сильно, какъ у Субочевыхъ; Соломинъ наблюдалъ.

Паклинъ потѣшался!—Своею бойкой рѣчью онъ чрезвычайно понравился Голушкину, который и не подозрѣвалъ того, что этотъ самый „хромушка“ то-и-дѣло шепчетъ на ухо сидѣвшему возлѣ него Нежданову—самыя злостныя замѣчанія насчетъ его, Голушкина!—Онъ даже полагалъ, что это—малый простой, и что его можно „третировать“ свысока... оттого-то онъ ему и понравился, между прочимъ. Сиди Паклинъ возлѣ него—онъ бы давно ткнулъ его пальцемъ въ ребра или ударилъ по плечу;

онъ и то кивалъ ему черезъ столъ и моталъ головою въ его направленіи... но между Неждановымъ и имъ возсѣдалъ, во-первыхъ, Маркеловъ — эта „мрачная туча“; а тамъ Соломинъ.—Зато Голушкинъ закатисто смѣялся каждому слову Паклина, смѣялся на вѣру, напередъ, хлопая себя по животу, выказывая свои синеватыя дёсны. Паклинъ скоро понялъ, чего отъ него требовалось, и началъ все бранить (оно же для него было дѣломъ подходящимъ)—все и всѣхъ: и консерваторовъ, и либераловъ, и чиновниковъ, и адвокатовъ, и администраторовъ, и помѣщиковъ, и земцевъ, и думцевъ, и Москву, и Петербургъ!

— Да, да, да, да,—подхватывалъ Голушкинъ:—такъ, такъ, такъ, такъ!—Вотъ, напримѣръ, у насъ голова—совершенный оселъ! Тупица непроходимая!—Я ему говорю и то, и то... а онъ ничего не понимаетъ; не хуже нашего губернатора!

— А вашъ губернаторъ — глупъ? — полюбопытствовалъ Паклинъ.

— Я жъ вамъ говорю: оселъ!

— Вы не замѣтили: онъ хрипитъ, или гнуситъ?

— Какъ?—спросилъ Голушкинъ не безъ недоумѣнья.

— Да развѣ вы не знаете? У насъ на Руси важные штатскіе хрипятъ; важные военные гнусятъ въ носъ;—и только самые высокіе сановники и хрипятъ, и гнусятъ въ одно и то же время.

Голушкинъ захохоталъ съ ревомъ, даже прослезился.

— Да, да, — лепеталъ онъ:—гнуситъ... гнуситъ... Онъ военный!

„Ахъ, ты, олухъ!“ думалъ про себя Паклинъ.

— У насъ все гнило, гдѣ ни тронь!—кричалъ Голушкинъ, немного спустя.—Все, все гнило!

— Почтеннѣйшій Капитонъ Андреичъ, — внушительно замѣчалъ Паклинъ, — а самъ тихонько говорилъ Неждапову: „Что это онъ все руками разводитъ, точно сюртукъ ему подъ мышками рѣжетъ?“ — Почтеннѣйшій Капитонъ Андреичъ, повѣрьте мнѣ: тутъ полумѣры ничего не помогутъ!

— Какія полумѣры!—вскричалъ Голушкинъ, внезапно

переставая смѣяться и принимая свирѣпый видъ: — тутъ одно: съ корнемъ вонъ!—Васька, пей, с....ъ с....ъ!

— И тó пью-съ, Капитонъ Андреичъ,—отвѣчалъ приказчикъ, опрокидывая себѣ въ горло стаканъ.

Голушкинъ тоже „ухнулъ“.

— И какъ только онъ не лопнетъ!—шепталъ Паклинъ Нежданову.

— Привычка!—отвѣчалъ тотъ.

Но не одинъ приказчикъ пилъ вино. Понемногу оно разобрало всѣхъ. — Неждановъ, Маркеловъ, даже Соломинъ вмѣшались понемногу въ разговоръ.

Сперва, какъ бы съ пренебреженіемъ, какъ бы съ досадой противъ самого себя, что вотъ, молъ, и онъ не выдерживаетъ характера и пускается толочь воду, Неждановъ началъ толковать о томъ, что пора перестать забавляться одними словами, пора „дѣйствовать“; — упомянулъ даже объ отысканной почвѣ!! — И тутъ же, не замѣчая, что онъ себѣ противорѣчитъ, началъ требовать, чтобы ему указали тѣ существующіе, реальные элементы, на которые можно опереться, что онъ ихъ не видитъ.— „Въ обществѣ нѣтъ сочувствія, въ народѣ нѣтъ сознанія... вотъ тутъ и бейся!“ Ему, конечно, не возражали; не потому, что возражать было нечего—но каждый уже началъ говорить тоже свое.—Маркеловъ забарабанилъ глухимъ и злобнымъ голосомъ, настойчиво, однообразно („ни дать, ни взять—капусту рубитъ“,—замѣтилъ Паклинъ). О чемъ собственно онъ говорилъ, не совсѣмъ было понятно; слово: „артиллерія“ послышалось изъ его устъ въ моментъ затишья... онъ, вѣроятно, вспомнилъ тѣ недостатки, которые открылъ въ ея устройствѣ. Досталось также нѣмцамъ и адъютантамъ. Соломинъ — и тотъ замѣтилъ, что есть двѣ манеры выжидать: выжидать и ничего не дѣлать — и выжидать, да подвигать дѣло впередъ.

— Намъ не нужно постепеновцевъ, — сумрачно проговорилъ Маркеловъ.

— Постепеновцы до сихъ поръ шли сверху, — замѣтилъ Соломинъ:—а мы попробуемъ снизу.

— Не нужно, къ чорту! не нужно,—рьяно подхватывалъ Голушкинъ:—надо разомъ, разомъ!

— То-есть, вы хотите въ окно прыгнуть?

— И прыгну! — завопилъ Голушкинъ. — Прыгну! — и Васька прыгнетъ! — Прикажу — прыгнетъ! А? — Васька? Вѣдь прыгнешь?

Приказчикъ допилъ стаканъ шампанскаго.

— Куда вы, Капитонъ Андреичъ, туда и мы.—Развѣ мы разсуждать смѣемъ?

— А! то-то!—Въ бар-раній р-рогъ согну!

Въ скорости наступило то, что̀ на языкѣ пьяницъ носитъ названіе столпотворенія вавилонскаго. Поднялся гамъ и шумъ „велій". — Какъ первыя снѣжинки кружатся, быстро смѣняясь и пестрѣя еще въ тепломъ осеннемъ воздухѣ—такъ, въ разгоряченной атмосферѣ Голушкинской столовой, завертѣлись, толкая и тѣсня другъ дружку, всяческія слова: прогрессъ, правительство, литература; податной вопросъ, церковный вопросъ, женскій вопросъ, судебный вопросъ; классицизмъ, реализмъ, нигилизмъ, коммунизмъ; интернаціоналъ, клерикалъ, либералъ, капиталъ; администрація, организація, ассоціація и даже кристаллизація! Голушкинъ, казалось, приходилъ въ восторгъ именно отъ этого гама; въ немъ-то, казалось, и заключалась для него настоящая суть... Онъ торжествовалъ!— „Знай, молъ, нашихъ! Разступись—убью!.. Капитонъ Голушкинъ ѣдетъ!" — Приказчикъ Вася до того, наконецъ, нализался, что началъ фыркать и говорить въ тарелку,— и вдругъ, какъ бѣшеный, закричалъ: — „Что за дьяволъ такой—прогимназія?!?"

Голушкинъ внезапно поднялся, — и, закинувъ назадъ свое побагровѣвшее лицо, на которомъ къ выраженію грубаго самовластія и торжества страннымъ образомъ примѣшивалось выраженіе другого чувства, похожаго на тайный ужасъ и даже на трепетаніе—гаркнулъ:—„Жертвую еще *тыщу!* — Васька, тащи!" на что Васька вполголоса отвѣтствовалъ: — „Малина!" А Паклинъ, весь блѣдный и въ ноту (онъ въ послѣднія четверть часа пилъ не хуже приказчика), —Паклинъ, вскочивъ съ своего мѣста и под-

нявъ обѣ руки надъ головою, проговорилъ съ разстановкой:—„Жертвую! Онъ произнесъ: жертвую!—О! оскверненіе святого слова!—Жертва! Никто не дерзаетъ возвыситься до тебя, никто не имѣетъ силы исполнить тѣ обязанности, которыя ты налагаешь, по крайней мѣрѣ никто изъ насъ, здѣсь предстоящихъ,—а этотъ самодуръ, этотъ дрянной мѣшокъ тряхнулъ своей раздутой утробой, высыпалъ пригоршню рублей и кричитъ: жертвую! И требуетъ благодарности; лавроваго вѣнка ожидаетъ — подлецъ!!“ Голушкинъ либо не разслышалъ, либо не понялъ того, что сказалъ Паклинъ, или, быть-можетъ, принялъ его слова за шутку, потому что еще разъ провозгласилъ: „Да! *тыщу* рублевъ! Что̀ Капитонъ Голушкинъ сказалъ— то свято!“ Онъ вдругъ запустилъ руку въ боковой карманъ.—„Вотъ онѣ, денежки-то!—На-те, рвите; да помните Капитона!“—Онъ какъ только приходилъ въ нѣкоторый азартъ, говорилъ о себѣ, какъ маленькія дѣти, въ третьемъ лицѣ. Неждановъ подобралъ брошенныя на залитую скатерть бумажки. Но послѣ этого уже нечего было оставаться; да и поздно становилось. Всѣ встали, взяли шапки—и убрались.

На вольномъ воздухѣ у всѣхъ закружились головы — особенно у Паклина.

— Ну?—куда-жъ мы теперь?—не безъ труда проговорилъ онъ.

— Не знаю, куда вы, — отвѣчалъ Соломинъ:—а я къ себѣ домой.

— На фабрику?

— На фабрику.

— Теперь, ночью, пѣшкомъ?

— Что-жъ такое?—Здѣсь ни волковъ, ни разбойниковъ нѣтъ,—а ходить я здоровъ.—Ночью-то еще свѣжѣе.

— Да тутъ четыре версты!

— А хоть бы и всѣ пять.—До свиданья, господа!

Соломинъ застегнулся, надвинувъ картузъ на лобъ, закурилъ сигару и зашагалъ большими шагами по улицѣ.

— А ты куда?—обратился Паклинъ къ Нежданову.

— Я вотъ къ нему.— Онъ указалъ на Маркелова, ко-

торый стоялъ неподвижно, скрестивъ руки на груди.—У насъ здѣсь и лошади, и экипажъ.

— Ну, прекрасно... а я, братъ, въ оазисъ, къ Ѳомушкѣ да къ Ѳимушкѣ. И знаешь, что я тебѣ скажу, братъ? И тамъ чепуха — и здѣсь чепуха... Только та чепуха, — чепуха XVIII-го вѣка, ближе къ русской сути, чѣмъ этотъ XX-й вѣкъ. — Прощайте, господа; я пьянъ... не взыщите.—Послушайте, что я вамъ еще скажу! Добрѣй и лучше моей сестры... Снандуліи... на свѣтѣ женщины нѣтъ; а вотъ она — и горбатая, и Снандулія. И всегда такъ на свѣтѣ бываетъ! — А впрочемъ, ей и слѣдъ такъ называться. — Вы знаете ли, кто была святая Снандулія? — Добродѣтельная жена, которая ходила по тюрьмамъ и врачевала раны узникамъ и больнымъ.—Ну, однако, прощайте! Прощай, Неждановъ—жалкій человѣкъ! И ты, офицеръ... у! бука! прощай!

Онъ поплелся, прихрамывая и пошатываясь, въ „оазисъ",— а Маркеловъ, вмѣстѣ съ Неждановымъ, отыскали постоялый дворъ, въ которомъ они оставили свой тарантасъ, велѣли заложить лошадей—и полчаса спустя уже катили по большой дорогѣ.

XXI.

Небо заволокло низкими тучами — и хотя не было совсѣмъ темно и накатанныя колеи на дорогѣ виднѣлись, блѣдно поблескивая, впереди, однако направо, налѣво все застилалось, и очертанія отдѣльныхъ предметовъ сливались въ смутныя большія пятна. — Была тусклая, невѣрная ночь; вѣтеръ набѣгалъ порывистыми сырыми струйками, принося съ собою запахъ дождя и широкихъ, хлѣбныхъ полей. Когда, проѣхавъ дубовый кустъ, служившій примѣтой, пришлось свернуть на просёлокъ, дѣло стало еще неладнѣе; узкая путина по временамъ совсѣмъ пропадала... Кучеръ поѣхалъ тише.

— Какъ бы не сбиться намъ!—замѣтилъ молчавшій до тѣхъ поръ Неждановъ.

— Нѣтъ! не собьемся!—промолвилъ Маркеловъ.—Двухъ бѣдъ въ одинъ день не бываетъ.

— Да какая же была первая бѣда?

— Какая? А что мы день напрасно потеряли—это вы ни за что считаете?

— Да... конечно... Этотъ Голушкинъ!! — Не слѣдовало такъ много вина пить. Голова теперь болитъ... смертельно.

— Я не о Голушкинѣ говорю, онъ по крайней мѣрѣ денегъ далъ;—стало-быть, хоть какая-нибудь отъ нашего посѣщенія польза была!

— Такъ неужели вы сожалѣете о томъ, что Паклинъ свелъ насъ къ своимъ... какъ бишь онъ называлъ ихъ... периклиткамъ?

— Жалѣть объ этомъ нечего... да и радоваться нечему. Я вѣдь не изъ тѣхъ, которые интересуются подобными игрушками... Я не на эту бѣду намекалъ.

— Такъ на какую же?

Маркеловъ ничего не отвѣчалъ — и только повозился немного въ своемъ уголку, словно кутаясь. Неждановъ не могъ хорошенько разобрать его лица; одни усы выдавались черной поперечной чертой; но онъ съ самаго утра чувствовалъ въ Маркеловѣ присутствіе чего-то такого, до чего было лучше не касаться — какого-то глухого и тайнаго раздраженія.

— Послушайте, Сергѣй Михайловичъ, — началъ онъ, погодя немного: — неужели вы, не шутя, восхищаетесь письмами этого г-на Кислякова, которыя вы мнѣ дали прочесть сегодня? Вѣдь это, извините рѣзкость выраженія,—это—дребедень!

Маркеловъ выпрямился.

— Во-первыхъ,—заговорилъ онъ гнѣвнымъ голосомъ:— я нисколько не раздѣляю вашего мнѣнія насчетъ этихъ писемъ—и нахожу ихъ весьма замѣчательными... и добросовѣстными! А во-вторыхъ, Кисляковъ трудится, работаетъ — и главное, онъ *вѣритъ;* вѣритъ въ наше дѣло, вѣритъ въ ре-во-люцію! Я долженъ вамъ сказать одно, Алексѣй Дмитріевичъ,—я замѣчаю, что *вы,*—вы охладѣваете къ нашему дѣлу;—вы не вѣрите въ него!

— Изъ чего вы это заключаете? — медлительно произнесъ Неждановъ.

— Изъ чего? Да изо всѣхъ вашихъ словъ, изъ всего вашего поведенія!!—Сегодня, у Голушкина, кто говорилъ, что онъ не видитъ, на какіе элементы можно опереться?—Вы! — Кто требовалъ, чтобъ ихъ ему указали? — Опять-таки вы! И когда этотъ вашъ пріятель, этотъ пустой балагуръ и зубоскалъ, г. Паклинъ, сталъ, поднимая глаза къ небу, увѣрять, что никто изъ насъ не въ силахъ принести жертву, кто ему поддакивалъ, кто одобрительно покачивалъ головою? Развѣ не вы?—Говорите о себѣ, какъ хотите, думайте о себѣ, какъ знаете... это ваше дѣло... но мнѣ извѣстны люди, которые сумѣли оттолкнуть отъ себя все, чѣмъ жизнь прекрасна—самое блаженство любви—для того, чтобъ служить своимъ убѣжденіямъ, чтобъ не измѣнить имъ!—Ну, *вамъ* сегодня... конечно, было не до того!

— Сегодня? Почему же именно сегодня?

— Да не притворяйтесь, ради Бога, счастливый Донъ-Жуанъ, увѣнчанный миртами любовникъ! — вскричалъ Маркеловъ, совершенно забывъ о кучерѣ, который хоть и не оборачивался съ козелъ, но могъ отлично все слышать. Правда, кучера въ эту минуту гораздо болѣе озабочивала дорога, чѣмъ всѣ пререканья сидѣвшихъ за его спиною господъ — и онъ осторожно и даже нѣсколько робко отпрукивалъ коренника, который моталъ головою и садился на задъ, спуская тарантасъ съ какой-то кручи, которой и не слѣдовало совсѣмъ тутъ быть.

— Позвольте—я васъ что-то не понимаю,—промолвилъ Неждановъ.

Маркеловъ захохоталъ принужденно и злобно.

— Вы меня не понимаете! Ха, ха, ха! — Я все знаю, милостивый государь! Знаю, съ кѣмъ вы объяснялись вчера въ любви; знаю, кого вы плѣнили вашей счастливой наружностью и краснорѣчіемъ; знаю, кто допускаетъ васъ къ себѣ въ комнату... послѣ десяти часовъ вечера!

— Баринъ!—обратился вдругъ кучеръ къ Маркелову.—Подержите-ка вожжи... Я слѣзу, посмотрю... Мы, кажись, съ дороги сбились... Водомоина тутъ, что-ль, какая...

Тарантасъ, дѣйствительно, стоялъ совсѣмъ на боку.

Маркеловъ ухватилъ вожжи, переданныя ему кучеромъ,— и продолжалъ все такъ же громко:

— Я васъ нисколько не виню, Алексѣй Дмитричъ! Вы воспользовались... Вы были правы. Я говорю только о томъ, что не удивляюсь вашему охлажденію къ общему дѣлу: у васъ, я опять-таки скажу,—не то на умѣ. И прибавлю кстати отъ себя: гдѣ тотъ человѣкъ, который можетъ заранѣе предугадать, что̀ именно нравится дѣвическимъ сердцамъ—или постигнуть, чего онѣ желаютъ!!.

— Я теперь понимаю васъ,—началъ-было Неждановъ:— понимаю ваше огорченіе, догадываюсь, кто насъ подкараулилъ и поспѣшилъ сообщить вамъ...

— Тутъ не заслуги,—продолжалъ Маркеловъ, притворяясь, что не слышитъ Нежданова, и съ намѣреніемъ растягивая и какъ бы распѣвая каждое слово:—не какія-нибудь необыкновенныя душевныя или физическія качества... Нѣтъ! Тутъ просто... треклятое счастье всѣхъ незаконнорожденныхъ дѣтей... всѣхъ в.....ъ!

Послѣднюю фразу Маркеловъ произнесъ отрывисто и быстро—и вдругъ умолкъ, словно замеръ.

А Неждановъ даже въ темнотѣ почувствовалъ, что весь поблѣднѣлъ, и мурашки забѣгали по его щекамъ. Онъ едва удержался, чтобы не броситься на Маркелова, не схватить его за горло... „Кровью надо смыть эту обиду, кровью...“

— Призналъ дорогу!—воскликнулъ кучеръ, появившись у праваго передняго колеса: — маленько ошибся, влѣво взялъ... теперь ничего! — духомъ представимъ; и версты до насъ не будетъ. Извольте сидѣть!

Онъ взобрался на облучокъ, взялъ у Маркелова вожжи, повернулъ коренника въ сторону... Тарантасъ сильно тряхнуло раза два—потомъ онъ покатился ровнѣе и шибче—мгла какъ будто разступилась и приподнялась — потянуло дымкомъ—впереди выросъ какой-то бугоръ. Вотъ мигнулъ огонекъ... онъ исчезъ... Мигнулъ другой... Собака залаяла...

— Наши выселки,—промолвилъ кучеръ:—эхъ, вы, котята любезные!

Чаще и чаще неслись навстрѣчу огоньки.

— Послѣ того оскорбленія,—заговорилъ наконецъ Неждановъ: — вы легко поймете, Сергѣй Михайловичъ, что мнѣ невозможно ночевать подъ вашимъ кровомъ; а потому, мнѣ остается просить васъ, какъ это мнѣ ни непріятно, чтобы вы, пріѣхавши домой, дали мнѣ вашъ тарантасъ, который довезетъ меня до города; завтра я уже найду способъ, какъ добраться до дому; — а тамъ вы получите отъ меня увѣдомленіе, котораго, вѣроятно, ожидаете.

Маркеловъ не тотчасъ отвѣчалъ.

— Неждановъ, — сказалъ онъ вдругъ не громкимъ, но почти отчаяннымъ голосомъ: — Неждановъ! Ради самого Бога, войдите ко мнѣ въ домъ—хоть бы только для того, чтобы я могъ на колѣняхъ попросить у васъ прощенія!— Неждановъ! Забудьте... забудь, забудь мое безумное слово! Ахъ, если бъ кто-нибудь могъ почувствовать, до какой степени я несчастливъ! — Маркеловъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь—и въ ней словно что̀ застонало.—Неждановъ! будь великодушенъ! Дай мнѣ руку... Не откажись простить меня!

Неждановъ протянулъ ему руку — нерѣшительно, но протянулъ.—Маркеловъ стиснулъ ее такъ, что тотъ чуть не вскрикнулъ.

Тарантасъ остановился у крыльца Маркеловскаго дома.

— Слушай, Неждановъ, — говорилъ ему Маркеловъ четверть часа спустя, у себя въ кабинетѣ... — Слушай. (Онъ уже не говорилъ ему иначе какъ: „ты“, и въ этомъ неожиданномъ: *ты* — обращенномъ къ человѣку, въ которомъ онъ открылъ счастливаго соперника, котораго онъ только что оскорбилъ кровно, котораго онъ готовъ былъ убить, разорвать на части — въ этомъ „ты“ было и безповоротное отреченіе — и моленіе смиренное, горькое — и какое-то право... Неждановъ это право призналъ тѣмъ, что самъ началъ говорить Маркелову: *ты*.)

— Слушай! Я тебѣ сейчасъ сказалъ, что я отъ счастья любви отказался, оттолкнулъ его, чтобы только служить своимъ убѣжденіямъ... Это вздоръ, бахвальство! Никогда

мнѣ ничего подобнаго не предлагали, нечего мнѣ было отталкивать! Я какъ родился безталаннымъ, такъ и остался имъ... Или, можетъ-быть, оно такъ и слѣдовало.—Потому, руки у меня не туда поставлены—мнѣ предстоитъ дѣлать иное! Коли ты можешь соединить и то, и другое... любить и быть любимымъ... и въ то же время служить дѣлу... ну, такъ ты молодецъ!—я тебѣ завидую... но самъ я—нѣтъ. Я не могу. Ты счастливецъ! Ты счастливецъ!—А я не могу.

Маркеловъ говорилъ все это тихимъ голосомъ, сидя на низкомъ стулѣ, понуривъ голову и свѣсивъ обѣ руки, какъ плети. Неждановъ стоялъ передъ нимъ, погруженный въ какое-то задумчивое вниманіе, и хотя Маркеловъ и величалъ его счастливцемъ—онъ не смотрѣлъ и не чувствовалъ себя такимъ.

— Меня въ молодости обманула одна... — продолжалъ Маркеловъ:—была она дѣвушка чудесная и все-таки измѣнила мнѣ... для кого же? Для нѣмца! для адъютанта!!—А Маріанна...

Онъ пріостановился... Онъ въ первый разъ произнесъ ея имя, и оно какъ будто обожгло его губы.

— Маріанна не обманула меня: она прямо объявила мнѣ, что я не правлюсь ей... Да и чему тутъ нравиться?—Ну—отдалась она тебѣ... Ну, что-жъ? Развѣ она не была свободна?

— Да постой, постой!—воскликнулъ Неждановъ.—Что ты такое говоришь?!—Какое: отдалась?—Я не знаю, что̀ тебѣ написала твоя сестра; но увѣряю тебя...

— Я не говорю: физически; но нравственно отдалась—сердцемъ, душою,—подхватилъ Маркеловъ, которому почему-то видимо понравилось восклицаніе Нежданова. — И прекрасно сдѣлала. А моя сестра... Конечно, она не имѣла намѣренія меня огорчить... То-есть, въ сущности это ей все равно; но она, должно-быть, тебя ненавидитъ — и Маріанну тоже.—Она не солгала... а впрочемъ, Господь съ ней!

„Да“,—подумалъ про-себя Неждановъ:—„она насъ ненавидитъ“.

— Все къ лучшему, продолжалъ Маркеловъ, не перемѣняя положенія. — Теперь съ меня послѣднія путы сняты; теперь—уже ничего мнѣ не помѣшаетъ! Ты не смотри на то, что Голушкинъ—самодуръ: это ничего. И письма Кислякова... они, можетъ-быть, смѣшны... точно; но надо обращать вниманіе на главное. По его словамъ... вездѣ все готово.—Ты вотъ, пожалуй, и этому не вѣришь?

Неждановъ ничего не отвѣчалъ.

— Ты, можетъ-быть, правъ;—но вѣдь если ждать минуты, когда все, рѣшительно все будетъ готово—никогда не придется начинать.—Вѣдь если взвѣшивать напередъ *всѣ* послѣдствія,—навѣрное между ними будутъ какія-либо дурныя. Напримѣръ: когда наши предшественники устроили освобожденіе крестьянъ—что-жъ? могли они предвидѣть, что однимъ изъ послѣдствій этого освобожденія будетъ появленіе цѣлаго класса помѣщиковъ-ростовщиковъ, которые продаютъ мужику четверть прѣлой ржи за шесть рублей—а получаютъ съ него (тутъ Маркеловъ пригнулъ одинъ палецъ): во-первыхъ, работу на всѣ шесть рублей, да сверхъ того—(Маркеловъ пригнулъ другой палецъ)—цѣлую четверть хорошей ржи—да еще (Маркеловъ пригнулъ третій) съ прибавкомъ! т.-е. высасываютъ послѣднюю кровь изъ мужика! Вѣдь это эманципаторы наши предвидѣть не могли—согласись! И все-таки, если даже они это предвидѣли, хорошо они сдѣлали, что освободили крестьянъ—и не взвѣшивали всѣхъ послѣдствій! А потому я... рѣшился!

Неждановъ вопросительно, съ недоумѣніемъ, посмотрѣлъ на Маркелова; но тотъ отвелъ свой взглядъ въ сторону, въ уголъ. Его брови сдвинулись и закрыли зрачки; онъ кусалъ губы и жевалъ усы.

— Да, я рѣшился!—повторилъ онъ, съ размаху ударивъ по колѣну своимъ волосатымъ, смуглымъ кулакомъ. — Я вѣдь упрямый... Я не даромъ наполовину малороссъ.

Потомъ онъ всталъ и, шаркая ногами, точно онѣ у него ослабѣли, пошелъ въ свою спальню и вынесъ оттуда небольшой портретъ Маріанны подъ стекломъ.

— Возьми,—промолвилъ онъ печальнымъ, но ровнымъ

голосомъ:—это *я* когда-то сдѣлалъ. Рисую я плохо; но ты посмотри, кажется, похожъ—(портретъ, сдѣланный карандашомъ, въ профиль, былъ дѣйствительно похожъ). — Возьми, братъ; это мое завѣщаніе. Вмѣстѣ съ этимъ портретомъ я тебѣ передаю не мои права... у меня ихъ не было... а, знаешь—все! Я тебѣ все передаю—и ее. Она, братъ, хорошая...

Маркеловъ молчалъ; грудь его замѣтно поднималась.

— Возьми. Вѣдь ты на меня не сердишься? Ну, такъ возьми. А мнѣ теперь ужъ ничего... этакого не нужно.

Неждановъ взялъ портретъ; но странное чувство стѣснило его грудь. Ему казалось, что онъ не имѣлъ права принять этотъ подарокъ; что если бы Маркеловъ зналъ, что̀ у него, Нежданова, на̀-сердцѣ, онъ бы, можетъ-быть, ему этого портрета не отдалъ. Неждановъ держалъ въ рукѣ этотъ маленькій круглый кусочекъ картона, тщательно обведенный по черной рамкѣ узкой полоской золотой бумаги — и не зналъ, что̀ дѣлать съ нимъ. — Вѣдь это тутъ цѣлая жизнь человѣка въ моей рукѣ, — думалось ему. Онъ понималъ, какую жертву приноситъ Маркеловъ, но зачѣмъ, зачѣмъ именно ему?—А отдать портретъ? Нѣтъ! Это было бы оскорбленіе еще злѣйшее... И, наконецъ, вѣдь ему дорого это лицо, вѣдь онъ любитъ ее!

Неждановъ не безъ нѣкотораго внутренняго страха возвелъ глаза на Маркелова... не глядитъ ли тотъ на него—не старается ли уловить его мысли?—Но Маркеловъ опять уставился на уголъ и жевалъ усы.

Старикъ слуга вошелъ въ комнату со свѣчкой въ рукѣ.

Маркеловъ встрепенулся.

— Спать пора, братъ Алексѣй! — воскликнулъ онъ. — Утро вечера мудренѣе. Дамъ тебѣ завтра лошадей — ты покатишь домой—и прощай.

— Прощай и ты, старина! — прибавилъ онъ вдругъ, обратившись къ слугѣ и ударивъ его по плечу.—Не поминай лихомъ!

Старикъ до того изумился, что чуть не выронилъ свѣчки, и взглядъ его, устремленный на своего барина, выразилъ нѣчто другое—и бо̀льшее, чѣмъ обычную его унылость.

Неждановъ ушелъ къ себѣ въ комнату. Ему было нехорошо. Голова его все еще болѣла отъ выпитаго вина, въ ушахъ звенѣло, въ глазахъ мерещилось, хотя онъ и закрывалъ ихъ. Голушкинъ, Васька-приказчикъ, Ѳомушка, Ѳимушка—вертѣлись передъ нимъ; вдали образъ Маріанны, какъ бы не довѣряя, не рѣшался приблизиться. Все, что̀ онъ дѣлалъ и говорилъ самъ—казалось ему такою фальшью и ложью, такимъ ненужнымъ и приторнымъ вздоромъ... а то, что̀ надо дѣлать, къ чему надо стремиться,—неизвѣстно гдѣ, недоступно, за десятью замка̀ми, зарыто въ преисподнюю...

И безпрестанно ему хотѣлось встать, сойти къ Маркелову, сказать ему: возьми свой подарокъ—возьми его назадъ!

— Фу! Какая скверность—жизнь! — воскликнулъ онъ наконецъ.

На другое утро онъ уѣхалъ рано. Маркеловъ уже былъ на крыльцѣ, окруженный крестьянами. Созвалъ ли онъ ихъ, пришли ли они сами собою—Неждановъ такъ и не узналъ; Маркеловъ очень односложно и сухо простился съ нимъ... но казалось, что онъ собирался сообщить имъ нѣчто важное. Старый слуга тутъ же торчалъ съ своимъ неизмѣннымъ взоромъ.

Тарантасъ скоро проскочилъ городъ—и, выбравшись въ поля, покатилъ лихо.—Лошади были тѣ же самыя; но кучеръ—потому ли, что Неждановъ жилъ въ богатомъ домѣ, по другимъ ли соображеніямъ, разсчитывалъ на хорошую „на водку“... а извѣстно: когда кучеръ выпилъ водки или съ увѣренностью ждетъ ея—лошади бѣгутъ отлично. Погода была іюньская, хоть и свѣжая: высокія, рѣзвыя облака по синему небу, сильный, ровный вѣтеръ, дорога не пылитъ, убитая вчерашнимъ дождемъ, ракиты шумятъ, блестятъ и струятся,—все движется, все летитъ,—перепелиный крикъ приносится жидкимъ по̀свистомъ съ отдаленныхъ холмовъ, черезъ зеленые овраги, точно и у этого крика есть крылья, и онъ самъ прилетаетъ на нихъ, — грачи лоснятся на солнцѣ,—какія-то темныя блохи ходятъ по ровной чертѣ обнаженнаго небосклона... это мужики двоятъ поднятый паръ.

Но Неждановъ пропускалъ все это мимо... мимо... онъ и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до Сипягинскаго имѣнья, — до того имъ овладѣли думы...

Однако онъ вздрогнулъ, когда увидѣлъ крышу дома, верхній этажъ, окно Маріанниной комнаты.—„Да,—сказалъ онъ себѣ—и тепло ему стало на-сердцѣ:—*онъ* правъ—она хорошая—и я люблю ее“.

XXII.

Онъ наскоро переодѣлся и пошелъ давать урокъ Колѣ.—Сипягинъ, котораго онъ встрѣтилъ въ столовой, поклонился ему холодно и учтиво—и, процѣдивъ сквозь зубы: „Хорошо ли съѣздили?“ — прослѣдовалъ въ свой кабинетъ.—Государственный человѣкъ уже рѣшилъ въ своемъ министерскомъ умѣ, что, какъ только кончатся вакаціи, онъ немедленно отправитъ въ Петербургъ этого — „положительно слишкомъ краснаго“—учителя, а пока, будетъ наблюдать за нимъ.—Je n'ai pas eu la main heureuse cette fois-ci, подумалъ онъ про себя; a впрочемъ... j'aurais pu tomber pire“. — Чувства Валентины Михайловны къ Нежданову были гораздо энергичнѣе и опредѣленнѣе. Она его уже совсѣмъ терпѣть не могла... Онъ, этотъ мальчишка!—онъ оскорбилъ ее. — Маріанна не ошиблась: это она, Валентина Михайловна, подслушивала ее и Нежданова въ коридорѣ... Знатная барыня этимъ не побрезгала. Въ теченіе тѣхъ двухъ дней, въ которые продолжалось его отсутствіе—она, хотя ничего не сказала своей „легкомысленной“ родственницѣ—но безпрестанно давала ей понять, что ей все извѣстно; что она негодовала бы, если бъ частью не презирала, частью не сожалѣла... Сдержанное, внутреннее презрѣніе наполняло ея щеки, что-то насмѣшливое и въ то же время сожалительное приподнимало ея брови, когда она глядѣла на Маріанну, говорила съ нею; ея чудесные глаза съ мягкимъ недоумѣньемъ, съ грустной гадливостью останавливались на самонадѣянной дѣвушкѣ, которая, послѣ всѣхъ своихъ „фантазій и эксцентричностей“ кончила тѣмъ, что цѣ....лу...ет...ся въ темныхъ комнатахъ съ какимъ-то недоучившимся студентомъ!

Бѣдная Маріанна! Ея строгія, гордыя губы не вѣдали еще ничьихъ лобзаній.

Впрочемъ, мужу своему Валентина Михайловна не намекнула о сдѣланномъ ею открытіи; она удовольствовалась тѣмъ, что сопровождала немногія слова, обращенныя ею къ Маріаннѣ въ *его* присутствіи—значительной усмѣшкой, которая нисколько не обусловливалась ихъ содержаніемъ.— Валентина Михайловна даже нѣсколько раскаивалась въ томъ, что написала письмо брату... Но въ концѣ концовъ она предпочла: раскаиваться—и чтобъ это было сдѣлано,— чѣмъ не раскаиваться—и чтобъ письмо осталось не написаннымъ.

Съ Маріанной Неждановъ увидѣлся мелькомъ, въ столовой, за завтракомъ. Онъ нашелъ, что она похудѣла и пожелтѣла: она была нехороша собой въ тотъ день; но быстрый взглядъ, который она бросила на него, какъ только онъ вошелъ въ комнату, проникъ въ самое его сердце. — Зато Валентина Михайловна посматривала на него такъ, какъ будто постоянно внутренно твердила: „Поздравляю! Прекрасно! Очень ловко!“—и въ то же время ей хотѣлось вычитать на его лицѣ: показалъ ли ему Маркеловъ ея письмо или нѣтъ?—Она рѣшила, наконецъ, что показалъ.

Сипягинъ, узнавъ, что Неждановъ ѣздилъ на фабрику, которою завѣдывалъ Соломинъ, началъ разспрашивать его объ этомъ „во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ промышленномъ заведеніи“; — но, въ скорости убѣдившись изъ отвѣтовъ молодого человѣка, что онъ, собственно, тамъ ничего не видѣлъ, умолкъ величественно, какъ бы упрекая самого себя въ томъ, что могъ ожидать какихъ-либо дѣльныхъ свѣдѣній отъ такого еще незрѣлаго субъекта!—Выходя изъ столовой, Маріанна успѣла шепнуть Нежданову: — „Жди меня въ старой березовой рощѣ, на концѣ сада;— я приду туда — какъ только будетъ возможно“. — Неждановъ подумалъ: „и она говоритъ мнѣ: „ты“ — такъ же, какъ тотъ“. — И какъ это было ему пріятно, хоть и нѣсколько жутко!.. и какъ было бы странно — да и невозможно — если бъ она вдругъ снова начала говорить ему: „вы“—если бъ она отодвинулась отъ него...

Онъ почувствовалъ, что это было бы для него несчастьемъ.—Былъ ли онъ влюбленъ въ нее—этого онъ еще не зналъ; но что она стала ему дорогою—и близкой—и нужной... главное: нужной—это онъ чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ.

Роща, куда послала его Маріанна, состояла изъ сотни высокихъ, старыхъ, бо̀льшей частью плакучихъ березъ. Вѣтеръ не переставалъ; длинныя пачки вѣтвей качались, метались какъ распущенныя косы; облака попрежнему неслись быстро и высоко;—и когда одно изъ нихъ налетало на солнце, все кругомъ становилось—не темно, но одноцвѣтно.—Но вотъ, оно пролетѣло—и всюду, внезапно, яркія пятна свѣта мятежно колыхались снова: они путались, пестрѣли, мѣшались съ пятнами тѣни... шумъ и движеніе были тѣ же: но какая-то праздничная радость прибавлялась къ нему. Съ такимъ же радостнымъ насиліемъ врывается страсть въ потемнѣвшее, взволнованное сердце... И такое именно сердце принесъ въ груди своей Неждановъ.

Онъ прислонился къ стволу березы—и началъ ждать.—Онъ собственно не зналъ, что̀ онъ чувствовалъ—да и не желалъ это знать: ему было и страшнѣе—и легче, чѣмъ у Маркелова. Онъ хотѣлъ прежде всего ее видѣть, говорить съ нею; тотъ узелъ, который внезапно связываетъ два живыхъ существа, уже захватилъ его.—Неждановъ вспомнилъ веревку, которая летитъ на набережную съ парохода, когда тотъ собирается причалить... Вотъ, ужъ она обвилась около столба—и пароходъ остановился...

Въ пристани! Слава Богу!

Онъ вдругъ вздрогнулъ. Женское платье замелькало вдали по дорожкѣ. Это она. Но идетъ ли она къ нему, уходитъ ли отъ него—онъ не зналъ, пока не увидѣлъ, что пятна свѣта и тѣни скользили по ея фигурѣ *снизу вверхъ*... значитъ, она приближается. Они бы спускались *сверху внизъ*, если бъ она удалялась. Еще нѣсколько мгновеній—и она стояла возлѣ него, передъ нимъ, съ привѣтнымъ, оживленнымъ лицомъ, съ ласковымъ блескомъ въ глазахъ, съ слабо, но весело улыбавшимися губами.—Онъ схватилъ ея протянутыя руки—однако, тотчасъ не могъ

вымолвить ни слова;—и она ничего не сказала. Она очень скоро шла и немного задыхалась; но видно было, что она очень обрадовалась тому, что онъ обрадовался ей.

Она первая заговорила.

— Ну, что,—начала она:—сказывай скорѣй, чѣмъ вы рѣшили?

Неждановъ удивился.

— Рѣшили... да развѣ надо было теперь же рѣшить?

— Ну, ты понимаешь меня.—Разсказывай, о чемъ вы говорили? Кого ты видѣлъ? Познакомился ли ты съ Соломинымъ?—Разсказывай все... все! Постой, пойдемъ туда, подальше. Я знаю мѣсто... тамъ не такъ видно.

Она повлекла его за собою. Онъ послушно шелъ за ней цѣликомъ по высокой, рѣдкой, сухой травѣ.

Она привела его, куда хотѣла. Тамъ лежала, поваленная бурей, большая береза. Они усѣлись на ея стволѣ.

— Разсказывай!—повторила она, но тотчасъ же прибавила:—Ахъ, какъ я рада тебя видѣть! Мнѣ казалось, что эти два дня никогда не кончатся. Ты знаешь, я теперь убѣждена въ томъ, что Валентина Михайловна насъ подслушала.

— Она написала объ этомъ Маркелову,—промолвилъ Неждановъ.

— Ему?!

Маріанна помолчала и понемногу покраснѣла вся,—не отъ стыда, а отъ другого, болѣе сильнаго чувства.

— Злая, дурная женщина!—медленно прошептала она:—она не въ правѣ была это сдѣлать... Ну, все равно! Разсказывай, разсказывай.

Неждановъ началъ говорить... Маріанна слушала его съ какимъ-то окаменѣлымъ вниманіемъ—и только тогда прерывала его, когда она замѣчала, что онъ спѣшитъ, не останавливается на подробностяхъ.—Впрочемъ, не всѣ подробности его поѣздки были одинаково интересны для нея: надъ Ѳомушкой и Ѳимушкой она посмѣялась, но они ея не занимали. Ихъ бытъ былъ слишкомъ отъ нея далекъ.

— Ты мнѣ точно о Навуходоносорѣ свѣдѣнія сообщаешь,—замѣтила она.

А вотъ, что говорилъ Маркеловъ, что думаетъ даже Го-

лушкинъ (хотя она тотчасъ поняла, что̀ это за птица) — а главное: какого мнѣнія Соломинъ — и что̀ онъ самъ за человѣкъ — вотъ что̀ ей нужно было знать, вотъ о чемъ она сокрушалась. „Когда же? когда?“ — этотъ вопросъ постоянно вертѣлся у ней въ головѣ, просился на уста во все время, пока говорилъ Неждановъ. А онъ какъ будто избѣгалъ всего, что̀ могло дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ самъ сталъ замѣчать, что налегаетъ именно на тѣ подробности, которыя менѣе интересовали Маріанну... нѣтъ-нѣтъ — да и возвратится къ нимъ. Юмористическія описанія возбуждали въ ней нетерпѣніе; тонъ разочарованный или унылый ее огорчалъ... Надо было постоянно обращаться къ „дѣлу“, къ „вопросу“. Тутъ никакое многословіе ее не утомляло. Вспомнилось Нежданову время, когда онъ, еще не будучи студентомъ, и живя лѣтомъ на дачѣ у однихъ хорошихъ знакомыхъ, вздумалъ разсказывать ихъ дѣтямъ сказки: — и они также не цѣнили ни описаній, ни выраженія личныхъ, собственныхъ ощущеній... Они также требовали дѣла, фактовъ! — Маріанна не была ребенкомъ, но прямотою и простотою чувства она походила на ребенка.

Неждановъ искренно и горячо похвалилъ Маркелова — и съ особеннымъ сочувствіемъ отозвался о Соломинѣ. Говоря о немъ чуть не въ восторженныхъ выраженіяхъ, онъ спрашивалъ самого себя: что̀ собственно заставляло его быть такого высокаго мнѣнія объ этомъ человѣкѣ? Ничего особенно-умнаго онъ не высказалъ: иныя его слова даже какъ будто шли въ разрѣзъ съ убѣжденіями его, Нежданова... „Уравновѣшенный характеръ, — думалось ему: — вотъ что̀; обстоятельный, свѣжій, какъ говорила Ѳимушка; — крупный человѣкъ; спокойная, крѣпкая сила; знаетъ, что̀ ему нужно, и себѣ довѣряетъ — и возбуждаетъ довѣріе; тревоги нѣтъ... и равновѣсіе! равновѣсіе!.. Вотъ это главное; именно, чего у меня нѣтъ“. Неждановъ умолкъ, предавшись размышленію... Вдругъ онъ почувствовалъ прикосновеніе руки на своемъ плечѣ.

Онъ поднялъ голову: Маріанна глядѣла на него заботливымъ и нѣжнымъ взоромъ.

— Другъ! Что съ тобою?—спросила она.

Онъ снялъ ея руку съ плеча и въ первый разъ поцѣловалъ эту маленькую, но крѣпкую руку. Маріанна слегка засмѣялась, какъ бы удивившись: съ чего могла ему придти въ голову такая любезность?—Потомъ она въ свою очередь задумалась.

— Маркеловъ показалъ тебѣ письмо Валентины Михайловны?—спросила она наконецъ.

— Да.

— Ну... и что же онъ?

— Онъ?—Онъ благороднѣйшее, самоотверженное существо! Онъ... Неждановъ хотѣлъ-было сказать Маріаннѣ о портретѣ—да удержался, и только повторилъ:—благороднѣйшее существо!

— О, да, да!

Маріанна опять задумалась — и вдругъ, повернувшись къ Нежданову на стволѣ березы, служившей имъ обоимъ сидѣньемъ, съ живостью промолвила:

— Ну, такъ чѣмъ же вы рѣшили?

Неждановъ пожалъ плечами.

— Да я тебѣ сказалъ уже, что — пока — ничѣмъ; надо будетъ еще подождать.

— Подождать еще... Чего же?

— Послѣднихъ инструкцій. („А вѣдь я вру"—думалось Нежданову.)

— Отъ кого?

— Отъ того... ты знаешь... отъ Василья Николаевича. Да вотъ, еще надо подождать, чтобы Остродумовъ вернулся.

Маріанна вопросительно посмотрѣла на Нежданова.

— Скажи, ты когда-нибудь видѣлъ этого Василія Николаевича?

— Видѣлъ раза два... мелькомъ.

— Что онъ... замѣчательный человѣкъ?

— Какъ тебѣ сказать? Теперь онъ голова — ну, и орудуетъ. А безъ дисциплины въ нашемъ дѣлѣ нельзя; повиноваться нужно. („И *это* все вздоръ"—думалось Нежданову.)

— Какой онъ изъ себя?

— Какой?—приёмистый, грузный, чернявый... Лицо скуластое, калмыцкое... грубое лицо. Только глаза очень живые.

— А говоритъ онъ какъ?

— Онъ не столько говоритъ, сколько командуетъ.

— Отчего же онъ сдѣлался головою?

— А съ характеромъ человѣкъ. Ни предъ чѣмъ не отступитъ. Если нужно—убьетъ. Ну—его и боятся.

— А Соломинъ каковъ изъ себя?—спросила Маріанна, погодя немного.

— Соломинъ тоже не очень красивъ; только у этого славное лицо, простое, честное. Между семинаристами — хорошими—такія попадаются лица.

Неждановъ подробно описалъ Соломина. Маріанна посмотрѣла на Нежданова долго... долго... потомъ промолвила, словно про себя:

— У тебя тоже хорошее лицо. Съ тобою, думаю, можно жить.

Это слово тронуло Нежданова; онъ снова взялъ ея руку—и поднесъ-было ее къ губамъ...

— Погоди любезничать, — промолвила, смѣясь, Маріанна—она всегда смѣялась, когда у ней цѣловали руку:— ты не знаешь: я передъ тобой виновата.

— Какимъ это образомъ?

— А вотъ какъ. — Я въ твоемъ отсутствіи вошла къ тебѣ въ комнату—и тамъ, на твоемъ столѣ, увидала тетрадку со стихами... (Неждановъ дрогнулъ: онъ вспомнилъ, что онъ, точно, забылъ эту тетрадку на столѣ своей комнаты) — и каюсь передъ тобою: не сумѣла побѣдить свое любопытство—и прочла.—Вѣдь это твои стихи?

— Мои; и знаешь ли что̀, Маріанна? Лучшимъ доказательствомъ, до какой степени я къ тебѣ привязанъ и ка̀къ я тебѣ довѣряю — можетъ служить то, что я почти не сержусь на тебя.

— Почти? Стало-быть, хоть немного, да сердишься?— Кстати, ты меня зовешь Маріанной; не могу же я тебя звать Неждановымъ! Буду звать тебя Алексѣемъ. А стихотвореніе, которое начинается такъ: „Милый другъ, когда я буду умирать...“ тоже твое?

— Мое... мое. — Только, пожалуйста, брось это... Не мучь меня.

Маріанна покачала головою.

— Оно очень печально.—Это стихотвореніе... Надѣюсь, что ты его написалъ до сближенія со мною. Но стихи хороши—насколько я могу судить. Мнѣ сдается, что ты могъ бы сдѣлаться литераторомъ, только я *навѣрное* знаю, что у тебя есть призваніе лучше и выше литературы. Этимъ хорошо было заниматься прежде,—когда другое было невозможно.

Неждановъ кинулъ на нее быстрый взглядъ.

— Ты думаешь? Да, я съ тобой согласенъ. Лучше гибель тамъ—чѣмъ успѣхъ здѣсь.

Маріанна стремительно встала.

— Да, мой милый, ты правъ!—воскликнула она—и все лицо ея просіяло, вспыхнуло огнемъ и блескомъ восторга, умиленіемъ великодушныхъ чувствъ:—ты правъ!—Но, можетъ-быть, мы и не погибнемъ тотчасъ; мы успѣемъ, ты увидишь, мы будемъ полезны, наша жизнь не пропадетъ даромъ, мы пойдемъ въ народъ... Ты знаешь какое-нибудь ремесло? Нѣтъ? Ну, все равно—мы будемъ работать, мы принесемъ имъ, нашимъ братьямъ, все, что̀ мы знаемъ—я, если нужно, въ кухарки пойду, въ швеи, въ прачки... Ты увидишь, ты увидишь... И никакой тутъ заслуги не будетъ—а счастье, счастье...

Маріанна умолкла; но взоръ ея, устремленный въ даль, не въ ту, которая разстилалась передъ нею — а въ другую, невѣдомую, еще не бывалую, но видимую ей,—взоръ ея горѣлъ...

Неждановъ склонился къ ея стану...

— О, Маріанна!—шепнулъ онъ:—я тебя не сто̀ю!

Она вдругъ вся встрепенулась.

— Пора домой—пора!—промолвила она:—а то сейчасъ опять насъ отыскивать станутъ. Впрочемъ, Валентина Михайловна, кажется, махнула на меня рукой. Я въ ея глазахъ—пропащая!

Маріанна произнесла это слово съ такимъ свѣтлымъ, радостнымъ лицомъ, что и Неждановъ, глядя на нее, не могъ не улыбнуться и не повторить: пропащая!

— Только она очень оскорблена тѣмъ, — продолжала Маріанна:—какъ же это ты не у ея ногъ? — Но это все ничего—а вотъ что̀... Вѣдь здѣсь оставаться мнѣ нельзя будетъ... Надо будетъ бѣжать.

— Бѣжать?—повторилъ Неждановъ.

— Да, бѣжать... Вѣдь и ты не останешься?—Мы уйдемъ вмѣстѣ. — Намъ надо будетъ работать вмѣстѣ... Вѣдь ты пойдешь со мною?

— На край свѣта!—воскликнулъ Неждановъ—и голосъ его внезапно зазвенѣлъ отъ волненія и какой-то порывистой благодарности. — На край свѣта! — Въ эту минуту онъ точно ушелъ бы съ нею, безъ оглядки, куда бы она ни пожелала!

Маріанна поняла его—и коротко и блаженно вздохнула.

— Такъ возьми же мою руку... только не цѣлуй ея—а пожми ее крѣпко, какъ товарищу, какъ другу... вотъ такъ!

Они пошли вмѣстѣ домой, задумчивые, счастливые, — молодая трава ластилась подъ ихъ ногами, молодая листва шумѣла кругомъ; пятна свѣта и тѣни побѣжали, проворно скользя по ихъ одеждѣ—и оба они улыбались и тревожной ихъ игрѣ, и веселымъ ударамъ вѣтра, и свѣжему блистанью листьевъ—и собственной молодости, и другъ другу.

Часть вторая.

XXIII.

Заря уже занималась на небѣ, когда, въ ночь послѣ Голушкинскаго обѣда, Соломинъ, бодро прошагавъ около пяти верстъ, постучался въ калитку высокаго забора, окружавшаго фабрику. Сторожъ тотчасъ впустилъ его—и въ сопровожденіи трехъ цѣпныхъ овчарокъ, широко размахивавшихъ мохнатыми хвостами, съ почтительной заботливостью довелъ его до его флигеля.—Онъ видимо радовался благополучному возвращенію начальника.

— Какъ же это вы ночью, Василій Ѳедотычъ? Мы васъ ждали только завтра.

— Ничего, Гаврила; еще лучше ночью-то прогуляться.

Хорошія, хотя и не совсѣмъ обыкновенныя, отношенія существовали между Соломинымъ и фабричными: они уважали его какъ старшаго — и обходились съ нимъ какъ съ ровнымъ, какъ со своимъ: только ужъ очень онъ былъ знающъ въ ихъ глазахъ! — „Что̀ Василій Ѳедотовъ сказалъ“—толковали они—„ужъ это свято! потому онъ всяку мудрость произошелъ—и нѣтъ такого а̀гличана, котораго онъ бы за поясъ не заткнулъ!“—Дѣйствительно: какой-то важный англійскій мануфактуристъ посѣтилъ однажды фабрику; и отъ того ли, что Соломинъ съ нимъ по-англійски говорилъ—или онъ точно былъ пораженъ его свѣдѣніями—только онъ все его по плечу хлопалъ, и смѣялся, и звалъ его съ собою въ Ливерпуль; — а фабричнымъ твердилъ на своемъ ломаномъ языкѣ: „Караша̀ оу васъ

эта! Оу! каратà!“ — чему фабричные въ свою очередь много смѣялись, не безъ гордости: „Вотъ, молъ, нашъ-то каковъ!—Нашъ-то!“

И онъ точно былъ ихъ—и ихній.

На другое утро рано вошелъ къ Соломину въ комнату его любимецъ, Павелъ; разбудилъ его, подалъ ему умыться, кое-что разсказалъ, кое-о-чемъ разспросилъ. Потомъ они вмѣстѣ наскоро напились чаю — и Соломинъ, натащивъ на себя свой замасленный сѣрый рабочій пиджакъ, отправился на фабрику—и завертѣлась опять его жизнь, какъ большое маховое колесо.

Но ей была суждена новая остановка.

Дней пять спустя послѣ возвращенія Соломина во-свояси, на дворъ фабрики вкатился красный фаэтончикъ, запряженный четверней отличныхъ лошадей, — и ливрейный, бѣло-гороховый лакей, введенный Павломъ во флигель, торжественно вручилъ Соломину письмо съ гербовою печатью—отъ „Его превосходительства Бориса Андреевича Сипягина“.—Въ этомъ письмѣ, пропитанномъ не духами—фи!—а какой-то необычайно-приличной англійской вонью, и писанномъ — хоть и въ третьемъ лицѣ, — но не секретарской, а собственной генеральской рукою, просвѣщенный владѣлецъ села Аржаного, извинившись сперва, что обращается къ человѣку, лично ему не знакомому—но о которомъ онъ, Сипягинъ, наслышанъ съ самой лестной стороны,—бралъ на себя „смѣлость“ пригласить къ себѣ въ деревню г-на Соломина, совѣты котораго могли быть чрезвычайно полезны для него, Сипягина, въ нѣкоторомъ значительномъ промышленномъ предпріятіи; и въ надеждѣ на любезное согласіе г-на Соломина—онъ, Сипягинъ, посылаетъ ему экипажъ.—Въ случаѣ же невозможности со стороны г-на Соломина отлучиться въ тотъ день, онъ, Сипягинъ, покорнѣйше проситъ г-на Соломина назначить ему другой, какой будетъ ему угодно, — и тотъ же экипажъ будетъ съ радостью предоставленъ имъ, Сипягинымъ, въ распоряженіе г-на Соломина. За симъ слѣдовали обычныя заявленія,—а въ концѣ письма находилось post-scriptum, уже въ первомъ лицѣ: „Надѣюсь, что вы

не откажетесь откушать у меня *запросто*, въ сюртукѣ". (Слово „запросто" было подчеркнуто.) Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ бѣло-гороховый лакей съ нѣкоторымъ какъ бы смущеніемъ подалъ Соломину простую, даже не запечатанную, а заклеенную записку отъ Нежданова, въ которой стояло только нѣсколько словъ: „Пріѣзжайте пожалуйста, вы здѣсь очень нужны—и можете быть очень полезны;—только, конечно, не г-ну Сипягину".

Прочтя письмо Сипягина, Соломинъ подумалъ: „А какъ же мнѣ иначе ѣхать, какъ не запросто; фрака-то у меня въ заводѣ нѣту... Да и на кой чортъ мнѣ туда таскаться... только время терять!" — но, пробѣжавъ записку Нежданова, онъ почесалъ у себя въ затылкѣ и подошелъ, въ нерѣшительности, къ окну.

— Какой же изволите отвѣтъ дать? — степенно вопросилъ бѣло-гороховый лакей.

Соломинъ постоялъ еще немного у окна—и наконецъ, встряхнувъ волосами и проведя рукой по лбу,—промолвилъ:

— Ѣду.—Дайте мнѣ время одѣться.

Лакей благоприлично вышелъ, а Соломинъ велѣлъ позвать Павла, потолковалъ съ нимъ, сбѣгалъ еще разъ на фабрику — и, надѣвъ черный сюртукъ съ очень длинной таліей, сшитый ему губернскимъ портнымъ, и нѣсколько порыжѣлый цилиндръ, немедленно придавшій его лицу деревянное выраженіе, сѣлъ въ фаэтончикъ — но вдругъ вспомнилъ, что не взялъ съ собой перчатокъ; кликнулъ „вездѣсущаго" Павла—и тотъ принесъ ему пару только-что вымытыхъ замшевыхъ бѣлыхъ перчатокъ, каждый палецъ которыхъ, расширенный къ концу, походилъ на бисквитъ. Соломинъ сунулъ перчатки въ карманъ и сказалъ, что можно ѣхать. Тогда лакей съ какой-то внезапной, совершенно не нужной отвагой вскочилъ на козла — благовоспитанный кучеръ пискнулъ фальцетомъ — и лошади побѣжали.

Пока онѣ постепенно приближали Соломина къ имѣнію Сипягина—этотъ государственный мужъ, сидя у себя въ гостиной, съ полуразрѣзанной политической брошюрой на колѣняхъ, бесѣдовалъ о немъ съ своей женой. Онъ

повѣрялъ ей, что выписалъ его собственно за тѣмъ, чтобы попытаться, нельзя ли сманить его съ купеческой фабрики на свою собственную, такъ какъ она идетъ изъ рукъ вонъ плохо и нужны коренныя преобразованія!—На мысли, что Соломинъ откажется пріѣхать или даже назначитъ другой день, Сипягинъ и останавливаться не хотѣлъ; хоть самъ же, въ своемъ письмѣ къ Соломину, предлагалъ ему выборъ дня.

— Да вѣдь фабрика у насъ писчебумажная, не прядильная,—замѣтила Валентина Михайловна.

— Все равно, душа моя: и тамъ машины—и здѣсь машины... а онъ—механикъ!

— Да вѣдь онъ, быть-можетъ, спеціалистъ!

— Душа моя, во-первыхъ—на Руси нѣтъ спеціалистовъ; а во-вторыхъ—я повторяю тебѣ:—онъ механикъ!

Валентина Михайловна улыбнулась.

— Смотри, мой другъ: тебѣ уже разъ не посчастливилось съ молодыми людьми; какъ бы тебѣ во второй разъ не ошибиться!

— Это ты насчетъ Нежданова? — Но, мнѣ кажется, цѣли своей я все-таки достигъ: репетиторъ для Коли онъ хорошій. А потомъ,—ты знаешь: non bis in idem! Извини, пожалуйста, мой педантизмъ... Это значитъ, что двѣ вещи сряду не повторяются.

— Ты полагаешь?—А *я* такъ думаю, что все на свѣтѣ повторяется... особенно то, что̀ въ натурѣ вещей... и особенно между молодыми людьми.

— Que voulez vous dire?—спросилъ Сипягинъ, округленнымъ жестомъ бросая брошюру на столъ.

— Ouvrez les yeux—et vous verrez!—отвѣтила ему Сипягина; по-французски они, конечно, говорили другъ другу вы.

— Гмъ!—произнесъ Сипягинъ.—Это ты про студентика?

— Про г-на студента.

— Гмъ!—развѣ у него тутъ... (онъ повертѣлъ рукою около лба...) что-нибудь завелось? А?

— Открой глаза!

— Маріанна? А?—(Второе „А?“—было произнесено болѣе въ носъ, чѣмъ первое).

— Открой глаза, говорятъ тебѣ!

Сипягинъ нахмурилъ брови.

— Ну, это мы все разберемъ впослѣдствіи.—А теперь я хотѣлъ только одно сказать... Этотъ Соломинъ, вѣроятно, будетъ нѣсколько конфузиться... ну, понятное дѣло, не привыкъ.—Такъ надо будетъ этакъ съ нимъ поласковѣе... чтобы не запугать. Я это не для тебя говорю; ты у меня—золото; и кого захочешь—мигомъ очаровать можешь.—J'en sais quelque chose, madame!—Я это говорю для другихъ;—вотъ хоть бы для этого...

Онъ указалъ на модную сѣрую шляпу, стоявшую на этажеркѣ: эта шляпа принадлежала г. Калломѣйцеву, который съ утра находился въ Аржаномъ.

— Il est très cassant, ты знаешь; очень ужъ онъ презираетъ народъ, что̀ я весьма... осуждаю! Къ тому же, я съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаю въ немъ какую-то раздражительность, придирчивость... Или его дѣла—*тамъ*—(Сипягинъ качнулъ куда-то неопредѣленно головою... но жена поняла его)—не подвигаются? А?

— Открой глаза... опять скажу я тебѣ.

Сипягинъ приподнялся.

—А?—(Это „А?“ было уже совсѣмъ другого свойства и въ другомъ тонѣ... гораздо ниже).—Вотъ какъ?!—Какъ бы я ужъ ихъ тогда слишкомъ не открылъ!

— Это твое дѣло;—а насчетъ твоего новаго молодого—если онъ только пріѣдетъ сегодня—ты не безпокойся; будутъ приняты всѣ мѣры предосторожности.

И что же? Оказалось, что никакихъ мѣръ предосторожности вовсе не требовалось.—Соломинъ нисколько не сконфузился и не испугался.—Когда слуга доложилъ о немъ, Сипягинъ тотчасъ всталъ, промолвилъ громко, такъ, чтобъ въ передней было слышно: „проси! разумѣется, проси!“—направился къ двери гостиной и остановился вплоть передъ нею. Лишь только Соломинъ переступилъ порогъ, Сипягинъ, на котораго онъ едва не наткнулся, протянулъ ему обѣ руки и, любезно осклабясь и пошатывая головою, радушно приговаривая—„вотъ какъ мило...съ вашей стороны... какъ я вамъ благодаренъ“—подвелъ его къ Валентинѣ Михайловнѣ.

— Вотъ эта жёнка моя,—проговорилъ онъ, мягко нажимая своею ладонью спину Соломина—и какъ бы надвигая его на Валентину Михайловну,—а вотъ, моя милая, нашъ первый здѣшній механикъ и фабрикантъ, Василій... Ѳедосѣевичъ Соломинъ.—Сипягина приподнялась и красиво взмахнувъ снизу вверхъ своими чудесными рѣсницами, сперва улыбнулась ему—добродушно—какъ знакомому, потомъ протянула ему свою ручку ладонью вверхъ, прижимая локотокъ къ стану и наклонивъ головку въ сторону ручки... словно просительница. Соломинъ далъ и мужу, и женѣ продѣлать надъ нимъ всѣ ихнія штучки, пожалъ руку и ему, и ей—и сѣлъ по первому приглашенію. Сипягинъ сталъ безпокоиться—не нужно ли ему чего? Но Соломинъ отвѣчалъ, что ничего ему не нужно, что онъ нисколько не усталъ съ дороги—и находится въ полномъ его распоряженіи.

— Такъ, что можно васъ попросить пожаловать на фабрику?—воскликнулъ Сипягинъ, какъ бы совѣстясь и не смѣя вѣрить такой большой снисходительности со стороны гостя.

— Хоть сейчасъ,—отвѣчалъ Соломинъ.

— Ахъ, какой же вы обязательный! Прикажете дрожки заложить?—или, можетъ-быть, вы желаете пѣшкомъ...

— Да вѣдь она, чай, недалеко отсюда, ваша фабрика?

— Съ полверсты, не больше!

— Такъ на что же экипажъ закладывать?

— Ну, такъ прекрасно. Человѣкъ,—шляпу мнѣ, палку, поскорѣе!—А ты, хозяюшка, хлопочи, обѣдъ намъ припасай!—Шляпу!

Сипягинъ волновался гораздо болѣе, чѣмъ его гость. Повторивъ еще разъ:—„да что жъ это мнѣ шляпу!“ онъ—сановникъ!—выскочилъ вонъ—совсѣмъ какъ рѣзвый школьникъ. Пока онъ разговаривалъ съ Соломинымъ, Валентина Михайловна посматривала украдкой, но внимательно, на этого „новаго молодого“.—Онъ спокойно сидѣлъ на креслѣ, положивъ обѣ обнаженныя руки себѣ на колѣни (онъ такъ-таки и не надѣлъ перчатокъ)—и спокойно, хотя съ любопытствомъ, оглядывалъ мебель, картины.—

Это что такое? думала она.—Плебей... явный плебей... а какъ просто себя держитъ!—Соломинъ дѣйствительно держалъ себя очень просто, не такъ, какъ иной, который простъ-то простъ—но съ форсомъ: „Смотри, молъ, на меня и понимай, каковъ я есть!“—а какъ человѣкъ, у котораго и чувства, и мысли несложныя, хоть и крѣпкія. Сипягина хотѣла-было заговорить съ нимъ—и, къ изумленію своему, не тотчасъ нашлась.

„Господи!“ подумала она: „неужели же этотъ фабричный мнѣ импонируетъ?“

— Борисъ Андреичъ долженъ быть вамъ очень благодаренъ, — промолвила она наконецъ: — что вы согласились пожертвовать для него частью вашего драгоцѣннаго времени...

— Не такъ ужъ оно драгоцѣнно, сударыня,—отвѣчалъ Соломинъ:—да вѣдь я и не надолго къ вамъ.

„Voila où l'ours a montré sa patte“, подумала она по-французски; но въ эту минуту ея мужъ появился на порогѣ раскрытой двери, съ шляпой на головѣ и „стикомъ“ въ рукѣ. Стоя въ полуоборотъ, онъ развязно воскликнулъ:

— Василій Ѳедосѣичъ! Угодно пожаловать?

Соломинъ всталъ, поклонился Валентинѣ Михайловнѣ— и пошелъ вслѣдъ за Сипягинымъ.

— За мной, сюда, сюда, Василій Ѳедосѣичъ!—твердилъ Сипягинъ, точно онъ пробирался по какимъ-то дебрямъ— и Соломину нуженъ былъ проводникъ.—Сюда! здѣсь ступеньки, Василій Ѳедосѣичъ!

— Коли ужъ вамъ угодно меня величать по отчеству,— промолвилъ, не спѣша, Соломинъ: — я не Ѳедосѣичъ,— а Ѳедотычъ.

Сипягинъ оглянулся на него назадъ, черезъ плечо, почти съ испугомъ.

— Ахъ, извините, пожалуйста, Василій Ѳедотычъ!

— Ничего-съ; не стòитъ.

Они вышли на дворъ.—Имъ навстрѣчу попался Калломѣйцевъ.

— Куда это вы?—спросилъ онъ, покосившись на Соломина.—На фабрику? C'est la l'individu en question?

Сипягинъ вытаращилъ глаза и легонько потрясъ головою, въ знакъ предостереженія.

— Да, на фабрику... показывать мои грѣхи да прорѣхи—вотъ г-ну механику. Позвольте васъ познакомить: г-нъ Калломѣйцевъ, здѣшній помѣщикъ; г-нъ Соломинъ...

Калломѣйцевъ кивнулъ раза два головою—едва замѣтно—совсѣмъ не въ сторону Соломина—и не глядя на него.—А тотъ воззрѣлся въ Калломѣйцева—и въ его полузакрытыхъ глазахъ мелькнуло нѣчто...

— Можно присоединиться къ вамъ?—спросилъ Калломѣйцевъ.—Вы знаете, я люблю поучиться.

— Конечно, можно.

Они вышли со двора на дорогу—и не успѣли пройти и двадцати шаговъ, какъ увидѣли приходскаго священника, въ подоткнутой рясѣ, пробиравшагося во-свояси, въ такъ-называемую „поповскую слободку". Калломѣйцевъ немедленно отдѣлился отъ своихъ двухъ товарищей—и твердыми, большими шагами подойдя къ священнику, который никакъ этого не ожидалъ и нѣсколько оробѣлъ—попросилъ его благословенія, звучно поцѣловалъ его потную, красную руку,—и, обернувшись къ Соломину, бросилъ ему вызывающій взглядъ. Онъ, очевидно, зналъ про него „кое-что"—и хотѣлъ показать себя и „носъ наклеить" ученому проходимцу.

— C'est une manifestation, mon cher?—процѣдилъ сквозь зубы Сипягинъ.

Калломѣйцевъ фыркнулъ.

— Oui, mon cher, une manifestation nécessaire par le temps qui court!

Они пришли на фабрику. Ихъ встрѣтилъ малороссъ съ громаднѣйшей бородой и фальшивыми зубами, замѣнившій прежняго управляющаго, нѣмца, котораго Сипягинъ окончательно прогналъ. Этотъ малороссъ былъ временной: онъ явно ничего не смыслилъ и только безпрестанно говорилъ: „отò..." да „байдуже"—и все вздыхалъ.

Начался осмотръ заведенія. Нѣкоторые фабричные знали Соломина въ лицо и кланялись ему.—Одному онъ даже сказалъ: „А, здравствуй, Григорій! Ты здѣсь?"—Онъ

скоро убѣдился, что дѣло велось плохо. Денегъ было потрачено пропасть, да безъ толку. Машины оказались дурного качества; много было лишняго и ненужнаго; много нужнаго недоставало. Синягинъ постоянно заглядывалъ въ глаза Соломину, чтобы угадать его мнѣніе, дѣлалъ робкіе запросы, желалъ узнать, доволенъ ли онъ по крайней мѣрѣ порядкомъ?

— Порядокъ-то есть,—отвѣчалъ Соломинъ:—но можетъ ли быть доходъ?—сомнѣваюсь.

Не только Синягинъ, даже Калломѣйцевъ чувствовалъ, что Соломинъ на фабрикѣ—какъ дома, что ему тутъ все извѣстно и знакомо, до послѣдней мелочи; что онъ тутъ хозяинъ. Онъ клалъ руку на машину, какъ ѣздокъ на шею лошади; тыкалъ пальцемъ колесо—и оно останавливалось или начинало вертѣться; бралъ на ладонь изъ чана немного того мѣсива, изъ котораго выдѣлывается бумага—и оно тотчасъ показывало всѣ свои недостатки. Соломинъ говорилъ мало, а на бородатаго малоросса даже не глядѣлъ вовсе; молча вышелъ онъ также изъ фабрики. Синягинъ и Калломѣйцевъ отправились вслѣдъ за нимъ.

Синягинъ не велѣлъ никому провожать себя... даже ногою топнулъ и зубомъ скрипнулъ! Очень онъ былъ разстроенъ.

— Я по вашей физіономіи вижу, — обратился онъ къ Соломину:—что вы моей фабрикой недовольны,—и я самъ знаю, что она у меня въ неудовлетворительномъ состояніи и недоходна; однако, собственно... вы, пожалуйста, не церемоньтесь... какія ея важнѣйшія погрѣшности? И что бы сдѣлать такое, дабы улучшить ее?

— Писчебумажное производство не по моей части,—отвѣчалъ Соломинъ: — но одно могу сказать вамъ: — промышленныя заведенія—не дворянское дѣло.

— Вы считаете эти занятія унизительными для дворянства?—вмѣшался Калломѣйцевъ.

Соломинъ улыбнулся своей широкой улыбкой.

— О, нѣтъ! Помилуйте! Что тутъ унизительнаго? Да если бъ и было что подобное—дворянство вѣдь этимъ не брезгаетъ.

— Какъ-съ? Что такое-съ?

— Я хочу только сказать, — спокойно продолжалъ Соломинъ: — что дворяне не привыкли къ этого рода дѣятельности. Тутъ нуженъ коммерческій расчетъ; тутъ все надо поставить на другую ногу; выдержка нужна. Дворяне этого не соображаютъ. Мы и видимъ сплошь да рядомъ, что они затѣваютъ суконныя, бумажныя и другія фабрики, — а въ концѣ-концовъ — кому всѣ эти фабрики попадаютъ въ руки? купцамъ? Жаль; потому купецъ—та же піявка; а только дѣлать нечего.

— Послушать васъ, — вскричалъ Калломѣйцевъ: — дворянамъ нашимъ недоступны финансовые вопросы!

— О, напротивъ! дворяне на это мастера. Концессію на желѣзную дорогу получить, банкъ завести, льготу какую себѣ выпросить — или тамъ что-нибудь въ такомъ родѣ—никто на это какъ дворяне! Большіе капиталы составляютъ. Я именно на это намекалъ — вотъ когда вы изволили разсердиться. Но я имѣлъ въ виду правильныя промышленныя предпріятія; говорю: правильныя—потому что заводить собственные кабаки, да промѣнныя мелочныя лавочки, да ссужать мужичковъ хлѣбомъ и деньгами за сто и за полтораста процентовъ—какъ теперь дѣлаютъ многіе изъ дворянъ-владѣльцевъ — я подобныя операціи не могу считать настоящимъ финансовымъ дѣломъ.

Калломѣйцевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ принадлежалъ именно къ этой новой породѣ помѣщиковъ-ростовщиковъ, о которой упомянулъ Маркеловъ въ послѣднемъ своемъ разговорѣ съ Неждановымъ,— и онъ былъ тѣмъ безчеловѣчнѣе въ своихъ требованіяхъ, что лично съ крестьянами дѣла никогда не имѣлъ — не допускать же ихъ въ свой раздушенный европейскій кабинетъ!—а вѣдался съ ними черезъ приказчика. Слушая неторопливую, какъ бы безучастную рѣчь Соломина, онъ весь внутренно закипалъ... но промолчалъ на этотъ разъ, и только одна игра мускуловъ на щекахъ, произведенная стиснутіемъ челюстей, изобличала то, что̀ въ немъ происходило.

— Однако, позвольте, позвольте, Василій Ѳедотычъ,— заговорилъ Сипягинъ:—все, что̀ вы намъ излагаете, было

совершенно справедливо въ прежнія времена, когда дворяне пользовались... совсѣмъ другими правами, и вообще находились въ другомъ положеніи. Но теперь, послѣ всѣхъ благодѣтельныхъ реформъ, въ нашъ промышленный вѣкъ, почему же дворяне не могутъ обратить свое вниманіе, свои способности, наконецъ, на подобныя предпріятія? Почему же они не могутъ понять того, что̀ понимаетъ простой, часто даже безграмотный купецъ? Не страдаютъ же они недостаткомъ образованности — и даже можно съ удостовѣрительностью утверждать, что они въ нѣкоторомъ родѣ представители просвѣщенія и прогресса!

Очень хорошо говорилъ Борисъ Андреевичъ; его краснорѣчіе имѣло бы большой успѣхъ гдѣ-нибудь въ Петербургѣ—въ департаментѣ—или даже повыше, но на Соломина оно не произвело никакого впечатлѣнія.

— Не могутъ дворяне этими дѣлами орудовать, — повторилъ онъ.

— Да почему же? почему?—чуть не закричалъ Калломѣйцевъ.

— А потому, что они тѣ же чиновники.

— Чиновники? — Калломѣйцевъ захохоталъ язвительно.—Вы, вѣроятно, г. Соломинъ, не отдаете себѣ отчета въ томъ, что̀ вы изволите говорить?

Соломинъ не переставалъ улыбаться.

— Отчего вы такъ полагаете, г. Кало̀менцевъ? (Калломѣйцевъ даже дрогнулъ, услышавъ подобное „искаженіе“ своей фамиліи.)—Нѣтъ, я себѣ въ своихъ словахъ отчетъ всегда отдаю.

— Такъ объясните то, что̀ вы хотѣли сказать вашей фразой.

— Извольте: по-моему, всякій чиновникъ — чужакъ, и былъ всегда такимъ, а дворянинъ теперь *сталъ* чужакомъ.

Калломѣйцевъ захохоталъ еще пуще.

— Ну, ужъ извините, милостивый государь; этого я совсѣмъ не понимаю!

— Тѣмъ хуже для васъ. Понатужьтесь... можетъ-быть, и поймете.

— Милостивый государь!

— Господа, господа,—поспѣшно заговорилъ Сипягинъ, какъ бы ища кого-то сверху глазами. — Пожалуйста, пожалуйста... Kallomeïtzeff, je vous prie de vous calmer. Да и обѣдъ, должно-быть, скоро будетъ готовъ. Прошу, господа, за мною!

— Валентина Михайловна,—вопилъ Калломѣйцевъ, пять минутъ спустя вбѣгая въ ея кабинетъ.—Это ни на что не похоже, что вашъ мужъ дѣлаетъ! Одинъ у васъ нигилистъ завелся, теперь онъ привелъ другого! И этотъ еще хуже!

— Почему такъ?

— Помилуйте, онъ, чортъ-знаетъ что̀ проповѣдуетъ; и притомъ—замѣтьте одно: цѣлый часъ говорилъ съ вашимъ мужемъ, и ни разу, *ни разу* не сказалъ ему: ваше превосходительство!—Le vagabond!

XXIV.

Передъ обѣдомъ Сипягинъ отозвалъ жену свою въ библіотеку. Ему нужно было переговорить съ нею наединѣ. Онъ казался озабоченнымъ. Онъ сообщилъ ей, что фабрика положительно плоха, что этотъ Соломинъ кажется ему человѣкомъ очень толковымъ, хоть и немного... рѣзкимъ, и что надо продолжать съ нимъ быть aux petits soins.—„Ахъ, какъ бы хорошо было его сманить!“ повторилъ онъ раза два. Сипягинъ очень досадовалъ на присутствіе Калломѣйцева... Чортъ его принесъ. Всюду видитъ нигилистовъ—и только о томъ и думаетъ, какъ бы ихъ уничтожить! Ну, уничтожай ихъ у себя дома! Не можетъ никакъ языкъ за зубами подержать!

Валентина Михайловна замѣтила, что она рада быть „aux petits soins“ съ этимъ новымъ гостемъ; только онъ, кажется, въ этихъ „petits soins“ не нуждается и не обращаетъ на нихъ вниманія; не грубъ, а какъ-то ужъ очень равнодушенъ, что̀ весьма удивительно въ человѣкѣ — du commun.

— Все равно... постарайся!—взмолился Сипягинъ.

Валентина Михайловна обѣщала постараться—и постаралась. Она начала съ того, что поговорила — en tête-à-tête—съ Калломѣйцевымъ. Неизвѣстно, что̀ она ему ска-

зала, но онъ пришелъ къ столу съ видомъ человѣка, который „взялъ на себя“ быть смирнымъ и скромнымъ, что̀ бы онъ ни услыхалъ. Эта заблаговременная „резиньяція“ придавала всему его существу оттѣнокъ легкой грусти; зато сколько достоинства... о! сколько достоинства было въ каждомъ его движеніи! Валентина Михайловна познакомила Соломина со всѣми своими домочадцами... (пристальнѣе, чѣмъ на другихъ, посмотрѣлъ онъ на Маріанну) — и за столомъ посадила его возлѣ себя, о правую руку. Калломѣйцевъ сидѣлъ о лѣвую. Развертывая салфетку, онъ прищурился и улыбнулся такъ, какъ бы желалъ сказать: „Ну-съ, будемте играть комедію!“ Сипягинъ сидѣлъ напротивъ и съ нѣкоторой тревогой слѣдилъ за нимъ взоромъ. По новому распоряженію хозяйки, Нежданов очутился не возлѣ Маріанны, а между Анной Захаровной и Сипягинымъ. Маріанна нашла свой билетикъ (такъ какъ обѣдъ былъ парадный) на салфеткѣ между мѣстами Калломѣйцева и Коли.—Обѣдъ былъ сервированъ отлично; было даже „мэню“: разрисованный листикъ лежалъ передъ каждымъ приборомъ. Тотчасъ послѣ супа, Сипягинъ навелъ опять рѣчь на свою фабрику — вообще на фабричное производство въ Россіи. Соломинъ отвѣчалъ, по своему обыкновенію, очень кратко. Какъ только онъ заговорилъ, Маріанна устремила на него глаза. Сидѣвшій возлѣ нея Калломѣйцевъ началъ-было обращаться къ ней съ разными любезностями (такъ какъ его попросили „не возбуждать полемики“), но она не слушала его; да и онъ произносилъ эти любезности вяло, для очистки совѣсти: онъ сознавалъ, что между молодой дѣвушкою и имъ существовало нѣчто недоступное.

Что же касается до Нежданова—то нѣчто еще худшее установилось внезапно между имъ и хозяиномъ дома... Для Сипягина Нежданов сталъ просто мебелью или воздушнымъ пространствомъ, котораго онъ совсѣмъ — такъ-таки совсѣмъ — не замѣчалъ! Эти новыя отношенія такъ быстро и такъ несомнѣнно опр дѣлились, что когда Нежданов въ теченіе обѣда произнесъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на замѣчаніе своей сосѣдки, Анны Захаровны,—

Сипягинъ съ удивленіемъ оглянулся, какъ бы спрашивая себя: „Откуда идетъ сей звукъ?“

Очевидно, Сипягинъ обладалъ нѣкоторыми изъ качествъ, отличающихъ русскихъ крупно-сановныхъ людей.

Послѣ рыбы, Валентина Михайловна, которая съ своей стороны расточала всѣ свои обаянія и приманки направо, т.-е. передъ Соломинымъ, замѣтила по-англійски черезъ столъ своему супругу, что „нашъ гость не пьетъ вина, можетъ-быть, онъ желаетъ пива...“ Сипягинъ громко потребовалъ „элю“, а Соломинъ, спокойно обратившись къ Валентинѣ Михайловнѣ, сказалъ ей, что вы, молъ, вѣроятно, сударыня, не знаете, что я слишкомъ два года пробылъ въ Англіи—и понимаю и говорю по-англійски; и что я васъ объ этомъ предупреждаю въ случаѣ, если бъ вамъ угодно было что-нибудь сказать по секрету въ моемъ присутствіи. Валентина Михайловна засмѣялась и начала увѣрять его, что предостереженіе это безполезно, такъ какъ онъ не услышалъ бы о себѣ ничего, кромѣ выгоднаго; сама же она нашла поступокъ Соломина нѣсколько страннымъ, но, по-своему, деликатнымъ.

Калломѣйцевъ тутъ, наконецъ, не выдержалъ.

— Вотъ, вы были въ Англіи, — началъ онъ: — и вѣроятно, наблюдали тамошніе нравы. Позвольте спросить, признаете ли вы ихъ достойными подражанія?

— Иное да, иное—нѣтъ.

— Коротко—и не ясно,—замѣтилъ Калломѣйцевъ, стараясь не обращать вниманія на знаки, которые дѣлалъ ему Сипягинъ.—Но вотъ, вы сегодня говорили о дворянахъ... Вы, конечно, имѣли случай изучать на мѣстѣ то, что̀ въ Англіи называется landed gentry?

— Нѣтъ, я этого случая не имѣлъ; я вращался совсѣмъ въ другой сферѣ,—но понятіе объ этихъ господахъ себѣ составилъ.

— И что жъ? Вы полагаете, что такое landed gentry у насъ невозможно? И что, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ этого желать?

— Во-первыхъ, я, точно, полагаю, что оно невозможно; а во-вторыхъ—и желать-то этого не сто̀итъ.

— Почему же-съ такъ-съ? — проговорилъ Калломѣйцевъ. — Эти два „слово-еръ“ должны были служить къ тому, чтобы успокоить Сипягина, который очень волновался и даже ёрзалъ на своемъ стулѣ.

— А потому, что лѣтъ черезъ двадцать-тридцать вашей landed gentry и безъ того не будетъ.

— Но позвольте-съ; почему же-съ такъ-съ?

— Потому, что въ то время земля будетъ принадлежать владѣльцамъ—безъ разбора происхожденія.

— Купцамъ-съ?

— Вѣроятно, бо̀льшею частью купцамъ.

— Какимъ это манеромъ?

— А такимъ, что купятъ они ее—эту самую землю.

— У дворянъ?

— У господъ дворянъ.

Калломѣйцевъ снисходительно осклабился. — Вы, помнится, говорили прежде то же самое о фабрикахъ и заводахъ, а теперь обо всей землѣ.

— А теперь говорю обо всей землѣ.

— И вы, вѣроятно, будете этому очень рады!

— Нисколько, какъ я уже вамъ докладывалъ, народу отъ этого легче не будетъ.

Калломѣйцевъ чуть-чуть поднялъ одну руку. — Какая заботливость о народѣ, подумаешь!

— Василій Ѳедотычъ!—закричалъ во всю голову Сипягинъ. — Вамъ пива принесли! — Voyons, Siméon! — прибавилъ онъ вполголоса.

Но Калломѣйцевъ не унимался.

— Вы, я вижу,—заговорилъ онъ опять, обращаясь къ Соломину:—не слишкомъ лестнаго мнѣнія о купцахъ; но вѣдь они принадлежатъ, по происхожденію, народу?

— Такъ что же-съ?

— Я полагалъ, что все народное или относящееся къ народу—вы находите прекраснымъ.

— О, нѣтъ-съ! Напрасно вы это полагали. Народъ нашъ во многомъ можно упрекнуть, хоть онъ и не всегда виноватъ бываетъ. Купецъ у насъ до сихъ поръ хищникъ; онъ и своимъ-то, собственнымъ добромъ владѣетъ, какъ

хищникъ... Что будешь дѣлать! Тебя грабятъ... и ты грабишь. А народъ...

— Народъ?—переспросилъ фистулой Калломѣйцевъ.

— Народъ—сòня.

— И вы желаете его разбудить?

— Это было бы не худо.

— Ага! ага! вотъ какъ-съ...

— Позвольте, позвольте,—промолвилъ повелительно Сипягинъ. Онъ понялъ, что наступила минута положить, такъ-сказать, предѣлъ... остановить! И онъ положилъ предѣлъ. Онъ остановилъ! Помавая кистью правой руки, локоть которой оставался опертымъ о столъ, онъ произнесъ длинную, обстоятельную рѣчь. Съ одной стороны, онъ похвалилъ консерваторовъ, а съ другой—одобрилъ либераловъ, отдавая симъ послѣднимъ нѣкоторый преферансъ и причисляя себя къ ихъ разряду; превознесъ народъ—но указалъ на нѣкоторыя его слабыя стороны; выразилъ полное довѣріе къ правительству — но спросилъ себя: исполняютъ ли *всѣ* подчиненные его благія предначертанія? Призналъ пользу и важность литературы, но объявилъ, что безъ крайней осторожности она немыслима! Взглянулъ на Западъ: сперва порадовался — потомъ усомнился; взглянулъ на Востокъ: сперва отдохнулъ—потомъ воспрянулъ! И, наконецъ, предложилъ выпить тостъ за процвѣтаніе тройственнаго союза:

РЕЛИГІИ, ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ!

— Подъ эгидой власти!—строго прибавилъ Калломѣйцевъ!

— Подъ эгидой мудрой и снисходительной власти,—поправилъ его Сипягинъ.

Тостъ былъ выпитъ въ молчаніи.—Воздушное пространство, налѣво отъ Сипягина, называемое Неждановымъ, произнесло, правда, нѣкоторый неодобрительный звукъ—но, не возбудивъ ничьего вниманія, затихло снова;—и, не возмущенный уже никакимъ новымъ преніемъ, обѣдъ благополучно достигнулъ конца.

Валентина Михайловна съ самой прелестной улыбкой подала чашку кофе Соломину: онъ ее выпилъ — и уже

искалъ глазами своей шляпы... но мягко подхваченный подъ руку Сипягинымъ, былъ немедленно увлеченъ въ его кабинетъ — и получилъ: сперва отличнѣйшую сигару, а потомъ предложеніе перейти къ нему, Сипягину, на фабрику на выгоднѣйшихъ условіяхъ! — „Полнымъ властелиномъ вы будете, Василій Ѳедотычъ, полнымъ властелиномъ!“ — Сигару Соломинъ принялъ; отъ предложенія отказался.—Онъ такъ и остался при своемъ отказѣ, какъ Сипягинъ ни настаивалъ.

— Не говорите прямо: „нѣтъ!“—любезнѣйшій Василій Ѳедотычъ!—Скажите, по крайней мѣрѣ, что вы подумаете до завтра!

— Да вѣдь все равно — я принять ваше предложеніе не могу.

— До завтра! Василій Ѳедотычъ!—Что̀ вамъ сто̀итъ?

Соломинъ согласился, что стоить это ему ничего не будетъ... однако вышелъ изъ кабинета и снова сталъ искать свою шляпу. Но Неждановъ, которому, до того мгновенія, не удалось помѣняться съ нимъ единымъ словомъ, приблизился къ нему и торопливо шепнулъ:

— Ради Бога, не уѣзжайте, а то намъ невозможно будетъ переговорить!

Соломинъ оставилъ свою шляпу въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что Сипягинъ, замѣтивъ его нерѣшительныя движенія взадъ и впередъ по гостиной, воскликнулъ:

— Вѣдь вы, конечно, ночуете у насъ?

— Какъ прикажете,—отозвался Соломинъ.

Благодарный взглядъ, брошенный ему Маріанной,—она стояла у окна гостиной—заставилъ его призадуматься.

XXV.

До пріѣзда Соломина, Маріанна воображала его себѣ совсѣмъ инымъ. На первый взглядъ онъ ей показался какимъ-то неопредѣленнымъ, безличнымъ... Рѣшительно: она на своемъ вѣку видала много такихъ бѣлокурыхъ, жилистыхъ, сухопарыхъ людей! Но чѣмъ больше она въ него всматривалась, чѣмъ больше вслушивалась въ его рѣчи, тѣмъ сильнѣе становилось въ ней чувство довѣрія къ

нему,—именно довѣрія.—Этотъ спокойный, не то, чтобы неуклюжій, а тяжеловатый человѣкъ, не только не могъ солгать или прихвастнуть; на него можно было положиться, какъ на каменную стѣну... Онъ не выдастъ; мало того: онъ пойметъ и поддержитъ. — Маріаннѣ казалось даже, что не въ ней одной, что во всѣхъ присутствующихъ лицахъ Соломинъ возбуждалъ подобное чувство. Тому, что̀ онъ говорилъ, она особеннаго значенія не придавала; всѣ эти толки о купцахъ, о фабрикахъ, мало интересовали ее; но какъ онъ говорилъ, какъ онъ при этомъ глядѣлъ и улыбался—это нравилось ей чрезвычайно...

Правдивый человѣкъ... вотъ главное! вотъ что ее трогало.—Извѣстное, хоть не совсѣмъ понятное, дѣло: русскіе люди—самые изолгавшіеся люди въ цѣломъ свѣтѣ; а ничего такъ не уважаютъ, какъ правду—ничему такъ не сочувствуютъ, какъ именно ей. — Къ тому жъ, на Соломинѣ, въ глазахъ Маріанны — лежала особая печать; на немъ почилъ ореолъ человѣка, котораго самъ Василій Николаевичъ рекомендовалъ своимъ послѣдователямъ. Въ теченіе обѣда Маріанна нѣсколько разъ переглянулась „на его счетъ“ съ Неждановымъ, а подъ-конецъ вдругъ сама себя поймала на томъ, что невольно сравниваетъ ихъ обоихъ — и не въ пользу Нежданова. Черты лица у Нежданова были, правда, гораздо красивѣе и пріятнѣе, чѣмъ у Соломина;—но самое лицо выражало смѣсь различныхъ тревожныхъ ощущеній: досады, смущенія, нетерпѣнія... даже унынія; онъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, пытался говорить и умолкалъ, усмѣхался нервически... Соломинъ, напротивъ, производилъ такое впечатлѣніе, что онъ, пожалуй, скучаетъ немного, но что, впрочемъ, онъ какъ дома;—и что „то, какъ онъ“, никогда и ни въ чемъ не зависитъ отъ „того, какъ другіе“. — Рѣшительно, надо попросить совѣта у этого человѣка—думалось Маріаннѣ: онъ непремѣнно скажетъ что-нибудь полезное. — Нежданова послѣ обѣда подослала къ нему *она*.

Вечеръ прошелъ довольно вяло; къ счастью, обѣдъ кончился поздно—и до ночи оставалось недолго. Калломѣйцевъ учтиво дулся и безмолвствовалъ.

— Что̀ съ вами?—полунасмѣшливо спросила его Сипягина.—Или вы что̀ потеряли?

— Именно-съ,—отвѣчалъ Калломѣйцевъ.—Объ одномъ изъ нашихъ начальниковъ гвардіи разсказываютъ, будто онъ горевалъ о томъ, что его солдаты потеряли „носо̀къ...“ „Отыщите мнѣ носо̀къ!“ А я говорю: отыщите мнѣ „слово-ерикъ-съ!“ — „Слово-ерикъ-съ“ пропало — и вмѣстѣ съ нимъ всякое уваженіе и чинопочитаніе!

Сипягина объявила Калломѣйцеву, что не станетъ помогать ему въ его по̀искахъ.

Ободренный успѣхомъ своего обѣденнаго „спича“, Сипягинъ произнесъ парочку другихъ, причемъ пустилъ въ ходъ нѣсколько государственныхъ соображеній о необходимыхъ мѣропріятіяхъ; — пустилъ также нѣсколько словъ — des mots — не столько острыхъ, сколько вѣскихъ — приготовленныхъ имъ собственно для Петербурга.—Одно изъ этихъ словъ онъ даже повторилъ, предпославъ фразу: „если позволительно такъ выразиться“. А именно: объ одномъ изъ тогдашнихъ министровъ онъ сказалъ, что у него непостоянный и праздный умъ, направленный къ мечтательнымъ цѣлямъ. — Съ другой стороны, Сипягинъ, не забывая, что онъ имѣетъ дѣло съ русскимъ человѣкомъ — изъ народа — не преминулъ щегольнуть нѣкоторыми изреченіями, долженствовавшими доказать, что и онъ самъ—не только русскій человѣкъ—но „русакъ“,—и близко знакомъ съ самой сутью народной жизни! — Такъ напр., на замѣчаніе Калломѣйцева, что дождь можетъ помѣшать уборкѣ сѣна, онъ немедленно отвѣчалъ, что „пусть будетъ сѣно черно—за то греча бѣла“;—употребилъ также поговорки въ родѣ: „товаръ безъ хозяина сирота“; „десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь“;—„когда хлѣбъ—тогда и мѣра“; — „коли къ Егорью на березѣ листъ въ полушку — на Казанской клади хлѣбъ въ кадушку“. — Правда, иногда съ нимъ случалось, что онъ вдругъ промахнется и скажетъ, напр.:—„знай куликъ свой шестокъ“,—или: „красна изба углами!“ — Но общество, въ средѣ котораго эти бѣды съ нимъ случались, бо̀льшею частію и не подозрѣвало, что тутъ „notre bon русакъ“ далъ промахъ;

да и, благодаря князю Коврижкину, оно уже привыкло къ подобнымъ россійскимъ „патакэсамъ“. — И всѣ эти поговорки и изреченія Сипягинъ произносилъ какимъ-то особеннымъ, здоровеннымъ, даже сипловатымъ голосомъ— d'une voix rustique. — Подобныя изреченія, во̀-время и у мѣста пущенныя имъ въ Петербургѣ, заставляли высокопоставленныхъ, вліятельныхъ дамъ восклицать:—„Comme il connait bien les moeurs de notre peuple!“ А высокопоставленные, вліятельные сановники прибавляли: — „Les moeurs et les besoins!“

Валентина Михайловна очень старалась около Соломина; но видимый неуспѣхъ ея стараній ее обезкураживалъ; — и, проходя мимо Калломѣйцева, она невольно проговорила вполголоса: Mon Dieu, que je me sens fatiguée!

На что̀ тотъ отвѣчалъ съ ироническимъ поклономъ:

— Tu l'as voulu, Georges Dandin!

Наконецъ, послѣ этой обычной вспышки любезности и привѣта, которыя являются на всѣхъ лицахъ поскучавшаго общества въ самый моментъ разставанія; послѣ внезапныхъ рукопожатій, улыбокъ и дружескихъ хмыканій въ носъ—усталые гости, усталые хозяева разошлись.

Соломинъ, которому отвели едва ли не лучшую комнату во второмъ этажѣ, съ англійскими туалетными принадлежностями и купальнымъ шкапомъ,—отправился къ Нежданову.

Тотъ началъ съ того, что горячо поблагодарилъ его за согласіе остаться.

— Я знаю... это для васъ жертва...

— Э! полноте!—отвѣчалъ неторопливо Соломинъ.—Какая тутъ жертва!—Да притомъ, *вамъ* я не могу отказать.

— Почему же!

— Да потому, что я полюбилъ васъ.

Неждановъ обрадовался и удивился, а Соломинъ пожалъ ему руку. Потомъ онъ сѣлъ верхомъ на стулъ, закурилъ сигару, и, опершись обѣими локтями о спинку, промолвилъ:

— Ну, говорите, въ чемъ дѣло?

Неждановъ тоже сѣлъ верхомъ на стулъ противъ Соломина—но сигары не закурилъ.

— Въ чемъ дѣло—спрашиваете вы?.. А въ томъ, что я хочу бѣжать отсюда.

— То-есть—вы хотите оставить этотъ домъ! Ну, что-жъ? съ Богомъ!

— Не оставить... а бѣжать.

— Развѣ васъ удерживаютъ? Вы, можетъ-быть... забрали денегъ впередъ? Такъ вамъ стоитъ только слово сказать... Я съ удовольствіемъ...

— Вы меня не понимаете, любезный Соломинъ... Я сказалъ: бѣжать — а не оставить — потому что я отсюда удаляюсь—не одинъ.

Соломинъ приподнялъ голову.

— Съ кѣмъ же это?

— А съ той дѣвушкой, которую вы видѣли здѣсь сегодня...

— Съ этой!—У ней хорошее лицо. Что-жъ? Вы полюбили другъ друга?.. Или только такъ—рѣшаетесь вмѣстѣ оставить домъ, гдѣ вамъ обоимъ нехорошо?

— Мы любимъ другъ друга.

— А!—Соломинъ помолчалъ.—Она родственница здѣшнимъ господамъ?

— Да.—Но она вполнѣ раздѣляетъ наши убѣжденія—и готова идти на все.

Соломинъ улыбнулся.

— А вы, Неждановъ, готовы?

Неждановъ нахмурился слегка.

— Къ чему этотъ вопросъ? Я вамъ докажу мою готовность на дѣлѣ.

— Я не сомнѣваюсь въ васъ, Неждановъ; я только потому спросилъ васъ, что, кромѣ васъ, я полагаю, никто не готовъ.

— А Маркеловъ?

— Да! вотъ развѣ Маркеловъ.—Да тотъ, чай, родился готовымъ.

Въ это мгновенье кто-то тихо и быстро застучалъ въ дверь—и, не дожидаясь отзыва, отворилъ ее.—То была Маріанна. Она тотчасъ подошла къ Соломину.

— Я увѣрена,—начала она:—вы не удивитесь, увидѣвши меня здѣсь, въ эту пору.—Онъ (Маріанна указала на Нежданова)—вамъ, конечно, все сказалъ.—Дайте мнѣ вашу руку—и знайте, что передъ вами честная дѣвушка.

— Да, я это знаю,—серьезно промолвилъ Соломинъ.—Онъ поднялся со стула, какъ только Маріанна появилась.—Я уже за столомъ смотрѣлъ на васъ и думалъ: вотъ, какіе у этой барышни честные глаза.—Мнѣ Неждановъ, точно, сказывалъ о вашемъ намѣреніи. Но, собственно—зачѣмъ вы хотите бѣжать?

— Какъ зачѣмъ?—Дѣло, которому я сочувствую... не удивляйтесь: Неждановъ ничего не скрылъ отъ меня... это дѣло должно начаться на-дняхъ... а я останусь въ этомъ помѣщичьемъ домѣ, гдѣ все—ложь и обманъ?—Люди, которыхъ я люблю, будутъ подвергаться опасности, а я...

Соломинъ остановилъ ее движеніемъ руки.

— Не волнуйтесь.—Сядьте, и я сяду! Сядьте и вы, Неждановъ.—Послушайте: если у васъ нѣтъ другой причины—то бѣжать еще вамъ отсюда не для чего. Дѣло это еще не такъ скоро начнется, какъ вы думаете.—Тутъ нужно еще нѣкоторое благоразуміе. Нечего соваться впередъ, зря. Повѣрьте мнѣ.

Маріанна сѣла и запахнулась большимъ плэдомъ, который она накинула себѣ на плечи.

— Но я не могу остаться здѣсь больше! Меня здѣсь всѣ оскорбляютъ. Сегодня еще, эта глупая Анна Захаровна, при Колѣ, сказала мнѣ, намекая на моего отца, что яблоко отъ яблони недалеко падаетъ! Коля даже удивился и спросилъ, что это значитъ?—Я уже не говорю о Валентинѣ Михайловнѣ!

Соломинъ опять остановилъ ее—и на этотъ разъ улыбнулся.—Маріанна поняла, что онъ немножко посмѣивается надъ нею, но его улыбка никогда никого оскорбить не могла.

— Что-жъ это вы, милая барышня? Я не знаю, кто такая Анна Захаровна, ни о какой яблонѣ вы говорите... но помилуйте: вамъ глупая женщина скажетъ что-нибудь глупое, а вы это снести не можете? Какъ же вы жить-то

будете? Весь свѣтъ на глупыхъ людяхъ стоитъ. Нѣтъ, это не резонъ. Развѣ что другое?

— Я убѣжденъ,—вмѣшался глухимъ голосомъ Неждановъ:—что не нынче, завтра, г. Сипягинъ мнѣ самъ откажетъ отъ дома. Ему навѣрное донесли; онъ обращается со мною... самымъ презрительнымъ образомъ.

Соломинъ обернулся къ Нежданову.

— Такъ для чего же вамъ бѣжать, коли вамъ безъ того откажутъ?

Неждановъ не тотчасъ нашелся, что отвѣтить.

— Я уже говорилъ вамъ,—началъ онъ...

— Онъ такъ выразился,—подхватила Маріанна:—потому что я ухожу съ нимъ.

Соломинъ посмотрѣлъ на нее и добродушно покачалъ головою.

— Такъ, такъ, милая барышня;—но опять-таки скажу вамъ: если вы точно хотите оставить этотъ домъ, потому что полагаете, что революція сейчасъ вспыхнетъ...

— Мы именно для этого и выписали васъ,—перебила Маріанна:—чтобъ узнать достовѣрно, въ какомъ положеніи находятся дѣла?

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ Соломинъ:—повторяю: вы можете еще сидѣть дома—довольно долго.—Если же вы хотите бѣжать, потому что любите другъ друга и иначе вамъ соединиться нельзя—тогда...

— Ну, что тогда?

— Тогда мнѣ остается только пожелать вамъ, какъ говаривалось въ старину—любовь да совѣтъ;—да если нужно и можно—оказать вамъ посильную помощь. Потому что и васъ, милая барышня—и его—я съ перваго раза полюбилъ какъ родныхъ.

И Маріанна, и Неждановъ, оба подошли къ нему, справа и слѣва,—и каждый изъ нихъ взялъ одну его руку.

— Скажите намъ только, что намъ дѣлать?—промолвила Маріанна.—Положимъ, революція еще далека... но подготовительныя работы, труды, которые въ этомъ домѣ, при этой обстановкѣ, невозможны—и на которые мы такъ охотно пойдемъ—вдвоемъ... вы намъ укажете ихъ;—вы

только скажите намъ, куда намъ идти... Пошлите насъ!— Вѣдь вы пошлете насъ?

— Куда?

— Въ народъ... Куда же идти, какъ не въ народъ?

„До лясу“, подумалъ Неждановъ... Ему вспомнилось слово Паклина.

Соломинъ поглядѣлъ пристально на Маріанну.

— Вы хотите узнать народъ?

— Да, то-есть—не узнать народъ хотимъ мы только;— но и дѣйствовать... трудиться для него.

— Хорошо, я вамъ обѣщаю, что вы его узнаете. Я доставлю вамъ возможность дѣйствовать — и трудиться для него. — И вы, Неждановъ, готовы идти... за нею... и за него?

— Конечно, готовъ,—произнесъ онъ поспѣшно.— „Джаггернаутъ“ — вспомнилось ему другое слово Паклина. — „Вотъ она катится, громадная колесница... и я слышу трескъ и грохотъ ея колесъ...“

— Хорошо,—повторилъ задумчиво Соломинъ.—Но когда же вы намѣрены бѣжать?

— Хоть завтра,—воскликнула Маріанна.

— Хорошо. Но куда?

— Тсссъ... тише...—шепнулъ Неждановъ.—Кто-то ходитъ по коридору.

Всѣ помолчали.

— Куда же вы намѣрены бѣжать?—спросилъ опять Соломинъ, понизивъ голосъ.

— Мы не знаемъ,—отвѣчала Маріанна.

Соломинъ перевелъ глаза на Нежданова. Тотъ только потрясъ отрицательно головою.

Соломинъ протянулъ руку и осторожно снялъ со свѣчки.

— Вотъ что, дѣти мои,—проговорилъ онъ наконецъ.— Ступайте ко мнѣ на фабрику.—Некрасиво тамъ... да неопасно. Я васъ спрячу. У меня тамъ есть комнатка. Никто васъ не отыщетъ. — Попадите только туда... а мы васъ не выдадимъ. Вы скажете: на фабрикѣ людно. Это-то и хорошо. Гдѣ людно—тамъ-то и можно спрятаться.— Идетъ, что-ль?

— Намъ остается только благодарить васъ, — промолвилъ Неждановъ; а Маріанна, которую мысль о фабрикѣ сначала смутила, съ живостью прибавила: — Конечно! конечно! Какой вы добрый! Но вѣдь вы насъ недолго тамъ оставите? Вы пошлете насъ?

— Это будетъ отъ васъ зависѣть... А въ случаѣ, если бы вамъ вздумалось сочетаться бракомъ, и на этотъ счетъ у меня на фабрикѣ удобно. Тамъ у меня, близехонько, есть сосѣдъ — двоюроднымъ братомъ мнѣ приходится — попъ, по имени Зосима, преподатливый. Онъ васъ духомъ обвѣнчаетъ.

Маріанна улыбнулась про себя, а Неждановъ еще разъ стиснулъ руку Соломину, да погодя немного, полюбопытствовалъ:

— А что̀, скажите: хозяинъ, владѣлецъ вашей фабрики, не будетъ претендовать? Никакихъ непріятностей вамъ не сдѣлаетъ?

Соломинъ покосился на Нежданова.

— Обо мнѣ вы не заботьтесь. — Это вы совсѣмъ напрасно. Лишь бы фабрика шла какъ слѣдуетъ, а въ прочемъ моему хозяину — все едино. И вамъ, и вашей милой барышнѣ отъ него никакихъ непріятностей не будетъ. И рабочихъ вамъ опасаться нечего. Только предувѣдомьте меня: около какого времени васъ ждать?

Неждановъ и Маріанна переглянулись.

— Послѣ-завтра, утромъ рано, или день спустя, — проговорилъ, наконецъ, Неждановъ. — Мѣшкать болѣе нельзя. Того и гляди, мнѣ завтра отъ дома откажутъ.

— Ну... — промолвилъ Соломинъ — и поднялся со стула. — Я буду васъ ждать каждое утро. Да и всю недѣлю я изъ дома не отлучусь. Всѣ мѣры будутъ приняты — какъ слѣдуетъ.

Маріанна приблизилась къ нему... (Она подошла-было къ двери.) — Прощайте, милый, добрый, Василій Ѳедотычъ... Вѣдь васъ такъ зовутъ?

— Такъ.

— Прощайте... или нѣтъ: до свиданія! И спасибо, спасибо вамъ!

— Прощайте... Доброй ночи, моя голубушка!

— Прощайте и вы, Неждановъ! До завтра... — прибавила она.

Маріанна быстро вышла.

Оба молодыхъ человѣка остались нѣкоторое время неподвижны—и оба молчали.

— Неждановъ... — началъ, наконецъ, Соломинъ — и умолкъ. — Неждановъ... началъ онъ опять: — разскажите мнѣ объ этой дѣвушкѣ... что̀ вы можете разсказать. Какая была ея жизнь до сихъ поръ?.. Кто она?.. почему она находится здѣсь?..

Неждановъ въ короткихъ словахъ сообщилъ Соломину, что̀ зналъ.

— Неждановъ... — заговорилъ онъ, наконецъ. — Вы должны беречь эту дѣвушку. Потому... что если... что-нибудь... Вамъ будетъ очень грѣшно. Прощайте.

Онъ удалился, а Неждановъ постоялъ немного посреди комнаты, и прошептавъ: „ахъ! лучше не думать!“ бросился лицомъ на постель.

А Маріанна, вернувшись къ себѣ въ комнату, нашла на столикѣ небольшую записку слѣдующаго содержанія:

„Мнѣ жаль васъ. Вы губите себя. Опомнитесь. Въ какую бездну бросаетесь вы съ закрытыми глазами? Для кого и для чего?—В.“

Въ комнатѣ пахло особенно тонкимъ и свѣжимъ запахомъ: очевидно, Валентина Михайловна только что вышла оттуда. — Маріанна взяла перо и, приписавъ внизу: „Не жалѣйте меня. Богъ вѣдаетъ, кто изъ насъ двухъ болѣе достойна сожалѣнія; знаю только, что не хотѣла бы быть на вашемъ мѣстѣ. М.“—оставила записку на столѣ. Она не сомнѣвалась въ томъ, что отвѣтъ ея попадетъ въ руки Валентины Михайловны.

А на другое утро Соломинъ, повидавшись съ Неждановымъ и окончательно отказавшись отъ управленія Сипягинской фабрикой, уѣхалъ къ себѣ домой.—Онъ размышлялъ во все время дороги, что̀ съ нимъ случалось рѣдко: качка экипажа обыкновенно погружала его въ легкую дремоту. Онъ размышлялъ о Маріаннѣ, а также и о Нежда-

новѣ; ему казалось, что будь *онъ* влюбленъ, онъ, Соломинъ,—онъ имѣлъ бы другой видъ, говорилъ и глядѣлъ бы иначе. — Но, подумалъ онъ, такъ какъ этого никогда со мной не случалось, то я и не знаю, какой бы я имѣлъ при этомъ видъ. — Онъ вспомнилъ одну ирландку, которую онъ видѣлъ разъ въ одномъ магазинѣ, за прилавкомъ; вспомнилъ, какіе у ней были чудесные, почти черные волосы, и синіе глаза, и густыя рѣсницы,—и какъ она вопросительно и печально посмотрѣла на него, и какъ онъ долго ходилъ потомъ по улицѣ передъ ея окнами, и какъ волновался и спрашивалъ самого себя: познакомиться ли ему съ нею или нѣтъ? Онъ былъ тогда проѣздомъ въ Лондонѣ; патронъ прислалъ его туда за покупками и далъ ему денегъ. — Соломинъ чуть-было не остался въ Лондонѣ, чуть-было не послалъ этихъ денегъ назадъ патрону; такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на него прекрасной Полли... (Онъ узналъ ея имя: одна изъ ея товарокъ назвала ее.) — Однакожъ, преодолѣлъ себя — и вернулся къ своему патрону. Полли была красивѣе Маріанны; но у этой былъ такой же вопросительный и печальный взглядъ... и она русская...

— Однако, что жъ это я?—проговорилъ Соломинъ вполголоса:—о чужихъ невѣстахъ забочусь!—и встряхнулъ воротникомъ шинели, какъ бы желая отбросить отъ себя всѣ ненужныя мысли. Кстати жъ, онъ подъѣзжалъ къ своей фабрикѣ, и на порогѣ его флигелька мелькнула фигура вѣрнаго Павла.

XXVI.

Отказъ Соломина очень оскорбилъ Сипягина: онъ даже вдругъ нашелъ, что этотъ доморощенный Стифенсонъ ужъ не такой замѣчательный механикъ, и что онъ, пожалуй, не позируетъ, но ломается, какъ истый плебей. — „Всѣ эти русскіе, когда вообразятъ, что знаютъ что-нибудь — изъ рукъ вонъ! — Au fond, Калломѣйцевъ правъ!“ Подъ вліяніемъ подобныхъ непріязненныхъ и раздражительныхъ ощущеній, государственный мужъ — en herbe — еще безучастнѣе и отдаленнѣе взглянулъ на Нежданова; сооб-

щилъ Колѣ, что онъ можетъ не заниматься сегодня съ своимъ учителемъ, что ему надо привыкать къ самостоятельности... Однако, самому учителю этому не отказалъ, какъ тотъ ожидалъ. Онъ продолжалъ его игнорировать! За то Валентина Михайловна не игнорировала Маріанны.— Между ними произошла страшная сцена.

Часа за два до обѣда онѣ какъ-то вдругъ очутились однѣ въ гостиной. Каждая изъ нихъ немедленно почувствовала, что минута неизбѣжнаго столкновенія настала, и потому, послѣ мгновеннаго колебанія, обѣ тихонько подошли другъ къ дружкѣ. Валентина Михайловна слегка улыбалась; Маріанна стиснула губы; обѣ были блѣдны. Переходя черезъ комнату, Валентина Михайловна посматривала направо, налѣво, сорвала листокъ гераніума... Глаза Маріанны были прямо устремлены на приближавшееся къ ней улыбавшееся лицо.

Сипягина первая остановилась; и, похлопывая концами пальцевъ по спинкѣ стула:

— Маріанна Викентьевна,—заговорила она небрежнымъ голосомъ: — мы, кажется, находимся въ корреспонденціи другъ съ другомъ... Живя подъ одной крышей, это довольно странно; а вы знаете, я не охотница до странностей.

— Не я начала эту корреспонденцію, Валентина Михайловна.

— Да... Вы правы. Въ странности на этотъ разъ виновата я. Только я не нашла другого средства, чтобы возбудить въ васъ чувство... какъ бы это сказать?—чувство...

— Говорите прямо, Валентина Михайловна; не стѣсняйтесь,—не бойтесь оскорбить меня.

— Чувство... приличія.

Валентина Михайловна умолкла; одинъ легкій стукъ ея пальцевъ по спинкѣ стула слышался по комнатѣ.

— Въ чемъ же вы находите, что я не соблюла приличія?—спросила Маріанна.

Валентина Михайловна пожала плечами.

— Ma chère, vous n'êtes plus un enfant — и вы меня очень хорошо понимаете. Неужели вы полагаете, что ваши поступки могли остаться тайной для меня, для Анны За-

харовны, для всего дома, наконецъ? Впрочемъ, вы и не слишкомъ заботились о томъ, чтобъ, чтобъ они остались тайной. Вы, просто, бравировали.—Одинъ Борисъ Андреичъ, можетъ-быть, не обратилъ на нихъ вниманія... Онъ занятъ другими, болѣе интересными и важными дѣлами. Но, кромѣ его, всѣмъ извѣстно ваше поведеніе, всѣмъ!

Маріанна все болѣе и болѣе блѣднѣла.

— Я бы попросила васъ, Валентина Михайловна, выразиться опредѣлительнѣе. — Чѣмъ вы собственно недовольны?

„L'insolente!"—подумала Сипягина—однако, еще удержалась.

— Вы желаете знать, чѣмъ я недовольна, Маріанна?— Извольте!—Я недовольна вашими продолжительными свиданіями съ молодымъ человѣкомъ, который и по рожденію, и по воспитанію, и по общественному положенію стоитъ слишкомъ низко для васъ; я недовольна... нѣтъ это слово не довольно сильно—я возмущена вашими поздними... вашими ночными визитами у этого самаго человѣка.—И гдѣ же? подъ моимъ кровомъ! Или вы находите, что это такъ и слѣдуетъ, и что я должна молчать — и какъ бы оказывать покровительство вашему легкомыслію?— Какъ честная женщина... Oui, mademoiselle, je l'ai été, je le suis et le serai toujours!—я не могу не чувствовать негодованія!

Валентина Михайловна бросилась въ кресло, какъ будто подавленная тяжестью этого самаго негодованія.

Маріанна усмѣхнулась въ первый разъ.

— Я не сомнѣваюсь въ вашей честности, прошедшей, настоящей и будущей,—начала она:—и говорю это совершенно искренне. — Но вы напрасно негодуете. Я не нанесла никакого позора вашему крову. Молодой человѣкъ, на котораго вы намекаете... да, я дѣйствительно... полюбила его...

— Вы полюбили мсьё Нежданова?

— Я люблю его.

Валентина Михайловна выпрямилась на креслѣ.

— Да помилуйте, Маріанна! вѣдь онъ студентъ, безъ

роду, безъ племени;—вѣдь онъ моложе васъ! (Не безъ злорадства были произнесены эти послѣднія слова.)—Что же изъ этого можетъ выдти?—И что̀ вы съ вашимъ умомъ, нашли въ немъ? Онъ, просто, пустой мальчикъ.

— Вы не всегда о немъ такъ думали, Валентина Михайловна.

— О, Боже мой! моя милая, оставьте меня въ сторонѣ... Pas tant d'ésprit que ça, je vous prie. Тутъ дѣло идетъ о васъ, о вашей будущности. Подумайте! какая же это партія для васъ?

— Признаюсь вамъ, Валентина Михайловна, я не думала о партіи.

— Какъ? Что? Какъ мнѣ васъ понять? Вы слѣдовали влеченію вашего сердца, положимъ... Но вѣдь все это должно же кончиться бракомъ?

— Не знаю... я объ этомъ не думала.

— Вы объ этомъ не думали?—Да вы съ ума сошли! Маріанна немного отвернулась.

— Прекратимъ этотъ разговоръ, Валентина Михайловна. Онъ ни къ чему не можетъ повести. Мы все-таки не поймемъ другъ друга.

Валентина Михайловна порывисто встала.

— Я не могу, я не должна прекратить этотъ разговоръ! Это слишкомъ важно... я отвѣчаю за васъ передъ...—Валентина Михайловна хотѣла-было сказать: передъ Богомъ! но запнулась—и сказала: передъ цѣлымъ свѣтомъ!—Я не могу молчать, когда я слышу подобныя безумія! И почему это я не могу понять васъ? Что за несносная гордость у всѣхъ этихъ молодыхъ людей! Нѣтъ... я васъ очень хорошо понимаю; я понимаю, что вы пропитались этими новыми идеями, которыя васъ непремѣнно поведутъ къ погибели! Но тогда уже будетъ поздно.

— Можетъ-быть; но, повѣрьте мнѣ: мы, и погибая, не протянемъ вамъ пальца, чтобы вы спасли насъ!

— Опять эта гордость, эта ужасная гордость! Ну, послушайте, Маріанна, послушайте меня,—прибавила она, внезапно перемѣнивъ тонъ... Она хотѣла-было притянуть Маріанну къ себѣ—но та отшатнулась назадъ.—Ecoutez-

moi, je vous en conjure! — Вѣдь я, наконецъ, не такъ же ужъ стара—и не такъ глупа, чтобы нельзя было сойтись со мною!—Je ne suis pas une encroutée. Меня въ молодости даже считали республиканкой... не хуже васъ. — Послушайте: я не стану притворяться; материнской нѣжности я къ вамъ никогда не питала;—да и не въ вашемъ характерѣ объ этомъ сожалѣть... Но я знала, и знаю, что у меня есть обязанности по отношенію къ вамъ—и я всегда старалась ихъ исполнить. Быть-можетъ, та партія, о которой я мечтала для васъ и для которой и Борисъ Андреичъ, и я—мы бы не отступили ни передъ какими жертвами... эта партія не вполнѣ отвѣчала вашимъ идеямъ... но въ глубинѣ моего сердца...

Маріанна глядѣла на Валентину Михайловну, на эти чудные глаза, на эти розовыя, чуть-чуть разрисованныя губы, на эти бѣлыя руки, на слегка растопыренные пальцы, украшенные перстнями, которые изящная дама такъ выразительно прижимала къ корсажу своего шелковаго платья... и вдругъ перебила ее:

— Партія, говорите вы, Валентина Михайловна? Вы называете „партіей“ — этого вашего бездушнаго, пошлаго друга, г-на Калломѣйцева?

Валентина Михайловна отняла пальцы отъ корсажа.

— Да, Маріанна Викентьевна! я говорю о г-нѣ Калломѣйцевѣ—объ этомъ образованномъ, отличномъ молодомъ человѣкѣ, который навѣрное составитъ счастье своей жены—и отъ котораго можетъ отказаться одна только сумасшедшая! Одна сумасшедшая!

— Что̀ дѣлать, ma tante! Видно, я такая!

— Да въ чемъ можешь ты—серьёзно—упрекнуть его?

— О, ни въ чемъ!—Я презираю его... вотъ и всё.

Валентина Михайловна нетерпѣливо покачала головою сбоку-на-бокъ—и снова опустилась на кресло.

— Оставимъ его. Retournons à nos moutons. — Итакъ, ты любишь г-на Нежданова?

— Да.

— И намѣрена продолжать... свои свиданья съ нимъ?

— Да, намѣрена.

— Ну...а если я тебѣ это запрещу?

— Я васъ не послушаюсь.

Валентина Михайловна подпрыгнула на креслѣ.

— А! вы не послушаетесь! Вотъ какъ!.. И это мнѣ говоритъ облагодѣтельствованная мною дѣвушка, которую я призрѣла у себя въ домѣ, это мнѣ говоритъ.... говоритъ мнѣ...

— Дочь обезчещеннаго отца, — сумрачно подхватила Маріанна:—продолжайте, не церемоньтесь!

— Ce n'est pas moi qui vous le fait dire, mademoiselle! Но, во всякомъ случаѣ, *этимъ* гордиться нечего! Дѣвушка, которая ѣстъ мой хлѣбъ...

— Не попрекайте меня вашимъ хлѣбомъ, Валентина Михайловна!—Вамъ бы дороже стоило нанять француженку Колѣ... Вѣдь *я* ему даю уроки французскаго языка.

Валентина Михайловна приподняла руку, въ которой она держала раздушенный иланг-иланг батистовый платокъ съ огромнымъ бѣлымъ вензелемъ въ одномъ изъ угловъ,—и хотѣла что-то вымолвить;—но Маріанна стремительно продолжала:

— Вы были бы правы, тысячу разъ правы, если вмѣсто всего того, что̀ вы теперь насчитали, вмѣсто всѣхъ этихъ мнимыхъ благодѣяній и жертвъ, вы бы въ состояніи были сказать: „та дѣвушка, которую я любила...“ Но вы настолько честны, что *такъ* солгать не можете!—Маріанна дрожала, какъ въ лихорадкѣ. — Вы всегда меня ненавидѣли.—Вы даже теперь, въ самой глубинѣ вашего сердца, о которой въ сію минуту упомянули, рады—да, рады тому, что вотъ, я оправдываю ваши всегдашнія предсказанія, покрываю себя скандаломъ, позоромъ—и вамъ непріятно только то, что часть этого позора должна пасть на вашъ аристократическій, *честный* домъ.

— Вы меня оскорбляете,—шепнула Валентина Михайловна:—извольте выйти вонъ!

Но уже Маріанна не могла совладать съ собою.

— Вашъ домъ, сказали вы, весь вашъ домъ, и Анна Захаровна, и всѣ знаютъ о моемъ поведеніи!—И всѣ приходятъ въ ужасъ и негодованіе... Но развѣ я что-нибудь

прошу у васъ, у нихъ, у всѣхъ этихъ людей? Развѣ я могу дорожить ихъ мнѣніемъ? Развѣ этотъ вашъ хлѣбъ не горекъ? Какую бѣдность не предпочту я этому богатству? Развѣ между вашимъ домомъ и мною не цѣлая бездна, бездна, которую ничто, ничто закрыть не можетъ? Неужели вы—вы тоже умная женщина—вы этого не сознаете? И если *вы* питаете ко мнѣ чувство ненависти, то неужели вы не понимаете того чувства, которое *я* питаю къ вамъ, и котораго я не называю по имени только потому, что оно слишкомъ явно.

— Sortez, sortez, vous dis-je... — повторила Валентина Михайловна и топнула при этомъ своей хорошенькой узенькой ножкой.

Маріанна шагнула въ направленіи двери.

— Я сейчасъ избавлю васъ отъ моего присутствія; но знаете ли что, Валентина Михайловна? Говорятъ, даже Рашели въ „Баязетѣ“ Расина не удавалось это „sortez!“— а ужъ вамъ подавно! Да еще вотъ что̀: какъ, бишь, это вы сказали... Je suis une honnête femme, je l'ai été et le serai toujours? Представьте: я увѣрена въ томъ, что я гораздо честнѣе васъ! Прощайте!

Маріанна поспѣшно вышла, а Валентина Михайловна вскочила съ кресла, хотѣла-было закричать, хотѣла заплакать... Но что̀ закричать — она не знала; и слезы не повиновались ей.

Она ограничилась тѣмъ, что помахала на себя платкомъ, но распространяемое имъ благовоніе еще сильнѣе подѣйствовало на ея нервы... Она почувствовала себя несчастной, обиженной... Она сознавала нѣкоторую долю правды въ томъ, что̀ она сейчасъ слышала. Но какъ же можно было такъ несправедливо судить о ней? „Неужели же я такая злая“, подумала она — и поглядѣла на себя въ зеркало, находившееся прямо противъ нея, между двумя окнами. Зеркало это отразило прелестное, нѣсколько искаженное, съ выступившими красными пятнами, но все-таки очаровательное лицо, чудесные, мягкіе, бархатные глаза... „Я? я злая?“—подумала она опять... „Съ такими глазами!“

Но въ это мгновеніе вошелъ ея супругъ — и она снова закрыла платкомъ лицо.

— Что́ съ тобою? — заботливо спросилъ онъ. — Что̀ съ тобою, Валя? (Онъ придумалъ для нея это уменьшительное имя, которое, однако, позволялъ себѣ употреблять лишь въ совершенномъ tête-à-tête, преимущественно въ деревнѣ.)

Она сперва отнѣкивалась, увѣряла, что съ ней ничего... но кончила тѣмъ, что какъ-то очень красиво и трогательно повернулась на креслѣ, бросила ему руки на плечи— (онъ стоялъ, наклонившись къ ней)—спрятала свое лицо въ разрѣзѣ его жилета — и разсказала все; безо всякой хитрости и безъ задней мысли постаралась—если не извинить, то до нѣкоторой степени оправдать Маріанну; сваливала всю вину на ея молодость, страстный темпераментъ, на недостатки перваго воспитанія; также до нѣкоторой степени — и также безъ задней мысли упрекала самое себя. „Съ моей дочерью этого бы не случилось!—Я бы не такъ за ней присматривала!“ Синягинъ выслушалъ ее до конца снисходительно, сочувственно—и строго; держалъ свой станъ согбеннымъ, пока она не сняла своихъ рукъ съ его плечъ и не отодвинула своей головы; — назвалъ ее ангеломъ, поцѣловалъ ее въ лобъ, объявилъ, что знаетъ теперь, какой образъ дѣйствія предписываетъ ему его роль—роль хозяина дома—и удалился такъ, какъ удаляется человѣкъ гуманный, но энергическій, который собирается исполнить непріятный, но необходимый долгъ...

Часу въ восьмомъ послѣ обѣда, Неждановъ, сидя въ своей комнатѣ, писалъ своему другу, Силину.

„Другъ Владиміръ, я пишу тебѣ въ минуту рѣшительнаго переворота въ моемъ существованіи.—Мнѣ отказали отъ здѣшняго дома, я ухожу отсюда. Но это бы ничего... Я отхожу отсюда не одинъ. Меня сопровождаетъ та дѣвушка, о которой я тебѣ писалъ. Насъ все соединяетъ: сходство жизненныхъ судебъ, одинаковость убѣжденій, стремленій—взаимность чувства, наконецъ. — Мы любимъ другъ друга: по крайней мѣрѣ, я убѣжденъ, что не въ состояніи испытать чувство любви подъ другою формой,

чѣмъ та, подъ которой она мнѣ представляется теперь.— Но я бы солгалъ передъ тобою, если бъ сказалъ, что не ощущаю ни тайнаго страха, ни даже какого-то страннаго сердечнаго замиранія... Все темно впереди—и мы вдвоемъ устремляемся въ эту темноту. Мнѣ не нужно тебѣ объяснять, на что̀ мы идемъ и какую дѣятельность избрали. Мы съ Маріанной не ищемъ счастія; не наслаждаться мы хотимъ, — а бороться вдвоемъ, рядомъ, поддерживая другъ друга. Наша цѣль намъ ясна; но какіе пути ведутъ къ ней—мы не знаемъ. Найдемъ ли мы, если не сочувствіе, не помощь, то хоть возможность дѣйствовать? Маріанна — прекрасная, честная дѣвушка; если намъ суждено погибнуть, я не буду упрекать себя въ томъ, что я ее увлекъ, потому что для нея другой жизни уже не было.—Но, Владиміръ, Владиміръ! мнѣ тяжело... Сомнѣніе меня мучитъ, не въ моемъ чувствѣ къ ней, конечно, а... я не знаю! — Только теперь вернуться уже поздно. Протяни намъ обоимъ издалека руки — и пожелай намъ терпѣнья, силы самопожертвованья, и любви... больше любви. А ты, невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ—не слишкомъ безучастно — и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя?

„Прощай, Владиміръ, прощай!“

Написавши эти немногія строки, Нежданов отправился на деревню. — Въ слѣдующую ночь, заря чуть-чуть брезжила,—а онъ уже стоялъ на опушкѣ березовой рощи, не въ дальнемъ разстояніи отъ Сипягинскаго сада. Немного позади его, изъ-за спутанной зелени широкаго орѣховаго куста, едва виднѣлась крестьянская телѣжка, запряженная парой разнузданныхъ лошадокъ; въ телѣгѣ, подъ веревочнымъ переплетомъ, спалъ, лежа на клочкѣ сѣна и натянувъ на голову заплатанную свитку, старенькій, сѣдой мужичокъ. Неждановъ неотступно глядѣлъ на дорогу, на купы ракитъ вдоль сада: сѣрая, тихая ночь еще лежала кругомъ, звѣздочки слабо, въ перебивку мигали, затерянныя въ небесной пустой глубинѣ. По круглымъ нижнимъ краямъ протянутыхъ тучекъ шла съ востока

блѣдная алость, и оттуда же тянуло первымъ холодкомъ утренней рани. Вдругъ Неждановъ вздрогнулъ и насторожился: гдѣ-то близко сперва взвизгнула, потомъ стукнула калитка; маленькое женское существо, окутанное платкомъ, съ узелкомъ на голой рукѣ, выступило, не спѣша, изъ неподвижной тѣни ракитъ на мягкую пыль дороги — и, перейдя ее вкось, словно на цыпочкахъ, направилось къ рощѣ. Неждановъ бросился къ нему.

— Маріанна?—шепнулъ онъ.

— Я! — послышался тихій отзывъ изъ-подъ нависшаго платка.

— Сюда, за мной,—отвѣчалъ Неждановъ, неловко хватая ее за голую руку съ узелкомъ.

Она пожималась, какъ бы чувствуя ознобъ.—Онъ подвелъ ее къ телѣгѣ, разбудилъ мужичка.—Тотъ проворно вскочилъ, тотчасъ перебрался на облучокъ, вдѣлъ свитку въ рукава, подхватилъ веревочныя вожжи... Лошади зашевелились; онъ ихъ осторожно отпрукнулъ охриплымъ отъ крѣпкаго сна голосомъ. Неждановъ посадилъ Маріанну на телѣжный переплетъ, подостлавъ сперва свой плащъ; окуталъ ей ноги одѣяломъ—сѣно на днѣ было волжко—умѣстился возлѣ нея — и, нагнувшись къ мужику, тихо сказалъ: „Пошелъ, куда знаешь“. — Мужичокъ задергалъ вожжами, лошади выбрались изъ опушки, фыркая и ёжась; — и, подпрыгивая и постукивая узкими, старыми колесами, покатилась телѣга по дорогѣ. Неждановъ придерживалъ одной рукой станъ Маріанны; она приподняла платокъ своими холодными пальцами — и, обернувшись къ нему лицомъ и улыбаясь, промолвила:

— Какъ славно свѣжо, Алёша!

— Да,—отвѣчалъ мужичокъ:—роса будетъ сильная!

Такъ была уже сильна роса, что втулки телѣжныхъ колесъ, цѣпляясь за верхушки высокихъ придорожныхъ былинокъ, сбивали съ нихъ цѣлыя гроздья тончайшихъ водяныхъ брызгъ—и зелень травы казалась сизо-сѣрой.

Маріанна опять пожалась отъ холода.

— Свѣжо́, свѣжо́,—повторила она веселымъ голосомъ.—И воля, Алёша, воля!

XXVII.

Соломинъ выскочилъ къ воротамъ фабрики, какъ только прибѣжали ему сказать, что какой-то господинъ съ госпожей пріѣхали въ телѣжкѣ и спрашиваютъ его.—Не поздоровавшись съ своими гостями, а только кивнувъ имъ нѣсколько разъ головою, онъ тотчасъ приказалъ мужичку-кучеру въѣзжать на дворъ — и, направивъ его прямо къ своему флигельку, ссадилъ съ телѣги Маріанну. Неждановъ спрыгнулъ вслѣдъ за нею. Соломинъ повелъ обоихъ черезъ длинный и темный коридорчикъ—да по узенькой, кривой лѣсенкѣ—въ заднюю часть флигелька—во второй этажъ. Тамъ онъ отворилъ низенькую дверь—и всѣ трое вошли въ небольшую, довольно опрятную комнатку съ двумя окнами.

— Добро пожаловать!—проговорилъ Соломинъ съ своей завсегдашней улыбкой, которая на этотъ разъ казалась и и шире, и свѣтлѣе обыкновеннаго.

— Вотъ вамъ квартира.—*Эта* комната—да вотъ, рядомъ, еще другая. — Неказисто, да ничего: жить можно. И глазѣть здѣсь на васъ будетъ некому. Тутъ, подъ окнами у васъ—по увѣренію хозяина—цвѣтникъ, а по-моему—огородъ; упирается онъ въ стѣну,—а направо да налѣво заборы.—Тихое мѣстечко!—Ну, здравствуйте! вторично, милая барышня,—и вы, Неждановъ, здравствуйте!

Онъ пожалъ имъ обоимъ руки.—Они стояли неподвижно, не раздѣваясь—и съ молчаливымъ, полуизумленнымъ, полурадостнымъ волненіемъ глядѣли оба прямо передъ собою.

— Ну, что жъ вы?—началъ опять Соломинъ.—Разоблачайтесь!—Какія съ вами есть вещи?

Маріанна показала узелокъ, который она все еще держала въ рукѣ.

— У меня вотъ только это.

— А у меня сакъ-вояжъ и мѣшокъ въ телѣгѣ остались.—Да вотъ, я сейчасъ...

— Оставайтесь, оставайтесь. — Соломинъ отворилъ дверь. — Павелъ! — крикнулъ онъ въ темноту лѣсенки:— сбѣгай, братъ... Тамъ вещи въ телѣгѣ... принеси.

— Сейчасъ,—послышался голосъ вездѣсущаго.

Соломинъ обратился къ Маріаннѣ, которая сбросила съ себя платокъ и начала разстегивать мантилью.

— И все удалось благополучно?—спросилъ онъ.

— Все... никто насъ не увидѣлъ. — Я оставила письмо г-ну Сипягину. — Я, Василій Ѳедотычъ, оттого не взяла съ собою ни платьевъ, ни бѣлья, что такъ какъ вы насъ посылать будете... (Маріанна почему-то не рѣшилась прибавить: въ народъ)—вѣдь все равно: тò бы не годилось. А деньги у меня есть, чтобы купить, чтò будетъ нужно.

— Все это мы устроимъ впослѣдствіи... а вотъ,—промолвилъ Соломинъ, указывая на входившаго съ Неждановскими вещами Павла: — рекомендую вамъ моего лучшаго здѣшняго друга: на него вы можете положиться вполнѣ... какъ на самого меня.—Ты Татьянѣ насчетъ самовара сказалъ?—прибавилъ онъ вполголоса.

— Сейчасъ будетъ,—отвѣтилъ Павелъ:—и сливки—и всё.

— Татьяна—это его жена,—продолжалъ Соломинъ:—и такая же неизмѣнная, какъ онъ.—Пока вы сами... ну, тамъ, привыкнете, что ли—она вамъ, моя барышня, прислуживать будетъ.

Маріанна бросила свою мантилью на стоявшій въ уголку кожаный диванчикъ. — Зовите меня Маріанной, Василій Ѳедотычъ, — я не хочу быть барышней. И прислужницы мнѣ не надо... Я не для того ушла—оттуда, чтобы имѣть прислужницъ. Не глядите на мое платье; у меня—тамъ—другого не было. Это все надо будетъ перемѣнить.

Платье это, изъ коричневаго драдедама, было очень просто; но, сшитое петербургской портнихой, оно красиво прилегало къ стану и къ плечамъ Маріанны — и вообще имѣло видъ модный.

— Ну, не прислужница — такъ помощница, по-американски.—А чаю вы все-таки напейтесь. Теперь еще рано—да и вы оба, должно-быть, устали. Я теперь отправляюсь по фабричнымъ дѣламъ;—позднѣе мы опять увидимся.—Чтò нужно будетъ—скажите Павлу или Татьянѣ.

Маріанна быстро протянула ему обѣ руки.

— Чѣмъ намъ отблагодарить васъ, Василій Ѳедотычъ?—Она съ умиленіемъ глядѣла на него.

Соломинъ тихонько погладилъ ей одну руку. — Я бы сказалъ вамъ не стоитъ благодарности... да это будетъ неправда. Лучше же я скажу вамъ, что ваша благодарность мнѣ доставляетъ великое удовольствіе.—Вотъ мы и квиты. До свиданья! Павелъ, пойдемъ.

Маріанна и Неждановъ остались одни.

Она бросилась къ нему, — и, глядя на него тѣмъ же взглядомъ, какъ на Соломина, — только еще радостнѣе, еще умиленнѣй и свѣтлѣй:—О, мой другъ!—проговорила она.— Мы начинаемъ новую жизнь... Наконецъ! наконецъ!—Ты не повѣришь, какъ эта бѣдная квартирка, въ которой намъ суждено прожить всего нѣсколько дней, мнѣ кажется любезна и мила въ сравненіи съ тѣми ненавистными палатами! скажи, ты радъ?

Неждановъ взялъ ея руки и прижалъ ихъ къ своей груди.

— Я счастливъ, Маріанна, тѣмъ, что я начинаю эту новую жизнь съ тобою вмѣстѣ! — Ты будешь моей путеводной звѣздой, моей поддержкой, моимъ мужествомъ...

— Милый Алёша! Но постой—надо немножко почиститься и туалетъ свой привести въ порядокъ. Я пойду въ свою комнату... а ты—останься здѣсь.—Я сію минуту...

Маріанна вышла въ другую комнату, заперлась—и, минуту спустя, отворивъ до-половины дверь, высунула голову и проговорила: — А какой Соломинъ славный! — Потомъ она опять заперлась—и послышался щёлкъ ключа.

Неждановъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на садикъ... одна старая-престарая яблоня почему-то привлекла его особое вниманіе.—Онъ встряхнулся, потянулся, раскрылъ свой сакъ-вояжъ—и ничего оттуда не вынулъ; онъ задумался...

Черезъ четверть часа вернулась и Маріанна съ оживленнымъ, свѣже-вымытымъ лицомъ, вся веселая и подвижная; а нѣсколько мгновеній спустя появилась Павлова жена, Татьяна, съ самоваромъ, чайнымъ приборомъ, булками, сливками.

Въ противоположность своему цыганообразному мужу— это была настоящая русская женщина, дородная, русая, простоволосая, съ широкой косой, туго завернутой около рогового гребня, съ крупными, но пріятными чертами

лица, съ очень добрыми сѣрыми глазами. Одѣта она была въ опрятное, хоть и полинялое ситцевое платье; — руки у ней были чистыя и красивыя, хоть и большія. Она спокойно поклонилась, произнесла твердымъ, отчетливымъ выговоромъ, безо всякой пѣвучести: „Здравы будете“—и принялась устанавливать самоваръ, чашки и т. д.

Маріанна подошла къ ней.

— Позвольте, Татьяна, я помогу вамъ. — Дайте мнѣ хоть салфетку.

— Ничего, барышня, мы къ этому пріобыкли. — Мнѣ Василій Ѳедотычъ сказывалъ. Коли что̀ потребуется, извольте приказать, мы со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ.

— Татьяна, не зовите меня, пожалуйста, барышней... Одѣта я по-барски,—а впрочемъ, я... я совсѣмъ...

Пристальный взглядъ Татьяниныхъ зоркихъ глазъ смутилъ Маріанну;—она умолкла.

— А кто же вы такая будете? — спросила Татьяна своимъ ровнымъ голосомъ.

— Коли вы хотите... я, точно... я изъ дворянокъ; только я хочу все это бросить—и сдѣлаться какъ всѣ... какъ всѣ простыя женщины.

— А, вотъ что̀! Ну, теперь знаю. Вы, стало, изъ тѣхъ, что̀ опро̀ститься хотятъ.—Ихъ теперь довольно бываетъ.

— Какъ вы сказали, Татьяна? Опро̀ститься?

— Да... такое у насъ теперь слово пошло. Съ простымъ народомъ, значитъ, заодно быть. Опро̀ститься.—Что жъ? Это дѣло хорошее—народъ поучить уму-разуму.—Только трудное это дѣло? Ой, тру-удное?—Дай Богъ часъ!

— Опро̀ститься!—повторяла Маріанна.—Слышишь, Алёша, мы съ тобой теперь опростѣлые!

Нежданов засмѣялся и даже повторилъ:

— Опро̀ститься! опростѣлые!

— А что̀ это у васъ, муженёкъ будетъ—али братъ?—спросила Татьяна, осторожно перемывая чашки своими большими, ловкими руками и съ ласковой усмѣшкой поглядывая то на Нежданова, то на Маріанну.

— Нѣтъ,—отвѣчала Маріанна:—онъ мнѣ не мужъ и не братъ.

Татьяна приподняла голову.

— Стало, такъ, по вольной милости живете?—Теперь и это—тоже часто бываетъ.—Допрежь больше у раскольниковъ водилось,—а нонѣ и у прочихъ людей.—Лишь бы Богъ благословилъ—да жилось бы ладно!—А то попъ и не нуженъ. На фабрикѣ у насъ тоже такіе есть. Не изъ худшихъ ребятъ.

— Какія у васъ хорошія слова, Татьяна!.. „По вольной милости...“ Очень это мнѣ нравится.—Вотъ что, Татьяна, я о чемъ васъ просить буду.—Мнѣ нужно себѣ платье сшить или купить, такое вотъ, какъ ваше, или еще попроще.—И башмаки, и чулки, и косынка—все, чтобы было какъ у васъ.—Деньги у меня на это есть.

— Что же, барышня, это все можно... Ну, не буду, не извольте гнѣваться.—Не буду васъ барышней называть. Только какъ мнѣ васъ звать-то?

— Маріанной.

— А по отчеству какъ васъ величаютъ?

— Да на что̀ вамъ мое отчество? Зовите меня просто Маріанной. Зову же я васъ Татьяной.

— И то̀—да не то̀. Вы ужъ лучше скажите.

— Ну, хорошо. Моего отца звали Викентьемъ.—А вашего какъ?

— А моего—Осипомъ.

— Ну, такъ я буду васъ звать Татьяной Осиповной.

— А я васъ Маріанной Викентьевной. Вотъ оно какъ славно будетъ!

— Что̀ бы вамъ съ нами чайку выпить, Татьяна Осиповна?

— На первый случай можно, Маріанна Викентьевна. Чашечкой себя побалую. А то Егорычъ забро̀нитъ.

— Кто это Егорычъ?

— А Павелъ, мужъ мой.

— Садитесь, Татьяна Осиповна.

— И то̀ сяду, Маріанна Викентьевна.

Татьяна присѣла на стулъ и начала пить чай въ прикуску, безпрестанно поворачивая въ пальцахъ кусочекъ сахара и щурясь глазомъ съ той стороны, съ какой она прикусывала сахаръ. Маріанна вступила съ нею въ разго-

воръ. Татьяна отвѣчала не чинясь и сама разспрашивала и разсказывала. На Соломина она чуть не молилась, а мужа своего ставила тотчасъ послѣ Василія Ѳедотыча. Фабричнымъ житьемъ она, однако, тяготилась.

— Ни тебѣ городъ здѣсь, ни деревня... безъ Василія Ѳедотыча и часу бы я не осталась!

Маріанна слушала ея разсказы внимательно. Усѣвшійся въ сторонкѣ Неждановъ наблюдалъ за своей подругой, и не удивлялся ея вниманію: для Маріанны это все было вновѣ—а ему казалось, что онъ подобныхъ Татьянъ видѣлъ цѣлыя сотни—и говорилъ съ ними сотни разъ.

— Вотъ что, Татьяна Осиповна, — сказала наконецъ Маріанна: — вы думаете, что мы хотимъ учить народъ; нѣтъ—мы служить ему хотимъ.

— Какъ такъ служить?—Учите его; вотъ вамъ и служба. Я хоть съ себя примѣръ возьму. Я какъ за Егорыча вышла—ни читать, ни писать не умѣла; а теперь вотъ знаю, спасибо Василію Ѳедотычу. Не самъ онъ училъ меня,—а заплатилъ одному старичку. Тотъ и выучилъ.—Вѣдь я еще молодая, даромъ что рослая.

Маріанна помолчала.

— Мнѣ, Татьяна Осиповна,—начала она опять:—хотѣлось бы выучиться какому-нибудь ремеслу... да мы еще поговоримъ объ этомъ съ вами.—Шью я плохо; если бъ я выучилась стряпать—можно бы въ кухарки пойти.

Татьяна задумалась.

— Какъ же такъ въ кухарки?—Кухарки у богатыхъ бываютъ, у купцовъ; а бѣдные сами стряпаютъ.—А на артель готовить, на рабочихъ... Ну, ужъ это совсѣмъ послѣднее дѣло!

— Да мнѣ бы хоть у богатаго жить, а съ бѣдными знаться. А то какъ я съ ними сойдусь!—Не все же такой случай выйдетъ, какъ съ вами.

Татьяна опрокинула пустую чашку на блюдечко.

— Это дѣло мудреное,—промолвила она наконецъ со вздохомъ:—около пальца не обвертишь. Что̀ умѣю—покажу,—а многому я сама не учена̀. Съ Егорычемъ потолковать надо. Вѣдь онъ какой? Книжки всякія читаетъ!—

и все можетъ сейчасъ какъ руками развести.—Тутъ она взглянула на Маріанну, которая свертывала папироску... И вотъ еще что̀, Маріанна Викентьевна: извините меня; но коли вы точно опро̀ститься желаете,—такъ это ужъ вамъ придется бросить.—Она указала на папироску.—Потому въ тѣхъ званіяхъ, хоть бы вотъ въ кухаркахъ—этого не полагается:—и васъ сейчасъ всякій признаетъ, что вы есть барышня.—Да.

Маріанна выбросила папироску за окно.

— Я курить не буду... отъ этого легко отвыкнуть.—Простыя женщины не курятъ: стало-быть, и мнѣ не слѣдъ курить.

— Это вы вѣрно сказали, Маріанна Викентьевна. Мужской полъ этимъ балуетъ и у насъ,—а женскій—нѣтъ. Такъ-то!.. Э! да вотъ и самъ Василій Ѳедотычъ сюда жалуетъ. Его это шаги. Вы его спросите: онъ вамъ сейчасъ все опредѣлитъ—лучшимъ манеромъ.

И точно: за дверью раздался голосъ Соломина.

— Можно войти?

— Войдите, войдите!—закричала Маріанна.

— Это у меня англійская привычка,—сказалъ, входя, Соломинъ.—Ну, каково̀ вы себя чувствуете? Не заскучали еще пока?—Я вижу, вы здѣсь чайничаете съ Татьяной.—Вы слушайте ее: она разумница... А ко мнѣ сегодня мой хозяинъ пріѣзжаетъ... вотъ некстати! И обѣдать остается.—Что дѣлать! На то онъ хозяинъ.

— Что за человѣкъ!—спросилъ Неждановъ, выходя изъ своего уголка.

— Ничего... Тряпки не сосетъ. Изъ новыхъ. Вѣжливъ очень—и рукавчики носитъ,—а глазъ всюду запускаетъ, не хуже стараго. Самъ шкуру деретъ—и самъ приговариваетъ: „Повернитесь-ка на этотъ бочекъ, сдѣлайте одолженіе;—тутъ есть еще живое мѣстечко... Надо его пообчистить!“—Ну, да со мной онъ шелковый: я ему нуженъ! Только я пришелъ вамъ сказать, что ужъ сегодня врядъ ли удастся свидѣться.—Обѣдъ вамъ принесутъ. А на дворъ не показывайтесь. Какъ вы думаете, Маріанна, Сипягины будутъ васъ отыскивать, за вами гнаться?

— Я думаю, что нѣтъ,—отвѣтила Маріанна.

— А я такъ увѣренъ, что да,—сказалъ Неждановъ.

— Ну, все равно,—продолжалъ Соломинъ:—надо быть осторожнымъ на первыхъ порахъ. Потомъ обойдется.

— Да; только вотъ что̀,—замѣтилъ Неждановъ:—о моемъ мѣстопребываніи долженъ знать Маркеловъ;—надо его извѣстить.

— Зачѣмъ?

— Нельзя иначе, для нашего дѣла.—Онъ долженъ всегда знать, гдѣ я. Слово дано. Да онъ не проболтаетъ!

— Ну, хорошо. Пошлемъ Павла.

— А платье мнѣ будетъ готово?—спросилъ Неждановъ.

— То-есть костюмъ?—какъ же... какъ же.—Тотъ же маскарадъ. Спасибо—недорого. Прощайте, отдохните.—Татьяна, пойдемъ.

Маріанна и Неждановъ опять остались одни.

XXVIII.

Сперва они опять крѣпко пожали другъ другу руки;—потомъ Маріанна воскликнула: „Постой, я помогу тебѣ убрать твою комнату“—и начала выкладывать еще вещи изъ сакъ-вояжа и мѣшка. Неждановъ хотѣлъ-было помочь ей; но она объявила, что все сдѣлаетъ одна.—„Потому что надо привыкать служить“. И дѣйствительно: сама развѣсила платье на гвоздики, которые нашла въ ящикѣ стола и вбила собственноручно въ стѣну оборотной стороною щетки, за неимѣніемъ молотка; уложила бѣлье въ старенькій комодецъ, находившійся между оконъ.

— Что это?—спросила она вдругъ:—револьверъ? Онъ заряженъ? На что̀ онъ тебѣ?

— Онъ не заряженъ... а впрочемъ, дай его сюда. Ты спрашиваешь: на что̀? Какъ же безъ револьвера въ нашемъ-то званіи!

Она засмѣялась и продолжала свою работу, встряхивая каждую отдѣльную вещь, и хлопая по ней ладонью; поставила даже двѣ пары сапогъ подъ диванъ;—а нѣсколько книгъ, пачку бумагъ и маленькую тетрадку со стихами расположила торжественно на трехногомъ угловомъ столѣ,

назвавъ его письменнымъ и рабочимъ, въ противность другому, круглому, который назвала обѣденнымъ и чайнымъ. Потомъ, взявъ стихотворную тетрадь въ обѣ руки, приподнявъ ее въ уровень своего лица—и глядя черезъ ея край на Нежданова, она съ улыбкой промолвила:

— Вѣдь мы все это перечтемъ вмѣстѣ въ свободное отъ занятій время!—А?

— Дай мнѣ эту тетрадь! я ее сожгу!—воскликнулъ Неждановъ.—Она другого не стоитъ!

— Зачѣмъ же ты ее взялъ съ собою, коли такъ?—Нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ ее не дамъ на сожженіе. А, впрочемъ, говорятъ, сочинители только грозятся—и никогда своихъ вещей не жгутъ. Но я все-таки лучше унесу ее къ себѣ!

Неждановъ хотѣлъ протестовать—но Маріанна выскочила въ сосѣднюю комнату съ тетрадью—и вернулась безъ нея.

Она подсѣла къ Нежданову—и тотчасъ же встала.—Ты у меня еще не былъ... въ моей комнатѣ. Хочешь посмотрѣть?—Она не хуже твоей. Пойдемъ—я тебѣ покажу.

Неждановъ тоже всталъ—и послѣдовалъ за Маріанной.—Комнатка *ея*, какъ она выражалась, была немного меньше *его* комнаты; но мебель въ ней была какъ будто почище и поновѣй; на окнѣ стояла хрустальная вазочка съ цвѣтами, а въ углу—желѣзная кроватка.

— Видишь, какой онъ милый, Соломинъ,—воскликнула Маріанна:—только не надо себя слишкомъ нѣжить: такія квартиры намъ не часто попадаться будутъ. — А вотъ что я думаю; вотъ было бы хорошо: такъ устроиться, чтобы намъ обоимъ, не разставаясь, на какое-нибудь мѣсто поступить!—Трудно это будетъ,—прибавила она, погодя немного:—ну, тамъ подумаемъ. Вѣдь все равно въ Петербургъ ты не вернешься?

— Что мнѣ въ Петербургѣ дѣлать?—Въ университетъ ходить—да уроки давать? Это ужъ никуда не годится.

— Вотъ, что Соломинъ скажетъ,—промолвила Маріанна:—онъ лучше рѣшитъ, какъ и что.

Они вернулись въ первую комнату и опять сѣли другъ подлѣ друга. Похвалили Соломина, Татьяну, Павла; упо-

мянули о Сипягинѣ, о томъ, какъ прежняя жизнь вдругъ такъ далеко отъ нихъ ушла, словно туманомъ покрылась; потомъ опять пожали другъ другу руки—обмѣнялись радостными взглядами; потомъ поговорили о томъ, въ какіе слои должно стараться проникать и какъ имъ надо будетъ держаться, чтобы ихъ не подозрѣвали.

Неждановъ увѣрялъ, что чѣмъ меньше объ этомъ думать, чѣмъ проще себя держать—тѣмъ лучше.

— Конечно!—воскликнула Маріанна.—Вѣдь мы хотимъ опроститься, какъ говоритъ Татьяна.

— Я не въ этомъ смыслѣ,—началъ-было Неждановъ.— Я хотѣлъ сказать, что не надо принуждать себя...

Маріанна вдругъ засмѣялась.

— Я вспомнила, Алеша, какъ это я насъ обоихъ назвала: опростѣлые!

Неждановъ тоже посмѣялся, повторилъ: „опростѣлые...“— а потомъ задумался.

И Маріанна задумалась.

— Алеша!—промолвила она.

— Что?

— Мнѣ кажется, намъ обоимъ немного неловко.— Молодые—des nouveaux mariés,—пояснила она—въ первый день своего брачнаго путешествія должны чувствовать нѣчто подобное.— Они счастливы... имъ очень хорошо— и немножко неловко.

Неждановъ улыбнулся—принужденной улыбкой.

— Ты очень хорошо знаешь, Маріанна, что мы не молодые—въ твоемъ смыслѣ.

Маріанна поднялась съ своего мѣста и стала прямо передъ Неждановымъ.

— Это отъ тебя зависитъ.

— Какъ?

— Алеша, ты знаешь, что когда ты мнѣ скажешь, какъ честный человѣкъ—а я тебѣ вѣрю, потому что ты точно честный человѣкъ;—когда ты мнѣ скажешь, что ты меня любишь той любовью... ну, той любовью, которая даетъ право на жизнь другого,—когда ты мнѣ это скажешь—я твоя.

Неждановъ покраснѣлъ и отвернулся немного.

— Когда я тебѣ это скажу...

— Да, тогда! Но вѣдь ты самъ видишь, ты мнѣ теперь этого не говоришь... О, да, Алеша, ты, точно, честный человѣкъ. Ну, и давай толковать о вещахъ болѣе серьезныхъ.

— Но вѣдь я люблю тебя, Маріанна!

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь... и буду ждать. Постой, я еще не совсѣмъ привела въ порядокъ твой письменный столъ. Вотъ тутъ что-то завернуто, что-то жесткое...

Неждановъ рванулся со стула.

— Оставь это, Маріанна... Это... пожалуйста, оставь.

Маріанна повернула къ нему голову черезъ плечо — и съ изумленіемъ приподняла брови.

— Это—тайна? Секретъ? У тебя есть секретъ?

— Да... да,—промолвилъ Неждановъ:—и, весь смущенный, прибавилъ—въ видѣ объясненія:—Это... портретъ.

Слово это вырвалось у него невольно. Въ бумажкѣ, которую Маріанна держала въ рукахъ, былъ дѣйствительно завернутъ ея портретъ, данный Нежданову Маркеловымъ.

— Портретъ?—произнесла она протяжнымъ голосомъ...— Женскій?

Она подала ему пакетецъ; но онъ неловко его взялъ; онъ чуть не выскользнулъ у него изъ рукъ, и раскрылся.

— Да это... мой портретъ! —воскликнула Маріанна съ живостью...—Ну—свой-то портретъ я имѣю право взять.— Она выхватила его у Нежданова.

— Это—ты нарисовалъ?

— Нѣтъ... не я.

— Кто же? Маркеловъ?

— Ты угадала... Онъ.

— Какимъ же образомъ онъ у тебя?

— Онъ мнѣ подарилъ его.

— Когда?

Неждановъ разсказалъ, когда и какъ. Пока онъ говорилъ, Маріанна взглядывала то на него, то на портретъ... и у обоихъ, у Нежданова и у ней, мелькнула одна и та же мысль въ головѣ. „Если бы *онъ* былъ въ этой комнатѣ, *онъ* бы имѣлъ право потребовать...“ Но ни Марі-

анна, ни Неждановъ не высказали громко своей мысли... быть-можетъ потому, что каждый изъ нихъ почувствовалъ ее въ другомъ.

Маріанна тихонько завернула портретъ въ бумажку — и положила ее на столъ.

— Добрый человѣкъ!—прошептала она.—Гдѣ-то онъ теперь?

— Какъ гдѣ?.. — Дома, у себя. Я завтра или послѣзавтра пойду къ нему за книжками, за брошюрами. Онъ хотѣлъ мнѣ дать—да, видно, забылъ при отъѣздѣ.

— И ты, Алеша, того мнѣнія, что, отдавая тебѣ этотъ портретъ, онъ уже ото всего отказывался... рѣшительно ото всего?

— Мнѣ такъ показалось.

— И ты надѣешься его найти дома?

— Конечно.

— А! — Маріанна опустила глаза — уронила руки. — А вотъ, намъ обѣдъ Татьяна несетъ, — вскрикнула она вдругъ.—Какая она славная женщина!

Татьяна явилась съ приборами, салфетками, судками.— Пока она накрывала на столъ, она разсказывала о томъ, что̀ происходило на фабрикѣ.

— Хозяинъ пріѣхалъ изъ Москвы по чугункѣ — и пошелъ бѣгать по всѣмъ этажамъ, какъ оглашенный; да вѣдь онъ ничего, какъ есть, не смыслитъ; а только такъ, для виду дѣйствуетъ, для примѣру.—А Василій Ѳедотычъ нимъ какъ съ малымъ младенцемъ; — а хозяинъ хотѣлъ какую-то противность учинить,— такъ его Василій Ѳедотычъ сейчасъ отчеканилъ: брошу, говоритъ, сейчасъ все; тотъ сейчасъ хвостъ и поджалъ.—Теперь вмѣстѣ кушаютъ; а хозяинъ съ собой кумпаньона привезъ... Такъ тотъ только всему удивляется. А денежный, должно-быть, человѣкъ, этотъ кумпаньонъ, потому все больше молчитъ да головой потряхиваетъ. А самъ толстый, претолстый!— Тузъ московскій! Не даромъ пословица такая слыветъ, что— Москва у всей Россіи подъ горою: все въ нее катится.

— Какъ вы все примѣчаете!—воскликнула Маріанна.

— Я и то замѣтливая, — возразила Татьяна. — Вотъ,

готовъ вамъ обѣдъ. Кушайте на здоровье. А я тутъ малость посижу, на васъ погляжу.

Маріанна и Нежданов принялись ѣсть; Татьяна прикорнула на подоконникъ и подперла щеку рукою.

— Погляжу я на васъ, — повторила она: — и какіе же вы оба молоденькіе да кволенькіе... Такъ пріятно на васъ глядѣть, что даже печально! Эхъ, голубчики мои! Берете вы на себя тяготу не въ моготу! Такихъ-то, какъ васъ, приставà царскіе—охочи въ куролеску сажать!

— Ничего, тетушка, не пугайте насъ, — замѣтилъ Нежданов. — Вы знаете поговорку: „Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ“.

— Знаю... знаю; да кузовья-то пошли нонѣ тѣсные да невылазные!..

— Есть у васъ дѣти? — спросила Маріанна, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Есть; сынокъ. Въ школу ходить началъ. Была и дочка, да не стало ея сердешной! Несчастье съ ней приключилось: попала подъ колесо. И хоть бы разомъ ее убило! А то—мучилась долго. Съ тѣхъ поръ я жалостливая стала; а прежде—чтò жимолость—чтó я,—какъ есть дерево!

— Ну, а какъ же вы Павла Егорыча-то вашего—развѣ не любили?

— Э! Тò особъ-статья; тò — дѣло дѣвичье. Вѣдь вотъ и вы—вашего-то любите? Аль нѣтъ?

— Люблю.

— Очень любите?

— Очень.

— Чтой-то... — Татьяна посмотрѣла на Нежданова, на Маріанну—и ничего не прибавила.

Маріаннѣ опять пришлось перемѣнить разговоръ. Она объявила Татьянѣ, что бросила табакъ курить; та ее похвалила. — Потомъ Маріанна вторично попросила ее насчетъ платья; напомнила ей, что она обѣщалась показать, какъ стряпаютъ...

— Да вотъ еще чтò: нельзя ли мнѣ достать толстыхъ, суровыхъ нитокъ! Я буду чулки вязать... простые.

Татьяна отвѣчала, что все будетъ исполнено, какъ слѣдуетъ, и, убравъ со стола, вышла изъ комнаты — своей твердой, спокойной походкой.

— Ну, а мы что̀ будемъ дѣлать?—обратилась Маріанна къ Нежданову; — и, не давши ему отвѣтить: — Хочешь? такъ какъ только завтра начнется настоящее дѣло, посвятимъ нынѣшній вечеръ литературѣ.— Перечтемъ твои стихи! Я судья буду строгій.

Неждановъ долго не соглашался... Однако кончилъ тѣмъ, что уступилъ — и сталъ читать изъ тетрадки. Маріанна сѣла близко возлѣ него — и глядѣла ему въ лицо, пока онъ читалъ. — Она сказала правду: судьей она оказалась строгимъ. Немногія стихотворенія ей понравились: она предпочитала чисто-лирическія, короткія и, какъ она выражалась — не нравоучительныя. Читалъ Неждановъ не совсѣмъ хорошо: не рѣшался декламировать и не хотѣлъ впадать въ сухой тонъ; выходило: — ни рыба, ни мясо. Маріанна вдругъ перервала его вопросомъ: знаетъ ли онъ удивительное стихотвореніе Добролюбова, которое начинается такъ: „Пускай умру — печали мало“ *) — и тутъ же прочла его — тоже не совсѣмъ хорошо — какъ-то немножко по-дѣтски.

Неждановъ замѣтилъ, что оно горько и горестно до-

---

*) Пускай умру—печали мало;
Одно страшитъ мой умъ больной;
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ;

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я.

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я—живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

Соч. Д-ва, IV т., стр. 615.

нельзя — и потомъ прибавилъ, что онъ, Неждановъ, не могъ бы написать это стихотвореніе уже потому, что ему нечего бояться слезъ надъ своей могилой... ихъ не будетъ.

— Будетъ, если я тебя переживу,—произнесла медлительно Маріанна—и, поднявши глаза къ потолку да помолчавъ немного, вполголоса, какъ бы говоря съ самой собою, спросила:

— Какъ же это онъ съ меня портретъ нарисовалъ? По памяти?

Неждановъ быстро обернулся къ ней...

— Да; по памяти.

Маріанна удивилась, что онъ отвѣчалъ ей. Ей казалось, что она этотъ вопросъ только подумала.

— Это удивительно... продолжала она тѣмъ же голосомъ.—Вѣдь у него и таланта къ живописи нѣтъ.—Что̀ я хотѣла сказать...—прибавила она громко: — да! насчетъ стиховъ Добролюбова. — Надо такіе стихи писать, какъ Пушкинъ—или вотъ такіе, какъ эти Добролюбовскіе:—это не поэзія... но что-то не хуже ея.

— А такіе, какъ мои, — спросилъ Неждановъ: — вовсе не слѣдуетъ писать?—Не правда ли?

— Такіе стихи, какъ твои, нравятся друзьямъ, не потому, что они очень хороши—но потому, что *ты* хорошій человѣкъ—и они на тебя похожи.

Неждановъ усмѣхнулся.

— Похоронила же ты ихъ—да и меня кстати!

Маріанна ударила его по рукѣ и назвала злымъ... Скоро потомъ она объявила, что она устала и пойдетъ спать.

— Кстати, ты знаешь,—прибавила она, встряхнувъ своими короткими, но густыми кудрями:—у меня 137 рублей,—а у тебя?

— 98.

— О! да мы богаты... для опростѣлыхъ.—Ну—до завтра!

Она ушла; но черезъ нѣсколько мгновеній ея дверь чуть-чуть отворилась—и изъ-за узкой щели послышалось сперва: Прощай!—потомъ болѣе тихо: Прощай!—И ключъ щелкнулъ въ замкѣ.

Неждановъ опустился на диванъ и закрылъ глаза ру-

кою... Потомъ онъ быстро всталъ, подошелъ къ двери— и постучался.

— Чего тебѣ?—раздалось оттуда.

— Не *до* завтра—Маріанна... а—завтра!

— Завтра,—отозвался тихій голосъ.

XXIX.

На другой день по-утру рано Неждановъ постучался опять въ дверь къ Маріаннѣ.

— Это я,—отвѣчалъ онъ на ея вопросъ: кто тамъ?— Можешь ты ко мнѣ выйти?

— Погоди... сейчасъ.

Она вышла—и ахнула. Въ первую минуту она его не узнала. На немъ былъ истасканный, желтоватый нанковый кафтанъ съ крошечными пуговками и высокой тальей; волосы онъ причесалъ по-русски—съ прямымъ проборомъ; шею повязалъ синимъ платочкомъ; въ рукѣ держалъ картузъ съ изломаннымъ козырькомъ; на ногахъ у него были нечищенные, выростковые сапоги.

— Господи!—воскликнула Маріанна:—какой ты... некрасивый! и тутъ же быстро обняла его—и еще быстрѣй поцѣловала.—Да зачѣмъ же ты *такъ* одѣлся? Ты смотришь какимъ-то плохимъ городскимъ мѣщаниномъ... или разносчикомъ, или отставнымъ дворовымъ. Отчего этотъ кафтанъ— а не поддевка или просто крестьянскій армякъ?

— То-то и есть,—началъ Неждановъ, который въ своемъ костюмѣ дѣйствительно смахивалъ на мелкаго прасола изъ мѣщанъ—и самъ это чувствовалъ, и въ душѣ досадовалъ и смущался;—онъ до того смущался, что все потрогивалъ себя по груди растопыренными пальцами обѣихъ рукъ, словно обчищался...—Въ поддевкѣ или въ армякѣ меня бы сейчасъ узнали, по увѣренію Павла;—а эта одёжа— по его словамъ... словно я другой отъ роду и не нашивалъ. Что не очень лестно для моего самолюбія, замѣчу въ скобкахъ.

— Развѣ ты хочешь сейчасъ идти... начинать?—съ живостью спросила Маріанна.

— Да; я попытаюсь, хотя... по-настоящему...

— Счастливецъ!—перебила Маріанна.

— Этотъ Павелъ какой-то удивительный,—продолжалъ Неждановъ:—все-то онъ знаетъ, такъ тебя глазами насквозь и нижетъ; а то̀ вдругъ такое скорчитъ лицо, словно онъ отъ всего въ сторонѣ—и ни во что не мѣшается! Самъ услуживаетъ—а самъ все подсмѣивается.—Книжки мнѣ принесъ отъ Маркелова; онъ и его знаетъ, и Сергѣемъ Михайловичемъ величаетъ. А за Соломина и въ огонь, и въ воду готовъ.

— И Татьяна тоже—промолвила Маріанна.—Отчего это ему люди такъ преданы?

Неждановъ не отвѣчалъ.

— Какія книжки принесъ тебѣ Павелъ?—спросила Маріанна.

— Да... обыкновенныя.—„Сказка о четырехъ братьяхъ...“ Ну, еще тамъ... обыкновенныя, извѣстныя.—Впрочемъ—эти лучше.

Маріанна тоскливо оглянулась.

— Но что-жъ это Татьяна? Обѣщала, что придетъ ранёхонько...

— А вотъ она и я, — проговорила Татьяна, входя въ комнату съ узелкомъ въ рукѣ.—Она стояла за дверью—и слышала восклицаніе Маріанны.

— Успѣете еще... вотъ нѐвидаль!

Маріанна такъ и бросилась ей навстрѣчу.

— Принесли?

Татьяна ударила рукой по узелку.

— Все тутъ... въ полномъ составѣ... Сто̀итъ только примѣрить... да и ступай щеголять—народъ удивлять!

— Ахъ, пойдемте, пойдемте, Татьяна Осиповна, милая...

Маріанна увлекла ее въ свою комнату.

Оставшись одинъ, Неждановъ прошелся раза два взадъ и впередъ какой-то особенной, шмыгающей походкой... (Онъ почему-то воображалъ, что мѣщане именно такъ ходятъ)—понюхалъ осторожно свой собственный рукавъ, внутренность фуражки — и поморщился; посмотрѣлъ на себя въ маленькое зеркальце, прикрѣпленное на стѣнѣ возлѣ окна, и помоталъ головою: очень ужъ онъ былъ не-

казистъ.—(„А впрочемъ, тѣмъ лучше“, подумалъ онъ.) Потомъ онъ досталъ нѣсколько брошюръ, запихнулъ ихъ себѣ въ задній карманъ—и произнесъ вполголоса: „штошъ... робята... іефто... ничаво... потому-шта...“ — „Кажется, похоже“, подумалъ онъ опять: „да и что за актерство! за меня мой нарядъ отвѣчаетъ“. И вспомнилъ тутъ Неждановъ одного ссыльнаго нѣмца, которому нужно было бѣжать черезъ всю Россію—а онъ и по-русски плохо говорилъ; но благодаря купеческой шапкѣ съ кошачьимъ околышемъ, которую онъ купилъ себѣ въ одномъ уѣздномъ городѣ—его всюду принимали за купца—и онъ благополучно пробрался за границу.

Въ это мгновеніе вошелъ Соломинъ.

— Ага! — воскликнулъ онъ: — окопировался!—Извини, братъ: въ этомъ нарядѣ нельзя же тебѣ „вы“ говорить.

— Да сдѣлайте... сдѣлай одолженіе... я и то хотѣлъ тебя просить.

— Только рано ужъ больно: а то, развѣ вотъ что: пріобыкнуть желаешь.—Ну, тогда—ничего. Все-таки подождать нужно: хозяинъ еще не уѣхалъ. Спитъ.

— Я попозже выйду,—отвѣчалъ Неждановъ:—похожу по окрестностямъ—пока получится какое распоряженіе.

— Резонъ! Только вотъ что, братъ Алексѣй... вѣдь такъ я говорю: Алексѣй?

— Алексѣй.—Если хочешь: Ликсѣй,—прибавилъ, смѣясь, Неждановъ.

— Нѣтъ; зачѣмъ пересаливать.—Слушай: уговоръ лучше денегъ.—Книжки, я вижу—у тебя есть; раздавай ихъ кому хочешь,—только на фабрикѣ—ни-ни!

— Отчего же?

— Оттого, во-первыхъ, что оно для тебя же опасно;—во-вторыхъ, я хозяину поручился, что этого здѣсь не будетъ; вѣдь фабрика все-таки его; въ-третьихъ: у насъ коечто началось—школы тамъ и прочее... Ну—ты испортить можешь. Дѣйствуй на свой страхъ, какъ знаешь,—я не препятствую; а фабричныхъ моихъ не трогай.

— Осторожность никогда не мѣшаетъ... ась?—съ язвительной полуусмѣшкой замѣтилъ Неждановъ.

Соломинъ широко улыбнулся, по-своему.

— Именно, братъ Алексѣй; не мѣшаетъ никогда.—Но кого это я вижу? Гдѣ мы?

Эти послѣднія восклицанія относились къ Маріаннѣ, которая въ ситцевомъ, пестренькомъ, много разъ мытомъ платьицѣ, съ желтымъ платочкомъ на плечахъ, съ краснымъ на головѣ, появилась на порогѣ своей комнаты.—Татьяна выглядывала изъ-за ея спины и добродушно любовалась ею. Маріанна казалась и свѣжѣй, и моложе въ своемъ простенькомъ нарядѣ: онъ присталъ ей гораздо больше, чѣмъ долгополый кафтанъ Нежданову.

— Василій Ѳедотычъ, пожалуйста, не смѣйтесь,—взмолилась Маріанна—и покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ.

— Ай-да парочка!—воскликнула межъ тѣмъ Татьяна—и въ ладоши ударила.—Только ты, мой голубчикъ, паренекъ, не прогнѣвись: хорошъ ты, хорошъ; а противъ моей молодухи—фигурой не вышелъ.

„И въ самомъ дѣлѣ, она—прелесть“, — подумалъ Нежданов:—„о! какъ я ее люблю!“

— И глянь-ка, — продолжала Татьяна: — колечками со мной помѣнялась.—Мнѣ дала свое золотое,—а сама взяла мое серебряное.

— Дѣвушки простыя золотыхъ колецъ не носятъ, — промолвила Маріанна.

Татьяна вздохнула.

— Я вамъ его сохраню, голубушка, не бойтесь.

— Ну, сядьте; сядьте оба,—началъ Соломинъ, который все время, наклонивъ нѣсколько голову, глядѣлъ на Маріанну: — въ прежнія времена, вы помните, люди всегда саживались, когда въ путь-дорогу отправлялись.—А вамъ обоимъ дорога предстоитъ длинная и трудная.

Маріанна, все еще красная, сѣла; сѣлъ и Нежданов: сѣлъ Соломинъ... сѣла, наконецъ, и Татьяна на „тычкѣ“, т.-е. на стоявшее стоймя толстое полѣно.—Соломинъ посмотрѣлъ по очереди на всѣхъ:

— Отойдемъ—да поглядимъ,
Какъ мы хорошо сидимъ...

—промолвилъ онъ, слегка прищурясь,—и вдругъ захохо-

талъ, да такъ славно, что не только никто не обидѣлся, а напротивъ, всѣмъ очень стало пріятно.

Но Неждановъ внезапно поднялся.

— Я пойду, — сказалъ онъ: — теперь же; а то это все очень любезно—только слегка на водевиль съ переодѣваньемъ смахиваетъ.—Не безпокойся,—обратился онъ къ Соломину:—я твоихъ фабричныхъ не трону. Поболтаюсь по окрестностямъ, вернусь,—и тебѣ, Маріанна, разскажу мои похожденія, если только будетъ что разсказывать. Дай руку на счастье!

— Чайку бы сперва,—замѣтила Татьяна.

— Нѣтъ, что за чайничанье!—Если нужно—я въ трактиръ зайду, или просто въ кабакъ.

Татьяна качнула головой.

— У насъ теперь по большимъ-то по дорогамъ трактировъ этихъ развелось, что блохъ въ овечьей шубѣ. Сёла все пространныя—вотъ, хоть бы Балмасово...

— Прощайте, до свиданья... счастливо оставаться!—поправилъ себя Неждановъ, входя въ свою мѣщанскую роль.—Но не успѣлъ онъ приблизиться къ двери, какъ изъ коридора, передъ самымъ его носомъ, вынырнулъ Павелъ—и вручая ему высокій, тонкій посохъ съ вырѣзанной въ видѣ винта, во всю его длину, полосой коры,—промолвилъ:

— Извольте получить, Алексѣй Дмитричъ,—подпирайтесь на ходу,—и чѣмъ вы эту самую палочку дальше отъ себя отставлять будете, тѣмъ пріятнѣе будетъ.

Неждановъ взялъ посохъ молча и удалился; за нимъ и Павелъ. — Татьяна хотѣла-было уйти также; Маріанна приподнялась и остановила ее:

— Погодите, Татьяна Осиповна: мнѣ вы нужны.

— А я сейчасъ вернусь, да съ самоваромъ. Вашъ товарищъ ушелъ безъ чаю; вишь—ужъ очень ему приспичило... А вамъ-то съ чего себя казнить? — Дальше—виднѣе будетъ.

Татьяна вышла, Соломинъ тоже всталъ. Маріанна стояла къ нему спиной;—и когда она, наконецъ, обернулась къ нему,—такъ какъ онъ очень долго не промолвилъ ни

единаго слова,—то увидѣла на его лицѣ, въ его глазахъ, на нее устремленныхъ, выраженіе, какого она прежде у него не замѣчала: выраженіе вопросительное, безпокойное, почти любопытствующее. — Она смутилась и опять покраснѣла. — А Соломину словно стало совѣстно того, что̀ она уловила на его лицѣ—и онъ заговорилъ громче обыкновеннаго.

— Такъ, та̀къ-то, Маріанна... Вотъ, вы и начали.

— Какое начала̀, Василій Ѳедотычъ! — Что это за начало? Мнѣ что-то вдругъ очень неловко становится. Алексѣй правду сказалъ: мы точно какую-то комедію играемъ.

Соломинъ сѣлъ опять на стулъ.

— Да, позвольте, Маріанна... Ка̀къ же вы себѣ это представляете: *начать?*—Не баррикады же строить со знаменемъ наверху—да: ура! за республику! — Это же и не женское дѣло. — А вотъ, вы сегодня какую-нибудь Лукерью чему-нибудь доброму научите;—и трудно вамъ это будетъ, потому что не легко понимаетъ Лукерья, и васъ чуждается, — да еще воображаетъ, что ей совсѣмъ не нужно то, чему вы ее учить собираетесь;—а недѣли черезъ двѣ или три вы съ другой Лукерьей помучитесь; а пока—ребеночка вы помоете, или азбуку ему покажете,—или больному лѣкарство дадите... вотъ вамъ и начало.

— Да вѣдь это сестры милосердія дѣлаютъ, Василій Ѳедотычъ! Для чего жъ мнѣ тогда... все это? — Маріанна указала на себя и вокругъ себя неопредѣленнымъ движеніемъ руки.—Я о другомъ мечтала.

— Вамъ хотѣлось собой пожертвовать?

Глаза у Маріанны заблистали.

— Да... да... да!

— А Неждановъ?

Маріанна пожала плечомъ.

— Что̀ Неждановъ! Мы пойдемъ вмѣстѣ... или я пойду одна.

Соломинъ пристально посмотрѣлъ на Маріанну.

— Знаете что̀, Маріанна... Вы извините неприличность выраженія... но по-моему: шелудивому мальчику волосы расчесать — жертва, и большая жертва, на которую не многіе способны.

— Да я отъ этого не отказываюсь, Василій Ѳедотычъ.

— Я знаю, что не отказываетесь! Да, *вы* на это способны.—И вы будете — пока — дѣлать это; а потомъ, пожалуй—и другое.

— Но для этого надо поучиться у Татьяны!

— И прекрасно... учитесь. —Вы будете чумичкой горшки мыть, щипать куръ... А тамъ, кто знаетъ, можетъ-быть, спасете отечество!

— Вы смѣетесь надо мною, Василій Ѳедотычъ.

Соломинъ медленно потрясъ головою.

— О, моя милая Маріанна, повѣрьте: не смѣюсь я надъ вами; и въ моихъ словахъ—простая правда. Вы уже теперь, всѣ вы, русскія женщины, дѣльнѣе и выше насъ, мужчинъ.

Маріанна подняла опустившіеся глаза.

— Я бы хотѣла оправдать ваши ожиданія, Соломинъ... а тамъ—хоть умереть!

Соломинъ всталъ.

— Нѣтъ, живите... живите! Это главное. — Кстати, не хотите ли вы узнать, что̀ происходитъ теперь въ вашемъ домѣ по поводу вашего бѣгства?—Не принимаютъ ли мѣръ какихъ? Сто́итъ только слово шепнуть Павлу: — все развѣдаетъ мигомъ.

Маріанна изумилась.

— Какой онъ у васъ необыкновенный человѣкъ:

— Да... довольно удивительный. — Вотъ, когда васъ нужно будетъ бракомъ сочетать съ Алексѣемъ—онъ тоже это устроитъ съ Зосимой... Помните, я вамъ говорилъ, есть такой попъ... Да вѣдь—пока—еще не нужно? Нѣтъ?

— Нѣтъ.

— А нѣтъ—такъ нѣтъ.—Соломинъ подошелъ къ двери, раздѣлявшей обѣ комнатки — Нежданова и Маріанны—и нагнулся къ замку̀.

— Что̀ вы тамъ смотрите?—спросила Маріанна.

— А запираетъ ли ключъ?

— Запираетъ,—шепнула Маріанна.

Соломинъ обернулся къ ней.—Она не поднимала глазъ.

— Такъ не нужно развѣдывать, какія намѣренія Сипягиныхъ?—весело промолвилъ онъ:—не нужно?

Соломинъ хотѣлъ удалиться.

— Василій Ѳедотычъ...

— Что̀ прикажете?

— Скажите пожалуйста, отчего вы, всегда такой молчаливый, такъ разговорчивы со мной? Вы не повѣрите, какъ это меня радуетъ.

— Отчего?—Соломинъ взялъ обѣ ея маленькія, мягкія руки въ свои большія, жесткія.—Отчего?—Ну, да должно-быть, оттого, что я васъ очень люблю. Прощайте.

Онъ вышелъ... Маріанна постояла, поглядѣла ему вслѣдъ, подумала — и отправилась къ Татьянѣ, которая еще не успѣла принести ей самоваръ, и у которой она—правда—напилась чаю—но также мыла чумичкой горшки, и куръ щипала,—и даже расчесала какому-то мальчику его вихрястую голову.

Къ обѣденному времени она вернулась на свою квартирку... Ей не пришлось долго дожидаться Нежданова.

Онъ возвратился, усталый, запыленный—и такъ и упалъ на диванъ. Она тотчасъ подсѣла къ нему.—Ну, что? Ну, что? Разсказывай!

— Ты помнишь эти два стиха,—отвѣчалъ онъ ей слабымъ голосомъ:

„Все это было бы смѣшно —
„Когда бы не было такъ грустно...“

— Помнишь?

— Конечно, помню.

— Ну, вотъ, эти самые стихи отлично примѣняются къ моему первому выходу. — Но, нѣтъ! Рѣшительно, смѣшного въ немъ было больше. Во-первыхъ, я убѣдился, что ничего нѣтъ легче, какъ разыгрывать роль: никто и не думалъ подозрѣвать меня.—Только вотъ чего я не сообразилъ: надо сочинить напередъ какую-нибудь исторію... а то спрашиваютъ: откуда? почему?—а у тебя ничего не готово. Впрочемъ, и это почти не нужно. Предложи только шкаликъ водки въ кабакѣ—и ври, что̀ угодно.

— И ты... вралъ?—спросила Маріанна.

— Вралъ... какъ умѣлъ.—Во-вторыхъ: всѣ, рѣшительно всѣ люди, съ которыми я разговаривалъ — недовольны; и

никому не хочется даже знать, какъ пособить этому недовольству!—Но въ пропагандѣ я оказался — швахъ; двѣ брошюрки просто тайкомъ оставилъ въ горницахъ—одну засунулъ въ телѣгу... Что̀ изъ нихъ выйдетъ—Ты единъ, Господи, вѣси! — Четыремъ человѣкамъ предлагалъ брошюры. Одинъ спросилъ — божественная ли эта книга?— и не взялъ; другой сказалъ, что не знаетъ грамотѣ — и взялъ для дѣтей — потому на обложкѣ есть рисунокъ; третій сперва все мнѣ поддакивалъ—„тэ-акъ: тэ-акъ...“ потомъ вдругъ выругалъ меня самымъ неожиданнымъ образомъ, и тоже не взялъ; четвертый, наконецъ, взялъ — и много благодарилъ меня; — но, кажется, ни бельмеса не понялъ изо всего того, что̀ я ему говорилъ. Кромѣ того, одна собака укусила мнѣ ногу; одна баба съ порога своей избы погрозилась мнѣ ухватомъ, прибавивъ: „у! постылый! — Шалопуты вы московскіе! — Погибели на васъ нѣтути!“ — Да еще одинъ солдатъ безсрочный все мнѣ вслѣдъ кричалъ: „Погоди, постой! мы тебя, братъ, распатронимъ!“—А на мои же деньги напился.

— А еще что?

— Еще что? — Я натеръ себѣ мозоль: одинъ сапогъ ужасно великъ. А теперь я голоденъ,—и голова трещитъ отъ водки.

— Да развѣ ты много пилъ?

— Нѣтъ, немного—для примѣра; но былъ въ пяти кабакахъ.—Только я совсѣмъ этой мерзости—водки—не переношу. И какъ это нашъ народъ ее пьетъ—непостижимо! Если нужно пить водку, чтобы опро́ститься — слуга покорный!

— И такъ-таки никто тебя не заподозрилъ?

— Никто.—Одинъ цѣловальникъ, толстый такой, блѣдный человѣкъ съ бѣлыми глазами, былъ единственный человѣкъ, взглянувшій на меня подозрительно. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ своей женѣ: „Ты наблюдай этого рыжаго... косого“. (А и я не зналъ до тѣхъ поръ, что я косъ.) „Это—жуликъ. Вишь ты, какъ пьетъ вальяжно!“— Что̀ въ подобномъ случаѣ значитъ: „вальяжно“—я не понялъ; но едва ли эта похвала.—Въ родѣ Гоголевскаго „мо-

ветона“, — помнишь, въ „Ревизорѣ“. Развѣ то, что я старался потихоньку расплескивать водку подъ столъ. Охъ, трудно, трудно эстетику соприкасаться съ дѣйствительною жизнью!

— Въ другой разъ будетъ удачнѣе,—утѣшала Нежданова Маріанна:—но я рада, что ты взглянулъ на первую свою попытку съ юмористической точки зрѣнія... Вѣдь, въ сущности, ты не скучалъ?

— Нѣтъ, не скучалъ; даже забавлялся. — Но я знаю навѣрное, что буду теперь обо всемъ этомъ думать — и мнѣ будетъ гадко и грустно.

— Нѣтъ, нѣтъ! я не дамъ тебѣ думать — я буду разсказывать тебѣ, что̀ я дѣлала. Сейчасъ намъ принесутъ обѣдъ; кстати, знай, что я отлично... вымыла горшокъ, въ которомъ Татьяна намъ сварила щи.—И я буду тебѣ разсказывать... все, все, за каждымъ кускомъ.

Такъ она и сдѣлала. Неждановъ слушалъ ея разсказы— и глядѣлъ, глядѣлъ на нее... такъ, что она нѣсколько разъ останавливалась, чтобы дать ему сказать, зачѣмъ онъ такъ на нее глядитъ... Но онъ молчалъ.

Послѣ обѣда она предложила ему читать вслухъ изъ Шпильгагена. Но не успѣла она кончить первую страницу, какъ онъ стремительно всталъ—и, подойдя къ ней, упалъ къ ея ногамъ. Она приподнялась, онъ обхватилъ ея колѣни обѣими руками—и началъ говорить страстныя, безсвязныя, отчаянныя слова! „Онъ хотѣлъ умереть, онъ зналъ, что умретъ скоро“...—Она не шевелилась, не сопротивлялась; спокойно покорялась его порывистому объятію, спокойно, даже ласково глядѣла на него сверху внизъ. Она возложила обѣ руки на его голову, бившуюся въ складкахъ ея одежды.—Но самое это спокойствіе сильнѣе подѣйствовало на него, чѣмъ если бы она его оттолкнула. Онъ всталъ; промолвилъ: „Прости меня, Маріанна, за сегодняшнее и вчерашнее; повтори мнѣ, что ты готова ждать, пока я стану достойнымъ твоей любви,—и прости меня“.

— Я дала тебѣ слово... и не умѣю мѣняться.

— Ну, спасибо; прощай.

Неждановъ вышелъ;—Маріанна заперлась въ своей комнатѣ.

XXX.

Двѣ недѣли спустя, на той же самой квартирѣ, вотъ что̀ писалъ Неждановъ другу Силину, нагнувшись надъ своимъ трехножнымъ столикомъ, на которомъ скупо и тускло горѣла сальная свѣча.—(Было уже далеко за полночь. На диванѣ, на полу валялась второпяхъ сброшенная загрязненная одежда; въ стекло оконъ постукивалъ мелкій непрерывный дождь — и широкій теплый вѣтеръ пробѣгалъ большими вздохами по крышѣ.)

— „Милый Владиміръ, пишу тебѣ, не выставляя адреса, и даже это письмо будетъ послано съ нарочнымъ до отдаленной почтовой станціи; потому что мое пребываніе здѣсь—тайна; и выдать ее—значитъ, погубить не одного меня. — Съ тебя довольно будетъ знать, что̀ я живу на большой фабрикѣ, вдвоемъ съ Маріанной, вотъ уже двѣ недѣли. Мы бѣжали отъ Сипягиныхъ въ тотъ самый день, когда я писалъ тебѣ. Насъ здѣсь пріютилъ одинъ пріятель: буду звать его Василіемъ. Онъ здѣсь главное лицо—отличнѣйшій человѣкъ. Пребываніе наше въ этой фабрикѣ—временное. Мы находимся здѣсь, пока наступитъ время дѣйствовать;—хотя, если судить по тому, что̀ произошло до сихъ поръ — время это едва ли когда наступитъ! Владиміръ, мнѣ очень, очень тяжело. Прежде всего я долженъ тебѣ сказать, что хотя мы съ Маріанной бѣжали вмѣстѣ—но мы до сихъ поръ — какъ братъ съ сестрою. Она меня любитъ... и сказала мнѣ, что будетъ моею, если... я почувствую себя въ правѣ потребовать этого отъ нея.

„Владиміръ, я этого права за собой не чувствую! Она вѣритъ мнѣ, моей честности—я ея обманывать не стану. Я знаю, что я никого не любилъ и не полюблю—(это-то ужъ навѣрно!) больше, чѣмъ ее. Но все-таки! Какъ могу я присоединить навсегда ея судьбу къ моей! Живое существо—къ трупу?—Ну, не къ трупу, — къ существу полумертвому?—Гдѣ же будетъ совѣсть?—Ты скажешь: была

бы сильная страсть—совѣсть замолчала бы.—Въ томъ-то и дѣло, что я трупъ; честный, благонамѣренный трупъ, коли хочешь.—Пожалуйста, не кричи, что я всегда преувеличиваю... Все, что̀ я тебѣ говорю—правда! правда!—Маріанна—натура очень сдержанная—и теперь вся поглощена своей дѣятельностью, въ которую вѣритъ... А я!

„Ну—бросимъ любовь и личное счастье—и все такое.—Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я хожу „въ народъ"—и, ей-же-ей, ничего глупѣй и представить себѣ нельзя. Конечно, вина тутъ моя—а не самаго дѣла. Положимъ, я не славянофилъ; я не изъ тѣхъ, которые *лѣчатся* народомъ, соприкосновеніемъ съ нимъ;—я не прикладываю его къ своей больной утробѣ, какъ фланелевый набрюшникъ... я хочу самъ дѣйствовать на него;—но какъ??—Какъ это совершить? Оказывается, что когда я съ народомъ, я все только приникаю—да прислушиваюсь,—а коли придется самому что̀ сказать—изъ рукъ вонъ! Самъ чувствую, что не гожусь. Точно скверный актеръ въ чужой роли. Тутъ и добросовѣстность некстати, и скептицизмъ—и даже какой-то мизерный, на самого себя обращенный юморъ... Гроша мѣднаго все это не сто̀итъ!—Даже гадко вспоминать;—гадко глядѣть на эту ветошь, которую я таскаю,—на этотъ маскарадъ, какъ выражается Василій!—Увѣряютъ, что нужно сперва выучиться языку народа, узнать его обычаи и нравы... Вздоръ! вздоръ! вздоръ! Нужно *вѣрить* въ то, что̀ говоришь—а говори, какъ хочешь! Мнѣ разъ пришлось слышать нѣчто въ родѣ проповѣди одного раскольничьяго пророка. Чортъ знаетъ, что̀ онъ мололъ, какая это была смѣсь церковнаго языка, книжнаго, простонароднаго—да еще не русскаго—а бѣлорусскаго какого-то... „Цобѣ" вмѣсто „тебѣ";—„исть" вмѣсто „ѣсть";—„ы" вмѣсто „и"—и вѣдь все одно и то же долбилъ, какъ тетеревъ какой! „Накатылъ духъ... накатылъ духъ"...—За то глаза горятъ, голосъ глухой и твердый, кулаки сжаты—и весь онъ какъ желѣзный! Слушатели не понимаютъ—а благоговѣютъ! И идутъ за нимъ.—А я начну говорить,—точно виноватый, все прощенія прошу. Хоть въ раскольники бы пошелъ—право; мудрость ихъ не велика... да

гдѣ вѣры-то взять, вѣры!! — Вонъ Маріанна вѣритъ. Съ утра работаетъ, возится съ Татьяной—тутъ есть одна такая баба, добрая и неглупая: кстати, она про насъ говоритъ, что мы опрòститься желаемъ и зоветъ насъ опростѣлыми;—такъ вотъ, съ этой-то бабой Маріанна возится, минуты не посидитъ—настоящій муравей!—Радуется, что руки покраснѣли да заскорузли; и ждетъ, что, вотъ-вотъ, и она, сейчасъ, коли нужно, на плаху! Да что на плаху! Она даже башмаки съ себя пробовала снять; ходила куда-то босая, и вернулась босая. Слышу — потомъ — ноги себѣ долго мыла; вижу, наступаетъ на нихъ съ осторожностью — потому съ непривычки — больно; а лицомъ вся радостная и свѣтлая, словно кладъ нашла, словно солнце ее озарило. Да—Маріанна молодецъ!—А я, какъ стану съ ней говорить о моихъ чувствахъ—такъ, во-первыхъ, мнѣ какъ-то стыдно станетъ, точно я на чужое руку заношу; а, во-вторыхъ, этотъ взглядъ... о, этотъ ужасный, преданный, непротивящійся взглядъ... „Возьми, молъ, меня... но *помни!*.. Да и къ чему все это? Развѣ нѣтъ лучшаго, высшаго на землѣ?“—То-есть, другими словами: надѣвай вонючій кафтанъ, иди въ народъ... И вотъ, я иду въ этотъ народъ...

„О, какъ я проклинаю тогда эту нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость, все это наслѣдіе моего аристократическаго отца! Какое право имѣлъ онъ втолкнуть меня въ жизнь, снабдивъ меня органами, которые несвойственны средѣ, въ которой я долженъ вращаться? Создалъ птицу — да и пихнулъ ее въ воду?—Эстетика—да въ грязь! демократа, народолюбца, въ которомъ одинъ запахъ этой поганой водки—„зелена́ вина“—возбуждаетъ тошноту, чуть не рвоту?..

„Вотъ до чего я договорился: сталъ бранить моего отца!—И демократомъ сдѣлался я самъ: тутъ онъ ни при чемъ.

„Да, Владиміръ, худо мнѣ. Стали посѣщать меня какія-то сѣрыя, скверныя мысли! — Такъ неужто же, спросишь ты меня, я даже въ теченіе этихъ двухъ недѣль не наткнулся на какое-нибудь отрадное явленіе, на какого-

нибудь хорошаго, живого, хоть и темнаго человѣка? — Какъ тебѣ сказать? Встрѣчалъ я нѣчто подобное... Одинъ даже очень хорошій попался—славный, бойкій малый. — Да какъ я ни вертѣлся—не нуженъ я ему съ моими брошюрами — и все тутъ! У здѣшняго фабричнаго Павла — (онъ правая рука Василія, преумный и прехитрый, будущая „голова"... я тебѣ, кажется, о немъ писалъ) — у него есть пріятель изъ мужиковъ. Елизаромъ его зовутъ... тоже свѣтлый умъ—и душа свободная, безо всякихъ путъ; но какъ только онъ со мною—точно стѣна между нами!— такъ и смотритъ „нѣтомъ!" А то еще вотъ на какого я наскочилъ... впрочемъ, этотъ былъ изъ сердитыхъ.—„Ужъ ты", говоритъ, „баринъ, не размазывай—а прямо скажи: отдашь ли ты всю свою землю, какъ есть—аль нѣтъ?" — „Что̀ ты", отвѣчаю я ему: — „какой я баринъ?" (И еще, помнится, прибавилъ: Христосъ съ тобою!) — „А коли ты изъ простыхъ", говоритъ:—„такъ какой въ тебѣ толкъ? И оставь ты меня, сдѣлай милость!"

„И вотъ еще что. — Я замѣтилъ: коли кто ужъ очень охотно тебя слушаетъ, книжки сейчасъ беретъ, — знай: этотъ изъ плохенькихъ, вѣтеркомъ подбитъ.—Или на какого краснобая наткнешься—изъ образованныхъ, который только и знаетъ, что одно облюбленное слово твердитъ.— Одинъ, напримѣръ, просто замучилъ меня: все у него „прызводство!"—Что̀ ему ни говори, а онъ: „такое—значитъ—прызводство!"—А! чортъ тебя побери! — Еще одно замѣчаніе... Помнишь, была когда-то—давно тому назадъ— рѣчь о „лишнихъ" людяхъ, о Гамлетахъ?—Представь: такіе „лишніе люди" попадаются теперь между крестьянами!—Конечно, съ особымъ оттѣнкомъ... притомъ они, большей частью, чахоточнаго сложенія.—Интересные субъекты—и идутъ къ намъ охотно; но собственно для дѣла— непригодные; такъ же, какъ и прежніе Гамлеты. Ну, что̀ тутъ будешь дѣлать?—Типографію завести секретную? Да вѣдь книжекъ и безъ того уже довольно, и такихъ, что̀ говорятъ: „перекрестись, да возьми топоръ", и такихъ, что говорятъ: „возьми топоръ просто". Повѣсти изъ народнаго быта, съ начинкой, сочинять? Не напечатаютъ,

пожалуй.—Или ужъ точно взять топоръ?.. А на кого идти, съ кѣмъ, зачѣмъ?—Чтобы казенный солдатъ тебя убубухалъ изъ казеннаго ружья? Да вѣдь это какое-то сложное самоубійство! Ужъ лучше же я самъ съ собой покончу. По крайней мѣрѣ, буду знать, когда и какъ, — и самъ выберу, въ какое мѣсто выпалить.

„Право, мнѣ кажется, что если бы гдѣ-нибудь теперь происходила народная война — я бы отправился туда, не для того, чтобы освобождать кого бы то ни было (освобождать другихъ, когда свои не свободны!!) — но чтобы покончить съ собою...

„Нашъ пріятель Василій, тотъ, что̀ здѣсь насъ пріютилъ, счастливый человѣкъ: онъ изъ нашего лагеря — да спокойный какой-то. — Ему не къ спѣху. Другого я бы выбранилъ... а его не могу. И оказывается, что вся суть не въ убѣжденіяхъ—а въ характерѣ. У Василія характеръ такой, что иголки не подпустишь. — Ну, вотъ, онъ и правъ. — Онъ много съ нами сидитъ, съ Маріанной.— И вотъ, что̀ удивительно. Я ее люблю, и она меня любитъ (я вижу, какъ ты улыбаешься при этой фразѣ—но ей-Богу же это — такъ!);— а говорить мнѣ съ нею почти не о чемъ. — А съ нимъ она и споритъ, и толкуетъ, и слушаетъ его.—Не ревную я ее къ нему;—онъ же собирается ее куда-то помѣстить—по крайней мѣрѣ, она его объ этомъ проситъ;— только горько мнѣ, глядя на нихъ.— И вѣдь представь: заикнись я словомъ о женитьбѣ—она бы сейчасъ согласилась — и попъ Зосима выступилъ бы на сцену — „Исаія, ликуй!“ — и все какъ слѣдуетъ. Только отъ этого мнѣ бы не было легче — и *ничего бы не измѣнилось*... Куда ни кинь — все клинъ! — Окургузила меня жизнь, мой Владиміръ, какъ помнишь говаривалъ нашъ знакомый, пьянчужка портной, жалуясь на свою жену.

„Впрочемъ, я чувствую, что это долго не продлится. Чувствую я, что готовится что-то...

„Не самъ ли я требовалъ и доказывалъ, что надо „приступить?“—Ну, вотъ, мы и приступимъ.

„Я не помню, писалъ ли я тебѣ о другомъ моемъ знакомомъ, черномазомъ—родственникѣ Сипягиныхъ? Тотъ

можетъ, пожалуй, заварить такую кашу, что и не расхлебаешь.

„Совсѣмъ уже хотѣлъ кончить это письмо—да что̀!—Вѣдь я все нѣтъ, нѣтъ—да настрочу стихи. Маріаннѣ я ихъ не читаю—она ихъ не очень жалуетъ—а ты... иногда и похвалишь; а главное никому не разболтаешь. Пораженъ я былъ однимъ всеобщимъ явленіемъ на Руси... А впрочемъ, вотъ они, эти стихи:

Сонъ.

Давненько не бывалъ я въ сторонѣ родной...
Но не нашелъ я въ ней замѣтной перемѣны.
Все тотъ же мертвенный, безсмысленный застой,
Строенія безъ крышъ, разрушенныя стѣны,
И та же грязь, и вонь, и бѣдность, и тоска!
И тотъ же рабскій взглядъ, то дерзкій, то унылый...
Народъ нашъ вольнымъ сталъ; и вольная рука
Виситъ, попрежнему, какой-то плеткой хилой.
Все, все попрежнему... И только лишь въ одномъ
Европу, Азію, весь свѣтъ мы перегнали...
Нѣтъ! никогда еще такимъ ужаснымъ сномъ
Мои любезные соотчичи не спали!

Все спитъ кругомъ: вездѣ, въ деревняхъ, въ городахъ,
Въ телѣгахъ, на саняхъ, днемъ, ночью, сидя, стоя...
Купецъ, чиновникъ спитъ; спитъ сторожъ на часахъ,
Подъ снѣжнымъ холодомъ—и на припекѣ зноя!
И подсудимый спитъ—и дрыхнетъ судія;
Мертво спятъ мужики: жнутъ, пашутъ—спятъ; молотятъ—
Спятъ тоже: спитъ отецъ, спитъ мать, спитъ вся семья...
Всѣ спятъ! Спитъ тотъ, кто бьетъ, и тотъ, кого колотятъ!
Одинъ царевъ кабакъ—тотъ не смыкаетъ глазъ;
И штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая,
Лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ,
Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна, Русь святая!

„Пожалуйста, извини меня; я не хотѣлъ послать тебѣ такое грустное письмо, не насмѣшивъ тебя хоть подъ конецъ (ты навѣрное замѣтишь нѣсколько натянутыхъ риѳмъ: „молотятъ—колотятъ...“ да мало ли чего!)—Когда я напишу тебѣ слѣдующее письмо? И напишу ли? Что̀ бы со мною ни было, я увѣренъ, ты не забудешь—

„Твоего вѣрнаго друга—
А. Н.

„P. S.—Да, нашъ народъ спитъ... Но, мнѣ сдается, если что̀ его разбудитъ—это будетъ не то, что *мы* думаемъ...“

Дописавъ послѣднюю строку, Неждановъ бросилъ перо—и, сказавъ самому себѣ: „Ну—теперь постарайся заснуть и забыть всю эту чушь, стихотворъ!“—легъ на постель... но сонъ долго бѣжалъ его глазъ.

На другое утро Маріанна разбудила его, проходя черезъ его комнату къ Татьянѣ; но онъ только-что успѣлъ одѣться, какъ она уже вернулась снова. Ея лицо выражало радость и тревогу: она казалась взволнованной.

— Знаешь что̀, Алёша: говорятъ, въ Т...мъ уѣздѣ—близко отсюда—уже началось!

— Какъ? Что̀ началось? Кто это говоритъ?

— Павелъ.—Говорятъ, крестьяне поднимаются—не хотятъ платить податей, собираются толпами.

— Ты сама это слышала?

— Мнѣ Татьяна сказывала.—Да вотъ и самъ Павелъ. Спроси у него.

Павелъ вошелъ и подтвердилъ сказанное Маріанной.

— Въ Т...мъ уѣздѣ безпокойно—это вѣрно!—промолвилъ онъ, потряхивая бородкой и прищуривая свои блестящіе черные глаза.—Сергѣя Михайловича, должно полагать, работа. Вотъ уже пятый день, какъ ихъ нѣту дома.

Неждановъ взялся за шапку.

— Куда ты?—спросила Маріанна.

— Да... туда,—отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ и сдвинувъ брови.—Въ Т...ій уѣздъ.

— Такъ и *я* съ тобой. Вѣдь ты меня возьмешь? Дай мнѣ только большой платокъ надѣть.

— Это не женское дѣло,—сумрачно промолвилъ Неждановъ, попрежнему глядя внизъ, точно озлобленный.

— Нѣтъ... нѣтъ!.. Ты хорошо дѣлаешь, что идешь:—а то Маркеловъ счелъ бы тебя за труса... И я иду съ тобой.

— Я не трусъ,—такъ же сумрачно промолвилъ Неждановъ.

— Я хотѣла сказать, что онъ насъ обоихъ за трусовъ бы принялъ. Я иду съ тобой.

Маріанна отправилась за платкомъ въ свою комнату—

а Павелъ произнесъ исподтишка и какъ бы втягивая въ себя воздухъ: „Эге-ге!“ и немедленно исчезъ.—Онъ побѣжалъ предупредить Соломина.

Маріанна еще не появилась, какъ уже Соломинъ вошелъ въ комнату Нежданова.—Онъ стоялъ лицомъ къ окну, опершись лбомъ о руку, а рукой о стекло. Соломинъ тронулъ его за плечо. Онъ быстро обернулся.—Взъерошенный, немытый, Неждановъ имѣлъ видъ дикій и странный. Впрочемъ, и Соломинъ измѣнился въ послѣднее время. Онъ пожелтѣлъ, лицо его вытянулось, верхніе зубы обнажились слегка... Онъ тоже казался встревоженнымъ, насколько могла тревожиться его „уравновѣшенная“ душа.

— Маркеловъ-таки не выдержалъ,—началъ онъ.—Это можетъ кончиться худо; для него—во-первыхъ... ну, и для другихъ.

— Я хочу пойти посмотрѣть, что̀ тамъ такое...—промолвилъ Неждановъ.

— И я,—прибавила Маріанна, показавшись на порогѣ двери.

Соломинъ медленно обратился къ ней.

— Я бы вамъ не совѣтовалъ, Маріанна.—Вы можете выдать себя—и насъ; невольно и безо всякой нужды.—Пускай Неждановъ идетъ да понюхаетъ немножко воздухъ, коли онъ хочетъ... и то немножко!—а вы-то зачѣмъ?

— Я не хочу отстать отъ него.

— Вы его свяжете.

Маріанна глянула на Нежданова. Онъ стоялъ неподвижно, съ неподвижнымъ, угрюмымъ лицомъ.

— Но если будетъ опасность?—спросила она.

Соломинъ улыбнулся.

— Не бойтесь... когда будетъ опасность—я васъ пущу.

Маріанна молча сняла платокъ съ головы—и сѣла.

Тогда Соломинъ обратился къ Нежданову.

— А ты, братъ, въ самомъ дѣлѣ, посмотри-ка немножко. Можетъ-быть, все это преувеличено.—Только, пожалуйста, осторожнѣе.—Впрочемъ, тебя подвезутъ. И вернись поскорѣе. Ты обѣщаешь? Неждановъ? обѣщаешь?

— Да.

— Да,—навѣрное?

— Коли тебѣ здѣсь всѣ покоряются, начиная съ Маріанны.

Неждановъ вышелъ въ коридоръ—не простившись. Павелъ вынырнулъ изъ темноты и побѣжалъ впередъ по лѣстницѣ, стуча коваными подковами сапоговъ.—*Онъ* долженъ былъ подвезти Нежданова.

Соломинъ подсѣлъ къ Маріаннѣ.

— Вы слышали послѣднія слова Нежданова?

— Да; онъ досадуетъ, что я слушаюсь васъ больше, чѣмъ его. И вѣдь это правда.—Я люблю *его*, а слушаюсь *васъ*. Онъ мнѣ дороже... а вы мнѣ ближе.

Соломинъ осторожно поласкалъ своей рукой ея руку.

— Эта исторія... очень непріятная,—промолвилъ онъ наконецъ.—Если Маркеловъ въ ней замѣшанъ—онъ погибъ.

Маріанна вздрогнула.

— Погибъ?

— Да.—Онъ ничего не дѣлаетъ вполовину—и не прячется за другихъ.

— Погибъ!—шепнула Маріанна снова—и слезы побѣжали по ея лицу.—Ахъ, Василій Ѳедотычъ! мнѣ очень жаль его. Но почему же онъ не можетъ восторжествовать? Почему онъ долженъ непремѣнно погибнуть?

— Потому, Маріанна, что въ подобныхъ предпріятіяхъ первые всегда погибаютъ, даже если они удаются... А въ этомъ дѣлѣ, что̀ *онъ* затѣялъ, не только первые и вторые погибнутъ—но и десятые... и двадцатые...

— Такъ мы и не дождемся?

— Того, что̀ вы думаете?—Никогда. Глазами мы этого не увидимъ; вотъ этими, живыми глазами.—Ну—духовными... это другое дѣло. Любуйся хоть теперь, сейчасъ.—Тутъ контроля нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же вы, Соломинъ...

— Что?

— Зачѣмъ вы идете по этой дорогѣ?

— Потому, что нѣтъ другой.—То-есть, собственно цѣль у насъ съ Маркеловымъ одна;—дорога другая.

— Бѣдный Сергѣй Михайловичъ! — уныло промолвила Маріанна. Соломинъ опять осторожно поласкалъ ее.

— Ну—полноте; еще нѣтъ ничего вѣрнаго. Посмотримъ, какія извѣстія привезетъ Павелъ.—Въ нашемъ... званіи надо быть твердымъ. Англичане говорятъ: „Never say die“.—Хорошая поговорка. Лучше русской: „Пришла бѣда, растворяй ворота!“—Заранѣе горевать нечего.

Соломинъ поднялся со стула.

— А мѣсто, которое вы хотѣли мнѣ достать?—спросила вдругъ Маріанна.—Слезы блестѣли еще у ней на щекахъ—но въ глазахъ уже не было печали.

Соломинъ сѣлъ опять.

— Развѣ вамъ такъ хочется поскорѣй уѣхать отсюда?

— О, нѣтъ! но я желала бы быть полезной.

— Маріанна, вы очень полезны и здѣсь. Не покидайте насъ, подождите.—Чего вамъ? — спросилъ Соломинъ вошедшую Татьяну.—(Онъ говорилъ: „ты“ одному Павлу—и то потому, что тотъ былъ бы слишкомъ несчастливъ, если-бъ Соломинъ вздумалъ говорить ему „вы“).

— Да тутъ какой-то женскій полъ спрашиваетъ Алексѣя Дмитрича, — отвѣчала Татьяна, посмѣиваясь и разводя руками: — я-было сказала, что̀ его нѣтъ у насъ, совсѣмъ нѣту.—Мы, молъ, и не знаемъ, что̀ за человѣкъ такой?—Но тутъ онъ...

— Да кто—онъ?

— Да самый этотъ женскій полъ.—Взялъ да написалъ свое имя на этой вотъ бумагѣ—и говоритъ, чтобы я показала—и что его пустятъ; и что если точно Алексѣя Дмитрича дома нѣтъ, такъ онъ и подождать можетъ.

На бумагѣ стояло крупными буквами: Машурина.

— Впустите,—сказалъ Соломинъ.—Васъ, Маріанна, не стѣснитъ, если она сюда войдетъ?—Она тоже—изъ нашихъ.

— Нисколько, помилуйте.

Черезъ нѣсколько мгновеній на порогѣ показалась Машурина—въ томъ же самомъ платьѣ, въ какомъ мы ее видѣли въ началѣ первой главы.

XXXI.

— Нежданова нѣтъ дома?—спросила она; потомъ, увидѣвъ Соломина, подошла къ нему и подала ему руку.— Здравствуйте, Соломинъ!—На Маріанну она только кинула косвенный взглядъ.

— Онъ скоро вернется,—отвѣчалъ Соломинъ.—Но позвольте спросить, отъ кого вы узнали...

— Отъ Маркелова. — Впрочемъ, оно и въ городѣ... двумъ-тремъ лицамъ уже извѣстно.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Кто-нибудь проболталъ. — Да и Нежданова, говорятъ, самого узнали.

— Вотъ-те и переодѣванія! — проворчалъ Соломинъ.— Позвольте васъ познакомить, — прибавилъ онъ громко.— Г-жа Синецкая, г-жа Машурина!—Присядьте.

Машурина слегка кивнула головою и сѣла.

— У меня къ Нежданову есть письмо; а къ вамъ, Соломинъ, словесный запросъ.

— Какой? И отъ кого?

— Отъ извѣстнаго вамъ лица... Что̀, у васъ... все готово?

— Ничего у меня не готово.

Машурина раскрыла, насколько могла, свои крохотные глазки.

— Ничего?

— Ничего.

— Такъ-таки рѣшительно ничего?

— Рѣшительно ничего.

— Такъ и сказать?

— Такъ и скажите.

Машурина подумала и вынула папироску изъ кармана.

— Огня—можно?

— Вотъ вамъ спичка.

Машурина закурила свою папироску.

— „Они“ другого ждали, — начала она. — Да и кругомъ—не такъ, какъ у васъ. Впрочемъ, это ваше дѣло. А я къ вамъ не надолго. Только вотъ съ Неждановымъ повидаться, да письмо передать.

— Куда же вы ѣдете?

— А далеко отсюда. (Она отправлялась собственно въ Женеву, но не хотѣла сказать это Соломину. Она его находила несовсѣмъ надежнымъ, да и „чужая“ сидѣла тутъ. Машурину, которая едва знала по-нѣмецки, посылали въ Женеву для того, чтобы вручить тамъ неизвѣстному ей лицу половину куска картона съ нарисованной виноградной вѣткой и 279 руб. сер.).

— А Остродумовъ гдѣ? Съ вами?

— Нѣтъ. Онъ тутъ близко... застрялъ. Да этотъ отзовется. Пименъ—не пропадетъ. Безпокоиться нечего.

— Вы какъ сюда пріѣхали?

— На телѣгѣ... А то какъ? Дайте-ка еще спичку...

Соломинъ подалъ ей зажженную спичку...

— Василій Ѳедотычъ! — прошепталъ вдругъ чей-то голосъ изъ-за двери.—Пожалуйте!

— Кто тамъ? Чего нужно?

— Пожалуйте, — повторилъ голосъ внушительно и настойчиво. — Тутъ пришли чужіе работники, что-й-то толкуютъ, а Павла Егорыча нѣту.

Соломинъ извинился, всталъ и вышелъ.

Машурина принялась глядѣть на Маріанну и глядѣла долго, такъ что той неловко стало.

— Простите меня, — промолвила она вдругъ своимъ грубымъ, отрывистымъ голосомъ: — я простая, не умѣю... этакъ. — Не сердитесь; коли хотите — не отвѣчайте. *Вы* та дѣвица, что̀ ушла отъ Сипягиныхъ?

Маріанна нѣсколько изумилась, однако промолвила:

— Я.

— Съ Неждановымъ?

— Ну, да.

— Позвольте... дайте мнѣ руку. Простите меня пожалуйста. Вы, стало-быть, хорошая, коли онъ полюбилъ васъ.

Маріанна пожала руку Машуриной.

— А вы коротко знаете Нежданова?

— Я его знаю. Я въ Петербургѣ его видала. Оттого-то я и говорю. Сергѣй Михайлычъ тоже мнѣ сказывалъ...

— Ахъ, Маркеловъ? Вы его недавно видѣли?

— Недавно. Теперь онъ ушелъ.

— Куда?

— Куда приказано.

Маріанна вздохнула.

— Ахъ, г-жа Машурина, я боюсь за него.

— Во-первыхъ, что̀ я за госпожа? Эти манеры бросить надо. А во-вторыхъ... вы говорите: „я боюсь". И это тоже не годится. За себя не будешь бояться — и за другихъ перестанешь. Ни думать о себѣ, ни бояться за себя—не надо вовсе. Вотъ что̀ развѣ... вотъ что̀ мнѣ приходитъ въ голову: мнѣ, Ѳеклѣ Машуриной, легко этакъ говорить. Я дурна собою. А вѣдь вы... вы красавица. Стало-быть, это вамъ все труднѣе. (Маріанна потупилась и отвернулась.) Мнѣ Сергѣй Михайлычъ говорилъ... Онъ зналъ, что у меня есть письмо къ Нежданову... „Не ходи ты на фабрику,—говорилъ онъ мнѣ,—не носи письма: оно тамъ все взбудоражитъ. Оставь! Они тамъ оба счастливы... Такъ пусть ихъ! Не мѣшай!" Я бы рада не мѣшать... да какъ быть съ письмомъ!

— Надо отдать его непремѣнно,—подхватила Маріанна.—Но только, какой же онъ добрый, Сергѣй Михайловичъ! Неужели онъ погибнетъ, Машурина... или въ Сибирь пойдетъ?

— Что жъ? Изъ Сибири-то развѣ не уходятъ? А жизнь потерять?! Кому она сладка, кому горька.—Его-то жизнь—тоже не рафинадъ.

Машурина снова взглянула на Маріанну пристально и пытливо.

— А точно, красавица вы,—воскликнула она наконецъ:—настоящая птичка! Я ужъ думаю: Алексѣй не идетъ.. Не отдать ли вамъ письмо? Чего ждать?

— Я ему передамъ, будьте увѣрены.

Машурина подперла щеку одной рукой и долго-долго молчала.

— Скажите,—начала она...—извините меня... вы очень его любите?

— Да.

Машурина встряхнула своей тяжелой головой.

— Ну, а о томъ, и спрашивать нечего—любитъ ли онъ васъ? Я, однако, уѣду, а то запоздаю пожалуй. Вы ему скажите, что я была здѣсь... кланялась ему. Скажите: была Машурина. Вы моего имени не забудете? Нѣтъ? Машурина. А письмо... Постой, куда же это я его сунула?..

Машурина встала, отвернулась, дѣлая видъ, что шаритъ у себя въ карманахъ, а между тѣмъ быстро поднесла ко рту маленькую свернутую бумажку и проглотила ее.— Ай, батюшки! Вотъ глупость-то! Неужто жъ я его обронила? Обронила и есть. Ай, бѣда! Не нашелъ бы кто... Нѣту; нигдѣ нѣту. Вотъ и вышло такъ, какъ желалъ Сергѣй Михайлычъ!

— Поищите еще,—шепнула Маріанна.

Машурина махнула рукой.

— Нѣтъ! Что̀ искать! Потеряла!

Маріанна пододвинулась къ ней.

— Ну, такъ поцѣлуйте меня!

Машурина вдругъ обняла Маріанну и съ неженской силой прижала ее къ своей груди.

— Ни для кого бы я этого не сдѣлала,—проговорила она глухо:—противъ совѣсти... въ первый разъ! Скажите ему, чтобы онъ былъ осторожнѣе... И вы тоже. Смотрите! Здѣсь скоро всѣмъ худо будетъ, очень худо. Уходите-ка оба, пока...—Прощайте!—прибавила она громко и рѣзко.— Да вотъ еще что... скажите ему... Нѣтъ, ничего не надо. Ничего.

Машурина ушла, стукнувъ дверью, а Маріанна осталась въ раздумьѣ посреди комнаты.

— Что это такое? — промолвила она наконецъ: — вѣдь эта женщина больше его любитъ, чѣмъ я его люблю! И что̀ значатъ ея намёки? И отчего Соломинъ вдругъ ушелъ и не возвращается?

Она начала ходить взадъ и впередъ. — Странное чувство—смѣсь испуга и досады, и изумленія—овладѣло ею.— Зачѣмъ она не пошла съ Неждановымъ? — Соломинъ ее отговорилъ... но гдѣ же онъ самъ? И что̀ такое происходитъ кругомъ?—Машурина, конечно, изъ участія къ Нежданову, не передала ей того опаснаго письма... Но какъ

могла она рѣшиться на такое непослушаніе? — Хотѣла показать свое великодушіе? Съ какого права? И почему *она*, Маріанна, была такъ тронута этимъ поступкомъ? Да и была ли она тронута? — Некрасивая женщина интересуется молодымъ человѣкомъ... Въ сущности—что̀ же въ этомъ необыкновеннаго? И почему Машурина предполагаетъ, что привязанность Маріанны къ Нежданову сильнѣе чувства долга? Можетъ-быть, Маріанна вовсе не требовала этой жертвы? И что̀ могло заключаться въ томъ письмѣ? — Призывъ къ немедленной дѣятельности? Такъ что жъ!!

А Маркеловъ? — Онъ въ опасности... а мы-то что дѣлаемъ? — Маркеловъ щадитъ насъ обоихъ, даетъ намъ возможность быть счастливыми, не разлучаетъ насъ... что̀ это? Тоже великодушіе... или презрѣніе?

И развѣ мы для этого бѣжали изъ того ненавистнаго дома, чтобы оставаться вмѣстѣ и ворковать голубками?

Такъ размышляла Маріанна... И все сильнѣе и сильнѣе разыгрывалась въ ней та взволнованная досада. Къ тому же ея самолюбіе было задѣто. Почему всѣ ее оставили—*всѣ?*—Эта „толстая“ женщина назвала ее птичкой, красоткой... почему не прямо куколкой? И отчего это Неждановъ отправился не одинъ, а съ Павломъ? Точно ему нуженъ опекунъ! Да и какіе собственно убѣжденія Соломина? Онъ вовсе не революціонеръ! И неужели же кто-нибудь можетъ думать, что она относится ко всему этому не серьёзно?

Вотъ какія мысли кружились, перегоняя одна другую и путаясь, въ разгоряченной головѣ Маріанны. Стиснувъ губы и скрестивъ по-мужски руки,—сѣла она, наконецъ, возлѣ окна и осталась опять неподвижной, не прислоняясь къ спинкѣ стула, — вся настороженная, напряженная, готовая тотчасъ вскочить. Къ Татьянѣ идти, работать—она не хотѣла; она хотѣла одного: ждать!—И она ждала, упорно, почти злобно. — Отъ времени до времени ей самой казалось страннымъ и непонятнымъ ея собственное настроеніе... Но все равно! Разъ ей даже пришло въ голову: ужъ не отъ ревности ли это все въ ней? Но

вспомнивъ фигуру бѣдной Машуриной, она только пожала плечомъ и махнула рукой... не въ дѣйствительности,—а соотвѣтственнымъ этому жесту внутреннимъ движеніемъ.

Маріаннѣ долго пришлось ждать; наконецъ, она услышала стукъ отъ двухъ людей, взбиравшихся по лѣстницѣ. Она устремила глаза на дверь... шаги приближались.— Дверь отворилась — и Неждановъ, поддерживаемый подъ руку Павломъ, появился на порогѣ. Онъ былъ смертельно блѣденъ, безъ картуза; растрепанные волосы падали мокрыми клочьями на лобъ; глаза глядѣли прямо, ничего не видя.— Павелъ перевелъ его черезъ комнату (ноги Нежданова двигались невѣрно и слабо) и посадилъ его на диванъ.

Маріанна вскочила съ мѣста.

— Что̀ это значитъ? Что̀ съ нимъ? Онъ боленъ?

Но усаживавшій Нежданова Павелъ отвѣчалъ ей съ улыбкой, въ полуоборотъ черезъ плечо:

— Не извольте безпокоиться: это сейчасъ пройдетъ... Это только съ непривычки.

— Да что̀ такое?—настойчиво переспросила Маріанна.

— Охмелѣли маленько. — Выпили натощакъ; ну, оно и того!

Маріанна нагнулась къ Нежданову. Онъ полулежалъ поперекъ дивана; голова его спустилась на грудь, глаза застилались... Отъ него пахло водкой: онъ былъ пьянъ.

— Алексѣй!—сорвалось у ней съ языка.

Онъ съ усиліемъ приподнялъ отяжелѣвшія вѣки и попытался усмѣхнуться.

— А! Маріанна!—пролепеталъ онъ;—ты все говорила: о... опрос... опростѣлые;—вотъ, теперь я настоящій опростѣлый.—Потому весь народъ нашъ всегда пьянъ... значитъ...

Онъ умолкъ;—потомъ пробурчалъ что-то невнятное, закрылъ глаза—и заснулъ.—Павелъ заботливо уложилъ его на диванъ.

— Вы не безпокойтесь, Маріанна Викентьевна, — повторилъ онъ: — часика два соснетъ — и встанетъ, какъ встрепанный.

Маріанна намѣревалась-было спросить, какъ это случилось, но ея разспросы удержали бы Павла; а ей хотѣ-

лось быть одной... то-есть, ей не хотѣлось, чтобы Павелъ дольше видѣлъ его въ такомъ безобразіи передъ нею. Она отошла къ окну—а Павелъ, который тотчасъ все постигъ, бережно закрылъ ноги Нежданова полами его кафтана, подложилъ ему подъ голову подушечку, еще разъ промолвилъ: ничего!—и вышелъ на цыпочкахъ.

Маріанна оглянулась.—Голова Нежданова тяжело ушла въ подушку; на блѣдномъ лицѣ замѣчалось недвижимое напряженіе, какъ у трудно больного.

„Какъ же это случилось?"—думала она.

XXXII.

А случилось это дѣло вотъ ка̀къ.

Садясь въ телѣгу къ Павлу, Неждановъ вдругъ пришелъ въ весьма возбужденное состояніе; а какъ только они выѣхали съ фабричнаго двора и покатили по дорогѣ въ направленіи къ Т....у уѣзду, — онъ началъ окликать, останавливать проходившихъ мужиковъ, держать имъ краткія, но несообразныя рѣчи.—„Что̀, молъ, вы спите? Подпимайтесь! Пора! — Долой налоги! Долой землевладѣльцевъ!"— Иные мужики глядѣли на него съ изумленіемъ; другіе шли дальше, мимо, не обращая вниманія на его возгласы; — они принимали его за пьянаго; одинъ—такъ даже, придя домой, разсказывалъ, что ему навстрѣчу французъ попался, который кричалъ—„непонятно таково̀, картаво".— У Нежданова было довольно ума, чтобы понять, какъ несказанно-глупо и даже безсмысленно было то, что онъ дѣлалъ; но онъ постепенно до того „взвинтилъ" себя, что уже пересталъ понимать, что̀ умно и что̀ глупо. Павелъ старался успокоить его, говорилъ, что этакъ, помилуйте, нельзя; что вотъ скоро будетъ большое село, первое на границѣ Т...го уѣзда — „Бабьи-Ключи"; что тамъ можно будетъ поразвѣдать... Но Неждановъ не унимался... и въ то же время лицо у него было какъ-то печальное, почти отчаянное. — Лошадка у нихъ была пребойкая, кругленькая, съ остриженной гривой на зарѣзистой шеѣ; она очень хлопотливо перебирала своими крѣпкими ножками—и все просила поводьевъ, точно на дѣло спѣшила

и нужныхъ людей везла.—Не доѣзжая „Бабьихъ-Ключей“, Нежданов замѣтилъ — въ сторонѣ отъ дороги, передъ раскрытымъ хлѣбнымъ амбаромъ—человѣкъ восемь мужиковъ; онъ тотчасъ соскочилъ съ телѣги, подбѣжалъ къ нимъ и минутъ съ пять говорилъ поспѣшно, съ внезапными криками, на-отмашь, двигая руками. — Слова: „За свободу! Впередъ! Двинемся грудью!“ вырывались хрипло и звонко изъ множества другихъ, менѣе понятныхъ словъ. Мужики, которые собрались передъ амбаромъ, чтобы потолковать о томъ, какъ бы его опять насыпать—хоть для примѣра — (онъ былъ мірской, слѣдовательно пустой) — уставились на Нежданова и, казалось, съ большимъ вниманіемъ слушали его рѣчь; — но едва ли что-нибудь въ толкъ взяли—потому что когда онъ, наконецъ, бросился отъ нихъ прочь, крикнувъ послѣдній разъ: „Свобода!“— одинъ изъ нихъ, самый прозорливый, глубокомысленно покачавъ головою, промолвилъ: „Какой строгій!“—а другой замѣтилъ: „Знать, начальникъ какой!“—на что прозорливецъ возразилъ: „Извѣстное дѣло — даромъ глотку драть не станетъ“. — „Заплачутъ теперича наши денежки!“—Самъ Нежданов, взлѣзая на телѣгу и садясь возлѣ Павла, подумалъ про себя: „Господи! какая чепуха!—Но вѣдь никто изъ насъ не знаетъ, какъ именно слѣдуетъ бунтовать народъ—можетъ-быть, оно и такъ?—Разбирать тутъ некогда! Валяй! На душѣ скребетъ? Пускай!“

Въѣхали они на улицу. По самой серединѣ ея, передъ кабакомъ, толпилось довольно много народу. Павелъ хотѣлъ-было удержать Нежданова; но ужъ онъ кувыркомъ слетѣлъ съ телѣги—да съ воплемъ: „братцы!“ въ толпу...— Она разступилась немного; и Нежданов пустился опять проповѣдывать, не глядя ни на кого—и какъ бы сердясь и плача.—Но результатъ тутъ вышелъ другой, чѣмъ передъ амбаромъ. — Какой-то громадный парень, съ безбородымъ, но свирѣпымъ лицомъ, въ короткомъ, засаленномъ полушубкѣ, высокихъ сапогахъ и бараньей шапкѣ, подошелъ къ Нежданову—и, съ размаху треснувъ его по плечу: — „Ладно! Молодца!“ — гаркнулъ онъ зычнымъ голосомъ:—„только стой! аль не знаешь, сухая ложка ротъ

деретъ? Подь сюда! Тутъ разговаривать много ловчѣй“.— Онъ потащилъ Нежданова въ кабакъ; — остальная толпа повалила за ними гурьбой. — „Михеичъ, — крикнулъ парень: — ну-тка — десятикопеечную! Мою любимую стопку! Пріятеля угощаю! Кто онъ такой, чьего роду и племени— бѣсъ его вѣдаетъ — да бояръ честитъ лихо.“ — „Пей“ — обратился онъ къ Нежданову, подавая ему тяжелый, полный, мокрый снаружи, словно потный, стаканъ; — „пей,— коли ты точно о нашемъ братѣ печалуешься!“ — „Пей!“ — зашумѣли голоса. Неждановъ схватилъ стопку (онъ былъ какъ въ чаду) — закричалъ: „за васъ, ребята!“ и выпилъ ее разомъ.—Ухъ! —Онъ выпилъ ее съ той же отчаянной отвагой, съ какой онъ бросился бы на штурмъ батареи или на строй штыковъ... Но что̀ съ нимъ сдѣлалось! — Что-то ударило вдоль спины да по ногамъ, обожгло ему горло, грудь, желудокъ, выдавило слезы на глаза... Судорога отвращенія пробѣжала по всему его тѣлу,—и онъ едва сладилъ съ нею... Онъ закричалъ во всю голову, чтобы только чѣмъ-нибудь утишить ее.—Въ темной комнатѣ кабака стало вдругъ жарко, и липко, и душно; что̀ народу набралось!—Неждановъ началъ говорить, говорить долго, кричать съ ожесточеньемъ, съ яростью, хлопать по какимъ-то широкимъ деревяннымъ ладонямъ, цѣловать какія-то осклизлыя бороды... Громадный парень въ полушубкѣ тоже цѣловался съ нимъ—чуть ребра ему не продавилъ.—Но этотъ оказался какимъ-то извергомъ.—„Перерву глотку!“—рычалъ онъ: — „перерву глотку всякому, кто нашего брата забижаетъ! — А не то̀ — мякну его по макушкѣ... Онъ у меня запищитъ! Вѣдь мнѣ что̀: я мясникомъ былъ;—дѣла-то эти знаю хорошо!“—И при томъ онъ показывалъ свой громадный, покрытый веснушками кулакъ... И вотъ — Господи! — опять кто-то заревѣлъ: „Пей!“—и Неждановъ опять выпилъ этотъ гадкій ядъ.— Но этотъ второй разъ былъ ужасенъ! Его точно рвануло по внутренностямъ тупыми крючьями.—Голова поплыла— пошли зеленые круги.—Гамъ поднялся, звонъ... О, ужасъ!.. Третья стопка... Неужто онъ и ее проглотилъ? Багровые носы полѣзли къ нему, пыльные волосы, загорѣлыя шеи,

затылки, изсѣченные сѣтками морщинъ. — Жёсткія руки хватали его. — „Усердствуй!“ орали неистовые голоса. — „Бесѣдуй! Позавчера такой же чужакъ расписывалъ важно.—Валяй, такой-сякой!“... Земля заколыхалась подъ ногами Нежданова. — Собственный голосъ казался ему чужимъ, какъ бы извнѣ приходящимъ... Смерть это, что ли?

И вдругъ... впечатлѣніе свѣжаго воздуха на лицѣ — и нѣтъ уже ни толкотни, ни красныхъ рожъ, ни смрада отъ вина, отъ овчинъ, отъ дегтя, отъ кожи... И онъ опять уже сидитъ на телѣгѣ съ Павломъ, сперва порывается и кричитъ: „Куда? Стой! Я еще ничего не успѣлъ сказать имъ — надо растолковать“... а потомъ прибавляетъ: „Да ты самъ, чортъ, лукавый человѣкъ, какія твои мнѣнія?— А Павелъ ему отвѣчаетъ: „Хорошо бы, кабы не было господъ и земли всѣ были бы наши — чего бы лучше?— да приказа такого еще не вышло“;—а самъ тихонько заворачиваетъ лошадь назадъ—да вдругъ бьетъ ее вожжами по спинѣ — да прочь во всю прыть отъ того гвалта и гула... да на фабрику...

Дремлетъ Неждановъ — и покачивается онъ—а вѣтеръ ему пріятно дуетъ въ лицо — и не даетъ возникать дурнымъ мыслямъ...

Только досадно ему, что какъ же это ему не дали высказаться... И опять вѣтеръ ласкаетъ его воспаленное лицо.

А тамъ — мгновенное явленіе Маріанны — мгновенное, жгучее чувство позора—и сонъ, глубокій, мертвый сонъ...

Все это разсказывалъ Павелъ потомъ Соломину. Не скрылъ онъ также и того, что самъ не помѣшалъ Нежданову выпить... а то такъ-таки не вывелъ бы его изъ кружала.—Другіе бы его не пустили.

— „Ну, а какъ заслабѣлъ-то онъ очень, я и попросилъ съ поклонами: „Господа, молъ, честные, отпустите паренька; видите, младъ больно“... Ну, и отпустили; только полтинникъ магарыча, говорятъ, подавай!—Я такъ и далъ“.

— И хорошо сдѣлалъ,—похвалилъ его Соломинъ.

Неждановъ спалъ; а Маріанна сидѣла подъ окномъ и глядѣла въ палисадникъ. — И, странное дѣло! — Нехорошія, почти злыя чувства и мысли, волновавшія ее до

прибытія Нежданова съ Павломъ, — покинули ее разомъ; самъ Неждановъ нисколько не былъ ни противенъ ей, ни гадокъ: она жалѣла его. — Она знала очень хорошо, что онъ не развратникъ и не пьяница—и уже думала о томъ, что̀ сказать ему, когда онъ проснется: что-нибудь дружелюбное, чтобы онъ не слишкомъ совѣстился и огорчался. „Надо такъ сдѣлать, надо — чтобы онъ самъ разсказалъ, какъ эта бѣда стряслась надъ нимъ“.

Она не волновалась; но ей было грустно... безотрадно грустно. На нее, какъ будто, повѣяло настоящимъ запахомъ того міра, куда она стремилась... и содрогнулась она отъ этой грубости и темноты. — Какому Молоху собиралась она принести себя въ жертву?

Однако—нѣтъ! Быть не можетъ!—Это—такъ; это случайно, и сейчасъ пройдетъ. — Мгновенное впечатлѣніе, которое потому только ее поразило, что было слишкомъ неожиданно. — Она встала, подошла къ дивану, на которомъ лежалъ Неждановъ, утерла платкомъ его блѣдный, даже во снѣ мучительно стянутый лобъ, откинула назадъ его волосы...

Ей снова стало жалко его; такъ мать жалѣетъ своего больного ребенка.—Но глядѣть на него ей было немного жутко—и она тихонько ушла въ свою комнату, оставивъ дверь незапертою.

Никакой работы не взяла она въ руки;—и сѣла опять—и опять нашли на нее думы. — Она чувствовала, какъ время таяло, какъ минута исчезала за минутой, и ей было даже пріятно это чувствовать — и сердце у ней билось—и она опять принялась ждать чего-то.

Куда это Соломинъ дѣлся?

Дверь тихонько скрипнула—и Татьяна вошла въ комнату.

— Что̀ вамъ?—спросила Маріанна почти съ досадой.

— Маріанна Викентьевна,—начала Татьяна вполголоса.—Вотъ что̀. Вы не огорчайтесь! потому, дѣло житейское;—и еще слава Богу...

— Я нисколько не огорчаюсь, Татьяна Осиповна,—перебила ее Маріанна.—Алексѣй Дмитричъ не совсѣмъ здоровъ, важность не велика!..

— Ну, и чудесно!—А то, я думаю: не идетъ моя Маріанна Викентьевна, думаю: что съ ней?—Но я все-таки не пошла бы къ вамъ, потому въ этомъ разѣ первое правило: не трожь, не ворошь!—Только тутъ явился къ намъ на фабрику какой-то — кто его знаетъ? Маленькій такой да хроменькій: выпь да положь ему Алексѣя Дмитрича!— И что за чудеса: сегодня утромъ эта женка его спрашивала... а теперь вотъ этотъ хромой. — А коли, говоритъ, Алексѣя Дмитрича нѣтъ,—подавай ему Василья Ѳедотыча!—Не пойду безъ того, говоритъ; потому, говоритъ, дѣло оченно важное. Мы его гнать, какъ ту женку.—Василія-то Ѳедотыча, точно нѣтъ... отлучился; — а тотъ-то-хромой: — не пойду, говоритъ, буду ждать хотя до ночи... Такъ по двору и ходитъ.—Вотъ, подите сюда, въ коридорчикъ; увидѣть его изъ окошка можете... не узнаете ли, что за кавалеръ такой?

Маріанна послѣдовала за Татьяной—ей пришлось пройти мимо Нежданова—и она опять замѣтила болѣзненно-нахмуренный лобъ, и опять провела по немъ платкомъ.— Сквозь пыльное стекло окошка она увидѣла посѣтителя, о которомъ говорила Татьяна. Онъ былъ ей незнакомъ.—Но въ ту же минуту изъ-за угла дома показался Соломинъ.

Маленькій хромой человѣчекъ быстро подошелъ къ нему, протянулъ ему руку.—Соломинъ взялъ ее. Онъ, очевидно, зналъ этого человѣка. Оба скрылись...

Но вотъ, уже слышатся ихъ шаги по лѣстницѣ... Они идутъ сюда...

Маріанна проворно вернулась въ свою комнату—и остановилась по серединѣ, съ трудомъ переводя дыханіе.— Ей было страшно... чего? Она сама не знала.

Голова Соломина показалась въ дверяхъ.

— Маріанна Викентьевна, позвольте войти къ вамъ. Я привелъ человѣка, котораго вамъ непремѣнно нужно видѣть.

Маріанна только кивнула головой въ отвѣтъ, и вслѣдъ за Соломинымъ явился—Паклинъ.

XXXIII.

— Я другъ вашего супруга,—промолвилъ онъ, низко склоняясь передъ Маріанной и какъ бы стараясь скрыть отъ нея свое перетревоженное, перепуганное лицо;—я также другъ Василія Ѳедотыча. Алексѣй Дмитричъ спитъ;—онъ, я слышу, нездоровъ; а я, къ сожалѣнью, привезъ дурныя вѣсти, которыя я уже успѣлъ частью сообщить Василію Ѳедотычу—и вслѣдствіе которыхъ нужно принять нѣкоторыя рѣшительныя мѣры.

Голосъ Паклина безпрестанно обрывался, какъ у человѣка, котораго сушитъ и мучитъ жажда.—Вѣсти, которыя онъ привезъ, были дѣйствительно очень дурны!—Маркелова схватили крестьяне и препроводили въ городъ. Дурковатый приказчикъ выдалъ Голушкина: его арестовали.—Онъ, въ свою очередь, все и всѣхъ выдаетъ, желаетъ перейти въ православіе, жертвуетъ въ гимназію портретъ митрополита Филарета и препроводилъ уже пять тысячъ рублей для раздачи „увѣчнымъ воинамъ".—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ выдалъ Нежданова; полиція можетъ ежеминутно нагрянуть на фабрику. Василію Ѳедотычу тоже грозитъ опасность.—Что касается до меня,—прибавилъ Паклинъ: — то я удивляюсь, какъ я еще расхаживаю на свободѣ; хотя, вѣдь, собственно политикой я никогда не занимался и ни въ какихъ планахъ не участвовалъ!—Я воспользовался забывчивостью или оплошностью полиціи, чтобы предувѣдомить васъ и сообразить, какія можно употребить средства... къ удаленію всякихъ непріятностей.

Маріанна выслушала Паклина до конца.—Она не испугалась — она даже осталась спокойною... Но вѣдь точно: надобно же было что-нибудь предпринять! — Первымъ ея движеніемъ было обратить глаза на Соломина.

Онъ тоже казался спокойнымъ; только вокругъ губъ чуть-чуть шевелились мускулы—и это была не его обычная улыбка.

Соломинъ понялъ значеніе Маріаннина взгляда: она ждала, что̀ онъ скажетъ, чтобы такъ поступить.

— Дѣло, дѣйствительно, довольно щекотливое,—началъ онъ:—Нежданову, я полагаю, не худо на время скрыться.—Кстати, какимъ манеромъ узнали вы, что онъ здѣсь, г. Паклинъ?

Паклинъ махнулъ рукою.

— Одинъ индивидуй сказалъ. Видѣлъ его, когда онъ расхаживалъ по окрестностямъ и проповѣдывалъ.—Ну, и выслѣдилъ его, хоть и не съ дурной цѣлью.—Онъ изъ сочувствующихъ.—Извините,—прибавилъ онъ, обратившись къ Маріаннѣ:—но, право же, другъ нашъ Неждановъ былъ очень... очень неостороженъ.

— Упрекать его теперь не къ чему,—заговорилъ опять Соломинъ.—Жаль, что съ нимъ посовѣтоваться нельзя; но до завтра болѣзнь его пройдетъ,—а полиція не такъ быстра, какъ вы предполагаете. Вѣдь и вамъ, Маріанна Викентьевна, придется съ нимъ удалиться.

— Непремѣнно,—глухо, но твердо отвѣчала Маріанна.

— Да!—сказалъ Соломинъ.—Надо будетъ подумать;—надо будетъ поискать: гдѣ и какъ?

— Позвольте изложить вамъ одну мысль,—началъ Паклинъ:—мысль эта пришла мнѣ въ голову, когда я сюда ѣхалъ. Спѣшу замѣтить, что извозчика изъ города я отпустилъ за версту отсюда.

— Какая эта мысль?—спросилъ Соломинъ.

— Вотъ что.—Дайте мнѣ сейчасъ лошадей... и я поскачу къ Сипягинымъ.

— Къ Сипягинымъ!—повторила Маріанна.—Зачѣмъ?

— А вотъ увидите.

— Да развѣ вы ихъ знаете?

— Ни малѣйше! Но послушайте.—Обсудите мою мысль хорошенько. Она мнѣ кажется просто геніальной.—Вѣдь Маркеловъ—зять Сипягина, братъ его жены. Не такъ ли? Неужели же этотъ баринъ ничего не сдѣлаетъ, чтобы спасти его? И къ тому же—самъ Неждановъ!—Положимъ, что г. Сипягинъ сердитъ на него... Но вѣдь, все же, Неждановъ сталъ его родственникомъ, женившись на васъ. И опасность, которая виситъ надъ головою нашего друга...

— Я не замужемъ,—замѣтила Маріанна.

Паклинъ даже вздрогнулъ.

— Какъ?! Не успѣли въ теченіе всего этого времени!— Ну, ничего,—прибавилъ онъ:—соврать можно. Все равно: вы теперь вступите же въ бракъ.—Право, другого ничего не придумаешь! — Обратите вниманіе на то, что до сихъ поръ Сипягинъ не рѣшился васъ преслѣдовать. Слѣдовательно, въ немъ есть нѣкоторое... великодушіе.—Я вижу, вамъ это выраженіе не нравится — скажемъ: нѣкоторая чванливость. Отчего же намъ ею не воспользоваться и въ данномъ случаѣ? Посудите!

Маріанна подняла голову и провела рукой по волосамъ.

— Вы можете пользоваться чѣмъ вамъ угодно для Маркелова, г. Паклинъ... или для васъ самихъ: но мы съ Алексѣемъ не желаемъ ни заступничества, ни покровительства г-на Сипягина. Мы покинули его домъ не для того, чтобы стучаться въ его дверь просителями. Ни до великодушія, ни до чванливости г-на Сипягина или его жены намъ нѣтъ никакого дѣла!

— Это—чувства весьма похвальныя,—отвѣчалъ Паклинъ (а самъ подумалъ: „вишь ты! какъ водой меня окатила!“)— хотя съ другой стороны, если сообразить... Впрочемъ, я готовъ повиноваться. Буду хлопотать о Маркеловѣ, объ одномъ нашемъ добромъ Маркеловѣ!—Замѣчу только, что онъ ему родственникъ не по крови—а по женѣ — между тѣмъ какъ вы...

— Г-нъ Паклинъ, прошу васъ!

— Слушаю... слушаю! — Только не могу не выразить своего сожалѣнія, потому что Сипягинъ человѣкъ очень сильный.

— А за себя вы не боитесь?—спросилъ Соломинъ.

Паклинъ выставилъ грудь.

— Въ подобныя минуты о себѣ не слѣдуетъ думать!— промолвилъ онъ гордо.—А между тѣмъ, онъ именно думалъ о себѣ.—Онъ хотѣлъ (бѣдненькій, слабенькій!) забѣжать, какъ говорится, зайцемъ. Въ силу оказанной услуги, Сипягинъ могъ, если бы предстала въ томъ нужда, замолвить о немъ слово.—Вѣдь и онъ,—какъ тамъ ни толкуй!—былъ замѣшанъ,—слышалъ... и даже самъ болталъ!

— Я нахожу, что ваша мысль—недурна,—промолвилъ наконецъ Соломинъ:—хоть собственно на успѣхъ надѣюсь мало. Во всякомъ случаѣ, попытаться можно. Испортить—вы ничего не испортите.

— Конечно, ничего. — Ну, — положимъ самое худшее: прогонятъ меня въ зàшеи... Чтó за бѣда!

— Бѣды въ томъ, точно, нѣтъ никакой... („Merci", подумалъ Паклинъ—а Соломинъ продолжалъ:)—Который-то часъ?—Пятый. Времени терять нечего. Лошади вамъ сейчасъ будутъ. Павелъ!

Но на мѣсто Павла, на порогѣ комнаты показался Нежданов. —Онъ пошатывался на ногахъ, придерживаясь одной рукой за притолку — и, безсильно раскрывъ губы, глядѣлъ помутившимся взоромъ. Онъ ничего не понималъ.

Паклинъ первый подошелъ къ нему.

— Алеша! — воскликнулъ онъ: — вѣдь ты меня признаешь? Нежданов посмотрѣлъ на него, медленно мигая:

— Паклинъ?—проговорилъ онъ, наконецъ.

— Да, да: это я. Ты нездоровъ?

— Да... Я нездоровъ. Но... зачѣмъ ты здѣсь?

— Зачѣмъ я...—Но въ эту минуту Маріанна тихонько тронула Паклина за локоть. Онъ оглянулся—и увидѣлъ, что она ему дѣлаетъ знаки... — Ахъ, да! — пробормоталъ онъ громко:—я пріѣхалъ сюда по одному важному дѣлу—и сейчасъ отправляюсь дальше... Тебѣ Соломинъ все разскажетъ — а также Маріанна... Маріанна Викентьевна.—Они оба вполнѣ одобряютъ мое намѣреніе.—Дѣло идетъ обо всѣхъ насъ:—то-есть нѣтъ, нѣтъ,—подхватилъ онъ въ отвѣтъ на взглядъ и движеніе Маріанны...— Дѣло идетъ о Маркеловѣ; о нашемъ общемъ пріятелѣ Маркеловѣ;—о немъ одномъ. Но теперь прощай! Минута каждая дорога,—прощай другъ... Мы еще увидимся. — Василій Ѳедотычъ, угодно вамъ пойти со мною распорядиться насчетъ лошадей?

— Извольте.—Маріанна, я хотѣлъ-было сказать вамъ: будьте тверды! Да это не нужно.—Вы—настоящая!

— О, да! О, да,—поддакнулъ Паклинъ.—Вы римлянка временъ Катона. Утическаго Катона! Однако, пойдемте, Василій Ѳедотычъ,—пойдемте!

— Успѣете,—съ лѣнивой усмѣшкой промолвилъ Соломинъ. Неждановъ посторонился немного, чтобы пропустить ихъ обоихъ... Но въ глазахъ его было все то же непониманіе. Потомъ онъ шагнулъ раза два — и тихо сѣлъ на стулъ, лицомъ къ Маріаннѣ.

— Алексѣй, — сказала она ему: — все открылось; Маркелова схватили крестьяне, которыхъ онъ пытался поднять; онъ сидитъ арестованнымъ въ городѣ, такъ же, какъ и тотъ купецъ, съ которымъ ты обѣдалъ; вѣроятно, и за нами скоро пріѣдетъ полиція.—А Паклинъ отправился къ Сипягину.

— Зачѣмъ?—прошепталъ едва слышно Неждановъ. Но глаза его просвѣтлѣли — лицо приняло обычное выраженіе. Хмель мгновенно соскочилъ съ него.

— А затѣмъ, чтобы попытаться, не заступится ли онъ.

Неждановъ выпрямился...—За насъ?

— Нѣтъ; за Маркелова. Онъ хотѣлъ-было просить и за насъ... да я не позволила.—Хорошо я сдѣлала, Алексѣй?

— Хорошо ли?—промолвилъ Неждановъ, и, не поднимаясь со стула, протянулъ къ ней руки. —Хорошо ли?— повторилъ онъ—и, приблизивъ ее къ себѣ и прижавшись лицомъ къ ея стану, внезапно залился слезами.

— Что́ съ тобой? Что̀ съ тобой?—воскликнула Маріанна.—Какъ тотъ разъ, когда онъ палъ передъ ней на колѣни, замирая и задыхаясь отъ внезапно нахлынувшей страсти, она и теперь положила обѣ свои руки на его трепетавшую голову. —Но что̀ *она* теперь чувствовала— было уже совсѣмъ не то, что тогда.—Тогда она отдавалась ему—она покорялась — и только ждала, что̀ онъ ей скажетъ. —Теперь она жалѣла его — и только думала о томъ, какъ бы его успокоить.

— Что съ тобой? — повторила она. — Зачѣмъ ты плачешь? Неужели оттого, что пришелъ домой въ немного... странномъ видѣ? Быть не можетъ!—Или тебѣ жаль Маркелова — и страшно за меня, за себя? Или нашихъ надеждъ тебѣ жаль? Не ожидалъ же ты, что все пойдетъ какъ по маслу.

Неждановъ вдругъ приподнялъ голову.

— Нѣтъ, Маріанна, — проговорилъ онъ, какъ бы оборвавъ свои рыданія:—не страшно мнѣ ни за тебя, ни за себя... А точно... мнѣ жаль...

— Кого?

— Тебя, Маріанна! Мнѣ жаль, что ты соединила свою судьбу съ человѣкомъ, который этого не стоитъ.

— Почему такъ?

— А хоть бы потому, что этотъ человѣкъ, въ такую минуту, можетъ плакать!

— Это не ты плачешь; плачутъ твои нервы!

— Мои нервы и я—все едино! — Ну, послушай, Маріанна, посмотри мнѣ въ глаза: неужели ты можешь мнѣ теперь сказать, что не раскаиваешься...

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что ты ушла со мною?

— Нѣтъ!

— И ты пойдешь со мною дальше? Всюду?

— Да!

— Да? Маріанна... Да?

— Да. Я дала тебѣ руку, и пока ты будешь тѣмъ, кого я полюбила—я ея не отниму.

Неждановъ продолжалъ сидѣть на стулѣ; Маріанна стояла передъ нимъ. Его руки лежали вокругъ ея стана; ея руки опирались объ его плечи.— „Да“, „нѣтъ“, — думалъ Неждановъ... „а между тѣмъ, бывало, прежде—когда мнѣ случалось держать ее въ своихъ объятіяхъ—вотъ такъ, какъ теперь—ея тѣло оставалось по крайней мѣрѣ неподвижнымъ, а теперь, я чувствую: оно тихо, и—быть-можетъ, противъ ея воли—бѣжитъ отъ меня прочь!“

Онъ разжалъ свои руки... И точно, Маріанна чуть замѣтно отодвинулась назадъ.

— Вотъ что! — промолвилъ онъ громко. — Вѣдь если мы должны бѣжать... прежде чѣмъ полиція насъ накрыла... я думаю, не худо бы намъ сперва обвѣнчаться. Въ другомъ мѣстѣ, пожалуй, такого податливаго попа Зосиму не найдешь!

— Я готова,—промолвила Маріанна.

Неждановъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Римлянка! — проговорилъ онъ съ нехорошей полуулыбкой.—Чувство долга!

Маріанна пожала плечомъ.

— Надо будетъ сказать Соломину.

— Да... Соломину...—протянулъ Неждановъ.—Но вѣдь и ему, чай, угрожаетъ опасность. Полиція и его возьметъ. — Мнѣ кажется, онъ участвовалъ и зналъ еще больше моего.

— Это мнѣ неизвѣстно,—отвѣчала Маріанна.—Онъ никогда не говоритъ о самомъ себѣ.

— „Не тò, что я!“ подумалъ Неждановъ.—„Вотъ чтò она хотѣла сказать“.—Соломинъ... Соломинъ!—прибавилъ онъ, послѣ долгаго молчанія.—Вотъ, Маріанна, я бы не жалѣлъ тебя, если бъ человѣкъ, съ которымъ ты связала навсегда свою жизнь,—былъ такой же, какъ Соломинъ... или былъ самъ Соломинъ.

Маріанна, въ свою очередь, внимательно посмотрѣла на Нежданова.

— Ты не имѣлъ права это сказать,—промолвила она, наконецъ.

— Не имѣлъ права!—Въ какомъ смыслѣ мнѣ понять эти слова? Въ томъ ли, что ты *меня* любишь—или въ томъ, что я не долженъ былъ вообще касаться этого вопроса?

— Ты не имѣлъ права,—повторила Маріанна.

Неждановъ понурилъ голову.

— Маріанна!—произнесъ онъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ.

— Чтò?

— Если бъ я теперь... если бъ я сдѣлалъ тебѣ тотъ вопросъ, ты знаешь?.. Нѣтъ, я ничего у тебя не спрошу... прощай.

Онъ всталъ и вышелъ; Маріанна его не удерживала. Неждановъ сѣлъ на диванъ и закрылъ лицо руками. Онъ пугался своихъ собственныхъ мыслей и старался не размышлять.—Онъ чувствовалъ одно: какая-то темная, подземная рука ухватилась за самый корень его существованія—и уже не выпуститъ его. Онъ зналъ, что тó хорошее, дорогое существо, которое осталось въ сосѣдней комнатѣ,

къ нему не выйдетъ;—а войти къ нему онъ не посмѣетъ. Да къ чему? Что̀ сказать?

Быстрые, твердые шаги заставили его раскрыть глаза.— Соломинъ переходилъ черезъ его комнату и, постучавшись въ дверь Маріанны, вошелъ къ ней.

— Честь и мѣсто!—шепнулъ горькимъ шопотомъ Нежданов.

XXXIV.

Было уже десять часовъ вечера, и въ гостиной села Аржаного—Сипягинъ, его жена и Калломѣйцевъ играли въ карты, когда вошедшій лакей доложилъ о пріѣздѣ какого-то незнакомца, г. Паклина, который желалъ видѣть Бориса Андреича по самонужнѣйшему и важнѣйшему дѣлу.

— Такъ поздно!—удивилась Валентина Михайловна.

— Какъ?—спросилъ Борисъ Андреичъ—и наморщилъ свой красивый носъ.—Какъ ты сказалъ фамилію этого господина?

— Они сказали: Паклинъ-съ.

— Паклинъ!—воскликнулъ Калломѣйцевъ. Прямо деревенское имя.—Паклинъ... Соломинъ... De vrais noms ruraux, hein?

— И ты говоришь,—продолжалъ Борисъ Андреичъ, обращаясь къ лакею все съ тѣмъ же наморщеннымъ носомъ:—что дѣло его важное, нужное?

— Они говорятъ-съ.

— Гмъ... Какой-нибудь нищій или интриганъ.—(„Или то и другое вмѣстѣ“, ввернулъ Калломѣйцевъ.)—Очень можетъ быть. Попроси его въ кабинетъ.—Борисъ Андреичъ всталъ.—Pardon, ma bonne.—Сыграйте, пока, въ экарте.— Или подождите меня... я скоро вернусь.

— Nous causerons... allez!—промолвилъ Калломѣйцевъ.

Когда Сипягинъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ и увидалъ мизерную, тщедушную фигурку Паклина, смиренно прижавшуюся въ простѣнокъ между каминомъ и дверью— имъ овладѣло то истинно-министерское чувство высокомѣрной жалости и гадливаго снисхожденія, которое столь свойственно петербургскому сановному люду.—„Господи!

Какая несчастная пиголица!“ подумалъ онъ; „да еще, кажется, хромаетъ!“

— Садитесь,—промолвилъ онъ громко, пуская въ ходъ свои благосклоннѣйшія баритонныя ноты, пріятно подергивая назадъ закинутой головкой—и садясь прежде гостя.—Вы, я полагаю, устали съ дороги; садитесь и объяснитесь: какое такое важное дѣло привело васъ ко мнѣ столь поздно?

— Я, ваше превосходительство, — началъ Паклинъ, осторожно опускаясь на кресло:—позволилъ себѣ явиться къ вамъ...

— Погодите, погодите,—перебилъ его Сипягинъ.—Я васъ вижу не въ первый разъ. Я никогда не забываю ни одного лица, съ которымъ мнѣ случилось встрѣтиться; я помню все. — А... а... а... собственно... гдѣ я васъ встрѣтилъ?

— Вы, ваше превосходительство, не ошибаетесь.—Я имѣлъ честь встрѣтиться съ вами въ Петербургѣ, у одного человѣка, который... который съ тѣхъ поръ... къ сожалѣнію... возбудилъ ваше негодованіе...

Сипягинъ быстро поднялся съ кресла.

— У г-на Нежданова! Я вспоминаю теперь.—Ужъ не отъ него ли вы пріѣхали?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство; напротивъ... я...

Сипягинъ снова сѣлъ.

— И хорошо сдѣлали. Потому что я, въ такомъ случаѣ, попросилъ бы васъ немедленно удалиться. — Никакого посредника между мною и г-мъ Неждановымъ я допустить не могу. Г-нъ Нежданов напесъ мнѣ одно изъ тѣхъ оскорбленій, которыя не забываются... Я выше мести;—но ни о немъ я не хочу ничего знать, ни о той дѣвицѣ—впрочемъ, болѣе развращенной умомъ, нежели сердцемъ (эту фразу Сипягинъ повторялъ чуть не въ тридцатый разъ послѣ бѣгства Маріанны)—которая рѣшилась покинуть кровъ дома, ее пріютившаго, чтобы сдѣлаться любовницей безроднаго проходимца!—Довольно съ нихъ того, что я ихъ забываю!

При этомъ послѣднемъ словѣ Сипягинъ двинулъ кистью руки прочь отъ себя, снизу вверхъ.

— Я забываю ихъ, милостивый государь!

— Ваше превосходительство, я уже доложилъ вамъ, что я явился сюда не отъ ихъ имени;—хотя, все-таки, могу, между прочимъ, сообщить вашему превосходительству, что они уже сочетались узами законнаго брака... („А, все равно!“ подумалъ Паклинъ: „я сказалъ, что совру... вотъ и совралъ. Куда ни шло!“)

Сипягинъ поёрзалъ затылкомъ по спинкѣ кресла, вправо и влѣво.

— Это меня нисколько не интересуетъ, милостивый государь.—Однимъ глупымъ бракомъ на свѣтѣ больше—вотъ и все.—Но какое же то самонужнѣйшее дѣло, которому я обязанъ удовольствіемъ вашего посѣщенія?

„А! проклятый директоръ департамента!“ снова подумалъ Паклинъ.—„Будетъ тебѣ ломаться, англійская морда!“

— Братъ вашей супруги, — промолвилъ онъ громко:— г-нъ Маркеловъ,—схваченъ мужиками, которыхъ вздумалъ возмущать—и сидитъ взаперти въ губернаторскомъ домѣ.

Сипягинъ вскочилъ во второй разъ.

— Что... что вы сказали?—залепеталъ онъ ужъ вовсе не министерскимъ баритономъ, — а такъ, какою-то гортанной дрянью.

— Я сказалъ, что вашъ зять схваченъ и сидитъ на цѣпи.—Я, какъ только узналъ объ этомъ, взялъ лошадей и пріѣхалъ васъ предувѣдомить. Я полагалъ, что могу оказать этимъ нѣкоторую услугу и вамъ, и тому несчастному, котораго вы можете спасти!

— Очень вамъ благодаренъ,—проговорилъ все тѣмъ же слабымъ голосомъ Сипягинъ—и съ размаху ударивъ ладонью по колокольчику въ видѣ гриба, наполнилъ весь домъ металлическимъ звономъ стального тембра.—Очень вамъ благодаренъ,—повторилъ онъ уже болѣе рѣзко:— но знайте: человѣкъ, рѣшившійся попрать всѣ законы, божескіе и человѣческіе, будь онъ сто разъ мнѣ родственникъ—въ моихъ глазахъ не есть несчастный; онъ— преступникъ!

Лакей вскочилъ въ кабинетъ.

— Изволите приказать?

— Карету! Сію минуту карету четверней! — Я ѣду въ городъ.—Филиппъ и Степанъ со мною!—Лакей выскочилъ.— Да, сударь, мой зять—есть преступникъ; и въ городъ ѣду я не затѣмъ, чтобы его спасать!—О, нѣтъ!

— Но, ваше превосходительство...

— Таковы мои правила, милостивый государь,—и прошу меня возраженіями не утруждать!

Сипягинъ принялся ходить взадъ и впередъ по кабинету,—а Паклинъ даже глаза вытаращилъ.—„Фу ты, чортъ!“ думалъ онъ:—„да вѣдь про тебя говорили, что ты либералъ?!—А ты левъ рыкающій!“

Дверь распахнулась — и проворными шагами вошли: сперва Валентина Михайловна,—а за нею Калломѣйцевъ.

— Что̀ это значитъ, Борисъ? ты велѣлъ карету заложить? ты ѣдешь въ городъ? что̀ случилось?

Сипягинъ приблизился къ женѣ—и взялъ ее за правую руку, между локтемъ и кистью.—Il faut vous armer de courage, ma chère.—Вашего брата арестовали.

— Моего брата? Сережу? за что?

— Онъ проповѣдывалъ мужикамъ соціалистическія теоріи—(Калломѣйцевъ слабо взвизгнулъ). Да! Онъ проповѣдывалъ имъ революцію, онъ пропагандировалъ! Они его схватили—и выдали.—Теперь онъ сидитъ... въ городѣ.

— Безумецъ! Но кто это сказалъ?..

— Вотъ господинъ... господинъ... какъ бишь его?.. Господинъ Конопатинъ привезъ эту вѣсть.

Валентина Михайловна взглянула на Паклина. Тотъ уныло поклонился.—(„А баба какая знатная!“—подумалось ему.—Даже въ подобныя трудныя минуты... ахъ, какъ былъ доступенъ Паклинъ вліянію женской красоты!)

— И ты хочешь ѣхать въ городъ—такъ поздно?

— Я еще застану губернатора на ногахъ.

— Я всегда предсказывалъ, что это такъ должно было кончиться,—вмѣшался Калломѣйцевъ.—Это не могло быть иначе!—Но какіе славные русскіе наши мужички!—Чудо!— Pardon, madame, c'est votre frère! Mais la vérité avant tout;

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь ѣхать, Боря?— спросила Валентина Михайловна.

— Я убѣжденъ также,— продолжалъ Калломѣйцевъ: — что и тотъ, тотъ *учитель*, г-нъ Неждановъ, тутъ же замѣшанъ. — J'en mettrais ma main au feu. — Это все одна шайка! Его не схватили? Вы не знаете?

Сипягинъ опять двинулъ кистью руки.

— Не знаю — и не желаю знать! Кстати, — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ:—il paraît qu'ils sont mariés.

— Кто это сказалъ? Тотъ же господинъ? — Валентина Михайловна опять посмотрѣла на Паклина, но прищурилась на этотъ разъ.

— Да, тотъ же.

— Въ такомъ случаѣ, — подхватилъ Калломѣйцевъ: — онъ непремѣнно знаетъ, гдѣ они. — Вы знаете, гдѣ они? Знаете, гдѣ они? А? А? А? Знаете? — Калломѣйцевъ началъ шмыгать передъ Паклинымъ, какъ бы желая преградить ему дорогу, хотя тотъ и не изъявлялъ никакого поползновенія бѣжать.—Да говорите же! Отвѣчайте! А? А? Знаете? Знаете?

— Хоть бы зналъ-съ, — промолвилъ съ досадой Паклинъ,—въ немъ жёлчь, наконецъ, шевельнулась, и глазки его заблистали:—хоть бы зналъ-съ, вамъ бы не сказалъ-съ.

— О... о... о.... — пробормоталъ Калломѣйцевъ. — Слышите... Слышите! — Да этотъ тоже — этотъ тоже, должно-быть, изъ ихъ банды!

— Карета готова!—гаркнулъ вошедшій лакей.

Сипягинъ схватилъ свою шляпу красивымъ, бойкимъ жестомъ; — но Валентина Михайловна такъ настойчиво стала его упрашивать остаться до завтрашняго утра, она представила ему такіе убѣдительные доводы: и ночь-то на дворѣ, и въ городѣ всѣ будутъ спать, и онъ только разстроитъ свои нервы и простудиться можетъ,—что Сипягинъ, наконецъ, согласился съ нею, воскликнулъ:

— Повинуюсь! — и такимъ же красивымъ, но уже не бойкимъ жестомъ поставилъ шляпу на столъ.

— Карету отложить! — скомандовалъ онъ лакею: — но завтра, ровно въ шесть часовъ утра, чтобы она была го-

това! Слышишь? — Ступай! — Стой! Экипажъ господина... господина гостя отослать. Извозчику заплатить! — А? Вы, кажется, что-то говорите, г-нъ Конопатинъ? — Я возьму васъ завтра съ собою, г-нъ Конопатинъ! — Что̀ вы говорите? Я не слышу... Вы вѣдь пьете водку?—Подай водки г-ну Конопатину!—Нѣтъ? Не пьете?—Въ такомъ случаѣ... Ѳедоръ! Отведи ихъ въ зеленую комнату! — Спокойной ночи, г-нъ Коно...

Паклинъ вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія.

— Паклинъ!—завопилъ онъ. — Моя фамилія: Паклинъ!

— Да... да; ну, да это все равно.—Похоже, знаете. Какой у васъ, однако, громкій голосъ, при вашей сухощавой комплекціи! — До завтра, г-нъ Паклинъ... *Такъ* я теперь сказалъ? Siméon, vous viendrez avec nous?

— Je crois bien!

И Паклина отвели въ зеленую комнату. И даже заперли его. Ложась спать, онъ слышалъ, какъ щелкнулъ ключъ въ звонкомъ англійскомъ замкѣ.—Сильно онъ себя выбранилъ за свою „геніальную“ мысль — и спалъ очень дурно.

На другое утро рано, въ половинѣ шестого, его пришли разбудить. Подали ему кофе; пока онъ пилъ — лакей, съ пестрымъ аксельбантомъ на плечѣ, ждалъ, держа подносъ на рукахъ и переминаясь ногами: „Поспѣшай-молъ — господа дожидаются“. Потомъ его повели внизъ. Карета уже стояла передъ домомъ.—Тутъ же стояла и коляска Калломѣйцева. Сипягинъ появился на крыльцѣ, въ камлотовой шинели съ круглымъ воротникомъ. Такихъ шинелей никто уже давно не носилъ, за исключеніемъ одного, очень сановнаго лица, которому Сипягинъ старался прислуживать и подражать. Въ важныхъ офиціальныхъ случаяхъ онъ потому и надѣвалъ подобную шинель.

Сипягинъ довольно привѣтливо раскланялся съ Паклинымъ—и энергическимъ движеніемъ руки указавъ ему на карету, попросилъ его сѣсть въ нее.— Г-нъ Паклинъ, вы ѣдете со мною, г-нъ Паклинъ! Положите на ко̀зла сакъвояжъ г-на Паклина! Я везу г-на Паклина, — говорилъ онъ, напирая на слово: Паклинъ! и на букву: *а!* „Ты,

молъ, имѣешь такое прозвище, да еще обижаешься, когда тебѣ его иначатъ? — Такъ вотъ же тебѣ! Кушай! Подавись!"—Г-нъ Паклинъ! Паклинъ!! Звучно раздавалось злосчастное имя въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Онъ былъ такъ свѣжъ, что заставилъ вышедшаго за Сипягинымъ Калломѣйцева нѣсколько разъ произнести по-французски: Brrr! brrr! brrr!—и плотнѣе завернуться въ шинель, садясь въ свою щегольскую коляску съ откинутымъ вѐрхомъ.—(Бѣдный его другъ, князь Михаилъ Сербскій Обреновичъ, увидѣвъ ее, купилъ себѣ точно такую же у Бендера... „Vous savez, Binder, le grand carrossier des Champs Elysées?") Изъ-за полураскрытыхъ ставенъ окна въ спальнѣ выглядывала, „въ чепцѣ, въ ночномъ платочкѣ", Валентина Михайловна.

Сипягинъ сѣлъ, сдѣлалъ ей ручкой.

— Вамъ ловко, г-нъ Паклинъ!—Трогай!

— Je vous recommande mon frère, épargnez-le,—послышался голосъ Валентины Михайловны.

— Soyez tranquille!—воскликнулъ Калломѣйцевъ, бойко взглянувъ на нее изъ-подъ околыша какой-то, имъ самимъ сочиненной, дорожной фуражки съ кокардой...—C'est surtout l'autre, qu'il faut pincer!

— Трогай!—повторилъ Сипягинъ.—Г-нъ Паклинъ, вамъ не холодно?—Трогай!

Экипажи покатились.

Первыя десять минутъ и Сипягинъ, и Паклинъ безмолвствовали.—Злополучный Силушка, въ своемъ неказистомъ пальтишкѣ и помятой фуражкѣ, казался еще мизернѣе на темно-синемъ фонѣ богатой шелковой матеріи, которою была обита внутренность кареты. Онъ молча оглядывалъ и тонкія голубыя шторы, быстро взвивавшіяся отъ одного прикосновенія пальца къ пружинѣ, и полость изъ нѣжнѣйшей бѣлой бараньей шерсти въ ногахъ — и вдѣланный спереди ящикъ краснаго дерева съ выдвижной дощечкой для письма и даже полочкой для книгъ— (Борисъ Андреичъ, не то, что любилъ,—а желалъ, чтобы другіе думали, что онъ любитъ—работать въ каретѣ, подобно Тьéру, во время путешествія). Паклинъ чувствовалъ

робость. Сипягинъ раза два взглянулъ на него черезъ выбритую до лоска щеку — и съ медлительной важностью вынувъ изъ бокового кармана серебряную сигарочницу съ кудрявымъ вензелемъ славянской вязью — предложилъ... дѣйствительно предложилъ ему сигару, едва держа ее между вторымъ и третьимъ пальцемъ руки, облеченной въ желтую англійскую перчатку изъ собачьей кожи.

— Я не курю,—пробормоталъ Паклинъ.

— А! — отвѣчалъ Сипягинъ, и самъ закурилъ сигару, которая оказалась превосходнѣйшей регаліей.

— Я долженъ вамъ сказать... любезный господинъ Паклинъ,—началъ онъ, вѣжливо попыхивая и испуская тонкія, круглыя струйки благовоннаго дыма... — что я... въ сущности... очень вамъ... благодаренъ... Я могъ показаться... вамъ вчера... нѣсколько рѣзкимъ... что̀ не въ моемъ... характерѣ (Сипягинъ съ намѣреніемъ неправильно разсѣкалъ свою рѣчь). — Смѣю васъ въ этомъ увѣрить. — Но, г-нъ Паклинъ! войдите же и вы въ мое... положеніе— (Сипягинъ перекатилъ сигару изъ одного угла рта въ другой).—Мѣсто, которое я занимаю, ставитъ меня... такъ сказать... на виду; и вдругъ... братъ моей жены... компрометируетъ и себя... и меня такимъ невѣроятнымъ образомъ! А? Г-нъ Паклинъ!—Вы, можетъ-быть, думаете: это—ничего?

— Я этого не думаю, ваше превосходительство.

— Вы не знаете, за что собственно... и гдѣ именно его арестовали?

— Слышалъ я, что въ Т....мъ уѣздѣ.

— Отъ кого вы слышали?

— Отъ... отъ одного человѣка.

— Конечно, не отъ птицы.—Но отъ какого человѣка?

— Отъ... отъ одного помощника правителя дѣлъ канцеляріи губернатора...

— Какъ его зовутъ?

— Правителя?

— Нѣтъ, помощника?

— Его... его зовутъ Ульяшевичемъ. Онъ очень хорошій чиновникъ, ваше превосходительство. — Узнавъ объ этомъ происшествіи, я тотчасъ поспѣшилъ къ вамъ.

— Ну, да, ну, да! — И я повторяю, что весьма вамъ благодаренъ. — Но какое безуміе! — Вѣдь это безуміе? а? Г-нъ Паклинъ? а?

— Совершенное безуміе! — воскликнулъ Паклинъ—а у самого по спинѣ теплой змѣйкой заструился потъ. — Это значитъ,—продолжалъ онъ:—не понимать вовсе русскаго мужика.—У г-на Маркелова, сколько я его знаю, сердце очень доброе и благородное; — но русскаго мужика онъ никогда не понималъ (Паклинъ глянулъ на Сипягина, который, слегка повернувшись къ нему, обдавалъ его холоднымъ, но не враждебнымъ взоромъ).—Русскаго мужика даже въ бунтъ можно вовлечь не иначе, какъ пользуясь его преданностью высшей власти, царскому роду. Должно выдумать какую-нибудь легенду — вспомните лже-Димитрія; — показать какіе-нибудь царскіе знаки на груди, выжженные раскаленными пятаками.

— Да, да, какъ Пугачевъ,—перебилъ Сипягинъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „Мы исторію еще не забыли... не расписывай!“—и прибавивъ:—Это безуміе! это безуміе!—погрузился въ созерцаніе быстрой струйки дыма, поднимавшейся съ конца сигары.

— Ваше превосходительство!—замѣтилъ осмѣлившійся Паклинъ: — я сейчасъ сказалъ вамъ, что я не курю... но это неправда—я курю; и сигара ваша такъ восхитительно пахнетъ...

— А? что? что такое?—проговорилъ Сипягинъ, какъ бы просыпаясь;—и, не давши Паклину повторить сказанное, чѣмъ самымъ несомнѣнно доказалъ, что очень хорошо слышалъ его слова, но сдѣлалъ учащенные вопросы единственно для важности, — подалъ ему раскрытую сигарочницу.

Паклинъ осторожно и благодарно закурилъ.

„Вотъ, кажется, удобная минута“, подумалъ онъ; но Сипягинъ его предупредилъ.

— Вы, помнится, говорили мнѣ также,—произнесъ онъ небрежнымъ голосомъ, прерывая самого себя, разсматривая свою сигару, передвигая шляпу съ затылка на лобъ:— вы говорили... а? вы говорили о томъ... о томъ вашемъ

пріятелѣ, который женился на моей... родственницѣ.—Вы ихъ видаете?—Они недалеко поселились отсюда?

(„Эге!"—подумалъ Паклинъ:—„Сила, берегись!")

— Я ихъ видѣлъ всего разъ, ваше превосходительство! Они живутъ, дѣйствительно... не въ слишкомъ далекомъ разстояніи отсюда.

— Вы, конечно, понимаете,—продолжалъ тѣмъ же маэеромъ Сипягинъ:—что я не могу болѣе серьезно интересоваться, какъ я уже объяснилъ вамъ,—ни той легкомысленной дѣвицей, ни вашимъ пріятелемъ.—Боже мой! предразсудковъ у меня нѣтъ, но вѣдь согласитесь: это уже изъ рукъ вонъ.—Глупо, знаете. Впрочемъ, я полагаю, ихъ соединила болѣе политика... (политика!!—повторилъ онъ, и пожалъ плечами)—чѣмъ какое-либо иное чувство.

— И я такъ полагаю, ваше превосходительство!

— Да, г-нъ Неждановъ былъ совсѣмъ красный.—Отдаю ему справедливость: онъ своихъ мнѣній не скрывалъ.

— Неждановъ, — рискнулъ Паклинъ: — быть-можетъ, увлекался; но сердце въ немъ...

— Доброе,—подхватилъ Сипягинъ:—конечно... конечно, какъ у Маркелова. — У всѣхъ у нихъ сердца добрыя. — Вѣроятно, и онъ участвовалъ,—и будетъ тоже завлеченъ... Придется еще заступаться за него!

Паклинъ сложилъ руки передъ грудью.—Ахъ, да, да, ваше превосходительство!—Окажите ему ваше покровительство! Право... онъ стòитъ... стòитъ вашего участія.

Сипягинъ хмыкнулъ.

— *Вы* полагаете?

— Наконецъ, если не для него... то для вашей племянницы; для его супруги!—(Боже мой! Боже мой!—думалъ Паклинъ:—что это я вру!)

Сипягинъ прищурился.

— Вы, я вижу, очень преданный другъ. Это хорошо; это похвально, молодой человѣкъ.—Итакъ, вы говорите, они живутъ здѣсь близко!

— Да, ваше превосходительство; въ одномъ большомъ заведеніи...—Тутъ Паклинъ прикусилъ себѣ языкъ.

— Те, те, те, те... у Соломина! вотъ гдѣ!—Впрочемъ,

я это зналъ; мнѣ это сказывали, мнѣ говорили... Да.— (Г-нъ Сипягинъ нисколько этого не зналъ и никто объ этомъ ему не говорилъ; но, вспомнивъ посѣщеніе Соломина, ночныя ихъ свиданія, онъ запустилъ эту удочку... И Паклинъ разомъ пошелъ на нее.)

— Коли вы это знаете,—началъ онъ, и вторично прикусилъ языкъ...—Но уже было поздно... По одному взгляду, брошенному на него Сипягинымъ, онъ понялъ, что тотъ все время игралъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

— Впрочемъ, ваше превосходительство,—залепеталъ-было несчастный:—я долженъ сказать, что собственно ничего не знаю...

— Да я васъ не разспрашиваю, помилуйте! Что вы?!— За кого вы меня и себя принимаете?—надменно промолвилъ Сипягинъ—и немедленно ушелъ въ свою министерскую высь.

А Паклинъ снова почувствовалъ себя мизернымъ, маленькимъ, пойманнымъ... До того мгновенія онъ, куря, клалъ свою сигару въ уголъ рта, не обращенный къ Сипягину, и пускалъ дымъ тихонько, въ сторону; тутъ онъ совсѣмъ ее вынулъ изо рта и совсѣмъ пересталъ курить.

— „Боже мой!"—внутренно простоналъ онъ—а горячій потъ обильнѣе прежняго заструился по его членамъ.—„Что это я сдѣлалъ!—Я выдалъ все и всѣхъ... Меня одурачили, меня подкупили хорошей сигарой!!.. Я доносчикъ... и какъ теперь помочь бѣдѣ? Господи!"

Помочь бѣдѣ было невозможно.—Сипягинъ началъ засыпать достойно, важно, тоже какъ министръ, завернувшись въ свою „степенную" шинель... Къ тому же и четверти часа не прошло, какъ оба экипажа остановились передъ губернаторскимъ домомъ.

XXXV.

Губернаторъ города С... принадлежалъ къ числу добродушныхъ, беззаботныхъ, свѣтскихъ генераловъ, генераловъ, одаренныхъ удивительно вымытымъ бѣлымъ тѣломъ и почти такой же чистой душой, генераловъ породистыхъ, хорошо воспитанныхъ, и, такъ-сказать, крупичатыхъ, ко-

торые, никогда не готовившись быть „пастырями народовъ“, выказываютъ, однако, весьма изрядныя администраторскія способности—и, мало работая, постоянно вздыхая о Петербургѣ и волочась за хорошенькими провинціальными дамами, приносятъ несомнѣнную пользу губерніи и оставляютъ о себѣ хорошую память.—Онъ только-что поднялся съ постели—и, сидя въ шелковомъ шлафрокѣ и ночной рубашкѣ на распашку передъ туалетнымъ зеркаломъ, вытиралъ себѣ одеколономъ съ водою лицо и шею, съ которой предварительно снялъ цѣлую коллекцію образковъ и ладонокъ,—когда ему доложили о пріѣздѣ Сипягина и Калломѣйцева, по важному и спѣшному дѣлу.—Съ Сипягинымъ онъ былъ очень коротокъ, на „ты“,—зналъ его съ молодыхъ лѣтъ, безпрестанно встрѣчался съ нимъ въ петербургскихъ гостиныхъ—и въ послѣднее время началъ мысленно прибавлять къ его имени—всякій разъ, когда оно приходило ему въ голову—почтительное: „А!“—какъ къ имени будущаго сановника. Калломѣйцева онъ зналъ нѣсколько меньше и уважалъ гораздо меньше, такъ какъ на него стали съ нѣкоторыхъ поръ поступать „нехорошія“ жалобы; однако, считалъ его за человѣка — qui fera chemin—такъ или иначе.

Онъ велѣлъ попросить посѣтителей пожаловать къ нему въ кабинетъ—и немедленно вышелъ къ нимъ въ томъ же шелковомъ шлафрокѣ, не извиняясь даже, что принимаетъ ихъ въ такомъ неофиціальномъ убранствѣ—и дружелюбно потрясая имъ руки.—Впрочемъ, въ кабинетъ губернатора вошли только Сипягинъ и Калломѣйцевъ; Паклинъ остался въ гостиной. Вылѣзая изъ кареты, онъ хотѣлъ-было ускользнуть, пробормотавъ, что у него дома дѣла; но Сипягинъ съ вѣжливой твердостью удержалъ его—(Калломѣйцевъ подскочилъ и шепнулъ Сипягину на ухо: Ne le lâchez pas! Tonnerre de tonnerres!) и повелъ его съ собою. Въ кабинетъ, однако, онъ его не ввелъ—и попросилъ—все съ тою же вѣжливою твердостью—подождать въ гостиной, пока его позовутъ.—Паклинъ и тутъ надѣялся улизнуть... но въ дверяхъ появился дюжій жандармъ, предупрежденный Калломѣйцевымъ... Паклинъ остался.

— Ты, навѣрное, догадываешься, что̀ меня привело къ тебѣ, Voldemar?—началъ Сипягинъ.

— Нѣтъ, душа, не догадываюсь,—отвѣчалъ милый эпикуреецъ,—между тѣмъ какъ привѣтливая улыбка округляла его розовыя щеки и выставляла его блестящіе зубы, полузакрытые шелковистыми усами.

— Какъ?.. Но вѣдь Маркеловъ?

— Что такое: Маркеловъ?—повторилъ съ тѣмъ же видомъ губернаторъ.—Онъ, во-первыхъ, не совсѣмъ ясно помнилъ, что вчерашняго арестованнаго звали Маркеловымъ;—а во-вторыхъ, онъ совершенно позабылъ, что у жены Сипягина былъ братъ, носившій эту фамилію.—Да что ты стоишь, Борисъ?—сядь; не хочешь ли чаю?

Но Сипягину было не до чаю.

Когда онъ растолковалъ, наконецъ, въ чемъ было дѣло и по какой причинѣ они явились оба съ Калломѣйцевымъ, губернаторъ издалъ огорченное восклицаніе, ударилъ себя по лбу, и лицо его приняло выраженіе печальное.

— Да... да... да!—повторилъ онъ:—какое несчастье! И онъ у меня тутъ сидитъ—сегодня—пока; ты знаешь мы *такихъ* никогда больше одной ночи у себя не держимъ; да жандармскаго начальника нѣтъ въ городѣ: твой зять и застрялъ... Но завтра его препроводятъ. Боже мой, какъ это непріятно!—Какъ твоя жена должна быть огорчена!! Чего же ты хочешь?

— Я бы хотѣлъ свидѣться съ нимъ у тебя, здѣсь,—если это не противно закону.

— Помилуй, душа моя!—Для такихъ людей, какъ ты, законъ не писанъ.—Я *такъ* тебѣ сочувствую... C'est affreux, tu sais!

Онъ позвонилъ особеннымъ манеромъ. Явился адъютантъ.

— Любезный баронъ, пожалуйста — тамъ — распорядитесь. — Онъ сказалъ ему, какъ и что̀ сдѣлать. Баронъ исчезъ. — Представь, mon cher ami: вѣдь его чуть не убили мужики. Руки назадъ, въ телѣгу—и маршъ!—И онъ—представь!—нисколько на нихъ не сердится—и не негодуетъ, ей-ей! И вообще такой спокойный... Я удивился! да вотъ, ты увидишь самъ.—C'est un fanatique tranquille.

— Ce sont les pires, — сентенціозно произнесъ Калломѣйцевъ.

Губернаторъ посмотрѣлъ на него исподлобья.

— Кстати, мнѣ нужно переговорить съ вами, Семенъ Петровичъ.

— А что?

— Да такъ; не хорошо.

— А именно?

— Да знаете, вашъ должникъ-то, мужикъ этотъ, что ко мнѣ жаловаться приходилъ...

— Ну?

— Вѣдь онъ повѣсился.

— Когда?

— Это все равно, когда;—а только не хорошо.

Калломѣйцевъ пожалъ плечами и отошелъ, щегольски покачиваясь, къ окну. Въ это мгновеніе адъютантъ ввелъ Маркелова.

Губернаторъ сказалъ о немъ правду: онъ былъ—неестественно спокоенъ.—Даже обычная угрюмость сошла съ его лица—и замѣнилась выраженіемъ какой-то равнодушной усталости. Оно осталось тѣмъ же, когда онъ увидѣлъ своего зятя; и только во взглядѣ, брошенномъ имъ на приведшаго его нѣмца-адъютанта—мелькнулъ мгновенный остатокъ его старинной ненависти къ этому сорту людей.—Пальто на немъ было разорвано въ двухъ мѣстахъ и наскоро зашито толстыми нитками; на лбу, надъ бровью и на переносицѣ виднѣлись небольшія ссадины съ засохшей кровью.—Онъ не умылся, но волосы причесалъ. Глубоко засунувъ обѣ кисти рукъ въ рукава, онъ остановился недалеко отъ двери.—Дышалъ онъ ровно.

— Сергѣй Михайловичъ!—началъ взволнованнымъ голосомъ Сипягинъ, подойдя къ нему шага на два—и протянувъ настолько правую руку, чтобы она могла тронуть—или остановить его, если-бъ онъ сдѣлалъ движеніе впередъ:—Сергѣй Михайловичъ! я прибылъ сюда не для того только, чтобы выразить тебѣ наше изумленіе, наше глубокое огорченіе;—въ немъ ты не можешь сомнѣваться!—Ты самъ *хотѣлъ* погубить себя! И погубилъ!!—Но я же-

лалъ тебя видѣть, чтобы сказать тебѣ... э... э... чтобы дать... чтобы поставить тебя въ возможность услышать голосъ благоразумія, чести и дружбы! Ты можешь еще облегчить свою участь; и, повѣрь, я, со своей стороны, сдѣлаю все, что̀ будетъ отъ меня зависѣть!—вотъ и почтенный начальникъ здѣшней губерніи тебѣ это подтвердитъ.—Тутъ Сипягинъ возвысилъ голосъ.—Чистосердечное раскаяніе въ твоихъ заблужденіяхъ, полное признаніе, безо всякой утайки, которое будетъ заявлено, гдѣ слѣдуетъ...

— Ваше превосходительство,—заговорилъ вдругъ Маркеловъ, обращаясь къ губернатору—и самый звукъ его голоса былъ спокоенъ, хоть и немного хриплъ:—я полагалъ, что вамъ угодно было меня видѣть—и снова допросить меня, что ли... Но если вы призвали меня только по желанію г-на Сипягина, то велите, пожалуйста, меня отвести: мы другъ друга понять не можемъ.—Все, что̀ онъ говоритъ—для меня та же латынь.

— Позвольте... латынь! — вмѣшался Калломѣйцевъ заносчиво и пискливо:—а это латынь: бунтовать крестьянъ?—Это—латынь? А? Латынь это?

— Что это у васъ, ваше превосходительство, чиновникъ по тайной полиціи, что ли? Такой усердный? — спросилъ Маркеловъ — и слабая улыбка удовольствія тронула его блѣдныя губы.

Калломѣйцевъ зашипѣлъ, затопалъ ногами... Но губернаторъ остановилъ его.

— Вы сами виноваты, Семенъ Петровичъ. Зачѣмъ мѣшаетесь не въ ваше дѣло?

— Не въ мое дѣло... не въ мое дѣло... Кажется, это дѣло общее... всѣхъ насъ, дворянъ...

Маркеловъ окинулъ Калломѣйцева холоднымъ, медленнымъ,—какъ бы послѣднимъ взоромъ—и повернулся немного къ Сипягину.—А коли *вы*, зятекъ, хотите, чтобы я вамъ объяснилъ *мои* мысли — такъ вотъ вамъ: я признаю, что крестьяне имѣли право меня арестовать и выдать, коли имъ не нравилось то, что̀ я имъ говорилъ.—На то была ихъ воля.—*Я* къ нимъ пришелъ; не они ко

мнѣ.—И правительство,—если оно меня сошлетъ въ Сибирь... я роптать не буду — хоть и виноватымъ себя не почту. Оно свое дѣло дѣлаетъ, потому — защищается.— Довольно съ васъ этого?

Сипягинъ воздѣлъ руки горѣ.

— Довольно!! Что за слово!—Не въ томъ вопросъ—и не намъ судить, какъ поступитъ правительство;—а я желаю знать, чувствуете ли вы—чувствуешь ли *ты*—Сергѣй (Сипягинъ рѣшился затронуть сердечныя струны)—безразсудство, безуміе своего предпріятія, готовъ ли ты доказать свое *раскаяніе* на дѣлѣ—и могу ли я поручиться—до нѣкоторой степени поручиться—за тебя, Сергѣй?

Маркеловъ сдвинулъ свои густыя брови.

— Я сказалъ... и повторять сказанное не хочу.

— Но раскаяніе? раскаяніе гдѣ?

Маркелова вдругъ передернуло.

— Ахъ, отстаньте съ вашимъ „раскаяніемъ"! Вы хотите мнѣ въ душу залѣзть? Предоставьте это—хоть мнѣ самому.

Сипягинъ пожалъ плечами.

— Вотъ, ты всегда такъ; не хочешь внять голосу разсудка! Тебѣ предстоитъ возможность раздѣлаться тихо, благородно...

— Тихо, благородно...—повторялъ угрюмо Маркеловъ.— Знаемъ мы эти слова! Ихъ всегда говорятъ тому, кому предлагаютъ сдѣлать подлость. Вотъ что̀ они значатъ, эти слова!

— Мы о васъ сожалѣемъ, — продолжалъ усовѣщивать Маркелова Сипягинъ:—а вы насъ ненавидите.

— Хорошо сожалѣніе! Въ Сибирь насъ,—на каторгу,— вотъ какъ вы сожалѣете о насъ! Ахъ, оставьте... оставьте меня, ради Бога!

И Маркеловъ понурилъ голову.

На душѣ у него было очень смутно, какъ ни тихъ былъ его наружный видъ. Больше всего его грызло и мучило то, что выдалъ его—кто же? Голоплёцкій Еремѣй! Тотъ Еремѣй, въ котораго онъ такъ слѣпо вѣрилъ!—Что Менделѣй Дутикъ не пошелъ за нимъ, это его въ сущности

не удивляло... Менделѣй былъ пьянъ и потому струсилъ. Но Еремѣй!! Для Маркелова Еремѣй былъ какъ бы олицетвореніемъ русскаго народа... И онъ ему измѣнилъ!— Стало-быть—все, о чемъ хлопоталъ Маркеловъ, все было не тò, не такъ?—И Кисляковъ вралъ,—и Василій Николаевичъ приказывалъ пустяки, и всѣ эти статьи, книги, сочиненія соціалистовъ, мыслителей, каждая буква которыхъ являлась ему чѣмъ-то несомнѣннымъ и несокрушимымъ, все это—пуфъ? Неужели??—И это прекрасное сравненіе назрѣвшаго вереда, ожидавшаго удара ланцета— тоже фраза? Нѣтъ! нѣтъ!—шепталъ онъ про себя, и на его бронзовыя щеки набѣгала слабая краска кирпичнаго цвѣта:—нѣтъ; то все правда; все... а это *я* виноватъ, *я* не сумѣлъ, не то *я* сказалъ, не такъ принялся!—Надо было просто скомандовать, а если бы кто препятствовать сталъ или упираться—пулю ему въ лобъ! тутъ разбирать нечего. Кто не съ нами, тотъ права жить не имѣетъ... убиваютъ же шпіоновъ, какъ собакъ, хуже чѣмъ собакъ!

И представились Маркелову подробности, какъ его схватили... Сперва молчаніе, перемигиванія, крики въ заднихъ рядахъ... Вотъ, одинъ приближается бокомъ, какъ бы кланяется. Потомъ эта внезапная возня! И кàкъ его ò-земь... „Ребята... ребята... что вы?“ А они: „Кушакъ давай! Вяжи!..“ Кости трещатъ... и безсильная ярость... и вонючая пыль во рту, въ ноздряхъ... „Вали, вали его... на телѣгу“. Кто-то густо хохочетъ... фай!

— Не такъ... не такъ я взялся...

Вотъ чтò, собственно, его грызло и мучило; а что онъ самъ попалъ подъ колесо, это была его личная бѣда: она не касалась общаго дѣла,—ее бы можно было перенести... но Еремѣй! Еремѣй!

Между тѣмъ какъ Маркеловъ стоялъ съ головой, опущенной на грудь, Сипягинъ отвелъ губернатора въ сторону и началъ говорить ему вполголоса, разводя немного руками, выдѣлывая двумя пальцами небольшую трель на своемъ лбу, какъ бы желая показать, что тутъ-дескать у этого несчастнаго неладно, и вообще стараясь возбудить если не сочувствіе, то снисхожденіе къ безумцу.—А гу-

бернаторъ пожималъ плечами, то поднималъ, то закрывалъ глаза, сожалѣлъ о собственномъ безсиліи,—и однако что-то обѣщалъ... „Tous les égards... certainement, tous les égards...“ — слышались пріятно-картавыя слова, мягко проходившія сквозь раздушённые усы... „Но ты знаешь: законъ!“ — Конечно: законъ! — подхватилъ Сипягинъ съ какой-то строгой покорностью.

Пока они такъ разговаривали въ уголку, Калломѣйцевъ просто не могъ утерпѣть на мѣстѣ: двигался взадъ и впередъ, слегка чмокалъ, кряхтѣлъ, являлъ всѣ признаки нетерпѣнія. Наконецъ онъ подошелъ къ Сипягину и поспѣшно промолвилъ:

— Vous oubliez l'autre!

— А, да!—промолвилъ Сипягинъ громко.—Merci de me l'avoir rappelé.—Я долженъ довести слѣдующій фактъ до свѣдѣнія вашего превосходительства,—обратился онъ къ губернатору... (Онъ величалъ такъ друга своего Voldemar'а собственно для того, чтобы не скомпрометировать престижа власти передъ бунтовщикомъ). Я имѣю основательныя причины предполагать, что сумасбродное предпріятіе моего beau-frère'а имѣетъ нѣкоторыя рамификаціи; и что одна изъ этихъ вѣтвей, т.-е. одно изъ заподозрѣнныхъ лицъ—находится въ недальнемъ разстояніи отъ сего города.—Вели ввести,—прибавилъ онъ вполголоса:—тамъ, у тебя въ гостиной, есть одинъ... Я его привезъ.

Губернаторъ взглянулъ на Сипягина, подумалъ съ уваженіемъ: „каковъ!“—и отдалъ приказъ.—Минуту спустя, рабъ Божій Сила Паклинъ—предсталъ предъ его очи.

Сила Паклинъ началъ съ того, что низко поклонился губернатору: но, увидѣвъ Маркелова, не докончилъ поклона, и такъ и остался, на-половину согнутый, переминая шапку въ рукахъ. Маркеловъ бросилъ на него разсѣянный взглядъ, но едва ли узналъ его; ибо снова погрузился въ думу.

— Это — вѣтвь? — спросилъ губернаторъ, указывая на Паклина большимъ бѣлымъ пальцемъ, украшеннымъ бирюзою.

— О, нѣтъ! — съ полусмѣхомъ отвѣчалъ Сипягинъ.—

А впрочемъ!—прибавилъ онъ, подумавъ немного.—Вотъ, ваше превосходительство,—заговорилъ онъ снова громко:—передъ вами нѣкто г-нъ Паклинъ. Онъ, сколько мнѣ извѣстно, петербургскій житель и близкій пріятель нѣкотораго лица, которое состояло у меня въ качествѣ учителя и покинуло мой домъ, увлекши за собою,—прибавлю, краснѣя,—одну молодую дѣвицу, мою родственницу.

— Ah! oui, oui,—пробормоталъ губернаторъ, и покачавъ сверху внизъ головою:—я что-то слышалъ... Графиня сказывала...

Сипягинъ возвысилъ голосъ.

— Это лицо есть нѣкто г-нъ Неждановъ, сильно мною заподозрѣнный въ превратныхъ понятіяхъ и теоріяхъ...

— Un rouge à tous crins—вмѣшался Калломѣйцевъ...

— ...Въ превратныхъ понятіяхъ и теоріяхъ,—повторилъ еще отчетливѣе Сипягинъ:—и ужъ, конечно, не чуждый всей этой пропагандѣ; онъ находится... скрывается, какъ мнѣ сказывалъ г-нъ Паклинъ, на фабрикѣ купца Фалѣева...

При словахъ: „какъ мнѣ сказывалъ", Маркеловъ вторично бросилъ взглядъ на Паклина, и только усмѣхнулся, медленно и равнодушно.

— Позвольте, позвольте, ваше превосходительство,—закричалъ Паклинъ:—и вы, г-нъ Сипягинъ: я никогда... никогда...

— Ты говоришь: купца Фалѣева?—обратился губернаторъ къ Сипягину, поигравъ только пальцами въ направленіи Паклина:—„потише, дескать, братецъ, потише".—Что́ съ ними дѣлается, съ нашими почтенными бородачами? Вчера тоже одного схватили, по тому же дѣлу. Ты, можетъ, слышалъ его имя: Голушкинъ, богачъ. Ну, этотъ революціи не сдѣлаетъ. Такъ на колѣнкахъ и ползаетъ.

— Купецъ Фалѣевъ тутъ ни при чемъ,—отчеканилъ Сипягинъ:—я его мнѣній не знаю; я говорю только о его фабрикѣ, на которой, по словамъ г-на Паклина, находится въ настоящую минуту г-нъ Неждановъ.

— Этого я не говорилъ!—возопилъ опять Паклинъ.—Это *вы* говорили!

— Позвольте, г-нъ Паклинъ,—все съ тою же неумолимой отчетливостью произнесъ Сипягинъ. — Я уважаю то чувство дружбы, которое внушаетъ вамъ вашу „денегацію“. (Экій... Гизо! подумалъ тутъ про себя губернаторъ.) Но возьму смѣлость поставить вамъ себя въ примѣръ. Полагаете ли вы, что во мнѣ чувство родственное не столь же сильно, какъ ваше дружеское? — Но есть другое чувство, милостивый государь, которое еще сильнѣе и которое должно руководить всѣми нашими дѣйствіями и поступками: чувство долга!

— Le sentiment du devoir,—пояснилъ Калломѣйцевъ.

Маркеловъ окинулъ взоромъ обоихъ говорившихъ.

— Г-нъ губернаторъ, — промолвилъ онъ: — повторяю мою просьбу: велите, пожалуйста, увести меня прочь отъ этихъ болтуновъ.

Но тутъ губернаторъ потерялъ немножко терпѣніе.

— Г-нъ Маркеловъ!—воскликнулъ онъ: —я совѣтовалъ бы вамъ, въ вашемъ положеніи, болѣе сдержанности въ языкѣ и болѣе уваженія къ старшимъ... особенно, когда они выражаютъ патріотическія чувства, подобныя тѣмъ, которыя вы сейчасъ слышали въ устахъ вашего beau-frère'a!—Я счастливымъ себя почту, любезный Борисъ,— прибавилъ губернаторъ, обратясь къ Сипягину:—довести твои благородные поступки до свѣдѣнія министра.—Но у кого же собственно находится этотъ г-нъ Неждановъ— на этой фабрикѣ?

Сипягинъ нахмурился.

— У нѣкоего г-на Соломина, тамошняго главнаго механика, какъ мнѣ сказывалъ тотъ же г-нъ Паклинъ.

Казалось, Сипягину доставляло особенное удовольствіе терзать бѣднаго Силушку: онъ вымещалъ въ немъ теперь и данную ему въ каретѣ сигару, и фамиліарную вѣжливость своего обращенія съ нимъ, и нѣкоторое даже заигрываніе.

— И этотъ Соломинъ, — подхватилъ Калломѣйцевъ: — есть несомнѣнный радикалъ и республиканецъ,—и вашему превосходительству не худо было бы обратить ваше вниманіе также и на него.

— Вы знаете этихъ... господъ... Соломина... и, какъ бишь? и... Нежданова? — немного по-начальнически, въ носъ, спросилъ губернаторъ Маркелова.

Маркеловъ злорадно раздулъ ноздри.

— А вы, ваше превосходительство, знаете Конфуція и Тита-Ливія?

Губернаторъ отвернулся.

— Il n'y a pas moyen de causer avec cet homme, — промолвилъ онъ, пожимая плечами.—Г-нъ баронъ, пожалуйте сюда.

Адъютантъ подскочилъ къ нему;—а Паклинъ, улучивъ время, приблизился, ковыляя и спотыкаясь, къ Синягину.

— Что же это вы дѣлаете,—прошепталъ онъ:—зачѣмъ же вы губите вашу племянницу? Вѣдь она съ нимъ, съ Неждановымъ!..

— Я никого не гублю, милостивый государь, — отвѣчалъ Синягинъ громко: — я дѣлаю то, что мнѣ повелѣваетъ совѣсть и...

— И ваша супруга, моя сестра, у которой вы подъ башмакомъ,—ввернулъ столь же громко Маркеловъ.

Синягинъ, какъ говорится, даже не чукнулъ... Такъ это было ниже его!

— Послушайте, — продолжалъ шептать Паклинъ:—все его тѣло трепетало отъ волненія и, быть-можетъ, отъ робости,—а глаза сверкали злобой и въ горлѣ клокотали слезы—слезы сожалѣнія о *тѣхъ* и досады на себя; — послушайте: я сказалъ вамъ, что она замужемъ — это неправда — я вамъ солгалъ! — но бракъ этотъ долженъ совершиться—и если вы этому помѣшаете, если туда явится полиція—на вашей совѣсти будетъ лежать пятно, которое вы ничѣмъ не смоете—и вы...

— Извѣстіе, сообщенное вами, — перебилъ еще громче Синягинъ:—если оно только справедливо, въ чемъ я имѣю право сомнѣваться,—это извѣстіе можетъ только ускорить тѣ мѣры, которыя я почелъ бы нужнымъ предпринять; а о чистотѣ моей совѣсти я ужъ буду просить васъ, милостивый государь, не заботиться.

— Вылощена она, братъ,—ввернулъ опять Маркеловъ:—

петербургскій лакъ на нее наведенъ; никакая жидкость ея не беретъ! А ты, г-нъ Паклинъ, шепчи, шепчи, сколько хочешь: не отшепчешься, шалишь!

Губернаторъ почелъ за нужное прекратить всѣ эти пререканія.

— Я полагаю,—началъ онъ:—что вы, господа, уже достаточно высказались — а потому, любезный баронъ, уведите г-на Маркелова. N'est ce pas, Boris, ты не нуждаешься болѣе...

Сипягинъ развелъ руками.

— Я сказалъ все, что̀ могъ!..

— И прекрасно!..—Любезный баронъ!..

Адъютантъ приблизился къ Маркелову, щелкнулъ шпорами, сдѣлалъ горизонтальное движеніе ручкою... „Пожалуйте-молъ!“ Маркеловъ повернулся и пошелъ вонъ. — Паклинъ, правда, мысленно, но съ горькимъ сочувствіемъ и жалостью пожалъ ему руку.

— А на фабрику мы пошлемъ нашихъ молодцовъ, — продолжалъ губернаторъ.—Только вотъ что̀, Борисъ: мнѣ сдается — этотъ баринъ — (онъ указалъ подбородкомъ на Паклина)—тебѣ что-то сообщилъ насчетъ твоей родственницы... Будто она тамъ, на той фабрикѣ... Такъ какъ же...

— Ее арестовать во всякомъ случаѣ нельзя,—замѣтилъ глубокомысленно Сипягинъ:—можетъ-быть, она одумается и вернется. Если позволишь, я напишу ей записочку.

— Сдѣлай одолженіе. И вообще, ты можешь быть увѣренъ... Nous coffrerons le quidam... mais nous sommes galants avec les dames... et avec celle-là donc!

— Но вы не принимаете никакихъ распоряженій насчетъ этого Соломина,—жалобно воскликнулъ Калломѣйцевъ, который все время приникалъ ухомъ и старался вслушаться въ маленькое à parte губернатора съ Сипягинымъ.—Увѣряю васъ: это главный зачинщикъ! У меня на это нюхъ... такой нюхъ!

— Pas trop de zèle, любезнѣйшій Семенъ Петровичъ,— замѣтилъ, осклабясь, губернаторъ.—Вспомните Таллейрана! Коли что̀, тотъ отъ насъ тоже не уйдетъ. Вы лучше подумайте о вашемъ... ккк....къ! — И губернаторъ сдѣлалъ

знакъ удушенія на своей шеѣ... Да, кстати, — обратился онъ снова къ Сипягину: — et ce gaillard-là — (онъ опять указалъ подбородкомъ на Паклина). — Qu'en ferons nous? На видъ онъ не страшенъ.

— Отпусти его,—сказалъ тихо Сипягинъ и прибавилъ по-нѣмецки:—Lass'den Lumpen laufen!

Онъ почему-то подумалъ, что дѣлаетъ цитату изъ Гёте, изъ „Гёца фонъ-Берлихингена".

— Вы можете идти, милостивый государь!—промолвилъ громко губернаторъ.—Мы болѣе въ васъ не нуждаемся.— До зобаченья!

Паклинъ отдалъ общій поклонъ и вышелъ на улицу, весь уничтоженный и разбитый. Боже! Боже! это презрѣніе его доконало.

„Что же это такое?" — думалъ онъ съ невыразимымъ отчаяніемъ:—„и трусъ, и доносчикъ? Да нѣтъ... нѣтъ; я честный человѣкъ, господа,—и я не совсѣмъ уже лишенъ всякаго мужества!"

Но что̀ за знакомая фигура торчитъ на крыльцѣ губернаторскаго дома и смотритъ на него унылымъ, исполненнымъ упрека взоромъ? Да это — старый слуга Маркелова. Онъ, видно, пришелъ за своимъ бариномъ въ городъ и не отходитъ прочь отъ его тюрьмы... Только зачѣмъ же онъ смотритъ такъ на Паклина? Вѣдь не онъ же Маркелова выдалъ!

„И зачѣмъ я совался туда, куда мнѣ — ни къ кожѣ, ни къ рожѣ?"—думалъ онъ опять свою отчаянную думу.— „Не могъ сидѣть смирно на своей лавочкѣ? — А теперь они говорятъ, и пожалуй, напишутъ: нѣкто г-нъ Паклинъ все разсказалъ, выдалъ ихъ... своихъ друзей — выдалъ врагамъ!"—Вспомнился ему тутъ взглядъ, брошенный на него Маркеловымъ, вспомнились эти послѣднія слова: „не отшепчешься, шалишь!"—а тутъ эти старческіе, унылые, убитые глаза! — И, какъ сказано въ писаніи,—онъ „плакася горько" — и побрелъ себѣ въ оазисъ, къ Ѳомушкѣ и Ѳимушкѣ, къ Снандуліи...

XXXVI.

Когда Маріанна, въ то самое утро, вышла изъ своей комнаты—она увидѣла Нежданова одѣтымъ и сидящимъ на диванѣ. Одной рукой онъ поддерживалъ голову, другая безсильно и недвижимо лежала на колѣняхъ. — Она подошла къ нему.

— Здравствуй, Алексѣй... Ты не раздѣвался? не спалъ? Какой ты блѣдный!

Отяжелѣвшія вѣки его глазъ приподнялись медленно.

— Я не раздѣвался, я не спалъ.

— Ты нездоровъ? или это еще слѣдъ вчерашняго?

Неждановъ покачалъ головою.

— Я не спалъ съ тѣхъ поръ, какъ Соломинъ вошелъ въ твою комнату.

— Когда?

— Вчера вечеромъ.

— Алексѣй, ты ревнуешь? Вотъ новость! И нашелъ время, когда ревновать! Онъ остался у меня всего четверть часа... И мы говорили объ его двоюродномъ братѣ, священникѣ,—и о томъ, какъ устроить нашъ бракъ.

— Я знаю, что онъ остался всего четверть часа: — я видѣлъ, когда онъ вышелъ. И я не ревную, о нѣтъ! Но, все-таки, я не могъ заснуть съ тѣхъ поръ.

— Отчего же?

Неждановъ помолчалъ.

— Я все думалъ... думалъ... думалъ!

— О чемъ?

— О тебѣ... о немъ... и о самомъ себѣ.

— И до чего же ты додумался?

— Сказать тебѣ, Маріанна?

— Скажи.

— Я думалъ, что я мѣшаю—тебѣ... ему... и самому себѣ.

— Мнѣ? ему? Я воображаю, что ты этимъ хочешь сказать, хотя ты и увѣряешь, что не ревнуешь.—Но: самому себѣ?

— Маріанна, во мнѣ сидятъ два человѣка — и одинъ не даетъ жить другому. Такъ я ужъ полагаю, что лучше перестать обоимъ жить.

— Ну, полно, Алексѣй, пожалуйста.—Что̀ за охота себя мучить—и меня?—Намъ слѣдуетъ теперь сообразить, какія надо принять мѣры... Вѣдь насъ въ покоѣ не оставятъ.

Неждановъ ласково взялъ ее за руку.

— Сядь возлѣ меня, Маріанна, и поболтаемъ немного, по-дружески. — Пока есть время. — Дай мнѣ руку.— Мнѣ кажется, что намъ не худо объясниться,—хотя, говорятъ, всякія объясненія ведутъ обыкновенно только къ бо̀льшей путаницѣ. Но ты умна и добра; ты все поймешь—и чего я не доскажу—ты додумаешь. Сядь.

Голосъ Нежданова былъ очень тихъ — и какая-то особенная, дружеская нѣжность и просьба высказывались въ его глазахъ, пристально устремленныхъ на Маріанну.

Она тотчасъ охотно сѣла возлѣ него и взяла его руку

— Ну, спасибо, моя милая,—и слушай.—Я тебя долго не задержу.—Я уже ночью въ головѣ все приготовилъ—что я долженъ тебѣ сказать.— Ну — слушай.—Не думай, чтобы вчерашнее происшествіе меня слишкомъ смутило: я былъ, вѣроятно, очень смѣшонъ и немножко даже гадокъ; но ты, конечно, не подумала обо мнѣ ничего дурного или низкаго... ты меня знаешь.—Я сказалъ, что это происшествіе меня не смутило; это—неправда, это вздоръ... оно смутило меня, но не потому, что меня привезли домой пьянаго; — а потому, что оно окончательно доказало мнѣ мою несостоятельность! — И не только въ томъ, что я не могу пить, какъ пьютъ русскіе люди — а вообще! вообще! — Маріанна, я обязанъ сказать тебѣ, что я — не вѣрю больше въ то дѣло, которое насъ соединило, въ силу котораго мы вмѣстѣ ушли изъ того дома и къ которому я, говоря правду, уже охладѣвалъ — когда твой огонь согрѣлъ и зажёгъ меня:—не вѣрю! не вѣрю!

Онъ положилъ свою свободную руку себѣ на глаза и умолкъ на мгновенье...—Маріанна тоже ни слова не промолвила и потупилась... Она почувствовала, что онъ ей не сказалъ ничего новаго.

— Я думалъ прежде,—продолжалъ Неждановъ, отнявъ руку отъ глазъ, но уже не глядя больше на Маріанну:—что я въ самое-то дѣло вѣрю — а только сомнѣваюсь въ

самомъ себѣ, въ своей силѣ, въ своемъ умѣньѣ; мои способности, думалъ я, не соотвѣтствуютъ моимъ убѣжденіямъ... Но, видно, этихъ двухъ вещей отдѣлить нельзя— да и къ чему обманываться? Нѣтъ—я въ *самое дѣло* не вѣрю.—А ты вѣришь, Маріанна?

Маріанна выпрямилась и подняла голову.

— Да, Алексѣй, вѣрю. Вѣрю всѣми силами души — и посвящу этому дѣлу всю свою жизнь! До послѣдняго дыханія!

Неждановъ повернулся къ ней и измѣрилъ ее всю умиленнымъ и завидующимъ взглядомъ.

— Такъ, такъ; я ждалъ такого отвѣта. — Вотъ, ты и видишь, что намъ вмѣстѣ дѣлать нечего: ты сама однимъ ударомъ перерубила нашу связь.

Маріанна молчала.

— Вотъ, и Соломинъ,—началъ снова Неждановъ:—хоть и онъ не вѣритъ...

— Какъ?

— Нѣтъ! Онъ не вѣритъ... да это ему и не нужно; онъ подвигается спокойно впередъ. Человѣкъ, который идетъ по дорогѣ въ городъ, не спрашиваетъ себя: да существуетъ ли полно этотъ городъ? Онъ идетъ себѣ да идетъ. Такъ и Соломинъ. И больше ничего не нужно. А я... впередъ не могу; назадъ не хочу; оставаться на мѣстѣ— томно. Кому же дерзну я предложить быть моимъ товарищемъ? Знаешь поговорку: одинъ подъ одинъ конецъ, другой подъ другой — и пошло дѣло на ладъ? А коли одинъ не сможетъ нести—какъ быть другому?

— Алексѣй, — промолвила нерѣшительно Маріанна: — ты, мнѣ кажется, преувеличиваешь. — Мы вѣдь любимъ другъ друга?

Неждановъ глубоко вздохнулъ.

— Маріанна... Я преклоняюсь передъ тобою... а ты жалѣешь меня—и каждый изъ насъ увѣренъ въ честности другого: вотъ настоящая правда! А любви между нами нѣтъ.

— Но постой, Алексѣй, что ты говоришь! Вѣдь сегодня же, сейчасъ за нами явится погоня... Вѣдь намъ надобно уходить вмѣстѣ, а не разставаться...

— Да; и ѣхать къ попу Зосимѣ, чтобы онъ насъ обвѣнчалъ, по предложенію Соломина. Я хорошо знаю, что въ твоихъ глазахъ этотъ бракъ не что иное, какъ паспортъ, какъ средство избѣгнуть полицейскихъ затрудненій... но, все-таки, онъ нѣкоторымъ образомъ обязываетъ... къ житію вмѣстѣ, рядомъ... или, если не *обязываетъ*, то, по крайней мѣрѣ, предполагаетъ желаніе жить вмѣстѣ.

— Что жъ это, Алексѣй? Ты здѣсь останешься?

У Нежданова чуть-было не сорвалось съ языка: Да— но онъ одумался и промолвилъ:

— Н...н...нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, ты удалишься отсюда не туда, куда я?

Неждановъ крѣпко пожалъ ея руку, которая все еще лежала на его рукѣ.

— Оставить тебя безъ покровителя, безъ защитника, было бы преступно — и я этого не сдѣлаю, какъ я ни плохъ. У тебя будетъ защитникъ... Не сомнѣвайся въ томъ!

Маріанна нагнулась къ Нежданову—и, заботливо приблизивъ свое лицо къ его лицу, старалась заглянуть ему въ глаза, въ душу—въ самую душу.

— Что съ тобой, Алексѣй? Что у тебя на-сердцѣ? Скажи!.. Ты меня безпокоишь. Твои слова такъ загадочны, такъ странны... И лицо твое! Я никогда не видала у тебя такого лица!

Неждановъ тихонько отклонилъ ее и тихонько поцѣловалъ у ней руку. На этотъ разъ она не противилась— и не засмѣялась—и все продолжала заботливо и тревожно глядѣть на него.

— Не безпокойся, пожалуйста! Тутъ ничего страннаго нѣтъ.—Вся бѣда моя вотъ въ чемъ. Маркелова, говорятъ, мужики побили; онъ отвѣдалъ ихъ кулаковъ, они помяли ему бока... — Меня мужики не били, они даже пили со мною, пили мое здоровье... но душу они мою помяли, хуже чѣмъ бока у Маркелова. Я былъ рожденъ вывихнутымъ... хотѣлъ себя вправить, да еще хуже себя вывихнулъ. Вотъ именно то, что ты замѣчаешь на моемъ лицѣ.

— Алексѣй, — медленно промолвила Маріанна: — тебѣ было бы грѣшно не быть откровеннымъ со мною.

Онъ стиснулъ свои руки.

— Маріанна, все мое существо передъ тобою, какъ на ладони; и что бы я ни сдѣлалъ, говорю тебѣ напередъ: въ сущности, ничему, ничему ты не удивишься!

Маріанна хотѣла попросить объясненія этихъ словъ, однако не попросила... притомъ, въ это мгновенье въ комнату вошелъ Соломинъ.

Движенія его были быстрѣй и рѣзче обыкновеннаго. Глаза прищурились, широкія губы сжались, все лицо какъ будто заострилось и приняло выраженіе сухое, твердое и нѣсколько грубое.

— Друзья мои,—началъ онъ:—я пришелъ вамъ сказать, что мѣшкать нечего. Собирайтесь... ѣхать вамъ пора. Черезъ часъ надо вамъ быть готовыми. Надо вамъ ѣхать вѣнчаться. Отъ Паклина нѣтъ никакого извѣстія; лошадей его сперва задержали въ Аржаномъ, а потомъ прислали назадъ... Онъ остался тамъ. Вѣроятно, его увезли въ городъ. Онъ, конечно, не донесетъ, но, Богъ его знаетъ, разболтаетъ, пожалуй. Да и по лошадямъ могли узнать. Мой двоюродный предупрежденъ. Павелъ съ вами поѣдетъ. Онъ и свидѣтелемъ будетъ.

— А вы... а ты?—спросилъ Нежданов.—Развѣ ты не поѣдешь? Я вижу, ты одѣтъ по-дорожному,—прибавилъ онъ, указавъ на высокіе болотные сапоги, въ которыхъ пришелъ Соломинъ.

— Это я... такъ... на дворѣ грязно.

— Но отвѣчать ты за насъ вѣдь не будешь?

— Не полагаю... во всякомъ случаѣ—это ужъ мое дѣло. И такъ, черезъ часъ.—Маріанна, Татьяна желаетъ васъ видѣть. Она что-то тамъ приготовила.

— А! Да! Я и сама хотѣла къ ней идти...

Маріанна направилась къ двери...

На лицѣ Нежданова изобразилось нѣчто странное, нѣчто въ родѣ испуга, тоски...

— Маріанна, ты уходишь?—промолвилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ.

Она остановилась.

— Я черезъ полчаса вернусь. Мнѣ уложиться недолго.

— Да; но подойди ко мнѣ...

— Изволь;—зачѣмъ?

— Мнѣ еще разъ хочется взглянуть на тебя.—Онъ посмотрѣлъ на нее долгимъ взоромъ.— Прощай, прощай, Маріанна! — Она изумилась. — То бишь... Что̀ это я? — Это я такъ... сболтнулъ. — Ты вѣдь черезъ полчаса вернешься? Да?

— Конечно...

— Ну, да... да... Извини. У меня въ головѣ путаница отъ безсонницы.—Я тоже сейчасъ... уложусь.

Маріанна вышла изъ комнаты. Соломинъ хотѣлъ-было пойти за ней.

Неждановъ остановилъ его.

— Соломинъ!

— Что?

— Дай мнѣ руку. Надо жъ мнѣ поблагодарить тебя за твое гостепріимство.

Соломинъ усмѣхнулся.

— Вотъ что̀ вздумалъ!—Однако, подалъ ему руку.

— И вотъ еще что̀,—продолжалъ Неждановъ:—если со мной что̀ случится, могу я надѣяться на тебя, что ты не оставишь Маріанну?

— Твою будущую жену?

— Ну, да,—Маріанну!

— Во-первыхъ, я увѣренъ, что съ тобой ничего не случится; а, во-вторыхъ, ты можешь быть спокоенъ:—Маріанна мнѣ такъ же дорога̀, какъ и тебѣ.

— О! Я это знаю... знаю... знаю! Ну, и прекрасно. И спасибо.—Такъ черезъ часъ?

— Черезъ часъ.

— Я буду готовъ. Прощай!

Соломинъ вышелъ и догналъ Маріанну на лѣстницѣ. Онъ намѣревался ей сказать что-то насчетъ Нежданова—да промолчалъ. И Маріанна, съ своей стороны, поняла, что Соломинъ намѣревался ей что-то сказать—и именно насчетъ Нежданова—и что онъ промолчалъ.—И она промолчала тоже.

XXXVII.

Какъ только Соломинъ вышелъ, Неждановъ мгновенно вскочилъ съ дивана, прошелся раза два изъ одного угла въ другой, потомъ постоялъ съ минуту въ какомъ-то каменномъ раздумьѣ посреди комнаты; внезапно встрепенулся, торопливо сбросилъ съ себя свой „маскарадный“ костюмъ, отпихнулъ его ногою въ уголъ, досталъ и надѣлъ свое прежнее платье. — Потомъ онъ подошелъ къ трехногому столику, вынулъ изъ ящика двѣ запечатанныя бумажки и еще какой-то небольшой предметъ, сунулъ его въ карманъ, а бумажки оставилъ на столѣ. Потомъ онъ присѣлъ на корточки передъ печкой, отворилъ заслонку... Въ печкѣ оказалась цѣлая груда пепла. Это было все, что̀ оставалось отъ бумагъ Нежданова, отъ завѣтной тетрадки... Онъ сжегъ все это въ теченіе ночи. Но тутъ же, въ печкѣ, сбоку, прислоненный къ одной изъ стѣнокъ, находился портретъ Маріанны, подаренный ему Маркеловымъ. Видно, у него не хватило духа сжечь и этотъ портретъ! Неждановъ бережно вынулъ его и положилъ на столъ рядомъ съ запечатанными бумажками.

Потомъ онъ рѣшительнымъ движеніемъ руки сгребъ свою фуражку и направился-было къ двери... но остановился, вернулся назадъ и вошелъ въ комнату Маріанны. Тамъ онъ постоялъ съ минуту, оглянулся кругомъ и, приблизившись къ ея узенькой кроваткѣ, нагнулся — и съ одиночнымъ нѣмымъ рыданьемъ приникъ губами не къ изголовью, а къ ногамъ постели... Потомъ онъ разомъ выпрямился — и, надвинувъ фуражку на лобъ, бросился вонъ.

Ни съ кѣмъ не встрѣтившись ни въ коридорѣ, ни на лѣстницѣ, ни внизу, Неждановъ проскользнулъ въ палисадникъ. День былъ сѣрый, небо висѣло низко, сырой вѣтерокъ шевелилъ верхушки травъ и качалъ листья деревьевъ; фабрика стучала и шумѣла меньше, чѣмъ о ту же пору въ другіе дни; съ двора ея несло запахомъ угля, дегтя, сала. — Зорко и подозрительно оглянулся Неждановъ и пошелъ прямо къ той старой яблонѣ, которая привлекла его вниманіе въ самый день его пріѣзда, когда

онъ въ первый разъ выглянулъ изъ окна своей квартирки. Стволъ этой яблони оброс сухимъ мохомъ; шероховатые, обнаженные сучья, съ кое-гдѣ висѣвшими красновато-зелеными листьями, искривленно поднимались кверху, на подобіе старческихъ, умоляющихъ, въ локтяхъ согбенныхъ рукъ. Неждановъ сталъ твердой ногою на темную землю, окружавшую корень яблони, и вынулъ изъ кармана тотъ небольшой предметъ, который находился въ ящикѣ стола. — Потомъ онъ внимательно посмотрѣлъ на окна флигелька... „Если кто-нибудь меня увидитъ въ эту минуту“, подумалъ онъ, „тогда, быть-можетъ, я отложу“... Но нигдѣ не показалось ни одного человѣческаго лица... точно все вымерло, все отвернулось отъ него, удалилось навсегда, оставило его на произволъ судьбы.—Одна фабрика глухо гудѣла и воняла, да сверху стали сѣяться мелкія, иглистыя капли холоднаго дождя.

Тогда Неждановъ, взглянувъ сквозь кривые сучья дерева, подъ которымъ онъ стоялъ, на низкое, сѣрое, безучастно-слѣпое и мокрое небо, зѣвнулъ, пожался, подумалъ: „вѣдь ничего другого не осталось, не назадъ же въ Петербургъ, въ тюрьму“, сбросилъ фуражку долой и заранѣе ощутивъ во всемъ тѣлѣ какую-то слащавую, сильную, томительную потяготу, приложилъ къ груди револьверъ, дернулъ пружину курка...

Что-то разомъ толкнуло его, даже не слишкомъ сильно... но онъ уже лежалъ на спинѣ и старался понять, что̀ съ нимъ и ка̀къ онъ сейчасъ видѣлъ Татьяну?.. Онъ даже хотѣлъ позвать ее, сказать: „Ахъ, не надо!“ — но вотъ уже, онъ весь онѣмѣлъ и надъ лицомъ его въ глазахъ, на лбу, въ мозгу завертѣлся мутно-зеленый вихрь— и что-то страшно-тяжелое и плоское придавило его навсегда къ землѣ.

Татьяна недаромъ померещилась Нежданову: въ ту самую минуту, какъ онъ спустилъ курокъ револьвера, она подошла къ одному изъ о̀конъ флигелька и увидѣла его подъ яблонью. Не успѣла она подумать: „что это онъ въ такую погоду торчитъ подъ яблонью, простоволосый?“ — какъ онъ повалился навзничь, точно снопъ. Выстрѣла она

не слыхала—звукъ его былъ очень слабъ,—но тотчасъ почуяла что-то недоброе и опрометью бросилась внизъ, въ палисадникъ... Она добѣжала до Нежданова... „Алексѣй Дмитричъ, что̀ съ вами?“ Но уже имъ овладѣла темнота. Татьяна нагнулась къ нему, увидала кровь...

— Павелъ! — закричала она не своимъ голосомъ. — Павелъ!

Нѣсколько мгновеній спустя,—Маріанна, Соломинъ, Павелъ и еще двое фабричныхъ уже были въ палисадникѣ. Нежданова тотчасъ подняли, понесли во флигель и положили на тотъ самый диванъ, на которомъ онъ провелъ свою послѣднюю ночь.

Онъ лежалъ на спинѣ съ полузакрытыми недвижными глазами, съ посинѣлымъ лицомъ,—хрипѣлъ протяжно и туго, изрѣдка всхлипывая и какъ бы давясь. Жизнь еще не покинула его.—Маріанна и Соломинъ стояли по обѣимъ сторонамъ дивана, оба почти такіе же блѣдные, какъ и самъ Неждановъ. Поражены, потрясены, уничтожены были оба—особенно Маріанна—но не изумлены. „Какъ мы этого не предвидѣли?“ - думалось имъ; и въ то же время имъ казалось, что они... да, они это предвидѣли.—Когда онъ сказалъ Маріаннѣ: „что бы я ни сдѣлалъ, говорю тебѣ напередъ: ничему ты не удивишься“ — и еще, когда онъ говорилъ о тѣхъ двухъ человѣкахъ, которые въ немъ ужиться не могутъ—развѣ не шевельнулось въ ней нѣчто въ родѣ смутнаго предчувствія?—Почему же она не остановилась тотчасъ и не вдумалась и въ эти слова, и въ это предчувствіе?—Отчего она теперь не смѣетъ взглянуть на Соломина, какъ будто онъ ея сообщникъ... какъ будто и онъ ощущаетъ угрызеніе совѣсти? Отчего ей не только безконечно, до отчаянія жаль Нежданова, но какъ-то страшно, и жутко—и совѣстно? Можетъ-быть, отъ нея зависѣло его спасти? Отчего они оба не смѣютъ произнести слова? Почти не смѣютъ дышать—и ждутъ... чего? Боже мой!

Соломинъ послалъ за докторомъ, хотя, конечно, надежды не было никакой. На маленькую, уже почернѣвшую, безкровную рану Нежданова Татьяна положила большую губку

съ холодною водой, намочила его волосы тоже холодной водою съ уксусомъ. Вдругъ Неждановъ пересталъ хрипѣть и пошевельнулся.

— Приходитъ въ память,—прошепталъ Соломинъ.

Маріанна стала на колѣни возлѣ дивана... Неждановъ взглянулъ на нее... до того времени его глаза были недвижны, какъ у всѣхъ умирающихъ.

— А я еще... живъ,—проговорилъ онъ чуть слышно.— И тутъ не сумѣлъ... задерживаю васъ.

— Алёша,—простонала Маріанна.

— Да вотъ... сейчасъ... Помнишь, Маріанна, въ моемъ... стихотвореніи... „Окружи меня цвѣтами“... Гдѣ же цвѣты?.. Но за то ты тутъ... Тамъ, въ моемъ письмѣ...

Онъ вдругъ затрепеталъ весь.

— Охъ, вотъ она... Дайте оба... другъ другу... руки— при мнѣ... Поскорѣе... дайте...

Соломинъ схватилъ руку Маріанны. Голова ея лежала на диванѣ, лицомъ внизъ, возлѣ самой раны.

Самъ Соломинъ стоялъ прямо и строго, сумрачный какъ ночь.

— Такъ... хорошо... такъ...

Неждановъ опять началъ всхлипывать, но какъ-то ужъ очень необычно... Грудь выставилась, бока втянулись...

Онъ явно пытался положить свою руку на ихъ соединенныя руки, но его руки уже были мертвы.

— Отходитъ,—шепнула Татьяна, стоявшая у двери, и стала креститься.

Всхлипыванья стали рѣже, короче... Онъ еще искалъ взоромъ Маріанну... но какая-то грозная бѣлесоватость уже заволакивала изнутри его глаза...

„Хорошо“... было его послѣднимъ словомъ.

Его не стало... а соединенныя руки Соломина и Маріанны все еще лежали на его груди.

Вотъ что писалъ онъ въ двухъ оставленныхъ имъ короткихъ запискахъ. Одна была адресована Силину, и содержала всего нѣсколько строкъ:

„Прощай, братъ, другъ, прощай! Когда ты получишь этотъ клочокъ—меня уже не будетъ. Не спрашивай, какъ,

почему,—и не сожалѣй; знай, что мнѣ теперь лучше. Возьми ты нашего безсмертнаго Пушкина и прочти въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ описаніе смерти Ленскаго. Помнишь: „Окна мѣломъ забѣлены; хозяйки нѣтъ“ и т. д. Вотъ и все. Сказать мнѣ тебѣ нечего... оттого, что слишкомъ много пришлось бы говорить, а времени нѣтъ. Но я не хотѣлъ уйти, не увѣдомивъ тебя; а то бы думалъ обо мнѣ, какъ о живомъ, и я согрѣшилъ бы передъ нашей дружбой. Прощай; живи.

„Твой другъ А. Н.“

Другое письмо было нѣсколько длиннѣе. Оно было адресовано на имя Соломина и Маріанны.—Вотъ что̀ стояло въ немъ:

„Дѣти мои!

(Тотчасъ послѣ этихъ словъ былъ перерывъ: что-то было зачеркнуто или скорѣе замарано, какъ будто слезы брызнули тутъ.)

„Вамъ, быть-можетъ, странно, что я васъ такъ величаю, я самъ почти ребенокъ—и ты, Соломинъ, конечно, старше меня. Но я умираю—и, сто̀я на концѣ жизни, гляжу на себя, какъ на старика. Я очень виноватъ предъ вами обоими, особенно предъ тобой, Маріанна—въ томъ, что причиняю вамъ такое горе—(я знаю, Маріанна, ты будешь горевать)—и доставилъ вамъ столько безпокойства. Но что̀ было дѣлать? Я другого выхода не нашелъ. Я не умѣлъ *опроститься*; оставалось вычеркнуть себя совсѣмъ.—Маріанна, я былъ бы бременемъ и для себя, и для тебя. Ты великодушная—ты бы обрадовалась этому бремени, какъ новой жертвѣ... но я не имѣлъ права налагать на тебя эту жертву: у тебя есть лучшее и бо̀льшее дѣло.—Дѣти мои, позвольте мнѣ соединить васъ какъ бы загробной рукою.—Вамъ будетъ хорошо вдвоемъ. Маріанна, ты окончательно полюбишь Соломина—а онъ... онъ тебя полюбилъ, какъ только увидѣлъ тебя у Сипягиныхъ. Это не осталось для меня тайной, хотя мы нѣсколько дней спустя бѣжали съ тобою.—Ахъ, то утро! Какое оно было славное, свѣжее, молодое! Оно представляется мнѣ теперь какъ знаменіе, какъ символъ вашей двойной жизни,—твоей и

его;—и я только случайно находился тогда на его мѣстѣ.—Но пора кончить; я не желаю тебя разжалобить... я желаю только оправдаться. — Завтра будутъ нѣсколько очень тяжелыхъ минутъ... Но что же дѣлать? Другого выхода вѣдь нѣтъ? — Прощай, Маріанна, моя хорошая, честная дѣвушка! — Прощай, Соломинъ! — Поручаю тебѣ ее.—Живите счастливо—живите съ пользой для другихъ; а ты, Маріанна, вспоминай обо мнѣ только когда будешь счастлива. — Вспоминай обо мнѣ, какъ о человѣкѣ тоже честномъ и хорошемъ, по которому было какъ-то приличнѣе умереть, нежели жить.—Любилъ ли я тебя любовью—не знаю, милый другъ, но знаю, что сильнѣе чувства я никогда не испыталъ, и что мнѣ было бы еще страшнѣе умереть, если-бъ я не уносилъ такого чувства съ собой въ могилу.

„Маріанна! Если ты встрѣтишь когда-нибудь дѣвушку, Машурину по имени,—Соломинъ ее знаетъ, впрочемъ и ты, кажется, ее видѣла—скажи ей, что я съ благодарностью вспомнилъ о ней незадолго передъ кончиной... Она ужъ пойметъ.

„Надо-жъ однако оторваться.—Я сейчасъ взглянулъ изъ окна:—среди быстро мчавшихся тучъ стояла одна прекрасная звѣзда.—Какъ быстро онѣ ни мчались—онѣ не могли ея закрыть. Эта звѣзда напомнила мнѣ тебя, Маріанна.—Въ это мгновенье ты спишь въ сосѣдней комнатѣ—и ничего не подозрѣваешь... Я подошелъ къ твоей двери, приложилъ ухо, и, казалось, уловилъ твое чистое, спокойное дыханіе... Прощай! прощай! прощайте, мои дѣти, мои друзья!

„Вашъ А.

„Ба, ба, ба! Какъ же это я въ *предсмертномъ* письмѣ ничего не сказалъ о нашемъ великомъ дѣлѣ?—Знать, потому, что передъ смертью лгать уже не приходится... Маріанна, прости мнѣ эту приписку... Ложь была во мнѣ—а не въ томъ, чему ты вѣришь!

„Да! вотъ еще что: ты, быть-можетъ, подумаешь, Маріанна: онъ испугался тюрьмы, въ которую его непремѣнно засадили бы—и нашелъ *это* средство ея избѣгнуть?—Нѣтъ:

тюрьма еще не важность; но сидѣть въ тюрьмѣ за дѣло, въ которое не вѣришь—это ужъ никуда не годится. И я кончаю съ собою—не изъ страха тюрьмы.

„Прощай, Маріанна! Прощай, моя чистая, нетронутая!“

Маріанна и Соломинъ поочередно прочли это письмо.—Потомъ она положила и портретъ свой, и обѣ бумажки къ себѣ въ карманъ—и осталась неподвижной.

Тогда Соломинъ сказалъ ей:

— Все готово, Маріанна; поѣдемъ. Надо исполнить его волю.

Маріанна приблизилась къ Нежданову, прикоснулась устами къ его уже похолодѣвшему лбу—и, обернувшись къ Соломину, сказала:—Поѣдемъ.

Онъ взялъ ее за руку—и оба вышли изъ комнаты.

Когда, нѣсколько часовъ спустя, полиція нагрянула на фабрику, она, конечно, нашла Нежданова—но уже трупомъ.—Татьяна опрятно убрала его, положила ему подъ голову бѣлую подушку, скрестила его руки, поставила даже букетъ цвѣтовъ возлѣ него на столикъ. — Павелъ, получившій всѣ нужныя инструкціи, принялъ полицейскихъ чиновниковъ съ величайшимъ подобострастіемъ и таковымъ же глумленіемъ,—такъ что тѣ не знали, благодарить ли его или тоже арестовать? Онъ разсказалъ обстоятельно, какъ происходило дѣло самоубійства, накормилъ ихъ швейцарскимъ сыромъ, напоилъ мадерой;—но насчетъ настоящаго мѣстопребыванія Василія Ѳедотыча и пріѣзжей барышни отозвался совершеннымъ невѣдѣніемъ—и только ограничился увѣреньемъ, что Василій, молъ, Ѳедотычъ никогда долго въ отсутствіи не пребываетъ—потому дѣла;—что онъ не нынче—завтра вернется—и тогда тотчасъ, минуточки не теряя, дастъ о томъ знать въ городъ.—Человѣкъ онъ на это—аккуратный!

Такъ господа чиновники и отъѣхали ни съ чѣмъ, приставивъ сторожей къ тѣлу и обѣщавшись прислать судебнаго слѣдователя.

XXXVIII.

Черезъ два дня послѣ всѣхъ этихъ происшествій—на

дворъ къ „складному“ попу Зосимѣ въѣхала телѣжка, въ которой сидѣли мужчина и женщина, уже извѣстные намъ—и на другой же день послѣ ихъ пріѣзда они сочетались бракомъ. Вскорѣ потомъ они исчезли—и добрый Зосима нисколько не горевалъ о томъ, что́ онъ сдѣлалъ. На фабрикѣ, оставленной Соломинымъ, оказалось письмо, адресованное на имя хозяина и доставленное ему Павломъ; въ немъ отдавался полный и точный отчетъ о положеніи дѣлъ (оно было блестящее)—и выпрашивался трехмѣсячный отпускъ. Письмо это было написано за два дня до смерти Нежданова, изъ чего можно было заключить, что Соломинъ уже тогда считалъ нужнымъ ѣхать съ нимъ и съ Маріанной и скрыться на время. Слѣдствіе, произведенное по поводу самоубійства, ничего не открыло.—Трупъ похоронили; Сипягинъ прекратилъ всякое дальнѣйшее исканіе своей племянницы.

А мѣсяцевъ девять спустя судили Маркелова. Онъ и на судѣ держалъ себя такъ же, какъ передъ губернаторомъ: спокойно, не безъ достоинства и нѣсколько уныло.—Его обычная рѣзкость смягчилась—но не отъ малодушія: тутъ участвовало другое, болѣе благородное чувство.—Онъ ни въ чемъ не оправдывался, ни въ чемъ не раскаивался, никого не обвинялъ и никого не назвалъ: его исхудалое лицо съ потухшими глазами сохраняло одно выраженіе: покорности судьбѣ и твердости; а его короткіе, но прямые и правдивые отвѣты возбуждали въ самихъ его судьяхъ чувство, похожее на состраданіе. Даже крестьяне, которые его схватили и свидѣтельствовали противъ него—даже они раздѣляли это чувство—и говорили о немъ, какъ о баринѣ „простомъ“ и добромъ. Но вина его была слишкомъ явна; избѣгнуть наказанія онъ не могъ,—и, казалось, самъ принялъ это наказаніе, какъ должное.—Изъ остальныхъ его, впрочемъ, немногочисленныхъ, соучастниковъ,—Машурина скрылась; Остродумовъ былъ убитъ однимъ мѣщаниномъ, котораго онъ подговаривалъ къ возстанію и который „неловко“ толкнулъ его; Голушкина, за его „чистосердечное раскаяніе“—(онъ чуть съ ума не сошелъ отъ ужаса и тоски),—подвергли легкому наказанію;

Кислякова продержали съ мѣсяцъ подъ арестомъ, а потомъ выпустили и даже не препятствовали ему снова „скакать“ по губерніямъ; Нежданова избавила смерть; Соломина, за недостаткомъ уликъ,—оставили въ нѣкоторомъ подозрѣніи—и въ покоѣ. (Онъ, впрочемъ, не уклонился отъ суда и явился въ срокъ.) О Маріаннѣ не было и рѣчи... Паклинъ окончательно вывернулся; да на него и не обратили особеннаго вниманія.

Прошло года полтора, настала зима 1870 года. Въ Петербургѣ, въ томъ самомъ Петербургѣ, гдѣ тайный совѣтникъ и камергеръ Синягинъ готовился играть значительную роль, гдѣ его жена покровительствовала всѣмъ искусствамъ, давала музыкальные вечера и устраивала дешевыя кухни,—а г. Калломѣйцевъ считался однимъ изъ надежнѣйшихъ чиновниковъ своего министерства,—по одной изъ линій Васильевскаго острова шелъ, ковыляя и слегка переваливаясь, маленькій человѣкъ въ скромномъ пальто съ кошачьимъ воротникомъ. То былъ Паклинъ. Онъ порядкомъ измѣнился въ послѣднее время: въ концахъ висковъ, выдававшихся изъ-подъ краевъ мѣховой шапки, виднѣлось нѣсколько серебряныхъ нитей.—Навстрѣчу ему двигалась по тротуару дама довольно полная, высокаго роста, плотно закутанная въ темный суконный плащъ.—Паклинъ бросилъ на нее разсѣянный взглядъ, прошелъ мимо... потомъ вдругъ остановился, задумался, разставилъ руки—и, съ живостью обернувшись и нагнавъ ее, взглянулъ ей подъ шляпку въ лицо.

— Машурина?—промолвилъ онъ вполголоса.

Дама величественно измѣрила его взоромъ—и, не сказавъ слова, пошла дальше.

— Милая Машурина, я васъ узналъ, — продолжалъ Паклинъ, ковыляя съ нею рядомъ: — только вы, пожалуйста, не бойтесь. Вѣдь я васъ не выдамъ—я *слишкомъ* радъ, что встрѣтилъ васъ!—Я, Паклинъ, Сила Паклинъ, знаете, пріятель Нежданова... Зайдите ко мнѣ:—я живу въ двухъ шагахъ отсюда... Пожалуйста!

— Io соно контесса Рокка ди Санто-Фіуме!—отвѣчала дама низкимъ голосомъ, но съ удивительно-чистымъ русскимъ акцентомъ.

— Ну, что контесса... какая тамъ контесса... Зайдите, поболтаемте...

— Да гдѣ вы живете? — спросила вдругъ по-русски итальянская графиня.—Мнѣ некогда.

— Я живу здѣсь, въ этой линіи, вотъ мой домъ, тотъ сѣрый, трехъ-этажный,—Какая вы добрая, что не хотите больше секретничать со мною! Дайте мнѣ руку, пойдемте.— Давно ли вы здѣсь? И почему вы графиня? вышли замужъ за какого-нибудь итальянскаго контэ?

Машурина ни за какого контэ не выходила: ее снабдили паспортомъ, выданнымъ на имя нѣкоей графини Рокка ди Санто-Фіуме, недавно передъ тѣмъ умершей — и она съ нимъ преспокойно отправилась въ Россію, хотя ни слова не понимала по-итальянски — и имѣла лицо самое русское.

Паклинъ привелъ ее въ свою скромную квартиру. Горбатая сестра, съ которой онъ жилъ, вышла навстрѣчу гостьѣ изъ-за перегородки, отдѣлявшей крохотную кухню отъ такой же передней.

— Вотъ, Спапочка, — промолвилъ онъ: — рекомендую: большая моя пріятельница; дай-ка намъ поскорѣе чаю.

Машурина, которая не пошла бы къ Паклину, если бъ онъ не упомянулъ имени Пежданова, сняла шляпу съ головы,—и, поправивши своей мужественной рукой свои попрежнему коротко остриженные волосы, поклонилась и сѣла молча. Она такъ вовсе не измѣнилась; даже платье на ней было то же самое, какъ и два года тому назадъ; но въ глазахъ ея установилась какая-то недвижная печаль, которая придавала нѣчто трогательное обычно-суровому выраженію ея лица.

Спандулія побѣжала за самоваромъ,—а Паклинъ помѣстился противъ Машуриной, слегка похлопалъ ее по колѣну и понурилъ голову, а когда хотѣлъ заговорить, принужденъ былъ откашляться; голосъ его прервался, и слезинки сверкнули въ глазахъ. — Машурина сидѣла неподвижно и прямо, не прислоняясь къ спинкѣ стула — и угрюмо смотрѣла въ сторону.

— Да, да,—началъ Паклинъ:—были дѣла! Гляжу на

васъ и вспоминаю... многое и многихъ. — Мертвыхъ и живыхъ. — Вотъ, и мои переклитки умерли... да вы ихъ, кажется, не знали; — и обѣ, какъ я предсказывалъ, въ одинъ день.—Неждановъ... бѣдный Неждановъ!.. Вы вѣдь, вѣроятно, знаете...

— Да, знаю,—промолвила Машурина, все такъ же глядя въ сторону.

— И объ Остродумовѣ тоже знаете?

Машурина только кивнула головою. Ей хотѣлось, чтобы онъ продолжалъ говорить о Нежданове — но она не рѣшилась просить его объ этомъ.—Онъ ее понялъ и такъ.

— Я слышалъ, что онъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ упомянулъ о васъ.—Правда это?

Машурина не тотчасъ отвѣчала.

— Правда,—произнесла она наконецъ.

— Чудесный былъ человѣкъ! Только не въ свою колею попалъ! — Онъ такой же былъ революціонеръ, какъ и я! Знаете, кто онъ собственно былъ?—Романтикъ реализма! Понимаете ли вы меня?

Машурина бросила быстрый взглядъ на Паклина. Она его не поняла, — да и не хотѣла дать себѣ трудъ его понять. — Ей показалось неумѣстнымъ и страннымъ, что онъ осмѣливается приравнивать себя къ Нежданову;—но она подумала: „Пускай хвастается теперь". (Хоть онъ вовсе не хвастался,—а скорѣй, по его понятіямъ, принижалъ себя.)

— Меня тутъ отыскалъ нѣкто Силинъ, — продолжалъ Паклинъ: — Неждановъ тоже писалъ къ нему передъ смертью. Такъ вотъ онъ, этотъ самый Силинъ, просилъ: нельзя ли найти какія-нибудь бумаги покойнаго? — Но Алёшины вещи были опечатаны... да и бумагъ тамъ не было; онъ все сжегъ—и стихи свои сжегъ.—Вы, можетъ-быть, не знали, что онъ стихи писалъ? Мнѣ ихъ жаль; я увѣренъ—иные должны были быть очень недурны.—Все это исчезло вмѣстѣ съ нимъ—все попало въ общій круговоротъ—и замерло навѣки! Только что у друзей осталось воспоминаніе,—пока они сами не исчезнутъ въ свою очередь!

Паклинъ помолчалъ.

— Зато Сипягины,—подхватилъ онъ снова:—помните, эти снисходительные, важные, отвратительные тузы—они теперь на верху могущества и славы!—Машурина вовсе не „помнила“ Сипягиныхъ; но Паклинъ такъ ихъ ненавидѣлъ обоихъ—особенно его—что не могъ отказать себѣ въ удовольствіи ихъ „продернуть“.—Говорятъ, у нихъ въ домѣ такой высокій тонъ!—Все о добродѣтели толкуютъ!! Только я замѣтилъ: если гдѣ слишкомъ много толкуютъ о добродѣтели—это все равно, какъ если въ комнатѣ у больного слишкомъ накурено благовоніями: навѣрно предъ этимъ совершилась какая-нибудь тайная пакость!—Подозрительно это!—Бѣднаго Алексѣя *они* погубили, эти Сипягины!

— Что Соломинъ?—спросила Машурина.—Ей вдругъ перестало хотѣться слышать что-нибудь отъ *этого* о *немъ!*

— Соломинъ!—воскликнулъ Паклинъ.—Этотъ молодцомъ. Вывернулся отлично. Прежнюю-то фабрику бросилъ и лучшихъ людей съ собой увелъ.—Тамъ былъ одинъ... голова, говорятъ, бѣдовая! Павломъ его звали... такъ и того увелъ. Теперь, говорятъ, свой заводъ имѣетъ—небольшой—гдѣ-то тамъ, въ Перми, на какихъ-то артельныхъ началахъ. Этотъ дѣла своего не оставитъ! Онъ продолбитъ!—Клювъ у него тонкій—да и крѣпкій зато. Онъ—молодецъ! А главное: онъ не внезапный исцѣлитель общественныхъ ранъ.—Потому, вѣдь мы, русскіе, какой народъ? мы все ждемъ: вотъ-молъ придетъ что-нибудь, или кто-нибудь, и разомъ насъ излѣчитъ, всѣ наши раны заживитъ, выдернетъ всѣ наши недуги, какъ больной зубъ. Кто будетъ этотъ чародѣй?—Дарвинизмъ? Деревня? Архипъ Перепентьевъ? Заграничная война?—Что угодно! только, батюшка, рви зубъ!!—Это все—лѣность, вялость, недомысліе!—А Соломинъ не такой: нѣтъ,—онъ зубовъ не дергаетъ—онъ молодецъ!

Машурина сдѣлала знакъ рукою, какъ бы желая сказать, что: „этого, стало-быть, похѣрить надо“.

— Ну, а та дѣвушка,—спросила она:—я забыла ея имя—которая тогда съ нимъ—съ Неждановымъ—ушла?

— Маріанна? Да она теперь этого самаго Соломина жена. Уже больше года, какъ она за нимъ замужемъ. Сперва только числилась—а теперь, говорятъ, настоящей женою стала. Да-а.

Машурина опять сдѣлала тотъ же знакъ рукою.

Бывало, она ревновала Нежданова къ Маріаннѣ; а теперь она негодовала на нее за то, что какъ могла она измѣнить его памяти?!..—Чай, ребенокъ уже есть,—прибавила она съ пренебреженіемъ.

— Можетъ-быть, не знаю.—Но куда же вы, куда?—прибавилъ Паклинъ, видя, что она берется за шляпу.—Подождите: Снапочка намъ сейчасъ чаю подастъ. Ему не столько хотѣлось удержать собственно Машурину, сколько не упустить случая высказать все, что̀ накопилось и накипѣло у него на душѣ. — Съ тѣхъ поръ, какъ Паклинъ вернулся въ Петербургъ, онъ видѣлъ очень мало людей, особенно молодыхъ.—Исторія съ Неждановымъ его напугала, онъ сталъ очень остороженъ и чуждался общества,—и молодые люди, съ своей стороны, поглядывали на него подозрительно. Одинъ такъ даже прямо въ глаза обругалъ его доносчикомъ. Со стариками онъ самъ не охотно сближался; вотъ ему и приходилось иногда молчать по недѣлямъ. Передъ сестрой онъ не высказывался: не потому, чтобы воображалъ ее неспособной его понять—о, нѣтъ! Онъ высоко цѣнилъ ея умъ... Но съ ней надо было говорить серьёзно и вполнѣ правдиво; а какъ только онъ пускался „козырять“ или „запускать брандеръ“—она тотчасъ принималась глядѣть на него какимъ-то особеннымъ, внимательнымъ и соболѣзнующимъ взглядомъ;—и ему становилось совѣстно. Но скажите, возможно ли обойтись безъ легкой „козырки“? Хоть съ двойки—да козыряй! Оттого-то и жизнь въ Петербургѣ начала становиться тошна Паклину, и онъ уже думалъ какъ бы перебраться въ Москву, что ли?—Разныя соображенія, измышленія, выдумки, смѣшныя или злыя слова, набирались въ немъ, какъ вода на запертой мельницѣ... Заставокъ нельзя было поднимать: вода дѣлалась стоячей и портилась. — Машурина подвернулась... Вотъ онъ и поднялъ заставки и заговорилъ, заговорилъ...

Досталось же Петербургу, петербургской жизни, всей Россіи?—Никому и ничему не было ни малѣйшей пощады! — Машурину все это занимало весьма умѣренно; но она не возражала и не перебивала его... а ему больше ничего не требовалось.

— Да-съ,—говорилъ онъ:—веселое наступило времячко, доложу вамъ! Въ обществѣ застой совершенный; всѣ скучаютъ адски! Въ литературѣ пустота—хоть шаромъ покати! Въ критикѣ... если молодому передовому рецензенту нужно сказать, что „курицѣ свойственно нести яйца"—подавай ему цѣлыхъ двадцать страницъ для изложенія этой великой истины—да и то онъ едва съ нею сладитъ! Пухлы эти господа, доложу вамъ, какъ пуховики, размазисты, какъ тюря—и съ пѣной у рта говорятъ—общія мѣста! Въ наукѣ... ха-ха-ха! *ученый Кантъ* есть и у насъ:—только на воротникахъ инженеровъ! Въ искусствѣ то же самое! Не угодно ли вамъ сегодня пойти въ концертъ? Услышите народнаго пѣвца Агремантскаго... Большимъ успѣхомъ пользуется... А если бы лещъ съ кашей—*лещъ съ кашей*, говорю вамъ, былъ одаренъ голосомъ, то онъ именно такъ бы и пѣлъ, какъ этотъ господинъ!—И тотъ же Скоропихинъ, знаете нашъ ископный Аристархъ—его хвалитъ! Это, молъ, не то, что западное искусство! Онъ же и нашихъ паскудныхъ живописцевъ хвалитъ!—Я, молъ, прежде самъ приходилъ въ восторгъ отъ Европы, отъ итальянцевъ;—а услышалъ Россини и подумалъ:—Э! э!—увидѣлъ Рафаэля... Э! э!.. И этого э! э!—нашимъ молодымъ людямъ совершенно достаточно; и они за Скоропихинымъ повторяютъ: э! э!—и довольны, представьте! А въ то же время народъ бѣдствуетъ страшно, подати его разорили въ конецъ, и только та и совершилась реформа, что всѣ мужики картузы надѣли, а бабы бросили кички... А голодъ! А пьянство! А кулаки!

Но тутъ Машурина зѣвнула—и Паклинъ понялъ, что надо перемѣнить разговоръ.

— Вы мнѣ еще не сказали,—обратился онъ къ ней:—гдѣ вы эти два года были и давно ли пріѣхали—и что дѣлали—и какимъ образомъ превратились въ итальянку и почему...

— Вамъ все это не слѣдуетъ знать,—перебила Машурина:—къ чему? Вѣдь ужъ это теперь не по вашей части.

Паклина какъ будто что-то кольнуло,—и онъ, чтобъ скрыть свое смущеніе, посмѣялся коротенькимъ, натянутымъ смѣхомъ.

— Ну, какъ угодно,—промолвилъ онъ:—я знаю, я въ глазахъ нынѣшняго поколѣнія человѣкъ отсталый; да и точно, я уже не могу считаться... въ тѣхъ рядахъ... Онъ не закончилъ своей фразы.—Вотъ намъ Снапочка чай несетъ. Вы выкушайте чашечку, да послушайте меня... Можетъ-быть, въ моихъ словахъ будетъ что-нибудь интересное для васъ.

Машурина взяла чашку, кусочекъ сахару и принялась пить въ-прикуску.

Паклинъ разсмѣялся уже на̀-чисто.

— Хорошо, что полиціи здѣсь нѣтъ, а то итальянская графиня... какъ бишь?

— Рокка ди Санто-Фіуме,—съ невозмутимой важностью проговорила Машурина, втягивая въ себя горячую струю.

— Рокка ди Санто-Фіуме!—повторилъ Паклинъ:—и пьетъ въ-прикуску чай! Ужъ очень неправдоподобно! Полиція сейчасъ возымѣла бы подозрѣнія.

— Ко мнѣ и то на границѣ,—замѣтила Машурина:—приставалъ какой-то въ мундирѣ; все разспрашивалъ; я ужъ и не вытерпѣла: „Отвяжись ты отъ меня, говорю, ради Бога!“

— Вы это по-итальянски ему сказали?

— Нѣтъ, по-русски.

— И что же онъ?

— Что? Извѣстно, отошелъ.

— Браво! — воскликнулъ Паклинъ. — Ай да контесса! Еще чашечку! Ну, такъ вотъ что́ я хотѣлъ вамъ сказать: вы вотъ о Соломинѣ отозвались сухо.—А знаете ли, что̀ я вамъ доложу? Такіе, какъ онъ—они-то вотъ и суть настоящіе. Ихъ сразу не раскусишь, а они—настоящіе, повѣрьте; и будущее имъ принадлежитъ. Это—не герои; это даже не тѣ „герои труда“, о которыхъ какой-то чудакъ—американецъ или англичанинъ—написалъ книгу для на-

зиданія насъ, убогихъ; это—крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди. Теперь только такихъ и нужно! Вы смотрите на Соломина: уменъ—какъ день,—и здоровъ—какъ рыба... Какъ же не чудно! Вѣдь у насъ до сихъ поръ на Руси кàкъ было: коли ты живой человѣкъ, съ чувствомъ, съ сознаніемъ—такъ непремѣнно ты больной! А у Соломина сердце-то, пожалуй, тѣмъ же болѣетъ, чѣмъ и наше—и ненавидитъ онъ тò же, чтò мы ненавидимъ—да нервы у него молчатъ—и все тѣло повинуется, какъ слѣдуетъ... значитъ: молодецъ! Помилуйте: человѣкъ съ идеаломъ—и безъ фразы; образованный—и изъ народа; простой—и себѣ-на-умѣ... Какого вамъ еще надо?..

— И вы не глядите на то,—продолжалъ Паклинъ, приходя все болѣе и болѣе въ азартъ, и не замѣчая, что Машурина его уже давно не слушала и опять уставилась куда-то въ сторону:—не глядите на тò, что у насъ теперь на Руси всякій водится народъ: и славянофилы, и чиновники, и простые, и махровые генералы, и эпикурейцы, и подражатели, и чудаки—(знавалъ же я одну барыню, Хавронью Прыщову по имени, которая вдругъ съ бухта-барахта сдѣлалась легитимисткой и увѣряла всѣхъ, что когда она умретъ—то стóитъ только вскрыть ея тѣло—и на сердцѣ ея найдутъ начертаннымъ имя Генриха V... Это у Хавроньи Прыщовой-то!)—Не глядите на все это, моя почтеннѣйшая, а знайте, что настоящая, ископная наша дорога—тамъ, гдѣ Соломины, сѣрые, простые, хитрые Соломины! Вспомните, *когда* я это говорю вамъ—зимой 1870 года, когда Германія собирается уничтожить Францію—когда...

— Силушка, — послышался за спиной Паклина тихій голосокъ Спандуліи:—мнѣ кажется, въ твоихъ разсужденіяхъ о будущемъ ты забываешь нашу религію и ея вліяніе... И къ тому же,—поспѣшно прибавила она:—г-жа Машурина тебя не слушаетъ... Ты бы лучше предложилъ ей еще чашку чаю.

Паклинъ спохватился.

— Ахъ, да, моя почтенная—не хотите ли вы, въ самомъ дѣлѣ?..

Но Машурина медленно перевела на него свои темные глаза и задумчиво промолвила:

— Я хотѣла спросить у васъ, Паклинъ, нѣтъ ли у васъ какой-нибудь записки Нежданова—или его фотографіи?

— Есть фотографія... есть; и кажется, довольно хорошая.—Въ столѣ.—Я сейчасъ отыщу вамъ ее.

Онъ сталъ рыться у себя въ ящикѣ—а Спандулія подошла къ Машуриной—и съ участіемъ, долго и пристально посмотрѣвъ на нее, пожала ей руки—какъ собрату.

— Вотъ она! Нашелъ!—воскликнулъ Паклинъ и подалъ фотографію. Машурина быстро,—почти не взглянувъ на нее и не сказавъ спасибо, но покраснѣвши вся,—сунула ее въ карманъ, надѣла шляпу и направилась къ двери.

— Вы ухо́дите?—промолвилъ Паклинъ.—Гдѣ вы живете, по крайней мѣрѣ?

— А гдѣ придется.

— Понимаю: вы не хотите, чтобъ я объ этомъ зналъ. Ну, скажите, пожалуйста, хоть одно: вы все по приказанію Василія Николаевича дѣйствуете?

— На что̀ вамъ знать!

— Или, можетъ, кого другого,—Сидора Сидорыча?

Машурина не отвѣчала.

— Или вами распоряжается безымянный какой?

Машурина уже перешагнула порогъ.

— А, можетъ быть, и безымянный!

Она захлопнула дверь.

Паклинъ долго стоялъ неподвижно передъ этой закрытой дверью.

— „Безымянная Русь!“—сказалъ онъ наконецъ.

РУДИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ XII ГЛАВАХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

(НАПИСАНО ВЪ 1855 ГОДУ.)

I.

Было тихое лѣтнее утро. Солнце уже довольно высоко стояло на чистомъ небѣ, но поля еще блестѣли росой; изъ недавно проснувшихся долинъ вѣяло душистой свѣжестью, и въ лѣсу, еще сыромъ и не шумномъ, весело распѣвали раннія птички. На вершинѣ пологаго холма, сверху до низу покрытаго только-что зацвѣтшею рожью, виднѣлась небольшая деревенька. Къ этой деревенькѣ, по узкой проселочной дорожкѣ, шла молодая женщина, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, круглой соломенной шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ. Казачокъ издали слѣдовалъ за ней.

Она шла не торопясь, и какъ бы наслаждаясь прогулкой. Кругомъ, по высокой, зыбкой ржи, переливаясь то серебристо-зеленой, то красноватой рябью, съ мягкимъ шелестомъ бѣжали длинныя волны; въ вышинѣ звенѣли жаворонки. Молодая женщина шла изъ собственнаго своего села, отстоявшаго не болѣе версты отъ деревеньки, куда она направляла путь; звали ее Александрой Павловной Липиной. Она была вдова, бездѣтна и довольно богата, жила вмѣстѣ съ своимъ братомъ, отставнымъ штабсъротмистромъ Сергѣемъ Павлычемъ Волынцевымъ. Онъ не былъ женатъ и распоряжался ея имѣніемъ.

Александра Павловна дошла до деревеньки, остановилась у крайней избушки, весьма ветхой и низкой, и, подо-

звавъ своего казачка, велѣла ему войти въ нее и спросить о здоровьѣ хозяйки. Онъ скоро вернулся въ сопровожденіи дряхлаго мужика съ бѣлой бородой.

— Ну, что́?—спросила Александра Павловна.

— Жива еще...—проговорилъ старикъ.

— Можно войти?

— Отчего же? можно.

Александра Павловна вошла въ избу. Въ ней было тѣсно, и душно, и дымно... Кто-то закопошился и застоналъ на лежанкѣ. Александра Павловна оглянулась и увидѣла въ полумракѣ желтую и сморщенную голову старушки, повязанной клѣтчатымъ платкомъ. Покрытая по самую грудь тяжелымъ армякомъ, она дышала съ трудомъ, слабо разводя худыми руками.

Александра Павловна приблизилась къ старушкѣ и прикоснулась пальцами до ея лба... онъ такъ и пылалъ.

— Какъ ты себя чувствуешь, Матрена?—спросила она, наклонившись надъ лежанкой.

— О-охъ!—простонала старушка, всмотрѣвшись въ Александру Павловну.—Плохо, плохо, родная! Смертный часикъ пришелъ, голубушка!

— Богъ милостивъ, Матрена: можетъ-быть, ты поправишься. Ты приняла лѣкарство, которое я тебѣ прислала?

Старушка тоскливо заохала и не отвѣчала. Она не разслышала вопроса.

— Приняла,—проговорилъ старикъ, остановившійся у двери.

Александра Павловна обратилась къ нему.

— Кромѣ тебя при ней никого нѣтъ?—спросила она.

— Есть дѣвочка — ея внучка, да все вотъ отлучается. Не посидитъ: такая егозливая. Воды подать испить бабкѣ—и то лѣнь. А я самъ старъ: куда мнѣ!

— Не перевезти ли ее ко мнѣ въ больницу?

— Нѣтъ! зачѣмъ въ больницу? все одно помирать-то. Пожила довольно; видно, ужъ такъ Богу угодно. Съ лежанки не сходитъ. Гдѣ-жъ ей въ больницу! Ее станутъ поднимать, она и помретъ.

— Охъ,—застонала больная:—красавица-барыня, сироточку-то мою не оставь; наши господа далеко, а ты...

Старушка умолкла. Она говорила черезъ силу.

— Не безпокойся,—промолвила Александра Павловна:—все будетъ сдѣлано. Вотъ, я тебѣ чаю и сахару принесла. Если захочется, выпей... Вѣдь самоваръ у васъ есть?—прибавила она, взглянувъ на старика.

— Самоваръ-то? Самовара у насъ нѣту, а достать можно.

— Такъ достань, а то я пришлю свой. Да прикажи внучкѣ, чтобы она не отлучалась. Скажи ей, что это стыдно.

Старикъ ничего не отвѣчалъ, а свертокъ съ чаемъ и сахаромъ взялъ въ обѣ руки.

— Ну, прощай, Матрена!—проговорила Александра Павловна: — я къ тебѣ еще приду, а ты не унывай и лѣкарство принимай аккуратно...

Старуха приподняла голову и потянулась къ Александрѣ Павловнѣ.

— Дай, барыня, ручку,—пролепетала она.

Александра Павловна не дала ей руки, нагнулась и поцѣловала ее въ лобъ.

— Смотри же,—сказала она, уходя, старику:—лѣкарство ей давайте непремѣнно, какъ написано. И чаемъ ее напойте...

Старикъ опять ничего не отвѣчалъ и только поклонился.

Свободно вздохнула Александра Павловна, очутившись на свѣжемъ воздухѣ. Она раскрыла зонтикъ и хотѣла-было идти домой, какъ вдругъ изъ-за угла избушки выѣхалъ, на низенькихъ бѣговыхъ дрожкахъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, въ старомъ пальто изъ сѣрой коломянки и такой же фуражкѣ. Увидѣвъ Александру Павловну, онъ тотчасъ остановилъ лошадь и обернулся къ ней лицомъ. Широкое, безъ румянца, съ небольшими, блѣдно-сѣрыми глазками и бѣлесоватыми усами, оно подходило подъ цвѣтъ его одежды.

— Здравствуйте,—проговорилъ онъ съ лѣнивой усмѣшкой:—что это вы тутъ такое дѣлаете, позвольте узнать?

— Я навѣщала больную... А вы откуда, Михайло Михайлычъ?

Человѣкъ, называвшійся Михайло Михайлычемъ, посмотрѣлъ ей въ глаза и опять усмѣхнулся.

— Это вы хорошо дѣлаете, — продолжалъ онъ: — что больную навѣщаете; только не лучше ли вамъ ее въ больницу перевезти.

— Она слишкомъ слаба: ее нельзя тронуть.

— А больницу свою вы не намѣрены уничтожить?

— Уничтожить? зачѣмъ!

— Да такъ.

— Что за странная мысль! Съ чего это вамъ въ голову пришло?

— Да вы вотъ съ Ласунской все знаетесь и, кажется, находитесь подъ ея вліяніемъ. А по ея словамъ, больницы, училища — это все пустяки, ненужныя выдумки. Благотвореніе должно быть личное, просвѣщеніе то же: это все дѣло души... такъ, кажется, она выражается. Съ чьего это голоса она поетъ, желалъ бы я знать?

Александра Павловна засмѣялась.

— Дарья Михайловна умная женщина, я ее очень люблю и уважаю; но и она можетъ ошибаться, и я не каждому ея слову вѣрю.

— И прекрасно дѣлаете,—возразилъ Михайло Михайлычъ, все не слѣзая съ дрожекъ: — потому что она сама словамъ своимъ плохо вѣритъ. А я очень радъ, что встрѣтилъ васъ.

— А что̀?

— Хорошъ вопросъ! Какъ будто не всегда пріятно васъ встрѣтить! Сегодня вы такъ же свѣжи и милы, какъ это утро.

Александра Павловна опять засмѣялась.

— Чему же вы смѣетесь?

— Какъ чему? Если-бъ вы могли видѣть, съ какой вялой и холодной миной вы произнесли вашъ комплиментъ! Удивляюсь, какъ вы не зѣвнули на послѣднемъ словѣ.

— Съ холодной миной... Вамъ все огня нужно; а огонь никуда не годится. Вспыхнетъ, надымитъ и погаснетъ.

— И согрѣетъ,—подхватила Александра Павловна.

— Да... и обожжетъ.

— Ну, что-жъ, что обожжетъ! И это не бѣда. Все же лучше, чѣмъ...

— А вотъ я посмотрю, то ли вы заговорите, когда хоть разъ хорошенько обожжетесь,—перебилъ ее съ досадой Михайло Михайлычъ и хлопнулъ вожжой по лошади.—Прощайте!

— Михайло Михайлычъ, постойте!—закричала Александра Павловна:—когда вы у насъ будете?

— Завтра; поклонитесь вашему брату.

И дрожки покатились.

Александра Павловна посмотрѣла вслѣдъ Михайлу Михайловичу.

„Какой мѣшокъ!“ подумала она. Сгорбленный, запыленный, съ фуражкой на затылкѣ, изъ-подъ которой безпорядочно торчали косицы желтыхъ волосъ, онъ, дѣйствительно, походилъ на большой мучной мѣшокъ.

Александра Павловна отправилась тихонько назадъ по дорогѣ домой. Она шла съ опущенными глазами. Близкій топотъ лошади заставилъ ее остановиться и поднять голову... Ей навстрѣчу ѣхалъ ея братъ верхомъ; рядомъ съ нимъ шелъ молодой человѣкъ небольшого роста, въ легонькомъ сюртучкѣ на распашку, легонькомъ галстучкѣ и легонькой сѣрой шляпѣ, съ тросточкой въ рукѣ. Онъ уже давно улыбался Александрѣ Павловнѣ, хотя и видѣлъ, что она шла въ раздумьѣ, ничего не замѣчая, а какъ только она остановилась, подошелъ къ ней и радостно, почти нѣжно произнесъ:

— Здравствуйте, Александра Павловна, здравствуйте!

— А! Константинъ Діомидычъ? здравствуйте!—отвѣтила она.—Вы отъ Дарьи Михайловны?

— Точно такъ-съ, точно такъ-съ,—подхватилъ съ сіяющимъ лицомъ молодой человѣкъ:—отъ Дарьи Михайловны. Дарья Михайловна послала меня къ вамъ-съ; я предпочелъ идти пѣшкомъ... Утро такое чудесное, всего четыре версты разстоянія. Я прихожу—васъ дома нѣтъ-съ. Мнѣ вашъ братецъ говоритъ, что вы пошли въ Семеновку, и сами, собираются въ поле: я вотъ съ ними и пошелъ-съ, къ вамъ навстрѣчу. Да-съ. Какъ это пріятно!

Молодой человѣкъ говорилъ по-русски чисто и правильно, но съ иностраннымъ произношеніемъ, хотя трудно было опредѣлить, съ какимъ именно. Въ чертахъ лица его было нѣчто азіатское. Длинный носъ съ горбиной, большіе неподвижные глаза на выкатѣ, крупныя красныя губы, покатый лобъ, черные какъ смоль волосы,—все въ немъ изобличало восточное происхожденіе, но молодой человѣкъ именовался по фамиліи Пандалевскимъ и называлъ своею родиной Одессу, хотя и воспитывался гдѣ-то въ Бѣлоруссіи, насчетъ благодѣтельной и богатой вдовы. Другая вдова опредѣлила его на службу. Вообще, дамы среднихъ лѣтъ охотно покровительствовали Константину Діомидычу: онъ умѣлъ искать, умѣлъ находить въ нихъ. Онъ и теперь жилъ у богатой помѣщицы, Дарьи Михайловны Ласунской, въ качествѣ пріемыша или нахлѣбника. Онъ былъ весьма ласковъ, услужливъ, чувствителенъ и втайнѣ сластолюбивъ, обладалъ пріятнымъ голосомъ, порядочно игралъ на фортепіано и имѣлъ привычку, когда говорилъ съ кѣмъ-нибудь, такъ и впиваться въ него глазами. Онъ одѣвался очень чистенько и платье носилъ чрезвычайно долго, тщательно выбривалъ свой широкій подбородокъ и причесывалъ волосокъ къ волоску.

Александра Павловна выслушала его рѣчь до конца и обратилась къ брату.

— Сегодня мнѣ все встрѣчи: сейчасъ я разговаривала съ Лежневымъ.

— А, съ нимъ! онъ ѣхалъ куда-нибудь?

— Да; и вообрази, на бѣговыхъ дрожкахъ, въ какомъ-то полотняномъ мѣшкѣ, весь въ пыли... Какой онъ чудакъ!

— Да, быть-можетъ; только онъ славный человѣкъ.

— Кто это? Г-нъ Лежневъ?—спросилъ Пандалевскій, какъ бы удивясь.

— Да, Михайло Михайлычъ Лежневъ,—возразилъ Волынцевъ. — Однако, прощай, сестра: мнѣ пора ѣхать въ поле; у тебя гречиху сѣютъ. Г-нъ Пандалевскій тебя проведетъ домой...

И Волынцевъ пустилъ лошадь рысью.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!—воскликнулъ Кон-

стантинъ Діомидычъ и предложилъ Александрѣ Павловнѣ руку.

Она подала ему свою, и оба отправились по дорогѣ въ ея усадьбу.

Вести подъ руку Александру Павловну доставляло, повидимому, большое удовольствіе Константину Діомидычу; онъ выступалъ маленькими шагами, улыбался, а восточные глаза его даже покрылись влагой, что̀, впрочемъ, съ ними случалось не рѣдко: Константину Діомидычу ничего не стоило умилиться и пролить слезу. И кому бы не было пріятно вести подъ руку хорошенькую женщину, молодую и стройную? Объ Александрѣ Павловнѣ вся ....ая губернія единогласно говорила, что она прелесть, и ....ая губернія не ошибалась. Одинъ ея прямой, чуть-чуть вздернутый носикъ могъ свести съ ума любого смертнаго, не говоря уже о ея бархатныхъ карихъ глазкахъ, золотисто-русыхъ волосахъ, ямкахъ на круглыхъ щечкахъ и другихъ красотахъ. Но лучше всего въ ней было выраженіе ея миловиднаго лица: довѣрчивое, добродушное и кроткое, оно и трогало, и привлекало. Александра Павловна глядѣла и смѣялась, какъ ребенокъ; барыни находили ее простенькой... Можно ли было чего-нибудь еще желать?

— Васъ Дарья Михайловна ко мнѣ прислала, говорите вы?—спросила она Пандалевскаго.

— Да-съ, прислала-съ,—отвѣчалъ онъ, выговаривая букву *c*, какъ англійское *th*: — онѣ непремѣнно желаютъ и велѣли васъ убѣдительно просить, чтобы вы пожаловали сегодня къ нимъ обѣдать... Онѣ (Пандалевскій, когда говорилъ о третьемъ лицѣ, особенно о дамѣ, строго придерживался множественнаго числа):—онѣ ждутъ къ себѣ новаго гостя, съ которымъ непремѣнно желаютъ васъ познакомить.

— Кто это?

— Нѣкто Муффель, баронъ, камеръ-юнкеръ изъ Петербурга. Дарья Михайловна недавно съ нимъ познакомились у князя Гарина и съ большой похвалой о немъ отзы-

ваются, какъ о любезномъ и образованномъ молодомъ человѣкѣ. Г-нъ баронъ занимаются также литературой, или, лучше сказать... ахъ, какая прелестная бабочка! извольте обратить ваше вниманіе... лучше сказать, политической экономіей. Онъ написалъ статью о какомъ-то очень интересномъ вопросѣ — и желаетъ подвергнуть ее на судъ Дарьѣ Михайловнѣ.

— Политико-экономическую статью?

— Съ точки зрѣнія языка-съ, Александра Павловна, съ точки зрѣнія языка-съ. Вамъ, я думаю, извѣстно, что и въ этомъ Дарья Михайловна знатокъ-съ. Жуковскій съ ними совѣтовался, а благодѣтель мой, проживающій въ Одессѣ благопотребный старецъ Роксоланъ Медіаровичъ Ксандрыка... Вамъ, навѣрное, извѣстно имя этой особы?

— Нисколько, и не слыхивала.

— Не слыхивали о такомъ мужѣ? Удивительно! Я хотѣлъ сказать, что и Роксоланъ Медіаровичъ очень былъ всегда высокаго мнѣнія о познаніяхъ Дарьи Михайловны въ россійскомъ языкѣ.

— А не педантъ этотъ баронъ?—спросила Александра Павловна.

— Никакъ нѣтъ-съ; Дарья Михайловна разсказываютъ, что, напротивъ, свѣтскій человѣкъ въ немъ сейчасъ виденъ. О Бетховенѣ говорилъ съ такимъ краснорѣчіемъ, что даже старый князь почувствовалъ восторгъ... Это я, признаюсь, послушалъ бы: вѣдь это по моей части. Позвольте вамъ предложить этотъ прекрасный полевой цвѣтокъ.

Александра Павловна взяла цвѣтокъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, уронила его на дорогу... До дому ея оставалось шаговъ двѣсти, не болѣе. Недавно выстроенный и выбѣленный, онъ привѣтливо выглядывалъ своими широкими, свѣтлыми окнами изъ густой зелени старинныхъ липъ и кленовъ.

— Такъ какъ же-съ прикажете доложить Дарьѣ Михайловнѣ,—заговорилъ Пандалевскій, слегка обиженный участью поднесеннаго имъ цвѣтка: — пожалуете вы къ обѣду? Онѣ и братца вашего просятъ.

— Да, мы пріѣдемъ, непремѣнно. А что̀ Наташа?

— Наталья Алексѣевна, слава Богу, здоровы-съ... Но мы уже прошли поворотъ къ имѣнью Дарьи Михайловны. Позвольте мнѣ раскланяться.

Александра Павловна остановилась.—А вы развѣ не зайдете къ намъ?—спросила она нерѣшительнымъ голосомъ.

— Душевно бы желалъ-съ, но боюсь опоздать. Дарьѣ Михайловнѣ угодно послушать новый этюдъ Тальберга: такъ надо приготовиться и подучить. Притомъ, я, признаюсь, сомнѣваюсь, чтобы моя бесѣда могла доставить вамъ какое-нибудь удовольствіе.

— Да нѣтъ... почему же...

Пандалевскій вздохнулъ и выразительно опустилъ глаза.

— До свиданія, Александра Павловна! проговорилъ онъ, помолчавъ немного, поклонился и отступилъ шагъ назадъ.

Александра Павловна повернулась и пошла домой.

Константинъ Діомидычъ также пустился во-свояси. Съ лица его тотчасъ исчезла вся сладость: самоувѣренное, почти суровое выраженіе появилось на немъ. Даже походка Константина Діомидыча измѣнилась: онъ теперь и шагалъ шире, и наступалъ тяжелѣе. Онъ прошелъ версты двѣ, развязно помахивая палочкой, и вдругъ опять осклабился: онъ увидѣлъ возлѣ дороги молодую, довольно смазливую крестьянскую дѣвушку, которая выгоняла телятъ изъ овса. Константинъ Діомидычъ осторожно, какъ котъ, подошелъ къ дѣвушкѣ и заговорилъ съ ней. Та сперва молчала, краснѣла и посмѣивалась, наконецъ, закрыла губы рукавомъ, отворотилась и промолвила:

— Ступай, баринъ, право...

Константинъ Діомидычъ погрозилъ ей пальцемъ и велѣлъ ей принести себѣ васильковъ.

— На что тебѣ васильковъ? вѣнки, что ль, плесть?—возразила дѣвушка:—да ну, ступай же, право...

— Послушай, моя любезная красоточка,—началъ-было Константинъ Діомидычъ...

— Да ну, ступай,—перебила его дѣвушка: — баричи, вонъ, идутъ.

Константинъ Діомидычъ оглянулся. Дѣйствительно, по дорогѣ бѣжали Ваня и Петя, сыновья Дарьи Михайловны;

за ними шелъ ихъ учитель, Басистовъ, молодой человѣкъ двадцати-двухъ лѣтъ, только-что окончившій курсъ. Басистовъ былъ рослый малый, съ простымъ лицомъ, большимъ носомъ, крупными губами и свиными глазками, некрасивый и неловкій, но добрый, честный и прямой. Онъ одѣвался небрежно, не стригъ волосъ, — не изъ щегольства, а отъ лѣни; любилъ поѣсть, любилъ поспать, но любилъ также хорошую книгу, горячую бесѣду и всей душой ненавидѣлъ Пандалевскаго.

Дѣти Дарьи Михайловны обожали Басистова и ужъ нисколько его не боялись; со всѣми остальными въ домѣ онъ былъ на короткой ногѣ, что̀ не совсѣмъ нравилось хозяйкѣ, какъ она ни толковала о томъ, что для нея предразсудковъ не существуетъ.

— Здравствуйте, мои миленькіе!—заговорилъ Константинъ Діомидычъ: — какъ вы рано сегодня гулять пошли! А я,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Басистову:—уже давно вышелъ; моя страсть—наслаждаться природой.

— Видѣли мы какъ вы наслаждаетесь природой,—пробормоталъ Басистовъ.

— Вы матеріалистъ: ужъ сейчасъ Богъ знаетъ, что̀ думаете. Я васъ знаю!

Пандалевскій, когда говорилъ съ Басистовымъ или подобными ему людьми, легко раздражался и букву *с* произносилъ чисто, даже съ маленькимъ свистомъ.

— Что же, вы у этой дѣвки, небось, дорогу спрашивали?—проговорилъ Басистовъ, поводя глазами и вправо и влѣво.

Онъ чувствовалъ, что Пандалевскій глядитъ ему прямо въ лицо, а это ему было крайне непріятно.

— Я повторяю, вы матеріалистъ и больше ничего. Вы непремѣнно желаете во всемъ видѣть одну прозаическую сторону...

— Дѣти!—скомандовалъ вдругъ Басистовъ:—видите вы на лугу ракиту: посмотримъ, кто скорѣе до нея добѣжитъ... разъ! два! три!

И дѣти бросились во всѣ ноги къ ракитѣ. Басистовъ устремился за ними.

„Мужикъ!“ подумалъ Пандалевскій: — „испортитъ онъ этихъ мальчишекъ... Совершенный мужикъ!“

И, съ удовольствіемъ окинувъ взглядомъ свою собственную опрятную и изящную фигурку, Константинъ Діомидычъ ударилъ раза два растопыренными пальцами по рукаву сюртука, встряхнулъ воротникомъ и отправился далѣе. Вернувшись къ себѣ въ комнату, онъ надѣлъ старенькій халатъ и съ озабоченнымъ лицомъ сѣлъ за фортепіано.

II.

Домъ Дарьи Михайловны Ласунской считался чуть ли не первымъ по всей ....ой губерніи. Огромный, каменный, сооруженный по рисункамъ Растрелли во вкусѣ прошедшаго столѣтія, онъ величественно возвышался на вершинѣ холма, у подошвы котораго протекала одна изъ главныхъ рѣкъ средней Россіи. Сама Дарья Михайловна была знатная и богатая барыня, вдова тайнаго совѣтника. Хотя Пандалевскій и разсказывалъ про нее, что она знаетъ всю Европу, да и Европа ее знаетъ!—однако, Европа ее знала мало; даже въ Петербургѣ она важной роли не играла; за то въ Москвѣ ее всѣ знали и ѣздили къ ней. Она принадлежала къ высшему свѣту и слыла за женщину нѣсколько странную, не совсѣмъ добрую, но чрезвычайно умную. Въ молодости она была очень хороша собою. Поэты писали ей стихи, молодые люди въ нее влюблялись, важные господа волочились за ней. Но съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ двадцать пять или тридцать, и прежнихъ прелестей не осталось и слѣда. „Неужели,—спрашивалъ себя невольно всякій, кто только видѣлъ ее въ первый разъ:— неужели эта худенькая, желтенькая, востроносая и еще не старая женщина была когда-то красавицей? Неужели это она, та самая, о которой бряцали лиры?.. И всякій внутренно удивлялся перемѣнчивости всего земного. Правда, Пандалевскій находилъ, что у Дарьи Михайловны удивительно сохранились ея великолѣпные глаза; но вѣдь тотъ же Пандалевскій утверждалъ, что ее вся Европа знаетъ.

Дарья Михайловна пріѣзжала каждое лѣто къ себѣ въ

деревню съ своими дѣтьми (у нея ихъ было трое: дочь Наталья, семнадцати лѣтъ, и два сына, десяти и девяти лѣтъ) и жила открыто, то-есть принимала мужчинъ, особенно холостыхъ; провинціальныхъ барынь она терпѣть не могла. За то и доставалось же ей отъ этихъ барынь! Дарья Михайловна, по ихъ словамъ, была и горда, и безнравственна, и тиранка страшная; а главное — она позволяла себѣ такія вольности въ разговорѣ, что ужасти! Дарья Михайловна, дѣйствительно, не любила стѣснять себя въ деревнѣ, и въ свободной простотѣ ея обхожденія замѣчался легкій оттѣнокъ презрѣнія столичной львицы къ окружавшимъ ее, довольно темнымъ и мелкимъ существамъ... Она и съ городскими знакомыми обходилась очень развязно, даже насмѣшливо; но оттѣнка презрѣнія не было.

Кстати, читатель: замѣтили ли вы, что человѣкъ, необыкновенно разсѣянный въ кружкѣ подчиненныхъ, никогда не бываетъ разсѣянъ съ лицами высшими? Отчего бы это? Впрочемъ, подобные вопросы ни къ чему не ведутъ.

Когда Константинъ Діомидычъ, вытвердивъ, наконецъ, тальберховскій этюдъ, спустился изъ своей чистой и веселенькой комнаты въ гостиную, онъ уже засталъ все домашнее общество собраннымъ. *Салонъ* уже начался. На широкой кушеткѣ, подобравъ подъ себя ноги и вертя въ рукахъ новую французскую брошюру, расположилась хозяйка; у окна, за пяльцами, сидѣли: съ одной стороны дочь Дарьи Михайловны, а съ другой m-lle Boncourt— гувернантка, старая и сухая дѣва лѣтъ шестидесяти, съ накладкой черныхъ волосъ подъ разноцвѣтнымъ чепцомъ и хлопчатой бумагой въ ушахъ; въ углу, возлѣ двери, помѣстился Басистовъ и читалъ газету; подлѣ него Петя и Ваня играли въ шашки, а прислонясь къ печкѣ и заложивъ руки за спину, стоялъ господинъ небольшого роста, взъерошенный и сѣдой, съ смуглымъ лицомъ и бѣглыми черными глазками—нѣкто Африканъ Семенычъ Пигасовъ.

Странный человѣкъ былъ этотъ господинъ Пигасовъ. Озлобленный противу всего и всѣхъ — особенно противъ

женщинъ—онъ бранился съ утра до вечера, иногда очень мѣтко, иногда довольно тупо, но всегда съ наслажденіемъ. Раздражительность его доходила до ребячества; его смѣхъ, звукъ его голоса, все его существо казалось пропитаннымъ желчью. Дарья Михайловна охотно принимала Пигасова: онъ потѣшалъ ее своими выходками. Онѣ, точно, были довольно забавны. Все преувеличивать было его страстью. Напримѣръ: о какомъ бы несчастьѣ при немъ ни говорили — разсказывали ли ему, что громомъ зажгло деревню, что вода прорвала мельницу, что мужикъ себѣ топоромъ руку отрубилъ — онъ всякій разъ съ сосредоточеннымъ ожесточеніемъ спрашивалъ:—„А какъ ее зовутъ?"—то-есть, какъ зовутъ женщину, отъ которой произошло то несчастіе, потому что, по его увѣреніямъ, всякому несчастію причиной женщина, стоитъ только хорошенько вникнуть въ дѣло. Онъ однажды бросился на колѣни передъ почти незнакомой ему барыней, которая приставала къ нему съ угощеніемъ, и началъ слезно, но съ написанной на лицѣ яростью умолять ее, чтобы она его пощадила, что онъ ничѣмъ передъ ней не провинился и впередъ у ней никогда не будетъ. Разъ лошадь помчала подъ-гору одну изъ прачекъ Дарьи Михайловны, опрокинула ее въ ровъ и чуть не убила. Пигасовъ съ тѣхъ поръ иначе не называлъ эту лошадь, какъ „добрый, добрый конекъ", а самую гору и ровъ находилъ чрезвычайно живописными мѣстами. Пигасову въ жизни не повезло—онъ эту дурь и напустилъ на себя. Онъ происходилъ отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ его занималъ разныя мелкія должности, едва зналъ грамотѣ и не заботился о воспитаніи сына; кормилъ, одѣвалъ его—и только. Мать его баловала, но скоро умерла. Пигасовъ самъ себя воспиталъ, самъ опредѣлилъ себя въ уѣздное училище, потомъ въ гимназію, выучился языкамъ: французскому, нѣмецкому и даже латинскому и, выйдя изъ гимназіи съ отличнымъ аттестатомъ, отправился въ Дерптъ, гдѣ постоянно боролся съ нуждою, но выдержалъ трехгодичный курсъ до конца. Способности Пигасова не выходили изъ разряда обыкновенныхъ; терпѣніемъ и настойчивостью

онъ отличался, но особенно сильно было въ немъ чувство честолюбія, желаніе попасть въ хорошее общество, не отстать отъ другихъ, на зло судьбѣ. Онъ и учился прилежно, и въ дерптскій университетъ поступилъ изъ честолюбія. Бѣдность сердила его и развила въ немъ наблюдательность и лукавство. Онъ выражался своеобразно; онъ смолоду присвоилъ себѣ особый родъ желчнаго и раздражительнаго краснорѣчія. Мысли его не возвышались надъ общимъ уровнемъ: а говорилъ онъ такъ, что могъ казаться не только умнымъ, но даже очень умнымъ человѣкомъ. Получивъ степень кандидата, Пигасовъ рѣшился посвятить себя ученому званію: онъ понялъ, что на всякомъ другомъ поприщѣ онъ бы никакъ не могъ угнаться за своими товарищами (онъ старался выбирать ихъ изъ высшаго круга и умѣлъ къ нимъ поддѣлаться, даже льстилъ имъ, хотя все ругался). Но тутъ въ немъ, говоря попросту, матеріала не хватило. Самоучка не изъ любви къ наукѣ, Пигасовъ въ сущности зналъ слишкомъ мало. Онъ жестоко провалился на диспутѣ, между тѣмъ, какъ жившій съ нимъ въ одной комнатѣ другой студентъ, надъ которымъ онъ постоянно смѣялся, человѣкъ весьма ограниченный, но получившій правильное и прочное воспитаніе, восторжествовалъ вполнѣ. Неудача эта взбѣсила Пигасова: онъ бросилъ въ огонь всѣ свои книги и тетради и поступилъ на службу. Сначала дѣло шло недурно: чиновникъ онъ былъ хоть куда, не очень распорядительный, зато крайне самоувѣренный и бойкій; но ему захотѣлось поскорѣе выскочить въ люди—онъ запутался, споткнулся и принужденъ былъ выйти въ отставку. Года три просидѣлъ онъ у себя въ благопріобрѣтенной деревенькѣ и вдругъ женился на богатой, полуобразованной помѣщицѣ, которую поймалъ на удочку своихъ развязныхъ и насмѣшливыхъ манеръ. Но нравъ Пигасова уже слишкомъ раздражился и окисъ; онъ тяготился семейной жизнью... Жена его, поживъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, уѣхала тайкомъ въ Москву и продала какому-то ловкому аферисту свое имѣніе, а Пигасовъ только-что построилъ въ немъ усадьбу. Потрясенный до основанія этимъ послѣднимъ

ударомъ, Пигасовъ затѣялъ-было тяжбу съ женою, но ничего не выигралъ... Онъ доживалъ свой вѣкъ одиноко, разъѣзжалъ по сосѣдямъ, которыхъ бранилъ за глаза и даже въ глаза, и которые принимали его съ какимъ-то напряженнымъ полухохотомъ, хотя серьезнаго страха онъ имъ не внушалъ,—и никогда книги въ руки не бралъ. У него было около ста душъ; мужики его не бѣдствовали.

— А! Constantin!—проговорила Дарья Михайловна, какъ только Пандалевскій вошелъ въ гостиную:—Alexandrine будетъ?

— Александра Павловна велѣла васъ благодарить и за особенное удовольствіе себѣ поставляютъ,—выразилъ Константинъ Діомидычъ, пріятно раскланиваясь на всѣ стороны и прикасаясь толстой, но бѣлой ручкой съ ногтями, остриженными треугольникомъ, къ превосходно причесаннымъ волосамъ.

— И Волынцевъ тоже будетъ?

— И они-съ.

— Такъ какъ же, Африканъ Семенычъ,—продолжала Дарья Михайловна, обратясь къ Пигасову:—по-вашему, всѣ барышни неестественны?

У Пигасова губы скрутились на-бокъ, и онъ нервически задергалъ локтемъ.

— Я говорю,—началъ онъ неторопливымъ голосомъ—онъ въ самомъ сильномъ припадкѣ ожесточенія говорилъ медленно и отчетливо:—я говорю, что барышни вообще—о присутствующихъ, разумѣется, я умалчиваю...

— Но это не мѣшаетъ вамъ и о нихъ думать,—перебила Дарья Михайловна.

— Я о нихъ умалчиваю,—повторилъ Пигасовъ.—Всѣ барышни вообще неестественны въ высшей степени—неестественны въ выраженіи чувствъ своихъ. Испугается ли, напримѣръ, барышня, обрадуется ли чему, или опечалится, она непремѣнно сперва придастъ тѣлу своему какой-нибудь этакій изящный изгибъ (и Пигасовъ пребезобразно выгнулъ свой станъ и оттопырилъ руки) и потомъ ужъ крикнетъ: ахъ! или засмѣется, или заплачетъ. Мнѣ, одна-

ко (и тутъ Пигасовъ самодовольно улыбнулся), удалось-таки добиться однажды истиннаго, неподдѣльнаго выраженія ощущенія отъ одной замѣчательно неестественной барышни!

— Какимъ это образомъ?

Глаза Пигасова засверкали.

— Я ее хватилъ въ бокъ осиновымъ коломъ сзади. Она какъ взвизгнетъ, а я ей: браво! браво! Вотъ это голосъ природы, это былъ естественный крикъ... Вы и впередъ всегда такъ поступайте!

Всѣ въ комнатѣ засмѣялись.

— Что̀ вы за пустяки говорите, Африканъ Семенычъ!— воскликнула Дарья Михайловна. — Повѣрю ли я, что вы станете дѣвушку толкать коломъ въ бокъ!

— Ей-Богу, коломъ, пребольшимъ коломъ, въ родѣ тѣхъ, которые употребляются при защитѣ крѣпостей.

— Mais c'est une horreur ce que vous dîtes là, monsieur,— возопила m-lle Boncourt, грозно посматривая на расхохотавшихся дѣтей.

— Да не вѣрьте ему,—промолвила Дарья Михайловна:— развѣ вы его не знаете?

Но негодующая француженка долго не могла успокоиться и все что-то бормотала себѣ подъ носъ.

— Вы можете мнѣ не вѣрить,—продолжалъ хладнокровнымъ голосомъ Пигасовъ: — но я утверждаю, что я сказалъ сущую правду. Кому-жъ это знать, коли не мнѣ? Послѣ этого вы, пожалуй, также не повѣрите, что наша сосѣдка Чепузова, Елена Антоновна, сама, замѣтьте сама, мнѣ разсказала, какъ она уморила своего родного племянника?

— Вотъ еще выдумали!

— Позвольте, позвольте! Выслушайте и судите сами. Замѣтьте, я на нее клеветать не желаю, я ее даже люблю, насколько, то-есть, можно любить женщину; у ней во всемъ домѣ нѣтъ ни одной книги, кромѣ календаря, и читать она не можетъ иначе, какъ вслухъ—чувствуетъ отъ этого упражненія испарину и жалуется потомъ, что у ней глаза пупомъ полѣзли... Словомъ, женщина она хо-

рошая, и горничныя у ней толстыя. Зачѣмъ мнѣ на нее клеветать?

— Ну!—замѣтила Дарья Михайловна:—взобрался Африканъ Семенычъ на своего конька—теперь не слѣзетъ съ него до вечера.

— Мой конекъ... А у женщинъ ихъ цѣлыхъ три, съ которыхъ онѣ никогда не слѣзаютъ—развѣ когда спятъ.

— Какіе же эти три конька?

— Попрекъ, намекъ и упрекъ.

— Знаете ли что, Африканъ Семенычъ,—начала Дарья Михайловна:—вы не даромъ такъ озлоблены на женщинъ. Какая-нибудь, должно-быть, васъ...

— Обидѣла, вы хотите сказать?—перебилъ ее Пигасовъ.

Дарья Михайловна немного смутилась; она вспомнила о несчастномъ бракѣ Пигасова... и только головой кивнула.

— Меня одна женщина точно обидѣла,—промолвилъ Пигасовъ:—хоть и добрая была, очень добрая...

— Кто же это такая?

— Мать моя,—произнесъ Пигасовъ, понизивъ голосъ.

— Ваша мать? Чѣмъ же она могла васъ обидѣть!

— А тѣмъ, что родила...

Дарья Михайловна наморщила брови.

— Мнѣ кажется,—заговорила она: — разговоръ нашъ принимаетъ невеселый оборотъ... Constantin, сыграйте намъ новый этюдъ Тальберха... Авось, звуки музыки укротятъ Африкана Семеныча. Орфей укрощалъ же дикихъ звѣрей.

Константинъ Діомидычъ сѣлъ за фортепіано и сыгралъ этюдъ весьма удовлетворительно. Сначала Наталья Алексѣевна слушала со вниманіемъ, потомъ опять принялась за работу.

— Merci, c'est charmant,—промолвила Дарья Михайловна:—люблю Тальберха. Il est si distingué. Что вы задумались, Африканъ Семенычъ?

— Я думалъ,—началъ медленно Пигасовъ: — что есть три разряда эгоистовъ: эгоисты, которые сами живутъ и жить даютъ другимъ; эгоисты, которые сами живутъ и не даютъ жить другимъ; наконецъ, эгоисты, которые и сами

не живутъ, и другимъ не даютъ... Женщины, большею частію, принадлежатъ къ третьему разряду.

— Какъ это любезно! Одному я только удивляюсь, Африканъ Семенычъ, какая у васъ самоувѣренность въ сужденіяхъ; точно вы никогда ошибиться не можете.

— Кто говоритъ! и я ошибаюсь; мужчина тоже можетъ ошибаться. Но знаете ли, какая разница между ошибкою нашего брата и ошибкою женщины? Не знаете? Вотъ какая: мужчина можетъ, напримѣръ, сказать, что дважды-два не четыре, а пять или три съ половиною; а женщина скажетъ, что дважды-два—стеариновая свѣчка.

— Я уже это, кажется, слышала отъ васъ... Но позвольте спросить, какое отношеніе имѣетъ ваша мысль о трехъ родахъ эгоистовъ къ музыкѣ, которую вы сейчасъ слышали?

— Никакого, да я и не слушалъ музыки.

— Ну, „ты, батюшка, я вижу, неисправимъ, хоть брось“,— возразила Дарья Михайловна, слегка искажая Грибоѣдовскій стихъ.—Что̀ же вы любите, коли вамъ и музыка не нравится? литературу, что ли?

— Я литературу люблю, да только не нынѣшнюю.

— Почему?

— А вотъ почему. Я недавно переѣзжалъ черезъ Оку на паро̀мѣ съ какимъ-то бариномъ. Паро̀мъ присталъ къ крутому мѣсту: надо было втаскивать экипажи на рукахъ. У барина была коляска претяжёлая. Пока перевозчики надсаживались, втаскивая коляску на берегъ, баринъ такъ кряхтѣлъ, стоя на паромѣ, что даже жалко его становилось... Вотъ, подумалъ я, новое примѣненіе системы раздѣленія работъ! Такъ и нынѣшняя литература: другіе везутъ, дѣло дѣлаютъ, а она кряхтитъ.

Дарья Михайловна улыбнулась.

— И это называется воспроизведеніемъ современнаго быта,—продолжалъ неугомонный Пигасовъ:—глубокимъ сочувствіемъ къ общественнымъ вопросамъ и еще какъ-то... Охъ, ужъ эти мнѣ громкія слова!

— А вотъ женщины, на которыхъ вы такъ нападаете—тѣ, по крайней мѣрѣ, не употребляютъ громкихъ словъ.

Пигасовъ пожалъ плечомъ.

— Не употребляютъ, потому что не умѣютъ.

Дарья Михайловна слегка покраснѣла.

— Вы начинаете дерзости говорить, Африканъ Семенычъ!—замѣтила она съ принужденной улыбкой.

Все затихло въ комнатѣ.

— Гдѣ это Золотоноша?—спросилъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ у Басистова.

— Въ Полтавской губерніи, мой милѣйшій,—подхватилъ Пигасовъ: — въ самой Хохландіи. (Онъ обрадовался случаю перемѣнить разговоръ.)—Вотъ, мы толковали о литературѣ,—продолжалъ онъ:—если бъ у меня были лишнія деньги, я бы сейчасъ сдѣлался малороссійскимъ поэтомъ.

— Это что́ еще? хорошъ поэтъ!—возразила Дарья Михайловна:—развѣ вы знаете по-малороссійски?

— Нимало; да оно и не нужно.

— Какъ не нужно?

— Да такъ же, не нужно. Сто́итъ только взять листъ бумаги и написать наверху: „Дума"; потомъ начать такъ: „гой, ты доля моя, доля!" или: „сѣде казачино Наливайко на курганѣ!" а тамъ: „по-пидъ горо́ю, по-пидъ зелено́ю, грае, грае воропае, гопъ! гопъ!" или что-нибудь въ этомъ родѣ. И дѣло въ шляпѣ. Печатай и издавай. Малороссъ прочтетъ, подопретъ рукою щеку и непремѣнно заплачетъ,—такая чувствительная душа!

— Помилуйте!—воскликнулъ Басистовъ.—Что вы это такое говорите? Это ни съ чѣмъ не сообразно. Я жилъ въ Малороссіи, люблю ее и языкъ ея знаю... грае, грае воропае"—совершенная безсмыслица.

— Можетъ-быть, а хохолъ все-таки заплачетъ. Вы говорите: языкъ... Да развѣ существуетъ малороссійскій языкъ? Я попросилъ разъ одного хохла перевести слѣдующую, первую попавшуюся мнѣ фразу: „грамматика есть искусство правильно читать и писать". Знаете, какъ онъ это перевелъ: „храматыка е выскусьтво правыльно чытаты ы пысаты..." Что жъ, это языкъ, по-вашему? самостоятельный языкъ? Да скорѣй, чѣмъ съ этимъ согласиться, я готовъ позволить лучшаго своего друга истолочь въ ступѣ...

Басистовъ хотѣлъ возражать.

— Оставьте его,—промолвила Дарья Михайловна:—вѣдь вы знаете, отъ него кромѣ парадоксовъ ничего не услышишь.

Пигасовъ язвительно улыбнулся. Лакей вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Александры Павловны и ея брата.

Дарья Михайловна встала навстрѣчу гостямъ.

— Здравствуйте, Alexandrine!—заговорила она, подходя къ ней: — какъ вы умно сдѣлали, что пріѣхали... Здравствуйте, Сергѣй Павлычъ!

Волынцевъ пожалъ Дарьѣ Михайловнѣ руку и подошелъ къ Натальѣ Алексѣевнѣ.

— А что, этотъ баронъ, вашъ новый знакомый, пріѣдетъ сегодня?—спросилъ Пигасовъ.

— Да, пріѣдетъ.

— Онъ, говорятъ, великій философъ: такъ Гегелемъ и брызжетъ.

Дарья Михайловна ничего не отвѣчала, усадила Александру Павловну на кушетку и сама помѣстилась возлѣ нея.

— Философія,—продолжалъ Пигасовъ: — высшая точка зрѣнія! Вотъ еще смерть моя: эти высшія точки зрѣнія. И что̀ можно увидать сверху? Небось, коли захочешь лошадь купить, не съ каланчи на нее смотрѣть станешь!

— Вамъ этотъ баронъ хотѣлъ привезти статью какую-то? спросила Александра Павловна.

— Да, статью,—отвѣчала съ преувеличенною небрежностью Дарья Михайловна: — объ отношеніяхъ торговли къ промышленности въ Россіи... Но не бойтесь: мы ее здѣсь читать не станемъ... я васъ не за тѣмъ позвала. Le baron est aussi aimable que savant. И такъ хорошо говоритъ по-русски! C'est un vrai torrent... il vous entraine.

— Такъ хорошо по-русски говоритъ,—проворчалъ Пигасовъ:—что заслуживаетъ французской похвалы.

— Поворчите еще, Африканъ Семенычъ, поворчите... Это очень идетъ къ вашей взъерошенной прическѣ... Однако, что же онъ не ѣдетъ? Знаете ли что̀, messieurs et mesdames,—прибавила Дарья Михайловна, взглянувъ кругомъ:—пойдемте въ садъ... До обѣда еще около часу осталось, а погода славная...

Все общество поднялось и отправилось въ садъ.

Садъ у Дарьи Михайловны доходилъ до самой рѣки. Въ немъ было много старыхъ липовыхъ аллей, золотисто-темныхъ и душистыхъ, съ изумрудными просвѣтами по концамъ, много бесѣдокъ изъ акацій и сирени.

Волынцевъ вмѣстѣ съ Натальей и m-lle Boncourt забрались въ самую глушь сада. Волынцевъ шелъ рядомъ съ Натальей и молчалъ. M-lle Boncourt слѣдовала немного поодаль.

— Что же вы дѣлали сегодня?—спросилъ наконецъ Волынцевъ, подергивая концы своихъ прекрасныхъ темно-русыхъ усовъ.

Онъ чертами лица очень походилъ на сестру; но въ выраженіи ихъ было меньше игры и жизни, и глаза его, красивые и ласковые, глядѣли какъ-то грустно.

— Да ничего,—отвѣчала Наталья:—слушала, какъ Пигасовъ бранится, вышивала по канвѣ, читала.

— А что̀ такое вы читали?

— Я читала... исторію крестовыхъ походовъ,—проговорила Наталья съ небольшой запинкой.

Волынцевъ посмотрѣлъ на нее.

— А!—произнесъ онъ наконецъ:—это должно-быть интересно.

Онъ сорвалъ вѣтку и началъ вертѣть ей по воздуху Они прошли еще шаговъ двадцать.

— Что это за баронъ, съ которымъ ваша матушка познакомилась?—спросилъ опять Волынцевъ.

— Камеръ-юнкеръ, пріѣзжій; maman его очень хвалитъ.

— Ваша матушка способна увлекаться.

— Это доказываетъ, что она еще очень молода сердцемъ,—замѣтила Наталья.

— Да. Я скоро пришлю вамъ вашу лошадь. Она уже почти совсѣмъ выѣзжена. Мнѣ хочется, чтобы она съ мѣста поднимала въ галопъ, и я этого добьюсь.

— Merci... Однако, мнѣ совѣстно. Вы сами ее выѣзжаете... это, говорятъ, очень трудно...

— Чтобы доставить вамъ малѣйшее удовольствіе, вы знаете, Наталья Алексѣевна, я готовъ... я... и не такіе пустяки...

Волынцевъ замялся.

Наталья дружелюбно взглянула на него и еще разъ сказала: merci.

— Вы знаете,—продолжалъ Сергѣй Павлычъ послѣ долгаго молчанья: — что нѣтъ такой вещи... Но къ чему я это говорю? вѣдь вы все знаете.

Въ это мгновеніе въ домѣ прозвенѣлъ колоколъ.

— Ah! la cloche du diner!—воскликнула m-lle Boncourt:— rentrons.

„Quel dommage“, подумала про-себя старая француженка, взбираясь на ступеньки балкона вслѣдъ за Волынцевымъ и Натальей: — „quel dommage que ce charmant garçon ait si peu de ressources dans la conversation...“ что́ по-русски можно такъ перевести: ты, мой милый, милъ, но плохъ немножко.

Баронъ къ обѣду не пріѣхалъ. Его прождали съ полчаса. Разговоръ за столомъ не клеился. Сергѣй Павлычъ только посматривалъ на Наталью, возлѣ которой сидѣлъ, и усердно наливалъ ей воды въ стаканъ. Пандалевскій тщетно старался занять сосѣдку свою, Александру Павловну: онъ весь закипалъ сладостью, а она чуть не зѣвала.

Басистовъ каталъ шарики изъ хлѣба и ни о чемъ не думалъ; даже Пигасовъ молчалъ, и когда Дарья Михайловна замѣтила ему, что онъ очень не любезенъ сегодня, угрюмо отвѣтилъ: когда же я бываю любезнымъ? Это не мое дѣло... И, усмѣхнувшись горько, прибавилъ: — потерпите маленько. Вѣдь я квасъ, du prostoï русскій квасъ; а вотъ вашъ камеръ-юнкеръ...

— Браво!—воскликнула Дарья Михайловна.—Пигасовъ ревнуетъ, заранѣе ревнуетъ!

Но Пигасовъ ничего не отвѣтилъ ей и только посмотрѣлъ исподлобья.

Пробило семъ часовъ и всѣ опять собрались въ гостиную.

— Видно, не будетъ,—сказала Дарья Михайловна...

Но вотъ, раздался стукъ экипажа, небольшой тарантасъ въѣхалъ на дворъ, и черезъ нѣсколько мгновеній лакей вошелъ въ гостиную и подалъ Дарьѣ Михайловнѣ письмо

на серебряномъ блюдечкѣ. Она пробѣжала его до конца и, обратясь къ лакею, спросила:

— А гдѣ же господинъ, который привезъ это письмо?

— Въ экипажѣ сидитъ-съ. Прикажете принять-съ?

— Проси.

Лакей вышелъ.

— Вообразите, какая досада,—продолжала Дарья Михайловна: — баронъ получилъ предписаніе тотчасъ вернуться въ Петербургъ. Онъ прислалъ мнѣ свою статью съ однимъ господиномъ Рудинымъ, своимъ пріятелемъ. Баронъ хотѣлъ мнѣ его представить—онъ очень его хвалилъ. Но какъ это досадно! я надѣялась, что баронъ поживетъ здѣсь...

— Дмитрій Николаевичъ Рудинъ,—доложилъ лакей.

III.

Вошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, курчавый, смуглый, съ лицомъ неправильнымъ, но выразительнымъ и умнымъ, съ жидкимъ блескомъ въ быстрыхъ, темно-синихъ глазахъ, съ прямымъ, широкимъ носомъ и красно очерченными губами. Платье на немъ было не ново и узко, словно онъ изъ него выросъ.

Онъ проворно подошелъ къ Дарьѣ Михайловнѣ, поклонясь короткимъ поклономъ, сказалъ ей, что онъ давно желалъ имѣть честь представиться ей, и что пріятель его, баронъ, очень сожалѣлъ о томъ, что не могъ проститься лично.

Тонкій звукъ голоса Рудина не соотвѣтствовалъ его росту и его широкой груди.

— Садитесь... очень рада,—промолвила Дарья Михайловна и, познакомивъ его со всѣмъ обществомъ, спросила, здѣшній ли онъ, или заѣзжій.

— Мое имѣніе въ Т****ой губерніи,—отвѣчалъ Рудинъ, держа шляпу на колѣняхъ: — а здѣсь я недавно. Я пріѣхалъ по дѣлу и поселился пока въ вашемъ уѣздномъ городѣ.

— У кого?

— У доктора. Онъ мой старинный товарищъ по университету.

— А! у доктора... Его хвалятъ. Онъ, говорятъ, свое дѣло разумѣетъ. А съ барономъ вы давно знакомы?

— Я нынѣшней зимой въ Москвѣ съ нимъ встрѣтился и теперь провелъ у него около недѣли.

— Онъ очень умный человѣкъ—баронъ.

— Да-съ.

Дарья Михайловна понюхала узелокъ носового платка, напитанный одеколономъ.

— Вы служите?—спросила она.

— Кто? я-съ?

— Да.

— Нѣтъ... Я въ отставкѣ.

Наступило небольшое молчаніе. Общій разговоръ возобновился.

— Позвольте полюбопытствовать, — началъ Пигасовъ, обратясь къ Рудину:—вамъ извѣстно содержаніе статьи, присланной господиномъ барономъ?

— Извѣстно.

— Статья эта трактуетъ объ отношеніяхъ торговли... или нѣтъ, бишь, промышленности къ торговлѣ въ нашемъ отечествѣ... Такъ, кажется, вы изволили выразиться, Дарья Михайловна?

— Да, она объ этомъ...—проговорила Дарья Михайловна и приложила руку ко лбу.

— Я, конечно, въ этихъ дѣлахъ судья плохой,—продолжалъ Пигасовъ: — но я долженъ сознаться, что мнѣ самое заглавіе статьи кажется чрезвычайно... какъ бы это сказать поделикатнѣе?... чрезвычайно темнымъ и запутаннымъ.

— Почему же оно вамъ такъ кажется?

Пигасовъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ вскользь на Дарью Михайловну.

— А вамъ оно ясно?—проговорилъ онъ, снова обративъ свое лисье личико къ Рудину.

— Мнѣ? Ясно.

— Гм... Конечно, это вамъ лучше знать.

— У васъ голова болитъ?—спросила Александра Павловна Дарью Михайловну.

— Нѣтъ. Это у меня такъ... C'est nerveux.

— Позвольте полюбопытствовать,—заговорилъ опять носовымъ голоскомъ Пигасовъ:—вашъ знакомецъ, господинъ баронъ Муффель... такъ, кажется, ихъ зовутъ?

— Точно такъ.

— Господинъ баронъ Муффель спеціально занимается политической экономіей, или только такъ, посвящаетъ этой интересной наукѣ часы досуга, остающагося среди свѣтскихъ удовольствій и занятій по службѣ?

Рудинъ пристально посмотрѣлъ на Пигасова.

— Баронъ въ этомъ дѣлѣ дилетантъ,—отвѣчалъ онъ, слегка краснѣя:— но въ его статьѣ много справедливаго и любопытнаго.

— Не могу спорить съ вами, не зная статьи... Но, смѣю спросить, сочиненіе вашего пріятеля, барона Муффеля, вѣроятно, болѣе придерживается общихъ разсужденій, нежели фактовъ.

— Въ немъ есть и факты, и разсужденія, основанныя на фактахъ.

— Такъ-съ, такъ-съ. Доложу вамъ, по моему мнѣнію... а я могу-таки, при случаѣ, свое слово молвить: я три года въ Дерптѣ выжилъ... всѣ эти, такъ-называемыя, общія разсужденія, гипотезы тамъ, системы... извините меня, я провинціалъ, правду-матку рѣжу прямо... никуда не годятся. Это все одно умствованіе — этимъ только людей морочатъ. Передавайте, господа, факты, и будетъ съ васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!—возразилъ Рудинъ.—Ну, а смыслъ фактовъ передавать слѣдуетъ?

— Общія разсужденія,—продолжалъ Пигасовъ:—смерть моя эти общія разсужденія, обозрѣнія, заключенія. Все это основано на такъ-называемыхъ убѣжденіяхъ; всякій толкуетъ о своихъ убѣжденіяхъ, и еще уваженія къ нимъ требуетъ, носится съ ними... Эхъ!

И Пигасовъ потрясъ кулакомъ въ воздухѣ. Пандалевскій разсмѣялся.

— Прекрасно!—промолвилъ Рудинъ:—стало-быть, по-вашему, убѣжденій нѣтъ?

— Нѣтъ—и не существуетъ.

— Это ваше убѣжденіе?

— Да.

— Какъ же вы говорите, что ихъ нѣтъ? Вотъ вамъ уже одно на первый случай.

Всѣ въ комнатѣ улыбнулись и переглянулись.

— Позвольте, позвольте, однако, началъ-было Пигасовъ...

Но Дарья Михайловна захлопала въ ладоши, воскликнула: браво, браво, разбитъ Пигасовъ, разбитъ! и тихонько вынула шляпу изъ рукъ Рудина.

— Погодите радоваться, сударыня: успѣете!—заговорилъ съ досадой Пигасовъ. — Недостаточно сказать, съ видомъ превосходства, острое словцо: надобно доказать, опровергнуть... Мы отбились отъ предмета спора.

— Позвольте,—хладнокровно замѣтилъ Рудинъ:—дѣло очень просто. Вы не вѣрите въ пользу общихъ разсужденій, вы не вѣрите въ убѣжденія...

— Не вѣрю, не вѣрю, ни во что̀ не вѣрю!

— Очень хорошо. Вы скептикъ.

— Не вижу необходимости употреблять такое ученое слово. Впрочемъ...

— Не перебивайте же!—вмѣшалась Дарья Михайловна.

„Кусь, кусь, кусь!“ сказалъ про-себя въ это мгновенье Пандалевскій, и весь осклабился.

— Это слово выражаетъ мою мысль,—продолжалъ Рудинъ. — Вы его понимаете: отчего же не употреблять его? Вы ни во что не вѣрите... Почему же вѣрите вы въ факты?

— Какъ почему? вотъ прекрасно! Факты—дѣло извѣстное, всякій знаетъ, что̀ такое факты... Я сужу о нихъ по опыту, по собственному чувству.

— Да развѣ чувство не можетъ обмануть васъ? Чувство вамъ говоритъ, что солнце вокругъ земли ходитъ... или, можетъ-быть, вы не согласны съ Коперникомъ? Вы и ему не вѣрите?

Улыбка опять промчалась по всѣмъ лицамъ, и глаза

всѣхъ устремились на Рудина. „А онъ человѣкъ не глупый“, подумалъ каждый.

— Вы все изволите шутить,—заговорилъ Пигасовъ.—Конечно, это очень оригинально, но къ дѣлу нейдетъ.

— Въ томъ, что̀ я сказалъ до сихъ поръ,—возразилъ Рудинъ:—къ сожалѣнію, слишкомъ мало оригинальнаго. Это все очень давно извѣстно и тысячу разъ было говорено. Дѣло не въ томъ...

— А въ чемъ же?—спросилъ не безъ наглости Пигасовъ.

Въ спорѣ онъ сперва подтрунивалъ надъ противникомъ, потомъ становился грубымъ, а наконецъ дулся и умолкалъ.

— Вотъ въ чемъ,—продолжалъ Рудинъ:—я, признаюсь, не могу не чувствовать искренняго сожалѣнія, когда умные люди при мнѣ нападаютъ...

— На системы?—перебилъ Пигасовъ.

— Да, пожалуй, хоть на системы. Что̀ васъ пугаетъ такъ это слово? Всякая система основана на знаніи основныхъ законовъ, началъ жизни...

— Да ихъ узнать, открыть ихъ нельзя... помилуйте!

— Позвольте. Конечно, не всякому они доступны, и человѣку свойственно ошибаться. Однако, вы, вѣроятно, согласитесь со мною, что, напримѣръ, Ньютонъ открылъ хотя нѣкоторые изъ этихъ основныхъ законовъ. Онъ былъ геній, положимъ; но открытія геніевъ тѣмъ и велики, что становятся достояніемъ всѣхъ. Стремленіе къ отысканію общихъ началъ въ частныхъ явленіяхъ есть одно изъ коренныхъ свойствъ человѣческаго ума, и вся наша образованность...

— Вотъ вы куда-съ!—перебилъ растянутымъ голосомъ Пигасовъ.—Я практическій человѣкъ и во всѣ эти метафизическія тонкости не вдаюсь и не хочу вдаваться.

— Прекрасно! Это въ вашей волѣ. Но замѣтьте, что самое ваше желаніе быть исключительно практическимъ человѣкомъ есть уже своего рода система, теорія...

— Образованность, говорите вы!—подхватилъ Пигасовъ:—вотъ еще чѣмъ удивить вздумали! Очень нужна она, эта хваленая образованность! Гроша мѣднаго не дамъ я за вашу образованность!

— Однако, какъ вы дурно спорите, Африканъ Семенычъ!—замѣтила Дарья Михайловна, внутренно весьма довольная спокойствіемъ и изящной учтивостью новаго своего знакомца.—„C'est un homme comme il faut“, подумала она, съ доброжелательнымъ вниманіемъ взглянувъ въ лицо Рудину. „Надо его приласкать“. Эти послѣднія слова она мысленно произнесла по-русски.

— Образованность я защищать не стану,—продолжалъ, помолчавъ немного, Рудинъ:—она не нуждается въ моей защитѣ. Вы ея не любите... у всякаго свой вкусъ. Притомъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко. Позвольте вамъ только напомнить старую поговорку: „Юпитеръ, ты сердишься: стало-быть, ты виноватъ“. Я хотѣлъ сказать, что всѣ эти нападенія на системы, на общія разсужденія и т. д.—потому особенно огорчительны, что, вмѣстѣ съ системами, люди отрицаютъ вообще знаніе, науку и вѣру въ нее, стало-быть, и вѣру въ самихъ себя, въ свои силы. А людямъ нужна эта вѣра: имъ нельзя жить одними впечатлѣніями, имъ грѣшно бояться мысли и не довѣрять ей. Скептицизмъ всегда отличался безплодностью и безсиліемъ...

— Это все слова!—пробормоталъ Пигасовъ.

— Можетъ-быть. Но позвольте вамъ замѣтить, что, говоря: „это все слова!“—мы часто сами желаемъ отдѣлаться отъ необходимости сказать что-нибудь подѣльнѣе однихъ словъ.

— Чего-съ?—спросилъ Пигасовъ и прищурилъ глаза.

— Вы поняли, что̀ я хотѣлъ сказать вамъ,—возразилъ съ невольнымъ, но тотчасъ сдержаннымъ нетерпѣніемъ, Рудинъ.—Повторяю, если у человѣка нѣтъ крѣпкаго начала, въ которое онъ вѣритъ, нѣтъ почвы, на которой онъ стоитъ твердо, ка̀къ можетъ онъ дать себѣ отчетъ въ подробностяхъ, въ значеніи, въ будущности своего народа? ка̀къ можетъ онъ знать, что̀ онъ долженъ самъ дѣлать, если...

— Честь и мѣсто!—отрывисто проговорилъ Пигасовъ, поклонился и отошелъ въ сторону, ни на кого не глядя.

Рудинъ посмотрѣлъ на него, усмѣхнулся слегка и умолкъ.

— Ага! обратился въ бѣгство!—заговорила Дарья Михайловна.—Не безпокойтесь, Дмитрій... Извините,—прибавила она съ привѣтливой улыбкой:—какъ васъ по батюшкѣ?

— Николаичъ.

— Не безпокойтесь, любезный Дмитрій Николаичъ. Онъ никого изъ насъ не обманулъ. Онъ желаетъ показать видъ, что не *хочетъ* больше спорить... Онъ чувствуетъ, что не *можетъ* спорить съ вами. А вы лучше подсядьте-ка къ намъ поближе, да поболтаемте.

Рудинъ пододвинулъ свое кресло.

— Какъ это мы до сихъ поръ не познакомились?—продолжала Дарья Михайловна.—Это меня удивляетъ... Читали ли вы эту книгу? C'est de Tocqueville, vous savez?

И Дарья Михайловна протянула Рудину французскую брошюру.

Рудинъ взялъ тоненькую книжонку въ руки, перевернулъ въ ней нѣсколько страницъ и, положивъ ее обратно на столъ, отвѣчалъ, что собственно этого сочиненія г-на Токвиля онъ не читалъ, но часто размышлялъ о затронутомъ имъ вопросѣ. Разговоръ завязался. Рудинъ сперва какъ будто колебался, не рѣшался высказаться, не находилъ словъ, но наконецъ разгорѣлся и заговорилъ. Черезъ четверть часа одинъ его голосъ раздавался въ комнатѣ. Всѣ столпились въ кружокъ около него.

Одинъ Пигасовъ оставался въ отдаленіи, въ углу, подлѣ камина. Рудинъ говорилъ умно, горячо, дѣльно; выказалъ много знанія, много начитанности. Никто не ожидалъ найти въ немъ человѣка замѣчательнаго... Онъ былъ такъ посредственно одѣтъ, о немъ такъ мало ходило слуховъ. Всѣмъ непонятно казалось и странно, какимъ это образомъ вдругъ, въ деревнѣ, могъ проявиться такой умница. Тѣмъ болѣе удивилъ онъ и, можно сказать, очаровалъ всѣхъ, начиная съ Дарьи Михайловны... Она гордилась своей находкой и уже заранѣе думала о томъ, какъ она выведетъ Рудина въ свѣтъ. Въ первыхъ ея впечатлѣніяхъ было много почти дѣтскаго, несмотря на ея года. Александра Павловна, правду сказать, поняла мало изо всего, что́ говорилъ Рудинъ, но была очень удивлена и

обрадована; братъ ея тоже дивился; Пандалевскій наблюдалъ за Дарьей Михайловной и завидовалъ; Пигасовъ думалъ: „дамъ пятьсотъ рублей — еще лучше соловья достану!“... Но больше всѣхъ были поражены Басистовъ и Наталья. У Басистова чуть дыханье не захватило; онъ сидѣлъ все время съ раскрытымъ ртомъ и выпученными глазами—и слушалъ, слушалъ какъ отроду не слушалъ никого, а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взоръ ея, неподвижно устремленный на Рудина, и потемнѣлъ, и заблисталъ...

— Какіе у него славные глаза!—шепнулъ ей Волынцевъ.

— Да, хороши.

— Жаль только, что руки велики и красны.

Наталья ничего не отвѣчала.

Подали чай. Разговоръ сталъ болѣе общимъ, но уже по одной внезапности, съ которой всѣ замолкали, лишь только Рудинъ раскрывалъ ротъ, можно было судить о силѣ произведеннаго впечатлѣнія. Дарьѣ Михайловнѣ вдругъ захотѣлось подразнить Пигасова. Она подошла къ нему и вполголоса проговорила: „Что же вы молчите и только улыбаетесь язвительно? Попытайтесь-ка, схватитесь съ нимъ опять“, и не дождавшись его отвѣта, подозвала рукою Рудина.

— Вы про него еще одной вещи не знаете,—сказала она ему, указывая на Пигасова:—онъ ужасный ненавистникъ женщинъ, безпрестанно нападаетъ на нихъ; пожалуйста, обратите его на путь истины.

Рудинъ посмотрѣлъ на Пигасова... поневолѣ свысока: онъ былъ выше его двумя головами. Пигасова чуть не покоробило со злости, и желчное лицо его поблѣднѣло.

— Дарья Михайловна ошибается,—началъ онъ невѣрнымъ голосомъ:—я не на однѣхъ женщинъ нападаю: я до человѣческаго рода не большой охотникъ.

— Что̀ же вамъ могло дать такое дурное мнѣніе о немъ?—спросилъ Рудинъ.

Пигасовъ глянулъ ему прямо въ глаза.

— Вѣроятно, изученіе собственнаго сердца, въ которомъ я съ каждымъ днемъ открываю все болѣе и болѣе

дряни. Я сужу о другихъ по себѣ. Можетъ-быть, это и несправедливо, и я гораздо хуже другихъ, но что̀ прикажете дѣлать? привычка!

— Я васъ понимаю и сочувствую вамъ,—возразилъ Рудинъ.—Какая благородная душа не испытала жажды самоуниженія? Но не слѣдуетъ останавливаться на этомъ безвыходномъ положеніи.

— Покорно благодарю за выдачу моей душѣ аттестата въ благородствѣ,—возразилъ Пигасовъ:—а положеніе мое—ничего, недурно, такъ что если даже есть изъ него выходъ, то Богъ съ нимъ! я его искать не стану.

— Но это значитъ—извините за выраженіе—предпочитать удовлетвореніе своего самолюбія желанію быть и жить въ истинѣ...

— Да еще бы!—воскликнулъ Пигасовъ:—самолюбіе—это и я понимаю, и вы, надѣюсь, понимаете, и всякій понимаетъ: а истина—что̀ такое истина? Гдѣ она, эта истина?

— Вы повторяетесь, предупреждаю васъ, — замѣтила Дарья Михайловна.

Пигасовъ поднялъ плечи.

— Такъ что жъ за бѣда? Я спрашиваю: гдѣ истина? Даже философы не знаютъ, что̀ она такое. Кантъ говоритъ: вотъ она, молъ, что̀; а Гегель—нѣтъ, врешь, она вотъ что̀.

— А вы знаете, что̀ говоритъ о ней Гегель?—спросилъ, не возвышая голоса, Рудинъ.

— Я повторяю,—продолжалъ разгорячившійся Пигасовъ:—что я не могу понять, что̀ такое истина. По-моему, ея вовсе и нѣтъ на свѣтѣ, то-есть, слово-то есть, да самой вещи нѣтъ.

— Фи! фи!—воскликнула Дарья Михайловна:—какъ вамъ не стыдно это говорить, старый вы грѣшникъ! Истины нѣтъ? Для чего же жить послѣ этого на свѣтѣ?

— Да ужъ я думаю, Дарья Михайловна,—возразилъ съ досадой Пигасовъ: — что вамъ, во всякомъ случаѣ, легче было бы жить безъ истины, чѣмъ безъ вашего повара Степана, который такой мастеръ варить бульоны! И на что вамъ истина, скажите на милость? вѣдь чепчика изъ нея сшить нельзя!

— Шутка не возраженіе,—замѣтила Дарья Михайловна:—особенно, когда сбивается на клевету...

— Не знаю, какъ истина, а правда, видно, глаза колетъ,—пробормоталъ Пигасовъ и съ сердцемъ отошелъ въ сторону.

А Рудинъ заговорилъ о самолюбіи, и очень дѣльно заговорилъ. Онъ доказывалъ, что человѣкъ безъ самолюбія ничтоженъ, что самолюбіе—архимедовъ рычагъ, которымъ землю съ мѣста можно сдвинуть, но что, въ то же время, тотъ только заслуживаетъ названіе человѣка, кто умѣетъ овладѣть своимъ самолюбіемъ, какъ всадникъ конемъ, кто свою личность приноситъ въ жертву общему благу...

— Себялюбіе,—такъ заключилъ онъ:—самоубійство. Себялюбивый человѣкъ засыхаетъ словно одинокое, безплодное дерево; но самолюбіе, какъ дѣятельное стремленіе къ совершенству, есть источникъ всего великаго.... Да! человѣку надо надломить упорный эгоизмъ своей личности, чтобы дать ей право себя высказывать!

— Не можете ли вы одолжить мнѣ карандашика?—обратился Пигасовъ къ Басистову.

Басистовъ не тотчасъ понялъ, что̀ у него спрашивалъ Пигасовъ.

— Зачѣмъ вамъ карандашъ? проговорилъ онъ наконецъ.

— Хочу записать вотъ эту послѣднюю фразу г. Рудина. Не записавъ, позабудешь, чего добраго! А согласитесь сами, такая фраза—все равно, что большой шлемъ въ ералашѣ.

— Есть вещи, надъ которыми смѣяться и трунить грѣшно, Африканъ Семенычъ!—съ жаромъ проговорилъ Басистовъ, и отвернулся отъ Пигасова.

Между тѣмъ Рудинъ подошелъ къ Натальѣ. Она встала: лицо ея выразило замѣшательство.

Волынцевъ, сидѣвшій подлѣ нея, тоже всталъ.

— Я вижу фортепіано,—началъ Рудинъ мягко и ласково, какъ путешествующій принцъ:—не вы ли играете на немъ?

— Да, я играю,—проговорила Наталья:—но не очень хорошо. Вотъ, Константинъ Діомидычъ гораздо лучше меня играетъ.

Пандалевскій выставилъ свое лицо и оскалилъ зубы.

— Напрасно вы это говорите, Наталья Алексѣевна: вы играете нисколько не хуже меня.

— Знаете ли вы „Erlkönig“ Шуберта? спросилъ Рудинъ.

— Знаетъ, знаетъ!—подхватила Дарья Михайловна.— Садитесь, Constantin... А вы любите музыку, Дмитрій Николаичъ?

Рудинъ только наклонилъ слегка голову и провелъ рукой по волосамъ, какъ бы готовясь слушать... Пандалевскій заигралъ.

Наталья стала возлѣ фортепіано, прямо напротивъ Рудина. Съ первымъ звукомъ лицо его приняло прекрасное выраженіе. Его темно-синіе глаза медленно блуждали, изрѣдка останавливаясь на Натальѣ. Пандалевскій кончилъ.

Рудинъ ничего не сказалъ и подошелъ къ раскрытому окну. Душистая мгла лежала мягкой пеленою надъ садомъ; дремотной свѣжестью дышали близкія деревья. Звѣзды тихо теплились. Лѣтняя ночь и нѣжилась, и нѣжила. Рудинъ поглядѣлъ въ темный садъ—и обернулся.

— Эта музыка и эта ночь,—заговорилъ онъ:—напомнили мнѣ мое студенческое время въ Германіи: наши сходки, наши серенады...

— А вы были въ Германіи? спросила Дарья Михайловна.

— Я провелъ годъ въ Гейдельбергѣ и около года въ Берлинѣ.

— И одѣвались студентомъ? Говорятъ, они тамъ какъ-то особенно одѣваются.

— Въ Гейдельбергѣ я носилъ большіе сапоги со шпорами и венгерку со шнурками, и волосы отрастилъ до самыхъ плечъ... Въ Берлинѣ студенты одѣваются, какъ всѣ люди.

— Разскажите намъ что-нибудь изъ вашей студенческой жизни,—промолвила Александра Павловна.

Рудинъ началъ разсказывать. Разсказывалъ онъ не совсѣмъ удачно. Въ описаніяхъ его недоставало красокъ. Онъ не умѣлъ смѣшить. Впрочемъ, Рудинъ отъ разсказовъ своихъ заграничныхъ похожденій скоро перешелъ къ общимъ разсужденіямъ о значеніи просвѣщенія и

науки, объ университетахъ и жизни университетской вообще. Широкими и смѣлыми чертами набросалъ онъ громадную картину. Всѣ слушали его съ глубокимъ вниманіемъ... Онъ говорилъ мастерски, увлекательно, не совсѣмъ ясно... но самая эта неясность придавала особенную прелесть его рѣчамъ.

Обиліе мыслей мѣшало Рудину выражаться опредѣлительно и точно. Образы смѣнялись образами; сравненія, то неожиданно смѣлыя, то поразительно вѣрныя, возникали за сравненіями. Не самодовольной изысканностью опытнаго говоруна — вдохновеніемъ дышала его нетерпѣливая импровизація. Онъ не искалъ словъ: они сами послушно и свободно приходили къ нему на уста, и каждое слово, казалось, такъ и лилось прямо изъ души, пылало всѣмъ жаромъ убѣжденія. Рудинъ владѣлъ едва ли не высшей тайной — музыкой краснорѣчія. Онъ умѣлъ, ударяя по однѣмъ струнамъ сердецъ, заставлять смутно звенѣть и дрожать всѣ другія. Иной слушатель, пожалуй, и не понималъ въ точности, о чемъ шла рѣчь; но грудь его высоко поднималась, какія-то завѣсы разверзались передъ его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди.

Всѣ мысли Рудина казались обращенными въ будущее; это придавало имъ что-то стремительное и молодое... Стоя у окна, не глядя ни на кого въ особенности, онъ говорилъ — и, вдохновенный общимъ сочувствіемъ и вниманіемъ, близостію молодыхъ женщинъ, красотою ночи, увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній, онъ возвысился до краснорѣчія, до поэзіи... Самый звукъ его голоса, сосредоточенный и тихій, увеличивалъ обаяніе; казалось, его устами говорило что-то высшее, для него самого неожиданное... Рудинъ говорилъ о томъ, что̀ придаетъ вѣчное значеніе временной жизни человѣка.

— Помню я одну скандинавскую легенду,—такъ кончилъ онъ: — царь сидитъ съ своими воинами въ темномъ и длинномъ сараѣ, вокругъ огня. Дѣло происходитъ ночью, зимой. Вдругъ небольшая птичка влетаетъ въ раскрытыя двери и вылетаетъ въ другія. Царь замѣчаетъ, что эта птичка—какъ человѣкъ въ мірѣ: прилетѣла изъ темноты

и улетѣла въ темноту, и недолго побыла въ теплѣ и свѣтѣ... „Царь“,—возражаетъ самый старый изъ воиновъ:— „птичка и во тьмѣ не пропадетъ и гнѣздо свое сыщетъ“... Точно, наша жизнь быстра и ничтожна; но все великое совершается черезъ людей. Сознаніе быть орудіемъ тѣхъ высшихъ силъ должно замѣнить человѣку всѣ другія радости: въ самой смерти найдетъ онъ свою жизнь, свое гнѣздо...

Рудинъ остановился и потупилъ глаза съ улыбкой невольнаго смущенія...

— Vous êtes un poète,—вполголоса проговорила Дарья Михайловна.

И всѣ съ ней внутренно согласились, — всѣ, исключая Пигасова. Не дождавшись конца длинной рѣчи Рудина, онъ тихонько взялъ шляпу и, уходя, озлобленно прошепталъ стоявшему близъ двери Пандалевскому:

— Нѣтъ! поѣду къ дуракамъ!

Впрочемъ никто его не удерживалъ и не замѣтилъ его отсутствія.

Люди внесли ужинъ, и полчаса спустя, всѣ разъѣхались и разошлись. Дарья Михайловна упросила Рудина остаться ночевать. Александра Павловна, возвращаясь съ братомъ домой въ каретѣ, нѣсколько разъ принималась ахать и удивляться необыкновенному уму Рудина. Волынцевъ соглашался съ ней, однако замѣтилъ, что онъ иногда выражается немного темно... то-есть не совсѣмъ вразумительно, прибавилъ онъ, желая, вѣроятно, пояснить свою мысль; но лицо его омрачилось, и взглядъ, устремленный въ уголъ кареты, казался еще грустнѣе.

Пандалевскій, ложась спать и снимая свои вышитыя шелкомъ помочи, проговорилъ вслухъ: „очень ловкій человѣкъ!“ и вдругъ, сурово взглянувъ на своего казачка-камердинера, приказалъ ему выйти. Басистовъ цѣлую ночь не спалъ и не раздѣвался: онъ до самаго утра все писалъ письмо къ одному своему товарищу въ Москву; а Наталья хотя и раздѣлась, и легла въ постель, но тоже ни на минуту не уснула и не закрывала даже глазъ. Подперши голову рукою, она глядѣла пристально въ темноту; лихо-

радочно бились ея жилы, и тяжелый вздохъ часто приподнималъ ея грудь.

IV.

На другое утро, Рудинъ только-что успѣлъ одѣться, какъ явился къ нему человѣкъ отъ Дарьи Михайловны съ приглашеніемъ пожаловать къ ней въ кабинетъ и откушать съ ней чай. Рудинъ засталъ ее одну. Она очень любезно съ нимъ поздоровалась, освѣдомилась, хорошо ли онъ провелъ ночь, сама налила ему чашку чаю, спросила даже, довольно ли сахару, предложила ему папироску и раза два опять повторила, что удивляется, какъ она давно съ нимъ не познакомилась. Рудинъ сѣлъ-было нѣсколько поодаль; но Дарья Михайловна указала ему на небольшое пате́, стоявшее подлѣ ея кресла, и, слегка наклонясь въ его сторону, начала разспрашивать его объ его семействѣ, объ его намѣреніяхъ и предположеніяхъ. Дарья Михайловна говорила небрежно, слушала разсѣянно; но Рудинъ очень хорошо понималъ, что она ухаживала за нимъ, чуть не льстила ему. Не даромъ же она устроила это утреннее свиданіе, не даромъ одѣлась просто, но изящно, à la madame Récamier! Впрочемъ, Дарья Михайловна скоро перестала его разспрашивать: она начала ему разсказывать о себѣ, о своей молодости, о людяхъ, съ которыми она зналась. Рудинъ съ участіемъ внималъ ея разглагольствованіямъ, хотя — странное дѣло! — о какомъ бы лицѣ ни заговорила Дарья Михайловна, на первомъ планѣ оставалась все-таки она, она одна, а то лицо какъ-то скрадывалось и исчезало. За то, Рудинъ узналъ въ подробности, что́ именно Дарья Михайловна говорила такому-то извѣстному сановнику, какое она имѣла вліяніе на такого-то знаменитаго поэта. Судя по разсказамъ Дарьи Михайловны, можно было подумать, что всѣ замѣчательные люди послѣдняго двадцатипятилѣтія только о томъ и мечтали, какъ бы повидаться съ ней, какъ бы заслужить ея расположеніе. Она говорила о нихъ просто, безъ особенныхъ восторговъ и похвалъ, какъ о своихъ, называя иныхъ чудаками. Она говорила о нихъ, и, какъ бо-

гатая оправа вокругъ драгоцѣннаго камня, имена ихъ ложились блестящей каймой вокругъ главнаго имени — вокругъ Дарьи Михайловны...

А Рудинъ слушалъ, покуривая папироску, и молчалъ, лишь изрѣдка вставляя въ рѣчь разболтавшейся барыни небольшія замѣчанія. Онъ умѣлъ и любилъ говорить; вести разговоръ было не по немъ, но онъ умѣлъ также слушать. Всякій, кого онъ только не запугивалъ сначала, довѣрчиво распускался въ его присутствіи; такъ охотно и одобрительно слѣдилъ онъ за нитью чужого разсказа. Въ немъ было много добродушія,— того особеннаго добродушія, которымъ исполнены люди, привыкшіе чувствовать себя выше другихъ. Въ спорахъ онъ рѣдко давалъ высказываться своему противнику и подавлялъ его своей стремительной и страстной діалектикой.

Дарья Михайловна изъяснялась по-русски. Она щеголяла знаніемъ родного языка, хотя галлицизмы, французскія словечки попадались у ней частенько. Она съ намѣреніемъ употребляла простые народные обороты, но не всегда удачно. Ухо Рудина не оскорблялось странной пестротою рѣчи въ устахъ Дарьи Михайловны, да и врядъ ли имѣлъ онъ на это—ухо.

Дарья Михайловна утомилась наконецъ и, прислонясь головой къ задней подушкѣ креселъ, устремила глаза на Рудина и умолкла.

— Я теперь понимаю,—началъ медленнымъ голосомъ Рудинъ:—я понимаю, почему вы каждое лѣто пріѣзжаете въ деревню. Вамъ этотъ отдыхъ необходимъ: деревенская тишина, послѣ столичной жизни, освѣжаетъ и укрѣпляетъ васъ. Я увѣренъ, что вы должны глубоко сочувствовать красотамъ природы.

Дарья Михайловна искоса посмотрѣла на Рудина.

— Природа... да... да, конечно... я ужасно ее люблю; но знаете ли, Дмитрій Николаичъ, и въ деревнѣ нельзя безъ людей. А здѣсь почти никого нѣтъ. Пигасовъ самый умный человѣкъ здѣсь.

— Вчерашній сердитый старикъ?—спросилъ Рудинъ.

— Да, этотъ... Въ деревнѣ, впрочемъ, и онъ годится— хоть разсмѣшитъ иногда.

— Онъ человѣкъ не глупый,—возразилъ Рудинъ: — но онъ на ложной дорогѣ. Я не знаю, согласитесь ли вы со мною, Дарья Михайловна, но въ отрицаніи — въ отрицаніи полномъ и всеобщемъ—нѣтъ благодати. Отрицайте все, и вы легко можете прослыть за умницу: это уловка извѣстная. Добродушные люди сейчасъ готовы заключить, что вы стойте выше того, что̀ отрицаете. А это часто неправда. Во-первыхъ, во всемъ можно сыскать пятна, а во-вторыхъ, если даже вы и дѣло говорите, — вамъ же хуже; вашъ умъ, направленный на одно отрицаніе, бѣднѣетъ, сохнетъ. Удовлетворяя ваше самолюбіе, вы лишитесь истинныхъ наслажденій созерцанія; жизнь — сущность жизни—ускользаетъ отъ вашего мелкаго и желчнаго наблюденія, и вы кончите тѣмъ, что будете лаяться и смѣшить. Порицать, бранить имѣетъ право только тотъ, кто любитъ.

— Voilà m-r Pigassoff enterré,—проговорила Дарья Михайловна.—Какой вы мастеръ опредѣлять человѣка! Впрочемъ, Пигасовъ, вѣроятно, и не понялъ бы васъ. А любитъ онъ только собственную свою особу.

— И бранитъ ее для того, чтобы имѣть право бранить другихъ,—подхватилъ Рудинъ.

Дарья Михайловна засмѣялась.

— Съ больной... какъ это говорится... съ больного на здороваго. Кстати, что вы думаете о баронѣ?

— О баронѣ? Онъ хорошій человѣкъ, съ добрымъ сердцемъ и знающій... но въ немъ нѣтъ характера... и онъ весь свой вѣкъ останется полу-ученымъ, полу-свѣтскимъ человѣкомъ, т.-е. дилетантомъ, т.-е., говоря безъ обиняковъ,—ничѣмъ... А жаль!

— Я сама того же мнѣнія,—возразила Дарья Михайловна.—Я читала его статью... Entre nous... cela a assez peu de fond...

— Кто же еще у васъ тутъ есть?—спросилъ, помолчавъ, Рудинъ.

Дарья Михайловна отряхнула пятымъ пальцемъ пепелъ съ пахитоски.

— Да больше почти никого нѣтъ. Липина, Александра

Павловна, которую вы вчера видѣли: она очень мила,— но и только. Братъ ея—тоже прекрасный человѣкъ, un parfait honnête homme. Князя Гарина вы знаете. Вотъ и всѣ. Есть еще два-три сосѣда, но тѣ уже совсѣмъ ничего. Либо ломаются—претензіи страшныя—либо дичатся, или ужъ некстати развязны. Барынь я, вы знаете, не вижу. Есть еще одинъ сосѣдъ, очень, говорятъ, образованный, даже ученый человѣкъ, но чудакъ ужасный, фантазёръ. Alexandrine его знаетъ, и, кажется, къ нему неравнодушна... Вотъ, вамъ бы заняться ею, Дмитрій Николаичъ: это милое существо; ее надо только развить немножко, непремѣнно надо ее развить!

— Она очень симпатична,—замѣтилъ Рудинъ.

— Совершенное дитя, Дмитрій Николаичъ, ребенокъ настоящій. Она была замужемъ, mais c'est tout comme.. Если-бъ я была мужчина, я только въ такихъ бы женщинъ влюблялась.

— Неужели?

— Непремѣнно. Такія женщины, по крайней мѣрѣ, свѣжи, а ужъ подъ свѣжесть поддѣлаться нельзя.

— А подо все другое можно?—спросилъ Рудинъ и засмѣялся, что съ нимъ случалось очень рѣдко. Когда онъ смѣялся, лицо его принимало странное, почти старческое выраженіе, глаза ежились, носъ морщился...

— А кто же такой этотъ, какъ вы говорите, чудакъ, къ которому г-жа Липина неравнодушна?—спросилъ онъ.

— Нѣкто Лежневъ, Михайло Михайлычъ, здѣшній помѣщикъ.

Рудинъ изумился и поднялъ голову.

— Лежневъ, Михайло Михайлычъ?—спросилъ онъ:— развѣ онъ сосѣдъ вашъ?

— Да. А вы его знаете?

Рудинъ помолчалъ.

— Я его знавалъ прежде... тому давно. Вѣдь онъ, кажется, богатый человѣкъ?—прибавилъ онъ, пощипывая рукою бахрому кресла.

— Да, богатый, хотя одѣвается ужасно и ѣздитъ на бѣговыхъ дрожкахъ, какъ приказчикъ. Я желала залучить

его къ себѣ: онъ, говорятъ, уменъ; у меня же съ нимъ дѣло есть... Вѣдь, вы знаете, я сама распоряжаюсь моимъ имѣніемъ.

Рудинъ наклонилъ голову.

— Да, сама,—продолжала Дарья Михайловна:—я никакихъ иностранныхъ глупостей не ввожу, придерживаюсь своего, русскаго, и видите, дѣла, кажется, идутъ недурно,—прибавила она, проведя рукой кругомъ.

— Я всегда былъ убѣжденъ,—замѣтилъ вѣжливо Рудинъ:—въ крайней несправедливости тѣхъ людей, которые отказываютъ женщинамъ въ практическомъ смыслѣ.

Дарья Михайловна пріятно улыбнулась.

— Вы очень снисходительны,—промолвила она:—но что бишь я хотѣла сказать? О чемъ мы говорили? Да! о Лежневѣ. У меня съ нимъ дѣло по размежеванію. Я его нѣсколько разъ приглашала къ себѣ, и даже сегодня я его жду; но онъ, Богъ его знаетъ, не ѣдетъ... такой чудакъ!

Пологъ передъ дверью тихо распахнулся, и вошелъ дворецкій, человѣкъ высокаго роста, сѣдой и плѣшивый, въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстукѣ и бѣломъ жилетѣ.

— Что ты?—спросила Дарья Михайловна и, слегка обратясь къ Рудину, прибавила вполголоса:—n'est ce pas, comme il ressemble à Canning?

— Михайло Михайлычъ Лежневъ пріѣхали,—доложилъ дворецкій:—прикажете принять?

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула Дарья Михайловна:—вотъ легокъ на поминѣ. Проси!

Дворецкій вышелъ.

— Такой чудакъ, пріѣхалъ наконецъ, и то некстати: нашъ разговоръ перервалъ.

Рудинъ поднялся съ мѣста; но Дарья Михайловна его остановила:

— Куда же вы? Мы можемъ толковать и при васъ. А я желаю, чтобы вы его опредѣлили, какъ Пигасова. Когда вы говорите, vous gravez comme avec un burin. Останьтесь.

Рудинъ хотѣлъ-было что-то сказать, но подумалъ и остался.

Михайло Михайлычъ, уже знакомый читателю, вошелъ въ кабинетъ. На немъ было то же сѣрое пальто, и въ загорѣлыхъ рукахъ онъ держалъ ту же старую фуражку. Онъ спокойно поклонился Дарьѣ Михайловнѣ и подошелъ къ чайному столу.

— Наконецъ-то вы пожаловали къ намъ, мосьё Лежневъ!—проговорила Дарья Михайловна.—Прошу садиться. Вы, я слышала, знакомы,—продолжала она, указывая на Рудина.

Лежневъ взглянулъ на Рудина и какъ-то странно улыбнулся.

— Я знаю господина Рудина,—промолвилъ онъ съ небольшимъ поклономъ.

— Мы вмѣстѣ были въ университетѣ,—замѣтилъ вполголоса Рудинъ и опустилъ глаза.

— Мы и послѣ встрѣчались,—холодно проговорилъ Лежневъ.

Дарья Михайловна посмотрѣла съ нѣкоторымъ изумленіемъ на обоихъ и попросила Лежнева сѣсть. Онъ сѣлъ.

— Вы желали меня видѣть,—началъ онъ:—насчетъ размежеванія?

— Да, насчетъ размежеванія, но я и такъ-таки желала васъ видѣть. Вѣдь мы близкіе сосѣди и чуть ли не съ родни.

— Очень вамъ благодаренъ,—возразилъ Лежневъ:—что же касается до размежеванія, то мы съ вашимъ управляющимъ совершенно покончили это дѣло: я на всѣ его предложенія согласенъ.

— Я это знала.

— Только онъ мнѣ сказалъ, что безъ личнаго свиданія съ вами бумаги подписать нельзя.

— Да; это у меня ужъ такъ заведено. Кстати, позвольте спросить, вѣдь у васъ, кажется, всѣ мужики на оброкѣ?

— Точно такъ.

— И вы сами хлопочете о размежеваніи? Это похвально.

Лежневъ помолчалъ.

— Вотъ, я и явился для личнаго свиданія,—проговорилъ онъ.

Дарья Михайловна усмѣхнулась.

— Вижу, что явились. Вы говорите это такимъ тономъ... Вамъ, должно-быть, очень не хотѣлось ко мнѣ ѣхать.

— Я никуда не ѣзжу,—возразилъ флегматически Лежневъ.

— Никуда? А къ Александрѣ Павловнѣ вы ѣздите?

— Я съ ея братомъ давно знакомъ.

— Съ ея братомъ! Впрочемъ, я никого не принуждаю... Но, извините меня, Михайло Михайловичъ, я старше васъ годами и могу васъ пожурить: что̀ вамъ за охота жить этакимъ бирюкомъ? Или собственно *мой* домъ вамъ не нравится? я вамъ не нравлюсь?

— Я васъ не знаю, Дарья Михайловна, и потому вы мнѣ не нравиться не можете. Домъ у васъ прекрасный; но, признаюсь вамъ откровенно, я не люблю стѣснять себя. У меня и фрака порядочнаго нѣтъ; перчатокъ нѣтъ; да я и не принадлежу къ вашему кругу.

— По рожденію, по воспитанію, вы принадлежите къ нему, Михайло Михайлычъ! vous êtes des nôtres.

— Рожденіе и воспитаніе въ сторону, Дарья Михайловна! Дѣло не въ томъ...

— Человѣкъ долженъ жить съ людьми, Михайло Михайлычъ! Что̀ за охота сидѣть, какъ Діогенъ въ бочкѣ?

— Во-первыхъ, ему тамъ было очень хорошо, а во-вторыхъ, почему вы знаете, что я не съ людьми живу?

Дарья Михайловна закусила губы.

— Это другое дѣло! Мнѣ остается только сожалѣть о томъ, что я не удостоилась попасть въ число людей, съ которыми вы знаетесь.

— Мосьё Лежневъ,—вмѣшался Рудинъ:—кажется, преувеличиваетъ весьма похвальное чувство — любовь къ свободѣ.

Лежневъ ничего не отвѣтилъ и только взглянулъ на Рудина. Наступило небольшое молчаніе.

— Итакъ-съ,—началъ Лежневъ, поднимаясь:—я могу считать наше дѣло поконченнымъ и сказать вашему управляющему, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ бумаги.

— Можете... хотя, признаться, вы такъ нелюбезны... мнѣ бы слѣдовало отказать вамъ.

— Да вѣдь это размежеваніе гораздо выгоднѣе для васъ, чѣмъ для меня.

Дарья Михайловна пожала плечами.

— Вы не хотите даже позавтракать у меня?—спросила она.

— Покорно васъ благодарю: я никогда не завтракаю, да и тороплюсь домой.

Дарья Михайловна встала.

— Я васъ не удерживаю,—промолвила она, подходя къ окну:—не смѣю васъ удерживать.

Лежневъ началъ раскланиваться.

— Прощайте, мосьё Лежневъ! Извините, что обезпокоила васъ.

— Ничего, помилуйте,—возразилъ Лежневъ и вышелъ.

— Каковъ?—спросила Дарья Михайловна у Рудина.—Я слыхала про него, что онъ чудакъ; но вѣдь ужъ это изъ рукъ вонъ!

— Онъ страдаетъ той же болѣзнью, какъ и Пигасовъ,—проговорилъ Рудинъ:—желаньемъ быть оригинальнымъ. Тотъ прикидывается Мефистофелемъ, этотъ — циникомъ. Во всемъ этомъ много эгоизма, много самолюбія и мало истины, мало любви. Вѣдь это тоже своего рода расчетъ надѣлъ на себя человѣкъ маску равнодушія и лѣни, авось молъ, кто-нибудь подумаетъ: вотъ человѣкъ, сколько талантовъ въ себѣ погубилъ! А поглядѣть попристальнѣе—и талантовъ-то въ немъ никакихъ нѣтъ.

— Et de deux!—промолвила Дарья Михайловна. — Вы ужасный человѣкъ на опредѣленія. Отъ васъ не скроешься.

— Вы думаете?—промолвилъ Рудинъ.—Впрочемъ, продолжалъ онъ:—по-настоящему, мнѣ бы не слѣдовало говорить о Лежневѣ; я его любилъ, любилъ, какъ друга... но потомъ, вслѣдствіе различныхъ недоразумѣній...

— Вы разссорились?

— Нѣтъ. Но мы разстались, и разстались, кажется, навсегда.

— То-то, я замѣтила, вы во все время его посѣщенія

были какъ будто не по себѣ... Однако, я весьма вамъ благодарна за сегодняшнее утро. Я чрезвычайно пріятно провела время. Но надо же и честь знать. Отпускаю васъ до завтрака, а сама иду заниматься дѣлами. Мой секретарь, вы его видѣли—Constantin, c'est lui qui est mon sécrétaire—должно-быть, уже ждетъ меня. Рекомендую его вамъ: онъ прекрасный, преуслужливый молодой человѣкъ, и въ совершенномъ восторгѣ отъ васъ. До свиданія, cher Дмитрій Николаичъ! Какъ я благодарна барону за то, что онъ познакомилъ меня съ вами!

И Дарья Михайловна протянула Рудину руку. Онъ сперва пожалъ ее, потомъ поднесъ къ губамъ и вышелъ въ залу, а изъ залы на террасу. На террасѣ онъ встрѣтилъ Наталью.

V.

Дочь Дарьи Михайловны, Наталья Алексѣевна, съ перваго взгляда могла не понравиться. Она еще не успѣла развиться, была худа, смугла, держалась немного сутуловато. Но черты ея лица были красивы и правильны, хотя слишкомъ велики для семнадцатилѣтней дѣвушки. Особенно хорошъ былъ ея чистый и ровный лобъ надъ тонкими, какъ бы надломленными по срединѣ бровями. Она говорила мало, слушала и глядѣла внимательно, почти пристально,—точно она себѣ во всѣмъ хотѣла дать отчетъ. Она часто оставалась неподвижной, опускала руки и задумывалась; на лицѣ ея выражалась тогда внутренняя работа мыслей... Едва замѣтная улыбка появится вдругъ на губахъ и скроется; большіе, темные глаза тихо подымутся... Qu'avez vous? спроситъ ее m-lle Boncourt и начнетъ бранить ее, говоря, что молодой дѣвицѣ неприлично задумываться и принимать разсѣянный видъ. Но Наталья не была разсѣянна: напротивъ, она училась прилежно; читала и работала охотно. Она чувствовала глубоко и сильно, но тайно; она и въ дѣтствѣ рѣдко плакала, а теперь даже вздыхала рѣдко, и только блѣднѣла слегка, когда что-нибудь ее огорчало. Мать ее считала добронравной, благоразумной дѣвушкой, называла ее въ шутку:

mon honnête homme de fille, но не была слишкомъ высокаго мнѣнія объ ея умственныхъ способностяхъ. „Наташа у меня, къ счастью, холодна,—говаривала она:—не въ меня... тѣмъ лучше. Она будетъ счастлива“. Дарья Михайловна ошибалась. Впрочемъ, рѣдкая мать понимаетъ дочь свою.

Наталья любила Дарью Михайловну и не вполнѣ ей довѣряла.

— Тебѣ нечего отъ меня скрывать,—сказала ей однажды Дарья Михайловна:—а то бы ты скрытничала: ты-таки себѣ на умѣ...

Наталья поглядѣла матери въ лицо и подумала: „для чего же не быть себѣ на умѣ?“

Когда Рудинъ встрѣтилъ ее на террасѣ, она вмѣстѣ съ m-lle Boncourt шла въ комнату, чтобы надѣть шляпу и отправиться въ садъ. Утреннія ея занятія уже кончились. Наталью перестали держать, какъ дѣвочку, m-lle Boncourt давно уже не давала ей уроковъ изъ миѳологіи и географіи; но Наталья должна была каждое утро читать историческія книги, путешествія и другія назидательныя сочиненія—при ней. Выбирала ихъ Дарья Михайловна, будто бы придерживаясь особой, своей системы. На самомъ дѣлѣ, она просто передавала Натальѣ все, что̀ ей присылалъ французъ-книгопродавецъ изъ Петербурга, исключая, разумѣется, романовъ Дюма̀-фиса и Комп. Эти романы Дарья Михайловна читала сама. M-lle Boncourt особенно строго и кисло посматривала черезъ очки свои, когда Наталья читала историческія книги: по понятіямъ старой француженки, вся исторія была наполнена непозволительными вещами, хотя она сама изъ великихъ мужей древности знала, почему-то, только одного Камбиза, а изъ новѣйшихъ временъ—Людовика XIV и Наполеона, котораго терпѣть не могла. Но Наталья читала и такія книги, существованія которыхъ m-lle Boncourt не подозрѣвала: она знала наизусть всего Пушкина...

Наталья слегка покраснѣла при встрѣчѣ съ Рудинымъ.

— Вы идете гулять?—спросилъ онъ ее.

— Да. Мы идемъ въ садъ.

— Можно идти съ вами?

Наталья взглянула на m-lle Boncourt.

— Mais certainement, monsieur, avec plaisir,—поспѣшно проговорила старая дѣва.

Рудинъ взялъ шляпу и пошелъ вмѣстѣ съ ними.

Натальѣ было сперва неловко идти рядомъ съ Рудинымъ по одной дорожкѣ; потомъ ей немного легче стало. Онъ началъ разспрашивать ее о занятіяхъ, о томъ, какъ ей нравится деревня. Она отвѣчала не безъ робости, но безъ той торопливой застѣнчивости, которую такъ часто и выдаютъ, и принимаютъ за стыдливость. Сердце у ней билось.

— Вы не скучаете въ деревнѣ?—спросилъ Рудинъ, окидывая ее боковымъ взоромъ.

— Какъ можно скучать въ деревнѣ? Я очень рада, что мы здѣсь. Я здѣсь очень счастлива.

— Вы счастливы... Это великое слово. Впрочемъ, это понятно: вы молоды.

Рудинъ произнесъ это послѣднее слово какъ-то странно: не то онъ завидовалъ Натальѣ, не то онъ сожалѣлъ о ней.

— Да! молодость!—прибавилъ онъ.—Вся цѣль науки—дойти сознательно до того, что́ молодости дается даромъ.

Наталья внимательно посмотрѣла на Рудина: она не поняла его.

— Я сегодня цѣлое утро разговаривалъ съ вашей матушкой,—продолжалъ онъ:—она необыкновенная женщина. Я понимаю, почему всѣ наши поэты дорожили ея дружбой. А вы любите стихи?—прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

„Онъ меня экзаменуетъ“, подумала Наталья и промолвила:—да, очень люблю.

— Поэзія—языкъ боговъ. Я самъ люблю стихи. Но не въ однихъ стихахъ поэзія; она разлита вездѣ, она вокругъ насъ... Взгляните на эти деревья, на это небо—отовсюду вѣетъ красотою и жизнью; а гдѣ красота и жизнь, тамъ и поэзія.

— Сядемте здѣсь, на скамью,—продолжалъ онъ.—Вотъ такъ. Мнѣ почему-то кажется, что когда вы привыкнете ко мнѣ (и онъ съ улыбкой посмотрѣлъ ей въ лицо), мы будемъ пріятели съ вами. Какъ вы полагаете?

„Онъ обращается со мной, какъ съ дѣвочкой“, подумала опять Наталья и, не зная, что́ сказать, спросила его, долго ли онъ намѣренъ остаться въ деревнѣ.

— Все лѣто, осень, а можетъ-быть и зиму. Я, вы знаете, человѣкъ очень небогатый; дѣла мои разстроены, да и притомъ мнѣ уже наскучило таскаться съ мѣста на мѣсто. Пора отдохнуть.

Наталья изумилась.

— Неужели вы находите, что вамъ пора отдыхать?— спросила она робко.

Рудинъ повернулся лицомъ къ Натальѣ.

— Что̀ вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать,—возразила она съ нѣкоторымъ смущеніемъ:—что отдыхать могутъ другіе; а вы... вы должны трудиться, стараться быть полезнымъ. Кому же, какъ не вамъ...

— Благодарю за лестное мнѣніе,—перебилъ ее Рудинъ.— Быть полезнымъ... легко сказать! (Онъ провелъ рукою по лицу.) Быть полезнымъ!—повторилъ онъ. — Если-бъ даже было во мнѣ твердое убѣжденіе: ка̀къ я могу быть полезнымъ?—если-бъ я даже вѣрилъ въ свои силы—гдѣ найти искреннія, сочувствующія души?..

И Рудинъ такъ безнадежно махнулъ рукою и такъ печально поникъ головою, что Наталья невольно спросила себя: полно, его ли восторженныя, дышащія надеждой, рѣчи она слышала наканунѣ?

— Впрочемъ, нѣтъ,—прибавилъ онъ, внезапно встряхнувъ своей львиной гривой: — это вздоръ, и вы правы. Благодарю васъ, Наталья Алексѣевна, благодарю васъ искренно. (Наталья рѣшительно не знала, за что онъ ее благодаритъ.) Ваше одно слово напомнило мнѣ мой долгъ, указало мнѣ мою дорогу... Да, я долженъ дѣйствовать. Я не долженъ скрывать свой талантъ, если онъ у меня есть; я не долженъ растрачивать свои силы на одну болтовню пустую, безполезную болтовню, на одни слова...

И слова его полились рѣкою. Онъ говорилъ прекрасно, горячо, убѣдительно—о позорѣ малодушія и лѣни, о необходимости дѣлать дѣло. Онъ осыпалъ самого себя упре-

ками, доказывалъ, что разсуждать напередъ о томъ, что̀ хочешь сдѣлать, такъ же вредно, какъ накалывать булавкой наливающійся плодъ, что это только напрасная трата силъ и соковъ. Онъ увѣрялъ, что нѣтъ благородной мысли, которая бы не нашла себѣ сочувствія, что непонятыми остаются только тѣ люди, которые либо еще сами не знаютъ, чего хотятъ, либо не стоятъ того, чтобы ихъ понимали. Онъ говорилъ долго, и окончилъ тѣмъ, что еще разъ поблагодарилъ Наталью Алексѣевну и совершенно неожиданно стиснулъ ей руку, промолвивъ:—Вы прекрасное, благородное существо!

Эта вольность поразила m-lle Boncourt, которая, несмотря на сорокалѣтнее пребываніе въ Россіи, съ трудомъ понимала по-русски и только удивлялась красивой быстротѣ и плавности рѣчи въ устахъ Рудина. Впрочемъ, онъ въ ея глазахъ былъ чѣмъ-то въ родѣ виртуоза или артиста; а отъ подобнаго рода людей, по ея понятіямъ, невозможно было требовать соблюденія приличій.

Она встала, и порывисто поправивъ на себѣ платье, объявила Натальѣ, что пора идти домой, тѣмъ болѣе, что monsieur Volinsoff (такъ она называла Волынцева) хотѣлъ быть къ завтраку.

— Да вотъ и онъ!—прибавила она, взглянувъ въ одну изъ аллей, ведущихъ отъ дому.

Дѣйствительно, Волынцевъ показался невдалекѣ.

Онъ подошелъ нерѣшительнымъ шагомъ, издали раскланялся со всѣми и, съ болѣзненнымъ выраженіемъ на лицѣ обратясь къ Натальѣ, проговорилъ:

— А! вы гуляете?

— Да,—отвѣчала Наталья:—мы уже шли домой.

— А!—произнесъ Волынцевъ.—Что жъ, пойдемте.

И всѣ пошли къ дому.

— Какъ здоровье вашей сестры?—спросилъ, какимъ-то особенно ласковымъ голосомъ, Рудинъ у Волынцева. Онъ и наканунѣ былъ очень съ нимъ любезенъ.

— Покорно благодарю. Она здорова. Она сегодня, можетъ-быть, будетъ... Вы, кажется, о чемъ-то разсуждали, когда я подошелъ?

— Да, у насъ былъ разговоръ съ Натальей Алексѣевной. Она мнѣ сказала одно слово, которое сильно на меня подѣйствовало...

Волынцевъ не спросилъ, какое это было слово, и всѣ въ глубокомъ молчаніи возвратились въ домъ Дарьи Михайловны.

Передъ обѣдомъ опять составился салонъ. Пигасовъ, однако, не пріѣхалъ. Рудинъ не былъ въ ударѣ; онъ все заставлялъ Пандалевскаго играть изъ Бетховена. Волынцевъ молчалъ и поглядывалъ на полъ. Наталья не отходила отъ матери, и то задумывалась, то принималась за работу. Басистовъ не спускалъ глазъ съ Рудина, все выжидая, не скажетъ ли онъ чего-нибудь умнаго? Такъ прошло часа три довольно однообразно. Александра Павловна не пріѣхала къ обѣду—и Волынцевъ, какъ только встали изъ-за стола, тотчасъ велѣлъ заложить свою коляску и ускользнулъ, не простясь ни съ кѣмъ.

Ему было тяжело. Онъ давно любилъ Наталью и все собирался сдѣлать ей предложеніе... Она къ нему благоволила — но сердце ея оставалось спокойнымъ: онъ это ясно видѣлъ. Онъ и не надѣялся внушить ей чувство болѣе нѣжное и ждалъ только мгновенья, когда она совершенно привыкнетъ къ нему, сблизится съ нимъ. Что же могло взволновать его? какую перемѣну замѣтилъ онъ въ эти два дня? Наталья обращалась съ нимъ точно такъ же, какъ и прежде...

Запала ли ему въ душу мысль, что онъ, быть-можетъ, вовсе не знаетъ нрава Натальи, что она ему еще болѣе чужда, чѣмъ онъ думалъ, — ревность ли проснулась въ немъ, смутно ли почуялъ онъ что-то недоброе... но только онъ страдалъ, какъ ни уговаривалъ самого себя.

Когда онъ вошелъ къ своей сестрѣ, у ней сидѣлъ Лежневъ.

— Что это ты такъ рано вернулся?—спросила Александра Павловна.

— Такъ! соскучилось.

— Рудинъ тамъ?

— Тамъ.

Волынцевъ бросилъ фуражку и сѣлъ.

Александра Павловна съ живостью обратилась къ нему.

— Пожалуйста, Сережа, помоги мнѣ убѣдить этого упрямаго человѣка (она указала на Лежнева) въ томъ, что Рудинъ необыкновенно уменъ и краснорѣчивъ.

Волынцевъ промычалъ что-то.

— Да я нисколько съ вами не спорю,—началъ Лежневъ:—я не сомнѣваюсь въ умѣ и краснорѣчіи г. Рудина; я говорю только, что онъ мнѣ не нравится.

— А ты его развѣ видѣлъ?—спросилъ Волынцевъ.

— Видѣлъ сегодня поутру, у Дарьи Михайловны. Вѣдь *онъ* у ней теперь великимъ визиремъ. Придетъ время, она и съ нимъ разстанется — она съ однимъ Пандалевскимъ никогда не разстанется,—но теперь онъ царитъ. Видѣлъ его, какъ же! Онъ сидитъ—а она меня ему показываетъ: глядите, молъ, батюшка, какіе у насъ водятся чудаки. Я не заводская лошадь—къ выводкѣ не привыкъ. Я взялъ, да уѣхалъ.

— Да зачѣмъ ты былъ у ней?

— По размежеванію; да это вздоръ: ей просто хотѣлось посмотрѣть на мою физіономію. Барыня—извѣстно!

— Васъ оскорбляетъ его превосходство—вотъ что!—заговорила съ жаромъ Александра Павловна: — вотъ чего вы ему простить не можете. А я увѣрена, что, кромѣ ума, у него и сердце должно быть отличное. Вы взгляните на его глаза, когда онъ...

— „О честности высокой говоритъ“... подхватилъ Лежневъ.

— Вы меня разсердите, и я заплачу. Я отъ души сожалѣю, что не поѣхала къ Дарьѣ Михайловнѣ и осталась съ вами. Вы этого не стоите. Полноте дразнить меня,— прибавила она жалобнымъ голосомъ. — Вы лучше разскажите мнѣ объ его молодости.

— О молодости Рудина?

— Ну, да. Вѣдь вы мнѣ сказали, что хорошо его знаете и давно съ нимъ знакомы.

Лежневъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Да,—началъ онъ:—я его хорошо знаю. Вы хотите, чтобы я разсказалъ вамъ его молодость? Извольте. Родился онъ въ Т...вѣ, отъ бѣдныхъ помѣщиковъ. Отецъ его скоро умеръ. Онъ остался одинъ у матери. Она была женщина добрѣйшая и души въ немъ не чаяла: толокномъ однимъ питалась, и всѣ, какія были у ней, денежки употребляла на него. Получилъ онъ свое воспитаніе въ Москвѣ, сперва на счетъ какого-то дяди, а потомъ, когда онъ подросъ и оперился, на счетъ одного богатаго князька, съ которымъ снюхался... ну, извините, не буду... съ которымъ сдружился. Потомъ онъ поступилъ въ университетъ. Въ университетѣ я узналъ его и сошелся съ нимъ очень тѣсно. О нашемъ тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ я поговорю съ вами когда-нибудь послѣ. Теперь не могу. Потомъ онъ уѣхалъ за границу...

Лежневъ продолжалъ расхаживать по комнатѣ; Александра Павловна слѣдила за нимъ взоромъ.

— Изъ-за границы,—продолжалъ онъ:—Рудинъ писалъ къ своей матери чрезвычайно рѣдко, и посѣтилъ ее всего одинъ разъ, дней на десять... Старушка и скончалась безъ него, на чужихъ рукахъ; но до самой смерти не спускала глазъ съ его портрета. Я къ ней ѣзжалъ, когда проживалъ въ Т....вѣ. Добрая была женщина и прегостепріимная; вишневымъ вареньемъ, бывало, все меня потчивала. Она любила своего Митю безъ памяти. Господа Печоринской школы скажутъ вамъ, что мы всегда любимъ тѣхъ, которые сами мало способны любить: а *мнѣ* такъ кажется, что всѣ матери любятъ своихъ дѣтей, особенно отсутствующихъ. Потомъ, я встрѣтился съ Рудинымъ за границей. Тамъ къ нему одна барыня привязалась, изъ нашихъ русскихъ, синій чулокъ какой-то, ужъ не молодой и некрасивый, какъ оно и слѣдуетъ синему чулку. Онъ довольно долго съ ней возился, и, наконецъ, ее бросилъ... или нѣтъ, бишь, виноватъ: она его бросила. И я тогда его бросилъ. Вотъ и все.

Лежневъ умолкъ, провелъ рукою по лбу и, словно усталый, опустился на кресло.

— А знаете ли что, Михайло Михайлычъ,—начала Але-

ксандра Павловна: — вы, я вижу, злой человѣкъ; право, вы не лучше Пигасова. Я увѣрена, что все, что̀ вы сказали, правда, что вы ничего не присочинили, и между тѣмъ, въ какомъ непріязненномъ свѣтѣ вы все это представили! Эта бѣдная старушка, ея преданность, ея одинокая смерть, эта барыня... Къ чему это все?... Знаете ли, что можно жизнь самаго лучшаго человѣка изобразить въ такихъ краскахъ — и ничего не прибавляя, замѣтьте—что всякій ужаснется! Вѣдь это тоже своего рода клевета!

Лежневъ всталъ и опять прошелся по комнатѣ.

— Я вовсе не желалъ заставить васъ ужаснуться, Александра Павловна,—проговорилъ онъ, наконецъ.—Я не клеветникъ. А, впрочемъ,—прибавилъ онъ, подумавъ немного:—дѣйствительно, въ томъ, что̀ вы сказали, есть доля правды. Я не клеветалъ на Рудина; но — кто знаетъ! — можетъ-быть, онъ съ тѣхъ поръ успѣлъ измѣниться—можетъ-быть, я несправедливъ къ нему.

— А! вотъ видите... Такъ обѣщайте же мнѣ, что вы возобновите съ нимъ знакомство, узнаете его хорошенько и тогда уже выскажете мнѣ свое окончательное мнѣніе о немъ.

— Извольте... Но что же ты молчишь, Сергѣй Павлычъ?

Волынцевъ вздрогнулъ и поднялъ голову, какъ-будто его разбудили.

— Что̀ мнѣ говорить? Я его не знаю. Притомъ, у меня сегодня голова болитъ.

— Ты, точно, что-то блѣденъ сегодня,—замѣтила Александра Павловна:—здоровъ ли ты?

— У меня голова болитъ,—повторилъ Волынцевъ и вышелъ вонъ.

Александра Павловна и Лежневъ посмотрѣли ему вслѣдъ и обмѣнялись взглядомъ, но ничего не сказали другъ другу. Ни для него, ни для нея не было тайной, что̀ происходило въ сердцѣ Волынцева.

VI.

Прошло два мѣсяца слишкомъ. Въ теченіе всего этого времени Рудинъ почти не выѣзжалъ отъ Дарьи Михай-

ловны. Она не могла обойтись безъ него. Разсказывать ему о себѣ, слушать его разсужденія, стало для нея потребностью. Онъ, однажды, хотѣлъ уѣхать подъ тѣмъ предлогомъ, что у него вышли всѣ деньги: она дала ему пятьсотъ рублей. Онъ занялъ также у Волынцева рублей двѣсти. Пигасовъ гораздо рѣже прежняго посѣщалъ Дарью Михайловну: Рудинъ давилъ его своимъ присутствіемъ. Впрочемъ, давленіе это испытывалъ не одинъ Пигасовъ.

— Не люблю я этого умника,—говаривалъ онъ:—выражается онъ неестественно, ни дать, ни взять, лицо изъ русской повѣсти: скажетъ: „я", и съ умиленіемъ остановится... „Я, молъ, я..." Слова употребляетъ все такія длинныя. Ты чихнешь,—онъ тебѣ сейчасъ станетъ доказывать, почему ты именно чихнулъ, а не кашлянулъ... Хвалитъ онъ тебя—точно въ чинъ производитъ... Начнетъ самого себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ,—ну, думаешь, теперь на свѣтъ Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣетъ даже, словно горькой водкой себя попотчивалъ.

Пандалевскій побаивался Рудина и осторожно за нимъ ухаживалъ. Волынцевъ находился въ странныхъ отношеніяхъ съ нимъ. Рудинъ называлъ его рыцаремъ, превозносилъ его, въ глаза и за глаза; но Волынцевъ не могъ полюбить его и всякій разъ чувствовалъ невольное нетерпѣніе и досаду, когда тотъ принимался въ его же присутствіи разбирать его достоинства. „Ужъ не смѣется ли онъ надо мною?" думалъ онъ, и враждебно шевелилось въ немъ сердце. Волынцевъ старался переломить себя; но онъ ревновалъ его къ Натальѣ. Да и самъ Рудинъ, хотя всегда шумно привѣтствовалъ Волынцева, хотя называлъ его рыцаремъ и занималъ у него деньги, едва ли былъ къ нему расположенъ. Трудно было бы опредѣлить, что̀ собственно чувствовали эти два человѣка, когда, стискивая по-пріятельски одинъ другому руки, они глядѣли другъ другу въ глаза.

Басистовъ продолжалъ благоговѣть передъ Рудинымъ и ловить на лету каждое его слово. Рудинъ мало обращалъ на него вниманія. Какъ-то разъ онъ провелъ съ нимъ цѣ-

лое утро, толковалъ съ нимъ о самыхъ важныхъ міровыхъ вопросахъ и задачахъ, и возбудилъ въ немъ живѣйшій восторгъ; но потомъ онъ его бросилъ... Видно онъ только на словахъ искалъ чистыхъ и преданныхъ душъ. Съ Лежневымъ, который началъ ѣздить къ Дарьѣ Михайловнѣ, Рудинъ даже въ споръ не вступалъ и какъ будто избѣгалъ его. Лежневъ такъ же обходился съ нимъ холодно, а впрочемъ, не высказывалъ своего окончательнаго мнѣнія о немъ, что̀ очень смущало Александру Павловну. Она преклонялась передъ Рудинымъ; но и Лежневу она вѣрила. Всѣ въ домѣ Дарьи Михайловны покорялись прихоти Рудина: малѣйшія желанія его исполнялись. Порядокъ дневныхъ занятій отъ него зависѣлъ. Ни одна partie de plaisir не составлялась безъ него. Впрочемъ, онъ не большой былъ охотникъ до всякихъ внезапныхъ поѣздокъ и затѣй, и участвовалъ въ нихъ, какъ взрослые въ дѣтскихъ играхъ, съ ласковымъ и слегка скучающимъ благоволеніемъ. Зато онъ входилъ во все: толковалъ съ Дарьей Михайловной о распоряженіяхъ по имѣнію, о воспитаніи дѣтей, о хозяйствѣ, вообще о дѣлахъ; выслушивалъ ея предположенія, не тяготился даже мелочами, предлагалъ преобразованія и нововведенія. Дарья Михайловна восхищалась ими на словахъ—и только. Въ дѣлѣ хозяйства она придерживалась совѣтовъ своего управляющаго, пожилого одноглазаго малоросса, добродушнаго и хитраго плута. — „Старенькое-то жирненько, молоденькое худенько“, говаривалъ онъ, спокойно ухмыляясь и подмигивая своимъ единственнымъ глазомъ.

Послѣ самой Дарьи Михайловны Рудинъ ни съ кѣмъ такъ часто и такъ долго не бесѣдовалъ, какъ съ Натальей. Онъ тайкомъ давалъ ей книги, повѣрялъ ей свои планы, читалъ ей первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій.—Смыслъ ихъ часто оставался недоступнымъ для Натальи. Впрочемъ, Рудинъ, казалось, и не очень заботился о томъ, чтобы она его понимала—лишь бы слушала его. Близость его съ Натальей была не совсѣмъ понутру Дарьѣ Михайловнѣ. Но, — думала она: — пускай она съ нимъ поболтаетъ въ деревнѣ. Она забавляетъ

его, какъ дѣвочка. Бѣды большой нѣтъ, а она все-таки поумнѣетъ... Въ Петербургѣ я это все перемѣню...

Дарья Михайловна ошибалась. Не какъ дѣвочка болтала Наталья съ Рудинымъ: она жадно внимала его рѣчамъ, она старалась вникнуть въ ихъ значеніе; она повергала на судъ его свои мысли, свои сомнѣнія: онъ былъ ея наставникомъ, ея вождемъ. Пока—одна голова у ней кипѣла... но молодая головка недолго кипитъ одна. Какія сладкія мгновенія переживала Наталья, когда, бывало, въ саду, на скамейкѣ, въ легкой, сквозной тѣни ясени, Рудинъ начнетъ читать ей гётевскаго Фауста, Гоффмана, или Письма Беттины, или Новалиса, безпрестанно останавливаясь и толкуя то, что̀ ей казалось темнымъ! Она по-нѣмецки говорила плохо, какъ почти всѣ наши барышни, но понимала хорошо, а Рудинъ былъ весь погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій міръ, и увлекалъ ее за собой въ тѣ заповѣдныя страны. Невѣдомыя, прекрасныя, раскрывались онѣ передъ ея внимательнымъ взоромъ; со страницъ книги, которую Рудинъ держалъ въ рукахъ, дивные образы, новыя, свѣтлыя мысли такъ и лились звенящими струями ей въ душу, и въ сердцѣ ея, потрясенномъ благородной радостью великихъ ощущеній, тихо вспыхивала и разгоралась святая искра восторга...

— Скажите, Дмитрій Николаичъ,—начала она однажды, сидя у окна за пяльцами: — вѣдь вы на зиму поѣдете въ Петербургъ?

— Не знаю,—возразилъ Рудинъ, опуская на колѣни книгу, которую перелистывалъ: — если соберусь со средствами, поѣду.

Онъ говорилъ вяло: онъ чувствовалъ усталость и бездѣйствовалъ съ самаго утра.

— Мнѣ кажется, какъ не найти вамъ средства?

Рудинъ покачалъ головой.

— Вамъ такъ кажется!

И онъ значительно глянулъ въ сторону.

Наталья хотѣла-было что-то сказать и удержалась.

— Посмотрите,—началъ Рудинъ, и указалъ ей рукой

въ окно:—видите вы эту яблоню: она сломилась отъ тяжести и множества своихъ собственныхъ плодовъ. Вѣрная эмблема генія...

— Она сломилась оттого, что у ней не было подпоры,— возразила Наталья.

— Я васъ понимаю, Наталья Алексѣевна; но человѣку не такъ легко сыскать ее, эту подпору.

— Мнѣ кажется, сочувствіе другихъ... во всякомъ случаѣ, одиночество...

Наталья немного запуталась и покраснѣла.

— И что́ вы будете дѣлать зимой въ деревнѣ?—поспѣшно прибавила она.

— Что̀ я буду дѣлать? Окончу мою большую статью— вы знаете—о трагическомъ въ жизни и въ искусствѣ—я вамъ третьяго-дня планъ разсказывалъ—и пришлю ее вамъ.

— И напечатаете?

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Для кого же вы будете трудиться?

— А хоть бы для васъ.

Наталья опустила глаза.

— Это не по моимъ силамъ, Дмитрій Николаичъ!

— О чемъ, позвольте спросить, статья?—скромно спросилъ Басистовъ, сидѣвшій поодаль.

— О трагическомъ въ жизни и въ искусствѣ,—повторилъ Рудинъ.—Вотъ и г. Басистовъ прочтетъ. Впрочемъ, я не совсѣмъ еще сладилъ съ основною мыслью. Я до сихъ поръ еще не довольно уяснилъ самому себѣ трагическое значеніе любви.

Рудинъ охотно и часто говорилъ о любви. Сначала, при словѣ: любовь, m-lle Boncourt вздрагивала и навастривала уши, какъ старый полковой конь, заслышавшій трубу, но потомъ привыкла и только, бывало, съежитъ губы и съ разстановкой понюхаетъ табаку.

— Мнѣ кажется,—робко замѣтила Наталья:—трагическое въ любви—это несчастная любовь.

— Вовсе нѣтъ!—возразилъ Рудинъ:—это скорѣе комическая сторона любви... Вопросъ этотъ надобно совсѣмъ иначе поставить... надо поглубже зачерпнуть... Любовь!—

продолжалъ онъ:—въ ней все тайна: какъ она приходитъ, какъ развивается, какъ исчезаетъ. То является она вдругъ, несомнѣнная, радостная, какъ день, то долго тлѣетъ, какъ огонь подъ золой, и пробивается пламенемъ въ душѣ, когда уже все разрушено; то вползетъ она въ сердце, какъ змѣя, то вдругъ выскользнетъ изъ него вонъ... Да, да; это вопросъ важный. Да и кто любитъ въ наше время, кто дерзнетъ любить?

И Рудинъ задумался.

— Что это Сергѣя Павлыча давно не видать?—спросилъ онъ вдругъ.

Наталья вспыхнула и нагнула голову къ пяльцамъ.

— Не знаю,—прошептала она.

— Какой это прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ! промолвилъ Рудинъ, вставая. — Это одинъ изъ лучшихъ образцовъ настоящаго русскаго дворянина...

M-lle Boncourt посмотрѣла на него вкось своими французскими глазками.

Рудинъ прошелся по комнатѣ.

— Замѣтили ли вы,—заговорилъ онъ, круто повернувшись на каблукахъ:—что на дубѣ—а дубъ крѣпкое дерево—старые листья только тогда отпадаютъ, когда молодые начнутъ пробиваться?

— Да,—медленно возразила Наталья:—замѣтила.

— Точно то же случается и съ старой любовью въ сильномъ сердцѣ: она уже вымерла, но все еще держится; только другая, новая любовь можетъ ее выжить.

Наталья ничего не отвѣтила.

„Что это значитъ?“ подумала она.

Рудинъ постоялъ, встряхнулъ волосами и удалился.

А Наталья пошла къ себѣ въ комнату. Долго сидѣла она въ недоумѣніи на своей кроваткѣ, долго размышляла о послѣднихъ словахъ Рудина и вдругъ сжала руки и горько заплакала. О чемъ она плакала — Богъ вѣдаетъ! Она сама не знала, отчего у ней такъ внезапно полились слезы. Она утирала ихъ, но онѣ бѣжали вновь, какъ вода изъ давно накопившагося родника.

Въ тотъ же самый день и у Александры Павловны происходилъ разговоръ о Рудинѣ съ Лежневымъ. Сперва онъ все отмалчивался; но она рѣшилась добиться толку.

— Я вижу,—сказала она ему:—вамъ Дмитрій Николаевичъ, попрежнему, не нравится. Я нарочно до сихъ поръ васъ не разспрашивала; но вы теперь уже успѣли убѣдиться, произошла ли въ немъ перемѣна, и я желаю знать, почему онъ вамъ не нравится.

— Извольте,—возразилъ съ обычной флегмой Лежневъ:—коли ужъ вамъ такъ не терпится; только, смотрите, не сердитесь...

— Ну, начинайте, начинайте.

— И дайте мнѣ выговорить все до конца.

— Извольте, извольте, начинайте.

— И такъ-съ,—началъ Лежневъ, медлительно опускаясь на диванъ:—доложу вамъ, мнѣ Рудинъ, дѣйствительно, не нравится. Онъ умный человѣкъ...

— Еще бы!

— Онъ замѣчательно умный человѣкъ, хотя въ сущности пустой...

— Это легко сказать!

— Хотя въ сущности пустой,—повторилъ Лежневъ:—но это еще не бѣда: всѣ мы пустые люди. Я даже не ставлю въ вину ему то, что онъ деспотъ въ душѣ, лѣнивъ, не очень свѣдущъ...

Александра Павловна всплеснула руками.

— Не очень свѣдущъ! Рудинъ!—воскликнула она.

— Не очень свѣдущъ,—точно тѣмъ же голосомъ повторилъ Лежневъ: — любитъ пожить на чужой счетъ, разъигрываетъ роль, и такъ далѣе... это все въ порядкѣ вещей. Но дурно то, что онъ холоденъ, какъ ледъ.

— Онъ, эта пламенная душа, холоденъ!—перебила Александра Павловна.

— Да, холоденъ, какъ ледъ, и знаетъ это, и прикидывается пламеннымъ. Худо то̀,—продолжалъ Лежневъ, постепенно оживляясь: — что онъ играетъ опасную игру,—опасную не для него, разумѣется; самъ копейки, волоска не ставитъ на карту—а другіе ставятъ душу...

— О комъ, о чемъ вы говорите? я васъ не понимаю,— проговорила Александра Павловна.

— Худо то̀, что онъ не честенъ. Вѣдь онъ умный человѣкъ: онъ долженъ же знать цѣну словъ своихъ, — а произноситъ ихъ такъ, какъ будто они ему что-нибудь сто̀ятъ... Спору нѣтъ, онъ краснорѣчивъ: только краснорѣчіе его не русское. Да и, наконецъ, красно говорить простительно юношѣ, а въ его года стыдно тѣшиться шумомъ собственныхъ рѣчей, стыдно рисоваться!

— Мнѣ кажется, Михайло Михайлычъ, для слушателя все равно, рисуетесь ли вы или нѣтъ...

— Извините, Александра Павловна, не все равно. Иной скажетъ мнѣ слово, меня всего пройметъ, другой то же самое слово скажетъ, или еще красивѣе,— я и ухомъ не поведу. Отчего это?

— То-есть *вы* не поведете,—перебила Александра Павловна.

— Да, не поведу,—возразилъ Лежневъ:—хотя, можетъ-быть, у меня и большія уши. Дѣло въ томъ, что слова Рудина такъ и остаются словами, и никогда не станутъ поступкомъ—а между тѣмъ, эти самыя слова могутъ смутить, погубить молодое сердце.

— Да о комъ, о комъ вы говорите, Михайло Михайлычъ?

Лежневъ остановился.

— Вы желаете знать, о комъ я говорю? О Натальѣ Алексѣевнѣ.

Александра Павловна смутилась на мгновеніе, но тотчасъ же усмѣхнулась.

— Помилуйте,—начала она:—какія у васъ всегда странныя мысли! Наталья еще ребенокъ; да, наконецъ, если бъ что-нибудь и было, неужели вы думаете, что Дарья Михайловна...

— Дарья Михайловна, во-первыхъ, эгоистка и живетъ для себя; а, во-вторыхъ, она такъ увѣрена въ своемъ умѣньѣ воспитывать дѣтей, что ей и въ голову не приходитъ безпокоиться о нихъ. Фи! какъ можно! одно мгновенье, одинъ величественный взглядъ — и все пойдетъ,

какъ по ниточкѣ. Вотъ что̀ думаетъ эта барыня, которая и меценаткой себя воображаетъ, и умницей, и Богъ знаетъ чѣмъ, а на дѣлѣ она больше ничего, какъ свѣтская старушонка. А Наталья не ребенокъ: она, повѣрьте, чаще и глубже размышляетъ, чѣмъ мы съ вами. И надобно же, чтобы этакая честная, страстная и горячая натура наткнулась на такого актера, на такую кокетку! Впрочемъ, и это въ порядкѣ вещей.

— Кокетка! Это вы его называете кокеткой?

— Конечно, его... Ну, скажите сами, Александра Павловна, что̀ за роль его у Дарьи Михайловны? Быть идоломъ, оракуломъ въ домѣ, вмѣшиваться въ распоряженія, въ семейныя сплетни и дрязги — неужели это достойно мужчины?

Александра Павловна съ изумленіемъ посмотрѣла Лежневу въ лицо.

— Я не узнаю васъ, Михайло Михайлычъ,—проговорила она.—Вы покраснѣли, вы пришли въ волненіе. — Право, тутъ что-нибудь должно скрываться другое...

— Ну, такъ и есть! Ты говоришь женщинѣ дѣло, по убѣжденію; а она до тѣхъ поръ не успокоится, пока не придумаетъ какой-нибудь мелкой, посторонней причины, заставляющей тебя говорить именно такъ, а не иначе.

Александра Павловна разсердилась.

— Браво, мосьё Лежневъ! вы начинаете преслѣдовать женщинъ не хуже г. Пигасова; но, воля ваша, какъ вы ни проницательны, все-таки мнѣ трудно повѣрить, чтобы вы въ такое короткое время могли всѣхъ и все понять. Мнѣ кажется, вы ошибаетесь. По-вашему, Рудинъ—Тартюфъ какой-то.

— Въ томъ-то и дѣло, что онъ даже не Тартюфъ. Тартюфъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, зналъ, чего добивался; а этотъ, при всемъ своемъ умѣ...

— Что же, что же онъ? Доканчивайте вашу рѣчь, несправедливый, гадкій человѣкъ!

Лежневъ всталъ.

— Послушайте, Александра Павловна,—началъ онъ: — несправедливы-то вы, а не я. Вы досадуете на меня за

мои рѣзкія сужденія о Рудинѣ: я имѣю право говорить о немъ рѣзко! Я, можетъ-быть, не дешевой цѣной купилъ это право. Я хорошо его знаю: я долго жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Помните, я обѣщался разсказать вамъ когда-нибудь наше житье въ Москвѣ. Видно, придется теперь это сдѣлать. Но будете ли вы имѣть терпѣніе меня выслушать?

— Говорите, говорите!

— Ну, извольте.

Лежневъ принялся ходить медленными шагами по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь и наклоняя голову впередъ.

— Вы, можетъ-быть, знаете,—заговорилъ онъ:—а, можетъ-быть, и не знаете, что я осиротѣлъ рано и уже на семнадцатомъ году не имѣлъ надъ собою нáбольшаго. Я жилъ въ домѣ тетки, въ Москвѣ, и дѣлалъ, чтò хотѣлъ. Малый я былъ довольно пустой и самолюбивый, любилъ порисоваться и похвастать. Вступивъ въ университетъ, я велъ себя, какъ школьникъ, и скоро попался въ исторію. Я вамъ ее разсказывать не стану: не стòитъ. Я солгалъ, и довольно гадко солгалъ... Меня вывели на свѣжую воду, уличили, пристыдили... Я потерялся и заплакалъ какъ дитя. Это происходило на квартирѣ одного знакомаго, въ присутствіи многихъ товарищей. Всѣ принялись хохотать надо мною, всѣ, исключая одного студента, который, замѣтьте, больше прочихъ негодовалъ на меня, пока я упорствовалъ и не сознавался въ своей лжи. Жаль ему, что ли, меня стало, только онъ взялъ меня подъ руку и увелъ къ себѣ.

— Это былъ Рудинъ?—спросила Александра Павловна.

— Нѣтъ, это не былъ Рудинъ... это былъ человѣкъ... онъ уже теперь умеръ... это былъ человѣкъ необыкновенный. Звали его Покорскимъ. Описать его въ немногихъ словахъ я не въ силахъ, а начавъ говорить о немъ, уже ни о комъ другомъ говорить не захочешь. Эта была высокая, чистая душа, и ума такого я уже не встрѣчалъ потомъ. Покорскій жилъ въ маленькой, низенькой комнаткѣ, въ мезонинѣ стараго деревяннаго домика. Онъ былъ очень бѣденъ и перебивался кое-какъ уроками. Бывало, онъ даже чашкой чаю не могъ попотчивать гостя; а един-

ственный его диванъ до того провалился, что сталъ похожъ на лодку. Но, несмотря на эти неудобства, къ нему ходило множество народа. Его всѣ любили, онъ привлекалъ къ себѣ сердца. Вы не повѣрите, какъ сладко и весело было сидѣть въ его бѣдной комнаткѣ! У него я познакомился съ Рудинымъ. Онъ уже отсталъ тогда отъ своего князька.

— Что же было такого особеннаго въ этомъ Покорскомъ?—спросила Александра Павловна.

— Какъ вамъ сказать? Поэзія и правда—вотъ что влекло всѣхъ къ нему. При умѣ ясномъ, обширномъ, онъ былъ милъ и забавенъ, какъ ребенокъ. У меня до сихъ поръ звенитъ въ ушахъ его свѣтлое хохотанье, и въ то же время онъ—

Пылалъ полуночной лампадой
Передъ святынею добра...

Такъ выразился о немъ одинъ полу-сумасшедшій и милѣйшій поэтъ нашего кружка.

— А какъ онъ говорилъ?—спросила опять Александра Павловна.

— Онъ говорилъ хорошо, когда былъ въ духѣ, но не удивительно. Рудинъ и тогда былъ въ двадцать разъ краснорѣчивѣе его.

Лежневъ остановился и скрестилъ руки.

— Покорскій и Рудинъ не походили другъ на друга. Въ Рудинѣ было гораздо больше блеску и треску, больше фразъ и, пожалуй, больше энтузіазма. Онъ казался гораздо даровитѣе Покорскаго, а на самомъ дѣлѣ, онъ былъ бѣднякъ въ сравненіи съ нимъ. Рудинъ превосходно развивалъ любую мысль, спорилъ мастерски; но мысли его рождались не въ его головѣ: онъ бралъ ихъ у другихъ, особенно у Покорскаго. Покорскій былъ на видъ тихъ и мягокъ, даже слабъ—и любилъ женщинъ до безумія, любилъ покутить, и не дался бы никому въ обиду. Рудинъ казался полнымъ огня, смѣлости, жизни, а въ душѣ былъ холоденъ и чуть ли не робокъ, пока не задѣвалось его самолюбіе: тутъ онъ на стѣны лѣзъ. Онъ всячески старался покорить себѣ людей, но покорялъ онъ ихъ во имя

общихъ началъ и идей, и дѣйствительно, имѣлъ вліяніе сильное на многихъ. Правда, никто его не любилъ; одинъ я, можетъ-быть, привязался къ нему. Его иго носили... Покорскому всѣ отдавались сами собой. За то Рудинъ никогда не отказывался толковать и спорить съ первымъ встрѣчнымъ... Онъ не слишкомъ много прочелъ книгъ, но во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ Покорскій и чѣмъ всѣ мы; притомъ, умъ имѣлъ систематическій, память огромную, а вѣдь это-то и дѣйствуетъ на молодежь! Ей выводы подавай, итоги, хоть невѣрные, да итоги! Совершенно добросовѣстный человѣкъ на это не годится. Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владѣете ею... молодежь васъ и слушать не станетъ. Но обмануть вы ее тоже не можете. Надобно, чтобы вы сами хотя на половину вѣрили, что обладаете истиной... Оттого-то Рудинъ и дѣйствовалъ такъ сильно на нашего брата. Видите ли, я вамъ сейчасъ сказалъ, что онъ прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него такъ была устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла, и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы. Нашъ кружокъ состоялъ тогда, говоря по совѣсти, изъ мальчиковъ—и недоученыхъ мальчиковъ. Философія, искусство, наука, самая жизнь — все это для насъ были одни слова, пожалуй даже понятія, заманчивыя, прекрасныя но разбросанныя, разъединенныя. Общей связи этихъ понятій, общаго закона мірового мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о немъ, силились отдать себѣ въ немъ отчетъ... Слушая Рудина, намъ впервые показалось, что мы наконецъ схватили ее, эту общую связь, что поднялась наконецъ завѣса! Положимъ, онъ говорилъ не свое—что за дѣло! но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что́ мы знали, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, вырастало передъ нами, точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюду... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ; во всемъ высказыва-

лась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и, въ то же время, таинственное; каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ, чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому... Вамъ все это не смѣшно?

— Нисколько!—медленно возразила Александра Павловна:—почему вы это думаете? Я васъ не совсѣмъ понимаю, но мнѣ не смѣшно.

— Мы съ тѣхъ поръ успѣли поумнѣть, конечно,—продолжалъ Лежневъ:—все это намъ теперь можетъ казаться дѣтствомъ... Но, я повторяю, Рудину мы тогда были обязаны многимъ. Покорскій былъ несравненно выше его, безспорно; Покорскій вдыхалъ въ насъ всѣхъ огонь и силу; но онъ иногда чувствовалъ себя вялымъ и молчалъ. Человѣкъ онъ былъ нервическій, нездоровый; зато, когда онъ расправлялъ свои крылья,—Боже! куда не залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба! А въ Рудинѣ, въ этомъ красивомъ и статномъ маломъ, было много мелочей; онъ даже сплетничалъ; страсть его была во все вмѣшиваться, все опредѣлять и разъяснять. Его хлопотливая дѣятельность никогда не унималась... политическая натура-съ! Я о немъ говорю, какимъ я его зналъ тогда. Впрочемъ, онъ, къ несчастію, не измѣнился. Зато онъ и въ вѣрованіяхъ своихъ не измѣнился... въ тридцать-пять лѣтъ!.. Не всякій можетъ сказать это о себѣ.

— Сядьте,—проговорила Александра Павловна:—что̀ вы, какъ маятникъ, по комнатѣ ходите?

— Этакъ мнѣ лучше,—возразилъ Лежневъ.—Ну-съ, попавъ въ кружокъ Покорскаго, я доложу вамъ, Александра Павловна, я совсѣмъ переродился: смирился, разспрашивалъ, учился, радовался, благоговѣлъ — однимъ словомъ, точно въ храмъ какой вступилъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ вспомню я наши сходки, ну, ей-Богу же, много въ нихъ было хорошаго, даже трогательнаго. Вы представьте: сошлись человѣкъ пять-шесть мальчиковъ, одна сальная свѣча горитъ, чай подается прескверр-

ный и сухари къ нему старые-престарые; а посмотрѣли бы вы на всѣ наши лица, послушали бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ, и щеки пылаютъ, и сердце бьется, и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи, — говоримъ иногда вздоръ, восхищаемся пустяками; но что за бѣда!.. Покорскій сидитъ, поджавъ ноги, подпираетъ блѣдную щеку рукой; а глаза его такъ и свѣтятся. Рудинъ стоитъ посерединѣ комнаты и говоритъ, говоритъ прекрасно, ни дать ни взять — молодой Демосѳенъ передъ шумящимъ моремъ; взъерошенный поэтъ Субботинъ издаетъ, по временамъ, и какъ бы во снѣ, отрывистыя восклицанія; сорокалѣтній буршъ, сынъ нѣмецкаго пастора, Шеллеръ, прослывшій между нами за глубочайшаго мыслителя, по милости своего вѣчнаго, ничѣмъ ненарушимаго молчанья, какъ-то особенно торжественно безмолвствуетъ; — самъ веселый Щитовъ, Аристофанъ нашихъ сходокъ, утихаетъ и только ухмыляется; два-три новичка слушаютъ съ торжественнымъ наслажденіемъ... А ночь летитъ тихо и плавно, какъ на крыльяхъ. Вотъ ужъ и утро сѣрѣетъ, и мы расходимся, тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у насъ и въ поминѣ тогда не было), съ какой-то пріятной усталостью на душѣ... и даже на звѣзды какъ-то довѣрчиво глядишь, словно онѣ и ближе стали, и понятнѣе... Эхъ! славное было время тогда, и не хочу я вѣрить, чтобы оно пропало даромъ! Да оно и не пропало, — не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошлила потомъ... Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей! Кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стоитъ только произнести при немъ имя Покорскаго — и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую стклянку съ духами...

Лежневъ умолкъ; его безцвѣтное лицо раскраснѣлось.

— Но отчего же, когда вы поссорились съ Рудинымъ? — заговорила Александра Павловна, съ изумленіемъ глядя на Лежнева.

— Я съ нимъ не поссорился, а съ нимъ разстался, когда узналъ его окончательно за границей. А уже въ Москвѣ я бы могъ разссориться съ нимъ. Онъ со мной уже тогда сыгралъ недобрую штуку.

— Что̀ такое?

— А вотъ что̀. Я... какъ бы это сказать?.. къ моей фигурѣ оно нейдетъ... но я всегда былъ очень способенъ влюбиться.

— Вы?

— Я. Это странно, не правда ли? А между тѣмъ, оно такъ... Ну-съ, вотъ, я и влюбился тогда въ одну очень миленькую дѣвочку... Да что̀ вы на меня такъ глядите? Я бы могъ сказать вамъ о себѣ вещь, гораздо болѣе удивительную.

— Какую это вещь, позвольте, узнать?

— А хоть бы вотъ какую вещь. Я, въ то, московское-то время, хаживалъ по ночамъ на свиданіе... съ кѣмъ бы вы думали? съ молодой липой на концѣ моего сада. Обниму ея тонкій и стройный стволъ, и мнѣ кажется, что я обнимаю всю природу, а сердце расширяется и млѣетъ такъ, какъ будто, дѣйствительно, вся природа въ него вливается... Вотъ-съ я былъ какой!.. Да что̀? Вы, можетъ, думаете, я стиховъ не писалъ? Писалъ-съ, и даже цѣлую драму сочинилъ, въ подражаніе Манфреду. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ былъ призракъ съ кровью на груди, и не съ своей кровью, замѣтьте, а съ кровью человѣчества вообще... Да-съ, да-съ, не извольте удивляться... Но я началъ разсказывать о моей любви. Я познакомился съ одной дѣвушкой...

— И перестали ходить на свиданіе съ липой?—спросила Александра Павловна.

— Пересталъ. Дѣвушка эта была предобренькое и прехорошенькое существо, съ веселыми, ясными глазками и звенящимъ голосомъ.

— Вы хорошо описываете,—замѣтила съ усмѣшкой Александра Павловна.

— А вы очень строгій критикъ,—возразилъ Лежневъ.— Ну-съ, жила эта дѣвушка со старикомъ-отцомъ... Впро-

чемъ, я въ подробности вдаваться не стану. Скажу вамъ только, что эта дѣвушка была точно предобренькая— вѣчно, бывало, нальетъ тебѣ три-четверти стакана чаю, когда ты просишь только половину!.. На третій день, послѣ первой встрѣчи съ ней, я уже пылалъ, а на седьмой день не выдержалъ и во всемъ сознался Рудину. Молодому человѣку, влюбленному, не возможно не проболтаться; а я Рудину исповѣдывался во всемъ. Я тогда находился весь подъ его вліяніемъ, и это вліяніе, скажу безъ обиняковъ, было благотворно во многомъ. Онъ первый не побрезгалъ мною, обтесалъ меня. Покорскаго я любилъ страстно и ощущалъ нѣкоторый страхъ передъ его душевной чистотой; а къ Рудину я стоялъ ближе. Узнавъ о моей любви, онъ пришелъ въ восторгъ неописанный: поздравилъ, обнялъ меня и тотчасъ же пустился вразумлять меня, толковать мнѣ всю важность моего новаго положенія. Я уши развѣсилъ... Ну, да вѣдь вы знаете, какъ онъ умѣетъ говорить. Слова его подѣйствовали на меня необыкновенно. Уваженіе я къ себѣ вдругъ возымѣлъ удивительное, видъ принялъ серьезный и смѣяться пересталъ. Помнится, я даже ходить началъ тогда осторожнѣе, точно у меня въ груди находился сосудъ, полный драгоцѣнной, влаги, которую я боялся расплескать... Я былъ очень счастливъ, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ благоволили явно. Рудинъ пожелалъ познакомиться съ моимъ предметомъ; да чуть ли не я самъ настоялъ на томъ, чтобы представить его.

— Ну, вижу, вижу теперь, въ чемъ дѣло,—перебила Александра Павловна.—Рудинъ отбилъ у васъ вашъ предметъ, и вы до сихъ поръ ему простить не можете... Держу пари, что не ошиблась!

— И проиграли бы пари, Александра Павловна: вы ошибаетесь. Рудинъ не отбилъ у меня моего предмета, да онъ и не хотѣлъ его у меня отбивать; а все-таки онъ разрушилъ мое счастье, хотя, разсудивъ хладнокровно, я теперь готовъ сказать ему спасибо за это. Но тогда я чуть не рехнулся. Рудинъ нисколько не желалъ повредить мнѣ, — напротивъ! но вслѣдствіе своей проклятой привычки каждое движеніе жизни, и своей, и чужой, при-

шпиливать словомъ, какъ бабочку булавкой, онъ пустился обоимъ намъ объяснять насъ самихъ, наши отношенія, какъ мы должны вести себя, деспотически заставлялъ отдавать себѣ отчетъ въ нашихъ чувствахъ и мысляхъ, хвалилъ насъ, порицалъ, вступилъ даже въ переписку съ нами, вообразите!.. ну, сбилъ насъ съ толку совершенно! Я бы едва ли женился тогда на моей барышнѣ (столько-то во мнѣ еще здраваго смысла оставалось), но, по крайней мѣрѣ, мы бы съ ней славно провели нѣсколько мѣсяцевъ, въ родѣ Павла и Виргиніи; а тутъ пошли недоразумѣнія, напряженности всякія, — чепуха пошла, однимъ словомъ. Кончилось тѣмъ, что Рудинъ, въ одно прекрасное утро, договорился до того убѣжденія, что ему, какъ другу, предстоитъ священнѣйшій долгъ извѣстить обо всемъ старика-отца,—и онъ это сдѣлалъ.

— Неужели!—воскликнула Александра Павловна.

— Да, и, замѣтьте, съ моего согласія сдѣлалъ — вотъ что чудно!.. Помню до сихъ поръ, какой хаосъ носилъ я тогда въ головѣ: просто все кружилось и представлялось, какъ въ камеръ-обскурѣ: бѣлое казалось чернымъ, черное—бѣлымъ, ложь—истиной, фантазія—долгомъ... Э! даже и теперь совѣстно вспоминать объ этомъ! Рудинъ—тотъ не унывалъ... куда! носится, бывало, среди всякаго рода недоразумѣній и путаницы, какъ ласточка надъ прудомъ.

— Итакъ, вы разстались съ вашей дѣвицей?—спросила Александра Павловна, наивно склонивъ головку на бокъ и приподнявъ брови.

— Разстался... и не хорошо разстался, оскорбительно-неловко, гласно, и безъ нужды гласно... Самъ я плакалъ, и она плакала, и чортъ знаетъ, что̀ произошло... Гордіевъ узелъ какой-то затянулся—пришлось перерубить, а больно было! Впрочемъ, все на свѣтѣ устраивается къ лучшему. Она вышла замужъ за хорошаго человѣка̀ и благоденствуетъ теперь...

— А признайтесь, вы все-таки не могли простить Рудину... начала-было Александра Павловна.

— Какое!—перебилъ Лежневъ:—я плакалъ, какъ ребенокъ, когда провожалъ его за границу. Однако, правду

сказать, сѣмя тамъ у меня на душѣ залегло тогда же. И когда я встрѣтилъ его потомъ за границей... ну, я тогда уже и постарѣлъ... Рудинъ предсталъ мнѣ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ.

— Что̀ же именно вы открыли въ немъ?

— Да все то, о чемъ я говорилъ вамъ съ часъ тому назадъ. Впрочемъ, довольно о немъ. Можетъ-быть, все обойдется благополучно. Я только хотѣлъ доказать вамъ, что если я сужу о немъ строго, такъ не потому, что его не знаю... Что̀ же касается до Натальи Алексѣевны, я не буду тратить лишнихъ словъ; но вы обратите вниманіе на вашего брата.

— На моего брата! А что?

— Да посмотрите на него. Развѣ вы ничего не замѣчаете?—Александра Павловна потупилась.

— Вы правы,—промолвила она:—точно... братъ... съ нѣкоторыхъ поръ я его не узнаю... Но неужели вы думаете...

— Тише! онъ, кажется, идетъ сюда,—произнесъ шопотомъ Лежневъ. — А Наталья не ребенокъ, повѣрьте мнѣ, хотя, къ несчастію, неопытна, какъ ребенокъ. Вы увидите, эта дѣвочка удивитъ всѣхъ насъ.

— Какимъ это образомъ?

— А вотъ какимъ образомъ... Знаете ли, что именно такія дѣвочки топятся, принимаютъ яду и такъ далѣе? Вы не глядите, что она такая тихая: страсти въ ней сильныя, и характеръ—тоже ой-ой!

— Ну, ужъ это, мнѣ кажется, вы въ поэзію вдаетесь. Такому флегматику, какъ вы, пожалуй, и я покажусь вулканомъ.

— Ну, нѣтъ!—проговорилъ съ улыбкой Лежневъ.—А что до характера,—у васъ, слава Богу, характера нѣтъ вовсе.

— Это еще что̀ за дерзость?

— Это? Это величайшій комплиментъ, помилуйте...

Волынцевъ вошелъ и подозрительно посмотрѣлъ на Лежнева и на сестру. Онъ похудѣлъ въ послѣднее время. Они оба заговорили съ нимъ; но онъ едва улыбался въ отвѣтъ на ихъ шутки и глядѣлъ, какъ выразился о немъ однажды Пигасовъ, грустнымъ зайцемъ. Впрочемъ, вѣ-

роятно, не было еще на свѣтѣ человѣка, который, хотя разъ въ жизни, не глядѣлъ еще хуже того. Волынцевъ чувствовалъ, что Наталья отъ него удалялась, а вмѣстѣ съ ней, казалось, и земля бѣжала у него изъ-подъ ногъ.

VII.

На другой день было воскресенье, и Наталья поздно встала. Наканунѣ она была очень молчалива до самаго вечера, втайнѣ стыдилась слезъ своихъ и очень дурно спала. Сидя, полуодѣтая, передъ своимъ маленькимъ фортепіано, она то брала аккорды, едва слышные, чтобы не разбудить m-lle Boncourt, то приникала лбомъ къ холоднымъ клавишамъ и долго оставалась неподвижной. Она все думала — не о самомъ Рудинѣ, но о какомъ-нибудь словѣ, имъ сказанномъ, и погружалась вся въ свою думу. Изрѣдка приходилъ ей Волынцевъ на память. Она знала, что онъ ее любитъ. Но мысль ея тотчасъ его покидала... Странное она чувствовала волненіе. Утромъ она поспѣшно одѣлась, сошла внизъ и, поздоровавшись съ своею матерью, улучила время и ушла одна въ садъ... День былъ жаркій, свѣтлый, лучезарный день, несмотря на перепадавшіе дождики. По ясному небу плавно неслись, не закрывая солнца, низкія, дымчатыя тучи и, по временамъ, роняли на поля обильные потоки внезапнаго и мгновеннаго ливня. Крупныя, сверкающія капли сыпались быстро, съ какимъ-то сухимъ шумомъ, точно алмазы; солнце играло сквозь ихъ мелькающую сѣтку; трава, еще недавно взволнованная вѣтромъ, не шевелилась, жадно поглощая влагу; орошенныя деревья томно трепетали всѣми своими листочками; птицы не переставали пѣть, и отрадно было слушать ихъ болтливое щебетанье при свѣжемъ гулѣ и ропотѣ пробѣгавшаго дождя. Пыльныя дороги дымились и слегка пестрѣли подъ рѣзкими ударами частыхъ брызгъ. Но вотъ, тучка пронеслась, запорхалъ вѣтерокъ, изумрудомъ и золотомъ начала переливать трава... Прилипая другъ къ дружкѣ, засквозили листья деревьевъ... Сильный запахъ поднялся отовсюду...

Небо почти все очистилось, когда Наталья пошла въ

садъ. Отъ него вѣяло свѣжестью и тишиной, той кроткой и счастливой тишиной, на которую сердце человѣка отзывается сладкимъ томленіемъ тайнаго сочувствія и неопредѣленныхъ желаній...

Наталья шла вдоль пруда, по длинной аллеѣ серебристыхъ тополей; внезапно, передъ нею, словно изъ земли выросъ Рудинъ.

Она смутилась. Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Вы однѣ?—спросилъ онъ.

— Да, я одна,—отвѣчала Наталья:—впрочемъ, я вышла на минуту... Мнѣ пора домой.

— Я васъ провожу.

И онъ пошелъ съ ней рядомъ.

— Вы какъ-будто печальны?—промолвилъ онъ.

— Я?... А я хотѣла вамъ замѣтить, что вы, мнѣ кажется, не въ духѣ.

— Можетъ-быть... это со мною бываетъ. Мнѣ это извинительнѣе, чѣмъ вамъ.

— Почему же? Развѣ вы думаете, что мнѣ не отъ чего быть печальной?

— Въ ваши годы надо наслаждаться жизнью.

Наталья сдѣлала нѣсколько шаговъ молча.

— Дмитрій Николаевичъ!—проговорила она.

— Что?

— Помните вы... сравненіе, которое вы сдѣлали вчера... помните... съ дубомъ.

— Ну, да, помню. Что же?

Наталья взглянула украдкой на Рудина.

— Зачѣмъ вы... что вы хотѣли сказать этимъ сравненіемъ?

Рудинъ наклонилъ голову и устремилъ глаза вдаль.

— Наталья Алексѣевна!—началъ онъ, съ свойственнымъ ему сдержаннымъ и значительнымъ выраженіемъ, которое всегда заставляло слушателя думать, что Рудинъ не высказывалъ и десятой доли того, что̀ тѣснилось ему въ душу:—Наталья Алексѣевна! вы могли замѣтить, я мало говорю о своемъ прошедшемъ. Есть нѣкоторыя струны, до которыхъ я не касаюсь вовсе. Мое сердце... кому какая нужда знать о томъ, что̀ въ немъ происходило? Выста-

влять это напоказъ мнѣ всегда казалось святотатствомъ. Но съ вами я откровененъ: вы возбуждаете мое довѣріе... Не могу утаить отъ васъ, что и я любилъ, и страдалъ, какъ всѣ... Когда и какъ? объ этомъ говорить не стóитъ; но сердце мое испытало много радостей и много горестей...

Рудинъ помолчалъ немного.

— То, чтò я вамъ сказалъ вчера,—продолжалъ онъ:— можетъ быть до нѣкоторой степени примѣнено ко мнѣ, къ теперешнему моему положенію. Но, опять-таки, объ этомъ говорить не стóитъ. Эта сторона жизни для меня уже исчезла. Мнѣ остается теперь тащиться по знойной и пыльной дорогѣ, со станціи до станціи, въ тряской телѣгѣ... Когда я доѣду, и доѣду ли—Богъ знаетъ... Поговоримте лучше о васъ.

— Неужели же, Дмитрій Николаевичъ,—перебила его Наталья:—вы ничего не ждете отъ жизни?

— О, нѣтъ! Я жду многаго, но не для себя... Отъ дѣятельности, отъ блаженства дѣятельности я никогда не откажусь, но я отказался отъ наслажденія. Мои надежды, мои мечты—и собственное мое счастіе не имѣютъ ничего общаго. Любовь (при этомъ словѣ онъ пожалъ плечомъ)... любовь—не для меня; я... ея не стóю; женщина, которая любитъ, въ правѣ требовать всего человѣка, а я ужъ весь отдаться не могу. Притомъ, нравиться — это дѣло юношей: я слишкомъ старъ. Куда мнѣ кружить чужія головы? Дай Богъ свою сносить на плечахъ!

— Я понимаю,—промолвила Наталья: — кто стремится къ великой цѣли, уже не долженъ думать о себѣ; но развѣ женщина не въ состояніи оцѣнить такого человѣка? Мнѣ кажется, напротивъ, женщина скорѣе отвернется отъ эгоиста... Всѣ молодые люди, эти юноши, по-вашему, всѣ — эгоисты, всѣ только собою заняты, даже когда любятъ. Повѣрьте, женщина не только способна понять самопожертвованіе: она сама умѣетъ пожертвовать собою.

Щеки Натальи слегка зарумянились, и глаза ея заблестѣли. До знакомства съ Рудинымъ она никогда бы не произнесла такой длинной рѣчи и съ такимъ жаромъ.

— Вы не разъ слышали мое мнѣніе о призваніи жен-

щины,—возразилъ съ снисходительной улыбкой Рудинъ:—вы знаете, что, по-моему, одна Жанна д'Аркъ могла спасти Францію... но дѣло не въ томъ. Я хотѣлъ поговорить о васъ. Вы стоите на порогѣ жизни... Разсуждать о вашей будущности и весело, и не безплодно... Послушайте: вы знаете, я вашъ другъ; я принимаю въ васъ почти родственное участіе... А потому, я надѣюсь, вы не найдете моего вопроса нескромнымъ; скажите, ваше сердце до сихъ поръ совершенно спокойно?

Наталья вся вспыхнула и ничего не сказала. Рудинъ остановился, и она остановилась.

— Вы не сердитесь на меня?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—проговорила она:—но я никакъ не ожидала...

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ:—вы можете не отвѣчать мнѣ. Ваша тайна мнѣ извѣстна.

Наталья почти съ испугомъ взглянула на него.

— Да... да; я знаю, кто вамъ нравится. И я долженъ сказать—лучшаго выбора вы сдѣлать не могли. Онъ человѣкъ прекрасный; онъ сумѣетъ оцѣнить васъ; онъ не измятъ жизнью—онъ простъ и ясенъ душою... онъ составитъ ваше счастіе.

— О комъ говорите вы, Дмитрій Николаичъ?

— Будто вы не понимаете, о комъ я говорю? Разумѣется, о Волынцевѣ. Что жъ? развѣ это неправда?

Наталья отвернулась немного отъ Рудина. Она совершенно растерялась.

— Развѣ онъ не любитъ васъ? Помилуйте! онъ не сводитъ съ васъ глазъ, слѣдитъ за каждымъ вашимъ движеніемъ; да и наконецъ, развѣ можно скрыть любовь! И вы сами развѣ неблагосклонны къ нему? Сколько я могъ замѣтить, и матушкѣ вашей онъ также нравится... Вашъ выборъ...

— Дмитрій Николаичъ,—перебила его Наталья, въ смущеніи протягивая руку къ близъ стоявшему кусту:—мнѣ, право, такъ неловко говорить объ этомъ, но я васъ увѣряю... вы ошибаетесь.

— Я ошибаюсь?—повторилъ Рудинъ.—Не думаю... Я съ вами познакомился недавно; но я уже хорошо васъ знаю.

Что̀ же значитъ перемѣна, которую я вижу въ васъ, вижу ясно? Развѣ вы такая, какою я засталъ васъ шесть недѣль тому назадъ?.. Нѣтъ, Наталья Алексѣевна, сердце ваше не спокойно.

— Можетъ-быть,—отвѣтила Наталья едва внятно:—но вы все-таки ошибаетесь.

— Какъ это?—спросилъ Рудинъ.

— Оставьте меня, не спрашивайте меня!—возразила Наталья и быстрыми шагами направилась къ дому.

Ей самой стало страшно всего того, что̀ она вдругъ почувствовала въ себѣ.

Рудинъ догналъ и остановилъ ее.

— Наталья Алексѣевна,—заговорилъ онъ:—этотъ разговоръ не можетъ такъ кончиться: онъ слишкомъ важенъ и для меня... Какъ мнѣ понять васъ?

— Оставьте меня!—повторила Наталья.

— Наталья Алексѣевна, ради Бога!

На лицѣ Рудина изобразилось волненіе. Онъ поблѣднѣлъ.

— Вы все понимаете, вы и меня должны понять!—сказала Наталья, вырвала у него руку и пошла, не оглядываясь.

— Одно только слово!—крикнулъ ей вслѣдъ Рудинъ.

Она остановилась, но не обернулась.

— Вы меня спрашивали, что̀ я хотѣлъ сказать вчерашнимъ сравненіемъ. Знайте же, я обманывать васъ не хочу. Я говорилъ о себѣ, о своемъ прошедшемъ,—и о васъ.

— Какъ? обо мнѣ?

— Да, о васъ; я, повторяю, не хочу васъ обманывать... Вы теперь знаете, о какомъ чувствѣ, о какомъ новомъ чувствѣ, я говорилъ тогда... До нынѣшняго дня я никогда бы не рѣшился...

Наталья вдругъ закрыла лицо руками и побѣжала къ дому.

Она такъ была потрясена неожиданной развязкой разговора съ Рудинымъ, что и не замѣтила Волынцева, мимо котораго пробѣжала. Онъ стоялъ неподвижно, прислонясь спиною къ дереву. Четверть часа тому назадъ, онъ пріѣхалъ къ Дарьѣ Михайловнѣ и засталъ ее въ гостиной; сказалъ слова два, незамѣтно удалился и отправился отъ-

искивать Наталью. Руководимый чутьемъ, свойственнымъ влюбленнымъ людямъ, онъ пошелъ прямо въ садъ и наткнулся на нее и на Рудина въ то самое мгновеніе, когда она вырвала у него руку. У Волынцева потемнѣло въ глазахъ. Проводивъ Наталью взоромъ, онъ отдѣлился отъ дерева и шагнулъ раза два, самъ не зная, куда и зачѣмъ. Рудинъ увидѣлъ его, поровнявшись съ нимъ. Оба посмотрѣли другъ на друга въ глаза, поклонились и разошлись молча.

„Это такъ не кончится“, подумали оба.

Волынцевъ пошелъ на самый конецъ сада. Ему горько и тошно стало; а на сердце залегъ свинецъ, и кровь по временамъ поднималась злобно. Дождикъ сталъ опять накрапывать. Рудинъ вернулся къ себѣ въ комнату. И онъ не былъ спокоенъ: вихремъ кружились въ немъ мысли. Довѣрчивое, неожиданное прикосновеніе молодой, честной души смутитъ хоть кого.

За столомъ все шло какъ-то неладно. Наталья, вся блѣдная, едва держалась на стулѣ и не поднимала глазъ. Волынцевъ сидѣлъ, по обыкновенію, возлѣ нея и, время отъ времени, принужденно заговаривалъ съ нею. Случилось такъ, что Пигасовъ въ тотъ день обѣдалъ у Дарьи Михайловны. Онъ больше всѣхъ говорилъ за столомъ. Между прочимъ, онъ началъ доказывать, что людей, какъ собакъ, можно раздѣлить на куцыхъ и длиннохвостыхъ. Куцыми бываютъ люди—говорилъ онъ—и отъ рожденія, и по собственной винѣ. Куцымъ плохо: имъ ничего не удается — они не имѣютъ самоувѣренности. Но человѣкъ, у котораго длинный пушистый хвостъ—счастливецъ. Онъ можетъ быть и плоше, и слабѣе куцаго, да увѣренъ въ себѣ; распуститъ хвостъ—всѣ любуются. И вѣдь вотъ что достойно удивленія! вѣдь хвостъ совершенно безполезная часть тѣла, согласитесь; на что можетъ пригодиться хвостъ? а всѣ судятъ о вашихъ достоинствахъ по хвосту.

— Я,—прибавилъ онъ со вздохомъ: — принадлежу къ числу куцыхъ, и, что̀ досаднѣе всего, я самъ отрубилъ себѣ хвостъ.

— То-есть, вы хотите сказать,—замѣтилъ небрежно Ру-

динъ: — что, впрочемъ, уже давно до васъ сказалъ ла-Рошфуко: будь увѣренъ въ себѣ, другіе въ тебя вѣрятъ. Къ чему тутъ было примѣшивать хвостъ, я не понимаю.

— Позвольте же каждому,—рѣзко заговорилъ Волынцевъ, и глаза его загорѣлись:—позвольте каждому выражаться, какъ ему вздумается. Толкуютъ о деспотизмѣ... По-моему, нѣтъ хуже деспотизма такъ-называемыхъ умныхъ людей. Чортъ бы ихъ побралъ!

Всѣхъ изумила выходка Волынцева, всѣ притихли. Рудинъ посмотрѣлъ-было на него, но не выдержалъ его взора, отворотился, улыбнулся и рта не разинулъ.

„Эге! да и ты куцъ!“ подумалъ Пигасовъ; а у Натальи душа замерла отъ страха. Дарья Михайловна долго, съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Волынцева и, наконецъ, первая заговорила; начала разсказывать о какой-то необыкновенной собакѣ министра N. N...

Волынцевъ уѣхалъ скоро послѣ обѣда. Раскланиваясь съ Натальей, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ ей:

— Отчего вы такъ смущены, словно виноваты? вы ни передъ кѣмъ виноваты быть не можете!..

Наталья ничего не поняла, и только посмотрѣла ему вслѣдъ. Передъ чаемъ, Рудинъ подошелъ къ ней, и, нагнувшись надъ столомъ, какъ будто разбирая газеты, шепнулъ:

— Все это какъ сонъ, не правда ли? Мнѣ непремѣнно нужно видѣть васъ наединѣ... хотя минуту. — Онъ обратился къ m-lle Boncourt.—Вотъ,—сказалъ онъ ей:—тотъ фельетонъ, который вы искали, — и снова наклоняясь къ Натальѣ, прибавилъ шопотомъ:—постарайтесь быть около десяти часовъ возлѣ террасы, въ сиреневой бесѣдкѣ: я буду ждать васъ...

Героемъ вечера былъ Пигасовъ. Рудинъ уступилъ ему поле сраженія. Онъ очень смѣшилъ Дарью Михайловну; сперва онъ разсказывалъ объ одномъ своемъ сосѣдѣ, который, состоя лѣтъ тридцать подъ башмакомъ жены, до того обабился, что, переходя однажды, въ присутствіи Пигасова, мелкую лужицу, занесъ назадъ руку и отвелъ вбокъ фалды сюртука, какъ женщины это дѣлаютъ со своими юбками. Потомъ онъ обратился къ другому помѣ-

щику, который сначала былъ масономъ, потомъ меланхоликомъ, потомъ желалъ быть банкиромъ.

— Какъ же это вы были масономъ, Филиппъ Степанычъ?—спросилъ его Пигасовъ.

— Извѣстно какъ: я носилъ длинный ноготь на пятомъ пальцѣ.

Но больше всего смѣялась Дарья Михайловна, когда Пигасовъ пустился разсуждать о любви и увѣрять, что и о немъ вздыхали, что одна пылкая нѣмка называла его даже „аппетитнымъ Африканчикомъ“ и „хрипунчикомъ“. Дарья Михайловна смѣялась, а Пигасовъ не лгалъ: онъ дѣйствительно имѣлъ право хвастаться своими побѣдами. Онъ утверждалъ, что ничего не можетъ быть легче, какъ влюбить въ себя какую угодно женщину: стóитъ только повторять ей десять дней сряду, что у ней въ устахъ рай, а въ очахъ блаженство, и что остальныя женщины передъ ней простыя тряпки, и на одиннадцатый день она сама скажетъ, что у ней въ устахъ рай и въ очахъ блаженство, и полюбитъ васъ. Все на свѣтѣ бываетъ. Почему знать, можетъ-быть, Пигасовъ и правъ.

Въ половинѣ девятаго Рудинъ уже былъ въ бесѣдкѣ. Въ далекой и блѣдной глубинѣ неба только-что проступали звѣздочки; на западѣ еще алѣло—тамъ и небосклонъ казался яснѣй и чище; полукругъ луны блестѣлъ золотомъ сквозь черную сѣтку плакучей березы. Другія деревья либо стояли угрюмыми великанами, съ тысячью просвѣтовъ, наподобіе глазъ, либо сливались въ сплошныя, мрачныя громады. Ни одинъ листокъ не шевелился; верхнія вѣтки сиреней и акацій какъ будто прислушивались къ чему-то и вытягивались въ тепломъ воздухѣ. Домъ темнѣлъ вблизи; пятнами красноватаго свѣта рисовались на немъ освѣщенныя длинныя окна. Кротокъ и тихъ былъ вечеръ; но сдержанный, страстный вздохъ чудился въ этой тишинѣ.

Рудинъ стоялъ, скрестивъ руки на груди, и слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Сердце въ немъ билось сильно, и онъ невольно удерживалъ дыханіе. Наконецъ ему послышались легкіе, торопливые шаги, и въ бесѣдку вошла Наталья.

Рудинъ бросился къ ней, взялъ ее за руки. Онѣ были холодны какъ ледъ.

— Наталья Алексѣевна!—заговорилъ онъ трепетнымъ шопотомъ:—я хотѣлъ васъ видѣть... я не могъ дождаться завтрашняго дня. Я долженъ вамъ сказать, чего я не подозрѣвалъ, чего я не сознавалъ даже сегодня утромъ: я люблю васъ!

Руки Наталья слабо дрогнули въ его рукахъ.

— Я люблю васъ,—повторилъ онъ:—и какъ я могъ такъ долго обманываться, какъ я давно не догадался, что люблю васъ!.. А вы?.. Наталья Алексѣевна, скажите, вы?..

Наталья едва переводила духъ.

— Вы видите, я пришла сюда, проговорила она наконецъ.

— Нѣтъ, скажите, вы любите меня?

— Мнѣ кажется... да... прошептала она.

Рудинъ еще крѣпче стиснулъ ея руки и хотѣлъ-было привлечь ее къ себѣ...

Наталья быстро оглянулась.

— Пустите меня,—мнѣ страшно,—мнѣ кажется, кто-то насъ подслушиваетъ... Ради Бога, будьте осторожны. Волынцевъ догадывается.

— Богъ съ нимъ! Вы видѣли, я и не отвѣчалъ ему сегодня... Ахъ, Наталья Алексѣевна, какъ я счастливъ! Теперь уже насъ ничто не разъединитъ!

Наталья взглянула ему въ глаза.

— Пустите меня,—прошептала она:—мнѣ пора.

— Одно мгновенье,—началъ Рудинъ...

— Нѣтъ, пустите, пустите меня...

— Вы какъ будто меня боитесь?

— Нѣтъ; но мнѣ пора...

— Такъ повторите, по крайней мѣрѣ, еще разъ...

— Вы говорите, вы счастливы?—спросила Наталья.

— Я? Нѣтъ человѣка въ мірѣ счастливѣе меня! Неужели вы сомнѣваетесь?

Наталья приподняла голову. Прекрасно было ея блѣдное лицо, благородное, молодое и взволнованное — въ таинственной тѣни бесѣдки, при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ съ ночного неба.

— Знайте же,—сказала она:—я буду ваша.

— О, Боже!—воскликнулъ Рудинъ...

Но Наталья уклонилась и ушла. Рудинъ постоялъ немного, потомъ вышелъ медленно изъ бесѣдки. Луна ясно освѣтила его лицо; на губахъ его блуждала улыбка.

— Я счастливъ,—произнесъ онъ вполголоса.—Да, я счастливъ,—повторилъ онъ, какъ бы желая убѣдить самого себя.

Онъ выпрямилъ свой станъ, встряхнулъ кудрями и пошелъ проворно въ садъ, весело размахивая руками.

А между тѣмъ, въ сиреневой бесѣдкѣ тихонько раздвинулись кусты и показался Пандалевскій. Онъ осторожно оглянулся, покачалъ головой, сжалъ губы, произнесъ значительно: „Вотъ какъ-съ. Это надобно будетъ довести до свѣдѣнія Дарьи Михайловны“, и скрылся.

VIII.

Возвратясь домой, Волынцевъ былъ такъ унылъ и мраченъ, такъ неохотно отвѣчалъ своей сестрѣ и такъ скоро заперся къ себѣ въ кабинетъ, что она рѣшилась послать гонца за Лежневымъ. Она прибѣгала къ нему во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Лежневъ велѣлъ ей сказать, что пріѣдетъ на слѣдующій день.

Волынцевъ и къ утру не повеселѣлъ. Онъ хотѣлъ-было послѣ чаю отправиться на работы, но остался, легъ на диванъ и принялся читать книгу, что̀ съ нимъ случалось не часто. Волынцевъ къ литературѣ влеченія не чувствовалъ, а стиховъ просто боялся. — Это непонятно, какъ стихи, говаривалъ онъ, и, въ подтвержденіе словъ своихъ, приводилъ слѣдующія строки поэта Айбулата:

И до конца печальныхъ дней
Ни гордый опытъ, ни разсудокъ
Не изомнутъ рукой своей
Кровавыхъ жизни незабудокъ.

Александра Павловна тревожно посматривала на своего брата, но не безпокоила его вопросами. Экипажъ подъѣхалъ къ крыльцу. „Ну,—подумала она,—слава Богу, Лежневъ“... Слуга вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Рудина.

Волынцевъ бросилъ книгу на полъ и поднялъ голову.

— Кто пріѣхалъ?—спросилъ онъ.

— Рудинъ, Дмитрій Николаичъ,—повторилъ слуга.

Волынцевъ всталъ.

— Проси,—промолвилъ онъ:—а ты, сестра,—прибавилъ онъ, обратясь къ Александрѣ Павловнѣ:—оставь насъ.

— Да почему же?—начала она...

— Я знаю,—перебилъ онъ съ запальчивостью:—я прошу тебя.

Вошелъ Рудинъ. Волынцевъ холодно поклонился ему, стоя посреди комнаты, и не протянулъ ему руки.

— Вы меня не ждали, признайтесь,—началъ Рудинъ и поставилъ шляпу на окно.

Губы его слегка передергивало. Ему было неловко; но онъ старался скрыть свое замѣшательство.

— Я васъ не ждалъ, точно,—возразилъ Волынцевъ:—я скорѣе, послѣ вчерашняго дня, могъ ждать кого-нибудь—съ порученіемъ отъ васъ.

— Я понимаю, что̀ вы хотите сказать,—промолвилъ Рудинъ, садясь:—и очень радъ вашей откровенности. Этакъ гораздо лучше. Я самъ пріѣхалъ къ вамъ, какъ къ благородному человѣку.

— Нельзя ли безъ комплиментовъ? замѣтилъ Волынцевъ.

— Я желаю объяснить вамъ, зачѣмъ я пріѣхалъ.

— Мы съ вами знакомы: почему же вамъ и не пріѣхать ко мнѣ? Притомъ же, вы не въ первый разъ удостоиваете меня своимъ посѣщеніемъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, какъ благородный человѣкъ къ благородному человѣку,—повторилъ Рудинъ:—и хочу теперь сослаться на собственный вашъ судъ... Я довѣряю вамъ вполнѣ...

— Да въ чемъ дѣло?—проговорилъ Волынцевъ, который все еще стоялъ въ прежнемъ положеніи и сумрачно глядѣлъ на Рудина, изрѣдка подергивая концы усовъ.

— Позвольте... я пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы объясниться, конечно; но, все-таки, это нельзя разомъ.

— Отчего же нельзя?

— Здѣсь замѣшано третье лицо...

— Какое третье лицо?

— Сергѣй Павлычъ, вы меня понимаете.

— Дмитрій Николаичъ, я васъ нисколько не понимаю.

— Вамъ угодно...

— Мнѣ угодно, чтобы вы говорили безъ обиняковъ!— подхватилъ Волынцевъ.

Онъ начиналъ сердиться не на шутку.

Рудинъ нахмурился.

— Извольте... мы одни... Я долженъ вамъ сказать— впрочемъ, вы, вѣроятно, уже догадываетесь (Волынцевъ нетерпѣливо пожалъ плечами)—я долженъ вамъ сказать, что я люблю Наталью Алексѣевну и имѣю право предполагать, что и она меня любитъ.

Волынцевъ поблѣднѣлъ, но ничего не отвѣтилъ, отошелъ къ окну и отвернулся.

— Вы понимаете, Сергѣй Павлычъ,—продолжалъ Рудинъ:—что если бы я не былъ увѣренъ...

— Помилуйте!—поспѣшно перебилъ Волынцевъ:—я нисколько не сомнѣваюсь... Что жъ! на здоровье! Только я удивляюсь, съ какого дьявола вамъ вздумалось ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ пожаловать... Я-то тутъ что́? Что мнѣ за дѣло, кого вы любите и кто васъ любитъ? Я просто не могу понять.

Волынцевъ продолжалъ глядѣть въ окно. Голосъ его звучалъ глухо.

Рудинъ всталъ.

— Я вамъ скажу, Сергѣй Павлычъ, почему я рѣшился пріѣхать къ вамъ, почему я не почелъ себя даже въ правѣ скрыть отъ васъ нашу... наше взаимное расположеніе. Я слишкомъ глубоко уважаю васъ — вотъ почему я пріѣхалъ; я не хотѣлъ... мы оба не хотѣли разыгрывать передъ вами комедію. Чувство ваше къ Натальѣ Алексѣевнѣ было мнѣ извѣстно.... Повѣрьте, я знаю себѣ цѣну: я знаю, какъ мало достоинъ я того, чтобы замѣнить васъ въ ея сердцѣ; но если ужъ этому суждено было случиться, неужели же лучше хитрить, обманывать, притворяться? Неужели лучше подвергаться недоразумѣніямъ или даже возможности такой сцены, какая произошла вчера за обѣдомъ? Сергѣй Павлычъ, скажите сами?

Волынцевъ скрестилъ руки на груди, какъ бы усиливаясь укротить самого себя.

— Сергѣй Павлычъ!—продолжалъ Рудинъ:—я огорчилъ васъ, я это чувствую... но поймите насъ... поймите, что мы не имѣли другого средства доказать вамъ наше уваженіе, доказать, что мы умѣемъ цѣнить ваше прямодушное благородство. Откровенность, полная откровенность со всякимъ другимъ была бы неумѣстна; но съ вами она становится обязанностью. Намъ пріятно думать, что наша тайна въ вашихъ рукахъ.

Волынцевъ принужденно захохоталъ.

— Спасибо за довѣренность!—воскликнулъ онъ:—хотя, прошу замѣтить, я не желалъ ни знать вашей тайны, ни своей вамъ выдать, а вы ею распоряжаетесь, какъ своимъ добромъ. Но, позвольте: вы говорите, какъ бы отъ общаго лица. Стало-быть, я могу предполагать, что Натальѣ Алексѣевнѣ извѣстно ваше посѣщеніе и цѣль этого посѣщенія?

Рудинъ немного смутился.

— Нѣтъ, я не сообщилъ Натальѣ Алексѣевнѣ моего намѣренія; но, я знаю, она раздѣляетъ мой образъ мыслей.

— Все это прекрасно,—заговорилъ, помолчавъ немного, Волынцевъ и забарабанилъ пальцами по стеклу: — хотя, признаться, было бы гораздо лучше, если бы вы поменьше меня уважали. Мнѣ, по правдѣ сказать, ваше уваженіе ни къ чорту не нужно; но что же вы теперь хотите отъ меня?

— Я ничего не хочу... или, нѣтъ! я хочу одного: я хочу, чтобы вы не считали меня коварнымъ и хитрымъ человѣкомъ, чтобы вы поняли меня... Я надѣюсь, что вы теперь уже не можете сомнѣваться въ моей искренности... Я хочу, Сергѣй Павлычъ, чтобы мы разстались друзьями... чтобы вы, попрежнему, протянули мнѣ руку...

И Рудинъ приблизился къ Волынцеву.

— Извините меня, милостивый государь,—промолвилъ Волынцевъ, обернувшись и отступивъ шагъ назадъ: — я готовъ отдать полную справедливость вашимъ намѣреніямъ, все это прекрасно, положимъ, даже возвышенно, но

мы люди простые, ѣдимъ пряники неписанные, мы не въ состояніи слѣдить за полетомъ такихъ великихъ умовъ, каковъ вашъ... Что̀ вамъ кажется искреннимъ, намъ кажется навязчивымъ и нескромнымъ... Что́ для васъ просто и ясно, для насъ запутанно и темно... Вы хвастаетесь тѣмъ, что̀ мы скрываемъ: гдѣ же намъ понять васъ! Извините меня: ни другомъ я васъ считать не могу, ни руки я вамъ не подамъ... Это, можетъ-быть, мелко; да вѣдь я самъ мелокъ.

Рудинъ взялъ шляпу съ окна.

— Сергѣй Павлычъ!—проговорилъ онъ печально:—прощайте; я обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Посѣщеніе мое, дѣйствительно, довольно странно; но я надѣялся, что вы... (Волынцевъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе)... Извините, я больше говорить объ этомъ не стану. Сообразивъ все, я вижу, точно: вы правы и иначе поступить не могли. Прощайте и позвольте, по крайней мѣрѣ, еще разъ, въ послѣдній разъ, увѣрить васъ въ чистотѣ моихъ намѣреній... Въ вашей скромности я убѣжденъ...

— Это уже слишкомъ!—воскликнулъ Волынцевъ и затрясся отъ гнѣва:—я нисколько не напрашивался на ваше довѣріе; а потому разсчитывать на мою скромность вы не имѣете никакого права!

Рудинъ хотѣлъ что-то сказать, но только руками развелъ, поклонился и вышелъ, а Волынцевъ бросился на диванъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Можно войти къ тебѣ?—послышался у двери голосъ Александры Павловны.

Волынцевъ не тотчасъ отвѣчалъ и украдкой провелъ рукой по лицу. — Нѣтъ, Саша,—проговорилъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ:—погоди еще немножко.

Полчаса спустя, Александра Павловна опять подошла къ двери.

— Михайло Михайлычъ пріѣхалъ,—сказала она:—хочешь ты его видѣть?

— Хочу,—отвѣтилъ Волынцевъ:—пошли его сюда.

Лежневъ вошелъ.

— Что̀—ты нездоровъ?—спросилъ онъ, усаживаясь на кресла возлѣ дивана.

Волынцевъ приподнялся, оперся на локоть, долго, долго посмотрѣлъ своему пріятелю въ лицо и тутъ же передалъ ему весь свой разговоръ съ Рудинымъ, отъ слова до слова. Онъ никогда до тѣхъ поръ и не намекалъ Лежневу о своихъ чувствахъ къ Натальѣ, хотя и догадывался, что они для него не были скрыты.

— Ну, братъ, удивилъ ты меня,—проговорилъ Лежневъ, какъ только Волынцевъ кончилъ свой разсказъ. — Много странностей ожидалъ я отъ него, но ужъ это... Впрочемъ, узнаю его и тутъ.

— Помилуй!—говорилъ взволнованный Волынцевъ:—вѣдь это просто наглость! Вѣдь я чуть-чуть его за окно не выбросилъ! Похвастаться, что ли, онъ хотѣлъ передо мной, или струсилъ? Да съ какой стати? Какъ рѣшиться ѣхать къ человѣку...

Волынцевъ закинулъ руки за голову и умолкъ.

— Нѣтъ, братъ, это не то,—спокойно возразилъ Лежневъ.—Ты, вотъ, мнѣ не повѣришь, а вѣдь онъ это сдѣлалъ изъ хорошаго побужденія. Право... Оно, вишь ты, и благородно, и откровенно, ну, да и поговорить представляется случай, краснорѣчіе въ ходъ пустить; а вѣдь намъ вотъ чего нужно, вотъ безъ чего мы жить не въ состояніи... Охъ, языкъ его—врагъ его... Ну, за то же онъ и слуга ему.

— Съ какой торжественностью онъ вошелъ и говорилъ, ты себѣ представить не можешь!..

— Ну, да безъ этого ужъ нельзя. Онъ сюртукъ застегиваетъ, словно священный долгъ исполняетъ. Я бы посадилъ его на необитаемый островъ и посмотрѣлъ бы изъ-за угла, какъ бы онъ тамъ распоряжаться сталъ. А онъ толкуетъ о простотѣ!

— Да скажи мнѣ, братъ, ради Бога,—спросилъ Волынцевъ:—что̀ это такое: философія, что̀ ли?

— Какъ тебѣ сказать? съ одной стороны, пожалуй, это точно философія—а съ другой ужъ это совсѣмъ не то̀. На философію всякій вздоръ сваливать тоже не приходится.

Волынцевъ взглянулъ на него.

— А не солгалъ ли онъ, какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, сынъ мой, не солгалъ. А, впрочемъ, знаешь ли что? Довольно разсуждать объ этомъ. Давай-ка, братецъ, закуримъ трубки, да попросимъ сюда Александру Павловну... При ней и говорится лучше, и молчится легче. Она насъ чаемъ напоитъ.

— Пожалуй,—возразилъ Волынцевъ.—Саша, войди!—крикнулъ онъ.

Александра Павловна вошла. Онъ схватилъ ея руку и крѣпко прижалъ ее къ своимъ губамъ.

Рудинъ вернулся домой въ состояніи духа смутномъ и странномъ. Онъ досадовалъ на себя, упрекалъ себя въ непростительной опрометчивости, въ мальчишествѣ. Недаромъ сказалъ кто-то: нѣтъ ничего тягостнѣе сознанія только-что сдѣланной глупости.

Раскаяніе грызло Рудина.

„Чортъ меня дернулъ“, шепталъ онъ сквозь зубы:—„съѣздить къ этому помѣщику! Вотъ пришла мысль! Только на дерзости напрашиваться!“...

А въ домѣ Дарьи Михайловны происходило что-то необыкновенное. Сама хозяйка цѣлое утро не показывалась, и къ обѣду не вышла: у ней, по увѣренію Пандалевскаго, единственнаго допущеннаго до ней лица, голова болѣла. Наталью Рудинъ также почти не видалъ: она сидѣла въ своей комнатѣ съ m-lle Boncourt... Встрѣтясь съ нимъ въ столовой, она такъ печально на него посмотрѣла, что у него сердце дрогнуло. Ея лицо измѣнилось, словно несчастье обрушилось на нее со вчерашняго дня. Тоска неопредѣленныхъ предчувствій начала томить Рудина. Чтобы какъ-нибудь развлечься, онъ занялся съ Басистовымъ, много съ нимъ разговаривалъ и нашелъ въ немъ горячаго, живого малаго, съ восторженными надеждами и нетронутой еще вѣрой. Къ вечеру Дарья Михайловна появилась часа на два въ гостиной. Она была любезна съ Рудинымъ, но держалась какъ-то отдаленно, и то посмѣивалась, то хмурилась, говорила въ носъ, и все больше намеками... Такъ отъ нея придворной дамой и вѣяло. Въ послѣднее время она, какъ будто, охладѣла немного къ Рудину.—

„Что за загадка?“ думалъ онъ, глядя сбоку на ея закинутую головку.

Онъ не долго дожидался разрѣшенія этой загадки. Возвращаясь, часу въ двѣнадцатомъ ночи, въ свою комнату, шелъ онъ по темному коридору. Вдругъ кто-то сунулъ ему въ руку записку. Онъ оглянулся: отъ него удалялась дѣвушка, какъ ему показалось, Натальина горничная. Онъ пришелъ къ себѣ, услалъ человѣка, развернулъ записку и прочелъ слѣдующія строки, начертанныя рукою Натальи:

„Приходите завтра, въ седьмомъ часу утра, не позже, къ Авдюхину пруду, за дубовымъ лѣсомъ. Всякое другое время невозможно. Это будетъ наше послѣднее свиданіе, все будетъ кончено, если... Приходите. Надо будетъ рѣшиться...

P. S. Если я не приду, значитъ, мы не увидимся больше: тогда я вамъ дамъ знать...“

Рудинъ задумался, повертѣлъ записку въ рукахъ, положилъ ее подъ подушку, раздѣлся, легъ, но заснулъ не скоро, спалъ чуткимъ сномъ, и не было еще пяти часовъ, когда онъ проснулся.

IX.

Авдюхинъ прудъ, возлѣ котораго Наталья назначила свиданіе Рудину, давно пересталъ быть прудомъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ его прорвало и съ тѣхъ поръ его забросили. Только по ровному и плоскому дну оврага, нѣкогда затянутому жирнымъ иломъ, да по остаткамъ плотины можно было догадаться, что здѣсь былъ прудъ. Тутъ же существовала усадьба. Она давнымъ-давно исчезла. Двѣ огромныя сосны напоминали о ней; вѣтеръ вѣчно шумѣлъ и угрюмо гудѣлъ въ ихъ высокой, тощей зелени... Въ народѣ ходили таинственные слухи о страшномъ преступленіи, будто бы совершенномъ у ихъ корня; поговаривали также, что ни одна изъ нихъ не упадетъ, не причинивъ кому-нибудь смерти; что тутъ прежде стояла третья сосна, которая въ бурю повалилась и задавила дѣвочку. Все мѣсто около стараго пруда считалось нечистымъ; пустое и голое, но глухое и мрачное, даже въ

солнечный день—оно казалось еще мрачнѣе и глуше отъ близости дряхлаго дубоваго лѣса, давно вымершаго и засохшаго. Рѣдкіе сѣрые остовы громадныхъ деревьевъ высились какими-то унылыми призраками надъ низкой порослью кустовъ. Жутко было смотрѣть на нихъ: казалось, злые старики сошлись и замышляютъ что-то недоброе. Узкая, едва проторенная дорожка вилась въ сторонѣ. Безъ особенной нужды никто не проходилъ мимо Авдюхина пруда. Наталья съ намѣреніемъ выбрала такое уединенное мѣсто. До него отъ дома Дарьи Михайловны было не болѣе полуверсты.

Солнце уже давно встало, когда Рудинъ пришелъ къ Авдюхину пруду; но не веселое было утро. Сплошныя тучи молочнаго цвѣта покрывали все небо; вѣтеръ быстро гналъ ихъ, свистя и взвизгивая. Рудинъ началъ ходить взадъ и впередъ по плотинѣ, покрытой цѣпкимъ лопушникомъ и почернѣлой крапивой. Онъ не былъ спокоенъ. Эти свиданія, эти новыя ощущенія занимали, но и волновали его, особенно послѣ вчерашней записки. Онъ видѣлъ, что развязка приближалась, и втайнѣ смущался духомъ, хотя никто бы этого не подумалъ, глядя, съ какой сосредоточенной рѣшимостью онъ скрещивалъ руки на груди и поводилъ кругомъ глазами. Не даромъ про него сказалъ однажды Пигасовъ, что его, какъ китайскаго болванчика, постоянно перевѣшивала голова. Но съ одной головой, какъ бы она сильна ни была, человѣку трудно узнать даже то, что̀ въ немъ самомъ происходитъ... Рудинъ, умный, проницательный Рудинъ, не въ состояніи былъ сказать навѣрное, любитъ ли онъ Наталью, страдаетъ ли онъ, будетъ ли страдать, разставшись съ нею. Зачѣмъ же, не прикидываясь даже Ловласомъ—эту справедливость отдать ему слѣдуетъ—сбилъ онъ съ толку бѣдную дѣвушку? Отчего ожидалъ ее съ тайнымъ трепетомъ? На это одинъ отвѣтъ: никто такъ легко не увлекается, какъ безстрастные люди.

Онъ ходилъ по плотинѣ, а Наталья спѣшила къ нему прямо черезъ поле, по мокрой травѣ.

— Барышня! барышня! вы себѣ ноги замочите,—говорила ей ея горничная, Маша, едва поспѣвая за ней.

Наталья не слушала ее и бѣжала безъ оглядки.

— Ахъ, какъ бы не подсмотрѣли насъ! — твердила Маша.—Ужъ и тому дивиться надо, какъ мы изъ дому-то вышли. Какъ бы мамзель не проснулась... Благо, недалеко... А ужъ они ждутъ-съ,—прибавила она, увидѣвъ внезапно статную фигуру Рудина, картинно стоявшаго на плотинѣ: — только напрасно они этакъ на юру стоятъ — сошли бы въ лощину.

Наталья остановилась.

— Подожди здѣсь, Маша, у сосенъ,—промолвила она и спустилась къ пруду.

Рудинъ подошелъ къ ней и остановился въ изумленіи. Такого выраженія онъ еще не замѣчалъ на ея лицѣ. Брови ея были сдвинуты, губы сжаты, глаза глядѣли прямо и строго.

— Дмитрій Николаичъ,—начала она:—намъ время терять некогда. Я пришла на пять минутъ. Я должна сказать вамъ, что матушка все знаетъ. Г-нъ Пандалевскій подсмотрѣлъ насъ третьяго-дня и разсказалъ ей о нашемъ свиданіи. Онъ всегда былъ шпіономъ у матушки. Она вчера позвала меня къ себѣ.

— Боже мой!—воскликнулъ Рудинъ: — это ужасно... Что же сказала ваша матушка?

— Она не сердилась на меня, не бранила меня, только попеняла мнѣ за мое легкомысліе.

— Только?

— Да, и объявила мнѣ, что она скорѣе согласится видѣть меня мертвою, чѣмъ вашей женою.

— Неужели она это сказала?

— Да; и еще прибавила, что вы сами нисколько не желаете жениться на мнѣ, что вы только такъ, отъ скуки, приволокнулись за мной, и что она этого отъ васъ не ожидала; что, впрочемъ, она сама виновата, зачѣмъ позволила мнѣ такъ часто видѣться съ вами... что она надѣется на мое благоразуміе, что я ее очень удивила... да уже я и не помню всего, что̀ она говорила мнѣ.

Наталья произнесла все это какимъ-то ровнымъ, почти беззвучнымъ голосомъ.

— А вы, Наталья Алексѣевна, что̀ вы ей отвѣтили?— спросилъ Рудинъ.

— Что̀ я ей отвѣтила?—повторила Наталья.—Что̀ *вы* теперь намѣрены дѣлать?

— Боже мой! Боже мой!—возразилъ Рудинъ:—это жестоко! Такъ скоро!.. такой внезапный ударъ!.. И ваша матушка пришла въ такое негодованіе?

— Да... да, она слышать о васъ не хочетъ.

— Это ужасно! Стало-быть, никакой надежды нѣтъ?

— Никакой.

— За что̀ мы такъ несчастливы! Гнусный этотъ Пандалевскій!.. Вы меня спрашиваете, Наталья Алексѣевна, что̀ я намѣренъ дѣлать? У меня голова кругомъ идетъ— я ничего сообразить не могу... Я чувствую только свое несчастіе... удивляюсь, какъ вы можете сохранить хладнокровіе!..

— Вы думаете, мнѣ легко?—проговорила Наталья.

Рудинъ началъ ходить по плотинѣ. Наталья не спускала съ него глазъ.

— Ваша матушка васъ не разспрашивала?—промолвилъ онъ наконецъ.

— Она меня спросила, люблю ли я васъ.

— Ну... и вы?

Наталья помолчала.—Я не солгала.

Рудинъ взялъ ее за руку.

— Всегда, во всемъ благородна и великодушна! О, сердце дѣвушки—это чистое золото! Но неужели ваша матушка такъ рѣшительно объявила свою волю насчетъ невозможности нашего брака?

— Да, рѣшительно. Я ужъ вамъ сказала: она убѣждена, что вы сами не думаете жениться на мнѣ.

— Стало-быть, она считаетъ меня за обманщика! Чѣмъ я заслужилъ это?

И Рудинъ схватилъ себя за голову.

— Дмитрій Николаичъ!—промолвила Наталья:—мы тратимъ попусту время. Вспомните, я въ послѣдній разъ вижусь съ вами. Я пришла сюда не плакать, не жаловаться—вы видите, я не плачу—я пришла за совѣтомъ.

— Да какой совѣтъ могу я дать вамъ, Наталья Алексѣевна?

— Какой совѣтъ? Вы мужчина: я привыкла вамъ вѣрить, я до конца буду вѣрить вамъ. Скажите мнѣ, какія ваши намѣренія?

— Мои намѣренія? Ваша матушка, вѣроятно, откажетъ мнѣ отъ дому.

— Можетъ-быть. Она уже вчера объявила мнѣ, что должна будетъ раззнакомиться съ вами... Но вы не отвѣчаете на мой вопросъ.

— На какой вопросъ?

— Какъ вы думаете, что̀ намъ надобно теперь дѣлать?

— Что̀ намъ дѣлать?—возразилъ Рудинъ:—разумѣется, покориться.

— Покориться,—медленно повторила Наталья, и губы ея поблѣднѣли.

— Покориться судьбѣ,—продолжалъ Рудинъ.—Что̀ же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо; но, посудите сами, Наталья Алексѣевна, я бѣденъ... Правда, я могу работать; но если бъ я былъ даже богатый человѣкъ, въ состояніи ли вы перенести насильственное расторженіе съ вашимъ семействомъ, гнѣвъ вашей матери?.. Нѣтъ, Наталья Алексѣевна; объ этомъ и думать нечего. Видно, намъ не суждено было жить вмѣстѣ, и то счастье, о которомъ я мечталъ, не для меня!

Наталья вдругъ закрыла лицо руками и заплакала. Рудинъ приблизился къ ней.

— Наталья Алексѣевна! милая Наталья!—заговорилъ онъ съ жаромъ: — не плачьте, ради Бога, не терзайте меня, утѣшьтесь...

Наталья подняла голову.

— Вы мнѣ говорите, чтобы я утѣшилась,—начала она, и глаза ея заблестѣли сквозь слезы:—я не о томъ плачу, о чемъ вы думаете... Мнѣ не то больно: мнѣ больно то, что я въ васъ обманулась... Какъ! я прихожу къ вамъ за совѣтомъ, и въ какую минуту!—и первое ваше слово: покориться... Покориться! Такъ вотъ какъ вы примѣняете на дѣлѣ ваши толкованія о свободѣ, о жертвахъ, которыя...

Ея голосъ прервался.

— Но, Наталья Алексѣевна,—началъ смущенный Рудинъ:—вспомните... я не отказываюсь отъ словъ моихъ... только...

— Вы спрашивали меня,—продолжала она съ новой силой:—что̀ я отвѣтила моей матери, когда она объявила мнѣ, что скорѣе согласится на мою смерть, чѣмъ на бракъ мой съ вами: я ей отвѣтила, что скорѣе умру, чѣмъ выйду за другого замужъ... А вы говорите: покориться! Сталобыть, она была права; вы, точно, отъ нечего дѣлать, отъ скуки, пошутили со мной...

— Клянусь вамъ, Наталья Алексѣевна... увѣряю васъ... твердилъ Рудинъ.

Но она его не слушала.

— Зачѣмъ же вы не остановили меня? зачѣмъ вы сами... Или вы не разсчитывали на препятствія? Мнѣ стыдно говорить объ этомъ... но, вѣдь, все уже кончено.

— Вамъ надо успокоиться, Наталья Алексѣевна,—началъ-было Рудинъ: — намъ надо вдвоемъ подумать, какія мѣры...

— Вы такъ часто говорили о самопожертвованіи,—перебила она:—но, знаете ли, если бъ вы сказали мнѣ сегодня, сейчасъ: „я тебя люблю, но я жениться не могу, я не отвѣчаю за будущее, дай мнѣ руку и ступай за мной“,—знаете ли, что я бы пошла за вами, знаете ли, что я на все рѣшилась? Но, вѣрно, отъ слова до дѣла еще далеко, и вы теперь струсили точно такъ же, какъ струсили третьяго-дня, за обѣдомъ, передъ Волынцевымъ.

Краска бросилась въ лицо Рудину. Неожиданная восторженность Натальи его поразила; но послѣднія слова ея уязвили его самолюбіе.

— Вы слишкомъ раздражены теперь, Наталья Алексѣевна,—началъ онъ: — вы не можете понять, какъ вы жестоко оскорбляете меня. Я надѣюсь, что современемъ вы отдадите мнѣ справедливость; вы поймете, чего мнѣ сто̀ило отказаться отъ счастія, которое, какъ вы говорите сами, не налагало на меня никакихъ обязанностей. Ваше спокойствіе мнѣ дороже всего въ мірѣ, и я былъ бы

человѣкомъ самымъ низкимъ, если-бъ рѣшился воспользоваться...

— Можетъ-быть, можетъ-быть,—перебила Наталья: — можетъ-быть, вы правы, я не знаю, что̀ говорю. Но я до сихъ поръ вамъ вѣрила, каждому вашему слову вѣрила... Впередъ, пожалуйста, взвѣшивайте ваши слова, не произносите ихъ на вѣтеръ. Когда я вамъ сказала, что я люблю васъ, я знала, что̀ значитъ это слово: я на все была готова... Теперь мнѣ остается благодарить васъ за урокъ—и проститься.

— Остановитесь, ради Бога, Наталья Алексѣевна, умоляю васъ. Я не заслуживаю вашего презрѣнія, клянусь вамъ. Войдите же и вы въ мое положеніе. Я отвѣчаю за васъ и за себя. Если бъ я не любилъ васъ самой преданной любовью—да Боже мой! я бы тотчасъ самъ предложилъ вамъ бѣжать со мною... Рано или поздно, матушка ваша проститъ насъ... и тогда... Но прежде чѣмъ думать о собственномъ счастьѣ...

Онъ остановился. Взоръ Натальи, прямо на него устремленный, смущалъ его.

— Вы стараетесь мнѣ доказать, что вы честный человѣкъ, Дмитрій Николаичъ,—промолвила она:—я въ этомъ не сомнѣваюсь. Вы не въ состояніи дѣйствовать изъ расчета; но развѣ въ этомъ я желала убѣдиться, развѣ для этого я пришла сюда...

— Я не ожидалъ, Наталья Алексѣевна...

— А! вотъ когда вы проговорились! Да, вы не ожидали всего этого—вы меня не знали. Не безпокойтесь... вы не любите меня, а я никому не навязываюсь.

— Я васъ люблю!—воскликнулъ Рудинъ.

Наталья выпрямилась.

— Можетъ-быть; но какъ вы меня любите! Я помню всѣ ваши слова, Дмитрій Николаичъ. Помните, вы мнѣ говорили: безъ полнаго равенства нѣтъ любви... Вы для меня слишкомъ высоки, вы не мнѣ чета... Я подѣломъ наказана. Вамъ предстоятъ занятія, болѣе достойныя васъ. Я не забуду нынѣшняго дня... Прощайте...

— Наталья Алексѣевна, вы уходите? Неужели мы такъ разстанемся?

Онъ протянулъ къ ней руки. Она остановилась. Его умоляющій голосъ, казалось, поколебалъ ее.

— Нѣтъ,—промолвила она наконецъ:—я чувствую, что-то во мнѣ надломилось... Я шла сюда, я говорила съ вами точно въ горячкѣ; надо опомниться. Этому не должно быть, вы сами сказали, этого не будетъ. Боже мой, когда я шла сюда, я мысленно прощалась съ моимъ домомъ, со всѣмъ моимъ прошедшимъ,—и что̀ же? кого я встрѣтила здѣсь? малодушнаго человѣка... И почему вы знали, что я не въ состояніи буду перенести разлуку съ семействомъ? „Ваша матушка не согласна... Это ужасно!“ Вотъ все, что̀ я слышала отъ васъ. Вы ли это, вы ли это, Рудинъ? Нѣтъ! прощайте... Ахъ! если бы вы меня любили, я бы почувствовала это теперь, въ это мгновеніе... Нѣтъ, нѣтъ, прощайте!..

Она быстро повернулась и побѣжала къ Машѣ, которая уже давно начала безпокоиться и дѣлать ей знаки.

— *Вы* трусите, а не я! крикнулъ Рудинъ вслѣдъ Натальѣ.

Она уже не обращала на него вниманія и спѣшила черезъ поле домой. Она благополучно возвратилась къ себѣ въ спальню; но только лишь переступила порогъ, силы ей измѣнили, и она безъ чувствъ упала на руки Машѣ.

А Рудинъ долго еще стоялъ на плотинѣ. Наконецъ, онъ встрепенулся, медленными шагами добрался до дорожки и тихо пошелъ по ней. Онъ былъ очень пристыженъ... и огорченъ. „Какова?“ думалъ онъ. „Въ восемнадцать лѣтъ!.. Нѣтъ, я ея не зналъ... Она замѣчательная дѣвушка. Какая сила воли!.. Она права; она сто̀итъ не такой любви, какую я къ ней чувствовалъ... Чувствовалъ?..“ спросилъ онъ самого себя. „Развѣ я уже больше не чувствую любви? Такъ вотъ какъ это все должно было кончиться! Какъ я былъ жалокъ и ничтоженъ передъ ней!“

Легкій стукъ бѣговыхъ дрожекъ заставилъ Рудина поднять глаза. Къ нему навстрѣчу, на неизмѣнномъ своемъ рысачкѣ, ѣхалъ Лежневъ. Рудинъ молча съ нимъ раскланялся, и, какъ пораженный внезапной мыслью, свернулъ съ дороги и быстро пошелъ по направленію къ дому Дарьи Михайловны.

Лежневъ далъ ему отойти, посмотрѣлъ вслѣдъ за нимъ и, подумавъ немного, тоже поворотилъ назадъ свою лошадь — и поѣхалъ обратно къ Волынцеву, у котораго провелъ ночь. Онъ засталъ его спящимъ, не велѣлъ будить его и, въ ожиданіи чая, сѣлъ на балконъ и закурилъ трубку.

X.

Волынцевъ всталъ часу въ десятомъ и, узнавъ, что Лежневъ сидитъ у него на балконѣ, очень удивился и велѣлъ его попросить къ себѣ.

— Что̀ случилось?—спросилъ онъ его.—Вѣдь ты хотѣлъ къ себѣ поѣхать.

— Да, хотѣлъ, да встрѣтилъ Рудина... Одинъ шагаетъ по полю, и лицо такое разстроенное. Я взялъ, да и вернулся.

— Ты вернулся оттого, что встрѣтилъ Рудина?

— То-есть, правду сказать, я самъ не знаю, почему я вернулся; вѣроятно, потому, что о тебѣ вспомнилъ; хотѣлось съ тобой посидѣть; а къ себѣ я еще успѣю.

Волынцевъ гордо усмѣхнулся.

— Да, о Рудинѣ нельзя теперь подумать, не подумавъ также и обо мнѣ... Человѣкъ!—крикнулъ онъ громко:—дай намъ чаю.

Пріятели начали пить чай. Лежневъ заговорилъ-было о хозяйствѣ, о новомъ способѣ крыть амбары бумагой...

Вдругъ Волынцевъ вскочилъ съ креселъ и съ такой силой ударилъ по столу, что чашки и блюдечки зазвенѣли.

— Нѣтъ!—воскликнулъ онъ:—я дольше этого выносить не въ силахъ! Я вызову этого умника, и пусть онъ меня застрѣлитъ, либо ужъ я постараюсь влѣпить пулю въ его ученый лобъ!

— Что̀ ты, что̀ ты, помилуй!—пробормоталъ Лежневъ:—какъ можно такъ кричать! я чубукъ уронилъ... Что̀ съ тобой?

— А то̀, что я слышать равнодушно имени его не могу: вся кровь у меня такъ и заходитъ.

— Полно, братъ, полно! какъ тебѣ не стыдно!—возразилъ Лежневъ, поднимая съ полу трубку.—Брось!—Ну его!..

— Онъ меня оскорбилъ,—продолжалъ Волынцевъ, расхаживая по комнатѣ.—Да! онъ оскорбилъ меня. Ты самъ долженъ съ этимъ согласиться. На первыхъ порахъ я не нашелся: онъ озадачилъ меня; да и кто могъ ожидать этого? Но я ему докажу, что шутить со мной нельзя... Я его, проклятаго философа, какъ куропатку застрѣлю.

— Много ты этимъ выиграешь, какъ же! Я уже о сестрѣ твоей не говорю. Извѣстно, ты обуреваемъ страстью... гдѣ тебѣ о сестрѣ думать! Да въ отношеніи къ другой особѣ, что̀ ты думаешь, убивши философа, ты дѣла свои поправишь?

Волынцевъ бросился въ кресла.

— Такъ уѣду я куда-нибудь! А то здѣсь тоска мнѣ просто сердце отдавила: просто, мѣста нигдѣ найти не могу.

— Уѣдешь... вотъ это другое дѣло! Вотъ съ этимъ я согласенъ. И знаешь ли, что̀ я тебѣ предлагаю? Поѣдемъ-ка вмѣстѣ—на Кавказъ или такъ просто въ Малороссію, галушки ѣсть. Славное, братъ, дѣло!

— Да; а сестру-то съ кѣмъ оставимъ?

— А почему же Александрѣ Павловнѣ не поѣхать съ нами? Ей-Богу, отлично выйдетъ. Ухаживать за ней,— ужъ за это я берусь! Ни въ чемъ недостатка имѣть не будетъ; коли захочетъ, каждый вечеръ серенаду подъ окномъ устрою; ямщиковъ одеколономъ надушу, цвѣты по дорогамъ натыкаю. А ужъ мы, братъ, съ тобой просто переродимся; такъ наслаждаться будемъ, брюханами такими назадъ пріѣдемъ, что никакая любовь насъ уже не пройметъ!

— Ты все шутишь, Миша!

— Вовсе не шучу. Это тебѣ блестящая мысль въ голову пришла.

— Нѣтъ! вздоръ!—вскрикнулъ опять Волынцевъ: — я драться, драться съ нимъ хочу!..

— Опять! Экой ты, братъ, сегодня съ колеромъ!..

Человѣкъ вошелъ съ письмомъ въ рукѣ.

— Отъ кого?—спросилъ Лежневъ.

— Отъ Рудина, Дмитрія Николаевича. Ласунскихъ человѣкъ привезъ.

— Отъ Рудина?—повторилъ Волынцевъ:—къ кому?

— Къ вамъ-съ.

— Ко мнѣ?.. подай.

Волынцевъ схватилъ письмо, быстро распечаталъ его, сталъ читать. Лежневъ внимательно глядѣлъ на него: странное, почти радостное изумленіе изображалось на лицѣ Волынцева; онъ опустилъ руки.

— Что̀ такое?—спросилъ Лежневъ.

— Прочти,—проговорилъ Волынцевъ вполголоса и протянулъ ему письмо.

Лежневъ началъ читать. Вотъ что̀ писалъ Рудинъ:

„Милостивый государь, Сергѣй Павловичъ!

„Я сегодня уѣзжаю изъ дома Дарьи Михайловны, и уѣзжаю навсегда. Это васъ, вѣроятно, удивитъ, особенно послѣ того, что̀ произошло вчера. Я не могу объяснить вамъ, что̀ именно заставляетъ меня поступить такъ; но мнѣ почему-то кажется, что я долженъ извѣстить васъ о моемъ отъѣздѣ. Вы меня не любите, и даже считаете меня за дурного человѣка. Я не намѣренъ оправдываться: меня оправдаетъ время. По-моему, и недостойно мужчины, и безполезно доказывать предубѣжденному человѣку несправедливость его предубѣжденій. Кто захочетъ меня понять, тотъ извинитъ меня, а кто понять не хочетъ или не можетъ—обвиненія того меня не трогаютъ. Я ошибся въ васъ. Въ глазахъ моихъ вы, попрежнему, остаетесь благороднымъ и честнымъ человѣкомъ; но я полагалъ, вы сумѣете стать выше той среды, въ которой развились... Я ошибся. Что̀ дѣлать?! Не въ первый и не въ послѣдній разъ. Повторяю вамъ: я уѣзжаю. Желаю вамъ счастія. Согласитесь, что это желаніе совершенно безкорыстно, и надѣюсь, что вы теперь будете счастливы. Можетъ-быть, вы современемъ измѣните свое мнѣніе обо мнѣ. Увидимся ли мы когда-нибудь, не знаю, но, во всякомъ случаѣ, остаюсь искренно васъ уважающій—

Д. Р.“

„P. S. Должные мною вамъ двѣсти рублей я вышлю, какъ только пріѣду къ себѣ въ деревню, въ Т....ую губернію. Также прошу васъ не говорить при Дарьѣ Михайловнѣ объ этомъ письмѣ“.

„P. P. S. Еще одна послѣдняя, но важная просьба: такъ какъ я теперь уѣзжаю, то, я надѣюсь, вы не будете упоминать передъ Натальей Алексѣевной о моемъ посѣщеніи у васъ...“

— Ну, что́ ты скажешь?—спросилъ Волынцевъ, какъ только Лежневъ окончилъ письмо.

— Что̀ тутъ сказать!—возразилъ Лежневъ:—воскликнуть по-восточному: „Аллахъ! Аллахъ!“ и положить въ ротъ палецъ изумленія — вотъ все, что можно сдѣлать. Онъ уѣзжаетъ... Ну! доро́га скатертью. Но вотъ что любопытно: вѣдь и это письмо онъ почелъ *за долгъ* написать, и являлся онъ къ тебѣ по чувству долга... У этихъ господъ на каждомъ шагу долгъ, и все долгъ — да долги,—прибавилъ Лежневъ, съ усмѣшкой указывая на post-scriptum.

— А каковы онъ фразы выпускаетъ?—воскликнулъ Волынцевъ. — Онъ ошибся во мнѣ: онъ ожидалъ, что я стану выше какой-то среды... Что за ахинея, Господи! хуже стиховъ!

Лежневъ ничего не отвѣтилъ; одни глаза его улыбнулись. Волынцевъ всталъ.

— Я хочу съѣздить къ Дарьѣ Михайловнѣ,—промолвилъ онъ:—я хочу узнать, что̀ все это значитъ...

— Погоди, братъ: дай ему убраться. Къ чему тебѣ опять съ нимъ сталкиваться? Вѣдь онъ исчезаетъ — чего тебѣ еще? Лучше поди-ка лягъ, да усни; вѣдь ты, чай, всю ночь съ боку на бокъ проворочался. А теперь дѣла твои поправляются...

— Изъ чего ты это заключаешь?

— Да такъ мнѣ кажется. Право, усни; а я пойду къ твоей сестрѣ—посижу съ ней.

— Я вовсе спать не хочу. Съ какой стати мнѣ спать?.. Я лучше поѣду, поля осмотрю,—сказалъ Волынцевъ, одергивая полы пальто.

— И то добре. Поѣзжай, братъ, поѣзжай, осмотри поля...

И Лежневъ отправился на половину Александры Павловны. Онъ засталъ ее въ гостиной. Она ласково его привѣтствовала. Она всегда радовалась его приходу; но лицо

ея осталось печально. Ее безпокоило вчерашнее посѣщеніе Рудина.

— Вы отъ брата?—спросила она Лежнева:—каковъ онъ сегодня?

— Ничего, поѣхалъ поля осматривать.

Александра Павловна помолчала.

— Скажите, пожалуйста,—начала она, внимательно разсматривая кайму носового платка:—вы не знаете, зачѣмъ...

— Пріѣзжалъ Рудинъ?—подхватилъ Лежневъ. — Знаю: онъ пріѣзжалъ проститься.

Александра Павловна подняла голову.

— Какъ—проститься?

— Да. Развѣ вы не слыхали? Онъ уѣзжаетъ отъ Дарьи Михайловны.

— Уѣзжаетъ?

— Навсегда; по крайней мѣрѣ, онъ такъ говоритъ.

— Да помилуйте, какъ же это понять, послѣ всего того...

— А это другое дѣло! Понять этого нельзя, но оно такъ. Должно-быть, что-нибудь тамъ у нихъ произошло. Струну слишкомъ натянулъ—она и лопнула.

— Михайло Михайлычъ! начала Александра Павловна:— я ничего не понимаю; вы, мнѣ кажется, смѣетесь надо мной...

— Да ей-Богу же нѣтъ... Говорятъ вамъ, онъ уѣзжаетъ, и даже письменно извѣщаетъ объ этомъ своихъ знакомыхъ. Оно, если хотите, съ нѣкоторой точки зрѣнія, недурно; но отъѣздъ его помѣшалъ осуществиться одному удивительнѣйшему предпріятію, о которомъ мы начали-было толковать съ вашимъ братомъ.

— Чтó такое? какое предпріятіе?

— А вотъ какое. Я предлагалъ вашему брату поѣхать, для развлеченія, путешествовать, и взять васъ съ собой. Ухаживать, собственно за вами, брался я...

— Вотъ прекрасно!—воскликнула Александра Павловна: — воображаю себѣ, какъ бы вы за мною ухаживали. Да вы бы меня съ голоду уморили.

— Вы это потому такъ говорите, Александра Павловна, что не знаете меня. Вы думаете, что я чурбанъ, чурбанъ совершенный, деревяжка какая-то; а извѣстно ли вамъ,

что я способенъ таять, какъ сахаръ, дни простаивать на колѣняхъ?

— Вотъ это бы я, признаюсь, посмотрѣла!

Лежневъ вдругъ поднялся.—Да выдьте за меня замужъ, Александра Павловна, вы все это и увидите.

Александра Павловна покраснѣла до ушей.

— Что̀ вы это такое сказали, Михайло Михайлычъ?— повторила она съ смущеніемъ.

— А то я сказалъ,—отвѣтилъ Лежневъ:—что̀ уже давнымъ-давно и тысячу разъ у меня на языкѣ было. Я проговорился наконецъ, и вы можете поступить, какъ знаете. А чтобы не стѣснять васъ, я теперь выйду. Если вы хотите быть моею женою... Удаляюсь. Если вамъ не противно, вы только велите меня позвать: я уже пойму...

Александра Павловна хотѣла-было удержать Лежнева, но онъ проворно ушелъ, безъ шапки отправился въ садъ, оперся на калитку и началъ глядѣть куда-то.

— Михайло Михайлычъ!—раздался за нимъ голосъ горничной: — пожалуйте къ барынѣ. Онѣ васъ велѣли позвать.

Михайло Михайловичъ обернулся, взялъ горничную, къ великому ея изумленію, обѣими руками за голову, поцѣловалъ ее въ лобъ и пошелъ къ Александрѣ Павловнѣ.

XI.

Вернувшись домой, тотчасъ послѣ встрѣчи съ Лежневымъ, Рудинъ заперся въ своей комнатѣ и написалъ два письма: одно — къ Волынцеву (оно уже извѣстно читателямъ) и другое — къ Натальѣ. Онъ очень долго сидѣлъ надъ этимъ вторымъ письмомъ, многое въ немъ перемарывалъ и передѣлывалъ и, тщательно списавъ его на тонкомъ листѣ почтовой бумаги, сложилъ его какъ можно мельче и положилъ въ карманъ. Съ грустью на лицѣ прошелся онъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сѣлъ на кресло передъ окномъ, подперся рукою; слеза тихо выступила на его рѣсницы... Онъ всталъ, застегнулся на всѣ пуговицы, позвалъ человѣка и велѣлъ спросить у Дарьи Михайловны, можетъ ли онъ ее видѣть.

Человѣкъ скоро вернулся и доложилъ, что Дарья Михайловна приказала его просить. Рудинъ пошелъ къ ней.

Она приняла его въ кабинетѣ, какъ въ первый разъ, два мѣсяца тому назадъ. Но теперь она не была одна: у ней сидѣлъ Пандалевскій, скромный, свѣжій, чистый и умиленный, какъ всегда.

Дарья Михайловна любезно встрѣтила Рудина, и Рудинъ любезно ей поклонился, но, при первомъ взглядѣ на улыбавшіяся лица обоихъ, всякій хотя нѣсколько опытный человѣкъ понялъ бы, что между ними, если и не высказалось, то произошло что-то неладное. Рудинъ зналъ, что Дарья Михайловна на него сердится. Дарья Михайловна подозрѣвала, что ему уже все извѣстно.

Донесеніе Пандалевскаго очень ее разстроило. Свѣтская спѣсь въ ней зашевелилась. Рудинъ, бѣдный, нечиновный и пока неизвѣстный человѣкъ, дерзалъ назначить свиданіе ея дочери—дочери Дарьи Михайловны Ласунской!!

— Положимъ, онъ уменъ, онъ геній!—говорила она:— да что̀ же это доказываетъ? Послѣ этого всякій можетъ надѣяться быть моимъ зятемъ?

— Я долго глазамъ своимъ не вѣрилъ,—подхватилъ Пандалевскій.—Какъ это не знать своего мѣста, удивляюсь!

Дарья Михайловна очень волновалась, и Натальѣ досталось отъ нея.

Она попросила Рудина сѣсть. Онъ сѣлъ, но уже не какъ прежній Рудинъ, почти хозяинъ въ домѣ, даже не какъ хорошій знакомый, а какъ гость, и не какъ близкій гость. Все это сдѣлалось въ одно мгновеніе... Такъ вода внезапно превращается въ твердый ледъ.

— Я пришелъ къ вамъ, Дарья Михайловна,—началъ Рудинъ:—поблагодарить васъ за ваше гостепріимство. Я получилъ сегодня извѣстіе изъ моей деревеньки и долженъ непремѣнно сегодня же ѣхать туда.

Дарья Михайловна пристально посмотрѣла на Рудина.

„Онъ предупредилъ меня; должно-быть, догадывается“, подумала она. „Онъ избавляетъ меня отъ тягостнаго объясненія; тѣмъ лучше. Да здравствуютъ умные люди!“

— Неужели?—промолвила она громко.—Ахъ, какъ это

непріятно! Ну, что дѣлать! Надѣюсь увидѣть васъ нынѣшней зимой въ Москвѣ. Мы сами скоро отсюда ѣдемъ.

— Я не знаю, Дарья Михайловна, удастся ли мнѣ быть въ Москвѣ; но если соберусь со средствами, за долгъ почту явиться къ вамъ.

„Ага, братъ!“ подумалъ въ свою очередь Пандалевскій: „давно ли ты здѣсь распоряжался бариномъ, а теперь вотъ какъ пришлось выражаться!“

— Вы, стало-быть, неудовлетворительныя извѣстія изъ вашей деревни получили?—произнесъ онъ съ обычной разстановкой.

— Да,—сухо возразилъ Рудинъ.

— Неурожай, можетъ-быть?

— Нѣтъ... другое... Повѣрьте, Дарья Михайловна,—прибавилъ Рудинъ: — я никогда не забуду времени, проведеннаго мною въ вашемъ домѣ.

— И я, Дмитрій Николаичъ, всегда съ удовольствіемъ буду вспоминать наше знакомство съ вами... Когда вы ѣдете?

— Сегодня, послѣ обѣда.

— Такъ скоро!.. Ну, желаю вамъ счастливаго пути. Впрочемъ, если ваши дѣла не задержатъ васъ, можетъ-быть, вы еще насъ застанете здѣсь.

— Я едва ли успѣю,—возразилъ Рудинъ и всталъ. — Извините меня,—прибавилъ онъ:—я не могу тотчасъ выплатить мой долгъ вамъ; но какъ только пріѣду въ деревню...

— Полноте, Дмитрій Николаичъ!—перебила его Дарья Михайловна:—какъ вамъ не стыдно!.. Но который-то часъ?—спросила она.

Пандалевскій досталъ изъ кармана жилета золотые часики съ эмалью и посмотрѣлъ на нихъ, осторожно налегая розовой щекой на твердый и бѣлый воротничокъ.

— Два часа и тридцать-три минуты,—промолвилъ онъ.

— Пора одѣваться,—замѣтила Дарья Михайловна.— До свиданья, Дмитрій Николаичъ!

Рудинъ всталъ. Весь разговоръ между нимъ и Дарьей Михайловной носилъ особый отпечатокъ. Актеры такъ ре-

петируютъ роли, дипломаты такъ на конференціяхъ мѣняются заранѣе условленными фразами...

Рудинъ вышелъ. Онъ теперь зналъ по опыту, какъ свѣтскіе люди даже не бросаютъ, а просто роняютъ человѣка, ставшаго имъ ненужнымъ: какъ перчатку послѣ бала, какъ бумажку съ конфетки, какъ невыигравшій билетъ лотереи-томболы.

Онъ наскоро уложился и съ нетерпѣніемъ началъ ожидать мгновенія отъѣзда. Всѣ въ домѣ очень удивились, узнавъ объ его намѣреніи; даже люди глядѣли на него съ недоумѣніемъ. Басистовъ не скрывалъ своей горести. Наталья явно избѣгала Рудина. Она старалась не встрѣчаться съ нимъ взорами; однако, онъ успѣлъ всунуть ей въ руку свое письмо. За обѣдомъ Дарья Михайловна еще разъ повторила, что надѣется увидѣть его передъ отъѣздомъ въ Москву, но Рудинъ ничего не отвѣчалъ ей. Пандалевскій чаще всѣхъ съ нимъ заговаривалъ. Рудина не разъ подмывало броситься на него и поколотить его цвѣтущее и румяное лицо. M-lle Boncourt частенько посматривала на Рудина, съ лукавымъ и страннымъ выраженіемъ въ глазахъ: у старыхъ, очень умныхъ легавыхъ собакъ можно иногда замѣтить такое выраженіе... „Эге!“ казалось, говорила она про себя:—„вотъ какъ тебя!“

Наконецъ, пробило шесть часовъ и подали тарантасъ Рудина. Онъ сталъ торопливо прощаться со всѣми. На душѣ у него было очень скверно. Не ожидалъ онъ, что такъ выѣдетъ изъ этого дома: его какъ будто выгоняли... „Какъ это все сдѣлалось! и къ чему было спѣшить? А впрочемъ, одинъ конецъ“—вотъ что̀ думалъ онъ, раскланиваясь на всѣ стороны съ принужденной улыбкой. Въ послѣдній разъ взглянулъ онъ на Наталью, и сердце его шевельнулось: глаза ея были устремлены на него съ печальнымъ, прощальнымъ упрекомъ.

Онъ проворно сбѣжалъ съ лѣстницы, вскочилъ въ тарантасъ. Басистовъ вызвался проводить его до первой станціи и сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Помните ли вы,—началъ Рудинъ, какъ только тарантасъ выѣхалъ со двора на широкую дорогу, обсаженную

елками:—помните вы, что̀ говоритъ донъ-Кихотъ своему оруженосцу, когда выѣзжаетъ изъ дворца герцогини? „Свобода—говоритъ онъ—другъ мой Санчо, одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ достояній человѣка, и счастливъ тотъ, кому небо даровало кусокъ хлѣба, кому не нужно быть за него обязаннымъ другому!“ Что̀ донъ-Кихотъ чувствовалъ тогда, — я чувствую теперь... Дай Богъ и вамъ, добрый мой Басистовъ, испытать когда-нибудь это чувство!

Басистовъ стиснулъ руку Рудину, и сердце честнаго юноши забилось сильно въ его растроганной груди. До самой станціи говорилъ Рудинъ о достоинствѣ человѣка, о значеніи истинной свободы, — говорилъ горячо, благородно и правдиво—и когда наступило мгновеніе разлуки, Басистовъ не выдержалъ, бросился ему на шею и зарыдалъ. У самого Рудина полились слезы; но онъ плакалъ не о томъ, что разставался съ Басистовымъ, и слезы его были самолюбивыя слезы.

Наталья ушла къ себѣ и прочла письмо Рудина.

„Любезная Наталья Алексѣевна—писалъ онъ ей—я рѣшился уѣхать. Мнѣ другого выхода нѣтъ. Я рѣшился уѣхать, пока мнѣ не сказали ясно, чтобы я удалился. Отъѣздомъ моимъ прекращаются всѣ недоразумѣнія; а сожалѣть обо мнѣ едва ли кто-нибудь будетъ. Чего же ждать?... Все такъ; но для чего же писать къ вамъ?

„Я разстаюсь съ вами, вѣроятно, навсегда, и оставить вамъ о себѣ память еще хуже той, которую я заслуживаю, было бы слишкомъ горько. Вотъ для чего я пишу къ вамъ. Я не хочу ни оправдываться, ни обвинять кого бы то ни было, кромѣ самого себя: я хочу, по мѣрѣ возможности, объясниться... Происшествія послѣднихъ дней были такъ неожиданны, такъ внезапны...

„Сегодняшнее свиданіе послужитъ мнѣ памятнымъ урокомъ. Да, вы правы: я васъ не зналъ, а я думалъ, что зналъ васъ! Въ теченіе моей жизни я имѣлъ дѣло съ людьми всякаго рода, я сближался со многими женщинами и дѣвушками; но, встрѣтясь съ вами, я въ первый разъ встрѣтился съ душой *совершенно* честной и прямой. Мнѣ это было не въ привычку, и я не сумѣлъ оцѣнить

васъ. Я почувствовалъ влеченіе къ вамъ съ перваго дня нашего знакомства—вы это могли замѣтить. Я проводилъ съ вами часы за часами, и я не узналъ васъ; я едва ли даже старался узнать васъ... и я могъ вообразить, что полюбилъ васъ!! За этотъ грѣхъ я теперь наказанъ.

„Я и прежде любилъ одну женщину, и она меня любила... Чувство мое къ ней было сложно, какъ и ея ко мнѣ; но такъ какъ она сама не была проста, оно и пришлось кстати. Истина мнѣ тогда не сказалась: я не узналъ ея и теперь, когда она предстала передо мною... Я ее узналъ, наконецъ, да слишкомъ поздно... Прошедшаго не воротишь... Наши жизни могли бы слиться—и не сольются никогда. Какъ доказать вамъ, что я могъ бы полюбить васъ настоящей любовью—любовью сердца, не воображенія — когда я самъ не знаю, способенъ ли я на такую любовь!

„Мнѣ природа дала много—я это знаю, и изъ ложнаго стыда не стану скромничать передъ вами, особенно теперь, въ такія горькія, въ такія постыдныя для меня мгновенія... Да, природа мнѣ много дала; но я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ, не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда. Все мое богатство пропадетъ даромъ; я не увижу плодовъ отъ сѣмянъ своихъ. Мнѣ недостаетъ... я самъ не могу сказать, чего именно недостаетъ мнѣ... Мнѣ недостаетъ, вѣроятно, того, безъ чего такъ же нельзя двигать сердцами людей, какъ и овладѣть женскимъ сердцемъ; а господство надъ одними умами и непрочно, и безполезно. Странная, почти комическая моя судьба: я отдаюсь весь, съ жадностью, вполнѣ—и не могу отдаться. Я кончу тѣмъ, что пожертвую собой за какой-нибудь вздоръ, въ который даже вѣрить не буду... Боже мой! въ тридцать-пять лѣтъ все еще собираться что-нибудь сдѣлать!..

„Я еще ни передъ кѣмъ такъ не высказывался—это моя исповѣдь.

„Но довольно обо мнѣ. Мнѣ хочется говорить о васъ, дать вамъ нѣсколько совѣтовъ: больше я ни на что не годенъ... Вы еще молоды; но, сколько бы вы ни жили,

слѣдуйте всегда внушеніямъ вашего сердца, не подчиняйтесь ни своему, ни чужому уму. Повѣрьте, чѣмъ проще, чѣмъ тѣснѣе кругъ, по которому пробѣгаетъ жизнь, тѣмъ лучше; не въ томъ дѣло, чтобы отыскивать въ ней новыя стороны, но въ томъ, чтобы всѣ переходы ея совершались своевременно. „Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ“... Но я замѣчаю, что эти совѣты относятся гораздо болѣе ко мнѣ, чѣмъ къ вамъ.

„Признаюсь вамъ, Наталья Алексѣевна, мнѣ очень тяжело. Я никогда не обманывалъ себя въ свойствѣ того чувства, которое я внушалъ Дарьѣ Михайловнѣ; но я надѣялся, что нашелъ хотя временную пристань... Теперь опять придется мыкаться по свѣту. Что̀ мнѣ замѣнитъ вашъ разговоръ, ваше присутствіе, вашъ внимательный и умный взглядъ?.. Я самъ виноватъ; но согласитесь, что судьба какъ бы нарочно подсмѣялась надъ нами. Недѣлю тому назадъ, я самъ едва догадывался, что люблю васъ. Третьяго-дня, вечеромъ, въ саду, я въ первый разъ услыхалъ отъ васъ... но къ чему напоминать вамъ то, что̀ вы тогда сказали — и вотъ, уже я уѣзжаю сегодня, уѣзжаю съ позоромъ, послѣ жестокаго объясненія съ вами, не унося съ собой никакой надежды... И вы еще не знаете, до какой степени я виноватъ передъ вами... Во мнѣ есть какая-то глупая откровенность, какая-то болтливость... Но къ чему говорить объ этомъ! Я уѣзжаю навсегда“.

(Здѣсь Рудинъ разсказалъ-было Натальѣ свое посѣщеніе у Волынцева, но подумалъ и вымаралъ все это мѣсто, а въ письмѣ къ Волынцеву прибавилъ второй postscriptum.)

„Я остаюсь одинокъ на землѣ для того, чтобы предаться, какъ вы сказали мнѣ сегодня поутру съ жестокой усмѣшкой, другимъ, болѣе свойственнымъ мнѣ занятіямъ. Увы! если бъ я могъ, дѣйствительно, предаться этимъ занятіямъ, побѣдить наконецъ свою лѣнь... Но нѣтъ! я останусь тѣмъ же неоконченнымъ существомъ, какимъ былъ до сихъ поръ... Первое препятствіе — и я весь разсыпался; происшествіе съ вами мнѣ это доказало. Если бъ я, по крайней мѣрѣ, принесъ мою любовь въ

жертву моему будущему дѣлу, моему призванію; но я просто испугался отвѣтственности, которая на меня падала, и потому я, точно, недостоинъ васъ. Я не стою того, чтобы вы для меня отторглись отъ вашей сферы... А, впрочемъ, все это, можетъ-быть, къ лучшему. Изъ этого испытанія я, можетъ-быть, выйду чище и сильнѣй.

„Желаю вамъ полнаго счастія. Прощайте! Иногда вспоминайте обо мнѣ. Надѣюсь, что вы еще услышите обо мнѣ.

Рудинъ“.

Наталья опустила письмо Рудина къ себѣ на колѣни и долго сидѣла неподвижно, устремивъ глаза на полъ. Письмо это, яснѣе всѣхъ возможныхъ доводовъ, доказало ей, какъ она была права, когда поутру, разставаясь съ Рудинымъ, она невольно воскликнула, что онъ ея не любитъ! Но отъ этого ей не было легче. Она сидѣла не шевелясь; ей казалось, что какія-то темныя волны безъ плеска сомкнулись надъ ея головой, и она шла ко дну, застывая и нѣмѣя. Всякому тяжело первое разочарованіе; но для души искренней, не желавшей обманывать себя, чуждой легкомыслія и преувеличенія, оно почти нестерпимо. Вспомнила Наталья свое дѣтство, когда, бывало, гуляя вечеромъ, она всегда старалась идти по направленію къ свѣтлому краю неба, тамъ, гдѣ заря горѣла, а не къ темному. Темна стояла теперь жизнь передъ нею, и спиной она обратилась къ свѣту...

Слезы навернулись на глазахъ Натальи. Не всегда благотворны бываютъ слезы. Отрадны и цѣлебны онѣ, когда, долго накипѣвъ на груди, потекутъ онѣ наконецъ—сперва съ усиліемъ, потомъ все легче, все слаще; нѣмое томленіе тоски разрѣшается ими... Но есть слезы холодныя, скупо льющіяся слезы: ихъ по каплѣ выдавливаетъ изъ сердца тяжелымъ и недвижнымъ бременемъ налегшее на него горе; онѣ безотрадны и не приносятъ облегченія. Нужда плачетъ такими слезами, и тотъ еще не былъ несчастливъ, кто не проливалъ ихъ. Наталья узнала ихъ въ этотъ день.

Прошло часа два. Наталья собралась съ духомъ, встала, отерла глаза, засвѣтила свѣчку, сожгла на ея пламени

письмо Рудина до конца и пепелъ выкинула за окно. Потомъ она раскрыла наудачу Пушкина и прочла первыя попавшіяся ей строки (она часто загадывала такъ по немъ). Вотъ что́ вышло:

Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней...
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ....

Она постояла, посмотрѣла съ холодной улыбкой на себя въ зеркало и, сдѣлавъ небольшое движеніе головою сверху внизъ, сошла въ гостиную.

Дарья Михайловна, какъ только ее увидѣла, повела ее въ кабинетъ, посадила подлѣ себя, ласково потрепала по щекѣ, а между тѣмъ, внимательно, почти съ любопытствомъ, заглядывала ей въ глаза. Дарья Михайловна чувствовала тайное недоумѣніе: въ первый разъ ей пришло въ голову, что она дочь свою, въ сущности, не знаетъ. Услышавъ отъ Пандалевскаго объ ея свиданіи съ Рудинымъ, она не столько разсердилась, сколько удивилась тому, какъ могла благоразумная Наталья рѣшиться на такой поступокъ. Но когда она ее призвала къ себѣ и принялась бранить ее—вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало ожидать отъ европейской женщины, а довольно крикливо и не изящно — твердые отвѣты Натальи, рѣшимость ея взоровъ и движеній, смутили, даже испугали Дарью Михайловну.

Внезапный, тоже не совсѣмъ понятный отъѣздъ Рудина снялъ большую тяжесть съ ея сердца; но она ожидала слезъ, истерическихъ припадковъ... Наружное спокойствіе Натальи опять ее сбило съ толку.

— Ну, что́, дитя,—начала Дарья Михайловна:—какъ ты сегодня?

Наталья посмотрѣла на свою мать.

— Вѣдь онъ уѣхалъ... твой предметъ. Ты не знаешь, отчего онъ такъ скоро собрался?

— Маменька!—заговорила Наталья тихимъ голосомъ:—

даю вамъ слово, что если вы сами не будете упоминать о немъ, отъ меня вы никогда ничего не услышите.

— Стало-быть, ты сознаешься, что была виновата передо мною?

Наталья опустила голову и повторила:

— Вы отъ меня никогда ничего не услышите.

— Ну, смотри же!—возразила съ улыбкой Дарья Михайловна.—Я тебѣ вѣрю. А третьяго-дня, помнишь ли ты, какъ... Ну, не буду. Кончено, рѣшено и похоронено. Не правда ли? Вотъ, я опять тебя узнаю; а то я совсѣмъ было втупикъ пришла. Ну, поцѣлуй же меня, умница!..

Наталья поднесла руку Дарьи Михайловны къ своимъ губамъ, а Дарья Михайловна поцѣловала ее въ наклоненную голову.

— Слушайся всегда моихъ совѣтовъ, не забывай, что ты Ласунская и моя дочь,—прибавила она:—и ты будешь счастлива. А теперь ступай.

Наталья вышла молча. Дарья Михайловна поглядѣла ей вслѣдъ и подумала: „она въ меня—тоже будетъ увлекаться: mais elle aura moins d'abandon". И Дарья Михайловна погрузилась въ воспоминанія о прошедшемъ... о давно прошедшемъ...

Потомъ она велѣла кликнуть m-lle Boncourt и долго сидѣла съ ней, запершись вдвоемъ. Отпустивъ ее, она позвала Пандалевскаго. Ей непремѣнно хотѣлось узнать настоящую причину отъѣзда Рудина... но Пандалевскій ее успокоилъ совершенно. Это было по его части.

На другой день Волынцевъ съ сестрою пріѣхалъ къ обѣду. Дарья Михайловна была всегда очень любезна съ нимъ, а на этотъ разъ она особенно ласково съ нимъ обращалась. Натальѣ было невыносимо тяжело; но Волынцевъ такъ былъ почтителенъ, такъ робко съ ней заговаривалъ, что она въ душѣ не могла не поблагодарить его.

День прошелъ тихо, довольно скучно, но всѣ, разъѣзжаясь, почувствовали, что попали въ прежнюю колею; а это много значитъ, очень много.

Да, всѣ попали въ прежнюю колею... всѣ, кромѣ На-

тальи. Оставшись наконецъ одна, она съ трудомъ дотащилась до своей кровати и, усталая, разбитая, упала лицомъ на подушки. Ей такъ горько, и противно, и пошло казалось жить, такъ стыдно ей стало самой себя, своей любви, своей печали, что въ это мгновеніе она бы, вѣроятно, согласилась умереть... Много еще предстояло ей тяжелыхъ дней, ночей безсонныхъ, томительныхъ волненій, но она была молода — жизнь только-что начиналась для нея, а жизнь рано или поздно свое возьметъ. Какой бы ударъ ни поразилъ человѣка, онъ въ тотъ же день, много на другой — извините за грубость выраженія—поѣстъ, и вотъ вамъ уже первое утѣшеніе...

Наталья страдала мучительно, она страдала впервые... Но первыя страданія, какъ первая любовь, не повторяются,—и слава Богу!

XII.

Минуло около двухъ лѣтъ. Настали первые дни мая. На балконѣ своего дома сидѣла Александра Павловна, но уже не Липина, а Лежнева; она болѣе года какъ вышла замужъ за Михайла Михайлыча. Она, попрежнему, была мила, только пополнѣла въ послѣднее время. Передъ балкономъ, отъ котораго въ садъ вели ступени, расхаживала кормилица, съ краснощекимъ ребенкомъ на рукахъ, въ бѣлой шинелькѣ и съ бѣлымъ помпономъ на шляпѣ. Александра Павловна то-и-дѣло взглядывала на него. Ребенокъ не пищалъ, съ важностью сосалъ свой палецъ и спокойно посматривалъ кругомъ. Достойный сынъ Михайла Михайлыча уже сказывался въ немъ.

Возлѣ Александры Павловны сидѣлъ на балконѣ старый нашъ знакомецъ, Пигасовъ. Онъ замѣтно посѣдѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нимъ, сгорбился, похудѣлъ и шипѣлъ, когда говорилъ: одинъ передній зубъ у него вывалился; шипѣніе придавало еще болѣе ядовитости его рѣчамъ... Озлобленіе не уменьшалось въ немъ съ годами, но остроты его притуплялись, и онъ чаще прежняго повторялся. Михайла Михайлыча не было дома; его ждали къ чаю. Солнце уже сѣло. Тамъ, гдѣ оно за-

катилось, полоса блѣдно-золотого, лимоннаго цвѣта тянулась вдоль небосклона; на противоположной сторонѣ ихъ было двѣ: одна, пониже, голубая, другая, выше, красно-лиловая. Легкія тучки таяли въ вышинѣ. Все обѣщало постоянную погоду.

Вдругъ Пигасовъ засмѣялся.

— Чему вы, Африканъ Семенычъ?—спросила Александра Павловна.

— Да такъ... Вчера, слышу я, одинъ мужикъ говоритъ женѣ—а она, этакъ, разболталась: — не скрыпи!.. Очень это мнѣ понравилось. Не скрыпи! Да и въ самомъ дѣлѣ, о чемъ можетъ разсуждать женщина? Я, вы знаете, никогда не говорю о присутствующихъ. Наши старики умнѣе насъ были. У нихъ въ сказкахъ красавица сидитъ подъ окномъ, во лбу звѣзда, а сама ни гугу. Вотъ это какъ слѣдуетъ. А то, посудите сами: третьяго-дня наша предводительша какъ изъ пистолета мнѣ въ лобъ выстрѣлила: говоритъ мнѣ, что ей не нравится моя *тенденція*! Тенденція! Ну, не лучше ли было бы и для нея, и для всѣхъ, еслибъ какъ-нибудь, благодѣтельнымъ распоряженіемъ природы, она лишилась вдругъ употребленія языка?

— А вы все такой же, Африканъ Семенычъ: все нападаете на насъ, бѣдныхъ... Знаете ли, вѣдь это въ своемъ родѣ несчастье право. Я о васъ сожалѣю.

— Несчастье? Что̀ вы это изволите говорить! Во-первыхъ, по-моему, на свѣтѣ только три несчастья и есть: жить зимой въ холодной квартирѣ, лѣтомъ носить узкіе сапоги, да ночевать въ комнатѣ, гдѣ пищитъ ребенокъ, котораго нельзя посыпать персидскимъ порошкомъ; а во-вторыхъ, помилуйте, я самый смирный сталъ теперь человѣкъ. Хоть прописи съ меня пиши! Вотъ какъ я нравственно веду себя.

— Хорошо вы ведете себя, нечего сказать! Не дальше, какъ вчера, Елена Антоновна мнѣ на васъ жаловалась.

— Вотъ какъ-съ! А что̀ она вамъ такое говорила, позвольте узнать?

— Она говорила мнѣ, что вы, въ теченіе цѣлаго утра,

на всѣ ея вопросы только и отвѣчали, что „чего-съ? чего-съ?“ да еще такимъ пискливымъ голосомъ.

Пигасовъ засмѣялся.

— А вѣдь хорошая эта была мысль, согласитесь, Александра Павловна... а?

— Удивительная! Развѣ можно быть этакъ съ женщиной невѣжливымъ, Африканъ Семенычъ?

— Какъ? Елена Антоновна, по-вашему,—женщина?

— Что̀ же она по-вашему?

— Барабанъ, помилуйте, обыкновенный барабанъ, вотъ, по которому бьютъ палками...

— Ахъ, да!—перебила Александра Павловна, желая перемѣнить разговоръ:—васъ, говорятъ, поздравить можно?

— Съ чѣмъ?

— Съ окончаніемъ тяжбы. Глиновскіе луга остались за вами.

— Да, за мною,—мрачно возразилъ Пигасовъ.

— Вы сколько лѣтъ этого добивались, а теперь словно недовольны.

— Доложу вамъ, Александра Павловна,—медленно промолвилъ Пигасовъ:—ничего не можетъ быть хуже и обиднѣе слишкомъ поздно пришедшаго счастья. Удовольствія оно все-таки вамъ доставить не можетъ, а зато лишаетъ васъ права, драгоцѣннѣйшаго права — браниться и проклинать судьбу. Да, сударыня, горькая и обидная штука—позднее счастіе.

Александра Павловна только плечами пожала.

— Нянюшка,—начала она:—я думаю, Мишѣ пора спать лечь. Подай его сюда.

И Александра Павловна занялась своимъ сыномъ, а Пигасовъ отошелъ, ворча, на другой уголъ балкона.

Вдругъ невдалекѣ, по дорогѣ, ведущей вдоль сада, показался Михайло Михайлычъ на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ. Передъ лошадью его бѣжали двѣ огромныя дворныя собаки: одна желтая, другая сѣрая; онъ недавно завелъ ихъ. Онѣ безпрестанно грызлись и жили въ неразлучной дружбѣ. Имъ навстрѣчу вышла изъ воротъ старая шавка, раскрыла ротъ, какъ бы собираясь залаять, а кончила

тѣмъ, что зѣвнула и отправилась назадъ, дружелюбно повиливая хвостомъ.

— Глядь-ка, Саша,—закричалъ Лежневъ издали своей женѣ:—кого я тебѣ везу...

Александра Павловна не сразу узнала человѣка, сидѣвшаго за спиной ея мужа.

— А! г. Басистовъ!—воскликнула она наконецъ.

— Онъ, онъ,—отвѣчалъ Лежневъ: — и какія славныя вѣсти привезъ. Вотъ, погоди, сейчасъ узнаешь.

И онъ въѣхалъ на дворъ.

Нѣсколько мгновеній спустя, онъ съ Басистовымъ явился на балконѣ.

— Ура!—воскликнулъ онъ и обнялъ жену. — Сережа женится!

— На комъ? съ волненіемъ спросила Александра Павловна.

— Разумѣется, на Натальѣ... Вотъ, пріятель привезъ это извѣстіе изъ Москвы, и письмо къ тебѣ есть... Слышишь, Мишукъ?—прибавилъ онъ, схвативъ сына на руки:—дядя твой женится!.. Экая флегма злодѣйская! и тутъ только глазами хлопаетъ!

— Онѣ спать хотятъ,—замѣтила няня.

— Да-съ,—промолвилъ Басистовъ, подойдя къ Александрѣ Павловнѣ:—я сегодня пріѣхалъ изъ Москвы, по порученію Дарьи Михайловны—счеты по имѣнію ревизовать. А вотъ и письмо.

Александра Павловна поспѣшно распечатала письмо своего брата. Оно состояло въ нѣсколькихъ строкахъ. Въ первомъ порывѣ радости онъ увѣдомлялъ сестру, что сдѣлалъ предложеніе Натальѣ, получилъ ея согласіе и Дарьи Михайловны, обѣщался больше написать съ первой почтой и заочно всѣхъ обнималъ и цѣловалъ. Видно было, что онъ писалъ въ какомъ-то чаду.

Подали чай, усадили Басистова. Разспросы посыпались на него градомъ. Всѣхъ, даже Пигасова, обрадовало извѣстіе, привезенное имъ.

— Скажите, пожалуйста,—сказалъ, между прочимъ, Лежневъ: — до насъ доходили слухи о какомъ-то господинѣ Корчагинѣ. Стало-быть, это былъ вздоръ?

(Корчагинъ былъ красивый молодой человѣкъ—свѣтскій левъ, чрезвычайно надутый и важный: онъ держался необыкновенно величественно, точно онъ былъ не живой человѣкъ, а собственная своя статуя, воздвигнутая по общественной подпискѣ.)

— Ну, нѣтъ, не совсѣмъ вздоръ,—съ улыбкой возразилъ Басистовъ: — Дарья Михайловна очень къ нему благоволила; но Наталья Алексѣевна и слышать о немъ не хотѣла.

— Да вѣдь я его знаю,—подхватилъ Пигасовъ:—вѣдь онъ махровый болванъ, съ трескомъ болванъ... помилуйте! Вѣдь если бъ всѣ люди были на него похожи, надо бы большія деньги брать, чтобы согласиться жить... помилуйте!

— Можетъ-быть,—возразилъ Басистовъ: — а въ свѣтѣ онъ играетъ роль не изъ послѣднихъ.

— Ну, все равно!—воскликнула Александра Павловна:— Богъ съ нимъ! Ахъ, какъ я рада за брата!.. И Наталья весела, счастлива?

— Да-съ. — Она спокойна, какъ всегда — вы вѣдь ее знаете—но, кажется, довольна.

Вечеръ прошелъ въ пріятныхъ и оживленныхъ разговорахъ. Сѣли за ужинъ.

— Да, кстати,—спросилъ Лежневъ у Басистова, наливая ему лафиту:—вы знаете, гдѣ Рудинъ?

— Теперь навѣрное не знаю. Онъ пріѣзжалъ прошлой зимой въ Москву на короткое время, потомъ отправился съ однимъ семействомъ въ Симбирскъ; мы съ нимъ нѣкоторое время переписывались: въ послѣднемъ письмѣ своемъ онъ извѣщалъ меня, что уѣзжаетъ изъ Симбирска — не сказалъ куда — и вотъ, съ тѣхъ поръ я ничего о немъ не слышу.

— Не пропадетъ!—подхватилъ Пигасовъ:—гдѣ-нибудь сидитъ да проповѣдуетъ. Этотъ господинъ всегда найдетъ себѣ двухъ или трехъ поклонниковъ, которые будутъ его слушать, разиня ротъ, и давать ему взаймы деньги. Посмотрите, онъ кончитъ тѣмъ, что умретъ гдѣ-нибудь въ Царевококшайскѣ или въ Чухломѣ—на рукахъ престарѣлой дѣвы въ парикѣ, которая будетъ думать о немъ, какъ о геніальнѣйшемъ человѣкѣ въ мірѣ...

— Вы очень рѣзко о немъ отзываетесь,—замѣтилъ вполголоса и съ неудовольствіемъ Басистовъ.

— Ничуть не рѣзко!—возразилъ Пигасовъ: — а совершенно справедливо. По моему мнѣнію, онъ, просто, не что иное, какъ лизоблюдъ. Я забылъ вамъ сказать,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Лежневу: — вѣдь я познакомился съ этимъ Терлаховымъ, съ которымъ Рудинъ за границу ѣздилъ. Какъ же! какъ же! Что̀ онъ мнѣ разсказывалъ о немъ, вы себѣ представить не можете — умора, просто! Замѣчательно, что всѣ друзья и послѣдователи Рудина современемъ становятся его врагами.

— Прошу меня исключить изъ числа такихъ друзей!— съ жаромъ перебилъ Басистовъ.

— Ну, вы—другое дѣло! О васъ и рѣчи нѣтъ.

— А что̀ такое вамъ разсказывалъ Терлаховъ?—спросила Александра Павловна.

— Да многое разсказывалъ: всего не упомнишь. Но самый лучшій вотъ какой случился съ Рудинымъ анекдотъ. Безпрерывно развиваясь (эти господа все развиваются: другіе, напримѣръ, просто спятъ, или ѣдятъ—а они находятся въ моментѣ развитія спанья или ѣды; не такъ ли, г. Басистовъ?—Басистовъ ничего не отвѣтилъ)... Итакъ, развиваясь постоянно, Рудинъ дошелъ, путемъ философіи, до того умозаключенія, что ему должно влюбиться. Началъ онъ отыскивать предметъ, достойный такого удивительнаго умозаключенія. Фортуна ему улыбнулась. Познакомился онъ съ одной француженкой, прехорошенькой модисткой. Дѣло происходило въ одномъ нѣмецкомъ городѣ, на Рейнѣ, замѣтьте. Началъ онъ ходить къ ней, носить ей разныя книги, говорить ей о природѣ и Гегелѣ. Можете себѣ представить положеніе модистки? она считала его за астронома. Однако, вы знаете, малый онъ изъ себя ничего; ну — иностранецъ, русскій—понравился. Вотъ, наконецъ, назначаетъ онъ свиданіе, и очень поэтическое свиданіе: въ гондолѣ, на рѣкѣ. Француженка согласилась; пріодѣлась получше и поѣхала съ нимъ въ гондолѣ. Такъ они катались часа два. Чѣмъ же, вы думаете, занимался онъ все это время? Гладилъ францу-

женку по головѣ, задумчиво глядѣлъ въ небо и нѣсколько разъ повторилъ, что чувствуетъ къ ней отеческую нѣжность. Француженка вернулась домой взбѣшенная, и сама потомъ все разсказала Терлахову. Вотъ онъ какой господинъ!

И Пигасовъ засмѣялся.

— Вы старый циникъ!—замѣтила съ досадой Александра Павловна: — а я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что про Рудина даже тѣ, которые его бранятъ, ничего дурного сказать не могутъ.

— Ничего дурного? Помилуйте! а его вѣчное житье на чужой счетъ, его займы... Михайло Михайлычъ? вѣдь онъ и у васъ, навѣрное, занималъ?

— Послушайте, Африканъ Семенычъ!—началъ Лежневъ, и лицо его приняло серьезное выраженіе: — послушайте: вы знаете, и жена моя знаетъ, что я въ послѣднее время особеннаго расположенія къ Рудину не чувствовалъ и даже часто осуждалъ его. Со всѣмъ тѣмъ (Лежневъ разлилъ шампанское по бокаламъ), вотъ что́ я вамъ предлагаю: мы сейчасъ пили за здоровье дорогого нашего брата и его невѣсты; я предлагаю вамъ выпить теперь за здоровье Дмитрія Рудина!

Александра Павловна и Пигасовъ съ изумленіемъ посмотрѣли на Лежнева, а Басистовъ встрепенулся весь, покраснѣлъ отъ радости и глаза вытаращилъ.

— Я знаю его хорошо,—продолжалъ Лежневъ:—недостатки его мнѣ хорошо извѣстны. Они тѣмъ болѣе выступаютъ наружу, что самъ онъ не мелкій человѣкъ.

— Рудинъ—геніальная натура!—подхватилъ Басистовъ.

— Геніальность въ немъ, пожалуй, есть,—возразилъ Лежневъ; —а натура... Въ томъ-то вся его бѣда, что натуры-то собственно въ немъ нѣтъ... Но не въ этомъ дѣло. Я хочу говорить о томъ, что̀ въ немъ есть хорошаго, рѣдкаго. Въ немъ есть энтузіазмъ; а это, повѣрьте мнѣ, флегматическому человѣку, самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ! Пора! Помнишь, Саша, я разъ говорилъ съ тобой о немъ

и упрекалъ его въ холодности. Я былъ и правъ, и не правъ тогда. Холодность эта у него въ крови — это не его вина—а не въ головѣ. Онъ не актеръ, какъ я называлъ его, не надувало, не плутъ; онъ живетъ на чужой счетъ не какъ проныра, а какъ ребенокъ... Да, онъ, дѣйствительно, умретъ гдѣ-нибудь въ нищетѣ и въ бѣдности; но неужели жъ и за это пускать въ него камнемъ? Онъ не сдѣлаетъ самъ ничего именно потому, что въ немъ натуры, крови нѣтъ; но кто въ правѣ сказать, что онъ не принесетъ, не принесъ уже пользы? что его слова не заронили много добрыхъ сѣмянъ въ молодыя души, которымъ природа не отказала, какъ ему, въ силѣ дѣятельности, въ умѣніи исполнять собственные замыслы? Да я самъ, я первый, все это испыталъ на себѣ... Саша знаетъ, чѣмъ былъ для меня въ молодости Рудинъ. Я, помнится, также утверждалъ, что слова Рудина не могутъ дѣйствовать на людей; но я говорилъ тогда о людяхъ, подобныхъ мнѣ, въ теперешніе мои годы, о людяхъ уже пожившихъ и поломанныхъ жизнью. Одинъ фальшивый звукъ въ рѣчи—и вся ея гармонія для насъ исчезла; а въ молодомъ человѣкѣ, къ счастью, слухъ еще не такъ развитъ, не такъ избалованъ. Если сущность того, что̀ онъ слышитъ, ему кажется прекрасной, что̀ ему за дѣло до тона! Тонъ онъ самъ въ себѣ найдетъ.

— Браво! браво!—воскликнулъ Басистовъ: — какъ это справедливо сказано! А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!

— Вы слышите?—продолжалъ Лежневъ, обращаясь къ Пигасову: — какого вамъ еще доказательства нужно? Вы нападаете на философію; говоря о ней, вы не находите довольно презрительныхъ словъ. Я самъ ее не больно жалую и плохо ее понимаю: но не отъ философіи наши главныя невзгоды! Философическія хитросплетенія и бредни никогда не привьются къ русскому: на это у него слишкомъ много здраваго смысла; но нельзя же допустить,

чтобы подъ именемъ философіи нападали на всякое честное стремленіе къ истинѣ и къ сознанію. Несчастье Рудина состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это, точно, большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ— чепуха, космополитъ — нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ физіономіи. Но, опять-таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то ужъ винить его не станемъ. Насъ бы очень далеко завело, если бы мы хотѣли разобрать, отчего у насъ являются Рудины. А за то, что̀ въ немъ есть хорошаго, будемъ же ему благодарны. Это легче, чѣмъ быть несправедливымъ къ нему, а мы были къ нему несправедливы. Наказывать его не наше дѣло, да и не нужно: онъ самъ себя наказалъ гораздо жесточе, чѣмъ заслуживалъ... И дай Богъ, чтобы несчастье вытравило изъ него все дурное и оставило въ немъ одно прекрасное! Пью за здоровье Рудина! Пью за здоровье товарища моихъ лучшихъ годовъ, пью за молодость, за ея надежды, за ея стремленія, за ея довѣрчивость и честность, за все то, отъ чего и въ двадцать лѣтъ бились наши сердца, и лучше чего мы, все-таки, ничего не узнали и не узнаемъ въ жизни... Пью за тебя, золотое время, пью за здоровье Рудина?

Всѣ чокнулись съ Лежневымъ. Басистовъ сгоряча чуть не разбилъ своего стакана и осушилъ его разомъ, а Александра Павловна пожала Лежневу руку.

— Я, Михайло Михайлычъ, и не подозрѣвалъ, что вы такъ краснорѣчивы,—замѣтилъ Пигасовъ:—хоть бы самому г. Рудину подъ-стать; даже меня проняло.

— Я вовсе не краснорѣчивъ,—возразилъ Лежневъ не безъ досады:—а васъ, я думаю, пронять мудрено. Впрочемъ, довольно о Рудинѣ; давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ... Что̀... какъ бишь его?.. Пандалевскій все

у Дарьи Михайловны живетъ?—прибавилъ онъ, обратясь къ Басистову.

— Какъ же, все у ней! Она выхлопотала ему очень выгодное мѣсто.

Лежневъ усмѣхнулся.

— Вотъ этотъ не умретъ въ нищетѣ, за это можно поручиться.

Ужинъ кончился. Гости разошлись. Оставшись наединѣ съ своимъ мужемъ, Александра Павловна съ улыбкой посмотрѣла ему въ лицо.

— Какъ ты хорошъ былъ сегодня, Миша,—промолвила она, лаская его рукой по лбу:—какъ ты умно и благородно говорилъ! Но сознайся, что ты немного увлекся въ пользу Рудина, какъ прежде увлекался противъ него...

— Лежачаго не бьютъ... а я тогда боялся какъ бы онъ тебѣ голову не вскружилъ.

— Нѣтъ,—простодушно возразила Александра Павловна:—онъ мнѣ казался всегда слишкомъ ученымъ, я боялась его и не знала, что говорить въ его присутствіи. А вѣдь Пигасовъ довольно зло подсмѣялся надъ нимъ сегодня, сознайся?

— Пигасовъ?—проговорилъ Лежневъ.—Я оттого именно и заступился такъ горячо за Рудина, что Пигасовъ былъ тутъ. Онъ смѣетъ называть Рудина лизоблюдомъ! А по-моему, его роль, роль Пигасова, во сто разъ хуже. Имѣетъ независимое состояніе, надо всѣмъ издѣвается, а ужъ какъ льнетъ къ знатнымъ да къ богатымъ! Знаешь ли, что этотъ Пигасовъ, который съ такимъ озлобленіемъ все и всѣхъ ругаетъ, и на философію нападаетъ, и на женщинъ, — знаешь ли ты, что онъ, когда служилъ, бралъ взятки, и какъ еще! А! Вотъ то-то и есть!

— Неужели? воскликнула Александра Павловна.—Этого я никакъ не ожидала!.. Послушай, Миша,—прибавила она помолчавъ немного:—что я хочу у тебя спросить...

— Что?

— Какъ ты думаешь? будетъ ли братъ счастливъ съ Натальей?

— Какъ тебѣ сказать... вѣроятности всѣ есть... Коман-

довать будетъ она—между нами таить это не для чего—она умнѣй его; но онъ славный человѣкъ и любитъ ее отъ души. Чего же больше? Вѣдь вотъ, мы другъ друга любимъ и счастливы, не правда ли?

Александра Павловна улыбнулась и стиснула руку Михайлѣ Михайлычу.

Въ тотъ самый день, когда все, разсказанное нами, происходило въ домѣ Александры Павловны,—въ одной изъ отдаленныхъ губерній Россіи тащилась, въ самый зной, по большой дорогѣ, плохенькая рогожная кибитка, запряженная тройкой обывательскихъ лошадей. На облучкѣ торчалъ, упираясь искоса ногами въ валёкъ, сѣдой мужичокъ въ дырявомъ армякѣ, и то и дѣло подергивалъ веревочными вожжами и помахивалъ кнутикомъ; а въ самой кибиткѣ сидѣлъ, на тощемъ чемоданѣ, человѣкъ высокаго роста въ фуражкѣ и старомъ запыленномъ плащѣ. То былъ Рудинъ. Онъ сидѣлъ понуривъ голову и нахлобучивъ козырекъ фуражки на глаза. Неровные толчки кибитки бросали его съ стороны на сторону, онъ казался совершенно безчувственнымъ, словно дремалъ. Наконецъ онъ выпрямился.

— Когда же это мы до станціи доѣдемъ?—спросилъ онъ мужика, сидѣвшаго на облучкѣ.

— А вотъ, батюшка,—заговорилъ мужикъ и еще сильнѣе задергалъ вожжами:—какъ на взволочекъ взберемся, версты двѣ останется, не болѣ... Ну, ты! думай... Я тебѣ подумаю,—прибавилъ онъ тоненькимъ голосомъ, принимаясь стегать правую пристяжную.

— Ты, кажется, очень плохо ѣдешь,—замѣтилъ Рудинъ:—мы съ самаго утра тащимся и никакъ доѣхать не можемъ. Ты бы хоть спѣлъ что-нибудь.

— Да что̀ будешь дѣлать, батюшка! лошади, вы сами видите, заморенныя... опять — жара. А пѣть мы не можемъ: мы не ямщики... Барашекъ, а барашекъ!—воскликнулъ вдругъ мужичокъ, обращаясь къ прохожему въ бурой свитченкѣ и стоптанныхъ лаптишкахъ:—посторонись, барашекъ.

— Вишь ты... кучеръ!—пробормоталъ ему вслѣдъ про-

хожій, и остановился.—Московская косточка!—прибавилъ онъ голосомъ, исполненнымъ укоризны, тряхнулъ головой и заковылялъ далѣе.

— Куда ты!—подхватилъ мужичокъ съ разстановкой, дергая коренную:—ахъ ты, лукавая! право, лукавая...

Измученныя лошаденки кое-какъ доплелись, наконецъ, до почтоваго двора. Рудинъ вылѣзъ изъ кибитки, расплатился съ мужикомъ (который ему не поклонился и деньги долго пошвыривалъ на ладони—знать, на водку мало досталось) и самъ внесъ чемоданъ въ станціонную комнату

Одинъ мой знакомый, много покатавшійся на своемъ вѣку по Россіи, сдѣлалъ замѣчаніе, что если въ станціонной комнатѣ на стѣнахъ висятъ картинки, изображающія сцены изъ „Кавказскаго Плѣнника“ или русскихъ генераловъ, то лошадей скоро достать можно; но если на картинкахъ представлена жизнь извѣстнаго игрока Жоржаде-Жермани, то путешественнику нечего надѣяться на быстрый отъѣздъ: успѣетъ онъ налюбоваться на закрученный кокъ, бѣлый раскидной жилетъ и чрезвычайно узкіе и короткіе панталоны игрока въ молодости, на его изступленную физіономію, когда онъ, будучи уже старцемъ, убиваетъ, высоко взмахнувъ стуломъ, въ хижинѣ съ крутою крышей, своего сына. Въ комнатѣ, куда вошелъ Рудинъ, висѣли именно эти картины изъ тридцати лѣтъ или „Жизни Игрока“. На крикъ его явился смотритель, заспанный (кстати — видѣлъ ли кто-нибудь смотрителя не заспаннаго?) и, не выждавъ даже вопроса Рудина, вялымъ голосомъ объявилъ, что лошадей нѣтъ.

— Какъ же вы говорите, что лошадей нѣтъ,—промолвилъ Рудинъ: — а даже не знаете, куда я ѣду? Я сюда на обывательскихъ пріѣхалъ.

— У насъ никуда лошадей нѣтъ,—отвѣчалъ смотритель.—А вы куда ѣдете?

— Въ ....скъ.

— Нѣтъ лошадей, повторилъ смотритель и вышелъ вонъ.

Рудинъ съ досадой приблизился къ окну и бросилъ фуражку на столъ. Онъ не много измѣнился, но пожелтѣлъ въ послѣдніе два года; серебряныя нити заблистали кой-

гдѣ въ кудряхъ, и глаза, все еще прекрасные, какъ будто потускнѣли; мелкія морщины, слѣды горькихъ и тревожныхъ чувствъ, легли около губъ, на щекахъ, на вискахъ.

Платье на немъ было изношенное и старое, и бѣлья не виднѣлось нигдѣ. Пора его цвѣтенія видимо прошла: онъ, какъ выражаются садовники, пошелъ въ сѣмя.

Онъ принялся читать надписи по стѣнамъ... извѣстное развлеченіе скучающихъ путешественниковъ... вдругъ дверь заскрипѣла, и вошелъ смотритель.

— Лошадей въ ....скъ нѣтъ, и долго еще не будетъ,— заговорилъ онъ:—а вотъ въ ....овъ есть обратныя.

— Въ ....въ?—промолвилъ Рудинъ.—Да помилуйте! это мнѣ совсѣмъ не по дорогѣ. Я ѣду въ Пензу, а ....овъ лежитъ, кажется, въ направленіи къ Тамбову.

— Что жъ? вы изъ Тамбова можете тогда проѣхать, а не то изъ ....ова какъ-нибудь свернете.

Рудинъ подумалъ.

— Ну, пожалуй,—проговорилъ онъ, наконецъ:—велите закладывать лошадей. Мнѣ все равно; поѣду въ Тамбовъ.

Лошадей скоро подали. Рудинъ вынесъ свой чемоданчикъ, взлѣзъ на телѣгу, сѣлъ, понурился попрежнему. Было что-то безпомощное и грустно-покорное въ его нагнутой фигурѣ... И тройка поплелась неторопливой рысью, отрывисто позвякивая бубенчиками.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ.

Былъ осенній холодный день. Къ крыльцу главной гостиницы губернскаго города С...а подъѣхала дорожная коляска; изъ нея, слегка потягиваясь и покряхтывая, вылѣзъ господинъ, еще не пожилой, но уже успѣвшій пріобрѣсть ту полноту въ туловищѣ, которую привыкли называть почтенной. Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, онъ остановился у входа въ широкій коридоръ и, не видя никого передъ собою, громкимъ голосомъ спросилъ себѣ нумеръ. Дверь гдѣ-то стукнула, изъ-за низкихъ ширмочекъ выскочилъ длинный лакей и пошелъ впередъ проворной, боковой походкой, мелькая въ полутьмѣ кори-

дора глянцовитой спиной и подвороченными рукавами. Войдя въ нумеръ, проѣзжій тотчасъ сбросилъ съ себя шинель и шарфъ, сѣлъ на диванъ и, опершись въ колѣни кулаками, сперва поглядѣлъ кругомъ, какъ бы съ просонья, потомъ велѣлъ позвать своего слугу. Лакей сдѣлалъ уклончивое движеніе и исчезъ. Проѣзжій этотъ былъ не кто иной, какъ Лежневъ. Рекрутскій наборъ вызвалъ его изъ деревни въ С....ъ.

Слуга Лежнева, малый молодой, курчавый и краснощекій, въ сѣрой шинели, подпоясанный голубымъ кушачкомъ, и мягкихъ валенкахъ, вошелъ въ комнату.

— Ну вотъ, братъ, мы и доѣхали,—продолжалъ Лежневъ:—а ты все боялся, что шина съ колеса соскочитъ.

— Доѣхали!—возразилъ слуга, силясь улыбнуться черезъ поднятый воротникъ шинели: — а ужъ отчего эта шина не соскочила...

— Никого здѣсь нѣтъ?—раздался голосъ въ коридорѣ.

Лежневъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться.

— Эй! кто тамъ?—повторилъ голосъ.

Лежневъ всталъ, подошелъ къ двери и быстро отворилъ ее.

Передъ нимъ стоялъ человѣкъ высокаго роста, почти совсѣмъ сѣдой и сгорбленный, въ старомъ плисовомъ сюртукѣ съ бронзовыми пуговицами. Лежневъ узналъ его тотчасъ.

— Рудинъ!—воскликнулъ онъ съ волненіемъ.

Рудинъ обернулся. Онъ не могъ разобрать черты Лежнева, стоявшаго къ свѣту спиною, и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на него.

— Вы меня не узнаете?—заговорилъ Лежневъ.

— Михайло Михайлычъ!—воскликнулъ Рудинъ, и протянулъ руку, но смутился и отвелъ ее было назадъ...

Лежневъ поспѣшно ухватился за нее своими обѣими.

— Войдите, войдите ко мнѣ!—сказалъ онъ Рудину, и ввелъ его въ нумеръ.

— Какъ вы измѣнились!—произнесъ Лежневъ, помолчавъ и невольно понизивъ голосъ.

— Да, говорятъ!—возразилъ Рудинъ, блуждая по ком-

натѣ взоромъ.—Года... А вотъ вы—ничего. Какъ здоровье Александры... вашей супруги?

— Благодарствуйте,—хорошо. Но какими судьбами вы здѣсь?

— Я? Это долго разсказывать. Собственно, сюда я зашелъ случайно. Я искалъ одного знакомаго. Впрочемъ, я очень радъ...

— Гдѣ вы обѣдаете?

— Я? Не знаю. Гдѣ-нибудь въ трактирѣ. Я долженъ сегодня же выѣхать отсюда.

— Должны?

Рудинъ значительно усмѣхнулся.

— Да-съ, долженъ. Меня отправляютъ къ себѣ въ деревню, на жительство.

— Пообѣдайте со мной.

Рудинъ въ первый разъ взглянулъ прямо въ глаза Лежневу.

— Вы мнѣ предлагаете съ собой обѣдать? проговорилъ онъ.

— Да, Рудинъ, по-старинному, по-товарищески. Хотите? Не ожидалъ я васъ встрѣтить, и Богъ знаетъ, когда мы увидимся опять. Не разстаться же намъ съ вами такъ!

— Извольте, я согласенъ.

Лежневъ пожалъ Рудину руку, кликнулъ слугу, заказалъ обѣдъ и велѣлъ поставить на ледъ бутылку шампанскаго.

Въ теченіе обѣда Лежневъ и Рудинъ, какъ бы сговорившись, все толковали о студенческомъ своемъ времени, припоминали многое и многихъ — мертвыхъ и живыхъ. Сперва Рудинъ говорилъ неохотно, но онъ выпилъ нѣсколько рюмокъ вина, и кровь въ немъ разгорѣлась. Наконецъ, лакей вынесъ послѣднее блюдо. Лежневъ всталъ, заперъ дверь и, вернувшись къ столу, сѣлъ прямо напротивъ Рудина и тихонько оперся подбородкомъ на обѣ руки.

— Ну, теперь,—началъ онъ: — разсказывайте-ка мнѣ все, что съ вами случилось съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ.

Рудинъ посмотрѣлъ на Лежнева.

„Боже мой!“ — подумалъ опять Лежневъ: — „какъ онъ измѣнился, бѣднякъ!“

Черты Рудина измѣнились мало, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его на станціи, хотя печать приближающейся старости уже успѣла лечь на нихъ; но выраженіе ихъ стало другое. Иначе глядѣли глаза; во всемъ существѣ его, въ движеніяхъ, то замедленныхъ, то безсвязно порывистыхъ, въ похолодѣвшей, какъ бы разбитой рѣчи, высказывалась усталость окончательная, тайная и тихая скорбь, далеко различная отъ той полупритворной грусти, которою онъ щеголялъ бывало, какъ вообще щеголяетъ ею молодежь, исполненная надеждъ и довѣрчиваго самолюбія.

— Разсказать вамъ все, что̀ со мною случилось?—заговорилъ онъ. — Всего разсказать нельзя и не сто̀итъ... Маялся я много, скитался не однимъ тѣломъ—душой скитался. Въ чемъ и въ комъ я не разочаровывался, Богъ мой! съ кѣмъ не сближался! Да, съ кѣмъ!—повторилъ Рудинъ, замѣтивъ, что Лежневъ съ какимъ-то особеннымъ участіемъ посмотрѣлъ ему въ лицо. — Сколько разъ мои собственныя слова становились мнѣ противными — не говорю уже въ моихъ устахъ, но и въ устахъ людей, раздѣлявшихъ мои мнѣнія! Сколько разъ переходилъ я отъ раздражительности ребенка къ тупой безчувственности лошади, которая уже и хвостомъ не дрыгаетъ, когда ее сѣчетъ кнутъ... Сколько разъ я радовался, надѣялся, враждовалъ и унижался напрасно! Сколько разъ вылеталъ соколомъ—и возвращался ползкомъ, какъ улитка, у которой раздавили раковину!.. Гдѣ не бывалъ я, по какимъ дорогамъ не ходилъ!... А дороги бываютъ грязныя,—прибавилъ Рудинъ, и слегка отвернулся. — Вы знаете... продолжалъ онъ...

— Послушайте,—перебилъ его Лежневъ:—мы когда-то говорили „ты“ другъ другу... Хочешь? возобновимъ старину... Выпьемъ на *ты*!

Рудинъ встрепенулся, приподнялся, а въ глазахъ его промелькнуло что-то, чего слово выразить не можетъ.

— Выпьемъ,—сказалъ онъ:—спасибо тебѣ, братъ, выпьемъ!

Лежневъ и Рудинъ выпили по бокалу.

— *Ты* знаешь,—началъ опять, съ удареніемъ на словѣ „ты“ и съ улыбкою, Рудинъ: — во мнѣ сидитъ какой-то червь, который грызетъ меня и гложетъ, и не дастъ мнѣ успокоиться до конца. Онъ наталкиваетъ меня на людей— они сперва подвергаются моему вліянію, а потомъ...

Рудинъ провелъ рукой по воздуху.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами... съ тобою, я переиспыталъ и переизвѣдалъ многое... Начиналъ я жить, принимался за новое разъ двадцать — и вотъ — видишь!

— Выдержки въ тебѣ не было,—проговорилъ, какъ бы про-себя, Лежневъ.

— Какъ ты говоришь, выдержки во мнѣ не было!... Строить я никогда ничего не умѣлъ; да и мудрено, братъ, строить, когда почвы-то подъ ногами нѣту, когда самому приходится собственный свой фундаментъ создавать! Всѣхъ моихъ похожденій, то-есть, собственно говоря, всѣхъ моихъ неудачъ, я тебѣ описывать не буду. Передамъ тебѣ два-три случая... тѣ случаи изъ моей жизни, когда, казалось, успѣхъ уже улыбался мнѣ, или нѣтъ, когда я начиналъ надѣяться на успѣхъ, — что̀ не совсѣмъ одно и то же...

Рудинъ откинулъ назадъ свои сѣдые и уже жидкіе волосы тѣмъ самымъ движеніемъ руки, какимъ нѣкогда отбрасывалъ свои темныя и густыя кудри.

— Ну, слушай,—началъ онъ.—Сошелся я, въ Москвѣ, съ однимъ довольно страннымъ господиномъ. Онъ былъ очень богатъ и владѣлъ обширными помѣстьями; не служилъ. Главная, единственная его страсть была любовь къ наукѣ, къ наукѣ вообще. До сихъ поръ я постигнуть не могу, почему эта страсть въ немъ проявилась! Шла она къ нему, какъ къ коровѣ сѣдло. Самъ онъ съ усиліемъ держался на высотѣ ума, и говорить почти не умѣлъ, только поводилъ выразительно глазами и значительно покачивалъ головой. Я, братъ, не встрѣчалъ бездарнѣе и

бѣднѣй его природы... Въ Смоленской губерніи есть такія мѣста — песокъ и больше ничего, да изрѣдка трава, которую ни одно животное ѣсть не станетъ. Ничего ему въ руки не давалось—все такъ и ползло отъ него прочь, подальше; а онъ еще помѣшанъ былъ на томъ, чтобы все легкое дѣлать труднымъ. Если бы это зависѣло отъ его распоряженій, у него бы люди ѣли пятками, право. Работалъ, писалъ и читалъ онъ неутомимо. Онъ ухаживалъ за наукой съ какой-то упрямой настойчивостью, съ терпѣніемъ страшнымъ; самолюбіе въ немъ было огромное, и характеръ онъ имѣлъ желѣзный. Онъ жилъ одинъ и слылъ чудакомъ. Я познакомился съ нимъ... ну, и понравился ему. Я признаюсь, скоро его понялъ; но рвеніе его меня тронуло. Притомъ, онъ владѣлъ такими средствами, столько можно было черезъ него сдѣлать добра, принести пользы существенной... Я поселился у него и уѣхалъ съ нимъ, наконецъ, въ его деревню.—Планы, братъ, у меня были громадные: я мечталъ о разныхъ усовершенствованіяхъ, нововведеніяхъ...

— Какъ у Ласунской, помнишь,—замѣтилъ Лежневъ съ добродушной улыбкой.

— Какое! тамъ я зналъ, въ душѣ, что изъ словъ моихъ ничего не выйдетъ; а тутъ... тутъ совсѣмъ другое поле раскрывалось передо мною... Я навезъ съ собою агрономическихъ книгъ... правда, я до конца не прочелъ ни одной... ну, и приступилъ къ дѣлу. Сначала оно не пошло, какъ я и ожидалъ; а потомъ оно какъ-будто и пошло. Мой новый другъ все помалчивалъ, да посматривалъ, не мѣшалъ мнѣ, т.-е. до извѣстной степени не мѣшалъ мнѣ. Онъ принималъ мои предложенія и исполнялъ ихъ, но съ упорствомъ, туго, съ тайной недовѣрчивостью, и все гнулъ на свое. Онъ чрезвычайно дорожилъ каждой своей мыслью. Взберется на нее съ усиліемъ, какъ Божія коровка на конецъ былинки, и сидитъ-сидитъ на ней, все какъ-будто крылья расправляетъ и полетѣть собирается— и вдругъ свалится, и опять полѣзетъ... Не удивляйся всѣмъ этимъ сравненіямъ: они еще тогда накипѣли у меня на душѣ. Такъ я вотъ и бился года два. Дѣло подви-

галось плохо, несмотря на всѣ мои хлопоты. Началъ я уставать, пріятель мой надоѣдалъ мнѣ, я сталъ язвить его, онъ давилъ меня, словно перина; недовѣрчивость его перешла въ глухое раздраженіе, непріязненное чувство охватывало насъ обоихъ, мы уже не могли говорить ни о чемъ; онъ исподтишка, но безпрестанно старался доказать мнѣ, что не подчиняется моему вліянію, распоряженія мои либо искажались, либо отмѣнялись вовсе... Я замѣтилъ, наконецъ, что состою у господина помѣщика въ качествѣ приживальщика по части умственныхъ упражненій. Горько мнѣ стало тратить попусту время и силы, горько почувствовать, что я опять и опять обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Я зналъ очень хорошо, что я терялъ, уѣзжая; но я не могъ сладить съ собой, и въ одинъ день, вслѣдствіе тяжелой и возмутительной сцены, которой я былъ свидѣтелемъ и которая показала мнѣ моего пріятеля со стороны уже слишкомъ невыгодной, я разссорился съ нимъ окончательно и уѣхалъ, бросилъ барича-педанта, вылѣпленнаго изъ степной муки съ примѣсью нѣмецкой патоки...

— То-есть, бросилъ насущный кусокъ хлѣба,—проговорилъ Лежневъ и положилъ обѣ руки на плечи Рудину.

— Да, и очутился опять легокъ и голъ въ пустомъ пространствѣ. Лети, молъ, куда хочешь... Эхъ, выпьемъ!

— За твое здоровье,—промолвилъ Лежневъ, приподнялся и поцѣловалъ Рудина въ лобъ.—За твое здоровье и въ память Покорскаго... Онъ также умѣлъ остаться нищимъ.

— Вотъ тебѣ и нумеръ первый моихъ похожденій,—началъ, спустя немного, Рудинъ.—Продолжать, что ли?

— Продолжай, пожалуйста.

— Эхъ! да говорить-то не хочется. Усталъ я говорить, братъ... Ну, однако, такъ и быть. Потолкавшись еще по разнымъ мѣстамъ... кстати, я бы могъ разсказать тебѣ, какъ я попалъ-было въ секретари къ благонамѣренному сановному лицу, и что̀ изъ этого вышло; но это завело бы насъ слишкомъ далеко... Потолкавшись по разнымъ мѣстамъ, я рѣшился сдѣлаться, наконецъ... не смѣйся, по-

жалуйста... дѣловымъ человѣкомъ, практическимъ. Случай такой вышелъ: я сошелся съ однимъ... ты, можетъ-быть, слыхалъ о немъ... съ однимъ Курбѣевымъ... нѣтъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Но, помилуй, Рудинъ, какъ же ты, съ своимъ умомъ, не догадался, что твое дѣло не въ томъ состоитъ, чтобы быть... извини за каламбуръ... дѣловымъ человѣкомъ?

— Знаю, братъ, что не въ томъ; а впрочемъ, въ чемъ оно состоитъ-то?.. Но если-бъ ты видѣлъ Курбѣева! Ты, пожалуйста, не воображай его себѣ какимъ-нибудь пустымъ болтуномъ. Говорятъ, я былъ краснорѣчивъ когда-то. Я передъ нимъ просто ничего не значу. Это былъ человѣкъ удивительно ученый, знающій, голова, творческая, братъ, голова въ дѣлѣ промышленности и предпріятій торговыхъ. Проекты самые смѣлые, самые неожиданные, такъ и кипѣли у него на умѣ. Мы соединились съ нимъ и рѣшились употребить свои силы на общее полезное дѣло...

— На какое, позволь узнать?

Рудинъ опустилъ глаза.

— Ты засмѣешься.

— Почему же? Нѣтъ не засмѣюсь.

— Мы рѣшились одну рѣку въ К...ой губерніи превратить въ судоходную,—проговорилъ Рудинъ съ неловкой улыбкой.

— Вотъ какъ! Стало-быть, этотъ Курбѣевъ капиталистъ?

— Онъ былъ бѣднѣе меня,—возразилъ Рудинъ, и тихо поникнулъ своей сѣдой головой.

Лежневъ захохоталъ, но вдругъ остановился и взялъ за руку Рудина.

— Извини меня, братъ, пожалуйста,—заговорилъ онъ:— но я этого никакъ не ожидалъ. Ну, что-жъ, это предпріятіе ваше такъ и осталось на бумагѣ?

— Не совсѣмъ. Начало исполненія было. Мы наняли работниковъ... ну, и приступили. Но тутъ встрѣтились различныя препятствія. Во-первыхъ, владѣльцы мельницъ никакъ не хотѣли понять насъ, да сверхъ того мы съ водой безъ машины справиться не могли, а на машину не

хватило денегъ. Шесть мѣсяцевъ прожили мы въ землянкахъ. Курбѣевъ однимъ хлѣбомъ питался, я тоже не доѣдалъ. Впрочемъ, я объ этомъ не сожалѣю: природа тамъ удивительная. Мы бились, бились, уговаривали купцовъ, письма писали, циркуляры. Кончилось тѣмъ, что я послѣдній грошъ свой добилъ на этомъ проектѣ.

— Ну!—замѣтилъ Лежневъ:—я думаю, добить твой послѣдній грошъ было не мудрено.

— Не мудрено, точно.

Рудинъ глянулъ въ окно.

— А проектъ, ей-Богу, былъ не дуренъ и могъ бы принесть огромныя выгоды.

— Куда же Курбѣевъ этотъ дѣлся?—спросилъ Лежневъ.

— Онъ? онъ въ Сибири теперь, золотопромышленникомъ сдѣлался. И ты увидишь, онъ себѣ составитъ состояніе; онъ не пропадетъ.

— Можетъ-быть; но ты, вотъ, ужъ навѣрное состоянія себѣ не составишь.

— Я? что̀ дѣлать! Впрочемъ, я знаю: я всегда въ глазахъ твоихъ былъ пустымъ человѣкомъ.

— Ты? Полно, братъ!.. Было время, точно, когда мнѣ въ глаза бросались однѣ твои темныя стороны; но теперь, повѣрь мнѣ, я научился цѣнить тебя. Ты себѣ состоянія не составишь... Да я люблю тебя за это... помилуй!

Рудинъ слабо усмѣхнулся.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я уважаю тебя за это!—повторилъ Лежневъ:—понимаешь ли ты меня?

Оба помолчали.

— Что-жъ, переходить къ нумеру третьему?—спросилъ Рудинъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Изволь. Нумеръ третій и послѣдній. Съ этимъ нумеромъ я только теперь раздѣлался. Но не наскучилъ ли я тебѣ?

— Говори, говори.

— Вотъ, видишь ли,—началъ Рудинъ:—я однажды подумалъ на досугѣ... досуга-то у меня всегда много было... я подумалъ: свѣдѣній у меня довольно, желанія добра...

послушай, вѣдь и ты не станешь отрицать во мнѣ желанія добра?

— Еще бы!

— На другихъ всѣхъ пунктахъ я болѣе или менѣе срѣзался... отчего бы мнѣ не сдѣлаться педагогомъ, или, говоря попросту, учителемъ... чѣмъ такъ жить даромъ...

Рудинъ остановился и вздохнулъ.

— Чѣмъ жить даромъ, не лучше ли постараться передать другимъ, что̀ я знаю: можетъ-быть, они извлекутъ изъ моихъ познаній хотя нѣкоторую пользу. Способности мои не дюжинныя же наконецъ, языкомъ я владѣю... Вотъ, я и рѣшился посвятить себя этому новому дѣлу. Хлопотно мнѣ было достать мѣсто; частныхъ уроковъ давать я не хотѣлъ; въ низшихъ училищахъ мнѣ дѣлать было нечего. Наконецъ, мнѣ удалось достать мѣсто преподавателя въ здѣшней гимназіи.

— Преподавателя—чего?—спросилъ Лежневъ.

— Преподавателя русской словесности. Скажу тебѣ, ни за одно дѣло не принимался я съ такимъ жаромъ, какъ за это. Мысль дѣйствовать на юношество меня воодушевила. Три недѣли просидѣлъ я надъ составленіемъ вступительной лекціи.

— Ея нѣтъ у тебя?—перебилъ Лежневъ.

— Нѣтъ: затерялась куда-то. Она вышла недурна и понравилась. Какъ теперь вижу лица моихъ слушателей,—лица добрыя, молодыя, съ выраженіемъ чистосердечнаго вниманія, участія, даже изумленія. Взошелъ я на каѳедру, прочелъ лекцію въ лихорадкѣ; я думалъ, ея хватитъ на часъ слишкомъ, а я ее въ двадцать минутъ кончилъ. Инспекторъ тутъ же сидѣлъ—сухой старикъ, въ серебряныхъ очкахъ и короткомъ парикѣ,—онъ изрѣдка наклонялъ голову въ мою сторону. Когда я кончилъ и соскочилъ съ креселъ, онъ мнѣ сказалъ: „Хорошо-съ, только высоко немножко, темновато, да и о самомъ предметѣ мало сказано“. А гимназисты съ уваженіемъ проводили меня взорами... право. Вѣдь вотъ чѣмъ драгоцѣнна молодежь! Вторую лекцію я принесъ написанную, и третью тоже... потомъ я сталъ импровизировать.

— И имѣлъ успѣхъ?—спросилъ Лежневъ.

— Имѣлъ большой успѣхъ. Я передавалъ слушателямъ все, что̀ у меня было въ душѣ. Между ними было три-четыре мальчика, дѣйствительно замѣчательныхъ; остальные меня понимали плохо. Впрочемъ, сознаться надо, что и тѣ, которые меня понимали, иногда смущали меня своими вопросами. Но я не унывалъ. Любить-то меня всѣ любили; я на репетиціяхъ ставилъ полные баллы всѣмъ. Но тутъ началась противъ меня интрига... или нѣтъ! никакой интриги не было; а я, просто, попалъ не въ свою сферу. Я стѣснялъ другихъ, и меня тѣснили. Я читалъ гимназистамъ, какъ и студентамъ не всегда читаютъ; слушатели мои выносили мало изъ моихъ лекцій... факты я самъ зналъ плохо. Притомъ, я не удовлетворялся кругомъ дѣйствій, который былъ мнѣ назначенъ... ужъ это, ты знаешь, моя слабость. Я хотѣлъ коренныхъ преобразованій, а, клянусь тебѣ, эти преобразованія были и дѣльны, и легки. Я надѣялся провести ихъ черезъ директора, добраго и честнаго человѣка, на котораго я сначала имѣлъ вліяніе. Его жена мнѣ помогала. Я, братъ, въ жизни своей не много встрѣчалъ такихъ женщинъ. Ей уже было лѣтъ подъ сорокъ; но она вѣрила въ добро, любила все прекрасное, какъ пятнадцати-лѣтняя дѣвушка, и не боялась высказывать свои убѣжденія передъ кѣмъ бы то ни было. Я никогда не забуду ея благородной восторженности и чистоты. По ея совѣту, я написалъ-было планъ... Но тутъ подъ меня подкопались, очернили меня передъ ней. Особенно повредилъ мнѣ учитель математики, маленькій человѣкъ, острый, желчный и ни во что̀ не вѣрившій, въ родѣ Пигасова, только гораздо дѣльнѣе его... Кстати, что̀ Пигасовъ, живъ?

— Живъ и, вообрази, женился на мѣщанкѣ, которая, говорятъ, его бьетъ.

— По дѣломъ! Ну, а Наталья Алексѣевна здорова?

— Да.

— Счастлива?

— Да.

Рудинъ помолчалъ.

— О чемъ, бишь, я говорилъ... да! объ учителѣ математики. Онъ меня возненавидѣлъ; сравнивалъ мои лекціи съ фейерверкомъ, подхватывалъ на-лету каждое не совсѣмъ ясное выраженіе, разъ даже сбилъ меня на какомъ-то памятникѣ XVI-го вѣка... а главное, онъ заподозрилъ мои намѣренія; послѣдній мой мыльный пузырь наткнулся на него, какъ на булавку, и лопнулъ. Инспекторъ, съ которымъ я сразу не поладилъ, возстановилъ противъ меня директора; вышла сцена; я не хотѣлъ уступить, погорячился, дѣло дошло до свѣдѣнія начальства; я принужденъ былъ выйти въ отставку. Я этимъ не ограничился, я хотѣлъ показать, что со мной нельзя поступить такъ... но со мной можно было поступить, какъ угодно... Я теперь долженъ выѣхать отсюда.

Наступило молчаніе. Оба пріятеля сидѣли, понуривъ головы.

Первый заговорилъ Рудинъ.

— Да, братъ,—началъ онъ:—я теперь могу сказать съ Кольцовымъ: „До чего ты, моя молодость, довела меня, домыкала, что ужъ шагу ступить некуда“... И между тѣмъ, неужели я ни на что̀ не былъ годенъ, неужели для меня такъ-таки нѣтъ дѣла на землѣ? Часто я ставилъ себѣ этотъ вопросъ, и какъ я ни старался себя унизить въ собственныхъ глазахъ, не могъ же я не чувствовать въ себѣ присутствія силъ, не всѣмъ людямъ данныхъ! Отчего же эти силы остаются безплодными? И вотъ еще что̀: помнишь, когда мы съ тобой были за границей, я былъ тогда самонадѣянъ и ложенъ... Точно, я тогда ясно не сознавалъ, чего я хотѣлъ, я упивался словами и вѣрилъ въ призраки; но теперь, клянусь тебѣ, я могу громко, передо всѣми высказать все, чего я желаю. Мнѣ рѣшительно скрывать нечего: я вполнѣ, и въ самой сущности слова, человѣкъ благонамѣренный; я смиряюсь, хочу примѣниться къ обстоятельствамъ, хочу малаго, хочу достигнуть цѣли близкой, принести хотя ничтожную пользу. Нѣтъ! не удается! Что это значитъ? Что̀ мѣшаетъ мнѣ жить и дѣйствовать, какъ другіе?.. Я только объ этомъ

теперь и мечтаю. Но едва успѣю я войти въ опредѣленное положеніе, остановиться на извѣстной точкѣ, судьба такъ и сопретъ меня съ нея долой... Я сталъ бояться ея — моей судьбы... Отчего все это? Разрѣши мнѣ эту загадку!

— Загадку!—повторилъ Лежневъ.—Да, это правда. Ты и для меня былъ всегда загадкой. Даже въ молодости, когда, бывало, послѣ какой-нибудь мелочной выходки, ты вдругъ заговоришь такъ, что сердце дрогнетъ, а тамъ— опять начнешь... ну, ты знаешь, что̀ я хочу сказать.. даже тогда я тебя не понималъ: оттого-то я разлюбилъ тебя... Силъ въ тебѣ такъ много, стремленіе къ идеалу такое неутомимое...

— Слова, все слова! дѣлъ не было!—прервалъ Рудинъ.

— Дѣлъ не было! Какія же дѣла...

— Какія дѣла? Слѣпую бабку и все ея семейство своими трудами прокормить, какъ помнишь, Пряженцовъ... Вотъ тебѣ и дѣло.

— Да; но доброе слово—тоже дѣло.

Рудинъ посмотрѣлъ молча на Лежнева и тихо покачалъ головой.

Лежневъ хотѣлъ-было что-то сказать и провелъ рукой по лицу.

— Итакъ, ты ѣдешь въ деревню? спросилъ онъ наконецъ.

— Въ деревню.

— Да развѣ у тебя осталась деревня?

— Тамъ что-то такое осталось. Двѣ души съ половиною. Уголъ есть, гдѣ умереть. Ты, можетъ-быть, думаешь въ эту минуту: „И тутъ не обошелся безъ фразы!“ Фраза, точно, меня сгубила; она заѣла меня, я до конца не могъ отъ нея отдѣлаться. Но то, что̀ я сказалъ, не фраза. Не фраза, братъ, эти бѣлые волосы, эти морщины; эти прорванные локти—не фраза. Ты всегда былъ строгъ ко мнѣ, и ты былъ справедливъ; но не до строгости теперь, когда уже все кончено, и масла въ лампадѣ нѣтъ, и сама лампада разбита, и вотъ-вотъ, сейчасъ докурится фитиль... Смерть, братъ, должна примирить наконецъ...

Лежневъ вскочилъ.

— Рудинъ!—воскликнулъ онъ:—зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? Чѣмъ я заслужилъ это отъ тебя? Что я за судья такой, и что̀ бы я былъ за человѣкъ, если бъ, при видѣ твоихъ впалыхъ щекъ и морщинъ, слово: фраза — могло прійти въ голову? Ты хочешь знать, что̀ я думаю о тебѣ? Изволь! я думаю: вотъ человѣкъ... съ его способностями, чего бы не могъ онъ достигнуть, какими земными выгодами не обладалъ бы теперь, если бъ захотѣлъ!.. а я его встрѣчаю голоднымъ, безъ пристанища...

— Я возбуждаю твое сожалѣніе, промолвилъ глухо Рудинъ.

— Нѣтъ, ты ошибаешься. Ты уваженіе мнѣ внушаешь—вотъ что̀. Кто тебѣ мѣшалъ проводить годы за годами у этого помѣщика, твоего пріятеля, который, я вполнѣ увѣренъ, если бъ ты только захотѣлъ подъ него подлаживаться, упрочилъ бы твое состояніе? Отчего ты не могъ ужиться въ гимназіи, отчего ты — странный человѣкъ!—съ какими бы помыслами ни начиналъ дѣло, всякій разъ непремѣнно кончалъ его тѣмъ, что жертвовалъ своими личными выгодами, не пускалъ корней въ недобрую почву, какъ она жирна ни была?

— Я родился перекати-полемъ,—продолжалъ Рудинъ съ унылой усмѣшкой.—Я не могу остановиться.

— Это правда; но ты не можешь остановиться не оттого, что въ тебѣ червь живетъ, какъ ты сказалъ мнѣ сначала... Не червь въ тебѣ живетъ, не духъ празднаго безпокойства,—огонь любви къ истинѣ въ тебѣ горитъ и видно, несмотря на всѣ твои дрязги, онъ горитъ въ тебѣ сильнѣе, чѣмъ во многихъ, которые даже не считаютъ себя эгоистами, а тебя, пожалуй, называютъ интриганомъ. Да я первый, на твоемъ мѣстѣ, давно бы заставилъ замолчать въ себѣ этого червя и примирился бы со всѣмъ; а въ тебѣ даже желчи не прибавилось, и ты, я увѣренъ, сегодня же, сейчасъ, готовъ опять приняться за новую работу, какъ юноша.

— Нѣтъ, братъ, я теперь усталъ,—проговорилъ Рудинъ.—Съ меня довольно.

— Усталъ! Другой бы умеръ давно. Ты говоришь, смерть примиряетъ; а жизнь, ты думаешь, не примиряетъ? Кто

пожилъ, да не сдѣлался снисходительнымъ къ другимъ, тотъ самъ не заслуживаетъ снисхожденія. А кто можетъ сказать, что онъ въ снисхожденіи не нуждается? Ты сдѣлалъ, что̀ могъ, боролся, пока могъ... Чего же больше? Наши дороги разошлись...

— Ты, братъ, совсѣмъ другой человѣкъ, нежели я,—перебилъ Рудинъ со вздохомъ.

— Наши дороги разошлись,—продолжалъ Лежневъ:—можетъ-быть, именно оттого, что, благодаря моему состоянію, холодной крови, да другимъ счастливымъ обстоятельствамъ, ничто мнѣ не мѣшало сидѣть сиднемъ, да оставаться зрителемъ, сложивъ руки; а ты долженъ былъ выйти на полѣ, засучивъ рукава, трудиться, работать. Наши дороги разошлись... но посмотри, какъ мы близки другъ другу. Вѣдь мы говоримъ съ тобой почти однимъ языкомъ, съ полунамека понимаемъ другъ друга; на однихъ чувствахъ выросли. Вѣдь ужъ мало насъ остается, братъ; вѣдь мы съ тобой послѣдніе могикане! Мы могли расходиться, даже враждовать въ старые годы, когда еще много жизни оставалось впереди; но теперь, когда толпа рѣдѣетъ вокругъ насъ, когда новыя поколѣнія идутъ мимо насъ къ не нашимъ цѣлямъ, намъ надобно крѣпко держаться другъ за друга. Чокнемся, братъ, и давай-ка, по-старинному: Gaudeamus igitur!

Пріятели чокнулись стаканами и пропѣли растроганными и фальшивыми, прямо русскими голосами старинную студенческую пѣсню.

— Вотъ, ты теперь въ деревню ѣдешь,—заговорилъ опять Лежневъ.—Не думаю, чтобъ ты долго въ ней остался, и не могу себѣ представить, чѣмъ, гдѣ и какъ ты кончишь... Но помни: что̀ бы съ тобою ни случилось, у тебя всегда есть мѣсто, есть гнѣздо, куда ты можешь укрыться. Это мой домъ... слышишь, старина? У мысли тоже есть свои инвалиды: надобно, чтобъ и у нихъ былъ пріютъ.

Рудинъ всталъ.

— Спасибо тебѣ, братъ,—продолжалъ онъ.—Спасибо! Не забуду я тебѣ этого. Да только пріюта я не сто̀ю. Испортилъ я свою жизнь, и не служилъ мысли, какъ слѣдуетъ.

— Молчи!—продолжалъ Лежневъ. — Каждый остается тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его природа, и больше требовать отъ него нельзя! Ты назвалъ себя Вѣчнымъ Жидомъ... А почему ты знаешь, можетъ-быть, тебѣ и слѣдуетъ такъ вѣчно странствовать, можетъ-быть, ты исполняешь этимъ высшее, для тебя самого неизвѣстное назначеніе: народная мудрость гласитъ не даромъ, что мы всѣ подъ-Богомъ ходимъ.—Ты ѣдешь?—продолжалъ Лежневъ, видя, что Рудинъ брался за шапку.—Ты не останешься ночевать?

— Ѣду! прощай. Спасибо... А кончу я скверно.

— Это знаетъ Богъ... Ты рѣшительно ѣдешь?

— Ѣду. Прощай. Не поминай меня лихомъ.

— Ну, не поминай же лихомъ и меня... и не забудь, что̀ я сказалъ тебѣ. Прощай...

Пріятели обнялись. Рудинъ быстро вышелъ.

Лежневъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, остановился передъ окномъ, подумалъ, промолвилъ вполголоса: „бѣднякъ!“ и, сѣвъ за столъ, началъ писать письмо къ своей женѣ.

А на дворѣ поднялся вѣтеръ и завылъ зловѣщимъ завываньемъ, тяжело и злобно ударяясь въ звенящія стекла. Наступила долгая осенняя ночь. Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголокъ... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!

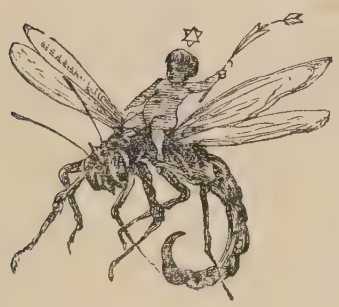
Въ знойный полдень 26 іюля 1848 года, въ Парижѣ, когда уже возстаніе „національныхъ мастерскихъ“ было почти подавлено, въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ предмѣстья св. Антонія, баталіонъ линейнаго войска бралъ баррикаду. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ уже разбили ее; ея защитники, оставшіеся въ живыхъ, ее покидали и только думали о собственномъ спасеніи, какъ вдругъ на самой ея вершинѣ, на продавленномъ кузовѣ поваленнаго омнибуса, появился высокій человѣкъ въ старомъ сюртукѣ, подпоясанномъ краснымъ шарфомъ, и соломенной шляпѣ на сѣдыхъ, растрепанныхъ волосахъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ красное знамя, въ другой—

кривую и тупую саблю, и кричалъ что-то напряженнымъ, тонкимъ голосомъ, карабкаясь кверху и помахивая и знаменемъ, и саблей. — Венсенскій стрѣлокъ прицѣлился въ него—выстрѣлилъ... Высокій человѣкъ выронилъ знамя— и, какъ мѣшокъ, повалился лицомъ внизъ, точно въ ноги кому-то поклонился... Пуля прошла ему сквозь самое сердце.

— Tiens!—сказалъ одинъ изъ убѣгавшихъ инсургентовъ другому:—on vient de tuer le Polonais.

— Bigre!—отвѣтилъ тотъ, и оба бросились въ подвалъ дома, у котораго всѣ ставни были закрыты и стѣны пестрѣли слѣдами пуль и ядеръ.

Этотъ „Polonais“ былъ—Дмитрій Рудинъ.



СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА:

стр.

Новь. Романъ въ XXXVIII главахъ. 3

Рудинъ. Романъ въ XII главахъ, съ эпилогомъ. 299

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. С. ТУРГЕНЕВА

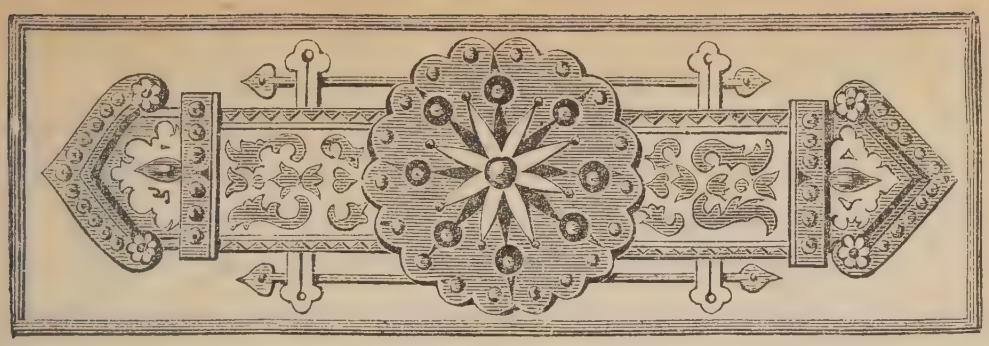
въ 12 томахъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

Типографія **А. Ф. Маркса**, Ср. Подьяч., № 1.



АНДРЕЙ КОЛОСОВЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Въ небольшой, порядочно убранной комнатѣ, передъ каминомъ, сидѣло нѣсколько молодыхъ людей. Зимній вечеръ только-что начинался: самоваръ кипѣлъ на столѣ, разговоръ разыгрывался и переходилъ съ одного предмета къ другому. Начали толковать о людяхъ необыкновенныхъ и о томъ, чѣмъ они отличаются отъ обыкновенныхъ людей. Каждый излагалъ свое мнѣніе какъ умѣлъ; голоса возвысились и зашумѣли. Одинъ небольшой, блѣдный человѣкъ, который долго слушалъ, попивая чай и покуривая сигарку, разглагольствованія своихъ товарищей, внезапно всталъ и обратился ко всѣмъ намъ (я тоже былъ въ числѣ споривших) съ слѣдующими словами:

— Господа! всѣ ваши глубокомысленныя рѣчи въ своемъ родѣ хороши, но безполезны. Каждый, какъ водится, узнаётъ мнѣніе своего противника, и каждый остается при своемъ убѣжденіи. Но мы не въ первый разъ сходимся, не въ первый разъ мы споримъ, и потому, вѣроятно, уже успѣли и высказаться, и узнать мнѣнія другихъ. Такъ изъ чего же вы хлопочете?

Сказавъ эти слова, небольшой человѣчекъ небрежно

стряхнулъ въ каминъ пепелъ съ сигарки, прищурилъ глаза и спокойно улыбнулся. Мы всѣ замолчали.

— Такъ что жъ намъ, по-твоему, дѣлать? — сказалъ одинъ изъ насъ:—играть въ карты, что ли? лечь спать? разойтись по домамъ?

— Пріятно играть въ карты и полезно спать,— возразилъ небольшой человѣкъ:—а разойтись по домамъ теперь еще рано. Но вы меня не поняли. Послушайте: я предлагаю каждому изъ васъ, ужъ если на то пошло, описать намъ какую-нибудь необыкновенную личность, разсказать намъ свою встрѣчу съ какимъ-нибудь замѣчательнымъ человѣкомъ. Повѣрьте мнѣ, самый плохой разсказъ гораздо дѣльнѣе самаго отличнаго разсужденія.

Мы задумались.

— Странное дѣло,—замѣтилъ одинъ изъ насъ, большой шутникъ:—кромѣ самого себя я не знаю ни одного необыкновеннаго человѣка, а моя жизнь вамъ всѣмъ, кажется, извѣстна. Впрочемъ, если прикажете...

— Нѣтъ,—воскликнулъ другой:—не нужно! Да что̀, — прибавилъ онъ, обращаясь къ небольшому человѣчку: — начни ты. Ты насъ всѣхъ сбилъ съ толку, тебѣ и книги въ руки. Только, смотри, если твой разсказъ намъ не понравится, мы тебя освищемъ.

— Пожалуй,—отвѣчалъ тотъ.

Онъ сталъ у камина; мы усѣлись вокругъ него и притихли. Небольшой человѣчекъ посмотрѣлъ на всѣхъ насъ, взглянулъ въ потолокъ и началъ слѣдующимъ образомъ:

— Десять лѣтъ тому назадъ, милостивые государи мои, я былъ студентомъ въ Москвѣ. Отецъ мой, добродѣтельный степной помѣщикъ, отдалъ меня на руки отставному нѣмецкому профессору, который за сто рублей въ мѣсяцъ взялся меня поить, кормить и наблюдать за моею нравственностью. Этотъ нѣмецъ былъ одаренъ весьма важной и степенной осанкой; я его сначала порядкомъ побаивался. Но въ одинъ прекрасный вечеръ, возвратившись домой, я съ невыразимымъ умиленіемъ увидѣлъ своего наставника, возсѣдающаго съ тремя или четырьмя товарищами за круглымъ столомъ, на которомъ находилось довольное ко-

личество пустыхъ бутылокъ и недопитыхъ стакановъ. Увидѣвъ меня, мой почтенный наставникъ всталъ и, размахивая руками и заикаясь, представилъ меня честной компаніи, которая вся тотчасъ же предложила мнѣ стаканъ пунша. Это пріятное зрѣлище освѣжительно подѣйствовало на мою душу; будущность моя предстала мнѣ въ самыхъ привлекательныхъ образахъ. И дѣйствительно: съ того достопамятнаго дня, я пользовался неограниченной свободой и только-что не колотилъ своего наставника. У него была жена, отъ которой вѣчно несло дымомъ и огуречнымъ разсолюмъ; она была еще довольно молода, но уже не имѣла ни одного передняго зуба. Извѣстно, что всѣ нѣмки весьма скоро лишаются этого необходимаго украшенія человѣческаго тѣла. Я о ней упоминаю единственно потому, что она въ меня влюбилась страстно и чуть-чуть не закормила меня на смерть.

— Къ дѣлу, къ дѣлу,—закричали мы.—Ужъ не свои ли похожденія ты хочешь намъ разсказывать?

— Нѣтъ, господа!—возразилъ спокойно небольшой человѣчекъ:—я обыкновенный смертный. Итакъ, я жилъ у моего нѣмца, какъ говорится, припѣваючи. Въ университетъ я ходилъ не слишкомъ прилежно, а дома рѣшительно ничего не дѣлалъ. Въ весьма короткое время, сошелся я со всѣми моими товарищами и со всѣми былъ на „ты“. Въ числѣ моихъ новыхъ друзей находился одинъ, довольно порядочный и добрый малый, сынъ отставного городничаго. Его звали Бобовымъ. Этотъ Бобовъ повадился ко мнѣ ходить и, какъ кажется, полюбилъ меня. И я его... знаете ли, не то чтобъ любилъ, не то чтобъ не любилъ, такъ какъ-то... Надобно вамъ сказать, что у меня въ цѣлой Москвѣ не было ни одного родственника, исключая стараго дяди, который у меня же иногда просилъ денегъ. Я никуда не ходилъ, и въ особенности боялся женщинъ; я также избѣгалъ знакомства съ родителями моихъ университетскихъ товарищей, съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ этихъ родителей отодралъ своего сына при мнѣ за вихоръ—за то, что у него пуговица на мундирѣ отпоролась, а у меня, въ тотъ день, на всемъ сюртукѣ не находилсьо

болѣе шести пуговицъ. Въ сравненіи со многими изъ моихъ товарищей, я слылъ человѣкомъ богатымъ; отецъ мой изрѣдка присылалъ мнѣ небольшія пачки синихъ полинялыхъ ассигнацій, а потому я не только наслаждался независимостью, но у меня постоянно были льстецы и прислужники... что̀ я говорю—у меня! даже у моей куцой собаки Армишки, которая, несмотря на свою лягавую породу, до того боялась выстрѣла, что одинъ видъ ружья повергалъ ее въ тоску неописанную. Впрочемъ, я, какъ всякій молодой человѣкъ, не былъ лишенъ того глухого, внутренняго броженія, которое обыкновенно, разрѣшившись дюжиной болѣе или менѣе шершавыхъ стихотвореній, оканчивается весьма мирно и благополучно. Я чего-то хотѣлъ, къ чему-то стремился и мечталъ о чемъ-то; признаюсь, я и тогда не зналъ хорошенько, о чемъ именно я мечталъ. Теперь я понимаю, чего мнѣ недоставало:—я чувствовалъ свое одиночество, *жаждалъ* сообщенія съ такъ-называемыми живыми людьми; слово: жизнь (выговаривай: *жызнь*) звучало въ моей душѣ, и я съ неопредѣленной тоской прислушивался къ этому звуку... Валерьянъ Никитичъ, пожалуйте мнѣ пахитосъ.

Закуривъ пахитосъ, небольшой человѣчекъ продолжалъ:

— Въ одно прекрасное утро, Бобовъ, запыхавшись, прибѣжалъ ко мнѣ:—„Знаешь, братъ, великую новость? Ко̀лосовъ пріѣхалъ“. — Ко̀лосовъ? что̀ за птица господинъ Ко̀лосовъ?—„Ты его не знаешь? Андрюшу Ко́лосова? Пойдемъ, братецъ, къ нему поскорѣе. Онъ вчера вечеромъ вернулся съ *кондиціи*“.—Да кто онъ такой?—„Необыкновенный, братецъ, человѣкъ, помилуй!“—Необыкновенный человѣкъ,—промолвилъ я:—ступай же ты одинъ. Я останусь дома. Знаемъ мы вашихъ необыкновенныхъ людей! Какой-нибудь полупьяный виршеплетъ съ вѣчно восторженной улыбкой!..—„Э, нѣтъ! Ко̀лосовъ не такой“. Я-было хотѣлъ замѣтить Бобову, что г. Ко̀лосову слѣдовало самому явиться ко мнѣ; но, не знаю почему, послушался Бобова и пошелъ. Бобовъ привелъ меня въ одинъ изъ самыхъ грязныхъ, кривыхъ и узкихъ переулковъ Москвы... Домъ, въ которомъ жилъ Ко̀лосовъ, былъ выстроенъ на

старинный образецъ, хитро и неудобно. Мы вошли на дворъ; толстая баба развѣшивала бѣлье на веревочки, протянутыя отъ дома къ забору... дѣти перекрикивались на деревянной лѣстницѣ...

— Къ дѣлу! къ дѣлу!—возопили мы.

— Я вижу, господа, вы не любите пріятнаго и придерживаетесь единственно полезнаго. Пожалуй! Черезъ темный и узкій проходъ добрались мы до комнаты Колосова;—вошли. Вы, вѣроятно, имѣете приблизительное понятіе о томъ, что такое комната бѣднаго студента. Прямо передъ дверью на комодѣ сидѣлъ Колосовъ и курилъ трубку. Онъ дружески протянулъ Бобову руку и вѣжливо мнѣ поклонился. Я взглянулъ на Колосова и тотчасъ же почувствовалъ неотразимое влеченіе къ нему. Господа! Бобовъ не ошибался: Колосовъ былъ дѣйствительно необыкновенный человѣкъ. Позвольте мнѣ описать вамъ его нѣсколько подробнѣе... Онъ былъ роста довольно высокаго, строенъ, ловокъ и весьма недуренъ собою. Его лицо... Я нахожу, господа, что весьма трудно описать чье-нибудь лицо. Легко перебрать поодиночкѣ всѣ отдѣльныя черты; но какимъ образомъ передать другому то, что составляетъ отличительную принадлежность, сущность именно *этого* лица?

— То, что Байронъ называетъ: „the music of the face“,— замѣтилъ одинъ, перетянутый и блѣдный господинъ.

— Такъ-съ... А потому я ограничусь однимъ замѣчаніемъ: то особенное „нѣчто“, о которомъ я сейчасъ упомянулъ, состояло у Колосова въ беззаботно веселомъ и смѣломъ выраженіи лица, да еще въ улыбкѣ чрезвычайно плѣнительной. Родителей своихъ онъ не помнилъ, воспитанъ былъ на мѣдные гроши въ домѣ какого-то отдаленнаго родственника, который за взятки былъ выключенъ со службы. До пятнадцати-лѣтняго возраста жилъ онъ въ деревнѣ; потомъ попалъ въ Москву къ старой, глухой попадьѣ; пробылъ у ней года два, вступилъ въ университетъ и началъ жить уроками. Онъ преподавалъ исторію, географію и россійскую грамматику, хотя объ этихъ наукахъ имѣлъ понятіе слабое; но, во-первыхъ, у насъ

на Руси завелись „руководства“, чрезвычайно благодѣтельныя для наставниковъ; а, во-вторыхъ, требованія почтенныхъ купцовъ, поручавшихъ Колосову образованіе своихъ дѣтищъ, были слишкомъ ограничены. Колосовъ не былъ ни острякомъ, ни юмористомъ; но вы, господа, не можете себѣ представить, какъ охотно всѣ мы покорялись этому человѣку. Мы какъ-то невольно любовались имъ; его слова, его взгляды, его движенія дышали такой юношеской прелестью, что всѣ его товарищи были влюблены въ него по-уши. Профессора считали его малымъ неглупымъ, но „безъ большихъ способностей“ и лѣнивымъ. Присутствіе Колосова придавало особенную стройность нашимъ вечернимъ сходкамъ: веселость наша при немъ никогда не переходила въ безобразное буянство; становилось ли всѣмъ намъ грустно—эта полудѣтская грусть при немъ разрѣшалась тихимъ, иногда довольно дѣльнымъ разговоромъ, и никогда не превращалась въ хандру. Вы улыбаетесь, господа, — я понимаю вашу улыбку: точно, многіе изъ насъ впослѣдствіи оказались порядочными пошлецами! Но молодость... молодость...

—Oh talk not to me of a name great in story!
The days of our youth are the days of our glory... *)

промолвилъ тотъ же блѣдный господинъ...

— Фу ты чортъ, какая у васъ память! и все изъ Байрона! — замѣтилъ разсказчикъ. — Словомъ, господа, Колосовъ былъ душою нашего общества. Я къ нему привязался такъ сильно, какъ послѣ того не привязывался ни къ одной женщинѣ. И, между тѣмъ, мнѣ и теперь не совѣстно вспомнить эту странную любовь — именно любовь, потому что я, помнится, испыталъ тогда всѣ терзанія этой страсти, напримѣръ, ревность. Колосовъ одинаково любилъ всѣхъ насъ, но въ особенности жаловалъ одного молчаливаго, бѣлокураго и смирнаго малаго, по имени Гаврилова. Съ этимъ Гавриловымъ онъ почти никогда не разставался, часто съ нимъ перешептывался и

*) О, не говорите мнѣ о славномъ имени!
Дни нашей молодости—дни нашей славы!

вмѣстѣ съ нимъ исчезалъ изъ Москвы, Богъ-вѣсть куда, дня на два, на три... Колосовъ не любилъ разспросовъ, и я терялся въ догадкахъ. Не простое любопытство меня волновало; мнѣ хотѣлось пойти въ товарищи, въ оруженосцы къ Колосову; я ревновалъ къ Гаврилову; я завидовалъ ему; я никакъ не могъ объяснить себѣ причину странныхъ отлучекъ Колосова. Между тѣмъ въ немъ не было ни той таинственности, которою щеголяютъ юноши, одаренные самолюбіемъ, блѣдностью, черными волосами и „выразительнымъ" взглядомъ, ни того поддѣльнаго равнодушія, подъ которымъ будто бы скрываются громадныя силы; нѣтъ: онъ весь былъ, какъ говорится, нараспашку; но когда имъ овладѣвала страсть, во всемъ существѣ его внезапно проявлялась порывистая стремительная дѣятельность; только онъ не тратилъ своей силы попустому, и никогда, ни въ какомъ случаѣ не становился на ходули. Кстати, господа... скажите правду: не случалось ли вамъ сидѣть и курить трубку съ такимъ уныло-величественнымъ видомъ, какъ будто вы только-что рѣшились на великій подвигъ, а вы просто размышляете о томъ, какого цвѣта сшить себѣ панталоны?.. Но дѣло въ томъ, что я первый замѣтилъ въ веселомъ и ласковомъ Колосовѣ эти невольные, страстные порывы... Не даромъ говорятъ, что любовь проницательна. Я рѣшился— во что бы то ни стало — втереться въ его довѣренность. Мнѣ не для чего было волочиться за Колосовымъ; я такъ дѣтски благоговѣлъ передъ нимъ, что онъ не могъ сомнѣваться въ моей преданности... но къ неописанной моей досадѣ, я долженъ былъ, наконецъ, убѣдиться, что Колосовъ избѣгалъ болѣе тѣснаго сближенія со мною, что онъ какъ будто тяготился моей непрошенной привязанностью. Разъ какъ-то онъ съ явнымъ неудовольствіемъ попросилъ у меня денегъ взаймы—и на другой день съ насмѣшливой благодарностью возвратилъ мнѣ ихъ снова. Въ теченіе цѣлой зимы, мои отношенія къ Колосову не измѣнились ни на волосъ; я часто сравнивалъ себя съ Гавриловымъ — и не могъ понять, чѣмъ онъ лучше меня... Но вдругъ все перемѣнилось. Въ половинѣ апрѣля Гаври-

ловъ захворалъ и умеръ на рукахъ Колосова, который не отлучался ни на мигъ изъ его комнаты и цѣлую недѣлю послѣ его смерти не выходилъ никуда. Всѣ мы сожалѣли о бѣдномъ Гавриловѣ; этотъ блѣдный, молчаливый человѣкъ какъ будто предчувствовалъ свою кончину. Я тоже искренно сожалѣлъ о немъ, но, сердце во мнѣ замирало, ждало чего-то... Въ одинъ незабвенный вечеръ... я лежалъ одинъ на диванѣ и безсмысленно глядѣлъ въ потолокъ... кто-то быстро растворилъ дверь моей комнаты и остановился на порогѣ; я приподнялъ голову: передо мной стоялъ Колосовъ. Онъ медленно вошелъ и сѣлъ подлѣ меня. — „Я пришелъ къ тебѣ",—началъ онъ довольно глухимъ голосомъ: „потому что ты болѣе всѣхъ другихъ меня любишь... Я потерялъ своего лучшаго друга"—голосъ его слегка задрожалъ—„и чувствую себя одинокимъ... Вы всѣ не знали Гаврилова... вы не знали"... Онъ всталъ, походилъ по комнатѣ и быстро подошелъ ко мнѣ... „Хочешь ли ты замѣнить мнѣ его?" сказалъ онъ и подалъ мнѣ руку. Я вскочилъ и бросился къ нему на грудь. Моя искренняя радость его тронула... Я не зналъ, что сказать, я задыхался... Колосовъ глядѣлъ на меня и тихонько посмѣивался. Подали чай. За чаемъ онъ разговорился о Гавриловѣ; я узналъ, что этотъ робкій и кроткій мальчикъ спасъ Колосову жизнь—и я долженъ былъ самому себѣ сознаться, что, на мѣстѣ Гаврилова, я бы не могъ не проболтаться—не похвастаться своимъ счастіемъ. Пробило восемь часовъ. Колосовъ всталъ, подошелъ къ окну, побарабанилъ по стекламъ, быстро повернулся ко мнѣ, хотѣлъ что-то сказать... и молча сѣлъ на стулъ. Я взялъ его за руку. — Колосовъ! право, право, я заслуживаю твою довѣренность! — Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза. — „Ну, если такъ", промолвилъ онъ наконецъ: — „бери шапку, пойдемъ". — Куда? — „Гавриловъ меня не спрашивалъ". — Я тотчасъ же замолчалъ. — „Ты умѣешь играть въ карты?"—Умѣю.

Мы вышли, взяли извозчика къ ....ой заставѣ. У заставы мы слѣзли. Колосовъ пошелъ впередъ очень скоро; я за нимъ. Мы шли по большой дорогѣ. Пройдя съ вер-

сту, Колосовъ свернулъ въ сторону. Между тѣмъ настала ночь. Направо—въ туманѣ мелькали огни, высились безчисленныя церкви громаднаго города; налѣво, подлѣ лѣса, паслись на лугу двѣ бѣлыя лошади; передъ нами тянулись поля, покрытыя сѣроватыми парами. Я шелъ молча за Колосовымъ. Онъ вдругъ остановился, протянулъ руку впередъ и промолвилъ: „вотъ куда мы идемъ". Я увидѣлъ темный небольшой домикъ; два окошка слабо свѣтились въ туманѣ. „Въ этомъ домѣ", продолжалъ Колосовъ: „живетъ нѣкто Сидоренко, отставной поручикъ, съ своей сестрой, старой дѣвой — и дочерью. Я тебя выдамъ за своего родственника—ты сядешь съ ними играть въ карты". Я молча кивнулъ головой. Я хотѣлъ доказать Колосову, что я умѣлъ молчать не хуже Гаврилова... Но, признаюсь, любопытство сильно меня мучило. Подходя къ крыльцу домика, я увидѣлъ въ освѣщенномъ окнѣ стройный образъ дѣвушки... Она, казалось, насъ ждала, и тотчасъ исчезла. Мы вошли въ темную и тѣсную переднюю. Кривая, горбатая старушка вышла къ намъ навстрѣчу и съ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня. „Иванъ Семенычъ дома?" спросилъ Колосовъ. „Дома-съ". „Дома!" раздался густой мужской голосъ изъ-за двери. Мы перешли въ залу, если можно назвать залой длинную, довольно грязную комнату; старое небольшое фортепіано смиренно прижалось къ уголку подлѣ печки; нѣсколько стульевъ торчало вдоль стѣнъ, нѣкогда желтыхъ. Посреди комнаты стоялъ мужчина лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, сутуловатый, въ замасленномъ шлафрокѣ. Я взглянулъ на него попристальнѣе: угрюмое лицо, волосы щетиной, низкій лобъ, сѣрые глаза, огромные усы, толстыя губы... Хорошъ гусь! подумалъ я. „Давненько не видали мы васъ, Андрей Николаичъ", промолвилъ онъ, протягивая къ нему свою безобразную красную руку: „давненько! А гдѣ Севастьянъ Севастьяновичъ?" — „Гавриловъ умеръ", печально проговорилъ Колосовъ. — „Умеръ! вотъ-те на! А это кто?" — „Мой родственникъ—честь имѣю представить:—Николай Алекс..." — „Хорошо, хорошо", перебилъ его Иванъ Семенычъ: — „радъ, очень радъ. А въ карты играетъ?" —

„Играетъ, какъ же!“ — „Ну, и прекрасно; мы вотъ сейчасъ и засядемъ. Эй! Матрена Семеновна—гдѣ ты? карточный столъ — поскорѣй!.. Да чаю!“ Съ этими словами, г. Сидоренко пошелъ въ другую комнату. Колосовъ посмотрѣлъ на меня. — „Послушай“, сказалъ онъ: — „мнѣ Богъ-знаетъ какъ совѣстно!“... Я зажалъ ему ротъ. — „Что-жъ вы, батюшка, какъ васъ зовутъ—пожалуйте сюда“, воскликнулъ Иванъ Семенычъ. Я вошелъ въ гостиную. Гостиная была еще меньше столовой. На стѣнахъ висѣли какіе-то уродливые портреты; предъ диваномъ, изъ котораго въ нѣсколькихъ мѣстахъ высовывалась мочалка, стоялъ зеленый столъ; на диванѣ возсѣдалъ Иванъ Семенычъ и тасовалъ уже карты; подлѣ него, на самомъ кончикѣ креселъ, сидѣла сухощавая женщина въ бѣломъ чепцѣ и черномъ платьѣ, желтая, сморщенная, съ подслѣповатыми глазками и тонкими кошачьими губами. — „Вотъ“, сказалъ Иванъ Семенычъ: — „рекомендую: прежній-то умеръ; Андрей Николаевичъ привелъ другого; посмотримъ, какъ онъ играетъ!“ Старуха неловко поклонилась и раскашлялась. Я оглянулся; Колосова уже не было въ комнатѣ.—„Полно тебѣ кашлять, Матрена Семеновна;— овцы кашляютъ“, проворчалъ Сидоренко. Я сѣлъ; игра началась. Г-нъ Сидоренко ужасно горячился и бѣсился при малѣйшей моей ошибкѣ; осыпалъ сестру упреками; но она повидимому успѣла привыкнуть къ любезностямъ своего братца и только помаргивала глазами. Однакожъ, когда онъ объявилъ Матренѣ Семеновнѣ, что она „антихристъ“, бѣдная старуха вспыхнула.—„Вы, Иванъ Семенычъ“, проговорила она съ сердцемъ: — „супругу свою, Анфису Карповну, уморили, а меня не уморите!“ — Будто?—„Нѣтъ! не уморите!“—Будто?—„Нѣтъ! не уморите!“ Такимъ образомъ они довольно долго перебранивались. Мое положеніе было, какъ изволите видѣть, не только незавидно, но даже просто глупо; я не понималъ, зачѣмъ Колосову вздумалось привести меня... Я никогда не былъ хорошимъ игрокомъ; но тутъ я самъ чувствовалъ, что играю изъ рукъ вонъ плохо. „Нѣтъ!“ повторялъ безпрестанно отставной поручикъ: — „далеко вамъ до Севастья-

ныча! Нѣтъ! вы разсѣянно играете!“ Я, разумѣется, внутренно посылалъ его ко всѣмъ чертямъ. Эта пытка продолжалась часа два; меня обыграли въ пухъ. Передъ концомъ послѣдняго роббера услышалъ я за своимъ стуломъ легкій шумъ—оглянулся и увидѣлъ Колосова; подлѣ него стояла дѣвушка лѣтъ семнадцати и съ едва замѣтной улыбкой посматривала на меня.—„Набей-ка мнѣ трубку, Варя“,— проворчалъ Иванъ Семенычъ. Дѣвушка тотчасъ порхнула въ другую комнату. Она была не очень хороша собой, довольно блѣдна, довольно худа; но я, и прежде и послѣ, не видывалъ ни такихъ глазъ, ни такихъ волосъ. Мы кое-какъ доиграли робберъ; я расплатился. Сидоренко закурилъ трубку и возопилъ: — „Ну, теперь пора ужинать!“—Колосовъ представилъ меня Варѣ, т. е. Варварѣ Ивановнѣ, дочери Ивана Семеныча. Варя сконфузилась; и я сконфузился. Но Колосовъ, по своему обыкновенію, въ нѣсколько мгновеній привелъ все и всѣхъ въ порядокъ: усадилъ Варю за фортепіано, попросилъ ее сыграть плясовую, и пустился отхватывать казачка взапуски съ Иваномъ Семенычемъ. Поручикъ вскрикивалъ, топалъ и выкидывалъ ногами такія непостижимыя штуки, что сама Матрена Семеновна расхохоталась и ушла къ себѣ наверхъ. Горбатая старушка накрыла столъ; мы сѣли ужинать. За ужиномъ, Колосовъ разсказывалъ разные вздоры; поручикъ смѣялся оглушительно; я исподлобья поглядывалъ на Варю. Она глазъ не сводила съ Колосова... и я по одному выраженію ея лица могъ догадаться, что она и любитъ его — и любима имъ. Губы ея были слегка раскрыты, голова немножко нагнулась впередъ, по всему лицу играла легкая краска; она изрѣдка глубоко вздыхала, вдругъ опускала глаза, и тихонько смѣялась... Я радовался за Колосова... А между тѣмъ, мнѣ было, чортъ возьми, завидно...

Послѣ ужина, мы съ Колосовымъ тотчасъ взялись за шапки, что однакожъ не помѣшало поручику, позѣвывая, сказать намъ:—„Вы, господа, засидѣлись; пора вамъ и честь знать“. Варя проводила Колосова до передней. — „Когда же вы придете, Андрей Николаевичъ?“ шепнула она ему.—

„На-дняхъ, непремѣнно“. — „Приведите-жъ и его“, прибавила она съ весьма коварной улыбкой.—„Какъ же, какъ же“... Покорнѣйшій слуга! подумалъ я...

На возвратномъ пути узналъ я слѣдующее. Мѣсяцевъ шесть тому назадъ, Колосовъ довольно страннымъ образомъ познакомился съ г. Сидоренко. Въ одинъ дождливый вечеръ Колосовъ возвращался домой съ охоты—и подходилъ уже къ ...ой заставѣ, какъ вдругъ въ недальнемъ разстояніи отъ дороги онъ услышалъ стоны, прерываемые проклятіями. Съ нимъ было ружье; не думая долго, отправился онъ прямо на крикъ и нашелъ на землѣ человѣка съ вывихнутой ногой. Этотъ человѣкъ былъ г. Сидоренко. Съ большимъ трудомъ проводилъ онъ его до дому, поручилъ его попеченіямъ испуганной сестры и дочери, сбѣгалъ за докторомъ... Между тѣмъ, настало утро; Колосовъ едва могъ стоять на ногахъ отъ усталости. Съ позволенія Матрены Семеновны, онъ бросился на диванъ въ гостиной и проспалъ часовъ до восьми. Проснувшись, онъ тотчасъ хотѣлъ-было уйти домой; но его удержали и напоили чаемъ. Ночью, ему удалось увидать раза два мелькомъ блѣдное личико Варвары Ивановны; онъ не обратилъ на нее особеннаго вниманія, но утромъ она ему рѣшительно понравилась. Матрена Семеновна болтливо восхваляла и благодарила Колосова; Варя сидѣла молча, разливая чай, изрѣдка поглядывала на него и съ робкой, стыдливой услужливостью подавала ему то чашку, то сливки, то сахарницу. Въ это время поручикъ проснулся, громкимъ голосомъ потребовалъ трубку и, помолчавъ немного, закричалъ: „сестра! а, сестра!“ Матрена Семеновна отправилась къ нему въ спальню. „Что, этотъ... какъ его зовутъ, чортъ знаетъ! ушелъ что ли?“ —„Нѣтъ, я еще здѣсь“, отвѣчалъ Колосовъ, подойдя къ дверямъ: — „вамъ лучше теперь?“ — „Лучше“, отвѣчалъ поручикъ: — „войдите-ка сюда, батюшка“. Колосовъ вошелъ. Сидоренко посмотрѣлъ на него и неохотно проговорилъ: „Ну, спасибо; заходите-жъ когда-нибудь ко мнѣ—какъ васъ зовутъ, чортъ васъ знаетъ?“—„Колосовъ“, возразилъ Андрей.—„Ну, хорошо, хорошо, заходите; а теперь вамъ нечего здѣсь киснуть;

чай, васъ дома ждутъ". Колосовъ вышелъ, простился съ Матреной Семеновной, поклонился Варварѣ Ивановнѣ, и вернулся домой. Съ этого дня онъ началъ ходить къ Ивану Семенычу сперва изрѣдка, потомъ все чаще и чаще. Наступило лѣто: онъ возьметъ, бывало, ружье, надѣнетъ ягдташъ и отправится будто на охоту; зайдетъ къ отставному поручику—да и засидится у него до вечера. Отецъ Варвары Ивановны прослужилъ лѣтъ двадцать пять въ арміи, нажилъ небольшія деньжишки и купилъ себѣ нѣсколько десятинъ земли въ двухъ верстахъ отъ Москвы. Онъ едва умѣлъ читать и писать; но, несмотря на свою наружную неповоротливость и грубость, былъ смышленъ и хитеръ, и даже плутоватъ подчасъ, какъ многіе малороссы. Онъ былъ эгоистъ страшный, упрямъ, какъ волъ, и вообще весьма не любезенъ, особенно съ незнакомыми; мнѣ даже случалось подмѣчать въ немъ что-то похожее на презрѣніе ко всему роду человѣческому. Онъ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, какъ избалованное дитя, никого знать не хотѣлъ и жилъ „въ свое удовольствіе". Мы какъ-то разъ разговорились съ нимъ о свадьбахъ вообще. „Свадьба... свадьба", проговорилъ онъ: — „ну, на какой дьяволъ выдамъ я свою дѣвку замужъ? ну, для чего? Чтобъ ея муженекъ тузилъ ее, какъ я тузилъ свою покойницу? А я-то съ кѣмъ останусь?" Вотъ каковъ былъ отставной поручикъ Иванъ Семенычъ. Колосовъ ходилъ къ нему,—разумѣется, не на его счетъ, а на счетъ его дочки. Въ одинъ прекрасный вечеръ, Андрей сидѣлъ съ ней въ саду и болталъ о чемъ-то. Иванъ Семенычъ подошелъ къ нимъ, угрюмо посмотрѣлъ на Варю и отозвалъ Андрея въ сторону. „Послушай, братецъ", сказалъ онъ ему:—„тебѣ, я вижу, весело болтать съ моей единородной, а мнѣ, старику, скучно; приведи-ка кого-нибудь съ собой, а то мнѣ не съ кѣмъ въ карты перекинуть; слышишь? Одного тебя я пускать не стану". На слѣдующій день Колосовъ явился съ Гавриловымъ, и бѣдный Севастьянъ Севастьянычъ въ теченіе цѣлой осени и зимы игралъ по вечерамъ въ карты съ отставнымъ поручикомъ; этотъ достойный мужъ обходился съ нимъ, какъ гово-

рится, безъ чиновъ, т.-е. ужасно грубо. Теперь вы, господа, вѣроятно, поняли, зачѣмъ Колосовъ, послѣ смерти Гаврилова, привелъ меня съ собой къ Ивану Семенычу. Сообщивъ мнѣ всѣ эти подробности, Колосовъ прибавилъ: „я люблю Варю, она премилая дѣвушка; ты ей понравился“.

Я, кажется, забылъ довести до свѣдѣнія вашего, милостивые государи мои, что до того времени я боялся женщинъ и избѣгалъ ихъ, хотя, бывало, наединѣ, по цѣлымъ часамъ мечталъ о свиданьяхъ, о любви, о взаимной любви, и т. д. Варвара Ивановна была первая дѣвушка, съ которой необходимость заставила меня поговорить,—именно необходимость. Варя была дѣвушка обыкновенная, — а между тѣмъ такихъ дѣвушекъ весьма немного на святой Руси. Вы меня спросите: отчего? Оттого, что я никогда не замѣчалъ въ ней ничего натянутаго, неестественнаго, жеманнаго; оттого, что она была простое, откровенное, нѣсколько грустное созданіе; оттого, что ее нельзя было назвать „барышней“. Мнѣ нравилась ея тихая улыбка; я любилъ ея простодушно-звонкій голосокъ, ея легкій и веселый смѣхъ, ея внимательные, хотя совсѣмъ не „глубокіе“ взоры. Этотъ ребенокъ не обѣщалъ ничего; но вы невольно любовались имъ, какъ любуетесь внезапнымъ мягкимъ крикомъ иволги вечеромъ, въ высокой и темной березовой рощѣ. Я долженъ сознаться, что въ иное время я довольно равнодушно прошелъ бы мимо такого созданья: мнѣ теперь не до вечернихъ одинокихъ прогулокъ, не до иволгъ; но тогда...

Господа, я думаю, вы, какъ всѣ порядочные люди, были влюблены хоть разъ въ теченіе своей жизни и на собственномъ опытѣ узнали, какимъ образомъ зарождается и развивается любовь въ человѣческомъ сердцѣ; а потому я не стану слишкомъ распространяться о томъ, что происходило во мнѣ тогда. Мы съ Колосовымъ довольно часто ходили къ Ивану Семенычу; и хотя проклятыя карты меня не разъ приводили въ совершенное отчаяніе, но въ одной близости любимой женщины (я полюбилъ Варю) есть какая-то странная, сладкая, мучительная отрада. Я

не старался подавлять это возникающее чувство; притомъ, когда я наконецъ рѣшился назвать это чувство по имени, оно уже было слишкомъ сильно... Я молча лелѣялъ, и ревниво, и робко таилъ свою любовь. Мнѣ самому нравилось это томительное броженіе молчаливой страсти. Страданія мои не лишали меня ни сна, ни пищи; но я по цѣлымъ днямъ ощущалъ въ груди то особенное физическое чувство, которое служитъ признакомъ присутствія любви. Я не въ состояніи изобразить вамъ ту борьбу разнороднѣйшихъ ощущеній, которая происходила во мнѣ, когда, напримѣръ, Кóлосовъ возвращался съ Варей изъ саду, и все лицо ея дышало восторженной преданностью, усталостью отъ избытка блаженства... Она до того жила его жизнью, до того была проникнута имъ, что незамѣтно перенимала его привычки, такъ же взглядывала, такъ же смѣялась, какъ онъ... Я воображаю, какія мгновенья провела она съ Андреемъ, какимъ блаженствомъ обязана ему... А онъ... Кóлосовъ не утратилъ своей свободы; въ ея отсутствіи, онъ, я думаю, и не вспоминалъ о ней; онъ былъ все тѣмъ же безпечнымъ, веселымъ и счастливымъ человѣкомъ, какимъ мы его всегда знавали.

Итакъ, мы, какъ я вамъ уже сказалъ, ходили съ Кóлосовымъ къ Ивану Семеновичу довольно часто. Иногда (когда онъ не былъ въ духѣ) отставной поручикъ не засаживалъ меня за карты; въ такомъ случаѣ, онъ молча забивался въ уголъ, хмурилъ брови и поглядывалъ на всѣхъ волкомъ. Въ первый разъ я обрадовался его снисхожденью; но потомъ, бывало, самъ начну упрашивать его сѣсть за „вистикъ“: роль третьяго лица такъ невыносима! я такъ непріятно стѣснялъ и Кóлосова, и Варю, хотя они сами увѣряли другъ друга, что при мнѣ нечего церемониться!..

Между тѣмъ, время шло да шло... Они были счастливы... Я не охотникъ описывать счастье другихъ. Но вотъ, я сталъ замѣчать, что дѣтская восторженность Вари постепенно замѣнялась болѣе женскимъ, болѣе тревожнымъ чувствомъ. Я началъ догадываться, что новая погудка загудѣла на старый ладъ, т.-е., что Кóлосовъ... понемногу...

холодѣетъ. Это открытіе меня, признаюсь, обрадовало; признаюсь, я не почувствовалъ ни малѣйшаго негодованья противъ Андрея.

Промежутки между нашими посѣщеніями становились все больше и больше... Варя начинала встрѣчать насъ съ заплаканными глазками. Послышались упреки... Бывало, я спрошу Колосова съ притворнымъ равнодушіемъ: „что-жъ? пойдемъ мы сегодня къ Ивану Семенычу?..“ Онъ холодно посмотритъ на меня и спокойно проговоритъ: „нѣтъ, не пойдемъ“. Мнѣ иногда казалось, что онъ лукаво улыбается, говоря со мной о Варѣ... Вообще, я не замѣнилъ ему Гаврилова... Гавриловъ былъ въ тысячу разъ добрѣй и глупѣй меня.

Теперь позвольте мнѣ небольшое отступленіе. Говоря вамъ о своихъ университетскихъ товарищахъ, я не упомянулъ о нѣкоемъ господинѣ Щитовѣ. Этому Щитову минулъ тридцать пятый годъ; онъ уже лѣтъ десять числился въ студентахъ. Я и теперь живо вижу передъ собой его довольно длинное, блѣдное лицо, маленькіе, каріе глазки, длинный, орлиный, къ концу скривленный носъ, тонкія, насмѣшливыя губы, торжественный хохолъ, подбородокъ, самодовольно утопавшій въ широкомъ полиняломъ галстукѣ цвѣта воронова крыла, манишку съ бронзовыми пуговицами, синій фракъ нараспашку, пестрый жилетъ... Мнѣ слышится его непріятно дребезжащій смѣхъ... Онъ таскался всюду, отличался на всевозможныхъ „танцклассахъ“... Помнится, я не могъ безъ особеннаго содроганья слушать его циническіе разсказы... Колосовъ его какъ-то сравнилъ однажды съ неподметенной комнатой русскаго трактира... страшное сравненіе! И между тѣмъ, въ этомъ человѣкѣ было пропасть ума, здраваго смысла, наблюдательности, остроты... Онъ иногда поражалъ насъ какимъ-нибудь до того дѣловымъ, до того вѣрнымъ и рѣзкимъ словомъ, что мы всѣ невольно притихали, и съ изумленьемъ глядѣли на него. Да вѣдь русскому человѣку въ сущности все равно: глупость ли онъ сказалъ, или умную вещь. Въ особенности боялись Щитова тѣ самолюбивые, мечтательные и бездарные мальчики, которые по цѣлымъ днямъ

мучительно высиживаютъ дюжину паскуднѣйшихъ стишковъ, нараспѣвъ читаютъ ихъ своимъ „друзьямъ“ и пренебрегаютъ всякимъ положительнымъ знаньемъ. Одного изъ нихъ онъ просто выжилъ изъ Москвы, безпрестанно повторяя ему его же два стишка:

Человѣкъ—
Сей неободранный скелетъ...

„Скелетъ“ риѳмовалъ съ „человѣкомъ“. Между тѣмъ, самъ Щитовъ тоже вѣдь ничего не дѣлалъ и ничему не учился... Но это все въ порядкѣ вещей. Вотъ этотъ-то Щитовъ, Богъ вѣсть съ чего, началъ трунить надъ моей романтической привязанностью къ Колосову. Въ первый разъ, я съ благороднымъ негодованіемъ прогналъ его къ чорту; во второй разъ, я съ холоднымъ презрѣньемъ объявилъ ему, что онъ не въ состояніи судить о нашей дружбѣ—однакожъ я его не прогналъ; и когда онъ, прощаясь со мной, замѣтилъ, что я безъ позволенія Колосова не смѣю даже хвалить его, мнѣ стало досадно; послѣднія слова Щитова запали мнѣ въ душу. — Болѣе двухъ недѣль я не видалъ Вари... Гордость, любовь, смутное ожиданіе, множество разныхъ чувствъ расшевелилось во мнѣ... я махнулъ рукой и съ страшнымъ замираніемъ сердца отправился одинъ къ Ивану Семенычу.

Не знаю, какъ я добрался до знакомаго домика; помню, что нѣсколько разъ садился отдыхать на дорогѣ—не отъ усталости, отъ волненія. Я вошелъ въ переднюю и не успѣлъ еще произнести одно слово, какъ дверь изъ залы растворилась, и Варя выбѣжала ко мнѣ навстрѣчу.— „Наконецъ“, сказала она трепещущимъ голосомъ: „гдѣ жъ Андрей Николаевичъ?“ — „Колосовъ не пришелъ...“ пробормоталъ я съ усиліемъ. — „Не пришелъ!“ повторила она. — „Да... онъ велѣлъ вамъ сказать, что... его задержали...“ Я рѣшительно не зналъ самъ, что говорилъ, и не смѣлъ поднять глаза. Варя неподвижно и безмолвно стояла передо мною. Я взглянулъ на нее: она повернула голову въ сторону; двѣ крупныя слезы медленно покатились по ея щекамъ. Въ выраженіи ея лица было столько внезапной, горькой скорби: борьба стыдливости, горя,

довѣренности ко мнѣ, такъ добродушно, такъ трогательно высказалась въ невольномъ движеніи ея бѣдной головки, что сердце во мнѣ перевернулось. Я подался немного впередъ... она быстро вздрогнула и убѣжала. Въ залѣ меня встрѣтилъ Иванъ Семенычъ. — „Что это, батюшка, вы одни-съ?“ спросилъ онъ меня, странно прищуривъ лѣвый глазъ. — „Одинъ-съ“, отвѣчалъ я съ замѣшательствомъ. Сидоренко вдругъ расхохотался и ушелъ въ другую комнату. Я никогда еще не находился въ такомъ глупѣйшемъ положеніи, — чортъ знаетъ, что за гадость! Но дѣлать было нечего. Я сталъ ходить взадъ и впередъ по залѣ. — „Чему, думалъ я, засмѣялся этотъ толстый кабанъ?“ Матрена Семеновна съ чулкомъ въ рукахъ вышла въ залу и усѣлась у окошка. Я началъ съ ней разговаривать.—Между тѣмъ подали чай. Варя сошла сверху, блѣдная и печальная. Отставной поручикъ острилъ насчетъ Колосова. — „Я“, говорилъ онъ: „знаю, что онъ за гусь: теперь, я думаю, чай, его сюда калачомъ не заманишь!“ Варя поспѣшно встала и ушла. Иванъ Семенычъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и плутовски присвистнулъ. Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на него.—„Неужели жъ, думалъ я, онъ все знаетъ?“ И поручикъ, какъ-будто угадывая мои мысли, утвердительно покачалъ головой. Тотчасъ послѣ чая, я всталъ и раскланялся.—„Васъ-то, батюшка, мы еще увидимъ“, замѣтилъ мнѣ поручикъ. Я ни слова не отвѣчалъ... я просто начиналъ бояться этого человѣка. На крыльцѣ чья-то холодная, дрожащая рука схватила мою руку; я оглянулся: Варя. — „Мнѣ нужно поговорить съ вами“, шепнула она. — „Приходите завтра пораньше, прямо въ садъ. Послѣ обѣда папаша спитъ; намъ никто не помѣшаетъ“. Я молча пожалъ ей руку—и мы разстались.

На другой день, въ три часа пополудни, я уже былъ въ саду Ивана Семеныча. Утромъ я не видалъ Колосова, хоть онъ и заходилъ ко мнѣ. День былъ осенній, сѣрый, но тихій и теплый. Желтыя, тонкія былинки грустно качались надъ поблѣднѣвшей травой; по темно-бурымъ, обнаженнымъ сучьямъ орѣшника попрыгивали проворныя синицы; запоздалые жаворонки торопливо бѣгали по до-

рожкамъ; кое-гдѣ по зеленямъ осторожно пробирался заяцъ; стадо лѣниво бродило по жнивью. Я нашелъ Варю въ саду, подъ яблоней, на скамейкѣ; на ней было темное, немного измятое платье; въ ея усталомъ взглядѣ, въ небрежной прическѣ волосъ высказывалась неподдѣльная горесть.

Я сѣлъ подлѣ нея. Мы оба молчали. Она долго вертѣла въ рукахъ какую-то вѣтку, наклонила голову, проговорила: „Андрей Николаевичъ...“ Я тотчасъ замѣтилъ по движеніямъ ея губъ, что она собиралась заплакать, и началъ утѣшать ее, съ жаромъ увѣрять ее въ привязанности Андрея... Она слушала меня, печально покачивала головой, произносила невнятныя слова, и тотчасъ же умолкла, но не плакала. Первыя мгновенія, которыхъ я болѣе всего боялся, прошли довольно благополучно. Она понемногу разговорилась объ Андреѣ.—„Я знаю, что онъ меня теперь ужъ не любитъ“, повторяла она: „Богъ съ нимъ! Я не могу придумать, какъ мнѣ жить безъ него... Я по ночамъ не сплю, все плачу... Что жъ мнѣ дѣлать!.. Что жъ мнѣ дѣлать?..“ Глаза ея наполнились слезами. „Онъ мнѣ казался такимъ добрымъ... и вотъ...“ Варя утерла слезы, кашлянула и выпрямилась. „Давно ли, кажется“, продолжала она: „онъ мнѣ читалъ *изъ* Пушкина, сидѣлъ со мной на этой скамьѣ...“ Наивная болтливость Вари меня трогала; я молча слушалъ ея признанья; душа моя медлительно проникалась горькимъ, мучительнымъ блаженствомъ; я не отводилъ глазъ отъ этого блѣднаго лица, отъ этихъ длинныхъ, мокрыхъ рѣсницъ, отъ полураскрытыхъ, слегка засохшихъ губъ... И между тѣмъ, я чувствовалъ... Угодно вамъ выслушать небольшой психологическій разборъ моихъ тогдашнихъ чувствъ? во-первыхъ, меня мучила мысль, что не я любимъ, не я заставляю страдать Варю; во-вторыхъ, меня радовала ея довѣренность; я зналъ: она будетъ благодарна за то, что я доставилъ ей возможность высказать свое горе; въ-третьихъ, я внутренно давалъ себѣ слово сблизить опять Колосова съ Варей, и меня утѣшало сознанье моего великодушія... въ-четвертыхъ, я надѣялся своимъ самоотверженіемъ тро-

нуть сердце Вари,—а тамъ... Вы видите, я не щажу себя; слава Богу, пора! Но вотъ на колокольнѣ ....го монастыря пробило пять часовъ; вечеръ быстро приближался. Варя торопливо встала, всунула мнѣ въ руку записочку и пошла домой. Я догналъ ее, обѣщалъ ей привести Андрея, и тихонько, будто счастливый любовникъ, выскочилъ изъ калитки въ поле. На запискѣ неровнымъ почеркомъ были написаны слова: „Милостивому государю, Андрею Николаевичу“.

На другой же день, рано поутру я отправился къ Колосову. Признаюсь, хоть я и увѣрялъ себя, что мои намѣренія не только благородны, но даже вообще исполнены великодушнаго самоотверженія, я все-таки чувствовалъ какую-то неловкость, даже робость. Пришелъ я къ Колосову. У него сидѣлъ нѣкто Пузырицынъ, недоучившійся студентъ, одинъ изъ сочинителей романовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „московскихъ“, или „сѣрыхъ“. Пузырицынъ былъ весьма добрый и робкій человѣкъ, и все собирался поступить въ гусары, несмотря на свои тридцать три года. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которымъ непремѣнно надобно разъ въ сутки сказать фразу въ родѣ: „прекрасное все гибнетъ въ пышномъ цвѣтѣ,—таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ“, для того, чтобы все остальное время дня съ усвоенной пріятностью покуривать трубочку въ кружку „добрыхъ товарищей“. За то его и прозвали идеалистомъ. Итакъ, этотъ Пузырицынъ сидѣлъ у Колосова и читалъ ему какой-то „отрывокъ“. Я сталъ слушать: дѣло шло о юношѣ, который любитъ дѣву, убиваетъ ее и т. д. Наконецъ Пузырицынъ кончилъ и удалился. Его нелѣпое сочиненіе, восторженно-крикливый голосъ, вообще его присутствіе возбудило въ Колосовѣ насмѣшливую раздражительность. Я чувствовалъ, что пришелъ не въ пору, но дѣлать было нечего; безъ всякихъ предисловій вручилъ я Андрею записку Вари.

Колосовъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня, распечаталъ записку, пробѣжалъ ее глазами, помолчалъ и спокойно улыбнулся.—„Вотъ какъ!“ проговорилъ онъ нако-

нецъ. „Такъ ты былъ у Ивана Семеныча?“ — „Былъ, вчера, одинъ“, отвѣчалъ я отрывисто и рѣшительно. — „А!..“ насмѣшливо замѣтилъ Колосовъ и закурилъ трубку.— „Андрей“, сказалъ я ему: „тебѣ не жаль ея?.. Если бъ ты видѣлъ ея слезы...“ И я пустился краснорѣчиво описывать свое вчерашнее посѣщеніе. Я дѣйствительно былъ тронутъ. Колосовъ молчалъ и курилъ трубку. — „Ты сидѣлъ съ ней подъ яблоней въ саду?“ проговорилъ онъ наконецъ. „Помнится, въ маѣ и я сидѣлъ съ ней на этой скамейкѣ... Яблонь была въ цвѣту, изрѣдка падали на насъ свѣжіе бѣлые цвѣточки, я держалъ обѣ руки Вари... мы были счастливы тогда... Теперь яблонь отцвѣла, да и яблоки на ней кислыя“. Я запылалъ благороднымъ негодованьемъ, началъ упрекать Андрея въ холодности, въ жестокости; толковать ему, что онъ не имѣетъ права такъ внезапно покинуть дѣвушку, въ которой онъ возбудилъ множество новыхъ впечатлѣній; просилъ его, по крайней мѣрѣ пойти проститься съ Варей. Колосовъ выслушалъ меня до конца.—„Положимъ“, сказалъ онъ мнѣ, когда, взволнованный и усталый, я бросился въ кресло: „положимъ, что тебѣ, какъ другу моему, позволено осуждать меня... Но выслушай же мое оправданіе хотя...“ Тутъ онъ помолчалъ немного и странно улыбнулся. „Варя прекрасная дѣвушка“, продолжалъ онъ, „и ни въ чемъ передо мной не виновата... Напротивъ, я ей многимъ обязанъ, очень многимъ. Я пересталъ ходить къ ней по весьма простой причинѣ — я разлюбилъ ее...“ — „Да отчего же? отчего же?“ перебилъ я его. — „А Богъ знаетъ отчего. Пока я любилъ ее, я весь принадлежалъ ей; я не думалъ о будущемъ, и всѣмъ, всей жизнью своей дѣлился съ нею... теперь эта страсть во мнѣ погасла... Что жъ? ты мнѣ прикажешь притворяться, прикидываться влюбленнымъ, что ли? Да изъ чего? изъ жалости къ ней? Если она порядочная дѣвушка, такъ она сама не захочетъ такой милостыни, а если она рада тѣшиться моимъ... участіемъ, такъ чортъ ли въ ней!“ Безпечно-рѣзкія выраженія Колосова меня оскорбляли, можетъ-быть, болѣе потому, что дѣло шло о женщинѣ, которую я втайнѣ

любилъ... Я вспыхнулъ.—„Полно“, сказалъ я ему: „полно! Я знаю, почему ты пересталъ ходить къ Варѣ“. — „Почему?“—„Танюша тебѣ запретила“. Сказавъ эти слова, я вообразилъ, что сильно уязвилъ Андрея. Эта Танюша была весьма „легкая“ барышня, черноволосая, смуглая, лѣтъ двадцати пяти, развязная и умная, какъ бѣсъ, Щитовъ въ женскомъ платьѣ. Колосовъ ссорился и мирился съ ней разъ пять въ мѣсяцъ. Она страстно его любила, хоть иногда, во время размолвки, божилась и клялась, что жаждетъ его крови... да и Андрей не могъ бы обойтись безъ нея. Колосовъ посмотрѣлъ на меня и спокойно проговорилъ: — „Можетъ-быть“. — „Не можетъ-быть“, закричалъ я: „а навѣрное!“ Упреки мои наконецъ надоѣли Колосову... Онъ всталъ и надѣлъ фуражку. — „Куда?“— „Гулять; у меня отъ васъ съ Пузырицынымъ голова разболѣлась“. — „Ты на меня сердишься?“ — „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ улыбнувшись своей милой улыбкой, и протянулъ руку. — „По крайней мѣрѣ, что ты велишь сказать Варѣ?“ — „Что?..“ Онъ немного призадумался. — „Она тебѣ сказывала“, промолвилъ онъ: „что мы вмѣстѣ съ ней читали Пушкина... Напомни ей одинъ Пушкинскій стихъ“.—„Какой, какой?“ спросилъ я съ нетерпѣніемъ.— „А вотъ какой:

„Что было, то не будетъ вновь“.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ; на лѣстницѣ онъ остановился.—„И очень она огорчена?“ спросилъ онъ меня, надвинувъ шапку на глаза.—„Очень, очень!...“—„Бѣдная! Утѣшь ее, Николай; вѣдь ты ее любишь“. — „Да, я привязался къ ней, разумѣется...“ — „Ты ее любишь“, — повторилъ Колосовъ, и взглянулъ мнѣ прямо въ глаза. Я молча отвернулся; мы разошлись.

Придя домой, я былъ какъ въ лихорадкѣ.

„Я исполнилъ свой долгъ, думалъ я,—побѣдилъ собственное самолюбіе; я совѣтовалъ Андрею сойтись вновь съ Варей!!.. Теперь я правъ: честь предложена, отъ убытковъ Богъ избавилъ“. Между тѣмъ равнодушіе Андрея

оскорбляло меня. Онъ не ревновалъ ко мнѣ, онъ велѣлъ мнѣ *утѣшать* ее... Да развѣ Варя ужъ такая обыкновенная дѣвушка?.. развѣ она не стòитъ даже сожалѣнья?.. Найдутся люди, которые сумѣютъ оцѣнить то, чѣмъ вы пренебрегаете, Андрей Николаичъ!.. Но что пользы? Вѣдь она меня не любитъ... Да, она меня не любитъ теперь, пока она еще не совсѣмъ потеряла надежду на возвращеніе Кòлосова... Но потомъ... кто знаетъ? моя преданность ее тронетъ, я откажусь отъ всякихъ притязаній... я отдамъ ей всего себя, безвозвратно... Варя! неужели жъ ты меня не полюбишь... никогда?.. никогда?..“

Вотъ какія рѣчи произносилъ вашъ покорнѣйшій слуга въ столичномъ градѣ Москвѣ, лѣта тысяча восемьсотъ тридцать третьяго, въ домѣ своего почтеннаго наставника. Я плакалъ... я замиралъ... Погода была скверная... мелкій дождь съ упорнымъ, тонкимъ скрипомъ струился по стекламъ; влажныя, темно-сѣрыя тучи недвижно висѣли надъ городомъ. Я наскоро пообѣдалъ, не отвѣчалъ на заботливые разспросы доброй нѣмки, которая сама расхныкалась при видѣ моихъ красныхъ, опухшихъ глазъ (нѣмки — извѣстное дѣло — всегда рады поплакать); обошелся весьма немилостиво съ наставникомъ... и тотчасъ послѣ обѣда отправился къ Ивану Семенычу... Согнувшись въ три погибели, на тряскихъ калиберныхъ дрожкахъ, я самъ себя спрашивалъ: что? разсказать ли Варѣ все какъ есть, или продолжать лукавить и понемногу отучать ее отъ Андрея?.. Я доѣхалъ до Ивана Семеныча и не зналъ, на что рѣшиться... Я засталъ все семейство въ залѣ. Увидѣвъ меня, Варя страшно поблѣднѣла, но не тронулась съ мѣста. Сидоренко заговорилъ со мной какъ-то особенно насмѣшливо. Я отвѣчалъ ему, какъ могъ, изрѣдка поглядывая на Варю, и почти безсознательно придалъ своему лицу уныло-задумчивое выраженіе. Поручикъ опять составилъ „вистикъ“. Варя сѣла подлѣ окошка и не шевелилась.—„Чай, тебѣ теперь скучно?“—разъ двадцать спросилъ ее Иванъ Семенычъ. Наконецъ, мнѣ удалось улучить удобное мгновенье.—„Вы опять одни“, шепнула мнѣ Варя.—„Одинъ“, отвѣчалъ я мрачно:—„и, вѣ-

роятно, надолго". Она быстро понурила голову.—„Отдали вы ему мое письмо?" проговорила она едва слышнымъ голосомъ.—„Отдалъ".—„Ну?.." Она задыхалась. Я взглянулъ на нее... Злая радость внезапно вспыхнула во мнѣ.—„Онъ велѣлъ вамъ сказать", произнесъ я съ разстановкою:—„что было, то не будетъ вновь..." Варя схватилась лѣвой рукой за сердце, протянула правую впередъ, покачнулась вся и проворно вышла изъ комнаты. Я хотѣлъ догнать ее... Иванъ Семенычъ остановилъ меня. Я остался еще часа два у него, но Варя не появлялась. На возвратномъ пути мнѣ стало совѣстно... совѣстно передъ Варей, передъ Андреемъ, передъ самимъ собою; хотя, говорятъ, лучше разомъ отсѣчь страдающій членъ, чѣмъ долго томить больного, но кто жъ мнѣ далъ право такъ безжалостно поразить сердце бѣдной дѣвушки?.. Я долго не могъ заснуть... но заснулъ же наконецъ. Вообще, я долженъ повторить, что „любовь" ни разу не лишала меня сна.

Я началъ ѣздить къ Ивану Семенычу довольно часто; мы видѣлись попрежнему съ Колосовымъ, но ни я, ни онъ, не упоминали о Варѣ. Мои отношенія къ ней были довольно страннаго рода. Она привязалась ко мнѣ тою привязанностью, которая исключаетъ всякую возможность любви; она не могла не замѣтить моего горячаго участія, и охотно со мной говорила... о чемъ бы вы думали? — о Колосовѣ, объ одномъ Колосовѣ! Этотъ человѣкъ до того завладѣлъ ею, что она какъ-будто не принадлежала самой себѣ. Я тщетно старался возбудить ея гордость... она или молчала, или говорила, и какъ! — болтала о Колосовѣ. Я тогда и не подозрѣвалъ, что горе такого рода, болтливое горе, въ сущности гораздо истиннѣе всѣхъ молчаливыхъ страданій. Признаюсь, я пережилъ много горькихъ мгновеній въ то время. Я чувствовалъ, что не въ состояніи замѣнить Колосова; я чувствовалъ, что прошедшее Вари такъ полно, такъ прекрасно... а настоящее такъ бѣдно... Я дошелъ до того, что невольно вздрагивалъ при словахъ „помните ли"... которыми почти каждая рѣчь ея начиналась. Она немного похудѣла въ первые дни нашего знакомства... но потомъ опять поправи-

лась и даже повеселѣла; ее тогда можно было сравнить съ раненой, не совсѣмъ еще выздоровѣвшей, птичкой. Между тѣмъ, мое положеніе становилось невыносимымъ; самыя низкія страсти понемногу завладѣли душой моей; мнѣ случалось клеветать на Колосова въ присутствіи Вари. Я рѣшился прекратить такія неестественныя отношенія. Но какъ? Разстаться съ Варей—я не могъ... Объявить ей свою любовь — я не смѣлъ; я чувствовалъ, что не могу, пока, надѣяться на взаимность. Жениться на ней... Эта мысль меня испугала; мнѣ было всего восемнадцать лѣтъ; мнѣ стало страшно такъ рано „закабалить" всю свою будущность; я вспомнилъ отца, мнѣ послышались насмѣшки товарищей Колосова... Но, говорятъ, всякая мысль подобна тѣсту; стоитъ помять ее хорошенько—все изъ нея сдѣлаешь. Я началъ по цѣлымъ днямъ думать о женитьбѣ... Я воображалъ себѣ, какой благодарностью преисполнится сердце Вари, когда я, товарищъ и повѣренный Колосова, предложу ей свою руку, зная, что она безнадежно любитъ другого. Люди опытные, помнится, говаривали мнѣ, что бракъ по любви — совершенная нелѣпость; я началъ фантазировать: воображалъ себѣ наше тихое житье вдвоемъ, гдѣ-нибудь въ тепломъ уголкѣ южной Россіи; мысленно слѣдилъ за постепеннымъ переходомъ сердца Вари отъ благодарности къ дружбѣ, отъ дружбы къ любви... Я давалъ себѣ слово тотчасъ же оставить Москву, университетъ, забыть все и всѣхъ. Я началъ избѣгать свиданій съ Колосовымъ. Наконецъ, въ одно зимнее, ясное утро (наканунѣ Варя какъ-то особенно меня очаровала), я одѣлся получше, медленно и торжественно вышелъ изъ комнаты, нанялъ отличнаго извозчика и поѣхалъ къ Ивану Семенычу. Варя сидѣла въ залѣ одна и читала Карамзина. Увидѣвъ меня, она тихонько положила книгу на колѣни и съ тревожнымъ любопытствомъ посмотрѣла мнѣ въ лицо: я никогда къ нимъ по утрамъ не ѣздилъ... Я подсѣлъ къ ней; мучительно билось мое сердце.—„Что вы это читаете?" спросилъ я, наконецъ.—„Карамзина".—„Что жъ? Васъ занимаетъ русская..." Она вдругъ перебила меня.—„Послушайте, вы не отъ Андрея

ли?“ Это имя, этотъ трепетный, вопрошающій голосъ, полу-радостное, полу-робкое выраженіе ея лица, всѣ эти несомнѣнные признаки живучей любви—стрѣлами впились въ мою душу. Я рѣшился или разстаться съ Варей, или получить отъ нея же самой право навсегда согнать съ ея губъ ненавистное имя Андрея. Я не помню, что́ я сказалъ ей тогда; сперва я, должно-быть, выражался довольно неясно, потому что она долго меня не понимала; наконецъ, я не вытерпѣлъ и почти закричалъ: „я васъ люблю, я хочу на васъ жениться“.—„Вы меня любите?“ съ изумленіемъ проговорила Варя. Мнѣ показалось, что она хочетъ встать, уйти, отказать мнѣ. — „Ради Бога“, прошепталъ я задыхаясь: — „не отвѣчайте мнѣ, не говорите мнѣ ни да, ни нѣтъ: подумайте: завтра я вернусь за рѣшительнымъ отвѣтомъ... Я давно васъ люблю. Я не требую отъ васъ любви, я хочу быть вашимъ защитникомъ, вашимъ другомъ, не отвѣчайте мнѣ теперь, не отвѣчайте... До завтра“. Съ этими словами я бросился вонъ изъ комнаты. Въ передней встрѣтилъ меня Иванъ Семенычъ, и не только не удивился моему посѣщенію, но даже съ пріятной улыбкой предложилъ мнѣ яблоко. Такая неожиданная любезность до того поразила меня, что я просто остолбенѣлъ. — „Возьмите жъ яблочко, хорошее яблочко, право!“ твердилъ Иванъ Семенычъ. Я машинально наконецъ взялъ яблоко и доѣхалъ съ нимъ до дома.

Вы легко себѣ можете представить, какъ я провелъ весь этотъ день и слѣдующее утро. Эту ночь я спалъ довольно плохо. „Боже мой! Боже мой!“ думалъ я: „если она мнѣ откажетъ!.. Я погибну... я погибну...“ повторялъ я уныло. „Да, она непремѣнно мнѣ откажетъ... И къ чему я торопился!!“... Желая чѣмъ-нибудь развлечь себя, я началъ писать письмо къ отцу — отчаянное, рѣшительное. Говоря о себѣ, я употреблялъ слова: „вашъ сынъ“. Бобовъ ко мнѣ зашелъ. Я сталъ плакать на его груди, чему бѣдный Бобовъ, вѣроятно, удивился не мало... Я потомъ узналъ, что онъ приходилъ ко мнѣ занять денегъ (хозяинъ грозился выгнать его изъ дому); онъ принужденъ былъ—говоря студентскимъ языкомъ — удалиться вспять

и обратно... Наконецъ, насталъ великій мигъ. Выходя изъ комнаты, я остановился въ дверяхъ. „Съ какими чувствами“, подумалъ я: „перешагну я сегодня этотъ порогъ!“... Волненіе мое, при видѣ домика Ивана Семеныча, было до того сильно, что я слѣзъ, досталъ пригоршню снѣга и жадно приникъ къ нему лицомъ. „О, Господи!“ думалъ я: „если я застану Варю одну — я пропалъ!“ Ноги мои подкашивались; я едва взобрался на крыльцо. Желанья мои сбылись. Я нашелъ Варю въ гостиной съ Матреной Семеновной. Я неловко раскланялся и присѣлъ къ старухѣ. Лицо Вари было нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго... мнѣ показалось, что она старалась избѣгать моихъ взоровъ... Но что̀ сталось со мной, когда Матрена Семеновна вдругъ поднялась и пошла въ другую комнату!.. Я началъ глядѣть въ окно—я весь внутренно затрепеталъ, какъ осиновый листъ. Варя молчала... Наконецъ, я преодолѣлъ свою робость, подошелъ къ ней, нагнулъ голову... „Что жъ вы мнѣ скажете?“ произнесъ я замирающимъ голосомъ. Варя отвернулась — слезы сверкнули у ней на рѣсницахъ.—„Я вижу“, продолжалъ я:—„мнѣ нѐчего надѣяться“... Варя стыдливо взглянула кругомъ и молча подала мнѣ руку. — „Варя!“ невольно проговорилъ я... и остановился, какъ-будто испугавшись собственныхъ надеждъ.—„Поговорите съ папенькой“, промолвила она наконецъ.—„Вы мнѣ позволяете поговорить съ Иваномъ Семенычемъ?“... — „Да-съ“. Я осыпалъ ея руки поцѣлуями.—„Полноте-съ, полноте-съ“, шептала Варя—и вдругъ залилась слезами. Я подсѣлъ къ ней, уговаривалъ ее, утиралъ ея слезы... Къ счастью, Ивана Семеныча не было дома, а Матрена Семеновна ушла въ свою свѣтёлку. Я клялся Варѣ въ любви, въ вѣрности... „Да̀“, сказала она, удерживая послѣднія рыданія и безпрестанно утирая слезы: — „я знаю, вы хорошій человѣкъ; вы честный человѣкъ; вы не то, что Ко̀лосовъ“... — „Опять это имя!“... подумалъ я. Но съ какимъ наслажденіемъ цѣловалъ я эти теплыя, сырыя ручки! съ какой тихой радостью глядѣлъ я въ это милое лицо!... Я говорилъ ей о будущемъ, ходилъ по комнатѣ, садился передъ ней на полу, закрывалъ

глаза рукой и вздрагивалъ... Тяжелая походка Ивана Семеныча прервала нашъ разговоръ. Варя торопливо встала и ушла къ себѣ — не пожавъ, однакожъ, мнѣ руки, не взглянувъ на меня. Г-нъ Сидоренко былъ еще любезнѣе вчерашняго: смѣялся, потиралъ себѣ животъ, острилъ на счетъ Матрены Семеновны, и т. д. Я-было хотѣлъ тотчасъ попросить его „благословенія", но подумалъ и отложилъ до завтра. Его тяжелыя шутки мнѣ надоѣли; притомъ, я чувствовалъ усталость.... Я простился съ нимъ и уѣхалъ.

Я принадлежу къ числу людей, которые любятъ размышлять о собственныхъ ощущеніяхъ, хотя самъ терпѣть не могу такихъ людей. И потому, послѣ перваго взрыва сердечной радости, я тотчасъ началъ предаваться различнымъ соображеніямъ. Отъѣхавъ съ полверсты отъ дома отставного поручика, я въ избыткѣ восторга кинулъ шляпу на воздухъ и закричалъ: „ура!" Но пока я тащился по длиннымъ и кривымъ улицамъ Москвы, мысли мои понемногу приняли другой оборотъ. Разныя довольно грязныя сомнѣнія завозились въ моей душѣ. Я вспомнилъ свой разговоръ съ Иваномъ Семенычемъ о свадьбахъ вообще... и невольно проговорилъ вполголоса: „вишь какъ прикидывался, старый плутъ!"... Правда, я безпрестанно твердилъ: „но зато Варя моя! моя!"... Но, во-первыхъ, это: „но" — охъ, это *но!* — а, во-вторыхъ, слова: „Варя моя!" возбуждали во мнѣ не глубокую, сокрушающую радость, а какой-то дюжинный, самолюбивый восторгъ... Если бъ Варя отказала мнѣ наотрѣзъ, я бы запылалъ неистовою страстью; но, получивъ ея согласіе, я походилъ на человѣка, который сказалъ гостю: „будьте, какъ дома" — и гость дѣйствительно начинаетъ распоряжаться въ его комнатѣ, какъ у себя. „Если она любила Колосова", думалъ я: „какъ же это она такъ скоро согласилась? Видно, она рада за кого-нибудь выйти замужъ... Ну что жъ? тѣмъ лучше для меня"... Вотъ съ какими смутными и странными чувствами я перешагнулъ порогъ своего дома. Вы, можетъ-быть, господа, находите мой разсказъ неправдоподобнымъ? Не знаю, похожъ ли онъ на истину, но знаю,

что все, что я вамъ сказалъ, совершенная и сущая правда. Впрочемъ, я весь этотъ день предавался лихорадочной веселости, говорилъ самому себѣ, что я просто не заслуживаю такого счастья; но на другое утро...

Удивительное дѣло — сонъ! Онъ не только возобновляетъ тѣло, онъ нѣкоторымъ образомъ возобновляетъ душу, приводитъ ее къ первобытной простотѣ и естественности. Въ теченіе дня вамъ удалось *настроить* себя, проникнуться ложью, ложными мыслями... сонъ своей холодной волной смываетъ всѣ эти мизерныя дрязги, и, проснувшись, вы, по крайней мѣрѣ на нѣсколько мгновеній, способны понимать и любить истину. Я пробудился и, размышляя о вчерашнемъ днѣ, чувствовалъ какую-то неловкость... мнѣ какъ будто стало стыдно всѣхъ своихъ продѣлокъ. Я съ невольнымъ безпокойствомъ думалъ о сегодняшнемъ посѣщеніи, объ объясненіи съ Иваномъ Семенычемъ... Это безпокойство было мучительно и тоскливо; оно походило на безпокойство зайца, который слышитъ лай гончихъ и долженъ выйти наконецъ изъ родимаго лѣса въ поле... а въ полѣ ждутъ его зубастыя борзыя...— „Къ чему я торопился!“ повторилъ я такъ же, какъ и вчера, но уже совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Помню — эта страшная разница между вчерашнимъ и сегодняшнимъ днемъ меня самого поразила; въ первый разъ пришло мнѣ въ голову тогда, что въ жизни человѣческой скрываются тайны—странныя тайны... Съ дѣтскимъ недоумѣніемъ глядѣлъ я и въ этотъ новый, не фантастическій, дѣйствительный міръ. Подъ словомъ „дѣйствительность“ многіе понимаютъ слово „пошлость“. Можетъ-быть, оно иногда и такъ; но я долженъ сознаться, что первое появленіе *дѣйствительности* передо мною потрясло меня глубоко, испугало, поразило меня...

Какія громкія рѣчи по поводу *невытанцовавшейся* любви, говоря словами Гоголя!.. Возвращаюсь къ своему разсказу. Въ теченіе того же утра я опять увѣрялъ себя, что я блаженнѣйшій изъ смертныхъ. Я поѣхалъ за городъ, къ Ивану Семенычу. Онъ меня принялъ весьма радостно: хотѣлъ-было пойти къ сосѣду, но я самъ его остановилъ,

Я боялся остаться наединѣ съ Варей. Этотъ вечеръ прошелъ весело, но не отрадно. Варя была ни то, ни се, ни любезна, ни грустна... ни хороша собой, ни дурна. Я взиралъ на нее, какъ говорятъ философы, объективнымъ окомъ, т.-е. какъ сытый человѣкъ смотритъ на кушанья. Я нашелъ, что у ней руки немного красны. Впрочемъ, кровь иногда во мнѣ разгоралась, и я, глядя на нее, предавался другимъ мечтамъ и замысламъ. Давно ли я сдѣлалъ такъ-называемое предложеніе, и вотъ уже я чувствовалъ, что мы съ нею живемъ супружеской жизнью... что наши души уже составляютъ одно *прекрасное цѣлое*, принадлежатъ другъ другу, и, слѣдовательно, стараются каждая сыскать для себя особую дорожку...

— „Что жъ? вы говорили съ папенькой?“ сказала мнѣ Варя, когда мы съ ней остались наединѣ. Этотъ вопросъ мнѣ ужасно не понравился... я подумалъ про себя: „больно изволите торопиться, Варвара Ивановна“. — „Нѣтъ еще-съ“, отвѣчалъ я довольно сухо:—„но поговорю“. Вообще я обходился съ нею нѣсколько небрежно. Несмотря на свое обѣщаніе, я Ивану Семенычу ничего не сказалъ положительнаго. Уѣзжая, я значительно пожалъ его руку и объявилъ ему, что мнѣ нужно съ нимъ поговорить... вотъ и все...—„Прощайте!“ сказалъ я Варѣ.—„До свиданія“, сказала она.

Я васъ не стану долго томить, господа; боюсь истощить ваше терпѣніе... Этого свиданія не было. Я не вернулся болѣе къ Ивану Семенычу. Правда, первые дни моей добровольной разлуки съ Варей не прошли безъ слезъ, упрековъ и волненій; я самъ былъ испуганъ быстрымъ увяданіемъ моей любви; я двадцать разъ собирался ѣхать къ ней, живо представлялъ себѣ ея изумленіе, горе, оскорбленіе, но — не вернулся къ Ивану Семенычу. Я заочно просилъ у ней прощенія, заочно становился передъ ней на колѣни, увѣрялъ ее въ своемъ глубокомъ раскаяніи— и какъ-то разъ, встрѣтивъ на улицѣ дѣвушку, слегка похожую на нее, пустился бѣжать безъ оглядки и отдохнулъ только въ кондитерской, за пятымъ слоенымъ пирожкомъ. Слово „завтра“ придумано для людей нерѣши-

тельныхъ и для дѣтей; я, какъ ребенокъ, успокоивалъ себя этимъ волшебнымъ словомъ. „Завтра я пойду къ ней непремѣнно“, говорилъ я самому себѣ, и отлично ѣлъ и спалъ сегодня. Я началъ гораздо болѣе думать о Колосовѣ, чѣмъ о Варѣ... вездѣ и безпрестанно видѣлъ я передъ собой его открытое, смѣлое, безпечное лицо. Я сталъ снова ходить къ нему. Онъ меня принялъ попрежнему. Но какъ глубоко я чувствовалъ его превосходство надо мною! Какъ смѣшны показались мнѣ всѣ мои затѣи, моя грустная задумчивость во время связи Колосова съ Варей, моя великодушная рѣшимость сблизить ихъ снова, мои ожиданія, мои восторги, мое раскаяніе!.. Я разыгралъ плохую, крикливую и растянутую комедію, а онъ такъ просто, такъ хорошо прожилъ это время... Вы мнѣ скажете: „Что жъ тутъ удивительнаго? вашъ Колосовъ полюбилъ дѣвушку, потомъ разлюбилъ и бросилъ ее... Да это случалось со всѣми“... Согласенъ; но кто изъ насъ умѣлъ во-время разстаться съ своимъ прошедшимъ? Кто, скажите, кто не боится упрековъ, не говорю — упрековъ женщины... упрековъ перваго глупца? Кто изъ насъ не поддавался желанію то щегольнуть великодушіемъ, то себялюбиво поиграть съ другимъ, преданнымъ сердцемъ? Наконецъ, кто изъ насъ въ силахъ противиться мелкому самолюбію — *мелкимъ хорошимъ чувствамъ:* сожалѣнію и раскаянію... О! господа, человѣкъ, который разстается съ женщиною, нѣкогда любимой, въ тотъ горькій и великій мигъ, когда онъ невольно сознаетъ, что его сердце не все, не вполнѣ проникнуто ею, этотъ человѣкъ, повѣрьте мнѣ, лучше и глубже понимаетъ святость любви, чѣмъ тѣ малодушные люди, которые отъ скуки, отъ слабости продолжаютъ играть на полупорванныхъ струнахъ своихъ вялыхъ и чувствительныхъ сердецъ! Въ началѣ разсказа я вамъ сказывалъ, что мы всѣ прозвали Андрея Колосова человѣкомъ необыкновеннымъ. И если ясный, простой взглядъ на жизнь, если отсутствіе всякой фразы въ молодомъ человѣкѣ можетъ называться вещью необыкновенной, Колосовъ заслужилъ данное ему имя. Въ извѣстныя лѣта—быть естественнымъ — значитъ быть необыкновен-

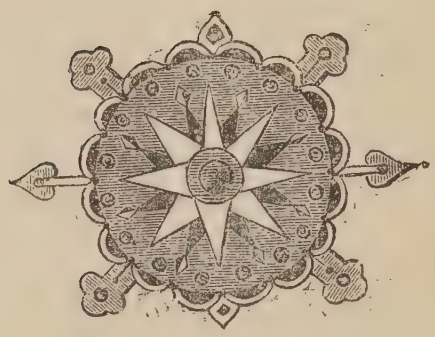
нымъ... Однако, пора кончить. Благодарю васъ за вниманіе... Да, я забылъ вамъ сказать, что мѣсяца три послѣ моего послѣдняго посѣщенія, встрѣтился я со старымъ плутомъ, Иваномъ Семенычемъ. Я, разумѣется, постарался незамѣтно и скоро проскользнуть мимо него, но все-таки не могъ не услышать слѣдующихъ, съ досадой произнесенныхъ словъ: „вѣдь вотъ, бываютъ же такіе широмыжники!“

— А что сталось съ Варей?—спросилъ кто-то.

— Не знаю,—отвѣчалъ разсказчикъ.

Мы всѣ встали и разошлись.

1844 г.



БРЕТТЁРЪ.

(повѣсть.)

I.

....ій кирасирскій полкъ квартировалъ въ 1829 году въ селѣ Кириловѣ, К....ской губерніи. Это село съ своими избушками и скирдами, зелеными коноплянниками и тощими ракитами издали казалось островомъ среди необозримаго моря распаханныхъ, черноземныхъ полей. Посреди села находился небольшой прудъ, вѣчно покрытый гусинымъ пухомъ, съ грязными, изрытыми берегами; во ста шагахъ отъ пруда, на другой сторонѣ дороги, высился господскій деревянный домъ, давно пустой и печально подавшійся на-бокъ; за домомъ тянулся заброшенный садъ; въ саду росли старыя, безплодныя яблони, высокія березы, усѣянныя воропьими гнѣздами; на концѣ главной аллеи, въ маленькомъ домишкѣ (бывшей господской банѣ) жилъ дряхлый дворецкій и, покряхтывая да покашливая, каждое утро, по старой привычкѣ, тащился черезъ садъ въ барскіе покои, хотя въ нихъ нѣчего было стеречь, кромѣ дюжины бѣлыхъ креселъ, обитыхъ полинялымъ штофомъ, двухъ пузатыхъ комодовъ на кривыхъ

ножкахъ съ мѣдными ручками, четырехъ дырявыхъ картинъ и одного чернаго Арапа изъ алебастра, съ отбитымъ носомъ. Владѣлецъ этого дома, молодой и безпечный человѣкъ, жилъ то въ Петербургѣ, то за границей — и совершенно позабылъ о своемъ помѣстьѣ. Оно досталось ему, лѣтъ восемь тому назадъ, отъ престарѣлаго дяди, извѣстнаго нѣкогда всему околотку своими отличными наливками. Пустыя, темно-зеленыя бутыли до сихъ поръ еще валялись въ кладовой, вмѣстѣ съ разнымъ хламомъ, скупо исписанными тетрадями въ пестрыхъ переплетахъ, старинными стеклянными люстрами, дворянскимъ мундиромъ временъ Екатерины, заржавѣвшей шпагой съ стальной рукояткой и т. д. Въ одномъ изъ флигелей помѣщался самъ полковникъ, человѣкъ женатый, высокаго роста, скупой на слова, угрюмый и сонливый. Въ другомъ флигелѣ жилъ полковой адъютантъ, чувствительный и раздушенный человѣкъ, охотникъ до цвѣтовъ и до бабочекъ. Общество гг. офицеровъ ....го полка не отличалось отъ всякаго другого общества. Въ числѣ ихъ были хорошіе и дурные, умные и пустые люди... Между ними нѣкто Авдѣй Ивановичъ Лучковъ, штабсъ-ротмистръ, слылъ бреттёромъ. Лучковъ былъ роста небольшого, не казистъ; лицо имѣлъ малое, желтоватое, сухое, волосы жиденькіе, черные, черты лица обыкновенныя и темные глазки. Онъ рано остался сиротой, выросъ въ нуждѣ и загонѣ. По цѣлымъ недѣлямъ велъ онъ себя тихо... и вдругъ—словно бѣсъ какой имъ овладѣетъ—ко всѣмъ пристаетъ, всѣмъ надоѣдаетъ, всѣмъ нагло смотритъ въ глаза; ну, такъ и напрашивается на ссору. Впрочемъ, Авдѣй Ивановичъ не чуждался своихъ сослуживцевъ, но въ дружбѣ состоялъ съ однимъ только раздушеннымъ адъютантомъ; въ карты не игралъ и не пилъ вина.

Въ маѣ 1829 года, незадолго до начатія ученій, прибылъ въ полкъ молодой корнетъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кистеръ, русскій дворянинъ нѣмецкаго происхожденія, очень бѣлокурый и очень скромный, образованный и начитанный. Онъ до двадцатилѣтняго возраста жилъ въ родительскомъ домѣ подъ крылышками матушки, бабушки и

двухъ тетушекъ; поступилъ же въ военную службу единственно по желанію бабушки, которая даже подъ старость не могла безъ волненія видѣть бѣлый султанъ... Онъ служилъ безъ особенной охоты, но съ усердіемъ, точно и добросовѣстно исполнялъ долгъ свой; одѣвался не щеголевато, но чисто и по формѣ. Въ первый же день своего пріѣзда Ѳедоръ Ѳедоровичъ явился къ начальникамъ; потомъ началъ устраивать свою квартиру. Онъ привезъ съ собою дешевенькіе обои, коврики, полочки и т. д., оклеилъ всѣ стѣны, двери, надѣлалъ разныхъ перегородокъ, велѣлъ вычистить дворъ, перестроилъ конюшню, кухню, отвелъ даже мѣсто для ванны... Цѣлую недѣлю хлопоталъ онъ; за то любо было потомъ войти въ его комнату. Передъ окнами стоялъ опрятный столъ, покрытый разными вещицами; въ углу находилась полочка для книгъ, съ бюстами Шиллера и Гёте; на стѣнахъ висѣли ландкарты, четыре Греведоновскія головки и охотничье ружье; возлѣ стола стройно возвышался рядъ трубокъ съ исправными мундштуками; въ сѣняхъ на полу лежалъ коврикъ; всѣ двери запирались на замокъ; окна завѣшивались гардинами. Все въ комнатѣ Ѳедора Ѳедоровича дышало порядкомъ и чистотой. То ли дѣло у другихъ товарищей! Къ иному едва проберешься черезъ грязный дворъ; въ сѣняхъ, за облупившимися парусинными ширмами, храпитъ денщикъ; на полу — гнилая солома; на плитѣ—сапоги и донышко банки, залитое ваксой; въ самой комнатѣ—покоробленный ломберный столъ, исписанный мѣломъ; на столѣ—стаканы, до половины наполненные холоднымъ темнобурымъ чаемъ; у стѣны — широкій проломленный, замасленный диванъ; на окнахъ — трубочный пепелъ... На неуклюжемъ и пухломъ креслѣ возсѣдаетъ самъ хозяинъ въ шлафрокѣ травяного цвѣта, съ малиновыми плисовыми отворотами, и вышитой ермолкѣ азіятскаго происхожденія, а возлѣ хозяина храпитъ безобразно толстый и негодный песъ въ вонючемъ мѣдномъ ошейникѣ... Всѣ двери всегда настежь...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ понравился своимъ новымъ товарищамъ. Они его полюбили за добродушіе, скромность,

сердечную теплоту и природную наклонность къ „всему прекрасному“,— словомъ, за все то, что̀ въ другомъ офицерѣ нашли бы, можетъ-быть, неумѣстнымъ. Кистера прозвали красной дѣвушкой и обращались съ нимъ нѣжно и кротко. Одинъ Авдѣй Ивановичъ поглядывалъ на него косо. Однажды, послѣ ученья, Лучковъ подошелъ къ нему, слегка сжимая губы и расширяя ноздри.

— Здравствуйте, г. Кнастеръ.

Кистеръ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ.

— Мое почтеніе, г. Кнастеръ, повторилъ Лучковъ.

— Меня зовутъ Кистеръ, милостивый государь.

— Вотъ какъ-съ, г. Кнастеръ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ обернулся къ нему спиной и пошелъ домой. Лучковъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

На другой день онъ, тотчасъ послѣ ученья, опять подошелъ къ Кистеру.

— Ну, какъ вы поживаете, г. Киндербальзамъ?

Кистеръ вспыхнулъ и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо. Маленькіе, желчные глазки Авдѣя Ивановича засвѣтились злобной радостью.

— Я съ вами говорю, г. Киндербальзамъ?

— Милостивый государь,—отвѣчалъ ему Ѳедоръ Ѳедоровичъ:—я нахожу вашу шутку глупою и неприличною— слышите ли? глупою и неприличною.

— Когда мы деремся?—спокойно возразилъ Лучковъ.

— Когда вы хотите... хоть завтра.

На другое утро они дрались. Лучковъ легко ранилъ Кистера и, къ крайнему удивленію секундантовъ, подошелъ къ раненому, взялъ его за руку и попросилъ у него извиненья. Кистеръ просидѣлъ дома двѣ недѣли; Авдѣй Ивановичъ нѣсколько разъ заходилъ навѣстить больного, а по выздоровленіи Ѳедора Ѳедоровича, подружился съ нимъ. Понравилась ли ему рѣшительность молодого офицера, пробудилось ли въ его душѣ чувство, похожее на раскаянье, — рѣшить мудрено... но со времени поединка съ Кистеромъ, Авдѣй Ивановичъ почти не разставался съ нимъ и называлъ его сперва Ѳедоромъ, потомъ и Ѳедей. Въ его присутствіи онъ дѣлался инымъ человѣкомъ,

и—странное дѣло!—не въ свою выгоду. Ему не шло быть кроткимъ и мягкимъ. Сочувствія онъ все-таки возбуждать ни въ комъ не могъ: ужъ такова была его судьба! Онъ принадлежалъ къ числу людей, которымъ какъ будто дано право власти надъ другими; но природа отказала ему въ дарованіяхъ—необходимомъ оправданіи подобнаго права. Не получивъ образованія, не отличаясь умомъ, онъ не долженъ бы былъ разоблачаться; можетъ-быть, ожесточеніе въ немъ происходило именно отъ сознанія недостатковъ своего воспитанія, отъ желанья скрыть себя всего подъ одну неизмѣнную личину. Авдѣй Ивановичъ сперва заставлялъ себя презирать людей; потомъ замѣтилъ, что ихъ пугнуть не трудно, и дѣйствительно сталъ ихъ презирать. Лучкову было весело прекращать однимъ появленіемъ своимъ всякій не совсѣмъ пошлый разговоръ. „Я ничего не знаю и ничему не учился, да и способностей у меня нѣтъ“, думалъ онъ про себя: „такъ и вы ничего не знайте и не выказывайте своихъ способностей при мнѣ“... Кистеръ, быть-можетъ, потому заставилъ Лучкова выйти наконецъ изъ своей роли — что до знакомства съ нимъ, бреттёръ не встрѣтилъ ни одного человѣка дѣйствительно „идеальнаго“, т.-е. безкорыстно и добродушно занятаго мечтами, а потому снисходительнаго и не самолюбиваго.

Бывало, Авдѣй Ивановичъ придетъ поутру къ Кистеру, закуритъ трубку и тихонько присядетъ на кресла. Лучковъ при Кистерѣ не стыдился своего невѣжества; онъ надѣялся—и не даромъ—на его нѣмецкую скромность.

— Ну, что? — начиналъ онъ: — что вчера подѣлывалъ? Читалъ, небось, а?

— Да, читалъ...

— А что-жъ такое читалъ? разскажи-ка, братецъ, разскажи-ка. — Авдѣй Ивановичъ до конца придерживался насмѣшливаго тона.

— Читалъ, братъ, „Идиллію“ Клейста. Ахъ, какъ хорошо! Позволь, я переведу тебѣ нѣсколько строкъ. — И Кистеръ съ жаромъ переводилъ, а Лучковъ, наморщивъ лобъ и стиснувъ губы, слушалъ внимательно...—Да, да,—

твердилъ онъ поспѣшно, съ непріятной улыбкой:—хорошо... очень хорошо... Я, помнится, это читалъ... хорошо...

— Скажи мнѣ, пожалуйста,—прибавлялъ онъ протяжно и какъ будто нехотя: — какого ты мнѣнія о Людовикѣ Четырнадцатомъ?

И Кистеръ пускался толковать о Людовикѣ XIV-мъ. А Лучковъ слушалъ, многаго не понималъ вовсе, иное понималъ криво... и наконецъ рѣшался сдѣлать замѣчаніе... Его бросало въ потъ; „ну, если я совру?“ думалъ онъ. И дѣйствительно, вралъ онъ часто, но Кистеръ никогда рѣзко не возражалъ ему: добрый юноша душевно радовался тому, что вотъ, дескать, въ человѣкѣ пробуждается охота къ просвѣщенію. Увы! Авдѣй Ивановичъ разспрашивалъ Кистера не изъ охоты къ просвѣщенію, а такъ, Богъ знаетъ отчего. Можетъ-быть, онъ желалъ самъ удостовѣриться на дѣлѣ, какая у него, Лучкова, голова, тупая что ли, или только необдѣланная? „А я вѣдь въ сущности глупъ“, говорилъ онъ самому себѣ не разъ съ горькой усмѣшкой, и вдругъ выпрямлялся весь, нахально и дерзко глядѣлъ кругомъ и злобно улыбался, если замѣчалъ, что какой-нибудь товарищъ опускалъ свой взглядъ передъ его взглядомъ. „То-то, братъ, ученый, воспитанный“...—шепталъ онъ сквозь зубы: „не хочешь ли... того?“

Гг. офицеры недолго толковали о внезапной дружбѣ Кистера съ Лучковымъ: они привыкли къ странностямъ бреттёра. „Связался же чортъ съ младенцемъ!“ говорили они... Кистеръ повсюду съ жаромъ выхвалялъ своего новаго пріятеля; съ нимъ не спорили, потому что боялись Лучкова; самъ же Лучковъ никогда при другихъ не упоминалъ имени Кистера, но пересталъ знаться съ раздушеннымъ адъютантомъ.

II.

Помѣщики южной Россіи большіе охотники давать балы, приглашать къ себѣ на домъ гг. офицеровъ и выдавать своихъ дочерей замужъ. Въ десяти верстахъ отъ села Кирилова жилъ именно такой помѣщикъ, нѣкто го-

сподинъ Перекатовъ, владѣлецъ четырехсотъ душъ и довольно просторнаго дома. У него была дочь лѣтъ восемнадцати, Машенька, и жена, Ненила Макарьевна. Господинъ Перекатовъ служилъ нѣкогда въ кавалеріи, но по любви къ деревенской жизни, по лѣни, вышелъ въ отставку и началъ жить-себѣ потихоньку, какъ живутъ помѣщики средней руки. Ненила Макарьевна происходила не совершенно законнымъ образомъ отъ знатнаго московскаго боярина.

Покровитель ея воспитывалъ свою Ненилушку весьма, какъ говорится, тщательно, въ собственномъ домѣ, но сбылъ ее съ рукъ довольно поспѣшно, по первому востребованію, какъ ненадежный товаръ. Ненила Макарьевна была нехороша собой; знатный баринъ давалъ за ней всего тысячъ десять приданаго; она ухватилась за господина Перекатова. Господину Перекатову показалось весьма лестнымъ жениться на барышнѣ воспитанной, умной... ну, да наконецъ все же состоявшей въ родствѣ съ знатнымъ сановникомъ. Сановникъ этотъ и послѣ брака оказывалъ супругамъ свое покровительство, то-есть принималъ отъ нихъ въ подарокъ соленыхъ перепелокъ и говорилъ Перекатову: „ты, братецъ“, а иногда просто: „ты“. Ненила Макарьевна совершенно завладѣла мужемъ, хозяйничала и распоряжалась всѣмъ имѣньемъ—весьма, впрочемъ, умно; во всякомъ случаѣ, гораздо лучше самого господина Перекатова. Она не слишкомъ притѣсняла своего сожителя, но держала его въ рукахъ, сама заказывала ему платье и наряжала его по-англійски, какъ оно и прилично помѣщику; по ея приказанію, господинъ Перекатовъ завелъ у себя на подбородкѣ эспаньолку для прикрытія большой бородавки, похожей на переспѣлую малину; Ненила Макарьевна съ своей стороны объявила гостямъ, что мужъ ея играетъ на флейтѣ и что всѣ флейтисты подъ нижней губой отпускаютъ себѣ волосы: ловчѣе держать инструментъ. Господинъ Перекатовъ съ утра ходилъ въ высокомъ, чистомъ галстукѣ, причесанный и вымытый. Впрочемъ, онъ былъ своей судьбой весьма доволенъ: обѣдалъ всегда очень вкусно, дѣлалъ что̀ хотѣлъ

и спалъ, сколько могъ. Ненила Макарьевна завела, какъ говорили сосѣди, у себя въ домѣ „иностранный порядокъ“: держала мало людей, одѣвала ихъ опрятно. Честолюбіе ее мучило; она хотѣла попасть хоть въ уѣздныя предводительши, но дворяне ...го уѣзда, хоть и наѣдались у ней всласть, однакожъ все-таки выбирали не ея мужа, а то отставного премьеръ-маіора Буркольца, то отставного секундъ-маіора Бурундюкова. Господинъ Перекатовъ казался имъ черезчуръ столичной штучкой.

Дочь господина Перекатова, Машенька, съ лица походила на отца. Ненила Макарьевна много хлопотала надъ ея воспитаніемъ. Она хорошо говорила по-французски, играла порядочно на фортепіанахъ. Она была средняго роста, довольно полна и бѣла; ея нѣсколько пухлое лицо оживлялось доброй, веселой улыбкой; русые, не слишкомъ густые волосы, каріе глазки, пріятный голосъ—все въ ней тихо нравилось, и только. За то отсутствіе жеманства, предразсудковъ, начитанность необыкновенная въ степной дѣвицѣ, свобода выраженій, спокойная простота рѣчей и взглядовъ, невольно въ ней поражали. Она развилась на волѣ; Ненила Макарьевна не стѣсняла ее.

Однажды поутру, часовъ въ двѣнадцать, все семейство Перекатовыхъ собралось въ гостиную. Мужъ, въ зеленомъ кругломъ фракѣ, высокомъ клѣтчатомъ галстукѣ и гороховыхъ панталонахъ съ штиблетами, стоялъ передъ окномъ и съ большимъ вниманіемъ ловилъ мухъ. Дочь сидѣла за пяльцами; ея небольшая, полненькая ручка въ черной митéнкѣ граціозно и медленно подымалась и опускалась надъ канвой. Ненила Макарьевна сидѣла на диванѣ и молча посматривала на полъ.

— Вы послали въ ...й полкъ приглашеніе, Сергѣй Сергѣевичъ?—спросила она мужа.

— На сегодняшній вечеръ? Какъ же, ма-шеръ, послалъ. (Ему запрещено было называть ее матушкой.) Какъ же!

— Совсѣмъ нѣтъ кавалеровъ,—продолжала Ненила Макарьевна.—Не съ кѣмъ танцовать барышнямъ.

Мужъ вздохнулъ, какъ будто отсутствіе кавалеровъ его сокрушало.

— Маменька,—заговорила вдругъ Маша:—мсьё Лучковъ приглашенъ?

— Какой Лучковъ?

— Онъ тоже офицеръ. Онъ, говорятъ, очень интересенъ.

— Какъ такъ?

— Да; онъ собой не хорошъ и не молодъ, но его всѣ боятся. Онъ ужасный дуэлистъ. (Маменька слегка нахмурила брови.) Я бы очень желала его видѣть...

Сергѣй Сергѣевичъ перебилъ свою дочку.

— Что́ тутъ видѣть, душа моя? Ты думаешь, онъ такъ и смотритъ лордомъ Байрономъ? (Въ то время только-что начинали у насъ толковать о лордѣ Байронѣ.)—Пустяки! Вѣдь и я, душа моя, въ кои-то вѣки слылъ забіякой.

Маша посмотрѣла съ изумленіемъ на родителя, засмѣялась, потомъ вскочила и поцѣловала его въ щеку. Супруга слегка улыбнулась... а Сергѣй Сергѣичъ не солгалъ.

— Не знаю, пріѣдетъ ли этотъ господинъ,—промолвила Ненила Макарьевна.—Можетъ-быть, и онъ пожалуетъ.

Дочка вздохнула.

— Смотри, не влюбись въ него, — замѣтилъ Сергѣй Сергѣичъ.—Я знаю, вы всѣ такія теперь... того... восторженныя...

— Нѣтъ,—простодушно возразила Маша.

Ненила Макарьевна холодно посмотрѣла на своего мужа. Сергѣй Сергѣичъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ поигралъ часовой цѣпочкой, взялъ со стола свою англійскую, съ широкими полями, шляпу и отправился на хозяйство. Его собака робко и смиренно побѣжала вслѣдъ за нимъ. Какъ животное умное, она чувствовала, что и самъ хозяинъ ея не слишкомъ властный человѣкъ въ домѣ, и вела себя скромно и осторожно.

Ненила Макарьевна подошла къ дочери, тихонько подняла ей голову и ласково посмотрѣла ей въ глаза.—„Ты мнѣ скажешь, когда ты влюбишься?“—спросила она.

Маша съ улыбкой поцѣловала руку матери и нѣсколько разъ утвердительно покачала головой.

— Смотри же, — замѣтила Ненила Макарьевна, погладила ее по щекѣ и вышла вслѣдъ за мужемъ. Маша

прислонилась къ спинкѣ креселъ, опустила голову на грудь, скрестила пальцы, и долго глядѣла въ окно, прищуривъ глазки... Легкая краска заиграла на свѣжихъ ея щекахъ; со вздохомъ выпрямилась она, принялась-было шить, уронила иголку, оперла лицо на руку и, легонько покусывая кончики ногтей, задумалась... потомъ взглянула на свое плечо, на свою протянутую руку, встала, подошла къ зеркалу, усмѣхнулась, надѣла шляпу и пошла въ садъ.

Въ тотъ же вечеръ, часовъ въ восемь, начали съѣзжаться гости. Г-жа Перекатова весьма любезно принимала и „занимала“ дамъ, Машенька—дѣвицъ; Сергѣй Сергѣичъ толковалъ съ помѣщиками о хозяйствѣ, и то-и-дѣло взглядывалъ на жену. Начали появляться молодые франты, нарочно пріѣхавшіе попозже офицеры; наконецъ вошелъ самъ г-нъ полковникъ, въ сопровожденіи своего адъютанта, Кистера и Лучкова. Онъ представилъ ихъ хозяйкѣ. Лучковъ молча поклонился; Кистеръ пробормоталъ обычное: „весьма радъ“... Г-нъ Перекатовъ подошелъ къ полковнику, крѣпко пожалъ ему руку и съ чувствомъ посмотрѣлъ ему въ глаза. Полковникъ немедленно насупился. Начались танцы. Кистеръ пригласилъ Машеньку. Въ то время процвѣталъ еще экосезъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, — сказала ему Маша, когда, проскакавъ разъ двадцать до конца залы, они стали наконецъ въ первыя пары:—отчего вашъ пріятель не танцуетъ?

— Какой пріятель?

Маша концомъ вѣера указала на Лучкова.

— Онъ никогда не танцуетъ,—возразилъ Кистеръ.

— Зачѣмъ же онъ пріѣхалъ?

Кистеръ немного смѣшался.—Онъ желалъ имѣть удовольствіе...

Машенька его перебила.—Вы, кажется, недавно переведены въ нашъ полкъ?

— Въ *вашъ* полкъ,—замѣтилъ съ улыбкой Кистеръ:—нѣтъ, недавно.

— Вы здѣсь не скучаете?

— Помилуйте... Я здѣсь нашелъ такое пріятное общество... а природа!.. Кистеръ пустился въ описаніе природы. Маша слушала его, не поднимая головы. Авдѣй Ивановичъ стоялъ въ углу и равнодушно посматривалъ на танцующихъ.

— Сколько лѣтъ г. Лучкову?—спросила она вдругъ.

— Лѣтъ... лѣтъ тридцать пять, я думаю, — возразилъ Кистеръ.

— Онъ, говорятъ, человѣкъ опасный... сердитый,—поспѣшно прибавила Маша.

— Онъ немного вспыльчивъ... но, впрочемъ, онъ очень хорошій человѣкъ.

— Говорятъ, всѣ его боятся?

Кистеръ засмѣялся.

— А вы?

— Мы съ нимъ пріятели.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Вамъ, вамъ, вамъ,—кричали имъ со всѣхъ сторонъ. Они встрепенулись и пустились опять скакать бокомъ чрезъ всю залу.

— Ну, поздравляю тебя, — сказалъ Лучкову Кистеръ, подходя къ нему послѣ танца:—хозяйская дочь то-и-дѣло разспрашивала меня о тебѣ.

— Неужели?—презрительно возразилъ Лучковъ.

— Честный человѣкъ! А вѣдь она очень собой хороша; посмотри-ка.

— А какая изъ нихъ она?

Кистеръ указалъ ему Машу.

— А! не дурна!—И Лучковъ зѣвнулъ.

— Холодный человѣкъ!—воскликнулъ Кистеръ и побѣжалъ приглашать другую дѣвицу.

Авдѣю Ивановичу очень понравилось извѣстіе, сообщенное Кистеромъ, хоть онъ и зѣвнулъ, и даже громко зѣвнулъ. Возбуждать любопытство — сильно льстило его самолюбіе; любовь онъ презиралъ—на словахъ... а внутренно чувствовалъ самъ, что трудно и хлопотно заставить полюбить себя... Трудно и хлопотно заставить полюбить себя, — но весьма легко и просто прикидываться

равнодушнымъ, молчаливымъ гордецомъ. Авдѣй Ивановичъ былъ дуренъ собою и не молодъ; но за то пользовался страшной славой — и, слѣдовательно, имѣлъ право рисоваться. Онъ привыкъ къ горькимъ и безмолвнымъ наслажденіямъ угрюмаго одиночества; не въ первый разъ обращалъ онъ на себя вниманіе женщинъ; иныя даже старались сблизиться съ нимъ, но онъ ихъ отталкивалъ съ ожесточеннымъ упрямствомъ; онъ зналъ, что не къ лицу ему нѣжность (въ часы свиданій, откровеній, онъ становился сперва неловкимъ и пошлымъ, а потомъ, съ досады, грубымъ до плоскости, до оскорбленія); онъ помнилъ, что двѣ-три женщины, съ которыми онъ нѣкогда знался, охладѣли къ нему тотчасъ послѣ первыхъ мгновеній ближайшаго знакомства, и сами съ поспѣшностью удалялись отъ него... а потому онъ и рѣшился, наконецъ, оставаться загадкой и презирать то, въ чемъ судьба отказала ему... Другого презрѣнія люди вообще, кажется, не знаютъ. Всякое откровенное, непроизвольное, то-есть доброе проявленіе страсти не шло къ Лучкову; онъ долженъ былъ постоянно сдерживать себя, даже когда злился. Одному Кистеру не становилось гадко, когда Лучковъ заливался хохотомъ; глаза добраго нѣмца сверкали благородной радостью сочувствія, когда онъ читалъ Авдѣю любимыя страницы изъ Шиллера, а бреттёръ сидѣлъ передъ нимъ, понуривъ голову, какъ волкъ...

Кистеръ танцовалъ до упаду, Лучковъ не покидалъ своего уголка, хмурилъ брови, изрѣдка украдкой взглядывалъ на Машу—и, встрѣтивъ ея взоры, тотчасъ придавалъ глазамъ своимъ равнодушное выраженіе. Маша раза три танцовала съ Кистеромъ. Восторженный юноша возбудилъ ея довѣренность. Она довольно весело болтала съ нимъ, но на сердцѣ ей было неловко. Лучковъ занималъ ее.

Загремѣла мазурка. Офицеры пустились подпрыгивать, топать каблуками и подбрасывать плечами эполеты; статскіе тоже топали каблуками. Лучковъ все не двигался съ своего мѣста и медленно слѣдилъ глазами за мелькающими парами. Кто-то дернулъ его рукавъ... онъ оглянулся;

его сосѣдъ указывалъ ему на Машу. Она стояла передъ нимъ, не поднимая глазъ, и протягивала ему руку. Лучковъ сперва посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ, потомъ равнодушно снялъ палашъ, бросилъ шляпу на полъ, неловко пробрался между креселъ, взялъ Машу за руку— и пошелъ вдоль круга, безъ припрыжекъ и топаній, какъ бы нехотя исполняя непріятный долгъ... У Маши сильно билось сердце.

— Отчего вы не танцуете? — спросила она его наконецъ.

— Я не охотникъ,—отвѣчалъ Лучковъ.—Гдѣ ваше мѣсто?

— Вонъ тамъ-съ.

Лучковъ довелъ Машу до ея стула, спокойно поклонился ей, спокойно вернулся въ свой уголъ... но весело въ немъ шевельнулась жёлчь.

Кистеръ пригласилъ Машу.

— Какой вашъ пріятель странный!

— А онъ васъ очень занимаетъ...—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, плутовски прищуривъ свои голубые и добрые глаза.

— Да... онъ, должно-быть, очень несчастливъ.

— Онъ несчастливъ? Съ чего вы это взяли?—И Ѳедоръ Ѳедоровичъ засмѣялся.

— Вы не знаете... Вы не знаете... — Маша важно покачала головой.

— Да какъ же мнѣ не знать?..

Маша опять покачала головой и взглянула на Лучкова. Авдѣй Ивановичъ замѣтилъ этотъ взглядъ, пожалъ незамѣтно плечами и вышелъ въ другую комнату.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ того вечера. Лучковъ ни разу не былъ у Перекатовыхъ. За то Кистеръ посѣщалъ ихъ довольно часто. Ненила Макарьевна его полюбила, но не она привлекала Ѳедора Ѳедоровича. Маша ему нравилась. Какъ человѣкъ неопытный и невыболтавшійся, онъ находилъ большое удовольствіе въ обмѣнѣ чувствъ и мыслей и добродушно вѣрилъ въ возможность

возвышенной и спокойной дружбы между молодымъ человѣкомъ и молодой дѣвушкой.

Однажды тройка сытыхъ и рѣзвыхъ лошадокъ примчала его къ дому г-на Перекатова. День былъ лѣтній, душный и знойный. Нигдѣ ни облака. Синева неба по краямъ сгущалась до того, что глазъ принималъ ее за грозовую тучу. Домъ, построенный г-мъ Перекатовымъ на лѣтнее жительство съ обыкновенной степной предусмотрительностью, былъ обращенъ окнами прямо на солнце. Ненила Макарьевна съ утра велѣла затворить всѣ ставни. Кистеръ вошелъ въ гостиную, прохладную и полумрачную. Свѣтъ ложился длинными чертами по полу, короткими и частыми полосками по стѣнамъ. Семейство Перекатовыхъ ласково встрѣтило Ѳедора Ѳедоровича. Послѣ обѣда, Ненила Макарьевна отправилась на отдыхъ къ себѣ въ спальню; г. Перекатовъ умѣстился въ гостиной на диванѣ; Маша сѣла подлѣ окна за пяльцы; Кистеръ противъ нея. Маша, не раскрывая пялецъ, слегка приложилась къ нимъ грудью, и подперла голову руками. Кистеръ началъ ей что-то разсказывать; она слушала его безъ вниманія, какъ будто ждала чего-то, изрѣдка поглядывала на отца и вдругъ протянула руку.

— Послушайте, Ѳедоръ Ѳедоровичъ... да только говорите потише... папенька заснулъ.

Дѣйствительно, г-нъ Перекатовъ, по обыкновенію, заснулъ, сидя на диванѣ, закинувъ голову и раскрывъ немного ротъ.

— Что вамъ угодно? — съ любопытствомъ спросилъ Кистеръ.

— Вы будете надо мной смѣяться.

— Помилуйте!..

Маша опустила голову, такъ что только верхняя часть ея лица осталась незакрытой руками, и вполголоса, не безъ замѣшательства, спросила Кистера: отчего онъ никогда не привезетъ съ собой г-на Лучкова? Маша не въ первый разъ упоминала о немъ послѣ бала... Кистеръ молчалъ. Маша боязливо взглянула изъ-за переплетенныхъ пялецъ.

— Могу ли я откровенно сказать вамъ мое мнѣніе? — спросилъ ее Кистеръ.

— Отчего же нѣтъ? разумѣется.

— Мнѣ кажется, Лучковъ произвелъ на васъ большое впечатлѣніе!

— Нѣтъ!—отвѣчала Маша, и нагнулась, какъ бы желая разсмотрѣть поближе узоръ; узкая, золотая полоска свѣта легла ей на волосы:—нѣтъ... но...

— Что: но?—проговорилъ Кистеръ съ улыбкой.

— Вотъ видите ли,—сказала Маша и приподняла вдругъ голову, такъ что полоска пришлась ей прямо на глаза:— вотъ видите ли... онъ...

— Онъ васъ занимаетъ...

— Ну... да... — сказала Маша съ разстановкой, покраснѣла, отвернула немного голову въ сторону и въ такомъ положеніи продолжала говорить:—въ немъ есть что-то такое... Вѣдь вотъ, вы смѣетесь надо мной,—прибавила она вдругъ, быстро взглянувъ на Ѳедора Ѳедоровича.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ улыбался самой кроткой улыбкой.

— Я вамъ все говорю, что только мнѣ вздумается, — продолжала Маша: — я знаю, что вы мой... (она хотѣла-было сказать „другъ“) хорошій пріятель.

Кистеръ наклонился. Маша помолчала и робко протянула ему руку; Ѳедоръ Ѳедоровичъ почтительно пожалъ кончики ея пальцевъ.

— Онъ, должно-быть, большой чудакъ,—замѣтила Маша, и опять облокотилась на пяльцы.

— Чудакъ?

— Конечно; онъ меня и занимаетъ какъ чудакъ!— хитро прибавила Маша.

— Лучковъ—благородный, замѣчательный человѣкъ,— съ важностью возразилъ Кистеръ.—Его не знаютъ у насъ въ полку, не цѣнятъ, видятъ въ немъ только наружную сторону. Конечно, онъ ожесточенъ, страненъ, нетерпѣливъ, но сердце у него доброе.

Маша жадно слушала Ѳедора Ѳедоровича.

— Я его привезу къ вамъ. Я скажу ему, что васъ бояться нечего, что смѣшно ему дичиться... Я ему скажу...

О! да я уже знаю, что сказать... То-есть, вы однакожъ не думайте, чтобъ я... — Кистеръ смѣшался; Маша тоже смѣшалась...—Да и наконецъ, вѣдь онъ только вамъ такъ... нравится...

— Ну, конечно, какъ многіе мнѣ нравятся.

Кистеръ плутовски посмотрѣлъ на нее.

— Хорошо, хорошо, — промолвилъ онъ съ довольнымъ видомъ:—я вамъ его привезу...

— Да нѣтъ...

— Хорошо, я жъ вамъ говорю, все будетъ хорошо... Ужъ я устрою.

— Какой вы...—съ улыбкой замѣтила Маша, и погрозилась на него. Г-нъ Перекатовъ зѣвнулъ и открылъ глаза.

— А я, кажется, заснулъ,—пробормоталъ онъ съ удивленіемъ. Этотъ вопросъ и это удивленіе повторялись каждый день. Маша съ Кистеромъ заговорили о Шиллерѣ.

Однакожъ Ѳедору Ѳедоровичу было не совсѣмъ ловко; въ немъ какъ-будто шевельнулась зависть... и онъ благородно негодовалъ на себя. Ненила Макарьевна сошла въ гостиную. Подали чай. Г-нъ Перекатовъ заставилъ свою собачку прыгнуть нѣсколько разъ черезъ палку и объявилъ потомъ, что онъ самъ ее всему выучилъ, причемъ собака учтиво вертѣла хвостомъ, облизывалась и моргала. Когда же, наконецъ, зной уменьшился и повѣялъ вечерній вѣтерокъ, все семейство Перекатовыхъ отправилось гулять въ березовую рощу. Ѳедоръ Ѳедоровичъ безпрестанно взглядывалъ на Машу, какъ бы желая дать ей знать, что онъ исполнитъ ея порученіе; Машѣ было и на себя досадно, и весело, и жутко. Кистеръ вдругъ, ни съ того ни съ его, заговорилъ довольно высокопарно о любви вообще, о дружбѣ... но, замѣтивъ наблюдательный и ясный взглядъ Ненилы Макарьевны, также внезапно перемѣнилъ разговоръ.

Ярко и пышно зардѣлась заря. Передъ березовой рощей разстилался ровный и широкій лугъ. Машѣ вздумалось играть въ горѣлки. Явились горничныя, лакеи; г-нъ Перекатовъ сталъ съ своей супругой, Кистеръ съ Машей. Горничныя бѣгали съ подобострастными и легкими кри-

ками; камердинеръ г-на Перекатова осмѣлился разлучить Ненилу Макарьевну съ ея супругомъ; одна горничная почтительно поддалась барину; Ѳедоръ Ѳедоровичъ не разставался съ Машей. Всякій разъ, становясь на свое мѣсто, онъ ей говорилъ два-три слова; Маша, вся раскраснѣвшаяся отъ бѣга, съ улыбкой слушала его, проводила рукой по волосамъ. Послѣ ужина Кистеръ уѣхалъ.

Ночь была тихая, звѣздная. Кистеръ снялъ фуражку. Онъ волновался; ему слегка щемило горло. „Да", сказалъ онъ наконецъ почти вслухъ: „она его любитъ; я сближу ихъ; я оправдаю ея довѣренность". Хотя еще ничто не доказывало явнаго расположенія Маши къ Лучкову, хотя, по собственнымъ ея словамъ, онъ только возбуждалъ ея любопытство, но Кистеръ успѣлъ уже сочинить себѣ цѣлую повѣсть, предписать себѣ свою обязанность. Онъ рѣшился пожертвовать своимъ чувствомъ—тѣмъ болѣе, что „пока, кромѣ искренней привязанности, я ничего, вѣдь, не ощущаю", думалъ онъ. Кистеръ дѣйствительно былъ въ состояніи принести себя въ жертву дружеству, признанному долгу. Онъ много читалъ, и потому воображалъ себя опытнымъ и даже проницательнымъ; онъ не сомнѣвался въ истинѣ своихъ предположеній; онъ не подозрѣвалъ, что жизнь безконечно разнообразна и не повторяется никогда. Понемногу Ѳедоръ Ѳедоровичъ пришелъ въ восторгъ. Онъ съ умиленіемъ началъ думать о своемъ призваніи. Быть посредникомъ между любящей робкой дѣвушкой и человѣкомъ, можетъ-быть, только потому ожесточеннымъ, что ему ни разу въ жизни не пришлось любить и быть любимымъ; сблизить ихъ, растолковать имъ ихъ же собственныя чувства, и потомъ удалиться, не давъ никому замѣтить величія своей жертвы, — какое прекрасное дѣло! Несмотря на прохладу ночи, лицо добраго мечтателя пылало...

На другой день, онъ рано поутру отправился къ Лучкову.

Авдѣй Ивановичъ, по обыкновенію, лежалъ на диванѣ и курилъ трубку. Кистеръ поздоровался съ нимъ.

— Я былъ вчера у Перекатовыхъ, — сказалъ онъ съ нѣкоторою торжественностью.

— А!—равнодушно возразилъ Лучковъ и зѣвнулъ.

— Да. Они прекрасные люди.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Мы говорили о тебѣ.

— Много чести; съ кѣмъ это?

— Съ стариками... и съ дочерью.

— А! съ этой... толстенькой?

— Она прекрасная дѣвушка, Лучковъ.

— Ну, да, всѣ онѣ прекрасны.

— Нѣтъ, Лучковъ, ты ея не знаешь. Я еще не встрѣчалъ такой умной, доброй и чувствительной дѣвицы.

Лучковъ запѣлъ въ носъ: „Въ гамбургской газетѣ—не ты ли читалъ,—какъ въ запрошломъ лѣтѣ—Минихъ побѣждалъ...“

— Да я жъ тебѣ говорю...

— Ты въ нее влюбленъ, Ѳедя,—насмѣшливо замѣтилъ Лучковъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. И не думалъ.

— Ѳедя, ты въ нее влюбленъ!

— Что за вздоръ! Будто ужъ нельзя...

— Ты въ нее влюбленъ, другъ ты мой сердечный, таракань запечный,—протяжно запѣлъ Авдѣй Ивановичъ.

— Эхъ, Авдѣй, какъ тебѣ не стыдно!—съ досадой проговорилъ Кистеръ.

Со всякимъ другимъ Лучковъ тутъ-то и запѣлъ бы пуще прежняго: Кистера онъ не дразнилъ.—Ну, ну, шпрехенъ зи дейчь, Иванъ Андреичъ,—проворчалъ онъ вполголоса:—не сердись.

— Послушай, Авдѣй,—съ жаромъ заговорилъ Кистеръ и сѣлъ подлѣ него.—Ты знаешь, я тебя люблю. (У Лучкова покривилось лицо.) Но одно мнѣ въ тебѣ, признаюсь, не нравится... именно то, что ты ни съ кѣмъ знаться не хочешь, все дома сидишь, всякаго сближенія съ хорошими людьми избѣгаешь. Вѣдь, наконецъ, есть же хорошіе люди! Ну, положимъ, ты былъ обманутъ въ жизни, ожесточился, что̀ ли; не бросайся на шею каждому, но почему же тебѣ всѣхъ отвергать? Вѣдь этакъ ты и меня, пожалуй, когда-нибудь прогонишь.

Лучковъ хладнокровно продолжалъ курить.

— Оттого-то тебя никто и не знаетъ... кромѣ меня; иной, пожалуй, Богъ-вѣсть что̀ о тебѣ думаетъ... Авдѣй!— прибавилъ Кистеръ послѣ небольшого молчанія:—ты въ добродѣтель не вѣришь, Авдѣй?

— Какъ не вѣрить... вѣрю...—проворчалъ Лучковъ.

Кистеръ съ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Мнѣ хочется, — продолжалъ онъ тронутымъ голосомъ:—примирить тебя съ жизнію. Ты у меня повеселѣешь, расцвѣтешь... именно расцвѣтешь. Какъ я-то буду радъ тогда! Только ты мнѣ позволь распоряжаться иногда тобою, твоимъ временемъ. У насъ сегодня—что? понедѣльникъ... завтра вторникъ... въ среду, да̀, въ среду мы съ тобой поѣдемъ къ Перекатовымъ. Они тебѣ такъ рады будутъ... и мы тамъ весело время проведемъ... А теперь дай мнѣ трубочку выкурить.

Авдѣй Ивановичъ недвижно лежалъ на диванѣ и глядѣлъ въ потолокъ. Кистеръ закурилъ трубку, подошелъ къ окну и сталъ барабанить пальцами по стекламъ.

— Такъ говорили обо мнѣ?—спросилъ вдругъ Авдѣй.

— Говорили,—значительно возразилъ Кистеръ.

— Что жъ такое говорили?

— Ну, ужъ говорили. Весьма желаютъ съ тобой познакомиться.

— Кто же именно?

— Вишь, какой любопытный!

Авдѣй кликнулъ слугу и приказалъ сѣдлать себѣ лошадь.

— Куда ты?

— Въ манежъ.

— Ну, прощай. Такъ ѣдемъ, что ли, къ Перекатовымъ?

— Ѣдемъ, пожалуй, — лѣниво проговорилъ Лучковъ и потянулся.

— Молодецъ! — воскликнулъ Кистеръ и вышелъ на улицу, задумался и глубоко вздохнулъ.

IV.

Маша подходила къ дверямъ гостиной, когда доложили о пріѣздѣ гг. Кистера и Лучкова. Она тотчасъ вернулась

въ свою комнату, подошла-было къ зеркалу... Ея сердце сильно билось. Дѣвушка пришла позвать ее въ гостиную. Маша выпила немного воды, остановилась раза два на лѣстницѣ и наконецъ сошла внизъ. Г-на Перекатова дома не было. Ненила Макарьевна сидѣла на диванѣ; Лучковъ сидѣлъ на креслѣ, въ мундирѣ, со шляпой на колѣняхъ; Кистеръ возлѣ него. Оба они приподнялись при входѣ Маши—Кистеръ съ обычной дружественной улыбкой, Лучковъ съ торжественнымъ и натянутымъ видомъ. Она съ смущеніемъ поклонилась имъ и подошла къ матери. Первыя десять минутъ прошли благополучно. Маша отдохнула и начала понемногу наблюдать за Лучковымъ. Онъ отвѣчалъ на разспросы хозяйки коротко, но неспокойно; онъ робѣлъ, какъ всѣ самолюбивые люди. Ненила Макарьевна предложила гостямъ погулять по саду, а сама вышла только на балконъ. Она не почитала необходимостью не спускать глазъ съ дочки и ковылять за нею всюду съ толстымъ ридикюлемъ въ рукахъ, по примѣру многихъ степныхъ матерей. Прогулка продолжалась довольно долго. Маша говорила больше съ Кистеромъ, но не смѣла взглянуть ни на него, ни на Лучкова. Авдѣй Ивановичъ съ ней не заговаривалъ; въ голосѣ Кистера замѣтно было волненіе. Онъ что-то много смѣялся и болталъ... Они подошли къ рѣчкѣ. Въ сажени отъ берега росла водяная лилія и словно покоилась на гладкой поверхности воды, устланной широкими и круглыми листьями.

— Какой красивый цвѣтокъ!—замѣтила Маша.

Не успѣла она выговорить этихъ словъ, какъ уже Лучковъ вынулъ палашъ, ухватился одной рукой за тонкія вѣтки ракиты и, нагнувшись всѣмъ тѣломъ надъ водой, сшибъ головку цвѣтка. „Здѣсь глубоко, берегитесь!“ съ испугомъ вскрикнула Маша. Лучковъ концомъ палаша пригналъ цвѣтокъ къ берегу, къ самымъ ея ногамъ. Она наклонилась, подняла цвѣтокъ и съ нѣжнымъ, радостнымъ удивленіемъ поглядѣла на Авдѣя. „Браво!“ закричалъ Кистеръ.—„А я не умѣю плавать...“ отрывисто проговорилъ Лучковъ. Это замѣчаніе не понравилось Машѣ. „Зачѣмъ онъ это сказалъ?“ подумала она.

Лучковъ съ Кистеромъ остались у г-на Перекатова до вечера. Что-то новое, небывалое происходило въ душѣ Маши; задумчивое недоумѣніе изображалось не разъ на лицѣ ея. Она какъ-то двигалась медленнѣе, не вспыхивала отъ взглядовъ матери,—напротивъ, сама какъ будто ихъ искала, какъ будто сама вопрошала ее. Въ продолженіе всего вечера, Лучковъ оказывалъ ей какое-то неловкое вниманіе; но даже эта неловкость нравилась ея невинному тщеславію. Когда жъ они оба уѣхали съ обѣщаніемъ побывать опять на-дняхъ, она тихонько пошла въ свою комнату и долго, какъ бы съ изумленіемъ, глядѣла кругомъ. Ненила Макарьевна пришла къ ней, поцѣловала и обняла ее, по обыкновенію. Маша раскрыла губы, хотѣла-было заговорить съ матерью — и не сказала ни слова. Она и хотѣла признаться, да не знала, въ чемъ. Въ ней тихо бродила душа. На ночномъ столикѣ, въ чистомъ стаканѣ, лежалъ на водѣ цвѣтокъ, сорванный Лучковымъ. Ужъ въ постели, Маша приподнялась осторожно, оперлась на локоть, и ея дѣвственныя губы тихо прикоснулись бѣлыхъ и свѣжихъ лепестковъ...

— Ну, что?—спросилъ на другой день Кистеръ своего товарища:—нравятся тебѣ Перекатовы? Правъ я былъ? а? скажи!

Лучковъ не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, скажи, скажи.

— А, право, не знаю.

— Ну, полно!

— Эта... какъ-бишь ее зовутъ... Машенька — ничего, недурна.

— Ну, вотъ видишь...—сказалъ Кистеръ—и замолчалъ.

Дней черезъ пять Лучковъ самъ предложилъ Кистеру съѣздить къ Перекатовымъ. Одинъ онъ бы къ нимъ не поѣхалъ; въ отсутствіи Ѳедора Ѳедоровича ему бы пришлось вести разговоръ, а этого онъ не умѣлъ и избѣгалъ по возможности.

Во второй пріѣздъ обоихъ друзей, Маша была гораздо развязнѣе. Она теперь втайнѣ радовалась тому, что не обезпокоила маменьки непрошеннымъ признаніемъ. Авдѣй

передъ обѣдомъ вызвался сѣсть на молодую, необъѣзжанную лошадь и, несмотря на ея бѣшеные скачки, укротилъ ее совершенно. Вечеромъ онъ-было расходился, пустился шутить и хохотать — и хотя скоро опомнился, однакожъ успѣлъ произвести мгновенное непріятное впечатлѣніе на Машу. Она сама еще не знала, какое именно чувство въ ней возбуждалъ Лучковъ, но все, что̀ въ немъ ей не нравилось, приписывала она вліянію несчастій, одиночества.

V.

Пріятели начали часто посѣщать Перекатовыхъ. Пололоженіе Кистера становилось болѣе и болѣе тягостнымъ. Онъ не раскаивался... нѣтъ, но желалъ, по крайней мѣрѣ, сократить время своего искуса. Привязанность его къ Машѣ увеличивалась съ каждымъ днемъ; она сама къ нему благоволила; но быть все только посредникомъ, наперсникомъ, даже другомъ — такое тяжелое, неблагодарное ремесло! Холодно восторженные люди много толкуютъ о святости страданій, о блаженствѣ страданій... но теплому, простому сердцу Кистера они не доставляли никакого блаженства. Наконецъ, однажды, когда Лучковъ, ужъ совсѣмъ одѣтый, зашелъ за нимъ, и коляска подъѣхала къ крыльцу — Ѳедоръ Ѳедоровичъ, къ изумленію пріятеля, объявилъ ему напрямикъ, что остается дома. Лучковъ просилъ, досадовалъ, сердился... Кистеръ отговорился головной болью. Лучковъ отправился одинъ.

Бреттёръ во многомъ измѣнился въ послѣднее время. Товарищей онъ оставлялъ въ покоѣ, къ новичкамъ не приставалъ, и хотя не расцвѣлъ душою, какъ предсказалъ ему Кистеръ, однако, дѣйствительно поуспокоился. Его прежде нельзя было назвать разочарованнымъ человѣкомъ — онъ почти ничего не видалъ и не испыталъ — и потому не диво, что Маша занимала его мысль. Впрочемъ, сердце его не смягчилось; только желчь въ немъ угомонилась. Чувства Маши къ нему были страннаго рода. Она почти никогда не глядѣла ему прямо въ лицо; не умѣла разговаривать съ нимъ... Когда жъ имъ случалось оставаться вдвоемъ, Машѣ становилось страхъ неловко.

Она принимала его за человѣка необыкновеннаго и робѣла передъ нимъ, волновалась, воображала, что не понимаетъ его, не заслуживаетъ его довѣренности; безотрадно, тяжело — но безпрестанно думала о немъ. Напротивъ, присутствіе Кистера облегчало ее и располагало къ веселости, хотя не радовало ее и не волновало; съ нимъ она могла болтать по часамъ, опираясь на руку его, какъ на руку брата, дружелюбно глядѣла ему въ глаза, смѣялась отъ его смѣха — и рѣдко вспоминала о немъ. Въ Лучковѣ было что-то загадочное для молодой дѣвушки; она чувствовала, что душа его темна „какъ лѣсъ", и силилась проникнуть въ этотъ таинственный мракъ... Такъ точно дѣти долго смотрятъ въ глубокій колодецъ, пока разглядятъ, наконецъ, на самомъ днѣ неподвижную, черную воду.

При входѣ Лучкова одного въ гостиную, Маша сперва испугалась... но потомъ обрадовалась. Ей ужъ не разъ казалось, что между Лучковымъ и ею существуетъ какое-то недоразумѣніе, что онъ до сихъ поръ не имѣлъ случая высказаться. Лучковъ сообщилъ причину отсутствія Кистера; старики изъявили свое сожалѣніе; но Маша съ недовѣрчивостію глядѣла на Авдѣя и томилась ожиданіемъ. Послѣ обѣда они остались одни; Маша не знала, что сказать, сѣла за фортепіано; пальцы ея торопливо и трепетно забѣгали по клавишамъ; она безпрестанно останавливалась и ждала перваго слова... Лучковъ не понималъ и не любилъ музыки. Маша заговорила съ нимъ о Россини (Россини только-что входилъ тогда въ моду), о Моцартѣ... Авдѣй Ивановичъ отвѣчалъ: „да-съ, нѣтъ-съ, какъ же-съ, прекрасно",—и только. Маша заиграла блестящія варіаціи на Россиніевскую тему. Лучковъ слушалъ, слушалъ... и когда наконецъ она обратилась къ нему, лицо его выражало такую нелицемѣрную скуку, что Маша тотчасъ же вскочила и захлопнула фортепіано. Она подошла къ окну и долго глядѣла въ садъ: Лучковъ не трогался съ мѣста и все молчалъ. Нетерпѣніе начинало смѣнять робость въ душѣ Маши. „Что жъ?" думала она: „не хочешь... или не можешь?" Очередь робѣть была за Луч-

ковымъ. Онъ ощущалъ опять обычную томительную неувѣренность: онъ уже злился!.. „Чортъ же меня дернулъ связаться съ дѣвчонкой“, бормоталъ онъ про себя... А между тѣмъ, какъ легко было въ это мгновеніе тронуть сердце Маши! Что бы ни сказалъ такой необыкновенный, хотя и странный человѣкъ, какимъ она воображала Лучкова—она бы все поняла, все извинила, всему бы повѣрила... Но это тяжелое, глупое молчаніе! Слезы досады навертывались у ней на глаза. „Если онъ не хочетъ объясниться, если я точно не стою его довѣренности, зачѣмъ же ѣздитъ онъ къ намъ? Или, можетъ-быть, я не умѣю заставить его высказаться?“... И она быстро обернулась и такъ вопросительно, такъ настойчиво взглянула на него, что онъ не могъ не понять ея взгляда, не могъ долѣе молчать...

— Марья Сергѣевна,—произнесъ онъ запинаясь: — я... у меня... я вамъ долженъ что-то сказать...

— Говорите,—быстро возразила Маша.

Лучковъ нерѣшительно посмотрѣлъ кругомъ.

— Я теперь не могу...

— Отчего же?

— Я бы желалъ поговорить съ вами... наединѣ...

— Мы и теперь одни.

— Да... но... здѣсь въ домѣ...

Маша смутилась...— „Если я откажу ему“, — подумала она:—„все кончено“... Любопытство погубило Еву...

— Я согласна,—сказала она наконецъ.

— Когда же? Гдѣ?

Маша дышала быстро и неровно.

— Завтра... вечеромъ. Вы знаете рощицу надъ Долгимъ-Лугомъ?..

— За мельницей?

Маша кивнула головой.

— Въ которомъ часу?

— Ждите...

Больше она не могла ничего выговорить; голосъ ея перервался... она поблѣднѣла и проворно вышла изъ комнаты.

Черезъ четверть часа, г-нъ Перекатовъ, съ свойствен-

ной ему любезностью, провожалъ Лучкова до передней, съ чувствомъ жалъ ему руку и просилъ „не забывать“; потомъ, отпустивъ гостя, съ важностью замѣтилъ человѣку, что не худо бы ему остричься—и, не дождавшись отвѣта, съ озабоченнымъ видомъ вернулся къ себѣ въ комнату, съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ присѣлъ на диванъ и тотчасъ же невинно заснулъ.

— Ты что-то блѣдна сегодня, — говорила Ненила Макарьевна своей дочери вечеромъ того же дня. — Здорова ли ты?

— Я здорова, маменька.

Ненила Макарьевна поправила у ней на шеѣ косынку.

— Ты очень блѣдна; посмотри на меня, — продолжала она съ той материнской заботливостью, въ которой все-таки слышится родительская власть: — ну, вотъ, и глаза твои невеселы. Ты нездорова, Маша.

— У меня голова немного болитъ, — сказала Маша, чтобъ какъ-нибудь отдѣлаться.

— Ну вотъ, я знала.—Ненила Макарьевна приложила ладонь ко лбу Маши:—однако жару въ тебѣ нѣтъ.

Маша нагнулась и подняла съ полу какую-то нитку.

Руки Ненилы Макарьевны тихо легли вокругъ тонкаго стана Маши.

— Ты что-то какъ будто бы мнѣ сказать хочешь, — ласково проговорила она, не распуская рукъ.

Маша внутренно вздрогнула.

— Я? Нѣтъ, маменька.

Мгновенное смущеніе Маши не ускользнуло отъ родительскаго вниманія.

— Право, хочешь... Подумай-ка.

Но Маша успѣла оправиться и, вмѣсто отвѣта, со смѣхомъ поцѣловала руку матери.

— И будто нечего тебѣ сказать мнѣ?

— Ну, право же нечего.

— Я тебѣ вѣрю,—возразила Ненила Макарьевна послѣ непродолжительнаго молчанія.—Я знаю, у тебя нѣтъ ничего отъ меня скрытнаго... Не правда ли?

— Конечно, маменька.

Маша, однакожъ, не могла не покраснѣть немного.

— И хорошо дѣлаешь. Грѣшно было бы тебѣ скрываться отъ меня... Ты вѣдь знаешь, какъ я тебя люблю, Маша.

— О, да, маменька!

И Маша прижалась къ ней.

— Ну, полно, довольно. (Ненила Макарьевна прошлась по комнатѣ.) Ну, скажи же мнѣ,—продолжала она голосомъ человѣка, который чувствуетъ, что вопросъ его не имѣетъ никакого особеннаго значенія:—о чемъ ты сегодня разговаривала съ Адѣемъ Иванычемъ?

— Съ Авдѣемъ Иванычемъ?—спокойно повторила Маша.—Да такъ обо всемъ...

— Что, онъ тебѣ нравится?

— Какъ же, нравится.

— А помнишь, какъ ты желала съ нимъ познакомиться, какъ волновалась?

Маша отвернулась и засмѣялась.

— Какой онъ странный!—добродушно замѣтила Ненила Макарьевна.

Маша хотѣла-было заступиться за Лучкова, да прикусила язычокъ.

— Да, конечно,—проговорила она довольно небрежно:—онъ чудакъ, но все же онъ хорошій человѣкъ!

— О, да!.. Что́ Ѳедоръ Ѳедоровичъ не пріѣхалъ?

— Видно, нездоровъ. Ахъ, да! кстати: Ѳедоръ Ѳедорычъ хотѣлъ мнѣ подарить собачку... Ты мнѣ позволишь?

— Что̀? принять его подарокъ?

— Да.

— Разумѣется.

— Ну, благодарствуй, — сказала Маша: — вотъ благодарствуй!

Ненила Макарьевна дошла до двери и вдругъ вернулась назадъ.

— А помнишь ты свое обѣщаніе, Маша?

— Какое?

— Ты мнѣ хотѣла сказать, когда влюбишься.

— Помню.

— Ну, что жъ?.. Еще не время? (Маша звонко разсмѣялась.) Посмотри-ка мнѣ въ глаза.

Маша ясно и смѣло взглянула на свою мать.

„Не можетъ быть!“ подумала Ненила Макарьевна и успокоилась.—„Гдѣ ей меня обмануть!.. И съ чего я взяла?.. Она еще совершенный ребенокъ“...

Она ушла...

„А вѣдь это грѣхъ“, подумала Маша.

VI.

Кистеръ легъ уже спать, когда Лучковъ вошелъ къ нему въ комнату. Лицо бреттёра никогда не выражало *одного* чувства; такъ и теперь: — притворное равнодушіе, грубая радость, сознаніе своего превосходства... множество различныхъ чувствъ разыгрывалось въ его чертахъ.

— Ну, что? ну, что?—торопливо спросилъ его Кистеръ.

— Ну, что! Былъ. Тебѣ кланяются.

— Что? они всѣ здоровы?

— Что имъ дѣлается!

— Спрашивали, отчего я не пріѣхалъ?

— Спрашивали, кажется.

Лучковъ поглядѣлъ въ потолокъ и запѣлъ фальшиво. Кистеръ опустилъ глаза и задумался.

— А вѣдь вотъ,—хриплымъ и рѣзкимъ голосомъ промолвилъ Лучковъ:—вотъ ты умный человѣкъ, ты ученый человѣкъ, а вѣдь тоже иногда, съ позволенія сказать, дичь порешь.

— А что̀?

— А вотъ что̀. Напримѣръ, насчетъ женщинъ. Вѣдь ужъ ка̀къ ты ихъ превозносишь! Стихи о нихъ читаешь! Всѣ онѣ у тебя ангелы... Хороши ангелы!

— Я женщинъ люблю и уважаю, но...

— Ну, конечно, конечно, — перебилъ его Авдѣй. — Я вѣдь съ тобой не спорю. Гдѣ мнѣ! Я, разумѣется, человѣкъ простой.

— Я хотѣлъ сказать, что... Однако, почему ты именно сегодня... именно теперь... заговорилъ о женщинахъ?

— Такъ!—Авдѣй значительно улыбнулся.—Такъ!

Кистеръ пронзительно поглядѣлъ на своего пріятеля. Онъ подумалъ (чистая душа!), что Маша дурно съ нимъ обошлась; пожалуй, помучила его, какъ однѣ женщины умѣютъ мучить...

— Ты огорченъ, мой бѣдный Авдѣй, признайся...

Лучковъ расхохотался.

— Ну, огорчаться мнѣ, кажется, нѐчѣмъ,—промолвилъ онъ съ разстановкой, самодовольно разглаживая усы.— Нѣтъ, вотъ видишь ли что, Ѳедя,—продолжалъ онъ тономъ наставника:—я хотѣлъ тебѣ только замѣтить, что ты насчетъ женщинъ ошибаешься, другъ мой. Повѣрь мнѣ, Ѳедя, онѣ всѣ на одну стать. Стòитъ похлопотать немного, повертѣться около нихъ—и дѣло въ шляпѣ. Вотъ хоть бы Маша Перекатова...

— Ну?

Лучковъ постучалъ ногой объ полъ и покачалъ головой.

— Кажется, чтò во мнѣ такого особеннаго и привлекательнаго, а? Кажется, ничего. Вѣдь ничего? А вотъ завтра мнѣ назначено свиданье.

Кистеръ приподнялся, оперся на локоть и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Лучкова.

— Вечеромъ, въ рощѣ...—спокойно продолжалъ Авдѣй Ивановичъ. — Но ты не думай чего-нибудь такого. Я только такъ. Знаешь—скучно. Дѣвочка хорошенькая... ну, думаю, чтò за бѣда? Жениться-то я не женюсь... а такъ, тряхну стариной. Бабиться не люблю—а дѣвчонку потѣшить можно. Вмѣстѣ послушаемъ соловьевъ. Это—по-настоящему, твое дѣло; да вишь, у этого бабья глазъ нѣту. Что я, кажись, передъ тобой?

Лучковъ говорилъ долго. Но Кистеръ его не слушалъ. У него голова пошла кругомъ. Онъ поблѣднѣлъ и проводилъ рукою по лицу. Лучковъ покачивался въ креслахъ, жмурился, потягивался—и, приписывая ревности волненіе Кистера, чуть не задыхался отъ удовольствія. Но Кистера мучила не ревность: онъ былъ оскорбленъ не самимъ признаніемъ, но грубой небрежностью Авдѣя, его равнодушнымъ и презрительнымъ отзывомъ о Машѣ. Онъ продолжалъ пристально глядѣть на бреттёра — и, казалось,

въ первый разъ хорошенько разсмотрѣлъ его черты. Такъ вотъ изъ чего хлопоталъ онъ! Вотъ для чего жертвовалъ собственной наклонностью! Вотъ оно, благодатное дѣйствіе любви!

— Авдѣй... развѣ ты ея не любишь?—пробормоталъ онъ наконецъ.

— О, невинность! о, Аркадія!—съ злобнымъ хохотомъ возразилъ Авдѣй.

Добрый Кистеръ и тутъ не поддался: можетъ-быть, думалъ онъ, Авдѣй злится и „ломается“ по привычкѣ... онъ не нашелъ еще новыхъ словъ для выраженія новыхъ ощущеній. Да и въ немъ самомъ—въ Кистерѣ—не скрывается ли другое чувство подъ негодованіемъ? Не оттого ли такъ непріятно поразило его признаніе Лучкова, что дѣло касалось Маши? Почему знать, можетъ-быть, Лучковъ дѣйствительно въ нее влюбленъ... Но нѣтъ! нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Этотъ человѣкъ влюбленъ?.. Гадокъ этотъ человѣкъ съ своимъ желчнымъ и желтымъ лицомъ, съ своими судорожными и кошачьими движеніями, съ приподнятымъ отъ радости горломъ... гадокъ! Нѣтъ, не такими словами высказалъ бы Кистеръ преданному другу тайну любви своей... Въ избыткѣ счастія, съ нѣмымъ восторгомъ, съ свѣтлыми, обильными слезами на глазахъ прижался бы онъ къ его груди...

— Что, братъ?—говорилъ Авдѣй:—не ожидалъ, признайся? и теперь самому досадно? а? завидно? признайся, Ѳедя! а? а? Вѣдь изъ-подъ носу подтибрилъ у тебя дѣвчонку!

Кистеръ хотѣлъ-было высказаться, но отвернулся лицомъ къ стѣнѣ. „Объясняться... передъ нимъ? Ни за что!“ шепталъ онъ про-себя. „Онъ меня не понимаетъ... пусть! Онъ предполагаетъ во мнѣ одни дурныя чувства—пусть!..“

Авдѣй всталъ.

— Я вижу, ты спать хочешь,—проговорилъ онъ съ притворнымъ участіемъ:—я тебѣ не хочу мѣшать. Спи спокойно, другъ мой... спи!

И Лучковъ вышелъ, весьма довольный собою.

Кистеръ не могъ заснуть до зари. Онъ съ лихорадочнымъ упрямствомъ перевертывалъ и передумывалъ одну

и ту же мысль—занятіе, слишкомъ извѣстное несчастнымъ любовникамъ; оно дѣйствуетъ на душу, какъ мѣхи на тлѣющій уголь.

„Если даже“, думалъ онъ: — „Лучковъ къ ней равнодушенъ, если она сама бросилась ему на шею, все-таки не долженъ онъ былъ даже со мной, съ своимъ другомъ, такъ непочтительно, такъ обидно говорить о ней! Чѣмъ она виновата? Какъ не пожалѣть бѣдной, неопытной дѣвушки?

„Но неужели она ему назначила свиданіе? Назначила—точно назначила. Авдѣй не лжетъ; онъ никогда не лжетъ. Но, можетъ-быть, это въ ней такъ, одна фантазія...

„Но она его не знаетъ... Онъ въ состояніи, пожалуй, оскорбить ее. Послѣ сегодняшняго дня я ни за что не отвѣчаю... А не сами ли вы, г-нъ Кистеръ, его расхваливали и превозносили? Не сами ли вы возбудили ея любопытство?... Но кто жъ это зналъ? Кто это могъ предвидѣть?..

„Что предвидѣть? Давно ли онъ пересталъ быть моимъ другомъ?.. Да, полно, былъ ли онъ когда моимъ другомъ? Какое разочарованіе! Какой урокъ!“

Все прошедшее вихремъ крутилось передъ глазами Кистера. „Да, я его любилъ“, прошепталъ онъ наконецъ.—„Отчего же я разлюбилъ его? такъ скоро?.. Да разлюбилъ ли я его? Нѣтъ, отчего полюбилъ я его? Я одинъ?“

Любящее сердце Кистера оттого именно и привязалось къ Авдѣю, что всѣ другіе его чуждались. Но добрый молодой человѣкъ не зналъ самъ какъ велика его доброта.

„Мой долгъ“, продолжалъ онъ:—„предупредить Марью Сергѣевну. Но какъ? Какое право имѣю я вмѣшиваться въ чужія дѣла, въ чужую любовь? Почему я знаю, какого рода эта любовь? Можетъ-быть, и въ самомъ Лучковѣ... Нѣтъ! нѣтъ!“ говорилъ онъ вслухъ, съ досадой, почти со слезами, поправляя подушки:—„этотъ человѣкъ камень“...

„Я самъ виноватъ... я потерялъ друга... Хорошъ другъ! Хороша и она!... Какой я гадкій эгоистъ! Нѣтъ, нѣтъ!! отъ глубины души желаю имъ счастья... Счастья! да онъ смѣется надъ ней!... И зачѣмъ онъ себѣ усы краситъ?

Ужъ, право, кажется... Ахъ, какъ я смѣшонъ!“ твердилъ онъ, засыпая.

VII.

На другой день, утромъ, Кистеръ поѣхалъ къ Перекатовымъ. При свиданіи—и Кистеръ замѣтилъ большую перемѣну въ Машѣ, и Маша нашла въ немъ перемѣну; но промолчали оба. Все утро имъ было, противъ обыкновенія, неловко. Дома Кистеръ приготовилъ-было множество двусмысленныхъ рѣчей и намековъ, дружескихъ совѣтовъ... но всѣ эти приготовленія оказались совершенно безполезными. Маша смутно чувствовала, что Кистеръ за ней наблюдаетъ; ей казалось, что онъ съ намѣреніемъ значительно произноситъ иныя слова; но она также чувствовала въ себѣ волненіе и не вѣрила своимъ наблюденіямъ. „Какъ бы онъ не вздумалъ остаться до вечера!“ безпрестанно думала она и старалась дать ему понять, что онъ лишній. Съ своей стороны, Кистеръ принималъ ея неловкость, ея тревогу за очевидные признаки любви, и чѣмъ болѣе онъ за нее боялся, тѣмъ менѣе рѣшался говорить о Лучковѣ; а Маша упорно молчала о немъ. Тяжело было бѣдному Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ начиналъ, наконецъ, понимать собственныя чувства. Никогда Маша ему не казалась милѣй. Она видимо не спала во всю ночь. Легкій румянецъ пятнами выступалъ на ея блѣдномъ лицѣ; станъ слегка сгибался; невольная, томная улыбка не сходила съ губъ; изрѣдка пробѣгала дрожь по ея поблѣднѣвшимъ плечамъ; взгляды тихо разгорались и быстро погасали... Ненила Макарьевна подсѣла къ нимъ и, можетъ-быть, съ намѣреніемъ упомянула объ Авдѣѣ Ивановичѣ. Но Маша въ присутствіи матери вооружилась jusqu'aux dents, какъ говорятъ французы, и не выдала себя нисколько. Такъ прошло все утро.

— Вы обѣдаете у насъ?—спросила Ненила Макарьевна Кистера.

Маша отвернулась.

— Нѣтъ, — поспѣшно произнесъ Кистеръ и взглянулъ на Машу.—Вы меня извините... обязанности службы...

Ненила Макарьевна изъявила свое сожалѣніе, какъ водится; вслѣдъ за ней изъявилъ что-то г. Перекатовъ. „Я никому не хочу мѣшать“, хотѣлъ сказать Кистеръ Машѣ, проходя мимо, но вмѣсто того, наклонился, шепнулъ: „будьте счастливы... прощайте... берегитесь“... и скрылся.

Маша вздохнула отъ глубины души, а потомъ испугалась его отъѣзда. Что жъ ее мучило? любовь или любопытство? Богъ знаетъ; но, повторимъ: одного любопытства достаточно было, чтобы погубить Еву.

VIII.

Долгимъ-Лугомъ называлась широкая и ровная поляна на правой сторонѣ рѣчки Снѣжинки, въ верстѣ отъ имѣнія гг. Перекатовыхъ. Лѣвый берегъ, весь покрытый молодымъ густымъ дубнякомъ, круто возвышался надъ рѣчкой, почти заросшей лозниками, исключая небольшихъ „заводей“, пристанища дикихъ утокъ. Въ полуверстѣ отъ рѣчки, по правую же сторону Долгаго-Луга, начинались покатые, волнистые холмы, рѣдко усѣянные старыми березами, кустами орѣшника и калины.

Солнце садилось. Мельница шумѣла и стучала вдали, то громче, то тише, смотря по вѣтру. Господскій табунъ лѣниво бродилъ по лугу; пастухъ шелъ, напѣвая, за стадомъ жадныхъ и пугливыхъ овецъ; сторожевыя собаки со скуки гнались за воронами. По рощѣ ходилъ, скрестя руки, Лучковъ. Его привязанная лошадь уже не разъ отозвалась нетерпѣливо на звонкое ржаніе жеребятъ и кобылъ. Авдѣй злился и робѣлъ, по обыкновенію. Еще не увѣренный въ любви Маши, онъ уже сердился на нее, досадовалъ на себя... но волненіе въ немъ заглушало досаду. Онъ остановился, наконецъ, передъ широкимъ кустомъ орѣшника и началъ хлыстикомъ сбивать крайніе листья...

Ему послышался легкій шумъ... онъ поднялъ голову... Въ десяти шагахъ отъ него стояла Маша, вся раскраснѣвшаяся отъ быстрой ходьбы, въ шляпкѣ, но безъ перчатокъ, въ бѣломъ платьѣ, съ наскоро завязаннымъ платочкомъ на шеѣ. Она проворно опустила глаза и тихо покачнулась...

Авдѣй неловко и съ натянутой улыбкой подошелъ къ ней.

— Какъ я счастливъ...—началъ-было онъ едва внятно.

— Я очень рада... васъ встрѣтить...— задыхаясь перебила его Маша. — Я обыкновенно гуляю здѣсь по вечерамъ... и вы...

Но Лучковъ не умѣлъ даже пощадить ея стыдливости, поддержать ея невинную ложь.

— Кажется, Марья Сергѣевна, — промолвилъ онъ съ достоинствомъ:—вамъ самимъ угодно было.

— Да... да...—торопливо возразила Маша.—Вы желали меня видѣть, вы хотѣли...—Голосъ ея замеръ.

Лучковъ молчалъ. Маша робко подняла глаза.

— Извините меня, — началъ онъ, не глядя на нее: — я человѣкъ простой и не привыкъ объясняться... съ дамами... Я... желалъ вамъ сказать... но, кажется, вы не расположены меня слушать...

— Говорите...

— Вы приказываете... Ну, такъ скажу вамъ откровенно, что уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь съ вами познакомиться...

Авдѣй остановился. Маша ждала конца рѣчи.

— Впрочемъ, я не знаю, для чего это все вамъ говорю... Своей судьбы не перемѣнишь...

— Почему знать...

— Я знаю! — мрачно возразилъ Авдѣй. — Я привыкъ встрѣчать ея удары!

Машѣ показалось, что теперь по крайней мѣрѣ не слѣдовало Лучкову жаловаться на судьбу.

— Есть добрые люди на свѣтѣ,—съ улыбкой замѣтила она:—даже слишкомъ добрые...

— Я понимаю васъ, Марья Сергѣевна, и, повѣрьте, умѣю цѣнить ваше расположеніе... Я... я... Вы не разсердитесь?

— Нѣтъ... Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать... что вы мнѣ нравитесь... Марья Сергѣевна, чрезвычайно нравитесь...

— Я очень вамъ благодарна, — съ смущеніемъ перебила его Маша; сердце ея сжалось отъ ожиданія и

страха.—Ахъ, посмотрите, г. Лучковъ,—продолжала она:—посмотрите, какой видъ!

Она указала ему на лугъ, весь испещренный длинными, вечерними тѣнями, весь алѣющій на солнцѣ.

Внутренно обрадованный внезапной перемѣной разговора, Лучковъ началъ „любоваться“ видомъ. Онъ сталъ подлѣ Маши...

— Вы любите природу?—спросила она вдругъ, быстро повернувъ голову и взглянувъ на него тѣмъ дружелюбнымъ, любопытнымъ и мягкимъ взглядомъ, который, какъ звенящій голосокъ, дается только молодымъ дѣвушкамъ.

— Да... природа... конечно...—пробормоталъ Авдѣй.—Конечно... вечеромъ пріятно гулять, хотя, признаться, я солдатъ, и нѣжности не по моей части.

Лучковъ часто повторялъ, что онъ „солдатъ“. Настало небольшое молчаніе. Маша продолжала глядѣть на лугъ.

— Не уйти ли?—подумалъ Авдѣй.—Вотъ вздоръ! Смѣлѣй!.. Марья Сергѣевна...—заговорилъ онъ довольно твердымъ голосомъ.

Маша обернулась къ нему.

— Извините меня, — началъ онъ какъ бы шутя: — но позвольте съ моей стороны узнать, что̀ вы думаете обо мнѣ, чувствуете ли какое-нибудь... этакое... расположеніе къ моей особѣ?

„Боже мой, какъ онъ неловокъ!“ сказала про себя Маша. — Знаете ли, господинъ Лучковъ, — отвѣчала она ему съ улыбкой:—что не всегда легко дать рѣшительный отвѣтъ на рѣшительный вопросъ?

— Однако...

— Да на что вамъ?

— Да я, помилуйте, желаю знать...

— Но... Правда ли, что вы большой дуэлистъ? Скажите, правда ли, — промолвила Маша съ робкимъ любопытствомъ:—говорятъ, вы уже не одного человѣка убили?

— Случалось,—равнодушно возразилъ Авдѣй и погладилъ усы.

Маша пристально посмотрѣла на него.

— Вотъ этой рукой...—прошептала она.

Между тѣмъ кровь разгорѣлась въ Лучковѣ. Уже болѣе четверти часа молодая, хорошенькая дѣвушка вертѣлась передъ нимъ...

— Марья Сергѣевна, — заговорилъ онъ опять рѣзкимъ и страннымъ голосомъ: — вы теперь знаете мои чувства, знаете, зачѣмъ я желалъ васъ видѣть... Вы были столько добры... Скажите же и вы мнѣ, наконецъ, чего я могу надѣяться...

Маша вертѣла въ рукахъ полевую гвоздику... Она взглянула сбоку на Лучкова, покраснѣла, улыбнулась, сказала: — „Какіе вы пустяки говорите", — и подала ему цвѣтокъ.

Авдѣй схватилъ ее за руку.

— Итакъ, вы меня любите!—воскликнулъ онъ.

Маша вся похолодѣла отъ испуга. Она не думала признаваться Авдѣю въ любви; она сама еще навѣрное не знала, любитъ ли она его, и вотъ, ужъ онъ ее предупреждаетъ, насильно заставляетъ высказываться — сталобыть, онъ ея не понимаетъ... Эта мысль быстрѣе молніи сверкнула въ головѣ Маши. Она никакъ не ожидала такой скорой развязки... Маша, какъ любопытный ребенокъ, цѣлый день себя спрашивала: „Неужели Лучковъ меня любитъ?" мечтала о пріятной вечерней прогулкѣ, почтительныхъ и нѣжныхъ рѣчахъ, мысленно кокетничала, пріучала къ себѣ дикаря, позволяла при прощаньѣ поцѣловать свою руку... и вмѣсто того...

Вмѣсто того, она вдругъ почувствовала у себя на щекѣ жёсткіе усы Авдѣя...

— Будемте счастливы, — шепталъ онъ: — вѣдь только есть одно счастье на землѣ!..

Маша вздрогнула, съ ужасомъ отбѣжала въ сторону и, вся блѣдная, остановилась, опираясь рукой о березу. Авдѣй смѣшался страшно.

— Извините меня, — бормоталъ онъ, подвигаясь къ ней:—я, право, не думалъ...

Маша молча, во всѣ глаза, глядѣла на него... Непріятная улыбка кривила его губы... красныя пятна выступили на его лицѣ...

— Чего же вы боитесь? — продолжалъ онъ: — велика важность? Вѣдь между нами уже все... того...

Маша молчала.

— Ну полноте!.. что за глупости? это только такъ..

Лучковъ протянулъ къ ней руку...

Маша вспомнила Кистера, его „берегитесь“, замерла отъ страха, и довольно визгливымъ голосомъ закричала:

— Танюша!

Изъ-за орѣховаго куста вынырнуло круглое лицо горничной... Авдѣй потерялся совершенно. Успокоенная присутствіемъ своей прислужницы, Маша не тронулась съ мѣста. Но бреттёръ весь затрепеталъ отъ прилива злости; глаза его съёжились; онъ стиснулъ кулаки и судорожно захохоталъ.

— Браво! браво! Умно—нечего сказать!—закричалъ онъ.

Маша остолбенѣла.

— Вы, я вижу, приняли всѣ мѣры предосторожности, Марья Сергѣевна? Осторожность никогда не мѣшаетъ. Каково? Въ наше время барышни дальновиднѣе стариковъ. Вотъ тебѣ и любовь!

— Я не знаю, господинъ Лучковъ, кто вамъ далъ право говорить о любви... о какой любви?

— Какъ кто? Да вы сами! — перебилъ ее Лучковъ: — вотъ еще! Онъ чувствовалъ, что портитъ все дѣло, но не могъ удержаться.

— Я поступила необдуманно, — проговорила Маша.— Я снизошла на вашу просьбу въ надеждѣ на вашу délicatesse... да вы не понимаете по-французски — на вашу вѣжливость...

Авдѣй поблѣднѣлъ. Маша поразила его въ самое сердце!

— Я не понимаю по-французски... можетъ-быть; но я понимаю... я понимаю, что вамъ угодно было смѣяться надо мной.

— Совсѣмъ нѣтъ, Авдѣй Иванычъ... я даже очень сожалѣю.

— Ужъ, пожалуйста, не толкуйте о вашемъ сожалѣніи,— съ запальчивостію перебилъ ее Авдѣй:—ужъ отъ этого-то вы меня избавьте!

— Г-нъ Лучковъ...

— Да не извольте смотрѣть герцогиней... Напрасный трудъ! меня вы не запугаете.

Маша отступила шагъ назадъ, быстро повернулась и пошла прочь.

— Прикажете вамъ прислать вашего друга, вашего пастушка, чувствительнаго Сердечкина, Кистера?—закричалъ ей вслѣдъ Авдѣй. Онъ терялъ голову. — Ужъ не этотъ ли пріятель?..

Маша не отвѣчала ему и поспѣшно, радостно удалялась. Ей было легко, несмотря на испугъ и волненье. Она какъ будто пробудилась отъ тяжелаго сна, изъ темной комнаты вышла на воздухъ и солнце... Авдѣй, какъ изступленный, посмотрѣлъ кругомъ, съ молчаливымъ бѣшенствомъ сломалъ молодое деревцо, вскочилъ на лошадь, и такъ яростно вонзалъ въ нее шпоры, такъ безжалостно дергалъ и крутилъ поводья, что несчастное животное, проскакавъ восемь верстъ въ четверть часа, едва не издохло въ ту же ночь...

Кистеръ напрасно до полуночи прождалъ Лучкова, и на другой день утромъ самъ отправился къ нему. Денщикъ доложилъ Ѳедору Ѳедоровичу, что баринъ-де почиваетъ и не велѣлъ никого принимать. „И меня не велѣлъ?“—И ваше благородіе не велѣлъ.—Кистеръ съ мучительнымъ безпокойствомъ прошелся раза два по улицѣ, вернулся домой. Человѣкъ ему подалъ записку.

— Отъ кого?

— Отъ Перекатовыхъ-съ. Артёмка-фалеторъ привезъ.

У Кистера задрожали руки.

— Приказали кланяться. Приказали отвѣта просить-съ. Артёмкѣ прикажете дать водки-съ?

Кистеръ медленно развернулъ записочку и прочелъ слѣдующее:

„Любезный, добрый Ѳедоръ Ѳедоровичъ!

„Мнѣ очень, *очень* нужно васъ видѣть. Пріѣзжайте, если можете, сегодня. Не откажите мнѣ въ моей просьбѣ, прошу васъ именемъ нашей старинной дружбы. Если бъ вы знали... да вы все узнаете. До свиданія — не правда ли?

Marie“.

„P. S. Непремѣнно пріѣзжайте сегодня“.

— Такъ прикажете-съ Артёмкѣ-фалетору поднести водки?

Кистеръ долго, съ изумленіемъ посмотрѣлъ въ лицо своему человѣку, и вышелъ, не сказавъ ни слова.

— Баринъ приказалъ тебѣ водки поднести, и мнѣ приказалъ съ тобой выпить,—говорилъ Кистеровъ человѣкъ Артёмкѣ-фалетору.

IX.

Маша съ такимъ яснымъ и благодарнымъ лицомъ пошла навстрѣчу Кистеру, когда онъ вошелъ въ гостиную, такъ дружелюбно и крѣпко стиснула ему руку, что у него сердце забилось отъ радости, и камень свалился съ груди. Впрочемъ, Маша не сказала ему ни слова и тотчасъ вышла изъ комнаты. Сергѣй Сергѣевичъ сидѣлъ на диванѣ и раскладывалъ пасьянсъ. Начался разговоръ. Не успѣлъ еще Сергѣй Сергѣевичъ съ обычнымъ искусствомъ навести стороною рѣчь на свою собаку, какъ уже Маша возвратилась съ шелковымъ клѣтчатымъ поясомъ на платьѣ, любимымъ поясомъ Кистера. Явилась Ненила Макарьевна и дружелюбно привѣтствовала Ѳедора Ѳедоровича. За обѣдомъ всѣ смѣялись и шутили; самъ Сергѣй Сергѣевичъ одушевился и разсказалъ одну изъ самыхъ веселыхъ проказъ своей молодости, — при чемъ онъ, какъ страусъ, пряталъ голову отъ жены.

— Пойдемте гулять, Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—сказала Кистеру Маша послѣ обѣда, съ тою ласковою властью въ голосѣ, которая какъ будто знаетъ, что вамъ весело ей покориться. — Мнѣ нужно переговорить съ вами о важномъ, важномъ дѣлѣ,—прибавила она съ граціозною торжественностью, надѣвая шведскія перчатки.—Пойдешь ты съ нами, maman?

— Нѣтъ,—возразила Ненила Макарьевна.

— Да мы не въ садъ идемъ.

— А куда же?

— Въ Долгій-Лугъ, въ рощу.

— Возьми съ собой Танюшу.

— Танюша, Танюша! — звонко крикнула Маша, легче птицы выпорхнувъ изъ комнаты.

Черезъ четверть часа, Маша шла съ Кистеромъ къ Долгому-Лугу. Проходя мимо стада, она покормила хлѣбомъ свою любимую корову, погладила ее по головѣ, и Кистера заставила приласкать ее. Маша была весела и болтала много. Кистеръ охотно вторилъ ей, хотя съ нетерпѣніемъ ждалъ объясненій... Танюша шла сзади въ почтительномъ отдаленіи, и лишь изрѣдка лукаво взглядывала на барышню.

— Вы на меня не сердитесь, Ѳедоръ Ѳедоровичъ? — спросила Маша.

— На васъ, Марья Сергѣевна? Помилуйте, за что?

— А третьяго-дня... помните?

— Вы были не въ духѣ... вотъ и все.

— Зачѣмъ мы идемъ розно? давайте мнѣ вашу руку. Вотъ такъ... И вы были не въ духѣ.

— И я.

— Но сегодня я въ духѣ, не правда ли?

— Да, кажется, сегодня...

— И знаете отчего? Оттого, что...—Маша важно покачала головой. — Ну, ужъ я знаю отчего... Оттого, что я съ вами,—прибавила она, не глядя на Кистера.

Кистеръ тихонько пожалъ ея руку.

— А что жъ вы меня не спрашиваете?.. — вполголоса проговорила Маша.

— О чемъ?

— Ну, не притворяйтесь... о моемъ письмѣ.

— Я ждалъ...

— Вотъ оттого мнѣ и весело съ вами, — съ живостію перебила его Маша:—оттого, что вы добрый, нѣжный человѣкъ, оттого, что не въ состояніи... parce que vous avez de la délicatesse. Вамъ это можно сказать: вы понимаете по-французски.

Кистеръ понималъ по-французски, но рѣшительно не понималъ Маши.

— Сорвите мнѣ этотъ цвѣтокъ, вотъ этотъ... какой хорошенькій! Маша полюбовалась имъ и вдругъ, быстро высвободивъ свою руку, съ заботливой улыбкой, начала осторожно вдѣвать гибкій стебелекъ въ петлю Кистерова сюр-

тука. Ея тонкіе пальцы почти касались его губъ. Онъ посмотрѣлъ на эти пальцы, потомъ на нее. Она кивнула головой, какъ бы говоря: можно... Кистеръ нагнулся и поцѣловалъ кончики ея перчатокъ.

Между тѣмъ, они приблизились къ знакомой рощѣ. Маша вдругъ стала задумчивѣе, и наконецъ замолчала совершенно. Они пришли на то самое мѣсто, гдѣ ожидалъ ее Лучковъ. Измятая трава еще не успѣла приподняться; сломанное деревцо уже успѣло завянуть, листочки уже начинали свертываться въ трубочки и сохнуть. Маша посмотрѣла кругомъ и вдругъ обратилась къ Кистеру.

— Знаете ли вы, зачѣмъ я васъ привела сюда?

— Нѣтъ, не знаю.

— Не знаете?.. Отчего вы мнѣ ничего не сказали сегодня о вашемъ пріятелѣ, господинѣ Лучковѣ? Вы всегда его такъ хвалите...

Кистеръ опустилъ глаза и замолчалъ.

— Знаете ли,—не безъ усилья произнесла Маша:—что я ему назначила вчера... здѣсь... свиданье?

— Я это зналъ,—глухо возразилъ Кистеръ.

— Знали?.. А! теперь я понимаю, почему третьяго-дня... Г-нъ Лучковъ, видно, поспѣшилъ похвастаться своей *побѣдой*.

Кистеръ хотѣлъ-было отвѣтить...

— Не говорите, не возражайте мнѣ ничего... Я знаю— онъ вашъ другъ; вы въ состояніи его защищать. Вы знали, Кистеръ, знали... Какъ же вы не помѣшали мнѣ сдѣлать такую глупость? Какъ вы не выдрали меня за уши, какъ ребенка? Вы знали... и вамъ было все равно?

— Но какое право имѣлъ я...

— Какое право!.. право друга. Но и онъ вашъ другъ... Мнѣ совѣстно, Кистеръ... Онъ вашъ другъ... Этотъ человѣкъ обошелся со мной вчера такъ...

Маша отвернулась. Глаза Кистера вспыхнули; онъ поблѣднѣлъ.

— Ну, полноте, не сердитесь... Слышите, Ѳедоръ Ѳедорычъ, не сердитесь. Все къ лучшему. Я очень рада вчерашнему объясненію... именно объясненію,—прибавила

Маша.—Для чего, вы думаете, я заговорила съ вами объ этомъ? Для того, чтобъ пожаловаться на г. Лучкова? Полноте! Я забыла о немъ. Но я виновата передъ вами, мой добрый другъ... Я хочу объясниться, попросить вашего прощенья... вашего совѣта. Вы пріучили меня къ откровенности; мнѣ легко съ вами... Вы не какой-нибудь г. Лучковъ!

— Лучковъ неловокъ и грубъ,—съ трудомъ выговорилъ Кистеръ:—но...

— Что: *но*? Какъ вамъ не стыдно говорить: *но*? Онъ грубъ, *и* неловокъ, *и* золъ, *и* самолюбивъ... Слышите: *и*, а не *но*.

— Вы говорите подъ вліяніемъ гнѣва, Марья Сергѣевна,—грустно промолвилъ Кистеръ.

— Гнѣва? Какого гнѣва? Посмотрите на меня: развѣ такъ гнѣваются? Послушайте, — продолжала Маша:— думайте обо мнѣ, что̀ вамъ угодно... но если вы воображаете, что я сегодня кокетничаю съ вами изъ мести, то... то...—Слезы навернулись у ней на глазахъ: — я разсержусь не шутя.

— Будьте со мной откровенны, Марья Сергѣевна...

— О, глупый человѣкъ! О, недогадливый! Да взгляните на меня, развѣ я не откровенна съ вами, развѣ вы не видите меня насквозь?

— Ну, хорошо... да; я вѣрю вамъ, — съ улыбкой продолжалъ Кистеръ, видя, съ какой заботливой настойчивостью она ловила его взглядъ:—ну, скажите же мнѣ, что̀ васъ побудило назначить свиданіе Лучкову?

— Что? сама не знаю. Онъ хотѣлъ говорить со мной наединѣ. Мнѣ казалось, что онъ все еще не имѣлъ время, случая высказаться. Теперь онъ высказался! Послушайте: онъ, можетъ-быть, необыкновенный человѣкъ, но онъ — глупъ, право... Онъ двухъ словъ сказать не умѣетъ. Онъ— просто невѣжливъ. Впрочемъ, я даже не очень его виню... онъ могъ подумать, что я вѣтреная, сумасшедшая дѣвчонка. Я съ нимъ почти никогда не говорила... Онъ, точно, возбуждалъ мое любопытство, но я воображала, что человѣкъ, который заслуживаетъ быть вашимъ другомъ...

— Не говорите, пожалуйста, о немъ, какъ о моемъ другѣ,—перебилъ ее Кистеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу васъ разссорить.

— О, Боже мой, я для васъ готовъ пожертвовать не только другомъ, но и... Между мной и г. Лучковымъ все кончено!—поспѣшно прибавилъ Кистеръ.

Маша пристально взглянула ему въ лицо.

— Ну, Богъ съ нимъ!—сказала она.—Не станемте говорить о немъ. Мнѣ впередъ урокъ. Я сама виновата. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я почти каждый день видѣла человѣка добраго, умнаго, веселаго, ласковаго, который...—Маша смѣшалась и замѣшкалась:—который, кажется, меня тоже... немного... жаловалъ... и я, глупая,—быстро продолжала она: — предпочла ему... нѣтъ, нѣтъ, не предпочла, а...

Она потупила голову и съ смущеніемъ замолчала.

Кистеру становилось страшно. — Быть не можетъ! — твердилъ онъ про себя.

— Марья Сергѣевна!—заговорилъ онъ наконецъ.

Маша подняла голову и остановила на немъ глаза, отягченные непролитыми слезами.

— Вы не угадываете, о комъ я говорю?—спросила она.

Едва дыша, Кистеръ протянулъ руку. Маша тотчасъ съ жаромъ схватилась за нее.

— Вы мой другъ попрежнему, не правда ли?.. Что жъ вы не отвѣчаете?

— Я вашъ другъ, вы это знаете,—пробормоталъ онъ.

— И вы не осуждаете меня? Вы простили мнѣ?.. Вы понимаете меня! Вы не смѣетесь надъ дѣвушкой, которая наканунѣ назначила свиданіе одному, а сегодня говоритъ уже съ другимъ, какъ я говорю съ вами... Не правда ли, вы не смѣетесь надо мною?.. — Лицо Маши рдѣло; она обѣими руками держалась за руку Кистера...

— Смѣяться надъ вами,—отвѣчалъ Кистеръ:—я... я... да я васъ люблю... я васъ люблю,—воскликнулъ онъ.

Маша закрыла себѣ лицо.

— Неужели жъ вы давно не знаете, Марья Сергѣевна, что я люблю васъ?

X.

Три недѣли послѣ этого свиданья, Кистеръ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ и писалъ слѣдующее письмо къ своей матери:

Любезная матушка!

„Спѣшу подѣлиться съ вами большой радостью: я женюсь. Это извѣстіе васъ, вѣроятно, только потому удивитъ, что въ прежнихъ моихъ письмахъ я даже не намекалъ на такую важную перемѣну въ моей жизни,—а вы знаете, что я привыкъ дѣлиться съ вами всѣми моими чувствами, моими радостями и печалями. Причины моего молчанія объяснить вамъ легко. Во-первыхъ, я только недавно самъ узналъ, что я любимъ; а во-вторыхъ, съ моей стороны, я тоже недавно почувствовалъ всю силу собственной привязанности. Въ одномъ изъ первыхъ моихъ писемъ отсюда, я вамъ говорилъ о Перекатовыхъ, нашихъ сосѣдяхъ; я женюсь на ихъ единственной дочери, Маріи. Я твердо увѣренъ, что мы оба будемъ счастливы; она возбудила во мнѣ не мгновенную страсть, но глубокое, искреннее чувство, въ которомъ дружба слилась съ любовью. Ея веселый, кроткій нравъ вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ наклонностямъ. Она образована, умна, прекрасно играетъ на фортепіано... Если бъ вы могли ее видѣть!! Посылаю вамъ ея портретъ, мною нарисованный. Нечего, кажется, и говорить, что она во сто разъ лучше своего портрета. Маша васъ уже любитъ, какъ дочь, и не дождется дня свиданія съ вами. Я намѣренъ выйти въ отставку, поселиться въ деревнѣ и заняться хозяйствомъ. У старика Перекатова четыреста душъ въ отличномъ состояніи. Вы видите, что и съ этой, матеріальной стороны, нельзя не похвалить моего рѣшенія. Я беру отпускъ и ѣду въ Москву и къ вамъ. Ждите меня недѣли черезъ двѣ, не болѣе. Милая, добрая маменька—какъ я счастливъ!.. Обнимите меня...“ и т. д.

Кистеръ сложилъ и запечаталъ письмо, всталъ, подошелъ къ окну, выкурилъ трубку, подумалъ немного и вернулся къ столу. Онъ досталъ небольшой листокъ поч-

товой бумаги, тщательно обмакнулъ перо въ чернила, но долго не начиналъ писать, хмурилъ брови, поднималъ глаза къ потолку, кусалъ конецъ пера... Наконецъ онъ рѣшился—и въ теченіе четверти часа сочинилъ слѣдующее посланіе:

„Милостивый государь
Авдѣй Ивановичъ!

„Со дня вашего послѣдняго посѣщенія (т.-е. въ теченіе трехъ недѣль) вы мнѣ не кланяетесь, не говорите со мной и какъ бы избѣгаете моей встрѣчи. Всякій человѣкъ, безспорно, въ своихъ поступкахъ воленъ; вамъ угодно было прекратить наше знакомство — и я, повѣрьте, не обращаюсь къ вамъ съ жалобой на васъ же самихъ; я не намѣренъ и не привыкъ навязываться кому бы то ни было; мнѣ довольно сознанія моей правоты. Я пишу къ вамъ теперь—по чувству долга. Я сдѣлалъ предложеніе Марьѣ Сергѣевнѣ Перекатовой, и получилъ ея согласіе, а также и согласіе ея родителей. Сообщаю это извѣстіе—прямо и непосредственно *вамъ*, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній и подозрѣній. Откровенно признаюсь вамъ, М. Г., что я не могу слишкомъ заботиться о мнѣніи человѣка, который самъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на мнѣнія и чувства другихъ людей, и пишу къ вамъ единственно потому, что въ этомъ случаѣ я не хочу даже подать вида, какъ будто поступалъ или поступаю украдкой. Смѣю сказать: вы меня знаете—и не припишете моего теперешняго поступка какому-нибудь другому, дурному чувству. Въ послѣдній разъ говоря съ вами, не могу не пожелать вамъ, въ память нашей прежней дружбы, всевозможныхъ земныхъ благъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь, М. Г.,
вашъ покорный слуга
Ѳедоръ Кистеръ“.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ отправилъ эту записку по адресу, одѣлся и велѣлъ заложить себѣ коляску. Веселый и беззаботный, ходилъ онъ, напѣвая, по своей комнаткѣ, подпрыгнулъ даже раза два, свернулъ тетрадь романсовъ въ трубочку и перевязалъ ее голубой ленточкой... Дверь отво-

рилась—и въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ фуражкой на головѣ, вошелъ Лучковъ. Изумленный Кистеръ остановился среди комнаты, не додѣлавъ розетки.

— Вы женитесь на Перекатовой?—спросилъ спокойнымъ голосомъ Авдѣй.

Кистеръ вспыхнулъ.

— Милостивый государь,—началъ онъ:—входя въ комнату, порядочные люди снимаютъ шапку и здороваются.

— Извините-съ,—отрывисто возразилъ бреттёръ и снялъ фуражку.—Здравствуйте.

— Здравствуйте, г-нъ Лучковъ. Вы меня спрашиваете, женюсь ли я на дѣвицѣ Перекатовой? Развѣ вы не прочли моего письма?

— Я ваше письмо прочелъ. Вы женитесь. Поздравляю.

— Принимаю ваше поздравленіе и благодарю васъ. Но я долженъ ѣхать.

— Я желалъ бы объясниться съ вами, Ѳедоръ Ѳедорычъ.

— Извольте, съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ добрякъ.— Я, признаться, ждалъ этого объясненія. Ваше поведеніе со мной такъ странно, и я, съ своей стороны, кажется, не заслуживалъ... по крайней мѣрѣ, не могъ ожидать... Но не угодно ли вамъ сѣсть? Не хотите ли трубки?

Лучковъ сѣлъ. Въ его движеніяхъ замѣчалась усталость. Онъ повелъ усами и поднялъ брови.

— Скажите, Ѳедоръ Ѳедорычъ,—началъ онъ наконецъ:— зачѣмъ вы такъ долго со мной притворялись?

— Какъ это?

— Зачѣмъ вы прикидывались такимъ... безукоризненнымъ созданіемъ, когда вы такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы, грѣшные?

— Я васъ не понимаю... Ужъ не оскорбилъ ли я васъ чѣмъ-нибудь?..

— Вы меня не понимаете... положимъ. Я постараюсь говорить яснѣе. Скажите мнѣ, напримѣръ, откровенно: давно вы чувствовали расположеніе къ дѣвицѣ Перекатовой, или воспылали страстью внезапной?

— Я бы не желалъ говорить съ вами, Авдѣй Иванычъ,

о моихъ отношеніяхъ къ Марьѣ Сергѣевнѣ, — холодно отвѣчалъ Кистеръ.

— Такъ-съ. Какъ угодно. Только вы ужъ сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ думать, что вы меня дурачили.

Авдѣй говорилъ очень медленно и съ разстановкой.

— Вы не можете этого думать, Авдѣй Иванычъ; вы меня знаете.

— Я васъ знаю?.. кто васъ знаетъ? Чужая душа—темный лѣсъ, а товаръ лицомъ показывается. Я знаю, что вы читаете нѣмецкіе стихи съ большимъ чувствомъ и даже со слезами на глазахъ; я знаю, что на стѣнахъ своей квартиры вы развѣсили разныя географическія карты; я знаю, что вы содержите свою персону въ опрятности; это я знаю... а больше я ничего не знаю...

Кистеръ началъ сердиться.

— Позвольте узнать,—спросилъ онъ наконецъ:—какая цѣль вашего посѣщенія? Вы три недѣли со мной не кланялись, а теперь пришли ко мнѣ, кажется, съ намѣреніемъ трунить надо мной. Я не мальчикъ, милостивый государь, и не позволю никому...

— Помилуйте,—перебилъ его Лучковъ:—помилуйте, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, кто осмѣлится трунить надъ вами? Я напротивъ, пришелъ къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой; а именно: сдѣлайте милость, растолкуйте мнѣ *ваше* поведеніе со мною. Позвольте спросить: не вы ли насильно меня познакомили съ семействомъ Перекатовыхъ? Не вы ли увѣряли вашего покорнаго слугу, что онъ расцвѣтетъ душой? Не вы ли, наконецъ, свели меня съ добродѣтельной Марьей Сергѣевной? Почему же мнѣ не предполагать, что *вамъ* я обязанъ тѣмъ послѣднимъ, пріятнымъ объясненіемъ, о которомъ васъ уже, вѣроятно, надлежащимъ образомъ извѣстили? Жениху, вѣдь, невѣста все разсказываетъ, особенно свои *невинныя* продѣлки. Почему же мнѣ не думать, что по вашей милости мнѣ наклеили такой великолѣпный носъ? Вы, вѣдь, такое принимали участіе въ моемъ „расцвѣтаньѣ“!

Кистеръ прошелся по комнатѣ.

— Послушайте, Лучковъ,—сказалъ онъ наконецъ:—если

вы дѣйствительно, не шутя, убѣждены въ томъ, что вы говорите,—чему я, признаюсь, не вѣрю,—то позвольте вамъ сказать: стыдно и грѣшно вамъ такъ оскорбительно толковать мои поступки и мои намѣренія. Я не хочу оправдываться... Я обращаюсь къ вашей собственной совѣсти, къ вашей памяти.

— Да; я помню, что вы безпрестанно перешептывались съ Марьей Сергѣевной. Сверхъ того, позвольте мнѣ опять-таки спросить у васъ: не были ли вы у Перекатовыхъ послѣ извѣстнаго разговора со мной? Послѣ этого вечера, когда я, какъ дуракъ, разболтался съ вами, съ моимъ лучшимъ другомъ, о назначенномъ свиданьѣ?

— Какъ! вы подозрѣваете меня въ...

— Я ни въ чемъ не подозрѣваю другого,—съ убійственной холодностью прервалъ его Авдѣй:—въ чемъ я самого себя не подозрѣваю; но я также имѣю слабость думать, что другіе люди не лучше меня.

— Вы ошибаетесь,—съ запальчивостью возразилъ Кистеръ:—другіе люди лучше васъ.

— Съ чѣмъ честь имѣю ихъ поздравить,—спокойно замѣтилъ Лучковъ:—но...

— Но,—прервалъ его въ свою очередь раздосадованный Кистеръ:—вспомните, въ какихъ выраженіяхъ вы мнѣ говорили объ... этомъ свиданьѣ, о... Впрочемъ, эти объясненія ни къ чему не поведутъ, я вижу... Думайте обо мнѣ, что̀ вамъ угодно, и поступайте, какъ знаете.

— Вотъ этакъ-то лучше,—замѣтилъ Авдѣй.—Насилу-то заговорили откровенно.

— Какъ знаете!—повторилъ Кистеръ.

— Я понимаю ваше положенье, Ѳедоръ Ѳедорычъ,—съ притворнымъ участіемъ продолжалъ Авдѣй. — Оно непріятно, дѣйствительно непріятно. Человѣкъ игралъ, игралъ роль, и никто не замѣчалъ въ немъ актера; вдругъ...

— Если бъ я могъ думать,—перебилъ его, стиснувъ зубы, Кистеръ:—что въ васъ говоритъ теперь оскорбленная любовь, я бы почувствовалъ къ вамъ сожалѣнье, я бы извинилъ васъ... Но въ вашихъ упрекахъ, въ вашихъ кле-

ветахъ слышится одинъ крикъ уязвленнаго самолюбія... и я не чувствую къ вамъ никакой жалости... Вы сами заслужили вашу участь.

— Фу, ты, Боже мой, какъ говоритъ человѣкъ!—замѣтилъ вполголоса Авдѣй.—Самолюбіе,—продолжалъ онъ:—можетъ-быть; да, да, самолюбіе во мнѣ, какъ вы говорите, уязвлено глубоко, нестерпимо. Но кто же не самолюбивъ? Не вы ли? Да, я самолюбивъ, и, напримѣръ, никому не позволю сожалѣть обо мнѣ...

— Не позволите?—гордо возразилъ Кистеръ.—Что за выраженіе, милостивый государь! Не забудьте: связь между нами разорвана вами самими. Прошу васъ обращаться со мною, какъ съ постороннимъ человѣкомъ.

— Разорвана! Связь разорвана! — повторилъ Авдѣй.— Поймите меня: я съ вами не кланялся и не былъ у васъ изъ сожалѣнія къ вамъ; вѣдь вы позволите мнѣ сожалѣть о васъ, коли вы обо мнѣ сожалѣете!.. Я не хотѣлъ поставить васъ въ ложное положеніе, возбудить въ васъ угрызеніе совѣсти... Вы толкуете о нашей связи... какъ будто бы вы могли остаться моимъ пріятелемъ попрежнему послѣ вашей свадьбы! Полноте! Вы и прежде-то со мной знались только для того, чтобъ тѣшиться вашимъ мнимымъ превосходствомъ...

Недобросовѣстность Авдѣя утомляла, возмущала Кистера.

— Прекратимте такой непріятный разговоръ! — воскликнулъ онъ наконецъ. — Я, признаюсь, не понимаю, зачѣмъ вамъ угодно было ко мнѣ пожаловать?

— Вы не понимаете, зачѣмъ я къ вамъ пришелъ?— съ любопытствомъ спросилъ Авдѣй.

— Рѣшительно не понимаю.

— Нѣ....ѣтъ?

— Да, говорятъ вамъ...

— Удивительно!.. Это удивительно! Кто бы этого ожидалъ отъ человѣка съ вашимъ умомъ!

— Ну, такъ извольте жъ объясниться, наконецъ...

— Я пришелъ, г-нъ Кистеръ, — проговорилъ Авдѣй, медленно поднимаясь съ мѣста: — я пришелъ васъ вызвать на дуэль, понимаете ли вы? Я хочу драться съ

вами. А! Вы думали такъ-таки отъ меня отдѣлаться! Да развѣ вы не знали, съ какимъ человѣкомъ имѣете дѣло? Позволилъ бы я...

— Очень хорошо-съ,—холодно и отрывисто перебилъ его Кистеръ.—Я принимаю вашъ вызовъ. Извольте прислать ко мнѣ вашего секунданта.

— Да, да,—продолжалъ Авдѣй, которому, какъ кошкѣ, жаль было такъ скоро разстаться съ своей жертвой:—я, признаться, съ большимъ удовольствіемъ наведу завтра дуло моего пистолета на ваше идеальное и бѣлокурое лицо.

— Вы, кажется, ругаетесь послѣ вызова,—съ презрѣньемъ возразилъ Кистеръ. — Извольте идти. Мнѣ за васъ совѣстно.

— Извѣстное дѣло: деликатессъ!.. А, Марья Сергѣвна! я не понимаю по-французски!—проворчалъ Авдѣй, надѣвая фуражку.—До пріятнаго свиданія, Ѳедоръ Ѳедорычъ!

Онъ поклонился и вышелъ.

Кистеръ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Лицо его горѣло, грудь высоко поднималась. Онъ не робѣлъ и не сердился; но ему гадко было подумать, какого человѣка онъ считалъ нѣкогда своимъ другомъ. Мысль о поединкѣ съ Лучковымъ его почти радовала... Разомъ отдѣлаться отъ своего прошедшаго, перескочить черезъ этотъ камень и поплыть потомъ по безмятежной рѣкѣ... „Прекрасно, думалъ онъ: — я завоюю свое счастье“.— Образъ Маши, казалось, улыбался ему и сулилъ побѣду.— „Я не погибну! нѣтъ, я не погибну!“ твердилъ онъ съ спокойной улыбкой. На столѣ лежало письмо къ его матери... Сердце въ немъ сжалось на мгновеніе. Онъ рѣшился на всякій случай подождать отсылкой. Въ Кистерѣ происходило то возвышеніе жизненной силы, которое человѣкъ замѣчаетъ въ себѣ передъ опасностью. Онъ спокойно обдумывалъ всевозможныя послѣдствія поединка, мысленно подвергалъ себя и Машу испытаніямъ несчастія и разлуки—и глядѣлъ на будущее съ надеждой. Онъ давалъ себѣ слово не убить Лучкова... Неотразимо влекло его къ Машѣ. Онъ сыскалъ секунданта, наскоро устроилъ свои дѣла, и тотчасъ послѣ обѣда уѣхалъ къ Перека-

товымъ. Весь вечеръ Кистеръ былъ веселъ, можетъ-быть, слишкомъ веселъ.

Маша много играла на фортепіанахъ, ничего не предчувствовала и мило съ нимъ кокетничала. Сперва ея безпечность огорчала его, потомъ онъ эту самую безпечность Маши принялъ за счастливое предсказаніе—и обрадовался и успокоился. Она съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе къ нему привязывалась; потребность счастія въ ней была сильнѣе потребности страсти. Притомъ Авдѣй отучилъ ее отъ всѣхъ преувеличенныхъ желаній, и она съ радостію и навсегда отказалась отъ нихъ. Ненила Макарьевна любила Кистера, какъ сына. Сергѣй Сергѣевичъ, по привычкѣ, подражалъ своей женѣ.

— До свиданія, — сказала Кистеру Маша, проводивъ его до передней и съ тихой улыбкой глядя, какъ онъ нѣжно и долго цѣловалъ ея руки.

— До свиданія, — съ увѣренностью возразилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ:—до свиданія.

Но, отъѣхавъ съ полверсты отъ дома Перекатовыхъ, онъ приподнялся въ коляскѣ и съ смутнымъ безпокойствомъ сталъ искать глазами освѣщенныя окна... Въ домѣ все было уже темно, какъ въ могилѣ.

XI.

На другой день, въ 11-мъ часу утра, секундантъ Кистера, старый, заслуженный маіоръ, заѣхалъ за нимъ. Добрый старикъ ворчалъ и кусалъ свои сѣдые усы, сулилъ всякую пакость Авдѣю Ивановичу... Подали коляску. Кистеръ вручилъ маіору два письма, одно къ матери, другое къ Машѣ.

— Это зачѣмъ?

— Да нельзя знать...

— Вотъ вздоръ! мы его подстрѣлимъ, какъ куропатку.

— Все же лучше...

Маіоръ съ досадой сунулъ оба письма въ боковой карманъ своего сюртука.

— Ѣдемъ.

Они отправились. Въ небольшомъ лѣсу, въ двухъ вер-

стахъ отъ села Кирилова, ихъ дожидался Лучковъ съ своимъ секундантомъ, прежнимъ своимъ пріятелемъ, раздушеннымъ полковымъ адъютантомъ. Погода была прекрасная, птицы мирно чирикали; невдалекѣ отъ лѣса мужикъ пахалъ землю. Пока секунданты отмѣривали разстояніе, устанавливали барьеръ, осматривали и заряжали пистолеты, противники даже не взглянули другъ на друга. Кистеръ съ беззаботнымъ видомъ прохаживался взадъ и впередъ, помахивая сорванною вѣткою; Авдѣй стоялъ неподвижно, скрестя руки и нахмуря брови. Наступило рѣшительное мгновеніе. „Начинайте, господа!“ Кистеръ быстро подошелъ къ барьеру, но не успѣлъ ступить еще пяти шаговъ, какъ Авдѣй выстрѣлилъ. Кистеръ дрогнулъ, ступилъ еще разъ, зашатался, опустилъ голову... Его колѣни подогнулись... онъ, какъ мѣшокъ, упалъ на траву. Маіоръ бросился къ нему... „Неужели?“ шепталъ умирающій...

Авдѣй подошелъ къ убитому. На его сумрачномъ и похудѣвшемъ лицѣ выразилось свирѣпое, ожесточенное сожалѣніе... Онъ поглядѣлъ на адъютанта и на маіора, наклонилъ голову, какъ виноватый, молча сѣлъ на лошадь и поѣхалъ шагомъ прямо на квартиру полковника.

Маша... жива до сихъ поръ...

1846 г.

ТРИ ПОРТРЕТА.

(повѣсть.)

„*Сосѣдство*“ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ непріятностей деревенской жизни. Я зналъ одного вологодскаго помѣщика, который, при всякомъ удобномъ случаѣ, повторялъ слѣдующія слова: „слава Богу, у меня нѣтъ сосѣдей“ — и, признаюсь, не могъ не завидовать этому счастливому смертному. Моя деревенька находится въ одной изъ многолюднѣйшихъ губерній Россіи. Я окруженъ великимъ множествомъ сосѣдушекъ, начиная съ благонамѣренныхъ и почтенныхъ помѣщиковъ, облеченныхъ въ просторные фраки и просторнѣйшіе жилеты,—и кончая записными гуляками, носящими венгерки съ длинными рукавами и такъ-называемымъ „фимскимъ“ узломъ на спинѣ. Въ числѣ всѣхъ этихъ дворянъ, случайнымъ образомъ открылъ я, однакожъ, одного весьма любезнаго малаго: онъ прежде служилъ въ военной службѣ, потомъ вышелъ въ отставку и поселился на вѣки-вѣковъ въ деревнѣ. По его разсказамъ, онъ служилъ два года въ б-мъ полку; но я рѣшительно не понимаю, какъ могъ этотъ человѣкъ нести какую-нибудь обязанность, не только въ теченіе двухъ лѣтъ, но даже въ продолженіе двухъ дней. Онъ былъ ро-

жденъ „для жизни мирной, для деревенской тишины", то-есть, для лѣниваго, безпечнаго прозябанія, которое, замѣчу въ скобкахъ, не лишено великихъ и неистощимыхъ прелестей. Онъ пользовался весьма порядочнымъ состояніемъ: не заботясь слишкомъ о хозяйствѣ, проживалъ около десяти тысячъ рублей въ годъ, досталъ себѣ прекраснаго повара (мой пріятель любилъ хорошо покушать); также выписывалъ себѣ изъ Москвы новѣйшія французскія книги и журналы. По-русски же читалъ онъ одни лишь донесенія своего приказчика, и то съ большимъ трудомъ. Онъ съ утра (если не уѣзжалъ на охоту) до обѣда и за обѣдомъ не покидалъ халата; перебиралъ какіе-нибудь художественные рисунки, не то отправлялся на конюшню или въ молотильный сарай, и пересмѣивался съ бабами, которыя при немъ взмахивали цѣпами, какъ горится, съ прохвала. Послѣ обѣда мой другъ одѣвался передъ зеркаломъ весьма тщательно и ѣхалъ къ какому-нибудь сосѣду, одаренному двумя или тремя хорошенькими дочками; безпечно и миролюбиво волочился за одной изъ нихъ, игралъ съ ними въ жмурки, возвращался домой довольно поздно и тотчасъ же засыпалъ богатырскимъ сномъ. Онъ скучать не могъ, потому что никогда не предавался полному бездѣйствію; а на выборъ занятій не былъ прихотливъ, и какъ ребенокъ тѣшился малѣйшей бездѣлицей. Съ другой стороны — особенной привязанности къ жизни не чувствовалъ, и, бывало, когда приходилось *перескакивать* волка или лисицу, — пускалъ свою лошадь во всю прыть по такимъ рытвинамъ, что я до сихъ поръ понять не могу, какъ онъ себѣ сто разъ не сломалъ шеи. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые возбуждаютъ въ васъ мысль, что они сами себѣ не знаютъ цѣны, что подъ ихъ наружнымъ великодушіемъ скрываются сильныя и великія страсти; но онъ бы разсмѣялся вамъ въ носъ, если бъ могъ догадаться, что вы питаете о немъ подобное мнѣніе; да и, признаться сказать, я самъ думаю, что если и водилось за моимъ пріятелемъ въ молодости какое-нибудь, хотя не ясное, но сильное стремленіе къ тому, что весьма мило названо „чѣмъ-то высшимъ", то это

стремленіе давнымъ-давно въ немъ угомонились и *зачичкало.* Онъ былъ довольно толстъ и наслаждался превосходнымъ здоровьемъ. Въ нашъ вѣкъ нельзя не любить людей, мало помышляющихъ о самихъ себѣ, потому что они чрезвычайно рѣдки... а мой пріятель едва ли не забылъ о своей особѣ. Впрочемъ, я, кажется, уже слишкомъ много говорю о немъ — и моя болтовня тѣмъ болѣе неумѣстна, что не онъ служитъ предметомъ моего разсказа. Его звали Петромъ Ѳедоровичемъ Лучиновымъ.

Въ одинъ осенній день съѣхалось насъ человѣкъ пять записныхъ охотниковъ, у Петра Ѳедоровича. Цѣлое утро мы провели въ полѣ, затравили двухъ волковъ и множество зайцевъ и вернулись домой въ томъ восхитительно-пріятномъ расположеніи духа, которое овладѣваетъ всякимъ порядочнымъ человѣкомъ послѣ удачной охоты. Смеркалось. Вѣтеръ разыгрывался въ темныхъ поляхъ и шумно колебалъ обнаженныя вершины березъ и липъ, окружавшихъ домъ Лучинова. Мы пріѣхали, слѣзли съ коней... На крыльцѣ я остановился и оглянулся: по сѣрому небу тяжко ползли длинныя тучи; темнобурый кустарникъ крутился на вѣтрѣ и жалобно шумѣлъ; желтая трава безсильно и печально пригибалась къ землѣ; стаи дроздовъ перелетывали по рябинамъ, осыпаннымъ ярко-пунцовыми гроздьями; въ тонкихъ и ломкихъ сучьяхъ березъ съ свистомъ попрыгивали синицы; на деревнѣ сипло лаяли собаки. Мнѣ стало грустно... зато я съ истинной отрадой вошелъ въ столовую. Ставни были заперты; на кругломъ столѣ, покрытомъ скатертью ослѣпительной бѣлизны, среди хрустальныхъ графиновъ, наполненныхъ краснымъ виномъ, горѣло восемь свѣчей въ серебряныхъ подсвѣчникахъ; въ каминѣ весело пылалъ огонь—и старый, весьма благообразный дворецкій, съ огромной лысиной, одѣтый по-англійски, стоялъ въ почтительной неподвижности передъ другимъ столомъ, на которомъ уже красовалась большая суповая чаша, обвитая легкимъ, пахучимъ паромъ. Въ сѣнцахъ мы прошли мимо другого почтеннаго человѣка, занятаго мороженіемъ шампанскаго—„по строгимъ правиламъ искусства“.—Обѣдъ былъ, какъ водится

въ подобныхъ случаяхъ, чрезвычайно пріятный; мы хохотали, разсказывали происшествія, случившіяся на охотѣ, и съ восторгомъ упоминали о двухъ знаменитыхъ „угонкахъ“. Покушавши довольно плотно, разложились мы въ широкихъ креслахъ около камина; на столѣ появилась объемистая серебряная чаша, и черезъ нѣсколько мгновеній, бѣглое пламя запылавшаго рома возвѣстило намъ о пріятномъ намѣреніи хозяина „сотворить жженку“.—Петръ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ не безъ вкуса; онъ, напримѣръ, зналъ, что ничего не дѣйствуетъ такъ убійственно на фантазію, какъ ровный, холодный и педантическій свѣтъ лампъ — потому велѣлъ оставить въ комнатѣ всего двѣ свѣчи. Странныя полу-тѣни трепетали по стѣнамъ, произведенныя прихотливою игрою огня въ каминѣ и пламенемъ жжёнки... тихая, чрезвычайно пріятная отрада замѣнила въ нашихъ сердцахъ нѣсколько буйную веселость, господствовавшую за обѣдомъ.

Разговоры имѣютъ свои судьбы, какъ книги (по латинской пословицѣ), какъ все на свѣтѣ. Нашъ разговоръ въ этотъ вечеръ былъ какъ-то особенно разнообразенъ и живъ. Отъ частностей восходилъ онъ къ довольно важнымъ общимъ вопросамъ, легко и непринужденно возвращался къ ежедневностямъ жизни... Поболтавши довольно много, мы вдругъ всѣ замолчали. Въ это время, говорятъ, пролетаетъ тихій ангелъ.

Не знаю, отчего мои товарищи затихли, но я замолчалъ оттого, что мои глаза остановились внезапно на трехъ запыленныхъ портретахъ въ черныхъ деревянныхъ рамкахъ. Краски стерлись и кое-гдѣ покоробились, но лица можно было еще разобрать. На среднемъ портретѣ изображена была женщина молодыхъ лѣтъ, въ бѣломъ платьѣ съ кружевными каемками, въ высокой прическѣ восьмидесятыхъ годовъ. Направо отъ нея, на совершенно черномъ фонѣ виднѣлось круглое и толстое лицо добраго русскаго помѣщика лѣтъ двадцати-пяти, съ низкимъ и широкимъ лбомъ, тупымъ носомъ и простодушной улыбкой. Французская напудренная прическа весьма не согласовалась съ выраженіемъ его славянскаго лица. Живопи-

сецъ изобразилъ его въ кафтанѣ алаго цвѣта съ большими стразовыми пуговицами; въ рукѣ держалъ онъ какой-то небывалый цвѣтокъ. На третьемъ портретѣ, писанномъ другою, болѣе искусною рукою, былъ представленъ человѣкъ лѣтъ тридцати, въ зеленомъ мундирѣ екатерининскаго времени, съ красными отворотами, въ бѣломъ камзолѣ, въ тонкомъ батистовомъ галстукѣ. Одной рукой онъ опирался на трость съ золотымъ набалдашникомъ, другую заложилъ за камзолъ. Его смуглое худощавое лицо дышало дерзкою надменностью. Тонкія длинныя брови почти срастались надъ черными какъ смоль глазами; на блѣдныхъ, едва замѣтныхъ губахъ играла недобрая улыбка.

— Что вы это заглядѣлись на эти лица? — спросилъ меня Петръ Ѳедоровичъ.

— Такъ!—отвѣчалъ я, посмотрѣвъ на него.

— Хотите ли выслушать цѣлый разсказъ объ этихъ трехъ лицахъ?

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣчали мы въ одинъ голосъ.

Петръ Ѳедоровичъ всталъ, взялъ свѣчку, поднесъ ее къ портретамъ, и голосомъ человѣка, показывающаго дикихъ звѣрей, „господа!“ провозгласилъ онъ: „эта дама — пріемышъ моего роднаго прадѣдушки, Ольга Ивановна NN., прозванная Лучиновой, умершая лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ дѣвицахъ. Этотъ господинъ“—показывая на портретъ мужчины въ мундирѣ—„гвардіи сержантъ, Василій Ивановичъ Лучиновъ же, скончавшійся волею Божіею, въ тысяча семьсотъ девяностомъ году, а этотъ господинъ, съ которымъ я не имѣю чести состоять въ родствѣ, нѣкто Павелъ Аѳанасьевичъ Рогачевъ, нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, не служившій. Извольте обратить вниманіе на дыру, находящуюся у него въ груди, на самомъ мѣстѣ сердца. Эта дыра, какъ вы видите, правильная, трехгранная, вѣроятно, не могла произойти случайно...“—Теперь,—продолжалъ онъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ:—извольте усѣсться, вооружитесь терпѣніемъ и слушайте.

— Господа! началъ онъ:—я происхожу отъ довольно стариннаго рода. Я моимъ происхожденіемъ не горжусь, потому что мои предки были всѣ страшные мотыги. Впро-

чемъ, этотъ упрекъ не относится къ моему прадѣду, Ивану Андреевичу Лучинову, — напротивъ: онъ слылъ за человѣка чрезвычайно бережливаго и даже скупого—по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы своей жизни. Онъ провелъ свою молодость въ Петербургѣ, и былъ свидѣтелемъ царствованія Елизаветы. Въ Петербургѣ онъ женился и прижилъ съ своей женой, а моей прабабушкой, четырехъ человѣкъ дѣтей—трехъ сыновей, Василія, Ивана и Павла (моего родного дѣда), и одну дочь, Наталью. Сверхъ того, Иванъ Андреевичъ принялъ къ себѣ въ семейство дочь одного отдаленнаго родственника, круглую безымянную сироту, Ольгу Ивановну, о которой я уже вамъ говорилъ. Подданные моего дѣдушки, вѣроятно, знали о его существованіи, потому что высылали къ нему (когда не случалось особаго несчастія) весьма незначительный оброкъ—но никогда въ лицо его не видали. Сельцо Лучиновка, лишенное лицезрѣнія своего господина, процвѣтало,—какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, тяжелая колымага въѣхала въ деревню и остановилась передъ избой старосты. Мужики, встревоженные такимъ небывалымъ происшествіемъ, сбѣжались и увидали своего барина, барыню и всѣхъ ихъ чадъ, исключая старшаго, Василія, оставшагося въ Петербургѣ. Съ того достопамятнаго дня и до самой своей кончины, Иванъ Андреевичъ не выѣзжалъ изъ Лучиновки. Онъ выстроилъ себѣ домъ, тотъ самый, въ которомъ я теперь имѣю удовольствіе бесѣдовать съ вами; построилъ также церковь, и началъ жить помѣщикомъ. Иванъ Андреевичъ былъ человѣкъ огромнаго роста, худой, молчаливый и весьма медлительный во всѣхъ своихъ движеніяхъ; никогда не носилъ халата, и никто, исключая его камердинера, не видалъ его не напудреннымъ. Иванъ Андреевичъ обыкновенно ходилъ заложа руки за спину, медленно поворачивая голову при каждомъ шагѣ. Всякій день прогуливался онъ по длинной липовой аллеѣ, которую самъ собственноручно насадилъ,—и передъ смертью имѣлъ удовольствіе пользоваться тѣнью этихъ липъ. Иванъ Андреевичъ былъ чрезвычайно скупъ на слова; доказательствомъ его молчаливости служитъ то замѣчательное обстоятель-

ство, что онъ въ теченіе двадцати лѣтъ не сказалъ ни одного слова своей супругѣ, Аннѣ Павловнѣ. Вообще, его отношенія къ Аннѣ Павловнѣ были весьма страннаго рода.— Она завѣдывала всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, за обѣдомъ сидѣла всегда возлѣ своего мужа—онъ нещадно наказалъ бы человѣка, который осмѣлился бы сказать ей одно непочтительное слово,—а между тѣмъ, самъ съ ней никогда не говорилъ, не прикасался къ ея рукѣ. Анна Павловна была робкая, блѣдная, убитая женщина; каждый день молилась въ церкви на колѣняхъ и никогда не улыбалась. Толковали, что они прежде, т.-е. до пріѣзда въ деревню, жили въ большомъ ладу; поговаривали также, что Анна Павловна нарушила свои супружескія обязанности, что мужъ узналъ о ея проступкѣ... Какъ бы то ни было, но Иванъ Андреевичъ, даже умирая, не примирился съ ней. Во время послѣдней его болѣзни, она не отлучалась отъ него; но онъ, казалось, ея не замѣчалъ. Въ одну ночь, Анна Павловна сидѣла въ спальнѣ Ивана Андреевича; его мучила безсонница—лампада горѣла передъ образомъ; слуга моего дѣдушки, Юдичъ, о которомъ я вамъ впослѣдствіи скажу два слова, вышелъ. Анна Павловна встала, перешла черезъ комнату и, рыдая, бросилась на колѣни передъ постелью мужа, хотѣла что-то сказать—протянула руки... Иванъ Андреевичъ посмотрѣлъ на нее—и слабымъ голосомъ, но твердо закричалъ: „человѣкъ!“ Слуга вошелъ, Анна Павловна поспѣшно встала и, шатаясь, возвратилась на свое мѣсто.

Дѣти Ивана Андреевича чрезвычайно его боялись. Они выросли въ деревнѣ и были свидѣтелями страннаго обхожденія Ивана Андреевича съ своею женою. Они всѣ страстно любили Анну Павловну, но не смѣли высказать свою любовь. Она сама какъ будто ихъ чуждалась... Вы помните, господа, моего дѣда: онъ до самой смерти всегда ходилъ на цыпочкахъ и говорилъ шопотомъ... что̀ значитъ привычка! Мой дѣдъ и братъ его, Иванъ Ивановичъ, были люди простые, добрые, смирные и грустные; моя grand' tante Наталья вышла, какъ вамъ извѣстно, замужъ за грубаго и глупаго человѣка, и до смерти питала къ

нему безмолвную, подобострастную, овечью любовь—но не таковъ былъ братъ ихъ, Василій. Я вамъ, кажется, сказывалъ, что Иванъ Андреевичъ оставилъ его въ Петербургѣ. Ему было тогда лѣтъ двѣнадцать. Отецъ поручилъ его попеченіямъ одного отдаленнаго родственника, человѣка уже не молодого, холостого, страшнаго вольтеріанца.

Василій выросъ, поступилъ на службу. Онъ былъ не великъ ростомъ, но хорошо сложенъ и чрезвычайно ловокъ; прекрасно говорилъ по-французски и славился своимъ умѣньемъ драться на шпагахъ. Его считали однимъ изъ блистательныхъ молодыхъ людей начала царствованія Екатерины. Отецъ мой мнѣ часто говаривалъ, что онъ знавалъ не одну старушку, которая безъ сердечнаго умиленія вспомнить не могла о Васильѣ Ивановичѣ Лучиновѣ. Вообразите себѣ человѣка, одареннаго необыкновенной силой воли, страстнаго и разсчетливаго, терпѣливаго и смѣлаго, скрытнаго до чрезвычайности и — по словамъ всѣхъ его современниковъ—очаровательно, обаятельно любезнаго. Въ немъ не было ни совѣсти, ни доброты, ни честности, хотя никто же не могъ назвать его положительно злымъ человѣкомъ. Онъ былъ самолюбивъ—но умѣлъ таить свое самолюбіе, и страстно любилъ независимость. Когда, бывало, Василій Ивановичъ, улыбаясь, ласково прищуритъ черные глаза, когда захочетъ плѣнить кого-нибудь, говорятъ, невозможно ему было противиться—и даже люди, увѣренные въ сухости и холодности его души, не разъ поддавались чарующему могуществу его вліянія. Онъ усердно служилъ самому себѣ, и другихъ заставлялъ трудиться для своихъ же выгодъ, и всегда во всемъ успѣвалъ, потому что никогда не терялъ головы, не гнушался лести, какъ средства, и умѣлъ льстить.

Лѣтъ десять спустя послѣ поселенія Ивана Андреевича въ деревнѣ, пріѣхалъ онъ на четыре мѣсяца въ Лучиновку блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ—и въ теченіе этого времени успѣлъ вскружить голову даже угрюмому старику, отцу своему. Странно! Иванъ Андреевичъ съ наслажде-

ніемъ слушалъ разсказы своего сына о нѣкоторыхъ его *побѣдахъ*. Братья его нѣмѣли передъ нимъ и удивлялись ему, какъ существу высшему. Да и сама Анна Павловна едва ли не полюбила его болѣе всѣхъ другихъ дѣтей, такъ искренно ей преданныхъ.

Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ деревню, во-первыхъ, для того, чтобы повидаться съ родными; но, во-вторыхъ, и для того, чтобы достать какъ можно болѣе денегъ отъ отца. Онъ жилъ пышно и открыто въ Петербургѣ и надѣлалъ множество долговъ. Не легко ему было сладить со скупостью родителя, и хоть Иванъ Андреевичъ далъ ему въ одинъ его пріѣздъ, вѣроятно, гораздо болѣе денегъ, чѣмъ всѣмъ другимъ своимъ сыновьямъ въ продолженіе двадцати лѣтъ, прожитыхъ ими въ родительскомъ домѣ, но Василій держался извѣстнаго русскаго правила: „брать, такъ брать!“ У Ивана Андреевича былъ слуга, по прозванію Юдичъ, такой же высокій, худой и молчаливый человѣкъ, какъ самъ его баринъ. Говорятъ, этотъ Юдичъ былъ отчасти причиной страннаго обращенія Ивана Андреевича съ Анной Павловной: говорятъ, онъ открылъ преступную связь моей прабабушки съ однимъ изъ лучшихъ пріятелей моего прадѣда. Вѣроятно, Юдичъ глубоко раскаялся въ своей неумѣстной ревности, потому что трудно вообразить себѣ болѣе добраго человѣка. Память его до сихъ поръ священна всѣмъ моимъ дворовымъ людямъ. Юдичъ пользовался неограниченною довѣренностью моего прадѣда. Въ то время помѣщики имѣли деньги, но не отдавали ихъ на сбереженіе въ заемныя учрежденія, а сами хранили ихъ въ сундукахъ, въ подполицахъ и т. д. Иванъ Андреевичъ держалъ всѣ свои деньги въ большомъ кованномъ сундукѣ, находившемся у него подъ изголовьемъ. Ключъ отъ этого сундука былъ отданъ Юдичу. Каждый вечеръ, ложась спать, Иванъ Андреевичъ при себѣ приказывалъ отпирать этотъ сундукъ, постукивалъ палкой поочередно по всѣмъ тугонабитымъ мѣшкамъ, а по субботамъ самъ съ Юдичемъ развязывалъ мѣшки и тщательно пересчитывалъ деньги. Василій провѣдалъ о всѣхъ этихъ продѣлкахъ и возго-

рѣлъ желаніемъ потревожить завѣтный сундучокъ. Въ теченіе пяти, шести дней онъ *умягчилъ* Юдича, т.-е. довелъ бѣднаго старика до того, что тотъ въ молодомъ баринѣ— какъ говорится—души не чаялъ. Подготовивъ его надлежащимъ образомъ, Василій прикинулся озабоченнымъ и мрачнымъ, долго не хотѣлъ отвѣчать на разспросы Юдича и наконецъ сказалъ ему, что онъ проигрался и что наложитъ на себя руки—если не достанетъ гдѣ-нибудь денегъ. Юдичъ зарыдалъ, бросился передъ нимъ на колѣни, просилъ вспомнить Бога, не губить себя. Василій, не говоря ни слова, заперся въ своей комнатѣ. Черезъ нѣсколько времени услышалъ онъ, что кто-то осторожно къ нему стучится; онъ отперъ дверь и увидѣлъ на порогѣ Юдича, блѣднаго, трепещущаго, съ ключомъ въ рукѣ. Василій тотчасъ все понялъ. Сперва онъ долго отказывался. Юдичъ со слезами твердилъ: „извольте, баринъ! возьмите“... Василій, наконецъ, согласился. Дѣло было въ понедѣльникъ. Василью пришла въ голову мысль замѣнить вынутыя деньги битыми черепками. Онъ разсчитывалъ на то, что Иванъ Андреевичъ, постукивая по мѣшкамъ палкой, не обратитъ особеннаго вниманія на едва замѣтное различіе звука—а до субботы онъ надѣялся достать и вложить обратно деньги въ сундукъ. Придумано— сдѣлано. Отецъ, дѣйствительно, ничего не замѣтилъ. Но къ субботѣ Василій денегъ не досталъ: онъ надѣялся на взятыя деньги обыграть одного богатаго сосѣда — и, напротивъ, самъ все проигралъ. Между тѣмъ, настала суббота; дошла очередь и до мѣшковъ, набитыхъ черепками. Представьте себѣ, господа, удивленіе Ивана Андреевича!

— Это что значитъ?—загремѣлъ онъ.

Юдичъ молчалъ.

— Ты укралъ эти деньги?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Такъ кто-нибудь ключъ у тебя бралъ?

— Я никому не отдавалъ ключа.

— Никому? А когда никому—такъ ты воръ. Сознавайся!

— Я не воръ, Иванъ Андреевичъ.

— Откуда-жъ взялись эти черепки, чортъ возьми! Такъ-то ты меня обманываешь? Въ послѣдній разъ говорю тебѣ—сознавайся!

Юдичъ потупилъ голову и сложилъ руки за спиной.

— Эй, люди!—закричалъ Иванъ Андреевичъ изступленнымъ голосомъ.—Палокъ!

— Какъ? меня... наказывать?—прошепталъ Юдичъ.

— Вотъ тебѣ на! да чѣмъ ты лучше другихъ? Ты воръ! Ну, Юдичъ! не ожидалъ я отъ тебя такого мошенничества!

— Я посѣдѣлъ на вашей службѣ, Иванъ Андреевичъ,—проговорилъ съ усиліемъ Юдичъ.

— А мнѣ что за дѣло до твоихъ сѣдыхъ волосъ? Чортъ бы тебя побралъ съ твоей службой!

Люди вошли.

— Возьмите-ка его, да хорошенько!

У Ивана Андреевича поблѣднѣли и затряслись губы. Онъ ходилъ по комнатѣ, какъ дикій звѣрь въ тѣсной клѣткѣ.

Люди не смѣли исполнить его приказанія.

— Что-жъ вы стоите, хамовы дѣти? Иль мнѣ самому за него приняться, что̀ ли?

Юдичъ пошелъ-было къ двери...

— Стойте!—закричалъ Иванъ Андреевичъ.—Юдичъ, въ послѣдній разъ говорю тебѣ, прошу тебя, Юдичъ, сознайся.

— Не могу!—простоналъ Юдичъ.

— Такъ берите же его, стараго подлипалу!.. На̀-смерть его! Въ мою голову!—загремѣлъ бѣшеный старикъ. Истязаніе началось...

Дверь вдругъ растворилась и вошелъ Василій. Онъ былъ едва ли еще не блѣднѣе отца, руки его дрожали, верхняя губа приподнялась и обнажила рядъ бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ.

— Я виноватъ,—сказалъ онъ глухимъ, но твердымъ голосомъ.—Я взялъ эти деньги.

Люди остановились.

— Ты! какъ? ты, Васька! безъ согласія Юдича?

— Нѣтъ!—сказалъ Юдичъ:—съ моего согласія. Я самъ отдалъ ключъ Василью Ивановичу. Батюшка, Василій Ивановичъ! зачѣмъ вы изволили безпокоиться?

— Такъ вотъ кто воръ!—закричалъ Иванъ Андреевичъ.— Спасибо, Василій, спасибо! А тебя, Юдичъ, я все-таки не помилую. Зачѣмъ ты мнѣ тотчасъ же во всемъ не сознался? Эй, вы! что вы стали? или уже и вы моей власти не признаете? А съ тобой я справлюсь, голубчикъ!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Василью.

Люди опять-было взялись за Юдича.

— Не трогайте его!—прошепталъ Василій сквозь зубы.— Слуги его не послушались.—Назадъ!—закричалъ онъ и бросился на нихъ... Они отшатнулись.

— А! бунтовать! — простоналъ Иванъ Андреевичъ, и, поднявъ палку, пошелъ на сына.

Василій отскочилъ, схватился за рукоять шпаги и обнажилъ ее до половины. Всѣ затрепетали. Анна Павловна, привлеченная шумомъ, испуганная, блѣдная, показалась въ дверяхъ.

Страшно измѣнилось лицо Ивана Андреевича. Онъ зашатался, уронилъ палку, и тяжко опустился на кресло, закрывъ лицо обѣими руками. Никто не шевелился, всѣ стояли какъ вкопанные, не исключая и Василья. Судорожно стискивалъ онъ стальную рукоять шпаги, глаза его сверкали унылымъ, злобнымъ блескомъ...

— Подите всѣ... всѣ вонъ,—проговорилъ тихимъ голосомъ Иванъ Андреевичъ, не отнимая рукъ отъ лица.

Вся толпа вышла. Василій остановился на порогѣ, потомъ вдругъ тряхнулъ головой, обнялъ Юдича, поцѣловалъ руку матери... и черезъ два часа его уже не было въ деревнѣ. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Вечеромъ того же дня, Юдичъ сидѣлъ на крылечкѣ дворовой избы. Люди окружали его, сожалѣли о немъ и горько упрекали барина.

— Полноте, дѣти,— сказалъ онъ имъ наконецъ:—полноте... что вы его браните? онъ и самъ чай, батюшка нашъ, своей удали не радъ...

Вслѣдствіе этого происшествія, Василій уже болѣе не

видался съ своимъ родителемъ. Иванъ Андреевичъ умеръ безъ него, и умеръ, вѣроятно, съ такой тоской на сердцѣ, какую не дай Богъ испытывать кому-либо изъ насъ. Василій Ивановичъ, между тѣмъ, выѣзжалъ, веселился по-своему и сорилъ деньгами. Какъ онъ добывалъ эти деньги, не могу навѣрное сказать. Досталъ онъ себѣ слугу француза, ловкаго и смышленаго малаго, нѣкоего Бурсье. Этотъ человѣкъ страстно къ нему привязался, и помогалъ ему во всѣхъ его многочисленныхъ продѣлкахъ. Я не намѣренъ разсказывать вамъ въ подробности всѣ проказы моего grand'oncle; онъ отличался такой неограниченной смѣлостью, такой змѣиной изворотливостью, такимъ непостижимымъ хладнокровіемъ, такимъ ловкимъ и тонкимъ умомъ, что, признаюсь, я понимаю неограниченную власть этого безнравственнаго человѣка надъ самыми благородными душами...

Вскорѣ послѣ смерти отца, Василій Ивановичъ, несмотря на всю изворотливость, былъ вызванъ на дуэль однимъ оскорбленнымъ мужемъ. Онъ дрался, тяжело ранилъ своего соперника и принужденъ былъ выѣхать изъ столицы: ему приказали безвыѣздно жить въ своемъ помѣстьѣ. Василію Ивановичу было 30 лѣтъ. Вы легко можете себѣ представить, господа, съ какими чувствами этотъ человѣкъ, привыкшій къ столичной, блестящей жизни, ѣхалъ на родину. Говорятъ, онъ на дорогѣ часто выходилъ изъ кибитки, бросался лицомъ въ снѣгъ и плакалъ. Никто въ Лучиновкѣ не узнавалъ прежняго веселаго, любезнаго Василія Ивановича. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, съ утра до вечера ѣздилъ на охоту, съ видимымъ нетерпѣніемъ сносилъ робкія ласки своей матери и безжалостно насмѣхался надъ братьями, надъ ихъ женами (они уже оба успѣли жениться)...

Я вамъ до сихъ поръ, кажется, ничего не сказалъ объ Ольгѣ Ивановнѣ. Груднымъ ребенкомъ привезли ее въ Лучиновку; она чуть-чуть не умерла на дорогѣ. Ольга Ивановна была воспитана, какъ говорится, въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ... Надобно сознаться, что Иванъ Андреевичъ и Анна Павловна — оба обращались съ ней,

какъ съ дочерью. Но въ ней таилась слабая искра того огня, который такъ ярко пылалъ въ душѣ Василья Ивановича. Между тѣмъ, какъ настоящія дѣти Ивана Андреевича не дерзали помышлять о причинахъ страннаго безмолвнаго раздора между ихъ родителями,—Ольгу съ раннихъ лѣтъ тревожило и мучило положеніе Анны Павловны. Подобно Василью, она любила независимость; всякое притѣсненіе ее возмущало. Она всѣми силами души привязалась къ своей благодѣтельницѣ; старика Лучинова она ненавидѣла, и не разъ, сидя за столомъ, устремляла на него такіе мрачные взгляды, что даже человѣку, подававшему кушанье, становилось жутко. Иванъ Андреевичъ не замѣчалъ всѣхъ этихъ взглядовъ, потому что вообще не обращалъ никакого вниманія на свое семейство.

Сперва Анна Павловна старалась истребить въ ней эту ненависть — но нѣкоторые смѣлые вопросы Ольги заставили ее замолчать совершенно. Дѣти Ивана Андреевича обожали Ольгу, и старуха ее любила тоже, хотя довольно холодной любовью.

Продолжительное горе подавило въ этой бѣдной женщинѣ всякую веселость, всякое сильное чувство; ничего такъ ясно не доказываетъ очаровательной любезности Василья, какъ то, что онъ даже мать свою заставилъ горячо полюбить себя. Изліянія дѣтской нѣжности не были въ духѣ того времени, а потому не удивительно, что Ольга не смѣла обнаруживать свою приверженность, хотя всегда съ особенной почтительностью цѣловала руку Анны Павловны вечеромъ, при прощаніи. Читать и писать она едва умѣла. Двадцать лѣтъ спустя, русскія дѣвицы начали почитывать романы въ родѣ Похожденій маркиза Глаголя,—Фанфана и Лолоты,—Алексѣя или Хижины въ лѣсу;—начали учиться на клавикордахъ и пѣть пѣсни въ родѣ слѣдующей, нѣкогда весьма извѣстной:

„Мужчины на свѣтѣ
Какъ мухи къ намъ льнутъ“—и т. д.

но въ семидесятыхъ годахъ (Ольга Ивановна родилась въ 1757 году) наши деревенскія красавицы не имѣли понятія обо всѣхъ этихъ усовершенствованіяхъ. Трудно намъ

теперь себѣ представить русскую барышню того вѣка; правда, мы можемъ, по нашимъ бабушкамъ, судить о степени образованности дворянокъ временъ Екатерины; но какъ прикажете отличить то, что́ постепенно къ нимъ привилось въ теченіе ихъ долгой жизни,—отъ того, чѣмъ онѣ были во дни молодости?

Ольга Ивановна нѣсколько говорила по-французски — но съ сильнымъ русскимъ произношеніемъ: въ ея время объ эмигрантахъ не было еще помина. Словомъ, при всѣхъ ея хорошихъ качествахъ, она все-таки была порядочнымъ *дичкомъ* — и, пожалуй, въ простотѣ сердца своего, изъ собственныхъ рукъ не разъ наказывала какую-нибудь злополучную горничную...

За нѣсколько времени до пріѣзда Василія Ивановича, Ольгу Ивановну сговорили за сосѣда — Павла Аѳанасьевича Рогачева, добрѣйшаго и честнѣйшаго человѣка. Природа позабыла надѣлить его желчью. Собственные люди не слушались его, уходили иногда всѣ, отъ перваго до послѣдняго, и оставляли бѣднаго Рогачева безъ обѣда... но ничто не могло возмутить тишину его души. Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ отличался толстотою и неповоротливостію, нигдѣ не служилъ, любилъ ходить въ церковь и пѣть на клиросѣ. Посмотрите, господа, на это доброе, круглое лицо; вглядитесь въ эту тихую, свѣтлую улыбку... не правда ли, вамъ самимъ становится отрадно? Отецъ его въ кои-то вѣки ѣзжалъ въ Лучиновку и по праздникамъ привозилъ съ собой Павлушу, котораго маленькіе Лучиновы всячески терзали. Павлуша выросъ, началъ самъ ѣздить къ Ивану Андреевичу, влюбился въ Ольгу Ивановну и предложилъ ей руку и сердце — не лично ей, а ея благодѣтелямъ. Благодѣтели согласились. У Ольги Ивановны даже не подумали спросить: нравится ли ей Рогачевъ? Въ то время, по словамъ бабушки, — „такихъ роскошей не водилось“. Впрочемъ, Ольга скоро привыкла къ своему жениху: нельзя было не привязаться къ этому кроткому, снисходительному созданію. Воспитанія Рогачевъ не получилъ никакого; по-французски умѣлъ только сказать: „бонжуръ“—и втайнѣ почиталъ даже это слово

неприличнымъ. Да еще какой-то шутникъ выучилъ его слѣдующей, будто бы французской, пѣснѣ: „Сонечка, Сонечка! Ке-вуле-ву-де-муа — я васъ обожаю — ме-же-не-пёпа“... Эту пѣсенку онъ всегда напѣвалъ вполголоса, когда чувствовалъ себя въ духѣ. Отецъ его былъ тоже человѣкъ доброты неописанной; вѣчно ходилъ въ длинномъ нанковомъ сюртукѣ, и что̀ бы ему ни говорили — на все съ улыбкой поддакивалъ. Со времени помолвки Павла Аѳанасьевича, оба Рогачевы — отецъ и сынъ — хлопотали страшно; передѣлывали свой домъ, пристроивали разныя „галдареи“, дружелюбно разговаривали съ работниками, потчивали ихъ водкою. Къ зимѣ не успѣли окончить всѣ постройки — отложили свадьбу до лѣта; лѣтомъ умеръ Иванъ Андреевичъ—отложили свадьбу до будущей весны; зимой пріѣхалъ Василій Ивановичъ. Ему представили Рогачева; онъ принялъ его холодно и небрежно, и въ послѣдствіи времени до того запугалъ его своимъ надменнымъ обхожденіемъ, что бѣдный Рогачевъ трепеталъ какъ листъ при одномъ его появленіи, молчалъ и принужденно улыбался. Василій разъ чуть-чуть не уходилъ его совершенно—предложивъ ему пари, что онъ, Рогачевъ, не въ состояніи перестать улыбаться. Бѣдный Павелъ Аѳанасьевичъ едва не заплакалъ отъ замѣшательства, но — дѣйствительно!—улыбка, глупѣйшая, напряженная улыбка не хотѣла сойти съ его вспотѣвшаго лица! А Василій медленно поигрывалъ концами своего шейнаго платка и поглядывалъ на него уже черезчуръ презрительно. Отецъ Павла Аѳанасьевича узналъ также о прибытіи Василія, и спустя нѣсколько дней — для „большей важности“ — отправился въ Лучиновку съ намѣреніемъ: „поздравить любезнаго гостя съ прибытіемъ въ родныя палестины“. Аѳанасій Лукичъ славился во всемъ околоткѣ своимъ краснорѣчіемъ — т.-е. умѣньемъ не запинаясь произнести довольно длинную и хитро сплетенную рѣчь, съ легкой примѣсью книжныхъ словечекъ. Увы! на этотъ разъ онъ не поддержалъ своей славы: смутился гораздо болѣе сына своего, Павла Аѳанасьевича; пробормоталъ что-то весьма невнятное и хотя отроду не пивалъ водки, но тутъ

„для контенансу“, выпивъ рюмочку (онъ засталъ Василія за завтракомъ)—хотѣлъ-было, по крайней мѣрѣ, крякнуть съ нѣкоторою самостоятельностью, и не произвелъ ни малѣйшаго звука. Уѣзжая домой, Павелъ Аѳанасьевичъ шепнулъ своему родителю: „Что-съ, батюшка?“ Аѳанасій Лукичъ съ досадой отвѣчалъ ему, такъ же шопотомъ: „И не говори!“

Рогачевы начали рѣже ѣздить въ Лучиновку. Впрочемъ, Василій застращалъ не ихъ однихъ: въ братьяхъ своихъ, въ ихъ женахъ, даже въ самой Аннѣ Павловнѣ возбуждалъ онъ тоскливую, невольную неловкость... они стали всячески избѣгать его; Василій не могъ этого не замѣтить, но, повидимому, не имѣлъ намѣренья перемѣнить свое обращеніе съ ними, какъ вдругъ въ началѣ весны онъ явился опять тѣмъ любезнымъ, милымъ человѣкомъ, какимъ его прежде знали...

Первымъ проявленіемъ этой внезапной перемѣны былъ неожиданный пріѣздъ Василія къ Рогачевымъ. Аѳанасій Лукичъ, въ особенности, порядкомъ струсилъ при видѣ коляски Лучинова, но испугъ его исчезъ весьма скоро. Никогда Василій не былъ любезнѣе и веселѣе. Онъ взялъ молодого Рогачева подъ руку, пошелъ съ нимъ осматривать постройки, толковалъ съ плотниками, давалъ имъ совѣты, дѣлалъ самъ нарубки топоромъ, велѣлъ себѣ показать заводскихъ лошадей Аѳанасья Лукича, самъ гонялъ ихъ на кордѣ — и вообще своей радушной любезностью довелъ добрыхъ степняковъ до того, что они оба неоднократно его обняли. Дома Василій тоже въ нѣсколько дней попрежнему вскружилъ всѣмъ головы: затѣялъ разныя смѣшныя игры, досталъ музыкантовъ, назвалъ сосѣдей и сосѣдокъ, разсказывалъ старушкамъ самымъ потѣшнымъ образомъ городскія сплетни, слегка волочился за молодыми, придумывалъ небывалыя увеселенія, фейерверки и т. д., словомъ, оживилъ все и всѣхъ. Печальный, мрачный домъ Лучиновыхъ превратился вдругъ въ какое-то шумное, блестящее, очарованное жилище, о которомъ заговорилъ весь околотокъ.—Эта внезапная перемѣна удивила многихъ, всѣхъ обрадовала; начали носиться

разные слухи; знающіе люди говорили, что Василья Ивановича до тѣхъ поръ сокрушала какая-то скрытая забота, что ему представилась возможность возвратиться въ столицу... но до истинной причины перерожденія Василья Ивановича не добрался никто.

Ольга Ивановна, господа, была очень недурна собой.— Впрочемъ, ея красота состояла болѣе въ необыкновенной нѣжности и свѣжести тѣла, въ спокойной прелести движеній, чѣмъ въ строгой правильности очертаній. Природа одарила ее нѣкоторой самобытностью; ея воспитанье—она выросла сиротой—развило въ ней осторожность и твердость. Ольга не принадлежала къ числу тихихъ и вялыхъ барышень; но одно лишь чувство въ ней созрѣло вполнѣ: ненависть къ благодѣтелю. Впрочемъ, и другія, болѣе женскія страсти могли вспыхнуть въ душѣ Ольги Ивановны съ необычайной, болѣзненной силой... но въ ней не было ни того гордаго холода, ни той сжатой крѣпости души, ни той самолюбивой сосредоточенности, безъ которыхъ всякая страсть исчезаетъ весьма быстро. — Первые порывы такихъ полу-дѣятельныхъ, полу-страдательныхъ душъ бываютъ иногда необыкновенно стремительны; но онѣ измѣняютъ самимъ себѣ весьма скоро, особенно, когда дѣло дойдетъ до безжалостнаго примѣненія принятыхъ правилъ; онѣ боятся послѣдовательности... И между тѣмъ, господа, признаюсь вамъ откровенно: на меня женщины такого рода производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе... (При этихъ словахъ разсказчикъ опорожнилъ стаканъ воды.— Пустяки, пустяки! подумалъ я, глядя на его круглый подбородокъ:—на тебя, любезный другъ, ничто въ свѣтѣ не производитъ „сильнѣйшаго впечатлѣнія“...)

Петръ Ѳедоровичъ продолжалъ: — Господа, я вѣрю въ кровь, въ породу. Въ Ольгѣ Ивановнѣ было болѣе крови, чѣмъ, напримѣръ, въ нареченной ея сестрицѣ—Натальѣ. Въ чемъ же проявлялась эта „кровь“, спросите вы меня?— да во всемъ: въ очеркахъ рукъ, губъ, въ звукѣ голоса, во взглядѣ, въ походкѣ, въ прическѣ, — въ складкахъ платья, наконецъ. Во всѣхъ этихъ бездѣлкахъ таилось что-то особенное, хотя я долженъ признаться, что та...

какъ бы выразиться?.. та distinction, которая доставалась на долю Ольгѣ Ивановнѣ, не привлекла бы вниманія Василья, если бъ онъ встрѣтился съ нею въ Петербургѣ. Въ деревнѣ же, въ глуши, она не только возбудила его вниманіе—но и даже вообще была единственной причиной той перемѣны, о которой я говорилъ выше.

Судите сами: Василій Ивановичъ любилъ наслаждаться жизнью; онъ не могъ не скучать въ деревнѣ; братья его были добрые ребята, но весьма ограниченные люди: онъ ничего не имѣлъ съ ними общаго; сестра его Наталья въ теченіе трехъ лѣтъ прижила съ своимъ супругомъ четырехъ человѣкъ дѣтей; между ней и Васильемъ была цѣлая бездна... Анна Павловна ходила въ церковь, молилась, постилась и готовилась къ смерти. Оставалась одна Ольга, свѣжая, робкая, миленькая дѣвочка... Василій ее сперва не замѣтилъ... да и кто обращаетъ вниманье на воспитанницу, на сироту, на пріемыша?.. Однажды, въ самомъ началѣ весны, шелъ онъ по саду и тросточкой сбивалъ головки цикорій, этихъ глупенькихъ желтыхъ цвѣтковъ, которые въ такомъ множествѣ первые появляются на едва зеленѣющихъ лугахъ.—Онъ гулялъ по саду, передъ домомъ, поднялъ голову—и увидалъ Ольгу Ивановну.—Она сидѣла бокомъ у окна и задумчиво гладила полосатаго котенка, который, мурлыча и жмурясь, угнѣздился на ея колѣняхъ и съ большимъ удовольствіемъ подставлялъ свой носикъ весеннему, уже довольно яркому солнцу. На Ольгѣ Ивановнѣ было бѣлое утреннее платье съ короткими рукавами; ея голыя, блѣдно-розовыя, не вполнѣ развитыя плечи и руки дышали свѣжестью и здоровьемъ; небольшой чепчикъ осторожно сжималъ ея густые, мягкіе, шелковистые локоны; лицо слегка пылало: она недавно проснулась. Ея тонкая и гибкая шея такъ мило подавалась впередъ; такъ плѣнительно небрежно, такъ стыдливо отдыхалъ ея незатянутый станъ, что Василій Ивановичъ (большой знатокъ!) невольно остановился и заглядѣлся. Ему вдругъ пришло въ голову, что не слѣдуетъ оставлять Ольгу Ивановну въ ея первобытномъ невѣжествѣ; что изъ нея можетъ со временемъ выйти премилая и прелюбезная

женщина. Онъ подкрался къ окну, поднялся на цыпочки и на бѣлой и гладкой рукѣ Ольги Ивановны, немного пониже локтя, напечатлѣлъ безмолвный поцѣлуй.—Ольга вскрикнула и вскочила, котенокъ поднялъ хвостъ и прыгнулъ въ садъ, Василій Ивановичъ съ улыбкой удержалъ ее за руку... Ольга покраснѣла вся, до ушей; онъ началъ шутить надъ ея испугомъ... звалъ ее гулять съ собой; но вдругъ Ольга Ивановна замѣтила небрежность своего наряда — и „быстрѣе быстрой лани“ улизнула въ другую комнату.

Въ тотъ же самый день, Василій отправился къ Рогачевымъ. Онъ вдругъ повеселѣлъ и просвѣтлѣлъ духомъ. Василій не полюбилъ Ольгу, нѣтъ! — словомъ „любовь“ шутить не надобно... Онъ нашелъ себѣ занятіе, поставилъ себѣ задачу и радовался радостью дѣятельнаго человѣка. Онъ и не вспомнилъ о томъ, что она—воспитанница его матери, невѣста другого; онъ ни на одинъ мигъ не обманывалъ себя; онъ очень хорошо зналъ, что ей не быть его женой... Можетъ-быть, его извиняла страсть—правда, не возвышенная, не благородная, но, все-таки, довольно сильная и мучительная страсть. Разумѣется, онъ влюбился не какъ ребенокъ; онъ не предавался неопредѣленнымъ восторгамъ; онъ очень зналъ, чего онъ хотѣлъ и къ чему онъ стремился.

Василій Ивановичъ вполнѣ владѣлъ способностью въ самое короткое время пріучить къ себѣ другого, даже предубѣжденнаго или робкаго человѣка. Ольга скоро перестала его дичиться. Василій Ивановичъ ввелъ ее въ новый міръ. Онъ выписалъ для нея клавикорды, давалъ ей музыкальные уроки (онъ самъ порядочно игралъ на флейтѣ), читалъ ей книги, долго разговаривалъ съ ней... Голова закружилась у бѣдной степнячки. Василій совершенно покорилъ ее. Онъ умѣлъ говорить съ ней о томъ, что̀ до того времени ей было чуждымъ, и говорить языкомъ ей понятнымъ. Ольга понемногу рѣшалась высказывать ему свои чувства; онъ помогалъ ей, подсказывалъ ей слова, которыхъ она не находила, не запугивалъ ее; то удерживалъ, то поощрялъ ея порывы... Василій зани-

мался ея воспитаніемъ не изъ безкорыстнаго желанія разбудить и развить ея способности: онъ, просто, хотѣлъ ее нѣсколько къ себѣ приблизить, и зналъ, притомъ, что неопытную, робкую, но самолюбивую дѣвушку легче завлечь умомъ, чѣмъ сердцемъ. Если бы Ольга была даже существомъ необыкновеннымъ, Василій никакъ бы не могъ этого замѣтить, потому что онъ обращался съ ней, какъ съ ребенкомъ; но вы уже знаете, господа, что въ Ольгѣ особенно замѣчательнаго ничего не было. Василій старался, по возможности, дѣйствовать на ея воображеніе, и часто вечеромъ она уходила отъ него съ такимъ вихремъ новыхъ образовъ, словъ и мыслей въ головѣ, что не въ состояніи была заснуть до зари, и, тоскливо вздыхая, безпрестанно прикладывала горящія щеки къ холоднымъ подушкамъ, или вставала, подходила къ окну, и пугливо и жадно глядѣла въ темную даль. Василій наполнялъ каждое мгновенье ея жизни; ни о комъ другомъ она думать не могла. Рогачева она скоро даже перестала замѣчать. Василій, какъ человѣкъ ловкій и хитрый, въ его присутствіи не говорилъ съ Ольгой; но либо смѣшилъ его самого до слезъ, либо затѣвалъ какую-нибудь шумную игру, прогулку верхомъ, катанье ночью по рѣкѣ съ факелами и музыкой — словомъ, не давалъ опомниться Павлу Аѳанасьевичу. Однако, несмотря на всю ловкость Василья Ивановича, Рогачевъ смутно почувствовалъ, что онъ, женихъ и будущій мужъ Ольги, какъ будто сталъ для нея чужимъ человѣкомъ... но, по безконечной своей добротѣ, боялся огорчить ее упрекомъ, хотя дѣйствительно любилъ ее и дорожилъ ея привязанностью. Наединѣ съ ней онъ не зналъ, что̀ заговорить, и только старался всячески прислуживаться. Прошло два мѣсяца. Въ Ольгѣ исчезла, наконецъ, всякая самостоятельность, всякая воля; слабый и молчаливый Рогачевъ не могъ служить ей опорой; она даже не хотѣла противиться обаянью, и съ замирающимъ сердцемъ безусловно отдалась Василью...

Ольга Ивановна, вѣроятно, узнала тогда радости любви; но не надолго. Хотя Василій—за неимѣніемъ другого занятія—не только не бросилъ ее, но даже привязался къ

ней и заботливо ее лелѣялъ, но сама Ольга до того потерялась, что даже въ любви не находила блаженства, и все-таки не могла оторваться отъ Василья. Она стала всего бояться, не смѣла думать; не разговаривала ни о чемъ; перестала читать; тоска ее грызла. Иногда удавалось Василью увлечь ее за собою и заставить позабыть всѣхъ и все; но на другой же день онъ находилъ ее блѣдной, безмолвной, съ похолодѣвшими руками, съ безсмысленной улыбкой на губахъ... Настало довольно трудное время для Василія; но никакія трудности запугать его не могли. Онъ весь сосредоточился, какъ опытный игрокъ. Онъ нисколько не могъ полагаться на Ольгу Ивановну: она безпрестанно себѣ измѣняла, блѣднѣла, краснѣла и плакала... ея новая роль не пришлась ей по силамъ. Василій работалъ за двухъ; въ его буйномъ и шумномъ весельѣ только опытный наблюдатель могъ бы замѣтить лихорадочную напряженность; онъ игралъ братьями, сестрами, Рогачевыми, сосѣдями, сосѣдками — какъ пѣшками: вѣчно былъ на-сторожѣ, не терялъ ни одного взгляда, ни одного движенія, хотя казался беззаботнѣйшимъ человѣкомъ; каждое утро вступалъ въ сраженіе и каждый вечеръ торжествовалъ побѣду. Онъ нисколько не тяготился такой страшной дѣятельностью; спалъ четыре часа въ сутки, ѣлъ очень мало и былъ здоровъ, свѣжъ и веселъ. Между тѣмъ, день свадьбы приближался; Василій успѣлъ убѣдить самого Павла Аѳанасьевича въ необходимости отсрочки; потомъ услалъ его въ Москву за покупками, а самъ переписывался съ петербургскими пріятелями. Онъ хлопоталъ не столько изъ сожалѣнія къ Ольгѣ Ивановнѣ, сколько изъ охоты и любви къ хлопотамъ и тревогамъ... Притомъ — Ольга Ивановна начала ему надоѣдать, и онъ уже не разъ, послѣ неистоваго взрыва страсти, поглядывалъ на нее, какъ бывало на Рогачева. Лучиновъ всегда оставался загадкой для всѣхъ; въ самой холодности его неумолимой души вы чувствовали присутствіе страннаго, почти южнаго пламени, и въ самомъ бѣшеномъ разгарѣ страсти отъ этого человѣка вѣяло холодомъ. — При другихъ онъ, попрежнему, под-

держивалъ Ольгу Ивановну; но наединѣ онъ игралъ съ ней какъ кошка съ мышью, или пугалъ ее софизмами, или тяжело и ядовито скучалъ, или, наконецъ, опять бросался къ ея ногамъ, увлекалъ ее, какъ вихрь щепку... и не притворялся тогда влюбленнымъ... но дѣйствительно самъ замиралъ...

Однажды довольно поздно вечеромъ, Василій сидѣлъ одинъ у себя въ комнатѣ и внимательно перечитывалъ послѣднія, полученныя имъ изъ Петербурга письма—какъ вдругъ дверь тихонько заскрипѣла и вошла Палашка, горничная Ольги Ивановны.

— Что̀ тебѣ надобно?—спросилъ ее Василій довольно сурово.

— Барышня изволитъ васъ просить къ себѣ.

— Теперь не могу. Ступай... Ну, что жъ ты стоишь?—продолжалъ онъ, увидя, что Палашка не выходила.

— Барышня приказала сказать, что очень, дескать, нужно-съ.

— Да что̀ тамъ такое?

— Сами изволите увидѣть-съ...

Василій всталъ, съ досадой бросилъ письма въ ящикъ и отправился къ Ольгѣ Ивановнѣ. Она сидѣла одна, въ углу,—блѣдная и неподвижная.

— Что̀ вамъ угодно?—спросилъ онъ ее не совсѣмъ привѣтно.

Ольга посмотрѣла на него, и, содрогаясь, закрыла глаза.

— Что съ вами? что съ тобой, Ольга?

Онъ взялъ ее за руку... Рука Ольги Ивановны была холодна какъ ледъ... Она хотѣла заговорить... и голосъ ея замеръ. Бѣдной женщинѣ не оставалось никакого сомнѣнія насчетъ своего положенія.

Василій нѣсколько смутился. Комната Ольги Ивановны находилась въ двухъ шагахъ отъ спальни Анны Павловны. Василій осторожно подсѣлъ къ Ольгѣ, цѣловалъ и грѣлъ ея руки, шопотомъ ее уговаривалъ. Она слушала его, и молча—слегка вздрагивала. Въ дверяхъ стояла Палашка и тихонько утирала слезы. Въ сосѣдней комнатѣ тяжко и мѣрно стучалъ маятникъ и слышалось дыханіе

спящаго. Оцѣпенѣніе Ольги Ивановны разрѣшилось, наконецъ, слезами и глухими рыданіями. Слезы—что гроза: послѣ нихъ человѣкъ всегда тише. Когда Ольга Ивановна успокоилась нѣсколько, и лишь изрѣдка, судорожно всхлипывала, какъ ребенокъ, Василій сталъ передъ ней на колѣни и ласками, нѣжными обѣщаніями успокоилъ ее совершенно, далъ ей напиться, уложилъ ее и ушелъ. Всю ночь онъ не раздѣвался, написалъ два-три письма, сжегъ двѣ-три бумаги, досталъ золотой медальонъ съ портретомъ женщины чернобровой и черноглазой, съ лицомъ сладострастнымъ и смѣлымъ, долго разсматривалъ ея черты и въ раздумьѣ ходилъ по комнатѣ. На другое утро, за чаемъ, онъ съ необыкновеннымъ неудовольствіемъ увидѣлъ покраснѣвшіе, распухшіе глаза и блѣдное, встревоженное лицо бѣдной Ольги. Послѣ завтрака предложилъ онъ ей прогуляться съ нимъ по саду. Ольга пошла за Васильемъ, какъ послушная овечка. Когда же, часа черезъ два, она вернулась изъ сада — на ней лица не было; она сказала Аннѣ Павловнѣ, что ей нездоровится, и слегла въ постель. Во время прогулки, Василій, съ достодолжнымъ раскаяніемъ, объявилъ ей, что онъ тайно обвѣнчанъ—онъ былъ такой же холостякъ, какъ я. Ольга Ивановна не упала въ обморокъ—падаютъ въ обморокъ только на сценѣ; но вдругъ окаменѣла, хотя сама не только не надѣялась выдти за Василья Ивановича, но даже какъ-то боялась объ этомъ думать. Василій началъ ей доказывать необходимость разлуки съ нимъ и бракосочетанія съ Рогачевымъ. Ольга Ивановна глядѣла на него съ нѣмымъ ужасомъ. Василій говорилъ холодно, дѣльно, основательно; винилъ себя, каялся—но кончилъ всѣ свои разсужденія слѣдующими словами: „прошедшаго не вернешь; надобно дѣйствовать“. Ольга потерялась совершенно; ей было страшно, стыдно; унылое, тяжкое отчаяніе овладѣло ею; она желала смерти—и съ тоской ожидала рѣшенія Василья.

— Надобно во всемъ сознаться матушкѣ,—сказалъ онъ ей наконецъ.

Ольга помертвѣла; ноги у ней подкосились

— Не бойся, не бойся, — твердилъ Василій: — положись на меня, я тебя не оставлю... я все улажу... надѣйся на меня.

Бѣдная женщина посмотрѣла на него съ любовью... да, съ любовью, и глубокой, хотя уже безнадежной преданностью.

— Я все, все устрою,—сказалъ ей на прощанье Василій...—и въ послѣдній разъ поцѣловалъ ея похолодѣвшія руки.

На другое же утро, Ольга Ивановна только-что встала съ постели—дверь ея растворилась... и Анна Павловна появилась на порогѣ. Ее поддерживалъ Василій. Молча добралась она до креселъ и сѣла молча. Василій сталъ возлѣ нея. Онъ казался спокойнымъ; брови его сдвинулись и губы слегка раскрылись. Анна Павловна, блѣдная, негодующая, разгнѣванная, собиралась говорить, но голосъ измѣнялъ ей. Ольга Ивановна съ ужасомъ окинула взоромъ свою благодѣтельницу—своего любовника; страшно замерло въ ней сердце... она съ крикомъ упала посреди комнаты на колѣни и закрыла себѣ лицо руками... „Такъ правда... правда?“ прошептала Анна Павловна, и наклонилась къ ней... „Отвѣчай же!“ продолжала она съ жестокостью, схвативъ Ольгу за руку.

— Матушка!—раздался мѣдный голосъ Василія.—Вы обѣщали мнѣ не оскорблять ее.

— Я хочу... признавайся же... признавайся... правда ли? правда?

— Матушка... вспомните... — проговорилъ медленно Василій.

Это одно слово сильно потрясло Анну Павловну. Она прислонилась къ спинкѣ креселъ и зарыдала.

Ольга Ивановна тихонько подняла голову и хотѣла-было броситься къ ногамъ старухи, но Василій удержалъ ее, поднялъ и посадилъ на другое кресло. Анна Павловна продолжала плакать и шептать несвязныя слова...

— Послушайте, матушка, — заговорилъ Василій: — не убивайте себя! бѣдѣ помочь еще можно... Если Рогачевъ...

Ольга Ивановна вздрогнула и выпрямилась.

— Если Рогачевъ,—продолжалъ Василій, значительно взглянувъ на Ольгу Ивановну:—вообразилъ, что можетъ безнаказанно опозорить честное семейство...

Ольгѣ Ивановнѣ стало страшно.

— Въ моемъ домѣ,—простонала Анна Павловна.

— Успокойтесь, матушка. Онъ воспользовался ея неопытностью, ея молодостью, онъ... вы что-то хотите сказать? — прибавилъ онъ, увидя, что Ольга порывается къ нему...

Ольга Ивановна упала въ кресло.

— Я сейчасъ ѣду къ Рогачеву. Я заставлю его жениться сегодня же. Будьте увѣрены, я не позволю ему насмѣхаться надъ нами...

— Но... Василій Ивановичъ... вы...—прошептала Ольга.

Онъ долго и холодно посмотрѣлъ на нее. Она замолчала снова.

— Матушка, дайте мнѣ слово не безпокоить ее до моего пріѣзда. Посмотрите—она едва жива. Да и вамъ надобно отдохнуть. Надѣйтесь на меня: я отвѣчаю за все; во всякомъ случаѣ, подождите моего возвращенія. Повторяю вамъ—не убивайте ни ее, ни себя—и положитесь на меня.

Онъ приблизился къ дверямъ и остановился.

— Матушка,—сказалъ онъ:—пойдемте со мной, оставьте ее одну, прошу васъ.

Анна Павловна встала, подошла къ иконѣ, положила земной поклонъ и тихо послѣдовала за сыномъ. Ольга Ивановна молча и неподвижно проводила ее глазами. Василій проворно вернулся, схватилъ ее за руку, шепнулъ ей на ухо: „надѣйтесь на меня и не выдайте насъ“,—и тотчасъ удалился...—„Бурсьѐ“, закричалъ онъ, спускаясь быстро внизъ по лѣстницѣ.—„Бурсьѐ!..“

Черезъ четверть часа онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ съ своимъ слугой.

Въ этотъ день старика Рогачева не было дома. Онъ поѣхалъ въ уѣздный городъ закупать мухояру на кафтаны своимъ челядинцамъ. Павелъ Аѳанасьевичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и разсматривалъ коллекцію полинявшихъ

бабочекъ. Приподнявъ брови и вытянувъ губы, онъ осторожно переворачивалъ булавкой хрупкія крылышки „ночного сфинкса“, какъ вдругъ почувствовалъ у себя на плечѣ небольшую, но тяжелую руку. Онъ оглянулся— передъ нимъ стоялъ Василій.

— Здравствуйте, Василій Ивановичъ,—проговорилъ онъ не безъ нѣкотораго изумленія.

Василій посмотрѣлъ на него и сѣлъ передъ нимъ на стулъ.

Павелъ Аѳанасьевичъ улыбнулся-было... да взглянулъ на Василья, опустился, раскрылъ ротъ и сложилъ руки.

— А скажите-ка, Павелъ Аѳанасьевичъ, — заговорилъ вдругъ Василій:—скоро ли вы намѣрены сыграть свадебку?

— Я?.. скоро... конечно... я, съ моей стороны... впрочемъ, какъ вы и ваша сестрица... я, съ моей стороны, готовъ хоть завтра.

— Прекрасно, прекрасно. Вы человѣкъ весьма нетерпѣливый, Павелъ Аѳанасьевичъ.

— Какъ это-съ?

— Слушайте, — прибавилъ Василій Ивановичъ, вставая:—я все знаю; вы меня понимаете, и я вамъ приказываю безъ отлагательства, завтра же жениться на Ольгѣ.

— Позвольте, позвольте, однакожъ, — возразилъ Рогачевъ, не поднимаясь съ мѣста: — вы мнѣ приказываете? Я самъ искалъ руки Ольги Ивановны, и мнѣ нечего приказывать... признаюсь, Василій Ивановичъ, я васъ что-то не понимаю.

— Не понимаешь?

— Нѣтъ, право, не понимаю-съ.

— Даешь ты мнѣ слово жениться на ней завтра же?

— Да помилуйте, Василій Ивановичъ... не сами ли вы неоднократно откладывали нашу свадьбу? Безъ васъ она бы уже давно состоялась. И теперь я и не думаю отказываться. Что̀ же значатъ ваши угрозы, ваши настоятельныя требованія?

Павелъ Аѳанасьевичъ отеръ потъ съ лица.

— Даешь ли ты мнѣ слово? говори: да или нѣтъ?— повторилъ съ разстановкой Василій.

— Извольте... даю-съ, но...

— Хорошо. Помни же... А она во всемъ призналась.

— Кто призналась?

— Ольга Ивановна.

— Да въ чемъ призналась?

— Да что́ вы передо мной-то притворяетесь, Павелъ Аѳанасьевичъ? Я вѣдь вамъ не чужой.

— Въ чемъ я притворяюсь? я васъ не понимаю, не понимаю, рѣшительно не понимаю. Въ чемъ могла Ольга Ивановна признаться?

— Въ чемъ? Вы мнѣ надоѣли! Извѣстно, въ чемъ.

— Убей меня Богъ...

— Нѣтъ, я тебя убью—если ты на ней не женишься... понимаешь?

— Какъ!..—Павелъ Аѳанасьевичъ вскочилъ и остановился передъ Васильемъ.—Ольга Ивановна... вы говорите...

— Ловокъ братецъ, ты, ловокъ, признаюсь; — Василій съ улыбкой потрепалъ его по плечу: — даромъ, что на видъ смиренъ...

— Боже мой, Боже!.. Вы меня съ ума сводите... Что̀ вы хотите сказать, объяснитесь, ради Бога!

Василій нагнулся къ нему и шепнулъ ему что-то на ухо.

Рогачевъ вскрикнулъ:—Какъ?.. а?

Василій топнулъ ногой.

— Ольга Ивановна? Ольга?..

— Да... ваша невѣста...

— Моя невѣста... Василій Иванычъ... она... она... Да я жъ ея и знать не хочу,—закричалъ Павелъ Аѳанасьевичъ. — Богъ съ ней совсѣмъ! за кого вы меня принимаете? Обмануть меня—меня обмануть... Ольга Ивановна, не грѣшно вамъ, не совѣстно вамъ... (Слезы брызнули у него изъ глазъ.) — Спасибо вамъ, Василій Ивановичъ, спасибо... А я ея и знать теперь не хочу! не хочу! не хочу! и не говорите... Ахъ, мои батюшки!—вотъ, до чего я дожилъ! Хорошо же, хорошо!

— Полно вамъ ребячиться, — замѣтилъ хладнокровно Василій Ивановичъ.—Помните, вы мнѣ дали слово: завтра свадьба.

— Нѣтъ, этому не бывать! Полноте, Василій Ивановичъ, опять-таки скажу вамъ — за кого вы меня принимаете? много чести: покорно благодаримъ-съ. Извините-съ.

— Какъ угодно!—возразилъ Василій.—Доставайте шпагу.

— Какъ шпагу... зачѣмъ шпагу?

— Зачѣмъ? А вотъ зачѣмъ.

Василій вынулъ свою французскую, тонкую, гибкую шпагу и слегка согнулъ ее объ полъ.

— Вы хотите... со мной... драться?..

— Именно.

— Но, Василій Ивановичъ, помилуйте, войдите въ мое положеніе! Какъ же я могу, посудите сами, послѣ того, что̀ вы мнѣ сказали... я честный человѣкъ, Василій Ивановичъ, я дворянинъ.

— Вы дворянинъ, вы честный человѣкъ, — такъ извольте же со мной драться.

— Василій Ивановичъ!

— Вы, кажется, робѣете, господинъ Рогачевъ?

— Я вовсе не робѣю, Василій Ивановичъ. Вы думали запугать меня, Василій Ивановичъ. Вотъ, дескать, я его пугну, онъ и струситъ, онъ на все тотчасъ и согласится... Нѣтъ, Василій Ивановичъ, я такой же дворянинъ, какъ и вы, хотя воспитанія столичнаго не получилъ, дѣйствительно, и запугать вамъ меня не удастся, извините.

— Очень хорошо,—возразилъ Василій:—гдѣ же ваша шпага?

— Ерошка!—закричалъ Павелъ Аѳанасьевичъ.

Вошелъ человѣкъ.

— Достань мнѣ шпагу—тамъ—ты знаешь, на чердакѣ... поскорѣй...

Ерошка вышелъ. Павелъ Аѳанасьевичъ вдругъ чрезвычайно поблѣднѣлъ, торопливо снялъ шлафрокъ, надѣлъ кафтанъ рыжаго цвѣта съ стразовыми большими пуговицами... намоталъ на шею галстукъ... Василій глядѣлъ на него и перебиралъ пальцами правой руки.

— Такъ что жъ? драться намъ, Павелъ Аѳанасьевичъ?

— Драться, такъ драться, — возразилъ Рогачевъ и торопливо застегнулъ камзолъ.

— Эй, Павелъ Аѳанасьевичъ, послушайся моего совѣта: женись... что тебѣ... А я, повѣрь мнѣ...

— Нѣтъ, Василій Ивановичъ, — перебилъ его Рогачевъ. — Вы меня, я знаю, либо убьете, либо изувѣчите; но чести своей я терять не намѣренъ; умирать, такъ умирать.

Ерошка вошелъ и трепетно подалъ Рогачеву старенькую шпажонку въ кожаныхъ, истресканныхъ ножнахъ. Въ то время всѣ дворяне носили шпаги при пудрѣ; но степные помѣщики пудрились раза два въ годъ. Ерошка отошелъ къ дверямъ и заплакалъ. Павелъ Аѳанасьевичъ вытолкалъ его вонъ изъ комнаты.

— Однако, Василій Ивановичъ,—замѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ: — я не могу сейчасъ съ вами драться: позвольте отложить нашу дуэль до завтра; батюшки нѣтъ дома; да и дѣла мои, на всякій случай, не худо привести въ порядокъ.

— Вы, я вижу, опять начинаете робѣть, милостивый государь.

— Нѣтъ, нѣтъ, Василій Ивановичъ; но посудите сами...

— Послушайте, — закричалъ Лучиновъ: — вы меня выводите изъ терпѣнья... Или дайте мнѣ слово тотчасъ жениться, или деритесь... или я васъ прибью палкой, какъ труса, понимаете?

— Пойдемте въ садъ,—отвѣчалъ сквозь зубы Рогачевъ.

Но вдругъ дверь растворилась, и старая няня Ефимовна, вся растрепанная, ворвалась въ комнату, упала передъ Рогачевымъ на колѣни, схватила его за ноги...

— Батюшка ты мой!—завопила она:—дитятко ты мое... что̀ ты такое затѣялъ? не погуби насъ горемычныхъ, батюшка! Вѣдь онъ тебя убьетъ, голубчикъ ты мой! Да прикажи намъ только, прикажи, мы его, озорника этакаго, шапками закидаемъ... Павелъ Аѳанасьевичъ, дитятко ты мое, побойся Бога!

Въ дверяхъ показалось множество блѣдныхъ и встревоженныхъ лицъ... показалась даже рыжая борода старосты...

— Пусти меня, Ефимовна, пусти! — пробормоталъ Рогачевъ.

— Не пущу, родимый, не пущу. Что ты это, батюшка, что ты? Да что скажетъ Аѳанасій-то Лукичъ-то? Да онъ насъ всѣхъ съ бѣла свѣта сгонитъ... А вы что стойте? Возьмите-ка незванаго гостя подъ ручки, да и выпроводите его вонъ изъ дому, чтобы духа его не было.

— Рогачевъ! — грозно вскрикнулъ Василій Ивановичъ.

— Ты съ ума сошла, Ефимовна, ты меня позоришь, помилуй...—проговорилъ Павелъ Аѳанасьевичъ.—Ступай, ступай себѣ съ Богомъ, и вы пошли вонъ, слышите?..

Василій Ивановичъ быстро подошелъ къ растворенному окошку, досталъ небольшой серебряный свистокъ—слегка свистнулъ... Бурсье́ отозвался невдалекѣ. Лучиновъ тотчасъ обратился къ Павлу Аѳанасьевичу.

— Чѣмъ же эта комедія кончится?

— Василій Ивановичъ, я пріѣду къ вамъ завтра—что̀ мнѣ дѣлать съ этой сумасшедшей бабой...

— Э! да я вижу, съ вами нечего долго толковать,— сказалъ Василій и поднялъ быстро трость...

Павелъ Аѳанасьевичъ рванулся, оттолкнулъ Ефимовну, схватилъ шпагу и бросился черезъ другія двери въ садъ.

Василій ринулся вслѣдъ за нимъ. Они вбѣжали оба въ деревянную бесѣдку, хитро раскрашенную на китайскій манеръ, заперлись и обнажили шпаги. Рогачевъ когда-то бралъ уроки въ фехтованіи; но теперь едва сумѣлъ выпасть, какъ слѣдуетъ. Лезвія скрестились. Василій видимо игралъ шпагой Рогачева. Павелъ Аѳанасьевичъ задыхался, блѣднѣлъ и съ смятеньемъ глядѣлъ въ лицо Лучинову. Между тѣмъ, въ саду раздавались крики; толпа народа бѣжала къ бесѣдкѣ. Вдругъ Рогачеву послышался раздирающій старческій вопль... онъ узналъ голосъ отца. Аѳанасій Лукичъ, безъ шапки, съ растрепанными волосами, бѣжалъ впереди всѣхъ, отчаянно махая руками..

Сильнымъ и неожиданнымъ поворотомъ клинка вышибъ Василій шпагу изъ руки Павла Аѳанасьевича.

— Женись, братъ, — сказалъ онъ ему: — полно тебѣ дурачиться!

— Не женюсь, — прошепталъ Рогачевъ, закрылъ глаза и весь затрясся.

Аѳанасій Лукичъ началъ ломиться въ дверь бесѣдки.

— Не хочешь?—закричалъ Василій.

Рогачевъ покачалъ отрицательно головой.

— Ну, такъ чортъ же съ тобой!

Бѣдный Павелъ Аѳанасьевичъ упалъ мертвый: шпага Лучинова воткнулась ему въ сердце... Дверь затрещала, старикъ Рогачевъ ворвался въ бесѣдку, но Василій уже успѣлъ выскочить въ окно...

Два часа спустя, вошелъ онъ въ комнату Ольги Ивановны... Она съ ужасомъ бросилась къ нему навстрѣчу... Онъ молча поклонился ей, вынулъ шпагу и прокололъ, на мѣстѣ сердца, портретъ Павла Аѳанасьевича Ольга вскрикнула и въ безпамятствѣ упала на полъ... Василій отправился къ Аннѣ Павловнѣ. Онъ засталъ ее въ образной.—„Матушка",—проговорилъ онъ:—„мы отомщены".—Бѣдная старуха вздрогнула и продолжала молиться.

Черезъ недѣлю, Василій уѣхалъ въ Петербургъ — и черезъ два года вернулся въ деревню, разбитый параличомъ, безъ языка. Онъ уже не засталъ въ живыхъ ни Анны Павловны, ни Ольги — и умеръ скоро самъ на рукахъ у Юдича, который кормилъ его какъ ребенка и одинъ умѣлъ понимать его несвязный лепетъ.

1846 г.

ЖИДЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

....Разскажите-ка вы намъ что-нибудь, полковникъ, сказали мы, наконецъ, Николаю Ильичу.

Полковникъ улыбнулся, пропустилъ струю табачнаго дыма сквозь усы, провелъ рукою по сѣдымъ волосамъ, посмотрѣлъ на насъ и задумался. Мы всѣ чрезвычайно любили и уважали Николая Ильича за его доброту, здравый смыслъ и снисходительность къ нашей братьѣ-молодежи. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и дороденъ; его смуглое лицо, „одно изъ славныхъ русскихъ лицъ“ *), прямодушный, умный взглядъ, кроткая улыбка, мужественный и звучный голосъ — все въ немъ нравилось и привлекало.

— Ну, слушайте жъ, — началъ онъ. — Дѣло было въ 13-мъ году, подъ Данцигомъ. Я служилъ тогда въ Е—мъ кирасирскомъ полку и, помнится, только-что былъ произведенъ въ корнеты. Веселое занятіе — сраженья, и походы—хорошая вещь, но въ осадномъ корпусѣ очень скучно было. Сидишь себѣ, бывало, цѣлый Божій день въ какомъ-нибудь ложементѣ, подъ палаткой, на грязи или

---

*) Лермонтовъ въ „Казначейшѣ“.

соломѣ, да играешь въ карты съ утра до вечера. Развѣ отъ скуки пойдешь посмотрѣть, какъ летаютъ бомбы или каленыя ядра. Сначала французы насъ тѣшили вылазками, да скоро притихли. Ѣздить на фуражировку тоже надоѣло; словомъ, тоска напала на насъ такая, что хоть вой. Мнѣ всего тогда пошелъ девятнадцатый годъ; малый былъ я здоровый, кровь съ молокомъ, думалъ потѣшиться и насчетъ француза, и насчетъ того... ну, понимаете... а вышло-то вотъ что. Отъ нечего дѣлать пустился я играть. Какъ-то разъ, послѣ страшнаго проигрыша, мнѣ повезло, и къ утру (мы играли ночью) я былъ въ сильномъ выигрышѣ. Измученный, сонный, вышелъ я на свѣжій воздухъ и присѣлъ на гласисъ. Утро было прекрасное, тихое; длинныя линіи нашихъ укрѣпленій терялись въ туманѣ; я заглядѣлся, а потомъ и задремалъ, сидя. Осторожный кашель разбудилъ меня; я открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою жида, лѣтъ сорока, въ долгополомъ сѣромъ кафтанѣ, башмакахъ и черной ермолкѣ. Этотъ жидъ, по прозвищу Гиршель, то-и-дѣло таскался въ нашъ лагерь, напрашивался въ факторы, доставалъ намъ вина, съѣстныхъ припасовъ и прочихъ бездѣлокъ; росту былъ онъ небольшого, худенькій, рябой, рыжій,—безпрестанно моргалъ крошечными, тоже рыжими глазками, носъ имѣлъ кривой и длинный, и все покашливалъ.

Онъ началъ вертѣться передо мной и униженно кланяться.

— Ну, что тебѣ надобно?—спросилъ я его наконецъ.

— А такъ-съ, пришелъ узнать-съ, что не могу ли ихъ благородію чѣмъ-нибудь-съ...

— Не нуженъ ты мнѣ; ступай.

— Какъ прикажете-съ, какъ угодно-съ... Я думалъ, что, можетъ-быть-съ, чѣмъ-нибудь-съ...

— Ты мнѣ надоѣлъ; ступай, говорятъ тебѣ.

— Извольте, извольте-съ. А позвольте ихъ благородіе поздравить съ выигрышемъ...

— А ты почему знаешь?

— Ужъ какъ мнѣ не знать-съ... Большой выигрышъ... большой... У! какой большой...

Гиршель растопырилъ пальцы и покачалъ головой.

— Да что толку, — сказалъ я съ досадой: — на какой дьяволъ здѣсь и деньги?

— О! не говорите, ваше благородіе; ай, ай, не говорите такое. Деньги — хорошая вещь; всегда нужны, все можно за деньги достать, ваше благородіе, все! все! Прикажите только фактору, онъ вамъ все достанетъ, ваше благородіе, все! все!

— Полно врать, жидъ.

— Ай! ай! — повторилъ Гиршель, встряхивая пейсиками. — Ихъ благородіе мнѣ не вѣритъ... ай... ай... ай...— Жидъ закрылъ глаза и медленно покачалъ головою направо и налѣво...—А я знаю, что̀ г-ну офицеру угодно... знаю... ужъ я знаю!

Жидъ принялъ весьма плутовскій видъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?

Жидъ взглянулъ боязливо, потомъ нагнулся ко мнѣ.

— Такая красавица, ваше благородіе, такая!... — Гиршелъ опять закрылъ глаза и вытянулъ губы.—Ваше благородіе, прикажите... увидите сами... что̀ теперь я буду говорить, вы будете слушать... вы не будете вѣрить... а лучше прикажите показать... вотъ какъ, вотъ что!

Я молчалъ и глядѣлъ на жида.

— Ну, такъ хорошо; ну, вотъ, хорошо; ну, вотъ, я вамъ покажу... — Тутъ Гиршель засмѣялся и слегка потрепалъ меня по плечу, но тотчасъ же отскочилъ, какъ обожженный.

— А что жъ, ваше благородіе, задаточекъ?

— Да ты обманешь меня, или покажешь мнѣ какое-нибудь чучело?

— Ай, вай, что̀ вы такое говорите?—проговорилъ жидъ съ необыкновеннымъ жаромъ и размахивая руками.—Какъ можно? Да вы... ваше благородіе, прикажите тогда дать мнѣ пятьсотъ... четыреста пятьдесятъ палокъ, — прибавилъ онъ поспѣшно...—Да вы прикажите...

Въ это время одинъ изъ моихъ товарищей приподнялъ край палатки и назвалъ меня по имени. Я поспѣшно всталъ и бросилъ жиду червонецъ.

— Вецеромъ, вецеромъ,—пробормоталъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Признаюсь вамъ, господа, я дожидался вечера съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Въ этотъ самый день французы сдѣлали вылазку; нашъ полкъ ходилъ въ атаку. Наступилъ вечеръ; мы усѣлись вокругъ огней... солдаты заварили кашу. — Пошли толки. Я лежалъ на буркѣ, пилъ чай и слушалъ разсказы товарищей. Мнѣ предложили играть въ карты,—я отказался. Я былъ въ волненіи. Понемногу офицеры разошлись по палаткамъ; огни стали гаснуть; солдаты также разбрелись, или заснули тутъ же; все затихло. Я не вставалъ. Денщикъ мой сидѣлъ на корточкахъ передъ огнемъ и, какъ говорится, „удилъ рыбу".—Я прогналъ его. Скоро весь лагерь утихъ. Прошла рунда. Смѣнили часовыхъ. Я все лежалъ и ждалъ чего-то. Звѣзды выступили. Настала ночь. Долго глядѣлъ я на замиравшее пламя... послѣдній огонекъ потухъ наконецъ. „Обманулъ меня проклятый жидъ", подумалъ я съ досадой, и хотѣлъ-было приподняться.

— Ваше благородіе...—пролепеталъ надъ самымъ моимъ ухомъ трепетный голосъ.

Я оглянулся: Гиршель. Онъ былъ очень блѣденъ, заикался и пришепетывалъ.

— Пожалуйте-съ въ вашу палатку-съ.

Я всталъ и пошелъ за нимъ. Жидъ весь съежился и осторожно выступалъ по короткой, сырой травѣ. Я замѣтилъ въ сторонѣ неподвижную, закутанную фигуру. Жидъ махнулъ ей рукой — она подошла къ нему. Онъ съ ней пошептался, обратился ко мнѣ, нѣсколько разъ кивнулъ головой, и мы всѣ трое вошли въ палатку. Смѣшно сказать: я задыхался.

— Вотъ, ваше благородіе, — прошепталъ съ усиліемъ жидъ:—вотъ. Она немножко боится теперь, она боится; но я ей сказалъ, что г. офицеръ хорошій человѣкъ, прекрасный... А ты не бойся, не бойся,—продолжалъ онъ:—не бойся...

Закутанная фигура не шевелилась. Я самъ былъ въ страшномъ смущеніи, и не зналъ, что́ сказать. Гиршель тоже сѣменилъ на мѣстѣ, и какъ-то странно разводилъ руками.

— Однако,—сказалъ я ему:—выдь-ка ты вонъ...

Гиршель какъ-будто нехотя повиновался.

Я подошелъ къ закутанной фигурѣ и тихо снялъ съ ея головы темный капюшонъ. Въ Данцигѣ горѣло; при красноватомъ, порывистомъ и слабомъ отблескѣ далекаго пожара увидѣлъ я блѣдное лицо молодой жидовки. Ея красота меня поразила. Я стоялъ передъ ней и смотрѣлъ на нее молча. Она не поднимала глазъ. Легкій шорохъ заставилъ меня оглянуться. Гиршель осторожно высовывалъ голову изъ-подъ края палатки. Я съ досадой махнулъ ему рукой... онъ скрылся.

— Какъ тебя зовутъ?—промолвилъ я наконецъ.

— Сара,—отвѣчала она,—и въ одно мгновенье сверкнули во мракѣ бѣлки ея большихъ и длинныхъ глазъ и маленькіе, ровные, блестящіе зубки.

Я схватилъ двѣ кожаныя подушки, бросилъ ихъ на землю и попросилъ ее сѣсть. Она скинула свой плащъ и сѣла. На ней былъ короткій, спереди раскрытый казакинъ съ серебряными, круглыми, рѣзными пуговицами и широкими рукавами. Густая черная коса два раза обвивала ея небольшую головку; я сѣлъ подлѣ нея и взялъ ея смуглую, тонкую руку. Она немного противилась, но какъ-будто боялась глядѣть на меня и неровно дышала. Я любовался ея восточнымъ профилемъ—и робко пожималъ ея дрожащіе, холодные пальцы.

— Ты умѣешь по-русски?

— Умѣю... немного.

— И любишь русскихъ?

— Да, люблю.

— Стало-быть, ты меня тоже любишь?

— И васъ люблю.

Я хотѣлъ-было обнять ее, но она проворно отодвинулась...

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, господинъ, пожалуйста...

— Ну, такъ, посмотри на меня, по крайней мѣрѣ.

Она остановила на мнѣ свои черные, пронзительные глаза и тотчасъ же съ улыбкой отвернулась и покраснѣла.

Я съ жаромъ поцѣловалъ ея руку. Она посмотрѣла на меня исподлобья и тихонько засмѣялась.

— Чему ты!

Она закрыла лицо рукавомъ и засмѣялась пуще прежняго.

Гиршель появился у входа палатки и погрозилъ ей. Она замолчала.

— Пошелъ вонъ! — прошепталъ я ему сквозь зубы: — ты мнѣ надоѣлъ.

Гиршель не выходилъ.

Я досталъ изъ чемодана горсть червонцевъ, сунулъ ихъ ему въ руку и вытолкалъ его вонъ.

— Господинъ, дай и мнѣ...—проговорила она.

Я ей кинулъ нѣсколько червонцевъ на колѣни; она подхватила ихъ проворно, какъ кошка.

— Ну, теперь я тебѣ поцѣлую.

— Нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста, — пролепетала она испуганнымъ и умоляющимъ голосомъ.

— Чего-жъ ты боишься?

— Боюсь.

— Да полно...

— Нѣтъ, пожалуйста.

Она робко посмотрѣла на меня, нагнула голову немножко на бокъ и сложила руки. Я оставилъ ее въ покоѣ.

— Если хочешь... вотъ,—сказала она, послѣ нѣкотораго молчанья, и поднесла свою руку къ моимъ губамъ.

Я не совсѣмъ охотно поцѣловалъ ее. Сара опять разсмѣялась.

Кровь меня душила. Я досадовалъ на себя и не зналъ, что̀ дѣлать. Однако, подумалъ я наконецъ, что̀ я за дуракъ!

Я опять оборотился къ ней.

— Сара, послушай, я влюбленъ въ тебя.

— Я знаю.

— Знаешь? И не сердишься? И сама меня любишь?

Сара покачала головой.

— Нѣтъ, отвѣчай мнѣ, какъ слѣдуетъ.

— А покажите-ка себя,—сказала она.

Я нагнулся къ ней. Сара положила руки ко мнѣ на плечи, начала разглядывать мое лицо, хмурилась, улыбалась... Я не выдержалъ и проворно поцѣловалъ ее въ

щеку. Она вскочила и въ одинъ прыжокъ очутилась у входа палатки.

— Ну, какая же ты дикарка!

Она молчала и не трогалась съ мѣста.

— Подойди же ко мнѣ...

— Нѣтъ, господинъ, прощайте. До другого разу.

Гиршель опять выставилъ свою курчавую головку, сказалъ ей два слова; она нагнулась и ускользнула, какъ змѣя.

Я выбѣжалъ изъ палатки вслѣдъ за нею, но не увидѣлъ ни ея, ни Гиршеля.

Цѣлую ночь я не могъ заснуть.

На другое утро мы сидѣли въ палаткѣ нашего ротмистра; я игралъ, но безъ охоты. Вошелъ мой денщикъ.

— Спрашиваютъ васъ, ваше благородіе.

— Кто меня спрашиваетъ?

— Жидъ спрашиваетъ.

„Неужели Гиршель?“ подумалъ я. Я дождался конца таліи, всталъ и вышелъ. Дѣйствительно: я увидѣлъ Гиршеля.

— Что̀, — спросилъ онъ меня съ пріятной улыбкой: — ваше благородіе, довольны вы?

— Ахъ ты!.. (тутъ полковникъ оглянулся)... кажется, нѣтъ дамъ... впрочемъ, все равно. Ахъ ты, мой любезный, — отвѣчалъ я ему: — да ты смѣешься надо мной, что ли?

— А что-съ?

— Какъ что-съ? Еще ты спрашиваешь!

— Ай, ай, господинъ офицеръ, какой же вы,—проговорилъ Гиршель съ укоризной, но не переставая улыбаться. — Дѣвица молодая, скромная... Вы ее испугали, право испугали.

— Хороша скромность! а деньги-то она зачѣмъ взяла?

— А какъ же-съ? Деньги даютъ-съ, такъ какъ же не брать-съ?

— Послушай, Гиршель: пусть она придетъ опять, я тебя не обижу... только ты, пожалуйста, своей глупой рожи не показывай у меня въ палаткѣ и оставь насъ въ покоѣ; слышишь?

У Гиршеля засверкали глазки.

— А что? нравится вамъ?

— Ну, да.

— Красавица! такой нѣтъ красавицы нигдѣ. А денегъ мнѣ теперь пожалуете?

— Возьми, только слушай: уговоръ лучше денегъ. Приведи ее, да убирайся къ чорту! Я ее самъ провожу домой.

— А нельзя, нельзя, никакъ нельзя-съ, — торопливо возразилъ жидъ.—Ай, ай, никакъ нельзя-съ. Я, пожалуй, буду ходить около палатки, ваше благородіе; я, я, ваше благородіе, отойду, пожалуй, немножко... я, ваше благородіе, готовъ вамъ служить, я, пожалуй, отойду... что-жъ? я отойду.

— Ну, смотри же... Да приведи ее, слышишь?

— А вѣдь красавица, господинъ офицеръ, а? ваше благородіе? красавица? а?

Гиршель нагибался и заглядывалъ мнѣ въ глаза.

— Хороша.

— Ну, такъ дайте же мнѣ еще червончикъ...

Я бросилъ ему червонецъ; мы разошлись.

День минулъ наконецъ. Настала ночь. Я долго сидѣлъ одинъ въ своей палаткѣ. На дворѣ было неясно. Въ городѣ пробило два часа. Я начиналъ уже ругать жида... вдругъ вошла Сара, одна. Я вскочилъ, обнялъ ее... прикоснулся губами до ея лица... Оно было холодно, какъ ледъ. Я едва могъ различить ея черты... Я усадилъ ее, сталъ передъ ней на колѣни, бралъ ея руки, касался ея стана... Она молчала, не шевелилась, и вдругъ громко, судорожно зарыдала. Я напрасно старался успокоить, уговорить ее... Она плакала навзрыдъ... Я ласкалъ ее, утиралъ ея слезы; она попрежнему не противилась, не отвѣчала на мои вопросы и плакала,—плакала въ три ручья. Сердце во мнѣ перевернулось; я всталъ и вышелъ изъ палатки.

Гиршель точно изъ земли предо мною вынырнулъ.

— Гиршель, — сказалъ я ему: — вотъ тебѣ обѣщанныя деньги. Уведи Сару.

Жидъ тотчасъ бросился къ ней. Она перестала плакать и ухватилась за него.

— Прощай, Сара,—сказалъ я ей.—Богъ съ тобой, прощай. Когда-нибудь увидимся, въ другое время.

Гиршель молчалъ и кланялся. Сара нагнулась, взяла мою руку, прижала ее къ губамъ; я отвернулся...

Дней пять или шесть, господа, я все думалъ о моей жидовкѣ. Гиршель не являлся, и никто не видалъ его въ лагерѣ. По ночамъ спалъ я довольно плохо: мнѣ все мерещились черные, влажные глаза, длинныя рѣсницы; мои губы не могли забыть прикосновенья щеки, гладкой и свѣжей, какъ кожица сливы. Послали меня со взводомъ на фуражировку въ отдаленную деревеньку. Пока мои солдаты шарили по домамъ, я остался на улицѣ и не слѣзалъ съ коня. Вдругъ кто-то схватилъ меня за ногу...

— Боже мой, Сара!

Она была блѣдна и взволнована.

— Господинъ офицеръ, господинъ... помогите, спасите, солдаты насъ обижаютъ... Господинъ офицеръ...

Она узнала меня и вспыхнула.

— А развѣ ты здѣсь живешь?

— Здѣсь.

— Гдѣ?

Сара указала мнѣ на маленькій, старенькій домикъ. Я далъ лошади шпоры и поскакалъ. На дворѣ домика безобразная, растрепанная жидовка старалась вырвать изъ рукъ моего длиннаго вахмистра Силявки три курицы и утку. Онъ поднималъ свою добычу выше головы и смѣялся; курицы кудахтали, утка крякала... Другіе два кирасира вьючили лошадей своихъ сѣномъ, соломой, мучными кулями. Въ самомъ домѣ слышались малороссійскія восклицанія и ругательства... Я крикнулъ на своихъ и приказалъ имъ оставить жидовъ въ покоѣ, ничего не брать у нихъ. Солдаты повиновались; вахмистръ сѣлъ на свою гнѣдую кобылу, Прозерпину, или, какъ онъ называлъ ее, „Прожерпылу“ и выѣхалъ за мной на улицу.

— Ну что̀,—сказалъ я Сарѣ:—довольна ты мной?

Она съ улыбкой посмотрѣла на меня.

— Гдѣ ты пропадала все это время?

Она опустила глаза.

— Я къ вамъ завтра приду.

— Вечеромъ?

— Нѣтъ, господинъ, утромъ.

— Смотри же, не обмани меня.

— Нѣтъ... нѣтъ, не обману.

Я жадно глядѣлъ на нее. Днемъ она показалась мнѣ еще прекраснѣе. Я помню, меня въ особенности поразили янтарный, матовый цвѣтъ ея лица и синеватый отливъ ея черныхъ волосъ... Я нагнулся съ лошади и крѣпко стиснулъ ея маленькую руку.

— Прощай, Сара... смотри, приходи же.

— Приду.

Она пошла домой; я приказалъ вахмистру догнать меня съ командой—и поскакалъ.

На другой день я всталъ очень рано, одѣлся и вышелъ изъ палатки. Утро было чудесное; солнце только-что подымалось, и на каждой былинкѣ сверкалъ влажный багрянецъ. Я взошелъ на высокій брустверъ и сѣлъ на краю амбразуры. Подо мной толстая чугунная пушка выставила въ поле свое черное жерло. Я разсѣянно смотрѣлъ во всѣ стороны... и вдругъ увидалъ, шагахъ во-ста, скорченную фигуру въ сѣромъ кафтанѣ. Я узналъ Гиршеля. Онъ долго стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, потомъ вдругъ отбѣжалъ немного въ сторону, торопливо и боязливо оглянулся... крикнулъ, присѣлъ, осторожно вытянулъ шею и опять началъ оглядываться и прислушиваться. Я очень ясно видѣлъ всѣ его движенья. Онъ запустилъ руку за пазуху, досталъ клочокъ бумажки, карандашъ, и началъ писать или чертить что-то. Гиршель безпрестанно останавливался, вздрагивалъ, какъ заяцъ, внимательно разсматривалъ окрестность и какъ будто срисовывалъ нашъ лагерь. Онъ не разъ пряталъ свою бумажку, щурилъ глаза, нюхалъ воздухъ и снова принимался за работу. Наконецъ, жидъ присѣлъ на траву, снялъ башмакъ, запихалъ туда бумажку; но не успѣлъ онъ еще выпрямиться

какъ вдругъ, шагахъ въ десяти отъ него, изъ-за ската гласиса показалась усатая голова вахмистра Силявки и понемногу приподнялось отъ земли все длинное и неуклюжее его тѣло. Жидъ стоялъ къ нему спиной. Силявка проворно подошелъ къ нему и положилъ ему на плечо свою тяжелую лапу. Гиршеля скорчило. Онъ затрясся, какъ листъ, и испустилъ болѣзненный, заячій крикъ. Силявка грозно заговорилъ съ нимъ и схватилъ его за̀ воротъ. Я не могъ слышать ихъ разговора, но, по отчаяннымъ тѣлодвиженіямъ жида, по его умоляющему виду, началъ догадываться, въ чемъ дѣло. Жидъ раза два бросался къ ногамъ вахмистра, запустилъ руку въ карманъ, вытащилъ разорванный клѣтчатый платокъ, развязалъ узелъ, досталъ червонецъ... Силявка съ важностью принялъ подарокъ, но не переставалъ тащить жида за̀ воротъ. Гиршель рванулся и бросился въ сторону; вахмистръ пустился за нимъ въ погоню. Жидъ бѣжалъ чрезвычайно проворно; его ноги, обутыя въ синіе чулки, мелькали, дѣйствительно, весьма быстро; но Силявка послѣ двухъ или трехъ „угонокъ“ поймалъ присѣвшаго жида, поднялъ и понесъ его на рукахъ—прямо въ лагерь. Я всталъ и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— А! ваше благородіе!—закричалъ Силявка:—лазутчика несу вамъ, лазутчика! Потъ градомъ катился съ дюжаго малоросса.—Да перестань же вертѣться, чортовъ жидъ! да ну же... экой ты! не то придавлю, смотри!

Несчастный Гиршель слабо упирался локтями въ грудь Силявки, слабо болталъ ногами... Глаза его судорожно закатывались...

— Что такое?—спросилъ я Силявку.

— А вотъ что̀, ваше благородіе: извольте-ка снять съ его правой ноги башмакъ,—мнѣ неловко.—Онъ все еще держалъ жида на рукахъ.

Я снялъ башмакъ, досталъ тщательно сложенную бумажку, развернулъ ее и увидѣлъ подробный рисунокъ нашего лагеря. На поляхъ стояло множество замѣтокъ, писанныхъ мелкимъ почеркомъ на жидовскомъ языкѣ.

Между тѣмъ, Силявка поставилъ Гиршеля на ноги.

Жидъ раскрылъ глаза, увидѣлъ меня и бросился передо мной на колѣни.

Я, молча, показалъ ему бумажку.

— Это что̀?

— Это,—такъ, господинъ офицеръ. Это я такъ. — Голосъ его перервался.

— Ты лазутчикъ?

Онъ не понималъ меня, бормоталъ несвязныя слова, трепетно прикасался моихъ колѣнъ...

— Ты шпіонъ?

— Ай!—крикнулъ онъ слабо и потрясъ головой.—Какъ можно? Я—никогда; я совсѣмъ нѣтъ. Не можно; не есть возможно. Я готовъ. Я—сейчасъ. Я дамъ денегъ... я заплачу,—прошепталъ онъ и закрылъ глаза.

Ермолка сдвинулась у него на затылокъ; рыжіе, мокрые отъ холоднаго поту волосы повисли клочьями, губы посинѣли и судорожно кривились, брови болѣзненно сжались, щеки ввалились...

Солдаты насъ обступили. Я сперва хотѣлъ-было пугнуть порядкомъ Гиршеля, да приказать Силявкѣ молчать, но теперь дѣло стало гласно и не могло миновать „свѣдѣнія начальства“.

— Веди его къ генералу,—сказалъ я вахмистру.

— Господинъ офицеръ, ваше благородіе! — закричалъ отчаяннымъ голосомъ жидъ: — я не виноватъ; не виноватъ... Прикажите выпустить меня, прикажите...

— А вотъ его превосходительство разберетъ,—проговорилъ Силявка.—Пойдемъ.

— Ваше благородіе!—закричалъ мнѣ жидъ вслѣдъ: — прикажите! помилуйте!

Крикъ его терзалъ меня. Я удвоилъ шаги.

Генералъ нашъ былъ человѣкъ нѣмецкаго происхожденія, честный и добрый, но строгій исполнитель правилъ службы. Я вошелъ въ небольшой, наскоро выстроенный его домикъ и въ немногихъ словахъ объяснилъ ему причину моего посѣщенія. Я зналъ всю строгость военныхъ постановленій, и потому не произнесъ даже слова „лазутчикъ“, а постарался представить все дѣло ничтожнымъ

и не стоящимъ вниманія. Но, къ несчастію Гиршеля, генералъ исполненіе долга ставилъ выше состраданія.

— Вы, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ мнѣ:—суть неопытный. Вы въ воинскомъ дѣлѣ еще неопытны суть. Дѣло, о которомъ (генералъ весьма любитъ слово: который) вы мнѣ рапортовали, есть важное, весьма важное... А гдѣ же этотъ человѣкъ, который взятъ былъ? тотъ еврей? гдѣ же тотъ?

Я вышелъ изъ палатки и приказалъ ввести жида.

Ввели жида. Несчастный едва стоялъ на ногахъ.

— Да,—промолвилъ генералъ, обратясь ко мнѣ:—а гдѣ же планъ, который найденъ на семъ человѣкѣ?

Я вручилъ ему бумажку. Генералъ развернулъ ее, отодвинулся назадъ, прищурилъ глаза, нахмурилъ брови.

— Это уд-див-вит-тельно... — проговорилъ онъ съ разстановкой.—Кто его арестовалъ?

— Я, ваше превосходительство!—рѣзко брякнулъ Силявка.

— А! хорошо! хорошо!.. Ну, любезный мой, что ты скажешь въ свое оправданье?

— Ва... ва... ваше превосходительство, — пролепеталъ Гиршель:—я... помилуйте... ваше превосходительство... не виноватъ... спросите, ваше превосходительство, господина офицера... Я факторъ, ваше превосходительство, честный факторъ.

— Его слѣдуетъ допросить, — проговорилъ генералъ вполголоса, важно качнувъ головой.—Ну, какъ же ты это, братецъ?

— Не виноватъ, ваше превосходительство, не виноватъ.

— Однакоже, это есть невѣроятно. Ты, какъ по-русски говорится, по-дѣломъ взятъ, то-есть, на самихъ дѣлахъ!

— Позвольте сказать, ваше превосходительство: я не виноватъ.

— Ты рисовалъ планъ? ты есть шпіонъ непріятельскій?

— Не я!—крикнулъ внезапно Гиршель: — не я, ваше превосходительство!

Генералъ посмотрѣлъ на Силявку.

— Да вретъ же онъ, ваше превосходительство. Господинъ офицеръ самъ изъ его башмака грамоту досталъ.

Генералъ посмотрѣлъ на меня. Я принужденъ былъ кивнуть головой.

— Ты, любезный мой, есть непріятельскій лазутчикъ... любезный мой...

— Не я... не я...—шепталъ растерявшійся жидъ.

— Ты уже доставлялъ сему подобныя свѣдѣнія и прежде непріятелю? Признавайся...

— Какъ можно!

— Ты, любезный мой, меня не будешь обманывать. Ты лазутчикъ?

Жидъ закрылъ глаза, тряхнулъ головой и поднялъ полы своего кафтана.

— Повѣсить его,—проговорилъ выразительно генералъ, послѣ нѣкотораго молчанія:—сообразно законовъ. Гдѣ господинъ Ѳедоръ Шликельманъ?

Побѣжали за Шликельманомъ, генеральскимъ адъютантомъ. Гиршель позеленѣлъ, раскрылъ ротъ, выпучилъ глаза. Явился адъютантъ. Генералъ отдалъ ему надлежащія приказанія. Писарь показалъ на мигъ свое тощее, рябое лицо. Два-три офицера съ любопытствомъ заглянули въ комнату.

— Сжальтесь, ваше превосходительство,—сказалъ я генералу по-нѣмецки, какъ умѣлъ:—отпустите его...

— Вы, молодой человѣкъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ по-русски: — я вамъ сказалъ, неопытны, и посему прошу васъ молчать и меня болѣе не утруждать.

Гиршель съ крикомъ повалился въ ноги къ генералу.

— Ваше превосходительство, помилуйте, не буду впередъ, не буду, ваше превосходительство, жена у меня есть... ваше превосходительство, дочь есть... помилуйте...

— Что̀ сдѣлать!

— Виноватъ, ваше превосходительство, точно *естемъ* виноватъ... въ первый разъ, ваше превосходительство: въ первый разъ, повѣрьте!

— Другихъ бумагъ не доставлялъ?

— Въ первый разъ, ваше превосходительство... жена... дѣти... помилуйте...

— Но ты есть шпіонъ.

— Жена... ваше превосходительство... дѣти...

Генерала покоробило, но дѣлать было нечего.

— Сообразно законовъ, повѣсить еврея, — проговорилъ онъ протяжно и съ видомъ человѣка, принужденнаго, скрѣпя сердце, принести свои лучшія чувства въ жертву неумолимому долгу: — повѣсить! Ѳедоръ Карлычъ, прошу васъ о семъ происшествіи написать рапортъ, который...

Въ Гиршелѣ вдругъ произошла страшная перемѣна. Вмѣсто обыкновеннаго, жидовской натурѣ свойственнаго, тревожнаго испуга, на лицѣ его изобразилась страшная, предсмертная тоска. Онъ заметался, какъ пойманный звѣрокъ, разинулъ ротъ, глухо захрипѣлъ, даже запрыгалъ на мѣстѣ, судорожно размахивая локтями. Онъ былъ въ одномъ башмакѣ; другой позабыли надѣть ему на ногу... кафтанъ его распахнулся... ермолка свалилась...

Всѣ мы вздрогнули; генералъ замолчалъ.

— Ваше превосходительство, — началъ я опять:—простите этого несчастнаго.

— Нельзя. Законъ повелѣваетъ, — возразилъ генералъ отрывисто и не безъ волненья:—другимъ въ примѣръ.

— Ради Бога...

— Г-нъ корнетъ, извольте отправиться на свой постъ,— сказалъ генералъ и повелительно указалъ мнѣ рукою на дверь.

Я поклонился и вышелъ. Но такъ какъ у меня собственно поста не было нигдѣ, то я и остановился въ недалекомъ разстояніи отъ генеральскаго домика.

Минуты черезъ двѣ явился Гиршель въ сопровожденіи Силявки и трехъ солдатъ. Бѣдный жидъ былъ въ оцѣпенѣніи и едва переступалъ ногами. Силявка прошелъ мимо меня въ лагерь и скоро вернулся съ веревкой въ рукахъ. На грубомъ, но не зломъ его лицѣ изображалось странное, ожесточенное состраданіе. При видѣ веревки, жидъ замахалъ руками, присѣлъ и зарыдалъ. Солдаты молча стояли около него и угрюмо смотрѣли въ землю. Я приблизился къ Гиршелю, заговорилъ съ нимъ; онъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и даже не посмотрѣлъ на меня. Я махнулъ рукой, ушелъ къ себѣ, бросился на коверъ — и закрылъ глаза...

Вдругъ кто-то торопливо и шумно вбѣжалъ въ мою палатку. Я поднялъ голову—и увидѣлъ Сару; на ней лица не было. Она бросилась ко мнѣ и схватила меня за руки.

— Пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ, — твердила она задыхающимся голосомъ.

— Куда? зачѣмъ? останемся здѣсь.

— Къ отцу, къ отцу, скорѣе... спаси его... спаси!

— Къ какому отцу?..

— Къ моему отцу; его хотятъ вѣшать...

— Какъ! развѣ Гиршель...

— Мой отецъ... я тебѣ все растолкую потомъ, — прибавила она, отчаянно ломая руки: — только пойдемъ... пойдемъ...

Мы выбѣжали вонъ изъ палатки. Въ полѣ, на дорогѣ къ одинокой березѣ, виднѣлась группа солдатъ... Сара молча указала на нее пальцемъ...

— Стой,—сказалъ я вдругъ:—куда же мы бѣжимъ? Солдаты меня не послушаются.

Сара продолжала тащить меня за собой... Признаюсь, у меня голова закружилась.

— Да послушай, Сара,—сказалъ я ей:—что̀ толку туда бѣжать? Лучше я пойду опять къ генералу; пойдемъ вмѣстѣ; авось, мы упросимъ его.

Сара вдругъ остановилась и какъ безумная посмотрѣла на меня.

— Пойми меня, Сара, ради Бога. Я твоего отца помиловать не могу, а генералъ можетъ. Пойдемъ къ нему.

— Да его пока повѣсятъ,—простонала она...

Я оглянулся. Писарь стоялъ невдалекѣ.

— Ивановъ, — крикнулъ я ему: — сбѣгай, пожалуйста, туда къ нимъ: прикажи имъ подождать, скажи, что я пошелъ просить генерала.

— Слушаю-съ...

Ивановъ побѣжалъ.

Насъ къ генералу не пустили. Напрасно я просилъ, убѣждалъ, наконецъ, даже бранился... напрасно бѣдная Сара рвала волосы и бросалась на часовыхъ: насъ не пустили.

Сара дико посмотрѣла кругомъ, схватила обѣими руками себя за голову и побѣжала стремглавъ въ поле, къ отцу. Я за ней. На насъ глядѣли съ недоумѣніемъ...

Мы побѣжали къ солдатамъ. Они стали въ кружокъ и, представьте, господа! смѣялись, смѣялись надъ бѣднымъ Гиршелемъ! Я вспыхнулъ и крикнулъ на нихъ. Жидъ увидѣлъ насъ и кинулся на шею дочери. Сара судорожно схватилась за него.

Бѣднякъ вообразилъ, что его простили... Онъ начиналъ уже благодарить меня... я отвернулся.

— Ваше благородіе,—закричалъ онъ и стиснулъ руки.— Я не прощенъ?

Я молчалъ.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ваше благородіе, — забормоталъ онъ: — посмотрите, ваше благородіе, посмотрите... вѣдь вотъ она, эта дѣвица— знаете—она дочь моя.

— Знаю,—отвѣчалъ я, и опять отвернулся.

— Ваше благородіе,—закричалъ онъ:—я не отходилъ отъ палатки! Я ни за что...—Онъ остановился и закрылъ на мгновенье глаза...—Я хотѣлъ вашихъ денежекъ, ваше благородіе, нужно сознаться, денежекъ... но я ни за что...

Я молчалъ. Гиршель былъ мнѣ гадокъ, да и она, его сообщница...

— Но теперь, если вы меня спасете, — проговорилъ жидъ шопотомъ: — я прикажу — я... понимаете?.. все... я ужъ на все пойду...

Онъ дрожалъ, какъ листъ, и торопливо оглядывался. Сара молча и страстно обнимала его.

Къ нимъ подошелъ адъютантъ.

— Г-нъ корнетъ,—сказалъ онъ мнѣ:—его превосходительство приказали арестовать васъ. А вы... Онъ молча указалъ солдатамъ на жида... сейчасъ его...

Силявка подошелъ къ жиду.

— Ѳедоръ Карлычъ, — сказалъ я адъютанту (съ нимъ пришло человѣкъ пять солдатъ):—прикажите, по крайней мѣрѣ, унести эту бѣдную дѣвушку...

— Разумѣется. Согласенъ-съ.

Несчастная едва дышала. Гиршель бормоталъ ей на ухо по-жидовски...

Солдаты съ трудомъ высвободили Сару изъ отцовскихъ объятій и бережно отнесли ее шаговъ на двадцать. Но вдругъ она вырвалась у нихъ изъ рукъ и бросилась къ Гиршелю... Силявка остановилъ ее. Сара оттолкнула его, лицо ея покрылось легкой краской, глаза засверкали, она протянула руки.

— Такъ будьте же вы прокляты, — закричала она по-нѣмецки:—прокляты, трижды прокляты, вы и весь ненавистный родъ вашъ, проклятіемъ Даѳана и Авирона, проклятіемъ бѣдности, безплодія и насильственной, позорной смерти! Пускай же земля раскроется подъ вашими ногами, безбожники, безжалостные, кровожадные псы...

Голова ея закинулась назадъ... она упала на землю... Ее подняли и унесли.

Солдаты взяли Гиршеля подъ руки. Я тогда понялъ, почему смѣялись они надъ жидомъ, когда я съ Сарой прибѣжалъ изъ лагеря. Онъ былъ дѣйствительно смѣшонъ, несмотря на весь ужасъ его положенія. Мучительная тоска разлуки съ жизнью, дочерью, семействомъ выражалась у несчастнаго жида такими странными, уродливыми тѣлодвиженьями, криками, прыжками, что мы всѣ улыбались невольно, хотя и жутко, страшно жутко было намъ. Бѣднякъ замиралъ отъ страху...

— Ой, ой, ой!—кричалъ онъ:—ой... стойте! я разскажу... много разскажу. Господинъ унтеръ-вахмистръ, вы меня знаете. Я факторъ, честный факторъ. Не хватайте меня; постойте еще минутку, минуточку, маленькую минуточку постойте! Пустите меня: я бѣдный еврей. Сара... гдѣ Сара? О, я знаю! она у г. квартиръ-поручика (Богъ знаетъ, почему онъ меня пожаловалъ въ такой небывалый чинъ). Г-нъ квартиръ-поручикъ! Я не отхожу отъ палатки. (Солдаты взялись-было за Гиршеля... онъ оглушительно взвизгнулъ и выскользнулъ у нихъ изъ рукъ.) Ваше превосходительство!.. помилуйте несчастнаго отца семейства! Я дамъ десять червонцевъ, пятнадцать дамъ,

ваше превосходительство!.. (Его потащили къ березѣ)...— Пощадите! змилуйтесь! г. квартиръ-поручикъ! сіятельство ваше! г. оберъ-генералъ и главный шефъ!

На жида надѣли петлю... я закрылъ глаза и бросился бѣжать.

Я просидѣлъ двѣ недѣли подъ арестомъ. Мнѣ говорили, что вдова несчастнаго Гиршеля приходила за платьемъ покойнаго. Генералъ велѣлъ ей выдать сто рублей. Сару я болѣе не видалъ. Я былъ раненъ; меня отправили въ госпиталь, и когда я выздоровѣлъ, Данцигъ уже сдался,—и я догналъ свой полкъ на берегахъ Рейна.

1846 г.

ПѢТУШКОВЪ.

(повѣсть.)

I.

Въ 182... году, въ городѣ О... проживалъ поручикъ Иванъ Аѳанасьевичъ Пѣтушковъ. Онъ происходилъ отъ бѣдныхъ родителей, пяти лѣтъ остался круглымъ сиротой и попалъ на руки къ опекуну. Имущества у него, по милости опекуна, не оказалось никакого; онъ перебивался пополамъ съ грѣхомъ. Роста былъ онъ средняго, нѣсколько сутуловатъ; лицо имѣлъ худое и покрытое веснушками, впрочемъ, довольно пріятное, волосы темно-русые, глаза сѣрые, взглядъ робкій; частыя морщины покрывали его низкій лобъ. Вся жизнь Пѣтушкова прошла чрезвычайно однообразно; подъ сорокъ лѣтъ онъ былъ еще молодъ и неопытенъ, какъ ребенокъ. Знакомыхъ онъ дичился, а съ тѣми, на участь которыхъ могъ имѣть вліяніе, обходился весьма кротко...

За людьми, осужденными судьбою на жизнь однообразную и невеселую, часто водятся разныя привычки и потребности. Пѣтушковъ по утрамъ, за чаемъ, любилъ кушать свѣжую бѣлую булку. Безъ этого лакомства онъ жить не могъ. Вотъ, въ одно утро, слуга его, Онисимъ,

подалъ ему на тарелкѣ съ синими цвѣточками, вмѣсто булки, три темнорыжихъ сухаря. Пѣтушковъ тотчасъ же, съ нѣкоторымъ негодованьемъ, спросилъ слугу своего, что̀ бы это такое значило?

— Булки всѣ поразобравшись,—отвѣтилъ ему Онисимъ, природный петербуржецъ, странной игрою случая занесенный въ самую глушь южной Россіи.

— Быть не можетъ!—воскликнулъ Иванъ Аѳанасьевичъ.

— Поразобравшись, — повторилъ Онисимъ:— сегодня у предводителя завтракъ, такъ оно все туда, знаете, пошло.

Онисимъ повелъ рукой по воздуху и выставилъ правую ногу впередъ.

Иванъ Аѳанасьичъ прошелся по комнатѣ, одѣлся и самъ отправился въ булочную. Это единственное въ городѣ О... заведеніе было учреждено лѣтъ десять тому назадъ заѣзжимъ нѣмцемъ, въ скоромъ времени процвѣло, и теперь еще процвѣтало подъ начальствомъ его вдовы, толстой бабы.

Пѣтушковъ постучался у окошка. Толстая баба выставила въ форточку свое болѣзненно-пухлое и заспанное лицо.

— Булку пожалуйте, — съ пріятностью сказалъ Пѣтушковъ.

— Вышли булки,—пропищала толстая баба.

— У васъ нѣтъ булокъ?

— Нѣтути.

— Какъ же это? — помилуйте. Я у васъ каждый день беру булку и плачу аккуратно.

Баба молча посмотрѣла на него.—Возьмите крендель,— сказала она наконецъ зѣвая:—или паплюху.

— Не хочу,—сказалъ Пѣтушковъ и даже обидѣлся.

— Какъ угодно, — пробормотала баба и захлопнула форточку.

Ивана Аѳанасьича разобрала сильная досада. Въ недоумѣньи отошелъ онъ на другую сторону улицы и предался весь, какъ дитя, своему неудовольствію.

— Господинъ!.. — раздался довольно пріятный женскій голосъ:—господинъ!

Иванъ Аѳанасьичъ поднялъ глаза. Изъ форточки бу-

лочной выглядывала дѣвушка лѣтъ семнадцати и держала въ рукѣ булку. Лицо она имѣла полное, круглое, щеки румяныя, глаза каріе, небольшіе, носъ нѣсколько вздернутый, русые волосы и великолѣпныя плечи. Ея черты выражали доброту, лѣнь и безпечность.

— Вотъ, вамъ, сударь, булка, — сказала она, посмѣиваясь:—я-было взяла ее себѣ, да ужъ извольте, уступлю вамъ.

— Покорнѣйше благодарю. Позвольте-съ...

Пѣтушковъ началъ шарить у себя въ карманѣ.

— Не надо, не надо-съ. Кушайте себѣ на здоровье.

Она затворила форточку.

Пѣтушковъ пришелъ домой въ совершенно пріятномъ расположеніи духа.

— Вотъ, ты не досталъ булки, — сказалъ онъ своему Онисиму:—а я, вотъ, досталъ, видишь?..

Онисимъ горько усмѣхнулся.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Иванъ Аѳанасьевичъ, раздѣваясь, спросилъ слугу своего:

— Скажи мнѣ, братецъ, пожалуйста, что̀ тамъ у булочницы за дѣвка, а?

Онисимъ посмотрѣлъ въ сторону довольно мрачно и возразилъ:—А на что вамъ?

— Такъ, — сказалъ Пѣтушковъ, собственноручно снимая сапоги.

— А вѣдь хороша!—снисходительно замѣтилъ Онисимъ.

— Да... недурна... — промолвилъ Иванъ Аѳанасьичъ, глядя тоже въ сторону.—А какъ ее зовутъ, знаешь?

— Василисой.

— И ты ее знаешь?

Онисимъ помолчалъ нѣсколько.

— Знаемъ-съ.

Пѣтушковъ разинулъ-было ротъ, но повернулся на другой бокъ и заснулъ. Онисимъ вышелъ въ переднюю, понюхалъ табаку и покрутилъ головой.

На другой день, рано поутру, Пѣтушковъ велѣлъ подать себѣ одѣться. Онисимъ принесъ ежедневный сюртукъ Ивана Аѳанасьича, сюртукъ старый, травяного цвѣта, съ огромными полинявшими эполетами. Пѣтушковъ долго,

молча, поглядѣлъ на Онисима, потомъ приказалъ ему достать новый сюртукъ. Онисимъ не безъ удивленья повиновался. Пѣтушковъ одѣлся, тщательно натянулъ на руки замшевыя перчатки.

— Ты, братецъ,—проговорилъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:—не ходи сегодня въ булочную. Я самъ зайду... мнѣ по дорогѣ.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ Онисимъ такъ отрывисто, какъ будто кто-то толкнулъ его сзади.

Пѣтушковъ отправился, дошелъ до булочной, постучался въ окошко. Толстая баба отворила форточку.

— Пожалуйте булку, — медленно проговорилъ Иванъ Аѳанасьичъ.

Толстая баба выставила руку, обнаженную до самаго плеча, болѣе похожую на ляжку, чѣмъ на руку, и сунула ему горячій хлѣбъ прямо подъ носъ.

Иванъ Аѳанасьичъ постоялъ нѣкоторое время подъ окошкомъ, прошелъ по улицѣ раза два, взглянулъ на дворъ и, наконецъ, устыдясь своего ребячества, вернулся домой съ булкой въ рукѣ. Цѣлый день ему было неловко, и даже вечеромъ онъ, противъ обыкновенія, не пустился въ разговоръ съ Онисимомъ.

На другое утро уже Онисимъ отправился за булкой.

II.

Прошло нѣсколько недѣль. Иванъ Аѳанасьичъ совершенно позабылъ о Василисѣ и попрежнему дружелюбно бесѣдовалъ со своимъ слугою. Въ одно прекрасное утро зашелъ къ нему господинъ Бублицынъ, развязный и очень любезный молодой человѣкъ. Правда, онъ иногда самъ не зналъ, что̀ такое говорилъ, и весь былъ, какъ говорится, на-бекрень, но все-таки слылъ за весьма пріятнаго собесѣдника. Онъ курилъ много, съ лихорадочной жадностью, поднимая брови, втягивая грудь, курилъ съ озабоченнымъ видомъ, или, лучше сказать, съ такимъ видомъ, что, вотъ, дайте ему только въ послѣдній разъ затянуться, онъ вамъ тотчасъ и скажетъ неожиданную новость; даже иногда мычалъ и махалъ рукой, торопливо досасывая чубукъ,

какъ будто внезапно вспомнилъ что-то необыкновенно забавное или важное, раскрывалъ ротъ, кольцеобразно выпускалъ дымъ и произносилъ слова самыя обыкновенныя, а иногда даже вовсе безмолвствовалъ. Поболтавши немного съ Иваномъ Аѳанасьичемъ о сосѣдяхъ, лошадяхъ, помѣщичьихъ дочкахъ и прочихъ поучительныхъ предметахъ, г-нъ Бублицынъ вдругъ заморгалъ глазами, взбилъ себѣ хохолъ и съ лукавой улыбкой подошелъ къ необыкновенно тусклому зеркалу, единственному украшенію комнаты Ивана Аѳанасьича.

— А вѣдь надо правду сказать,—промолвилъ онъ, поглаживая свои бурые бакенбарды:—у насъ здѣсь есть мѣщаночки такія, что куда твоя Венера мендинцейнская... Напримѣръ, видали вы Василису булочницу?...—Г-нъ Бублицынъ затянулся.

Пѣтушковъ вздрогнулъ.

— Впрочемъ,—продолжалъ Бублицынъ, исчезая въ облакѣ дыма:—что̀ я у васъ спрашиваю? вѣдь вы такой человѣкъ, Иванъ Аѳанасьичъ!—Богъ знаетъ, чѣмъ вы занимаетесь, Иванъ Аѳанасьичъ!

— Тѣмъ же, чѣмъ и вы, — не безъ досады и нараспѣвъ проговорилъ Пѣтушковъ.

— Ну, нѣтъ, Иванъ Аѳанасьичъ, нѣтъ... Что вы это?

— Однако?

— Ну, да ужъ что, Иванъ Аѳанасьичъ!

— Однако? однако?

Бублицынъ поставилъ трубку въ уголъ и началъ разсматривать свои, не совсѣмъ красивые сапоги. Пѣтушковъ почувствовалъ смущеніе.

— Такъ-то, Иванъ Аѳанасьичъ, такъ-то,— продолжалъ Бублицынъ, какъ бы щадя его. — А про Василису булочницу вамъ доложу: очень, о-чень хорошо... о-чень.

Г-нъ Бублицынъ расширилъ ноздри и медленно погрузилъ руки въ карманы.

Странное дѣло! Иванъ Аѳанасьичъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ ревности. Онъ началъ двигаться на стулѣ, некстати расхохотался, покраснѣлъ вдругъ, зѣвнулъ и, зѣвая, скривилъ немного нижнюю челюсть. Бублицынъ выкурилъ еще

три трубки и удалился. Иванъ Аѳанасьичъ подошелъ къ окну, вздохнулъ и велѣлъ подать себѣ напиться.

Онисимъ поставилъ стаканъ квасу на столъ, угрюмо взглянулъ на барина, прислонился къ двери и потупилъ голову.

— Что ты такъ задумался?—спросилъ его баринъ ласково и не безъ страха.

— Что задумался?—возразилъ Онисимъ:—что задумался... Все о васъ.

— Обо мнѣ!

— Разумѣется, о васъ.

— Что̀ жъ ты думаешь?

— А я вотъ что́ думаю. (Тутъ Онисимъ понюхалъ табаку.) Стыдно вамъ, сударь, стыдно.

— Что такое стыдно?

— Что̀ такое стыдно... Да вы посмотрите на г-на Бублицына, Иванъ Аѳанасьичъ... Чѣмъ не молодецъ? помилуйте.

— Я тебя, братецъ, не понимаю.

— Не понимаете... Нѣтъ, вы меня понимаете.

Онисимъ помолчалъ.

— Г-нъ Бублицынъ — господинъ настоящій, какъ слѣдуетъ быть господиномъ. А вы-то что, Иванъ Аѳанасьичъ, вы-то что? помилуйте.

— Ну, и я господинъ.

— Господинъ, господинъ... — возразилъ Онисимъ, приходя въ азартъ.—Какой вы господинъ? Вы, сударь, просто мокрая курица, Иванъ Аѳанасьичъ, помилуйте. Сидите себѣ сиднемъ цѣлый Божій день... много этакъ высидите! Въ карты вы не играете, съ господами не водитесь, а что ужъ насчетъ того...

Онисимъ махнулъ рукой.

— Ну, однакожъ... ты ужъ, кажется, слишкомъ...—проговорилъ Иванъ Аѳанасьичъ, съ замѣшательствомъ хватаясь за чубукъ.

— Какое слишкомъ, Иванъ Аѳанасьичъ, какое слишкомъ! Вы сами посудите. Вѣдь вотъ, опять насчетъ Василисы... Ну, почему бы вамъ...

— Да ты что̀ думаешь, Онисимъ?—тоскливо перебилъ его Пѣтушковъ.

— Я знаю, что̀ я думаю. Что жъ? и съ Богомъ! Да гдѣ вамъ? Иванъ Аѳанасьичъ, помилуйте, судите сами... Вѣдь вы...

Иванъ Аѳанасьичъ всталъ.

— Ну, ну, пожалуйста, тамъ ужъ ты молчи,—сказалъ онъ проворно и какъ бы ища глазами Онисима.—Я вѣдь тоже, знаешь... я... что ужъ ты, въ самомъ дѣлѣ? Дай-ка мнѣ лучше одѣться.

Онисимъ медленно стащилъ съ Ивана Аѳанасьича замасленный татарскій шлафрокъ, съ отеческой грустью поглядѣлъ на барина, покачалъ головой, напялилъ на него сюртукъ и принялся бить его по спинѣ вѣникомъ.

Пѣтушковъ вышелъ, и послѣ непродолжительнаго странствованія по кривымъ улицамъ города, очутился передъ булочной. Странная улыбочка играла на его губахъ.

Не успѣлъ онъ взглянуть раза два на слишкомъ извѣстное „заведеніе", какъ вдругъ калитка отворилась, и выбѣжала Василиса, съ желтымъ платочкомъ на головѣ и въ душегрѣйкѣ, накинутой, по русскому обычаю, на плечи. Иванъ Аѳанасьичъ тотчасъ же нагналъ ее.

— Куда изволите идти, голубушка?

Василиса быстро взглянула на него, засмѣялась, отвернулась и закрыла себѣ губы рукой.

— Чай, за покупочкой?—спросилъ Иванъ Аѳанасьичъ, сѣменя ножками.

— Какіе любопытные,—возразила Василиса.

— Отчего же любопытный?—сказалъ Пѣтушковъ, торопливо размахивая руками.—Я совсѣмъ напротивъ... Такъ, знаете ли,—прибавилъ онъ поспѣшно, какъ будто эти три слова совершенно объяснили его мысль.

— А булочку мою скушали?

— Непремѣнно-съ,—возразилъ Пѣтушковъ:—съ особеннымъ удовольствіемъ.

Василиса продолжала идти да посмѣиваться.

— Пріятная сегодня погода,—продолжалъ Иванъ Аѳанасьичъ:—вы изволите часто гулять?

— Гуляемъ-съ.

— Ахъ, какъ бы мнѣ было желательно...

— Чего-съ.

Дѣвушки у насъ выговариваютъ слово „чего-съ“ очень странно, какъ-то особенно рѣзко и быстро... Куропатки такъ кричатъ по зарямъ.

— Погулять-съ, знаете ли, съ вами... за городомъ, что́ ли...

— Какъ можно?

— Отчего же не можно?

— Ахъ, какой вы, право!

— Но, позвольте...

Тутъ поровнялся съ ними купчикъ-попрыгунчикъ съ козлиной бородкой и пальцами, растопыренными въ видѣ рогульки, чтобы рукава не сползали, въ долгополомъ синеватомъ кафтанѣ и тепломъ картузѣ, похожемъ на распухшій арбузъ. Пѣтушковъ, ради приличія, отсталъ немного отъ Василисы, но тотчасъ же нагналъ ее снова.

— Такъ какъ же? насчётъ прогулки-съ?

Василиса лукаво посмотрѣла на него и опять засмѣялась.

— Вы здѣшній?

— Здѣшній-съ.

Василиса провела рукой по волосамъ и пошла потише. Иванъ Аѳанасьичъ улыбнулся и, внутренно замирая отъ робости, нагнулся немного на бокъ и трепетной рукой обвилъ станъ красавицы.

Василиса вскрикнула.

— Полноте, безстыдники, на улицы.

— Ну, ну, ну, чего,—забормоталъ Иванъ Аѳанасьичъ.

— Полноте, говорятъ вамъ, на улицы... Не обиждайте.

— А... а... ахъ, какія же вы,—проговорилъ Пѣтушковъ съ укоризной, а самъ покраснѣлъ до ушей.

Василиса остановилась.

— Ступайте-себѣ, господинъ, ступайте...

Пѣтушковъ повиновался. Онъ пришелъ домой, цѣлый часъ сидѣлъ неподвижно на стулѣ и даже трубки не курилъ. Наконецъ, онъ досталъ листокъ сѣроватой бумаги, очинилъ перо и послѣ долгихъ соображеній написалъ слѣдующее письмо:

„Милостивая государыня
Василиса Тимоѳеевна!

„Будучи отъ природы человѣкъ необидчивый; какъ же бы могъ я вамъ причинить непріятность. Если же я и дѣйствительно передъ вами виноватъ, то именно скажу вамъ: намеки г-на Бублицына меня къ тому способствовали, чего я никакъ не ожидалъ. А впрочемъ, покорнѣйше прошу васъ на меня не гнѣваться. Я человѣкъ чювствительный, и всякую ласку весьма чювствую и благодаренъ. Не гнѣвайтесь на меня, Василиса Тимоѳеевна, прошу васъ покорнѣйше. Впрочемъ, съ моимъ почтеніемъ пребываю.

Вашъ покорнѣйшій слуга.—
Иванъ Пѣтушковъ".

Онисимъ отнесъ это письмо по адресу.

III.

Прошло двѣ недѣли... Онисимъ каждое утро, по обыкновенію, ходилъ въ булочную. Вотъ, однажды, Василиса выбѣжала къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, Онисимъ Сергѣичъ.

Онисимъ принялъ мрачный видъ и сердито проговорилъ:—Здорово.

— Что-жъ это вы никогда къ намъ не зайдете, Онисимъ Сергѣичъ?

Онисимъ угрюмо взглянулъ на нее.

— Что̀ я зайду? чаемъ, небось, не напоишь.

— Напою, Онисимъ Сергѣичъ, напою. Только вы приходите. И съ ромомъ.

Онисимъ медленно улыбнулся.

— Что-жъ, пожалуй, коли такъ.

— Когда же, батюшка, когда?

— Когда... Эхъ, ты...

— Сегодня, вечеркомъ, угодно? заверните.

— Пожалуй, заверну,—возразилъ Онисимъ и поплелся домой лѣнивымъ и развалистымъ шагомъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ маленькой комнаткѣ, подлѣ постели, покрытой полосатымъ пуховикомъ, за не-

уклюжимъ столикомъ сидѣлъ Онисимъ напротивъ Василисы. Тускло-желтый, огромный самоваръ шипѣлъ и сипѣлъ на столѣ; горшокъ ерани торчалъ передъ окошкомъ; въ другомъ углу, подлѣ двери, бокомъ стоялъ безобразный сундукъ съ крошечнымъ висячимъ замкомъ; на сундукѣ лежала рыхлая груда разнаго стараго тряпья; на стѣнахъ чернѣли замасленныя картинки. Онисимъ и Василиса кушали чай молча, глядя въ лицо другъ другу, долго вертѣли въ рукахъ кусочки сахару, какъ бы нехотя прикусывали, жмурились, щурились и съ свистомъ втягивали сквозь зубы желтоватую горячую водицу. Наконецъ, они опорожнили весь самоваръ, опрокинули кверху дномъ круглыя чашечки съ надписями, на одной: „за удовлетвореніе“, а на другой: „невинно пронзила“, крякнули, отерли потъ и начали помаленьку разговаривать.

— Что, Онисимъ Сергѣичъ, вашъ баринъ... — спросила Василиса и не договорила.

— Что̀ баринъ... — возразилъ Онисимъ и подперся рукой.—Извѣстно, что. А вамъ на что?

— Такъ-съ,—отвѣчала Василиса.

— А вѣдь онъ (тутъ Онисимъ осклабился):—вѣдь онъ вамъ, кажись, письмо писалъ?

— Писали-съ.

Онисимъ покачалъ головой съ необыкновенно самодовольнымъ видомъ.

— Вишь, вишь, — проговорилъ онъ хрипло и не безъ улыбки:—ну, а что такое онъ писалъ вамъ?

— А разное написалъ. Что, дескать, я, сударыня Василиса Тимоѳеевна, такъ; что вы не думайте; что вы, сударыня, не обиждайтесь; и много такого написалъ... А что,—прибавила она, помолчавъ немного:—онъ у васъ каковъ?

— Живетъ,—равнодушно отвѣчалъ Онисимъ.

— Серчаетъ?

— Куда ему! Нѣтъ, не серчаетъ. А что, онъ вамъ ндравится?

Василиса потупилась и засмѣялась въ рукавъ.

— Ну,—проворчалъ Онисимъ.

— Да на что вамъ, Онисимъ Сергѣичъ?

— Да ну-же, говорятъ.

— Что-жъ, — проговорила наконецъ Василиса: — они... баринъ. Разумѣется... я... да и они ужъ... вы сами знаете...

— Какъ не знать?—важно замѣтилъ Онисимъ.

— Вамъ вѣдь, наконецъ, извѣстно, Онисимъ Сергѣичъ...

Василиса видимо приходила въ волненіе.

— Вы скажите ему-то, вашему-то барину, что я, дескать, на него не сержусь, а что вотъ, молъ...

Она заикнулась.

— Понимаемъ-съ,—возразилъ Онисимъ и медленно поднялся со стула.—Понимаемъ-съ. Спасибо за угощенье.

— Впередъ милости просимъ.

— Ну, хорошо, хорошо.

Онисимъ приблизился къ двери. Толстая баба вошла въ комнату.

— Здравствуйте, Онисимъ Сергѣичъ,—сказала она нараспѣвъ.

— Здравствуйте, Прасковья Ивановна,— отвѣчалъ онъ также нараспѣвъ.

Оба постояли немного другъ передъ другомъ.

— Ну, прощайте, Прасковья Ивановна, — проговорилъ Онисимъ нараспѣвъ.

— Ну, прощайте, Онисимъ Сергѣичъ, — отвѣчала она также нараспѣвъ.

Онисимъ пришелъ домой. Баринъ его лежалъ на постели и глядѣлъ въ потолокъ.

— Гдѣ ты былъ?

— Гдѣ былъ?.. (За Онисимомъ водилась привычка съ укоризной повторять послѣднія слова всякаго вопроса.)— По вашему же дѣлу ходилъ.

— По какому дѣлу?

— А вы не знаете?.. Къ Василисѣ ходилъ.

Пѣтушковъ замигалъ глазами и завертѣлся на постели.

— То-то вотъ и есть, — замѣтилъ Онисимъ и хладнокровно понюхалъ табаку: —то-то вотъ и есть. Вы всегда такъ. Василиса вамъ кланяется.

— Неужто?

— Неужто? То-то же вотъ и есть. Неужто!.. Велѣла сказать, что, дескать, отчего его не видать? отчего, дескать, не ходитъ?

— Ну, а ты что̀?

— Что̀ я? Я ей сказалъ: глупа же ты,—я ей сказалъ—станутъ къ тебѣ такіе люди ходить! Нѣтъ, ты приди сама,—я ей сказалъ.

— Ну, а она что̀?

— Она что̀?.. Она... ничего.

— То-есть, однако, какъ же ничего?

— Извѣстно, ничего.

Пѣтушковъ помолчалъ немного.

— Ну, и придетъ?

Онисимъ покачалъ головой.

— Придетъ!.. Больно, сударь, прытки. Придетъ!.. Нѣтъ, это ужъ вы того...

— Да вѣдь ты самъ говорилъ, что того...

— Мало ли чего!

Пѣтушковъ замолчалъ опять.

— Такъ какъ же однакожъ, братецъ?

— Какъ же?.. Вамъ лучше знать: вы баринъ.

— Ну, нѣтъ, что̀ ужъ тутъ...

Онисимъ самодовольно покачался взадъ и впередъ.

— Вы Прасковью Ивановну знаете? — спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ. Какую Прасковью Ивановну?

— А булочницу?

— А, да, булочницу. Видалъ; толстая такая.

— Важная женщина. Она той-то, вашей-то, родная тетка.

— Тетка?

— А вы не знали?

— Нѣтъ, не зналъ.

— Эхъ...

Онисимъ изъ уваженія къ барину не досказалъ своей мысли.

— Вотъ бы вамъ съ кѣмъ познакомиться.

— Что-жъ? я, пожалуй, не прочь.

Онисимъ одобрительно поглядѣлъ на Ивана Аѳанасьича.

— Но для чего собственно мнѣ съ ней знакомиться?— спросилъ Пѣтушковъ.

— Эво-на!—спокойно возразилъ Онисимъ.

Иванъ Аѳанасьичъ всталъ, походилъ по комнатѣ, остановился передъ окномъ и, не оборачивая головы, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ произнесъ:

— Онисимъ!

— Чего-съ?

— А не будетъ ли мнѣ нѣсколько, знаешь, неловко этакъ съ бабой, а?

— Что-жъ, какъ знаете.

— Впрочемъ, я это только такъ. Товарищи могутъ замѣтить; все оно какъ-то... Впрочемъ, я подумаю. Дай-ка мнѣ трубку... Такъ что-жъ она,—прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія:—Василиса-то говоритъ, что, дескать...

Но Онисимъ не желалъ продолжать разговоръ и принялъ обычный угрюмый видъ.

IV.

Знакомство Ивана Аѳанасьича съ Прасковьей Ивановной началось слѣдующимъ образомъ. Дней черезъ пять послѣ разговора съ Онисимомъ, Пѣтушковъ отправился вечеромъ въ булочную. — Ну, думалъ онъ, отпирая скрипучую калитку:—не знаю, что-то будетъ...

Онъ взошелъ на крыльцо, отворилъ дверь. Пребольшая хохлатая курица съ оглушительнымъ крикомъ бросилась ему прямо подъ ноги, и долго потомъ въ волненіи бѣгала по двору. Изъ сосѣдней комнаты выглянуло изумленное лицо толстой бабы. Иванъ Аѳанасьичъ улыбнулся и закивалъ головой. Баба ему поклонилась. Крѣпко стиснувъ шляпу, Пѣтушковъ подошелъ къ ней. Прасковья Ивановна, повидимому, ожидала почетнаго посѣщенья: платье ея было застегнуто на всѣ крючки. Пѣтушковъ сѣлъ на стулъ; Прасковья Ивановна сѣла противъ него.

— Я къ вамъ, Прасковья Ивановна, болѣе насчетъ...— проговорилъ наконецъ Иванъ Аѳанасьичъ — и замолкъ. Судороги подергивали его губы.

— Милости просимъ, батюшка, — отвѣчала Прасковья

Ивановна нараспѣвъ и съ поклономъ.—Всякому гостю рады.

Пѣтушковъ немного пріободрился.

— Я давно, знаете, желалъ имѣть удовольствіе съ вами познакомиться, Прасковья Ивановна.

— Много благодарны, Иванъ Аѳанасьичъ.

Настало молчанье. Прасковья Ивановна утирала себѣ лицо пестрымъ платкомъ; Иванъ Аѳанасьичъ съ большимъ вниманіемъ глядѣлъ куда-то въ бокъ. Обоимъ было довольно неловко. Впрочемъ, въ купеческомъ и мѣщанскомъ быту, гдѣ даже старинные пріятели не сходятся безъ особенныхъ угловатыхъ ужимокъ, нѣкоторая напряженность въ обращеніи гостей и хозяина не только не кажется никому странной, но, напротивъ, почитается совершенно приличной и необходимой, въ особенности при первомъ свиданьѣ. Прасковьѣ Ивановнѣ понравился Пѣтушковъ. Онъ держалъ себя чинно и добропорядочно, и притомъ, все же былъ человѣкъ не безчиновный!

— Я, матушка, Прасковья Ивановна, очень люблю ваши булки,—сказалъ онъ ей.

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ.

— Очень хороши, знаете, очень даже.

— Кушайте, батюшка, на здоровье, кушайте. Съ нашимъ удовольствіемъ.

— Я и въ Москвѣ не ѣдалъ такихъ.

— Тэкъ-съ, тэкъ-съ.

Опять настало молчанье.

— А скажите, Прасковья Ивановна, — началъ Иванъ Аѳанасьичъ:—это у васъ вѣдь, кажется, племянница живетъ?

— Родная племянница, батюшка.

— Что-жъ она, какъ... у васъ?..

— Сирота, такъ и держимъ-съ.

— И что-жъ она, работница?

— Ра-аботница, батюшка, ра-аботница. Такая работница, что и... и... и!.. Какже-съ, какже-съ.

Иванъ Аѳанасьичъ почелъ за приличное не распространяться болѣе насчетъ племянницы.

— Это у васъ въ клѣткѣ какая птица, Прасковья Ивановна?

— А Богъ ее знаетъ. Птица.

— Гм! Ну, а впрочемъ, прощайте, Прасковья Ивановна.

— Просимъ прощенія вашему благородію. Въ другой разъ милости просимъ. Чайку откушать.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ, Прасковья Ивановна.

Пѣтушковъ вышелъ. На крыльцѣ ему попалась Василиса. Она засмѣялась.

— Куда вы это ходить изволили, голубчикъ мой, — сказалъ Пѣтушковъ не безъ удальства.

— Ну, полноте, полноте, балагуръ, шутникъ вы этакой.

— Хе, хе. А письмецо мое изволили получить?

Василиса спрятала нижнюю часть лица въ рукавъ и ничего не отвѣчала.

— И на меня уже не гнѣваетесь?

— Василиса!—задребезжалъ голосъ тетки:—а Василиса!

Василиса вбѣжала въ домъ. Пѣтушковъ отправился во-свояси. Но съ того дня онъ часто сталъ ходить къ булочницѣ, и недаромъ. Иванъ Аѳанасьичъ, говоря слогомъ возвышеннымъ, достигъ своей цѣли. Обыкновенно достиженіе цѣли охлаждаетъ людей, но Пѣтушковъ, напротивъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разгорался. Любовь—дѣло случайное, существуетъ сама по себѣ, какъ искусство, и не нуждается въ оправданьяхъ, какъ природа, сказалъ какой-то умный человѣкъ, который самъ никогда не любилъ, но отлично разсуждалъ о любви. Пѣтушковъ страстно привязался къ Василисѣ. Онъ былъ счастливъ вполнѣ. Его душа согрѣлась. Понемногу перетащилъ онъ весь свой скарбъ, по крайней мѣрѣ, всѣ чубуки свои, къ Прасковьѣ Ивановнѣ, и по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у ней въ задней комнатѣ. Прасковья Ивановна брала съ него за обѣдъ деньги и пила его чай, слѣдовательно, не жаловалась на его присутствіе. Василиса привыкла къ нему, работала, пѣла, пряла при немъ, иногда молвила съ нимъ слова два; Пѣтушковъ поглядывалъ на нее, покуривалъ трубочку, покачивался на стулѣ, посмѣивался и въ свободные часы игралъ съ нею и съ Прасковьей Ивановной въ дурачки. Иванъ Аѳанасьичъ былъ счастливъ... Но на землѣ нѣтъ ничего со-

вершеннаго, и какъ ни малы требованья человѣка, судьба никогда вполнѣ не удовлетворитъ его, даже испортитъ дѣло, если можно... Ложка дегтю попадетъ-таки въ бочку меду! Иванъ Аѳанасьичъ испыталъ это на себѣ. Во-первыхъ, со времени своего переселенія къ Василисѣ, Пѣтушковъ еще болѣе раззнакомился съ своими товарищами. Онъ видалъ ихъ только въ необходимыхъ случаяхъ, и тутъ, для избѣжанія намековъ и насмѣшекъ (что̀, впрочемъ, не всегда ему удавалось), принималъ отчаянно-суровый и сосредоточенно-запуганный видъ зайца, который барабанитъ посреди фейерверка. Во-вторыхъ, Онисимъ не давалъ ему покою, потерялъ всякое къ нему уваженіе, ожесточенно преслѣдовалъ, стыдилъ его. Въ-третьихъ, наконецъ... Увы! читайте далѣе, благосклонный читатель.

V.

Однажды Пѣтушковъ (которому, по вышеозначеннымъ причинамъ, внѣ дома Прасковьи Ивановны приходилось плохо) сидѣлъ въ задней, Василисиной комнатѣ и хлопоталъ надъ какимъ-то доморощеннымъ снадобьемъ, не то вареньемъ, не то настойкой. Хозяйки не было дома. Василиса сидѣла въ булочной и напѣвала пѣсенку.

Постучались въ форточку. Василиса встала, подошла къ окошку, слегка вскрикнула, засмѣялась и начала съ кѣмъ-то перешёптываться. Вернувшись на мѣсто, она вздохнула и принялась пѣть громче прежняго.

— Съ кѣмъ ты это разговаривала? — спросилъ ее Пѣтушковъ.

Василиса продолжала „ломать калину“.

— Василиса! слышишь? а Василиса?

— Что̀ вамъ?

— Съ кѣмъ ты разговаривала?

— А вамъ на что?

— Да такъ.

Пѣтушковъ вышелъ изъ задней комнаты въ пестромъ архалукѣ, съ засученными рукавами и съ ливеромъ въ рукахъ.

— А съ хорошимъ пріятелемъ,—отвѣчала Василиса.

— Съ какимъ хорошимъ пріятелемъ?

— А съ Петромъ Петровичемъ.

— Съ Петромъ Петровичемъ?.. Съ какимъ Петромъ Петровичемъ?

— А онъ тоже вашъ братъ. Прозвище такое мудреное.

— Бублицынъ?

— Ну, да, да... Петръ Петровичъ.

— И ты его знаешь?

— Еще бы!—возразила Василиса, качнувъ головой.

Пѣтушковъ, молча, прошелся разъ десять по комнатѣ.

— Послушай, Василиса,—сказалъ онъ наконецъ:—то-есть, ты какъ его знаешь?

— Какъ знаю?.. Знаю... Онъ баринъ такой хорошій.

— Какъ однакожъ хорошій? какъ хорошій? какъ хорошій?

Василиса посмотрѣла на Ивана Аѳанасьевича.

— Хорошій, — проговорила она медленно и съ недоумѣніемъ.—Извѣстно, какой.

Пѣтушковъ закусилъ губы и началъ опять ходить по комнатѣ.

— О чемъ же ты съ нимъ разговаривала? а?

Василиса улыбнулась и потупилась.

— Говори же, говори, говори, говорятъ тебѣ, говори!

— Какой вы сегодня сердитый,—замѣтила Василиса.

Пѣтушковъ помолчалъ.

— Ну, нѣтъ, Василиса,—началъ онъ наконецъ:—нѣтъ, я сердиться не буду... Ну, скажи же мнѣ, о чемъ же вы говорили?

Василиса засмѣялась.

— Такой, право, шутникъ этотъ Петръ Петровичъ!

— А что?

— Ужъ такой!

Пѣтушковъ опять помолчалъ.

— Василиса, ты вѣдь любишь меня?—спросилъ онъ ее.

— Ну, и вы туда же!

У бѣднаго Пѣтушкова защемило на сердцѣ. Вошла Прасковья Ивановна. Сѣли обѣдать. Послѣ обѣда Пра-

сковья Ивановна отправилась на полати. Самъ Иванъ Аѳанасьичъ прилегъ на печи, повертѣлся и заснулъ. Осторожный скрипъ разбудилъ его. Иванъ Аѳанасьичъ приподнялся, оперся на локоть, смотритъ: дверь отворена. Онъ вскочилъ — Василисы нѣтъ. Онъ на дворъ — и на дворѣ ея нѣту; на улицу — глядь туда, сюда: Василисы не видать. Безъ шапки побѣжалъ онъ до самаго рынка: нѣтъ, не видать Василисы. Медленно вернулся онъ въ булочную, влѣзъ на печь, повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Тяжело ему стало. Бублицынъ... Бублицынъ... это имя такъ и звучало у него въ ушахъ.

— Что съ тобой, батюшка? — спросила его сонливымъ голосомъ Прасковья Ивановна.—Чего охаешь?

— Ничего, матушка, такъ. Ничего. Давитъ что-то.

— Грибы, — пролепетала Прасковья Ивановна: — все грибы.

— О, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

Часъ прошелъ, другой — Василисы все нѣтъ. Пѣтушковъ двадцать разъ порывался встать, и двадцать разъ съ тоской забивался подъ тулупъ... Наконецъ, однакожъ, онъ слѣзъ съ печи и хотѣлъ-было домой пойти, и на дворъ уже вышелъ, да вернулся. Прасковья Ивановна встала. Работникъ Лука, черный какъ жукъ, хотя и булочникъ, заложилъ хлѣбы въ печь. Пѣтушковъ опять вышелъ на крыльцо и задумался. Проживающій на дворѣ козелъ подобрался къ нему и слегка дружелюбно толкнулъ его рогами. Пѣтушковъ посмотрѣлъ на него и, Богъ знаетъ почему, сказалъ: „кысь, кысь“. Вдругъ низенькая калитка тихо распахнулась, и появилась Василиса. Иванъ Аѳанасьичъ отправился къ ней прямо навстрѣчу, взялъ ее за руку и довольно хладнокровно, но рѣшительно, сказалъ ей:

— Ступай за мной.

— Да позвольте, Иванъ Аѳанасьичъ... я...

— Ступай за мной,—повторилъ онъ.

Она повиновалась.

Пѣтушковъ привелъ ее къ себѣ на квартиру. Онисимъ, по обыкновенію, спалъ въ-растяжку. Иванъ Аѳанасьичъ

разбудилъ его, велѣлъ зажечь свѣчку. Василиса подошла къ окошку и молча сѣла. Пока Онисимъ возился съ огнемъ въ передней, Пѣтушковъ неподвижно стоялъ у другого окна и глядѣлъ на улицу. Вошелъ Онисимъ, съ свѣчкой въ рукахъ, началъ-было ворчать... Иванъ Аѳанасьичъ быстро обернулся.

— Ступай вонъ,—сказалъ онъ ему.

Онисимъ остановился посреди комнаты...

— Ступай вонъ сейчасъ,—повторилъ Пѣтушковъ грозно.

Онисимъ посмотрѣлъ на барина и вышелъ.

Иванъ Аѳанасьичъ закричалъ ему вслѣдъ:

— Вонъ, совсѣмъ вонъ. Изъ дому. Придешь черезъ два часа.

Онисимъ убрался.

Пѣтушковъ дождался, пока стукнула калитка, и тотчасъ же подошелъ къ Василисѣ.

— Гдѣ ты была?

Василиса смѣшалась.

— Гдѣ ты была? говорятъ тебѣ,—повторилъ онъ.

Василиса посмотрѣла кругомъ...

— Тебѣ я говорю... Гдѣ ты была?

И Пѣтушковъ поднялъ-было руку...

— Не бейте меня, Иванъ Аѳанасьичъ, не бейте...— съ испугомъ прошептала Василиса.

Пѣтушковъ отвернулся.

— Бить тебя... Нѣтъ! я тебя бить не стану. Бить тебя? Извини, извини, голубушка. Богъ съ тобой. Когда я думалъ, что ты меня любишь, когда я... когда...

Иванъ Аѳанасьичъ умолкъ. Онъ задыхался.

— Слушай, Василиса,—сказалъ онъ наконецъ:—я, ты знаешь, человѣкъ добрый; вѣдь ты знаешь, Василиса, знаешь?

— Знаю,—проговорила она, запинаясь.

— Я никому зла не дѣлаю, никому, никому на свѣтѣ. И никого не обманываю. Зачѣмъ же ты меня обманываешь?

— Да я васъ не обманываю, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Не обманываешь? Ну, хорошо. Ну, хорошо. Ну, говори же, гдѣ ты была?

— Я ходила къ Матренѣ.

— Врешь!

— Ей-Богу, къ Матренѣ. Вы спросите у ней, коли мнѣ не вѣрите.

— А Буб... ну, какъ его... чорта этого видѣла?

— Видѣла.

— Видѣла? Видѣла?—а! видѣла?

Пѣтушковъ поблѣднѣлъ.

— Такъ ты съ нимъ, поутру-то, у окошка сговаривалась... а? а?

— Они меня просили придти.

— А ты и пошла... Спасибо, матушка, спасибо, родная!—Пѣтушковъ поклонился Василисѣ въ поясъ.

— Да, Иванъ Аѳанасьичъ, вы, можетъ, думаете...

— Ужъ ты бы лучше не говорила! Да и я, дуракъ, хорошъ! Чего раскричался? Да ты, пожалуй, съ кѣмъ тамъ хочешь знайся. Мнѣ до тебя дѣла нѣтъ. Вотъ еще! Я тебя и знать-то не хочу.

Василиса встала.

— Воля ваша, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Куда ты идешь?

— Да вѣдь, вы сами...

— Я тебя не прогоняю,—перебилъ ее Пѣтушковъ.

— Нѣтъ ужъ, Иванъ Аѳанасьичъ... Что жъ ужъ мнѣ у васъ оставаться?..

Пѣтушковъ далъ ей дойти до двери.

— Такъ ты уходишь, Василиса?

— Вы меня все обижаете...

— Я тебя обижаю! Бога ты не боишься, Василиса! Когда же я тебя обижалъ? Ну, нѣтъ, нѣтъ, скажи, когда?

— Да какъ же? Вотъ и теперь чуть меня не побили.

— Василиса, грѣшно тебѣ. Право, грѣшно!

— И еще попрекали, что я, дескать, съ тобой знаться не хочу. Я, дескать, баринъ.

Иванъ Аѳанасьичъ началъ молча ломать себѣ руки. Василиса дошла до середины комнаты.

— Что жъ? Богъ съ вами, Иванъ Аѳанасьичъ. Я сама по себѣ, а вы сами по себѣ...

— Полно, Василиса, полно,—перебилъ ее Пѣтушковъ.— Ты лучше разсуди; посмотри на меня. Вѣдь я на себя не похожъ. Вѣдь я самъ не знаю, что̀ говорю... Хотя бы ты меня пожалѣла.

— Вы меня все обижаете, Иванъ Аѳанасьичъ...

— Эхъ, Василиса! кто прошлое помянетъ, тому глазъ вонъ. Не правда ли? Вѣдь ты на меня не сердишься, не правда ли?

— Вы меня все обижаете,—повторяла Василиса.

— Не буду, душа, не буду. Прости меня, стараго человѣка. Я впередъ уже не буду никогда. Ну, простила меня, что ли?

— Богъ съ вами, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Ну, засмѣйся, засмѣйся...

Василиса отвернулась.

— Засмѣялась, душа, засмѣялась!—закричалъ Пѣтушковъ и запрыгалъ на мѣстѣ, какъ ребенокъ...

VI.

На другой день Пѣтушковъ, по обыкновенію, отправился въ булочную. Все пошло попрежнему. Но въ сердцѣ у него засѣла заноза. Онъ уже не такъ часто посмѣивался и иногда задумывался. Настало воскресенье. У Прасковьи Ивановны болѣла поясница; она не слѣзала съ полатей; черезъ силу сходила къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни Пѣтушковъ позвалъ Василису въ заднюю комнатку. Она все утро жаловалась на скуку. Судя по выраженію лица Ивана Аѳанасьича, въ его головѣ вертѣлась мысль необыкновенная и для него самого неожиданная.

— Сядь-ка ты вотъ здѣсь, Василиса, — сказалъ онъ ей: — а я тутъ сяду. Мнѣ нужно съ тобой поговорить маленько.

Василиса сѣла.

— Скажи мнѣ, Василиса, ты писать умѣешь?

— Писать?

— Да, писать?

— Нѣтъ, не умѣю.

— А читать?

— И читать не умѣю.

— А кто жъ тебѣ письмо-то мое прочиталъ?

— Дьячокъ.

Пѣтушковъ помолчалъ.

— А хотѣла бы ты знать грамотѣ?

— Да на что̀ намъ грамотѣ знать, Иванъ Аѳанасьичъ?

— Какъ на что̀? Книги можно читать.

— А въ книгахъ-то что̀ стоитъ?

— Все хорошее... Послушай, хочешь, я тебѣ принесу книжку?

— Да вѣдь я читать не умѣю, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Я буду тебѣ читать.

— Да вѣдь, чай, скучно?

— Какъ можно! скучно! Напротивъ, оно противъ скуки хорошо.

— Развѣ сказки читать будете?

— А вотъ, увидишь—завтра.

Пѣтушковъ къ вечеру возвратился домой и началъ рыться у себя въ ящикахъ. Нашелъ онъ нѣсколько разрозненныхъ томовъ „Библіотеки для Чтенія“, штукъ пять сѣрыхъ московскихъ романовъ, ариѳметику Назарова, дѣтскую географію съ глобусомъ на заглавномъ листѣ, вторую часть исторіи Кайданова, два сонника, мѣсяцесловъ за 1819-й годъ, два нумера Галатеи, Наталью Долгорукую, Козлова, и первую часть Рославлева. Долго думалъ онъ, что̀ бы выбрать? и, наконецъ, рѣшился взять поэму Козлова и Рославлева.

На другой день Пѣтушковъ поспѣшно одѣлся, сунулъ обѣ книжонки подъ лацканъ сюртука, пришелъ въ булочную и началъ читать ей романъ Загоскина. Василиса сидѣла неподвижно, сперва улыбалась, потомъ какъ будто призадумалась... потомъ нагнулась немного впередъ; глаза ея съежились, ротъ слегка раскрылся, руки упали на колѣни: она задремала. Пѣтушковъ читалъ скоро, невнятно и глухимъ голосомъ,—поднялъ глаза...

— Василиса, ты спишь?

Она встрепенулась, потерла себѣ лицо и потянулась. Пѣтушкову досадно стало на нее и на себя...

— Скучно,—лѣниво проговорила Василиса.

— Послушай, хочешь, я тебѣ стихи почитаю?

— Какъ?

— Стихи... хорошіе стихи.

— Нѣтъ, ужъ будетъ, право.

Пѣтушковъ проворно досталъ поэму Козлова, вскочилъ, прошелся по комнатѣ, стремительно подбѣжалъ къ Василисѣ и принялся читать. Василиса закинула голову назадъ, растопырила руки, вглядѣлась въ лицо Пѣтушкова—и вдругъ залилась звонкимъ и рѣзкимъ хохотомъ... такъ и покатилась.

Иванъ Аѳанасьичъ съ досадой швырнулъ книгу на полъ. Василиса продолжала хохотать.

— Ну, чему ты смѣешься, глупая?

Василиса заливалась пуще прежняго.

— Смѣйся, смѣйся, — ворчалъ Пѣтушковъ сквозь зубы.

Василиса взялась за бока, заохала.

— Да чему ты, сумасшедшая?

Но Василиса только руками махала. Иванъ Аѳанасьичъ схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ дому. Быстро, неровными шагами шелъ онъ по городу, шелъ, шелъ и очутился у заставы. Вдоль улицы вдругъ застучали колеса, затопали лошади... Кто-то кликнулъ его по имени. Онъ поднялъ голову и увидалъ просторную старинную линейку. Въ линейкѣ, лицомъ къ нему, сидѣлъ г. Бублицынъ между двумя дѣвицами, дочерьми господина Тютюрёва. Обѣ дѣвицы были одѣты совершенно одинаково, какъ бы въ ознаменованіе ихъ неразрывной дружбы; обѣ улыбались задумчиво, но пріятно и томно наклоняли головки на бокъ. На другой сторонѣ линейки виднѣлась широкая соломенная шляпа почтеннаго господина Тютюрёва, и отчасти представлялся взорамъ его полный и круглый затылокъ; рядомъ съ его соломенной шляпой возвышался чепецъ его супруги. Самое положеніе обоихъ родителей служило явнымъ доказательствомъ ихъ искренняго благоволенія и довѣренности къ молодому Бублицыну. И молодой Бублицынъ, видимо, чувствовалъ и цѣнилъ ихъ лестную довѣренность. Конечно, онъ сидѣлъ

непринужденно, непринужденно разговаривалъ и смѣялся; но въ самой развязности его обращенія замѣчалась нѣжная, трогательная почтительность. А дѣвицы Тютюрёвы? Трудно выразить словами все, что̀ внимательный взоръ наблюдателя открывалъ въ чертахъ обѣихъ сестрицъ. Благонравіе и кротость, и скромная веселость, грустное пониманіе жизни и непоколебимая вѣра въ самихъ себя, въ высокое и прекрасное призваніе человѣка на землѣ, приличное вниманіе къ юному собесѣднику, по дарованіямъ умственнымъ, можетъ быть, не вполнѣ имъ равному, но по сердечнымъ свойствамъ совершенно достойному снисхожденія... вотъ какія качества и чувства изображались въ это время на лицахъ дѣвицъ Тютюрёвыхъ. Бублицынъ кликнулъ Ивана Аѳанасьича по имени, такъ, безъ всякой причины, отъ избытка внутренняго довольства; поклонился ему чрезвычайно дружелюбно и привѣтливо; сами дѣвицы Тютюрёвы поглядѣли на него ласково и кротко, какъ на человѣка, съ которымъ онѣ бы не прочь даже познакомиться... Маленькой рысцой пробѣжали добрыя, сытыя, смирныя лошадки мимо Ивана Аѳанасьича; плавно покатилась линейка по широкой дорогѣ, разнося добродушный, дѣвическій смѣхъ; въ послѣдній разъ мелькнула шляпа г-на Тютюрёва; пристяжныя закинули головы на бокъ, щепотко запрыгали по короткой зеленой травкѣ... кучеръ засвисталъ одобрительно и бережно; линейка исчезла за ракитами.

Долго простоялъ на мѣстѣ бѣдный Пѣтушковъ.

— Сирота я, сирота казанская, — прошепталъ онъ, наконецъ...

Оборванный мальчишка остановился передъ нимъ, робко посмотрѣлъ на него, протянулъ руку...

— Христа ради, баринъ хорошій.

Пѣтушковъ досталъ грошъ.

— На̀ тебѣ на твое сиротство,—проговорилъ онъ черезъ силу, и пошелъ опять въ булочную.—На порогѣ Василисиной комнатки остановился Иванъ Аѳанасьичъ.

— Вотъ, — подумалъ онъ: — вотъ, съ кѣмъ я знаюсь! Вотъ оно, мое семейство! вотъ оно!.. И тутъ Бублицынъ, и тамъ Бублицынъ.

Василиса сидѣла къ нему спиной и, беззаботно попѣвая, разматывала нитки; платье на ней было ситцевое, полинялое; волосы она заплела кое-какъ... Въ комнаткѣ, невыносимо жаркой, пахло периной, старыми тряпками; кой-гдѣ по стѣнамъ проворно мчались рыжіе, щеголеватые прусаки; на дряхломъ комодѣ, съ дырочками вмѣсто замковъ, лежалъ, подлѣ разбитой банки, стоптанный женскій башмакъ... На полу еще валялась поэма Козлова... Пѣтушковъ покачалъ головой, скрестилъ руки и вышелъ. Онъ былъ обиженъ.

Дома онъ приказалъ подать себѣ одѣться. Онисимъ поплелся за сюртукомъ. Пѣтушкову весьма хотѣлось вызвать Онисима на разговоръ, но Онисимъ молчалъ угрюмо. Наконецъ, Иванъ Аѳанасьичъ не вытерпѣлъ.

— Что жъ ты меня не спрашиваешь, куда я иду?

— А на что мнѣ знать, куда вы идете?

— Какъ на что? Ну, придетъ кто-нибудь за нужнымъ дѣломъ, спроситъ: гдѣ, молъ, дескать, Иванъ Аѳанасьичъ? А ты ему и скажешь: Иванъ Аѳанасьичъ туда-то пошелъ.

— За нужнымъ дѣломъ... Да кто къ вамъ за нужнымъ дѣломъ-то ходитъ?

— Вотъ, ты опять начинаешь грубить? Вѣдь вотъ, опять?

Онисимъ отвернулся и принялся чистить сюртукъ.

— Право, Онисимъ, ты человѣкъ пренепріятный.

Онисимъ исподлобья поглядѣлъ на барина.

— И всегда ты такъ. Вотъ, ужъ именно всегда.

Онисимъ улыбнулся.

— Да на что̀ мнѣ у васъ спрашивать, Иванъ Аѳанасьичъ, куда вы идете? Какъ будто я не знаю? Къ булочницѣ!

— А вотъ и вздоръ! вотъ и совралъ! Совсѣмъ не къ ней. Я къ булочницѣ больше ходить не намѣренъ.

Онисимъ прищурился и тряхнулъ вѣникомъ. Пѣтушковъ ожидалъ одобренья; но слуга его безмолвствовалъ.

— Не годится,—продолжалъ строгимъ голосомъ Пѣтушковъ:—неприлично... Ну, говори же ты, что̀ ты думаешь?

— Что̀ мнѣ думать? Ваша воля. Что̀ мнѣ думать?

Пѣтушковъ надѣлъ сюртукъ.—Не вѣритъ мнѣ, бестія,—подумалъ онъ про себя.

Онъ вышелъ изъ дому, но ни къ кому не зашелъ. Походилъ по улицамъ. Обратилъ вниманіе на заходящее солнце. Наконецъ, часу въ девятомъ, воротился домой. Онъ улыбался; онъ безпрестанно пожималъ плечами, какъ бы дивясь своей глупости.—Вѣдь вотъ, думалъ онъ:—что̀ значитъ твердая воля...

На другой день Пѣтушковъ всталъ довольно поздно. Ночь онъ провелъ не совсѣмъ хорошо, до самаго вечера не выходилъ никуда и скучалъ страшно. Перечелъ Пѣтушковъ всѣ свои книжонки, вслухъ похвалилъ одну повѣсть въ „Библіотекѣ для Чтенія". Ложась спать, велѣлъ Онисиму подать себѣ трубку. Онисимъ вручилъ ему предрянной чубучокъ, Пѣтушковъ началъ курить; чубучокъ захрипѣлъ, какъ запаленная лошадь.

— Что̀ за гадость!—воскликнулъ Иванъ Аѳанасьичъ:—гдѣ же моя черешневая трубка?

— А въ булочной,—спокойно возразилъ Онисимъ. Пѣтушковъ судорожно моргнулъ глазами.

— Что жъ, прикажете сходить?

— Нѣтъ, не нужно; ты не ходи... не нужно, не ходи, слышишь?

— Слушаю-съ.

Ночь прошла кое-какъ. Утромъ Онисимъ, по обыкновенію, подалъ Пѣтушкову на тарелкѣ съ синими цвѣточками бѣлую, свѣжую булку. Иванъ Аѳанасьичъ посмотрѣлъ въ окно и спросилъ Онисима:

— Ты ходилъ въ булочную?

— Кому жъ ходить, коли не мнѣ?

— А!

Пѣтушковъ углубился въ размышленіе

— Скажи, пожалуйста, ты тамъ видѣлъ кого-нибудь?

— Извѣстно, видѣлъ.

— Кого же ты тамъ видѣлъ, напримѣръ?

— Да извѣстно кого—Василису.

Иванъ Аѳанасьичъ умолкъ. Онисимъ убралъ со стола и уже вышелъ-было изъ комнаты...

— Онисимъ,—слабо воскликнулъ Пѣтушковъ.

— Чего изволите?

— А... обо мнѣ она не спрашивала?

— Извѣстно, не спрашивала.

Пѣтушковъ стиснулъ зубы. — Вотъ, — подумалъ онъ: — вотъ она любовь-то... Онъ опустилъ голову.—А вѣдь смѣшонъ же я былъ, — подумалъ онъ опять: — вздумалъ ей стихотворенья читать! Эка! Да вѣдь она дура! Да вѣдь ей, дурѣ, только бы на печи лежать, да блины ѣсть! Да вѣдь она деревяжка, совершенная деревяжка; необразованная мѣщанка!

— Не пришла...—шепталъ онъ, два часа спустя, сидя на томъ же мѣстѣ:—не пришла! Каково? вѣдь она могла видѣть, что я ушелъ отъ нея разсерженный, вѣдь она могла же знать, что я обидѣлся! Вотъ тебѣ и любовь! И не спросила даже, здоровъ ли я? Здоровъ ли, дескать, Иванъ Аѳанасьичъ? Вторыя сутки меня не видитъ—и ничего!.. Даже, можетъ-быть, опять изволила видѣться съ этимъ Буб... Счастливчикъ! Тьфу, чортъ возьми, какой я дуракъ!

Пѣтушковъ всталъ, молча прошелся по комнатѣ, остановился, слегка наморщилъ брови и почесалъ у себя въ затылкѣ.—Однако,—сказалъ онъ вслухъ:—пойду-ка я къ ней. Надобно же посмотрѣть, что̀ она тамъ-таки дѣлаетъ? Пристыдить ее надобно. Рѣшительно... пойду. Онька! одѣваться!

— Ну, — думалъ онъ, одѣваясь: — посмотримъ, что̀-то будетъ? Она, пожалуй, чего добраго, на меня сердится. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ ходилъ-ходилъ, ходилъ-ходилъ, да вдругъ, ни съ того, ни съ сего, взялъ, да пересталъ ходить! А вотъ, посмотримъ!

Иванъ Аѳанасьичъ вышелъ изъ дому и добрался до булочной. Онъ остановился у калитки: надобно жъ оправиться и обтянуться... Пѣтушковъ взялся обѣими руками за фалды, да чуть не оторвалъ ихъ прочь совсѣмъ... Судорожно покрутилъ онъ затянутой шеей, разстегнулъ верхній крючокъ воротника, вздохнулъ...

— Что жъ вы стоите,—закричала ему Прасковья Ивановна изъ окошка.—Войдите.

Пѣтушковъ вздрогнулъ и вошелъ. Прасковья Ивановна встрѣтила его на порогѣ.

— Что̀ это вы, батюшка, къ намъ вчера не пожаловали? Аль нездоровьице какое помѣшало?

— Да, у меня что̀-то вчера голова болѣла...

— А вы бы къ височкамъ по огурчику приложили, мой батюшка. Какъ рукой бы сняло. А теперь не болитъ головка?

— Нѣтъ, не болитъ.

— Ну, и слава Тебѣ, Господи!

Иванъ Аѳанасьичъ отправился въ заднюю комнату. Василиса увидала его.

— А! здравствуйте, Иванъ Аѳанасьичъ.

— Здравствуйте, Василиса Тимоѳеевна.

— Куда вы ливеръ дѣвали, Иванъ Аѳанасьичъ?

— Ливеръ? какой ливеръ?

— Ливеръ... нашъ ливеръ. Вы его, должно-быть, къ себѣ занесли. Вы вѣдь такой... прости Господи!..

Пѣтушковъ принялъ важный и холодный видъ.

— Я прикажу своему человѣку посмотрѣть. Такъ какъ я вчера здѣсь не былъ,—значительно проговорилъ онъ...

— Ахъ, да вѣдь точно, васъ вчера здѣсь не было.— Василиса присѣла на корточки и начала рыться въ сундукѣ... Тетка! А тетка!

— Че-а-во?

— Ты, что̀ ль, взяла мою косынку?

— Какую косынку?

— А желтую.

— Желтую?

— Да, желтую, съ разводами.

— Нѣтъ, не брала.

Пѣтушковъ нагнулся къ Василисѣ.

— Послушай, Василиса, меня; послушай-ка, что я тебѣ скажу. Теперь дѣло идетъ не о ливерахъ да о косынкахъ; этимъ вздоромъ можно и въ другое время заняться.

Василиса не тронулась съ мѣста и только подняла голову.

— Ты скажи мнѣ, по чистой совѣсти, любишь ли ты меня, или нѣтъ? Вотъ, что̀ я желаю знать, наконецъ!

— Ахъ, какой же вы, Иванъ Аѳанасьичъ... Ну, да, разумѣется.

— А коли любишь, какъ же это ты ко мнѣ вчера не зашла? Некогда было? Ну, прислала бы узнать, что̀, дескать, не боленъ ли я, что меня нѣту? А тебѣ и горюшка мало. Я хоть тамъ, пожалуй, умирай себѣ, ты и не пожалѣешь.

— Эхъ, Иванъ Аѳанасьичъ, не все жъ про одно думать; работать надобно.

— Оно, конечно,—возразилъ Пѣтушковъ:—а все-таки... И надъ старшими смѣяться не слѣдуетъ... Не хорошо. Притомъ, не мѣшаетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ... А гдѣ же моя трубка?

— Вотъ ваша трубка.

Пѣтушковъ началъ курить.

VII.

Нѣсколько дней протекло снова, повидимому, довольно мирно. Но гроза приближалась. Пѣтушковъ мучился, ревновалъ, не спускалъ глазъ съ Василисы, тревожно наблюдалъ за ней, надоѣдалъ ей страшно. Вотъ, однажды вечеромъ, Василиса одѣлась тщательнѣе обыкновеннаго и, улучивъ удобное мгновенье, отправилась куда-то въ гости. Наступила ночь, она не возвращалась. Пѣтушковъ на зарѣ пришелъ къ себѣ на квартиру и въ 8-мъ часу утра побѣжалъ въ булочную... Василиса не приходила. Съ невыразимымъ замираньемъ сердца ожидалъ онъ ее до самаго обѣда... за столъ сѣли безъ нея...

— Куда это она запропастилась? — равнодушно проговорила Прасковья Ивановна...

— Вы ее балуете, вы ее просто совершенно избалуете!— съ отчаяньемъ повторялъ Пѣтушковъ.

— И! батюшка! за дѣвкой не усмотришь! — отвѣчала Прасковья Ивановна.—Богъ съ ней! Лишь бы свое дѣло дѣлала... Отчего же человѣку и не погулять...

Морозъ подиралъ по кожѣ Ивана Аѳанасьича. Наконецъ, къ вечеру, явилась Василиса. Онъ только этого и ожидалъ. Торжественно поднялся Пѣтушковъ съ своего

мѣста, сложилъ руки, грозно нахмурилъ брови... Но Василиса смѣло взглянула ему въ глаза, нагло засмѣялась и, не давши ему выговорить слова, проворно вошла въ свою комнату и заперлась. Иванъ Аѳанасьичъ раскрылъ ротъ, съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Прасковью Ивановну... Прасковья Ивановна опустила глаза. Иванъ Аѳанасьичъ постоялъ немного, ощупью сыскалъ фуражку, надѣлъ ее криво на голову и вышелъ, не закрывши рта.

Онъ пришелъ домой, взялъ кожаную подушку и вмѣстѣ съ нею бросился на диванъ, лицомъ къ стѣнѣ. Онисимъ выглянулъ изъ передней, вошелъ въ комнату, прислонился къ двери, понюхалъ табаку, скрестилъ ноги.

— Аль нездоровы, Иванъ Аѳанасьичъ? — спросилъ онъ Пѣтушкова.

Пѣтушковъ не отвѣчалъ.

— За дохтуромъ сходить прикажете? — продолжалъ, погодя немного, Онисимъ.

— Я здоровъ... Ступай, — глухо проговорилъ Иванъ Аѳанасьичъ.

— Здоровы?.. — нѣтъ, вы нездоровы, Иванъ Аѳанасьичъ... Какое это здоровье?

Пѣтушковъ помолчалъ.

— Вы посмотрите лучше на себя. Вѣдь вы такъ исхудали, что просто на себя не стали похожи. А все изъ-за чего? Какъ подумаешь, такъ, ей-Богу, умъ за разумъ заходитъ. А еще благородные!

Онисимъ помолчалъ... Пѣтушковъ не шевелился.

— Развѣ такъ благородные поступаютъ? — Ну, пошалили бы... почему жъ бы и не такъ... пошалили бы, да и за щеку. А то что̀? Вотъ ужъ, точно, можно сказать: полюбится сатана пуще яснаго сокола̀.

Ивана Аѳанасьича только покоробило.

— Ну, право же такъ, Иванъ Аѳанасьичъ. Другой бы мнѣ сказалъ про васъ: вотъ что, вотъ что, вотъ какія дѣла. Я бы ему сказалъ: дуракъ ты, поди прочь, за кого ты меня принимаешь? Чтобы я этому повѣрилъ? Я и теперь самъ вижу, да не вѣрю. Вѣдь ужъ хуже этого быть ничего не можетъ. Зелья, что ли, она какого дала вамъ?

Вѣдь что въ ней? Коли такъ разсудить, совершенные пустяки, просто плюнуть стóитъ. И говорить-то она порядочно не умѣетъ... Ну, просто, дѣвка какъ дѣвка! Еще хуже!

— Ступай,—простоналъ Иванъ Аѳанасьичъ въ подушку.

— Нѣтъ, — я не пойду, Иванъ Аѳанасьичъ. Кому-жъ говорить, коли не мнѣ? Чтò, въ самомъ дѣлѣ? Вотъ, вы теперь сокрушаетесь... а изъ чего? Ну, изъ чего? помилуйте, скажите!

— Да ступай же, Онисимъ, — опять простоналъ Пѣтушковъ.

Онисимъ, для приличія, помолчалъ немного.

— И вѣдь то сказать,—началъ онъ опять:—она благодарности никакой не чувствуетъ. Другая бы не знала, какъ вамъ угодить; а она!.. она и не думаетъ о васъ. Вѣдь это просто срамъ. Вѣдь чтò о васъ говорятъ, и пересказать нельзя, меня даже стыдятъ. Ну, кабы я это прежде могъ знать, ужъ я-жъ бы ее...

— Да ступай же, наконецъ, чортъ! — закричалъ Пѣтушковъ, не трогаясь, впрочемъ, съ мѣста и не поднимая головы.

— Иванъ Аѳанасьичъ, помилуйте,—продолжалъ неумолимый Онисимъ.—Я для вашего добра. Плюньте, Иванъ Аѳанасьичъ, просто плюньте, послушайтесь меня. А не то, я бабку приведу: отговоритъ, какъ разъ. Сами потомъ смѣяться будете; скажете мнѣ: Онисимъ, а вѣдь удивительно, какъ это бываетъ иногда! Ну, сами посудите: вѣдь такихъ, какъ она, у насъ, какъ собакъ... только свистни...

Какъ бѣшеный вскочилъ Пѣтушковъ съ дивана... но, къ изумленію Онисима, уже поднявшаго обѣ руки въ уровень своихъ ланитъ, сѣлъ опять, словно кто ноги ему подкосилъ... По блѣдному его лицу катились слезы, косичка волосъ торчала на темени, глаза глядѣли мутно... искривленныя губы дрожали... голова упала на грудь.

Онисимъ посмотрѣлъ на Пѣтушкова и тяжко бросился на колѣни.

— Батюшка, Иванъ Аѳанасьичъ,—воскликнулъ онъ:—ваше благородіе! Извольте наказать меня, дурака. Я васъ

обезпокоилъ, Иванъ Аѳанасьичъ... Да какъ я смѣлъ! Извольте наказать меня, ваше благородіе... Стòитъ вамъ плакать отъ моихъ глупыхъ рѣчей... батюшка, Иванъ Аѳанасьичъ...

Но Пѣтушковъ даже не глядѣлъ на своего слугу, отвернулся и забился опять въ уголъ дивана.

Онисимъ поднялся, подошелъ къ барину, постоялъ надъ нимъ, раза два хватилъ себя за волосы.

— Не хотите ли, батюшка, раздѣться... въ постель бы легли... малины бы покушали... не извольте печалиться... Это только съ полу-горя, это все ничего... все пойдетъ на ладъ, — говорилъ онъ ему черезъ каждыя двѣ минуты...

Но Пѣтушковъ не поднимался съ дивана и только изрѣдка пожималъ плечами, подводилъ колѣни къ животу...

Онисимъ всю ночь не отходилъ отъ него. Къ утру Пѣтушковъ заснулъ, но спалъ недолго. Часовъ въ семь всталъ онъ съ дивана, блѣдный, взъерошенный, усталый, потребовалъ чаю.

Онисимъ подобострастно и проворно поставилъ самоваръ.

— Иванъ Аѳанасьичъ,—заговорилъ онъ, наконецъ, робкимъ голосомъ:—вы на меня не изволите гнѣваться?

— За что-жъ я буду гнѣваться на тебя, Онисимъ? — отвѣчалъ бѣдный Пѣтушковъ.—Ты вчера былъ совершенно правъ, и я совершенно съ тобой во всемъ согласенъ.

— Я только изъ усердія, Иванъ Аѳанасьичъ...

— Я знаю, что изъ усердія.

Пѣтушковъ замолчалъ и опустилъ голову.

Онисимъ видѣлъ, что дѣло неладно.

— Иванъ Аѳанасьичъ,—заговорилъ онъ вдругъ.

— Что?

— Хотите, я Василису позову сюда?

Пѣтушковъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ, Онисимъ, не хочу. (Да! какъ бы не такъ! придетъ она! — подумалъ онъ про себя.)—Надобно показать твердость. Это все вздоръ. Вчера я, того... Это срамъ. Ты правъ. Надобно все это прекратить, какъ говорится, разомъ. Не правда ли?

— Сущую правду изволите говорить, Иванъ Аоанасьичъ.

Пѣтушковъ опять погрузился въ думу. Онъ самъ себѣ дивился, словно не узнавалъ себя. Онъ сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ на полъ. Мысли въ немъ волновались, словно дымъ или туманъ, а въ груди было пусто и тяжело въ одно время.

— Да что-жъ это такое, наконецъ,—думалъ онъ иногда и опять затихалъ. — Пустяки, баловство! — говорилъ онъ вслухъ и поводилъ рукой по лицу, отряхался, и рука его снова падала на колѣни, глаза опять останавливались на полу.

Онисимъ внимательно и печально глядѣлъ на своего господина.

Пѣтушковъ поднялъ голову.

— А скажи-ка мнѣ, Онисимъ, — заговорилъ онъ: — правда ли, точно бываютъ такія приворотныя зелья?

— Бываютъ-съ, какже-съ, — возразилъ Онисимъ и выставилъ ногу впередъ. — Вотъ, хоть бы извольте знать унтера Круповатаго?.. У него братъ отъ приворота пропалъ. И приворотили-то его къ бабѣ старой, къ поварихѣ, вотъ что̀ извольте разсудить! Дали съѣсть простой кусокъ ржаного хлѣба, съ наговоромъ, разумѣется. Вотъ, и врѣзался Круповатовскій братъ по уши въ повариху, такъ и бѣгалъ всюду за поварихой, души въ ней не чаялъ, наглядѣться не могъ. Бывало, что̀ она ему ни скомандуй, онъ тотчасъ и повинуется. Даже при другихъ, при чужихъ людяхъ она имъ щеголяла. Ну, и вогнала его, наконецъ, въ чахотку. Такъ и умеръ Круповатовскій братъ. А вѣдь повариха была, да еще и старая, престарая. (Онисимъ понюхалъ табаку.)—Чтобъ имъ пусто было, всѣмъ этимъ дѣвкамъ и бабамъ!

— Она меня вовсе не любитъ, это, наконецъ, ясно, это, наконецъ, никакому сомнѣнію не подвержено, — бормоталъ вполголоса Пѣтушковъ, дѣлая притомъ такія движенія головой и руками, какъ будто объяснялъ совершенно постороннему человѣку совершенно постороннее дѣло.

— Да,—продолжалъ Онисимъ:—бываютъ такія бабы.

— Бываютъ,—уныло повторилъ Пѣтушковъ, не то̀ спрашивая, не то̀ недоумѣвая.

Онисимъ внимательно посмотрѣлъ на своего господина.

— Иванъ Аѳанасьичъ, — началъ онъ: — вы бы перекусили чего?

— Перекусилъ бы?—повторилъ Пѣтушковъ.

— А тó, можетъ, трубки не угодно ли?

— Трубки,—повторилъ Пѣтушковъ.

— Вотъ оно, куда пошло,—проворчалъ Онисимъ:—зацѣпило, значитъ.

VIII.

Стукъ сапоговъ раздался въ передней—а тамъ послышался обычный сдержанный кашель, увѣдомляющій о прибытіи подчиненнаго лица. — Онисимъ вышелъ и тотчасъ же вернулся въ сопровожденіи крошечнаго гарнизоннаго солдата съ старушечьимъ лицомъ, въ изношенной до желтизны и заплатанной шинели, безъ брюкъ и безъ галстука. Пѣтушковъ встрепенулся—а солдатъ вытянулся, пожелалъ ему „здравья“, и вручилъ ему большой конвертъ, запечатанный казенною печатью. — Въ этомъ конвертѣ находилась записка отъ маіора, командовавшаго гарнизономъ: онъ требовалъ къ себѣ Пѣтушкова немедленно и безотлагательно.

Пѣтушковъ повертѣлъ записку въ рукахъ — и не могъ удержаться, чтобы не спросить посланца: „не извѣстно ли ему, зачѣмъ маіоръ его къ себѣ требуетъ?“ — хотя очень хорошо понималъ всю безполезность своего вопроса.

— Не могимъ знать!—усиленно, но чуть слышно, словно съ-просонья, крикнулъ солдатъ.

— А другихъ господъ офицеровъ къ себѣ онъ не требуетъ?—продолжалъ Пѣтушковъ.

— Не могимъ знать! — вторично, тѣмъ же голосомъ, крикнулъ солдатъ.

— Ну, хорошо, ступай,—промолвилъ Пѣтушковъ.

Солдатъ сдѣлалъ налѣво кругóмъ, причемъ топнулъ ногой и хлопнулъ себя ладонью пониже спины (въ двадцатыхъ годахъ это было въ модѣ) и удалился.

Пѣтушковъ молча переглянулся съ Онисимомъ, который вдругъ принялъ озабоченный видъ—и отправился къ маіору.

Маіоръ этотъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, тучный и неуклюжій, съ отёкшимъ и краснымъ лицомъ, съ короткой шеей, съ постоянной дрожью въ пальцахъ, происходившей отъ излишняго употребленія водки. Онъ принадлежалъ къ числу такъ-называемыхъ „бурбоновъ", то-есть выслужившихся солдатъ, на тридцатомъ году выучился грамотѣ и говорилъ съ трудомъ, частью вслѣдствіе одышки, частью отъ неспособности уразумѣть собственную мысль. Темпераментъ его являлъ всѣ извѣстныя въ наукѣ видоизмѣненія: утромъ, до водки, онъ былъ меланхоликомъ, въ серединѣ дня—холерикомъ, а къ вечеру—флегматикомъ, то-есть, онъ тогда только сопѣлъ и мычалъ, пока его не клали въ постель. Иванъ Аѳанасьичъ явился къ нему во время холерическаго періода. Онъ засталъ его сидящимъ на диванѣ, въ шлафрокѣ нараспашку и съ трубкою въ зубахъ. Толстый корноухій котъ помѣстился съ нимъ рядомъ.

— Ага! пожаловалъ!—проворчалъ маіоръ, искоса вскинувъ на Пѣтушкова свои оловянные глазки и не трогаясь съ мѣста.—Ну-ка, садитесь;—ну-ка, я васъ хорошенько.— Я ужъ давно до вашего брата добирался... да.

Пѣтушковъ опустился на стулъ.

— Потому, — заговорилъ маіоръ съ неожиданнымъ порывомъ всего тѣла: — вѣдь вы офицеръ; такъ ужъ и вести себя надо, какъ приказано. — Коли бы вы были солдатъ — я бы просто выпоролъ васъ — да и шабашъ; а то вы офицеръ. На что̀ это похоже? Срамиться — развѣ это хорошо?

— Позвольте узнать, къ чему ведутъ сіи намеки,—началъ-было Пѣтушковъ...

— А у меня не разсуждать! Я это смерть не люблю. Сказано: не люблю; ну, и все тутъ! Вонъ, а васъ и крючки не по формѣ; что за срамъ! — Сидитъ день-деньской въ булочной; а еще благородный! Юбка тамъ завелась—вотъ, онъ и сидитъ.—Ну, пусть бы ее, юбку, къ чорту!—А то̀, говорятъ, самъ хлѣбы въ печь сажаетъ. — Мундиръ мараетъ... да.

— Позвольте доложить, — промолвилъ Пѣтушковъ, у

котораго нà сердцѣ захолонуло — что это все, сколько я могу сообразить, относится къ частной, такъ-сказать, жизни...

— Не разсуждать у меня, говорятъ!—Частная жизнь—еще толкуетъ! — Коли бы по службѣ чтó вышло, я бы васъ прямо на *гу*бахту!—Алле марширъ!—Потому—присяга. — На меня самого, можетъ, цѣлую березовую рощу извели: такъ ужъ я службу-то знаю; всѣ эти порядки мнѣ очинно извѣстны. А то надо понять: это я собственно на счетъ мундира. Мараешь мундиръ—да. Это я, какъ отецъ... да. — Потому, мнѣ это все поручено. Я отвѣчать должòнъ. — А вы еще тутъ разсуждаете!—крикнулъ со внезапной неистовостью маіоръ, и лицо его побагровѣло, и пѣна показалась на губахъ, а котъ поднялъ хвостъ и соскочилъ на полъ.—Да знаете ли вы... Да знаете ли, что я могу... все могу? все, все! — Да понимаете ли вы, съ кѣмъ вы говорите?—Начальство приказываетъ—а вы разсуждать! Начальство... начальство!..

Тутъ маіоръ даже закашлялся и захрипѣлъ—а бѣдный Пѣтушковъ только выпрямливался и блѣднѣлъ, сидя на краюшкѣ стула.

— Чтобъ у меня... — продолжалъ маіоръ, повелительно взмахивая дрожащей рукою: — чтобы все... по стрункѣ у меня! Поведенцъ первый сортъ! — Безпорядковъ не потерплю! Знаться можешь, съ кѣмъ угодно—я на это наплевать! Но коли ты благородный—ну, такъ ужъ и того... дѣйствуй!—Хлѣба въ печку у меня не сажать! Бабу мокрополодую теткой не называть! Мундиръ не марать! Молчать! Не разсуждать!

Голосъ маіора прервался. Онъ перевелъ духъ и, обернувшись къ двери передней, закричалъ:—Фролка, подлецъ! Селедки!

Пѣтушковъ проворно поднялся и выскочилъ вонъ, чуть не сбивши съ ногъ бѣжавшаго ему навстрѣчу казачка, съ рѣзанной селедкой и крупнымъ графиномъ водки на желѣзномъ подносѣ.

„Молчать! не разсуждать!“ раздавались вслѣдъ Пѣтушкову отрывистыя восклицанія раздраженнаго начальника.

IX.

Странное чувство овладѣло Иваномъ Аѳанасьичемъ, когда онъ вдругъ очутился на улицѣ.

— Да что̀ это я словно во снѣ хожу? — думалъ онъ про себя: — съ ума я сошелъ, что ли? Вѣдь это, наконецъ, невѣроятно. Ну, чортъ возьми, разлюбила меня, ну, и я ее разлюбилъ, ну, и... Что жъ тутъ необыкновеннаго?

Пѣтушковъ нахмурилъ брови.

— Надобно это кончить, наконецъ,—сказалъ онъ почти вслухъ:—пойду и объяснюсь рѣшительно, въ послѣдній разъ, чтобъ ужъ и помину потомъ не было.

Пѣтушковъ скорыми шагами отправился въ булочную. Племянникъ работника Луки, маленькій мальчишка, другъ и наперсникъ проживавшаго на дворѣ козла, проворно вскочилъ въ калитку, лишь только завидѣлъ издали Ивана Аѳанасьича.

Прасковья Ивановна вышла навстрѣчу Пѣтушкову.

— Племянницы вашей нѣту дома? — спросилъ Пѣтушковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

Пѣтушковъ внутренно обрадовался отсутствію Василисы.

— Я пришелъ съ вами объясниться, Прасковья Ивановна.

— О чемъ это, батюшка?

— А вотъ о чемъ. Вы понимаете, что послѣ всего... произошедшаго... послѣ подобнаго, такъ-сказать, поступка (Пѣтушковъ немного смѣшался)... словомъ сказать... Но, однако, вы на меня, пожалуйста, не сердитесь.

— Такъ-съ.

— Напротивъ, войдите въ мое положеніе, Прасковья Ивановна.

— Такъ-съ.

— Вы женщина разсудительная, вы сами поймете, что... что мнѣ уже больше нельзя къ вамъ ходить.

— Такъ-съ,—протяжно повторила Прасковья Ивановна.

— Повѣрьте, я очень сожалѣю; признаюсь, мнѣ даже больно, истинно больно...

— Вамъ лучше знать-съ, — спокойно возразила Прасковья Ивановна.—Въ вашей волѣ-съ. А вотъ, позвольте, я счетецъ вамъ подамъ-съ.

Пѣтушковъ никакъ не ожидалъ такого скораго согласія. Онъ вообще и не желалъ „согласія"; онъ хотѣлъ-было только напугать Прасковью Ивановну и въ особенности Василису. Ему становилось жутко.

— Я знаю,—заговорилъ онъ:—Василисѣ это нисколько не будетъ непріятно; напротивъ, я думаю, она будетъ рада.

Прасковья Ивановна достала счеты и начала стучать костяшками.

— Съ другой стороны,—продолжалъ все болѣе и болѣе взволнованный Пѣтушковъ: — если бъ, напримѣръ, Василиса объяснила мнѣ свое поведеніе... можетъ-быть... я... хотя, конечно... я не знаю, можетъ-быть, я бы увидалъ, что тутъ, собственно, нѣтъ никакой вины.

— За вами, батюшка, тридцать семь рублей сорокъ копеекъ ассигнаціею,—заговорила Прасковья Ивановна.— Вотъ, не угодно ли повѣрить?

Иванъ Аѳанасьичъ не отвѣчалъ ни слова.

— Восемнадцать обѣдовъ, по семи гривенъ за каждый: двѣнадцать рублей шесть гривенъ.

— Итакъ, мы разстаемся съ вами, Прасковья Ивановна?

— Что жъ, батюшка, дѣлать? Такіе ли бываютъ случаи? Двѣнадцать самоваровъ, по гривенничку...

— Но скажите хоть вы мнѣ, Прасковья Ивановна, куда это ходила Василиса, и зачѣмъ это она...

— А я, батюшка, ее не разспрашивала... Рубль двадцать копеекъ серебряною монетой.

Иванъ Аѳанасьичъ задумался.

— Квасу и кислыхъ щей,—продолжала Прасковья Ивановна, отдѣляя костяшки на счетахъ не указательнымъ, а третьимъ пальцемъ: — на полтину серебромъ. Къ чаю сахару и булокъ на полтину серебромъ. Четыре картуза табаку куплено по вашему приказанію: восемь гривенъ серебромъ. Портному Купріяну Аполлонову...

Иванъ Аѳанасьичъ вдругъ поднялъ голову, протянулъ руку и смѣшалъ кости.

— Что жъ это вы, батюшка, дѣлаете!—заговорила Прасковья Ивановна.—Али мнѣ не вѣрите?

— Прасковья Ивановна, — возразилъ Пѣтушковъ, торопливо улыбаясь: — я раздумалъ. Я такъ, знаете, пошутилъ. Останемся-ка лучше пріятелями, по-старому. Чтó за пустяки! Какъ можно намъ съ вами разстаться, скажите, пожалуйста?

Прасковья Ивановна опустила голову и не отвѣчала ему.

— Ну, повздорили — и кончено, — продолжалъ Иванъ Аѳанасьичъ, похаживая по комнатѣ, потирая руки и какъ бы снова вступая въ прежнія права.—Аминь! а вотъ, я лучше трубочку выкурю.

Прасковья Ивановна все не трогалась съ мѣста...

— Я вижу, вы на меня сердитесь, — сказалъ Пѣтушковъ. — Я, можетъ-быть, васъ обидѣлъ. Ну, что жъ? простите великодушно.

— Какое, батюшка, обидѣлъ! Какая тутъ обида?.. Только ужъ вы, батюшка, пожалуйста, — прибавила Прасковья Ивановна, кланяясь: —не извольте больше къ намъ ходить.

— Какъ?!

— Не слѣдъ намъ, батюшка, съ вами знаться, ваше благородіе. Ужъ, пожалуйста, сдѣлайте милость...

Прасковья Ивановна продолжала кланяться.

— Отчего же?—пробормоталъ изумленный Пѣтушковъ.

— Да ужъ такъ, батюшка. Окажите божескую милость.

— Да нѣтъ, Прасковья Ивановна, надобно объясниться!..

— Василиса, батюшка, васъ проситъ. Говоритъ: „благодарна, очинно благодарна, и чувствую“; только ужъ впередъ, ваше благородіе, увольте.

Прасковья Ивановна чуть не въ ноги поклонилась Пѣтушкову.

— Василиса, вы говорите, меня проситъ не ходить?

— Именно такъ, батюшка, ваше благородіе. Какъ вы сегодня изволили пожаловать, да какъ заговорили, что, дескать, не желаете больше посѣщать то-есть насъ, я такъ, батюшка, и обрадовалась, думаю. вотъ, и слава Богу, вотъ, какъ оно ладно пришлось. А то, у меня у самой языкъ бы не повернулся... Окажите милость, батюшка.

Пѣтушковъ покраснѣлъ и поблѣднѣлъ почти въ одно мгновенье. Прасковья Ивановна все продолжала кланяться...

— Очень хорошо, — рѣзко воскликнулъ Иванъ Аѳанасьичъ.—Прощайте.

Онъ круто повернулся и надѣлъ фуражку.

— А счетецъ-то, батюшка...

— Пришлите... мой денщикъ вамъ заплатитъ.

Пѣтушковъ вышелъ твердой поступью изъ булочной и даже не оглянулся.

X.

Прошли двѣ недѣли. Сначала Пѣтушковъ храбрился чрезвычайно, выходилъ, посѣщалъ своихъ товарищей, исключая, разумѣется, Бублицына, но, несмотря на преувеличенныя похвалы Онисима, чуть не сошелъ, наконецъ, съ ума отъ тоски, ревности и скуки. Одни разговоры съ Онисимомъ о Василисѣ доставляли ему нѣкоторую отраду. Начиналъ разговоръ, „задиралъ“ всегда Пѣтушковъ; Онисимъ неохотно отвѣчалъ ему.

— А вѣдь странное дѣло, — говорилъ, напримѣръ, Иванъ Аѳанасьичъ, лежа на диванѣ, межъ тѣмъ какъ Онисимъ, по обыкновенію, стоялъ, прислонившись къ двери, скрестивъ руки за спину: — какъ подумаешь: ну, что̀ я нашелъ въ этой дѣвушкѣ? Кажется, ничего необыкновеннаго въ ней нѣтъ. Правда, она добра. Этого нельзя у ней отнять.

— Какое — добра! — съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Онисимъ.

— Ну, нѣтъ, Онисимъ,—продолжалъ Пѣтушковъ:—надо правду говорить. Теперь оно дѣло прошлое: мнѣ теперь все равно, но что̀ справедливо, то справедливо. Ты ея не знаешь. Она предобрѣйшая. Ни одного нищаго не пропуститъ такъ: хоть корку хлѣба, а дастъ. Ну, и права она веселаго—это тоже надобно сказать.

— Вотъ еще что̀ выдумали: гдѣ нашли веселый нравъ!

— Я тебѣ говорю... ты ея не знаешь. И безсребренница тоже она... это тоже. Не интересанка, нечего сказать. Ну, хоть бы я ей—ничего вѣдь не давалъ, ты самъ знаешь.

— Оттого-то она васъ и бросила.

— Нѣтъ, не оттого!—со вздохомъ отвѣчалъ Пѣтушковъ.

— Да вы въ нее до сихъ поръ влюбимши, — ядовито возражалъ Онисимъ.—Вы бы рады опять за прежнее.

— Вотъ ужъ это ты пустяки сказалъ. Нѣтъ, братъ, ты меня тоже, видно, не знаешь. Меня же прогнали, да я же пойду кланяться. Нѣтъ, извини. Нѣтъ, я тебѣ говорю, повѣрь мнѣ, это все теперь дѣло прошлое.

— Дай Богъ! дай Богъ!

— Но почему жъ мнѣ теперь и не отдать ей справедливости, наконецъ? Ну, что жъ, я скажу, что она собой нехороша,—ну, кто жъ мнѣ повѣритъ?

— Вотъ нашли красавицу!

— Ну, найди мнѣ,—ну, назови кого-нибудь лучше ея...

— Ну, такъ пойдите къ ней опять!..

— Эка! Да я развѣ для того это говорю, что̀ ли? Ты меня пойми...

— Охъ! понимаю я васъ, — съ тяжелымъ вздохомъ отвѣчалъ Онисимъ.

Прошла еще недѣля. Пѣтушковъ пересталъ даже разговаривать съ своимъ Онисимомъ, пересталъ выходить. Съ утра до вечера лежалъ онъ на диванѣ, закинувъ руки за голову. Сталъ онъ худѣть и блѣднѣть, ѣлъ неохотно и торопливо, трубки вовсе не курилъ. Онисимъ только головой покачивалъ, глядя на него.

— А вѣдь вамъ нехорошо, Иванъ Аѳанасьичъ,—говорилъ онъ ему не разъ.

— Нѣтъ, ничего,—возражалъ Пѣтушковъ.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день (Онисима не было дома), Пѣтушковъ всталъ, пошарилъ у себя въ комодѣ, надѣлъ шинель, хотя солнце пекло порядкомъ, украдкой вышелъ на улицу и черезъ четверть часа опять вернулся... Онъ что-то несъ подъ шинелью...

Онисима не было дома. Цѣлое утро онъ все сидѣлъ у себя въ каморкѣ, разсуждалъ самъ съ собой, ворчалъ и ругался сквозь зубы и, наконецъ, отправился къ Василисѣ.

Онъ засталъ ее въ булочной. Прасковья Ивановна спала на печи, мѣрно и томно похрапывая.

— Ахъ, здравствуйте, Онисимъ Сергѣевичъ,—съ улыбкой проговорила Василиса:—что давно не видать?

— Здорово.

— Что вы такіе невеселые? Чайку не хотите ли?

— Не обо мнѣ теперь рѣчь, — съ досадой возразилъ Онисимъ.

— А что?

— Что! Не понимаешь меня, что ли? Что! Что ты надѣлала съ моимъ бариномъ, вотъ что мнѣ скажи.

— Что такое я надѣлала?

— Что такое ты надѣлала... Поди-ка, посмотри на него. Вѣдь онъ того и гляди, что занеможетъ, аль и совсѣмъ умретъ.

— Чѣмъ же я виновата, Онисимъ Сергѣичъ?

— Чѣмъ!—Богъ тебя знаетъ. Вишь, онъ въ тебѣ души не чаетъ. А ты съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ, прости Господи, обошлась. Не ходи, дескать, надоѣлъ. Вѣдь онъ, хоть и неважный, а все же господинъ. Вѣдь онъ благородный... Понимаешь ты это?

— Да онъ такой скучный, Онисимъ Сергѣичъ...

— Скучный! А тебѣ все веселыхъ нужно!

— Да и не то, что скучный: такой сердитый, ревнивый такой.

— Ахъ, ты, астраханская царевна Миликитриса! Вишь, онъ обезпокоилъ тебя!

— Да вы сами, Онисимъ Сергѣичъ, помнится, на него сердились, зачѣмъ, дескать, знается, зачѣмъ все ходитъ?

— А что жъ, хвалить его надо было за это, что ли?

— Ну, такъ за что же вы теперь на меня осерчали? Вотъ, и ходить пересталъ.

Онисимъ даже ногою топнулъ.

— Да что жъ мнѣ съ нимъ дѣлать, коли онъ такой сумасшедшій,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Такъ чѣмъ же я виновата? Чѣмъ же я помочь-то могу?

— А вотъ чѣмъ: пойдемъ-ка со мной къ нему.

— Сохрани Господи!

— Отчего же ты не пойдешь?

— Да зачѣмъ же я пойду къ нему? помилуйте.

— Зачѣмъ? А затѣмъ, что вотъ, онъ говоритъ, что ты добрая; посмотрю я, какая ты добрая.

— Да какое же добро я могу ему сдѣлать?

— Ну, ужъ про это я знаю. Стало-быть, плохо, коли я къ тебѣ пришелъ. Видно, ужъ другого средствія не придумалъ.

Онисимъ помолчалъ немного.

— Ну, пойдемъ, Василиса, пожалуйста, пойдемъ.

— Да, Онисимъ Сергѣичъ, я не желаю съ ними опять знаться...

— Да и не нужно — кто тебѣ говоритъ? Такъ, слова два скажи: дескать, что изволите печалиться... полнота... Вотъ и все.

— Право, Онисимъ Сергѣичъ...

— Да что-жъ, мнѣ кланяться тебѣ, что ли? Ну, изволь— вотъ тебѣ и поклонъ... на тебѣ поклонъ.

— Да право же...

— Вѣдь экая! И честь-то ее не беретъ!..

Василиса, наконецъ, согласилась, накинула платокъ на голову и ушла вмѣстѣ съ Онисимомъ.

— Постой-ка немного здѣсь, въ передней, — сказалъ онъ ей, когда они пришли на квартиру Пѣтушкова. — А я пойду, барину доложу...

Онъ вошелъ къ Ивану Аѳанасьичу.

Пѣтушковъ стоялъ посреди комнаты, заложивъ обѣ руки въ карманы, преувеличенно растопыривъ ноги и слегка покачиваясь взадъ и впередъ. Лицо его пылало, глаза сіяли.

— Здравствуй, Онисимъ,—дружелюбно залепеталъ онъ, очень плохо и вяло выговаривая согласныя буквы: — здравствуй, братецъ. А я, братъ, безъ тебя... хе-хе-хе...— Пѣтушковъ засмѣялся и клюнулъ носомъ впередъ.—Вотъ ужъ подлинно, хе-хе-хе... Впрочемъ, — прибавилъ онъ, стараясь принять важный видъ:—я ничего.—Онъ поднялъ было ногу, но чуть не упалъ и, для контенансу, проговорилъ басомъ:—Человѣкъ, дай трубку!

Онисимъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего барина, взглянулъ кругомъ... На окнѣ стояла пустая, темнозеленая бутылка съ надписью: „Ромъ Ямайскій самый лучшій“

— Хватилъ, братъ, да и только,—продолжалъ Пѣтушковъ. — Взялъ, да хватилъ. Хватилъ, да и все тутъ. А ты гдѣ былъ? разскажи... не стыдись... разскажи. Ты хорошо разсказываешь.

— Иванъ Аѳанасьичъ, помилуйте,—завопилъ Онисимъ.

— Изволь. И это изволь. Милую, милую, и прощаю,—возразилъ Пѣтушковъ, неопредѣленно помахивая рукой.—Всѣмъ прощаю, и тебѣ прощаю, и Василисѣ прощаю, и всѣмъ, всѣмъ прощаю. А я, братъ, хватилъ... Хва-а-тилъ, братъ... — Кто это? — внезапно вскрикнулъ онъ, указывая на дверь передней:—кто тамъ?

— Никого тамъ нѣтъ,—торопливо отвѣтилъ Онисимъ.—Кому тамъ быть... куда вы?

— Нѣтъ, нѣтъ,—повторилъ Пѣтушковъ, порываясь изъ рукъ Онисима:—пусти, я видѣлъ,—ты не говори,—я тамъ видѣлъ, пусти... Василиса!—закричалъ онъ вдругъ.

Пѣтушковъ поблѣднѣлъ.

— Ну... ну, что-жъ ты не входишь? — заговорилъ онъ наконецъ. — Войди, Василиса, войди. Я очень тебѣ радъ, Василиса.

Василиса взглянула на Онисима—и вошла въ комнату. Пѣтушковъ приблизился къ ней... Онъ дышалъ глубоко и рѣдко. Онисимъ наблюдалъ за нимъ. Василиса боязливо косилась на обоихъ.

— Садись, Василиса, — заговорилъ опять Иванъ Аѳанасьичъ:—спасибо тебѣ, что пришла. Извини, что я... какъ бы это сказать?.. этакъ, въ неприличномъ видѣ. Я не могъ предвидѣть, никакъ не могъ, согласись сама. Ну, садись же, вотъ, хоть здѣсь на диванѣ... Такъ, кажется, я выражаюсь?

Василиса сѣла.

— Ну, здравствуй,—продолжалъ Пѣтушковъ.—Ну, какъ поживаешь? что дѣлала хорошаго?

— Я слава Богу, Иванъ Аѳанасьичъ. Какъ вы?

— Я? какъ видишь! Убитъ. И кѣмъ убитъ? Тобой убитъ, Василиса. Но я на тебя не сержусь. Только я убитъ. Вотъ, спроси хоть у этого. (Онъ указалъ на Онисима.) Ты не гляди, что я пьянъ. Я точно пьянъ; только я убитъ. Оттого и пьянъ, что убитъ.

— Помилуй Богъ, Иванъ Аѳанасьичъ!

— Убитъ, Василиса, ужъ я тебѣ говорю. Ты мнѣ вѣрь. Я тебя никогда не обманывалъ. Ну, что, твоя тетка здорова?

— Здорова, Иванъ Аѳанасьичъ. Много благодарны.

Пѣтушковъ начиналъ сильно покачиваться.

— Да вы-то нездоровы сегодня, Иванъ Аѳанасьичъ. Вы бы легли.

— Нѣтъ, я здоровъ, Василиса. Нѣтъ, ты не говори, что я нездоровъ, а ты лучше скажи, что въ развратъ я вдался, нравственность потерялъ. Вотъ это будетъ справедливо. Противъ этого я спорить не буду.

Ивана Аѳанасьича качнуло назадъ. Описимъ подскочилъ и поддержалъ своего барина.

— А кто виноватъ? Хочешь, я скажу тебѣ, кто виноватъ? Я виноватъ, я первый. Мнѣ бы что̀ слѣдовало сдѣлать? мнѣ бы слѣдовало тебѣ сказать: Василиса, я тебя люблю. Ну, хорошо. Ну, хочешь за меня замужъ? Хочешь? Правда, ты мѣщанка, положимъ; ну, да это ничего. Это бываетъ. Вотъ и у меня, тамъ, былъ знакомый: тоже этакъ женился. Чухонку взялъ. Взялъ, да и женился. А со мной тебѣ было бы хорошо. Я человѣкъ добрый, ей-Богу! Ты не гляди на то, что я пьянъ, а взгляни лучше на мое сердце. Вотъ, спроси хоть у этого... человѣка. Стало-быть, виноватъ-то выхожу я. А теперь я, разумѣется, убитъ.

Иванъ Аѳанасьичъ болѣе и болѣе нуждался въ подпорѣ Онисима.

— А все-таки, тебѣ грѣхъ, большой грѣхъ. Я тебя любилъ, я тебя уважалъ, я... да ужъ что! Я и теперь готовъ хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. Хочешь? Ты только скажи, а ужъ тамъ мы сейчасъ. А только ты меня обидѣла кровно... кровно. Хоть бы сама отказала, а то черезъ тетку, черезъ толстую эту бабищу. Вѣдь только у меня и было радости, что ты. Вѣдь я бездомный человѣкъ, вѣдь я сирота! Кому теперь приласкать меня? кто мнѣ доброе слово молвитъ? Вѣдь я кругомъ сирота. Голъ, какъ соколъ. Спроси хоть у эт... — Иванъ Аѳанасьичъ заплакалъ.—Василиса, послушай-ка, что̀ я тебѣ скажу,—

продолжалъ онъ: — позволь мнѣ, этакъ, попрежнему ходить къ тебѣ. Не бойся... я буду, того, смирнехонько. Ты ходи, къ кому тамъ знаешь, я — ничего: этакъ, безъ возраженій, знаешь. Ну, соглашаешься? Хочешь, я на колѣнки стану?—(И Иванъ Аѳанасьичъ согнулъ-было колѣни, но Онисимъ подхватилъ его подъ мышки.)—Пусти меня! Не твое дѣло! Тутъ идетъ рѣчь о счастьѣ цѣлой, понимаешь, жизни, а ты мѣшаешь...

Василиса не знала, что сказать...

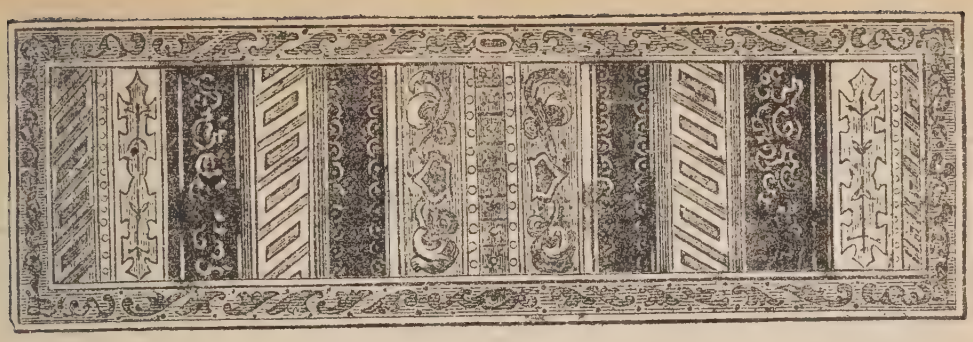
— Не хочешь... Ну, какъ хочешь! Богъ съ тобой. Въ такомъ случаѣ, прощай! Прощай, Василиса. Желаю тебѣ всякаго счастья и благополучія... а я... а я...

И Пѣтушковъ зарыдалъ въ три ручья. Онисимъ изъ всѣхъ силъ поддерживалъ его сзади... сперва перекосилъ лицо, потомъ самъ заплакалъ... И Василиса тоже плакала...

XI.

Лѣтъ черезъ десять, можно было встрѣтить на улицахъ городка О... человѣка худенькаго, съ красненькимъ носикомъ, одѣтаго въ старый зеленый сюртучокъ съ плисовымъ засаленнымъ воротникомъ. Онъ занималъ небольшой чуланчикъ въ извѣстной намъ булочной. Прасковьи Ивановны уже не было на свѣтѣ. Хозяйствомъ завѣдывала ея племянница, Василиса, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, рыжеватымъ и подслѣповатымъ мѣщаниномъ Демофонтомъ. За человѣкомъ въ зеленомъ сюртучкѣ водилась одна слабость: любилъ выпить, впрочемъ, велъ себя смирно. Читатели, вѣроятно, узнали въ немъ Ивана Аѳанасьича.

1847 г.



ДНЕВНИКЪ ЛИШНЯГО ЧЕЛОВѢКА.

(повѣсть.)

Сельцо Овечьи-Воды. 20 марта 18... года.

Докторъ сейчасъ уѣхалъ отъ меня. Наконецъ, добился я толку! Какъ онъ ни хитрилъ, а не могъ не высказаться, наконецъ. Да, я скоро, очень скоро умру. Рѣки вскроются, и я, съ послѣднимъ снѣгомъ, вѣроятно, уплыву... куда? Богъ вѣсть! Тоже въ море. Ну, что жъ! коли умирать, такъ умирать весной. Но не смѣшно ли начинать свой дневникъ, можетъ-быть, за двѣ недѣли до смерти? Что̀ за бѣда? И чѣмъ четырнадцать дней менѣе четырнадцати лѣтъ, четырнадцати столѣтій? Передъ вѣчностью, говорятъ, все пустяки—да; но въ такомъ случаѣ и сама вѣчность—пустяки. Я, кажется, вдаюсь въ умозрѣніе: это плохой знакъ—ужъ не трушу ли я?—Лучше стану разсказывать что-нибудь. На дворѣ сыро, вѣтрено,—выходить мнѣ запрещено. Что же разсказывать? О своихъ болѣзняхъ порядочный человѣкъ не говоритъ; повѣсть, что ли, сочинить—не мое дѣло; разсужденія о предметахъ возвышенныхъ—мнѣ не подъ силу; описанія окружающаго меня быта—даже меня занять не могутъ; а ничего не дѣлать—скучно; читать—лѣнь. Э! разскажу-ка

я самому себѣ всю свою жизнь. Превосходная мысль! Передъ смертью оно и прилично, и никому не обидно. Начинаю.

Родился я, лѣтъ тридцать тому назадъ, отъ довольно богатыхъ помѣщиковъ. Отецъ мой былъ страстный игрокъ; мать моя была дама съ характеромъ... очень добродѣтельная дама. Только я не знавалъ женщины, которой бы добродѣтель доставила меньше удовольствія. Она падала подъ бременемъ своихъ достоинствъ и мучила всѣхъ, начиная съ самой себя. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ своей жизни она ни разу не отдохнула, не сложила рукъ; она вѣчно копошилась и возилась, какъ муравей — и безъ всякой пользы, чего нельзя сказать о муравьѣ. Неугомонный червь ее точилъ днемъ и ночью. Одинъ только разъ видѣлъ я ее совершенно спокойною, а именно: въ первый день послѣ ея смерти, въ гробу. Глядя на нее, мнѣ, право, показалось, что ея лицо выражало тихое изумленіе; съ полураскрытыхъ губъ, съ опавшихъ щекъ и кротко-неподвижныхъ глазъ словно вѣяло словами: „какъ хорошо не шевелиться!“ Да, хорошо, хорошо отдѣлаться наконецъ отъ томящаго сознанія жизни, отъ неотвязнаго и безпокойнаго чувства существованія! Но дѣло не въ томъ.

Росъ я дурно и не весело. Отецъ и мать оба меня любили; но отъ этого мнѣ не было легче. Отецъ не имѣлъ въ собственномъ домѣ никакой власти и никакого значенія, какъ человѣкъ, явно преданный постыдному и разорительному пороку; онъ сознавалъ свое паденіе и, не имѣя силы отстать отъ любимой страсти, старался, по крайней мѣрѣ, своимъ постоянно ласковымъ и скромнымъ видомъ, своимъ уклончивымъ смиреніемъ заслужить снисхожденіе своей примѣрной жены. Маменька моя, дѣйствительно, переносила свое несчастіе съ тѣмъ великолѣпнымъ и пышнымъ долготерпѣніемъ добродѣтели, въ которомъ такъ много самолюбивой гордости. Она никогда ни въ чемъ отца моего не упрекала, молча отдавала ему свои послѣднія деньги и платила его долги; онъ превозносилъ ее въ глаза и заочно, но дома сидѣть не любилъ

и ласкалъ меня украдкой, какъ бы самъ боясь заразить меня своимъ присутствіемъ. Но искаженныя черты его дышали тогда такой добротой, лихорадочная усмѣшка на его губахъ смѣнялась такой трогательной улыбкой, окруженные тонкими морщинами, каріе глаза свѣтились такою любовью, что я невольно прижимался моей щекой къ его щекѣ, сырой и теплой отъ слезъ. Я утиралъ моимъ платкомъ эти слезы, и онѣ снова текли, безъ усилія, словно вода изъ переполненнаго стакана. Я принимался плакать самъ, и онъ утѣшалъ меня, гладилъ меня рукой по спинѣ, цѣловалъ меня по всему лицу своими дрожащими губами. Даже вотъ и теперь, слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти, когда я вспоминаю о бѣдномъ моемъ отцѣ, нѣмыя рыданія подступаютъ мнѣ подъ горло, и сердце бьется, бьется такъ горячо и горько, томится такимъ тоскливымъ сожалѣніемъ, какъ будто ему еще долго осталось биться и есть о чемъ сожалѣть!

Мать моя, напротивъ, обращалась со мной всегда одинаково, ласково, но холодно. Въ дѣтскихъ книгахъ часто встрѣчаются такія матери, нравоучительныя и справедливыя. Она меня любила, но я ея не любилъ. Да! я чуждался моей добродѣтельной матери и страстно любилъ моего порочнаго отца.

Но для сегодняшняго дня довольно. Начало есть, а ужъ о концѣ, какой бы онъ ни былъ, мнѣ нечего заботиться. Это дѣло моей болѣзни.

21 марта.

Сегодня удивительная погода. Тепло, ясно; солнце весело играетъ на таломъ снѣгѣ; все блеститъ, дымится, каплетъ; воробьи, какъ сумасшедшіе, кричатъ около отпотѣвшихъ темныхъ заборовъ; влажный воздухъ сладко и страшно раздражаетъ мнѣ грудь. Весна, весна идетъ! Я сижу подъ окномъ и гляжу черезъ рѣчку въ поле. О, природа! природа! Я такъ тебя люблю, а изъ твоихъ нѣдръ вышелъ неспособнымъ даже къ жизни. Вонъ, прыгаетъ самецъ-воробей съ растопыренными крыльями; онъ кричитъ — и каждый звукъ его голоса, каждое взъеро-

шенное перышко на его маленькомъ тѣлѣ дышитъ здоровьемъ и силой...

Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Ничего. Онъ здоровъ и имѣетъ право кричать и ерошиться; а я боленъ и долженъ умереть — вотъ и все. Больше объ этомъ говорить не стòитъ. А слезливыя обращенія къ природѣ уморительно смѣшны. Возвратимся къ разсказу.

Росъ я, какъ уже сказано, очень дурно и не весело. Братьевъ и сестеръ у меня не было. Воспитывался я дома. Да и чѣмъ бы стала заниматься моя матушка, если бъ меня отдали въ пансіонъ или въ казенное заведеніе? На то и дѣти, чтобъ родители не скучали. Жили мы большей частью въ деревнѣ, иногда пріѣзжали въ Москву. Были у меня гувернеры и учителя, какъ водится; особенно памятнымъ остался мнѣ одинъ худосочный и слезливый нѣмецъ, Рикманъ, необыкновенно печальное и судьбою пришибленное существо, безплодно сгоравшее томительной тоской по далекой родинѣ. Бывало, возлѣ печки, въ страшной духотѣ тѣсной передней, насквозь пропитанной кислымъ запахомъ стараго кваса, сидитъ небритый мой дядька, Василій, по прозвищу Гусыня, въ вѣковѣчномъ своемъ казакинѣ изъ синей дерюги, — сидитъ и играетъ въ свои-козыри съ кучеромъ Потапомъ, только-что обновившимъ бѣлый, какъ кипень, овчинный тулупъ и несокрушимые смазные сапоги, — а Рикманъ за перегородкой поетъ:

Herz, mein Herz, warum so traurig?
Was bekümmert dich so sehr?
S'ist ja schön im fremden Lande—
Herz, mein Herz—was willst du mehr?

Послѣ смерти отца мы окончательно перебрались на житье въ Москву. Мнѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ. Отецъ мой умеръ ночью отъ удара. Не забуду я этой ночи. Я спалъ крѣпко, какъ обыкновенно спятъ всѣ дѣти; но помню, мнѣ даже сквозь сонъ чудилось тяжелое и мѣрное храпѣнье. Вдругъ я чувствую: кто-то меня беретъ за плечо и толкаетъ. Открываю глаза: передо мной дядька.—Что такое?—Ступайте, ступайте; Алексѣй

Михайлычъ кончается... Я, какъ сумасшедшій, изъ постели вонъ—въ спальню. Гляжу: отецъ лежитъ съ закинутой назадъ головой, весь красный, и мучительно хрипитъ. Въ дверяхъ толпятся люди съ перепуганными лицами; въ передней кто-то сиплымъ голосомъ спрашиваетъ: „послали за докторомъ?“ На дворѣ лошадь выводятъ изъ конюшни, ворота скрипятъ, сальная свѣчка горитъ въ комнатѣ на полу; маменька тутъ же убивается, не теряя, впрочемъ, ни приличія, ни сознанія собственнаго достоинства. Я бросился на грудь отцу, обнялъ его, залепеталъ: „папаша, папаша...“ Онъ лежалъ неподвижно и какъ-то странно щурился. Я взглянулъ ему въ лицо—невыносимый ужасъ захватилъ мнѣ дыханіе; я запищалъ отъ страха, какъ грубо схваченная птичка — меня стащили и отвели. Еще наканунѣ онъ, словно предчувствуя свою близкую смерть, такъ горячо и такъ уныло ласкалъ меня. Привезли какого-то заспаннаго и шершаваго доктора, съ крѣпкимъ запахомъ зорной водки. Отецъ мой умеръ у него подъ ланцетомъ, и на другой же день я, совершенно поглупѣвшій отъ горя, стоялъ со свѣчкою въ рукахъ передъ столомъ, на которомъ лежалъ покойникъ, и безсмысленно слушалъ густой напѣвъ дьячка, изрѣдка прерываемый слабымъ голосомъ священника; слезы то-и-дѣло струились у меня по щекамъ, по губамъ, по воротничку, по манишкѣ; я исходилъ слезами, я глядѣлъ неотступно, я внимательно глядѣлъ на неподвижное лицо отца, словно ждалъ отъ него чего-то; а матушка моя, между тѣмъ, медленно клала земные поклоны, медленно подымалась и, крестясь, сильно прижимала пальцы ко лбу, къ плечамъ и животу. Ни одной мысли у меня не было въ головѣ; я весь отяжелѣлъ, но чувствовалъ, что со мною совершается что-то страшное... Смерть мнѣ тогда заглянула въ лицо и замѣтила меня.

Мы переѣхали въ Москву на житье послѣ смерти отца, по весьма простой причинѣ: все наше имѣніе было продано съ молотка за долги,—такъ-таки рѣшительно все, исключая одной деревушки, той самой, въ которой я теперь вотъ доживаю свое великолѣпное существованіе. Я,

признаюсь, даромъ-что былъ тогда молодъ, а погрустилъ о продажѣ нашего гнѣзда; то-есть, по-настоящему, я грустилъ только объ одномъ нашемъ садѣ. Съ этимъ садомъ связаны почти единственныя мои свѣтлыя воспоминанія; тамъ я въ одинъ тихій весенній вечеръ похоронилъ лучшаго своего друга, старую собаку съ куцымъ хвостомъ и кривыми лапками—Триксу; тамъ, бывало, спрятавшись въ высокую траву, я ѣлъ краденыя яблоки, красныя, сладкія новогородчины; тамъ, наконецъ, я въ первый разъ увидалъ между кустами спѣлой малины горничную Клавдію, которая, несмотря на свой курносый носъ и привычку смѣяться въ платокъ, возбудила во мнѣ такую нѣжную страсть, что я, въ присутствіи ея, едва дышалъ, замиралъ, и безмолвствовалъ, а однажды, въ Свѣтлое Воскресеніе, когда дошла до нея очередь приложиться къ моей барской ручкѣ, чуть не бросился цѣловать ея стоптанные козловые башмаки. Боже мой! Неужели-жъ этому всему двадцать лѣтъ? Кажется, давно ли ѣду я на моей рыженькой, косматой лошадкѣ вдоль стараго плетня нашего сада и, приподнявшись на стременахъ, срываю двухцвѣтные листья тополей?—Пока человѣкъ живетъ, онъ не чувствуетъ своей собственной жизни: она, какъ звукъ, становится ему внятною спустя нѣсколько времени.

О, мой садъ, о, заросшія дорожки возлѣ мелкаго пруда! о, песчаное мѣстечко подъ дряхлой плотиной, гдѣ я ловилъ пескарей и гольцовъ! И вы, высокія березы, съ длинными висячими вѣтками, изъ-за которыхъ, съ проселочной дороги, бывало, неслась унылая пѣсенка мужика, неровно прерываемая толчками телѣги—я посылаю вамъ мое послѣднее прости!.. Разставаясь съ жизнью, я къ вамъ однимъ простираю мои руки. Я бы хотѣлъ еще разъ надышаться горькой свѣжестью полыни, сладкимъ запахомъ сжатой гречихи на поляхъ моей родины; я бы хотѣлъ еще разъ услышать издали скромное тяканье надтреснутаго колокола въ приходской нашей церкви; еще разъ полежать въ прохладной тѣни подъ дубовымъ кустомъ на скатѣ знакомаго оврага; еще разъ проводить глазами подвижный слѣдъ вѣтра, темной струею бѣгущаго по золотистой травѣ нашего луга...

Эхъ, къ чему все это? Но я сегодня не могу продолжать. До завтра.

22 марта.

Сегодня опять холодно и пасмурно. Такая погода гораздо приличнѣе. Она подъ ладъ моей работѣ. Вчерашній день совершенно некстати возбудилъ во мнѣ множество ненужныхъ чувствъ и воспоминаній. Это болѣе не повторится. Чувствительныя изліянія—словно солодковый корень: сперва пососешь—какъ будто недурно, а потомъ очень скверно станетъ во рту. Стану просто и спокойно разсказывать мою жизнь.

Итакъ, мы переѣхали въ Москву...

Но мнѣ приходитъ въ голову: точно ли стòитъ разсказывать мою жизнь?

Нѣтъ, рѣшительно не стòитъ... Жизнь моя ничѣмъ не отличалась отъ жизни множества другихъ людей. Родительскій домъ, университетъ, служеніе въ низменныхъ чинахъ, отставка, маленькій кружокъ знакомыхъ, чистенькая бѣдность, скромныя удовольствія, смиренныя занятія, умѣренныя желанія—скажите на милость, кому не извѣстно все это? И потому я не стану разсказывать свою жизнь, тѣмъ болѣе, что пишу для собственнаго удовольствія; а коли мое прошедшее даже мнѣ самому не представляетъ ничего ни слишкомъ веселаго, ни даже слишкомъ печальнаго, стало-быть, въ немъ точно нѣтъ ничего достойнаго вниманія. Лучше постараюсь изложить самому себѣ свой характеръ.

Что я за человѣкъ?.. Мнѣ могутъ замѣтить, что и этого никто не спрашиваетъ,—согласенъ. Но вѣдь я умираю, ей-Богу, умираю, а передъ смертью, право, кажется, простительно желаніе узнать, что, дескать, я былъ за птица?

Обдумавъ хорошенько этотъ важный вопросъ и не имѣя, впрочемъ, никакой нужды слишкомъ горько выражаться на свой собственный счетъ, какъ это дѣлаютъ люди, сильно увѣренные въ своихъ достоинствахъ, я долженъ сознаться въ одномъ: я былъ совершенно лишнимъ человѣкомъ на семъ свѣтѣ, или, пожалуй, совершенно лишней птицей.

И это я намѣренъ доказать завтра, потому что я сегодня кашляю, какъ старая овца, и моя нянюшка, Терентьевна, не даетъ мнѣ покоя: „Лягте, дескать, батюшка вы мой, да напейтесь чайку“... Я знаю, зачѣмъ она ко мнѣ пристаетъ: ей самой хочется чаю. Что жъ! пожалуй! Отчего не позволить бѣдной старухѣ извлечь напослѣдяхъ всю возможную пользу изъ своего барина?.. Пока еще время не ушло.

23 марта.

Опять зима. Снѣгъ валитъ хлопьями.

Лишній, лишній... Отличное это придумалъ я слово. Чѣмъ глубже я вникаю въ самого себя, чѣмъ внимательнѣе разсматриваю всю свою прошедшую жизнь, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ строгой истинѣ этого выраженья. Лишній—именно. Къ другимъ людямъ это слово не примѣняется... Люди бываютъ злые, добрые, умные, глупые, пріятные и непріятные; но лишніе... нѣтъ. То-есть, поймите меня: и безъ этихъ людей могла бы вселенная обойтись... конечно; но безполезность—не главное ихъ качество, не отличительный ихъ признакъ, и вамъ, когда вы говорите о нихъ, слово „лишній“ не первое приходитъ на языкъ. А я... про меня ничего другого и сказать нельзя: лишній—да и только. Сверхштатный человѣкъ—вотъ и все. На мое появленіе природа, очевидно, не разсчитывала и вслѣдствіе этого обошлась со мной, какъ съ нежданымъ и незванымъ гостемъ. Недаромъ про меня сказалъ одинъ шутникъ, большой охотникъ до преферанса, что моя матушка мною обремизилась. Я говорю теперь о самомъ себѣ спокойно, безъ всякой желчи... Дѣло прошлое! Во все продолженіе жизни я постоянно находилъ свое мѣсто занятымъ, можетъ-быть, оттого, что искалъ это мѣсто не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Я былъ мнителенъ, застѣнчивъ, раздражителенъ, какъ всѣ больные; притомъ, вѣроятно, по причинѣ излишняго самолюбія или вообще вслѣдствіе неудачнаго устройства моей особы, между моими чувствами и мыслями—и выраженіемъ этихъ чувствъ и мыслей—находилось какое-то безсмысленное, непонятное и непреоборимое препятствіе; и когда я рѣшался

насильно побѣдить это препятствіе, сломить эту преграду — мои движенія, выраженіе моего лица, все мое существо принимало видъ мучительнаго напряженія: я не только казался—я дѣйствительно становился неестественнымъ и натянутымъ. Я самъ это чувствовалъ и спѣшилъ опять уйти въ себя. Тогда-то поднималась внутри меня страшная тревога. Я разбиралъ самого себя до послѣдней ниточки, сравнивалъ себя съ другими, припоминалъ малѣйшіе взгляды, улыбки, слова людей, передъ которыми хотѣлъ-было развернуться, толковалъ все въ дурную сторону, язвительно смѣялся надъ своимъ притязаніемъ „быть, какъ всѣ", — и вдругъ, среди смѣха, печально опускался весь, впадалъ въ нелѣпое уныніе, а тамъ опять принимался за прежнее, — словомъ вертѣлся, какъ бѣлка въ колесѣ. Цѣлые дни проходили въ этой мучительной, безплодной работѣ. Ну, теперь, скажите на милость, скажите сами, кому и на что такой человѣкъ нуженъ? Отчего это со мной происходило, какая причина этой кропотливой возни съ самимъ собою — кто знаетъ? кто скажетъ?

Помнится, однажды ѣхалъ я изъ Москвы въ дилижансѣ. Дорога была хороша, а ямщикъ къ четверкѣ рядомъ припрягъ еще пристяжную. Эта несчастная, пятая, вовсе безполезная лошадь, кое-какъ привязанная къ передку толстой, короткой веревкой, которая немилосердно рѣжетъ ей ляжку, третъ хвостъ, заставляетъ ее бѣжать самымъ неестественнымъ образомъ и придаетъ всему ея тѣлу видъ запятой, всегда возбуждаетъ мое глубокое сожалѣніе. Я замѣтилъ ямщику, что, кажется, можно было на сей разъ обойтись безъ пятой лошади... Онъ помолчалъ, тряхнулъ затылкомъ, стегнулъ ее въ затяжку разъ десятокъ кнутомъ черезъ худую спину подъ раздутый животъ—и не безъ усмѣшки промолвилъ: „Вѣдь вишь, въ самомъ дѣлѣ, приплелась! На кой чортъ?"

И я вотъ также приплелся... Да, благо, станція не далеко.

Лишній... Я обѣщался доказать справедливость моего мнѣнія и исполню свое обѣщаніе. Не считаю нужнымъ

упоминать о тысячѣ мелочей, ежедневныхъ происшествій и случаевъ, которые, впрочемъ, въ глазахъ всякаго мыслящаго человѣка могли бы послужить неопровержимыми доказательствами въ мою пользу, то-есть въ пользу моего воззрѣнія; лучше начну прямо съ одного довольно важнаго случая, послѣ котораго, вѣроятно, уже не останется никакого сомнѣнія насчетъ точности слова: лишній. Повторяю: я не намѣренъ вдаваться въ подробности, но не могу пройти молчаніемъ одно довольно любопытное и замѣчательное обстоятельство, а именно: странное обращеніе со мной моихъ пріятелей (у меня тоже были пріятели) всякій разъ, когда я имъ попадался навстрѣчу или даже къ нимъ заходилъ. Имъ становилось словно неловко; они, идя мнѣ навстрѣчу, какъ-то не совсѣмъ естественно улыбались, глядѣли мнѣ не въ глаза, не на ноги, какъ иные это дѣлаютъ, а больше въ щеки, торопливо произносили: „а! здравствуй Чулкатуринъ!“ (меня судьба одолжила такимъ прозваніемъ) или: „а, вотъ и Чулкатуринъ“, тотчасъ отходили въ сторону и даже нѣкоторое время оставались потомъ неподвижными, словно силились что-то припомнить. Я все это замѣчалъ, потому что не лишенъ проницательности и дара наблюденія; я вообще не глупъ; мнѣ даже иногда въ голову приходятъ мысли довольно забавныя, не совсѣмъ обыкновенныя; но такъ какъ я человѣкъ лишній и съ замочкомъ внутри, то мнѣ жутко высказать свою мысль, тѣмъ болѣе, что я напередъ знаю, что я ее прескверно выскажу. Мнѣ даже иногда страннымъ кажется, какъ это люди говорятъ, и такъ просто, свободно... Экая прыть, подумаешь. То-есть, признаться сказать, и у меня, несмотря на мой замочекъ, частенько чесался языкъ; но дѣйствительно произносилъ слова я только въ молодости, а въ болѣе зрѣлыя лѣта почти всякій разъ мнѣ удавалось переломить себя. Скажу, бывало, вполголоса: „а вотъ, мы лучше немножко помолчимъ“, и успокоюсь. На молчаніе-то мы всѣ горазды; особенно наши женщины этимъ взяли: иная возвышенная русская дѣвица такъ могущественно молчитъ, что даже въ подготовленномъ человѣкѣ подобное зрѣлище способно

произвести легкую дрожь и холодный потъ. Но дѣло не въ томъ, и не мнѣ критиковать другихъ. Приступаю къ обѣщанному разсказу.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, благодаря стеченію весьма ничтожныхъ, но для меня очень важныхъ обстоятельствъ, пришлось мнѣ провести мѣсяцевъ шесть въ уѣздномъ городѣ О... Городъ этотъ весь выстроенъ на косогорѣ, и очень неудобно выстроенъ. Жителей въ немъ считается около восьмисотъ, бѣдности необыкновенной, домишки совершенно ни на что не похожи, на главной улицѣ, подъ предлогомъ мостовой, изрѣдка бѣлѣютъ грозныя плиты неотесаннаго известняка, вслѣдствіе чего ее объѣзжаютъ даже телѣги; по самой серединѣ изумительно неопрятной площади возвышается крошечное желтоватое строеніе съ темными дырами, а въ дырахъ сидятъ люди въ большихъ картузахъ и притворяются, будто торгуютъ; тутъ же торчитъ необыкновенно высокій пестрый шестъ, а возлѣ шеста, для порядка, по приказу начальства, держится возъ желтаго сѣна и ходитъ одна казенная курица. Словомъ, въ городѣ О... житье хоть куда. Въ первые дни моего пребыванія въ этомъ городѣ я чуть съ ума не сошелъ отъ скуки. Я долженъ сказать о себѣ, что я хотя, конечно, и лишній человѣкъ, но не по собственной охотѣ; я самъ боленъ, а все больное терпѣть не могу... Я и отъ счастья бы не прочь, я даже старался подойти къ нему справа и слѣва... И потому не удивительно, что и я могу скучать, какъ всякій другой смертный. Я находился въ городѣ О... по служебнымъ дѣламъ...

Терентьевна рѣшительно поклялась уморить меня. Вотъ образчикъ нашего разговора:

Терентьевна.—О-охъ, батюшка! что вы это все пишете? вамъ нездорово писать-то.

Я.—Да скучно, Терентьевна.

Она.—А вы напейтесь чайку да лягте. Богъ дастъ, вспотѣете, соснете маненько.

Я.—Да я не хочу спать.

Она.—Ахъ, батюшка! что̀ вы это? Господь съ вами! Лягте-ка, лягте: оно лучше.

Я.—Я и безъ того умру, Терентьевна!

Она.—Сохрани Господь и помилуй... Что жъ, прикажете чайку?

Я.—Я недѣли не проживу, Терентьевна!

Она.—И-и, батюшка! что̀ вы это?.. Такъ я пойду, самоварчикъ поставлю.

О, дряхлое, желтое, беззубое существо! Неужели и для тебя я не человѣкъ!

24 марта.—Трескучій морозъ.

Въ самый день моего прибытія въ городъ О... вышеупомянутыя служебныя дѣла заставили меня сходить къ нѣкоему Ожогину, Кирилѣ Матвѣевичу, одному изъ главныхъ чиновниковъ уѣзда; но познакомился я съ нимъ, или, какъ говорится, сблизился, спустя двѣ недѣли. Домъ его находился на главной улицѣ и отличался отъ всѣхъ другихъ величиной, крашеной крышей и двумя львами на воротахъ, изъ той породы львовъ, необыкновенно похожихъ на неудавшихся собакъ, родина которымъ Москва. По однимъ уже этимъ львамъ можно было заключить, что Ожогинъ — человѣкъ съ достаткомъ. И дѣйствительно: у него было душъ четыреста крестьянъ; онъ принималъ у себя все лучшее общество города О... и слылъ хлѣбосоломъ. Къ нему ѣздилъ и городничій, на широкихъ рыжихъ дрожкахъ парой, необыкновенно крупный, словно изъ залежалаго матеріала скроенный человѣкъ; ѣздили прочіе чиновники: стряпчій, желтенькое и злобненькое существо; острякъ землемѣръ—нѣмецкаго происхожденія, съ татарскимъ лицомъ; офицеръ путей сообщенія — нѣжная душа, пѣвецъ, но сплетникъ; бывшій уѣздный предводитель — господинъ съ крашеными волосами, взбитой манишкой, панталонами въ обтяжку и тѣмъ благороднѣйшимъ выраженіемъ лица, которое такъ свойственно людямъ, побывавшимъ подъ судомъ; ѣздили также два помѣщика, друзья неразлучные, оба уже немолодые и даже потертые, изъ которыхъ младшій постоянно уничтожалъ старшаго и зажималъ ему ротъ однимъ и тѣмъ же упрекомъ: „Да полноте, Сергѣй Сергѣичъ! куда вамъ? Вѣдь вы слово: пробка—пишите съ буки... Да, господа, продол-

жалъ онъ со всѣмъ жаромъ убѣжденія, обращаясь къ присутствующимъ:—Сергѣй Сергѣичъ пишетъ не пробка, а бробка". И всѣ присутствующіе смѣялись, хотя, вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не отличался особеннымъ искусствомъ въ правописаніи; а несчастный Сергѣй Сергѣичъ умолкалъ и съ замирающей улыбкой преклонялъ голову. Но я забываю, что мое время разсчитано и вдаюсь въ слишкомъ подробныя описанія. Итакъ, безъ дальнихъ околичностей: Ожогинъ былъ женатъ, у него была дочь, Елизавета Кирилловна, и я въ эту дочь влюбился.

Самъ Ожогинъ былъ человѣкъ дюжинный, не дурной и не хорошій; жена его сбивалась на застарѣлаго цыпленка; но дочь ихъ вышла не въ своихъ родителей. Она была очень недурна собой, живого и кроткаго нрава. Ея сѣрые, свѣтлые глаза глядѣли добродушно и прямо изъ-подъ ребячески приподнятыхъ бровей; она почти постоянно улыбалась, и смѣялась тоже довольно часто. Свѣжій голосъ ея звучалъ очень пріятно; двигалась она вольно, быстро—и весело краснѣла. Одѣвалась она не слишкомъ изящно; къ ней шли одни простыя платья. Я вообще не скоро знакомился, и если мнѣ съ кѣмъ-нибудь было съ перваго раза легко — что̀, впрочемъ, почти, никогда не случалось — это, признаюсь, сильно говорило въ пользу новаго знакомства. Съ женщинами же я вовсе не умѣлъ обращаться и въ присутствіи ихъ либо хмурился и принималъ свирѣпый видъ, либо глупѣйшимъ образомъ скалилъ зубы и отъ замѣшательства вертѣлъ языкомъ во рту. Съ Елизаветой Кирилловной, напротивъ, я съ перваго же раза почувствовалъ себя дома. Вотъ какимъ образомъ это случилось. Прихожу я однажды передъ обѣдомъ къ Ожогину, спрашиваю: „дома?" говорятъ: „дома, одѣваются; пожалуйте въ залу". Я въ залу; смотрю, у окна стоитъ, ко мнѣ спиной, дѣвица въ бѣломъ платьѣ и держитъ въ рукахъ клѣтку. Меня, по обыкновенію, слегка покоробило; однако, я ничего, только кашлянулъ для приличія. Дѣвица быстро обернулась, такъ быстро, что локоны ея ударили ей въ лицо, увидѣла меня, поклонилась и съ улыбкой показала мнѣ ящичекъ, до поло-

вины наполненный зернами. — „Вы позволите?“ Я, разумѣется, какъ водится въ такихъ случаяхъ, сперва наклонилъ голову и въ то же время быстро согнулъ и выпрямилъ колѣни (словно кто ударилъ меня сзади въ поджилки, что, какъ извѣстно, служитъ признакомъ отличнаго воспитанія и пріятной развязности въ обхожденіи), а потомъ улыбнулся, поднялъ руку и раза два осторожно и мягко провелъ ею по воздуху. Дѣвица тотчасъ отвернулась отъ меня, вынула изъ клѣтки дощечку, начала сильно скрести по ней ножомъ и вдругъ, не перемѣняя положенія, произнесла слѣдующія слова: „Это папенькинъ снѣгирь... Вы любите снѣгирей?“ — „Я предпочитаю чижей“, отвѣчалъ я не безъ нѣкотораго усилія.— „А я тоже люблю чижей; но посмотрите на него, какой онъ хорошенькій. Посмотрите, онъ не боится“. (Меня удивляло то, что я не боялся.)—„Подойдите. Его зовутъ Попка“. Я подошелъ, нагнулся. „Не правда ли, какой онъ милый?“ Она обернулась ко мнѣ лицомъ; но мы такъ близко стояли другъ къ другу, что ей пришлось немного откинуть голову, чтобы взглянуть на меня своими свѣтлыми глазками. Я посмотрѣлъ на нее: все ея молодое, розовое лицо такъ дружелюбно улыбалось, что и я улыбнулся и чуть не засмѣялся отъ удовольствія. Дверь отворилась: вошелъ господинъ Ожогинъ. Я тотчасъ подошелъ къ нему, заговорилъ съ нимъ очень непринужденно; самъ не знаю какъ остался обѣдать, высидѣлъ весь вечеръ; а на другой день лакей Ожогина, длинноватый и подслѣповатый человѣкъ, уже улыбался мнѣ, какъ другу дома, стаскивая съ меня шинель.

Найти пріютъ, свить себѣ хотя временное гнѣздо, знать отраду ежедневныхъ отношеній и привычекъ—этого счастія я, лишній, безъ семейныхъ воспоминаній, человѣкъ, до тѣхъ поръ не испыталъ. Если бъ во мнѣ хоть что-нибудь напоминало цвѣтокъ, и если бъ это сравненіе не было такъ избито, я бы рѣшился сказать, что я съ того дня расцѣлъ душою. Все во мнѣ и вокругъ меня такъ мгновенно перемѣнилось! Вся жизнь моя озарилась любовью, именно вся, до самыхъ мелочей, словно темная,

заброшенная комната, въ которую внесли свѣчку. Я ложился спать и вставалъ, одѣвался, завтракалъ, трубку курилъ—иначе, чѣмъ прежде; я даже на ходу подпрыгивалъ—право, словно крылья вдругъ выросли у меня за плечами. Я, помнится, ни минуты не находился въ неизвѣстности насчетъ чувства, внушеннаго мнѣ Елизаветой Кирилловной; и съ перваго дня влюбился въ нее страстно, и съ перваго же дня зналъ, что влюбился. Въ теченіе трехъ недѣль я каждый день ее видѣлъ. Эти три недѣли были счастливѣйшимъ временемъ въ моей жизни; но воспоминаніе о нихъ мнѣ тягостно. Я не могу думать о нихъ однихъ: мнѣ невольно представляется то, что послѣдовало за ними, и ядовитая горесть медлительно охватитъ только-что разнѣжившееся сердце.

Когда человѣку очень хорошо, мозгъ его, какъ извѣстно, весьма мало дѣйствуетъ. Спокойное и радостное чувство, чувство удовлетворенія, проникаетъ все его существо; онъ поглощенъ имъ; сознаніе личности въ немъ исчезаетъ — онъ блаженствуетъ, какъ говорятъ дурно воспитанные поэты. Но когда, наконецъ, минуетъ это „очарованіе“, человѣку иногда становится досадно и жаль, что онъ, посреди счастія, такъ мало наблюдалъ за самимъ собою, что онъ размышленіемъ, воспоминаніемъ не удвоивалъ, не продолжалъ своихъ наслажденій... какъ-будто „блаженствующему“ человѣку есть когда, да и стòитъ размышлять о своихъ чувствахъ! Счастливый человѣкъ— чтò муха на солнцѣ. Оттого-то и мнѣ, когда я вспоминаю объ этихъ трехъ недѣляхъ, почти невозможно удержать въ умѣ точное, опредѣленное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ теченіе всего этого времени ничего особенно замѣчательнаго не произошло между нами... Эти двадцать дней являются мнѣ чѣмъ-то теплымъ, молодымъ и пахучимъ, какой-то свѣтлой полосой въ моей тусклой и сѣренькой жизни. Память моя становится вдругъ неумолимо вѣрна и ясна только съ того мгновенія, когда на меня, говоря словами тѣхъ же дурно воспитанныхъ сочинителей, обрушились удары судьбы.

Да, эти три недѣли... Впрочемъ, онѣ не то, чтобъ не

оставили во мнѣ никакихъ образовъ. Иногда, когда мнѣ случается долго думать о томъ времени, иныя воспоминанія внезапно выплываютъ изъ мрака прошедшаго—вотъ, какъ звѣзды неожиданно выступаютъ на вечернемъ небѣ навстрѣчу внимательно устремленнымъ глазамъ. Особенно памятной осталась мнѣ одна прогулка въ рощѣ за городомъ. Насъ было четверо: старуха Ожогина, Лиза, я и нѣкто Бизьмёнковъ, мелкій чиновникъ города О... бѣлокуренькій, добренькій и смирненькій человѣкъ. Мнѣ еще о немъ придется поговорить. Самъ г. Ожогинъ остался дома: у него, отъ слишкомъ продолжительнаго сна, голова разболѣлась. День былъ чудесный, теплый и тихій. Должно замѣтить, что увеселительные сады и общественныя гулянья не въ духѣ русскаго человѣка. Въ губернскихъ городахъ, въ такъ-называемыхъ публичныхъ садахъ, вы ни въ какое время года не встрѣтите живой души; развѣ какая-нибудь старуха, кряхтя, присядетъ на пропеченную солнцемъ зеленую скамейку, въ сосѣдствѣ больного деревца, да и то, коли по близости нѣтъ засаленной лавочки у подворотни. Но если въ сосѣдствѣ города находится жиденькая березовая рощица, купцы, а иногда чиновники, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, охотно туда ѣздятъ съ самоварами, пирогами, арбузами, становятъ всю эту благодать на пыльную траву, возлѣ самой дороги, садятся кругомъ и кушаютъ, и чайничаютъ въ потѣ лица до самаго вечера. Именно такого рода рощица существовала тогда въ двухъ верстахъ отъ города О... Мы пріѣхали туда послѣ обѣда, напились, какъ слѣдуетъ, чаю и потомъ всѣ четверо отправились походить по рощѣ. Бизьмёнковъ взялъ подъ руку старуху Ожогину, я — Лизу. День уже склонялся къ вечеру. Я находился тогда въ самомъ разгарѣ первой любви (не болѣе двухъ недѣль прошло со времени нашего знакомства), въ томъ состояніи страстнаго и внимательнаго обожанія, когда вся ваша душа невинно и невольно слѣдитъ за каждымъ движеніемъ любимаго существа, когда вы не можете насытиться его присутствіемъ, наслушаться его голоса, когда вы улыбаетесь и смотрите выздоровѣвшимъ

ребенкомъ, и нѣсколько опытный человѣкъ на сто шаговъ съ перваго взгляда долженъ узнать, что съ вами происходитъ. Мнѣ до того дня еще ни разу не случалось держать Лизу подъ руку. Мы шли съ ней рядомъ, тихо выступая по зеленой травѣ. Легкій вѣтерокъ словно порхалъ вокругъ насъ, между бѣлыми стволами березъ, изрѣдка бросая мнѣ въ лицо ленту ея шляпки. Я неотступно слѣдилъ за ея взоромъ, пока она, наконецъ, весело не обращалась ко мнѣ, и мы оба улыбались другъ другу. Птицы одобрительно чирикали надъ нами, голубое небо ласково сквозило сквозь мелкую листву. Голова моя кружилась отъ избытка удовольствія. Спѣшу замѣтить: Лиза нисколько не была въ меня влюблена. Я ей нравился; она вообще никого не дичилась, но не мнѣ было суждено возмутить ея дѣтское спокойствіе. Она шла подъ руку со мной, какъ бы съ братомъ. Ей было тогда семнадцать лѣтъ... И, между тѣмъ, въ тотъ самый вечеръ, при мнѣ, началось въ ней то внутреннее, тихое броженіе, которое предшествуетъ превращенію ребенка въ женщину... Я былъ свидѣтелемъ этой перемѣны всего существа, этого невиннаго недоумѣнія, этой тревожной задумчивости; я первый подмѣтилъ эту внезапную мягкость взора, эту звенящую невѣрность голоса—и, о, глупецъ! о, лишній человѣкъ! въ теченіе цѣлой недѣли я не устыдился предполагать, что я, я былъ причиной этой перемѣны!

Вотъ какимъ образомъ это случилось.

Мы гуляли довольно долго, до самаго вечера, и мало разговаривали. Я молчалъ, какъ всѣ неопытные любовники, а ей, вѣроятно, нечего было мнѣ сказать; но она словно о чемъ-то размышляла и какъ-то особенно покачивала головой, задумчиво кусая сорванный листъ. Иногда она принималась идти впередъ, такъ рѣшительно... а потомъ вдругъ останавливалась, ждала меня и оглядывалась кругомъ съ приподнятыми бровями и разсѣянной усмѣшкой. Наканунѣ мы съ ней вмѣстѣ прочли „Кавказскаго Плѣнника“. Съ какой жадностью она меня слушала, опершись лицомъ на обѣ руки и прислонясь грудью

къ столу! Я-было заговорилъ о вчерашнемъ чтеніи; она покраснѣла, спросила меня, далъ ли я передъ отъѣздомъ снѣгирю коноплянаго сѣмени, громко запѣла какую-то пѣсенку и вдругъ замолчала. Роща съ одной стороны кончалась довольно высокимъ и крутымъ обрывомъ: внизу текла извилистая рѣчка, а за ней на необозримое пространство тянулись, то слегка вздымаясь, какъ волны, то широко разстилаясь скатертью, безконечные луга, кой-гдѣ перерѣзанные оврагами. Мы съ Лизой первые вышли на край рощи; Бизьмёнковъ остался позади, съ старухой. Мы вышли, остановились, и оба невольно прищурили глаза: прямо противъ насъ, среди раскаленнаго тумана, садилось багровое, огромное солнце. Полнеба разгоралось и рдѣло; красные лучи били вскользь по лугамъ, бросая алый отблескъ даже на тѣнистую сторону овраговъ, ложились огнистымъ свинцомъ по рѣчкѣ тамъ, гдѣ она не пряталась подъ нависшіе кусты, и словно упирались въ грудь обрыву и рощѣ. Мы стояли, облитые горячимъ сіяніемъ. Я не въ состояніи передать всю страстную торжественность этой картины. Говорятъ, одному слѣпому красный цвѣтъ представлялся трубнымъ звукомъ; не знаю, насколько это сравненіе справедливо, но, дѣйствительно, было что-то призывное въ этомъ пылающемъ золотѣ вечерняго воздуха, въ багряномъ блескѣ неба и земли. Я вскрикнулъ отъ восторга и тотчасъ обратился къ Лизѣ. Она глядѣла прямо на солнце. Помнится, пожаръ зари отражался маленькими огненными пятнышками въ ея глазахъ. Она была поражена, глубоко тронута. Она ничего не отвѣчала на мое восклицаніе, долго не шевелилась, потупила голову... Я протянулъ къ ней руку; она отвернулась отъ меня и вдругъ залилась слезами. Я глядѣлъ на нее съ тайнымъ, почти радостнымъ недоумѣніемъ... Голосъ Бизьмёнкова раздался въ двухъ шагахъ отъ насъ. Лиза быстро отерла слезы и съ нерѣшительной улыбкой посмотрѣла на меня. Старуха вышла изъ рощи, опираясь на руку своего бѣлокураго вожатая; оба, въ свою очередь, полюбовались видомъ. Старуха спросила что-то у Лизы, и я, помню, невольно вздрогнулъ, когда

ей въ отвѣтъ прозвучалъ, какъ надтреснувшее стекло, разбитый голосокъ ея дочери. Между тѣмъ, солнце закатилось, заря начала гаснуть. Мы пошли назадъ. Я опять взялъ Лизу подъ руку. Въ рощѣ было еще свѣтло, и я могъ ясно различить ея черты. Она была смущена и не поднимала глазъ. Румянецъ, разлитый по всему ея лицу, не исчезалъ: словно она все еще стояла въ лучахъ заходящаго солнца... Рука ея чуть касалась моей. Я долго не могъ начать рѣчи: такъ сильно билось во мнѣ сердце. Сквозь деревья вдали замелькала карета; кучеръ шагомъ ѣхалъ къ намъ навстрѣчу по рыхлому песку дороги.

— Лизавета Кирилловна,— промолвилъ я, наконецъ:— отчего вы плакали?

— Не знаю,—возразила она послѣ небольшого молчанія, посмотрѣла на меня своими кроткими, еще влажными отъ слезъ глазами—взглядъ ихъ показался мнѣ измѣненнымъ—и опять умолкла.

— Вы, я вижу, любите природу...—продолжалъ я.—Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать, да и эту послѣднюю фразу языкъ мой едва пролепеталъ до конца. Она покачала головой. Я болѣе не могъ произнести слова... я ждалъ чего-то... не признанья—гдѣ! я ждалъ довѣрчиваго взгляда, вопроса... Но Лиза глядѣла на землю и молчала. Я повторилъ еще разъ вполголоса: „отчего?“ и не получилъ отвѣта. Ей, я это видѣлъ, становилось неловко, почти стыдно.

Спустя четверть часа, мы уже сидѣли въ каретѣ и подъѣзжали къ городу. Дружной рысью бѣжали лошади; мы быстро мчались сквозь темнѣющій, влажный воздухъ. Я вдругъ разговорился, безпрестанно обращался то къ Бизьмёнкову, то къ Ожогиной, не глядѣлъ на Лизу, но могъ замѣтить, что изъ угла кареты взоръ ея не разъ останавливался на мнѣ. Дома она встрепенулась, однако не захотѣла читать со мной и скоро отправилась спать. Переломъ, тотъ переломъ, о которомъ я говорилъ, въ ней совершился. Она перестала быть дѣвочкой, она тоже начала ждать... какъ я... чего-то. Она не долго ждала.

Но я въ ту же ночь вернулся къ себѣ на квартиру

въ совершенномъ очарованіи. Смутное — не то предчувствіе, не то подозрѣніе, которое возникло-было во мнѣ, исчезло: внезапную принужденность въ обхожденіи Лизы со мною я приписывалъ дѣвической стыдливости, робости... Развѣ я не читалъ тысячу разъ во многихъ сочиненіяхъ, что первое появленіе любви всегда волнуетъ и пугаетъ дѣвицу? Я чувствовалъ себя весьма счастливымъ и уже строилъ въ умѣ различные планы...

Если бъ кто-нибудь сказалъ мнѣ тогда на ухо: „врешь, любезный! тебѣ совсѣмъ не то предстоитъ, братецъ: тебѣ предстоитъ умереть одиноко, въ дрянномъ домишкѣ, подъ несносное ворчанье старой бабы, которая ждетъ не дождется твоей смерти, чтобы продать за безцѣнокъ твои сапоги“...

Да, поневолѣ скажешь съ однимъ русскимъ философомъ: „какъ знать, чего не знаешь?“—До завтра.

25 марта. Бѣлый зимній день.

Я перечелъ то, что вчера написалъ, и чуть-чуть не изорвалъ всей тетради. Мнѣ кажется, я слишкомъ пространно и слишкомъ сладко разсказываю. Впрочемъ, такъ какъ остальныя мои воспоминанія о томъ времени не представляютъ ничего отраднаго, кромѣ той отрады особеннаго рода, которую Лермонтовъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ, что весело и больно тревожить язвы старыхъ ранъ, то почему же и не побаловать себя? Но надобно и честь знать. И потому продолжаю безъ всякой сладости.

Въ теченіе цѣлой недѣли, послѣ прогулки за городомъ, положеніе мое, въ сущности, нисколько не улучшилось, хотя перемѣна въ Лизѣ становилась замѣтнѣе съ каждымъ днемъ. Я, какъ уже сказано, толковалъ эту перемѣну въ самую для меня выгодную сторону... Несчастіе людей одинокихъ и робкихъ — отъ самолюбія робкихъ — состоитъ именно въ томъ, что они, имѣя глаза и даже растаращивъ ихъ, ничего не видятъ, или видятъ все въ ложномъ свѣтѣ, словно сквозь окрашенныя очки. Ихъ же собственныя мысли и наблюденія мѣшаютъ имъ на каждомъ шагу. Въ началѣ нашего знакомства, Лиза обращалась со мной довѣрчиво и вольно, какъ ребенокъ; мо-

жетъ-быть, даже, въ ея расположеніи ко мнѣ было нѣчто болѣе простой, дѣтской привязанности... Но когда совершился въ ней тотъ странный, почти внезапный переломъ, она, послѣ небольшого недоумѣнія, почувствовала себя стѣсненной въ моемъ присутствіи, она невольно отворачивалась отъ меня, и въ то же время грустила и задумывалась... Она ждала... чего? сама не знала... а я... я, какъ уже сказано, радовался этой перемѣнѣ... Я, ей-Богу, чуть-чуть не замиралъ, какъ говорится, отъ восторга. Впрочемъ, я готовъ согласиться, что и другой на моемъ мѣстѣ могъ бы обмануться... У кого нѣтъ самолюбія? Нечего и говорить, что это все мнѣ стало яснымъ только въ послѣдствіи времени, когда мнѣ пришлось опустить свои ошибленныя, и безъ того не сильныя, крылья.

Недоразумѣніе, возникшее между мной и Лизой, продолжалось цѣлую недѣлю,—и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: мнѣ случалось быть свидѣтелемъ недоразумѣній, продолжавшихся годы за годами. Да и кто сказалъ, что одна истина дѣйствительна? Ложь такъ же живуча, какъ и истина, если не болѣе. Точно, помнится, во мнѣ даже въ теченіе этой недѣли изрѣдка шевелился червь... но нашъ братъ, одинокій человѣкъ, опять-таки скажу, такъ же не способенъ понять то, что̀ въ немъ происходитъ, какъ и то, что̀ совершается передъ его глазами. Да и притомъ: развѣ любовь — естественное чувство? Развѣ человѣку свойственно любить? любовь—болѣзнь; а для болѣзни законъ не писанъ. Положимъ, у меня сердце иногда непріятно сжималось; да вѣдь все во мнѣ было перевернуто кверху дномъ. Какъ тутъ прикажете узнать, что̀ ладно, что̀ неладно, какая причина, какое значеніе каждаго отдѣльнаго ощущенія?

Но, какъ бы то ни было, всѣ эти недоразумѣнія, предчувствія и надежды разрѣшились слѣдующимъ образомъ.

Однажды—дѣло было утромъ, часу въ двѣнадцатомъ—не успѣлъ я войти въ переднюю г. Ожогина, какъ незнакомый, звонкій голосъ раздался въ залѣ, дверь распахнулась, и, въ сопровожденіи хозяина, показался на порогѣ стройный и высокій мужчина лѣтъ двадцати-пяти,

быстро накинулъ на себя военную шинель, лежавшую на прилавкѣ, ласково простился съ Кирилломъ Матвѣичемъ, проходя мимо меня, небрежно коснулся своей фуражки— и исчезъ звеня шпорами.

— Кто это?—спросилъ я Ожогина.

— Князь Н*, — отвѣчалъ мнѣ тотъ, съ озабоченнымъ лицомъ:—изъ Петербурга присланъ, рекрутовъ принимать. Да гдѣ жъ это люди?—продолжалъ онъ съ досадой:—шинели ему никто не подалъ.

Мы вошли въ залу.

— Давно онъ пріѣхалъ?—спросилъ я.

— Говорятъ, вчера вечеромъ. Я ему предложилъ комнату у себя, да онъ отказался. Впрочемъ, онъ, кажется, очень милый малый.

— Долго онъ у васъ пробылъ?

— Съ часъ. Онъ просилъ меня представить его Олимпіадѣ Никитичнѣ.

— И вы представили его?

— Какъ же.

— А съ Лизаветой Кирилловной онъ...

— Онъ и съ ней познакомился—какъ же.

Я помолчалъ.

— Надолго онъ сюда пріѣхалъ, вы не знаете?

— Да, я думаю, ему здѣсь недѣли двѣ придется пробыть слишкомъ.

И Кирила Матвѣичъ побѣжалъ одѣваться.

Я прошелся нѣсколько разъ по залѣ. Не помню, чтобы пріѣздъ князя Н* произвелъ во мнѣ тогда же какое-нибудь особенное впечатлѣніе, кромѣ того непріязненнаго чувства, которое обыкновенно овладѣваетъ нами при появленіи новаго лица въ нашемъ домашнемъ кружку. Можетъ-быть, къ этому чувству примѣшивалось еще нѣчто въ родѣ зависти робкаго и темнаго москвича къ блестящему петербургскому офицеру. „Князь — думалъ я — столичная штучка: на насъ свысока смотрѣть будетъ“... Не болѣе минуты видѣлъ я его, но успѣлъ замѣтить, что онъ былъ хорошъ собой, ловокъ и развязенъ. Походивъ нѣкоторое время по залѣ, я наконецъ остановился передъ

зеркаломъ, досталъ изъ кармана гребешокъ, придалъ моимъ волосамъ живописную небрежность и, какъ это иногда случается, внезапно углубился въ созерцаніе моего собственнаго лица. Помнится, мое вниманіе было заботливо сосредоточено на моемъ носѣ; мягковатыя и неопредѣленныя очертанія этого члена не доставляли мнѣ особеннаго удовольствія—какъ вдругъ, въ темной глубинѣ наклоненнаго стекла, отражавшаго почти всю комнату, отворилась дверь, и показалась стройная фигура Лизы. Не знаю, почему я не шевельнулся и удержалъ на лицѣ прежнее выраженіе. Лиза протянула голову, внимательно посмотрѣла на меня и, поднявъ брови, закусивъ губы и притаивъ дыханіе, какъ человѣкъ, который радъ, что его не замѣтили, осторожно подалась назадъ и тихонько потянула за собою дверь. Дверь слабо скрипнула, Лиза вздрогнула и замерла на мѣстѣ... Я все не шевелился... Она потянула за ручку опять и скрылась. Не было возможности сомнѣваться: выраженіе Лизина лица, при видѣ моей особы, это выраженіе, въ которомъ не замѣчалось ничего, кромѣ желанія благополучно убраться назадъ, избѣгнуть непріятнаго свиданія, быстрый отблескъ удовольствія, который я успѣлъ уловить въ ея глазахъ, когда ей показалось, что ей точно удалось ускользнуть незамѣченной, — все это говорило слишкомъ ясно: эта дѣвушка меня не любитъ. Я долго, долго не могъ отвести взора отъ неподвижной, нѣмой двери, снова бѣлымъ пятномъ появившейся въ глубинѣ зеркала; хотѣлъ-было улыбнуться своей собственной вытянутой фигурѣ—опустилъ голову, вернулся домой и бросился на диванъ. Мнѣ было необыкновенно тяжело, такъ тяжело, что я не могъ плакать... да и о чемъ было плакать?.. „Неужели?—твердилъ я безпрестанно, лежа, какъ убитый, на спинѣ, и сложивъ руки на груди—неужели?..“ Какъ вамъ нравится это „неужели“?

26 марта. Оттепель.

Когда я, на другой день, послѣ долгихъ колебаній и внутренно замирая, вошелъ въ знакомую гостиную Ожогиныхъ, я уже былъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ они меня знали въ теченіе трехъ недѣль. Всѣ мои прежнія

замашки, отъ которыхъ я-было началъ отвыкать подъ вліяніемъ новаго для меня чувства, внезапно появились опять и завладѣли мною, какъ хозяева, вернувшіеся въ свой домъ. Люди, подобные мнѣ, вообще руководствуются не столько положительными фактами, сколько собственными впечатлѣніями: я, не далѣе, какъ вчера, мечтавшій о „восторгахъ взаимной любви", сегодня уже нимало не сомнѣвался въ своемъ „несчастіи" и совершенно отчаивался, хотя я самъ не былъ въ состояніи сыскать какой-нибудь разумный предлогъ своему отчаянію. Не могъ же я ревновать къ князю Н*, и какія бы за нимъ ни водились достоинства, одного его появленія не было достаточно, чтобы разомъ искоренить то расположеніе Лизы ко мнѣ... Да полно, существовало ли это расположеніе? Я припоминалъ прошедшее. „А прогулка въ лѣсу?" спрашивалъ я самого себя. „А выраженіе ея лица въ зеркалѣ?"—„Но—продолжалъ я—прогулка въ лѣсу, кажется... Фу, ты, Боже мой! что я за ничтожное существо!" восклицалъ я вслухъ, наконецъ. Вотъ какого рода недосказанныя, недодуманныя мысли, тысячу разъ возвращаясь, однообразнымъ вихремъ кружились въ головѣ моей. Повторяю, я вернулся къ Ожогинымъ тѣмъ же мнительнымъ, подозрительнымъ, натянутымъ человѣкомъ, какимъ я былъ съ дѣтства...

Я засталъ все семейство въ гостиной; Бизьмёнковъ тутъ же сидѣлъ, въ уголку. Всѣ казались въ духѣ: особенно Ожогинъ такъ и сіялъ, и съ перваго же слова сообщилъ мнѣ, что князь Н* пробылъ у нихъ вчера цѣлый вечеръ. Лиза спокойно привѣтствовала меня. „Ну—сказалъ я самъ себѣ—теперь я понимаю, отчего вы въ духѣ". Признаюсь, вторичное посѣщеніе князя меня озадачило. Я этого не ожидалъ. Вообще, нашъ братъ ожидаетъ всего на свѣтѣ, кромѣ того, что въ естественномъ порядкѣ вещей должно случиться. Я надулся и принялъ видъ оскорбленнаго, но великодушнаго человѣка; хотѣлъ наказать Лизу своею немилостью, изъ чего, впрочемъ, должно заключить, что я, все-таки, еще не совершенно отчаивался. Говорятъ, въ иныхъ случаяхъ, когда васъ дѣйствительно любятъ, даже

полезно помучить обожаемое существо; но въ моемъ положеніи это было невыразимо глупо: Лиза самымъ невиннымъ образомъ не обратила на меня вниманія. Одна старуха Ожогина замѣтила мою торжественную молчаливость и заботливо освѣдомилась о моемъ здоровьѣ. Я, разумѣется, съ горькою улыбкой отвѣчалъ ей, что я, слава Богу, совершенно здоровъ. Ожогинъ продолжалъ распространяться насчетъ своего гостя; но, замѣтивъ, что я неохотно отвѣчалъ ему, онъ обращался болѣе къ Бизьмёнкову, который слушалъ его съ большимъ вниманіемъ, какъ вдругъ вошелъ человѣкъ и доложилъ о князѣ Н*. Хозяинъ вскочилъ и побѣжалъ ему навстрѣчу; Лиза, на которую я тотчасъ устремилъ орлиный взоръ, покраснѣла отъ удовольствія и зашевелилась на стулѣ. Князь вошелъ, раздушенный, веселый, ласковый...

Такъ какъ я не сочиняю повѣсти для благосклоннаго читателя, а просто пишу для собственнаго удовольствія, то мнѣ, стало-быть, не для чего прибѣгать къ обычнымъ уловкамъ господъ литераторовъ. Скажу сейчасъ же, безъ дальняго отлагательства, что Лиза съ перваго же дня страстно влюбилась въ князя, и князь ее полюбилъ—отчасти отъ нечего дѣлать, отчасти отъ привычки кружить женщинамъ голову, но также оттого, что Лиза, точно, была очень милое существо. Въ томъ, что они полюбили другъ друга, не было ничего удивительнаго. Онъ, вѣроятно, никакъ не ожидалъ найти подобную жемчужину въ такой скверной раковинѣ (я говорю о богомерзкомъ городѣ О...), а она до тѣхъ поръ и во снѣ не видала ничего, хотя нѣсколько похожаго на этого блестящаго, умнаго, плѣнительнаго аристократа.

Послѣ первыхъ привѣтствій, Ожогинъ представилъ меня князю, который обошелся со мной очень вѣжливо. Онъ вообще былъ очень вѣжливъ со всѣми и, несмотря на несоразмѣрное разстояніе, находящееся между нимъ и нашимъ темнымъ уѣзднымъ кружкомъ, умѣлъ не только никого не стѣснять, но даже показать видъ, какъ будто онъ былъ намъ равный и только случайнымъ образомъ жилъ въ С.-Петербургѣ.

Этотъ первый вечеръ... О, этотъ первый вечеръ! Въ счастливые дни нашего дѣтства учители разсказывали намъ и поставляли въ примѣръ черту мужественнаго терпѣнія того молодого лакедемонца, который, укравъ лисицу и спрятавъ ее подъ свою хламиду, ни разу не пикнувъ, позволилъ ей съѣсть всѣ свои потроха и такимъ образомъ предпочелъ самую смерть позору... Я не могу найти лучшаго сравненія для выраженія моихъ несказанныхъ страданій въ теченіе того вечера, когда я въ первый разъ увидѣлъ князя подлѣ Лизы. Моя постоянно напряженная улыбка, мучительная наблюдательность, мое глупое молчаніе, тоскливое и напрасное желаніе уйти, все это, вѣроятно, было весьма замѣчательно въ своемъ родѣ. Не одна лисица рылась въ моихъ внутренностяхъ: ревность, зависть, чувство своего ничтожества, безсильная злость меня терзали. Я не могъ не сознаться, что князь былъ дѣйствительно весьма любезный молодой человѣкъ... Я пожиралъ его глазами; я, право, кажется, забывалъ мигать, глядя на него. Онъ разговаривалъ не съ одной Лизой, но, конечно, говорилъ только для нея одной. Я, должно-быть, сильно надоѣдалъ ему... Онъ, вѣроятно, скоро догадался, что имѣлъ дѣло съ устраненнымъ любовникомъ, но, изъ сожалѣнія ко мнѣ, а также изъ глубокаго сознанія моей совершенной безопасности, обращался со мной необыкновенно мягко. Можете себѣ представить, какъ это меня оскорбляло! Въ теченіе вечера, я, помнится, попытался загладить свою вину; я (не смѣйтесь надо мной, кто бы вы ни были, кому попадутся эти строки на глаза, тѣмъ болѣе, что это было моей послѣдней мечтой)... я, ей-Богу, посреди моихъ разнообразныхъ терзаній, вдругъ вообразилъ, что Лиза хочетъ наказать меня за мою надменную холодность въ началѣ моего посѣщенія, что она сердится на меня, и только съ досады кокетничаетъ съ княземъ. Я улучилъ время и, съ смиренной, но ласковой улыбкой подойдя къ ней, пробормоталъ: „довольно, простите меня... впрочемъ, я это не оттого, чтобы я боялся“—и, вдругъ, не дожидаясь ея отвѣта, придалъ лицу своему необыкновенно живое и

развязное выраженіе, криво усмѣхнулся, протянулъ руку надъ головой въ направленіи потолка (я, помнится, желалъ поправить шейный платокъ) и даже собирался повернуться на одной ножкѣ, какъ бы желая сказать: „все кончено, я въ духѣ, будемте всѣ въ духѣ“, однако не повернулся, боясь упасть, по причинѣ какой-то неестественной окоченѣлости въ колѣняхъ... Лиза рѣшительно не поняла меня, съ удивленіемъ посмотрѣла мнѣ въ лицо, торопливо улыбнулась, какъ бы желая поскорѣе отдѣлаться, и снова подошла къ князю. Какъ я ни былъ слѣпъ и глухъ, но не могъ внутренно не сознаться, что она вовсе не сердилась и не досадовала на меня въ эту минуту: она, просто, и не думала обо мнѣ. Ударъ былъ рѣшительный: послѣднія мои надежды съ трескомъ рухнули, какъ ледяная глыба, прохваченная весеннимъ солнцемъ, внезапно разсыпается на мелкіе куски. Я былъ разбитъ на-голову съ перваго же натиска, и, какъ пруссаки подъ Іеной, въ одинъ день, разомъ все потерялъ. Нѣтъ, она не сердилась на меня!..

Увы, напротивъ! Ее самоё—я это видѣлъ—подмывало, какъ волной. Словно молодое деревцо, уже до половины отставшее отъ берега, она съ жадностью наклонялась надъ потокомъ, готовая отдать ему навсегда и первый расцвѣтъ своей весны, и всю жизнь свою. Кому довелось быть свидѣтелемъ подобнаго увлеченія, тотъ пережилъ горькія минуты, если онъ самъ любилъ и не былъ любимымъ. Я вѣчно буду помнить это пожирающее вниманіе, эту нѣжную веселость, это невинное самозабвеніе, этотъ взглядъ, еще дѣтскій и уже женскій, эту счастливую, словно расцвѣтающую улыбку, не покидавшую полураскрытыхъ губъ и зардѣвшихся щекъ... Все, что̀ Лиза смутно предчувствовала во время нашей прогулки въ рощѣ, сбылось теперь — и она, отдаваясь вся любви, въ то же время вся утихала и свѣтлѣла, какъ молодое вино, которое перестаетъ бродить, потому что его время настало...

Я имѣлъ терпѣніе высидѣть этотъ первый вечеръ и послѣдующіе вечера... всѣ до конца! Я ни на что не

могъ надѣяться. Лиза и князь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе привязывались другъ къ другу... Но я рѣшительно потерялъ чувство собственнаго достоинства и не могъ оторваться отъ зрѣлища своего несчастія. Помнится, однажды я попытался-было не пойти, съ утра далъ себѣ честное слово остаться дома—и въ восемь часовъ вечера (я обыкновенно выходилъ въ семь), какъ сумасшедшій, вскочилъ, надѣлъ шапку и, задыхаясь, прибѣжалъ въ гостиную Кирилла Матвѣича. Положеніе мое было необыкновенно нелѣпо: я упорно молчалъ, иногда по цѣлымъ днямъ не произносилъ звука. Я, какъ уже сказано, никогда не отличался краснорѣчіемъ; но теперь все, что было во мнѣ ума, словно улетучивалось въ присутствіи князя, и я оставался голъ, какъ соколъ. Притомъ, я наединѣ до того заставлялъ работать мой несчастный мозгъ, медленно передумывая все замѣченное или подмѣченное мною въ теченіе вчерашняго дня, что, когда я возвращался къ Ожогинымъ, у меня едва доставало силы опять наблюдать. Меня щадили, какъ больного; я это видѣлъ. Я каждое утро принималъ новое, окончательное рѣшеніе, бо̀льшею частью мучительно высиженное въ теченіе безсонной ночи: я то̀ собирался объясниться съ Лизой, дать ей дружескій совѣтъ... но когда мнѣ случалось быть съ ней наединѣ, языкъ мой вдругъ переставалъ дѣйствовать, словно застывалъ, и мы оба съ тоской ожидали прибытія третьяго лица; то̀ хотѣлъ бѣжать, разумѣется, навсегда, оставивъ моему предмету письмо, исполненное упрековъ, и уже однажды началъ-было это письмо, но чувство справедливости во мнѣ еще не совсѣмъ исчезло: я понялъ, что не въ правѣ никого ни въ чемъ упрекать, и бросилъ въ огонь свою цидулу; то̀ я вдругъ великодушно приносилъ всего себя въ жертву, благословлялъ Лизу на счастливую любовь и изъ угла кротко и дружелюбно улыбался князю—но жестокосердые любовники не только не благодарили меня за мою жертву, даже не замѣчали ея, и, повидимому, не нуждались ни въ моихъ благословеніяхъ, ни въ моихъ улыбкахъ... Тогда я, съ досады, внезапно переходилъ въ совершенно проти-

воположное настроеніе духа. Я давалъ себѣ слово, закутавшись плащемъ наподобіе испанца, изъ-за угла зарѣзать счастливаго соперника, и съ звѣрской радостью воображалъ себѣ отчаяніе Лизы... Но, во-первыхъ, въ городѣ О... подобныхъ угловъ было очень немного, а во-вторыхъ—бревенчатый заборъ, фонарь, будочникъ въ отдаленіи... нѣтъ! у такого угла какъ-то приличнѣе торговать бубликами, чѣмъ проливать кровь человѣческую. Я долженъ признаться, что между прочими средствами къ избавленію, какъ я весьма неопредѣленно выражался, бесѣдуя съ самимъ собою, — я вздумалъ-было обратиться къ самому Ожогину... направить вниманіе этого дворянина на опасное положеніе его дочери, на печальныя послѣдствія ея легкомыслія... Я даже однажды заговорилъ съ нимъ объ одномъ щекотливомъ предметѣ, но такъ хитро и туманно повелъ рѣчь, что онъ слушалъ, слушалъ меня— и вдругъ, словно съ-просонья, сильно и быстро потеръ ладонью по всему лицу, не щадя носа, фыркнулъ и отошелъ отъ меня въ сторону. Нечего и говорить, что я, принявъ это рѣшеніе, увѣрялъ себя, что дѣйствую изъ самыхъ безкорыстныхъ видовъ, желаю общаго блага, исполняю долгъ друга дома... Но смѣю думать, что, если бъ даже Кирила Матвѣичъ не пресѣкъ моихъ изліяній, у меня все-таки недоставало бы храбрости докончить свой монологъ. Я иногда принимался съ важностью древняго мудреца взвѣшивать достоинства князя; иногда утѣшалъ себя надеждою, что это только такъ, что Лиза опомнится, что ея любовь—не настоящая любовь... о, нѣтъ! Словомъ, я не знаю мысли, надъ которой не повозился бы я тогда. Одно только средство, признаюсь откровенно, никогда мнѣ не приходило въ голову, а именно: я ни разу не подумалъ лишить себя жизни. Отчего это мнѣ не пришло въ голову, не знаю... Можетъ-быть, я уже тогда предчувствовалъ, что мнѣ и безъ того жить недолго.

Понятно, что при такихъ невыгодныхъ данныхъ, поведеніе мое, обхожденіе съ людьми, болѣе чѣмъ когда-нибудь отличалось неестественностью и напряженіемъ. Даже старуха Ожогина—это тупорожденное существо—

начинала дичиться меня и, бывало, не знала, съ какой стороны ко мнѣ подойти. Бизьмёнковъ, всегда вѣжливый и готовый къ услугамъ, избѣгалъ меня. Мнѣ уже тогда казалось, что я въ немъ имѣлъ собрата, что и онъ любилъ Лизу. Но онъ никогда не отвѣчалъ на мои намеки и вообще неохотно со мной разговаривалъ. Князь обращался съ нимъ весьма дружелюбно; князь, можно сказать, уважалъ его. Ни Бизьмёнковъ, ни я — мы не мѣшали князю и Лизѣ; но онъ не чуждался ихъ, какъ я, не глядѣлъ ни волкомъ, ни жертвой — и охотно присоединялся къ нимъ, когда они этого желали. Правда, онъ въ этихъ случаяхъ не отличался особенно шутливостью; но въ его веселости и прежде было что-то тихое.

Такимъ образомъ прошло около двухъ недѣль. Князь не только былъ собой хорошъ и уменъ: онъ игралъ на фортепіано, пѣлъ, довольно порядочно рисовалъ, умѣлъ разсказывать. Его анекдоты, почерпнутые изъ высшихъ круговъ столичной жизни, всегда производили сильное впечатлѣніе на слушателей, тѣмъ болѣе сильное, что онъ, какъ будто, не придавалъ имъ особеннаго значенія...

Слѣдствіемъ этой, если хотите, простой уловки князя было то, что онъ въ теченіе своего непродолжительнаго пребыванія въ городѣ О... рѣшительно очаровалъ все тамошнее общество. Очаровать нашего брата-степняка всегда очень легко человѣку изъ высшаго круга. Частыя посѣщенія князя у Ожогиныхъ (онъ проводилъ у нихъ вечера), конечно, возбуждали зависть другихъ господъ дворянъ и чиновниковъ; но князь, какъ человѣкъ свѣтскій и умный, не обошелъ ни одного изъ нихъ, побывалъ у всѣхъ, всѣмъ барынямъ и барышнямъ сказалъ хотя по одному ласковому слову, позволялъ кормить себя вычурно-тяжелыми кушаньями и поить дрянными винами съ великолѣпными названіями, словомъ, велъ себя отлично, осторожно и ловко. Князь Н. вообще былъ человѣкъ веселаго нрава, общежительный, любезный по наклонности, да тутъ еще, кстати, по расчету: какъ же ему было не успѣть совершенно и во всемъ?

Со времени его пріѣзда, всѣ въ домѣ находили, что

время летѣло съ быстротой необыкновенной; все шло прекрасно; старикъ Ожогинъ, хотя и притворялся, что ничего не замѣчаетъ, но, вѣроятно, тайкомъ потиралъ себѣ руки при мысли имѣть такого зятя; самъ князь велъ все дѣло очень тихо и пристойно, какъ вдругъ, одно неожиданное происшествіе...

До завтра. Сегодня я усталъ. Эти воспоминанія раздражаютъ меня даже на краю гроба. Терентьевна сегодня нашла, что мой носикъ уже заострился; а это, говорятъ, плохой знакъ.

27 марта. Оттепель продолжается.

Дѣла находились въ вышеизложенномъ положеніи, князь и Лиза любили другъ друга, старики Ожогины ждали, что-то будетъ; Бизьмёнковъ тутъ же присутствовалъ — о немъ нечего было сказать другого; я бился, какъ рыба о ледъ, и наблюдалъ, что̀ было мочи, — помнится, я въ то время поставилъ себѣ задачей, по крайней мѣрѣ, не дать Лизѣ погибнуть въ сѣтяхъ обольстителя, и вслѣдствіе этого началъ обращать особенное вниманіе на горничныхъ и на роковое „заднее“ крыльцо — хотя я, съ другой стороны, иногда по цѣлымъ ночамъ мечталъ о томъ, съ какимъ трогательнымъ великодушіемъ я современемъ протяну руку обманутой жертвѣ и скажу ей: „коварный измѣнилъ тебѣ; но я твой вѣрный другъ... забудемъ прошедшее и будемъ счастливы!“ — какъ вдругъ по всему городу распространилась радостная вѣсть: уѣздный предводитель намѣренъ былъ дать большой балъ въ честь почетнаго посѣтителя, въ особенномъ своемъ имѣніи Горностаевкѣ, Губняковѣ тожъ. Всѣ чины и власти города О... получили приглашеніе, начиная съ городничаго и кончая аптекаремъ, необыкновенно чирымъ нѣмцемъ съ жестокими притязаніями на умѣнье говорить чисто по-русски, вслѣдствіе чего онъ безпрестанно и вовсе некстати употреблялъ сильныя выраженія, какъ, напримѣръ: „я, чортъ меня завзѣмъ побери, сиводнэ маладецъ завзѣмъ“... Поднялись, какъ водится, страшныя приготовленія. Одинъ косметикъ-лавочникъ продалъ шестнадцать темносинихъ банокъ помады съ надписью: „a la

jesminъ", съ еромъ на концѣ. Барышни сооружали себѣ тугія платья съ мучительнымъ перехватомъ и мысомъ на желудкѣ; матушки воздвигали на своихъ собственныхъ головахъ какія-то грозныя украшенія, подъ предлогомъ чепцовъ; захлопотавшіеся отцы лежали, какъ говорится, безъ заднихъ ногъ... Желанный день насталъ, наконецъ. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ. Отъ города до Горностаевки считалось девять верстъ. Кирила Матвѣичъ предложилъ мнѣ мѣсто въ своей каретѣ; но я отказался... Такъ наказанныя дѣти, желая хорошенько отомстить своимъ родителямъ, за столомъ отказываются отъ любимыхъ кушаній. Притомъ, я чувствовалъ, что мое присутствіе стѣснило бы Лизу. Бизьмёнковъ замѣнилъ меня. Князь поѣхалъ въ своей коляскѣ, я—на дрянныхъ дрожкахъ, нанятыхъ мною за большія деньги для этого торжественнаго случая. Я не стану описывать этотъ балъ. Все въ немъ было, какъ водится: музыканты съ необыкновенно-фальшивыми трубами на хорахъ, ошеломленные помѣщики съ застарѣлыми семействами, лиловое мороженое, слизистый оршадъ, люди въ стоптанныхъ сапогахъ и вязанныхъ бумажныхъ перчаткахъ, провинціальные львы съ судорожно-искаженными лицами и т. д., и т. д. И весь этотъ маленькій міръ вертѣлся вокругъ своего солнца — вокругъ князя. Потерянный въ толпѣ, не замѣченный даже сорокавосьмилѣтними дѣвицами съ красными прыщами на лбу и голубыми цвѣтами на темени, я безпрестанно глядѣлъ то на князя, то на Лизу. Она была очень мило одѣта и очень хороша собой въ тотъ вечеръ. Они только два раза танцовали другъ съ другомъ (правда, онъ съ ней танцовалъ мазурку!), но, по крайней мѣрѣ, *мнѣ* казалось, что между ними существовало какое-то тайное, непрерывное сообщеніе. Онъ, и не глядя на нее, не говоря съ ней, все какъ будто обращался къ ней, и къ ней одной; онъ былъ хорошъ и блестящъ, и милъ съ другими—для ней одной. Она видимо сознавала себя царицей бала—и любимой: ея лицо, въ одно и то же время, сіяло дѣтской радостью, невинной гордостью, и внезапно озарялось другимъ, болѣе глубокимъ чувствомъ. Отъ нея

вѣяло счастьемъ. Я все это замѣчалъ... Не въ первый разъ мнѣ приходилось наблюдать за ними... Сперва это меня сильно огорчило, потомъ какъ-будто тронуло, а наконецъ взбѣсило. Я внезапно почувствовалъ себя необыкновенно злымъ и, помнится, необыкновенно обрадовался этому новому ощущенію и даже возымѣлъ нѣкоторое къ себѣ уваженіе. „Покажемъ имъ, что мы еще не погибли", сказалъ я самому себѣ. Когда загремѣли первые призывные звуки мазурки, я спокойно оглянулся, холодно и развязно подошелъ къ одной длиннолицей барышнѣ съ краснымъ и глянцовитымъ носомъ, неловко раскрытымъ, словно разстегнутымъ ртомъ и жилистой шеей, напоминавшей ручку контрбаса, — подошелъ къ ней и, сухо щелкнувъ каблуками, пригласилъ ее. На ней было розовое, словно недавно и еще не совсѣмъ выцвѣтшее, платье; надъ головой у ней дрожала какая-то полинявшая, унылая муха на претолстой мѣдной пружинѣ, и вообще эта дѣвица была, если можно такъ выразиться, вся насквозь наспиртована какой-то кислой скукой и застарѣлой неудачей. Съ самаго начала вечера она не тронулась съ мѣста: никто не думалъ пригласить ее. Одинъ шестнадцатилѣтній бѣлокурый юноша хотѣлъ-было, за неимѣніемъ другой дамы, обратиться къ этой дѣвицѣ, и уже сдѣлалъ шагъ въ направленіи къ ней, да подумалъ, поглядѣлъ и проворно спрятался въ толпу. Можете себѣ представить, съ какимъ радостнымъ изумленіемъ она согласилась на мое предложеніе! Я торжественно повелъ ее черезъ всю залу, отыскалъ два стула и сѣлъ съ ней въ кругу мазурки, въ десятыхъ парахъ, почти напротивъ князя, которому, разумѣется, предоставили первое мѣсто. Князь, какъ уже сказано, танцовалъ съ Лизой. Ни меня, ни моей дамы не безпокоили приглашеніями; стало-быть, времени для разговора у насъ было достаточно. Правду сказать, моя дама не отличалась способностью произносить слова въ связной рѣчи: она употребляла свой ротъ болѣе для исполненія какой-то странной и дотолѣ мною невиданной улыбки внизъ; причемъ глаза она поднимала вверхъ, словно невидимая сила растягивала ей лицо; но я и не

нуждался въ ея краснорѣчіи. Благо, я чувствовалъ себя злымъ, и моя дама не внушала мнѣ робости. Я пустился критиковать все и всѣхъ на свѣтѣ, особенно напирая на столичныхъ молодчиковъ и петербургскихъ мирлифлеровъ, и до того, наконецъ, расходился, что моя дама понемногу перестала улыбаться и вмѣсто того, чтобъ поднимать глаза кверху, начала вдругъ — отъ изумленія, должно-быть—коситься, и притомъ такъ странно, словно она въ первый разъ замѣтила, что у ней есть носъ на лицѣ; а мой сосѣдъ, одинъ изъ тѣхъ львовъ, о которыхъ говорено было выше, не разъ окинулъ меня взоромъ, даже обратился ко мнѣ съ выраженіемъ актера на сценѣ, просыпающагося въ незнакомой сторонѣ, какъ бы желая сказать: „и ты туда же?“ Впрочемъ, распѣвая, какъ говорится, соловьемъ, я все продолжалъ наблюдать за княземъ и Лизой. Ихъ безпрестанно приглашали; но я менѣе страдалъ, когда они оба танцовали; и даже тогда, когда они сидѣли рядомъ и, разговаривая другъ съ другомъ, улыбались той кроткой улыбкой, которая не хочетъ сойти съ лица счастливыхъ любовниковъ, даже тогда я не столько томился; но когда Лиза порхала по залѣ съ какимъ-нибудь ухарскимъ фертомъ, а князь, съ ея голубымъ газовымъ шарфомъ на колѣняхъ, словно любуясь своей побѣдой, задумчиво слѣдилъ за ней глазами,—тогда, о, тогда я испытывалъ невыносимыя мученія и съ досады отпускалъ такія злостныя замѣчанія, что зрачки моей дамы съ обѣихъ сторонъ совершенно упирались въ носъ! Между тѣмъ, мазурка склонялась къ концу... Начали дѣлать фигуру, называемую la confidente. Въ этой фигурѣ дама садится на серединѣ круга, выбираетъ другую даму въ довѣренныя и шепчетъ ей на ухо имя господина, съ которымъ она желаетъ танцовать; кавалеръ подводитъ ей по одиночкѣ танцоровъ, а довѣренная дама имъ отказываетъ, пока, наконецъ, появится заранѣе назначенный счастливчикъ. Лиза сѣла въ середину круга и выбрала хозяйскую дочь, дѣвицу изъ числа тѣхъ, о которыхъ говорятъ, что онѣ „Богъ съ ними“. Князь пустился отыскивать избранника. Напрасно представивъ около десяти мо-

лодыхъ людей (хозяйская дочь отказала имъ всѣмъ съ пріятнѣйшей улыбкой), онъ, наконецъ, обратился ко мнѣ. Нѣчто необыкновенное произошло во мнѣ въ это мгновеніе: я словно мигнулъ всѣмъ тѣломъ и хотѣлъ-было отказаться, однако, всталъ и пошелъ. Князь подвелъ меня къ Лизѣ... Она даже не посмотрѣла на меня; хозяйская дочь отрицательно покачала головой, князь обернулся ко мнѣ и, вѣроятно, возбужденный гусинымъ выраженіемъ моего лица, глубоко мнѣ поклонился. Этотъ насмѣшливый поклонъ, этотъ отказъ, переданный мнѣ торжествующимъ соперникомъ, его небрежная улыбка, равнодушное невниманіе Лизы,—все это меня взорвало... Я пододвинулся къ князю и съ бѣшенствомъ прошепталъ: „Вы, кажется, изволите смѣяться надо мной?“

Князь поглядѣлъ на меня съ презрительнымъ удивленіемъ, снова взялъ меня за руку и, показывая видъ, что провожаетъ меня до моего мѣста, холодно отвѣтилъ мнѣ: „я?“

— Да, вы, вы! — продолжалъ я шопотомъ, повинуясь, однако, ему, то-есть идя за нимъ къ своему мѣсту: — вы; но я не намѣренъ позволять какому-нибудь пустому петербургскому выскочкѣ...

Князь усмѣхнулся спокойно, почти снисходительно, стиснулъ мнѣ руку, прошепталъ: „Я васъ понимаю; но здѣсь не мѣсто: мы поговоримъ“, вернулся отъ меня, подошелъ къ Бизьмёнкову и подвелъ его къ Лизѣ. Блѣдненькій чиновничекъ оказался избранникомъ. Лиза встала ему навстрѣчу.

Садясь возлѣ своей дамы съ унылой мухой на головѣ, я чувствовалъ себя почти героемъ. Сердце во мнѣ билось сильно, грудь благородно поднималась подъ накрахмаленной манишкой, я дышалъ глубоко и скоро—и вдругъ такъ великолѣпно посмотрѣлъ на сосѣдняго льва, что тотъ невольно дрыгнулъ обращенной ко мнѣ ножкой. Отдѣлавъ этого человѣка, я обвелъ глазами весь кругъ танцующихъ... Мнѣ показалось, что два-три господина не безъ недоумѣнія глядѣли на меня; но, вообще, нашъ разговоръ съ княземъ не былъ замѣченъ... Соперникъ мой уже сидѣлъ на своемъ стулѣ, совершенно спокойный и

съ прежней улыбкой на лицѣ. Бизьмёнковъ довелъ Лизу до ея мѣста. Она дружелюбно ему поклонилась и тотчасъ обратилась къ князю, какъ мнѣ показалось, съ нѣкоторой тревогой; но онъ засмѣялся ей въ отвѣтъ, граціозно махнулъ рукой и, должно-быть, сказалъ ей что-то очень пріятное, потому что она очень зардѣлась отъ удовольствія, опустила глаза и потомъ съ ласковымъ упрекомъ устремила ихъ опять на него.

Геройское расположеніе, внезапно развившееся во мнѣ, не исчезло до конца мазурки; но я болѣе уже не острилъ и не „критиканствовалъ", а только изрѣдка мрачно и строго взглядывалъ на свою даму, которая, видимо, начинала бояться меня и уже совершенно заикалась и безпрерывно моргала, когда я ее отвелъ подъ природное укрѣпленіе ея матери, очень толстой женщины съ рыжимъ токомъ на головѣ. Вручивъ запуганную дѣвицу по принадлежности, я отошелъ къ окну, скрестивъ руки, и началъ ждать, что-то будетъ. Я ждалъ довольно долго. Князь все время былъ окруженъ хозяиномъ, именно окруженъ, какъ Англія окружена моремъ, не говоря уже о прочихъ членахъ семейства уѣзднаго предводителя и остальныхъ гостяхъ; да и притомъ, онъ не могъ, не возбудивъ всеобщаго изумленія, подойти къ такому незначительному человѣку, какъ я, заговорить съ нимъ. Эта моя незначительность, помнится, даже радовала меня тогда. „Шалишь!" думалъ я, глядя, какъ онъ вѣжливо обращался то къ одному, то къ другому почетному лицу, добивавшемуся чести быть имъ замѣченнымъ, хотя на „мигъ", какъ говорятъ поэты;—„шалишь, голубчикъ... подойдешь ко мнѣ ужò—вѣдь я тебя оскорбилъ". Наконецъ, князь, какъ-то ловко отдѣлавшись отъ толпы своихъ обожателей, прошелъ мимо меня, взглянулъ—не то на окно, не то на мои волосы, отвернулся-было и вдругъ остановился, словно что-то вспомнилъ.

— Ахъ, да!—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ улыбкой:—кстати, у меня до васъ есть дѣльцо.

Два помѣщика, изъ самыхъ неотвязчивыхъ, упорно слѣдившіе за княземъ, вѣроятно, подумали, что „дѣльцо"

служебное, и почтительно отступили назадъ. Князь взялъ меня подъ руку и отвелъ въ сторону. Сердце у меня стучало въ груди.

— Вы, кажется, — началъ онъ, растянувъ слово *вы* и глядя мнѣ въ подбородокъ съ презрительнымъ выраженіемъ, которое, страннымъ образомъ, какъ нельзя лучше шло къ его свѣжему и красивому лицу: — вы мнѣ сказали дерзость?

— Я сказалъ, что̀ думалъ, — возразилъ я, возвысивъ голосъ.

— Тсс... тише, — замѣтилъ онъ: — порядочные люди не кричатъ. Вамъ, можетъ-быть, угодно драться со мной?

— Это ваше дѣло, — отвѣчалъ я, выпрямившись.

— Я буду принужденъ вызвать васъ, — заговорилъ онъ небрежно: — если вы не откажетесь отъ вашихъ выраженій...

— Я ни отъ чего не намѣренъ отказываться — возразилъ я съ гордостью.

— Въ самомъ дѣлѣ? — замѣтилъ онъ не безъ насмѣшливой улыбки. — Въ такомъ случаѣ, — продолжалъ онъ, помолчавъ: — я буду имѣть честь прислать къ вамъ завтра своего секунданта.

— Очень хорошо-съ, — проговорилъ я голосомъ, какъ можно болѣе равнодушнымъ.

Князь слегка поклонился.

— Я не могу запретить вамъ находить меня пустымъ человѣкомъ, — прибавилъ онъ, надменно прищуривъ глаза: — но князья Н* не могутъ быть выскочками. До свиданія, господинъ... господинъ Штукатуринъ.

Онъ быстро обернулся ко мнѣ спиной и снова подошелъ къ хозяину, уже начинавшему волноваться.

Господинъ Штукатуринъ!.. Меня зовутъ Чулкатуринымъ... Я ничего не нашелся сказать ему въ отвѣтъ на это послѣднее оскорбленіе, и только съ бѣшенствомъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. — „До завтра“, прошепталъ я, стиснувъ зубы, и тотчасъ отыскалъ одного мнѣ знакомаго офицера, уланскаго ротмистра Колобердяева, отчаяннаго гуляку и славнаго малаго, разсказалъ ему въ не-

многихъ словахъ мою ссору съ княземъ и попросилъ его быть моимъ секундантомъ. Онъ, разумѣется, немедленно согласился, и я отправился домой.

Я не могъ заснуть всю ночь — отъ волненія, не отъ трусости. Я не трусъ. Я даже весьма мало думалъ о предстоящей мнѣ возможности лишиться жизни, этого, какъ увѣряютъ нѣмцы, высшаго блага на землѣ. Я думалъ объ одной Лизѣ, о моихъ погибшихъ надеждахъ, о томъ, что̀ мнѣ слѣдовало сдѣлать. „Долженъ ли я постараться убить князя?“ спрашивалъ я самого себя и, разумѣется, хотѣлъ убить его,—не изъ мести, а изъ желанія добра Лизѣ. „Но она не перенесетъ этого удара“, продолжалъ я. „Нѣтъ ужъ пусть лучше онъ меня убьетъ!“ Признаюсь, мнѣ тоже пріятно было думать, что я, темный уѣздный человѣкъ, принудилъ такую важную особу драться со мной.

Утро застало меня въ этихъ размышленіяхъ; а вслѣдъ за утромъ появился Колобердяевъ.

— Ну,—спросилъ онъ меня, со стукомъ входя въ мою спальню:—гдѣ же княжескій секундантъ?

— Да помилуйте, — отвѣчалъ я съ досадой: — теперь всего семь часовъ утра; князь еще, чай, спитъ теперь.

— Въ такомъ случаѣ, — возразилъ неугомонный ротмистръ: — прикажите мнѣ дать чаю. У меня со вчерашняго вечера голова болитъ... Я и не раздѣвался. Впрочемъ, — прибавилъ онъ, зѣвнувъ: — я вообще рѣдко раздѣваюсь.

Ему дали чаю. Онъ выпилъ шесть стакановъ съ ромомъ, выкурилъ четыре трубки, разсказалъ мнѣ, что онъ наканунѣ за безцѣнокъ купилъ лошадь, отъ которой кучера отказались, и что намѣренъ ее выѣздить, подвязавъ ей переднюю ногу, — и заснулъ, не раздѣваясь, на диванѣ, съ трубкой во рту. Я всталъ и привелъ въ порядокъ свои бумаги. Одну пригласительную записку Лизы, единственную записку, полученную мною отъ нея, я положилъ-было себѣ на грудь, но подумалъ и бросилъ ее въ ящикъ. Колобердяевъ слабо похрапывалъ, свѣсивъ голову съ кожаной подушки... Я, помнится, долго разсма-

тривалъ его взъерошенное, удалое, беззаботное и доброе лицо. Въ десять часовъ мой слуга доложилъ о пріѣздѣ Бизьмёнкова. Князь его выбралъ въ секунданты.

Мы вдвоемъ разбудили разоспавшагося ротмистра. Онъ приподнялся, поглядѣлъ на насъ осоловѣлыми глазами, хриплымъ голосомъ попросилъ водки; оправился, и, раскланявшись съ Бизьмёнковымъ, вышелъ съ нимъ въ другую комнату для совѣщанія. Совѣщаніе господъ секундантовъ продолжалось не долго. Четверть часа спустя, они оба вышли ко мнѣ въ спальню; Колобердяевъ объявилъ мнѣ, что „мы будемъ драться сегодня же, въ три часа, на пистолетахъ". Я, молча, наклонилъ голову въ знакъ согласія. Бизьмёнковъ тотчасъ же простился съ нами и уѣхалъ. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ и внутренно взволнованъ, какъ человѣкъ, не привыкшій къ подобнаго рода продѣлкамъ, но, впрочемъ, очень вѣжливъ и холоденъ. Мнѣ было какъ будто совѣстно передъ нимъ, и я не смѣлъ взглянуть ему въ глаза. Колобердяевъ началъ опять разсказывать о своей лошади. Этотъ разговоръ былъ мнѣ очень по нутру. Я боялся, какъ бы онъ не упомянулъ о Лизѣ. Но мой добрый ротмистръ не былъ сплетникомъ, да и сверхъ того презиралъ всѣхъ женщинъ, называя ихъ, Богъ знаетъ почему, салатомъ. Въ два часа мы закусили, а въ три уже находились на мѣстѣ дѣйствія— въ той самой березовой рощѣ, гдѣ я нѣкогда гулялъ съ Лизой, въ двухъ шагахъ отъ того обрыва.

Мы пріѣхали первые. Но князь съ Бизьмёнковымъ не долго заставили ждать себя. Князь былъ, безъ преувеличенія, свѣжъ, какъ розанъ: каріе глаза его чрезвычайно привѣтно глядѣли изъ-подъ козырька его фуражки. Онъ курилъ соломенную сигарку и, увидѣвъ Колобердяева, ласково пожалъ ему руку. Даже мнѣ онъ очень мило поклонился. Я, напротивъ, самъ чувствовалъ себя блѣднымъ, и руки мои, къ страшной моей досадѣ, слегка дрожали... горло сохло... Я никогда еще до тѣхъ поръ не дрался на дуэли. „О, Боже!" думалъ я, „лишь бы этотъ насмѣшливый господинъ не принялъ моего волненія за робость!" Я внутренно посылалъ свои нервы ко всѣмъ чер-

тямъ; но, взглянувъ, наконецъ, прямо въ лицо князю и уловивъ на губахъ его почти незамѣтную усмѣшку, вдругъ опять разозлился и тотчасъ успокоился. Между тѣмъ секунданты наши устроили барьеръ, отмѣрили шаги, зарядили пистолеты. Колобердяевъ больше дѣйствовалъ; Бизьмёнковъ больше наблюдалъ за нимъ. День былъ великолѣпный—не хуже дня незабвенной прогулки. Густая синева неба попрежнему сквозила сквозь раззолоченную зелень листьевъ. Ихъ лепетъ, казалось, дразнилъ меня. Князь продолжалъ курить свою сигарку, прислонясь плечомъ къ стволу липы...

— Извольте стать, господа, готово, — произнесъ наконецъ Колобердяевъ, вручая намъ пистолеты.

Князь отошелъ нѣсколько шаговъ, остановился и, повернувъ голову назадъ, черезъ плечо спросилъ меня: „А вы все не отказываетесь отъ своихъ словъ?“ Я хотѣлъ отвѣчать ему; но голосъ измѣнилъ мнѣ, и я удовольствовался презрительнымъ движеніемъ руки. Князь усмѣхнулся опять и сталъ на свое мѣсто. Мы начали сходиться. Я поднялъ пистолетъ, прицѣлился-было въ грудь моего врага—въ это мгновеніе онъ точно былъ моимъ врагомъ—но вдругъ поднялъ дуло, словно кто толкнулъ меня подъ локоть, и выстрѣлилъ. Князь пошатнулся, поднесъ лѣвую руку къ лѣвому виску — струйка крови потекла по его щекѣ изъ-подъ бѣлой замшевой перчатки. Бизьмёнковъ бросился къ нему.

— Ничего,—сказалъ онъ, снимая прострѣленную фуражку:—коли въ голову и не упалъ, значитъ, царапина.

Онъ спокойно досталъ изъ кармана батистовый платокъ и приложилъ его къ смоченнымъ кровью кудрямъ. Я глядѣлъ на него, словно остолбенѣлый, и не двигался съ мѣста.

— Извольте идти къ барьеру! — строго замѣтилъ мнѣ Колобердяевъ.

Я повиновался.

— Поединокъ продолжается? — прибавилъ онъ, обратясь къ Бизьмёнкову.

Бизьмёнковъ ничего не отвѣчалъ ему; но князь, не

отнимая платка отъ раны и не давая себѣ даже удовольствія помучить меня у барьера, съ улыбкой возразилъ: „поединокъ конченъ“, и выстрѣлилъ на воздухъ. Я чуть-было не заплакалъ отъ досады и бѣшенства. Этотъ человѣкъ своимъ великодушіемъ окончательно втопталъ меня въ грязь, зарѣзалъ меня. Я хотѣлъ-было противиться, хотѣлъ-было потребовать, чтобы онъ выстрѣлилъ въ меня; но онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ мнѣ руку.

— Вѣдь все позабыто межъ нами, не правда ли?—промолвилъ онъ ласковымъ голосомъ.

Я взглянулъ на его поблѣднѣвшее лицо, на этотъ окровавленный платокъ и, совершенно потерявшись, пристыженный и уничтоженный стиснулъ ему руку...

— Господа!—прибавилъ онъ, обращаясь къ секундантамъ:—я надѣюсь, что все останется въ тайнѣ?

— Разумѣется!—воскликнулъ Колобердяевъ:—но, князь, позвольте...

И онъ самъ повязалъ ему голову.

Князь, уходя, еще разъ поклонился мнѣ; но Бизьмёнковъ даже не взглянулъ на меня. Убитый,—нравственно убитый—возвратился я съ Колобердяевымъ домой.

— Да что съ вами?—спрашивалъ меня ротмистръ.—Успокойтесь: рана не опасная. Онъ завтра же можетъ танцовать, коли хочете. Или вамъ жаль, что вы его не убили? Въ такомъ случаѣ, напрасно: онъ славный малый.

— Зачѣмъ онъ пощадилъ меня!—пробормоталъ я наконецъ.

— Вотъ тебѣ на!—спокойно возразилъ ротмистръ...—Охъ, ужъ эти мнѣ сочинители!

Я не знаю, почему ему вздумалось назвать меня сочинителемъ.

Я рѣшительно отказываюсь отъ описанія моихъ терзаній въ теченіе вечера, послѣдовавшаго за этимъ несчастнымъ поединкомъ. Мое самолюбіе страдало неизъяснимо. Не совѣсть меня мучила: сознаніе моей глупости меня уничтожало. „Я самъ нанесъ себѣ послѣдній, окончательный ударъ!“ твердилъ я, ходя большими шагами по комнатѣ.—„Князь, раненый мною и простив-

шій меня... да, Лиза теперь его. Теперь уже ничего ее не можетъ спасти, удержать на краю пропасти". Я очень хорошо зналъ, что нашъ поединокъ не могъ остаться въ тайнѣ, несмотря на слова князя; во всякомъ случаѣ, для Лизы онъ не могъ остаться тайной. „Князь не такъ глупъ", — шепталъ я съ бѣшенствомъ, — „чтобы не воспользоваться..." А между тѣмъ, я ошибался: о поединкѣ и о настоящей его причинѣ узналъ весь городъ, — на другой же день, конечно; но проболтался не князь, напротивъ; когда онъ, съ повязанной головой и съ напередъ сочиненнымъ предлогомъ, явился передъ Лизой, она уже все знала... Бизьмёнковъ ли выдалъ меня, другими ли путями дошло до нея это извѣстіе, не могу сказать. Да и, наконецъ, развѣ въ небольшомъ городѣ возможно что-нибудь скрыть? Можете себѣ представить, какъ Лиза его приняла, какъ все семейство Ожогиныхъ его приняло! Что же до меня касается, то я внезапно сталъ предметомъ общаго негодованія, омерзѣнія, извергомъ, сумасброднымъ ревнивцемъ и людоѣдомъ. Мои немногіе знакомые отъ меня отказались, какъ отъ прокаженнаго. Городскія власти немедленно обратились къ князю съ предложеніемъ примѣрно и строго наказать меня; однѣ настоятельныя и неотступныя просьбы самого князя отвратили бѣдствіе, грозившее моей головѣ. Этому человѣку суждено было всячески меня уничтожить. Онъ своимъ великодушіемъ прихлопнулъ меня, какъ гробовою крышей. Нечего и говорить, что домъ Ожогиныхъ тотчасъ же закрылся для меня. Кирила Матвѣичъ возвратилъ мнѣ даже простой карандашъ, позабытый у него мною. По-настоящему, ему-то именно и не слѣдовало на меня сердиться. Моя, какъ выражались въ городѣ, „сумасбродная" ревность опредѣлила, уяснила, такъ-сказать, отношенія князя къ Лизѣ. На него и сами старики Ожогины, и прочіе обыватели стали глядѣть почти какъ на жениха. Въ сущности, это ему не совсѣмъ должно было быть пріятно; но Лиза ему очень нравилась; притомъ, онъ еще тогда не достигъ своихъ цѣлей... Со всею ловкостью умнаго свѣтскаго человѣка приспособился онъ къ новому своему по-

ложенію, тотчасъ вошелъ, какъ говорится, въ духъ своей новой роли...

Но я!.. Я на свой счетъ, на счетъ своей будущности, махнулъ тогда рукой. Когда страданія доходятъ до того, что заставляютъ всю нашу внутренность трещать и кряхтѣть, какъ перегруженную телѣгу, имъ бы слѣдовало перестать быть смѣшными... но нѣтъ! смѣхъ не только сопровождаетъ слезы до конца, до истощенія, до невозможности проливать ихъ болѣе — гдѣ! онъ еще звенитъ и раздается тамъ, гдѣ языкъ нѣмѣетъ и замираетъ сама жалоба... И потому, во-первыхъ, такъ какъ я не намѣренъ даже самому себѣ казаться смѣшнымъ, а во-вторыхъ, такъ какъ я усталъ ужасно, то и откладываю продолженіе и, если Богъ дастъ, окончаніе своего разсказа до слѣдующаго дня...

29 марта. Легкій морозъ; вчера была оттепель.

Вчера я не былъ въ силахъ продолжать мой дневникъ: я, какъ Поприщинъ, большею частью лежалъ на постели и бесѣдовалъ съ Терентьевной. Вотъ еще женщина! Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ она потеряла своего перваго жениха отъ чумы, всѣхъ дѣтей своихъ пережила, сама непростительно стара, пьетъ чай сколько душѣ угодно, сыта, одѣта тепло; а о чемъ, вы думаете, она вчера цѣлый день мнѣ говорила? Другой, уже вовсе ощипанной старухѣ я велѣлъ дать на жилетъ (она носитъ нагрудники въ видѣ жилета) воротникъ ветхой ливреи, до половины съѣденной молью... такъ вотъ, отчего не ей? „А, кажется, я няня ваша... О-охъ, батюшка вы мой, грѣшно вамъ... А ужъ я-то васъ, кажись, на что холила?“... и т. д. Безжалостная старуха совершенно заѣздила меня своими упреками... Но возвратимся къ разсказу.

Итакъ, я страдалъ какъ собака, которой заднюю часть тѣла переѣхали колесомъ. Я только тогда, только послѣ изгнанія моего изъ дома Ожогиныхъ, окончательно узналъ, сколько удовольствія можетъ человѣкъ почерпнуть изъ созерцанія своего собственнаго несчастія. О, люди! точно, жалкій родъ!.. Ну, однако, въ сторону философическія замѣчанія... Я проводилъ дни въ совершенномъ одиноче-

ствѣ и только самыми окольными и даже низменными путями могъ узнавать, что происходило въ семействѣ Ожогиныхъ, что дѣлалъ князь: мой слуга познакомился съ двоюродной теткой жены его кучера. Это знакомство доставило мнѣ нѣкоторое облегченіе, и мой слуга скоро, по моимъ намекамъ и подарочкамъ, могъ догадаться, о чемъ слѣдовало ему разговаривать съ своимъ бариномъ, когда онъ стаскивалъ съ него сапоги по вечерамъ. Иногда мнѣ случалось встрѣтить на улицѣ кого-нибудь изъ семейства Ожогиныхъ, Бизьмёнкова, князя... Съ княземъ и Бизьмёнковымъ я раскланивался, но не вступалъ въ разговоръ. Лизу я видѣлъ всего три раза: разъ — съ ея маменькой, въ модномъ магазинѣ, разъ — въ открытой коляскѣ, съ отцомъ, матерью и княземъ, разъ—въ церкви. Разумѣется, я не дерзалъ подойти къ ней и глядѣлъ на нее только издали. Въ магазинѣ она была очень озабочена, но весела... Она заказывала себѣ что-то и хлопотливо примѣряла ленты. Матушка глядѣла на нее, скрестивъ на желудкѣ руки, приподнявъ носъ и улыбаясь той глупой и преданной улыбкой, которая позволительна однѣмъ любящимъ матерямъ. Въ коляскѣ съ княземъ Лиза была... Я никогда не забуду этой встрѣчи! Старики Ожогины сидѣли на заднихъ мѣстахъ коляски, князь съ Лизой впереди. Она была блѣднѣе обыкновеннаго; на щекахъ ея чуть виднѣлись двѣ розовыя полоски. Она была до половины обращена къ князю; опираясь на свою выпрямленную правую руку (въ лѣвой она держала зонтикъ) и томно склонивъ головку, она глядѣла прямо ему въ лицо своими выразительными глазами. Въ это мгновеніе она отдавалась ему вся, безвозвратно довѣрялась ему. Я не успѣлъ хорошенько замѣтить его лица—коляска слишкомъ быстро промчалась мимо—но мнѣ показалось, что и онъ былъ глубоко тронутъ.

Въ третій разъ я ее видѣлъ въ церкви. Не болѣе десяти дней прошло съ того дня, когда я встрѣтилъ ее въ коляскѣ съ княземъ, не болѣе трехъ недѣль со дня моей дуэли. Дѣло, по которому князь прибылъ въ О..., уже было окончено; но онъ все еще медлилъ своимъ отъѣз-

домъ: онъ отозвался въ Петербургъ больнымъ. Въ городѣ каждый день ожидали формальнаго предложенія съ его стороны Кирилѣ Матвѣичу. Я самъ ждалъ только этого послѣдняго удара, чтобы удалиться навсегда. Мнѣ городъ О... опротивѣлъ. Я не могъ сидѣть дома и съ утра до вечера таскался по окрестностямъ. Въ одинъ сѣрый, ненастный день, возвращаясь съ прогулки, прерванной дождемъ, зашелъ я въ церковь. Вечернее служеніе только-что начиналось, народу было очень немного; я оглянулся и вдругъ, возлѣ одного окна, увидѣлъ знакомый профиль, Я его сперва не узналъ: это блѣдное лицо, этотъ погасшій взоръ, эти впалыя щеки — неужели это та же Лиза, которую я видѣлъ двѣ недѣли тому назадъ? Завернутая въ плащъ, безъ шляпы на головѣ, освѣщенная сбоку холоднымъ лучомъ, падавшимъ изъ широкаго бѣлаго окна. она неподвижно глядѣла на иконостасъ и, казалось, силилась молиться, силилась выйти изъ какого-то унылаго оцѣпенѣнія. Краснощекій, толстый казачокъ, съ желтыми патронами на груди, стоялъ за нею, сложа руки па спину, и съ сонливымъ недоумѣніемъ посматривалъ на свою барышню. Я вздрогнулъ весь, хотѣлъ-было подойти къ ней, но остановился. Мучительное предчувствіе стѣснило мнѣ грудь. До самаго конца вечерни Лиза не шевельнулась. Народъ весь вышелъ, дьячокъ сталъ подметать церковь, опа все не трогалась съ мѣста. Казачокъ подошелъ къ ней, сказалъ ей что-то, коснулся ея платья; она оглянулась, провела рукой по лицу и ушла. Я издали проводилъ ее до дому и вернулся къ себѣ.

„Она погибла!“ воскликнулъ я, входя въ свою комнату.

Какъ человѣкъ, я до сихъ поръ не знаю, какого рода были мои ощущенія тогда; я, помнится, скрестивъ руки, бросился на диванъ и уставилъ глаза на полъ; но, я не знаю, я посреди своей тоски какъ будто былъ чѣмъ-то доволенъ... Я бы ни за что въ этомъ не сознался, если бъ я не писалъ для самого себя... Меня, точно, терзали мучительныя, страшныя предчувствія... и кто знаетъ, я, можетъ-быть, былъ бы весьма озадаченъ, если бъ они не сбылись. „Таково сердце человѣческое!“ воскликнулъ бы

теперь выразительнымъ голосомъ какой-нибудь русскій учитель среднихъ лѣтъ, поднявъ кверху жирный указательный палецъ, украшенный перстнемъ изъ корналинки; но что намъ за дѣло до мнѣнія русскаго учителя съ выразительнымъ голосомъ и корналинкой на пальцѣ?

Какъ бы то ни было, мои предчувствія оказались справедливыми. Внезапно по городу разнеслась вѣсть, что князь уѣхалъ, будто вслѣдствіе полученнаго приказа изъ Петербурга; что онъ уѣхалъ, не сдѣлавши никакого предложенія ни Кирилѣ Матвѣичу, ни супругѣ его, и что Лизѣ остается до конца дней своихъ оплакивать его вѣроломство. Отъѣздъ князя былъ совершенно неожиданный, потому что еще наканунѣ кучеръ его, по увѣреніямъ моего слуги, нисколько не подозрѣвалъ намѣренія своего барина. Новость эта бросила меня въ жаръ; я тотчасъ одѣлся и побѣжалъ-было къ Ожогинымъ; но, обдумавши дѣло, почелъ приличнымъ подождать до слѣдующаго дня. Впрочемъ, я ничего не потерялъ, оставшись дома. Въ тотъ же вечеръ забѣжалъ ко мнѣ нѣкто Пандопипопуло, проѣзжій грекъ, случайнымъ образомъ застрявшій въ городѣ О..., сплетникъ первой величины, больше всѣхъ другихъ закипѣвшій негодованіемъ противъ меня за мою дуэль съ княземъ. Онъ не далъ даже времени слугѣ моему доложить о себѣ, такъ и ворвался въ мою комнату, крѣпко стиснулъ мою руку, тысячу разъ извинялся передо мной, назвалъ меня образцомъ великодушія и смѣлости, расписалъ князя самыми черными красками, не пощадилъ стариковъ Ожогиныхъ, которыхъ, по его мнѣнію, судьба наказала подѣломъ; мимоходомъ задѣлъ и Лизу и убѣжалъ, поцѣловавши меня въ плечо. Между прочимъ, я узналъ отъ него, что князь en vrai grand seigneur, наканунѣ отъѣзда, на деликатный намекъ Кирилы Матвѣевича холодно отвѣчалъ, что не намѣренъ никого обманывать и не думаетъ жениться, всталъ, раскланялся и былъ таковъ...

На другой день я отправился къ Ожогинымъ. Подслѣповатый лакей, при моемъ появленіи, вскочилъ съ прилавка съ быстротою молніи; я велѣлъ доложить о себѣ;

лакей побѣжалъ и тотчасъ вернулся: пожалуйте, дескать, приказали просить. Я вошелъ въ кабинетъ Кирилы Матвѣича... До завтра.

30 марта. Морозъ.

Итакъ я вошелъ въ кабинетъ Кирилы Матвѣича. Я бы дорого заплатилъ тому, кто бы могъ показать мнѣ теперь мое собственное лицо, въ ту минуту, когда этотъ почтенный чиновникъ, торопливо запахнувъ свой бухарскій халатъ, подошелъ ко мнѣ съ протянутыми руками. Отъ меня, должно-быть, такъ и вѣяло скромнымъ торжествомъ, снисходительнымъ участіемъ и безпредѣльнымъ великодушіемъ... Я чувствовалъ себя чѣмъ-то вродѣ Спиціона Африканскаго. Ожогинъ былъ, видимо, смущенъ и опечаленъ, избѣгалъ моего взора, сѣменилъ на мѣстѣ. Я также замѣтилъ, что онъ говорилъ какъ-то неестественно-громко и вообще выражался весьма неопредѣленно;— неопредѣленно, но съ жаромъ попросилъ у меня извиненія, неопредѣленно упомянулъ объ уѣхавшемъ гостѣ, присовокупилъ нѣсколько общихъ и неопредѣленныхъ замѣчаній объ обманчивости и непостоянствѣ земныхъ благъ и вдругъ, почувствовавъ у себя на глазахъ слезу, поспѣшилъ понюхать табаку, вѣроятно, для того, чтобы обмануть меня насчетъ причины, заставившей его прослезиться... Онъ употреблялъ русскій зеленый табакъ, а извѣстно, что это растеніе даже старцевъ заставляетъ проливать слезы, сквозь которыя человѣческій глазъ глядитъ тупо и безсмысленно въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній. Я, разумѣется, обошелся весьма бережно съ старикомъ, спросилъ о здоровьѣ его супруги и дочери, и тотчасъ искусно направилъ разговоръ на любопытный вопросъ о плодо-перемѣнномъ хозяйствѣ. Я былъ одѣтъ по обыкновенному; но наполнявшее меня чувство мягкаго приличія и кроткой снисходительности доставляло мнѣ ощущеніе праздничное и свѣжее, словно на мнѣ былъ бѣлый жилетъ и бѣлый галстукъ. Одно меня волновало: мысль о свиданіи съ Лизой... Ожогинъ, наконецъ, самъ предложилъ повести меня къ своей женѣ. Эта добрая, но глупая женщина, увидавъ меня, сперва сконфузилась

страшно; но мозгъ ея не былъ способенъ сохранить долго одно и то же впечатлѣніе, и потому она скоро успокоилась. Наконецъ, я увидалъ Лизу... Она вошла въ комнату...

Я ожидалъ, что найду въ ней пристыженную, раскаивающуюся грѣшницу, и уже напередъ придалъ лицу своему самое ласковое, ободряющее выраженіе... Къ чему лгать? я дѣйствительно любилъ ее и жаждалъ счастія простить ее, протянуть ей руку; но, къ несказанному моему удивленію, она, въ отвѣтъ на мой значительный поклонъ, холодно разсмѣялась, небрежно замѣтила: „а? это вы?“ и тотчасъ отвернулась отъ меня. Правда, смѣхъ ея мнѣ показался принужденнымъ и, во всякомъ случаѣ, плохо шелъ къ ея страшно похудѣвшему лицу... но, все-таки, я не ожидалъ такого пріема... Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее... какая перемѣна произошла въ ней! Между прежнимъ ребенкомъ и этой женщиной не было ничего общаго. Она какъ будто выросла, выпрямилась, всѣ черты ея лица, особенно губы, словно опредѣлились... взглядъ сталъ глубже, тверже и темнѣе. Я высидѣлъ у Ожогиныхъ до обѣда; она вставала, выходила изъ комнаты и возвращалась, спокойно отвѣчала на вопросы и съ намѣреніемъ не обращала на меня вниманія. Она, я это видѣлъ, она хотѣла дать мнѣ почувствовать, что я не стòю даже ея гнѣва, хотя чуть-чуть не убилъ ея любовника. Я наконецъ потерялъ терпѣніе: ядовитый намекъ сорвался съ губъ моихъ... Она вздрогнула, быстро взглянула на меня, встала и, подойдя къ окну, промолвила слегка дрожащимъ голосомъ: „вы все можете говорить, чтò вамъ угодно, но знайте, что я этого человѣка люблю, и всегда любить буду, и нисколько не считаю его виноватымъ предо мною, напротивъ...“ Голосъ ея зазвенѣлъ, она остановилась... хотѣла-было переломить себя, но не могла, залилась слезами и вышла вонъ изъ комнаты... Старики Ожогины смутились... я пожалъ имъ обоимъ руки, вздохнулъ, вознесъ взоры горѣ и удалился.

Я слишкомъ слабъ, времени у меня остается слишкомъ мало, я не въ состояніи съ прежнею подробностью описы-

вать тотъ новый рядъ мучительныхъ соображеній, твердыхъ намѣреній и прочихъ плодовъ такъ-называемой внутренней борьбы, которые возникли во мнѣ послѣ возобновленія моего знакомства съ Ожогиными. Я не сомнѣвался въ томъ, что Лиза все еще любитъ и долго будетъ любить князя... но, какъ человѣкъ присмиренный обстоятельствами и самъ присмирившійся, я даже и не мечталъ о ея любви: я желалъ только ея дружбы, желалъ добиться ея довѣренности, ея уваженія, которое, по увѣренію опытныхъ людей, почитается надежнѣйшей опорой счастія въ бракѣ... Къ сожалѣнію, я упускалъ изъ виду одно довольно важное обстоятельство, а именно то, что Лиза со дня дуэли меня вознепавидѣла. Я узналъ это слишкомъ поздно. Я началъ попрежнему посѣщать домъ Ожогиныхъ. Кирила Матвѣичъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь, ласкалъ и холилъ меня. Я даже имѣю причины думать, что онъ въ то время съ удовольствіемъ отдалъ бы свою дочь за меня, хотя и не завидный былъ я женихъ: общественное мнѣніе преслѣдовало его и Лизу, а меня, напротивъ, превозносило до небесъ. Обращеніе Лизы со мной не измѣнялось: она большею частію молчала, повиновалась, когда ее просили кушать, не показывала никакихъ внѣшнихъ знаковъ горя, но, со всѣмъ тѣмъ, таяла, какъ свѣча. Кирилѣ Матвѣичу надобно отдать эту справедливость: онъ щадилъ ее всячески; старуха Ожогина только хохлилась, глядя на свое бѣдное дитятко. Одного человѣка Лиза не чуждалась, хотя и съ нимъ не много говорила, а именно Бизьмёнкова. Старики Ожогины круто, даже грубо обращались съ нимъ: они не могли простить ему его секундантства; но онъ продолжалъ ходить къ нимъ, будто не замѣчая ихъ немилости. Со мной онъ былъ очень холоденъ и,—странное дѣло!—я словно его боялся. Это продолжалось около двухъ недѣль. Наконецъ, я, послѣ одной безсонной ночи, рѣшился объясниться съ Лизой, разоблачить передъ ней мое сердце, сказать ей, что, несмотря на прошедшее, несмотря на всевозможные толки и сплетни, я почту себя слишкомъ счастливымъ, если она удостоитъ меня своей руки, возвратитъ мнѣ свое довѣріе

Я, право, не шутя воображалъ, что оказываю, какъ выражаются хрестоматіи, несказанный примѣръ великодушія, и что она отъ одного изумленія согласится. Во всякомъ случаѣ, я хотѣлъ объясниться съ ней и выйти, наконецъ, изъ неизвѣстности.

За домомъ Ожогиныхъ находился довольно большой садъ, оканчивавшійся липовой рощицей, заброшенной и заросшей. Посрединѣ этой рощи возвышалась старинная бесѣдка въ китайскомъ вкусѣ; бревенчатый заборъ отдѣлялъ садъ отъ глухого проулка. Лиза иногда по цѣлымъ часамъ гуляла одна въ этомъ саду. Кирила Матвѣичъ это зналъ и запретилъ ее безпокоить, слѣдить за ней: пусть, дескать, горе въ ней умается. Когда ея не находили въ домѣ, стоило только позвонить передъ обѣдомъ въ колокольчикъ на крыльцѣ, и она тотчасъ появлялась, съ тѣмъ же упорнымъ молчаніемъ на губахъ и во взглядѣ, съ какимъ-нибудь измятымъ листкомъ въ рукѣ. Вотъ, однажды, замѣтивъ, что ея не было въ домѣ, я показалъ видъ, что собираюсь уйти, простился съ Кирилломъ Матвѣичемъ, надѣлъ шляпу и вышелъ изъ передней на дворъ, а со двора на улицу, но тотчасъ же, съ необыкновенной быстротою шмыгнулъ назадъ въ ворота и мимо кухни пробрался въ садъ. Къ счастію, никто меня не замѣтилъ. Не думая долго, я скорыми шагами вошелъ въ рощу. Передо мной, на тропинкѣ, стояла Лиза. Сердце во мнѣ забилось сильно. Я остановился, вздохнулъ глубоко и уже хотѣлъ-было подойти къ ней, какъ вдругъ она, не оборачиваясь, подняла руку и стала прислушиваться... Изъ-за деревьевъ, въ направленіи проулка, ясно раздались два удара, словно кто стучалъ въ заборъ. Лиза хлопнула въ ладоши, послышался слабый скрипъ калитки, и изъ чащи вышелъ Бизьмёнковъ. Я проворно спрятался за дерево. Лиза молча обратилась къ нему... Онъ молча взялъ ее подъ руку, и оба тихо пошли по дорожкѣ. Я съ изумленіемъ глядѣлъ за ними. Они остановились, посмотрѣли кругомъ, исчезли-было за кустами, появились снова и вошли, наконецъ, въ бесѣдку. Эта бесѣдка была круглое, крошечное строеньице, съ одной дверью и однимъ маленькимъ

окномъ; посерединѣ виднѣлся старый столъ на одной ножкѣ, поросшій мелкимъ зеленымъ мохомъ; два дощатыхъ полинялыхъ диванчика стояли по бокамъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сырыхъ и потемнѣвшихъ стѣнъ. Здѣсь въ необыкновенно жаркіе дни, и то разъ въ годъ, и то въ прежнія времена, пивали чай. Дверь не затворялась вовсе, рама давно вывалилась изъ окна и, зацѣпившись однимъ угломъ, висѣла печально, какъ перешибленное птичье крыло. Я подкрался къ бесѣдкѣ и осторожно взглянулъ сквозь скважину окна. Лиза сидѣла на одномъ изъ диванчиковъ, потупивъ голову; ея правая рука лежала у ней на колѣняхъ, лѣвую держалъ Бизьмёнковъ въ обѣихъ своихъ рукахъ. Онъ съ участіемъ глядѣлъ на нее.

— Какъ вы себя сегодня чувствуете? — спросилъ онъ ее вполголоса.

— Все такъ же,—возразила она:—ни хуже, ни лучше.— Пустота, страшная пустота!—прибавила она, уныло поднявъ глаза.

Бизьмёнковъ ничего не отвѣчалъ ей.

— Какъ вы думаете,—продолжала она:—напишетъ мнѣ онъ еще разъ?

— Не думаю, Лизавета Кирилловна!

Она молчала.

— И въ самомъ дѣлѣ, о чемъ ему писать? Онъ сказалъ мнѣ все въ первомъ своемъ письмѣ. Я не могла быть его женой; но я была счастлива... недолго... я была счастлива...

Бизьмёнковъ потупился.

— Ахъ, — продолжала она съ живостью: — если бъ вы знали, какъ этотъ Чулкатуринъ мнѣ противенъ... Мнѣ все кажется, что я вижу на рукахъ этого человѣка... его кровь. (Меня покоробило за моей скважиной.) Впрочемъ,— прибавила она задумчиво:—кто знаетъ, можетъ-быть, безъ этого поединка... Ахъ, когда я увидѣла его раненаго, я тотчасъ же почувствовала, что я вся была его.

— Чулкатуринъ васъ любитъ,—замѣтилъ Бизьмёнковъ.

— Такъ что мнѣ въ томъ? развѣ мнѣ нужна чья-нибудь

любовь?.. — Она остановилась и медленно прибавила:— кромѣ вашей. Да, мой другъ, ваша любовь мнѣ необходима: безъ васъ я бы погибла. Вы помогли мнѣ перенести страшныя минуты...

Она умолкла... Бизьмёнковъ началъ съ отеческой нѣжностью гладить ее по рукѣ.

— Что дѣлать, что дѣлать, Лизавета Кирилловна! — повторилъ онъ нѣсколько разъ сряду.

— Да и теперь,—промолвила она глухо:—я бы, кажется, умерла безъ васъ. Вы одни меня поддерживаете; притомъ, вы мнѣ его напоминаете... Вѣдь вы все знали. Помните, какъ онъ былъ хорошъ въ тотъ день... Но извините меня: вамъ, должно-быть, тяжело...

— Говорите, говорите! Что вы! Богъ съ вами! — прервалъ ее Бизьмёнковъ.

Она стиснула ему руку.

— Вы очень добры, Бизьмёнковъ,—продолжала она:— вы добры, какъ ангелъ. Что дѣлать! я чувствую, что я до гроба его любить буду. Я простила ему, я благодарна ему. Дай Богъ ему счастья! дай Богъ ему жену по сердцу!— И глаза ея наполнились слезами.—Лишь бы онъ не позабылъ меня, лишь бы онъ хоть изрѣдка вспоминалъ о своей Лизѣ. Выйдемте,—прибавила она послѣ небольшого молчанія.

Бизьмёнковъ поднесъ ея руку къ своимъ губамъ.

— Я знаю,—заговорила она съ жаромъ:—всѣ меня теперь обвиняютъ, всѣ бросаютъ въ меня каменьями. Пусть! Я бы, все-таки, не промѣняла своего несчастія на ихъ счастіе... нѣтъ! нѣтъ!.. Онъ не долго меня любилъ, но онъ любилъ меня! Онъ никогда меня не обманывалъ: онъ не говорилъ мнѣ, что я буду его женой; я сама никогда не думала объ этомъ. Одинъ бѣдный папаша надѣялся. И теперь я еще не совсѣмъ несчастна: мнѣ остается воспоминаніе, и, какъ бы ни были страшны послѣдствія... Мнѣ душно здѣсь... здѣсь я въ послѣдній разъ съ нимъ видѣлась... Пойдемте на воздухъ.

Они встали. Я едва успѣлъ отскочить въ сторону и спрятаться за толстую липу. Они вышли изъ бесѣдки и,

сколько я могъ судить по шуму шаговъ, ушли въ рощу. Не знаю, сколько я времени простоялъ, не двигаясь съ мѣста, погруженный въ какое-то безсмысленное недоумѣніе, какъ вдругъ снова послышались шаги. Я встрепенулся и осторожно выглянулъ изъ моей засады. Бизьмёнковъ и Лиза возвращались по той же дорожкѣ. Оба были очень взволнованы, особенно Бизьмёнковъ. Онъ, казалось, плакалъ. Лиза остановилась, поглядѣла на него и явственно произнесла слѣдующія слова: „Я согласна, Бизьмёнковъ. Я бы не согласилась, если бы вы только хотѣли спасти меня, вывести меня изъ страшнаго положенія; но вы меня любите, вы все знаете — и любите меня: я никогда не найду болѣе надежнаго, вѣрнаго друга. Я буду вашей женой".

Бизьмёнковъ поцѣловалъ ей руку: она печально ему улыбнулась и пошла домой. Бизьмёнковъ бросился въ чащу, а я отправился во-свояси. Такъ какъ Бизьмёнковъ, вѣроятно, сказалъ Лизѣ именно то, что̀ я намѣренъ былъ ей сказать, и такъ какъ она отвѣчала ему именно то, что̀ я бы желалъ услышать отъ нея, то мнѣ нечего было болѣе безпокоиться. Черезъ двѣ недѣли она вышла за него замужъ. Старики Ожогины рады были всякому жениху.

Ну, скажите теперь, не лишній ли я человѣкъ? Не разыгралъ ли я во всей этой исторіи роль лишняго человѣка? Роль князя... о ней нечего и говорить; роль Бизьмёнкова также понятна... Но я? я-то къ чему тутъ примѣшался?.. что за глупое, пятое колесо въ телѣгѣ!.. Ахъ, горько, горько мнѣ!.. Да вотъ, какъ бурлаки говорятъ: „еще разикъ, еще разъ"—еще денекъ, другой, и мнѣ уже ни горько не будетъ, ни сладко.

31 марта.

Плохо. Я пишу эти строки въ постели. Со вчерашняго вечера погода вдругъ перемѣнилась. Сегодня жарко, почти лѣтній день. Все таетъ, валится, течетъ. Въ воздухѣ пахнетъ разрытой землей: тяжелый, сильный, душный запахъ. Паръ поднимается отвсюду. Солнце такъ и бьетъ, такъ и разитъ. Плохо мнѣ. Я чувствую, что разлагаюсь.

Я хотѣлъ написать свой дневникъ и, вмѣсто того, что̀ я сдѣлалъ? разсказалъ одинъ случай изъ моей жизни. Я

разболтался, уснувшія воспоминанія пробудились и увлекли меня. Я писалъ, не торопясь, подробно, словно мнѣ еще предстояли годы; а теперь, вотъ, и некогда продолжать. Смерть, смерть идетъ. Мнѣ уже слышится ея грозное crescendo... Пора... Пора!..

Да и что̀ за бѣда! Не все ли равно, что̀ бы я ни разсказалъ? Въ виду смерти исчезаютъ послѣднія земныя суетности. Я чувствую, что утихаю; я становлюсь проще, яснѣе. Поздно я схватился за умъ!.. Странное дѣло! я утихаю—точно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ... жутко мнѣ. Да, мнѣ жутко. До половины наклоненный надъ безмолвной, зіяющей бездной, я содрогаюсь, отворачиваюсь, съ жаднымъ вниманіемъ осматриваю все кругомъ. Всякій предметъ мнѣ вдвойнѣ дорогъ. Я не нагляжусь на мою бѣдную, невеселую комнату, прощаясь съ каждымъ пятнышкомъ на моихъ стѣнахъ! Насыщайтесь въ послѣдній разъ, глаза мои! Жизнь удаляется; она ровно и тихо бѣжитъ отъ меня прочь, какъ берегъ отъ взоровъ мореходца. Старое, желтое лицо моей няни, повязанное темнымъ платкомъ, шипящій самоваръ на столѣ, горшокъ ерани передъ окномъ, и ты, мой бѣдный песъ Трезоръ, перо, которымъ я пишу эти строки, собственная рука моя, я вижу васъ теперь... вотъ вы, вотъ... Неужели же... можетъ-быть, сегодня... я никогда болѣе не увижу васъ? Тяжело живому существу разставаться съ жизнью! Что ты ластишься ко мнѣ, бѣдная собака? что̀ прислоняешься грудью къ постели, судорожно поджимая свой куцый хвостъ и не сводя съ меня своихъ добрыхъ, грустныхъ глазъ? Или тебѣ жаль меня? или ты уже чуешь, что хозяина твоего скоро не станетъ? Ахъ, если бъ я могъ также пройти мыслью по всѣмъ предметамъ моей комнаты! Я знаю, что эти воспоминанія невеселы и незначительны, да другихъ у меня нѣтъ. Пустота, страшная пустота! какъ говорила Лиза.

О, Боже мой, Боже мой! Я, вотъ, умираю... Сердце, способное и готовое любить, скоро перестанетъ биться... И неужели же оно затихнетъ навсегда, не извѣдавъ ни разу счастія, не расширясь ни разу подъ сладостнымъ бременемъ радости? Увы! это невозможно, невозможно, я

знаю... Если бъ, по крайней мѣрѣ, теперь, передъ смертью— вѣдь смерть, все-таки, святое дѣло, вѣдь она возвышаетъ всякое существо—если бъ какой-нибудь милый, грустный, дружескій голосъ пропѣлъ надо мною прощальную пѣснь о собственномъ моемъ горѣ, я бы, можетъ-быть, помирился съ нимъ. Но умереть глупо, глупо...

Я, кажется, начинаю бредить.

Прощай жизнь, прощай мой садъ, и вы, мои липы! Когда придетъ лѣто, смотрите, не забудьте сверху донизу покрыться цвѣтами... и пусть хорошо будетъ людямъ лежать въ вашей пахучей тѣни, на свѣжей травѣ, подъ лепечущій говоръ вашихъ листьевъ, слегка возмущенныхъ вѣтромъ. Прощайте, прощайте! Прощай все и навсегда!

Прощай, Лиза! Я написалъ эти два слова—и чуть-чуть не засмѣялся. Это восклицаніе кажется мнѣ книжнымъ. Я, какъ будто, сочиняю чувствительную повѣсть и оканчиваю отчаянное письмо...

Завтра 1 апрѣля. Неужели я умру завтра? Это было бы какъ-то даже неприлично. А впрочемъ, оно ко мнѣ идетъ...

Ужъ какъ же докторъ лотошилъ сегодня!..

1 апрѣля.

Кончено... Жизнь кончена. Я, точно, умру сегодня. На дворѣ жарко... почти душно... или уже грудь моя отказывается дышать? Моя маленькая комедія разыграна. Занавѣсъ падаетъ.

Уничтожаясь, я перестаю быть лишнимъ...

Ахъ, какъ это солнце ярко! Эти могучіе лучи дышатъ вѣчностью...

Прощай, Терентьевна!.. Сегодня поутру она, сидя у окна, всплакнула... можетъ-быть, обо мнѣ... а, можетъ-быть, и о томъ, что ей самой скоро придется умереть. Я взялъ съ нея слово „не пришибить“ Трезора.

Мнѣ тяжело писать... бросаю перо... Пора! смерть уже приближается съ возрастающимъ громомъ, какъ карета ночью по мостовой: она здѣсь, она порхаетъ вокругъ меня, какъ то легкое дуновеніе, отъ котораго поднялись дыбомъ волосы у пророка...

Я умираю... Живите, живые.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!

Примѣчаніе издателя. — Подъ этой послѣдней строкой находится профиль головы съ большимъ хохломъ и усами, съ глазомъ en face и лучеобразными рѣсницами; а подъ головой кто-то написалъ слѣдующія слова:

Сѣю рукопись читалъ
И Содѣржаніе Онной Нѣ Одобрилъ
Пѣтръ Зудотѣшинъ
М М М М
Милостивый Государь
Пѣтръ Зудотѣшинъ
Милостивый Государь мой.

Но такъ какъ почеркъ этихъ строкъ нисколько не походилъ на почеркъ, которымъ написана остальная часть тетради, то издатель и почитаетъ себя въ правѣ заключить, что вышеупомянутыя строки прибавлены были впослѣдствіи, другимъ лицомъ, тѣмъ болѣе, что до свѣдѣнія его (издателя) дошло, что г-нъ Чулкатуринъ дѣйствительно умеръ въ ночь съ 1 на 2 апрѣля 18.. года, въ родовомъ своемъ помѣстьѣ—Овечьи-Воды.

1850 г.

ТРИ ВСТРѢЧИ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Passa que' colli e vieni allegramente;
Non ti curar di tanta compania—
Vieni, pensando a me segretamente—
Ch'io t'accompagna per tutta la via *).

I.

Никуда я, бывало, не ѣздилъ такъ часто на охоту, въ теченіе лѣта, какъ въ село Глинное, лежащее въ двадцати верстахъ отъ моей деревни. Около этого села находятся самыя, можетъ-быть, лучшія мѣста для дичи въ цѣломъ нашемъ уѣздѣ. Выходивъ всѣ окрестные кусты и поля, я непремѣнно къ концу дня заворачивалъ въ сосѣднее, почти единственное въ околоткѣ, болото и уже оттуда возвращался къ радушному моему хозяину, глинскому старостѣ, у котораго я постоянно останавливался. Отъ болота до Глиннаго не болѣе двухъ верстъ; дорога идетъ все лощиной, и только на половинѣ пути приходится перебраться черезъ небольшой холмъ. На вершинѣ этого холма лежитъ усадьба, состоящая изъ одного не-

*) „Перейди черезъ эти холмы и приди весело ко мнѣ; не заботься о слишкомъ большомъ обществѣ. Приди одинъ и во все время дороги думай обо мнѣ, такъ чтобъ я была твоимъ товарищемъ на всемъ пути“.

обитаемаго господскаго домика и сада. Мнѣ почти всегда случалось проходить мимо нея въ самый разгаръ вечерней зари и, помнится, всякій разъ этотъ домъ, съ своими наглухо заколоченными окнами, представлялся мнѣ слѣпымъ старикомъ, вышедшимъ погрѣться на солнцѣ. Сидитъ онъ, сердечный, близъ дороги; солнечный блескъ давно смѣнился для него вѣчной мглою; но онъ чувствуетъ его, по крайней мѣрѣ, на приподнятомъ и вытянутомъ лицѣ, на согрѣтыхъ щекахъ. Казалось, давно никто не жилъ въ самомъ домѣ; но въ крошечномъ флигелькѣ, на дворѣ, помѣщался дряхлый вольно-отпущенный человѣкъ, высокій, сутуловатый и сѣдой, съ выразительными и неподвижными чертами лица. Онъ, бывало, все посиживалъ на лавочкѣ предъ единственнымъ окошкомъ флигеля, съ горестной задумчивостью поглядывая вдаль, а увидавъ меня, приподнимался немного и кланялся съ той медлительной важностью, которой отличаются старые дворовые, принадлежащіе къ поколѣнію не отцовъ нашихъ, а дѣдовъ. Я заговаривалъ съ нимъ, но онъ не былъ словоохотливъ: я только узналъ отъ него, что усадьба, въ которой онъ жилъ, принадлежала внучкѣ его стараго барина, вдовѣ, у которой была младшая сестра; что обѣ онѣ живутъ въ городахъ, да за моремъ, а домой и не показываются; что ему самому поскорѣй хочется дожить свой вѣкъ, потому что „жуешь, жуешь хлѣбъ, инда и тоска возьметъ: такъ давно жуешь“. Старика этого звали Лукьянычемъ.

Однажды я какъ-то долго замѣшкался въ полѣ; дичи попадалось порядочно, да и день вышелъ такой для охоты хорошій—съ самаго утра тихій, сѣрый, словно весь проникнутый вечеромъ. Я забрелъ далеко, и уже не только совершенно стемнѣло, но луна взошла, а ночь, какъ говорится, давно *стала* на небѣ, когда я достигъ знакомой усадьбы. Мнѣ пришлось идти вдоль сада... Кругомъ была такая тишина...

Я перешелъ черезъ широкую дорогу, осторожно пробрался сквозь запыленную крапиву и прислонился къ низкому плетню. Неподвижно лежалъ передо мною не-

большой садъ, весь озаренный и какъ бы успокоенный серебристыми лучами луны, — весь благовонный и влажный; разбитый по-старинному, онъ состоялъ изъ одной продолговатой поляны. Прямыя дорожки сходились на самой ея серединѣ въ круглую клумбу, густо заросшую астрами; высокія липы окружали ее ровной каймой. Въ одномъ только мѣстѣ прерывалась эта кайма сажени на двѣ, и сквозь отверстіе виднѣлась часть низенькаго дома съ двумя, къ удивленію моему, освѣщенными окнами. Молодыя яблони кое-гдѣ возвышались надъ поляной; сквозь ихъ жидкія вѣтви кротко синѣло ночное небо, лился дремотный свѣтъ луны; передъ каждой яблоней лежала на бѣлѣющей травѣ ея слабая, пестрая тѣнь. Съ одной стороны сада, липы смутно зеленѣли, облитыя неподвижнымъ, блѣдноярким свѣтомъ; съ другой, онѣ стояли всѣ черныя и непрозрачныя; странный, сдержанный шорохъ возникалъ по временамъ въ ихъ сплошной листвѣ; онѣ какъ будто звали на пропадавшія подъ ними дорожки, какъ будто манили подъ свою глухую сѣнь. Все небо было испещрено звѣздами; таинственно струилось съ вышины ихъ голубое, мягкое мерцанье; онѣ, казалось, съ тихимъ вниманіемъ глядѣли на далекую землю. Малыя, тонкія облака, изрѣдка налетая на луну, превращали на мгновеніе ея спокойное сіяніе въ неясный, но свѣтлый туманъ... Все дремало. Воздухъ, весь теплый, весь пахучій, даже не колыхался; онъ только изрѣдка дрожалъ, какъ дрожитъ вода, возмущенная паденіемъ вѣтки... Какая-то жажда чувствовалась въ немъ, какое-то млѣніе... Я нагнулся черезъ плетень: передо мной красный полевой макъ поднималъ изъ заглохшей травы свой прямой стебелекъ; большая круглая капля ночной росы блестѣла темнымъ блескомъ на днѣ раскрытаго цвѣтка. Все дремало, все нѣжилось вокругъ; все какъ будто глядѣло вверхъ, вытянувшись, не шевелясь и выжидая... Чего ждала эта теплая, эта не заснувшая ночь?

Звука ждала она; живого голоса ждала эта чуткая тишина—но все молчало. Соловьи давно перестали пѣть... а внезапное гудѣніе мимолетнаго жука, легкое чмоканье

мелкой рыбы въ сажалкѣ за липами на концѣ сада, сонливый свистъ встрепенувшейся птички, далекій крикъ въ полѣ,—до того далекій, что ухо не могло различить, человѣкъ ли то прокричалъ, или звѣрь, или птица, — короткій, быстрый топотъ по дорогѣ: всѣ эти слабые звуки, эти шелесты только усугубляли тишину... Сердце во мнѣ томилось неизъяснимымъ чувствомъ, похожимъ не то на ожиданье, не то на воспоминаніе счастья, я не смѣлъ шевельнуться, я стоялъ неподвижно предъ этимъ неподвижнымъ садомъ, облитымъ и луннымъ свѣтомъ, и росой, и, не знаю самъ почему, неотступно глядѣлъ на тѣ два окна, тускло краснѣвшія въ мягкой полутѣни, какъ вдругъ раздался въ домѣ аккордъ, — раздался и прокатился волною... Раздражительно-звонкій воздухъ отгрянулъ эхомъ... я невольно вздрогнулъ.

Вслѣдъ за аккордомъ раздался женскій голосъ... Я жадно сталъ вслушиваться — и... могу ли выразить мое изумленіе?.. два года тому назадъ, въ Италіи, въ Сорренто, слышалъ я ту же самую пѣсню, тотъ же самый голосъ... Да, да...

Vieni pensando a me segretamente...

Это они, я узналъ ихъ, это тѣ звуки... Вотъ, какъ это было. Я возвращался домой, послѣ долгой прогулки на берегу моря. Я быстро шелъ по улицѣ; уже давно настала ночь, — великолѣпная ночь, южная, не тихая и грустно задумчивая, какъ у насъ, нѣтъ! вся свѣтлая, роскошная и прекрасная, какъ счастливая женщина въ цвѣтѣ лѣтъ; луна свѣтила невѣроятно ярко; большія, лучистыя звѣзды такъ и шевелились на темносинемъ небѣ; рѣзко отдѣлялись черныя тѣни отъ освѣщенной до желтизны земли. Съ обѣихъ сторонъ улицы тянулись каменныя ограды садовъ; апельсинныя деревья поднимали надъ ними свои кривыя вѣтки, золотые шары тяжелыхъ плодовъ то чуть виднѣлись, спрятанные между перепутанными листьями, то ярко рдѣли, пышно выставившись на луну. На многихъ деревьяхъ нѣжно бѣлѣли цвѣты; воздухъ весь былъ напоенъ благовоніемъ томительно-сильнымъ, острымъ и почти тяжелымъ, хотя невыразимо

сладкимъ. Я шелъ и, признаться, успѣвъ уже привыкнуть ко всѣмъ этимъ чудесамъ, думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣй добраться до моей гостиницы, какъ вдругъ изъ одного небольшого павильона, надстроеннаго надъ самой стѣной ограды, вдоль которой я спѣшилъ, раздался женскій голосъ. Онъ пѣлъ какую-то пѣсню, мнѣ незнакомую, и въ звукахъ его было что-то до того призывное, онъ до того казался самъ проникнутъ страстнымъ и радостнымъ ожиданьемъ, выраженнымъ словами пѣсни, что я тотчасъ невольно остановился и поднялъ голову. Въ павильонѣ было два окна; но въ обоихъ жалузи были спущены, и сквозь узкія ихъ трещинки едва струился матовый свѣтъ. Повторивъ два раза — vieni, vieni, голосъ замеръ; послышался легкій звонъ струнъ, какъ бы отъ гитары, упавшей на коверъ, платье зашелестило, полъ слегка скрипнулъ. Полоски свѣта въ одномъ окнѣ исчезли... кто-то изнутри подошелъ и прислонился къ нему. Я сдѣлалъ два шага назадъ. Вдругъ жалузи стукнуло и распахнулось; стройная женщина, вся въ бѣломъ, быстро выставила изъ окна свою прелестную голову и, протянувъ ко мнѣ руки, проговорила: „Sei tu?“ Я потерялся, не зналъ, что сказать, но въ то же мгновеніе незнакомка съ легкимъ крикомъ откинулась назадъ, жалузи захлопнулось, и огонь въ павильонѣ еще болѣе померкъ, какъ будто вынесенный въ другую комнату. Я остался неподвиженъ и долго не могъ опомниться. Лицо женщины, такъ внезапно появившейся передо мною, было поразительно прекрасно. Оно слишкомъ быстро мелькнуло передъ моими глазами для того, чтобы я могъ тотчасъ же запомнить каждую отдѣльную черту; но общее впечатлѣніе было несказанно сильно и глубоко... Я тогда же почувствовалъ, что этого лица я ввѣкъ не забуду. Мѣсяцъ ударялъ прямо въ стѣну павильона, въ то окно, откуда она мнѣ показалась, и, Боже мой! какъ великолѣпно блеснули въ его сіяніи ея большіе, темные глаза! какой тяжелой волной упали ея полураспущенные черные волосы на приподнятое круглое плечо! Сколько было стыдливой нѣги въ мягкомъ склоненіи ея стана, сколько ласки

въ ея голосѣ, когда она окликнула меня — въ этомъ торопливомъ, но все еще звонкомъ шопотѣ! Простоявъ довольно долго на одномъ и томъ же мѣстѣ, я, наконецъ, отошелъ немного въ сторону, въ тѣнь противоположной ограды, и сталъ оттуда съ какимъ-то глупымъ недоумѣніемъ и ожиданіемъ поглядывать на павильонъ. Я слушалъ... слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ... Мнѣ то будто чудилось чье-то тихое дыханіе за потемнѣвшимъ окномъ, то слышался какой-то шорохъ и тихій смѣхъ. Наконецъ, раздались въ отдаленіи шаги... они приблизились; мужчина такого же почти роста, какъ я, показался на концѣ улицы, быстро подошелъ къ калиткѣ подлѣ самаго павильона, которой я прежде не замѣтилъ, стукнулъ, не оглядываясь, два раза желѣзнымъ ея кольцомъ, подождалъ, стукнулъ опять и запѣлъ вполголоса: „Ecco ridente“... Калитка отворилась... онъ безъ шуму скользнулъ въ нее. Я встрепенулся, покачалъ головой, разставилъ руки и, сурово надвинувъ шляпу на брови, съ неудовольствіемъ отправился домой. На другой день я совершенно напрасно и въ самый жаръ проходилъ часа два по улицѣ мимо павильона и въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ Сорренто, не посѣтивъ даже Тассова дома.

Пусть же теперь вообразятъ читатели то изумленіе, которое внезапно овладѣло мной, когда я въ степи, въ одной изъ самыхъ глухихъ сторонъ Россіи, услыхалъ тотъ же самый голосъ, ту же пѣсню.... Какъ и тогда, теперь была ночь; какъ и тогда, голосъ раздался вдругъ изъ освѣщенной, незнакомой комнатки; какъ и тогда, я былъ одинъ. Сердце во мнѣ сильно билось. „Не сонъ ли это?“ думалъ я. И вотъ, раздалось снова послѣднее Vieni... Неужели растворится окно? неужели въ немъ покажется женщина. Окно растворилось. Въ окнѣ показалась женщина. Я ее тотчасъ узналъ, хотя между нами было шаговъ пятьдесятъ разстоянія, хотя легкое облачко заволакивало луну. Это была она, моя соррентская незнакомка. Но она не протянула впередъ, попрежнему, свои обнаженныя руки: она тихо ихъ скрестила и, опершись ими на окно, стала молча и неподвижно глядѣть куда-то въ

садъ. Да, это была она, это были ея незабвенныя черты, ея глаза, которымъ я не видалъ подобныхъ. Широкое бѣлое платье облекало и теперь ея члены. Она казалась нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ Сорренто. Все въ ней дышало увѣренностью и отдыхомъ любви, торжествомъ красоты, успокоенной счастіемъ. Она долго не шевелилась, потомъ оглянулась назадъ, въ комнату и, внезапно выпрямившись, три раза громкимъ и звенящимъ голосомъ воскликнула: „addio!“ Далеко, далеко разнеслись прекрасные звуки, и долго дрожали они, слабѣя и замирая надъ липами сада и въ полѣ за мною, и повсюду. Все вокругъ меня на нѣсколько мгновеній наполнилось голосомъ этой женщины, все звенѣло ей въ отвѣтъ,—звенѣло ею. Она закрыла окно, и черезъ нѣсколько мгновеній огонь погасъ въ домѣ.

Какъ только я пришелъ въ себя—а это, признаюсь, случилось не скоро—я тотчасъ отправился вдоль сада къ усадьбѣ, подошелъ къ запертымъ воротамъ и посмотрѣлъ черезъ заборъ. На дворѣ не замѣчалось ничего необыкновеннаго; въ одномъ углу, подъ навѣсомъ, стояла коляска. Передняя ея половина, вся забрызганная сухой грязью, рѣзко бѣлѣла при лунѣ. Ставни въ домѣ были закрыты попрежнему. Я забылъ сказать, что я передъ тѣмъ днемъ около недѣли не заѣзжалъ въ Глинное. Болѣе получаса расхаживалъ я въ недоумѣніи передъ заборомъ, такъ что обратилъ на себя, наконецъ, вниманіе старой дворовой собаки, которая, однако, не стала на меня лаять, а только необыкновенно иронически посмотрѣла на меня изъ подворотни своими прищуренными и подслѣповатыми глазками. Я понялъ ея намекъ и удалился. Но не успѣлъ я отойти полверсты, какъ вдругъ услышалъ за собою конскій топотъ... черезъ нѣсколько мгновеній всадникъ, на вороной лошади, крупной рысью промчался мимо и, быстро повернувшись ко мнѣ лицомъ, при чемъ я только могъ замѣтить орлиный носъ и прекрасные усы подъ надвинутой фуражкой, съѣхалъ съ дороги направо и тотчасъ же исчезъ за лѣсомъ. „Такъ вотъ онъ“, — подумалъ я, и сердце во мнѣ какъ-то странно шевельну-

лось. Мнѣ показалось, что я узналъ его; его фигура, дѣйствительно, напоминала фигуру мужчины, вошедшаго при мнѣ въ калитку сада въ Сорренто. Черезъ полчаса я уже былъ въ Глинномъ у моего хозяина, разбудилъ его и тотчасъ же началъ его разспрашивать о томъ, кто такой пріѣхалъ въ сосѣднюю усадьбу. Онъ мнѣ съ усиліемъ отвѣчалъ, что пріѣхали помѣщицы.

— Да какія помѣщицы?—возразилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Извѣстно, какія—барыни,—отвѣчалъ онъ очень вяло.

— Да какія барыни?

— Извѣстно, какія бываютъ барыни.

— Русскія?

— А то какія же?—извѣстно, русскія.

— Не иностранки?

— Ась?

— Давно ли онѣ пріѣхали?

— А извѣстно, недавно.

— Да надолго ли онѣ пріѣхали?

— А это неизвѣстно?

— Богаты онѣ?

— А это намъ неизвѣстно. Можетъ, и богаты.

— Съ ними никакого барина не пріѣзжало.

— Барина?

— Да, барина.

Староста вздохнулъ.

— О, охъ, Господи!—проговорилъ онъ, зѣвая.—Н-н-нѣтъ, барина... нѣтъ... барина, кажись, нѣтъ. Неизвѣстно!—прибавилъ онъ вдругъ.

— А какіе тутъ еще сосѣди живутъ?

— Какіе? извѣстно, какіе—всякіе.

— Всякіе?—А какъ ихъ зовутъ?

— Кого, помѣщицъ-то? аль сосѣдей?

— Помѣщицъ.

Староста опять вздохнулъ.

— Какъ ихъ зовутъ?—пробормоталъ онъ.—А Богъ ихъ знаетъ, какъ ихъ зовутъ! Старшую-то, кажись, Анной Ѳедоровной, а другую-то... Нѣтъ, ту не знаю, какъ зовутъ.

— Ну, фамилья ихъ какая, по крайней мѣрѣ?

— Фамилья?

— Да, фамилья, прозвище.

— Прозвище... Да. А ей-Богу же, не знаю.

— Онѣ молодыя?

— Ну, нѣтъ. Этого нѣтъ.

— А какъ?

— Да младшей-то лѣтъ сорокъ слишкомъ будетъ.

— Ты все врешь.

Староста помолчалъ.

— Что жъ—вамъ лучше знать. А намъ неизвѣстно.

— Ну, зарядилъ одно слово!—воскликнулъ я съ досадой.

Зная по опыту, что изъ русскаго человѣка, когда онъ примется отвѣчать такимъ образомъ, нѣтъ никакой возможности извлечь что-нибудь толковое (притомъ же, мой хозяинъ только-что было завалился спать и передъ каждымъ отвѣтомъ слегка покачивался впередъ, съ младенческимъ изумленіемъ расширяя глаза и съ трудомъ расклеивая губы, смазанныя медомъ перваго, сладкаго сна),— я махнулъ рукой и, отказавшись отъ ужина, пошелъ въ сарай.

Я долго не могъ заснуть. „Кто она такая?“ — безпрестанно спрашивалъ я самого себя:—„русская? Если русская, отчего она говоритъ по-итальянски?.. Староста толкуетъ, что она немолодая... Да онъ вретъ... И кто этотъ счастливецъ?.. Рѣшительно, ничего понять нельзя... Но какое странное приключеніе! Возможно ли этакъ два раза сряду... Однако, я узнаю непремѣнно, кто она и зачѣмъ сюда пріѣхала“... Волнуемый такими безпорядочными, отрывчатыми мыслями, я заснулъ поздно и видѣлъ странные сны... То мнѣ казалось, что я брожу гдѣ-то въ пустынѣ, въ самый жаръ полудня — и вдругъ, я вижу, передо мной, по раскаленному желтому песку, бѣжитъ большое пятно тѣни... я поднимаю голову — она, моя красавица, мчится по воздуху, вся бѣлая, съ длинными бѣлыми крыльями, и манитъ меня къ себѣ. Я бросаюсь вслѣдъ за нею; но она плыветъ легко и быстро, а я не могу подняться отъ земли и напрасно простираю жадныя руки... „Addio!“ говоритъ она мнѣ, улетая. — Зачѣмъ нѣтъ у

тебя крыльевъ... „Addio“... И вотъ, со всѣхъ сторонъ раздается: Addio! каждая песчинка кричитъ и пищитъ мнѣ: Addio... нестерпимой, острой трелью звенитъ это і... Я отмахиваюсь отъ него, какъ отъ комара—я ищу ее глазами... а ужъ она стала облачкомъ и тихо поднимается къ солнцу; солнце дрожитъ, колышется, смѣется, простираетъ къ ней навстрѣчу золотыя длинныя нити, и вотъ, ужъ опутали ее эти нити и таетъ она въ нихъ, а я кричу во все горло, какъ изступленный: „это не солнце, это не солнце, это итальянскій паукъ; кто ему далъ паспортъ въ Россію? я его выведу на свѣжую воду: я видѣлъ, какъ онъ крадетъ апельсины въ чужихъ садахъ“... То мнѣ чудилось, что я иду по узкой, горной тропинкѣ... Я спѣшу: мнѣ надо дойти поскорѣй куда-то, меня ждетъ какое-то неслыханное счастье; вдругъ громадная скала воздвигается передо мною. Я ищу прохода: иду направо, иду налѣво—нѣтъ прохода! И вотъ за скалой внезапно раздается голосъ. Passa, passa quei colli... Онъ зоветъ меня, этотъ голосъ; онъ повторяетъ свой грустный призывъ. Я мечусь въ тоскѣ, ищу хотя малѣйшей разсѣлины... увы! отвѣсная стѣна, гранитъ повсюду... Passa quei colli, жалобно повторяетъ голосъ. Сердце во мнѣ ноетъ, я бросаюсь грудью на гладкій камень, я въ изступленіи царапаю его ногтями... Темный проходъ открывается вдругъ передо мною... Замирая отъ радости, устремляюсь я впередъ... „Шалишь!“ кричитъ мнѣ кто-то:—„не пройдешь“... Я гляжу: Лукьянычъ стоитъ передо мною и грозитъ, и машетъ руками... Я торопливо роюсь въ карманахъ: хочу подкупить его; но въ карманахъ ничего нѣтъ... „Лукьянычъ“,—говорю я ему:—„Лукьянычъ, пропусти меня, я тебя послѣ награжу“.—„Вы ошибаетесь, синьоръ“, отвѣчаетъ мнѣ Лукьянычъ, и лицо его принимаетъ странное выраженіе:—„я не дворовый человѣкъ; узнайте во мнѣ Донъ-Кихота Ламанчскаго, извѣстнаго странствующаго рыцаря; цѣлую жизнь отыскивалъ я свою Дульцинею—и не могъ найти ее, и не потерплю, чтобы вы нашли свою“... Passa quei colli... раздается опять почти рыдающій голосъ.—„Посторонитесь, синьоръ!“—восклицаю я съ яро-

стью, и готовъ уже ринуться... но длинное копье рыцаря поражаетъ меня въ самое сердце... я падаю замертво, я лежу на спинѣ... я не могу пошевелиться... и вотъ, вижу — она входитъ съ лампадой въ рукѣ, красиво подымаетъ ее выше головы, озирается во мракѣ и, осторожно прокравшись, наклоняется надо мною... „Такъ вотъ онъ, этотъ шутъ!“ говоритъ она съ презрительнымъ смѣхомъ.— „Это онъ-то хотѣлъ узнать, кто я“, и жгучее масло ея лампады капаетъ мнѣ прямо на раненое сердце... „Психея!“ восклицаю я съ усиліемъ и просыпаюсь...

Всю ночь я спалъ плохо и до̀ свѣта былъ уже на ногахъ. Наскоро одѣвшись и вооружившись, отправился я прямо къ усадьбѣ. Нетерпѣніе мое было такъ велико, что заря только-что разгоралась, когда я подошелъ къ знакомымъ воротамъ. Кругомъ пѣли жаворонки, галки покрикивали на березахъ; но въ домѣ все еще спало утреннимъ, мертвеннымъ сномъ. Собака даже храпѣла за заборомъ. Съ тоской ожиданія, раздраженнаго почти до злобы, похаживалъ я по росистой травѣ и безпрестанно поглядывалъ на низенькій и неказистый домикъ, заключавшій въ стѣнахъ своихъ то загадочное существо... Вдругъ калитка слабо визгнула, отворилась, и появился на порогѣ Лукьянычъ, въ какомъ-то полосатомъ казакинѣ. Его взъерошенное, вытянутое лицо показалось мнѣ еще угрюмѣе, чѣмъ когда-либо. Не безъ изумленья посмотрѣвъ на меня, онъ уже-было хотѣлъ опять затворить калитку.

— Любезный, любезный!—воскликнулъ я торопливо.

— Что̀ вамъ надо въ такую раннюю пору?—возразилъ онъ медленно и глухо.

— Скажи пожалуйста, къ вамъ, говорятъ, ваша барыня пріѣхала?

Лукьянычъ помолчалъ.

— Пріѣхала...

— Одна?

— Съ сестрой.

— Не было у нихъ вчера гостей?

— Не было.

И онъ потянулъ къ себѣ калитку.

— Постой, постой любезный... Сдѣлай одолженіе...

Лукьянычъ кашлянулъ и поежился отъ холода.

— Да что̀ вамъ такое надо?

— Скажи пожалуйста, сколько твоей барынѣ лѣтъ?

Лукьянычъ подозрительно взглянулъ на меня.

— Сколько барынѣ лѣтъ? Не знаю. Лѣтъ за сорокъ будетъ.

— За сорокъ! А сестрѣ ея сколько будетъ?

— А той подъ сорокъ.

— Неужто! и хороша она собой?

— Кто, сестра-то?

— Да, сестра.

Лукьянычъ усмѣхнулся.

— Не знаю, какъ кому покажется. По-моему, нехороша.

— А что?

— Такъ, неказиста больно. Мозглявата маленько.

— Вотъ какъ! и кромѣ ихъ никто къ вамъ не пріѣхалъ?

— Никто. Кому пріѣзжать!

— Да это быть не можетъ!.. Я...

— Э, баринъ! съ вами, знать, всего не переговоришь,— возразилъ старикъ съ досадой. — Вишь, холодъ какой! Прощенья просимъ!

— Постой, постой... вотъ тебѣ...— И я протянулъ ему напередъ приготовленный четвертакъ, но рука моя толкнулась въ быстро захлопнутую калитку. Серебряная монета упала на землю, прокатилась и легла у моихъ ногъ.

„А, старый плутъ“,—подумалъ я: — „Донъ-Кихотъ Ламанчскій! тебѣ, видно, приказали молчать... Да погоди, меня ты не проведешь“...

Я далъ себѣ слово, во что бы то ни было, добиться толка. Около получаса ходилъ я взадъ и впередъ, не зная на что̀ рѣшиться. Наконецъ, я положилъ сперва разузнать въ деревнѣ, кто именно пріѣхалъ въ усадьбу и чья она, потомъ опять-таки вернуться и, какъ говорится, не отстать, пока не разъяснится дѣло.—Выйдетъ же незнакомка изъ дома, увижу же я ее наконецъ днемъ, вблизи, какъ живую женщину, не какъ видѣнье. До деревни было съ версту, и я тотчасъ же отправился туда, легко и бодро вы-

ступая: странная отвага кипѣла и разыгрывалась въ крови моей; крѣпительная свѣжесть утра раздражала меня послѣ безпокойной ночи.—Въ деревнѣ я отъ двухъ отправлявшихся на работу мужиковъ узналъ все, что̀ могъ только узнать отъ нихъ; а именно: я узналъ, что ту усадьбу вмѣстѣ съ деревней, въ которую я зашелъ, звали Михайловскимъ, что она принадлежала вдовѣ, майоршѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Шлыковой, что у ней была сестра, незамужняя дѣвица Пелагея Ѳедоровна Бадаева, что обѣ онѣ въ лѣтахъ, богаты, дома почти не живутъ, все въ разъѣздахъ, никого при себѣ, кромѣ двухъ дворовыхъ дѣвушекъ и повара, не держатъ, что Анна Ѳедоровна на-дняхъ вернулась изъ Москвы съ одной только своей сестрой... Это послѣднее обстоятельство меня сильно смутило: нельзя же предполагать, что и мужику приказано было молчать о моей незнакомкѣ. Допустить же, что Анна Ѳедоровна Шлыкова, вдова сорока-пяти лѣтъ, и та молодая, прелестная женщина, видѣнная мною вчера, одно и то же лицо—было совершенно невозможно. Пелагея Ѳедоровна, по описаніямъ, также не отличалась красотою, да и сверхъ того, при одной мысли, что женщину, видѣнную мною въ Сорренто, могли звать Пелагеей, да еще Бадаевой, я пожималъ плечами и злобно смѣялся. И однакожъ, я ее видѣлъ вчера, въ этомъ домѣ... видѣлъ, своими глазами видѣлъ, думалъ я. Раздосадованный, взбѣшенный, но еще болѣе непреклонный въ своемъ намѣреніи, я-было хотѣлъ тотчасъ же вернуться въ усадьбу... но взглянулъ на часы: еще шести часовъ не было. Я рѣшился подождать. Въ усадьбѣ, вѣроятно, всѣ еще спали, а съ теперешнихъ поръ бродить около дома значило бы только напрасно возбуждать подозрѣніе; притомъ, предъ мной разстилались кусты, за ними виднѣлся осиновый лѣсъ... Я долженъ отдать себѣ ту справедливость, что, несмотря на волновавшія меня мысли, благородная страсть къ охотѣ не совсѣмъ еще замолкла во мнѣ; „авось, подумалъ я: — наткнусь на выводокъ — время и пройдетъ“. Я вошелъ въ кусты. Но, правду сказать, ходилъ я весьма небрежно и уже вовсе несообразно съ правилами искус-

ства: не слѣдилъ постоянно глазами за собакой, не фыркалъ надъ густымъ кустомъ, въ надеждѣ, что оттуда съ громомъ и трескомъ вылетитъ краснобровый чернышъ, и безпрестанно взглядывалъ на часы, что̀ уже совсѣмъ никуда не годится. Вотъ, наконецъ, наступилъ девятый часъ. „Пора!“ воскликнулъ я вслухъ и уже повернулъ-было назадъ къ усадьбѣ, какъ вдругъ огромный чернышъ дѣйствительно затрепыхался изъ густой травы, въ двухъ шагахъ отъ меня; я выстрѣлилъ по великолѣпной птицѣ, ранилъ ее въ подкрылокъ; она чуть не свалилась, но справилась, потянула, дробя крыльями и ныряя, къ лѣсу, попыталась-было подняться выше первыхъ осинокъ опушки, но ослабѣла и кубаремъ покатилась въ чащу. Бросить такую добычу было бы совершенно непростительно; я проворно пустился вслѣдъ за нею, вошелъ въ лѣсъ, сдѣлалъ знакъ Діанкѣ, и черезъ нѣсколько мгновеній услышалъ безсильное клохтанье и хлопанье: то бился несчастный чернышъ подъ лапами чуткой собаки. Я поднялъ его, положилъ въ ягдташъ, оглянулся—и, какъ пригвожденный, остался на мѣстѣ...

Лѣсъ, въ который я вошелъ, былъ очень частъ и глухъ, такъ что я съ трудомъ добрался до мѣста, гдѣ упала птица; но въ недальнемъ разстояніи отъ меня извивалась телѣжная дорога, и по этой дорогѣ ѣхали верхомъ, шагомъ и рядомъ, моя красавица и тотъ мужчина, который обогналъ меня наканунѣ; я его узналъ по усамъ. Они ѣхали тихо, молча, держа другъ друга за руки; ихъ лошади чуть выступали, лѣниво покачиваясь съ-боку-набокъ и красиво вытянувъ длинныя шеи. Опомнившись отъ перваго испуга... именно испуга: другого названія я не могу дать чувству, внезапно меня охватившему... я такъ и впился въ нее глазами. Какъ она была хороша! какъ очаровательно несся мнѣ навстрѣчу, среди изумрудной зелени, ея стройный образъ! Мягкія тѣни, нѣжные отблески тихо скользили по ней — по ея длинному, сѣрому платью, по тонкой, слегка наклоненной шеѣ, по блѣднорозовому лицу, по лоснистымъ чернымъ волосамъ, пышно выбѣгавшимъ изъ-подъ низенькой шляпы. Но какъ пере-

дать то выраженіе полнаго, страстнаго, до безмолвія страстнаго блаженства, которымъ дышали ея черты! Голова ея какъ-будто склонилась подъ его бременемъ; золотыя, влажныя искорки просвѣчивались въ ея темныхъ глазахъ, до половины закрытыхъ рѣсницами; они никуда не глядѣли, эти счастливые глаза, и тонкія брови опустились надъ ними. Неопредѣленная, младенческая улыбка—улыбка глубокой радости блуждала на ея губахъ; казалось, избытокъ счастья утомлялъ и какъ бы надломлялъ ее слегка, вотъ какъ распустившійся цвѣтокъ иногда надламываетъ свой стебель; обѣ руки ея безсильно лежали: одна — въ рукѣ ѣхавшаго съ ней мужчины, другая — на холкѣ лошади. Я успѣлъ разсмотрѣть ее—но и его тожъ... Это былъ красивый, статный мужчина, съ нерусскимъ лицомъ. Онъ глядѣлъ на нее смѣло и весело и, сколько я могъ замѣтить, не безъ тайной гордости любовался ею. Онъ любовался ею, злодѣй, и былъ очень собой доволенъ и недовольно тронутъ, недовольно умиленъ, именно умиленъ... Да и въ самомъ дѣлѣ, какой человѣкъ заслуживаетъ такую преданность, какая самая прекрасная душа достойна доставить другой душѣ такое счастье... Признаться сказать, завидовалъ я ему!.. Между тѣмъ оба они поровнялись со мною... собака моя вдругъ выскочила на дорогу и залаяла. Незнакомка вздрогнула, быстро оглянулась и, увидавъ меня, сильно ударила хлыстомъ по шеѣ лошади. Лошадь фыркнула, взвилась на дыбы, вынесла разомъ впередъ обѣ ноги и помчалась галопомъ... Мужчина тотчасъ же пришпорилъ своего вороного коня, и когда я черезъ нѣсколько мгновеній вышелъ по дорогѣ на опушку, они уже оба скакали въ золотистой дали, черезъ поле, красиво и мѣрно колыхаясь на сѣдлахъ... и скакали не въ направленіи усадьбы...

Я глядѣлъ... Они скоро исчезли за холмомъ, въ послѣдній разъ ярко озарившись солнцемъ на темной чертѣ небосклона. Я постоялъ, постоялъ, тихими шагами вернулся въ лѣсъ и сѣлъ, закрывъ глаза рукою, на дорожкѣ. Я замѣтилъ, что при встрѣчѣ съ незнакомыми стòитъ только закрыть глаза — и черты ихъ тотчасъ же возник-

нутъ передъ вами; всякій можетъ повѣрить справедливость моего замѣчанія на улицѣ. Чѣмъ знакомѣе лица, тѣмъ труднѣе являются они, тѣмъ неяснѣе ихъ впечатлѣніе; ихъ помнишь, а не видишь... а своего собственнаго лица никакъ и не представишь... Малѣйшая отдѣльная черта извѣстна, а цѣлаго образа не составляется. Итакъ, я сѣлъ, закрылъ глаза—и тотчасъ увидалъ и незнакомку, и ея товарища, и лошадей ихъ, и все... особенно рѣзко и отчетливо стояло передо мной улыбающееся лицо мужчины. Я сталъ вглядываться въ него... оно смѣшалось и растаяло въ какой-то багровой мглѣ, а вслѣдъ за нимъ и ея образъ тоже понесся прочь и утонулъ и уже болѣе не хотѣлъ возвратиться.—Я приподнялся. „Ну, что жъ!—подумалъ я:—по крайней мѣрѣ, я ихъ видѣлъ, ясно видѣлъ обоихъ.... Остается узнать ихъ имена“. Стараться узнать ихъ имена! Какое неумѣстное, мелкое любопытство! Но, клянусь, не любопытство во мнѣ разгоралось: мнѣ, право, просто казалось невозможнымъ не добиться, наконецъ, кто же они по крайней мѣрѣ такіе, послѣ того, какъ случай такъ странно и такъ упорно сводилъ меня съ ними. Впрочемъ, нетерпѣливаго, прежняго недоумѣнія во мнѣ уже не было: оно смѣнилось какимъ-то смутнымъ, печальнымъ чувствомъ, котораго я немного стыдился... Я завидовалъ...

Я не спѣшилъ назадъ къ усадьбѣ. Мнѣ, признаться, становилось совѣстно допытываться чужой тайны. Притомъ, появленье любящей четы днемъ, при солнечномъ свѣтѣ, хотя все-таки неожиданное и, повторяю, странное—не то, чтобы успокоило, а какъ-то расхолодило меня. Я уже не находилъ во всемъ этомъ происшествіи ничего сверхъестественнаго, чудеснаго... ничего похожаго на несбыточный сонъ...

Я началъ опять охотиться, съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ прежде; но все-таки настоящихъ восторговъ не было. Выводокъ мнѣ попался и задержалъ меня часа на полтора... Молодые тетеревята долго не откликивались на мой свистъ, — вѣроятно, оттого, что я свистѣлъ не довольно „объективно“. — Солнце взошло уже очень высоко (часы

показывали двѣнадцать), когда я направилъ шаги свои къ усадьбѣ. Я шелъ не торопясь. Вотъ, глянулъ, наконецъ, съ холма низенькій домикъ... сердце во мнѣ опять задрожало. Я приблизился... и не безъ тайнаго удовольствія увидѣлъ Лукьяныча. Онъ попрежнему неподвижно сидѣлъ на лавочкѣ передъ флигелемъ. Ворота были заперты... и ставни тоже.

— Здравствуй, дядя!—крикнулъ я еще издали.—Аль погрѣться вышелъ?

Лукьянычъ повернулъ ко мнѣ свое худое лицо и молча приподнялъ фуражку.

Я подошелъ къ нему.

— Здравствуй, дядя, здравствуй,—повторилъ я, желая его задобрить. — Что жъ ты, — прибавилъ я, нечаянно увидѣвъ на землѣ мой новенькій четвертакъ:—не видалъ, что ли, его?

И я указалъ ему на серебряный кружокъ, до половины высунувшійся изъ-подъ короткой травки.

— Нѣтъ, видѣлъ.

— Такъ что же ты его не поднялъ?

— Да такъ; не мои деньги, такъ и не поднялъ.

— Экой ты, братецъ! — возразилъ я не безъ замѣшательства и, поднявъ четвертакъ, протянулъ ему его опять: возьми, возьми, на чай.

— Много благодарны,—отвѣчалъ мнѣ Лукьянычъ, спокойно улыбнувшись.—Не нужно; поживемъ и такъ. Много благодарны.

— Да я тебѣ готовъ съ удовольствіемъ дать еще больше!—возразилъ я съ смущеніемъ.

— За что̀ же? Не извольте безпокоиться — много благодарны за расположенье, а хлѣба съ насъ и въ краюхѣ будетъ. И той, пожалуй, не доѣшь—какой часъ выдетъ.

И онъ всталъ и протянулъ руку къ калиткѣ.

— Постой, постой, старикъ, — заговорилъ я почти съ отчаяніемъ:—какой ты, право, сегодня, неразговорчивый... Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, твоя барыня — встала она что ли?

— Онѣ встали.

— И... дома она?

— Нѣтъ, ихъ дома нѣтъ-съ.

— Въ гости выѣхали, что ли?

— Никакъ нѣтъ-съ: въ Москву уѣхала.

— Какъ въ Москву? Да она сегодня поутру здѣсь была?

— Здѣсь.

— И ночевала здѣсь?

— Здѣсь ночевали-съ.

— И недавно сюда пріѣхала?

— Недавно.

— Такъ какъ же, братецъ?

— А вотъ, этакъ съ часъ будетъ времени, изволили обратно отправиться въ Москву.

— Въ Москву!

Я съ остолбенѣніемъ глядѣлъ на Лукьяныча: этого, признаюсь, я не ожидалъ...

И Лукьянычъ глядѣлъ на меня... Старчески лукавая улыбка стягивала его сухія губы и чуть свѣтилась въ печальныхъ глазахъ.

— И съ сестрой уѣхала?—проговорилъ я, наконецъ.

— Съ сестрицей.

— Такъ что никого теперь въ домѣ нѣтъ?

— Никого...

„Этотъ старикъ меня обманываетъ,—сверкнуло у меня въ головѣ.—Не даромъ онъ такъ лукаво ухмыляется“.— Послушай, Лукьянычъ,—проговорилъ я вслухъ: — хочешь ты мнѣ сдѣлать одно одолженіе?..

— Что̀ такое вамъ угодно?—медленно проговорилъ онъ, видимо начиная тяготиться моими разспросами.

— Въ домѣ, ты говоришь, никого нѣтъ; можешь ты показать мнѣ его? Я бы очень былъ тебѣ благодаренъ.

— То-есть, вы хотите комнаты посмотрѣть?

— Да, комнаты.

Лукьянычъ помолчалъ.

— Извольте,—произнесъ онъ, наконецъ.—Пожалуйте...

И онъ, нагнувшись, шагнулъ черезъ порогъ калитки. Я отправился вслѣдъ за нимъ. Перейдя черезъ небольшой дворикъ, мы взобрались на шаткія ступеньки крыль-

ца. Старикъ толкнулъ дверь; въ ней и замка не было: веревочка съ узломъ торчала изъ ключевой скважины... Мы вошли въ домъ. Онъ весь состоялъ изъ пяти-шести низенькихъ комнатъ, и, сколько я могъ различить при слабомъ свѣтѣ, скупо струившемся сквозь трещины ставенъ, мебель въ этихъ комнатахъ была весьма простая и дряхлая. Въ одной ихъ нихъ (именно въ той, которая выходила въ садъ) стояло маленькое и старенькое фортепіано... я поднялъ его погнутую крышку и ударилъ по клавишамъ: кислый, шипящій звукъ раздался и болѣзненно замеръ, какъ бы жалуясь на мою дерзость. Ни по чемъ нельзя было замѣтить, что изъ этого дома недавно выѣхали люди; въ немъ и пахло чѣмъ-то мертвеннымъ и душнымъ—нежилымъ; развѣ кое-гдѣ валявшаяся бумажка своей бѣлизной давала знать, что попала сюда недавно. Я поднялъ одну такую бумажку; она оказалась клочкомъ письма; на одной сторонѣ бойкимъ женскимъ почеркомъ были начертаны слова: „se taire?“, на другой я разобралъ слово: „bonheur“... На кругломъ столикѣ подлѣ окна стоялъ букетъ полузавядшихъ цвѣтовъ въ стаканѣ и лежала зелененькая, смятая ленточка... я взялъ эту ленточку на память.—Лукьянычъ отворилъ узкую дверь, заклеенную обоями.

— Вотъ, — сказалъ онъ, протянувъ руку: — это вотъ спальня, а тамъ, за нею, еще дѣвичья, а то другихъ покоевъ нѣтъ...

Мы пошли назадъ по коридору. — А тамъ что за комната? — спросилъ я, указавъ на широкую, бѣлую дверь съ замкомъ.

— Это?—отвѣчалъ мнѣ Лукьянычъ глухимъ голосомъ.— Это такъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ... Кладовая... И онъ пошелъ-было въ переднюю.

— Кладовая? Нельзя ли ее посмотрѣть?..

— Да что вамъ за охота, баринъ, право! — возразилъ Лукьянычъ съ неудовольствіемъ. — Что вамъ смотрѣть? Сундуки, посуда старая... кладовая, и больше ничего...

— Все-таки, покажи мнѣ ее, пожалуйста, старикъ, — сказалъ я, хоть внутренно стыдился своей неприличной настойчивости. — Я, вотъ, видишь ли, я желалъ бы... я хочу у себя въ деревнѣ точно такой домъ...

Мнѣ стало совѣстно: я не могъ докончить начатой рѣчи.

Лукьянычъ стоялъ, наклонивъ на грудь сѣдую голову, и какъ-то странно посматривалъ на меня исподлобья.

— Покажи,—проговорилъ я.

— Ну, извольте, — возразилъ онъ наконецъ, досталъ ключъ и неохотно отперъ дверь.

Я заглянулъ въ кладовую. Въ ней, дѣйствительно, не было ничего замѣчательнаго. На стѣнахъ висѣли старые портреты, съ мрачными, почти черными лицами и злыми глазами. На полу валялся всякій хламъ.

— Ну, насмотрѣлись? — угрюмо спросилъ меня Лукьянычъ.

— Да; спасибо!—торопливо возразилъ я.

Онъ захлопнулъ дверь. Я вышелъ въ переднюю, а изъ передней на дворъ.

Лукьянычъ проводилъ меня, пробормоталъ: „прощенья просимъ-съ!“ и пошелъ въ свой флигелекъ.

— А какая это у васъ госпожа вчера гостила?—крикнулъ я ему вслѣдъ:—я ее сегодня встрѣтилъ въ рощѣ.

Я надѣялся озадачить его моимъ внезапнымъ вопросомъ, вызвать необдуманный отвѣтъ. Но старикъ только глухо засмѣялся и, уходя къ себѣ, хлопнулъ дверью.

Я отправился назадъ, въ Глинное. Мнѣ было неловко, какъ пристыженному мальчику.

„Нѣтъ,—сказалъ я самому себѣ:—видно, мнѣ не добиться разрѣшенія этой загадки. Богъ съ ней! Не стану больше думать обо всемъ этомъ“.

Черезъ часъ я уже ѣхалъ домой, разсерженный и раздраженный.

Прошла недѣля. Какъ ни старался я отгонять отъ себя прочь воспоминаніе о незнакомкѣ, о ея спутникѣ, о моихъ встрѣчахъ съ ними, — оно то-и-дѣло возвращалось и приставало ко мнѣ со всей докучной настойчивостью послѣ-обѣденной мухи... Лукьянычъ, съ своими

таинственными взглядами и сдержанными рѣчами, съ своей холодно-печальной улыбкой, тоже безпрестанно приходилъ мнѣ на память. Самый домъ, когда я вспоминалъ о немъ,—самый тотъ домъ, казалось, хитро и тупо поглядывалъ на меня сквозь свои полузакрытыя ставни и какъ будто поддразнивалъ меня, какъ будто говорилъ мнѣ: а все же ты ничего не узнаешь! Я, наконецъ, не выдержалъ и въ одинъ прекрасный день поѣхалъ въ Глинное, а изъ Глиннаго отправился пѣшкомъ... куда? читатель легко догадается.

Я долженъ сознаться, что, подходя къ таинственной усадьбѣ, я чувствовалъ довольно сильное волненіе. Въ наружности дома не произошло никакой перемѣны: тѣ же закрытыя окна, тотъ же унылый и осиротѣлый видъ; только на лавочкѣ, передъ флигелемъ, вмѣсто старика Лукьяныча, сидѣлъ какой-то молодой дворовый парень лѣтъ двадцати, въ длинномъ нанковомъ кафтанѣ и красной рубахѣ. Онъ сидѣлъ, положивъ на ладонь кудрявую голову, и дремалъ, изрѣдка покачиваясь и вздрагивая.

— Здравствуй, братъ!—промолвилъ я громко.

Онъ тотчасъ вскочилъ и выпучилъ на меня свои оторопѣлые глаза.

— Здравствуй, братъ!—повторилъ я:—а гдѣ старикъ?

— Какой старикъ?—медленно проговорилъ малый.

— Лукьянычъ.

— А, Лукьянычъ! — Онъ глянулъ въ сторону. — Вамъ Лукьяныча надо?

— Да, Лукьяныча. Что онъ, дома?

— Н-нѣтъ, — произнесъ малый съ разстановкой: — онъ того... какъ бы вамъ... того... сказать...

— Нездоровъ онъ, что ли?

— Нѣтъ.

— Такъ что же?

— Да его совсѣмъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Такъ. Съ нимъ такое... недоброе приключилось.

— Онъ умеръ?—спросилъ я съ изумленіемъ.

— Удавился.

— Удавился!—съ испугомъ воскликнулъ я и всплеснулъ руками.

Мы оба молча посмотрѣли въ глаза другъ другу.

— Давно ли?—проговорилъ я наконецъ.

— Да вотъ, пятый день сегодня. Вчера его хоронили.

— Да отчего онъ это удавился?

— Господь его знаетъ. Человѣкъ онъ былъ вольный, на жалованьѣ; нужды ни въ чемъ не зналъ, господа его какъ родного ласкали. Вѣдь у насъ господа — дай Богъ имъ здоровья! Просто ума не приложишь, что съ нимъ такое подѣялось. Знать, лукавый попуталъ.

— Да какъ это онъ сдѣлалъ?

— Да такъ. Взялъ, да удавился.

— И ничего прежде въ немъ не замѣчали?

— Какъ вамъ сказать... Особеннаго этакого, чтобы... ничего. Онъ всегда скучный такой былъ, сумнительный человѣкъ. Закряхтитъ, закряхтитъ, бывало. Скучно, дескать, мнѣ. Ну, да вѣдь ужъ лѣта его какія были. Въ послѣднее время онъ, точно, что-то задумываться началъ. Придетъ, бывало, къ намъ, на деревню; я-то ему племянникомъ довожусь. — „Что, братъ, Вася, скажетъ,—приди-ка, братъ, переночуй-ка у меня!“—„А что, дяденька?“—„Да такъ, страшно что-то; скучно одному“. Ну, и пойдешь къ нему. Бывало, выдетъ на дворъ, посмотритъ, посмотритъ этакъ на домъ, закачаетъ, закачаетъ головой, да какъ вздохнетъ... Передъ самой той ночью, какъ ему, то-есть жизнь покончить, онъ тоже пришелъ къ намъ, позвалъ меня. Ну, я и пошелъ. Вотъ, пришли мы къ нему во флигелекъ, посидѣлъ онъ маленько на лавочкѣ; всталъ, да и вышелъ. Я жду, что, молъ, долго онъ не идетъ, вышелъ на дворъ, крикнулъ: „дяденька! а дядя?“ Не откликается дяденька. Я думаю: куда, молъ, онъ это пошелъ, не въ домъ ли? да и пошелъ въ домъ. Ужъ смеркаться начинало. Вотъ, прохожу я мимо кладовой, слышу, скребетъ тамъ что-то за дверью; я взялъ, да дверь и отворилъ; глядь, а онъ тамъ сидитъ, прикорнулъ подъ окномъ. „Что, молъ, говорю, дяденька, вы тутъ дѣлаете?“ А онъ какъ обернется, да какъ гик-

нетъ на меня, а глаза-то у него такіе быстрые, быстрые, такъ и горятъ, какъ у кота. „Что тебѣ? Развѣ не видишь—бреюсь?“ И голосъ такой хриплый. У меня вдругъ волосы такъ дыбомъ и поднялись, и самъ не знаю отчего, такъ мнѣ страшно стало... знать, о-ту пору бѣсы-то его ужъ обступили. „Въ потьмахъ-то“, говорю я, а у самого такъ колѣни и дрожатъ. — „Ну, говоритъ, хорошо, ступай“. Я пошелъ, и онъ изъ кладовой вышелъ и дверь на замокъ заперъ. Вотъ, пришли мы опять во флигелекъ, страхъ съ меня тотчасъ и соскочилъ. „Что, молъ, говорю я, дядюшка, ты въ кладовой дѣлалъ?“ Онъ такъ и всполохнулся.—„А ты молчи, говоритъ, молчи!“ да и полѣзъ на лежанку. „Ну—думаю я—лучше не стану я съ нимъ заговаривать: вишь, онъ сегодня что-то того, нездоровъ, должно-быть“. Вотъ, я взялъ, да и легъ тоже на лежанку. А ночникъ горитъ въ углу. Вотъ, лежу я, и такъ, знаете, дремлется мнѣ... вдругъ, слышу, дверь тихонько скрыпъ... да и отворилась... такъ, немножко. А дяденька-то къ двери спиной лежалъ, да и на ухо онъ всегда, вы, можетъ, припомните, тугъ бывалъ. А тутъ какъ вскочитъ вдругъ... „Кто меня зоветъ, а? кто? за мной пришелъ, за мной!“ да безъ шапки на дворъ... я подумалъ: „что съ нимъ это?“ да, грѣшный человѣкъ, тутъ же и заснулъ. На другое утро просыпаюсь... нѣтъ Лукьяныча. Вышелъ изъ комнатки, сталъ его кликать—нѣту нигдѣ. Спрашиваю у сторожа:—„не видалъ, молъ, не выходилъ дяденька?“—„Нѣтъ, говоритъ, не видалъ“.—„Что, братъ—говорю—нѣтъ его что-то“... „Ой!“ Мы такъ оба и струхнули. „Пойдемъ—говорю—Ѳедосѣичъ, пойдемъ—говорю—посмотримъ, нѣтъ ли его въ домѣ“. „Пойдемъ, говоритъ, Василій Тимофѣичъ“, а самъ бѣлъ, какъ глина. Пошли мы въ домъ... сталъ я проходить мимо кладовой, да какъ глянулъ, а замокъ-то виситъ на пробоѣ открытый, я толкъ въ дверь, а дверь-то изнутри заперта... Ѳедосѣичъ тотчасъ обѣжалъ кругомъ, посмотрѣлъ въ окно. „Василій Тимофѣичъ!—кричитъ—ноги висятъ, ноги“... Я къ окну. А ноги-то это его, Лукьянычевы ноги. Такъ посреди комнаты и повѣсился... Ну, послали за судомъ...

Сняли его съ веревки: двѣнадцатью узлами завязана была веревка.

— Ну, что же судъ?

— Да что судъ? Ничего. Подумали, подумали, какая можетъ быть причина. Нѣтъ никакой причины. Такъ и рѣшили, что, должно полагать, не въ своемъ былъ умѣ. У него жъ въ послѣднее время голова болѣла, часто все головой жаловался...

Я еще около получаса потолковалъ съ малымъ и ушелъ, наконецъ, въ совершенномъ смущеніи. Признаюсь, я не могъ безъ тайнаго, суевѣрнаго страха смотрѣть на этотъ дряхлый домъ... Черезъ мѣсяцъ я уѣхалъ изъ деревни, и понемногу всѣ эти ужасы, эти таинственныя встрѣчи вышли у меня изъ головы.

II.

Прошло три года. Бо̀льшую часть этого времени я провелъ въ Петербургѣ, да за границей, и если когда я и заѣзжалъ къ себѣ въ деревню, то не болѣе какъ на нѣсколько дней, такъ что мнѣ ни разу не пришлось побывать ни въ Глинномъ, ни въ Михайловскомъ. Ни красавицу мою я не видалъ нигдѣ, ни того мужчину. Однажды, на исходѣ третьяго года, въ Москвѣ, мнѣ случилось встрѣтиться съ г-жею Шлыковой и ея сестрицей, Пелагеей Бадаевой — съ той самой Пелагеей, которую я, грѣшный человѣкъ, до тѣхъ поръ считалъ вымышленнымъ лицомъ,— на вечерѣ у одной моей знакомой. Обѣ дамы были уже не молодыхъ лѣтъ и довольно пріятной наружности; разговоръ ихъ отличался умомъ и веселостью: онѣ много путешествовали, и путешествовали съ пользой; въ обращеніи ихъ замѣчалась непринужденная веселость. Но между моей незнакомкой и ими не было рѣшительно ничего общаго. Меня представили имъ. Мы съ г-жею Шлыковой разговорились (сестрицу ея занималъ какой-то заѣзжій геологъ). Я объявилъ ей, что имѣю удовольствіе быть ея сосѣдомъ по ...му уѣзду.

— А! у меня тамъ, точно, есть небольшое имѣнье, — замѣтила она:—возлѣ Глиннаго.

— Какъ же, какъ же, — возразилъ я: — я знаю ваше Михайловское. Вы тамъ бываете?

— Я?—рѣдко.

— Три года тому назадъ были?

— Постойте! кажется, была. Да, была, точно.

— Съ сестрицей вашей или однѣ?

Она взглянула на меня.

— Съ сестрой. Мы тамъ съ недѣлю провели. По дѣламъ, знаете. Впрочемъ, мы никого не видали.

— Гм... Тамъ, кажется, сосѣдей очень мало.

— Да, мало. Я же до нихъ не охотница.

— Скажите,—началъ я:—вѣдь у васъ тамъ, кажется, въ томъ же году случилось несчастье. Лукьянычъ...

Глаза г-жи Шлыковой тотчасъ наполнились слезами.

— А вы его знали?—промолвила она съ живостью.—Такое несчастье! Такой былъ прекрасный, добрый старикъ... и, представьте, вѣдь безъ всякой причины...

— Да, да,—пробормоталъ я:—такое несчастіе...

Сестра г-жи Шлыковой подошла къ намъ. Ей, вѣроятно, ужъ начинали надоѣдать ученыя разсужденія геолога о формаціи береговъ Волги.

— Вообрази, Pauline, — начала моя собесѣдница: — m-r зналъ Лукьяныча.

— Въ самомъ дѣлѣ? Бѣдный старикъ!

— Я не разъ охотился около Михайловскаго въ то время, когда вы тамъ были, три года тому назадъ, — замѣтилъ я.

— Я?—возразила Пелагея съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Ну, да, конечно!—поспѣшно подхватила ея сестрица:—развѣ ты не помнишь?

И она пристально поглядѣла ей въ глаза.

— Ахъ, да, да... точно!—отвѣчала вдругъ Пелагея.

„Эхе-хе—подумалъ я—наврядъ ты была въ Михайловскомъ, голубушка“.

— Не споете ли намъ что-нибудь, Пелагея Ѳедоровна,—заговорилъ внезапно одинъ высокій молодой человѣкъ, съ бѣлокурымъ кокомъ и мутно-сладкими глазками.

— Я, право, не знаю,—проговорила дѣвица Бадаева.

— А вы поете?—воскликнулъ я съ живостью и быстро поднялся съ мѣста:—ради Бога... Ахъ, ради Бога, спойте намъ что-нибудь.

— Но что̀ мнѣ спѣть вамъ?

— Не знаете ли вы,—началъ я, всячески стараясь придать себѣ видъ равнодушный и развязный:—одну итальянскую пѣсенку... она такъ начинается: passa que' colli?

— Знаю, — отвѣчала Пелагея совершенно невинно. — Что жъ, ее вамъ спѣть? Извольте.

И она сѣла за фортепіано. Я, какъ Гамлетъ, вперилъ взоры свои въ г-жу Шлыкову. Мнѣ показалось, что при первомъ звукѣ она слегка вздрогнула; впрочемъ, она спокойно досидѣла до конца. Дѣвица Бадаева пѣла недурно. Пѣсенка кончилась — раздались обычныя рукоплесканія. Стали просить ее спѣть еще что-нибудь; но обѣ сестры перемигнулись и черезъ нѣсколько минутъ уѣхали. Когда онѣ выходили изъ комнаты, мнѣ послышалось слово: importun.

„Подѣломъ!“ подумалъ я — и уже больше съ ними не встрѣчался.

Прошелъ еще годъ. Я переѣхалъ на жительство въ Петербургъ. Настала зима; начались маскарады. Однажды, выходя въ одиннадцатомъ часу вечера изъ одного пріятельскаго дома, я почувствовалъ себя въ такомъ мрачномъ расположеніи духа, что рѣшился отправиться въ маскарадъ, въ Дворянское Собраніе. Долго бродилъ я вдоль колоннъ и мимо зеркалъ съ скромно-фатальнымъ выраженіемъ на лицѣ,—съ тѣмъ выраженіемъ, которое, сколько я могъ замѣтить, въ подобныхъ случаяхъ появляется у самыхъ порядочныхъ людей—почему, одинъ Господь вѣдаетъ; долго бродилъ я, изрѣдка отшучиваясь отъ пискливыхъ домино съ подозрительными кружевами и несвѣжими перчатками, и еще рѣже заговаривая самъ съ ними; долго предавалъ я свои уши завываньямъ трубъ и визгу скрипокъ; наконецъ, наскучавшись вдоволь и добившись головной боли, хотѣлъ я уже ѣхать домой... и... и остался. Я увидалъ женщину въ черномъ домино, прислонившуюся къ колоннѣ,—увидалъ ее, остановился, подошелъ къ ней—

и... повѣрятъ ли мнѣ мои читатели?.. тотчасъ узналъ въ ней мою незнакомку. Почему я узналъ ее: по взгляду ли, который она разсѣянно бросила на меня сквозь продолговатыя отверстія маски, по дивному ли очертанію ея плечъ и рукъ, по особенной ли женственной величавости всего ея образа или, наконецъ, по какому-то тайному голосу, который внезапно заговорилъ во мнѣ,—не могу сказать... но только я узналъ ее. Съ дрожью на сердцѣ прошелъ я нѣсколько разъ мимо нея. Она не шевелилась; въ ея позѣ было что-то до того безнадежно-горестное, что, глядя на нее, я невольно вспоминалъ два стиха испанскаго романса:

Я печальная картина,
Прислоненная къ стѣнѣ *).

Я зашелъ за колонну, о которую она опиралась, и, наклонивъ голову къ самому ея уху, тихо произнесъ:

— Passa que' colli...

Она вся затрепетала и быстро обернулась ко мнѣ. Глаза наши такъ близко встрѣтились, что я могъ замѣтить, какъ испугъ расширилъ ея зрачки. Съ недоумѣніемъ, слабо протянувъ одну руку, смотрѣла она на меня.

— 6 мая 184* года, въ Сорренто, въ десять часовъ вечера, въ улицѣ della Croce,—проговорилъ я медленнымъ голосомъ, не спуская съ нея глазъ: — потомъ въ Россіи, въ ....й губерніи, въ сельцѣ Михайловскомъ, 22 іюля 184* года...

Я сказалъ все это по-французски. Она подалась немного назадъ, окинула меня съ ногъ до головы изумленнымъ взоромъ и, прошептавъ: „venez“, проворно пошла вонъ изъ залы. Я отправился вслѣдъ за ней.

Мы шли молча. Я не въ силахъ передать, что́ я чувствовалъ, идя съ ней рядомъ. Прекрасное сновидѣніе, которое бы вдругъ стало дѣйствительностью... статуя Галатеи, сходящая живой женщиной съ своего пьедестала въ глазахъ замирающаго Пигмаліона... Я не вѣрилъ себѣ, я едва могъ дышать.

Мы прошли нѣсколько комнатъ... Наконецъ, въ одной

*) Soy un cuadro de tristeza,
Arrimado a la pared.

изъ нихъ она остановилась передъ небольшимъ диваномъ у окна и сѣла. Я сѣлъ подлѣ нея.

Она медленно обернула ко мнѣ свою голову и внимательно посмотрѣла на меня.

— Вы... вы отъ *него?*—проговорила она.

Голосъ ея былъ слабъ и невѣренъ...

Ея вопросъ меня нѣсколько смутилъ.

— Нѣтъ... не отъ него,—отвѣчалъ я, запинаясь.

— Вы его знаете?

— Знаю, — возразилъ я съ таинственной важностью. Мнѣ хотѣлось поддержать свою роль.—Знаю.

Она недовѣрчиво посмотрѣла на меня, хотѣла что-то сказать и потупилась.

— Вы его ждали въ Сорренто, — продолжалъ я: — вы видѣлись съ нимъ въ Михайловскомъ, вы ѣздили съ нимъ верхомъ...

— Какъ вы могли...—начала-было она.

— Ужъ я знаю... я все знаю...

— Ваше лицо мнѣ какъ будто знакомо, — продолжала она:—но нѣтъ...

— Нѣтъ, я вамъ незнакомъ.

— Такъ что же вы хотите?

— Да ужъ я знаю,—твердилъ я.

Я очень хорошо понималъ, что мнѣ слѣдовало воспользоваться отличнымъ началомъ, идти далѣе, что мои повторенія: „я все знаю, ужъ я знаю“, становились смѣшными — но мое волненіе было такъ велико, эта неожиданная встрѣча до того меня смутила, я такъ потерялся, что рѣшительно не умѣлъ сказать ничего другого. Притомъ же, я дѣйствительно больше ничего и не зналъ. Я чувствовалъ, что я глупѣю, чувствовалъ, что я изъ таинственнаго, всевѣдущаго существа, какимъ я сперва ей долженъ былъ показаться, быстро превращаюсь въ какого-то ухмыляющагося дурачка... но дѣлать было нечего.

— Да, я все знаю,—пробормоталъ я еще разъ.

Она взглянула на меня, проворно встала и хотѣла удалиться.

Но это было бы слишкомъ жестоко. Я ее схватилъ за руку.

— Ради Бога,—началъ я:—сядьте, выслушайте меня... Она подумала и сѣла.

— Я вамъ сейчасъ говорилъ, — продолжалъ я съ жаромъ: — что я все знаю—это вздоръ. Я ничего не знаю, рѣшительно ничего; я не знаю, ни кто вы, ни кто онъ, и если я могъ васъ удивить тѣмъ, что̀ я сказалъ вамъ сейчасъ у колонны, то припишите это одному случаю, странному, непонятному случаю, который, какъ будто на смѣхъ, два раза и почти одинаковымъ образомъ сталкивалъ меня съ вами, дѣлалъ меня невольнымъ свидѣтелемъ того, что̀, можетъ-быть, вы бы желали сохранить въ тайнѣ...

И я тутъ же, нисколько не обинуясь и безъ малѣйшей утайки, разсказалъ ей все: встрѣчи мои съ ней въ Сорренто, въ Россіи, мои тщетные разспросы въ Михайловскомъ, даже разговоръ мой въ Москвѣ съ Шлыковой и ея сестрой.

— Теперь вы все знаете, — продолжалъ я, окончивъ свой разсказъ. — Я не стану описывать вамъ, какое глубокое, какое потрясающее впечатлѣніе вы произвели на меня: видѣть васъ и не быть очарованнымъ вами—невозможно. Съ другой стороны, мнѣ тоже не для чего говорить вамъ, какого рода это было впечатлѣніе. Вспомните, при какихъ условіяхъ я оба раза видѣлъ васъ... Повѣрьте, я не охотникъ предаваться безумнымъ надеждамъ, но поймите также и то неизъяснимое волненіе, которое овладѣло мною сегодня, и извините меня, извините неловкую хитрость, къ которой я рѣшился прибѣгнуть, чтобъ обратить ваше вниманіе, хотя на мгновеніе...

Она выслушала мои сбивчивыя объясненія, не поднимая головы.

— Что̀ же вы хотите отъ меня?—сказала она наконецъ.

— Я?.. Я ничего не хочу... Я и такъ уже счастливъ... Я слишкомъ уважаю чужія тайны.

— Будто? Однако, вы до сихъ поръ, кажется... Впрочемъ,—продолжала она:—я не хочу упрекать васъ. Всякій на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же. Притомъ случай, дѣйствительно, такъ настойчиво сближалъ насъ... это, какъ будто, даетъ вамъ нѣкоторое право на мою откро-

венность. Слушайте: я не принадлежу къ числу тѣхъ женщинъ, непонятыхъ и несчастныхъ, которыя ѣздятъ по маскарадамъ для того, чтобы болтать съ первымъ встрѣчнымъ о своихъ страданіяхъ, которымъ нужны сердца, исполненныя сочувствія... Мнѣ ничьего сочувствія не нужно: мое собственное сердце умерло, и я пріѣхала сюда для того только, чтобы окончательно похоронить его.

Она поднесла платокъ къ своимъ губамъ.

— Я надѣюсь, — продолжала она съ нѣкоторымъ усиліемъ: — что вы не принимаете моихъ словъ за обыкновенныя маскарадныя изліянія. Вы должны понять, что мнѣ не до того...

И точно, въ ея голосѣ было что-то страшное, при всей вкрадчивой мягкости ея звуковъ.

— Я русская, — сказала она по-русски—до тѣхъ поръ она выражалась на французскомъ языкѣ: — хотя мало жила въ Россіи... Имя вамъ мое знать не нужно. Анна Ѳедоровна моя старинная пріятельница; я, точно, ѣздила въ Михайловское подъ именемъ ея сестры... Тогда мнѣ нельзя было съ нимъ видѣться явно... И безъ того начинали ходить слухи... тогда еще существовали препятствія—онъ не былъ свободенъ... Эти препятствія исчезли... но тотъ, чье имя должно было сдѣлаться моимъ, тотъ, съ которымъ вы меня видѣли, меня бросилъ.

Она сдѣлала движеніе рукой и помолчала...

— Вы точно его не знаете? не встрѣчались съ нимъ?

— Ни разу.

— Онъ почти все это время провелъ за границей. Впрочемъ, онъ теперь здѣсь... Вотъ и вся моя исторія,— прибавила она: — вы видите, въ ней нѣтъ ничего таинственнаго, ничего особеннаго.

— А Сорренто?—робко прервалъ я.

— Я съ нимъ познакомилась въ Сорренто, — медленно возразила она и задумалась.

Мы оба умолкли. Странное смущеніе овладѣло мною. Я сидѣлъ подлѣ нея, подлѣ той женщины, чей образъ такъ часто носился въ мечтахъ моихъ, такъ мучительно волновалъ и раздражалъ меня, — я сидѣлъ подлѣ нея и

чувствовалъ холодъ и тяжесть на сердцѣ. Я зналъ, что ничего не выйдетъ изъ этой встрѣчи, что между ею и мною была бездна, что мы, разставшись, разойдемся навсегда. Протянувъ голову и уронивъ обѣ руки на колѣни, сидѣла она равнодушно и небрежно. Знаю я эту небрежность неизлѣчимаго горя, знаю равнодушіе безвозвратнаго несчастья! Маски четами проходили мимо насъ; звуки „однообразнаго и безумнаго“ вальса то глухо отдавались въ отдаленьѣ, то приносились рѣзкими взрывами; тяжело и печально волновала меня веселая бальная музыка. „Неужели,—думалъ я,—эта женщина—та самая, которая явилась мнѣ нѣкогда въ окнѣ того далекаго деревенскаго домика во всемъ блескѣ торжествующей красоты?..“ И между тѣмъ, время, казалось, не коснулось ея. Нижняя часть ея лица, не скрытая кружевами маски, была почти младенчески нѣжна; но отъ нея вѣяло холодомъ, какъ отъ статуи... Возвратилась Галатея на свой пьедесталъ, и уже не сойти съ него болѣе.

Вдругъ она выпрямилась, заглянула въ другую комнату и встала.

— Дайте мнѣ руку,—сказала она мнѣ:—пойдемте скорѣй, скорѣй.

Мы вернулись въ залу. Она шла такъ быстро, что я едва за ней поспѣвалъ. У одной колонны она остановилась.

— Подождите здѣсь,—прошептала она.

— Вы кого-нибудь ищете,—началъ-было я.

Но она не обращала на меня вниманія: пристальный взоръ ея вперился въ толпу. Томно и грозно глядѣли изъ-подъ чернаго бархата ея черные, большіе глаза.

Я обернулся въ направленіи ея взора и все понялъ. По коридору, образуемому рядомъ колоннъ и стѣной, шелъ онъ, тотъ мужчина, котораго я встрѣтилъ съ нею въ лѣсу. Я узналъ его тотчасъ: онъ почти не измѣнился. Такъ же красиво вился его русый усъ, такой же спокойной и самоувѣренной веселостью свѣтились его каріе глаза. Онъ шелъ не торопясь, и слегка наклонивъ свой тонкій станъ, разсказывалъ что-то женщинѣ въ домино которую велъ подъ руку. Поровнявшись съ нами, онъ

внезапно поднялъ голову, посмотрѣлъ сперва на меня, потомъ на ту, съ которой я стоялъ, и, вѣроятно, узналъ ее, узналъ ея глаза, потому что брови его слегка дрогнули,—онъ прищурился и чуть замѣтная, но нестерпимо дерзкая усмѣшка шевельнула его губы. Онъ нагнулся къ своей спутницѣ, шепнулъ ей на ухо два слова, та тотчасъ оглянулась, голубенькіе ея глазки торопливо окинули насъ обоихъ, и тихо засмѣявшись, погрозила она ему своей маленькой ручкой. Онъ слегка приподнялъ одно плечо, она кокетливо къ нему прижалась...

Я обернулся къ моей незнакомкѣ. Она посмотрѣла вслѣдъ уходящей четѣ и вдругъ, выдернувъ у меня руку, бросилась къ дверямъ. Я-было устремился вслѣдъ за ней, но она, обернувшись, такъ на меня взглянула, что я глубоко ей поклонился и остался на мѣстѣ. Я понялъ, что преслѣдовать ее было бы грубо и глупо.

— Скажи, пожалуйста, братецъ,—говорилъ я, четверть часа спустя, одному изъ моихъ пріятелей—живому адресъ-календарю Петербурга: — что это за высокій, красивый господинъ съ усами?

— Это?.. это какой-то иностранецъ, довольно загадочное существо, очень рѣдко появляющееся на нашемъ горизонтѣ. А что?

— Такъ!..

Я вернулся домой. Съ тѣхъ поръ я уже нигдѣ не встрѣчалъ моей незнакомки. Зная имя человѣка, котораго она любила, я бы, вѣроятно, могъ добиться, наконецъ, кто она была такая, но я самъ не желалъ этого. Я сказалъ выше, что эта женщина появилась мнѣ какъ сновидѣніе — и какъ сновидѣніе прошла она мимо и исчезла навсегда.

1851 г.

МУМУ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, въ сѣромъ домѣ съ бѣлыми колоннами, антресолью и покривившимся балкономъ жила нѣкогда барыня, вдова, окруженная многочисленною дворней. Сыновья ея служили въ Петербургѣ, дочери вышли замужъ; она выѣзжала рѣдко и уединенно доживала послѣдніе годы своей скупой и скучающей старости. День ея, нерадостный и ненастный, давно прошелъ; но и вечеръ ея былъ чернѣе ночи.

Изъ числа всей ея челяди самымъ замѣчательнымъ лицомъ былъ дворникъ Герасимъ, мужчина двѣнадцати вершковъ роста, сложенный богатыремъ и глухо-нѣмой отъ рожденья. Барыня взяла его изъ деревни, гдѣ онъ жилъ одинъ, въ небольшой избушкѣ, отдѣльно отъ братьевъ, и считался едва ли не самымъ исправнымъ тягловымъ мужикомъ. Одаренный необычайной силой, онъ работалъ за четверыхъ—дѣло спорилось въ его рукахъ, и весело было смотрѣть на него, когда онъ либо пахалъ и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, одинъ, безъ помощи лошаденки, взрѣзывалъ упругую грудь земли, либо о Петровъ день такъ сокрушительно дѣйствовалъ косой,

что хоть бы молодой березовый лѣсокъ смахивать съ корней долой, либо проворно и безостановочно молотилъ трехъ-аршиннымъ цѣпомъ, и какъ рычагъ опускались и поднимались продолговатыя и твердыя мышцы его плечей. Постоянное безмолвіе придавало торжественную важность его неистомной работѣ. Славный онъ былъ мужикъ, и не будь его несчастье, всякая дѣвка охотно пошла бы за него замужъ... Но вотъ, Герасима привезли въ Москву, купили ему сапоги, сшили кафтанъ на лѣто, на зиму тулупъ, дали ему въ руку метлу и лопату, и опредѣлили его дворникомъ.

Крѣпко не полюбилось ему сначала его новое житье. Съ дѣтства привыкъ онъ къ полевымъ работамъ, къ деревенскому быту. Отчужденный несчастьемъ своимъ отъ сообщества людей, онъ выросъ нѣмой и могучій, какъ дерево растетъ на плодородной землѣ... Переселенный въ городъ, онъ не понималъ, что съ нимъ такое дѣется, — скучалъ и недоумѣвалъ, какъ недоумѣваетъ молодой, здоровый быкъ, котораго только-что взяли съ нивы, гдѣ сочная трава росла ему по брюхо,—взяли, поставили на вагонъ желѣзной дороги—и вотъ, обдавая его тучное тѣло то дымомъ съ искрами, то волнистымъ паромъ, мчатъ его теперь, мчатъ со стукомъ и визгомъ, а куда мчатъ—Богъ вѣсть! Занятія Герасима по новой его должности казались ему шуткой послѣ тяжкихъ крестьянскихъ работъ; въ полчаса все у него было готово, и онъ опять то останавливался посреди двора и глядѣлъ, разинувъ ротъ, на всѣхъ проходящихъ, какъ бы желая добиться отъ нихъ рѣшенія загадочнаго своего положенія, то вдругъ уходилъ куда-нибудь въ уголокъ и, далеко швырнувъ метлу или лопату, бросался на землю лицомъ и цѣлые часы лежалъ на груди неподвижно, какъ пойманный звѣрь. Но ко всему привыкаетъ человѣкъ, и Герасимъ привыкъ, наконецъ, къ городскому житью. Дѣла у него было немного, вся обязанность его состояла въ томъ, чтобы дворъ содержать въ чистотѣ, два раза въ день привезти бочку съ водой, натаскать и наколоть дровъ для кухни и дома, да чужихъ не пускать и по ночамъ караулить. И надо ска-

зать, усердно исполнялъ онъ свою обязанность: на дворѣ у него никогда ни щепокъ не валялось, ни сору; застрянетъ ли въ грязную пору гдѣ-нибудь съ бочкой отданная подъ его начальство разбитая кляча-водовозка, онъ только двинетъ плечомъ—и не только телѣгу, самоё лошадь спихнетъ съ мѣста; дрова ли примется онъ колоть, топоръ такъ и звенитъ у него, какъ стекло, и летятъ во всѣ стороны осколки и полѣнья; а что насчетъ чужихъ, такъ послѣ того, какъ онъ однажды ночью, поймавъ двухъ воровъ, стукнулъ ихъ другъ о дружку лбами, да такъ стукнулъ, что хоть въ полицію ихъ потомъ не води, всѣ въ околоткѣ очень стали уважать его, даже днемъ проходившіе, вовсе уже не мошенники, а просто незнакомые люди, при видѣ грознаго дворника, отмахивались и кричали на него, какъ будто онъ могъ слышать ихъ крики. Со всей остальной челядью Герасимъ находился въ отношеніяхъ не то, чтобы пріятельскихъ — они его побаивались—а короткихъ: онъ считалъ ихъ за своихъ. Они съ нимъ объяснялись знаками, и онъ ихъ понималъ, въ точности исполнялъ всѣ приказанія, но права свои тоже зналъ, и уже никто не смѣлъ садиться на его мѣсто на застолицѣ. Вообще, Герасимъ былъ нрава строгаго и серьезнаго, любилъ во всемъ порядокъ; даже пѣтухи при немъ не смѣли драться — а то бѣда! увидитъ, тотчасъ схватитъ за ноги, повертитъ разъ десять на воздухѣ колесомъ и броситъ врозь. На дворѣ у барыни водились тоже гуси; но гусь, извѣстно, птица важная и разсудительная; Герасимъ чувствовалъ къ нимъ уваженіе, ходилъ за ними и кормилъ ихъ; онъ самъ смахивалъ на степеннаго гусака. Ему отвели надъ кухней каморку; онъ устроилъ ее себѣ самъ, по своему вкусу, соорудилъ въ ней кровать изъ дубовыхъ досокъ на четырехъ чурбанахъ,— истинно богатырскую кровать; сто пудовъ можно было положить на нее — не погнулась бы; подъ кроватью находился дюжій сундукъ; въ уголку стоялъ столикъ такого же крѣпкаго свойства, а возлѣ столика—стулъ на трехъ ножкахъ, да такой прочный и приземистый, что самъ Герасимъ, бывало, подниметъ его, уронитъ и ухмыльнется.

Каморка запиралась на замокъ, напоминавшій своимъ видомъ калачъ, только черный; ключъ отъ этого замка Герасимъ всегда носилъ съ собой, на поясѣ. Онъ не любилъ, чтобы къ нему ходили.

Такъ прошелъ годъ, по окончаніи котораго съ Герасимомъ случилось небольшое происшествіе.

Старая барыня, у которой онъ жилъ въ дворникахъ, во всемъ слѣдовала древнимъ обычаямъ и прислугу держала многочисленную; въ домѣ у ней находились не только прачки, швеи, столяры, портные и портнихи, былъ даже одинъ шорникъ, онъ же считался ветеринарнымъ врачомъ и лѣкаремъ для людей, былъ домашній лѣкарь для госпожи, былъ, наконецъ, башмашникъ, по имени Капитонъ Климовъ, пьяница горькій. Климовъ почиталъ себя существомъ обиженнымъ и неоцѣненнымъ по достоинству, человѣкомъ образованнымъ и столичнымъ, которому не въ Москвѣ бы жить, безъ дѣла, въ какомъ-то захолустьѣ, и если пилъ, какъ онъ самъ выражался съ разстановкой и стуча себя въ грудь, то пилъ уже именно съ горя. Вотъ, зашла однажды о немъ рѣчь у барыни съ ея главнымъ дворецкимъ, Гаврилой, человѣкомъ, которому, судя по однимъ его желтымъ глазкамъ и утиному носу, сама судьба, казалось, опредѣлила быть начальствующимъ лицомъ. Барыня сожалѣла объ испорченной нравственности Капитона, котораго наканунѣ только-что отыскали гдѣ-то на улицѣ.

— А что, Гаврила,—заговорила вдругъ она:—не женить ли намъ его, какъ ты думаешь? Можетъ, онъ остепенится.

— Отчего же не женить-съ? Можно-съ, — отвѣчалъ Гаврила:—и очень даже будетъ хорошо-съ.

— Да; только кто за него пойдетъ?

— Конечно-съ. А, впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно-съ. Все же онъ, такъ-сказать, на что-нибудь можетъ быть потребенъ; изъ десятка его не выкинешь.

— Кажется, ему Татьяна нравится?

Гаврила хотѣлъ-было что-то возразить, да сжалъ губы.

— Да!.. пусть посватаетъ Татьяну, — рѣшила барыня, съ удовольствіемъ понюхивая табачокъ:—слышишь?

— Слушаю-съ,—произнесъ Гаврила и удалился.

Возвратясь въ свою комнату (она находилась во флигелѣ и была почти вся загромождена кованными сундуками), Гаврила сперва выслалъ вонъ свою жену, а потомъ подсѣлъ къ окну и задумался. Неожиданное распоряженіе барыни его видимо озадачило. Наконецъ онъ всталъ и велѣлъ кликнуть Капитона. Капитонъ явился... Но прежде чѣмъ мы передадимъ читателямъ ихъ разговоръ, считаемъ нелишнимъ разсказать въ немногихъ словахъ, кто была эта Татьяна, на которой приходилось Капитону жениться, и почему повелѣніе барыни смутило дворецкаго.

Татьяна, состоявшая, какъ мы сказали выше, въ должности прачки (впрочемъ, ей, какъ искусной и ученой прачкѣ, поручалось одно тонкое бѣлье), была женщина лѣтъ двадцати-осьми, маленькая, худая, бѣлокурая, съ родинками на лѣвой щекѣ. Родинки на лѣвой щекѣ почитаются на Руси худой примѣтой — предвѣщаніемъ несчастной жизни... Татьяна не могла похвалиться своей участью. Съ ранней молодости ее держали въ черномъ тѣлѣ; работала она за двоихъ, а ласки никакой никогда не видала; одѣвали ее плохо; жалованье она получала самое маленькое; родни у ней все равно что не было: одинъ какой-то старый ключникъ, оставленный, за негодностью, въ деревнѣ, доводился ей дядей, а другіе дядья у ней въ мужикахъ состояли,—вотъ и все. Когда-то она слыла красавицей, но красота съ нея очень скоро соскочила. Нрава она была весьма смирнаго, или, лучше сказать, запуганнаго, къ самой себѣ она чувствовала полное равнодушіе, другихъ боялась смертельно; думала только о томъ, какъ бы работу къ сроку кончить, никогда ни съ кѣмъ не говорила и трепетала при одномъ имени барыни, хотя та ее почти въ глаза не знала. Когда Герасима привезли изъ деревни, она чуть не обмерла отъ ужаса при видѣ его громадной фигуры, всячески старалась не встрѣчаться съ нимъ, даже жмурилась, бывало, когда ей случалось пробѣгать мимо него, спѣша изъ дома въ прачечную. Герасимъ сперва не обращалъ на нее особеннаго вниманія, потомъ сталъ посмѣиваться, когда

она ему попадалась, потомъ и заглядываться на нее началъ, наконецъ, и вовсе глазъ съ нея не спускалъ. Полюбилась она ему: кроткимъ ли выраженіемъ лица, робостью ли движеній — Богъ его знаетъ! Вотъ, однажды пробиралась она по двору, осторожно поднимая на растопыренныхъ пальцахъ накрахмаленную барынину кофту... кто-то вдругъ сильно схватилъ ее за локоть; она обернулась и такъ и вскрикнула: за ней стоялъ Герасимъ. Глупо смѣясь и ласково мыча, протягивалъ онъ ей пряничнаго пѣтушка, съ сусальнымъ золотомъ на хвостѣ и крыльяхъ. Она-было хотѣла отказаться, но онъ насильно впихнулъ его ей прямо въ руку, покачалъ головой, пошелъ прочь и, обернувшись, еще разъ промычалъ ей что-то очень дружелюбное. Съ того дня онъ ужъ ей не давалъ покоя, куда, бывало, она ни пойдетъ, онъ ужъ тутъ-какъ-тутъ, идетъ ей навстрѣчу, улыбается, мычитъ, махаетъ руками, ленту вдругъ вытащитъ изъ-за пазухи и всучитъ ей, метлой передъ ней пыль расчиститъ. Бѣдная дѣвка просто не знала, какъ ей быть и что̀ дѣлать. Скоро весь домъ узналъ о продѣлкахъ нѣмого дворника; насмѣшки, прибауточки, колкія словечки посыпались на Татьяну. Надъ Герасимомъ, однако, глумиться не всѣ рѣшались: онъ шутокъ не любилъ; да и ее при немъ оставляли въ покоѣ. Рада не рада, а попала дѣвка подъ его покровительство. Какъ всѣ глухонѣмые, онъ очень былъ догадливъ и очень хорошо понималъ, когда надъ нимъ или надъ ней смѣялись. Однажды, за обѣдомъ, кастелянша, начальница Татьяны, принялась ее, какъ говорится, шпынять и до того ее довела, что та, бѣдная, не знала куда глаза дѣть, и чуть не плакала съ досады. Герасимъ вдругъ приподнялся, протянулъ свою огромную ручищу, наложилъ ее на голову кастелянши и съ такой угрюмой свирѣпостью посмотрѣлъ ей въ лицо, что та такъ и пригнулась къ столу. Всѣ умолкли. Герасимъ снова взялся за ложку и продолжалъ хлебать щи. „Вишь, глухой чортъ, лѣшій!“ пробормотали всѣ вполголоса, а кастелянша встала да ушла въ дѣвичью. А то, въ другой разъ, замѣтивъ, что Капитонъ, тотъ самый Капитонъ, о которомъ сейчасъ шла

рѣчь, какъ-то слишкомъ любезно раскалякался съ Татьяной, Герасимъ подозвалъ его къ себѣ пальцемъ, отвелъ въ каретный сарай, да ухвативъ за конецъ стоявшее въ углу дышло, слегка, но многозначительно погрозилъ ему имъ. Съ тѣхъ поръ ужъ никто не заговаривалъ съ Татьяной. И все это ему сходило съ рукъ. Правда, кастелянша, какъ только прибѣжала въ дѣвичью, тотчасъ упала въ обморокъ и вообще такъ искусно дѣйствовала, что въ тотъ же день довела до свѣдѣнія барыни грубый поступокъ Герасима; но причудливая старуха только разсмѣялась, нѣсколько разъ, къ крайнему оскорбленію кастелянши, заставила ее повторить, какъ, дескать, онъ принагнулъ тебя своей тяжелой ручкой, и на другой день выслала Герасиму цѣлковый. Она его жаловала, какъ вѣрнаго и сильнаго сторожа. Герасимъ порядкомъ ее побаивался, но, все-таки, надѣялся на ея милость и собирался уже отправиться къ ней съ просьбой, не позволитъ ли она ему жениться на Татьянѣ. Онъ только ждалъ новаго кафтана, обѣщаннаго ему дворецкимъ, чтобъ въ приличномъ видѣ явиться передъ барыней, какъ вдругъ этой самой барынѣ пришла въ голову мысль выдать Татьяну за Капитона.

Читатель теперь легко самъ пойметъ причину смущенія, овладѣвшаго дворецкимъ Гаврилой послѣ разговора съ госпожей. „Госпожа,—думалъ онъ, посиживая у окна,—конечно, жалуетъ Герасима (Гаврилѣ хорошо это было извѣстно, и оттого онъ самъ ему потакалъ), все же, онъ существо безсловесное; не доложить же госпожѣ, что вотъ, Герасимъ, молъ, за Татьяной ухаживаетъ. Да и, наконецъ, оно и справедливо: какой онъ мужъ? А съ другой стороны, стòитъ этому, прости Господи, лѣшему узнать, что Татьяну выдаютъ за Капитона, вѣдь онъ все въ домѣ переломаетъ, ей-ей! Вѣдь съ нимъ не столкуешь; вѣдь его, чорта этакого, согрѣшилъ я, грѣшный, никакимъ способомъ не уломаешь... право!“...

Появленіе Капитона прервало нить Гаврилиныхъ размышленій. Легкомысленный башмачникъ вошелъ, закинулъ руки назадъ и, развязно прислонясь къ выдающемуся углу

стѣны, подлѣ двери, поставилъ правую ножку крестообразно передъ лѣвой и встряхнулъ головой. „Вотъ, молъ, я. Чего вамъ потребно?“

Гаврила посмотрѣлъ на Капитона и застучалъ пальцами по косяку окна. Капитонъ только прищурилъ немного свои оловянные глазки, но не опустилъ ихъ, даже усмѣхнулся слегка и провелъ рукой по своимъ бѣловатымъ волосамъ, которые такъ и ерошились во всѣ стороны. „Ну, да, я, молъ, я. Чего глядишь?“

— Хорошъ,—проговорилъ Гаврила и помолчалъ.—Хорошъ, нечего сказать!

Капитонъ только плечиками передернулъ. „А ты, небось, лучше?“ подумалъ онъ про себя.

— Ну, посмотри на себя, ну, посмотри, — продолжалъ съ укоризной Гаврила:—ну, на кого ты похожъ?

Капитонъ окинулъ спокойнымъ взоромъ свой истасканный и оборванный сюртукъ, свои заплатанные панталоны, съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ онъ свои дырявые сапоги, особенно тотъ, о носокъ котораго такъ щеголевато опиралась его правая ножка, и снова уставился на дворецкаго.

— А что-съ?

— Что-съ?—повторилъ Гаврила.—Что-съ? Еще ты говоришь: что-съ? На чорта ты похожъ, согрѣшилъ я, грѣшный, вотъ на кого ты похожъ.

Капитонъ проворно замигалъ глазками.

„Ругайтесь, молъ, ругайтесь, Гаврила Андреичъ“, подумалъ онъ опять про себя.

— Вѣдь вотъ, ты опять пьянъ былъ, — началъ Гаврила:—вѣдь опять? А? Ну, отвѣчай же!

— По слабости здоровья спиртнымъ напиткамъ подвергался, дѣйствительно,—возразилъ Капитонъ.

— По слабости здоровья?.. Мало тебя наказываютъ—вотъ что; а въ Питерѣ еще былъ въ ученьѣ... Многому ты выучился въ ученьѣ! Только хлѣбъ даромъ ѣшь.

— Въ этомъ случаѣ, Гаврила Андреичъ, одинъ мнѣ судья—Самъ Господь Богъ, и больше никого. Тотъ одинъ знаетъ, каковъ я человѣкъ на семъ свѣтѣ суть и точно ли

даромъ хлѣбъ ѣмъ. А что касается въ соображеніи до пьянства—то и въ этомъ случаѣ виноватъ не я, а болѣе одинъ товарищъ; самъ же меня онъ сманулъ, да и сполитиковалъ, ушелъ, то-есть, а я...

— А ты остался, гусь, на улицѣ. Ахъ, ты, забубенный человѣкъ! Ну, да дѣло не въ томъ,—продолжалъ дворецкій:—а вотъ что. Барынѣ...—тутъ онъ помолчалъ:—барынѣ угодно, чтобъ ты женился. Слышишь? Онѣ полагаютъ, что ты остепенишься, женившись. Понимаешь?

— Какъ не понимать-съ.

— Ну, да. По-моему, лучше бы тебя хорошенько въ руки взять. Ну, да это ужъ ихъ дѣло. Что-жъ? ты согласенъ?

Капитонъ осклабился.

— Женитьба дѣло хорошее для человѣка, Гаврила Андреичъ; и я, съ своей стороны, съ очень моимъ пріятнымъ удовольствіемъ.

— Ну, да,—возразилъ Гаврила и подумалъ про себя:—„нéчего сказать, аккуратно говоритъ человѣкъ“.—Только вотъ что, — продолжалъ онъ вслухъ: — невѣсту-то тебѣ пріискали неладную.

— А какую, позвольте полюбопытствовать?..

— Татьяну.

— Татьяну?

И Капитонъ вытаращилъ глаза и отдѣлился отъ стѣны.

— Ну, чего-жъ ты всполохнулся?.. Развѣ она тебѣ не по нраву?

— Какое не по нраву, Гаврила Андреичъ! дѣвка она нечего, работница, смирная дѣвка... Да вѣдь вы сами знаете, Гаврила Андреичъ, вѣдь тотъ-то, лѣшій, кикимора-то степная, вѣдь онъ за ней...

— Знаю, братъ, все знаю, — съ досадой прервалъ его дворецкій:—да вѣдь...

— Да помилуйте, Гаврила Андреичъ! вѣдь онъ меня убьетъ, ей-Богу, убьетъ, какъ муху какую-нибудь прихлопнетъ; вѣдь у него рука, вѣдь вы извольте сами посмотрѣть, что у него за рука; вѣдь у него, просто, Минина и Пожарскаго рука. Вѣдь онъ глухой, бьетъ и не слышитъ, какъ бьетъ! Словно во снѣ кулачищами-то ма-

хаетъ. И унять его нѣтъ никакой возможности; почему? потому, вы сами знаете, Гаврила Андреичъ, онъ глухъ и, вдобавку, глупъ, какъ пятка. Вѣдь это какой-то звѣрь, идолъ, Гаврила Андреичъ,—хуже идола... осина какая-то; за что же я теперь отъ него страдать долженъ? Конечно, мнѣ ужъ теперь все ни почемъ: обдержался, обтерпѣлся человѣкъ, обмаслился какъ коломенскій горшокъ,—все же я, однако, человѣкъ, а не какой-нибудь, въ самомъ дѣлѣ, ничтожный горшокъ.

— Знаю, знаю, не расписывай...

— Господи, Боже мой! — съ жаромъ продолжалъ башмачникъ: — когда же конецъ? когда, Господи! Горемыка я, горемыка неисходная! Судьба-то, судьба-то моя, подумаешь! Въ младыхъ лѣтахъ былъ я битъ черезъ нѣмца хозяина; въ лучшій суставъ жизни моей битъ отъ своего же брата, наконецъ, въ зрѣлые годы вотъ до чего дослужился...

— Эхъ, ты, мочальная душа,—проговорилъ Гаврила.— Чего распространяешься, право?

— Какъ чего, Гаврила Андреичъ! Не побоевъ я боюсь, Гаврила Андреичъ. Накажи меня господинъ въ стѣнахъ, да подай мнѣ при людяхъ привѣтствіе, и все я въ числѣ человѣковъ; а тутъ вѣдь отъ кого приходится...

— Ну, пошелъ вонъ,—нетерпѣливо перебилъ его Гаврила.

Капитонъ отвернулся и поплелся вонъ.

— А положимъ, его бы не было,—крикнулъ ему вслѣдъ дворецкій:—ты-то самъ согласенъ?

— Изъявляю,—возразилъ Капитонъ и удалился.

Краснорѣчіе не покидало его даже въ крайнихъ случаяхъ.

Дворецкій нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Ну, позовите теперь Татьяну, — промолвилъ онъ наконецъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній Татьяна вошла чуть слышно и остановилась у порога.

— Что̀ прикажете, Гаврила Андреичъ? — проговорила она тихимъ голосомъ.

Дворецкій пристально посмотрѣлъ на нее.

— Ну, — промолвилъ онъ: — Танюша, хочешь замужъ идти? барыня тебѣ жениха сыскала.

— Слушаю, Гаврила Андреичъ. А кого онѣ мнѣ въ женихи назначаютъ?—прибавила она съ нерѣшительностью.

— Капитона, башмачника.

— Слушаю-съ.

— Онъ легкомысленный человѣкъ—это точно. Но госпожа въ этомъ случаѣ на тебя надѣется.

— Слушаю-съ.

— Одна бѣда... вѣдь этотъ глухарь-то, Гараська, онъ вѣдь за тобой ухаживаетъ. И чѣмъ ты этого медвѣдя къ себѣ приворожила? А вѣдь онъ убьетъ тебя, пожалуй, медвѣдь этакой...

— Убьетъ, Гаврила Андреичъ, безпремѣнно убьетъ.

— Убьетъ... Ну, это мы увидимъ. Какъ это ты говоришь: убьетъ? Развѣ онъ имѣетъ право тебя убивать, посуди сама?

— А не знаю, Гаврила Андреичъ, имѣетъ ли, нѣтъ ли.

— Экая! вѣдь ты ему этакъ, ничего не обѣщала...

— Чего изволите-съ?

Дворецкій помолчалъ и подумалъ:

— „Безотвѣтная ты душа!“ — Ну, хорошо,—прибавилъ онъ:—мы еще поговоримъ съ тобой, а теперь ступай, Танюша; я вижу, ты точно смиренница.

Татьяна повернулась, оперлась легонько о притолку и ушла.

„А, можетъ-быть, барыня-то завтра и забудетъ объ этой свадьбѣ,—подумалъ дворецкій,—я-то изъ чего растревожился! Озорника-то мы этого скрутимъ, коли что—въ полицію знать дадимъ“... — Устинья Ѳедоровна!—крикнулъ онъ громкимъ голосомъ своей женѣ:—поставьте-ка самоварчикъ, моя почтенная...

Татьяна почти весь тотъ день не выходила изъ прачечной. Сперва она всплакнула, потомъ утерла слезы и принялась попрежнему за работу. Капитонъ до самой поздней ночи просидѣлъ въ заведеніи съ какимъ-то пріятелемъ мрачнаго вида и подробно ему разсказалъ, какъ онъ въ Питерѣ проживалъ у одного барина, который всѣмъ бы взялъ, да за порядками былъ наблюдателенъ и притомъ одной ошибкой маленечко произволялся: хмѣ-

лемъ гораздо забиралъ, а что до женскаго пола, просто во всѣ качества доходилъ... Мрачный товарищъ только поддакивалъ; но когда Капитонъ объявилъ, наконецъ, что онъ, по одному случаю, долженъ завтра же руку на себя наложить, мрачный товарищъ замѣтилъ, что пора спать. И они разошлись грубо и молча.

Между тѣмъ, ожиданія дворецкаго не сбылись. Барыню такъ заняла мысль о Капитоновой свадьбѣ, что она даже ночью только объ этомъ разговаривала съ одной изъ своихъ компаньонокъ, которая держалась у ней въ домѣ единственно на случай безсонницы и, какъ ночной извозчикъ, спала днемъ. Когда Гаврила вошелъ къ ней послѣ чаю съ докладомъ, первымъ ея вопросомъ было: а что наша свадьба, идетъ? Онъ, разумѣется, отвѣчалъ, что идетъ какъ нельзя лучше, и что Капитонъ сегодня же къ ней явится съ поклономъ. Барынѣ что-то нездоровилось; она недолго занималась дѣлами. Дворецкій возвратился къ себѣ въ комнату и созвалъ совѣтъ. Дѣло, точно, требовало особеннаго обсужденія. Татьяна не прекословила, конечно; но Капитонъ объявлялъ во всеуслышаніе, что у него одна голова, а не двѣ и не три... Герасимъ сурово и быстро на всѣхъ поглядывалъ, не отходилъ отъ дѣвичьяго крыльца и, казалось, догадывался, что затѣвается что-то для него недоброе. Собравшіеся (въ числѣ ихъ присутствовалъ старый буфетчикъ, по прозвищу дядя Хвостъ, къ которому всѣ съ почтеніемъ обращались за совѣтомъ, хотя только и слышали отъ него, что—вотъ оно какъ, да! да, да, да!)—начали съ того, что на всякій случай, для безопасности заперли Капитона въ чуланчикъ съ водоочистительной машиной и принялись думать крѣпкую думу. Конечно, легко было прибѣгнуть къ силѣ; но Боже сохрани! выдетъ шумъ, барыни обезпокоится—бѣда! какъ быть? Думали, думали, и выдумали наконецъ. Неоднократно было замѣчено, что Герасимъ терпѣть не могъ пьяницъ... Сидя за воротами, онъ всякій разъ, бывало, съ негодованіемъ отворачивался, когда мимо его невѣрными шагами и съ козырькомъ фуражки на ухѣ проходилъ какой-нибудь нагрузившійся человѣкъ. Рѣшили на-

учить Татьяну, чтобы она притворилась хмѣльной и прошла бы, пошатываясь и покачиваясь, мимо Герасима. Бѣдная дѣвка долго не соглашалась, но ее уговорили; притомъ, она сама видѣла, что иначе она не отдѣлается отъ своего обожателя. Она пошла. Капитона выпустили изъ чуланчика: дѣло, все-таки, до него касалось. Герасимъ сидѣлъ на тумбочкѣ у воротъ и тыкалъ лопатой землю... Изъ-за всѣхъ угловъ, изъ-подъ шторъ за окнами глядѣли на него...

Хитрость удалась, какъ нельзя лучше. Увидѣвъ Татьяну, онъ сперва, по обыкновенію, съ ласковымъ мычаньемъ закивалъ головой; потомъ вглядѣлся, уронилъ лопату, вскочилъ, подошелъ къ ней, придвинулъ свое лицо къ самому ея лицу... Она отъ страха еще болѣе зашаталась и закрыла глаза... Онъ схватилъ ее за руку, помчалъ черезъ весь дворъ, и войдя съ нею въ комнату, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, толкнулъ ее прямо къ Капитону. Татьяна такъ и обмерла... Герасимъ постоялъ, поглядѣлъ на нее, махнулъ рукой, усмѣхнулся и пошелъ, тяжело ступая, въ свою каморку... Цѣлыя сутки не выходилъ онъ оттуда. Форейторъ Антипка сказывалъ потомъ, что онъ сквозь щелку видѣлъ, какъ Герасимъ, сидя на кровати, приложивъ къ щекѣ руку, тихо, мѣрно и только изрѣдка мыча,—пѣлъ, т.-е. покачивался, закрывалъ глаза и встряхивалъ головой, какъ ямщики или бурлаки, когда они затягиваютъ свои заунывныя пѣсни. Антипкѣ стало жутко, и онъ отошелъ отъ щели. Когда же, на другой день, Герасимъ вышелъ изъ каморки, въ немъ особенной перемѣны нельзя было замѣтить. Онъ только сталъ какъ будто поугрюмѣе, а на Татьяну и на Капитона не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Въ тотъ же вечеръ они оба, съ гусями подъ мышкой, отправились къ барынѣ, и черезъ недѣлю женились. Въ самый день свадьбы Герасимъ не измѣнилъ своего поведенія ни въ чемъ; только съ рѣки онъ пріѣхалъ безъ воды: онъ какъ-то на дорогѣ разбилъ бочку; а на ночь въ конюшнѣ онъ такъ усердно чистилъ и теръ свою лошадь, что та шаталась, какъ былинка на вѣтру, и переваливалась съ ноги на ногу подъ его желѣзными кулаками.

Все это происходило весною. Прошелъ еще годъ, въ теченіе котораго Капитонъ окончательно спился съ кругу, и какъ человѣкъ рѣшительно никуда негодный, былъ отправленъ съ обозомъ въ дальнюю деревню, вмѣстѣ съ своей женой. Въ день отъѣзда онъ сперва очень храбрился и увѣрялъ, что куда его ни пошли, хоть туда, гдѣ бабы рубахи моютъ да вальки на небо кладутъ, онъ все не пропадетъ; но потомъ упалъ духомъ, сталъ жаловаться, что его везутъ къ необразованнымъ людямъ, и такъ ослабѣлъ наконецъ, что даже собственную шапку на себя надѣть не могъ; какая-то сострадательная душа надвинула ее ему на лобъ, поправила козырекъ и сверху ее прихлопнула. Когда же все было готово, и мужики уже держали вожжи въ рукахъ и ждали только слова: „съ Богомъ!“ Герасимъ вышелъ изъ своей каморки, приблизился къ Татьянѣ и подарилъ ей на память красный, бумажный платокъ, купленный имъ для нея же, съ годъ тому назадъ. Татьяна, съ великимъ равнодушіемъ переносившая до того мгновенья всѣ превратности своей жизни, тутъ, однако, не вытерпѣла, прослезилась и, садясь въ телѣгу, по-христіански три раза поцѣловалась съ Герасимомъ. Онъ хотѣлъ проводить ее до заставы и пошелъ сперва рядомъ съ ея телѣгой, но вдругъ остановился на Крымскомъ броду, махнулъ рукой и отправился вдоль рѣки.

Дѣло было къ вечеру. Онъ шелъ тихо и глядѣлъ на воду. Вдругъ ему показалось, что что-то барахтается въ тинѣ у самаго берега. Онъ нагнулся и увидѣлъ небольшого щенка, бѣлаго съ черными пятнами, который, несмотря на всѣ свои старанія, никакъ не могъ вылѣзть изъ воды, бился, скользилъ и дрожалъ всѣмъ своимъ мокренькимъ и худенькимъ тѣломъ. Герасимъ поглядѣлъ на несчастную собачонку, подхватилъ ее одной рукой, сунулъ ее къ себѣ за пазуху и пустился большими шагами домой. Онъ вошелъ въ свою каморку, уложилъ спасеннаго щенка на кровати, прикрылъ его своимъ тяжелымъ армякомъ, сбѣгалъ сперва въ конюшню за соломой, потомъ въ кухню за чашечкой молока. Осторожно откинувъ армякъ и разостлавъ солому, поставилъ онъ молоко на кро-

вать. Бѣдной собачонкѣ было всего недѣли три, глаза у ней прорѣзались недавно, одинъ глазъ даже казался немножко больше другого; она еще не умѣла пить изъ чашки и только дрожала и щурилась. Герасимъ взялъ ее легонько двумя пальцами за голову и принагнулъ ея мордочку къ молоку. Собачка вдругъ начала пить съ жадностью, фыркая, трясясь и захлебываясь. Герасимъ глядѣлъ, глядѣлъ, да какъ засмѣется вдругъ... Всю ночь онъ возился съ ней, укладывалъ ее, обтиралъ и заснулъ, наконецъ, самъ возлѣ нея какимъ-то радостнымъ тихимъ сномъ.

Ни одна мать такъ не ухаживаетъ за своимъ ребенкомъ, какъ ухаживалъ Герасимъ за своей питомицей. (Собака оказалась сучкой.) Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, понемногу справилась и выровнялась, а мѣсяцевъ черезъ восемь, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ своего спасителя, превратилась въ очень ладную собачку испанской породы, съ длинными ушами, пушистымъ хвостомъ въ видѣ трубы и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась къ Герасиму и не отставала отъ него ни на шагъ, все ходила за нимъ, повиливая хвостикомъ. Онъ и кличку ей далъ, — нѣмые знаютъ, что мычанье ихъ обращаетъ на себя вниманіе другихъ,—онъ назвалъ ее Муму. Всѣ люди въ домѣ ее полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всѣмъ ласкалась, но любила одного Герасима. Герасимъ самъ ее любилъ безъ памяти... и ему было непріятно, когда другіе ее гладили: боялся онъ что ли за нее, ревновалъ ли онъ къ ней—Богъ вѣсть! Она его будила по утрамъ, дергая его за полу, приводила къ нему за поводъ старую водовозку, съ которой жила въ большой дружбѣ, съ важностью на лицѣ отправлялась вмѣстѣ съ нимъ на рѣку, караулила метлы и лопаты, никого не подпускала къ его каморкѣ. Онъ нарочно для нея прорѣзалъ отверстіе въ своей двери, а она какъ-будто чувствовала, что только въ Герасимовой каморкѣ она была полная хозяйка, и потому, войдя въ нее, тотчасъ, съ довольнымъ видомъ, вскакивала на кровать. Ночью она

не спала вовсе, но не лаяла безъ разбору, какъ иная глупая дворняжка, которая, сидя на заднихъ лапахъ и поднявъ морду и зажмуривъ глаза, лаетъ просто отъ скуки, такъ, на звѣзды, и обыкновенно три раза сряду— нѣтъ! тонкій голосокъ Муму никогда не раздавался даромъ! либо чужой близко подходитъ къ забору, либо гдѣ-нибудь поднимался подозрительный шумъ или шорохъ... Словомъ, она сторожила отлично. Правда, былъ еще, кромѣ ея, на дворѣ старый песъ, желтаго цвѣта съ бурыми крапинами, по имени Волчокъ, но того никогда, даже ночью, не спускали съ цѣпи, да и онъ самъ, по дряхлости своей, вовсе не требовалъ свободы — лежалъ себѣ, свернувшись, въ своей конурѣ и лишь изрѣдка издавалъ сиплый, почти беззвучный лай, который тотчасъ же прекращалъ, какъ бы самъ чувствуя всю его безполезность. Въ господскій домъ Муму не ходила, и когда Герасимъ носилъ въ комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпѣливо его выжидала у крыльца, навостривъ уши и поворачивая голову то направо, то вдругъ налѣво, при малѣйшемъ стукѣ за дверями...

Такъ прошелъ еще годъ. Герасимъ продолжалъ свои дворническія занятія и очень былъ доволенъ своей судьбой, какъ вдругъ произошло одно неожиданное обстоятельство... А именно: въ одинъ прекрасный лѣтній день, барыня съ своими приживалками расхаживала по гостиной. Она была въ духѣ, смѣялась и шутила; приживалки смѣялись и шутили тоже, но особенной радости онѣ не чувствовали: въ домѣ не очень-то любили, когда на барыню находилъ веселый часъ, потому что, во-первыхъ, она тогда требовала отъ всѣхъ немедленнаго и полнаго сочувствія и сердилась, если у кого-нибудь лицо не сіяло удовольствіемъ, а во-вторыхъ, эти вспышки у ней продолжались не долго и обыкновенно замѣнялись мрачнымъ и кислымъ расположеніемъ духа. Въ тотъ день она какъ-то счастливо встала; на картахъ ей вышло четыре валета: исполненіе желаній (она всегда гадала по утрамъ), — и чай ей показался особенно вкуснымъ, за что горничная получила на словахъ похвалу и деньгами гривенникъ.

Съ сладкой улыбкой на сморщенныхъ губахъ гуляла барыня по гостиной и подошла къ окну. Передъ окномъ былъ разбитъ палисадникъ, и на самой средней клумбѣ, подъ розовымъ кусточкомъ, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидала ее.

— Боже мой! — воскликнула она вдругъ: — что это за собака?

Приживалка, къ которой обратилась барыня, заметалась, бѣдненькая, съ тѣмъ тоскливымъ безпокойствомъ, которое обыкновенно овладѣваетъ подвластнымъ человѣкомъ, когда онъ еще не знаетъ хорошенько, какъ ему понять восклицаніе начальника.

— Н...н...е знаю-съ, — пробормотала она: — кажется, нѣмого.

— Боже мой!—прервала ее барыня:—да она премиленькая собачка! велите ее привести. Давно она у него? Какъ же я это ея не видала до сихъ поръ?.. Велите ее привести.

Приживалка тотчасъ порхнула въ переднюю.

— Человѣкъ, человѣкъ! — закричала она: — приведите поскорѣй Муму! Она въ палисадникѣ.

— А, ее Муму зовутъ, — промолвила барыня: — очень хорошее имя.

— Ахъ, очень-съ! — возразила приживалка. — Скорѣй, Степанъ!

Степанъ, дюжій парень, состоявшій въ должности лакея, бросился сломя голову въ палисадникъ и хотѣлъ-было схватить Муму, но та ловко вывернулась изъ-подъ его пальцевъ и, поднявъ хвостъ, пустилась во всѣ лопатки къ Герасиму, который въ то время у кухни выколачивалъ и вытряхивалъ бочку, перевертывая ее въ рукахъ, какъ дѣтскій барабанъ. Степанъ побѣжалъ за ней вслѣдъ, началъ ловить ее у самыхъ ногъ хозяина; но проворная собачка не давалась чужому въ руки, прыгала и увертывалась. Герасимъ смотрѣлъ съ усмѣшкой на всю эту возню; наконецъ, Степанъ съ досадой приподнялся и поспѣшно растолковалъ ему знаками, что барыня, молъ, требуетъ твою собачку къ себѣ. Герасимъ немного изумился, однако подозвалъ Муму, поднялъ ее съ земли и передалъ Степану.

Степанъ принесъ ее въ гостиную и поставилъ на паркетъ. Барыня начала ее ласковымъ голосомъ подзывать къ себѣ. Муму, отроду еще не бывавшая въ такихъ великолѣпныхъ покояхъ, очень испугалась и бросилась-было къ двери, но, оттолкнутая услужливымъ Степаномъ, задрожала и прижалась къ стѣнѣ.

— Муму, Муму, подойди же ко мнѣ, подойди къ барынѣ, — говорила госпожа: — подойди, глупенькая... не бойся...

— Подойди, подойди, Муму, къ барынѣ, — твердили приживалки:—подойди!

Но Муму тоскливо оглядывалась кругомъ и не трогалась съ мѣста.

— Принесите ей что-нибудь поѣсть,—сказала барыня.— Какая она глупая! къ барынѣ не идетъ. Чего боится?

— Онѣ не привыкли еще, — произнесла робкимъ и умильнымъ голосомъ одна изъ приживалокъ.

Степанъ принесъ блюдечко съ молокомъ, поставилъ передъ Муму, но Муму даже и не понюхала молока и все дрожала и озиралась попрежнему.

— Ахъ, какая же ты! — промолвила барыня, подходя къ ней, нагнулась и хотѣла погладить ее, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы.—Барыня проворно отдернула руку...

Произошло мгновенное молчаніе. Муму слабо визгнула, какъ бы жалуясь и извиняясь... Барыня отошла и нахмурилась. Внезапное движеніе собаки ее испугало.

— Ахъ!—закричали разомъ всѣ приживалки:—не укусила ли она васъ, сохрани Богъ! (Муму въ жизнь свою никого никогда не укусила.) Ахъ, ахъ!

— Отнести ее вонъ,—проговорила измѣнившимся голосомъ старуха.—Скверная собачонка! какая она злая!

И, медленно повернувшись, направилась она въ свой кабинетъ. Приживалки робко переглянулись и пошли-было за ней, но она остановилась, холодно посмотрѣла на нихъ, промолвила: „зачѣмъ это? вѣдь я васъ не зову“, и ушла.

Приживалки отчаянно замахали руками на Степана;

тотъ подхватилъ Муму и выбросилъ ее поскорѣй за дверь, прямо къ ногамъ Герасима, — а черезъ полчаса въ домѣ уже царствовала глубокая тишина, и старая барыня сидѣла на своемъ диванѣ мрачнѣе грозовой тучи.

Какія бездѣлицы, подумаешь, могутъ иногда разстроить человѣка!

До самаго вечера барыня была не въ духѣ, ни съ кѣмъ не разговаривала, не играла въ карты и ночь дурно провела. Вздумала, что одеколонъ ей подали не тотъ, который обыкновенно подавали, что подушка у ней пахнетъ мыломъ, и заставила кастеляншу все бѣлье перенюхать,— словомъ, волновалась и „горячилась“ очень. На другое утро она велѣла позвать Гаврилу часомъ ранѣе обыкновеннаго.

— Скажи, пожалуйста,—начала она, какъ только тотъ, не безъ нѣкотораго внутренняго лепетанія, переступилъ порогъ ея кабинета:—что́ это за собака у насъ на дворѣ всю ночь лаяла? мнѣ спать не дала!

— Собака-съ... какая-съ... можетъ-быть, нѣмого собака-съ,—произнесъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Не знаю, нѣмого ли, другого ли кого, только спать мнѣ не дала. Да я и удивляюсь, на что̀ такая пропасть собакъ! Желаю знать. Вѣдь есть у насъ дворная собака?

— Какъ же-съ, есть-съ. Волчокъ-съ.

— Ну, чего же еще, на что намъ еще собака? Только одни безпорядки заводить. Старшаго нѣтъ въ домѣ—вотъ что̀. И на что̀ нѣмому собака? Кто ему позволилъ собакъ у меня на дворѣ держать? Вчера я подошла къ окну, а она въ палисадникѣ лежитъ, какую-то мерзость притащила, грызетъ,—а у меня тамъ розы посажены...

Барыня помолчала.

— Чтобъ ея сегодня же здѣсь не было... слышишь?

— Слушаю-съ.

— Сегодня же. А теперь ступай. Къ докладу я тебя потомъ позову.

Гаврила вышелъ.

Проходя черезъ гостиную, дворецкій, для порядка, переставилъ колокольчикъ съ одного стола на другой, втихо-

молочку высморкалъ въ залѣ свой утиный носъ и вышелъ въ переднюю. Въ передней, на коникѣ, спалъ Степанъ, въ положеніи убитаго воина на батальной картинѣ, судорожно вытянувъ обнаженныя ноги изъ-подъ сюртука, служившаго ему вмѣсто одѣяла. Дворецкій растолкалъ его и вполголоса сообщилъ ему какое-то приказаніе, на которое Степанъ отвѣчалъ полузѣвкомъ, полухохотомъ. Дворецкій удалился, а Степанъ вскочилъ, натянулъ на себя кафтанъ и сапоги, вышелъ и остановился у крыльца. Не прошло пяти минутъ, какъ появился Герасимъ съ огромной вязанкой дровъ за спиной, въ сопровожденіи неразлучной Муму. (Барыня свою спальню и кабинетъ приказывала протапливать даже лѣтомъ.) Герасимъ сталъ бокомъ передъ дверью, толкнулъ ее плечомъ и ввалился въ домъ съ своей ношей. Муму, по обыкновенію, осталась его дожидаться. Тогда Степанъ, улучивъ удобное мгновеніе, внезапно бросился на нее, какъ коршунъ на цыпленка, придавилъ ее грудью къ землѣ, сгребъ въ охапку и, не надѣвъ даже картуза, выбѣжалъ съ нею на дворъ, сѣлъ на перваго попавшагося извозчика и поскакалъ въ Охотный Рядъ. Тамъ онъ скоро отыскалъ покупщика, которому уступилъ ее за полтинникъ, съ тѣмъ только, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ недѣлю продержалъ ее на привязи, и тотчасъ вернулся; но, не доѣзжая до дому, слѣзъ съ извозчика и, обойдя дворъ кругомъ, съ задняго переулка, черезъ заборъ перескочилъ на дворъ; въ калитку-то онъ побоялся идти, какъ бы не встрѣтить Герасима.

Впрочемъ, его безпокойство было напрасно: Герасима уже не было на дворѣ. Выйдя изъ дому, онъ тотчасъ хватился Муму; онъ еще не помнилъ, чтобъ она когда-нибудь не дождалась его возвращенія, сталъ повсюду бѣгать, искать ее, кликать по-своему... бросился въ свою каморку, на сѣновалъ, выскочилъ на улицу,—туда-сюда... Пропала! Онъ обратился къ людямъ, съ самыми отчаянными знаками спрашивалъ о ней, показывая на полъ-аршина отъ земли, рисовалъ ее руками... Иные точно не знали, куда дѣвалась Муму, и только головами качали, другіе знали и посмѣивались ему въ отвѣтъ, а дворецкій

принялъ чрезвычайно важный видъ и началъ кричать на кучеровъ. Тогда Герасимъ побѣжалъ со двора долой.

Уже смеркалось, какъ онъ вернулся. По его истомленному виду, по невѣрной походкѣ, по запыленной одеждѣ его, можно было предполагать, что онъ успѣлъ обѣжать полъ-Москвы. Онъ остановился противъ барскихъ оконъ, окинулъ взоромъ крыльцо, на которомъ столпилось человѣкъ семь дворовыхъ, отвернулся и промычалъ еще разъ: „Муму!“ — Муму не отозвалась. Онъ пошелъ прочь. Всѣ посмотрѣли ему вслѣдъ, но никто не улыбнулся, не сказалъ слова... а любопытный форейторъ Антипка разсказывалъ на другое утро въ кухнѣ, что нѣмой-де всю ночь охалъ.

Весь слѣдующій день Герасимъ не показывался, такъ что вмѣсто него за водой долженъ быть съѣздить кучеръ Потапъ, чѣмъ кучеръ Потапъ очень остался недоволенъ. Барыня спросила Гаврилу, исполнено ли ея приказаніе. Гаврила отвѣчалъ, что исполнено. На другое утро Герасимъ вышелъ изъ своей каморки на работу. Къ обѣду онъ пришелъ, поѣлъ и ушелъ опять, никому не поклонившись. Его лицо, и безъ того безжизненное, какъ у всѣхъ глухонѣмыхъ, теперь словно окаменѣло. Послѣ обѣда онъ опять уходилъ со двора, но не надолго, вернулся и тотчасъ отправился на сѣновалъ. Настала ночь, лунная, ясная. Тяжело вздыхая и безпрестанно поворачиваясь, лежалъ Герасимъ, и вдругъ почувствовалъ, какъ будто его дергаютъ за полу; онъ весь затрепеталъ, однако не поднялъ головы, даже зажмурился; но вотъ опять его дернули, сильнѣе прежняго; онъ вскочилъ... передъ нимъ, съ обрывкомъ на шеѣ, вертѣлась Муму. Протяжный крикъ радости вырвался изъ его безмолвной груди; онъ схватилъ Муму, стиснулъ ее въ своихъ объятіяхъ; она въ одно мгновенье облизала ему носъ, глаза, усы и бороду... Онъ постоялъ, подумалъ, осторожно слѣзъ съ сѣнника, оглянулся и удостовѣрившись, что никто его не увидитъ, благополучно пробрался въ свою каморку. Герасимъ уже прежде догадался, что собака пропала не сама собой, что ее, должно-быть, свели по

приказанію барыни; люди-то ему объяснили знаками, какъ его Муму на нее окрысилась — и онъ рѣшился принять свои мѣры. Сперва онъ накормилъ Муму хлѣбушкомъ, обласкалъ ее, уложилъ, потомъ началъ соображать, да всю ночь напролетъ и соображалъ, какъ бы получше ее спрятать. Наконецъ онъ придумалъ весь день оставлять ее въ каморкѣ и только изрѣдка къ ней навѣдываться, а ночью выводить. Отверстіе въ двери онъ плотно заткнулъ старымъ своимъ армякомъ и чуть-свѣтъ былъ уже на дворѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, сохраняя даже (невинная хитрость!) прежнюю унылость на лицѣ. Бѣдному глухому въ голову не могло придти, что Муму себя визгомъ своимъ выдастъ: дѣйствительно, всѣ въ домѣ скоро узнали, что собака нѣмого воротилась и сидитъ у него взаперти, но, изъ сожалѣнія къ нему и къ ней, а отчасти, можетъ-быть, и изъ страха передъ нимъ, не давали ему понять, что провѣдали его тайну. Дворецкій одинъ почесалъ у себя въ затылкѣ, да махнулъ рукой. „Ну, молъ, Богъ съ нимъ! Авось до барыни не дойдетъ!“ Зато никогда нѣмой такъ не усердствовалъ, какъ въ тотъ день: вычистилъ и выскребъ весь дворъ, выпололъ всѣ травки до единой, собственноручно повыдергалъ всѣ колышки въ заборѣ палисадника, чтобы удостовѣриться довольно ли они крѣпки, и самъ же ихъ потомъ вколотилъ,—словомъ, возился и хлопоталъ такъ, что даже барыня обратила вниманіе на его радѣніе. Въ теченіе дня Герасимъ раза два украдкой ходилъ къ своей затворницѣ; когда же наступила ночь, онъ легъ спать вмѣстѣ съ ней, въ каморкѣ, а не на сѣновалѣ, и только во второмъ часу вышелъ погулять съ ней на чистомъ воздухѣ. Походивъ съ ней довольно долго по двору, онъ уже-было собирался вернуться, какъ вдругъ за заборомъ, со стороны переулка, раздался шорохъ. Муму навострила уши, зарычала, подошла къ забору, понюхала и залилась громкимъ и пронзительнымъ лаемъ. Какой-то пьяный человѣкъ вздумалъ тамъ угнѣздиться на ночь. Въ это самое время барыня только-что засыпала послѣ продолжительнаго „нервическаго волненія“: эти волненія у ней всегда случались

послѣ слишкомъ сытнаго ужина. Внезапный лай ее разбудилъ: сердце у ней забилось и замерло. „Дѣвки, дѣвки! простонала она.—Дѣвки!“ Перепуганныя дѣвки вскочили къ ней въ спальню. „Охъ, охъ, умираю!“ проговорила она, тоскливо разводя руками. — „Опять, опять эта собака!.. Охъ, пошлите за докторомъ. Они меня убить хотятъ... Собака, опять собака! Охъ!“ И она закинула голову назадъ, что̀ должно было означать обморокъ. Бросились за докторомъ, т.-е. за домашнимъ лекаремъ Харитономъ. Этотъ лекарь, котораго все искусство состояло въ томъ, что онъ носилъ сапоги съ мягкими подошвами, умѣлъ деликатно браться за пульсъ, спалъ четырнадцать часовъ въ сутки, а остальное время все вздыхалъ, да безпрестанно потчивалъ барыню лавро-вишневыми каплями,— этотъ лекарь тотчасъ прибѣжалъ, покурилъ жжеными перьями и, когда барыня открыла глаза, немедленно поднесъ ей на серебряномъ подносикѣ рюмку съ завѣтными каплями. Барыня приняла ихъ, но тотчасъ же слезливымъ голосомъ стала опять жаловаться на собаку, на Гаврилу, на свою участь, на то, что ее, бѣдную, старую женщину, всѣ бросили, что никто о ней не сожалѣетъ, что всѣ хотятъ ея смерти. Между тѣмъ, несчастная Муму продолжала лаять, а Герасимъ напрасно старался отозвать ее отъ забора. „Вотъ... вотъ... опять...“ пролепетала барыня и снова подкатила глаза подъ лобъ. Лекарь шепнулъ дѣвкѣ, та бросилась въ переднюю, растолкала Степана, тотъ побѣжалъ будить Гаврилу, Гаврила, сгоряча, велѣлъ поднять весь домъ.

Герасимъ обернулся, увидалъ замелькавшіе огни и тѣни въ окнахъ и, почуявъ сердцемъ бѣду, схватилъ Муму подъ мышку, вбѣжалъ въ каморку и заперся. Черезъ нѣсколько мгновеній пять человѣкъ ломились въ его дверь, но, почувствовавъ сопротивленіе засова, остановились. Гаврила прибѣжалъ въ страшныхъ попыхахъ, приказалъ имъ всѣмъ оставаться тутъ до утра и караулить, а самъ потомъ ринулся въ дѣвичью и черезъ старшую компаньонку, Любовь Любимовну, съ которой вмѣстѣ кралъ и учитывалъ чай, сахаръ и прочую бакалею, велѣлъ до-

ложить барынѣ, что, собака, къ несчастью, опять откуда-то прибѣжала, но что завтра же ея въ живыхъ не будетъ и чтобы барыня сдѣлала милость, не гнѣвалась и успокоилась. Барыня, вѣроятно, не такъ-то бы скоро успокоилась, да лекарь, второпяхъ, вмѣсто двѣнадцати капель, налилъ цѣлыхъ сорокъ: сила лавро-вишенья и подѣйствовала—черезъ четверть часа барыня уже почивала крѣпко и мирно; а Герасимъ лежалъ, весь блѣдный, на своей кровати и сильно сжималъ пасть Муму.

На слѣдующее утро барыня проснулась довольно поздно. Гаврила ожидалъ ея пробужденія, для того, чтобы дать приказъ къ рѣшительному натиску на Герасимово убѣжище, а самъ готовился выдержать сильную грозу. Но грозы не приключилось. Лежа въ постели, барыня велѣла позвать къ себѣ старшую приживалку.

— Любовь Любимовна,—начала она тихимъ и слабымъ голосомъ; она иногда любила прикинуться загнанной и сиротливой страдалицей; нечего и говорить, что всѣмъ людямъ въ домѣ становилось тогда очень неловко:—Любовь Любимовна, вы видите, каково мое положеніе, подите, душа моя, къ Гаврилѣ Андреичу, поговорите съ нимъ: неужели для него какая-нибудь собачонка дороже спокойствія, самой жизни его барыни! Я бы не желала этому вѣрить,—прибавила она, съ выраженіемъ глубокаго чувства: — подите, душа моя, будьте такъ добры, подите къ Гаврилѣ Андреичу.

Любовь Любимовна отправилась въ Гаврилину комнату. Неизвѣстно о чемъ происходилъ у нихъ разговоръ; но спустя нѣкоторое время цѣлая толпа людей подвигалась черезъ дворъ въ направленіи каморки Герасима: впереди выступалъ Гаврила, придерживая рукою картузъ, хотя вѣтру не было; около него шли лакеи и повара; изъ окна глядѣлъ дядя Хвостъ и распоряжался, т.-е. только такъ руками разводилъ; позади всѣхъ прыгали и кривлялись мальчишки, изъ которыхъ половина набѣжала чужихъ. На узкой лѣстницѣ, ведущей къ каморкѣ, сидѣлъ одинъ караульщикъ; у двери стояло два другихъ, съ палками. Стали взбираться по лѣстницѣ, заняли ее во всю

длину. Гаврила подошелъ къ двери, стукнулъ въ нее кулакомъ, крикнулъ:

— Отвори!

Послышался сдавленный лай; но отвѣта не было.

— Говорятъ, отвори!—повторилъ онъ.

— Да, Гаврила Андреичъ,—замѣтилъ снизу Степанъ:—вѣдь онъ глухой—не слышитъ.

Всѣ засмѣялись.

— Какъ же быть?—возразилъ сверху Гаврила.

— А у него тамъ дыра въ двери,—отвѣчалъ Степанъ:—такъ вы палкой-то пошевелите.

Гаврила нагнулся.

— Онъ ее армякомъ какимъ-то заткнулъ, дыру-то.

— А вы армякъ пропихните внутрь.

Тутъ опять раздался глухой лай.

— Вишь, вишь, сама сказывается,—замѣтили въ толпѣ и опять засмѣялись.

Гаврила почесалъ у себя за ухомъ.

— Нѣтъ, братъ,—продолжалъ онъ наконецъ:—армякъ-то ты пропихивай самъ, коли хочешь.

— А что жъ, извольте!

И Степанъ вскарабкался наверхъ, взялъ палку, просунулъ внутрь армякъ и началъ болтать въ отверстіи палкой, приговаривая: „выходи, выходи!“ Онъ еще болталъ палкой, какъ вдругъ дверь каморки быстро распахнулась—вся челядь тотчасъ кубаремъ скатилась съ лѣстницы, Гаврила прежде всѣхъ. Дядя Хвостъ заперъ окно.

— Ну, ну, ну, ну,—кричалъ Гаврила со двора:—смотри у меня, смотри!

Герасимъ неподвижно стоялъ на порогѣ. Толпа собралась у подножія лѣстницы. Герасимъ глядѣлъ на всѣхъ этихъ людишекъ въ нѣмецкихъ кафтанахъ съ верху, слегка уперши руки въ бока; въ своей красной, крестьянской рубашкѣ, онъ казался какимъ-то великаномъ передъ ними. Гаврила сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Смотри, братъ, — промолвилъ онъ: — у меня не озорничай.

И онъ началъ ему объяснять знаками, что барыня,

молъ, непремѣнно требуетъ твоей собаки: подавай, молъ, ее сейчасъ, а то бѣда тебѣ будетъ.

Герасимъ посмотрѣлъ на него, указалъ на собаку, сдѣлалъ знакъ рукою у своей шеи, какъ бы затягивая петлю, и съ вопросительнымъ лицомъ взглянулъ на дворецкаго.

— Да, да, — возразилъ тотъ, кивая головой: — да, непремѣнно.

Герасимъ опустилъ глаза, потомъ вдругъ встряхнулся, опять указалъ на Муму, которая все время стояла возлѣ него, невинно помахивая хвостомъ и съ любопытствомъ поводя ушами, повторилъ знакъ удушенія надъ своей шеей и значительно ударилъ себя въ грудь, какъ бы объявляя, что онъ самъ беретъ на себя уничтожить Муму.

— Да ты обманешь,—замахалъ ему въ отвѣтъ Гаврила.

Герасимъ поглядѣлъ на него, презрительно усмѣхнулся, опять ударилъ себя въ грудь и захлопнулъ дверь.

Всѣ молча переглянулись.

— Что жъ это такое значитъ? — началъ Гаврила.— Онъ заперся?

— Оставьте его, Гаврила Андреичъ,—промолвилъ Степанъ: — онъ сдѣлаетъ, коли обѣщалъ. Ужъ онъ такой... Ужъ коли онъ обѣщаетъ, это навѣрное. Онъ на это не то, что нашъ братъ. Что правда, то правда. Да.

— Да, — повторили всѣ и тряхнули головами. — Это такъ. Да.

Дядя Хвостъ отворилъ окно и тоже сказалъ: „да“.

— Ну, пожалуй, посмотримъ,—возразилъ Гаврила:—а караулъ, все-таки, не снимать. Эй ты, Ерошка! — прибавилъ онъ, обращаясь къ какому-то бѣдному человѣку, въ желтомъ нанковомъ казакинѣ, который считался садовникомъ: — что тебѣ дѣлать? возьми палку, да сиди тутъ, и чуть что, тотчасъ ко мнѣ бѣги!

Ерошка взялъ палку и сѣлъ на послѣднюю ступеньку лѣстницы. Толпа разошлась, исключая немногихъ любопытныхъ и мальчишекъ, а Гаврила вернулся домой и черезъ Любовь Любимовну велѣлъ доложить барынѣ, что все исполнено, а самъ, на всякій случай, послалъ форей-

тора къ хожалому. Барыня завязала въ носовомъ платкѣ узелокъ, налила на него одеколону, понюхала, потерла себѣ виски, накушалась чаю и, будучи еще подъ вліяніемъ лавро-вишневыхъ капель, заснула опять.

Спустя часъ послѣ всей этой тревоги, дверь каморки растворилась и показался Герасимъ. На немъ былъ праздничный кафтанъ; онъ велъ Муму на веревочкѣ. Ерошка посторонился и далъ ему пройти. Герасимъ направился къ воротамъ. Всѣ бывшіе на дворѣ мальчишки проводили его глазами, молча. Онъ даже не обернулся; шапку надѣлъ только на улицѣ. Гаврила послалъ вслѣдъ за нимъ того же Ерошку, въ качествѣ наблюдателя. Ерошка, увидавъ издали, что онъ вошелъ въ трактиръ вмѣстѣ съ собакой, сталъ дожидаться его выхода.

Въ трактирѣ знали Герасима и понимали его знаки. Онъ спросилъ себѣ щей съ мясомъ и сѣлъ, опершись руками на столъ. Муму стояла подлѣ его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Шерсть на ней такъ и лоснилась: видно было, что ее недавно вычесали. Принесли Герасиму щей. Онъ накрошилъ туда хлѣба, мелко изрубилъ мясо и поставилъ тарелку на полъ. Муму принялась ѣсть съ обычной своей вѣжливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья; Герасимъ долго глядѣлъ на нее; двѣ тяжелыя слезы выкатились вдругъ изъ его глазъ: одна упала на крутой лобикъ собачки, другая—во щи. Онъ заслонилъ лицо своей рукой. Муму съѣла полтарелки и отошла, облизываясь. Герасимъ всталъ, заплатилъ за щи и вышелъ вонъ, сопровождаемый нѣсколько недоумѣвающимъ взглядомъ полового. Ерошка, увидавъ Герасима, вскочилъ за уголъ и, пропустивъ его мимо, опять отправился вслѣдъ за нимъ.

Герасимъ шелъ не торопясь и не спускалъ Муму съ веревочки. Дойдя до угла улицы, онъ остановился, какъ бы въ раздумьѣ, и вдругъ быстрыми шагами отправился прямо къ Крымскому-Броду. На дорогѣ онъ зашелъ на дворъ дома, къ которому пристраивался флигель, и вынесъ оттуда два кирпича подъ мышкой. Отъ Крымскаго-Брода онъ повернулъ по берегу, дошелъ до одного мѣста,

гдѣ стояли двѣ лодочки съ веслами, привязанными къ колышкамъ (онъ уже замѣтилъ ихъ прежде), и вскочилъ въ одну изъ нихъ, вмѣстѣ съ Муму. Хромой старичишко вышелъ изъ-за шалаша, поставленнаго въ углу огорода, и закричалъ на него. Но Герасимъ только закивалъ головой и такъ сильно принялся грести, хотя и противъ теченья рѣки, что въ одно мгновенье умчался саженей на сто. Старикъ постоялъ, постоялъ, почесалъ себѣ спину сперва лѣвой, потомъ правой рукой и вернулся, хромая, въ шалашъ.

А Герасимъ все гребъ да гребъ. Вотъ уже Москва осталась назади. Вотъ уже потянулись по берегамъ луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повѣяло деревней. Онъ бросилъ весла, приникъ головой къ Муму, которая сидѣла передъ нимъ на сухой перекладинкѣ — дно было залито водой—и остался неподвижнымъ, скрестивъ могучія руки у нея на спинѣ, между тѣмъ какъ лодку волной помаленьку относило назадъ къ городу. Наконецъ, Герасимъ выпрямился, поспѣшно, съ какимъ-то болѣзненнымъ озлобленіемъ на лицѣ, окуталъ веревкой взятые имъ кирпичи, придѣлалъ петлю, надѣлъ ее на шею Муму, поднялъ ее надъ рѣкой, въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на нее... Она довѣрчиво и безъ страха поглядывала на него и слегка махала хвостикомъ. Онъ отвернулся, зажмурился и разжалъ руки... Герасимъ ничего не слыхалъ, ни быстраго визга падающей Муму, ни тяжкаго всплеска воды; для него самый шумный день былъ безмолвенъ и беззвученъ, какъ ни одна самая тихая ночь не беззвучна для насъ, и когда онъ снова раскрылъ глаза, попрежнему спѣшили по рѣкѣ, какъ бы гоняясь другъ за дружкой, маленькія волны, попрежнему поплескивали онѣ о бока лодки, и только далеко назади къ берегу разбѣгались какіе-то широкіе круги.

Ерошка, какъ только Герасимъ скрылся у него изъ виду, вернулся домой и донесъ, что̀ видѣлъ.

— Ну, да,—замѣтилъ Степанъ:—онъ ее утопитъ. Ужъ можно быть спокойнымъ. Коли онъ что обѣщалъ...

Въ теченіе дня никто не видалъ Герасима. Онъ дома

не обѣдалъ. Насталъ вечеръ; собрались къ ужину всѣ, кромѣ его.

— Экой чудной этотъ Герасимъ! — пропищала толстая прачка: — можно ли этакъ изъ-за собаки проклажаться!.. Право!

— Да Герасимъ былъ здѣсь,—воскликнулъ вдругъ Степанъ, загребая себѣ ложкой каши.

— Какъ? когда?

— Да вотъ, часа два тому назадъ. Какъ же! Я съ нимъ въ воротахъ повстрѣчался; онъ ужъ опять отсюда шелъ, со двора выходилъ. Я-было хотѣлъ спросить его насчетъ собаки-то, да онъ, видно, не въ духѣ былъ. Ну, и толкнулъ меня; должно-быть, онъ такъ только, отсторонить меня хотѣлъ: дескать, не приставай,—да такого необыкновеннаго леща мнѣ въ становую жилу поднесъ, важно такъ, что ой-ой-ой! — И Степанъ съ невольной усмѣшкой пожался и потеръ себѣ затылокъ.—Да,—прибавилъ онъ:— рука у него, благодатная рука, нечего сказать.

Всѣ посмѣялись надъ Степаномъ и, послѣ ужина, разошлись спать.

А между тѣмъ, въ ту самую пору, по Т...у шоссе, усердно и безостановочно шагалъ какой-то великанъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ длинной палкой въ рукахъ. Это былъ Герасимъ. Онъ спѣшилъ безъ оглядки, спѣшилъ домой, къ себѣ въ деревню, на родину. Утопивъ бѣдную Муму, онъ прибѣжалъ въ свою каморку, проворно уложилъ кой-какіе пожитки въ старую попону, связалъ ее узломъ, взвалилъ на плечо, да и былъ таковъ. Дорогу онъ хорошо замѣтилъ еще тогда, когда его везли въ Москву; деревня, изъ которой барыня его взяла, лежала всего въ двадцати-пяти верстахъ отъ шоссе. Онъ шелъ по немъ съ какой-то несокрушимой отвагой, съ отчаянной и вмѣстѣ радостной рѣшимостью. Онъ шелъ; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились впередъ. Онъ торопился, какъ будто мать-старушка ждала его на родинѣ, какъ будто она звала его къ себѣ послѣ долгаго странствованія на чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ... Только-что наступившая лѣтняя ночь была тиха и тепла;

съ одной стороны, тамъ, гдѣ солнце закатилось, край неба еще бѣлѣлъ и слабо румянился послѣднимъ отблескомъ исчезавшаго дня,—съ другой стороны уже вздымался синій, сѣдой сумракъ. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремѣли кругомъ, взапуски перекликивались коростели... Герасимъ не могъ ихъ слышать, не могъ онъ слышать также чуткаго ночного шушуканья деревьевъ, мимо которыхъ его проносили сильныя его ноги, но онъ чувствовалъ знакомый запахъ поспѣвающей ржи, которымъ такъ и вѣяло съ темныхъ полей, чувствовалъ, какъ вѣтеръ, летѣвшій къ нему навстрѣчу—вѣтеръ съ родины—ласково ударялъ въ его лицо, игралъ въ его волосахъ и бородѣ; видѣлъ передъ собой бѣлѣющую дорогу домой, прямую какъ стрѣла; видѣлъ въ небѣ несчетныя звѣзды, свѣтившія его путь, и какъ левъ, выступалъ сильно и бодро, такъ что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только-что расходившагося молодца, между Москвой и имъ легло уже тридцать-пять верстъ...

Черезъ два дня онъ уже былъ дома, въ своей избенкѣ, къ великому изумленію солдатки, которую туда поселили. Помолясь передъ образами, тотчасъ же отправился онъ къ старостѣ. Староста сначала-было удивился; но сѣнокосъ только-что начинался: Герасиму, какъ отличному работнику, тутъ же дали косу въ руки,—и пошелъ косить онъ по-старинному, косить такъ, что мужиковъ только пробирало, глядя на его размахи да загребы...

А въ Москвѣ, на другой день послѣ побѣга Герасима, хватились его. Пошли въ его каморку, обшарили ее, сказали Гаврилѣ. Тотъ пришелъ, посмотрѣлъ, пожалъ плечами и рѣшилъ, что нѣмой либо бѣжалъ, либо утопъ вмѣстѣ съ своей глупой собакой. Дали знать полиціи, доложили барынѣ. Барыня разгнѣвалась, расплакалась, велѣла отыскать его, во что̀ бы то ни стало, увѣряла, что она никогда не приказывала уничтожить собаку, и, наконецъ, такой дала нагоняй Гаврилѣ, что тотъ цѣлый день только потряхивалъ головой да приговаривалъ: „Ну!“ пока дядя Хвостъ его не урезонилъ, сказавъ ему: „Ну-у!“ Наконецъ, пришло извѣстіе изъ деревни о прибытіи туда Герасима.

Барыня нѣсколько успокоилась; сперва-было отдала приказаніе немедленно вытребовать его назадъ, въ Москву, потомъ, однако, объявила, что такой неблагодарный человѣкъ ей вовсе не нуженъ. Впрочемъ, она скоро сама послѣ того умерла; а наслѣдникамъ ея было не до Герасима: они и остальныхъ-то матушкиныхъ людей распустили по оброку.

И живетъ до сихъ поръ Герасимъ бобылемъ въ своей одинокой избѣ; здоровъ и могучъ попрежнему, и работаетъ за четырехъ попрежнему, и попрежнему важенъ и степененъ. Но сосѣди замѣтили, что, со времени своего возвращенія изъ Москвы, онъ совсѣмъ пересталъ водиться съ женщинами, даже не глядитъ на нихъ, и ни одной собаки у себя не держитъ. „Впрочемъ — толкуютъ мужики—его же счастье, что ему не надобеть бабья; а собака — на что ему собака? къ нему на дворъ вора оселомъ не затащишь!“ Такова ходитъ молва о богатырской силѣ нѣмого.

1852 г.

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОРЪ.

(повѣсть.)

На большой Б....й дорогѣ, въ одинаковомъ почти разстояніи отъ двухъ уѣздныхъ городовъ, чрезъ которые она проходитъ, еще недавно стоялъ обширный постоялый дворъ, очень хорошо извѣстный троечнымъ извозчикамъ, обознымъ мужикамъ, купеческимъ приказчикамъ, мѣщанамъ-торговцамъ и вообще всѣмъ многочисленнымъ и разнороднымъ проѣзжимъ, которые во всякое время года накатываютъ наши дороги. Бывало, всѣ заворачивали на тотъ дворъ; развѣ только какая-нибудь помѣщичья карета, запряженная шестерикомъ доморощенныхъ лошадей, торжественно проплывала мимо, что̀ не мѣшало, однако, ни кучеру, ни лакею на запяткахъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ и вниманіемъ посмотрѣть на слишкомъ имъ знакомое крылечко; или какой-нибудь голякъ въ дряпной телѣжкѣ и съ тремя пятаками въ мошнѣ за пазухой, поровнявшись съ богатымъ дворомъ, понукалъ свою усталую лошаденку, поспѣшая на ночлегъ въ лежавшіе подъ большакомъ выселки, къ мужичку-хозяину, у котораго, кромѣ сѣна и хлѣба, не найдешь ничего, да за то лишней копейки не заплатишь. Кромѣ своего вы-

годнаго мѣстоположенія, постоялый дворъ, о которомъ мы начали рѣчь, бралъ многимъ: отличной водой въ двухъ глубокихъ колодцахъ съ скрипучими колесами и желѣзными бадьями на цѣпяхъ; просторнымъ дворомъ съ сплошными тесовыми навѣсами на толстыхъ столбахъ; обильнымъ запасомъ хорошаго овса въ подвалѣ; теплой избой съ огромнѣйшей русской печью, къ которой наподобіе богатырскихъ плечей прилегали длинные борова, и, наконецъ, двумя довольно чистыми комнатками, съ красно-лиловыми, снизу нѣсколько оборванными бумажками на стѣнахъ, деревяннымъ крашенымъ диваномъ, такими же стульями и двумя горшками гераніума на окнахъ, которыя, впрочемъ, никогда не обтирались и тускнѣли многолѣтней пылью. Другія еще удобства представлялъ этотъ постоялый дворъ: — кузница была отъ него близко, тутъ же почти находилась мельница; наконецъ, и поѣсть въ немъ можно было хорошо, по милости толстой и румяной бабы стряпухи, которая кушанья варила вкусно и жирно и не скупилась на припасы; до ближайшаго кабака считалось всего съ полверсты; хозяинъ держалъ табакъ нюхательный, хотя и смѣшанный съ золой, однако чрезвычайно забористый и пріятно разъѣдающій носъ—словомъ, много было причинъ, почему въ томъ дворѣ не переводились всякаго рода постояльцы. Полюбился онъ проѣзжимъ — вотъ главное; безъ этого, извѣстно, никакое дѣло въ ходъ не пойдетъ; а полюбился онъ болѣе потому, какъ толковали въ околоткѣ, что самъ хозяинъ былъ очень счастливъ и во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ удачливъ, хоть онъ и мало заслуживалъ свое счастье, да видно, кому повезетъ—такъ ужъ повезетъ.

Хозяинъ этотъ былъ мѣщанинъ, звали его Наумомъ Ивановымъ. Роста онъ былъ средняго, толстъ, сутуловатъ и плечистъ; голову имѣлъ большую, круглую, волосы волнистые и уже сѣдые, хотя ему на видъ не было болѣе сорока лѣтъ; лицо полное и свѣжее, низкій, но бѣлый и ровный лобъ и маленькіе, свѣтлые, голубые глаза, которыми онъ очень странно глядѣлъ:—исподлобья и въ то же время нагло, что̀ довольно рѣдко встрѣчается.

Голову онъ всегда держалъ понуро и съ трудомъ ее поворачивалъ, можетъ-быть, оттого, что шея у него была очень коротка; ходилъ бѣгло и не взмахивалъ, а разводилъ на ходу сжатыми руками. Когда онъ улыбался, а улыбался онъ часто, но безъ смѣха, словно про себя, его крупныя губы непріятно раздвигались и выказывали рядъ сплошныхъ и блестящихъ зубовъ. Говорилъ онъ отрывисто и съ какимъ-то угрюмымъ звукомъ въ голосѣ. Бороду онъ брилъ, но не ходилъ по-нѣмецки. Одежда его состояла изъ длиннаго, весьма поношеннаго кафтана, широкихъ шароваръ и башмаковъ на босу ногу. Онъ часто отлучался изъ дому по своимъ дѣламъ, а у него ихъ было много—онъ барышничалъ лошадьми, нанималъ землю, держалъ огороды, скупалъ сады и вообще занимался разными торговыми оборотами — но отлучки его никогда долго не продолжались; какъ коршунъ, съ которымъ онъ особенно, по выраженію глазъ своихъ, имѣлъ много сходнаго, возвращался онъ въ свое гнѣздо. Онъ умѣлъ держать это гнѣздо въ порядкѣ; всюду поспѣвалъ, все выслушивалъ и приказывалъ, выдавалъ, отпускалъ и разсчитывался самъ, и никому не спускалъ ни копейки, однако и лишняго не бралъ.

Постояльцы съ нимъ не заговаривали, да и онъ самъ не любилъ тратить попусту слова. „Мнѣ ваши деньги нужны, а вамъ моя харчь“, толковалъ онъ, словно отрывая каждое слово: „не дѣтей намъ съ вами крестить; проѣзжій поѣлъ, покормилъ, не засиживайся. А усталъ, такъ спи, не болтай“. Работниковъ держалъ онъ рослыхъ и здоровыхъ, но смирныхъ и повадливыхъ; они его очень боялись. Онъ въ ротъ не бралъ хмѣльного, а имъ выдавалъ въ великіе праздники по гривеннику на водку; въ другіе дни они не смѣли пить. Люди, подобные Науму, скоро богатѣютъ... но до блестящаго положенія, въ которомъ онъ находился, а его считали въ сорока или пятидесяти тысячахъ — Наумъ Ивановъ дошелъ не прямымъ путемъ...

Лѣтъ за двадцать до того времени, къ которому мы отнесли начало нашего разсказа, уже существовалъ на

томъ же мѣстѣ большой дороги постоялый дворъ. Правда, на немъ не было темно-красной тесовой крыши, которая придавала дому Наума Иванова видъ дворянской усадьбы; и строеніемъ былъ онъ побѣднѣй, и на дворѣ навѣсы имѣлъ соломенные, а вмѣсто бревенчатыхъ стѣнъ — плетеныя; не отличался онъ также трехугольнымъ греческимъ фронтономъ на точеныхъ столбикахъ; но все же онъ былъ постоялый дворъ хоть куда — помѣстительный, прочный и теплый — и проѣзжіе охотно его посѣщали. Хозяинъ его въ то время былъ не Наумъ Ивановъ, а нѣкто Акимъ Семеновъ, крестьянинъ сосѣдней помѣщицы, Лизаветы Прохоровны Кунце — штабъ-офицерши. Этотъ Акимъ былъ смышленый и торговый мужикъ, который въ молодыхъ еще лѣтахъ, отправившись въ извозъ съ двумя плохими лошадками, воротился черезъ годъ съ тремя порядочными, да съ тѣхъ поръ почти всю жизнь пространствовалъ по большимъ дорогамъ, ходилъ въ Казань и Одессу, въ Оренбургъ и въ Варшаву, и за границу въ „Липецкъ“ *), и ходилъ ужъ, подъ конецъ, съ двумя тройками крупныхъ и сильныхъ жеребцовъ, запряженныхъ въ двѣ громадныя телѣги. Надоѣло ему, что ли, его бездомовное, скитальческое житье, захотѣлось ли ему завестись семействомъ (въ одну изъ его отлучекъ умерла у него жена; дѣти, которыя были, тоже померли), только онъ рѣшился, наконецъ, бросить свое прежнее ремесло и завести постоялый дворъ. Съ позволенія своей барыни, основался онъ на большой дорогѣ, купилъ на ея имя полдесятины земли и построилъ на ней постоялый дворъ. Дѣло пошло на ладъ. Денегъ у него на обзаведеніе было слишкомъ довольно; опытность, пріобрѣтенная имъ въ теченіе долговременныхъ странствованій по всѣмъ концамъ Россіи, послужила ему въ великую пользу; онъ зналъ, чѣмъ угодить проѣзжимъ, особенно прежней своей братьѣ, троечнымъ извозчикамъ, изъ которыхъ со многими онъ былъ знакомъ лично, и которыми особенно дорожатъ содержатели постоялыхъ дворовъ: такъ много ѣдятъ и потребляютъ эти люди на себя и на своихъ

*) Въ Лейпцигъ.

могучихъ лошадей. Акимовъ дворъ сталъ извѣстенъ на сотни верстъ вокругъ... Къ нему даже охотнѣе заѣзжали, чѣмъ къ смѣнившему его впослѣдствіи Науму, хотя Акимъ далеко не могъ сравняться съ Наумомъ въ умѣньѣ хозяйничать. У Акима все было больше на старинную ногу, тепло, но не совсѣмъ чисто; и овесъ у него попадался легкій или подмоченный, кушанье тоже варилось съ грѣхомъ пополамъ; у него иногда и такую снѣдь подавали на столъ, что лучше бы ей совсѣмъ въ печи оставаться, и не то, чтобъ онъ на харчи скупился, а такъ—баба не досмотритъ. Зато онъ и съ цѣны готовъ былъ сбавить, и въ долгъ, пожалуй, не отказывался повѣрить, словомъ—хорошій былъ человѣкъ, ласковый хозяинъ. На разговоры, на угощенье онъ тоже былъ податливъ; за самоваромъ, иной часъ, такъ разболтается, что уши развѣсишь, особенно, какъ станетъ разсказывать про Питеръ, про степи черкасскія, или вотъ еще про заморскую страну; ну, и выпить, разумѣется, съ хорошимъ человѣкомъ любилъ, только не до безобразія, а больше для общества—такъ о немъ отзывались проѣзжіе. Весьма благоволили къ нему купцы и вообще всѣ тѣ люди, которыхъ называютъ старозавѣтными, тѣ люди, которые, не подпоясавшись, въ дорогу не поѣдутъ, и въ комнату не войдутъ, не перекрестившись, и не заговорятъ съ человѣкомъ, не поздоровавшись съ нимъ напередъ. Уже одна наружность Акима располагала въ его пользу: онъ былъ роста высокаго, нѣсколько худъ, но очень строенъ, даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; лицо имѣлъ длинное, благообразное и правильное; высокій и открытый лобъ, носъ прямой и тонкій, и небольшія губы. Взглядъ его карихъ на выкатѣ глазъ такъ и сіялъ привѣтливой кротостью, жидкіе и мягкіе волосы завивались въ кольца около шеи: на макушкѣ оставалось ихъ немного. Звукъ Акимова голоса былъ очень пріятенъ, хотя слабъ; въ молодости онъ отлично пѣвалъ, но продолжительныя путешествія на открытомъ воздухѣ, зимой, разстроили его грудь. Зато говорилъ онъ очень плавно и сладко. Когда онъ смѣялся, у него около глазъ располагались лучеобразныя морщинки,

чрезвычайно милыя на видъ: — только у добрыхъ людей можно замѣтить такія морщинки. Движенья Акима были большею частью медленны и не лишены нѣкоторой увѣренности и важной учтивости, какъ у человѣка бывалаго и много видѣвшаго на своемъ вѣку.

Точно всѣмъ бы хорошъ былъ Акимъ, или какъ его называли даже въ барскомъ домѣ, куда онъ хаживалъ часто и уже непремѣнно по воскресеньямъ, послѣ обѣдни, — Акимъ Семеновичъ, — всѣмъ бы былъ онъ хорошъ, кабы не водилась за нимъ одна слабость, которая уже многихъ людей на землѣ погубила, а подъ конецъ сгубила и его самого — слабость къ женскому полу. Влюбчивость Акима доходила до крайности; сердце его никакъ не умѣло противиться женскому взгляду, онъ таялъ отъ него, какъ первый осенній снѣгъ отъ солнца... и порядочно уже пришлось ему поплатиться за свою излишнюю чувствительность.

Въ теченіе перваго года послѣ поселенья своего на большой дорогѣ, Акимъ такъ былъ занятъ постройкой двора, обзаведеніемъ хозяйства, и всѣми хлопотами, которыя неразлучны съ каждымъ новосельемъ, что ему рѣшительно некогда было думать о женщинахъ, а если и приходили ему на умъ какія-нибудь грѣшныя мысли, такъ онъ ихъ тотчасъ прогонялъ чтеніемъ разныхъ священныхъ книгъ, къ которымъ питалъ великое уваженіе (грамотѣ онъ выучился еще съ первой своей поѣздки), пѣніемъ вполголоса псалмовъ, или другимъ какимъ богобоязненнымъ занятіемъ. — Притомъ же, ему уже пошелъ тогда 46-й годъ — а въ эти лѣта всякія страсти замѣтно утихаютъ и стынутъ, и для женитьбы прошла пора. Акимъ самъ начиналъ думать, что съ него эта блажь, какъ онъ выражался, соскочила... да, видно, своей судьбы не минуешь...

Бывшая Акимова помѣщица, Лизавета Прохоровна Кунце — штабъ-офицерша, оставшаяся вдовой послѣ супруга нѣмецкаго происхожденія, была сама урожденка города Митавы, гдѣ она провела первые годы своего дѣтства и гдѣ у ней оставалось очень многочисленное и бѣдное

семейство, о которомъ она, впрочемъ, заботилась мало, особенно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ ея братьевъ, армейскій пѣхотный офицеръ, нечаянно заѣхалъ къ ней въ домъ и на второй же день до того разбуянился, что чуть не прибилъ самой хозяйки, назвавъ ее притомъ: „du, Lumpenmamsell!“ между тѣмъ, какъ наканунѣ самъ величалъ ее ломанымъ русскимъ языкомъ: „сестрица и благодѣтель“. Лизавета Прохоровна почти безвыѣздно жила въ своемъ хорошенькомъ, трудами супруга, бывшаго архитектора, благопріобрѣтенномъ имѣньѣ; сама имъ управляла и очень недурно управляла. Лизавета Прохоровна не упускала ни малѣйшей своей выгоды, изъ всего извлекала пользу для себя; и въ этомъ, да еще въ необыкновенномъ умѣньѣ тратить вмѣсто гроша копейку, сказалась ея нѣмецкая природа; во всемъ другомъ она очень обрусѣла. Дворни у ней водилось значительное количество; особенно держала она много дѣвокъ, которыя, впрочемъ, ѣли хлѣбъ не даромъ: съ утра до вечера спины ихъ не разгибались надъ работой. Она любила выѣзжать въ каретѣ, съ ливрейными лакеями на запяткахъ; любила, чтобъ ей сплетничали и наушничали, и сама отлично сплетничала; любила взыскать человѣка своей милостью и вдругъ поразить его опалой,—словомъ, Лизавета Прохоровна вела себя ужъ точно какъ барыня. — Акима она жаловала — оброкъ весьма значительный онъ платилъ ей исправно — милостиво съ нимъ заговаривала, и даже, шутя, приглашала его къ себѣ въ гости... но именно въ господскомъ домѣ ожидала Акима бѣда.

Въ числѣ горничныхъ Лизаветы Прохоровны находилась одна дѣвушка, лѣтъ двадцати, сирота, по имени Дуняша. Она была недурна собой, стройна и ловка; черты ея, хотя неправильныя, могли понравиться: свѣжій цвѣтъ кожи, густые бѣлокурые волосы, живые сѣрые глазки, маленькій круглый носъ, румяныя губы и особенно какое-то развязное, полунасмѣшливое, полувызывающее выраженіе лица—все это было довольно мило въ своемъ родѣ. Притомъ, она, несмотря на свое сиротство, держала

себя строго, почти надменно: она происходила изъ столбовыхъ дворовыхъ; ея покойный отецъ, Арефій, лѣтъ тридцать былъ ключникомъ, а дѣдъ, Степанъ, служилъ камердинеромъ у одного давно умершаго барина, гвардіи-сержанта и князя. Одѣвалась она опрятно и щеголяла своими руками, которыя, дѣйствительно, были чрезвычайно красивы. Дуняша показывала большое пренебреженіе ко всѣмъ своимъ поклонникамъ, съ самоувѣренной улыбочкой выслушивала ихъ любезности, и если и отвѣчала имъ, то бо̀льшей частью одними восклицаніями, въ родѣ: „да! какъ же! стану я! вотъ еще!..“ Эти восклицанія у ней почти не сходили съ языка. Дуняша провела около трехъ лѣтъ въ Москвѣ, въ ученьѣ, гдѣ она пріобрѣла тѣ особеннаго рода ужимки и замашки, которыми отличаются горничныя, побывавшія въ столицахъ. О ней отзывались, какъ о дѣвушкѣ съ самолюбіемъ (великая похвала въ устахъ дворовыхъ людей), которая хотя и видала виды, однако себя не уронила. Шила она тоже недурно, но за всѣмъ тѣмъ Лизавета Прохоровна къ ней не слишкомъ благоволила, по милости главной горничной, Кирилловны, женщины уже не молодой, пронырливой и хитрой. Кирилловна пользовалась большимъ вліяніемъ на свою госпожу и очень искусно умѣла устранять соперницъ.

Въ эту-то Дуняшу и влюбися Акимъ! Да такъ, какъ прежде никогда не влюблялся. Онъ сначала увидалъ ее въ церкви: она только-что возвратилась изъ Москвы... потомъ встрѣчался съ ней нѣсколько разъ въ барскомъ домѣ; наконецъ, провелъ съ ней цѣлый вечеръ у приказчика, куда его пригласили на чай, вмѣстѣ съ другими почетными людьми. Дворовые имъ не брезгали, хоть онъ и не принадлежалъ къ ихъ сословію и носилъ бороду; но онъ былъ человѣкъ образованный, грамотный, а главное—съ деньгами; притомъ, и одѣвался онъ не по-мужицки, носилъ длинный кафтанъ изъ чернаго сукна, выростковые сапоги и платочекъ на шеѣ. Правда, иные дворовые и толковали промежъ себя, что, дескать, все-таки видно, что онъ не нашъ, но въ глаза ему чуть не

льстили. Въ тотъ вечеръ, у приказчика, Дуняша окончательно покорила влюбчивое сердце Акима, хотя уже рѣшительно не отвѣчала ни одного слова на всѣ его заискивающія рѣчи и лишь изрѣдка сбоку посматривала на него, какъ бы удивляясь, зачѣмъ этотъ мужикъ тутъ. Все это только больше распаляло Акима. Онъ ушелъ къ себѣ домой, думалъ, думалъ, и рѣшился добиться ея руки... Такъ-то она его къ себѣ „присушила"! Но какъ описать гнѣвъ и негодованіе Дуняши, когда, дней черезъ пять, Кирилловна, ласково зазвавъ ее къ себѣ въ комнату, объявила ей, что Акимъ (а видно, онъ умѣлъ, какъ за дѣло взяться), что этотъ бородачъ и мужикъ Акимъ, съ которымъ и сидѣть-то рядомъ она почитала обидой, за нее сватается!

Дуняша сперва вспыхнула вся, потомъ принужденно захохотала, потомъ заплакала; но Кирилловна такъ искусно повела атаку, такъ ясно дала ей почувствовать собственное ея положеніе въ домѣ, такъ ловко намекнула на приличный видъ, богатство и слѣпую преданность Акима, наконецъ, такъ значительно упомянула о желаніи самой барыни, что Дуняша вышла изъ комнаты уже съ раздумьемъ на лицѣ, и, встрѣтившись съ Акимомъ, только пристально посмотрѣла ему въ глаза, но не отвернулась. Несказанно щедрые подарки этого влюбленнаго человѣка разсѣяли ея послѣднія недоумѣнья... Лизавета Прохоровна, которой Акимъ, на радости, поднесъ сотню персиковъ на большомъ серебряномъ блюдѣ, согласилась на его бракъ съ Дуняшей, и этотъ бракъ состоялся. Акимъ не пожалѣлъ издержекъ—и невѣста, которая наканунѣ сидѣла на дѣвичникѣ какъ убитая, а въ самое утро свадьбы все плакала, пока ее Кирилловна наряжала къ вѣнцу, скоро утѣшилась... Ей барыня дала надѣть въ церковь свою шаль—а Акимъ въ тотъ же день подарилъ ей такую же, чуть ли не лучше.

Итакъ, Акимъ женился, перевезъ свою молодую къ себѣ во дворъ... Начали они жить. Дуняша оказалась плохою хозяйкой, плохою подпорой мужу. Она ни во что не входила, грустила, скучала, развѣ какой-нибудь проѣзжій

офицеръ обращалъ на нее вниманіе и любезничалъ съ ней, сидя за широкимъ самоваромъ; часто отлучалась, то въ городъ за покупками, то въ барскій домъ, до котораго отъ постоялаго двора считалось версты четыре. Въ барскомъ домѣ она отдыхала; тамъ ее окружали свои; дѣвушки завидовали ея нарядамъ; Кирилловна потчивала ее чаемъ; сама Лизавета Прохоровна съ ней разговаривала... Но и эти посѣщенія не обходились безъ горькихъ ощущеній для Дуняши... Ей, напримѣръ, какъ дворничихѣ, уже не приходилось носить шляпки, и она принуждена была повязывать свою голову платкомъ... какъ купчиха, говорила ей лукавая Кирилловна... какъ какая-нибудь мѣщанка, думала Дуняша про себя.

Не разъ пришли Акиму на память слова единственнаго его родственника, старика дяди, мужика заматерѣлаго, безсемейнаго бобыля: „Ну, братъ, Акимушка, сказалъ онъ ему, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ:—слышалъ я, ты сватаешься?..“

— Ну, да; а что?

— Эхъ, Акимъ, Акимъ! Ты намъ, мужикамъ, не братъ теперь, что̀ и говорить—да и она тебѣ не сестра.

— Да чѣмъ же она мнѣ не сестра?

— А хоть бы вотъ чѣмъ,—возразилъ тотъ, и указалъ Акиму на его бороду, которую онъ, въ угодность своей невѣстѣ, началъ подстригать—сбрить-то ее совсѣмъ онъ не согласился... Акимъ потупился; а старикъ отвернулся, запахнулъ полы своего разорваннаго на плечахъ тулупа и пошелъ прочь, встряхивая головой.

Да, не разъ задумывался, кряхтѣлъ и вздыхалъ Акимъ... Но любовь его къ хорошенькой женѣ не уменьшалась; онъ гордился ею—особенно, когда сравнивалъ ее, не говоримъ уже съ другими бабами, или съ своей прежней женой, на которой его женили шестнадцати лѣтъ—но съ другими дворовыми дѣвушками; „вотъ, молъ, мы какую пташку заполевали!..“ Малѣйшая ея ласка доставляла ему великое удовольствіе... Авось, думалъ онъ, попривыкнетъ, обживется... Притомъ она вела себя очень хорошо, и никто не могъ сказать про нее худого слова.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Дуняша, дѣйствительно, кончила тѣмъ, что привыкла къ своему житью. Акимъ чѣмъ больше старѣлъ, тѣмъ больше къ ней привязывался и довѣрялъ ей; товарки ея, которыя вышли замужъ не за мужиковъ, терпѣли нужду кровную, либо бѣдствовали, либо попали въ недобрыя руки... А Акимъ богатѣлъ, да богатѣлъ. Все ему удавалось—счастье ему везло; одно только его сокрушало: дѣтей ему Богъ не давалъ. Дуняшѣ уже перешло за двадцать пять лѣтъ; ужъ всѣ ее стали величать Авдотьей Арефьевной. Настоящей хозяйкой она, все-таки, не сдѣлалась—но домъ свой полюбила, распоряжалась припасами, присматривала за работницей... Правда, она все это дѣлала кое-какъ, не наблюдала, какъ бы слѣдовало, за чистотой и порядкомъ; за то въ главной комнатѣ постоялаго двора, рядомъ съ портретомъ Акима, висѣлъ ея портретъ, писанный масляными красками и заказанный ею самою доморощенному живописцу, сыну приходскаго дьякона.—Она была представлена въ бѣломъ платьѣ, желтой шали, съ шестью питками крупнаго жемчуга на шеѣ, длинными серьгами въ ушахъ и кольцами на каждомъ пальцѣ.—Узнать ее было можно—хотя живописецъ изобразилъ ее черезчуръ дебелой и румяной—и глаза ея написалъ, вмѣсто сѣрыхъ, черные и даже нѣсколько косые... Акимъ ему вовсе не удался: онъ вышелъ у него какъ-то темнò—à la Rembrandt—такъ что иной проѣзжій подойдетъ, бывало, посмотритъ и только промычитъ немного. Одѣваться Авдотья стала довольно небрежно; накинетъ большой платокъ на плечи—а платье подъ нимъ какъ-нибудь сидитъ: лѣнь ее обуяла, та вздыхающая, вялая, сонливая лѣнь, къ которой слишкомъ склоненъ русскій человѣкъ, особенно когда существованіе его обезпечено...

Со всѣмъ тѣмъ, дѣлà Акима и жены его шли очень хорошо—они жили ладно и слыли за примѣрныхъ супруговъ. Но какъ бѣлка, которая чиститъ себѣ носъ въ то самое мгновенье, когда стрѣлокъ въ нее цѣлится, человѣкъ не предчувствуетъ своего несчастья—и вдругъ подламывается, какъ на льду...

Въ одинъ осенній вечеръ, на постояломъ дворѣ у Акима остановился купецъ съ краснымъ товаромъ. Разными окольными дорогами пробирался онъ, съ двумя нагруженными кибитками, изъ Москвы въ Харьковъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ разносчиковъ, которыхъ помѣщики и въ особенности помѣщичьи жены и дочери, ожидаютъ иногда съ такимъ великимъ нетерпѣніемъ. Съ этимъ разносчикомъ, человѣкомъ уже пожилымъ, ѣхало двое товарищей или, говоря правильнѣе, двое работниковъ — одинъ блѣдный, худой и горбатый, другой—молодой, видный, красивый малый лѣтъ двадцати. Они спросили себѣ поужинать, потомъ сѣли за чай; разносчикъ попросилъ хозяевъ выкушать съ ними по чашкѣ—хозяева не отказались. Между двумя стариками (Акиму стукнуло пятьдесятъ шесть лѣтъ) скоро завязался разговоръ; разносчикъ разспрашивалъ о сосѣднихъ помѣщикахъ—а никто лучше Акима не могъ сообщить ему всѣ нужныя свѣдѣнія на ихъ счетъ; горбатый работникъ безпрестанно ходилъ смотрѣть телѣги и наконецъ убрался спать; Авдотьѣ пришлось бесѣдовать съ другимъ работникомъ... Она сидѣла подлѣ него и говорила мало, больше слушала, что̀ тотъ ей разсказывалъ; но видно, рѣчи его ей нравились: ея лицо оживилось, краска заиграла на щекахъ, и смѣялась она довольно часто и охотно. Молодой работникъ сидѣлъ, почти не шевелясь и наклонивъ къ столу свою кудрявую голову; говорилъ тихо, не возвышая голоса и не торопясь; зато глаза его, небольшіе, но дерзко-свѣтлые и голубые, такъ и впились въ Авдотью; она сперва отворачивалась отъ нихъ, потомъ сама стала глядѣть ему въ лицо. Лицо этого молодого парня было свѣжо и гладко какъ крымское яблоко; онъ часто ухмылялся и поигрывалъ бѣлыми пальцами по подбородку, уже покрытому рѣдкимъ и темнымъ пухомъ. Выражался онъ по-купечески, но очень свободно и съ какой-то небрежной самоувѣренностью—и все смотрѣлъ на нее тѣмъ же пристальнымъ и наглымъ взглядомъ... Вдругъ онъ подвинулся къ ней немного поближе и, нимало не измѣнившись въ лицѣ, сказалъ ей: „Авдотья Арефьевна, лучше

васъ на свѣтѣ никого нѣтъ; я, кажется, помереть готовъ для васъ".

Авдотья громко засмѣялась.

— Чему ты?—спросилъ ее Акимъ.

— Да вотъ—они такое все смѣшное разсказываютъ,— проговорила она безъ особеннаго, впрочемъ, смущенія.

Старый разносчикъ осклабился.

— Хе-хе, да-съ; у меня Наумъ такой ужъ балагуръ-съ. Но вы его не слушайте-съ.

— Да! какъ-же! стану я ихъ слушать,—возразила она и покачала головой.

— Хе-хе, конечно-съ,—замѣтилъ старикъ.—Ну, однако,—прибавилъ онъ нараспѣвъ:—прощенья просимъ-съ, много довольны-съ, а пора и на боковую-съ...—И онъ всталъ.

— Много довольны-съ и мы-съ,—промолвилъ Акимъ и тоже всталъ:—за угощенье, то-есть; впрочемъ, спокойной ночи желаемъ-съ. Авдотьюшка, вставай.

Авдотья поднялась, словно нехотя, за ней поднялся и Наумъ... и всѣ разошлись.

Хозяева отправились въ отдѣльную каморку, служившую имъ вмѣсто спальни. Акимъ захрапѣлъ тотчасъ. Авдотья долго не могла заснуть... Сперва она лежала тихо, оборотясь лицомъ къ стѣнѣ, потомъ начала метаться на горячемъ пуховикѣ, то сбрасывала, то натягивала одѣяло... потомъ задремала тонкой дремотой. Вдругъ раздался со двора громкій мужской голосъ: онъ пѣлъ какую-то протяжную, но не заунывную пѣсню, словъ которой нельзя было разобрать. Авдотья раскрыла глаза, облокотилась и стала слушать... Пѣсня все продолжалась... Звонко переливалась она въ осеннемъ воздухѣ.

Акимъ поднялъ голову.

— Кто это поетъ?—спросилъ онъ.

— Не знаю,—отвѣчала она.

— Хорошо поетъ,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного.—Хорошо. Экой голосина сильный. Вотъ, я въ свое время пѣвалъ,—продолжалъ онъ:—и хорошо пѣвалъ, да голосъ испортился. А этотъ хорошъ. Знать, молодецъ тотъ

поетъ. Наумомъ, что ли, его зовутъ.—И онъ повернулся на другой бокъ—вздохнулъ и заснулъ опять.

Долго еще не умолкалъ голосъ... Авдотья все слушала да слушала; наконецъ, онъ вдругъ словно оборвался, еще разъ вскрикнулъ лихо и медленно замеръ. Авдотья перекрестилась, положила голову на подушку... Прошло полчаса... Она приподнялась и стала тихонько спускаться съ постели...

— Куда ты, жена?—спросилъ ее сквозь сонъ Акимъ.

Она остановилась.

— Лампаду поправить,—проговорила она: — не спится что-то...

— А ты помолися,—пролепеталъ Акимъ, засыпая.

Авдотья подошла къ лампадкѣ, стала поправлять ее и нечаянно погасила; вернулась и легла. Все утихло.

На другое утро, рано, купецъ отправился въ путь съ своими товарищами. Авдотья спала. Акимъ проводилъ ихъ съ полверсты: ему надобно было зайти на мельницу. Вернувшись домой, онъ засталъ уже свою жену одѣтою и не одну: съ ней былъ вчерашній молодой парень, Наумъ. Они стояли подлѣ стола, у окна, и разговаривали. Увидавъ Акима, Авдотья молча пошла вонъ изъ комнаты, а Наумъ сказалъ, что вернулся за хозяйскими рукавицами, которыя тотъ будто позабылъ на лавкѣ, и тоже ушелъ.

Мы теперь же скажемъ читателямъ то, о чемъ они, вѣроятно, и безъ насъ догадались: Авдотья страстно полюбила Наума. Какъ это могло случиться такъ скоро, объяснить трудно; тѣмъ болѣе трудно, что до того времени она вела себя безукоризненно, несмотря на множество случаевъ и покушеній измѣнить супружеской вѣрности. Впослѣдствіи, когда связь ея съ Наумомъ стала гласною, многіе въ околоткѣ толковали, что онъ въ первый же вечеръ подсыпалъ ей въ чашку чая приворотнаго зелья (у насъ еще твердо вѣрятъ въ дѣйствительность подобнаго средства), и что это очень легко можно было замѣтить по Авдотьѣ, которая, будто, скоро потомъ начала худѣть и скучать.

Какъ бы то ни было, но только Наума стали довольно

часто видать на Акимовомъ дворѣ. Сперва проѣхалъ онъ опять съ тѣмъ же купцомъ, а мѣсяца черезъ три появился уже одинъ, съ собственнымъ товаромъ; потомъ пронесся слухъ, что онъ поселился въ одномъ изъ близъ-лежащихъ уѣздныхъ городовъ, и съ той поры уже не проходило недѣли, чтобы не показалась на большой дорогѣ его крѣпкая крашеная телѣжка, запряженная парой круглыхъ лошадокъ, которыми онъ правилъ самъ. Между Акимомъ и имъ не существовало особой дружбы, да и непріязни между ними не замѣчалось; Акимъ не обращалъ на него большого вниманія, и зналъ только о немъ, какъ о смышленомъ маломъ, который бойко пошелъ въ ходъ. Настоящихъ чувствъ Авдотьи онъ не подозрѣвалъ и продолжалъ довѣрять ей попрежнему.

Такъ прошло еще два года.

Вотъ, однажды, въ лѣтній день, передъ обѣдомъ, часу во второмъ, Лизавета Прохоровна, которая въ теченіе именно этихъ двухъ годовъ какъ-то вдругъ сморщилась и пожелтѣла, несмотря на всевозможныя притиранія, румяна и бѣлила,—Лизавета Прохоровна, съ собачкой и складнымъ зонтикомъ, вышла погулять въ свой нѣмецкій чистенькій садикъ. Слегка шумя накрахмаленнымъ платьемъ, шла она маленькими шагами по песчаной дорожкѣ, между двумя рядами вытянутыхъ въ струнку георгинъ, какъ вдругъ ее нагнала старинная наша знакомая, Кирилловна, и почтительно доложила, что какой-то Б...й купецъ желаетъ ее видѣть по весьма важному дѣлу. Кирилловна попрежнему пользовалась господскою милостью (въ сущности *она* управляла имѣніемъ г-жи Кунце) и съ нѣкотораго времени получила позволеніе носить бѣлый чепецъ, что̀ придавало еще болѣе рѣзкости тонкимъ чертамъ смуглаго лица.

— Купецъ?—спросила барыня.—Что̀ ему нужно?

— Не знаю-съ, что̀ имъ надоть,—возразила Кирилловна вкрадчивымъ голосомъ:—а только, кажется, они желаютъ у васъ что-то купить-съ.

Лизавета Прохоровна вернулась въ гостиную, сѣла на обыкновенное свое мѣсто, кресло съ куполомъ, по кото-

рому красиво извивался плющъ, и велѣла кликнуть Б...аго купца.

Вошелъ Наумъ, поклонился и остановился у двери.

— Я слышала, вы у меня что-то купить хотите?—начала Лизавета Прохоровна и сама про себя подумала:—какой красивый мужчина этотъ купецъ.

— Точно такъ-съ.

— Что̀ же именно?

— Не изволите ли продавать постоялый вашъ дворъ?

— Какой дворъ?

— Да вотъ, что̀ на большой дорогѣ, отсюда недалече.

— Да этотъ дворъ не мой. Это Акимовъ дворъ.

— Какъ не вашъ? На вашей землицѣ сидитъ-съ.

— Положимъ—земля моя... на мое имя куплена; да дворъ-то его.

— Такъ-съ. Такъ вотъ, не изволите ли вы его продать намъ-съ?

— Какъ же я его продамъ?

— Такъ-съ. А мы бы цѣну хорошую положили-съ.

Лизавета Прохоровна помолчала.

— Право, это странно,—начала она опять:—какъ это вы говорите. А что̀ бы вы дали?—прибавила она.—То-есть это я не для себя спрашиваю, а для Акима.

— Да со всѣмъ строеніемъ-съ и угодьями-съ, ну, да, конечно, и съ землей, какая при томъ дворѣ находится, двѣ тысячи рублей бы дали-съ.

— Двѣ тысячи рублей! Это мало,—возразила Лизавета Прохоровна.

— Настоящая цѣна-съ.

— Да вы съ Акимомъ говорили?

— Зачѣмъ намъ съ ними говорить-съ? Дворъ вашъ, такъ вотъ, мы съ вами и изволимъ разговаривать-съ.

— Да я-жъ вамъ объявила... Право, это удивительно, какъ это вы меня не понимаете!

— Отчего же не понять-съ; понимаемъ-съ.

Лизавета Прохоровна посмотрѣла на Наума, Наумъ посмотрѣлъ на Лизавету Прохоровну.

— Такъ какъ же-съ, — началъ онъ: — какое будетъ, съ вашей стороны, то-есть, предложеніе?

— Съ моей стороны... — Лизавета Прохоровна зашевелилась на креслѣ.—Во-первыхъ, я вамъ говорю, что двухъ тысячъ мало, а во-вторыхъ...

— Сотенку накинемъ-съ, извольте.

Лизавета Прохоровна встала.

— Я вижу, вы совсѣмъ не то говорите, я вамъ уже сказала, что я этотъ дворъ не могу продавать и не продамъ. Не могу... то-есть не хочу.

Наумъ улыбнулся и помолчалъ.

— Ну, какъ угодно-съ... — промолвилъ онъ, слегка пожавъ плечомъ:—просимъ прощенья-съ.—И онъ поклонился и взялся за ручки двери.

Лизавета Прохоровна обернулась къ нему.

— Впрочемъ...—проговорила она съ едва замѣтной запинкой:—вы еще не уѣзжайте.—Она позвонила; изъ кабинета явилась Кирилловна. — Кирилловна, вели напоить г-на купца чаемъ. Я васъ еще увижу, — прибавила она, слегка кивнувъ головой.

Наумъ еще разъ поклонился и вышелъ вмѣстѣ съ Кирилловной.

Лизавета Прохоровна раза два прошлась по комнатѣ и опять позвонила. На этотъ разъ вошелъ казачокъ. Она приказала ему позвать Кирилловну. Черезъ нѣсколько мгновеній вошла Кирилловна, чуть поскрипывая своими новыми козловыми башмаками.

— Слышала ты,—начала Лизавета Прохоровна, съ принужденнымъ смѣхомъ:—что̀ мнѣ купецъ этотъ предлагаетъ? такой, право, чудакъ!

— Нѣтъ-съ, не слыхала... Что такое-съ?—И Кирилловна слегка прищурила свои черные, калмыцкіе глазки.

— Онъ у меня Акимовъ дворъ хочетъ купить.

— Такъ что же-съ?

— Да вѣдь какъ же... А что же Акимъ? Я его Акиму отдала.

— И, помилуйте, барыня, что̀ вы это изволите говорить? Развѣ этотъ дворъ не вашъ? Не ваши мы, что̀

ли? И все, что мы имѣемъ, — развѣ не ваше же, не господское?

— Что ты это говоришь, Кирилловна, помилуй?—Лизавета Прохоровна достала батистовый платокъ и нервически высморкалась.—Акимъ этотъ дворъ на свои деньги купилъ.

— На свои деньги? А откуда онъ эти деньги взялъ?—Не по вашей ли милости? Да онъ и такъ столько времени землею пользовался... Вѣдь все по вашей же милости. А вы думаете, сударыня, что у него такъ и не останется больше денегъ? Да онъ богаче васъ, ей-Богу-съ!

— Все эта такъ, конечно, но все же, это я не могу... Какъ же это я этотъ дворъ продамъ?

— Отчего же не продать-съ?—продолжала Кирилловна.—Благо, покупщикъ нашелся. Позвольте узнать-съ, сколько они вамъ предлагаютъ?

— Двѣ тысячи рублей слишкомъ, — тихо проговорила Лизавета Прохоровна.

— Онъ, сударыня, больше дастъ, коли двѣ тысячи съ перваго слова предлагаетъ. А съ Акимомъ вы потомъ сдѣлаетесь; оброку скинете, что ли. — Онъ еще благодаренъ будетъ.

— Конечно, надо будетъ оброкъ уменьшить. Но нѣтъ, Кирилловна, какъ же я продамъ...—И Лизавета Прохоровна заходила взадъ и впередъ по комнатѣ... — Нѣтъ, это невозможно, это не годится... нѣтъ, пожалуйста, ты мнѣ больше этого не говори... а то я разсержусь...

Но, несмотря на запрещенія взволнованной Лизаветы Прохоровны, Кирилловна продолжала говорить, и черезъ полчаса возвратилась къ Науму, котораго оставила въ буфетѣ, за самоваромъ.

— Что вы мнѣ скажете-съ, моя почтеннѣйшая, — проговорилъ Наумъ, щеголевато опрокинувъ допитую чашку на блюдечко.

— А то скажу,—возразила Кирилловна:—что идите къ барынѣ, она васъ зоветъ.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Наумъ, всталъ и вслѣдъ за Кирилловной отправился въ гостиную.

Дверь за ними затворилась... Когда, наконецъ, та дверь опять открылась, и Наумъ, кланяясь, вышелъ изъ нея спиной, дѣло было уже слажено; Акимовъ дворъ принадлежалъ ему: онъ пріобрѣлъ его за 2,800 рублей ассигнаціями. Купчую положили совершить какъ можно скорѣе и до времени не разглашать ея; Лизавета Прохоровна получила сто рублей задатку, да двѣсти рублей пошло Кирилловнѣ на магарычъ. „Не дорого купилъ", думалъ Наумъ, взлѣзая на телѣжку: „спасибо, случай вышелъ".

Въ то самое время, когда въ барскомъ домѣ происходила разсказанная нами сдѣлка, Акимъ сидѣлъ у себя одинъ подъ окномъ на лавкѣ и съ недовольнымъ видомъ поглаживалъ свою бороду... Мы сказали выше, что онъ не подозрѣвалъ расположенія своей жены къ Науму, хотя добрые люди не разъ ему намекали, что пора, молъ, тебѣ за умъ взяться; конечно, онъ самъ иногда могъ замѣтить, что хозяйка его съ нѣкотораго времени какъ будто норовистѣй стала, да вѣдь извѣстно: женскій полъ ломливъ и прихотливъ. Даже когда ему дѣйствительно казалось, что у него въ домѣ что то неладно, онъ только рукой махалъ; не хотѣлось ему, какъ говорится, поднимать струшню; добродушіе въ немъ не убавлялось съ годами, да и лѣнь брала свое. Но въ тотъ день онъ былъ очень не въ духѣ; наканунѣ онъ совершенно нечаянно подслушалъ на улицѣ разговоръ между своей работницей и другой, сосѣдней бабой...

Баба спрашивала работницу, отчего она къ ней на праздникъ вечеромъ не зашла: „я, дескать, тебя поджидала".

— Да я было и пошла, — возразила работница: — да, грѣшнымъ дѣломъ, на хозяйку насовалась... чтобъ ей пусто было!

— Насовалась... — повторила баба какимъ-то растянутымъ голосомъ и подперла рукою щеку. — А гдѣ-жъ это ты на ее насовалась, мать моя?

— А за коноплянниками, за поповскими. Хозяйка-то, знать, къ своему-то, къ Науму, въ коноплянники вышла,

а мнѣ-то въ темнотѣ не видать, отъ мѣсяца, что ли, Господь его знаетъ, прямо такъ на нихъ и наскочила.

— Наскочила,—опять повторила баба.—Ну, и что же она, мать моя, съ нимъ—стоитъ?

— Стоитъ—ничего. Онъ стоитъ, и она стоитъ. Увидала меня, говоритъ: куда ты это бѣгаешь? Пошла-ка-сь домой. Я и пошла.

— Пошла.—Баба помолчала.—Ну, прощай, Фетиньюшка,—промолвила она; и поплелась своей дорогой.

Разговоръ этотъ непріятно подѣйствовалъ на Акима. Любовь его къ Авдотьѣ уже охладѣла, но, все-таки, слова работницы ему не понравились. А она сказала правду: дѣйствительно, въ тотъ вечеръ Авдотья выходила къ Науму, который ожидалъ ее въ сплошной тѣни, падавшей на дорогу отъ недвижнаго и высокаго коноплянника. Роса смочила сверху до низу каждый его стебель; сильный до одури запахъ былъ кругомъ. Мѣсяцъ только-что всталъ, большой и багровый, въ черноватомъ и тускломъ туманѣ. Наумъ еще издали услыхалъ торопливые шаги Авдотьи и направился къ ней навстрѣчу. Она подошла къ нему, вся блѣдная отъ бѣгу; луна свѣтила ей въ лицо.

— Ну, что, принесла?—спросилъ онъ ее.

— Принести-то принесла,—отвѣчала она нерѣшительнымъ голосомъ:—да что, Наумъ Ивановичъ...

— Давай, коли принесла,—перебилъ онъ ее и протянулъ руку...

Она достала изъ-подъ косынки какой-то свертокъ. Наумъ тотчасъ взялъ его и положилъ къ себѣ за пазуху.

— Наумъ Иванычъ,—произнесла Авдотья медленно и не спуская съ него глазъ...—Охъ, Наумъ Иванычъ, погублю я для тебя свою душеньку...

Въ это мгновеніе подошла къ нимъ работница.

Итакъ, Акимъ сидѣлъ на лавочкѣ и съ неудовольствіемъ поглаживалъ свою бороду. Авдотья то̀ и дѣло входила въ комнату и опять выходила вонъ. Онъ только провожалъ ее глазами. Наконецъ, она вошла еще разъ, и захвативъ въ каморкѣ душегрѣйку, перешагнула уже

порогъ — онъ не вытерпѣлъ и заговорилъ, какъ будто про себя:

— Удивляюсь я,—началъ онъ:—чего это бабы всегда суетятся? Посидѣть, этакъ, чтобы на мѣстѣ, этого отъ нихъ и не требуй. Это не ихъ дѣло. А вотъ, куда-нибудь сбѣгать, утромъ ли, вечеромъ ли, это онѣ любятъ.—Да.

Авдотья выслушала мужнину рѣчь до конца, не перемѣнивъ своего положенія; только при словѣ „вечеромъ" чуть повела головой и словно задумалась.

— Ужъ ты, Семенычъ, — промолвила она, наконецъ, съ досадой: — извѣстно, какъ начнешь разговаривать, ужъ тутъ...

Она махнула рукой и ушла, хлопнувъ дверью. Авдотья, дѣйствительно, не слишкомъ высоко цѣнила Акимово краснорѣчіе и, бывало, по вечерамъ, когда онъ принимался разсуждать съ проѣзжими, или пускался въ разсказы, зѣвала тихомолкомъ, или уходила. Акимъ посмотрѣлъ на запертую дверь... „Какъ начнешь разговаривать", повторилъ онъ вполголоса... „то-то и есть, что я мало разговаривалъ съ тобой... И кто же? свой же братъ, да еще"... И онъ всталъ, подумалъ, да и постучалъ себѣ кулакомъ по затылку...

Нѣсколько дней прошло послѣ этого дня довольно страннымъ образомъ. Акимъ все поглядывалъ на жену свою, какъ будто собирался ей что-то сказать; и она, съ своей стороны, на него подозрительно посматривала; притомъ, они оба принужденно молчали; впрочемъ, это молчаніе обыкновенно прерывалось брюзгливымъ замѣчаніемъ Акима насчетъ какого-нибудь упущенія въ хозяйствѣ, или насчетъ женщинъ вообще; Авдотья, большею частію, не отвѣчала ему ни слова. Однако, при всей добродушной слабости Акима, между нимъ и Авдотьей непремѣнно дошло бы до рѣшительнаго объясненія, если бъ не случилось, наконецъ, происшествія, послѣ котораго всякія объясненія были безполезны.

А именно, въ одно утро, Акимъ съ женой только-что собирались пообѣдничать (проѣзжихъ въ постояломъ дворѣ, за лѣтними работами, ни одного не было), какъ вдругъ

телѣжка бойко застучала по дорогѣ и круто остановилась передъ крыльцомъ. Акимъ глянулъ въ окошко, нахмурился и потупился: изъ телѣжки, не торопясь, вылѣзалъ Наумъ. Авдотья его не увидала, но когда раздался въ сѣняхъ его голосъ, ложка слабо дрогнула въ ея рукѣ. Онъ приказывалъ работнику лошадь поставить на дворъ. Наконецъ, дверь распахнулась, и онъ вошелъ въ комнату.

— Здорово,—промолвилъ онъ и снялъ шапку.

— Здорово, — повторилъ сквозь зубы Акимъ. — Откуда Богъ принесъ?

— По сосѣдству,—возразилъ тотъ, и сѣлъ на лавку.— Я отъ барыни.

— Отъ барыни, — проговорилъ Акимъ, все не поднимаясь съ мѣста.—По дѣламъ, что-ль?

— Да, по дѣламъ. Авдотья Арефьевна, наше вамъ почтеніе.

— Здравствуйте, Наумъ Иванычъ,— отвѣтила она.

Всѣ помолчали.

— Что это у васъ, похлебка знать какая, — началъ Наумъ...

— Да, похлебка,—возразилъ Акимъ, и вдругъ поблѣднѣлъ:—да не про тебя.

Наумъ съ удивленіемъ глянулъ на Акима.

— Какъ не про меня?

— Да такъ вотъ, что не про тебя. — У Акима глаза заблестѣли, и онъ ударилъ рукой по столу. — У меня въ домѣ ничего про тебя нѣту, слышишь?

— Что ты, Семенычъ, что ты? Что съ тобой?

— Со мной-то ничего, а *ты* мнѣ надоѣлъ, Наумъ Иванычъ, вотъ что.—Старикъ всталъ и весь затрясся.—Больно часто сталъ ко мнѣ таскаться, вотъ что.

Наумъ тоже всталъ.

— Да ты, братъ, чай рехнулся, — произнесъ онъ съ усмѣшкой.—Авдотья Арефьевна, что это съ нимъ?..

— Я тебѣ говорю, — закричалъ дребезжащимъ голосомъ Акимъ:—пошелъ вонъ, слышишь... какая тебѣ тутъ Авдотья Арефьевна... я тебѣ говорю, слышишь, проваливай!

— Что ты такое мнѣ говоришь?—спросилъ значительно Наумъ.

— Пошелъ вонъ отсюда; вотъ что я тебѣ говорю. Вотъ Богъ, а вотъ порогъ... понимаешь? а то худо будетъ!

Наумъ шагнулъ впередъ.

— Батюшки, не деритесь, голубчики мои,—залепетала Авдотья, которая до того мгновенія сидѣла неподвижно за столомъ...

Наумъ глянулъ на нее.

— Не безпокойтесь, Авдотья Арефьевна, зачѣмъ драться! Экъ-ста, братъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Акиму:—какъ ты раскричался. Право. Экой прыткой! Слыханное ли дѣло, изъ чужого дома выгонять,—прибавилъ съ медленной разстановкою Наумъ:—да еще хозяина?

— Какъ изъ чужого дома, — пробормоталъ Акимъ. — Какого хозяина?

— А хоть бы меня.

И Наумъ прищурился и оскалилъ свои бѣлые зубы.

— Какъ тебя? Развѣ не я хозяинъ?

— Экой ты безтолковый, братецъ. Говорятъ тебѣ — я хозяинъ.

Акимъ вытаращилъ глаза.

— Что ты такое врешь, словно белены объѣлся,—заговорилъ онъ наконецъ.—Какой ты тутъ къ чорту хозяинъ?

— Да что съ тобой толковать,—вскрикнулъ съ нетерпѣніемъ Наумъ. — Видишь ты эту бумагу, — продолжалъ онъ, выхвативъ изъ кармана сложенный вчетверо гербовый листъ:—видишь? Это купчая, понимаешь, купчая и на землю твою, и на дворъ; я ихъ купилъ у помѣщицы, у Лизаветы Прохоровны купилъ; вчера купчую въ Б...ѣ совершили—хозяинъ здѣсь, стало-быть, я, а не ты. Сегодня же собери свои пожитки, — прибавилъ онъ, кладя обратно бумагу въ карманъ:—а завтра чтобъ и духу твоего здѣсь не было; слышишь?

Акимъ стоялъ, какъ громомъ пришибленный.

— Разбойникъ, — простоналъ онъ наконецъ: — разбойникъ... Эй, Ѳедька, Митька, жена, жена, хватайте его, хватайте—держите его!

Онъ совсѣмъ потерялся.

— Смотри, смотри, — съ угрозой произнесъ Наумъ: — смотри, старикъ, не дури...

— Да бей же его, бей его, жена! — твердилъ слезливымъ голосомъ Акимъ, напрасно и безсильно порываясь съ мѣста.—Душегубецъ, разбойникъ... Мало тебѣ ея... и домъ ты мой у меня отнять хочешь, и все... Да нѣтъ, стой же... этого быть не можетъ... Я пойду самъ, я самъ скажу... какъ... за что же продавать... Постой... постой...

И онъ безъ шапки бросился на улицу.

— Куда, Акимъ Иванычъ, куда бѣжишь, батюшка? — заговорила работница Фетинья, столкнувшись съ нимъ въ дверяхъ.

— Къ барынѣ! пусти! Къ барынѣ... — завопилъ Акимъ и, увидавъ Наумову телѣгу, которую не успѣли еще ввезти на дворъ, вскочилъ въ нее, схватилъ вожжи и, ударивъ изо всей силы по лошади, пустился вскачь къ господскому двору.

— Матушка, Лизавета Прохоровна,—твердилъ онъ про себя въ продолженіе всей дороги:—за что же такая немилость? кажется, усердствовалъ!

И, между тѣмъ, онъ все сѣкъ, да сѣкъ лошадь. Встрѣчавшіеся съ нимъ сторонились и долго смотрѣли ему вслѣдъ.

Въ четверть часа доѣхалъ Акимъ до усадьбы Лизаветы Прохоровны, подскакалъ къ крыльцу, соскочилъ съ телѣги и прямо ввалился въ переднюю.

— Чего тебѣ?—пробормоталъ испуганный лакей, сладко дремавшій на коникѣ.

— Барыню, мнѣ нужно барыню видѣть,—громко проговорилъ Акимъ.

Лакей изумился.

— Аль что случилось?—началъ онъ...

— Ничего не случилось, а мнѣ барыню нужно видѣть.

— Что, что,—промолвилъ болѣе и болѣе изумленный лакей и медленно выпрямился.

Акимъ опомнился... Словно холодной водой его обдали.

— Доложите, Петръ Евграфычъ, барынѣ, — сказалъ

онъ съ низкимъ поклономъ: — что Акимъ, молъ, желаетъ ихъ видѣть...

— Хорошо... пойду... доложу... а ты, знать, пьянъ, подожди,—проворчалъ лакей и удалился.

Акимъ потупился, и какъ будто смутился... Рѣшимость быстро исчезла въ немъ съ самаго того мгновенья, какъ только онъ вступилъ въ прихожую.

Лизавета Прохоровна тоже смутилась, когда доложили ей о приходѣ Акима. Она тотчасъ велѣла позвать Кирилловну къ себѣ въ кабинетъ.

— Я не могу его принять,—торопливо заговорила она, лишь только та показалась:—никакъ не могу. Что̀ я ему скажу? Я вѣдь говорила тебѣ, что онъ непремѣнно придетъ и будетъ жаловаться,—прибавила она съ досадой и волненіемъ:—я говорила...

— Для чего же вамъ его принимать-съ, — спокойно возразила Кирилловна:—это и не нужно-съ. Зачѣмъ вы будете безпокоиться, помилуйте.

— Да какъ же быть?

— Если позволите, я съ нимъ поговорю.

Лизавета Прохоровна подняла голову.

— Сдѣлай одолженіе, Кирилловна. Поговори съ нимъ. Ты скажи ему... тамъ — ну, что я нашла нужнымъ... а впрочемъ, что я его вознагражу... ну, тамъ, ужъ знаешь. Пожалуйста, Кирилловна.

— Не извольте, сударыня, безпокоиться, — возразила Кирилловна и ушла, поскрипывая башмаками.

Четверти часа не протекло, какъ скрипъ ихъ послышался снова, и Кирилловна вошла въ кабинетъ съ тѣмъ же спокойнымъ выраженіемъ на лицѣ, съ той же лукавой смышленостью въ глазахъ.

— Ну, что,—спросила ее барыня:—что Акимъ?

— Ничего-съ. Говоритъ-съ, что все въ волѣ милости вашей, были бы вы здоровы и благополучны, а съ его вѣкъ станетъ.

— И онъ не жаловался?

— Никакъ нѣтъ-съ. Чего ему жаловаться?

— Зачѣмъ же онъ приходилъ? — промолвила Лизавета Прохоровна, не безъ нѣкотораго недоумѣнія.

— А приходилъ онъ просить-съ, пока до награжденія, не будетъ ли милости вашей оброкъ ему простить, на предбудущій годъ, то-есть...

— Разумѣется, простить, простить,—съ живостью подхватила Лизавета Прохоровна:—разумѣется. Съ удовольствіемъ. И вообще, скажи ему, что я его вознагражу. Ну, спасибо тебѣ, Кирилловна. А онъ, я вижу, добрый мужикъ. Постой,—прибавила она:—дай ему вотъ это, отъ меня. — И она достала изъ рабочаго столика трехрублевую ассигнацію.—Вотъ, возьми, отдай ему.

— Слушаю-съ,—возразила Кирилловна, и спокойно возвратившись въ свою комнату, спокойно заперла ассигнацію въ кованый сундучокъ, стоявшій у ея изголовья; она сохраняла въ немъ всѣ свои наличныя денежки, а ихъ было не мало.

Кирилловна донесеніемъ своимъ успокоила госпожу, но разговоръ между нею и Акимомъ происходилъ, въ дѣйствительности, не совсѣмъ такъ, какъ она его передала; а именно: она велѣла его позвать къ себѣ въ дѣвичью. Онъ сперва-было не пошелъ къ ней, объявивъ при томъ, что желаетъ видѣть не Кирилловну, а самоё Лизавету Прохоровну, однако, наконецъ, послушался и отправился черезъ заднее крыльцо къ Кирилловнѣ. Онъ засталъ ее одну. Войдя въ комнату, онъ тотчасъ же остановился и прислонился подлѣ двери къ стѣнѣ, хотѣлъ-было заговорить... и не могъ.

Кирилловна пристально посмотрѣла на него.

— Вы, Акимъ Семенычъ, — начала она: — желаете барыню видѣть?

Онъ только головой кивнулъ.

— Этого нельзя, Акимъ Семенычъ. Да и къ чему? сдѣланнаго не передѣлаешь, а только вы ихъ обезпокоите. Онѣ васъ теперь не могутъ принять, Акимъ Семенычъ.

— Не могутъ, — повторилъ онъ и помолчалъ. — Такъ какъ же,—проговорилъ онъ наконецъ:—стало-быть, такъ дому и пропадать?

— Послушайте, Акимъ Семенычъ. Вы, я знаю, всегда были благоразумный человѣкъ. На это господская воля

А перемѣнить этого нельзя. Ужъ этого не перемѣнишь. Что мы тутъ будемъ съ вами разсуждать, вѣдь это ни къ чему не поведетъ. Не правда ли?

Акимъ заложилъ руку за спину.

— А вы лучше подумайте,—продолжала Кирилловна:— не попросить ли вамъ госпожу, чтобъ оброку вамъ поспустить, что ли...

— Стало быть, дому такъ и пропадать, — повторилъ Акимъ прежнимъ голосомъ.

— Акимъ Семенычъ, я жъ вамъ говорю: нельзя. Вы сами это знаете лучше меня.

— Да. По крайней мѣрѣ, за сколько онъ пошелъ, дворъ-то?

— Не знаю я этого, Акимъ Семенычъ; не могу вамъ сказать... Да что вы—такъ стойте,—прибавила она:— присядьте.

— Постоимъ-съ и такъ. Наше дѣло мужицкое, благодаримъ покорно.

— Какой же вы мужикъ, Акимъ Семенычъ? Вы тотъ же купецъ, васъ и съ дворовымъ сравнить нельзя, что̀ вы это? Не убивайтесь понапрасну. Не хотите ли чаю?

— Нѣтъ, спасибо; не требуется. Такъ за вами домикъ остался,—прибавилъ онъ, отдѣляясь отъ стѣны.—Спасибо и на этомъ. Прощенья просимъ, сударушка.

И онъ обернулся и вышелъ вонъ. Кирилловна одернула свой фартукъ и отправилась къ барынѣ.

— А знать, я и впрямь купцомъ сталъ, — сказалъ самому себѣ Акимъ, остановившись въ раздумьѣ передъ воротами.—Хорошъ купецъ!—Онъ махнулъ рукой и горько усмѣхнулся.—Что жъ! Пойти домой!

И, совершенно забывъ о Наумовой лошади, на которой пріѣхалъ, поплелся онъ пѣшкомъ по дорогѣ къ постоялому двору. Онъ еще не успѣлъ отойти первой версты, какъ вдругъ услышалъ рядомъ съ собой стукъ телѣжки.

— Акимъ, Акимъ Семенычъ,—звалъ его кто-то.

Онъ поднялъ глаза и увидалъ знакомца своего, приходскаго дьячка Ефрема, прозваннаго Кротомъ, маленькаго, сгорбленнаго человѣчка, съ вострымъ носикомъ и слѣпыми

глазами. Онъ сидѣлъ въ дрянной телѣжонкѣ, на клочкѣ соломы, прислонясь грудью къ облучку.

— Домой, что ль, идешь?—спросилъ онъ Акима.

Акимъ остановился.

— Домой.

— Хочешь, подвезу?

— А пожалуй, подвези.

Ефремъ посторонился, и Акимъ взлѣзъ къ нему въ телѣгу. Ефремъ, который былъ, казалось, навеселѣ, принялся стегать свою лошаденку концами веревочныхъ вожжей; она побѣжала усталой рысью, безпрестанно вздергивая незанузданной мордой.

Они проѣхали съ версту, не сказавъ другъ другу ни слова. Акимъ сидѣлъ, наклонивъ голову, а Ефремъ такъ только бурчалъ что-то себѣ подъ носъ, то понукая, то сдерживая лошадь.

— Куда жъ это ты безъ шапки ходилъ, Семенычъ?—внезапно спросилъ онъ Акима, и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ вполголоса: — въ заведеньицѣ оставилъ, вотъ что. Питухъ ты; я тебя знаю, и за то люблю, что питухъ; ты не убійца, не буянъ, не напрасливый; домостроитель ты, но питухъ, и такой питухъ—давно бы пора тебя подъ начало за это, ей-Богу; потому, это дѣло скверное... Ура!—закричалъ онъ вдругъ во все горло:—ура! ура!

— Стойте, стойте,—раздался вблизи женскій голосъ:—стойте!

Акимъ оглянулся. Къ телѣгѣ черезъ поле бѣжала женщина, до того блѣдная и растрепанная, что онъ ея сперва не узналъ.

— Стойте, стойте,—простонала она опять, задыхаясь и махая руками.

Акимъ вздрогнулъ: это была его жена.

Онъ ухватилъ вожжи.

— А зачѣмъ останавливаться,—забормоталъ Ефремъ:—для бабы останавливаться? Ну-у!

Но Акимъ круто осадилъ лошадь.

Въ это мгновеніе Авдотья добѣжала до дороги, и такъ и повалилась прямо лицомъ въ пыль.

— Батюшка, Акимъ Семенычъ,—завопила она: — вѣдь и меня онъ выгналъ!

Акимъ посмотрѣлъ на нее и не пошевелился, только еще крѣпче натянулъ вожжи.

— Ура!—снова воскликнулъ Ефремъ.

— Такъ выгналъ онъ тебя?—проговорилъ Акимъ.

— Выгналъ, батюшка, голубчикъ мой,—отвѣтила, всхлипывая, Авдотья.—Выгналъ, батюшка. Говоритъ, домъ теперь мой, такъ ступай, молъ, вонъ.

— Важно, вотъ оно какъ хорошо... важно! — замѣтилъ Ефремъ.

— А ты, чай, оставаться собиралась?—горько промолвилъ Акимъ, продолжая сидѣть на телѣгѣ.

— Какое оставаться! Да, батюшка,—подхватила Авдотья, которая приподнялась-было на колѣни и снова ударилась о-земь:—вѣдь ты не знаешь, вѣдь я... Убей меня, Акимъ Семенычъ, убей меня тутъ же, на мѣстѣ...

— За что тебя бить, Арефьевна, — уныло возразилъ Акимъ:—сама ты себя побѣдила! чего ужъ тутъ!

— Да вѣдь ты что̀ думаешь, Акимъ Семенычъ... Вѣдь денежки... твои денежки... Вѣдь нѣтъ ихъ, твоихъ денежекъ-то... Вѣдь я ихъ, окаянная, изъ подполицы достала, всѣ ихъ тому-то, злодѣю-то, Науму отдала, окаянная... И зачѣмъ ты мнѣ сказалъ, куда ты деньги прячешь, окаянная я... Вѣдь онъ на твои денежки и дворикъ-то купилъ... злодѣй этакой...

Рыданія заглушали ея голосъ.

Акимъ схватился обѣими руками за голову.

— Какъ! — закричалъ онъ наконецъ: — такъ и деньги всѣ... и деньги, и дворъ, и ты это... А! изъ подполицы достала... достала... Да я убью тебя, змѣя подколодная...

И онъ соскочилъ съ телѣги...

— Семенычъ, Семенычъ, не бей, не дерись,—пролепеталъ Ефремъ, у котораго отъ такого неожиданнаго происшествія хмель начиналъ проходить.

— Нѣтъ, батюшка, убей меня, батюшка, убей меня окаянную: бей, не слушай его, — кричала Авдотья, судорожно валяясь у Акимовыхъ ногъ.

Онъ постоялъ, посмотрѣлъ на нее, отошелъ нѣсколько шаговъ и присѣлъ на траву, возлѣ дороги.

Наступило небольшое молчаніе. Авдотья повернула голову въ его сторону.

— Семенычъ, а Семенычъ, — заговорилъ Ефремъ, приподнявшись въ телѣгѣ: — полно тебѣ... вѣдь уже того... бѣдѣ-то не поможешь. Тьфу ты, какая оказія, — продолжалъ онъ, словно про-себя:—экая баба проклятая... Иди къ нему, ты,—прибавилъ онъ, наклонившись черезъ грядку къ Авдотьѣ:—вишь, онъ ошалѣлъ.

Авдотья встала, приблизилась къ Акиму и снова упала ему въ ноги.

— Батюшка,—начала она слабымъ голосомъ.

Акимъ поднялся и пошелъ обратно къ телѣгѣ. Она ухватилась за полу его кафтана.

— Пошла прочь! — крикнулъ онъ свирѣпо, и оттолкнулъ ее.

— Куда же ты? — спросилъ его Ефремъ, увидавъ, что онъ опять къ нему садится.

— А ты хотѣлъ меня къ двору подвезти, — промолвилъ Акимъ: — такъ довези меня ужъ до своего двора... Моего-то, вишь, не стало. Купили, вишь, его у меня.

— А ну, изволь, поѣдемъ ко мнѣ. А ее-то какъ?

Акимъ ничего не отвѣчалъ.

— А меня-то, меня-то, — подхватила съ плачемъ Авдотья:—меня-то на кого ты оставляешь... куда же я-то пойду?

— А къ нему ступай, — возразилъ, не оборачиваясь, Акимъ:—къ кому ты деньги мои отнесла... Пошелъ, Ефремъ!

Ефремъ ударилъ по лошади, телѣга покатилась, Авдотья заголосила...

Ефремъ жилъ въ верстѣ отъ Акимова двора, въ маленькомъ домикѣ, на поповской слободкѣ, расположенной около одинокой, пятиглавой церкви, недавно выстроенной наслѣдниками богатаго купца, въ силу духовнаго завѣщанія. Ефремъ во всю дорогу ничего не говорилъ Акиму, и только изрѣдка потряхивалъ головой и произносилъ слова въ родѣ: „Ахъ, ты!“ да: „эхъ, ты!“ Акимъ сидѣлъ

неподвижно, немного отворотясь отъ Ефрема. Наконецъ, они пріѣхали. Ефремъ соскочилъ первый съ телѣги. Ему навстрѣчу выбѣжала дѣвочка лѣтъ шести, въ низко-подпоясанной рубашонкѣ, и закричала:

— Тятя! тятя!

— А гдѣ твоя мать?—спросилъ ее Ефремъ.

— Спитъ въ закуткѣ.

— Ну, пущай спитъ. Акимъ Семенычъ, что же вы, пожалуйте въ комнатку.

(Надо замѣтить, что Ефремъ „тыкалъ“ его только спьяна. Акиму и не такія лица говорили: вы.)

Акимъ вошелъ въ дьячкову избу.

— Вотъ сюда, на лавочку, пожалуйте,—говорилъ Ефремъ. —Подите вы, пострѣлята,—крикнулъ онъ на трехъ другихъ ребятишекъ, которыя вмѣстѣ съ двумя исхудалыми и запачканными пепломъ кошками появились вдругъ изъ разныхъ угловъ комнаты. — Подите вонъ! Брысь! Вотъ сюда, Акимъ Семенычъ, сюда, — продолжалъ онъ, усаживая гостя:—да не прикажете ли чего?

— Что я тебѣ скажу, Ефремъ, — произнесъ наконецъ Акимъ:—нельзя ли вина?

Ефремъ встрепенулся.

— Вина? Могимъ. Дома-то его у меня нѣту, вина-то, а вотъ, я сейчасъ сбѣгаю къ отцу Ѳедору. У него завсегда... Мигомъ сбѣгаю...

И онъ схватилъ свою ушастую шапку.

— Да побольше принеси, я заплачу, — крикнулъ ему вслѣдъ Акимъ. — На это денегъ-то у меня еще станетъ.

— Мигомъ!—повторилъ еще разъ Ефремъ, исчезая за дверью. Онъ, дѣйствительно, вернулся очень скоро съ двумя штофами подъ мышкой, изъ которыхъ одинъ уже былъ раскупоренъ, поставилъ ихъ на столъ, досталъ два зеленые стаканчика, краюху хлѣба и соли.

— Вотъ это люблю, — твердилъ онъ, садясь передъ Акимомъ.—Чего горевать?—Онъ налилъ и ему, и себѣ... и пустился болтать... Поступокъ Авдотьи его озадачилъ.— Удивительное, право, дѣло,—говорилъ онъ: — какимъ это образомъ произошло? стало-быть, онъ приворожилъ ее къ

себѣ... ась? Вотъ что значитъ жену-то какъ нужно строго соблюдать! Въ ежовыхъ рукавицахъ держать ее слѣдуетъ. А все-таки вамъ домой заѣхать не худо; вѣдь тамъ, чай, у васъ добра много осталось. — И много еще подобныхъ рѣчей произнесъ Ефремъ; онъ, когда пилъ, не любилъ молчать.

Черезъ часъ, вотъ что происходило въ Ефремовомъ домѣ. Акимъ, который въ теченіе всей попойки ни слова не отвѣчалъ на разспросы и замѣчанія своего болтливаго хозяина и только выпивалъ стаканъ за стаканомъ, спалъ на печи, весь красный, спалъ тяжелымъ и мучительнымъ сномъ: ребятишки на него дивились, а Ефремъ... Увы! Ефремъ тоже спалъ, но только въ очень тѣсномъ и холодномъ чуланѣ, куда заперла его жена, женщина весьма мужественнаго и сильнаго тѣлосложенія. Онъ-было отправился къ ней въ закуту, и началъ ей не то грозить, не то разсказывать что-то, но до того несообразно и непонятно выражался, что она тотчасъ же смекнула, въ чемъ дѣло, взяла его за воротникъ и отвела куда слѣдуетъ. Впрочемъ, онъ спалъ въ чуланѣ очень хорошо и даже покойно. Привычка!

Кирилловна не совсѣмъ вѣрно передала Лизаветѣ Прохоровнѣ разговоръ свой съ Акимомъ... то же можно сказать и объ Авдотьѣ. Наумъ ее не выгналъ, хотя она и сказала Акиму, что онъ ее выгналъ; онъ не имѣлъ права ее выгонять... Онъ былъ обязанъ дать старымъ хозяевамъ время выбраться. Между нимъ и Авдотьей происходили объясненія совсѣмъ другого рода.

Когда Акимъ, съ крикомъ, что онъ поѣдетъ къ барынѣ,—выскочилъ на улицу, Авдотья обратилась къ Науму, поглядѣла на него во всѣ глаза и всплеснула руками.

— Господи! — начала она: — Наумъ Иванычъ, что это такое? Вы нашъ дворъ купили?

— А что-съ?—возразилъ тотъ.—Купилъ-съ.

Авдотья помолчала и вдругъ всполохнулась.

— Такъ вамъ вотъ на что деньги нужны были?

— Точно такъ изволите говорить-съ. Эге, да кажется

вашъ муженекъ на моей лошади поѣхалъ, — прибавилъ онъ, услышавъ стукъ колесъ.—Каковъ молодецъ!

— Да вѣдь это грабежъ, послѣ этого, — возопила Авдотья: — вѣдь это наши деньги, мужнины деньги, и дворъ нашъ...

— Нѣтъ-съ, Авдотья Арефьевна,—перебилъ ее Наумъ:— дворъ былъ не вашъ-съ, къ чему это говорить; дворъ былъ на господской землѣ, такъ и онъ господскій; а деньги, точно, ваши были; только вы были, можно сказать, такъ добры и мнѣ ихъ пожертвовали-съ; и я вамъ остаюсь благодарнымъ, и даже, при случаѣ, вамъ ихъ отдамъ, коли ужъ такой случай выдетъ-съ; а только мнѣ голякомъ оставаться не приходится, сами извольте разсудить.

Наумъ сказалъ все это очень спокойно и даже съ небольшой улыбкой.

— Батюшки мои!—закричала Авдотья:—да что же это такое? Что это? Да какъ я послѣ этого мужу на глаза покажусь? Злодѣй ты, — прибавила она, съ ненавистью глядя на молодое, свѣжее лицо Наума: — вѣдь я душу свою для тебя загубила, вѣдь я для тебя воровкой стала, вѣдь ты насъ по міру пустилъ, злодѣй ты этакой! Вѣдь мнѣ послѣ этого только и осталось, что оселъ себѣ на шею надѣть, злодѣй, обманщикъ, погубитель ты мой...

И она зарыдала въ три ручья...

— Не извольте безпокоиться, Авдотья Арефьевна,— промолвилъ Наумъ: — а скажу вамъ одно: своя рубашка къ тѣлу ближе; впрочемъ, на то и щука въ морѣ, Авдотья Арефьевна, чтобы карась не дремалъ.

— Куда же мы пойдемъ теперь, куда дѣнемся?—съ плачемъ лепетала Авдотья.

— А этого я не могу сказать-съ.

— Да я зарѣжу тебя, злодѣй; зарѣжу, зарѣжу...

— Нѣтъ, этого вы не сдѣлаете, Авдотья Арефьевна; къ чему это говорить, а только, я вижу, мнѣ теперь лучше отсюда уйти маленько, а то вы ужъ очень безпокоитесь... Прощенья просимъ-съ, а завтра безпремѣнно завернемъ... А работниковъ своихъ ужъ вы позвольте мнѣ прислать къ вамъ сегодня,—прибавилъ онъ, между тѣмъ

какъ Авдотья продолжала твердить сквозь слезы, что она и его, и себя зарѣжетъ.

— Да вотъ они, кстати, и идутъ,—замѣтилъ онъ, глянувъ въ окно.—А то, пожалуй, какая-нибудь бѣда, Боже сохрани, приключится... Этакъ-то спокойнѣе будетъ. Вы ужъ сдѣлайте милость, пожиточки свои соберите сегодня-съ, а они у васъ покараулятъ и помогутъ вамъ, пожалуй. Просимъ прощенія-съ.

Онъ поклонился, вышелъ и подозвалъ къ себѣ работниковъ...

Авдотья упала на лавку, потомъ легла грудью на столъ, и начала ломать себѣ руки, потомъ вдругъ вскочила и побѣжала вслѣдъ за мужемъ... Мы разсказали ихъ свиданіе.

Когда Акимъ уѣхалъ отъ нея прочь вмѣстѣ съ Ефремомъ, оставивъ ее одну въ полѣ, она сперва долго плакала, не сходя съ мѣста. Наплакавшись до-сыта, она отправилась къ господской усадьбѣ. Горько было ей пойти въ домъ, еще горше показаться въ дѣвичьей. Всѣ дѣвушки бросились къ ней навстрѣчу съ участіемъ и сожалѣніемъ. При видѣ ихъ, Авдотья не могла удержать слезъ своихъ; онѣ такъ и брызнули изъ ея опухшихъ и покраснѣвшихъ глазъ. Вся обезсиленная, сѣла она на первый попавшійся стулъ. Побѣжали за Кирилловной. Кирилловна пришла, обошлась съ ней весьма ласково, но до барыни ее не допустила такъ же, какъ не допустила Акима. Авдотья сама не очень настаивала на свиданьѣ съ Лизаветой Прохоровной; она пришла въ господскій домъ единственно потому, что рѣшительно не знала куда голову приклонить.

Кирилловна велѣла подать самоваръ. Авдотья долго отказывалась пить чай, но уступила, наконецъ, просьбамъ и убѣжденіямъ всѣхъ дѣвушекъ и за первой чашкой выпила еще четыре. Когда Кирилловна увидѣла, что ея гостья нѣсколько успокоилась и только изрѣдка вздрагивала и слабо всхлипывала, она спросила ее, куда они намѣрены переселиться и что хотятъ сдѣлать съ своими вещами. Авдотья отъ этого вопроса опять заплакала,

стала увѣрять, что ей, кромѣ смерти, ничего ужъ не нужно; но Кирилловна, какъ женщина съ головой, ее тотчасъ остановила и присовѣтывала, не теряя попусту времени, съ сегодняшняго же дня приступить къ перевозкѣ вещей въ бывшую Акимову избу на деревнѣ, гдѣ жилъ его дядя, тотъ самый старикъ, который отговаривалъ его жениться; объявила, что съ позволенія барыни имъ дадутъ на подъемъ и въ подмогу людей и лошадей: „а что до васъ касается, моя душенька",—прибавила Кирилловна, сложивъ въ кислую улыбочку свои кошачьи губы,—„у насъ всегда мѣсто для васъ найдется, и намъ очень будетъ пріятно, если вы у насъ погостите до тѣхъ поръ, пока опять справитесь и обзаведетесь домкомъ. Главное—унывать не нужно. Господь далъ, Господь взялъ, и опять дастъ: все въ Его волѣ. Лизавета Прохоровна, конечно, по своимъ соображеніямъ, должна была продать вашъ дворъ, но она васъ не забудетъ и вознаградитъ; такъ она приказала сказать Акиму Семенычу... Гдѣ онъ теперь?"

Авдотья отвѣчала, что онъ, встрѣтившись съ ней, очень ее обидѣлъ и уѣхалъ къ дьячку Ефрему.

— Къ этому! — значительно возразила Кирилловна.— Ну, я понимаю, что ему теперь трудно, пожалуй, его сегодня не отыщешь; какъ быть? Нужно распорядиться. Малашка,—прибавила она, обращаясь къ одной изъ горничныхъ:—попроси-ка сюда Никанора Ильича; мы съ нимъ потолкуемъ. — Никаноръ Ильичъ, человѣкъ наружности весьма мизерной, нѣчто въ родѣ приказчика, тотчасъ явился, подобострастно выслушалъ все, что ему сказала Кирилловна,—проговорилъ: „будетъ исполнено", вышелъ и распорядился. Авдотьѣ выдали три подводы съ тремя крестьянами; къ нимъ, по собственной охотѣ, присоединился четвертый, который самъ объявилъ про себя, что онъ будетъ „потолковѣй ихъ", и она отправилась вмѣстѣ съ ними на постоялый дворъ, гдѣ нашла своихъ прежнихъ работниковъ и работницу Фетинью въ большомъ смущеніи и ужасѣ...

Наумовы новобранцы, три очень дюжихъ парня, какъ

пришли съ утра, такъ ужъ никуда не уходили и караулили дворъ очень усердно, по обѣщанію Наума, до того усердно, что у одной новой телѣги вдругъ не оказалось шинъ...

Горько, горько было укладываться бѣдной Авдотьѣ. Несмотря на помощь „толковаго" человѣка, который, впрочемъ, только и умѣлъ, что ходить съ палочкой въ рукѣ, глядѣть на другихъ и сплевывать въ сторону, она не успѣла выбраться въ тотъ же день и осталась ночевать въ постояломъ дворѣ, упросивъ напередъ Фетинью не выходить изъ ея комнаты; впрочемъ, она задремала только на зарѣ лихорадочной дремотой, и слезы текли по ея щекамъ даже во снѣ.

Между тѣмъ, Ефремъ проснулся раньше обыкновеннаго въ своемъ чуланѣ и началъ стучаться и проситься вонъ. Жена сперва не хотѣла выпустить его, объявивъ ему чрезъ дверь, что онъ еще не выспался; но онъ подстрекнулъ ея любопытство обѣщаніемъ разсказать ей необыкновенное происшествіе съ Акимомъ; она вынула щеколду.—Ефремъ сообщилъ ей все, что зналъ, и кончилъ вопросомъ: что, молъ, проснулся онъ или нѣтъ?

— А Господь его знаетъ,—отвѣчала жена:—поди, посмотри самъ; съ печи еще не слѣзалъ. — Вишь, вы оба вчера какъ напились; поглядѣлъ бы хоть ты на себя—лицо на лицо не похоже, какъ чумичка какая-то, а что въ волосахъ сѣна набилось!

— Ничего, что набилось,—возразилъ Ефремъ—и, проведя рукой по головѣ, вошелъ въ комнату. — Акимъ уже не спалъ; онъ сидѣлъ со свѣшенными ногами на печи; очень странно и взъерошено было также его лицо. Оно казалось тѣмъ болѣе измятымъ, что Акимъ не имѣлъ привычки много пить.

— Ну, что, Акимъ Семенычъ, какъ выспались,—началъ Ефремъ...

Акимъ посмотрѣлъ на него мутнымъ взоромъ.

— Что, братъ, Ефремъ, — заговорилъ онъ сипло:— нельзя-ли опять—того?

Ефремъ быстро взглянулъ на Акима... онъ почувство-

валъ въ это мгновенье нѣкоторое содроганіе; подобнаго рода ощущенія испытываетъ стоящій подъ опушкою охотникъ при внезапномъ тявканіи гончей въ лѣсу, изъ котораго уже, казалось, весь звѣрь выбѣжалъ.

— Какъ—еще?—спросилъ онъ наконецъ.

— Да; еще.

„Жена увидитъ“, подумалъ Ефремъ: „не пуститъ, пожалуй“.—Ничего, можно,—промолвилъ онъ громко:—потерпите.—Онъ вышелъ и, благодаря искусно принятымъ мѣрамъ, успѣлъ незамѣтнымъ образомъ пронести подъ полой большую бутылку...

Акимъ взялъ эту бутылку... Но Ефремъ не сталъ пить съ нимъ вмѣстѣ, по-вчерашнему — онъ боялся жены и, объявивъ Акиму, что поѣдетъ посмотрѣть, что̀ такое у него дѣлается и какъ укладываютъ его пожитки, и не грабятъ ли его,—тотчасъ отправился къ постоялому двору на своей некормленной лошадкѣ верхомъ — причемъ, однако, себя не забылъ, если принять въ соображеніе его оттопырившуюся пазуху.

Акимъ скоро послѣ его ухода уже спалъ опять, какъ убитый, на печи... Онъ даже тогда не проснулся, по крайней мѣрѣ, не подалъ вида, что проснулся, когда вернувшійся часа черезъ четыре Ефремъ началъ его толкать и будить, и лепетать надъ нимъ какія-то чрезвычайно сбивчивыя слова о томъ, что уже все поѣхало и переѣхало, и образа, молъ, сняты уже и поѣхали, и все уже кончено — и что его всѣ ищутъ, но что онъ, Ефремъ, распорядился и запретилъ... и т. д. Впрочемъ, лепеталъ онъ недолго. Жена его опять отвела въ чуланъ, а сама, въ большомъ негодованіи и на мужа своего, и на гостя, по милости котораго мужъ „запилъ“, легла въ комнатѣ, на полатяхъ... Но когда, проснувшись, по обычаю своему, ранехонько, глянула она на печь, уже Акима на ней не было... Еще вторые пѣтухи не пропѣли и ночь еще стояла такая темная, что само небо чуть-чуть сѣрѣло прямо надъ головой, а по краямъ совершенно утопало во мракѣ—какъ уже Акимъ выходилъ изъ воротъ дьячковскаго дома. Лицо его было блѣдно—но онъ зорко

глядѣлъ кругомъ, и походка его не изобличала пьянаго.. Онъ шелъ въ направленіи прежняго своего жилища— постоялаго двора, уже поступившаго окончательно во владѣніе новаго хозяина—Наума.

Наумъ тоже не спалъ въ то время, когда Акимъ покидалъ украдкой домъ Ефрема. Онъ не спалъ; подостлавъ подъ себя тулупчикъ, лежалъ онъ, одѣтый, на лавкѣ. Не совѣсть его мучила—нѣтъ! онъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ присутствовалъ съ утра при укладкѣ и перевозкѣ всего Акимова скарба и не разъ самъ заговаривалъ съ Авдотьей, которая до того упала духомъ, что даже не упрекала его... Совѣсть его была покойна, но его занимали разныя предположенія и расчеты. Онъ не зналъ, посчастливится ли ему на новомъ поприщѣ: до тѣхъ поръ онъ никогда еще не содержалъ постоялаго двора — да и вообще не имѣлъ своего угла; ему и не спалось. „Хорошо начато дѣльце, думалъ онъ,—что дальше будетъ...“ Отправивши, передъ вечеромъ, послѣднюю телѣгу съ Акимовымъ добромъ (Авдотья съ плачемъ пошла за нею), онъ осмотрѣлъ весь дворъ, всѣ закуты, погреба, сараи, лазилъ на чердакъ, неоднократно приказывалъ своимъ работникамъ караулить крѣпко-на-крѣпко и, оставшись одинъ послѣ ужина, все не могъ заснуть. Такъ случилось, что въ тотъ день ни одинъ изъ проѣзжихъ не оставался ночевать: это его очень обрадовало. „Собаку нужно завтра купить непремѣнно, какую-нибудь позлѣй, у мельника; вишь, они свою увели“, — говорилъ онъ самому себѣ, ворочаясь съ-боку-на-бокъ, и вдругъ проворно поднялъ голову... Ему показалось, что кто-то прошелъ подъ окномъ... Онъ прислушался... Ничего. Только кузнечикъ, по временамъ, осторожно трещалъ за печкой, да мышь гдѣ-то скреблась, да слышалось его собственное дыханіе. Все было тихо въ пустой комнатѣ, тускло освѣщенной желтыми лучами маленькой стеклянной лампадки, которую онъ успѣлъ повѣсить и зажечь передъ образкомъ въ углу... Онъ опустилъ голову; вотъ, ему опять послышалось, какъ будто скрипнули ворота... потомъ слегка затрещалъ плетень... Онъ не выдержалъ, вскочилъ, отво

рилъ дверь въ другую комнату и вполголоса кликнулъ: Ѳедоръ, а Ѳедоръ! Никто не отозвался ему... Онъ вышелъ въ сѣни и чуть не упалъ, споткнувшись на Ѳедора, развалившагося на полу. Мыча сквозь сонъ, зашевелился работникъ; Наумъ растолкалъ его.

— Что тамъ, что надо,—началъ-было Ѳедоръ...

— Чего орешь, молчи,—произнесъ шопотомъ Наумъ.— Эка спите, проклятые! Ничего не слыхалъ?

— Ничего,—отвѣчалъ тотъ.—А что?

— А гдѣ другіе спятъ?

— Другіе спятъ, гдѣ приказано... Да развѣ что...

— Молчи—ступай за мной.

Наумъ тихонько отперъ дверь изъ сѣней на дворъ... На дворѣ было очень темно... навѣсы съ ихъ столбами только потому и можно было различить, что они еще гуще чернѣли среди черной мглы...

— Не засвѣтить ли фонарикъ, — проговорилъ вполголоса Ѳедоръ.

Но Наумъ махнулъ рукой и притаилъ дыханіе... Сперва онъ ничего не услыхалъ, кромѣ тѣхъ ночныхъ звуковъ, которые почти всегда услышишь въ обитаемомъ мѣстѣ: лошадь жевала овесъ, свинья слабо хрюкнула разъ сквозь сонъ, гдѣ-то похрапывалъ человѣкъ; но вдругъ дошелъ до его ушей какой-то подозрительный шумъ, поднявшійся на самомъ концѣ двора, подлѣ забора...

Казалось, кто-то тамъ ворочался и какъ будто дышалъ или дулъ... Наумъ глянулъ черезъ плечо на Ѳедора и, осторожно сойдя съ крылечка, пошелъ на шумъ... Раза два останавливался онъ, прислушивался и продолжалъ снова красться... Вдругъ онъ вздрогнулъ... Въ десяти шагахъ отъ него, въ густой темнотѣ, ярко зардѣлась огненная точка: то былъ раскаленный уголь, и возлѣ самаго угля показалась на мигъ передняя часть чьего-то лица съ вытянутыми губами... Быстро и молча, какъ кошка на мышь, кинулся Наумъ на огонь... Торопливо поднявшись съ земли, бросилось ему навстрѣчу какое-то длинное тѣло и чуть не сбило его съ ногъ, чуть не выскользнуло изъ его рукъ, но онъ вцѣпился въ него изо всѣхъ силъ... — Ѳедоръ,

Андрей, Петрушка! — закричалъ онъ, что было мочи: — скорѣй сюда, сюда, вора поймалъ, зажигателя... Человѣкъ, котораго онъ схватилъ, сильно барахтался и бился... но не выпускалъ его Наумъ... Ѳедоръ тотчасъ подскочилъ къ нему на подмогу.

— Фонарь, скорѣй фонарь! бѣги за фонаремъ, буди другихъ, скорѣй! — крикнулъ ему Наумъ: — а я съ нимъ пока одинъ справлюсь—я сижу на немъ... Скорѣй! да захвати кушакъ, связать его.

Ѳедоръ побѣжалъ въ избу... Человѣкъ, котораго держалъ Наумъ, вдругъ пересталъ биться...

— Такъ, видно, тебѣ мало и жены, и денегъ, и двора, меня тоже погубить хочешь,—заговорилъ онъ глухо.

Наумъ узналъ Акимовъ голосъ.

— Такъ это ты, голубчикъ,—промолвилъ онъ:—хорошо же, погоди!

— Пусти,—проговорилъ Акимъ.—Али тебѣ не довольно?

— А вотъ, я тебѣ завтра передъ судомъ покажу, какъ мнѣ довольно...—И Наумъ еще плотнѣе обнялъ Акима.

Прибѣжали работники съ двумя фонарями и веревками...—Вяжите его!—рѣзко скомандовалъ Наумъ. Работники ухватили Акима, подняли его, скрутили ему руки назадъ... Одинъ изъ нихъ началъ-было ругаться, но, узнавши стараго хозяина постоялаго двора, замолчалъ и только переглянулся съ другими.

— Вишь, вишь, — твердилъ въ это время Наумъ, поводя фонаремъ надъ землей: — вотъ, и уголь въ горшкѣ; смотрите-ка, въ горшкѣ цѣлую головешку притащилъ — надо будетъ узнать, гдѣ онъ горшокъ этотъ взялъ... вотъ, онъ и сучьевъ наломалъ...—И Наумъ тщательно затопталъ огонь ногой.—Обыщи-ка его, Ѳедоръ!—прибавилъ онъ:— нѣтъ-ли у него тамъ еще чего?

Ѳедоръ обшарилъ и ощупалъ Акима, который стоялъ неподвижно и повѣсилъ, какъ мертвый, голову на грудь.

— Есть, вотъ, ножъ, — проговорилъ Ѳедоръ, доставая изъ-за Акимовой пазухи старый кухонный ножъ.

— Эге, любезный, такъ ты вотъ куда мѣтилъ, — воскликнулъ Наумъ. — Ребята, вы свидѣтели... вотъ, онъ за-

рѣзать меня хотѣлъ, дворъ поджечь... Заприте-ка его до утра въ подвалѣ, оттуда онъ не выскочитъ... Караулить я самъ всю ночь буду, а завтра, чуть-свѣтъ, мы его къ исправнику... а вы свидѣтели, слышите!

Акима втолкнули въ подвалъ, захлопнули за нимъ дверь... Наумъ приставилъ къ ней двухъ работниковъ и самъ не легъ спать.

Между тѣмъ, Ефремова жена, убѣдившись, что ея непрошенный гость удалился—принялась-было за стряпню, хотя на дворѣ еще чуть брезжило... Въ тотъ день былъ праздникъ. Она присѣла къ печкѣ—достать огоньку, и увидала, что кто-то уже прежде выгребалъ оттуда жаръ; хватилась потомъ ножа—не нашла ножа; наконецъ, изъ четырехъ своихъ горшковъ не досчиталась одного. Ефремова жена слыла бабой неглупой—и не даромъ. Она постояла въ раздумьѣ, постояла и пошла въ чуланъ, къ мужу. Не легко было добудиться его—и еще труднѣе растолковать ему, зачѣмъ его будили... На все, что̀ ни говорила дьячиха, Ефремъ отвѣчалъ все одно и то же:

— Ушелъ—ну, Богъ съ нимъ... я-то что? Унесъ ножъ и горшокъ—ну, Богъ съ нимъ—а я-то что?

Однако, наконецъ, онъ всталъ и, внимательно выслушавъ жену, рѣшилъ, что дѣло это нехорошее, и что этого такъ оставить нельзя.

— Да,—твердила дьячиха:—это не хорошо; этакъ онъ-пожалуй, бѣдъ надѣлаетъ, съ отчаянья-то... Я уже вечо̀ръ видѣла, что онъ не спалъ, такъ лежалъ на печи; тебѣ бы, Ефремъ Александрычъ, не худо бы провѣдать, что ли...

— Я вамъ, Ульяна Ѳедоровна, что̀ доложу, — началъ Ефремъ:—я на постоялый дворъ теперича поѣду самъ; а вы ужъ будьте ласковы, матушка, дайте мнѣ опохмелиться, винца стаканчикъ.

Ульяна призадумалась.

— Ну, — рѣшила она, наконецъ, — дамъ я тебѣ вина, Ефремъ Александрычъ; только ты, смотри, не балуй.

— Будьте спокойны, Ульяна Ѳедоровна.

И, подкрѣпивъ себя стаканчикомъ, Ефремъ отправился на постоялый дворъ.

Еще только разсвѣтало, когда онъ подъѣхалъ къ двору, а уже у воротъ стояла запряженная телѣга и одинъ изъ работниковъ Наума сидѣлъ на облучкѣ, держа въ рукахъ вожжи.

— Куда это?—спросилъ его Ефремъ.

— Въ городъ,—нехотя отвѣчалъ работникъ.

— Зачѣмъ это?

Работникъ только передернулъ плечами и не отвѣчалъ. Ефремъ соскочилъ съ своей лошадки и вошелъ въ домъ. Въ сѣняхъ ему попался Наумъ, совсѣмъ одѣтый и въ шапкѣ.

— Поздравляемъ съ новосельемъ новаго хозяина, — проговорилъ Ефремъ, который зналъ его лично. — Куда такъ рано?

— Да, есть съ чѣмъ поздравлять, — сурово возразилъ Наумъ.—Въ первый же день, да чуть не сгорѣлъ.

Ефремъ дрогнулъ.—Какъ такъ?

— Да такъ, нашелся добрый человѣкъ, поджечь хотѣлъ. Благо, на дѣлѣ поймалъ; теперь въ городъ везу.

— Ужъ не Акимъ ли?..—медленно спросилъ Ефремъ.

— А ты почемъ знаешь? Акимъ. Пришелъ ночью, съ головешкой въ горшкѣ, и ужъ на дворъ пробрался и огонь подложилъ... всѣ мои ребята свидѣтели. Хочешь посмотрѣть? Намъ же его, кстати, пора везти.

— Батюшка, Наумъ Иванычъ,—заговорилъ Ефремъ:— отпустите его, не погубите вы старика до конца. Не берите этого грѣха на душу, Наумъ Иванычъ. Вы подумайте—человѣкъ въ отчаяніи—потерялся, значитъ...

— Полно врать,—перебилъ его Наумъ.—Какъ же! выпущу я его! Да онъ завтра же меня подожжетъ опять...

— Не подожжетъ, Наумъ Иванычъ, повѣрьте. Повѣрьте, вамъ самимъ этакъ будетъ покойнѣе—вѣдь тутъ разспросы пойдутъ, судъ—вѣдь вы сами знаете.

— Такъ что-жъ, что судъ? Мнѣ суда бояться нечего.

— Батюшка, Наумъ Иванычъ, какъ суда не бояться...

— Э, полно: ты, я вижу, пьянъ съ утра, а еще сегодня праздникъ.

Ефремъ вдругъ совершенно неожиданно заплакалъ.

— Я пьянъ, да правду говорю, — пробормоталъ онъ. — А вы, для праздничка Христова, его простите.

— Ну, пойдемъ, нюня.

И Наумъ пошелъ къ крыльцу...

— Для Авдотьи Арефьевны его простите, — говорилъ Ефремъ, слѣдуя за нимъ.

Наумъ подошелъ къ подвалу, широко отворилъ дверь. Ефремъ съ боязливымъ любопытствомъ вытянулъ шею изъ-за Наумовой спины, и съ трудомъ различилъ въ углу неглубокаго подвала—Акима. Бывшій богатый дворникъ, уважаемый въ околоткѣ человѣкъ, сидѣлъ со связанными руками на соломѣ, какъ преступникъ... Услышавъ шумъ, онъ поднялъ голову... Казалось, онъ страшно исхудалъ за эти послѣдніе два дня, особенно за эту ночь—впалые глаза едва виднѣлись подъ высокимъ, какъ воскъ пожелтѣвшимъ лбомъ, пересохшія губы потемнѣли... все лицо его измѣнилось и приняло странное выраженіе: жестокое и запуганное.

— Вставай и выходи,—проговорилъ Наумъ.

Акимъ всталъ и шагнулъ черезъ порогъ.

— Акимъ Семенычъ,—завопилъ Ефремъ:—погубилъ ты свою головушку, голубчикъ!..

Акимъ глянулъ на него молча.

— Зналъ бы я, для чего ты вина спрашивалъ—не далъ бы я тебѣ; право, не далъ бы; кажется, самъ бы все выпилъ! Эхъ, Наумъ Иванычъ, — прибавилъ Ефремъ, ухвативъ Наума за руку:—помилуйте его, отпустите!

— Эка штука, — съ усмѣшкой возразилъ Наумъ. — Ну, выходи же,—прибавилъ онъ, снова обратившись къ Акиму...—Чего ждешь?

— Наумъ Ивановъ...—началъ Акимъ.

— Чего?

— Наумъ Ивановъ, — повторилъ Акимъ: — послушай: я виноватъ; самъ съ тебя расправы захотѣлъ; а насъ съ тобой Богъ разсудить долженъ. Ты у меня все отнялъ, самъ знаешь, все до послѣдняго... Теперь ты меня погубить можешь, а только я тебѣ вотъ что скажу: коли ты меня отпустишь теперь—ну! такъ и быть! владѣй всѣмъ!

я согласенъ и желаю тебѣ всякой удачи. А я тебѣ, какъ передъ Богомъ, говорю: отпустишь—пенять не будешь. Богъ съ тобой.

Акимъ закрылъ глаза и умолкъ.

— Какъ же, какъ же,—возразилъ Наумъ:—можно тебѣ повѣрить!

— А, ей-Богу, можно, — заговорилъ Ефремъ: — право, можно. Я за него, за Акима Семеныча, головой готовъ поручиться—ну, право!

— Вздоръ!—воскликнулъ Наумъ.—Ѣдемъ!

Акимъ посмотрѣлъ на него.

— Какъ знаешь, Наумъ Ивановъ. Твоя воля. Много ты только на душу себѣ берешь. Что жъ, коли тебѣ-таки ужъ не терпится—ѣдемъ...

Наумъ, въ свою очередь, зорко поглядѣлъ на Акима. „А въ самомъ дѣлѣ, подумалъ онъ про себя, отпустить его къ чорту! А то меня этакъ, пожалуй, люди поѣдомъ поѣдятъ. Отъ Авдотьи проходу не будетъ“... Пока Наумъ разсуждалъ самъ съ собою—никто не произнесъ ни слова. Работникъ на телѣгѣ, которому сквозь ворота все было видно, только потряхивалъ головой и похлопывалъ по лошади вожжами. Другіе два работника стояли на крылечкѣ и тоже молчали.

— Ну, слушай, старикъ, — началъ Наумъ: — когда я тебя отпущу—и вотъ этимъ молодцамъ (онъ указалъ головой на работниковъ)—не велю болтать; что же, мы съ тобой квиты будемъ—понимаешь меня—квиты... ась?

— Говорятъ тебѣ, владѣй всѣмъ.

— Ты меня въ долгу считать у себя не будешь?

— Ни ты у меня въ долгу не будешь, ни я у тебя.

Наумъ опять помолчалъ.

— А побожись!

— Вотъ, какъ Богъ святъ,—возразилъ Акимъ.

— Вѣдь вотъ, я знаю напередъ, что раскаиваться буду,—промолвилъ Наумъ:—да ужъ такъ, куда ни шло! Давай сюда руки.

Акимъ повернулся къ нему спиной; Наумъ началъ его развязывать.

— Смотри же, старикъ,—прибавилъ онъ, стаскивая съ его кистей веревку:—помни, я тебя пощадилъ, смотри!

— Голубчикъ вы мой, Наумъ Иванычъ, — пролепеталъ тронутый Ефремъ:—Господь васъ помилуетъ!

Акимъ выправилъ опухшія и похолодѣлыя руки и пошелъ-было къ воротамъ...

Наумъ вдругъ, какъ говорится, ожидовѣлъ—знать, ему жаль стало, что выпустилъ Акима...

— Ты побожился, смотри,—крикнулъ онъ ему вслѣдъ.

Акимъ оборотился, и, обведя глазами кругомъ двора, промолвилъ печально:—Владѣй всѣмъ, навѣки нерушимо... прощай.

И онъ тихо вышелъ на улицу въ сопровожденіи Ефрема. Наумъ махнулъ рукой, велѣлъ отпрячь телѣгу и вернулся въ домъ.

— Куда же ты, Акимъ Семенычъ, развѣ не ко мнѣ?—воскликнулъ Ефремъ, увидавъ, что Акимъ своротилъ съ большой дороги направо.

— Нѣтъ, Ефремушка, спасибо, — отвѣтилъ Акимъ.—Пойду посмотрѣть, что жена дѣлаетъ.

— Послѣ посмотришь... А теперь надо бы на радости—того...

— Нѣтъ, спасибо, Ефремъ... Довольно и такъ. Прощай.—И Акимъ пошелъ не оглядываясь.

— Эка! Довольно и такъ!—произнесъ озадаченный дьячекъ:—а я еще за него божился! Вотъ, ужъ не ожидалъ я этого, — прибавилъ онъ съ досадой:—послѣ того, какъ я за него божился. Тьфу!

Онъ вспомнилъ, что забылъ взять ножъ свой и горшокъ, и вернулся на постоялый дворъ... Наумъ велѣлъ выдать ему его вещи, но даже не подумалъ угостить его. Совершенно раздосадованный и совершенно трезвый явился онъ къ себѣ домой.

— Ну, что,—спросила его жена:—нашелъ?

— Что̀ нашелъ?—возразилъ Ефремъ:—вѣстимо, нашелъ: вотъ твоя посуда.

— Акимъ?—съ особеннымъ удареніемъ спросила жена.

Ефремъ кивнулъ головой.

— Акимъ. Но каковъ же онъ гусь! Я же за него божился, безъ меня бы ему въ острогѣ пропадать, а онъ хоть бы чарочку мнѣ поднесъ. Ульяна Ѳедоровна, уважьте хоть вы меня, дайте стаканчикъ.

Но Ульяна Ѳедоровна не уважила его и прогнала его съ глазъ долой.

Между тѣмъ, Акимъ шелъ тихими шагами по дорогѣ къ деревнѣ Лизаветы Прохоровны. Онъ еще не могъ хорошенько опомниться, вся внутренность въ немъ дрожала, какъ у человѣка, который только-что избѣжалъ явной смерти. Онъ словно не вѣрилъ своей свободѣ. Съ тупымъ изумленіемъ глядѣлъ онъ на поля, на небо, на жаворонковъ, трепетавшихъ въ тепломъ воздухѣ. Наканунѣ, у Ефрема, онъ съ самаго обѣда не спалъ, хоть и лежалъ неподвижно на печи; сперва онъ хотѣлъ виномъ заглушить въ себѣ нестерпимую боль обиды, тоску досады, бѣшеной и безсильной... но вино не могло одолѣть его до конца; сердце въ немъ расходилось, и онъ началъ придумывать, какъ бы отплатить своему злодѣю... Онъ думалъ объ одномъ Наумѣ; Лизавета Прохоровна не приходила ему въ голову, отъ Авдотьи онъ мысленно отворачивался. Къ вечеру жажда мести разгорѣлась въ немъ до изступленія, и онъ, добродушный и слабый человѣкъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дождался ночи, и какъ волкъ на добычу, съ огнемъ въ рукахъ, побѣжалъ истреблять свой бывшій домъ... Но вотъ, его схватили... заперли... Настала ночь. Чего онъ не передумалъ въ эту жестокую ночь! Трудно передать словами все, что̀ происходитъ въ человѣкѣ въ подобныя мгновенья, всѣ терзанья, которыя онъ испытываетъ; оно тѣмъ болѣе трудно, что эти терзанья и въ самомъ-то человѣкѣ безсловесны и нѣмы... Къ утру, передъ приходомъ Наума съ Ефремомъ, Акиму стало какъ будто легко... Все пропало! подумалъ онъ... все на вѣтеръ пошло!.. и махнулъ рукой на все... Если бъ онъ былъ рожденъ съ душой недоброй, въ это мгновенье онъ могъ бы сдѣлаться злодѣемъ; но зло не было свойственнымъ Акиму. Подъ ударомъ неожиданнаго и незаслуженнаго несчастья, въ чаду отчаянья,

рѣшился онъ на преступное дѣло; оно потрясло его до основанія и, не удавшись, оставило въ немъ одну глубокую усталость... Чувствуя свою вину, оторвался онъ сердцемъ отъ всего житейскаго и началъ горько, по усердно молиться. Сперва молился шопотомъ, наконецъ, онъ, можетъ-быть, случайно, громко произнесъ: Господи!—и слезы брызнули изъ его глазъ... Долго плакалъ онъ, и утихъ, наконецъ... Мысли его вѣроятно бы измѣнились, если бъ ему пришлось поплатиться за свою вчерашнюю попытку... но вотъ, онъ вдругъ получилъ свободу... и онъ шелъ на свиданіе съ женою, полуживой, весь разбитый, но спокойный.

Домъ Лизаветы Прохоровны стоялъ въ полутора верстахъ отъ ея деревни, налѣво отъ проселка, по которому шелъ Акимъ. У поворота, ведущаго къ господской усадьбѣ, онъ остановился-было... и прошелъ мимо. Онъ рѣшился сперва зайти въ свою бывшую избу, къ старику-дядѣ.

Небольшая и довольно уже ветхая Акимова изба находилась почти на самомъ концѣ деревни; Акимъ прошелъ всю улицу, не встрѣтивъ ни души. Весь народъ былъ у обѣдни. Только одна больная старуха подняла окошечко, чтобъ посмотрѣть ему вслѣдъ, да дѣвочка, выбѣжавшая съ пустымъ ведромъ къ колодцу, зазѣвалась на него и тоже проводила его глазами. Первый человѣкъ, ему попавшійся навстрѣчу, былъ именно тотъ дядя, котораго онъ искалъ. Старикъ съ самаго утра просидѣлъ на заваленкѣ подъ окошкомъ, понюхивая табачокъ и грѣясь на солнцѣ; ему не совсѣмъ здоровилось, оттого онъ и въ церковь не ходилъ; онъ только-что собрался-было навѣстить другого, тоже хвораго, старика-сосѣда, какъ вдругъ увидалъ Акима... Онъ остановился, допустилъ его до себя, и заглянувъ ему въ лицо, промолвилъ:

— Здорово, Акимушка!

— Здорово, — отвѣчалъ Акимъ и, минуя старика, вошелъ въ ворота своей избы... На дворѣ стояли его лошади, корова, телѣга; тутъ же ходили его куры... Онъ молча вошелъ въ избу. Старикъ послѣдовалъ за нимъ. Акимъ присѣлъ на лавку и оперся въ нее кулаками.

Старикъ жалостливо посматривалъ на него, стоя у дверей.

— А гдѣ хозяйка?—спросилъ Акимъ.

— А въ барскомъ домѣ, — проворно возразилъ старикъ. — Она тамъ. Здѣсь твою скотинку поставили, да сундуки, какіе были, а она тамъ. Аль сходить за ней?

Акимъ помолчалъ.

— Сходи,—проговорилъ онъ наконецъ.

— Эхъ, дядя, дядя, — проговорилъ онъ со вздохомъ, пока тотъ доставалъ съ гвоздя шапку:—помнишь, ты мнѣ что̀ наканунѣ свадьбы сказалъ?

— На все воля Божія, Акимушка.

— Помнишь, ты мнѣ сказалъ, что, дескать, я вамъ, мужикамъ, не свой братъ, а теперь вотъ какія времена подошли... Самъ голъ, какъ соколъ, сталъ.

— Про дурныхъ людей не напасешься,—отвѣчалъ старикъ:—а его, безсовѣстнаго, кабы кто могъ проучить хорошенько, баринъ, напримѣръ, какой, или другая власть, а то чего ему бояться? Волкъ, такъ волчью хватку и знаетъ.—И старикъ надѣлъ шапку и отправился.

Авдотья только-что возвратилась изъ церкви, когда ей сказали, что мужнинъ дядя ее спрашиваетъ. До того времени она очень рѣдко его видала; онъ къ нимъ на постоялый дворъ не хаживалъ и вообще слылъ за чудака: до страсти любилъ табакъ и все больше помалчивалъ.

Она вышла къ нему.

— Чего тебѣ, Петровичъ, аль что случилось?

— Ничего не случилось, Авдотья Арефьевна; мужъ тебя спрашиваетъ.

— Развѣ онъ вернулся?

— Вернулся.

— Да гдѣ жъ онъ?

— А на деревнѣ, въ избѣ сидитъ.

Авдотья оробѣла.

— Что, Петровичъ, — спросила она, глядя ему прямо въ глаза:—серчаетъ онъ?

— Не видать, чтобы серчалъ.

Авдотья потупилась.

— Ну, пойдемъ,—промолвила она, надѣла большой пла-

токъ, и оба отправились. Молча шли они до самой деревни. Когда же стали они приближаться къ избѣ, Авдотью страхъ разобралъ такой, что колѣнки у ней задрожали.

— Батюшка, Петровичъ,—проговорила она:—войди ты первый... Скажи ему, что я, молъ, пришла.

Петровичъ вошелъ въ избу и нашелъ Акима сидящаго въ глубокомъ раздумьѣ на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ его оставилъ.

— Что,—промолвилъ Акимъ, поднявъ голову:—али не пришла?

— Пришла,—возразилъ старикъ.—У во ротъ стоитъ...

— Ну, пошли ее сюда.

Старикъ вышелъ, махнулъ Авдотьѣ рукой, сказалъ ей: ступай, а самъ опять присѣлъ на заваленкѣ. Авдотья съ трепетомъ отперла дверь, переступила порогъ и остановилась...

Акимъ посмотрѣлъ на нее.

— Ну, Арефьевна, — началъ онъ: — что́ мы теперь съ тобою будемъ дѣлать?

— Виновата,—прошептала она.

— Эхъ, Арефьевна, всѣ мы грѣшные люди. Что тутъ толковать-то!

— Это онъ, злодѣй, погубилъ насъ обоихъ, — заговорила Авдотья звенящимъ голосомъ, и слезы потекли по ея лицу.—Ты, Акимъ Семенычъ, этого такъ не оставляй, получи съ него деньги-то. Ты меня не жалѣй. Я подъ присягой готова показать, что деньги ему взаймы дала. Лизавета Прохоровна вольна была дворъ нашъ продать, онъ-то за что насъ грабитъ... Получи съ него деньги.

— Мнѣ съ него не приходится получать деньги, — угрюмо возразилъ Акимъ.—Мы съ нимъ разсчитались.

Авдотья изумилась.—Какъ такъ?

— Да такъ. Знаешь ли ты, — продолжалъ Акимъ, и глаза его загорѣлись: — знаешь ли ты, гдѣ я провелъ ночь? Не знаешь? У Наума въ подвалѣ, по рукамъ, по ногамъ связанный, какъ баранъ, вотъ, гдѣ я провелъ ночь. Я у него дворъ хотѣлъ поджечь, да онъ меня пой-

малъ, Наумъ-то; ловокъ онъ больно! А сегодня меня собирался въ городъ везти, да ужъ такъ помиловалъ; сталобыть, мнѣ съ него денегъ не приходится получать. Да и какъ я получу съ него деньги... А когда, скажетъ онъ, я у тебя занималъ деньги? Что-жъ мнѣ, сказать: жена ихъ у меня подъ поломъ отрыла, да и снесла тебѣ? Вретъ, онъ скажетъ, твоя жена. Али тебѣ, Арефьевна, огласки мало? Молчи ужъ лучше, говорятъ тебѣ, молчи.

— Виновата, Семенычъ, виновата,—шепнула снова перепуганная Авдотья.

— Не въ томъ дѣло, — возразилъ Акимъ, помолчавъ немного: — а что́ мы будемъ дѣлать съ тобой? Дома у насъ теперь не стало... денегъ тоже...

— Какъ-нибудь перебьемся, Акимъ Семенычъ; — Лизавету Прохоровну попросимъ, она намъ поможетъ, мнѣ Кирилловна обѣщала.

— Нѣтъ, Арефьевна, ужъ ты сама ее проси съ твоей Кирилловной сообща; вы вѣдь одного поля ягодки. Я вотъ что тебѣ скажу: ты здѣсь оставайся, съ Богомъ; я здѣсь не останусь. Благо, у насъ дѣтей нѣтъ, а я одинъ авось не пропаду. Одна голова не бѣдна.

— Что́ же ты, Семенычъ, аль опять въ извозъ пойдешь?

Акимъ горько засмѣялся.

— Хорошъ я извозчикъ, неча сказать! Вотъ, нашла молодца. Нѣтъ, Арефьевна, вѣдь это дѣло не то, что, примѣрно сказать, жениться: на это дѣло старикъ не годится. Я только здѣсь не хочу остаться, вотъ что; не хочу, чтобы на меня пальцами тыкали... понимаешь? Я пойду грѣхи свои отмаливать, Арефьевна, вотъ я куда пойду.

— Какіе же твои грѣхи, Семенычъ,—робко произнесла Авдотья.

— Ужъ про нихъ, жена, я самъ знаю.

— Да на кого же ты меня оставишь, Семенычъ? Какъ я безъ мужа жить-то буду?

— На кого я тебя оставлю? Эхъ, Арефьевна, какъ ты это говоришь, право! Очень тебѣ нуженъ такой мужъ, какъ я, да еще старый, да еще разоренный. Какъ же!

Обходилась прежде, обойдешься и впередъ. А добро, какое еще у насъ осталось, возьми себѣ, ну его!..

— Какъ знаешь, Семенычъ, — печально возразила Авдотья:—ты лучше это знаешь.

— То-то. Только ты не думай, чтобъ я серчалъ на тебя, Арефьевна. Нѣтъ, чего серчать, когда ужъ того... Прежде надо было спохватиться. Самъ я виноватъ — и наказанъ. (Акимъ вздохнулъ.) — Люби кататься, люби и саночки возить. Лѣта мои старыя, пора о душенькѣ своей подумать. Меня самъ Господь вразумилъ. Вишь, я, старый дуракъ, съ молодой женой хотѣлъ въ свое удовольствіе пожить... Нѣтъ, братъ-старикъ, ты сперва помолись-да лбомъ о-земь постучи, да потерпи, да попостись.., А теперь, ступай, мать моя. Усталъ я очень, сосну маленько.

И Акимъ протянулся, кряхтя, на лавкѣ.

Авдотья хотѣла-было что-то сказать, постояла, поглядѣла, отвернулась и ушла...

— Что, не побилъ? — спросилъ ее Петровичъ, сидя, весь сгорбленный, на заваленкѣ, когда она съ нимъ поровнялась. Авдотья молча прошла мимо. — Вишь, не побилъ,— произнесъ про себя старикъ, усмѣхнулся, взъерошилъ бороду и понюхалъ табаку.

Акимъ исполнилъ свое намѣреніе. Онъ устроилъ наскоро свои дѣлишки, и нѣсколько дней спустя послѣ переданнаго нами разговора, зашелъ, одѣтый по-дорожному, проститься съ своей женой, которая поселилась на время во флигелькѣ господскаго дома. Прощаніе ихъ продолжалось недолго... Тутъ же случившаяся Кирилловна присовѣтовала Акиму явиться къ барынѣ; онъ явился къ ней. Лизавета Прохоровна приняла его съ нѣкоторымъ смущеніемъ, но благосклонно допустила его къ рукѣ и спросила, куда онъ намѣренъ идти? Онъ отвѣчалъ, что пойдетъ сперва въ Кіевъ, а оттуда, куда Богъ дастъ Она похвалила его и отпустила. Съ тѣхъ поръ онъ очень рѣдко показывался домой, хотя никогда не забывалъ принести барынѣ просвиру съ вынутымъ заздравнымъ...

Зато вездѣ, куда только стекаются богомольные русскіе люди, можно было увидѣть его исхудавшее и постарѣвшее, но все еще благообразное и стройное лицо: и у раки св. Сергія, и у Бѣлыхъ береговъ, и въ Оптиной пустынѣ, и въ отдаленномъ Валаамѣ; вездѣ бывалъ онъ...

Въ нынѣшнемъ году онъ проходилъ мимо васъ, въ рядахъ несмѣтнаго народа, идущаго крестнымъ ходомъ за иконой Богородицы въ Коренную; на слѣдующій годъ вы заставали его сидящимъ, съ котомкой за плечами, вмѣстѣ съ другими странниками, на паперти Николая Чудотворца во Мценскѣ... въ Москву онъ являлся почти каждую весну...

Изъ края въ край скитался онъ своимъ тихимъ, не торопливымъ, но безостановочнымъ шагомъ — говорятъ, онъ побывалъ въ самомъ Іерусалимѣ... Онъ казался совершенно спокойнымъ и счастливымъ, и много говорили о его набожности и смиренномудріи тѣ люди, которымъ удавалось съ нимъ бесѣдовать.

А Наумово хозяйство шло, между тѣмъ, какъ нельзя лучше. Живо и толково принялся онъ за дѣло и, какъ говорится, круто пошелъ въ гору. Всѣ въ околоткѣ знали, какими средствами досталъ онъ себѣ постоялый дворъ, знали также, что Авдотья отдала ему мужнины деньги; никто не любилъ Наума за его холодный и рѣзкій нравъ... съ укоризной разсказывали про него, будто онъ однажды самому Акиму, попросившему у него подъ окномъ милостыню, отвѣчалъ, что Богъ, молъ, подастъ, и ничего не вынесъ ему; но всѣ соглашались, что счастливѣй его человѣка не было; хлѣбъ у него родился лучше, чѣмъ у сосѣдей, пчелы роились больше; куры даже чаще неслись; скотъ никогда не болѣлъ, лошади не хромали... Авдотья долго не могла слышать его имени (она приняла предложеніе Лизаветы Прохоровны, и снова поступила къ ней на службу въ качествѣ главной швеи); но подъ конецъ ея отвращеніе нѣсколько уменьшилось; говорятъ, нужда заставила ее прибѣгнуть къ нему, и онъ далъ ей рублей сто... Не будемъ слишкомъ строго судить ее: бѣдность хоть кого скрутитъ, а внезапный переворотъ

въ ея жизни очень ее состарилъ и смирилъ: трудно повѣрить, какъ скоро она подурнѣла, какъ опустилась и упала духомъ...

— Чѣмъ же все кончилось?—спроситъ читатель.

А вотъ чѣмъ: Наумъ, удачно хозяйничавши лѣтъ пятнадцать, выгодно сбылъ свой дворъ другому мѣщанину... Онъ бы никогда не разстался съ своимъ дворомъ, если бъ не случилось слѣдующаго, повидимому, незначительнаго обстоятельства: два утра сряду собака его, сидя передъ окнами, протяжно и жалобно выла; онъ во второй разъ вышелъ на улицу, внимательно посмотрѣлъ на воющую собаку, покачалъ головой, отправился въ городъ и въ тотъ же день сошелся въ цѣнѣ съ мѣщаниномъ, который уже давно приторговывался къ его двору... Черезъ недѣлю онъ уѣхалъ куда-то далеко — изъ губерніи вонъ; новый хозяинъ переселился на его мѣсто, и что же? въ тотъ же самый вечеръ дворъ сгорѣлъ до тла, ни одна клѣть не уцѣлѣла, и Наумовъ наслѣдникъ остался нищимъ. Читатель легко себѣ представитъ, какіе поднялись толки въ сосѣдствѣ по случаю этого пожара... Видно онъ свою „задачу“ съ собой унесъ, твердили всѣ... О немъ ходятъ слухи, будто онъ занялся хлѣбной торговлей и разбогатѣлъ сильно. Но надолго ли? Не такіе столбы валились, и злому дѣлу рано или поздно приходитъ злой конецъ. О Лизаветѣ Прохоровнѣ много сказать нечего: она жива до сихъ поръ и, какъ это часто бываетъ съ людьми такого рода, ни въ чемъ не измѣнилась, даже не слишкомъ постарѣла, только какъ будто суше стала; притомъ, скупость въ ней чрезвычайно усилилась, хотя трудно понять, для кого это она все бережетъ, не имѣя дѣтей и не будучи ни къ кому привязана. Въ разговорѣ она часто упоминаетъ объ Акимѣ и увѣряетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ узнала всѣ его качества, она русскаго мужика очень стала уважать. Кирилловна отъ нея откупилась за порядочныя деньги и вышла замужъ, по любви, за какого-то молодого, бѣлокураго офиціанта, отъ котораго терпитъ муку горькую; Авдотья живетъ попрежнему на женской половинѣ у Лизаветы Прохоровны, но

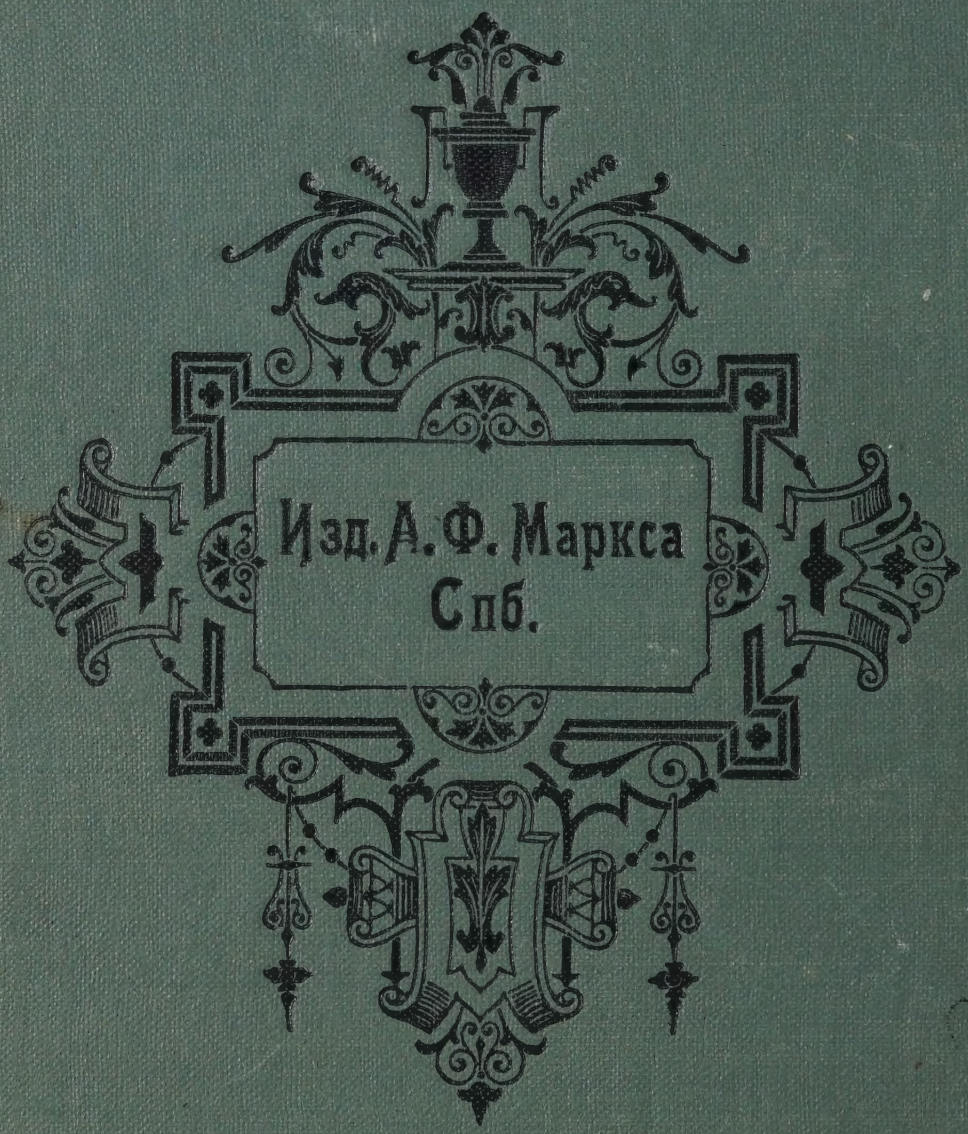
опустилась еще нѣсколькими ступенями ниже, одѣвается очень бѣдно, почти грязно, и отъ столичныхъ замашекъ модной горничной, отъ привычекъ зажиточной дворничихи не осталось ужъ въ ней и слѣда... Ее никто не замѣчаетъ, и она сама рада, что ее не замѣчаютъ; старикъ Петровичъ умеръ, а Акимъ все еще странствуетъ— и Богъ одинъ знаетъ, сколько ему еще придется странствовать!

1852 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА:

	стр.
Андрей Колосовъ. Разсказъ	3
Бреттёръ. Повѣсть	35
Три портрета. Повѣсть	86
Жидъ. Разсказъ	118
Пѣтушковъ. Повѣсть	137
Дневникъ лишняго человѣка. Повѣсть	183
Три встрѣчи. Разсказъ	239
Муму. Разсказъ	271
Постоялый дворъ. Повѣсть	303



ПЕРЕП. КИРХНЕРА. С.П.Б.